

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2020. 58(4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

А. Т. УРУШАДЗЕ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
РОССИЯ)
зам. гл. редактора – канд. ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. СОЧИ, РОССИЯ)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

С. Ф. ФОМИНЫХ (г. ТОМСК, РОССИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

УЧРЕДИТЕЛЬ – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
ИЗДАТЕЛЬ – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.12.2020 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 65.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2020. 58(4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIAN
FEDERATION)
Editor in Chief – Dr. (History)

A. T. URUSHADZE (SAINT PETERSBURG,
RUSSIAN FEDERATION)
Deputy Editor in Chief – PhD (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

E.F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.12.2020

Order № 65.

Tel.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th–17th centuries K.S. Zaikov, N.M. Kuprikov, M.Yu. Kuprikov	2272
Women’s Studies and Gender History of Great Duchy of Lithuania in Soviet and Postsoviet Historiography (Main Tendencies) T.I. Pelipenko	2280
"Wandering Beyond the Stone": the Development of Space in an Archaeological Context (Based on the Materials from the Tara Archaeological Leather as a Historical Source) M.P. Chernaya, D.O. Osipov, S.F. Tataurov, N.S. Ben	2292
Virtual Immersion into Timeframes of Residency of the Representatives of Chicherin Family – Famous Figures of the Russian Diplomatic Service in the Tambov Region V.A. Nemtinov, A.A. Gorelov, Yu.V. Nemtinova, A.B. Borisenko	2305
The North Indigenous Peoples and the Inquisitorial Nature of Yamal and Yugra Prisons in the XVII – at the beginning XX centuries O.N. Naumenko	2315
The Formation of Institutional and Organizational Forms of Economic Interaction between the State and Individuals in Russia (the second half of the XVII – XVIII centuries) A.B. Krasnov	2324
Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the second half of XVII – early XX centuries M.V. Ragulina, A.A. Sirina	2336
Length-Measuring and Drawing Instruments of 18-19 th Centuries at M.V. Lomonosov’s Museum of Mae Ras (Kunstkamera) Ye.M. Lupanova, L.S. Nazarov	2346
Unwritten Law: Social Privileges of the Highest Command Staff of the Stavropol Corps of Christened Kalmyks in State Policy (from the 40s through the 60s of the 18 th century) A.S. Ryazhev	2356
The Features of the Acquisition of the Nobility by the Sloboda Ukrainian Cossack Foreman at the late of the XVIII century S.I. Degtyarev, M.A. Mikhaylichenko, L.G. Polyakova	2365
Formation of the Academic Language of Russian Ethical Thought in Russian Universities in the late XVIII – early XIX centuries E.E. Ovchinnikova, T.Yu. Bartashevich, T.V. Chumakova	2377
Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) G.B. Izbassarova	2385
Russian Pottery of Western Siberia – from the Present to the Past: Methodological Aspects L.V. Tataurova, K.O. Sopova	2396
The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 A.M. Mamadaliev, D.V. Karpukhin, N.V. Svechnikova, A. Médico	2409
Personal Factor in Russian Academic Diplomacy of the 1810s – early 1820s: Experience of the Imperial Lyceum’s First Pedagogues R.O. Raynkhardt	2427

The Unknown Pages of the Caucasian War: Children in Circassian Captivity in 1812–1815 (based on the materials from “The Circassian Slave Narratives”) A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.G. Zimovets, M.A. Ponomareva	2437
Scientific and Pedagogical Activity of N.I. Lobachevsky and S.V. Smolensky in the Context of Socio-Cultural Processes (Kazan Province, XIX century) L.T. Faizrakhmanova	2443
The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, A.A. Korolev, E.V. Krasnenkova	2456
Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	2464
Formation of the Russian Oil Industry in the 19th century: Historical Experience and Modern Assessments A.A. Kartskhiya, S.A. Tyrtychnyy, M.G. Smirnov, M.G. Dolgikh	2471
Pension Reform of Nikolai I D.I. Raskin	2485
"Journal of the Ministry of Public Education" as a Source on the History of Higher Education in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries: Issues of Scientific Certification of Personnel A.E. Lebid, A.V. Honcharenko, N.A. Shevchenko	2495
Features of Training Professional Personnel for the Mining Industry in Russia in the first half of the 19th century I.V. Voloshinova, V.G. Afanas'ev, A.B. Tesla	2505
Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization S. Rudnik, A. Mokeev, R.-E. Kudryavtseva	2514
To the Issue of the Emergence of Migrant Villages on the Kalmyk Lands of the Astrakhan Province According to Toponymic Legends S.S. Belousov	2522
Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, Yu.N. Makarov	2531
The Caucasian Army in the Late 1850s: Management Features in the Context of the Unification of Administrative Institutions A.H. Abazov	2546
A.P. Nikolsky – One of the Developers of the Stolypin Agricultural Course S.A. Safronov, L.Yu. Anisimova, M.D. Severyanov	2554
The Court of Grand Duke Sergey Alexandrovich: a Review of Primary Sources D.M. Sofjin, M.V. Sofjina	2563
Students' Everyday Life in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in the Context of the Relations with the Professors E.V. Vititneva, M.D. Severyanov, N.V. Pahomova, A.S. Zhulaeva	2572
Training Teaching Staff for National Schools in Russian Empire in the second half of the XIX century O.V. Klevtsova, N.A. Zhirov	2580
Diary of the Head of the Anadyr District N.L. Gondatti O.P. Kolomiets	2588

Objects of Historical And Architectural Heritage of Volgograd: Urban Environment of Tsaritsyn at the turn of the XIX-XX centuries I.N. Litvinova, E.O. Danilova, O.A. Karagodina	2598
Administration of the Don Host and the Local Jewish Diaspora in 1860–1890 A.Yu. Peretyatko	2609
National Question of Ruthenian-Ukrainian Peasants of Galicia in the second half of the XIX – early XX century A.G. Topilsky, R.M. Zhitin	2622
The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries I.A. Tropov, S.I. Podolskiy, S.V. Lyubichankovskiy	2631
Russian Narodnichestvo and American Populism in the late XIXth century: Experience in Comparative Analysis of Ideas A.Yu. Viazinkin	2640
The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System I.V. Zozulya, A.A. Kondrashova, M.S. Trofimov	2651
Abkhaz History of the XIX – early XX century in Bibliographic Indexes: Experience of Historiographic Reconstruction M.E. Kolesnikova, O.I. Shafranova	2661
Evolution of the Structure of the Financial and Tax Authorities of the Turkestan General Governorship (second half of the 19th – early 20th centuries) Yu.A. Lysenko	2671
The Solution of the "Polish Question" within the Framework of the Internal Policy of Alexander III P.S. Seleznev, R.V. Pyrma, V.V. Titov	2679
The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases L.N. Shchankina, I.A. Fedorova, I.V. Tyurin	2688
Some Aspects of Demographic Reproduction in Carpathian Ruthenia in the Long Nineteenth century B. Šprocha, P. Tišliar, V. Bačík	2698
Russian-Turkish War of 1877–1878: Combat Operations of the Sochi Detachment in the Sukhum Military Department K.V. Taran, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov, V.G. Ivantsov	2708
The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind N.A. Vlasov	2720
Electrotechnical Education in Russia at the Turn of the XXth Century: Imagination about Technological Future and Creation of Engineers as New Cultural Heroes N.V. Nikiforova, I.V. Sidorchuk	2729
Eschatological Representations of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution P.L. Karabushenko, E.E. Krasnozhenova, S.V. Kulik	2742
Rules on Parish Schools (June 13, 1884): Prerequisites and Preparation of the Bill Z.S. Zyukina, D.S. Sknarev, Yu.A. Voropaeva, N.V. Poplavskaya	2756

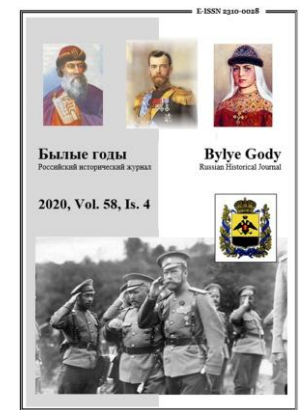
Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences N.A. Alimbay, B.K. Smagulov	2765
Efforts of State Bodies to Develop Siberia during the Modernization of the Russian Empire (1892–1914) S.T. Gaidin, G.A. Burmakina, R.V. Pavlyukevich, T.G. Sheremetova	2777
The History of Resettlement to Siberia in the late XIXth and early XXth centuries Captured in the Family-Patrimonial Memory L.Yu. Logunova, E.A. Mazhenina, V.A. Rychkov	2790
Ethnopolitical Discrimination in the late Imperial and Early Soviet Periods B.N. Mironov	2798
"Outstanding Zemstvo Statist": about the Life and Work of Sergei N. Veletskii from Siberia and Ufa Province in the late XIX – early XX centuries T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, N.R. Novosel'tsev, A.S. Kovalev	2809
The Population of the Don and the Northern Caucasus at the end of the Imperial Period (1900-1910s): Wars and Other Factors of Geodemographic Dynamics S.J. Suschiy	2817
The US Congress and Russian-American Relations on the Eve and During the First World War Yu.I. Nadochey, D.N. Khristenko	2826
Political Moods of Forced Migrants in Russia during the First World War A.S. Kuzmenko	2835

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2272-2279. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th–17th centuries

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}, Nikita M. Kuprikov ^b, Mikhail Yu. Kuprikov ^b

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an overview of the historiographic discussion and the subsequent reconstruction of the Russian and Norwegian political borders formation in the Far North in the 13th–17th centuries. Analyzing the system of contractual relations between early state formations in the Far North of Europe, the authors have come to the conclusion that from the 13th to the 16th centuries the “common tax districts” were legally a condominium – joint ownership of Novgorod/Moscow State, Sweden and Norway. But in political terms they were a territory without clear borders of separate, spatial dimensions of power, including the borders of power competence, that is, a frontier. The gradual consolidation and centralization of state power in Norway–Denmark, Sweden and the Moscow state predetermined the subsequent reduction in the size of “common districts” and the number of state actors claiming them during the 16th–17th centuries. Thus, by the 18th century, in the Far North, a geographically narrowed buffer zone was formed. It was a territory where different ethnocultural and political state formations collided and interpenetrated. Russia was a huge dynastic empire with an absolute monarchy and an active expansive foreign policy. Norway was a territory dependent on the metropolis (Denmark) without its own independent administration and political institutions.

Keywords: northern frontier, Russian-Norwegian relations, border, borderland, common districts, pogost.

1. Введение

Облик современных территорий России и Норвегии на Крайнем Севере стал складываться в XIII в. Его формирование связано с постепенным проникновением государственной власти Королевств Норвегии, Швеции и Великого Новгорода на Крайний Север ([Федоров, 2009: 57-58](#); [Johnsen, 1923: 7-23](#); [Нильсен, Зайков, 2012: 5](#)). Эти районы включали географическое пространство, на котором расположены объединенная губерния Тромс и Финнмарк (Норвегия), губерния Норрботен (Швеция), губерния Лапланд (Финляндия) и Мурманская область (Россия). Общее пространство данных территорий составляет более 390 761 квадратного километра.

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), nkuprikov@mai.ru (N.M. Kuprikov), kuprikov@mai.ru (M.Yu. Kuprikov)

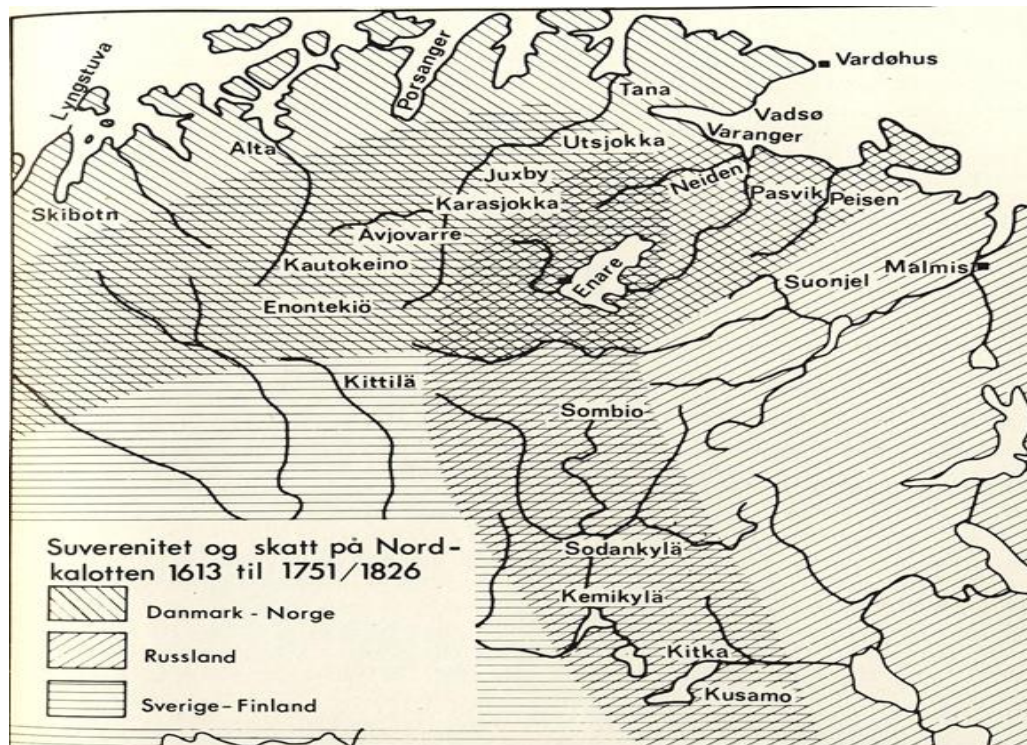

Рис. 1. Штриховкой на карте показаны зоны суверенитета и фискальной юрисдикции Дании–Норвегии, России и Швеции–Финляндии (Нильсен, Зайков, 2012: 5).

Присутствие власти на данной территории первоначально заключалось в распространении данничества и торговой юрисдикции Норвегии, Швеции и Новгорода над саамским населением и районами их проживания в Фенноскандинавии и на Кольском полуострове (Hansen, 1996: 31-95). Огромное пространство податной территории, периферийное расположение региона по отношению к центрам государственной власти препятствовали организации интенсивной колонизации региона, а низкая плотность населения и кочевой образ жизни коренных жителей (саамов) усложняли организацию контроля над населением и проведение четких границ между соседствующими государствами. Все вышеперечисленные факторы и проблемы долгое время способствовали сохранению экстенсивной, раннефеодальной формы территориальности на Крайнем Севере (Hansen, 1996: 31-95; Федоров, 2009: 59-60; Pipes, 1974: 28-32). Государство распространяло на коренное население только торгово-фискальную юрисдикцию и не вмешивалось в процесс колонизации региона или формирования четких государственных границ. Политический контроль ограничивался тем, что саамы формально признавали права данщиков одной или нескольких держав на сбор налогов и торговлю в обмен на создание и защиту торговых путей (Hansen, Schmidt, 1985).

В целях достижения консенсуса в вопросе о сборе дани конкурирующие государства заключали соглашения об условном разграничении фискальных зон. Одним из ранних свидетельств этого был договор между Норвежским Королевством и Великим Новгородом, засвидетельствованный в так называемой Рунной (разграничительной) грамоте, которая датируется советским исследователем И.П. Шаскольским 1251 годом и норвежским историком П. Мунком 1326 годом (Шаскольский, 1945: 38-61; Johnsen, 1923: 24-26). Согласно этому договору, все территориальное пространство, находящееся между Люнгстунэном на западе современной Норвегии и р. Вялы (Виелайоки) на южном берегу Кольского п-ова в Кандалакшском заливе Белого моря, было общим податным (налоговым) округом договаривающихся сторон, а его границы обозначали внешние пределы перекрестного владения (Линд). Идентичный Ореховский договор между Новгородом и Швецией, подписанный в 1323 г., закрепил такой же общий округ между Швецией и Новгородом (Liikanen, 2011: 191-192).

Данная система договоров касалась только разграничения зон фискальной юрисдикции раннегосударственных образований, однако в отечественной историографии продолжается дискуссия о влиянии данной системы договоров на формирование физико-политических границ на Крайнем Севере. Цель статьи – проанализировать позиции исследователей в вопросе формирования северо-западного рубежа России в Арктике и на основе имеющихся открытых источников представить реконструкцию процесса формирования пространственных границ России и Норвегии на Крайнем Севере.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе историографического анализа и изучения источников, представленных в работах российских и скандинавских ученых. Среди используемых

опубликованных материалов необходимо выделить протоколы пограничной экзаменационной комиссии майора П. Шнитлера 1745–1750 гг., содержащие обширный материал, описывающий приграничные отношения на севере в хронологических рамках XIII–XVII вв. Из архивных источников отдельного внимания заслуживает впервые введенный в научный оборот комплекс документов отчетов комиссии профессора Эриксона 1772 г. из Государственного архива г. Осло. В отчетах содержится материал датского королевского архива, описывающий историю разграничения на севере в хронологических рамках XVI–XVIII вв.

Помимо основных аналитических методов (анализ, синтез, сравнение), автор использует набор специфических методов, обусловленных многомерностью изучаемого феномена. Так, ретродуктивный метод, построенный на критике и сопоставлении теорий и моделей, был основой для анализа историографии. Абдуктивный метод, включающий в себя пошаговое, логическое сопоставление исследовательских концепций/гипотез с включенными в анализ документами и последующую модификацию первых в зависимости от документов стал основой для отбора и анализа источников, касающихся реконструкции пространственных измерений пограничья.

3. Обсуждение

Норвежский историк О.А. Йонсен, обозначив договор 1326 г. отправной датой для складывания межтерриториальных отношений на Севере, подчеркивал, что вместо политических границ этот договор определил лишь рубежи зон общей фискальной юрисдикции своеобразного общего перекрестного владения Норвегии, Швеции и России. В дальнейшем постепенное проникновение государственной власти путем христианизации населения и колонизации территорий способствовало формированию политических рубежей и сокращению перекрестных зон с XVI по XVIII вв. (Johnsen, 1923).

Каков же был правовой и политический статус перекрестного владения? Исследователи В.В. Похлебкин, Е.В. Сыченкова определяли статус перекрестных зон как кондоминиум, то есть совместное владение Норвегии и России (Похлебкин, 1995: 291; Сыченкова, 1999: 52). П.В. Федоров настаивает, что в политическом и правовом смысле это образование правильнее называть фронтиром, потому что описанная в исторических документах характеристика перекрестного владения противоречит характеристикам определения кондоминиума. Тем не менее сам исследователь это определение использует в его современной интерпретации, данной в работе политолога, правоведа С.Н. Бабурина. Согласно выдвинутой правоведом формулировке, помимо совместного владения, кондоминиум должен обязательно включать и совместное управление территориями (Бабурин, 2010: 294). Вследствие чего П.В. Федоров полагает, что существовавшая тогда постоянная конкуренция между странами за сбор дани свидетельствует об отсутствии совместного управления территориями Новгородом и Норвегией, а значит, перекрестные зоны были фронтирной территорией (Федоров 2009: 61).

4. Результаты

Следует отметить, что в северных странах раннефеодальной эпохи владение территорией подразумевало в первую очередь право сбора дани, которое периодически сочеталось с княжеским судом. В более позднее время, по-видимому, эта норма еще сохранялась у военно-торговых сообществ, к которым относились Великий Новгород и Королевства Норвегии и Швеции (Pipes, 1974: 30-31; Hansen, Schmidt, 1985). Прямым доказательством этой практики были названные выше договора, закреплявшие право перекрестного данничества (1251, 1332 и 1326 гг.). Вооруженные конфликты между сторонами, сопровождавшиеся временным вытеснением друг друга с отдельных участков общего округа в XIV–XV вв., скорее были обыденным проявлением конкуренции сторон и постепенно переросли в односторонние попытки политической власти всех трех стран избавиться от более архаичной формы владения. Политические лидеры с большей долей вероятности признавали факт совместного владения территорией, но со временем стали считать его все более обременительным (Hansen, 2011: 363). Поэтому мы считаем, что вывод о фронтирном правовом статусе территорий, основанный на факте отсутствия совместного администрирования территорией, не вполне справедлив, так как базируется на экстраполировании более поздней интерпретации понятия на формы владения, характерные для средневековой эпохи.

Мы полагаем, что с XIII до XVI вв. «общие налоговые округа» с правовой точки зрения представляли собой кондоминиум, т.е. совместное владение Новгорода/Московского государства, Швеции и Норвегии, но в политическом плане они были территорией без четких границ отдельных пространственных измерений власти, в том числе границ властной компетенции¹. Это позволяет нам определить политический статус «общих округов» как фронтирный. Аномальное сочетание двух форм территориальности – фискально-торгового кондоминиума/фронтира – объясняется тем, что на более примитивные юридические нормы, не предусматривающие прав (колонизации, введения суда, использования недр, функций полицейского надзора), постепенно налагались новые практики,

¹ Авторы имеют в виду отсутствие правил, регулирующих торговлю и колонизацию общей территории, распространение религиозных культов на территории и т.д.

которые формировали политическое, экономическое и этнокультурное пространства государств и представляли собой фронтирную зону. В течение Позднего Средневековья политическая власть и ее функции постоянно модифицировались, поэтому Норвегия, Швеция и Россия пытались поскорее заполнить пустоты в пространственных измерениях общего владения. Статус общего владения территорий их уже не устраивал, что сопровождалось острой борьбой на протяжении нескольких столетий за разграничение. Наблюдаемые в XIV–XVI вв. постепенные консолидация и централизация государственной власти в Норвегии–Дании, Швеции и Московском государстве предопределили последующее расширение политико-административных границ государств, заполнявших пространственные вакуумы (Hansen, 2011: 365-367; Федоров, 2009: 61-74; Ушаков, 1972: 28-57, 85-89; Johnsen, 1923: 34-78). Рост административного и хозяйственного давления с трех направлений повлек сужение и фрагментацию зон общих владений на отдельные районы: норвежско-шведские, норвежско-русские и шведско-русские.

В конце XIII – начале XIV вв. норвежские и шведские власти приступили к христианизации саамского населения. Происходило формирование гибких границ, то есть культурно-символического пространства государств. Это сопровождалось строительством военно-административных форпостов, что делало образные, «гибкие границы» еще более ощутимыми. Так, в 1302 г. на острове близ побережья Северного Варангера Норвегией была построена церковь, потом около 1330-го года – крепость Вардё. Она стала главным барьером Норвегии для русских фискальных органов, а также средством консолидации власти и контроля над податным населением Финнмарка (Bratrein, 2008: 27-33; Johnsen, 1923: 22-23). Идентичные процессы заполнения пространственных вакуумов власти, формирование гибких границ России начались на Крайнем Севере чуть позже – с XVI в. Связано это было с христианизацией кольских саамов, которая сопровождалась активной монастырской колонизацией Кольского полуострова. Печенгский монастырь, построенный в устье р. Печенги в 1556 г., стал культурным и административным форпостом России на западном Мурмане. Чуть позднее для усиления военно-административного контроля в 1583 г. на базе поморского поселения в Кольской губе был основан острог, который должен был способствовать консолидации северной окраины в руках московского царя (Ушаков, 1972: 48-56, 70-77).

Появление гибких границ и военных форпостов сопровождалось активными военными конфликтами, направленными на монополизирование территориальной юрисдикции над некогда общим владением либо на остановку территориальной экспансии страны конкурента. Размер общих владений и количество претендующих на них государственных акторов интенсивно сокращались на протяжении XVI–XVII вв.

В 1589–1591 гг. совместным рейдом шведско-финского отряда, организованного по инициативе короля Юхана III, было разорено большинство поселений на Кольском полуострове, в том числе уничтожены важнейшие административные и экономические центры, такие как Печенгский монастырь и Кандалакша. Это существенно ослабило экономическое и политическое влияние Русского государства в Варангер фиорде, а также предотвратило, гипотетически, дальнейшее расширение России в северо-западном направлении (Johnsen, 1923: 54-55; Гебель, 1905: 78-80). Итогом продолжительной и кровопролитной русско-шведской войны (1590–1595) был Тязвинский мирный договор (1595 г.), который окончательно разделил общий шведско-русский округ. На севере политическая граница стала проходить от озера Энаре и далее вдоль западной границы саами Нявдемского погоста до побережья Варангерского залива, предположительно до м. Верес-Наволоок (Похлебкин, 1995: 672; Treaty of Peace...).

Победа Швеции была временным явлением, после неудачной Кальмарской войны 1611–1613 гг. она уже не могла реально претендовать на Норвежский Финнмарк, однако граница между Швецией и Данией–Норвегией в этом регионе была проведена лишь в 1751 году (Johnsen, 1923: 129-133).

К началу XVII в. российско-норвежский политический фронтир имел физико-географические границы от северо-восточного побережья провинции Тромс до района о. Энаре на юге и до района устья р. Поной на восточном побережье Кольского полуострова в горле Белого моря. Однако де-факто размеры его уже были не те, что указывались в договоре 1326 г., и с XIV в. площадь перекрестного владения также активно сокращалась.

Во второй половине XV в. Дания–Норвегия и Московское государство активно боролись за монопольное право сбора налогов с коренного населения Восточного Финнмарка и Западного Мурмана, совершая набеги на территории соседа. В 1569 г. в Дании–Норвегии вышел указ короля Фредерика II, запрещающий пропускать российских данщиков на территории Финнмарка, лежащие за крепостью Вардехус. Он же накладывал запрет на выплату дани саамами российской стороне. Эта практика прекратилась с подписанием Тязвинского договора, когда русские данщики перестали приезжать на земли западнее Нявдемского погоста (Johnsen, 1923: 87; Hansen, 2011: 359). Идентичные меры, направленные против норвежских данщиков, были приняты кольским воеводой в 1602 г. Однако на постоянной основе запрет стал действовать только с 1613 г., после чего норвежские данщики перестали получать дань с территорий Восточного Мурмана (Федоров, 2009: 76).

Усиление норвежского административного контроля над приграничным пространством, прилегающим к крепости Вардехус, привело к тому, что с начала XVII в. российские власти

отказались от претензий на сбор дани с территорий, лежащих западнее крепости. Де-юре они признали отсутствие русских территориальных претензий на земли, расположенные западнее р. Нявдемы. Тем более, что Тявзинский договор со Швецией снимал все русские территориальные претензии на земли западней Нявдемского погоста. В то же время Дания–Норвегия, которая не была связана Тявзинским договором, не отказывалась от дани с территорий, лежащих западнее Колы. С 1614 г. по указу короля Кристиана IV норвежский налоговый инспектор (фогд), проживающий в Вадсе, был обязан совершать ежегодные поездки в Кольский острог с протестом против русского запрета сбора дани с территорий саамов, лежащих восточнее Печенгского погоста (Johnsen, 1923: 194-195, 205-211). Хотя русские власти всегда отклоняли требования фогда, факт сохранения норвежских претензий на дань с территории восточнее Печенги и Колы позволял Норвегии формально сохранять территориальные претензии на часть Кольского полуострова. В XVII – нач. XIX вв. протестные поездки были основным инструментом юридического давления на Россию с целью двухстороннего разграничения северного фронта – общих владений.

В итоге российско-норвежский политический фронт де-факто и де-юре значительно сузился. К началу XVII в. он охватывал район всего лишь трех сийтов (погостов) саамов Южного Варангера. Исследователь В.В. Похлебкин утверждал, что статус этой территории был документально закреплён в Московском договоре 1684 г. «О прекращении возбуждения лапландского вопроса». По условиям договора Россия отказывалась признавать норвежские права на Кольский полуостров, но обе державы признали обоюдное право на сбор дани с трех «двоеданных округов». Этими округами стали три сийта православных саами (скольтов) – Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский. Они должны были выплачивать налоги обеим державам, но одновременно находиться под церковной и светской юрисдикцией Русского государства (Похлебкин, 1995: 291, 306). Отметим, что договор 1684 г. не упоминается ни в одном из документов дипломатической переписки Дании – России XVIII в. и ни одним из известных исследователей истории российско-норвежского пограничья¹. Сам же В.В. Похлебкин в своем сборнике документов не дает ссылки на источник воспроизводимого им договора (Похлебкин, 1995: 291, 306). Поэтому существование отдельного договора о трех общих округах мы ставим под сомнение. Тем не менее факт существования совместного владения на территории трех саамских сийтов очевиден. Под разными названиями он упоминается и в датско-норвежских, и в русских источниках XVII–XVIII вв. Согласно датским документам XVII–XVIII вв., эти три сийта были известны как «общие округа», а по российским документам XVII–XVIII вв. они именовались «двоеданными погостами» (Johnsen, 1923; Nissen, Kvamen, 1962; Hansen, Schmidt, 1985; ННА: 1772 – RA/EA-4036/F/Loo002; АВПРИ: Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701). Эти три общих округа были последним остатком некогда огромного кондоминиума/фронта, который сжался до размеров трех саамских погостов, расположенных на территории современного Южного Варангера.

Сжатие политического фронта России и Норвегии практически стало возможным по причине появления на территории «общего округа» новых пространственных измерений государства: экономического и этнокультурного. Особенно важным было последнее измерение, так как распространение протестантской/православной вариаций христианства, активное церковное строительство и постепенная колонизация отдельных участков, общего кондоминиума были факторами сокращения фронта и формирования устойчивых гибких границ. За колонистами и церковью шла военная/гражданская администрации центральной власти, гибкие границы становились более жесткими (Nielsen, Zaikov, 2012: 68-70). Некогда культурное инородное пространство саамов стало идентифицироваться норвежцами и русскими как часть своего этнокультурного пространства. Населенные пункты, объекты культа, собственная топонимика формировали единый этнокультурный ландшафт, который дополнялся постепенным вытеснением конкурирующей стороны и символической объективацией пограничного пространства.

5. Заключение

Таким образом, к XVIII в. между Россией и Норвегией сформировалась географически суженная буферная зона, территория, где сталкивались и взаимопроникали разные в этнокультурном и политическом смыслах государственные образования.

В 1660 г. с приходом абсолютизма в Данию сформировался унитарный принцип управления подчиненных территорий, поэтому статус Норвегии как особой политической общности существенно понизился. Период с 1660 по 1814 гг. именуется в норвежской историографии эпохой государств-близнецов. Это определение достаточно недвусмысленно указывает на отсутствие политической автономии Норвегии в период датского абсолютизма (Nakken, 2000). В начале XVIII в. Норвегия – это зависимая от метрополии (Дании) территория без собственных, независимых органов администрации и политических институтов. Россия начала XVIII в., наоборот, – огромная династическая империя с абсолютной монархией и активной экспансивной внешней политикой.

В политическом и экономическом плане Россия и Норвегия имели как схожие, так и существенно отличные черты. В XVIII в. обе страны вошли в период абсолютной монархии, эпоху,

¹ Исключая исследователей, которые ссылаются на сборник документов В.В. Похлебкина.

олицетворяющую большую централизацию власти, переход на рациональные методы контроля и управления территориями, т.е. активное использование статистики, картографии, научного знания для консолидации информации о ресурсах, населении и территории государства. Эта общая тенденция экспансии власти вглубь, внутрь государства, нежели вовне, как это было в средневековый период, на наш взгляд, была основной предпосылкой для развития идеи о разграничении северного фронта.

Не менее важную роль в постановке вопроса о делимитации фронта, как мы предполагаем, играла и асимметрия в развитии стран. В первую очередь это контраст в потенциале соседствующих стран: малой зависимой территории и огромной перманентно расширяющейся империи. Очевидно, что в экономическом и военном потенциале Дания–Норвегия существенно проигрывала России.

Асимметрия стран дополнялась существенным отличием в направлениях социокультурного развития соседей. Норвегия представляла западноевропейскую политическую и религиозную культуру, а Россия – евразийскую.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бабурин, 2010 – *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. Москва, 2010. 294 с.

Гебель, 1905 – *Гебель Г.Ф.* Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1905. № 4 (276). С. 78-80.

Зайков, Нильсен, 2012 – *Зайков К.С., Нильсен Й.П.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5. С. 5.

Линд – *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг.». Скандинавский информационный центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (дата обращения: 19.05.2020).

ННА – Норвежский национальный архив.

Похлебкин, 1995 – *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Книга 1. Москва, 1995. 291 с.

Сыченкова, 1999 – *Сыченкова Е.В.* Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. Мурманск, 1999. 52 с.

Ушаков, 1972 – *Ушаков И.Ф.* Кольская Земля. Мурманск, 1972. С. 48-56, 70-77.

Федоров, 2009 – *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009. С. 57-58.

Шаскольский, 1945 – *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // *Исторические записки*. Т. 14. 1945. С. 38-61.

Bratrein, 2008 – *Bratrein H.D.* Finnmark før Vardøhus, Forpost mot Øst. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. Pp. 27-33.

Hansen, Schmidt, 1985 – *Hansen L.I., Schmidt T.* Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo 1985, vol. III: IX.

Hansen, 1996 – *Hansen L.I.* Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages. Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*. 1996. No. 66. Pp. 31-95.

Hansen, 2011 – *Hansen L.I.* The Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times, Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the Archaeology of Multi-Room Houses. Ed. by B. Olsen, P. Urbanczyk, and C. Amundsen. Oslo, 2011. P. 363.

Johnsen, 1923 – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania, 1923. Pp. 7-23.

Liikanen, 2011 – *Liikanen I.* The origin of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing, Disputed Territories and Shared Pasts. Ed. by F. Tibor and F. Hadler. London, 2011. Pp. 191-192.

Nakken, 2000 – *Nakken A.* Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814. Oslo, 2000.

Nielsen, Zaikov, 2012 – *Nielsen J.P., Zaikov K.* Norway's Hard and Soft Borders towards Russia, Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands, Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012. Pp. 68-70.

Nissen, Kvamen, 1962 – *Nissen K., Kvamen I.* Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I. Oslo, 1962.

Pipes, 1974 – *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New-York, 1974. Pp. 28-32.

Treaty of Peace... – Treaty of Peace between Sweden and Russia. History of Finland. [Electronic resource]. URL: www.histdoc.net/history/teusina.html (date of access: 30.10.2012).

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Baburin, 2010** – *Baburin, S.N.* (2010). *Mir imperii: territoriya gosudarstva i mirovoi poryadok* [World of Empire: State Territory and World Order]. Moscow. 294 p. [in Russian]
- Bratrein, 2008** – *Bratrein, H.D.* (2008). *Finnmark før Vardøhus, Forpost mot Øst*. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund. Pp. 27-33.
- Fedorov, 2009** – *Fedorov, P.V.* (2009). *Severnyi vektor v rossiiskoi istorii. Tsentr i Kol'skoe zapolyar'e v XVI – XX vv.* [Northern Vector in Russian History. Center and the Kola Arctic in the 16th – 20th Centuries]. Murmansk. Pp. 57-58. [in Russian]
- Gebel', 1905** – *Gebel', G.F.* (1905). *Nasha severo-zapadnaya okraina – Laplandiya* [Our Northwestern Outskirts is Lapland]. *Russkoe sudokhodstvo*. 4(276): 78-80. [in Russian]
- Hansen, 1996** – *Hansen, L.I.* (1996). *Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages*. Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*. 66: 31-95.
- Hansen, 2011** – *Hansen, L.I.* (2011). *The Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times, Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the Archaeology of Multi-Room Houses*. Ed. by B. Olsen, P. Urbanczyk, and C. Amundsen. Oslo. P. 363.
- Hansen, Schmidt, 1985** – *Hansen, L.I., Schmidt, T.* (1985). *Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Oslo. Vol. III: IX.
- Johnsen, 1923** – *Johnsen, O.A.* (1923). *Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania*. Pp. 7-23.
- Liikanen, 2011** – *Liikanen, I.* (2011). *The origin of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing, Disputed Territories and Shared Pasts*. Ed. by F. Tibor and F. Hadler. London. Pp. 191-192.
- Lind** – *Lind, Dzh.Kh.* «Razgranichitel'naya gramota» i novgorodsko-norvezhskie dogovory 1251 i 1326 gg.». *Skandinavskii informatsionnyi tsentr* ["Letter of Delimitation" and the Novgorod-Norwegian Treaties of 1251 and 1326". *Scandinavian Information Center*]. [Electronic resource]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (19.05.2020).
- Nakken, 2000** – *Nakken, A.* (2000). *Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814*. Oslo.
- Nielsen, Zaikov, 2012** – *Nielsen, J.P., Zaikov, K.* (2012). *Norway's Hard and Soft Borders towards Russia, Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster. Pp. 68-70.
- Nissen, Kvamen, 1962** – *Nissen, K., Kvamen, I.* (1962). *Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. I. Oslo.
- NNA** – *Norvezhskii natsional'nyi arkhiv* [Norwegian national archive].
- Pipes, 1974** – *Pipes, R.* (1974). *Russia under the Old Regime*. New-York. Pp. 28-32.
- Pokhlebkina, 1995** – *Pokhlebkina, V.V.* (1995). *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh. Kniga 1* [Foreign Policy of Rus, Russia and the USSR for 1000 Years in Names, Dates, Facts. Book 1]. Moscow. 291 p. [in Russian]
- Shaskol'skii, 1945** – *Shaskol'skii, I.P.* (1945). *Dogovory Novgoroda s Norvegiei* [Treaties of Novgorod and Norway]. *Istoricheskie zapiski*. 14: 38-61. [in Russian]
- Sychenkova, 1999** – *Sychenkova, E.V.* (1999). *Evropeiskii Sever Rossii: realii i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [European North of Russia: Realities and Prospects of International Cooperation]. Murmansk. 52 p. [in Russian]
- Treaty of Peace...** – *Treaty of Peace between Sweden and Russia. History of Finland*. [Electronic resource]. URL: www.histdoc.net/history/teusina.html (30.10.2012).
- Ushakov, 1972** – *Ushakov, I.F.* (1972). *Kol'skaya Zemlya* [Kola Land]. Murmansk. Pp. 48-56, 70-77. [in Russian]
- Zaikov, Nil'sen, 2012** – *Zaikov, K.S., Nil'sen, I.P.* (2012). *Norvezhsko-rossiiskoe arkticheskoe pogranich'e: ot obshchikh okrugov k Pomorskoj zone* [Norwegian-Russian Arctic Frontier: from the Common Districts to the Pomor Region]. *Arktika i Sever*. 5: 5. [in Russian]

Северный фронт России и Норвегии XIII–XVII вв.

Константин Сергеевич Зайков ^{a,*}, Никита Михайлович Куприков ^b, Михаил Юрьевич Куприков ^b

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обзору историографической дискуссии и последующей реконструкции процесса формирования политических границ России и Норвегии на Крайнем Севере в хронологических рамках XIII–XVII вв. Анализируя систему договорных отношений между раннегосударственными образованиями на Крайнем Севере Европы, авторы приходят к выводу, что с XIII до XVI вв. «общие налоговые округа» с правовой точки зрения представляли собой кондоминиум, т.е. совместное владение Новгорода/Московского государства, Швеции и Норвегии, но в политическом плане они были территорией без четких границ отдельных пространственных измерений власти, в том числе границ властной компетенции, то есть фронтиром. Постепенная консолидация и централизация государственной власти в Норвегии–Дании, Швеции и Московском государстве предопределили последующее сокращение размера «общих округов» и количество претендующих на них государственных акторов на протяжении XVI–XVII вв. Таким образом, к XVIII в. на Крайнем Севере сформировалась географически суженная буферная зона, территория, где сталкивались и взаимопроникали разные в этнокультурном и политическом смысле государственные образования. Россия – огромная династическая империя с абсолютной монархией и активной экспансивной внешней политикой. Норвегия – зависимая от метрополии (Дании) территория без собственных, независимых органов администрации и политических институтов.

Ключевые слова: северный фронт, российско-норвежские отношения, граница, пограничье, общие округа, погосты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), nkuprikov@mai.ru (Н.М. Куприков), kuprikov@mai.ru (М.Ю. Куприков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2280-2291. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2280
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Women's Studies and Gender History of Great Duchy of Lithuania in Soviet and Postsoviet Historiography (Main Tendencies)

Tatiana I. Pelipenko ^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to main tendencies of women's studies and gender history of GDL in soviet and postsoviet historiography. The author shows the specific features of these national schools. In Russian historiography, for example, Great Duchy of Lithuania very often is only an object for comparativistic researches of Russian native history. Ukrainian and Byelorussian gender studies are related to scientific problems of national identity and cultural collective memory. The point of view to the historical development of GDL as a part of common European processes is typical for Polish or Lithuanian researchs. As we can see, these attitudes have great influence to gender studies' development. The author tries to find out how all these tendencies are able to specify subjects of gender researchs. The analysis of the most significant gender researches is also included.

Keywords: gender history, Great Duchy of Lithuania, Byelorussian historiography, Lithuanian historiography, Polish historiography, Ukrainian historiography, women's studies.

1. Введение

Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) как объект исторического исследования, казалось бы, должно быть довольно привлекательно для ученых. Уникальное государственное образование, вместившее в себя противоположные явления социальной, политической и культурной жизни, содержит богатый исторический материал, представляющий интерес как сам по себе, так и в контексте компаративистских исследований.

В историографии можно выделить две основных тенденции изучения ВКЛ: отношение к Польско-Литовскому государству как к альтернативному варианту развития русских земель и вытекающее из этого его сравнительное изучение в контексте изучения Московской Руси, и – в качестве самостоятельного, интегрированного в западноевропейскую историю государственного образования. Первый подход характерен для советской и постсоветской отечественной историографии, второй – для современной европейской, а также белорусской и украинской исторических школ.

Оба подхода не лишены своих преимуществ и недостатков. В частности, рассмотрение истории Великого княжества Литовского в контексте общерусской истории позволяет лучше понять возможные пути развития Московского государства, наличие определенных альтернатив на различных исторических перекрестках и причины выбора того или иного пути. Более того, тот факт, что большая часть ВКЛ состояла из русских земель с русским же населением, делает историю этого региона неотделимой от отечественной истории в целом. Однако зачастую это приводит к отношению к Великому княжеству Литовскому как к «второстепенному», «вспомогательному» объекту по сравнению с Московской Русью, что, на наш взгляд, существенно обедняет исследовательское видение.

* Corresponding author

E-mail addresses: pelipenkojob@gmail.com (T.I. Pelipenko)

Отношение же к ВКЛ как к полностью европейскому образованию с отрицанием его древнерусских основ, проявившихся в законах, языке, религии и т.д. также недопустимо. Невозможно адекватно оценить всю сложность протекавших в польско-литовском обществе противоречивых процессов, не принимая во внимание условия складывания Литовского государства и особенностей его земель, входивших некогда в состав Киевской Руси.

В данной статье мы хотели бы разобраться, как два этих подхода влияют на изучение вопросов частного характера в гендерной истории региона.

2. Материалы и методы

Прежде всего, необходимо отметить, что в случае Великого княжества Литовского исследователи обладают уникальным по своей полноте материалом: акты городских и земских судов, бесчисленная метрика, обширнейшие архивы шляхетских родов – все это позволяет досконально реконструировать исторический контекст на различных этапах развития государства и общества.

Напомним, что реконструкция исторического контекста необходима для полноценного изучения женской и гендерной истории: в случае с Великим княжеством Литовским источники как раз позволяют это сделать.

Отечественный опыт т.н. «женских исследований» Великого княжества Литовского относится еще к XIX в., когда публикация Археографической комиссией актов литовской метрики открыла новую веху в изучении этого региона. Здесь имеем в виду как опыты биографических исследований, такие как работы В.Б. Антоновича ([Антонович, 1883](#)) и О.И. Левицкого ([Левицкий, 1883](#); [Левицкий, 1888](#)), так и обобщающие работы по истории семейного и имущественного права, в частности, к примеру, монографии В.Д. Спасовича ([Спасович, 1857](#)), М.Ф. Владимирского-Буданова ([Владимирский-Буданов, 1889](#)) и опять же – О.И. Левицкого ([Левицкий, 1885](#); [Левицкий, 1900a](#); [Левицкий, 1900b](#); [Левицкий, 1909a](#); [Левицкий, 1909b](#)).

Следует отметить, что «женская тема» никогда не была преобладающей в области научных интересов дореволюционных историков. Это вполне объяснимо, ведь перед исследователями в то время стояли более обширные задачи: вписать историю Литовско-Русского государства в общий контекст истории России ([Любавский, 2004: 121](#); [Соловьев, 1988: 15](#)) и охарактеризовать процессы эволюции его политической структуры.

3. Обсуждение и результаты

Советская историография, несмотря на довольно жесткую критику предшествующих работ ([Пашуто, 1959](#)), в какой-то степени повторила главное: сосредоточенность на общих, «глобальных» вопросах развития региона, правда, теперь уже в русле марксистско-ленинской концепции. Монография В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства» не только негласно объявила эту тему закрытой, но и предопределила тематику изучения региона на многие годы вперед ([Дворниченко, 1993](#); [Мегем, 2018](#)).

«Женская история», преимущественно история имущественного и семейного права, развивалась в 1960–1970-х гг. в русле региональной истории. Разумеется, большинство исследований проводилось литовскими учеными, среди базовых работ которых необходимо отметить труды В.И. Андриюлиса, И. Лукшайте, С.И. Лазутки и И.М. Валиконите. Работы этого времени посвящены в основном изучению правовой стороны вопроса. Так, в статье И.К. Лукшайте рассматриваются истоки двойного выкупа в традиционном литовском и русском праве ([Лукшайте, 1968: 114-120](#)).

В диссертации В.И. Андриюлиса «Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588 года» ([Андриюлис, 1975](#)) в центре внимания – эволюция правового положения женщин как привилегированного, так и крестьянского сословий в Третьем Статуте по сравнению с предыдущими редакциями. В.И. Андриюлис обращает внимание на различный для мужчин и женщин смысл статей, касавшихся брачных отношений, что приближает его исследование к методам гендерной истории. В частности, автор показывает, что разный для мужчин и женщин минимальный возраст вступления в брак устанавливался, исходя из различных обязанностей уже в браке: для мужчины брак был важным этапом социального становления, признаком совершеннолетия, для женщины – возможность вступления в брак была напрямую связана с ее физиологической готовностью стать матерью ([Андриюлис, 1975: 7](#)). Помимо сказанного, диссертация В.И. Андриюлиса содержит ряд важных обобщений, реконструирующих порядок заключения и расторжения брака, особенности внутрисемейных отношений и т.д.

Изучению имущественных отношений посвящены работы С.И. Лазутки и И.М. Валиконите. Если в дореволюционной историографии говорилось о постепенной эволюции семейной собственности от полного слияния до полного ее разделения ([Спасович, 1857: 9](#)), то И.М. Валиконите удалось показать одновременное существование разных форм собственности, имевших место в шляхетской семье: общее имущество, имущество мужа и имущество жены ([Лазутка, Валиконите, 1976: 80](#)). Впервые было обращено внимание на разницу имущественных привилегий и обязанностей в зависимости от разного семейного статуса женщины: дочери, сестры, матери и т.д. Это был важный шаг в реконструкции базовых социальных статусов, характерных для женщины ВКЛ, на основе

которых выстраивались как правовая система, так и механизмы социального взаимодействия между представителями разных полов.

Также было изучено понятие вена: определена роль, которую играло вено в имущественных отношениях супругов, принципы по которым формировался его размер, значение при разводе и т.п. (Валиконите, 1978: 24)

И.М. Валиконите пересмотрела и основополагающий тезис дореволюционных историков о небывалой свободе литовских шляхтянок, указав на дискриминационные нормы Статута, запрещавшие женщинам выступать в суде и быть свидетелями при составлении завещаний (Валиконите, 1978: 24). Этот тезис, однако, не получил должного развития, и многие литовские исследователи, напротив, отмечали «передовой дух Статута» в отношении к женщинам в сравнении с предыдущими законодательными памятниками.

В 1990-е И.М. Валиконите продолжала изучение статуса женщины в средневековых источниках, прежде всего – в Литовском Статуте. В частности, более подробно были разработаны вопросы, связанные с наследованием и материнством (Valikonite, 1993: 82-90; Valikonite, 1997: 97-107; Valikonite, 1998: 124-148).

Значительным результатом разработки «женской темы» литовскими историками стала вышедшая в 1996 г. энциклопедия знаменитых литовских женщин (переиздана в 2008 с существенными дополнениями) (Butkuvienė, 2008): при составлении биографий использовались обширные источники, включая личные архивы знатных литовских родов, письма и дневники.

Серьезным шагом в сторону непосредственно гендерных исследований стали работы Й. Сарцявичене, посвященные стереотипному восприятию женщин в литовской историографии (Sarcevičienė, 2000b), материнству и способам самопрезентации женщин в литовском обществе в XVI–XVII вв. (Sarcevičienė, 2001: 397-412). В своей монографии «Идеальный женский образ в литературе Великого княжества Литовского во второй половине XVI – начале XVII в.» («Idealusis moters modelis XVI a. II P. – XVII a. I P. Proginėje literaturoje Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje») (Sarcevičienė, 2000a) исследовательница реконструирует общественные представления об идеальной женщине и идеальных семейных отношениях. На основе данных о 155 женщинах привилегированного сословия удалось воссоздать базовые ценности шляхетской морали раннего Нового времени.

Предметом исследований литовских ученых зачастую становились и отдельные категории женщин: например, шляхтянки и землянки, несшие воинскую повинность наряду с шляхтичами – мужчинами (Cirunaite, 2000), или горожанки как отдельная социальная категория (Karpavičienė, 2005).

С начала 2000-х гг. гендерные исследования в Литве вписываются в рамки национального дискурса: выходят работы, посвященные складыванию литовской ментальности (Tereskinas, 2001; Berenis et al, 2002), отдельно анализируются особенности женского письма как ценнейшего нарратива по истории формирования шляхетского самосознания (Ragauskienė R., Ragauskas, 2001; Ragauskienė, 2003: 24-38; Ragauskienė, 2005: 1-19), анализируется сложившаяся историографическая традиция (Ragauskienė, 2008: 146-165). Большинство работ, охватывая примерно один и тот же хронологический период (примерно конец XV–XVII вв.), что объясняется наличием и сохранностью источников, рассматривает историю Великого княжества Литовского как части Польского государства, т.е. вписанной в контекст европейской истории. При этом в фокусе внимания оказывается самая «европеизированная» часть литовского общества – дворянство. Зачастую вне поля зрения исследователей остаются традиционные (иногда и вовсе архаичные) элементы права и культуры, сохранившиеся еще со времен Киевской Руси. Имевшие же место отличия, самобытность сознания и культуры констатируются как данность, без анализа истоков.

По схожему пути продвигались польские историки: от разработки биографических исследований в рамках women's studies (Kuchowicz, 1976; Bogucka, 1989; Bogucka, 2004a; Pirozynski, 2004) к переосмыслению гендерных ролей и вопросов сексуальности. Восстановление биографии королевы Боны В. Поцехой стало заметной вехой на этом пути (Pocięcha, 1949). Историк реконструировал механизмы поведения и жизненные стратегии женщины, волею судьбы оказавшейся в сфере, априори считающейся «мужской». Управление государством, придворные интриги, дипломатические хитрости и вполне реальные войны – все это составляло реальность этой удивительной женщины, которая явно не была безвольным наблюдателем исторических событий и уж тем более не считала себя жертвой обстоятельств. Пожалуй, мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что именно с этого исследования В. Поцехи, в полной мере представившим все аспекты деятельности королевы, в Польше было положено начало активному развитию women's studies. Правда, в отличие от русских или литовских коллег, польские исследователи редко обращались к вопросам, связанным с институционализацией отношений (здесь стоит упомянуть, впрочем, статью Ю. Бардаха о светском браке в ВКЛ (Bardach, 1963: 85-148), но активно разрабатывали темы демографии или т.н. бытовой истории, что в конечном счете привело к возникновению довольно мощной исследовательской школы гендерной истории.

Сексуальность в историческом и культурном ее аспектах была предметом многочисленных исследований З. Куховича (Kuchowicz, 1972a; Kuchowicz, 1972c). Его монография «Любовь старопольская» («Miłość staropolska») посвящена комплексному изучению эротики XVI–XVII вв. как социально-культурного феномена, характерного для сарматизма (Kuchowicz, 1982). Лояльное отношение к сексуальности, признание легитимной сексуальность как мужчины, так и женщины являлись одной из особенностей шляхетского сознания, связанной с общими представлениями об уникальности, избранности сословия. З. Кухович рассматривает эти элемента сарматизма с точки зрения становления и национального сознания поляков. Обращаясь к изучению бытовой истории, в частности вопросам демографии, питания и детства (Kuchowicz, 1966; Kuchowicz, 1972a; Kuchowicz, Libiszowska, 1982: 70-83; Kuchowicz, 1985;), автор постепенно восстанавливает портрет жителя «польского барокко», как называет период сарматизма сам исследователь (Kuchowicz, 1992). Затрагивал ученый и проблемы, связанные со стратегиями женского поведения (Kuchowicz, 1989).

Отдельное место в гендерных исследованиях занимают работы М. Богуски, посвященные положению женщин в обществе Речи Посполитой (Bogucka, 2003; Bogucka, 2005). Ее монография «Женщины в обществе Польши в раннее Новое время» (Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background) впервые представила женщину в качестве субъекта всех социальных процессов (Bogucka, 2004b). В поле зрения М. Богуски – женский труд, вовлеченность обычных женщин в процесс Реформации и ее влияние на женское самосознание. При этом автор постоянно обращается к опыту других стран Центральной Европы, чтобы в этом сравнении подчеркнуть уникальные, характерные только для Речи Посполитой социальные явления. Интересен получившийся у исследовательницы обобщенный портрет женщины раннего Нового времени: деятельная, активно участвующая во всех веяниях эпохи и тонко реагирующая на них. Если дореволюционные исследователи считали таковыми только шляхтянок, представительниц самых верхов польского общества, то М. Богуска наделяет схожими качествами и простолюдинок – жительниц небольших городов и даже сельской местности.

Как видим, польские ученые рассматривают Речь Посполитую единым государством, не всегда учитывая региональные особенности, наиболее ярко проявившиеся именно на территории Великого княжества Литовского. Вопрос о том, насколько ярко были выражены эти особенности после Люблинской унии, безусловно, требует отдельного изучения в рамках гендерных исследований.

Для историков Украины и Беларуси ключевым в исследовательской повестке оказалось формирование национальной исторической памяти. Это дало толчок, в том числе и развитию гендерного направления исторической науки. Однако говорить об институализации последнего, как это произошло в Литве или России¹, пока не приходится. Действующие в Харькове и Минске Центры гендерных исследований носили скорее междисциплинарный характер, и разработка конкретных исторических проблем не являлась их приоритетной задачей.

Изучение вопросов гендерной истории прежде всего связано с работами Н.П. Старченко в Украине и Г.В. Дзербиной, Н.В. Слиж – в Беларуси.

Продолжив череду исследований социально-правового положения женщин в обществе ВКЛ (Старченко, 2002), Н.П. Старченко сосредоточилась на изучении источников финансирования женщины в Великом княжестве Литовском. Наличие различных источников материального благополучия, по мнению исследовательницы, выравнивало гендерную асимметрию, так или иначе характерную для всех обществ раннего Нового времени (Старченко, 2002: 21). Разнообразная терминология Статута, встречающаяся именно в статьях, посвященных имущественным отношениям, при этом отражала многообразие социальных практик, доступных женщинам как в семье, так и в публичной сфере.

Впоследствии Н.П. Старченко расширила сферу своих научных интересов до изучения разнообразных явлений, характерных для сарматской культуры в целом, сохранив, впрочем, акцент на гендерных особенностях изучаемых феноменов (Старченко, 1998: 68-81; Старченко, 2001: 42-63; Старченко, 2012: 25-39; Старченко, 2014). Сарматизм – особое мировоззрение, в основе которого лежит убеждение об исключительности, уникальности шляхтичей по сравнению с другими сословиями – имел яркие гендерные черты и в то же время являлся одним из основных элементов гендерной самоидентификации шляхтичей. Н.П. Старченко поставила вопросы об особом понимании таких явлений сарматской культуры, как шляхетская честь (различная для мужчины-шляхтича и женщины-шляхтянки) или публичность, особенно характерная для общества Великого княжества Литовского: даже самые личные, интимные вопросы зачастую выносились шляхтичами на всеобщее обозрение и обсуждение.

Работы белорусской исследовательницы Н.В. Слиж посвящены изучению брачных стратегий шляхты, гендерным особенностям межличностного общения и самоидентификации в раннее Новое время. Начав традиционно с изучения шляхетской семьи как общественного института (Слиж, 2002),

¹ В Вильнюсском университете, к примеру, с начала 2000-х гг. активно функционирует Центр гендерной истории; в Москве под руководством Н.Л. Пушкаревой на базе Института этнологии и антропологии РАН был создан Центр этногендерных исследований.

автор постепенно восстановила все многообразие гендерных взаимоотношений, имевших место в шляхетском обществе. Итогом многолетней научной деятельности стала вышедшая в 2015 г. монография «Брачные и внебрачные отношения шляхты Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.» (Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст), где институт брака анализируется с точки зрения законодательства, религии и традиций (Сліж, 2015). Исследовательница обращает внимание на существовавшие в шляхетском обществе двойные стандарты «дозволенного» и «запрещенного» для мужчин и женщин, если речь шла о межличностных отношениях, и ищет обоснование этому в традициях, религии, культуре в целом. При этом мужчина-шляхтич, по Н.В. Слиж, вовсе не выступает исключительно носителем привилегий. В ряде статей она последовательно показывает, что мужские социальные роли, гораздо более многочисленные, чем женские, накладывали и большую ответственность, т.к. для реализации успешного жизненного сценария мужчинам-шляхтичам требовалось соответствовать гораздо большим требованиям, чем их спутницам (Сліж, 2004: 135-142; Сліж, 2005: 165-184). Акцент на взаимозависимости общественного и личного для лиц обоих полов, который сделала Н.В. Слиж в своих работах, позволил иначе трактовать патриархат – не как мужское всевластие, а как жестко выстроенную гендерно дифференцированную систему, где требования к поведению, роду занятий и т.д. предъявлялись лицам обоих полов.

Исследовав в полной мере традиционные гендерные отношения в шляхетском обществе (Сліж, 2001a: 170-177; Сліж, 2001b: 138-167; Сліж, 2003: 49-63; Сліж, 2007: 135-142), Н.В. Слиж обратила внимание на возможные отклонения от нормы – тему, до сих пор остававшуюся не изученной. Большой интерес представляют ее работы в области истории девиантной сексуальности (Сліж, 2017a: 247-266; Сліж, 2017b: 113-126; Сліж, 2019: 97-128), терминологии и историографии (Сліж, 2004: 180-182).

Историей семьи как юридического института занималась и Г.В. Дзербина (Дзёрбіна, 1997). Исследовательница сфокусировалась на постепенном преобразовании брака из древней формы светского сожителства в брак церковный, где венчание постепенно стало не просто актом, призванным подчеркнуть отличие шляхты от простолюдинов (среди которых по-прежнему был распространен невенчаный брак), но важнейшим условием для признания брака законным. Ключевое внимание обращено на юридические аспекты брачных отношений: Г.В. Дзербина систематизировала и обобщила обширные наработки предшественников в этой области.

Общим местом работ как украинских, так и белорусских исследователей является их сосредоточенность на отдельных регионах Великого княжества Литовского (преимущественно – Вольни). Жесткое сужение географических рамок оправдано как большим количеством источников, требующих детального изучения, так и особенностями регионального развития Польско-Литовского государства, где различные поветы и области имели существенные различия в культуре, образе жизни и даже религии.

А что же отечественные исследования? С сожалением приходится констатировать, что интерес к истории Великого княжества Литовского по-прежнему носит точечный характер. Наиболее последователен в этом интересе А.Ю. Дворниченко, ряд статей и монографий которого посвящен формированию сословной государственности, особенностям развития региона (Дворниченко, Кудрявцева, 2019: 935-955). И если социальная и политическая история ВКЛ еще хоть как-то привлекает внимание историков (Филошкин, 2006: 8-15), то гендерная проблематика остается вне их поля зрения. Зачастую Великое княжество Литовское не выбирается самостоятельным объектом исследования, но служит «вспомогательным» объектом сравнения при изучении отдельных вопросов отечественных women's studies. Так поступали, в частности, Н.Л. Пушкарева (Пушкарева, 1985), М.К. Цатурова (Цатурова, 1992; Цатурова, 2011) и др. Этот прием исторического анализа, безусловно, оправдан и придает исследованию больше изящества и глубины, но в названных работах главным объектом исследования все же были женщины Московской Руси, а не их литовские современницы, а значит эти работы с трудом можно отнести к историографической традиции ВКЛ.

Работы К.Ю. Ерусалимского (Ерусалимский, 2007: 261-275), Т.И. Пелипенко (Пелипенко, 2012: 152-158; Пелипенко, 2015: 4-10; Пелипенко, 2019: 61-66) в некотором смысле закрывают имеющийся пробел, но этого явно недостаточно, чтобы говорить о сложившейся традиции гендерных исследований Великого княжества Литовского в России.

4. Заключение

Перспективы подобных исследований, безусловно, есть. Так, к примеру, полноценное компаративистское исследование гендерных ролей обществ Московской Руси и Великого княжества Литовского, где оба государства являлись бы равноценными объектами изучения, смогло бы существенно расширить имеющиеся представления о процессе формирования гендерной идентичности в раннее Новое время. В рамках изучения национальной памяти безусловный интерес вызывают вопросы, связанные с самоопределением и самосознанием, в том числе гендерным, у представителей различных групп населения. Все эти и многие другие темы еще ждут своего исследователя.

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

Литература

- Андрюлис, 1975** – Андрюлис В.И. Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588 г. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук (12.00.01). Вильнюс: Вильнюсский гос. ун-т им. В. Капсукаса, 1975. 34 с.
- Антонович, 1883** – Антонович В.Б. Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. Вып. 1. Киев: Типогр. Имп. ун.-та им. Св. Владимира. 1883. 138 с.
- Валиконите, 1978** – Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщины в ВКЛ (с конца XV в. до первой половины XVI) и его отражение в I Литовском Статуте. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02), Вильнюс, 1978.
- Владимирский-Буданов, 1889** – Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории литовско-русского права. Вып. 2: Черты семейного права. Киев: Тип. В.И. Завадского. 1889.
- Дворниченко, 1993** – Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993 (2-е издание. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013). С. 26-29.
- Dvornichenko, Kudryavtseva, 2019** – Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R.-E.A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // *Bylye Gody*. 2019. Т. 53. вып. 3. pp. 935-955.
- Дзэрбіна, 1997** – Дзэрбіна Г.В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу. Мінск: Тэхналогія, 1997. 175 с. (второе издание: 2007 г.)
- Ерусалимский, 2003** – Ерусалимский К.Ю. История одного развода // *Соціум. Альманах соціальної історії*. Вып. 3. Київ: Інститут історії України НАН України 2003. С. 149-176.
- Ерусалимский, 2007** – Ерусалимский К.Ю. Гендерная асимметрия в средневековой Вольни: (по поводу исследований Н. Старченко) // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Российская академия наук, Институт всеобщей истории, 2007. № 13. С. 261-275.
- Лазутка, Валиконите, 1976** – Лазутка С.И., Валиконите И.М. Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому Статуту // *Научные труды вузов Литовской ССР. История. XVI (2)*. Вильнюс, 1976.
- Левицкий, 1883** – Левицкий О.И. Анна-Алоиза, княжна Острожская. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1883. 45 с.
- Левицкий, 1885** – Левицкий О.И. Про шлюб на Руси–Украине в XVI–XVII столетью // *Зоря*. 1885. № 13. С. 1-18.
- Левицкий, 1888** – Левицкий О.И. Ганна Монтовт. Историко-бытовой очерк из жизни волынского дворянства в XVI веке. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888. 69 с.
- Левицкий, 1900a** – Левицкий О.И. Обычные формы заключения браков в Южной Руси в XVI–XVII вв. // *Киевская Старина*. 1900. № 1. С. 1-15.
- Левицкий, 1900b** – Левицкий О.И. Южнорусская женщина в XVI–XVII вв. // *Иллюстрированный сборник Киевского литературно-художественного общества*. К.: б/и, 1900. С. 108-122.
- Левицкий, 1909a** – Левицкий О.И. Из истории брачного права и семейного быта в Юго-Западной Руси в XVI и XVII вв. // *ЧИОНЛ*. Кн. 18. Вып. III–IV. 1909. С. 68-71.
- Левицкий, 1909b** – Левицкий О.И. Черты семейного быта в Юго-Западной Руси в XVII–XVIII в. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, Акц. общ. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1909. 120 с.
- Лукшайте, 1968** – Лукшайте И. Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву // *Советская этнография*. 1968. № 2. С. 114-120.
- Любавский, 2004** – Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука. 2004. 312 с.
- Мегем, 2018** – Мегем М.Е. Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии. Дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2018 / Науч. рук.: д-р ист. наук, проф. Г.В. Кретинин. 245 с.
- Пашуто, 1959** – Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: АН СССР, 1959. 531 с.
- Пелипенко, 2012** – Пелипенко Т.И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. Вып. 4. 2012. С. 152-158.
- Пелипенко, 2015** – Пелипенко Т.И. Опекунство и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. Вып. 3. 2015. С. 4-10.

Пелипенко, 2019 – Пелипенко Т.И. Колдовство в светской судебной практике Великого княжества Литовского в середине XVI века // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 2 (40). С. 61-66.

Пушкарева, 1985 – Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси (X–XV вв.) М.: Мысль, 1985. 286 с.

Сліж, 2001a – Сліж Н.У. Жанчына у шляхецкая сям'я XVI–XVII стагоддзях // *Женщины в истории: возможность быть увиденными*: Сб. науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ им. М. Танка, 2001. С. 270-277.

Сліж, 2001b – Сліж Н.У. Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага у XVI–XVIII стст. // *Terra Alba*. Т.2. Homo venetus: сексуальная прастора беларускай культуры / под ред. С.І. Даніленкі; Мн.: Экаперспектыва, 2001. С. 138-167.

Сліж, 2002 – Сліж Н.У. Шляхецкая сям'я у Вялікім княстве Літоўскім у XVI – XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага подзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2002. 75 с.

Сліж, 2003 – Сліж Н.У. Тэрміналогія па гісторыі сям'і Вялікага княства Літоўскага у XVI – XVIII стст // *Гістарычны альманах*. Мн., 2003. т.9. С. 49-63.

Сліж, 2004 – Сліж Н.У. Асноўныя накірункі ў даследаванні гісторыі сям'і // *XXI век: актуальныя праблемы історычнай навуцы*: Матэрыялы міждунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Мінск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004. С. 180-182.

Сліж, 2005 – Сліж Н.У. Гендэрна-ролевыя функцыі шляхціца у сям'і і грамадстве Вялікага княства Літоўскага. // *СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі*. Київ: Інститут історыі Украіны НАН Украіны, 2005, Выпуск 5. С. 165-184.

Сліж, 2007 – Сліж Н.У. Гендэрная ідэнтыфікацыя шляхціча або што такое быць сапраўдным мужчынай у ВКЛ у XVI – XVII ст. // *Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. Канф. Гродна, 23–25 крас. 2004.* / пад. Рэд. Н.У.Сліж. Мн: Лімарыус, 2007. С. 135-142.

Сліж, 2015 – Сліж Н.У. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 672 с.

Сліж, 2017a – Сліж Н.У. Забароненыя і ненатуральныя сексуальныя стасункі ў ВКЛ у XVI–XVII стст. // *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура*: зб. нав. арт. У 2 ч. Ч. 2. Мінск, 2017. С. 247-266.

Сліж, 2017b – Сліж Н.У. Прастытуцыя ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVII стст. // *Соціум. Альманах сацыяльнай історыі*. Київ, 2017. Вип. 13–14. С. 113-126.

Соловьев, 1988 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. Кн. II: Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. С. 439.

Спасович, 1857 – Спасович В.Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнепольскому праву. Рассуждение, представленное на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского ун-та. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1857. 82 с.

Старченко, 1998 – Старченко Н.П. Публічнасць як домінанта культурнай традыцыі: Волинь 2 п.16 ст. // *Mediaevalia Ucrainica*, т. 5. Київ: Akademia, 1998. С. 68-81.

Старченко, 2001 – Старченко Н.П. Шлюбна стратэгія вдов і келька праблем навкол неі (шляхецька Волинь кінца XVI ст.). «Каждая вдова ест себе панєю, и ничиих владзі не подлегла», або Правава дзездатнасць вдови // *Київська старовина*. К., 2001. № 1. С. 42-63.

Старченко, 2002 – Старченко Н.П. Становішце жінкі-шляхтянкі на Волині другої паловіны XVI – пачатку XVII ст.: майновы та правовы аспекты: дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2002. 225 с.

Старченко, 2012 – Старченко Н.П. Честь як регулятар шляхецькаго повсякдзення (Волинь останняй трэціны XVI – пачатку XVII ст.) // *Український історичний журнал*. Київ, 2012. №6. С. 25-39.

Старченко, 2014 – Старченко Н.П. Честь, кров і риторыка. Конфлікт у шляхецькаму сярэдовіці Воліні (друга паловіна XVI – XVII століття). Київ: Laugus, 2014. 508 с.

Филюшкин, 2006 – Филюшкин А.И. Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг: проблемы, тенденции и перспективы // *Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння у 1991 – 2003 гг*. Мінск: Медисонт, 2006. С. 8-15.

Цатурова, 1992 – Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992.

Цатурова, 2011 – Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI–XVIII вв.). М.: Логос, 2011.

Bardach, 1963 - Bardach J. Swiecki charakter zwyczajowego prawa malzenskiego ludnosci ruskiej Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XV – XVII wiek). // *Czasopismo prawno-historyczne*. Krakow: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1963. T.XV, z.1, Pp. 85-148.

Berenis et al. 2002 – Berenis V., Beresnevicius G., Samalavicius V., Savukynas V. Lituviu mentalitetai: tautine istorija ir kulturos problemos. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2002. 273 p.

Bogucka, 1989 – Bogucka M. Bona Sforza d'Aragona. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. 311 p.

Bogucka, 2003 – Bogucka M. Białogłowa w dawnej Polsce. Kobieta w społeczeństwie polskim XVI-XVIII wieku na tle porównawczym. Wrocław: Trio, 2003. 224 p.

- Bogucka, 2004a** – *Bogucka M.* Anna Jagiellonka. Wrocław: Ossolineum, 2004. 208 p.
- Bogucka, 2004b** – *Bogucka M.* Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background. Burlington, 2004. 226 p.
- Bogucka, 2005** – *Bogucka M.* Gorsza pleć. Kobieta w dziejach Europy od antyku po wiek XXI. Wrocław: Trio, 2005. 378 p.
- Butkuvienė, 2008** – *Butkuvienė A.* Amžinos moterys: izymios XIV – XIX a. Lietuvos moterys. Kaunas: Baltos lankos. 2008. 358 p.
- Cirunaite, 2000** – *Cirunaite J.* Moteru ivardijimas Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės kariuomenės dokumentuose. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. 276 p.
- Karpaviciene, 2005** – *Karpaviciene J.* Moters statusas Lietuvos miestuose iki XVI a. vidurio: Vilniaus ir Kauno pavyzdys. Vilnius: Versus Aureus, 2005. 280 p.
- Kuchowicz, 1966** – *Kuchowicz Z.* Wpływ odżywiania na stan zdrowotny społeczeństwa polskiego w XVIII wieku. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1966. 289 p.
- Kuchowicz, 1972a** – *Kuchowicz Z.* Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI-XVIII wieku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1972. 460 p.
- Kuchowicz, 1972b** – *Kuchowicz Z.* Z badań nad stanem biologicznym społeczeństwa polskiego od schyłku XVI do końca XVIII w., Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 1972. 142 p.
- Kuchowicz, 1972c** – *Kuchowicz Z.* Żywoty niepospolitych kobiet polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Towarzystwa Krzewienia Kultury Świeckiej. 1972. 157 p.
- Kuchowicz, 1976** – *Kuchowicz Z.* Barbara Radziwiłłówna. Łódź: Wydaw. Łódzkie 1976. 318 p.
- Kuchowicz, 1982** – *Kuchowicz Z.* Miłość staropolska. Łódź: Wydaw. Łódzkie, 1982. 595 p.
- Kuchowicz, 1985** – *Kuchowicz Z.* O biologiczny wymiar historii: książka propozycji. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. 251 p.
- Kuchowicz, Libiszowska, 1982** – *Kuchowicz Z., Libiszowska Z.* The child in the Polish family in the XVIII century // *The Polish Review*. Vol. 27, No. 3/4 (1982), pp. 70-83.
- Kuchowicz, 1992** – *Kuchowicz Z.* Człowiek polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1992. 418 p.
- Pirozynski, 2004** – *Pirozynski J.* Księżna Brunszwicka Zofia Jagiellonka (1522–1575) i jej biblioteka. Stadium z dziejów kultury. Kraków: PAU, 2004. 339 p.
- Pociecha, 1949** – *Pociecha W.* Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzie odrodzenia. Poznań: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1949. 322 p.
- Ragauskienė, 2003** – *Ragauskienė R.* The Households of XVI century Lithuanian great noblewomen. // *Lithuanian Historical studies*. 2003, t.8. Pp. 24-38.
- Ragauskienė, 2005** – *Ragauskienė R.* XVI a. LDK didikui patronatas. // *Lithuanistica*, 2005. Nr. 1, p. 1-19.
- Ragauskienė, 2008** – *Ragauskienė R.* Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės moterys: istoriografinis ir praktinis požiūris // *Moterys, darbas, seima. Luciu vaidmenys uzimtumo sferoje: sociokultūrinis aspektas*. Vilnius, 2008. Pp. 146-165.
- Ragauskienė, Ragauskas, 2001** – *Ragauskienė R., Ragauskas A.* Barbaros Radvilaitės laisvai Žygimantui Augustui ir kitiems: studija apie XVI a. Lietuvos Didziosios kunigaikštystės moterų korespondenciją. Vilnius: Vaga. 2001. 256 p.
- Sarcevičienė, 2000a** – *Sarcevičienė J.* Ideališios moters modelis XVI a. II P. – XVII a. I P. Progineje literatūroje Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje. Vilnius: Versus aureus, 2000. 276 p.
- Sarcevičienė, 2000b** – *Sarcevičienė J.* Vieno stereotipo istorija – LDK moterų įvaizdis istoriografijoje // *Feminizmas, visuomenė, kultūra*. 2000. №1. Pp. 30-39.
- Sarcevičienė, 2001** – *Sarcevičienė J.* Moterys // *Lietuvos Didziosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai*. Vilnius, 2001. Pp. 397-412.
- Sliš, 2019** – *Sliš N.* Transcultural Context of the Male Body in the Grand Duchy of Lithuania in the sixteenth – seventeenth centuries // *Crossroads*. 2019. Volume 5: Past / Present / Future man in multicultural, intercultural and transcultural world. Pp. 97-128.
- Tereskinas, 2001** – *Tereskinas A.* Kuno žymės: seksualumas, identitetas, erdvė Lietuvos kultūroje. Vilnius: Baltos lankos, 2001. 174 p.
- Valikonyte, 1993** – *Valikonyte I.* Nėsles vainikine Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a.: norma ir realybė // *1566 metų Antrasis Lietuvos Statutas. Respublikinės mokslinės konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425-osioms metinėms pažymėti, medžiaga*. Vilnius, 1993. Pp. 82-90.
- Valikonyte, 1997** – *Valikonyte I.* The Venets of noblewomen in the Grand Duchy of Lithuania. // *Lithuanian Historical studies*. 1997, Vol. 2, pp. 97-107.
- Valikonyte, 1998** – *Valikonyte I.* Lietuvos metrikos 4-oji Teismu byla knyga – saltnis moters statusui tirti // *Lietuvos Metrikos Studijos*. 1998. Pp. 124-148.

References

- Andryulis, 1975** – *Andryulis, V.I.* (1975). Pravovoe regulirovanie semeinykh otnoshenii po Litovskomu Statutu 1588g. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk (12.00.01). [Legal regulation of family relations according to Statute 1588]. Vilnius: Vil'nyusskii gos. Univ.-t im.V.Kapsukasa. 34 p. [in Russian]

- Antonovich, 1883** – *Antonovich, V.B.* (1883). Istoricheskie deyateli Yugo-zapadnoi Rossii v biografyakh i portretakh. [Biographies and portraits of historical figures of South-Western Rus] Vyp:1. Kiev: Tipogr. Imp. un.-ta im. Sv.Vladimira. 138 p. [in Russian]
- Bardach, 1963** – *Bardach, J.* (1963). Swiecki charakter zwyczejowego prawa malzenskiego ludnosci ruskiej Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XV – XVII wiek). // Czasopismo prawno-historyczne. Krakow: Institute of History of Academy of Science. T.XV, z.1, pp. 85-148.
- Berenis et al. 2002** – *Berenis, V., Beresnevicius, G., Samalavicius, V., Savukynas, V.* (2002). Lituviu mentalitetai: tautine istorija ir kulturos problemos. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas. 273 p.
- Bogucka, 1989** – *Bogucka, M.* (1989). Bona Sforza d'Aragona. Warszawa: Książka i Wiedza. 311 p.
- Bogucka, 2003** – *Bogucka, M.* (2003). Białogłowa w dawnej Polsce. Kobieta w społeczeństwie polskim XVI-XVIII wieku na tle porównawczym. Wrocław: Trio. 224 p.
- Bogucka, 2004a** – *Bogucka, M.* (2004). Anna Jagiellonka. Wrocław: Ossolineum. 208 p.
- Bogucka, 2004b** – *Bogucka, M.* (2004). Women in Early Modern Polish Society, Against the European Background. Burlington. 226 p.
- Bogucka, 2005** – *Bogucka, M.* (2005). Gorsza pleć. Kobieta w dziejach Europy od antyku po wiek XXI. Wrocław: Trio. 378 p.
- Butkuvienė, 2008** – *Butkuvienė, A.* (2008). Amžinos moterys: izymios XIV – XIX a. Lietuvos moterys. Kaunas: Baltos lankos. 358 p.
- Cirunaite, 2000** – *Cirunaite, J.* (2000). Moteru ivardijimas Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes kariuomenes dokumentuose. Kaunas: Vytauto Didziojo universiteto leidykla. 276 p.
- Dvornichenko, 1993** – *Dvornichenko, A.Yu.* (1993). Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo: Ocherki istorii obshchiny, soslovii, gosudarstvennosti (do nachala XVI v.) [Russian lands of Great Duchy of Lithuania: history of community, classes and state. SPb.: Publish house of St.Petersburg State University. (2-e izdanie. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2013). Pp. 26-29. [in Russian]
- Dvornichenko, Kudryavtseva, 2019** – *Dvornichenko, A.Yu., Kudryavtseva, R.-E.A.* (2019). The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody*. 53(3): 935-955.
- Dzerbina, 1997** – *Dzerbina, G.V.* (1997). Prava i syam'ya Ź Belarusi epokhi Renesansu. [Law and family in Byelorussia in Renaissance]. Minsk: Tekhnalogiya. 175 p. (vtoroe izdanie: 2007 g.) [in Belorussian]
- Erusalimskii, 2003** – *Erusalimskii, K.Yu.* (2003). Istoriya odnogo razvoda [The story of one divorce]. Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii. Vyp. 3. Kiev: Institute of the Ukrainian History of Academy of Science. Pp. 149-176. [in Russian]
- Erusalimskii, 2007** – *Erusalimskii, K.Yu.* (2007). Gendernaya asimmetriya v srednevekovoi Volyni: (po povodu issledovaniia N. Starchenko) [Gender asymmetry in medieval Volhynia: about N.Starchenko's research]. Adam i Eva. Al'manakh gendernoii istorii. Pod red. L.P. Repinoi. M.: Rossiiskaya Akademiya nauk, Institut vseobshchei istorii, № 13. Pp. 261-275. [in Russian]
- Filyushkin, 2006** – *Filyushkin, A.I.* (2006). Izuchenie Velikogo knyazhestva Litovskogo i Rechi Pospolitoi v rossiiskoi istoriografii 1990-kh gg: problemy, tendentsii i perspektivy [The study of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Russian historiography of the 1990s: problems, trends and prospects]. Vyalikae knyastva Litouskae: gistoryya vyvuchennya u 1991 – 2003 gg. Minsk: Medisont, pp. 8-15. [in Russian]
- Karpaviciene, 2005** – *Karpaviciene, J.* (2005). Moters statysas Lietuvos miestuose iki XVI a. vidurio: Vilniaus ir Kauno pavyzdys. Vilnius: Versus Aureus. 280 p.
- Kuchowicz, 1966** – *Kuchowicz, Z.* (1966). Wpływ odżywiania na stan zdrowotny społeczeństwa polskiego w XVIII wieku. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 289 p.
- Kuchowicz, 1972a** – *Kuchowicz, Z.* (1972). Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI-XVIII wieku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie. 460 p.
- Kuchowicz, 1972b** – *Kuchowicz, Z.* (1972). Z badań nad stanem biologicznym społeczeństwa polskiego od schyłku XVI do końca XVIII w., Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 42 p.
- Kuchowicz, 1972c** – *Kuchowicz, Z.* (1972). Żywoty niepospolitych kobiet polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Towarzystwa Krzewienia Kultury Świeckiej. 157 p.
- Kuchowicz, 1976** – *Kuchowicz, Z.* (1976). Barbara Radziwiłłówna. Łódź: Wydaw Łódzkie. 318 p.
- Kuchowicz, 1982** – *Kuchowicz, Z.* (1982). Miłość staropolska. Łódź: Wydaw. Łódzkie. 595 p.
- Kuchowicz, 1985** – *Kuchowicz, Z.* (1985). O biologiczny wymiar historii: książka propozycji. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 251 p.
- Kuchowicz, 1992** – *Kuchowicz, Z.* (1992). Człowiek polskiego baroku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie. 418 p.
- Kuchowicz, Libiszowska, 1982** – *Kuchowicz, Z., Libiszowska, Z.* (1982). The child in the polish family in the XVIII century. *The Polish Review*. 27(3/4): 70-83.
- Lazutka, Valikonite, 1976** – *Lazutka, S.I., Valikonite, I.M.* (1976). Imushchestvennoe polozenie zhenshchiny (materi, zheny, docheri, sestry) privileirovannogo sosloviya po I Litovskomu Statutu [Property status of noble-women (mothers, wives, daughters, Sisters) by the First Statute]. Nauchnye trudy Vuzov Litovskoi SSR. Istoriya. XVI (2). Vil'nyus. [in Russian]

- Levitskii, 1883** – *Levitskii, O.I.* (1883). Anna-Aloiza, knyazhna Ostrozhskaia [Anna-Aloiza, the princess Ostrizhskaia]. Kiev: Tip. G.T.Korchak-Novitskogo. 45 p. [in Russian]
- Levitskii, 1885** – *Levitskii, O.I.* (1885). Pro shlyub na Rusi-Ukraine v XVI-XVII stolet'iu [About Marriage in Russia and Ukraine]. *Zorya*. 13: 1-18. [in Russian]
- Levitskii, 1888** – *Levitskii, O.I.* (1888). Ganna Montovt. Istoriko-bytovoii ocherk iz zhizni volynskogo dvoryanstva v XVI veke [Anna Montovt. The Historical essay about everyday life of Volhynian gentry in XVI c.]. Kiev: Tip. G.T.Korchak-Novitskogo. 69 p. [in Russian]
- Levitskii, 1900a** – *Levitskii, O.I.* (1900). Obychnye formy zaklyucheniia brakov v Yuzhnoi Rusi v XVI–XVII vv. [The traditional forms of marriage in the Southern Russia in the XVI–XVII c.]. *Kievskaya Starina*. 1: 1-15. [in Russian]
- Levitskii, 1900b** – *Levitskii, O.I.* (1900). Yuzhnorusskaya zhenshchina v XVI-XVII vv. [A woman of the Southern Russia in the XVI – XVII c.]. *Illyustrirovannyi sbornik Kievskogo literaturno-artisticheskogo obshchestva*. Kiev.: b/i, Pp. 108-122.
- Levitskii, 1909a** – *Levitskii, O.I.* (1909). Iz istorii brachnogo prava i semeinogo byta v Yugo-Zapadnoi Rusi v XVI i XVII vv. [The history of the marriage law and family life in the South-Western Russia in the XVI – XVII c.]. *ChIONL*. Kn.18. Vyp. III-IV. Pp. 68-71. [in Russian]
- Levitskii, 1909b** – *Levitskii, O.I.* (1909). Cherty semeinogo byta v Yugo-Zapadnoi Rusi v XVII – XVIII v. [The features of family everyday life in the South-Western Russia in the XVII – XVIII c] Kiev: Tip. Imp.Un.-ta Sv.Vladimira, Akts.obshch. N.T.Korchak-Novitskogo. 120 p. [in Russian]
- Lukshaite, 1968** – *Lukshaite, I.* (1968). Ob obychnykh dvoynogo vykupa za zhenshchinu po litovskomu pravu [About tradition of double fee for women according Lithuanian law]. *Soviet Ethnography*. 2: 114-120. [in Russian]
- Lyubavskii, 2004** – *Lyubavskii, M.K.* (2004). Ocherk istorii Litovsko-russkogo gosudarstva do Lyublinskoi unii vklyuchitel'no. [The essays about history of Great Duchy of Lithuania till The Union of Lublin] SPb: Nauka. 312 p. [in Russian]
- Megem, 2018** – *Megem, M.E.* (2018). Srednevekovaya istoriya Litvy (do 1385 g.) v dorevolyutsionnoi rossiiskoi i sovetskoi istoriografii. Diss. ... kand. ist. nauk, [The medieval history of Lithuania (till 1385) in imperial and soviet historiography. A dissertation research]. Kaliningrad. 245 p. [in Russian]
- Pashuto, 1959** – *Pashuto, V.T.* (1959). Obrazovanie Litovskogo gosudarstva. [The foundation of Lithuanian state] Moscow: The Academy of science. 531 p. [in Russian]
- Pelipenko, 2012** – *Pelipenko, T.I.* (2012). Polozhenie shlyakhtyanok v obshchestve Velikogo knyazhestva Litovskogo v rannee Novoe vremya [The social status of the noble-women in Great Duchy of Lithuania in the early modern times]. *Vestnik of the Saint-Petersburg University. Seriya 2. Istoriya*. 4: 152-158. [in Russian]
- Pelipenko, 2015** – *Pelipenko, T.I.* (2015). Opeka i ogranichenie imushchestvennykh prav shlyakhtyanok v Velikom knyazhestve Litovskom v seredine XVI v. [Guardianship and restriction of property rights of gentry in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the XVI century]. *Vestnik of the Saint-Petersburg University. Seriya 2. Istoriya*. 3: 4-10. [in Russian]
- Pelipenko, 2019** – *Pelipenko, T.I.* (2019). Koldovstvo v svetskoi sudebnoi praktike Velikogo knyazhestva Litovskogo v seredine XVI veka [Witchcraft on secular court practice in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the XVI c.]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo Universiteta*. 2 (40): 61-66. [in Russian]
- Pirozynski, 2004** – *Pirozynski, J.* (2004). Ksiezna Brunszwicka Zofia Jagiellonka (1522 – 1575) i jej biblioteka. Stadium z dziejow kultury. Krakow: PAU. 339 p.
- Pociecha, 1949** – *Pociecha, W.* (1949). Krolowa Bona (1494 – 1557). Czasy i ludzie odrodzenia. Poznan: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych. 322 p.
- Pushkareva, 1985** – *Pushkareva, N.L.* (1985). Zhenshchiny Drevnei Rusi (X – XV vv.) [Women of Medieval Russia (X – XV c.)]. Moscow: Mysl'. 286 p. [in Russian]
- Ragauskienė, 2003** – *Ragauskienė, R.* (2003). The Households of XVI century Lithuanian great noblewomen. *Lithuanian Historical studies*. 8: 24-38.
- Ragauskienė, 2005** – *Ragauskienė, R.* (2005). XVI a. LDK didikiu patronatas. *Lithuanistica*. 1: 1-19.
- Ragauskienė, 2008** – *Ragauskienė, R.* (2008). Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės moterys: istoriografinis ir praktinis požiūris. *Moterys, darbas, seima. Luciu vaidmenys uzimtumo sferoje: sociokultūrinis aspektas*. Vilnius. Pp. 146-165.
- Ragauskienė, Ragauskas, 2001** – *Ragauskienė, R., Ragauskas, A.* (2001). Barboros Radvilaitės laiskai Zygmantui Augustui ir kitiems: studija apie XVIa. Lietuvos Didziosios kunigaikštystės moterų korespondenciją. Vilnius: Vaga. 256 p.
- Sarcevičienė, 2000a** – *Sarcevičienė, J.* (2000). Idealūs moters modelis XVI a. II P. – XVII a. I P. Progineje literatūroje Lietuvos Didziosios Kunigaikštystėje. Vilnius: Versus aureus. 276 p.
- Sarcevičienė, 2000b** – *Sarcevičienė, J.* (2000). Vieno stereotipo istorija – LDK moterys įvaizdis istoriografijoje. *Feminizmas, visuomenė, kultūra*. 1: 30-39.
- Sarcevičienė, 2001** – *Sarcevičienė, J.* (2001). Moterys. *Lietuvos Didziosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai*. Vilnius. p. 397 – 412.

Slizh, 2019 – *Slizh N.* (2019). Transcultural Context of the Male Body in the Grand Duchy of Lithuania in the sixteenth – seventeenth centuries // *Crossroads*. Volume 5: Past / Present / Future man in multicultural, intercultural and transcultural world. Pp. 97-128.

Slizh, 2001a – *Slizh, N.V.* (2001). Zhanchyna u shlyakhetskaya syam'iu XVI – XVII stogoddyakh [A woman and a family of gentry in the XVI-XVII cc]. *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi: Sb. nauchn. St. Pod red. I.R. Chikalovoi*. Mn: BGPU im. M.Tanka. Pp. 270-277. [in Belorussian]

Slizh, 2001b – *Slizh, N.V.* (2001). Seksual'nae zhytstse shlyakhty Vyalikaga knyastva Litouskaga u XVI – XVIII stst. [Gentry's Sexlife in Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVIII c.]. *Terra Alba*. T.2. Homo venerus: seksual'naya prostora belaruskai kul'tury. Pod red. S.I.Danilenki; Mn: Ekaperspektyva. Pp. 138-167. [in Belorussian]

Slizh, 2002 – *Slizh, N.V.* (2002). Shlyakhetskaya syam'ya v Vyalikim knyastve Litouskom u XVI – XVII stogoddyakh: uzdzeyanie saslounago poddelu gramadstva na yae farmiravanie i razvitstse. Autareferat dysertatsyi na suiskanne vuchonai stupeni kandydata gistarychnykh navuk. [Gentry's family in Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVIII c.: influence of the class society to the family's development. Dissertation research]. Minsk. 75 p. [in Belorussian]

Slizh, 2003 – *Slizh, N.V.* (2003). Terminalogiya pa gistoryi syam'i Vyalikaga knyastva Litouskaga u XVI – XVIII stst [The vocabulary of the history of family in Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVIII c]. Historical anthology Minsk., T.9. Pp. 49-63. [in Belorussian]

Slizh, 2004 – *Slizh, N.V.* (2004). Asnoŭnyya nakirunki ŭ dasledavanni gistoryi syam'i [The main achievement in the family history]. XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu ist. fak. BGU. Minsk, 15–16 apr. 2004 g. Redkol.: V. N. Sidortsov. (otv. red.) i dr. Mn: BGU. Pp. 180-182. [in Belorussian]

Slizh, 2005 – *Slizh, N.V.* (2005). Genderna-rolivyya funktsyi shlyakhtsitsa u syam'i i gramadstve Vyalikaga knyastva Litouskaga [Gender roles of a nobleman in a family and the society of Great Duchy of Lithuania]. *SOTSIUM*. Al'manakh sotsial'noi istorii. Kiiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, Vipusk 5. Pp. 165-184. [in Belorussian]

Slizh, 2007 – *Slizh, N.V.* (2007). Gendernaya identyfikatsyya shlyakhtsicha abo shto takoe byts' sapraudnym muzhchynai u VKL u XVI – XVII st. [Gender identification of gentry or what did it meant to be a “male” in the society of Great Duchy of Lithuania in the XVI – XVII cc.]. *Kansruktsyya i dekanstruktsyya Vyalikaga knyastva Litouskaga: materyialy mizhnar. navuk*. Kanf. Grodna, 23 – 25 kras. 2004. Pad. Red. N.U.Slizh. Minsk: Limaryus. Pp. 135-142. [in Belorussian]

Slizh, 2015 – *Slizh, N.V.* (2015). Shlyubnyya i pazashlyubnyya stasunki shlyakhty Vyalikaga Knyastva Litoŭskaga ŭ XVI–XVII stst. [Marital and extramarital relations of gentry in Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVII c.]. *Smalensk: Inbelkul't*. 672 p. [in Belorussian]

Slizh, 2017a – *Slizh, N.V.* (2017). Zabaronenyya i nenatural'nyya seksual'nyya stasunki ŭ VKL u XVI–XVII stst. [Forbidden sexlife in the Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVII c.]. *Vyalikae Knyastva Litoŭskae: palityka, ekanomika, kul'tura: zb. nav. art. U 2 ch. Ch. 2*. Minsk. Pp. 247-266. [in Belorussian]

Slizh, 2017b – *Slizh, N.V.* (2017). Prastytutsyya ŭ Vyalikim knyastve Litoŭskam u XVI–XVII stst. [Prostitution in the Great Duchy of Lithuania in the XVI-XVII c.] *Sotsium*. Al'manakh sotsial'noi istorii. Kiev, Vip. 13–14. Pp. 113-126. [in Belorussian].

Solov'ev, 1988 – *Solov'ev, S.M.* (1988). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Sochineniya [History of Russia since antient times]. Kn.II: T. 3 – 4. Moscow: Mysl', 439 p. [in Russian]

Spasovich, 1857 – *Spasovich, V.D.* (1857). Ob otnosheniyakh suprugov po imushchestvu po drevnepol'skomu pravu. Rassuzhdenie, predstavlennoe na yuridicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo Un.-ta. [The essay about Property relations of spouses by the antient polish law]. SPb.: Tip. M.O.Vol'fa. 82 p. [in Russian]

Starchenko, 1998 – *Starchenko, N.P.* (1998). Publichnist' yak dominanta kul'turnoi traditsii: Volin' 2 p.16 st. [Publicity as the main feature of cultural traditions in the Volhynia in the second part of XVIII c.]. *Mediaevalia Ucrainica*, t. 5. Kiev: Akademia. Pp. 68-81. [in Ukrainian]

Starchenko, 2001 – *Starchenko, N.P.* (2001). Shlyubna strategiya vdiv i kil'ka problem navkolo nei (shlyakhets'ka Volin' kintsya XVI st.). «Kazhdaya vdova est sobe paneyu, i nichiiikh vladzi ne podlegla», abo Pravova diezdatnist' vdovi [Marital strategies of the widows and their law status in the Volhynia in the end of XVI c.]. *Kiïvs'ka starovina*. Kiev. 1: 42-63. [in Ukrainian]

Starchenko, 2002 – *Starchenko, N.P.* (2002). Stanovishche zhinki-shlyakhtyanki na Volini drugoi polovini KhVI – pochatku KhVII st.: mainovii ta pravovii aspekti: dis... kand. ist. nauk: 07.00.01. [The status of noblewomen in the society of the Volhynia in the second part of the XVI c.: law aspects. The dissertation research. Kiev. 225 p. [in Ukrainian]

Starchenko, 2012 – *Starchenko, N.P.* (2012). Chest' yak regulyator shlyakhets'kogo povsyakdennya (Volin' ostann'oi tretini XVI – pochatku XVII st.) [Dignity culture as a controller of gentry behavior in the Volhynia in the end of XVI – XVII c.]. *Ukrainskii istorichnyi zhurnal*. 6: 25-39. [in Ukrainian]

Starchenko, 2014 – *Starchenko, N.P.* (2014). Chest', krov i ritorika. Konflikt u shlyakhets'komu seredovishchi Volini (druga polovina XVI – XVII stolittya). [Honor, blood and rhetoric: a gentry conflict in the Medieval Volhynia in the end of XVI – XVII c.]. Kiev: Laurus. 508 p. [in Ukrainian]

Tereskinas, 2001 – *Tereskinas, A.* (2001). Kuno zymes: seksualumas, identitetas, erdve Lietuvos kulturoje. Vilnius: Baltos lankos. 174 p.

Tsaturova, 1992 – *Tsaturova, M.K.* (1992). Russkoe semeinoe pravo XVI – XVIII vv. Avtoref. diss... kand. juridicheskikh nauk [Russian family law in the XVI–XVIII c. The dissertation research]. Moscow: Moscow State University by M.V.Lomonosov. 84 p. [in Russian]

Tsaturova, 2011 – *Tsaturova, M.K.* (2011). Tri veka russkogo razvoda (XVI–XVIII vv) [The three centuries of the Russian divorce]. Moscow: Logos. 750 p. [in Russian]

Valikonite, 1978 – *Valikonite, I.M.* (1978). Sotsial'no-ekonomicheskoe i pravovoe polozhenie zhenshchiny v VKL (s kontsa XVv. do pervoi poloviny XVI) i ego otrazhenie v I Litovskom Statute. Avtoref. dis. ... kand. istoricheskikh nauk (07.00.02) [Social, economic and law statuses of the women in the Great Duchy of Lithuania in the end of XV – first half of XVI c. The dissertation research]. Vil'nyus. 64 p. [in Russian]

Valikonyte, 1993 – *Valikonyte, I.* (1993). Nasles vainikine Lietuvos Didziojoje Kunigaikstysteje XVI a.: norma ir realybe. 1566 metu Antrasis Lietuvos Statutas. Respublikines mokslines konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425-osioms metinems pazymety, medziaga. Vilnius. Pp. 82-90.

Valikonyte, 1997 – *Valikonyte, I.* (1997). The Venes of noblewomen in the Grand Duchy of Lithuania. *Lithuanian Historical studies*. 2: 97-107.

Valikonyte, 1998 – *Valikonyte, I.* (1998). Lietuvos metrikos 4-oji Teismu byla knyga – saltinis moters statusui tirti. *Lietuvos Metrikos Studijos*. Pp. 124-148.

Vladimirskii-Budanov, 1889 – *Vladimirskii-Budanov, M.F.* (1889). Ocherki istorii Litovsko-russkogo prava [The essays about history of Russian-lithuanian law]. Vyp. 2: Cherty semeinogo prava. Kiev: Tip. V.I. Zavadskogo. [in Russian]

Становление «женских» и гендерных исследований истории Великого княжества Литовского в советской и постсоветской историографии (основные направления изучения)

Татьяна Игоревна Пелипенко ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития гендерной истории Великого княжества Литовского в советской и постсоветской историографии. Автор выделяет характерные особенности подхода к объекту изучения в странах, традиционно считающих историю ВКЛ «своей»: Литве, Польше, Украине, Беларуси и, разумеется, России. Круг разрабатываемых тем при этом оказывается тесно связан с утвердившимся в историографии отношением к ВКЛ как к объекту исследования. Так, к примеру, в России изучение Польско-Литовского государства зачастую носит вспомогательный характер при изучении вопросов истории Московской Руси. В связи с этим гендерная история региона разрабатывается не так активно, как темы политической или военной истории. Для стран СНГ гендерная тематика оказывается тесно связанной с поиском национальной идентичности и исторической памяти, что предполагает и большее разнообразие конкретных тем. Польские и литовские исследования направлены на то, чтобы вписать историю Великого княжества Литовского в контекст общеевропейской истории без учета региональных особенностей.

Ключевые слова: гендерная история, Великое княжество Литовское, белорусская историография, литовская историография, украинская историография, польская историография, шляхта, женские исследования.

* Корреспондирующий автор

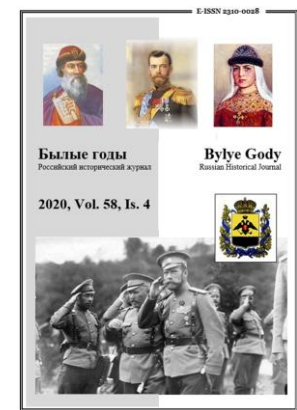
Адреса электронной почты: pelipenkojob@gmail.com (Т.И. Пелипенко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2292-2304. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2292
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Wandering Beyond the Stone": the Development of Space in an Archaeological Context (Based on the Materials from the Tara Archaeological Leather as a Historical Source)

Mariya P. Chernaya ^{a,*}, Dmitry O. Osipov ^b, Sergey F. Tataurov ^{a,c}, Nadezhda S. Ben ^a

^a Institute of Archeology, Ethnography and Physical Anthropology of National Research Tomsk State University, Russian Federation

^b State Historical Museum, Russian Federation

^c Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The colonization of Siberia has become a global challenge that has changed the vector of development of the region and Russia as a whole. Siberia has received a new pace of development, a new, previously uncharacteristic appearance, and new historical prospects: while remaining in its place, it entered the all-Russian and global context. The development of the space proceeded by adapting the new settlers to new realities, relying on their own cultural and mental code, on long and firmly adopted traditions. At the same time, Siberia is becoming a space of continuing Europeanization of the country and the territory of Eurasian relations. The development of the Siberian space in concrete historical practice was embodied in a variety of forms and details, the study of which makes it possible to reveal the content of this complex process. The study of the cultural transformation of the region significantly expanded the possibilities with the progress of Russian archeology of Siberia, which gave massive sources, differently than written ones, reflecting historical reality. The analysis of artifacts is not limited to the scope of purely archaeological source studies, they are considered in the historical context as a material embodiment of the transfer and adaptation of traditions during the development of the region by the Russians. The article presents the cultural and typological characteristics of the collection of leather products obtained during the excavations of the town of Tara, which are the material remnants of the development of leather production in the city, and on its basis – the manufacture of leather products, primarily footwear – shoe making trade. The article presents the cultural and typological characteristics of the collection of leather goods obtained during the excavations of Tara, which serve as a clear evidence of the synthesis of traditions transferred from the historical homeland, as well as the assimilated and processed foreign patterns and fashion, a marker of cultural changes in the process of frontier modernization.

Keywords: colonization, Siberia, cultural adaptation, Tara, archaeological leather as a historical source.

1. Введение

Русское освоение Сибири представляло собой не простое расширение этнокультурной и государственной территории, но стало вызовом глобального масштаба, в результате которого появилась евразийская страна, повлиявшая на исторические перспективы не только Сибири и России, но и судьбы мира. Вполне обоснованно можно применить известный постулат В.О. Ключевского к Сибири, для которой колонизация конца XVI–XVII в. стала основным фактом истории, изменившим вектор ее развития, состав и структуру населения, культурный ландшафт.

* Corresponding author

E-mail addresses: mariakreml@mail.ru (M.P. Chernaya)

Колонизация как процесс перехода – на новое пространство, к новым условиям и взаимоотношениям – не могла не включать кризисной составляющей. Основным инструментом преодоления кризиса стала адаптация как процесс приспособления к новым реалиям с опорой на свой культурно-ментальный код, на давно и прочно усвоенные традиции, которые новопоселенцы старались вписать в те условия, в которых они оказались. Вместе с колонизацией, принесшей в Сибирь русскую культуру, регион становится пространством продолжающейся европеизации страны и территорией евразийских связей. Взаимодействие аборигенного и цивилизационного начал получает новый импульс к развитию и задает новый алгоритм культурного преобразования Сибири.

При всей грандиозности колонизации ее реализация в конкретно-исторической практике воплощалась в многообразии форм и деталей, привычных для русского уклада жизни, изучение которых позволяет раскрыть содержание этого сложного процесса.

Появление нового направления в сибиреведении – русской археологии – не просто расширило исследовательское поле по изучению Сибири эпохи колонизации, но подняло его на новый уровень (Черная, 2004; Черная, 2008; Черная, 2016b; Беляев, 2014; Беляев, 2017), позволило развивать масштабные проекты, направленные на системные исследования и получение фундаментального научного продукта. В рамках такого проекта ведутся работы, один из результатов которых представлен в настоящей статье.

Возрастающий интерес археологов к изучению Сибири эпохи русской колонизации требует всестороннего анализа источников и своевременных публикаций, необходимых для последующих фундированных обобщений. Обогащение источниковой базы археологическими материалами важно с точки зрения предметно-объектного отображения действительности. Анализ любой категории артефактов не может ограничиваться рамками сугубого археологического источниковедения и должен рассматриваться в историческом контексте как материальное воплощение переноса и адаптации традиций в ходе освоения края русскими.

Это в полной мере относится к коллекциям «археологической кожи», включающим целые предметы, их фрагменты, отдельные детали, обрезки. Изделия из кожи и в русских, и в аборигенных (в числе «русских товаров») памятниках появляются вместе с колонизацией как свидетельства развития торговли, ремесла и связей Сибири с территориями, лежащими не только за пределами Уральских гор, но и за границей российского порубежья. Высокая информативность данной категории материалов как источника, раскрывающего исторический контекст процесса освоения, обуславливает актуальность его введения в научный оборот и подробного изучения.

2. Материалы и методы

Обширная вещевая коллекция Тары включает в себя разнообразные предметы из кожи, анализ которых позволяет определить ассортимент изделий, технологию их изготовления, специфику сапожного ремесла, особенности бытовой культуры, эстетических представлений горожан XVII–XVIII вв.

Тарская коллекция «археологической кожи» собрана на территории крепости – собственно города – и на территории острога, общая площадь вскрытия составляет около 2 тыс. кв. м. Коллекция насчитывает более 1600 единиц. Среди кожаных изделий из напластований XVII – конца XVIII вв.: обувь, рукавицы, ножи, детали конской упряжи, мячи, предметы воинского снаряжения и пр. Сырьем для изготовления служили кожи крупного/мелкого рогатого скота, дубленые с помощью растительных экстрактов, а также оленья/лосиная кожа жирового дубления (ровдуга).

Методологической основой изучения коллекции археологической кожи является комплексный подход, включающий в себя анализ археологического материала с использованием органолептического, сравнительно-типологического методов в качестве основных и дополняющего их рентгенофлуоресцентного и спектроскопического исследования, а также письменных и этнографических данных, привлечение которых позволяет полнее раскрыть процесс становления и развития кожевенно-сапожного производства, его значение в экономике сибирского города и место кожаных изделий в повседневной жизни горожан.

3. Обсуждение

На археологических памятниках с «мокрым слоем» изделия из кожи довольно многочисленны, что обусловлено широким распространением кожевенного дела и изготовлением кожаной обуви и предметов обихода в русских поселенческих комплексах Сибири, при этом в ряде экономически развитых городов выделка кож и производство обуви уже было связано с работой не на заказ, а на рынок.

Истории исследований археологической кожи из русских памятников Сибири около 40 лет. Вплоть до конца 1990-х гг. публикации данной категории материалов были эпизодическими, краткими, хотя и делались попытки выявить типологические особенности обуви (Белов и др., 1080; Сухих, 1980; Алексеев, 1996; Артемьев, 1999). С рубежа 1990–2000-х гг. стали появляться работы, где предметом исследования выступают собственно кожаные изделия (Курбатов, Овсянников, 1999; Чиндина и др., 2003; Балюнов, 2007; Богомолов, Татаурова, 2014; Татаурова, Богомолов, 2017 и др.). Серьезный вклад в анализ сибирских материалов вносят специалисты по изучению кожевенно-

обувного дела – А.В. Курбатов и Д.О. Осипов. Внимание А.В. Курбатова обращено в основном на археологическую кожу Мангазеи, прекрасно сохранившуюся в промерзшем культурном слое памятника. В монографическом исследовании авторы представили различные виды кожаных изделий, их место в костюме и быту мангазейцев, в том числе использование обуви в строительных обрядах, выявили преемственность с северорусской культурой (Визгалов и др., 2011). В круг интересов Д.О. Осипова включены материалы от Западной до Восточной Сибири включительно (Визгалов и др., 2015; Баранов, Осипов, 2017; Албазинский острог, 2019 и др.). Широкий географический диапазон позволяет представить особенности коллекций археологической кожи разных городов, сопоставить их между собой, проследить динамику кожевенно-сапожного ремесла как важного компонента традиционной культуры, развитие которого способствовало адаптации и освоению новых пространств. Историко-типологическая характеристика обуви средневекового Томска и уровня развития сапожного ремесла дана М.П. Черной и Д.О. Осиповым (Черная, 2015; Осипов, Черная, 2016). Дорогая модельная обувь на каблучке рассмотрена как маркер социального статуса и знак социально опосредованного поло-ролевого поведения в приложении к мужской части социума (Черная 2015: 162-164, 214). Результаты изучения части коллекции археологической кожи Тары за отдельные годы раскопок отражены в двух статьях (Богомолов, Татауров, 2010; Осипов и др., 2017).

Целью настоящей работы является обобщающая характеристика ежегодно пополняемого собрания кожаных изделий Тары, которые рассматриваются как полноценный исторический источник, раскрывающий определенные аспекты процесса колонизации и адаптации переселенцев в новых условиях.

4. Результаты

Город Тара основан в 1594 г. как важный форпост освоения Прииртышья. История Тары связана с борьбой с Кучумом, кучумовичами, калмыками, что не могло не наложить отпечатка на характер города и образ жизни тарчан. Однако Тара не была исключительно военно-административным центром даже в начальный период своего существования. Служилые, составлявшие большую часть населения, были экономически активны и занимались торговлей, ремеслом и промыслами, чему способствовало то обстоятельство, что торгово-промышленная деятельность людей, несущих военную службу в Сибири, не грозила им лишением жалованья, что нередко случалось в городах Европейской России. На первом этапе освоения Сибири, с конца XVI до начала XVIII вв., служилый человек был основным историческим типом предпринимателя. Даже с учетом того, что торговля, ремесло и промыслы могли иметь нерегулярный, подсобный характер для служилых, их роль оставалась важной в экономической жизни сибирских городов, тем более в таких как Тара, где служилые составляли основную массу горожан. Показательно соотношение числа ремесленников в Таре в конце XVII в.: 98 – из служилой среды, 5 – из посадской. Среди западносибирских городов Тара по удельному весу служилых ремесленников находилась на первом месте. В 1720–1722 гг. в Таре числилось 110–113 ремесленников, но следует учесть, что их число в городах в официальных данных неизбежно занижено (Люцидарская, 1972: 5-14; Резун, 1982: 24-25; Никитин, 1988: 180-181; Чурсина, 2005: 117; Гончаров, Ивонин, 2006: 33, 36).

Заметное место в ремесленной деятельности горожан Западной Сибири занимал кожевенный промысел, занимались им и тарские жители. В XVII в. шкуры, привозимые из Тары, систематически продавались на тобольском рынке. В 70-х гг. XVIII в. в Таре было восемь кожевенных заводов-мастерских, которые обеспечивали не только местный рынок, но и выполняли подряды военного ведомства, обеспечивая гарнизонные и полевые команды всех иртышских крепостей, а «более красные» кожи преобладали в «киргиз-кайсацком торге» (Евсеев, 1981: 107).

На развитии кожевенного промысла базировалось изготовление кожаных изделий, прежде всего обуви – сапожный, «чеботной» промысел. В 1720 г. в Таре было учтено 13 «чеботников» и 9 «лосиных мастеров». Насущным оставалось изготовление/ремонт кожаной части сбруи, воинской амуниции. Характерным явлением с начала существования сибирских городов было обращение местной администрации к услугам ремесленников из служилых, которые подражались на различные работы, в том числе по выделке и починке изделий из кожи. Приобретение администрацией для казенных нужд ремесленных изделий стимулировало предпринимательскую деятельность служилых людей (Гончаров, Ивонин, 2006: 36; Никитин, 1988: 174-175).

Новые перспективы в изучении Тары открыли археологические исследования¹. Тара как археологический памятник находится в благоприятных условиях: малая застройка, ограниченность подземных коммуникаций, отсутствие крупных промышленных зон – позволили в значительной степени сохранить историческую планиграфию города. Непрерывность отложения напластований

¹ В 2007, 2009 гг. шурфовку на памятнике провел Омский филиал ИАЭТ СО РАН (канд. ист. наук Ф. Татауров, канд. ист. наук С. Тихонов). С 2010 г. в систематических раскопках Тары совместно с Омской лабораторией ИАЭТ СО РАН постоянное участие принимает Томский государственный университет (д-р ист. наук М.П. Черная). С 2018 г. исследования проводятся при финансовой поддержке гранта РНФ (руководитель М.П. Черная).

мощностью до 3–4 м, влажность культурного слоя, особенно на месте расположения крепости, концентрация навоза, мочевины, щепы обеспечили хорошую сохранность органики и высокую информативность памятника (Татауров, Черная, 2015: 86–91; Черная, 2018: 104–108).

В статье рассматривается коллекция археологической кожи Тары, собранная за годы раскопок памятника вплоть до 2019 г., анализ которой существенно расширяет представления о бытовой культуре горожан XVII–XVIII вв. Данная категория артефактов, объекты и инструментарий, связанные с их изготовлением/ремонт, служат наглядным свидетельством синтеза традиций, перенесенных с исторической родины, а также усвоенных и переработанных иноземных образцов и моды, маркером культурных изменений в процессе фронтирной модернизации.

Большую часть коллекции составляют разрозненные обувные детали и обрезки от раскроя. Согласно принятой методике (Осипов, Лихтер, 2004: 9), по конструктивным особенностям выделены основные типы обуви Тары – наиболее массового вида продукции.

Обувь мягкой конструкции (без подкладки, жесткого задника и каблука) представлена поршнями и туфлями из дубленой или сыромятной кожи. Размерные характеристики поршней указывают на то, что их носило и взрослое, и детское население Тары. Часть поршней утеплялась с помощью опушки – тканевой обшивки по верху изделия, что говорит о его ношении в холодное время года. Качество кроя и швов свидетельствует о профессиональном изготовлении тарских поршней.

Основная часть поршней (70 ед.) – простые, выкроенные из цельного трапециевидного или прямоугольного куска кожи, пятка оформлена путем простого загиба или с помощью двух надрезов в пяточной части, сшитых сквозным швом (Рис. 1/ 1, 1 а), по бокам сделаны прорезы для ременной оборы.

Детальнокроеные поршни (13 ед.) отличает наличие вставки в носочной части стопы (Осипов и др., 2017: рис. 1). На большей части Европейской России подобная обувь единична. Чаще она встречается на Русском Севере (Ганина, 2000) и в Сибири – Мангазее (Визгалов и др., 2011: 41), Тобольске (Балунов, 2007: 222–223). Исследователи Мангазеи соотносят детальнокроеные поршни с «улеями лыжными», упомянутыми среди товаров, проходивших через мангазейскую таможню (Белов и др., 1981: табл. XVIII).

Преобладали в Таре бескаблучные мягкие туфли (найдено более 300 деталей), которые, по данным этнографии, называли «чирками» и «котами» (Этнография..., 1981: 160; Фурсова, 1997: 115). Они состояли из двух основных частей, соединенных потайным выворотным швом: верха из мягкой кожи и слабопрофилированной симметричной подошвы из более жесткой и толстой кожи. Дополнительной деталью была обора – шерстяной шнур или замшевый ремешок, продернутый внутри полоски ткани или замши, нашитой по краю верха туфель, и через петлю задника на пятке (Осипов и др., 2017: рис. 2).

Детальнокроеная обувь жесткой конструкции с поднарядом (подкладкой), жестким задником с берестяным вкладышем и каблуком представлена высокими (сапоги) и низкими (туфли) моделями (Рис. 1/2).

Репрезентативная коллекция деталей, собранная с обширной площади, позволяет проследить развитие моделей высокой обуви в хронологической последовательности. К самым ранним сапогам принадлежит головка с вогнутым обрезом носка и тиснением на подъеме стопы. Сапоги такого фасона, широко распространенного в Московской Руси в первой половине – середине XVI в. (Осипов, 2006: 45), в Таре единичны.

В напластованиях XVII в. зафиксированы сапоги с жестким задником (Рис. 1/6, 7), на невысоком каблуке конической формы, которые сменяет обувь на подошве с крокулем (Рис. 1/5), заходящем на наборный каблук (Рис. 1/8). Подошвы небольшого размера с узкой перемычкой принадлежат к женским моделям. Хотя сапоги этого фасона характерны для городов Европейской России, в материалах Тары они единичны, что свидетельствует против их изготовления местными сапожниками.

Рис. 1. 1 – простой поршень, а – форма края, 2 – головка туфли с цельнокроеным поднарядом, 3, 4 – жесткие задники моделей низкой обуви, 5 – подошва с крокулем, 6 – задник сапожный, 7 – детали жесткого задника, 8 – каблук наборный, 9 – ножны от короткого клинкового оружия (тесака)

Сапоги из напластований первой половины – середины XVII в. декорированы крепившейся на пяточном ранте скрученной проволокой из латуни (Осипов и др. 2017: 116), сменившей более ранние свинцово-оловянистые сплавы (Курбатов, 1995: 199).

В напластованиях конца XVIII – второй трети XIX вв. обувь представлена сапогами с единообразным кроем: рантовая конструкция, невысокий наборный каблук. Крой сапог соответствует высокой обуви солдат и унтер-офицеров батальонов внутренней стражи¹ (Висковатов, 1857: рис. № 1795 и др.). В Таре функции внутренней стражи возлагались на солдат-инвалидов, которые надзирали за порядком в городе и уезде, сопровождали арестантов по Сибирскому тракту, тушили пожары (Колпаков, 2015: 95-99). В городе имелся дом тарской инвалидной команды. С ним, согласно картам конца XVIII–XIX вв., идентифицируется раскопанная постройка, вокруг которой наблюдалось локальное скопление сапожных деталей, инструментов и обрезков ремесленных отходов, позволяющих считать, что обитатели дома тарской инвалидной команды, кроме прямых служебных обязанностей, занимались ремонтом обуви.

Модельные туфли жесткой формы из напластований начала XVIII в. на наборных или деревянных обтяжных каблуках, подбитых гвоздями или железными подковками, носили обеспеченные горожане обоих полов. двухсоставной верх туфель (Рис. 1/2), включал головку с поднарядом, соединявшимся с жестким задником (Рис. 1/3, 4). Верх двух тарских туфель покрыт тисненными линиями в косую сетку. Из тисненой кожи вторичного использования выкроено несколько каблучных фликов. Техника декоративного тиснения кожи, представленная в материалах позднесредневековых памятников Сибири, зародилась в Поволжье (Курбатов, 2010: 447-452).

У отдельных моделей парадной обуви конца XVII в. шовные стыки застрочены цветными нитями. В тарской коллекции есть две фрагментарно сохранившиеся детали, возможно, относящиеся к одной модели сапог. Обувь с декоративной застрочкой швов можно видеть в книге С. Герберштейна, где изображены снаряжение русского воина и дорожная утварь. Среди них сапоги с богатой отделкой, двухчастные голенища которых соединены декоративными швами (Герберштейн, 1988: 115, рис. 9).

В тарской коллекции есть обувь с клеймами. Появление клейм в странах Западной Европы и России в середине XVII в. связано с процессом разделения труда и стремлением мастера выделить свою продукцию, помечая ее своим знаком (Swann, 2001: 120-121).

На обуви Тары имеется два типа клейм: первый (на четырех подошвах) представлен тремя параллельными линиями, нанесенными под сводом стопы горячим острием шила (Осипов и др., 2017: рис. 4). В Сибири подобные клейма, датирующиеся третьей четвертью XVII в., известны по материалам раскопок Мангазеи (Визгалов и др., 2011: 51) и Томска (Осипов, Черная, 2016: 136-150). Клеймо второго типа состоит из комбинации трех продольных и пяти поперечных полос, расположенных в геленочной части подошвы. Подобные типы распространены значительно реже (Осипов, 2014: 47-48).

На существование в Таре сапожных мастерских указывают многочисленные обрезки от раскроя и сапожные инструменты. Наиболее интересны четыре берестяных шаблона-лекала – для раскроя подошв и каблучных фликов. Шаблоны известны по письменным источникам с XI в. под названием «мер сапожных» (Срезневский, 1912: 1268). Хотя берестяные лекала из-за фрагментарной сохранности трудно атрибутировать и они редко встречаются в слое из-за их вторичного использования, например для растопки, шаблоны найдены в Москве, Пскове, Великом Новгороде, Мангазее (Векслер, Осипов, 1999; Лабутина, 1970: 16-17; Колчин, 1985: 270, табл. 110, 11, 12; Визгалов и др., 2011: 68. рис. 84/2). Видимо, все же берестяные шаблоны служили не вспомогательным материалом для обучения, как считает А.В. Курбатов (Курбатов, 2003: 169), а входили в набор инструментария профессиональных сапожников.

В тарской коллекции восемь обрывков лаптей, это подтверждает наблюдение, что лапти были не только деревенской обувью, но и городской (Осипов, 2006: 68-70). Тарские лапти сплетены из полос березовой коры косым плетением. Часть плетеной обуви изначально не имела бортиков и задника, а представляла подошву с головкой или только подошву, которая крепилась к ноге веревками/кожаными ремешками, выполняя роль т.н. «внешней» обуви. Так могли выглядеть «ступни», распространенные на Русском Севере и в Сибири, упоминавшиеся в письменных источниках (Памятники..., 1851: 379).

Кроме обуви в тарском собрании археологической кожи есть 28 предметов иного назначения: ножны, сумки, игровые предметы (мяч), рукавицы, детали конской упряжи. Наиболее интересны несколько предметов.

Важное значение, документирующее европейские связи, имеет находка чехла для деревянного футляра корабельного компаса, который датируется XVII в. (Осипов и др., 2017: рис. 6). Чехол скроен из цельного куска кожи, имеет клапан и тисненый орнамент с геральдическими лилиями – распространенной эмблемой городов Западной Европы (Энциклопедия символов, 1996: 283-284). До находки в Таре было известно всего пять подобных изделий западноевропейского происхождения – в Мангазее (Белов и др., 1980: 60, 126; Визгалов и др., 2011: 71-72, рис. 88-89).

¹ Специальное воинское формирование в Российской империи, предназначенное для внутренней службы с полицейскими функциями. Внутренняя стража существовала в России с 1811 г. по 6 августа 1864 г.

Среди ножен, найденных в Таре, есть экземпляр, отличающийся от обычных футляров универсального хозяйственного назначения. Это сильно изношенные ножны от клинкового оружия, происходящие из строительного горизонта, сформировавшегося до 1669 г. По общепринятой типологии Т.С. Матехиной (Варфоломеевой), выделившей основные признаки систематизации – форма кроя ножен и место расположения шва (Варфоломеева, 1993: 165), тарские ножны относятся ко второй группе: имеют симметричный крой со швом, расположенным на внутренней стороне чехла

Судя по форме шовных отверстий, в качестве крепления использовался кожаный ремешок. В верхней части изделия сохранились следы двух двурядных сквозных швов, маскирующих следы грубого ремонта (Рис. 1/9). Несколько разрезов, видимых в верхней части чехла, скорее всего были сделаны после прекращения срока службы ножен. Судя по размеру, они предназначались для короткого (до 30 см) клинкового оружия типа тесака с прямым однолезвийным клинком и могли иметь деревянный (лубяной) каркас.

Подобная находка характерна для военной крепости, которой долгое время являлась Тара. Близкие по конструкции ножны обнаружены при раскопках в Тайницком саду Московского Кремля в слое первой половины XVI в. (Осипов, 2014: 84).

К военному снаряжению относятся две седельные кобуры для кавалеристского огнестрельного оружия. Ольстры (нагалища) выкроены из цельного, сложенного вдвое куска толстой кожи, прошитого сквозным швом на противоположной от сгиба стороне. Лучше сохранившийся экземпляр длиной 56 см имеет расширение в верхней трети, где проделаны прорезы для кожаных ремней, с помощью которых кобура крепилась к седлу (обычно кобуры располагались с двух сторон у передней луки седла) (Осипов и др., 2017: рис. 7). От второй кобуры отрезана нижняя часть для вторичного использования кожи. Видимо, из кожи сделана основа, которая могла быть сверху декорирована тканью. В элитном роде войск, каким была конница, формировавшаяся из дворян, снаряжение часто украшалось. Так, в росписи имущества Николая Романова 1657 г. указана цена ольстры – «олстришко карабинное, цена 6 алтынъ 4 деньги» (Роспись..., 1887: 50).

Седельные чехлы для пистолей и карабинов появились после введения в войсках Московского государства ручного стрелкового оружия. Находки в Таре расширили географию распространения подобных изделий: две ольстры найдены при раскопках Стрелецкой слободы в Москве (Векслер, Осипов, 1999: 215, рис. 1/9), одна – в Ивангородской крепости (Курбатов, 2014: 99-102).

5. Заключение

Накопленный материал, проанализированный нами с позиций комплексного подхода, включавшего естественнонаучные методы, данные письменных источников и этнографических сведений, позволяет сделать определенные выводы.

Ассортимент тарской обуви включал модели мягких и жестких форм, из которых наибольшее хождение имели мягкие детальнокроенные туфли и сапоги рантовой конструкции, которые носили военнослужащие гарнизона. Для выхода использовали изготовленные по тогдашней моде туфли жесткой формы на каблуках, а в повседневном быту – поршни и лапти, при этом часть плетеной обуви надевалась поверх основной для ее защиты. А вот высокой валяной обуви в тарской коллекции нет, что косвенно подтверждает достаточно позднее распространение валенок, видимо, лишь с конца XVIII в. (Осипов, 2006: 67).

Разнообразие изделий тарской коллекции подтверждает характерную особенность русских городов, перенесенную на сибирскую почву: широкое использование кожи в экономике и быту горожан.

Археологическое собрание кожаных изделий Тары дает представление о деятельности обувщиков – «чеботников», «чарошников», «котовщиков», о типах обуви, носимой как в повседневности – дома, на дворе, на промыслах, военной службе и дальних дорогах, так и в праздники, когда местные модницы и модники надевали модельные туфли, чтобы пофорсить, кроме того дорогая каблучная обувь была показателем зажиточности и статусности своего владельца. Находки седельных чехлов для пистолей и карабинов характеризуют военный быт тарских служилых. А футляр для компаса с геральдическими лилиями – наглядное свидетельство связей сибирской Тары с западным миром. Распространение разноцветной обуви «на манер турецкий», появление каблучков, подбитых гвоздиками и подковками по польской или венгерской моде, отражает влияние на русскую одежду и обувь Востока и Запада, а их проникновение вместе с новопоселенцами в Сибирь документирует расширение границ познаваемого мира (Осипов, 2014: 62-68; Черная, 2015: 162-164; Черная, 2016а: 49-50).

Археологическое изучение Тары – в начале своего пути. Будет не только пополняться коллекция кожаных изделий. Предстоит найти кожевенные заводы-мастерские, которые располагались не внутри тесной застройки, а подальше от нее, чтобы не душить жителей тяжелым и вредным духом, поближе к проточной воде, в которой нуждалось кожевенное производство.

Тара стала одним из русских памятников, возникших вместе с колонизацией. Новые исследования позволят создать более полный историко-культурный облик Тары, а значит, более полно раскрыть контекст социокультурной адаптации русских на осваиваемых землях.

«Хождение за Камень» открыло новую главу в освоении пространств и создании новой картины мира. Каждая страница сибирской эпопеи – тобольская, томская, тарская и др. – аккумулирует в себе опыт, изучение которого ценно не только для познания прошлого, но и понимания современных реалий.

6. Благодарности

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Благодарим за помощь в исследованиях к.и.н., с.н.с. Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН С.С. Тихонова за помощь в исследовании.

Литература

Албазинский острог, 2019 – Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Алексеев, 1996 – Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СО РАН, 1996. 152 с.

Артемьев, 1999 – Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.

Балюнов, 2007 – Балюнов И.В. Типология кожаной обуви г. Тобольска XVII в. // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, 2007. С. 222-231.

Баранов, Осипов, 2017 – Баранов М.Ю., Осипов Д.О. Коллекция кожаной обуви из раскопок поселения «Урочище Бала 1» (по материалам 2013–2015 годов) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Наука, 2017. С. 511-517.

Белов и др., 1980 – Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 1: Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.

Белов и др., 1981 – Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.

Беляев, 2014 – Беляев Л.А. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. I. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 11-18.

Беляев, 2017 – Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития // *Вестник Томского государственного университета. Серия «История»*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, Томск, 2017. № 49. С. 66-70.

Богомолов, Татауров, 2010 – Богомолов В.Б., Татауров С.Ф. Коллекция обуви из раскопок г. Тары 2009 г. // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск: Наука, 2010. С. 91-96.

Богомолов, Татаурова, 2014 – Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 2. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 7-18.

Варфоломеева, 1993 – Варфоломеева Т.С. Кожаные ножны из раскопок в Новгороде // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 162-169.

Векслер, Осипов, 1999 – Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. Тверь: ТНИИР-центр, 1999. С. 214-221.

Визгалов и др., 2015 – Визгалов Г.П., Осипов Д.О., Рудковская М.А. Коллекция кожаных изделий из Старотуруханского городища (материалы раскопок 2010–2011 гг.) // *Przedmiotyskorzanenacodzień i odświęta*. Szczecin. 2015. Pp. 45-72.

Визгалов и др., 2011 – Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы раскопок 2001–2007 гг. Екатеринбург. Изд. АМБ., 2011. 216 с.

Висковатов, 1857 – Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению в 34-х т. Ч. 13. СПб., 1857. 204 с.

Ганина, 2000 – Ганина Ю.В. Обувь жителей древней Вологды // *Вологда. Краеведческий альманах*. Вып. 3. 2000. С. 78-92.

Герберштейн, 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. 430 с.

Гончаров, Ивонин, 2006 – Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.

Евсеев, 1981 – Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // *Сибирские города XVII – начала XX в.* Новосибирск: Наука, 1981. С. 78-109.

Колпаков, 2015 – Колпаков П.А. Становление внутренней стражи Российской империи 1811–1816 гг.: историко-правовой аспект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10 (60). Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2015. С. 95-99.

- Колчин, 1985** – Колчин Б.А. Ремесло // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 243-297.
- Курбатов, 1995** – Курбатов А.В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // *Российская археология*. 1995. № 2. С. 198-208.
- Курбатов, 2003** – Курбатов А.В. «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // *Археологические вести*. 2003. № 10. С. 169-182.
- Курбатов, 2010** – Курбатов А.В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 447-452.
- Курбатов, 2014** – Курбатов А.В. Ольстра по письменным и археологическим данным // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 99-102.
- Лабутина, 1970** – Лабутина И.К. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института // Археологические открытия 1969 г. М., 1970. С. 25-26.
- Люцидарская, 1972** – Люцидарская А.А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. II. Новосибирск: Наука, 1972. С. 5-14.
- Никитин, 1998** – Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1998. 155 с.
- Осипов, 2006** – Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.
- Осипов, 2014** – Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М., 2014. 269 с.
- Осипов, Черная, 2016** – Осипов Д.О., Черная М.П. Коллекция изделий из кожи по материалам раскопок Томского Кремля // *Российская археология*. 2016. № 4. С. 138-150.
- Осипов, Лихтер, 2004** – Осипов Д.О., Лихтер Ю.А. Системное описание и классификация кожаной обуви. Методические рекомендации. М.: ИА РАН, 2004. 66 с.
- Осипов и др., 2017** – Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2017. Т. 45. № 1. С. 112-120.
- Памятники..., 1851** – Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. СПб., 1851. Т. II. 728 с.
- Резун, 1982** – Резун Д.Я. О числе ремесленников в городах Сибири XVII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1982. С. 23-31.
- Роспись..., 1887** – Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что остались по смерти боярина Никиты Ивановича Романова... // *ЧОИДР*. 1887. Кн. 3, отд. I. С. 48-49.
- Срезневский, 1912** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1912. Т. III. 1684 с.
- Сухих, 1980** – Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке (По материалам раскопок Албазинской крепости): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1980. 15 с.
- Татауров, Черная, 2015** – Татауров С.Ф., Черная М.П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 86-91.
- Татаурова, Богомолов, 2018** – Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 107-120.
- Фурсова, 1997** – Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начала XX в.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 152 с.
- Черная, 2004** – Черная М.П. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 3 (19). С. 121-126.
- Черная, 2008** – Черная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры*. М., 2008. С. 482-515.
- Черная, 2015** – Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: ИД «Д`Принт», 2015. 276 с.
- Черная, 2016a** – Черная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2016. № 4 (42). С. 46-52.
- Черная, 2016b** – Черная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* М.-Вологда: Древности Севера, 2016. С. 14-23.
- Черная, 2018** – Черная М.П. Историко-культурный облик Тары: археологическая версия // *Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века*. М., 2018. С. 104-108.

Чурсина, 2005 – Чурсина А.А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.) // *Вестник ТГУ*. 2005. № 288. С. 113-117.

Энциклопедия символов, 1996 – Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

Этнография..., 1981 – Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 274 с.

Chernaya, 2018 – Chernaya M.P. 16th-17th Century Russian Town as a New Symbol in Siberian Ideology. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. 3(19): 121-126.

Swann, 2001 – Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001. 357 p.

References

Albazinskiy ostrog..., 2019 – Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [Ostrog Albazin: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region]. Novosibirsk: Institute of Archeology SB RAS Publ., 2019, 348 p. [in Russian]

Alekseyev, 1996 – Alekseyev, A.N. (1996). Pervyye russkiye poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii [The first Russian settlements of the 17th – 18th cc. in the north-east of Yakutia]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii SO RAN, 152 p. [in Russian]

Artem'yev, 1999 – Artem'yev, A.R. (1999). Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII – XVIII v. [Towns and forts of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th – 18th cc.]. Vladivostok, 336 p. [in Russian]

Balyunov, 2007 – Balyunov, I.V. (2007). Tipologiya kozhanoi obuvi g. Tobol'ska XVII v. [Typology of leather footwear in Tobolsk in the 17th c.]. XVII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie (XVII Ural Archaeological Meeting). Ekaterinburg; Surgut, pp. 222-231. [in Russian]

Baranov, Osipov, 2017 – Baranov, M.Yu., Osipov, D.O. (2017). Kolleksiya kozhanoi obuvi iz raskopok poseleniya «Urochishche Bala 1» (po materialam 2013–2015 godov) [Collection of leather foot wear from the Bala 1 Site (based upon the excavations of 2013–2015)]. Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Omsk: Nauka, pp. 511-517. [in Russian]

Belov et al., 1980 – Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V., Starkov, V.F. (1980). Mangazeya. Pt. 1: Mangazeiskii morskoi hod [Mangazeya. Part 1: Mangazeya sea route]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 164 p. [in Russian]

Belov et al., 1981 – Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V., Starkov, V.F. (1981). Mangazeya. Pt. 2: Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprohodtsev XVI–XVII vv. [Material culture of Russian polar sailors and explorers of the 16–17th cc.]. Moscow: Nauka, 147 p. [in Russian]

Belyaev, 2014 – Belyaev, L.A. (2014). Arkheologiya pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni v Rossii: zametki o samoopredelenii [Archeology of the late Middle Ages and modern times in Russia: notes on self-determination]. Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. T. I. Omsk-Tyumen'-Ekaterinburg: Magellan, pp. 11-18. [in Russian]

Belyaev, 2017 – Belyaev, L.A. (2017). Arkheologiya Rossii Novogo vremeni: tendentsii razvitiya [Historical archaeology in Russia: new directions of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta. Tomsk. 49: 66-70. [in Russian]

Bogomolov, Tataurov, 2010 – Bogomolov, V.B., Tataurov, S.F. (2010). Kolleksiya obuvi iz raskopok g. Tary 2009 g. [Collection of footwear from the excavations of the city of Tara in 2009]. Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Omsk: Nauka. Pp. 91-96. [in Russian]

Bogomolov, Tataurova, 2014 – Bogomolov, V.B., Tataurova, L.V. (2014). Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funerary leathern footwear of Russians in the Omsk Priirtyshye in XVII–XVIII centuries]. Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. T. 2. Omsk-Tyumen'-Ekaterinburg: Magellan, pp. 7-18. [in Russian]

Chernaya, 2018 – Chernaya, M.P. (2018). 16th-17th Century Russian Town as a New Symbol in Siberian Ideology. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(19): 121-126.

Chernaya, 2008 – Chernaya, M.P. (2008). Russkaya arheologiya kak novoe napravlenie v sibirevedenii [Russian archeology as a new trend in Siberian studies]. *Moskovskaya Rus. Problemy arheologii i istorii arhitektury*. Moscow, pp. 482-515. [in Russian]

Chernaya, 2015 – Chernaya, M.P. (2015). Voyevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760 gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya [Voivode Manor in Tomsk. 1660 to 1760: Historical and Archeological Reconstruction]. Tomsk: D'Print, 276 p. [in Russian]

Chernaya, 2016a – Chernaya, M.P. (2016). The European Component in the Ethnic and Cultural Dialog of Siberian Society: The Archaeological and Historical Context. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya*. 42: 46-52. [in Russian]

Chernaya, 2016b – Chernaya, M.P. (2016). Sibirskii opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskom kontekste [Siberian experience in the development of spaces in the historical and archaeological context]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow; Volodga: Drevnosti Severa, pp. 14-23. [in Russian]

- Chernaya, 2018** – Chernaya, M.P. (2018). Istoriko-kul'turnyi oblik Tary: arheologicheskaya versiya [Historical and cultural appearance of Tara: an archaeological version]. *Zhizn' v Rossiiskoi imperii: Novye istochniki v oblasti arheologii i istorii XVIII veka*. Moscow. Pp. 104-108. [in Russian]
- Chursina, 2005** – Chursina, A.A. (2005). Uchastie sluzhilykh lyudei Zapadnoi Sibiri v torgovle i promyslah (po materialam tamozhennykh knig Tomska i Kuznetska XVII v.) [Participation of servicemen of Western Siberia in trade and industries (based on the materials of the customs books of Tomsk and Kuznetsk of the 17th century)]. *Vestnik TGU*. 288: 113-117. [in Russian]
- Entsiklopediya..., 1996** – Entsiklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols]. Moscow: Republika, 1996, 335 p. [in Russian]
- Etnografiya..., 1981** – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XIX v. [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia in the 17th – mid-19th c.]. Moscow: Nauka, 1981. 270 p. [in Russian]
- Evseev, 1981** – Evseev, E.N. (1981). Tara v svoi pervye dva stoletiya [Tara in its first two centuries]. *Sibirskie goroda XVII – nachala XX v.* Novosibirsk: Nauka, pp. 78-109. [in Russian]
- Fursova, 1997** – Fursova, E.F. (1997). Traditsionnaya odezhda russkikh krest'yan-starozhilov Verhnego Priob'ya (konets XIX – nachala XX v.) [Traditional clothes of Russian peasants-old-timers of the Upper Ob region (the late XIX – early XX c.)]. Novosibirsk, 152 p. [in Russian]
- Ganina, 2000** – Ganina, Yu.V. (2000). Obuv' zhitelei drevnei Vologdy [Footwear of residents of ancient Vologda]. Vologda. *Kraevedcheskii al'manah*. 3: 78-92. [in Russian]
- Gerbershtein, 1988** – Gerbershtein, S. (1988). Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. M.: Izd-vo Mos. un-ta, 430 p. [in Russian]
- Goncharov, Ivonin, 2006** – Goncharov, Yu. M., Ivonin, A.R. (2006). Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala XX v. [Essays on the history of the city of Tara in the late 16th – early 20th c.]. Barnaul: Az Buka, 188 p. [in Russian]
- Kolpakov, 2015** – Kolpakov, P.A. (2015). Stanovlenie vnutrennei strazhi Rossiiskoi imperii 1811-1816 gg.: istoriko-pravovoi aspekt [Formation of the internal guard of the Russian Empire in 1811-1816: historical and legal aspect]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(60), pt. 3, pp. 95-99. [in Russian]
- Kolchin, 1985** – Kolchin, B.A. (1985). Remeslo (Craft). Arheologiya SSSR: Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo [Archeology of the USSR: Ancient Rus. Town. Castle. Village]. Moscow, pp. 243-297. [in Russian]
- Kurbatov, 1995** – Kurbatov, A.V. (1995). Kozhanye izdeliya shvedskogo perioda iz raskopok Ivangorodskoi kreposti [Leather goods of the Swedish period from the excavations of the Ivangorod fortress]. *Rossiiskaya arheologiya*. 2: 198-208. [in Russian]
- Kurbatov, 2003** – Kurbatov, A.V. (2003). «Mery sapozhnye» i problema remeslennogo uchenichestva [“Shoe measures” and the problem of craft apprenticeship]. *Arheologicheskie vesti*. 10: 169-182. [in Russian]
- Kurbatov, 2010** – Kurbatov, A.V. (2010). O gorode Bolgar i sorte kozhi «bulgari» [About the city of Bolgar and the type of leather “Bulgari”]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy*. SPb.: Dmitrii Bulanin, pp. 447-452. [in Russian]
- Kurbatov, 2014** – Kurbatov, A.V. (2014). Ol'stra po pis'mennym i arkheologicheskim dannym [What Was Olstra According to Written Sources and Archaeological Evidence]. *Stratum plus*. 6: 99-102. [in Russian]
- Labutina, 1970** – Labutina, I.K. (1970). Raskopki v Pskove u zdaniya Pedagogicheskogo instituta [Excavations in Pskov near the building of the Pedagogical Institute]. *Arheologicheskie otkrytiya 1969 g.* Moscow, pp. 25-26. [in Russian]
- Lyutsidarskaya, 1972** – Lyutsidarskaya, A.A. (1972). K voprosu o roli sluzhilogo naseleniya v razvitii g. Tomska vo vtoroi polovine XVII v. [On the question of the role of the service population in the development of Tomsk in the second half of the 17th c.]. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi zhizni Sibiri*. Pt. II. Novosibirsk, pp. 5-14. [in Russian]
- Nikitin, 1998** – Nikitin, N.I. (1998). Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII veka [Servicemen in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka, 155 p. [in Russian]
- Osipov, 2006** – Osipov, D.O. (2006). Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. Materialy ohrannykh arheologicheskikh issledovaniy [Shoes of the Moscow land of the XII–XVIII cc. Materials of protective archaeological research]. Vol. 7. Moscow, 202 p. [in Russian]
- Osipov, 2014** – Osipov, D.O. (2014). Srednevekovaya obuv' i drugie izdeliya iz kozhi (po materialam raskopok v Moskovskom Kremle) [Medieval footwear and other leather goods (based on materials from excavations in the Moscow Kremlin)]. Moscow, 269 p. [in Russian]
- Osipov, Chernaya, 2016** – Osipov, D.O., Chernaya, M.P. (2016). Kolleksiya izdelii iz kozhi po materialam raskopok Tomskogo Kremlya [Collection of leather goods based on materials from the excavations of the Tomsk Kremlin]. *Rossiiskaya arheologiya*. 4: 138-150. [in Russian]
- Osipov, Lihter, 2004** – Osipov, D.O., Lihter, Yu.A. (2004). Sistemnoe opisaniye i klassifikatsiya kozhanoi obuvi. Metodicheskie rekomendatsii [Systematic description and classification of leather footwear. Guidelines]. Moscow, 66 p. [in Russian]

Osipov et al., 2017 – Osipov, D.O., Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S., Chernaya, M.P. (2017). Leather Artifacts from Tara, Western Siberia, Excavated in 2012–2014. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 45(1): 112-120.

Pamyatniki..., 1851 – Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Rimskoi Imperieyu [Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire]. Vol. II. Saint Petesburg, 1851, 728 p. [in Russian]

Rospis'..., 1887 – Rospis' vsyakim veshcham, den'gam i zapasam, chto ostalis' po smerti boyarina Nikity Ivanovicha Romanova... (List all sorts of things, money and supplies that remained after the death of boyar Nikita Ivanovich Romanov). *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1887, bk. 3, dept. I, pp. 48-49. [in Russian]

Rezun, 1982 – Rezun, D.Ya. (1982). O chisle remeslennikov v gorodah Sibiri XVII v. [About the number of artisans in the towns of Siberia in the 17th century]. *Promyshlennost' Sibiri v feodal'nyu epohu (konets XVI – seredina XIX v.)*. Novosibirsk: Nauka, pp. 23-31. [in Russian]

Sreznevskii, 1912 – Sreznevskii, I.I. (1912). Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Vol. III. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1684 p. [in Russian]

Sukhikh, 1980 – Sukhikh, V.V. (1980). Khozyaystvennoye osvoyeniye Priamur'ya russkimi v XVII veke (Po materialam raskopok Albazinskoy kreposti) [The economic development of the Amur region by the Russians in the 17th century (Based on materials from the excavations of the Albazin fortress)]: author's abstract of dissertation ... Cand. hist. sciences. Novosibirsk, 15 p. [in Russian]

Swann, 2001 – Swann, J. (2001). History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 357 p.

Tataurov, Chernaya, 2015 – Tataurov, S.F., Chernaya, M.P. (2015). Zemlyanaya letopis' Tary: arheologicheskii kommentarii k istorii goroda [Earth chronicle of Tara: an archaeological commentary on the history of the city]. *Arheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Barnaul, pp. 86-91. [in Russian]

Tataurova, Bogomolov, 2018 – Tataurova, L.V., Bogomolov, V.B. (2018). Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes [Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region]. *Vestn. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Arkheologiya i etnografiya*. 17(7): 107-120. [in Russian]

Varfolomeeva, 1993 – Varfolomeeva, T.S. (1993). Kozhanye nozhny iz raskopok v Novgorode (Leather scabbard from excavations in Novgorod). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. Novgorod, 7: 162-169. [in Russian]

Veksler, Osipov, 1999 – Veksler, A.G., Osipov, D.O. (1999). Kozhanaya obuv' iz raskopok na Manezhnoi ploshchadi v Moskve (1995 g.) [Leather footwear from the excavations on Manezhnaya Square in Moscow (1995)]. *Tver, Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epohu srednevekov'ya* (Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages. Tver, pp. 214-221. [in Russian]

Viskovatov, 1857 – Viskovatov, A.V. (1857). Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk s risunkami, sostavlennoe po vysochaishemu poveleniyu v 34-h t. [Historical description of clothing and weapons of the Russian troops with drawings, compiled by the highest order in 34 volumes]. Pt. 13. Saint Petersburg, 204 p. [in Russian]

Vizgalov et al., 2015 – Vizgalov, G.P., Osipov, D.O., Rudkovskaya, M.A. (2015). Kolleksiya kozhanykh izdeliy iz Staroturukhanskogo gorodishcha (materialy raskopok 2010–2011 gg.) [Collection of leather goods from the Staroturukhansk settlement (excavation materials of 2010–2011)]. *Przedmiotyskorzanenacodzień i odświęta* (Items are worn every day and celebrated). Szczecin, pp. 45-72. [in Russian]

Vizgalov i dr., 2011 – Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G., Kurbatov, A.V. (2011). Mangazeya. Kozhanye izdeliya (materialy raskopok 2001–2007 gg.) [Mangazeya. Leather products (materials of the 2001–2007 excavations)]. Ekaterinburg: AMB, 216 p. [in Russian]

«Хождение за Камень» – освоение пространства в археологическом контексте (по материалам археологической кожи Тары как исторического источника)

Мария Петровна Черная^{a, *}, Дмитрий Олегович Осипов^b, Сергей Филиппович Татауров^{a, c}, Надежда Сергеевна Бен^a

^a Институт археологии, этнографии и физической антропологии» Национального исследовательского Томского государственного университета, Российская Федерация

^b Государственный исторический музей, Российская Федерация

^c Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mariakreml@mail.ru (М.П. Черная)

Аннотация. Колонизация Сибири стала вызовом глобального масштаба, изменившим вектор развития региона и России в целом. Сибирь получила новые темпы развития, новый, не свойственный ей ранее облик, новые исторические перспективы: оставаясь на своем месте, она вошла в общероссийский и общемировой контекст. Освоение пространства шло путем приспособления новопоселенцев к новым реалиям с опорой на свой культурно-ментальный код, на давно и прочно усвоенные традиции. Вместе с тем Сибирь становится пространством продолжающейся европеизации страны и территорией евразийских связей. Освоение сибирского пространства в конкретно-исторической практике воплощалось в многообразии форм и деталей, изучение которых позволяет раскрыть содержание этого сложного процесса. Исследование культурного преобразования региона значительно расширило возможности с развитием русской археологии Сибири, давшей массовые источники, по иному, чем письменные, отображающие историческую действительность. При этом анализ артефактов не ограничивается рамками сугубо археологического источниковедения, они рассматриваются в историческом контексте как материальное воплощение переноса и адаптации традиций в ходе освоения края русскими. В статье дана культурно-типологическая характеристика коллекции кожаных изделий, полученных при раскопках Тары, которые являются материальными остатками развития в городе кожевенного производства, а на его базе – изготовления кожаных изделий, прежде всего обуви – сапожного, «чеботного» промысла. Собрание археологической кожи Тары – наглядное свидетельство синтеза традиций, перенесенных с исторической родины, а также усвоенных и переработанных иноземных образцов и моды, маркером культурных изменений в процессе фронтальной модернизации.

Ключевые слова: колонизация, Сибирь, культурная адаптация, Тара, археологическая кожа как исторический источник.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2305-2314. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2305
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Virtual Immersion into Timeframes of Residency of the Representatives of Chicherin Family – Famous Figures of the Russian Diplomatic Service in the Tambov Region

Vladimir A. Nemtinov ^{a, *}, Alexander A. Gorelov ^a, Yulia V. Nemtinova ^{a, b}, Andrey B. Borisenko ^a

^a Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

^b Tambov state University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Abstract

At present, virtual reality and augmented reality are among the most promising technologies being implemented in museums. Virtual trips to memorable places allow experiencing history in an interactive form; they attract the audience and promote interest in museums and, accordingly, strengthen their cultural and educational functions. The article briefly reviews biographical information about the most prominent representatives of Chicherin family – famous figures of the Russian diplomatic service, as well as the history of the Karaul estate in the Kirsanovskiy district of the Tambov region and Chicherin's houses in Tambov. Based on available historical materials the authors created a virtual museum of historical sites of the Tambov region associated with representatives of Chicherin family. The museum is a collection of virtual three-dimensional reconstructions of objects of Chicherin's family estate in the village of Karaul, as well as spherical panoramic images and videos taken in the Chicherin's house-museum in Tambov. Reconstruction of objects of cultural and historical heritage belonging to Chicherin family was carried out using the software for visualization of architectural projects Twinmotion. Images, videos, and panoramas created by Twinmotion were then used to create a virtual tour in 3DVista Virtual Tour environment. The virtual tour is a multi-platform one and can be viewed in any modern WEB browser, both on a desktop computer and on a mobile device, without downloading any additional programs, players or plug-ins. The use of modern immersive technologies in creating such a museum contributes not only to restoration and preservation of historical memory of Chicherin family, but also to the development and popularization of local history and museum activities, especially among the younger generation.

Keywords: famous figures of the Russian diplomatic service, Chicherin family, history of memorable places, virtual reconstruction, virtual tour.

1. Введение

В настоящее время одной из основных задач развития музейного дела является поиск новых путей взаимодействия с аудиторией с учетом современных технологических трендов, в частности технологий виртуальной и дополненной реальности (Guidi et al., 2014; Nisiotis et al., 2019). Под виртуальной реальностью понимается программно-аппаратная техническая система, обеспечивающая получение эффекта трехмерного интерактивного окружения, в котором у пользователя создается ощущение присутствия (иммерсивность) (Nemtinov et al., 2016; Nemtinov et al., 2018).

На сегодняшний день существует множество разных виртуальных миров, обладающих набором определенных признаков (Onyesolu, Eze, 2011; Robles-Ortega et al., 2012; Martinez et al., 2019):

* Corresponding author

E-mail addresses: nemtinov.va@yandex.ru (V.A. Nemtinov), gorelov50@list.ru (A.A. Gorelov), julia.nemtinova@yandex.ru (Yu.V. Nemtinova), borisenko@mail.gaps.tstu.ru (A.B. Borisenko)

совместное пространство, графический пользовательский интерфейс, оперативность, интерактивность и др.

В связи с этим в данной работе авторами рассматриваются вопросы создания виртуального музея памятных мест Тамбовщины, связанных с представителями рода Чичериных – известных деятелей дипломатической службы России. Применение современных иммерсивных технологий при создании такого музея способствует не только восстановлению и сохранению исторической памяти о роде Чичериных, но и популяризации краеведческой и музейной деятельности, в том числе среди подрастающего поколения (Gorelov et al., 2019).

2. Результаты и обсуждение

Краткие биографические сведения о дворянском роде Чичериных

Свою историю дворянский род Чичериных ведет с XV века, когда на царствование в Россию прибыла из Византии гречанка Софья Палеолог. Среди сопровождавших ее лиц был некто Афанасий Чичерини – итальянец по происхождению (Чичерин – такой фамилией в России стали называть его потомков). Считается, что от Афанасия Чичерини ведет свою историю знаменитый дворянский род Чичериных (Томас, 2010), который в истории России много раз утверждался славными делами его представителей. Среди них были высокопоставленные военачальники, администраторы, разработчики государственных законов, деятели дипломатической службы и православной церкви. Чичерины принимали участие в военных походах, в защите своего отечества. Даже в установлении царской династии Романовых на российском престоле принимал участие один представитель из рода Чичериных. В 1613 году думный дьяк Иван Чичерин в числе прочих поставил свою подпись под грамотой об избрании на престол Михаила Романова (Зарницкий, Сергеев, 1966).

Еще на рубеже XVIII и XIX веков представители старинного дворянского рода Чичериных проживали в губернском городе Тамбове. С этого времени прослеживается тамбовский период в истории основной ветви дворян Чичериных. В начале XIX века в городе Тамбове у них был свой дом, однако, точное его место нахождения установить не удалось. В 1837 году тамбовский дворянин Н.В. Чичерин, женатый на Е.Б. Хвошинской, дочери другого тамбовского дворянина, продал свой дом в Тамбове и приобрел по купчей имение в юго-восточной части Тамбовской губернии. Это было село Троицкое, которое в то же время имело и другое название – Караул. Оно находилось на берегу реки Ворона в южной части Кирсановского уезда Тамбовской губернии. По мнению большинства тамбовских историков, первое название села согласуется с церковным храмом, который в 1806 году был построен на средства помещика И. Арбенёва, владевшего этим поместьем до Н.В. Чичерина. Храм был освящен в честь Святой Троицы (Тамбовский паломник, 2014). Второе название села своими корнями уходит в историческое прошлое Тамбовского края. В первой половине XIV века по реке Ворона проходила граница земель Рязанского княжества и Золотой Орды. К юго-востоку от реки начиналась степная зона, которую в исторических работах до сих пор именуют Червлёный Яр. Она была подконтрольна татарским разъездам, охранявшим ее. Западный берег реки был во многих местах обустроен русскими сторожками, наблюдательные пункты которых называли караулами (Акиндинов, Снытко, 1969). Место, на котором располагалось имение Чичериных с незапамятных времен, так и называли – «Караул».

В конце XIX века дворянский род Чичериных имел в пределах Тамбовской губернии несколько поместий в селах Березовка, Караул, Покрово-Чичерино, Новая Ляда, Перикса. К ним следует добавить дом в губернском центре. В Тамбове Чичерины вновь поселились в конце 70-х годов XIX века. Названные населенные пункты, принадлежавшие Чичериным, взяты нами из Тамбовской энциклопедии (Тамбовская энциклопедия, 2004). Возможно, что это еще не все поселения, которыми владели Чичерины в Тамбовской губернии. Однако в настоящее время лишь в трех из них сохранились объекты, которые, несомненно, относятся ко времени, когда ими владели Чичерины. Более того, только в селе Караул и в городе Тамбове сохранились такие объекты.

Факт многочисленных владений рода Чичериных объясняется прежде всего его многочисленными представителями, некогда проживавшими на территории Тамбовской губернии. В той же «Тамбовской энциклопедии» в статье «Чичерины» (Тамбовская энциклопедия, 2004) названы наиболее известные из них: Василий Петрович Чичерин (?-? гг.), действительный статский советник, в 1779–1796 годах – председатель Тамбовской палаты гражданского суда; Борис Николаевич Чичерин (1828–1904 гг.), ученый и общественный деятель; Александра Николаевна Нарышкина (1839–1919 гг.), придворная дама императорского двора, позже общественная деятельница Тамбовской губернии; Василий Николаевич Чичерин (1829–1882 гг.), дипломат, религиозный деятель; Георгина Георгиевна Чичерина (1836–1897 гг.), религиозная и общественная деятельница; Андрей Николаевич Чичерин (?-? гг.), крупный помещик, предприниматель и общественный деятель; Софья Васильевна Чичерина (1867–1918 гг.), педагог, этнограф, публицист; Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936 гг.), политический и государственный деятель, дипломат, Нарком иностранных дел СССР; Алексей Владимирович Чичерин (1899–1989 гг.), литературовед, педагог, доктор филологических наук, профессор; Софья Николаевна Чичерина (1904–1983 гг.), композитор, музыковед. В настоящее время только два места на территории сегодняшней Тамбовской

области хранят память о роде Чичериных. Оба объекта связаны с именами наиболее известных представителей рода – Бориса Николаевича и Георгия Васильевича. Оба они в разные годы являлись законными (официальными) владельцами имения в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

История усадьбы Чичериных в селе Караул в последние 100 лет

Не имея наследников, в конце своей жизни Борис Николаевич Чичерин завещал имение в селе Караул своему племяннику от младшего брата Василия Николаевича. Таким образом, имение должно было перейти в руки Георгия Васильевича Чичерина (1872–1936 гг.). Однако первые годы после смерти мужа хозяйкой имения была его супруга Александра Алексеевна Чичерина (девичья фамилия Капнист). В 1906 году к столетию Троицкого храма за большие деньги, выплаченные Александрой Алексеевной, был проведен капитальный ремонт храма. В результате он настолько обновился, что его не могли узнать люди, посещавшие его всю свою жизнь. Появилась роспись стен на библейские сюжеты, выполненная по предварительным эскизам известного русского художника Васнецова, в молебном помещении пол был выстлан цветной металлической плиткой, привезенной из Германии. Тогда же под руководством Васнецова была осуществлена роспись купольной поверхности храма. Положительные изменения произошли и в самом барском доме, были обновлены деревья в саду и в приречном (восточном) парке. Александра Алексеевна делала все для того, чтобы усадьба в Карауле оставалась главным местом сбора всех многочисленных членов рода Чичериных, своеобразной представительской резиденцией известной дворянской семьи. В начале второго десятилетия прошлого века, согласно сведением Тамбовского епархиального управления за 1911 год (*Историко-статистическое...*, 1911) рост численности прихожан, среди которых в основном были крестьяне села Караул, явно свидетельствовал о благополучии и успешном развитии всего села. Однако эти положительные тенденции были прерваны начавшейся Первой мировой войной и последовавшими за ней событиями.

После установления в 1918 году в селе Караул Советской власти был образован Караульский сельский совет, под управление которого перешло все бывшее владение семьи Чичериных. Национализация лишила всех прав бывших владельцев, однако, в отличие от многочисленных аналогичных ситуаций, в которых оказались все бывшие дворянские усадьбы Тамбовской губернии, барский дом Чичериных и практически все, что в нем находилось, удалось сохранить от разграбления. Более того, богатые коллекции картин, книг и старинная мебель первоначально были взяты под охрану, а вскоре вывезены из села Караул и размещены по музеям в Тамбове и Москве. Спасти барский дом и его имущество удалось благодаря действиям еще одного известного представителя рода Чичериных – Георгия Васильевича. В то время он был одним из лидеров большевистского правительства молодого государства, заменившего Российскую империю. С 1918 года Г.В. Чичерин находился в должности Наркома иностранных дел Советской России. Это ему было завещано имение в селе Караул, в котором он в последний раз в своей жизни был только в 1904 году, когда принимал участие в похоронах своего родного дяди Бориса Николаевича.

Дальнейшую судьбу имения Чичериных в селе Караул ожидало много тяжелых, часто несправимых обстоятельств. В том же 1918 году на территории усадьбы разместили детский дом. Тогда часть комнат по совету Г.В. Чичерина оставили под музей дворянского быта. И первоначально казалось, что такой подход к сохранению того, что еще оставалось в бывшем барском доме, послужит доброму делу сохранения исторического прошлого. Однако во второй половине 1920 года на территории Тамбовской губернии вспыхнуло, как сейчас выражаются тамбовские историки, самое последнее крестьянское восстание в истории России. Долгое время этот исторический факт в привычном толковании именовался «Антоновщина». Далеко не все крестьяне, принимавшие участие в этом восстании, следовали своим идеологическим принципам. Большую их часть восстание привлекало возможностью поживиться, поправить свое материальное положение, которое за годы войны, революции и гражданской войны было доведено до крайне низкого состояния. Грабежи, разбой и насилие в тот период охватили практически всю территорию, где полыхало восстание. Так уж сложилось, что село Караул оказалось в центре этих ужасных событий. По воспоминаниям, которые до сих пор передаются местными жителями от одного поколения к другому, сто лет назад бывшее имение Чичериных в селе Караул неоднократно подвергалось налету со стороны подразделений повстанческой армии. В результате в барском доме, в людской, на хозяйственном дворе не осталось практически ничего из того, что раньше служило хозяевам усадьбы. Грабежи не обошли стороной и Троицкий храм, из которого были вывезены самые дорогие иконы. Со слов жителей села, в тот страшный период произошли и первые разграбления некрополя дворян Чичериных, располагавшегося с южной стороны от храма. Только в марте 1922 года, после разгрома восстания, в опустошенном бывшем барском доме была размещена детская колония. Еще через год из того, что удалось собрать из бывшего имущества усадебного дома, в трех комнатах верхнего этажа была оформлена простейшая экспозиция музея дворянского быта, который за несколько лет до этого предлагал создать Г.В. Чичерин. Однако экспозиция музея была настолько бедной и малочисленной, что лишь отдаленно соответствовала заявленному направлению музея. Тем не менее он просуществовал до 1927 года и даже смог пополнить ассортимент экспозиции за счет предметов быта,

которые под разными предлогами удалось обнаружить в разных местах и вернуть в бывший усадебный дом. В 1927 году по указу музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР музей дворянского быта был ликвидирован ввиду его малой эффективности, усадьба Чичериных была снята с охраны, а последние предметы имущества бывшей дворянской усадьбы были переданы в музейные фонды городов Кирсанов, Тамбов, Москва. Все книги из библиотеки и художественные произведения коллекции дворян Чичериных были переправлены на хранение в центральные музеи и главные архивы и библиотеки страны еще раньше, в первые годы Советской власти.

Сведения об объектах памятных мест, связанных с Чичериными, на территории Тамбовской области

В Тамбове бывшая усадьба Чичериных за прошедшие 130–140 лет практически не изменилась и в основном сохранила свое прошлое состояние. В то же время в селе Караул Кирсановского района Тамбовской области можно только показать границы территории бывшей усадьбы, да и то с определенной долей неуверенности. Что касается строительных объектов, сохранности парковой зоны, то здесь все значительно хуже. Практически ничего не осталось из того, что когда-то составляло прекрасное дворянское поместье. В третьих, что вытекает из предыдущего, – это сегодняшнее состояние этих мест. В Тамбове на территории бывшей усадьбы Чичериных с 1987 года действует музей, информирующий своих посетителей об истории семьи Чичериных и о том, что связывало их с Тамбовом. В селе Караул при детском доме, расположенном в непосредственной близости к бывшей усадьбе, благодаря инициативе и заботам руководства и служащих детского дома несколько лет назад был организован самодеятельный музей, посвященный представителям дворянского рода Чичериных. Надо отдать должное Министерству иностранных дел Российской Федерации, упомянув о том, что инициатива открытия музея на общественных началах в детском доме села Караул была активно поддержана и продолжает поддерживаться им. И, несмотря на такую значимую поддержку, различие между официальным музеем в Тамбове и тем музейным уголком, действующим на общественных началах, что при детском доме в селе Караул, не идет ни в какое сравнение.

Из двух исследуемых объектов село Караул оказалось во владении Чичериных на 40 лет раньше, чем усадьба в Тамбове на пересечении улиц Большая Астраханская и Покровская. Первым ее владельцем был Николай Васильевич Чичерин, который выкупил это имение у другого тамбовского дворянина С.В. Вышеславцева в 1837 году (по другим сведениям – в 1834 году). Новый владелец начал с того, что полностью решил перестроить главный барский дом. На это потребовалось ровно 12 лет. Осенью 1849 года большая семья Н.В. Чичерина полностью переехала в отстроенный дом, который без особых перестроек сохранился до конца 1996 года. Точных данных по поводу того, что представляла собой усадьба Чичериных в Карауле, когда ее владельцем числился Николай Васильевич, нет. После его смерти усадьба и все поместье перешло старшему сыну – Борису Николаевичу Чичерину. В его владении имение в селе Караул находилось практически всю вторую половину XIX века. Тогда барская усадьба дворян Чичериных представляла собой целый комплекс жилых и хозяйственных построек, а также большую зеленую зону, окружавшую ее со всех сторон. Непосредственно на территории, которую в те годы считали усадьбой Чичериных, из хозяйственных построек были каменная мельница, за ней – хозяйственный двор, выполненный в виде каре, одна из сторон которого являлась каменным забором с воротами в центре. Далее по дороге, идущей к главному барскому дому, стоял двухэтажный каменный дом. Его называли «людская». По сути дела это был дом для прислуги, где выполнялась часть работ по обслуживанию барского дома и усадьбы в целом. К этому дому примыкал одноэтажный флигель, где проживала семья управляющего. Конечно, особое значение для усадьбы имел двухэтажный барский дом, который располагался в точке геометрического центра всей территории усадьбы на высоком холме, возвышавшемся над прибрежной террасой реки Ворона.

Вторым по важности из всех объектов усадьбы можно считать Троицкую церковь. Она была сельской церковью для всех жителей села Караул, а также считалась приходской церковью для крестьянского населения окрестных деревень. Этот храм можно уверенно назвать самым старым строением на территории усадьбы. Он был возведен в 1806 году за счет средств первого владельца имения – помещика И.Я. Арбеньева. Место для строительства храма было выбрано на высоком берегу, ближе к пойме реки. Вероятно то, что храм, отличавшийся своей красотой и чудесным местом расположения, послужил главной причиной выбора места под барскую усадьбу, которая была спланирована Н.В. Чичериным. В результате Троицкий храм оказался одним из объектов на территории барской усадьбы. Такое расположение храма послужило тому, что в нем проводились все церковно-религиозные обряды, отражавшие основные этапы в жизни каждого из членов большой семьи Чичериных. Со временем с южной стороны храма возник небольшой некрополь, в котором нашли вечный покой не только церковнослужители Троицкой церкви, но и непосредственные члены дворянской семьи Чичериных. По сведениям, полученным из епархиального архива (Самоцветов, 1876), первая церковь «во имя Троицы Животворящей» в селе Караул была упомянута в 1745 году. Она была деревянной и к началу XIX века полностью обветшала. В то время помещиком в селе Караул был отставной генерал-майор И.Я. Арбенев, который и взялся на свои средства построить на холме над рекой Ворона новую каменную церковь. Храм был построен по проекту итальянского

архитектора, проживавшего в России, Джакомо Тромбаро. Новая церковь была освящена в 1806 году. Через сто лет в ней был проведен капитальный ремонт, в котором принял участие известный русский живописец В.М. Васнецов – под его руководством был расписан главный купол храма. В ходе ремонта была обновлена внутренняя роспись стен молебного зала, а пол в нем был выложен цветной металлической плиткой, изготовленной в Германии.

Главным объектом усадьбы Чичериных в селе Караул, несомненно, был большой барский дом, выполненный по проекту архитектора Миллера в сороковые годы XIX века. Сохранилось несколько фотоснимков этого дома, сделанных более 130 лет назад. В документах ГАТО, в музее Чичериных в Тамбове хранятся чертежи этого здания. Эти материалы позволяют не только представить само здание, получить впечатление от его внешнего вида, но и использовать их в целях реконструкции рассматриваемого объекта. С позиций архитектуры барский дом в селе Караул в основном выделяется эклектическим стилем. В плане он представлял собой большой прямоугольник, по трем углам которого размещались три, несколько выступавшие от плоскостей сходящихся стен ротонды. Четвертая ротонда располагалась в центре южной стены здания, выходившей в сторону реки. Над четвертым углом здания возвышался треугольный ступенчатый щипец, который в архитектуре часто называют голландским. Внизу вдоль всей южной стены выступала каменная балюстрада, опиравшаяся на аркаду из нескольких арок, за ними, в свою очередь, были входы в подвальное помещение. На втором этаже дома располагались кабинет и спальня Бориса Николаевича Чичерина, который, выйдя в отставку в 1868 году, окончательно поселился в имении в селе Караул. Оно перешло ему в наследство от умершего к тому времени отца – Н.В. Чичерина. На втором этаже барского дома находились также комнаты для женщин, гостивших у Чичериных, большой зал-галерея с картинами известных художников, которые для своей коллекции приобретали владельцы поместья, и комнаты в качестве подсобных помещений ([Материалы свода..., 1979](#)).

Виртуальная реконструкция усадьбы в селе Караул

В последние годы на федеральном и региональных уровнях принимаются решения по восстановлению (реконструкции) памятных мест, связанных с пребыванием в них известных деятелей России.

При создании трехмерного виртуального музея усадьбы Чичериных была использована программная среда Twinmotion ([Twinmotion, 2020](#)), разработанная компанией Epic Games. Twinmotion – это основанное на технологиях Unreal Engine быстрое и сравнительно простое решение для визуализации архитектурных проектов. Этот программный продукт используется для создания как традиционных изображений и видео, так и сферических панорам и видео в формате 360°.

Созданные средствами Twinmotion изображения, видео и панорамы затем используются при создании виртуального тура в среде 3DVista Virtual Tour ([3DVista, 2019](#)). 3DVista Virtual Tour – программный продукт для создания интерактивных виртуальных туров, позволяющий в т.ч. создавать панорамные обзоры и реалистичные интерактивные экскурсии. С помощью этого программного обеспечения можно создавать высококачественные панорамы с использованием технологии 360° (фото и видеосъемка в формате 360 градусов) и поддержкой современных устройств виртуальной реальности: Samsung GearVR, Oculus, VIVE, Google Cardboard. Технология 360° (как для видео, так и для фото) «погружает» пользователя в объекты исторического наследия, показывая их с нестандартных ракурсов, и привлекает внимание к важным деталям. Одним из достоинств 3DVista Virtual Tour является то, что созданные виртуальные туры являются мультиплатформенными и могут просматриваться в любом современном WEB-браузере как на настольном компьютере, так и на мобильном устройстве без загрузки каких-либо дополнительных программ, проигрывателей или плагинов ([Nishanbaev et.al, 2019](#)). Иммерсивность и интерактивность отличают разработанный виртуальный тур от традиционной фотографии или видео ([Viazinkin et al., 2020](#); [Kersten et al., 2018](#)). На рис. 1 представлена визуализация общего вида виртуальной модели усадьбы рода Чичериных в селе Караул Тамбовской области, а на рис. 2 и рис. 3 приведены фрагменты этой модели.

Разработка виртуального тура по дому рода Чичериных в Тамбове

Основная технология создания виртуального тура – это трансформация плоского панорамного изображения в сферический формат.

Виртуальный тур позволяет зрителю проходить между панорамными фото- и видеоматериалами.

Рис. 1. Визуализация общего вида модели усадьбы рода Чичериных в селе Караул Тамбовской области

Рис. 2. Визуализация модели барского дома в селе Караул

При разработке виртуального тура авторы использовали программу 3D Vista Virtual Tour. При фото- и видеосъемке были использованы сферические камеры Insta360 Pro и Insta360 One X. Для создания снимков используются и фотографии высокой четкости, сделанные с помощью квадрокоптера DJI Mavic Pro 2. Виртуальный тур, содержащий различные медиа-инструменты, позволяет увидеть место на экране максимально реалистично.

В настоящее время виртуальный тур по дому-музею рода Чичериных в Тамбове включает в себя 25 сферических панорам, размещенных по адресу: https://heritage.tstu.ru/memorial/directaccess/dom_chicherina/index.htm

При знакомстве с экспонатами музея посетителю предоставляется возможность ознакомиться с текстовым описанием экспонатов, а также в виде звукового сопровождения, поясняющего представленные видовые изображения. На [Рисунке 4](#) представлен фрагмент сферической панорамы зеленого зала дома-музея.

Рис. 3. Визуализация территории некрополя, где похоронены члены семьи Чичериных

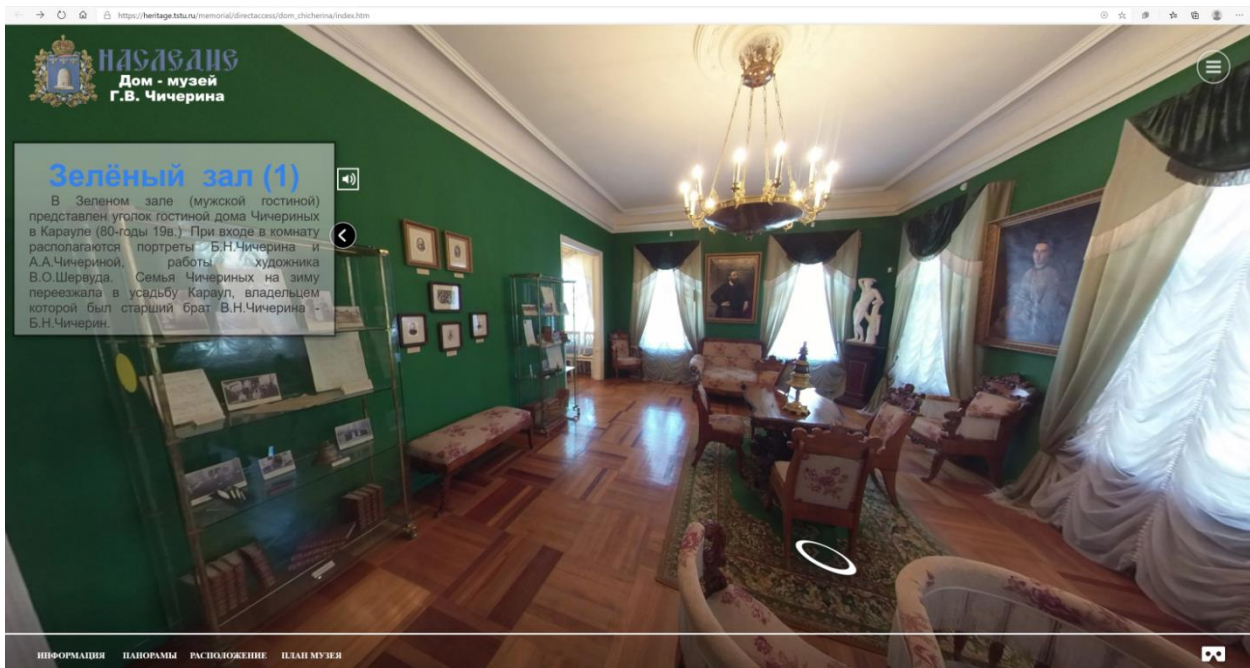

Рис. 4. Фрагмент сферической панорамы зеленого зала музея

3. Заключение

В результате проведенных исследований было установлено, что из большого числа членов дворянской ветви рода Чичериных, судьбы которых были связаны с Тамбовским краем, наиболее известными можно назвать Бориса Николаевича Чичерина (видного представителя российской школы государственоведения) и его племянника – Георгия Васильевича Чичерина (народного комиссара иностранных дел Советской России). Первый из них был больше связан с имением Чичериных в селе Караул, а второй – несколько лет провел в городе Тамбове, живя в доме отца Василия Николаевича Чичерина. Результаты данной работы рассчитаны как на широкий круг специалистов, так и на пользователей сети Интернет, интересующихся историей развития Тамбовского региона и Российской Федерации. В частности, результаты работы использованы в сфере подготовки кадров исторического и информационного направлений и формирования у них культуры исследований в области истории России с использованием информационной технологии и математического моделирования.

4. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00044 «Анализ исторических процессов памятных мест Тамбовского края, связанных с пребыванием в них известных деятелей России, с использованием технологии виртуального моделирования»).

Литература

- [Акиндинов, Снытко, 1969](#) – Акиндинов А.И., Снытко М.К. Город Уварово. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. 64 с.
- [Зарницкий, Сергеев, 1966](#) – Зарницкий С.В., Сергеев А.Н. Чичерин. Москва: Молодая гвардия, 1966. 256 с.
- [Самоцветов, 1876](#) – Самоцветов И.А. Справочная книжка по Тамбовской епархии на 1876 год. Тамбов: Губернская земская типография, 1876. 284 с.
- [Томас, 2010](#) – Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. Москва: Собрание, 2010. 280 с.
- [Историко-статистическое..., 1911](#) – Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов: Канцелярия Тамбовской Духовной Консистории, 1911. 909 с.
- [Материалы свода..., 1979](#) – Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Тамбовская область. Москва: Научно-исследовательский институт культуры, 1978. 212 с.
- [Тамбовская энциклопедия, 2004](#) – Тамбовская энциклопедия / Под ред. Л.Г. Протасова. Тамбов: Юлис, 2004. 708 с.
- [Тамбовский паломник, 2014](#) – Тамбовский паломник. Путеводитель по святым местам Тамбовской митрополии. Тамбов: Юлис, 2014. 248 с.
- [Gorelov et al., 2019](#) – Gorelov I., Nemtinov V., Nemtinova Y. Development of an information model of a virtual space of a historically significant territory // *J. Phys. Conf. Ser.* 2019. Vol. 1278. p. 012007.
- [3DVista, 2019](#) – 3DVista – Virtual Tours, 360° video and VR software. [Electronic resource]. URL: <https://www.3dvista.com/>
- [Guidi et al., 2014](#) – Guidi G., Russo M., Angheluddu D. 3D survey and virtual reconstruction of archeological sites // *Digit. Appl. Archaeol. Cult. Herit.* 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 55–69.
- [Kersten et al., 2018](#) – Kersten T.P. et al. Virtual Reality for Cultural Heritage Monuments – from 3D Data Recording to Immersive Visualisation // *Euro-Mediterranean Conference.* 2018. Pp. 74-83.
- [Martinez et al., 2019](#) – Martinez K.P. et al. Creation of a Virtual Reality Environment of a University Museum Using 3D Photogrammetric Models / *Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spat. Inf. Sci.* 2019. Vol. 42. No. 2. Pp. 841-847.
- [Nemtinov et al., 2016](#) – Nemtinov V.A. et al. Visualization of a virtual space and time model of an urban development territory // *Sci. Vis.* 2016. Vol. 8. No. 1. Pp. 120-132.
- [Nemtinov et al., 2018](#) – Nemtinov V.A. et al. Implementation of technology for creating virtual spatial-temporal models of urban development history // *Sci. Vis.* 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 99-107.
- [Nishanbaev et al., 2019](#) – Nishanbaev I., Champion E., McMeekin D.A. A Survey of Geospatial Semantic Web for Cultural Heritage // *Heritage.* 2019. Vol. 2. No. 2. Pp. 1471-1498.
- [Nisiotis et al., 2019](#) – Nisiotis L., Alboul L., Beer M. Virtual Museums as a New Type of Cyber-Physical-Social System // *Augmented Reality, Virtual Reality, and Computer Graphics. AVR 2019. Lecture Notes in Computer Science.* Vol. 11614, 2019. Pp. 256-263.
- [Onyesolu, Eze, 2011](#) – Onyesolu M.O., Eze F.U. Understanding Virtual Reality Technology: Advances and Applications // *Advances in Computer Science and Engineering. Rijeka: InTech Open Access Publisher,* 2011. Pp. 53-70.
- [Robles-Ortega et al., 2012](#) – Robles-Ortega M.D. et al. Web technologies applied to virtual heritage: An example of an Iberian Art Museum // *J. Cult. Herit.* 2012. Vol. 13. No. 3. Pp. 326-331.
- [Twinmotion, 2020](#) – Twinmotion. Real-time immersive 3D architectural visualization. [Electronic resource]. URL: <https://www.unrealengine.com/en-US/twinmotion>
- [Viazinkin et al., 2020](#) – Viazinkin A.Y., Dvuhzhilova I.V., Gorelov A.A. Formation of a “Memorial Place”: Commemorative Materials and Virtual Reconstruction (On the Example of the Memorial Place “Ivanovka”) / *Proceedings of the First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019).* Paris: Atlantis Press, 2020. Pp. 570-573.

References

- [3DVista, 2019](#) – 3DVista – Virtual Tours, 360° video and VR software. [Electronic resource]. URL: <https://www.3dvista.com/>
- [Akindinov, Snytko, 1969](#) – Akindinov, A.I., Snytko, M.K. (1969). Gorod Uvarovo [City of Uvarovo]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 64 p. [in Russian]
- [Gorelov et al., 2019](#) – Gorelov, I., Nemtinov, V., Nemtinova, Y. (2019). Development of an information model of a virtual space of a historically significant territory. *J. Phys. Conf. Ser.* 1278: 012007.
- [Guidi et al., 2014](#) – Guidi, G., Russo, M., Angheluddu, D. (2014). 3D survey and virtual reconstruction of archeological sites. *Digit. Appl. Archaeol. Cult. Herit.* 1(2): 55-69.

Istoriko-statisticheskoe..., 1911 – Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. Pod red. A.E. Andrievskogo. Tambov: kantselyariya Tambovskoi Dukhovnoi Konsistorii, 1911. 909 p. [in Russian]

Kersten et al., 2018 – Kersten, T.P. et al. (2018). Virtual Reality for Cultural Heritage Monuments – from 3D Data Recording to Immersive Visualisation. *Euro-Mediterranean Conference*. Pp. 74-83.

Martinez et al., 2019 – Martinez, K.P. et al. (2019). Creation of a Virtual Reality Environment of a University Museum Using 3D Photogrammetric Models. *Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spat. Inf. Sci.* 42(2): 841-847.

Materialy svoda..., 1979 – Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR [Materials of the Collection of monuments of history and culture of the RSFSR. Tambov Region]. Tambovskaya oblast'. Moskva: Nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury, 1978. 212 p. [in Russian]

Nemtinov et al., 2016 – Nemtinov, V.A. et al. (2016). Visualization of a virtual space and time model of an urban development territory. *Sci. Vis.* 8(1): 120-132.

Nemtinov et al., 2018 – Nemtinov, V.A. et al. (2018). Implementation of technology for creating virtual spatial-temporal models of urban development history. *Sci. Vis.* 10(3): 99-107.

Nishanbaev et al., 2019 – Nishanbaev, I., Champion, E., McMeekin, D.A. (2019). A Survey of Geospatial Semantic Web for Cultural Heritage. *Heritage*. 2(2): 1471-1498.

Nisiotis et al., 2019 – Nisiotis, L., Alboul, L., Beer, M. (2019). Virtual Museums as a New Type of Cyber-Physical-Social System. *Augmented Reality, Virtual Reality, and Computer Graphics. AVR 2019. Lecture Notes in Computer Science*. 11614: 256-263.

Onyesolu, Eze, 2011 – Onyesolu, M.O., Eze, F.U. (2011). Understanding Virtual Reality Technology: Advances and Applications. *Advances in Computer Science and Engineering. Rijeka: InTech Open Access Publisher*. Pp. 53-70.

Robles-Ortega et al., 2012 – Robles-Ortega, M.D. et al. (2012). Web technologies applied to virtual heritage: An example of an Iberian Art Museum. *J. Cult. Herit.* 13(3): 326-331.

Samotsvetov, 1876 – Samotsvetov, I.A. Spravochnaya knizhka po Tambovskoi eparkhii na 1876 god [Reference book on the Tambov diocese for 1876]. Tambov: Gubernskaya zemskaya tipografiya, 1876. 284 p. [in Russian]

Tambovskaya entsiklopediya, 2004 – Tambovskaya entsiklopediya [Tambov encyclopedia]. Pod red. L.G. Protasova. Tambov: Yulis, 2004. 708 p. [in Russian]

Tambovskii palomnik, 2014 – Tambovskii palomnik. Putevoditel' po svyatym mestam Tambovskoi mitropolii [Tambov pilgrim. A guide to holy places of the Tambov Metropole]. Tambov: Yulis, 2014. 248 p. [in Russian]

Tomas, 2010 – Tomas, L.Ya. (2010). Zhizn' G.V. Chicherina [Life of G.V. Chicherin]. Moskva: Sobranie. 280 p. [in Russian]

Twinmotion, 2020 – Twinmotion. Real-time immersive 3D architectural visualization. [Electronic resource]. URL: <https://www.unrealengine.com/en-US/twinmotion>

Viazinkin et al., 2020 – Viazinkin, A.Y., Dvuhzhilova, I.V., Gorelov, A.A. (2020). Formation of a "Memorial Place": Commemorative Materials and Virtual Reconstruction (On the Example of the Memorial Place "Ivanovka"). *Proceedings of the First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019)*. Paris: Atlantis Press. Pp. 570-573.

Zarnitskii, Sergeev, 1966 – Zarnitskii, S.V., Sergeev, A.N. (1966). Chicherin [Chicherin]. Moskva: Molodaya gvardiya, 256 p. [in Russian]

Виртуальное погружение во временные периоды пребывания в Тамбовском крае представителей рода Чичериных – известных деятелей дипломатической службы России

Владимир Алексеевич Немтинов ^{a, *}, Александр Алексеевич Горелов ^a,
Юлия Владимировна Немтинова ^{a, b}, Андрей Борисович Борисенко ^a

^a Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

^b Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время виртуальная и дополненная реальности являются одними из перспективных технологий, внедряемых в музеях. Виртуальные путешествия по памятным местам позволяют прикоснуться к истории в интерактивном формате, они привлекают аудиторию и позволяют повысить интерес к музеям и, соответственно, усилить их культурно-образовательную функцию. В статье кратко рассмотрены биографические сведения о наиболее ярких представителях

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nemtinov.va@yandex.ru (В.А. Немтинов), gorelov50@list.ru (А.А. Горелов), julia.nemtinova@yandex.ru (Ю.В. Немтинова), borisenko@mail.gaps.tstu.ru (А.Б. Борисенко)

рода Чичериных – известных деятелей дипломатической службы России, а также история усадьбы Караул в Кирсановском районе Тамбовской области и дома Чичериных в г. Тамбове. На основе доступных исторических материалов авторами был создан виртуальный музей по историческим местам Тамбовского края, связанным с представителями рода Чичериных. Музей представляет собой совокупности виртуальных трехмерных реконструкций объектов усадьбы рода Чичериных в селе Караул, а также сферических фото- и видеопанорам, снятых в доме-музее Чичериных в Тамбове. Реконструкция объектов культурно-исторического наследия рода Чичериных осуществлялась в программе для визуализации архитектурных проектов Twinmotion. Созданные средствами Twinmotion изображения, видео и панорамы затем были использованы при создании виртуального тура в среде 3DVista Virtual Tour. Виртуальный тур является мультиплатформенным и может просматриваться в любом современном WEB-браузере как на настольном компьютере, так и на мобильном устройстве без загрузки каких-либо дополнительных программ, проигрывателей или плагинов. Применение современных иммерсивных технологий при создании такого музея способствует не только восстановлению и сохранению исторической памяти о роде Чичериных, но и развитию и популяризации краеведческой и музейной деятельности, в том числе среди подрастающего поколения.

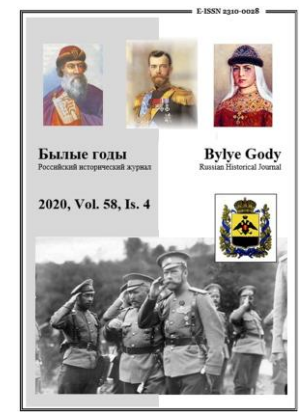
Ключевые слова: деятели дипломатической службы России, род Чичериных, история памятных мест, виртуальная реконструкция, виртуальный тур.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2315-2323. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2315
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The North Indigenous Peoples and the Inquisitorial Nature of Yamal and Yugra Prisons in the XVII – at the beginning XX centuries

Olga N. Naumenko ^{a, *}

^aYugra State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the two legal systems that existed on the territory of Yamal and Yugra, as well as their influence on the inquisitorial nature for the local prisons. The author concludes that these systems (customary law and continental law) were in conflict with each other. The legal customs of the North indigenous peoples who lived in the Arctic and subarctic zone did not imply the existence of prisons, torture and physical punishments for criminals from their ethno-confessional community; retribution was carried out by Northern gods and mythical creatures. Therefore, the introduction of Russian laws, the organization of prisons and torture chambers was not an effective measure for subjugating the indigenous population. In the XVIII century in the North, the state carried out a partial unification of local legal systems; Russian legislation began to penetrate the customs of the North peoples, but it was adopted by them only to the extent that it ensured humanity and justice from the position of traditional cultures. Their legal views and investigative practices have begun to be taken into account and used by local law enforcement agencies in the implementation of Russian law. Thus, there was a process of partial merging of legal systems and, accordingly, easing the inquisitorial nature of the Russian prison in the North. The author assesses the scale of the use of torture in Germany, which extended its influence to the Arctic territories of Western Siberia, and concludes that the annexation of the North to the Russian state minimized the inquisitorial component in the life of indigenous peoples.

Keyword: Yamal, Yugra, Germany, legal custom, prison, Inquisition, indigenous peoples of the North, Russian legislation.

1. Введение

На протяжении последних 200 лет Россия периодически проводит гуманизацию тюремного заключения по европейскому образцу, что обычно заканчивается частичным или полным отказом от нововведений и возвратом к прежним стандартам. В 2020 г. закончился последний этап гуманизации уголовно-исполнительной системы, проведенный на основе опыта Норвегии, пенитенциарная система которой считается самой гуманной в мире. Однако в российских местах заключения именно в последние 10 лет, отведенные на реформу, начало расти число бунтов, рецидивов, киберпреступлений и других явлений, которые свидетельствуют не об исправлении осужденных, а об активном культивировании в тюрьмах преступного поведения. В целом темпы прироста преступности в тюрьмах на 2018 г. уже составили 42,3 % (Репецкая, Сутурин, 2019: 83).

Похожие процессы наблюдались на предыдущих этапах гуманизации тюрьмы, проведенных при Александре I, Александре II, Николае II и Н.С. Хрущеве (Naumenko, 2017), что свидетельствует о наличии общих факторов культурно-исторического характера, которые на российской почве не позволяют реализовать успешный пенитенциарный опыт Европы. Один из таких факторов – особые представления о гуманности права и наказания, которые сложились у коренных народов Севера, причем при

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko)

взаимодействии коренного населения с русскими переселенцами происходило заимствование юридических норм и практик. Цель статьи – на примере инквизиционного характера тюрем Ямала и Югры проанализировать в условиях Севера процесс сближения обычного и континентального права.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает три группы материалов:

1) документы Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске, содержащие информацию о местах заключения Ямала и Югры и применяемых там пытках; 2) экспонаты «Музея сибирской каторги и ссылки» (г. Тобольск) и «Музея средневековых пыток и наказаний» замка Нессельберг (г. Калининград), в последнем находится 40 видов пыточных устройств, характерных для Западной Европы и применявшихся до XVIII–XIX вв. Сравнительный анализ музейных экспонатов позволяет выявить уровень инквизиционного характера сибирских тюрем в сравнительном контексте с европейскими; 3) этнографические материалы (Григоровский, 1882; Анучин, 1908; Сирелиус, 2001), включая полевые материалы автора. Полученные данные дополнили архивные документы и позволили их интерпретировать с учетом правовой культуры различных групп населения Севера.

Методологическая основа исследования – общая теория систем Л. фон Берталанфи (Bertalanffy, 1968), спроецированная на социум и предполагающая, что погруженные в хаос элементы сами выстроятся в наиболее вероятной последовательности. В XVII в., с укреплением в Западной Сибири российской административной власти, в такой хаос погрузилась региональная правовая среда, состоявшая из нескольких конфликтовавших между собой мировоззренческо-юридических систем. В течение двух веков шел процесс унификации правовых норм, которые выстраивались в новой комбинации: наиболее важные закреплялись, менее значимые исчезали, а третьи получали новый смысл. В результате регион получил синкретичный характер права, частично изменивший представления не только коренного населения, но и русских переселенцев.

В статье использован сравнительно-исторический метод исследования, который позволил выявить особенности правовых представлений различных групп населения Ямала и Югры, а также проследить процесс трансформации этих представлений в разные исторические периоды. Метод актуализации дал возможность использовать полевые материалы и спроецировать традиционные правовые нормы, характерные для современных коренных народов Севера, на их прошлое.

3. Обсуждение

История тюрем Западной Сибири XIX – начала XX вв. исследована в предыдущих работах автора (Бортникова, 1999; Naumenko, 2017 и др.), но территориально без Ямала и Югры, а хронологически без учета XVII – XVIII вв. Сибирский Север привлек внимание ученых лишь применительно к ГУЛАГу (Гриценко, Калинин, 2010 и др.), а более ранние периоды остались неизученными. Отдельные аспекты проблемы исследовались в нескольких направлениях: 1) правовая культура народов Севера (Зибарев, 1990 и др.), но там нет информации об отношении обских утров к пыткам и тюремному заключению; 2) история пыток в российских тюрьмах (Смирнов, 2014 и др.), однако никто из авторов не исследовал территорию Севера; 3) проблема гуманизации тюремного заключения в Западной Сибири (Naumenko, 2017: 198–208), но статья охватывает только период Новейшей истории. В настоящее время нет ни одного исследования российских и зарубежных ученых, которое отразило бы возникновение и инквизиционный характер пенитенциарных учреждений Ямала и Югры, влияние на них местных культур, а также сочетание правового обычая и континентального права в рамках одного Северного региона.

4. Результаты

Наиболее древним комплексом уголовно-правовых норм являлось обычное право коренных народов Севера. Его принципиальное отличие от остальных систем заключалось в «магической» составляющей, которая определяла механизм наказания. Возмездие за преступление наступало по принципу *мудаты* (хант.), что означает «проклинать» со смыслом «данное проклятие обязательно исполнится, избежать его невозможно». Этими заклинаниями ханты обращались к духам, которые должны были услышать, рассудить и осуществить наказание (если сочтут это справедливым). Однако и в самих проклятиях, как считалось, была заложена огромная разрушительная сила. Словесные «формулы» сопровождалась действиями: например, ханты делали изображение человека и стреляли в него из лука или же наносили удары ножом и т.д. Практически на каждый типовой конфликт существовали специальные тексты-проклятия *мудтасты ясау* (хант.) и песни-проклятия *мудтасты ар* (хант.). Если конфликт был межродовым и связан с убийством, то применялась *нур каиты* (хант.) – кровная месть: «Там питты нуви доньцен, там потты нуви якуен нау эхтенан ат лудл» (хант.), – что означает «Этот белый снег, что выпадет, этот белый лёд, что застынет, на тебе пусть растает» (имеется в виду – над твоей могилой). Система наказаний после наложения проклятия включала болезнь нарушителя и его детей, неудачу в промысле, гибель преступника или всего его рода (ПМА, 2019).

Институт тюрьмы и пытки в таких представлениях возникнуть не мог. Между тем с присоединением Западной Сибири к России пытка для допроса подозреваемого или свидетеля на Севере начала присутствовать повсеместно. Из 25 исследованных документов по истории Обдорска¹ за 1636–1668 гг., касающихся сбора ясака, пытка в отношении остяков и самоедов упоминается более 10 раз (Обдорский край..., 2004: 10-73). В документах выделяется «просто пытка» и «пытка накрепко», а также «кнут» и «жжение огнем». Численность подвергшихся последнему виду пытки в 1657 г. отражена в Отписке тобольского воеводы И.А. Хилкова в Березов: по подозрению в подготовке восстания из каждой опальной волости «огнем пытано» по 10–20 человек, которые в результате подтвердили свое участие в заговоре; остальные же задержанные признали вину до начала экзекуции и таким образом ее избежали (Обдорский край..., 2004: 65). Нередко пытали свидетелей, что видно из рапорта воеводы Обдорска в 1644 г. о женах подозреваемых самоедов: «Двух жонок самоядцки велел и пытать, и пытаны. И что, государь, те воровские самоядцкие жонки в роспросе и с пытки сказали, и то, государь, писано под сею отпискою в роспросных и в пыточных речах...» (РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 292).

Обско-угорский фольклор, архивные и этнографические материалы не зафиксировали наличие у народов Севера каких-либо мест заключения и применение физических наказаний по отношению «к своим». Институт тюрьмы, распространенный на аборигенов арктической и субарктической зоны Западной Сибири, фиксируется только с появлением российской власти, которая использовала его для экзекуции, содержания заключенных, а нередко – и аманатов-заложников (для гарантии сдачи ясака его семьей). Аманаты содержались там годами, будучи оторванными от своей семьи и привычного образа жизни: «... мы люди дикие и кочевые, на одном нам месте жить невозможно, в тюрьме сидеть за приставом боимся, семьи кочуют более двух тысяч верст [отсюда]» (РГАДА, Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 11).

В XVII в. заключение аборигенов в тюрьмы и пыточные камеры означали вторжение российской административной власти в систему правовых отношений, которые регулировались исключительно северными духами и богами. Поэтому устрашительный характер тюрьмы был слабо эффективен на долгосрочную перспективу: «отношения» с потусторонним миром оказывались несравнимо приоритетнее подчинению российской администрации. Действия властей вызвали у народов Севера ответную реакцию. В 1636 г. в рапорте воеводы Б.И. Пушкина об убийстве самоедами гонцов, направлявшихся из Мангазеи в Обдорск, прямо указывается, что они в русских поселках «четыре недели образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали» (РГАДА. Ф. 214. Стб. 425. Л. 110-114).

Попытка Российского государства урегулировать уголовно-правовую сферу коренных народов Севера привела в конце XVIII – начале XIX вв. к созданию сборников правовых обычаев, но с включением туда наказаний по российскому уголовному праву, адаптированному к традиционной культуре. Документ «Обычай инородцев Тобольской губернии», в котором из 12 статей шесть относились к уголовным (обида, кража, обман, святотатство, распри на играх и пиршествах, убийства), предполагал «позорное» препровождение по деревне и публичную порку плетью – нормы, ранее неизвестные коренным народам Севера (Сборник..., 1876: 13-15).

Анализ 96 уголовных дел за 1881–1901 гг. (по двум вынесен оправдательный приговор), рассмотренных Обдорской инородческой управой, показывает масштаб применения розог к остякам и самоедам (Обдорской управы..., 1970: 23-153).

Таблица 1. Преступления и наказания по приговорам Обдорской инородческой управы за 1881–1901 гг.

Состав преступления	Количество уголовных дел	Число ударов розгами по приговору
Кража, в том числе оленей, вина и другого имущества	64	От 10 до 40
Оскорбление действием в пьяном виде	14	От 7 до 40
Оскорбление словами	2	15
Буйство в пьяном виде	7	15
Растрата казенного и частного имущества (выменяли на вино)	3	10
Изнасилование (в пьяном виде)	2	От 5 до 10
Непредумышленное убийство (в пьяном виде)	2	100
Неисполнение служебных обязанностей	1	20
Святотатство (разрытие могил и похищение имущества)	1	40
Всего	96	

¹ Обдорск – современный Салехард.

У.Т. Сирелиус при исследовании культуры хантов приводит свидетельства ударов плетью за кражу рыбы из ловушек и называет это «обычным остяцким правом» (Сирелиус, 2001: 79). Обратим внимание, что в традиционной культуре хантов физические наказания не отражены, а У.Т. Сирелиус и «Сборник обычного права» фиксируют их именно как обычай, из чего можно сделать вывод, что норма о телесных наказаниях начала формироваться в традиционной культуре хантов, но не успела в ней закрепиться.

В условиях Севера российская правовая система изначально получила особую роль: подчинение коренного населения, платившего ясак в российскую казну; кроме этого, тюрьмы использовались для содержания поступавших на каторгу и в ссылку преступников (колодников). Кроме обычных тюрем, колодников принимал Кондинский монастырь, основанный в XVII в. и ставший первым на Обском Севере. В нем пытка не применялась: в середине 1750-х гг. для преступников (преимущественно «епитимщиков» и раскольников) в монастыре не оказалось даже «железных кандалов», требующихся по закону, и заключение отбывалось без них. Кандалы в монастыре появились только с прибывшими из Европейской России заключенными (Кодинский..., 2007: 16), а недостаток железа в случае необходимости компенсировался деревянными колодами. Самым страшным наказанием считалось приковывание цепью к стене, однако цепей в монастырской темнице тоже не было, а сама мера практиковалась только в светских тюрьмах региона (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 20. Оп. 1. Д. 9. Л. 82). О.П. Цысь в исследовании по истории наказаний в Кондинском монастыре также не упоминает о наличии там пыточных приспособлений (Цысь, 2018). Таким образом, монастырские застенки Севера находились под влиянием православного мировоззрения, а устрашающую роль наказания осуществляли места заключения, организованные светской властью.

Однако и в светских тюрьмах устрашительный характер наказания был снижен по сравнению с Западной Европой. В качестве возможной альтернативы западносибирская Арктика могла испытать инквизиционный опыт Германии, которая активно осваивала регион с периода Средневековья, посылая корабли на Карское море (Обдорский край..., 2004: 74-89). Как показывает опыт европейских стран, на колонии переносилось уголовное законодательство метрополий. Сравнительный анализ пыточных устройств Германии (Музей средневековых пыток..., Инв. № 1-40) и их аналогов, обнаруженных в Западной Сибири, показал отличия двух инквизиционных систем (Таблица 2). Список наличия/отсутствия в Западной Сибири инструментов для пыток составлен по их отражению в коллекции «Музея Сибирской каторги и ссылки» в составе Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Музей Сибирской каторги), по данным в опубликованных исследованиях и упоминанию в местных архивных фондах – всего около 1500 дел (ГАТО в г. Тобольске, Ф. 15, 17, 18, 20, 152, 154, 156, 159, 330, 331, 471, 659, 684, 689).

Таблица 2. Виды и предназначение пыточных устройств в местах заключения Германии и Западной Сибири в XVII – начале XIX вв.

	Германия	Западная Сибирь
Для проникновения во внутренние органы и их повреждения		
1.	«Груша»	нет
2.	«Испанский паук»	нет
3.	«Испанская щетка»	нет
4.	«Испанский воротник»	нет
5.	«Шейная ловушка»	нет
6.	«Нюрнбергская дева»	нет
8.	«Вилка еретика»	нет
9.	«Башмаки с шипами»	нет
10.	«Печать конокрада»	нет
11.	«Железный башмак»	нет
12.	Щипцы	нет
14.	«Утробная кошка»	нет
15.	Ручная пила	нет
16.	«Колыбель Иуды»	нет
17.	«Молитвенный крест»	нет
18.	Кресло допроса	нет
19.	«Гаррота»	нет
20.	Железный кляп	нет
Для сдавливания и дробления тела		
21.	Пресс для головы	нет
22.	«Испанский сапог»	нет

23.	Инструменты для колесования	нет ¹
24.	Коленодробилка	нет
25.	Тиски для больших пальцев	нет
26.	«Флейта-шумелка»	нет
27.	«Кандалы аиста»	нет
В качестве превентивной меры, «легкого наказания», «легкой пытки» и «легкой» смертной казни		
28.	Кандалы	есть (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 780)
29.	Цепи для приковывания к стене	есть (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 20. Оп. 1. Д. 9. Л. 82)
30.	Инструмент для кастрации, стерилизации	нет, зафиксированы только в сектах скопцов (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 266. Л. 2)
31.	Инструменты для клеймения	есть (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 647. Л. 32)
32.	Плети (кнут)	есть (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 647. Л. 32)
33.	Дыба	есть подробнее: (Зуев, Миненко, 1992)
34.	Пояс верности (мужской и женский)	нет
35.	«Позорный столб»	есть (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573. Л. 2)
36.	«Ожерелье картежника»	нет
37.	«Скрипка сплетниц»	есть аналог – «лиса», «колоды» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 20. Оп. 1. Д. 9. Л. 82)
38.	«Ошейник с бубенцом»	нет
39.	«Мантя пьяницы»	нет
40.	Гильотина	нет

Таким образом, в Западной Сибири использовались преимущественно «легкие» виды пыток, большинство из которых представляли собой превентивную меру от побегов. В качестве иллюстрации инквизиционного наказания Германии приводим «Печать конокрада»: в пятку вбивали гвоздь с навешанной на него подковой, после чего наказанный больше не мог передвигаться на ногах.

Рис. 1. «Печать конокрада» (Музей, инв. № 13). Фото автора

¹ Для колесования преступников увозили в Европейскую Россию, см. подробнее: (Зуев, Миненко, 1992).

Рис. 2. «Утробная кошка» для вытягивания внутренностей (Музей, инв. № 21). Фото автора

Рис. 3. Коленодробилка (Музей, инв. № 15). Фото автора

Данные таблицы и иллюстраций показывают, что инквизиционные практики Германии были значительно более опасными для народов Севера, чем пенитенциарная система России, а вхождение Западной Сибири в состав православного государства предотвратило реализацию в регионе европейского опыта уголовных наказаний. Однако в целом российское право, как и германское, отнеслось к одной (континентальной, или романо-германской) правовой системе, поэтому в европейской части России заимствование европейских инквизиционных практик было значительно сильнее (Гернет, 1951). Отсутствие многих из них на Севере отражает влияние сложившихся там традиционных представлений.

Кроме этого, в XIX в. началось сближение двух правовых систем западносибирского Севера. Коренные народы приняли российские законы в адаптированном к их культуре варианте. «Магические» наказания остались как дополнительная мера, что в целом соответствовало российскому праву, когда преступник, помимо приговора суда, получал и церковное наказание. Правовые практики народов Севера проникли в процесс следствия и суда при разборе дел с участием русского населения: вместо признаний, полученных под пыткой, суды стали принимать показания шаманов. Н.П. Григоровский описывает несколько видов «ясновидящих» шаманов, которые, как считалось, через «магнетизм» и призвание духов лисиц, медведей и других животных знают, что происходит вокруг (Григоровский, 1882: 55). Он также приводит показательный пример, когда его сосед крестьянин Егор вместе со старшиной и соседями безуспешно искал украденные хомуты, после чего обратился к шаману. В ходе камлания шаман описал вора и указал место, где была спрятана пропажа (Григоровский, 1882: 58). Однако важен другой факт: как отметил В.Ф. Косарев, обстоятельства, «выявленные шаманским гаданием, были признаны местной властью достаточно серьезным основанием для... привлечения увиденного шаманом преступника к ответу» (Косарев, 1991: 185). Местная власть делала шаманов полноценными участниками следственных действий, а полученная информация принималась как доказательство независимо от категории дел и

этноконфессиональной принадлежности участников процесса: еще один показательный пример приводится в работе Д.Н. Анучина (Анучин, 1908).

Таким образом, нормы из двух правовых систем, конфликтовавших изначально, дополнили друг друга и создали логичный для Севера комплекс юридических представлений и практик.

5. Заключение

Синкретичный характер права стал возможен при стремлении местной власти урегулировать и по возможности унифицировать уголовно-правовую сферу региона, но на это потребовалось длительное время. Отношение российской администрации и русского переселенческого населения к местным юридическим обычаям прошло долгий путь: от отторжения, незнания и непонимания в XVII – первой половине XVIII вв. через их законодательное закрепление во второй половине XVIII – начале XIX вв. до принятия, апробации и использования в своей следственной и судебной практике. Такие явления стали возможны в условиях православного мировоззрения, которое в этнокультурной среде Севера постепенно приобрело не просто веротерпимый характер, но и черты мультирелигиозности. Поэтому гуманизация тюремного заключения на Севере исходила из сложившихся там мировоззренческих установок.

В Европе ситуация была другой. Масштаб инквизиционных практик требовал такого же масштаба гуманизации тюрьмы. Инквизиция вызвала революцию в общественном сознании европейцев, которые уже в период Позднего Средневековья начали требовать законодательного закрепления прав человека, лишения католической церкви ее судебных функций и т.д. Российский Север не знал европейской инквизиции, соответственно, пределы гуманизации тюремного заключения находились в другом культурном диапазоне. Поэтому неоднократные попытки реформирования тюрем по европейским стандартам, активно поддерживаемые уголовным сообществом, вызывали непонимание обывателей, а в сочетании с неблагоприятными для власти социально-экономическими и политическими условиями, как это случилось при Николае II, получили крайнее выражение – отторжение самой государственной власти.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке: 1) РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа, проект № 19-49-890002; 2) РФФИ, проект № 20-013-00423; 3) РФФИ, Проект № 20-19-50307.

Литература

Анучин, 1908 – Анучин Д.Н. О применении фонографа и, в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске // *Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, 1908. Т. 114.

Бортникова, 1999 – Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД, 1999. 304 с.

ГАТО в г. Тобольске – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.

Гернет, 1951 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1951. 327 с.

Григоровский, 1882 – Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края / *Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества*, 1882. 60 с.

Гриценко, Калинин, 2010 – Гриценко В., Калинин В. 501/503. История мертвой дороги. Екатеринбург: Баско, 2010. 240 с.

Зибарев, 1990 – Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Томский государственный университет, 1990. 208 с.

Зуев, Миненко, 1992 – Зуев А.С., Миненко И.А. Секретные узники сибирских острогов. Новосибирск: Наука, 1992. 162 с.

Кодинский..., 2007 – Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. Сборник документов. Томск, 2007. 354 с.

Косарев, 1991 – Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Музей средневековых пыток... – Музей средневековых пыток и наказаний замка Нессельберг, г. Калининград [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/kaliningrad/museum/3221> (дата обращения: 10.11.2018).

Музей Сибирской каторги и ссылки – Музей Сибирской каторги и ссылки [Электронный ресурс]. URL: <http://tiamz.ru/ru/museums/9> (дата обращения: 15.12.2018).

Обдорской..., 1970 – Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901). Томск: Томский государственный университет, 1970. 164 с.

Обдорский край..., 2004 – Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. 200 с.

ПМА – Полевые материалы автора. Информатор: Молданова Татьяна Александровна, г. Ханты-Мансийск.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Репецкая, Сутурин, 2019 – Репецкая А.Л., Сутурин М.А. Российская пенитенциарная преступность: динамика современного состояния и структуры // *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 4 (87). С. 82-88.

Сирелиус, 2001 – Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск: издательство Томского университета, 2011. 344 с.

Сборник..., 1876 – Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Изд. Д.Я. Самоквасова, 1876. 283 с.

Смирнов, 2014 – Смирнов А.М. Инквизиция (самосуд) русской православной церкви // *Пролог: журнал о праве*. 2014. Т. 2. № 4. С. 25-31.

Цысь, 2018 – Цысь О.П. Кондинский Свято-троицкий монастырь в системе наказания и социального служения / *Актуальные проблемы гуманитарных наук*. Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, 2018. С. 359-362.

Bertalanffy, 1968 – *fon Bertalanffy L. General System theory: Foundations, Development, Applications*. New Yourk: George Braziller, 1968. 289 p.

Naumenko, 2017 – Naumenko O.N., Naumenko E.A. «Breivik's Syndrome» in the Tobolsk Prison Castle // *Modern History of Russia*. 2017. No 3. Pp. 198-208.

References

Anuchin, 1908 – Anuchin, D.N. (1908). O primeneniі fonografa i, v chastnosti, o zapisi shamanskogo kamlaniya v Sredne-Kolymске [On the use of the phonograph and, in particular, on the recording of shamanic kamlaniya in Sredne-Kolymsk]. *Izvestiya obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. T. 114. [in Russian]

Bertalanffy, 1968 – Bertalanffy, L. (1968). General System theory: Foundations, Development, Applications. New Yourk: George Braziller, 1968. 289 p.

Bortnikova, 1999 – Bortnikova, O.N. (1999). Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801–1917 gg. [Prison Siberia: the penitentiary system of Western Siberia in 1801-1917]. Tyumen': Tyul MVD, 304 p. [in Russian]

GATO v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoі oblasti v g. Tobol'ske [State archive of the Tyumen region in Tobolsk].

Gernet, 1951 – Gernet, M.N. (1951). Istoriya tsarskoі tyur'my. T.1. [History of the Tsar's prison, vol. 1.] Moskva.: Yuridicheskaya literatura, 327 p. [in Russian]

Gricenko, Kalinin, 2010 – Gricenko, V., Kalinin, V. (2010). 501/503. Istoriya mertvoj dorogi [501/503. History of the dead road.]. Ekaterinburg: Basko, 240 p. [in Russian]

Grigorovskij, 1882 – Grigorovskij, N.P. (1882). Oчерki Narymskogo kraя [Essays of the Narym region]. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva, 60 p. [in Russian]

Kodinskii..., 2007 – Kodinskii (Kondinskii) Svyato-Troitskii monastyr' v pervoi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov [Kodinsky (Kondinsky) Holy Trinity monastery in the first half of the XVIII century. Collection of documents]. Tomsk, 2007. 354 p. [in Russian]

Kosarev, 1991 – Kosarev, M.F. (1991). Drevnyaya istoriya Zapadnoі Sibiri: chelovek i prirodная sreda [The Ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. Moskva.: Nauka. 302 p. [in Russian]

Muzei Sibirskoi katorgi... – Muzei Sibirskoi katorgi i ssylki [The Museum of the Siberian penal servitude and exile] [Electronic resource]. URL: <http://tiamz.ru/ru/museums/9> (date of access: 15.12.2018). [in Russian]

Muzei srednevekovykh pytok... – Muzei srednevekovykh pytok i nakazanii zamka Nessel'berg, g. Kaliningrad [Electronic resource]. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/kaliningrad/museum/3221> (date of access: 10.11.2018). [in Russian]

Naumenko, 2017 – Naumenko, O.N., Naumenko, E.A. (2017). «Breivik's Syndrome» in the Tobolsk Prison Castle. *Modern History of Russia*. 3: 198-208.

Obdorskii krai..., 2004 – Obdorskii krai i Mangazeya v XVII veke. Sbornik dokumentov [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. 200 p. [in Russian]

Obdorskoi..., 1970 – Obdorskoi upravы kniga dlya zapisi prigovorov po tyazhbam, sporam i prostupkam inorodtsev (1881–1901) [Obdorsk Council book for recording judgements in litigation, disputes and misconduct were foreigners (1881-1901)]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 1970. 164 p. [in Russian]

ПМА, 2019 – Polevye materialy avtora. Informator: Moldanova Tat'yana Aleksandrovna, g. Khanty-Mansiisk [Field materials, 2019. The informant Moldanova Tatiana, the city of Khanty-Mansiysk]. [in Russian]

Repetskaya, Suturin, 2019 – Repetskaya, A.L., Suturin, M.A. (2019). Rossiiskaya penitentsiarnaya prestupnost': dinamika sovremennogo sostoyaniya i struktury [Russian penitentiary crime: dynamics of the current state and structure]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 4(87): 82-88. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].

Sbornik..., 1876 – Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev [Collection of customary law of Siberian foreigners]. Varshava: Izd. D.Ya. Samokvasova, 1876. 283 p. [in Russian]

Sirelius, 2001 – Sirelius, U.T. (2001). Puteshestvie k khantam [Journey to the hunts]. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 344 p. [in Russian]

Smirnov, 2014 – Smirnov, A.M. (2014). Inkviziciya (samosud) russkoj pravoslavnoj cerkvi [The Inquisition (lynching) of the Russian Orthodox Church]. *Prolog: zhurnal o prave*. 2(4): 25-31. [in Russian]

Tsys', 2018 – Tsys', O.P. (2018). Kondinskii Svyato-troitskii monastyr' v sisteme nakazaniya i sotsial'nogo sluzheniya [Kondinsky Holy Trinity monastery in the system of punishment and social service]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk*. Nizhnevartovskii gosudarstvennyi universitet, Nizhnevartovsk, 2018. Pp. 359-362. [in Russian]

Zibarev, 1990 – Zibarev, V.A. (1990). Yustitsiya u malykh narodov Severa (XVII–XIX vv.) [Ustice among the small peoples of the North (XVII–XIX centuries.)]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 208 p. [in Russian]

Zuev. Minenko, 1992 – Zuev, A. S., Minenko, I.A. (1992). Sekretnye uzniki sibirskikh ostrogov [Secret prisoners of Siberian prisons]. Novosibirsk: Nauka, 162 p. [in Russian]

Коренные народы Севера и инквизиционный характер тюрем Ямала и Югры в XVII – начале XX вв.

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается анализ двух правовых систем, существовавших на территории Ямала и Югры, а также их влияние на инквизиционный характер местных тюрем. Автор приходит к выводу, что эти системы (обычай и континентальное право) конфликтовали между собой. Правовые обычаи коренных народов Севера, проживавших в Арктике и субарктической зоне, не предполагали наличие тюрем, пыток и физических наказаний для преступников из своего этно-конфессионального сообщества; возмездие осуществлялось северными богами и мифическими существами. Поэтому введение в действие российских законов, организация тюрем и пыточных камер не было эффективной мерой для подчинения коренного населения. В XVIII в. на Севере государство провело частичную унификацию местных правовых систем; российское законодательство стало проникать в обычаи народов Севера, но было принято ими лишь в той мере, которая обеспечивала гуманность и справедливость с позиции носителей традиционных культур. Их правовые представления и следственные практики начали учитываться и использоваться местными правоохранительными органами при реализации российского права. Таким образом, произошел процесс частичного слияния правовых систем и, соответственно, смягчения на Севере инквизиционного характера российской тюрьмы. Автор также оценивает масштаб применения пытки в Германии, распространявшей свое влияние на арктические территории Западной Сибири, и приходят к выводу, что присоединение Севера к Российскому государству минимизировало инквизиционную составляющую в жизни коренных народов.

Ключевые слова: Ямал, Югра, Германия, правовой обычай, тюрьма, инквизиция, коренные народы Севера, российское законодательство.

* Корреспондирующий автор

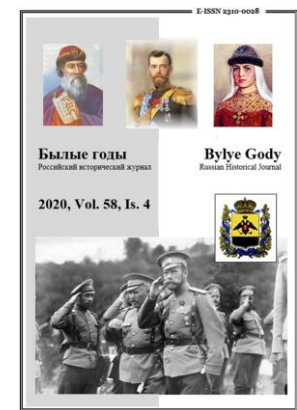
Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2324-2335. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2324
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Formation of Institutional and Organizational Forms of Economic Interaction between the State and Individuals in Russia (the second half of the XVII – XVIII centuries)

Alexey B. Krasnov ^{a, b, *}

^a Dubna State University, Dubna, Russian Federation

^b Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to a special period in Russian history associated with the overcoming of the negative consequences of the Time of Troubles by the Russian state and the transition to the development of economic relations on a market basis – through the development of entrepreneurship and commodity-money circulation. The peculiarities of this period were not only the fact that this process was carried out under the leadership of a new reigning dynasty, but also the fact that, due to the lack of sufficient forces to restore and develop the economy, it began to actively involve private individuals in this kind of activity, providing the latter with such exclusive legal regimes that made it possible to combine the conduct of actual economic activity with the simultaneous execution of certain public powers. Such legal regimes and instruments, first of all, should include the process of transferring by the state to the mercy of various fiscal fees, enterprises that bring stable income and other areas of activity, as well as endowing individuals with special benefits and advantages when organizing various industries in a certain territory or a unique, previously not mastered production. Such preferences, provided to individuals, as a rule, were indicated in special legal documents issued by the highest state authorities and were originally called letters of gratitude, and later – privileges. It was the letters of commendation and privileges that contained benefits, preferences and special public powers of private individuals, granted to them "in a targeted way" for doing business under the auspices of the Russian state, that became the formal legal basis for the institutional development of economic interaction between a commercial initiative and the state.

Keywords: charter, privilege, farming, transfer to maintenance, transfer to company, Russian Empire, concession.

1. Введение

Несмотря на преодоление обществом и государством основных последствий Смуты в первой четверти XVII в., а также укрепление самодержавия, связанное с восхождением на престол династии Романовых, экономические последствия периода нестабильности государства Российского ощущались достаточно длительное время.

Такие последствия выражались в том числе и в невозможности государственного аппарата организовать и осуществить исполнение ряда значимых функций, таких, например, как создание и управление публичным имуществом или сбор обязательных платежей и податей.

Невозможность самостоятельного решения государством вышеперечисленных задач во многом явилась причиной привлечения к их выполнению частных лиц, наделявшихся полномочиями публичной службы за определенную плату или долю от получаемых в доход государства денежных средств. В свою очередь такое взаимодействие, складывавшееся между государством и инициативными представителями различных сословий в экономической сфере, приводило к

* Corresponding author

E-mail addresses: krasnov@jinr.ru (A.B. Krasnov)

развитию товарно-денежных отношений и способствовало воссозданию рынка и ускорению процесса восстановления России.

Данная работа представляет собой попытку проанализировать различные правовые инструменты, применявшиеся Российским государством во второй четверти XVII – первой половине XVIII вв. для целей хозяйственного восстановления и развития рыночных отношений и предпринимательства путем привлечения к данному процессу частной инициативы, а также роль первых представителей династии Романовых в институциональном становлении такой формы взаимодействия, которая впоследствии будет именоваться концессией и активно использоваться во второй половине XIX – начале XX вв. в период активного индустриального развития Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковедческой базой настоящего исследования явились нормативные правовые акты как общего, так и индивидуального характера, в различной степени характеризующие особенности государственно-правовой регламентации процесса взаимодействия государевой власти и частных лиц в области создания и (или) управления казенным имуществом либо отправления публично значимых функций (сбора податей, пошлин и т.д.).

С точки зрения юридической указанной процесс не имел под собой взаимосогласованной нормативной базы, отсутствовали нормативные правовые акты, регламентирующие порядок передачи государственного имущества или функций от государства частным лицам и исполнения последними соответствующих обязательств перед царской властью.

Вышеописанная особенность повлияла, в свою очередь, на характер формирования основы нормативного правового регулирования публично-частного взаимодействия в хозяйственной сфере. Данную основу составляли акты, преимущественно представлявшие собой пожалования, носившие индивидуальный либо групповой характер и опубликованные в составе первого «Полного собрания законов Российской империи». К подобным актам возможно отнести следующие: Именной указ «Об отдаче рыбных ловель на откуп и о ведении оных в Ижерской канцелярии», объявленный из Семеновской приказной палаты 6 января 1704 г. (ПСЗ-I. Т. IV. № 1956: 232-240), Именной указ «Об отдаче русским и иноземцам на откуп стеклянных заводов, состоящих Ямбургского уезда в деревне Жабине», объявленный из Сената 13 декабря 1717 г. (ПСЗ-I. Т. V. № 3132: 527) и Сенатский указ от 14 декабря 1752 г. «О позволении Профессору Ломоносову завести фабрику для делания разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей, с привилегиею на 30 лет» (ПСЗ-I. Т. XIII. № 10.057: 750-753). Помимо актов, имеющих нормативный характер, основу правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений составляли также юридические документы и материалы официального делопроизводства, опубликованные в различных сборниках, в т.ч. в рамках дополнений к актам историческим, изданным Императорской археографической комиссией. К таким документам относится, например, ряд жалованных грамот, выдававшихся представителям рода Строгановых на хозяйственное освоение земель Прикамья путем строительства соляных варниц, крепостей и слобод на реке Чусовой. Одна из таких грамот была выдана Иваном IV Якову Строганову 25 марта 1568 г. (ДАИ, 1846: 172-175). Другим видом материалов официального делопроизводства, составившим основу исследования, являются акты Московского государства, изданные Императорской академией наук, такие как Государева грамота в Белгород воеводе о вызове охотников для варенья селитры от 11 декабря 1638 г. (АМГ, 1894: 100), а также труды отдельных исследователей, посвященные изучению юридической техники при составлении документов на включение в хозяйственный оборот пустующих земель. К подобным документам возможно отнести крестьянские порядные грамоты, одна из которых была выдана 4 мая 1629 г. для освоения пустошей на территории современной Псковской области (Дьяконов, 1895: 15-16). В работе использовались также некоторые нарративные источники, в т.ч. опубликованные в рамках Полного собрания русских летописей, например «Приговора царского о кормлении и о службе» (ПСРЛ, 1904: 267-268).

Методологическую основу исследования составили: а) сравнительно-правовой диахронный метод, позволивший создать ретроспективу становления в России в XVII–XVIII вв. публично-частного взаимодействия в хозяйственной сфере; б) принцип историзма, при помощи которого стало возможным осуществление характеристики процесса государственно-правового регулирования указанной сферы отношений посредством отражения динамики применения различных форм публично-частного взаимодействия, а также выявления их общих и особенных свойств, оказавших влияние на последующее построение системы концессионных отношений в Российской империи в XIX в.; в) формально-юридический метод использовался при проведении анализа нормативной техники правовых актов, фиксировавших основы публично-частного взаимодействия и рассматривавшихся автором в контексте исторического развития всей системы общественных отношений в России в XVII–XVIII вв.

3. Обсуждение

Проблематика взаимодействия публичной власти и представителей частной инициативы в хозяйственной сфере Московского государства и Российской империи в плане проведения комплексного ретроспективного исследования причин и условий возникновения подобных общественных отношений во взаимосвязи с особенностями государственно-правового регулирования данных процессов до недавнего времени особого внимания историков и юристов не занимала. Тем не менее историография изучения отдельных аспектов обозначенной проблемы насчитывает уже более двухсот лет и берет свое начало в период деятельности Комиссии составления законов (ПСЗ-І. Т. XXXI. № 24.064: 11), а также последующей работы Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Данная работа стала, в свою очередь, отправной точкой возникновения интереса к исследованию нормативных установлений в указанной сфере.

Так, например, В.Ф. Вельяминов-Зернов, в первой четверти XIX в. принимавший участие в деятельности по систематизации российского законодательства, в своих трудах рассуждал о генезисе различных форм законодательных актов, в т.ч. и таких как грамоты и привилегии, описывая эволюцию данных нормативных документов, устанавливавших особые правовые режимы либо ограниченные вещные права представителя частного лица в отношении того или иного государственного объекта либо вида деятельности (промысла, торгового, взимания пошлин и т.д.).

Отдельные аспекты взаимодействия государства и частных лиц освещались также в трудах некоторых университетских преподавателей, посвященных изучению различных способов установления прав на имущество в рамках гражданского законодательства XVIII – начала XIX вв., например, в исследованиях ординарного профессора Императорского Московского университета И.Д. Беляева об особенностях землевладения в Московском государстве (Беляев, 1851: 214-215).

Исследования о различных периодах развития общественных отношений в сфере хозяйственного владения государственными имуществами, а также нормативного регулирования такого владения, подобные работе В.Ф. Вельяминова-Зернова, встречаются также в трудах А.М.Ф. Рейца и Ф.Л. Морошкина. Последний, например, подобно В.Ф. Вельяминову-Зернову, в процессе перевода и издания в 1836 г. работы А.М.Ф. Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов», обращал внимание на возникшие к тому времени трудности государственно-правового регулирования общественных отношений при наличии множественных исключений в законах, установленных вышеописанными актами: «...законодатель начинает созидать права, а законодательство из преданий переходит в письменное состояние и содержится в грамотах, привилегиях, договорах. Долго грамоты выражают исключение из правила, исключение из общего обычая; но потом множество их, стеснив движение властей, становится ощутительно вредным, уступает закону обобщения и переходит в Законодательство» (Рейц, 1836: II-III).

Сам же А.М.Ф. Рейц в своем исследовании обращал внимание на некоторые особенности развития отношений, регламентировавшихся посредством жалованных грамот, а именно преимуществ и привилегий, жалуемых публичной властью в исключительной форме отдельным сословиям или родам, приводя в пример род Строгановых (Рейц, 1836: 264-265).

Более подробно данную тематику развил все тот же Ф.Л. Морошкин, описав вкратце особенности получения Строгановыми земельных владений в Пермском крае от Ивана IV, а также предоставленные им права строительства укреплений, содержания войска и принятия на данных землях вольного люда, сделал вывод о том, что «...Строгановы сделались феодально-посессионными государями под Царем Московским» (Морошкин, 1837: 214-215). В то же время автор указывал, что права, предоставленные роду Строгановых в период правления Ивана IV, имели характер «военно-посессионного» владения, т.е. владения, имеющего как признаки вотчины, так и временного условного владения, в то время как пожалование Зырянских казенных заводов Петром I (ПСЗ-І. Т. III. № 1584: 305-306) носили чисто посессионный характер, поскольку были соединены с обязанностью поставки в адрес казны ста тысяч пудов соли (Морошкин, 1837: 215-216).

Более подробно изучение вопросов регламентации и применения института посессионной собственности встречается в трудах выпускника Дерптского университета, статского советника и доктора права Н.В. Варадинова, с точки зрения которого посессионная собственность представляла собой собственность особого рода, признаками которой могли считаться: «1) отсутствие самостоятельной собственности, 2) различные ограничения права пользования, распоряжения и управления, 3) соединение свойств дворянской и недворянской собственности и 4) исполнение по ней почти всех вещественных обязанностей хозяином, с освобождением от них его крестьян. Определение этой собственности будет поэтому следующее: *посессионная собственность есть право и имущество, установленные в видах поощрения мануфактурной, фабричной и заводской промышленности и не проявляющие самостоятельной собственности в лице хозяина имущества*» (Варадинов, 1855: 124).

Следует отметить, что в этом смысле посессионная собственность как ограниченная форма владения публичным имуществом явилась основой для дальнейшего внедрения формы концессионной как институционально-организационного способа взаимодействия государственной власти и предпринимательского капитала.

Кроме того, в рамках своего исследования Н.В. Варадинов затронул также и особый статус, придававшийся некоторым территориям Российской империи, в части регулирования процесса ограничения права собственности в пользу третьих лиц, например, при предоставлении земель для сельскохозяйственных целей, в первую очередь под пашни. В качестве особых правовых систем, регламентировавших данный процесс, исследователь выделял частное рижское, ревельское и магдебургское права, принятые в западных и малороссийских губерниях Российской империи (Варадинов, 1855: 23-24).

В этом смысле особое внимание следует обратить на фундаментальный труд К.А. Неволлина, изданный в 1851 г., – «История Российских гражданских законов», содержащий подробнейший анализ отношений, складывавшихся между государством и частными лицами в сфере землевладения и хозяйствования в целом, и в частности на территории Слободжанщины и Северщины (т.н. Украинных и Северских городов). К.А. Неволлин в качестве одного из способов приобретения поместий выделял пожалование, в т.ч. для целей осуществления на пожалованных землях хозяйственной деятельности (Неволин, 1851: 224-239).

Следует отметить, что определенный интерес к изучению процесса развития Слободжанщины, а также особенностей нормативного регулирования данного развития проявляли также и советские исследователи при изучении социально-экономического развития данной территории, в т.ч. отдельных видов производств с использованием вышеописанных механизмов взаимодействия публичной власти и частных лиц (Слюсарский, 1964: 235, 254-256, 266-283).

Современный этап развития научной сферы по изучению нормативного регулирования взаимодействия государства и частных лиц в экономике России также характеризуется наличием крупных исследований, которые в то же время представляют собой узкоспециализированные научные труды, освещающие лишь некоторые аспекты регулирования откупов и особенности укоренения иностранного капитала в отечественной промышленности в дореволюционную эпоху (Смолкин, 1990; Курьсь, 2007), что в свою очередь свидетельствует о необходимости развития и систематизации научного знания в данной области правовых исследований.

4. Результаты

В первой четверти XVII в. в юридический быт вошли крестьянские порядные грамоты, по которым представители тяглого населения получали, по сути, на арендной основе определенный грамотой участок помещичьей земли. Так, например, согласно одной из порядных грамот от 4 мая 1629 г. крестьянин обязывался: «двор поставити, и пашня роспахати, и поля огородити, и пожни росчищати, и с той пахоты во всяком хлебе давати пятый сноп» (Дьяконов, 1895: 15-16). Однако, поскольку такие порядные грамоты фиксировали отношения помещика и крестьянина, т.е. лиц, взаимодействие которых не затрагивало государственных интересов, то данные документы интересны с точки зрения настоящего исследования лишь в качестве иллюстрации отдельных элементов взаимодействия субъектов, которые впоследствии были транслированы на отношения, носившие частно-публичный характер. В этом ключе особый интерес среди порядных грамот представляет такая категория, как поручные записи, составлявшиеся в отношении пустующих государственных земель.

Так, например, одна из поручных записей крестьян Сольвычегодского уезда приставу съезжей избы от 6 октября 1646 г. устанавливала обязанность поряжавшихся лиц заняться хозяйственным освоением неводелываемых земель в обмен на льготы по уплате податей и оброка в течение восьми лет (Дьяконов, 1895: 40-41).

Таким образом, государство при применении поручной записи использовало труд частных лиц в целях реализации своих интересов, в конкретном вышеописанном случае – привязать крестьян к обрабатываемому участку земли для увеличения посевных площадей, оживив тем самым территории, находящиеся в запустении, что, в свою очередь, давало дополнительный толчок в развитии товарно-денежных отношений. При помощи подобных организационных методов власть поручала частным лицам выполнение свойственных ей по правовой природе задач, взамен за выполнение которых предоставляла доступ частным лицам к распределению в свою пользу продукта, полученного в результате выполнения такой работы. В свою очередь, это позволяет рассматривать складывавшиеся отношения как социально-экономическую основу дальнейшей институционализации в сфере публично-частного взаимодействия в хозяйственной сфере России XVIII в.

Рассматривая применение государством подобных методов взаимодействия с частными лицами в рамках содействия развитию экономических отношений, следует учитывать, что данные методы применялись настолько широко, что зачастую охватывали целые регионы, позволяя государству экономически привязывать к себе и развивать их в рамках одновременного процесса становления товарно-денежных отношений. К таким регионам в полной мере можно отнести отдельные территории «украинных земель» – Слободжанщину и Северщину.

Так, например, во второй четверти XVII в. Московское государство, ощущая острую нехватку в сырье, имеющем значение для обороноспособности, реализует задачу восполнения такой нехватки, в том числе путем применения форм взаимодействия с частными промышленниками – разрешения

на открытие мануфактур посредством выдачи соответствующих жалованных грамот. Значительное место в фактической реализации данной задачи отводилось местным воеводам. Как отмечала советская историография, «первое известное упоминание о селитроварении на Слобожанщине встречается в отписке путивльских воевод В. Туренина и С. Собакина 27 мая 1622 г.» (Слосарский, 1964: 266).

Ключевые сведения о деятельности воевод в рамках публично-частного взаимодействия на Слобожанщине содержатся в различных документах официального делопроизводства приказной системы Московского государства, в том числе и Разрядного приказа, или Разряда. Основываясь на анализе дошедших до нас актов данного ведомства, представляется возможным сделать вывод о том, что базой для взаимодействия государства и частных лиц являлись различные меры, в первую очередь административные, служившие основой для дальнейшей надстройки сугубо хозяйственных отношений. Так, например, в некоторых случаях, в рамках особого распоряжения, в полномочия воевод входили обязанности по нахождению мастеровых, способных наладить работу нового предприятия с последующим закреплением за найденными мастеровыми соответствующих обязанностей по созданию и содержанию селитряных предприятий (АМГ, 1894: 100).

Наряду с вышеперечисленными формами институционализации процесса взаимодействия государства и частных лиц в хозяйственной сфере, во второй половине XVII в. все чаще начинает использоваться институт откупов, пришедший на смену такому виду пожалований, как «кормления», вошедших в отечественную юридическую практику на Руси еще в эпоху Средневековья и формально отмененных еще при Иване IV (ПСРЛ, 1904: 267-268). Однако окончательный отказ от ранее сложившейся системы стал происходить лишь в тот момент, когда появился новый правовой инструмент, замещающий действовавшие долгое время общественные отношения в данной сфере.

Фактически при помощи данного инструмента власть перекладывала «...свои экономические и политические трудности по сбору налогов на плечи откупщиков. [...] Одновременно откупная система давала возможность содержать более простой и дешевый финансовый аппарат, перелагая основную заботу по организации и практическому проведению налогообложения на откупщиков, которые действовали на свой страх и риск» (Смолкин, 1990: 52).

Необходимо отметить, что, применяя откупную систему, сбором налогов государство не ограничивалось. Так, например, в правовой быт вошла практика государства передавать на откуп различное публичное имущество, которое требовало определенного содержания либо потенциально могло принести доход в казну. Совершенно логично, что процесс передачи такого имущества на откуп был централизован и находился в ведении Приказа Большой казны, ставшего впоследствии Приказом Большой казны, а также в ведении ранее упоминавшегося Разряда, среди материалов которого, в частности, встречается, например, челобитная, датированная 15 ноября 1654 года, с прошением о передаче кабака на откуп на год с момента принятия соответствующего решения (АМГ, 1894: 386).

Следует отметить, что характер института откупов не мог не повлиять на юридическое закрепление смешанного состояния и самих откупщиков, которые, с одной стороны, будучи наделенными полномочиями публичной службы, осуществляли налоговые сборы или содержание публичного имущества как бы от имени государства, не становясь при этом, с другой стороны, полноправными должностными лицами, подобно, например, воеводам. Учитывая их статус, откупщиков в полной мере возможно именовать квазислужащими.

Обеспечивая таким лицам доступ к полномочиям публичной службы, государство в то же время не оставляло без надзора вопросы обеспечения функционирования откупной системы (АМГ, 1894: 113-114), надлежащего содержания государственного земельного имущества и его рационального использования (АМГ, 1894: 115) ответственными лицами.

Кроме того, необходимо отметить, что определенными особыми полномочиями наделялись не только некоторые откупщики, но и представители крупных промышленных династий при выдаче соответствующих льготных и жалованных грамот, представлявших собой прообраз формы концессии как акта единоличной верховной власти, предоставлявшего пожалованному лицу определенные исключительные права. В частности, в тексте жалованной грамоты Ивана IV Якову Строганову указывалось, что последний «ведает и судит» лиц, поселившихся на пожалованной ему территории самостоятельно (ДАИ, 1846: 172-175). Данный подход являлся общепринятым, поскольку, как и в случае с откупщиками, лицам, которым были пожалованы определенные государственные территории для целей хозяйственного развития, предоставлялись также и присущие власти полномочия на применение мер принуждения к поселенцам на предоставленной в содержание территории.

К середине XVII в. в России общий уровень развития рыночных отношений способствовал выработке государством некоторых инициатив для развития промышленности и хозяйства, которые нашли свое нормативное закрепление в Соборном Уложении 1649 г.

Так, стремясь достигнуть баланса между интересами отдельных категорий населения, от лояльности которых зависела устойчивость всего социального строя, в первую очередь служилых людей, и потребностью в расширении ведения хозяйственной деятельности на пустующих землях,

особенно в приграничных, беспокойных районах, государство вводит в практику предоставление боярским детям пустых земель в приграничных регионах, в т.ч. и в упомянутой ранее Слобожанщине (ПСЗ-І. Т. І. № 1: 79-80), о чем свидетельствует ряд норм Уложения.

Безусловно, выдавая земли в приграничных регионах боярским детям за службу, государство в первую очередь стремилось обезопасить свои окраины и прилегающие к ним территории, однако нельзя не отметить, что данный процесс имел также и экономическую составляющую: экспансию Московского государства, сопровождавшуюся общим расширением землевладений и включением пустующих земель в экономический оборот. Иными словами, используя различные формы регулирования в хозяйственной сфере как в отношении с представителями служилого, так и тяглого сословий, государство решало сразу несколько задач. Результаты анализа данного комплекса инструментов, применявшихся государством для экономического развития Слобожанщины, позволяют сделать вывод о том, что данная приграничная территория Московского государства представляла собой регион, в котором был установлен специальный режим государственного регулирования, предусматривавший ряд исключений из общеустановленного правового порядка, установленного на остальной части Московского государства.

Соборное Уложение 1649 г. содержит также ряд норм, направленных на защиту интересов некоторых особых категорий российского общества, например «именитых людей» – представителей тяглого сословия, владевших крупными земельными угодьями и промыслами, заработавших свое состояние на применении самых различных из вышеописанных институтов – земельных пожалований на определенных условиях ведения хозяйства, откупов и иных форм взаимодействия с государством. Так, например, текстом Уложения предусматривались различные меры материальной ответственности за нарушения, допущенные в отношении представителей династии Строгановых, представителей Гостиной, Суконной и иных сотен (ПСЗ-І. Т. І. № 1: 25-26).

При этом следует отметить, что особая оговорка, имеющаяся в тексте Уложения в отношении представителей рода Строгановых обусловлена тем, что в результате ранее упомянутого пожалования земель Прикамья, сделанного еще во времена Ивана IV в адрес Якова Строганова, его наследники стали представителями одной из крупнейших промышленных династий того времени, способными на финансирование от имени Московского государства крупных операций по экспансии в глубь территории Сибири.

Таким образом, в России к середине XVII в. развитие форм хозяйственного взаимодействия государства и частных лиц, впоследствии эволюционировавших в институт концессии, осуществлялось в сферах землевладения, производства и налогового администрирования, оформлявшихся путем предоставления жалованных и откупных грамот на различные виды имущества и государственные сборы и подати.

Следует отметить, что такие отношения представляли собой определенный исключительный правовой режим, используя который, государство решало стоящие перед ним задачи. К особенностям подобных правовых режимов необходимо отнести регулирование общественных отношений при помощи нормативного оформления порядка наделения публичными полномочиями за вознаграждение в виде предоставления определенных льгот и преимуществ путем выдачи тарханных и жалованных грамот, совершения порядных и поручных записей, откупов и иных преференций. Однако, поскольку такая совместная деятельность государства и частных лиц не всегда носила явно выраженный предпринимательский и социально-полезный характер, то в полной мере описываемые правоотношения назвать «концессионными» невозможно. С другой стороны, наличие такого элемента, как исключительный правовой режим деятельности, предоставлявшийся государством частному лицу, а также само привлечение данных лиц к исполнению некоторых публичных функций позволяет отнести эти отношения к отношениям, являвшимся основой для построения собственно концессионной системы публично-частного взаимодействия в будущем.

Последующее развитие описываемых правоотношений в России тесно связано с реформаторской деятельностью Петра I в области совершенствования работы государственных институтов. Данная деятельность оказала также значительное влияние и на последующую эволюцию институтов частно-государственного взаимодействия в хозяйственной сфере, в первую очередь, по причине заинтересованности государства в создании и развития различных производств.

Для анализа результатов изменений в указанной области общественных отношений необходимо отметить, что значительное место в юридической практике того периода по-прежнему занимал институт жалованных грамот, что и обусловило его дальнейшее активное применение в период реформ по наиболее актуальным с точки зрения государства направлениям – совершенствование системы налогового администрирования и модернизация промышленного производства, в т.ч. с использованием зарубежных практик, компетенций и денежных средств.

Необходимо отметить, что многие отечественные правоведы, начиная с В.Ф. Вельяминова-Зернова, относили вышеуказанную форму грамот к разновидности законов, отмечая при этом, что «в старину имели они различное значение и назывались различными именами, смотря по существу предмета в оных заключающегося, как то: Грамоты тарханныя, уставныя, безсудныя, несудимыя, жалованныя и пр.... Ныне употребительны только последняя» (Вельяминов-Зернов, 1814: 41).

В рамках нормативной регламентации процесса привлечения иностранных средств в отечественную экономику на вышеописанных началах необходимо обозначить несколько следующих актов, представляющих определенный интерес для настоящего исследования. Следует отметить, что подавляющее большинство таких актов имело ярко выраженную административную направленность, проявлявшуюся в одной из сторон хозяйственного взаимодействия (государстве), которое, несмотря на свою заинтересованность в таком взаимодействии, тем не менее выступало в подобных отношениях с властных позиций, определяя конкретные требования к частному лицу (купцу, промышленнику или откупщику).

Так, например, одним из первых подобных актов является привилегия голландцам Брансу и Любсу, выданная 18 января 1699 г., устанавливавшая, с одной стороны, правила ведения предпринимательской деятельности данных иностранных граждан в соответствии с требованиями российских законов, а с другой – меры защиты зарубежных предпринимателей от недобросовестного поведения представителей российского государства (ПСЗ-І. Т. III. № 1671: 595-596).

В целом, начальный период реформаторской деятельности Петра I взаимодействие государства и субъектов предпринимательской инициативы в хозяйственной сфере характерен тем, что именно в данное время в юридическую практику внедряется институт привилегии как основная форма взаимодействия государства и субъектов предпринимательской инициативы в хозяйственной сфере, которая впоследствии полностью заместила институт жалованных грамот.

Одним из основных направлений, в котором хозяйственное взаимодействие государства и частных лиц получило широкое распространение – это общественные отношения в сфере недропользования. Так, 10 декабря 1719 г. монаршим указом на территории Российской империи была распространена Берг-привилегия (или т.н. Горная регалия), которая позволяла «всем и каждому [...] во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы, и всяких красок потребные земли и камни, к чему каждой толикой промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует» (ПСЗ-І. Т. V. № 3464: 760). Помимо указанного положения, высочайший указ содержал также некоторые условия о порядке предоставления жалованных грамот и привилегий на земельные участки, привлекательные с точки зрения ведения горного дела, об организации промышленного производства по добыче полезных ископаемых, о государственном денежном займе на постройку горнодобывающего предприятия, о порядке платы горнозаводчиками рентных платежей и об условиях временного освобождения от такой платы и т.д. (ПСЗ-І. Т. V. № 3464: 761-762).

Характерно, что некоторые представители иностранных держав, описывавшие реформаторскую деятельность Петра I, а также общественно-экономический уклад России в первой четверти XVIII в., относили к регалиям не только вышеуказанный исключительный правовой режим использования полезных ископаемых, но также и доходы, получаемые казной от реализации государственной монополии на торговлю различными видами товаров – алкоголя, табака, юфти и другой продукции (Weber, 1721: 51).

Следует также отметить, что преференции со стороны государства предоставлялись не только традиционно сильным «старым» промышленным династиям, особый правовой статус которых был зафиксирован Уложением, но и представителям относительно молодых родов производителей, заинтересованных в создании производства, ориентированного на создание качественного продукта (Толычова, 1878: 119-124). Особенно ярко это проявляется на примере рода Строгановых и Демидовых. Такая поддержка не означала оказания помощи на безвозмездной основе. Она осуществлялась на условиях произведения в пользу государства регулярных рентных платежей – денежных средств или натурального продукта, производимого фабрикантом. Такие условия, например, были выставлены при сдаче в содержание Григорию Строганову казенных соляных заводов (ПСЗ-І. Т. III. № 1584: 305-306).

Нормы, аналогичные вышеуказанным, а также льготы, предоставлявшие право Демидовым отыскивать руду, осуществлять постройку заводов и поставку выплавленного металла, содержатся в соответствующем сенатском указе от 3 декабря 1713 г. (ПСЗ-І. Т. V. № 2746: 73-74).

Однако необходимо отметить, что акты высочайшей власти, носившие общий характер и предоставлявшие равные права частным лицам, например, на поиск и добычу полезных ископаемых, такие как упомянутая Горная регалия от 10 декабря 1719 г., в процессе их применения вступали в определенные противоречия с более ранними актами монарха, носившими частный характер. Так, согласно челобитной на заводчика А.Н. Демидова, поданной в 1721 г. представителями тяглого сословия, отмечались препятствия, чинимые Демидовым данным лицам в процессе поиска медной руды (Чупин, 1878: 307-308).

Правовое регулирование порядка содействия со стороны государства процессу развития промышленных производств неизбежно влекло за собой необходимость регламентации вопросов владения заводчиками государственными имуществами, использовавшимися ими при производстве того или иного продукта, в результате чего обозначился круг правоотношений, называемых «посессионным правом» (от лат. *possessio* – владение), т.е. правом «...частных лиц на потомственное

пользование фабриками и заводами горнорудной промышленности, к которым были приписаны государственные и крепостные крестьяне» (ППП, 1961: 224).

В частности, государство вводило практику прикрепления к заводам деревень (ПСЗ-И. Т. VII. № 4237: 71-72), а также разрешение об их покупке и последующем прикреплении к фабрикам и заводам (ПСЗ-И. Т. VI. № 3711: 311-312). Примечательно, что некоторые отечественные правоведы отмечали отдельные признаки посессионного права в льготах и привилегиях, предоставленных Российским престолом представителям именитых династий Строгановых и Демидовых (Беляев, 1851: 214-215).

Необходимо также отметить, что с течением времени меняется содержание самой структуры осуществляемых пожалований. Так, к середине второго десятилетия XVIII в. практически полностью исчезает такой вид нормативных актов, как грамоты о предоставлении оброчного держания на какой-либо объект (ПСЗ-И. Т. V. № 2820: 113-114), в целом все реже используется такой тип актов, как жалованные грамоты (ПСЗ-И. Т. V. № 3089: 496-498). Вместе с тем все чаще в юридической практике начинают встречаться новые виды актов, такие как привилегии, носившие как общий – Берг-Привилегия (т.н. Горная регалия), так и частный характер (ПСЗ-И. Т. V. № 3181: 554), а также акты, предоставлявшие различные виды промыслов «в компанию» (ПСЗ-И. Т. VI. № 3841: 447-449).

Третья ключевая группа актов, выделяемая в данном исследовании, содержит документы, регламентировавшие порядок организации сборов различных пошлин и податей с использованием института откупов. Особенный размах в правоприменении этот институт приобрел именно в первой половине XVIII в. К использованию откупов прибегали при взимании таможенных пошлин (ПСЗ-И. Т. VI. № 3713: 312), питейных, кабацких и иных сборов (ПСЗ-И. Т. IV. № 2059: 309-310), при продаже различных товаров (например соли, поташа, льняного семени, табака и т.д.) (ПСЗ-И. Т. IV. № 2350: 666).

Наряду с передачей на откуп различных сборов и податей, к использованию данного института прибегали также в сфере управления различными видами имущества. Наибольшее распространение стали получать откупа на содержание торговых (общественных) бань (ПСЗ-И. Т. IV. № 1954: 230-231), мельниц (ПСЗ-И. Т. IV. № 1965: 243-245), заводов и фабрик (ПСЗ-И. Т. V. № 3132: 527), а также различных видов промыслов (ПСЗ-И. Т. IV. № 1956: 232-240).

Таким образом, реформы государственного управления, проводимые Петром I в первой четверти XVIII в., оставили значительный отпечаток и в эволюции отношений по государственно-частному взаимодействию в хозяйственной сфере – процессе, инициатором и основной движущей силой которого выступили основатели царствующей династии Романовых. Результатом дальнейшей эволюции правоотношений в данной сфере стало внедрение в юридическую практику новых правовых институтов, а также их широкое применение в процессе привлечения представителей предпринимательского сообщества к активизации экономической деятельности, что непосредственным образом отразилось и на самом формате такого взаимодействия.

Дальнейшее развитие указанных институтов шло по пути нормативной регламентации дополнительных аспектов, все более приближавших разрозненный вышеперечисленный набор юридических инструментов к появлению института концессии в отечественной правовой практике. Так, например, при предоставлении купцам Василию Озерову с товарищами 21 декабря 1732 г. откупа на ряд заводов предусматривались существенные условия по продаже произведенной продукции по установленным расценкам, производству ежегодных платежей в казну сумм, поступающих со сборов от продажи соли, освоению прилегающих лесов для обеспечения деятельности заводов, содержанию соляных шахт и сенокосов, а также ряд других условий (ПСЗ-И. Т. VIII. № 6287: 994-1001). С точки зрения сравнительного анализа описываемых отношений и концессионной системы, сложившейся в дальнейшем на их основе, в указанном перечне следует особо отметить нормативные требования о самостоятельном содержании откупщиками казенного имущества, а также условие о запрете продажи вырабатываемой продукции на территориях, где предусмотрена поставка однородной продукции государства. Подобные условия наиболее ярко обозначают схожий с концессионными характер взаимодействия государства и представителей частной инициативы, поскольку указывают на установление государством искусственной монополии в определенной сфере деятельности для целей оказания максимальной поддержки частному лицу, которому предоставляются преференции.

Еще одной новацией в данной области стало внедрение особой формы государственной поддержки представителей научного сообщества, которая позволяла внедрять новые технологии в отечественную промышленность, тем самым развивая ее. Ярким примером такой поддержки является тридцатилетняя привилегия на создание предприятия по производству смальты, пожалованная занимавшемуся исследованиями в данной области М.В. Ломоносову (ПСЗ-И. Т. XIII. № 10.057: 750-753).

Наиболее перспективным направлением развития сферы государственно-частного взаимодействия в хозяйственной сфере, начало которому было положено в XVIII в., является формат предоставления льгот и преференций группе предпринимателей, например для целей колонизации незаселенных территорий. Так, например, созданная соответствующим указом от 8 июля 1799 г. Российско-Американская компания обладала правом освоения территорий современного Дальнего

Востока и Аляски, имея исключительные льготы в области лесопользования, недропользования, ведения торговли в приграничных районах, организации поселений и укреплений, с одновременным введением запрета на аналогичную деятельность третьих лиц на указанной территории (ПСЗ-1. Т. XXV. № 19.030: 699-718), что, как ранее указывалось, является одной из отличительных черт возникших впоследствии концессионных правоотношений.

5. Заключение

Подводя итог исследованию процесса становления нормативной регламентации ключевых элементов концессионных отношений в России во второй половине XVII–XVIII вв., необходимо выделить следующие периоды их развития, отражавшие общий уровень эволюции общественных отношений и носившие соответствующие характерные особенности.

1. Подготовительный этап (вторая четверть – конец XVII в.) развития описываемых правоотношений, и, как следствие, становление их юридического закрепления происходило на фоне преодоления Российским государством последствий Смутного времени путем использования рычагов мелкотоварного производства и развития товарно-денежных отношений. Одной из основных предпосылок развития отношений между государством и частными лицами в хозяйственной сфере явился тот факт, что измотанное Смутой государство зачастую не могло самостоятельно осуществлять ряд своих функций, таких, например, как управление публичным имуществом или сбор обязательных платежей и податей. Указанные проблемы породили решение в виде привлечения к их исполнению частных лиц, наделявшихся полномочиями публичной службы за определенную плату или долю от получаемых в доход государства денежных средств.

Так, в первой половине XVII в. получает широкое распространение особая разновидность порядных грамот, именованная поручными записями, предметом которых становились вопросы пользования публичным имуществом, например государственными землями. В целях реализации своих интересов государство, используя труд частных лиц, стремилось привязать крестьян к обрабатываемому участку земли для увеличения посевных площадей, оживив тем самым прилегающие населенные пункты, тракты и торговлю. Указанный процесс зачастую сопровождался передачей государством полномочий публичной службы в адрес соответствующих лиц с правом изъятия части продукта, получаемого в результате осуществления таких полномочий, что позволяет говорить о складывавшихся отношениях как основе построения концессионной системы Российской империи в будущем.

Наряду с указанной формой взаимодействия государства и частных лиц, к середине XVII в. окончательно утвердился также и такой институт, как откуп, применению которого немало послужил отказ от использования системы кормлений в России, формальная отмена которых состоялась еще при Иване IV. Тем не менее фактический отказ от укоренившейся практики произошел лишь тогда, когда в юридический быт вошло применение института откупов, фактически заместившего действовавшую до него систему исполнения публичных полномочий.

Особый характер института откупов не мог не повлиять на юридическое закрепление смешанного состояния и самих откупщиков, которые, с одной стороны, будучи наделенными полномочиями публичной службы, осуществляли налоговые сборы или содержание публичного имущества как бы от имени государства, не становясь при этом, с другой стороны, полноправными должностными лицами, подобно, например, воеводам. Учитывая их статус, откупщиков в полной мере возможно именовать квазислужащими.

Необходимо также отметить, что особыми полномочиями наделялись не только откупщики, но и представители крупных промышленных династий, получавших право «ведать судом и расправою» на землях, предоставленных на основании соответствующих льготных и жалованных грамот, представлявших собой прообраз концессии как акта высочайшей власти и инструмент оформления частно-государственного взаимодействия в хозяйственной сфере.

Таким образом, ко времени укрепления в России самодержавия, связанного с восхождением на престол династии Романовых, развитие различных форм хозяйственного взаимодействия государства и частных лиц осуществлялось в сферах землевладения, производства и налогового администрирования и оформлялось путем предоставления жалованных и откупных грамот на различные виды имущества и государственные сборы и подати.

Следует также отметить, что подобные отношения представляли собой определенный исключительный правовой режим, используя который, Российское государство решало стоящие перед ним задачи. К особенностям подобных правовых режимов необходимо отнести регулирование общественных отношений при помощи нормативного оформления порядка наделения публичными полномочиями за вознаграждение в виде предоставления определенных льгот и преимуществ путем выдачи тарханных и жалованных грамот, совершения порядных и поручных записей, откупов и иных преференций, которые носили определенные элементы собственно концессионных отношений. Однако, поскольку такая совместная деятельность государства и частных лиц не всегда носила явно выраженный предпринимательский и одновременно социально-полезный характер, то в полной мере описываемые правоотношения назвать «концессионными» невозможно. С другой стороны, наличие

такого элемента, как исключительный правовой режим деятельности, предоставлявшийся государством частному лицу, а также само привлечение данных лиц к исполнению некоторых публичных функций позволяют говорить о таких отношениях как об основе для построения в будущем собственно концессионной системы публично-частного взаимодействия.

2. Основной этап (конец XVII – конец XVIII вв.) развития описываемых частно-государственных отношений в России непосредственно связан с реформаторской деятельностью Петра I в области совершенствования работы государственных институтов. Данная деятельность оказала также значительное влияние и на последующую эволюцию институтов частно-государственного взаимодействия в хозяйственной сфере, в первую очередь, по причине заинтересованности государства в создании и развитии различных производств.

Анализ результатов изменений в указанной области общественных отношений позволяет сделать вывод о том, что значительное место в юридической практике того периода по-прежнему занимал институт жалованных грамот, что и обусловило его дальнейшее активное применение в период реформ по наиболее актуальным с точки зрения государства направлениям – совершенствованию системы налогового администрирования и модернизацию промышленного производства, в т.ч. с использованием зарубежных практик, компетенций и денежных средств. С развитием системы описываемых отношений в юридическую практику внедряется институт привилегии как основная форма взаимодействия государства и субъектов предпринимательской инициативы в хозяйственной сфере, которая впоследствии полностью заменила институт жалованных грамот.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта для молодых специалистов Международной межправительственной научно-исследовательской организации Объединенный институт ядерных исследований, грант № 19-003-06 (утвержден Приказом ОИЯИ от 16.01.2019 г. № 12).

Литература

АМГ, 1894 – Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. В 3 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1890–1901. Т. 2 – Разрядный приказ: Московский стол: 1635–1659. СПб, 1894. 773 с.

Беляев, 1851 – *Беляев И.Д.* О поземельном владении в Московском государстве: (вместо предисловия к Переписной новгородской книге 1500 года). М.: [Б. И.], 1851. 244 с.

Варадинов, 1855 – *Варадинов Н.В.* Исследования об имущественных или вещественных правах по законам русским: Ст. 1: О праве собственности; Ст. 2: О праве владения; Ст. 3: О праве пользования. Ст. 1–3. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1855. Ст. 1: О праве собственности. 500 с.

Вельяминов-Зернов, 1814 – *Вельяминов-Зернов В.Ф.* Опыт начертания российского частного гражданского права. Ч. 1. Право лиц. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1814. 216 с.

ДАИ, 1846 – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12 т. с указ. СПб., 1846–1872. Т. 1: [X в. – 1611] / [Сост. Я. Березников и М. Коркунов]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1846. 446 с.

Дьяконов, 1895 – *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве / М. Дьяконов [сост.]. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1895. 91 с.

Курьсь, 2007 – *Курьсь Н.В.* Правовое регулирование иностранного предпринимательства и иностранного частного капитала в истории промышленного развития России. М.: РИО РТА. 2007. 298 с.

Морошкин, 1837 – *Морошкин Ф.Л.* О владении по началам российского законодательства. М.: Университетская типография. 1837. 240 с.

Неволин, 1851 – *Неволин К.А.* История российских гражданских законов / Соч. Константина Неволина. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук. 1851. Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. 452 с.

ПРП, 1961 – Памятники русского права: Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. Вып. 8. Сост.: Дурманов Н.Д., Иванов С.С., Софроненко К.А., Чистяков О.И.; Под ред. Софроненко К.А. М.: Госюриздат, 1961. 667 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи, собр. 1.

ПСРЛ, 1904 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841–1921: Т. 13, Первая половина: Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1904. 302 с.

Рейц, 1836 – *Рейц А.М.Ф.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Морошкин Ф.Л. Предисловие издателя к сочинению. М.: Университетская типография. 1836. 417 с.

Слюсарский, 1964 – *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков: Кн. изд-во, 1964. 460 с.

Смолкин, 1990 – *Смолкин И.К.* Откупная система в дореволюционной России // *Вестник МГУ.* 1990. Сер. 11. № 2. С. 52–57.

Толычова, 1878 – Толычова Т. (Новосильцева Е.В.). Предания о Демидовых и о Демидовских заводах // Русский архив, 1878. Кн. 2. № 5. С. 119-124.

Чупин, 1878 – Чупин Н.К. Челобитная на заводчика Акинфия Никитича Демидова в 1721 г. / Сообщ. Н.К. Чупин // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 307-308.

Weber, 1721 – Weber F.C. Das veränderte Rußland, In welchem Die jetzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments, Der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser; [...] In einem Biß 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, Mit einer accuraten Land-Card und Kupferstichen versehen, Nicolaus Förster, Franckfurth, 1721. 512 p.

References

AMG, 1894 – Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow state]. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademiej Nauk [Acts of the Moscow state, issued by the Imperial Academy of Sciences]. [3 vol., 1890-1901]. St. Petersburg. Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. Vol. 2. Razryadnyj prikaz. Moskovskij stol: 1635–1659. 1894. 773 p. [in Russian]

Belyaev, 1851 – Belyaev, I.D. (1851). O pozemel'nom vladenii v Moskovskom gosudarstve: (vmesto predisloviya k Perepisnoj novgorodskoj knige 1500 goda) [On land ownership in the Moscow state: (instead of the preface to the Novgorod Census Book of 1500)]. Moscow. B.I., 244 p. [in Russian]

Chupin, 1878 – Chupin, N.K. (1878). Chelobitnaya na zavodchika Akinfiya Nikiticha Demidova v 1721 g. [Complaints for the breeder Akinfiy Nikitich Demidov in 1721]. *Russkaya starina*. 23(10): 307-308. [in Russian]

DAI, 1846 – Berednikov, Ya., Korkunov, M. (ed.). (1846). Dopolneniya k aktam istoricheskim [Additions to historical acts]. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoy kommissiej [Additions to historical acts, collected and published by the archaeological commission]. [3 vol., 1846-1872]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 446 p. [in Russian]

D'yakonov, 1895 – D'yakonov, M.A. (1895). Akty, otnosyashchiesya k istorii tyaglogo naseleniya v Moskovskom gosudarstve [Acts, relating to the history of the taxable population in the Moscow state]. Issue 1. Krest'yanskije poryadnye. Yur'ev [Tartu]. Tipografiya K. Matisena, 91 p. [in Russian]

Kury's, 2007 – Kury's, N.V. (2007). Pravovoe regulirovanie inostrannogo predprinimatel'stva i inostrannogo chastnogo kapitala v istorii promyshlennogo razvitiya Rossii [Legal regulation of foreign entrepreneurship and foreign private capital in the history of industrial development of Russia]. Moscow. RIO RTA, 298 p. [in Russian]

Moroshkin, 1837 – Moroshkin, F.L. (1837). O vladenii po nachalam rossijskogo zakonodatel'stva [Ownership according to the principles of Russian legislation]. Moscow. Universitetskaya tipografiya, 240 p. [in Russian]

Nevolin, 1851 – Nevolin, K.A. (1851). Istoriya rossijskih grazhdanskih zakonov [History of Russian civil laws]. Vol. 1-3. St. Petersburg. Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk Publ. Vol. 2. Kniga vtoraya ob imushchestvah. Razdel pervyj ob imushchestvah voobshche i razdel vtoroj o pravah na veshchi. 452 p. [in Russian]

PRP, 1961 – Durmanov N.D., Ivanov S.S., Sofronenko K.A., Chistyakov O.I. (1961). Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian law]. Issue 8. Pamyatniki russkogo prava: Zakonodatel'nye akty Petra I, pervaya chetvert' XVIII v. [Monuments of Russian law: Legislative acts of Peter I, the first quarter of the 18th century]. Moscow. Gosyurizdat, 667 p. [in Russian]

PSRL, 1904 – Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po vysochaischemu poveleniyu Arkheograficheskoyu kommissieyu [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest command of the Archaeographic Commission]. SPb.: Tip. Eduarda Pratsa, 1841–1921: T. 13, Pervaya polovina: T. 13. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. 1904. 302 p. [in Russian]

PSZ-I – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of Russian chronicles]. Sobr. 1.

Rejc, 1836 – Rejc, A.M.F. (1836). Opyt istorii rossijskih gosudarstvennyh i grazhdanskih zakonov [Experience in the history of Russian state and civil laws]. Moroshkin F.L. Predislovie izdatelya k sochineniyu. Moscow. Universitetskaya tipografiya, 417 p. [in Russian]

Slyusarskij, 1964 – Slyusarskij, A.G. (1964). Social'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII-XVIII vv. [Social and economic development of Slobozhanshchina in 17th-18th centuries]. Har'kov. Knizhnoye izdatel'stvo, 460 p. [in Russian]

Smolkin, 1990 – Smolkin, I.K. (1990). Otkupnaya sistema v dorevolucionnoj Rossii [The farming system in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik MGU*. 11(2): 52-57. [in Russian]

Tolychova, 1878 – Tolychova, T. (Novosil'ceva, E.V.) (1878). Predaniya o Demidovyh i o Demidovskih zavodah. [Legends about Demidovs and Demidov factories]. *Russkij arhiv*. 2(5): 119-124. [in Russian]

Varadinov, 1855 – Varadinov, N.V. (1855). Issledovaniya ob imushchestvennykh ili veshchestvennykh pravakh po zakonam russkim [Research on property or material rights under Russian laws]: St. 1: O prave sobstvennosti; St. 2: O prave vladeniya; St. 3: O prave pol'zovaniya. St. 1–3. SPb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii. 1855. St. 1: O prave sobstvennosti. 500 p. [in Russian]

Vel'yaminov-Zernov, 1814 – Vel'yaminov-Zernov, V.F. (1814). Opyt nachertaniya rossijskogo

chastnogo grazhdanskogo prava. [The experience of tracing Russian private civil law]. Part 1. Pravo lic [Right of persons]. St. Petersburg. Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 216 p. [in Russian]

Weber, 1721 – Weber, F.C. (1721). Das Ferenderte Rusland, In Velchem Dieetzige Ferfassung des Geist- und Veltlichen Regiments, Der Kriegs-State zu Lande und zu Wasser; [...] In Ainem Bis 1720 Gehenden Journal forgestellet verden, Meath Ainer neat Land-Karte und Kupferstihen Ferseen. Frankfurt. Nikolaus Förster Publ., 512 p. [in German]

Становление институциональных и организационных форм хозяйственного взаимодействия государства и частных лиц в России (вторая половина XVII–XVIII вв.)

Алексей Борисович Краснов ^{a, b, *}

^a Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация

^b Международная межправительственная научно-исследовательская организация Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено особому периоду отечественной истории, связанному с преодолением Российским государством негативных последствий Смутного времени и переходом к развитию экономических отношений на рыночной основе путем развития предпринимательства и товарно-денежного обращения. Особенности данного периода стало не только то, что данный процесс осуществлялся под руководством новой царствующей династии, но и то, что ввиду отсутствия достаточных сил к восстановлению и развитию экономики она стала активно привлекать к такого рода деятельности частных лиц, предоставляя им такие исключительные правовые режимы, которые позволяли сочетать ведение собственно экономической деятельности с одновременным исполнением отдельных публичных полномочий. К подобным правовым режимам и инструментам в первую очередь следует отнести процесс передачи государством на откуп различных фискальных сборов, предприятий, приносящих стабильный доход, и иных сфер деятельности, а также наделение частных лиц особыми льготами и преимуществами при организации различных промыслов на определенной территории или уникального, ранее не освоенного производства. Подобные преференции, предоставлявшиеся частным лицам, как правило, обозначались в специальных правовых документах, издаваемых высшей государственной властью и первоначально именовавшихся жалованными грамотами, а впоследствии – привилегиями. Именно жалованные грамоты и привилегии, содержавшие льготы, преференции и особые публичные полномочия частных лиц, предоставленные им «целевым образом» для ведения предпринимательской деятельности под эгидой Российской державы, и стали формально-юридической основой институционального развития хозяйственного взаимодействия коммерческой инициативы и государства.

Ключевые слова: жалованная грамота, привилегия, откуп, передача в содержание, передача в компанию, Российская империя, концессия.

* Корреспондирующий автор

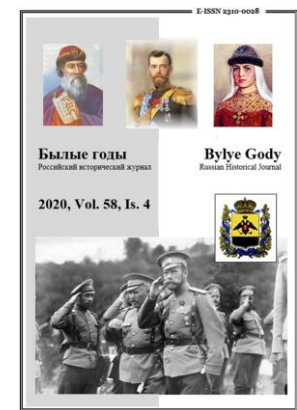
Адреса электронной почты: krasnov@jinr.ru (А.Б. Краснов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2336-2345. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2336
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the second half of XVII – early XX centuries

Milana V. Ragulina ^{a, b, *}, Anna A. Sirina ^c

^a V.B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

^b Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

^c Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the entry of flour and bread into the culture of local groups of Tungus (nowadays Evenks) in Central and Southern Siberia. It was happened due to the fall of the sable trade, which produced the long and complex dynamics of the Evenkis' life support systems, including the introduction of flour and bread into the Tungus culture. The *yasak* tribute collectors were supposed to prevent the leakage of furs to the peasants. At the same time, they had to allow exchange relations between the Tungus and Russians. Thus, the basis was made for the creation of an extensive unofficial network of social interaction, mutual survival and cultural contacts, where bread played an important role. The influence of social and environmental crises on the restructuring of energy sources of the Tungus life support is shown. The symbolic role of flour food is traced. The significance of flour food for the formation of hybrid forms of nature use and management is considered. The peculiarities of the flour supply chains and the contradictory social relations associated with them are revealed. From an unfamiliar and rejected product in less than two centuries, flour becomes a strategic resource important for the survival of all the Tungus groups, regardless of their economic practices: hunters and reindeer herders, hunters and pastoralists, hunters and farmers of mixed origin with Russian peasants, who were moving to a settled way of life. The value of flour is reflected in everyday practices, spiritual culture, and the development of cooking and baking technologies. The formal economy of supplying the Tungus with flour created opportunities for informal economic relations connected with flour, including gift giving, sharing, exchange, meals and treat. Thus, a comprehensive informal network of mutual social and economic relations was established, supporting the energy balance of the Tungus life. Gradually, the main social and cultural capital of the region was created – the Siberian multi-ethnic social environment.

Keywords: Siberia, Tunguses, Evenks, flour, bread, traditional life support, economic relations, multi-ethnic social environment

1. Введение

Хлеб и мука вошли в культуру и социальную жизнь тунгусов с момента первых русско-тунгусских контактов в XVII в. и на протяжении XVIII–XIX вв. их значение возрастало. Тунгусы хлеб покупали, обменивали, выращивали, его внедрению способствовали определенные социальные отношения. С момента присоединения Восточной Сибири довольно быстро снизилась продуктивность соболиного промысла и ясачная платежеспособность коренных народов. Стремительно возросла численность русского земледельческо-промыслового населения, сети деревень и заимок подошли к границам угодий тунгусов, сдвинули их кочевья из крупных речных долин. Волостные и инородческие администрации, чиновники, крестьяне соседних с кочевьями

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M.V. Ragulina)

селений, купцы, оседлые новокрещенные тунгусы вступали с кочующими тунгусами в обменные отношения, в которых, как и у многих коренных жителей Севера и Сибири, трудно разграничить «дар», «дань» и «торговлю» (Ssorin-Chaikov, 2003). Неравномерность вхождения муки и хлеба в жизнь тунгусов находилась под влиянием ландшафтных условий, мобильности, ресурсной базы тунгусских и русских крестьянских хозяйств. Сети торговых и обменных связей были важны для всех их участников и отличались локальной вариативностью. Прерывание отлаженной работы государственных каналов и неформальных сетей снабжения мукой в результате кризисов и революций вело к недостатку пищевых ресурсов. Потребление и выращивание некоторыми группами тунгусов зерновых, участие в обмене и дарообмене, товарных отношениях имело символические, культурные и социальные последствия, в разной степени отразившиеся на формировании локальных особенностей жизнеобеспечения тунгусов.

2. Материалы и методы

Основу работы составили архивные документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Национального архива Республики Бурятия (НАРБ), статистико-экономические и этнографические описания тунгусов XIX в., работы по проблемам жизнеобеспечения, этнографии и культурной антропологии, истории Сибири. Результаты полевых исследований, воспоминания старожилов, фольклор, интервью дополнили источники дореволюционного периода. Используются данные по питанию тунгусов Прибайкалья и Забайкалья, отнесенных по уставу 1822 г. к Киренско-Хандинской, Тутурской, Очеульской, Нижнеилимской, Курейской и Кондогирской, Шемагирской, Чильчагирской инородным управам.

Методология работы следует системным и этноисторическим идеям в русле культурной антропологии и этнографии народов Сибири. Эти идеи позволили представить систему питания эвенков как динамичную совокупность природных, социальных, культурных взаимосвязанных компонентов. Мы использовали сравнительно-исторический и историко-географический подходы, с помощью которых описали временные границы вхождения муки в культуру эвенков, особенности обеспечения покупным продовольствием, роль зерновых в питании тунгусов, характер проявления аккультурационных процессов, связанных с заимствованием хлебопашества и увеличением потребления муки.

3. Обсуждение

Начальные сведения о вхождении хлеба в культуру тунгусов с XVII в. содержатся в документах Илимской приказной избы (Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957). Материалы фольклора тунгусов отражают отношения обмена, дарообмена, восприятие хлеба и муки (Воскобойников, 1967; Василевич, 1936; Василевич, 1966; Шубин, 2007). Этнографические описания XIX в. содержат информацию о различиях хозяйства территориальных групп (Спасский, 1822; Орлов, 1857; Кларк, 1863). Статистические и землеустроительные обследования первых лет Советской власти и работа Комитета Севера отразили жизнеобеспечение тунгусов, сложившееся в предреволюционные годы, и отношение к муке на пороге коренных политико-экономических перемен (Петри, 1930; Самохин, 1929; Материалы Приполярной..., 1929). С помощью антропогеографического, этнологического и историко-культурного подходов выявлено изменение роли хлеба и муки в территориальных группах: от основы пропитания к подспорью (Попов, 1926: 7-8). В рамках общей картины хозяйства на основе полевых материалов и архивных документов изучены качественный состав, сезонность, техника обработки и приготовления мучной пищи, различия жизнеобеспечения территориальных групп (Василевич 1969; Туголуков, 1985; Шубин, 2007). Эвенки получали муку, находясь в сложных патерналистских и в то же время рыночных отношениях с государством, смешивая эквивалентный и неэквивалентный обмен, дарообмен и торговлю (Ssorin-Chaikov, 2003; Сирина, Давыдов, 2017). Важной методологической вехой в исследовании темы стал этноэкологический анализ балансов жизнеобеспечения эвенков Средней Сибири с учетом потребления добытой продукции и покупного продовольствия (Рагулина, 2000). Питание эвенков Якутии (Алексеева, 2012) и Дальнего Востока (Старцев, 2010) изучено в контексте трансформации этнических традиций. Культурологический анализ и семантика хлеба представлены в системе кормящего ландшафта тунгусо-маньчжурских народов Приамурья (Иващенко, 2011). Исследование муки в культуре селькупов (Тучков, 2015) позволило наметить кросс-культурные параллели с эвенками. В то же время воздействие покупного продовольствия на прибайкальских и забайкальских тунгусов с точки зрения социальных и культурно-хозяйственных трансформаций изучено недостаточно. Сказанное относится и к формированию сетей взаимодействия местного населения, гибридных хозяйственных систем, имеется недооценка распространения, роли и социальных последствий мучной пищи в жизни тунгусов, поэтому настоящая работа ориентирована на восполнение пробела.

4. Результаты

Культура тунгусов соприкоснулась с мукой и хлебом с момента появления русских. Коренное население выплачивало соболями натуральную повинность – ясак, получая взамен вознаграждение. Хлеб был новшеством, и тунгусы предпочитали другие виды «подарков»: в 1703 г. тунгусские десятники Верхне-Илимской волости просили выдать им «вместо мясного и хлебного корму – табаку. Подарки составили 6 фунтов олова, 4 фунта одекую (бисера) и фунт табаку» (Шерстобоев, 1949: 537). Неприятие хлеба отражено в предании о первом контакте русских с эвенками на северном Байкале. «...Русские приближались к берегу очень осторожно. Долго маячили на море (Байкале – Авт.), белели, как снег, большие лодки.... На берегу пришельцы развели костер, сварили пищу. ... Пробыли на берегу они недолго, понимая, что за ними пристально следят. Оставив на берегу много вещей и пищи, ушли в море. ... Решили попробовать пищу. Первой попробовала женщина-старуха, откусив кусочек хлеба, тут же выплюнула: «Чавидя!» – воскликнула она. Чавидя – глина. Сладкие кушанья понравились всем. Все съели моментально» (Шубин, 2007: 176). Такая же стратегия выпускать на контакт с неведомым и потому потенциально опасным людям была у юкагиров: похожее предание о первом «вкусовом» контакте с русскими записано В.И. Иохельсоном (Сирина, Шинковой, 2007). Непривычность хлеба в первые годы контакта с русскими отражена в фольклоре селькупов (Тучков, 2015: 100).

К концу XVII в. резко снизилась численность соболя. Собрать ясак становилось все труднее, местные воеводы шли на крайности: в 1685 г. около двухсот ангарских тунгусов за недобор ясака были избиты, «поставлены на правеж» (Никкульшин, 1939: 12). Центральная власть призывала воевод к лояльности, не позволяла отводить под пашни земли, заботилась о предотвращении пожаров в тунгусских угодьях. И все же промысел соболя падал, тунгусы беднели. Об этом говорит донесение 1694 г.: «... потому что кругом илимских ясачных волостей многие поселены крестьяне и построились деревнями ... И ходят, де они, ясачные люди, по лесом для промыслу всю зиму со всяким радением. И ясачных де зверей в старых их породных местех не стало... А которую рухлядь оне уловят – берут в ясак ясачные зборщики всю без остатку. И на корм, и на одежду не оставляют. А деньгами им платить – взять денег негде и продать нечево. А руским людям на деньги работы никакие работать не умеют...» (Шерстобоев, 1949: 542-544). Уже в 1699–1701 гг. за 16 месяцев в счет уплаты дани у илимских тунгусов, кроме соболей, были взяты выдры, рыси, росомахи, горностаи, «53 половинки лосиных..., 90 1/2 пудов рыбы» (Шерстобоев, 1949: 546).

Сфера торговли, и прежде всего пушничной, с сибирскими «иноземцами» была под особым контролем властей (Конеv, 2017: 45). Наказ ясачным сборщикам от 1726 г. призывал смотреть, «чтобы ясачные люди не жили в деревнях у крестьян и не шатались бы», по величине ясака одаривать тунгусов оловом и табаком, следить, чтобы никто с тунгусами не торговал. «Если у тунгусов пушнины нет, то пусть покупают для сдачи сами. Но если купить не смогут, то за соболя брать деньгами, ... по величине ясака давать подарки» (Шерстобоев, 1949: 549). Так, тунгусы должны купить пушнину, а контактировать с крестьянами, тем более торговать мехами, было запрещено.

В результате случился многомерный природно-социальный кризис. Ему способствовал жесткий контроль государства и стремление извлечь ресурсы любой ценой. Хотя полностью пресечь несанкционированную пушную торговлю не удавалось, но существенный объем пушнины был временно изъят из легального торгового оборота (Конеv, 2017: 45). Обратим внимание, что «в зачет» соболей шли продукты потребления семьи, а поиск пушнины стал изматывающим занятием. В итоге на одном полюсе отношений государства и тунгусов оказался нереалистичный размер дани, на другом – «подарки и поминки», которые почти ничего не стоили казне: конфискованный китайский табак, немного олова и бисера. Для уплаты дани нужно было вступить в полулегальные товарно-денежные отношения, нарушив предписанные самим же воеводой правила. Следовало продать продовольствие и сырье, которые потребляла семья, выручить деньги, заплатить ими ясак и получить «подарки и поминки», «ласку и привет». Экономический и соционормативный конфликт пробил в системе питания брешь, с заполнением которой охота и рыболовство уже не справлялись. Так возникла необходимость в муке.

С этого времени тунгусское жизнеобеспечение балансировало на грани чередующихся кризисов. Успешность промысла копытных и пушнины колебалась в широких пределах в зависимости от природных условий, антропогенной нагрузки, в том числе объемов добычи русскими промысловиками, пожаров, отчуждения угодий под пашни и прииски. Тунгусы часто страдали от эпидемий: отчет 1830 г. Киренско-Хандинской инородной управы объясняет периоды неустойчивости промысла тем, что случается «повальная болезнь горячка... и самые лучшие промышленники умерли, а иногда зверей весьма мало в лесах в урожае бывает, ... да и цены прежде на все звери, как то белка от 50 до 60 копеек, а на другой год вдруг унизятся цены оной только от 25 до 30 копеек, а равно таким порядком и все прочие звериные шкуры» (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141). На уровне жизни сказывались колебания хлебных цен на Ирбитской и Нижегородской ярмарках (Кларк, 1863: 93). В Нижнеилимской управе в 1830 г. пуд муки продавался по стоимости 4–5 белок, в 1835 он подорожал вдвое, а к 1865 г. более чем в три раза, доходя до 15 шкурок (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 7. Л. 7-8).

Мука восполнила дефицит пищевых ресурсов, так как имела высокую питательную ценность, была относительно доступна, не требовала особых кулинарных навыков, мало портилась. Тунгусы получали ее через государственные хлебозапасные магазины, от купцов, крестьян соседних с кочевьями деревень и оседающих новокрещеных тунгусов.

Государство организовывало хлебозапасные магазины, которые тунгусы называли «казной», так же, как и русскую власть (Василевич, 1966: 362). Муку выдавали тем, кто потерял оленей и обеднел «в количествах, соразмерных с испытанною потребностью каждого тунгуса», но стоимость ее эвенки должны были впоследствии возместить (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 21. Л. 27). Хлебозапасные магазины на территории инородных управ были разнотипные: новокрещеных полуоседлых тунгусов Верхоленья они снабжали не мукой, а семенным зерном. Тутурский шуленга Тыжегиров доносит Иркутскому земскому суду в 1817 г., что «из экономических магазейнов хлеб будет роздан на посев, а не на пропитание», прилагая поименный список тунгусов, где доля зерна для каждого хозяйства пропорциональна числу ревизских душ и расчищенной из-под леса пашне (ГАИО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 8. Л. 3). В конце XIX – начале XX вв. патерналистские функции снабжения мукой смещаются от государства к купечеству (Сирина, Давыдов, 2017). У забайкальских тунгусов Шемагирского рода общественный капитал, складывавшийся из арендных сумм за чернолесье и реки, расходовался главным образом на снабжение мукой и товарами. Их поставляли по приговору суглана в общественный магазин, откуда товары и продукты бесплатно забирали члены рода. В 1910 г. купец В. Жмотов с вознаграждением 10 % комиссионных поставил 54 наименования товаров и продуктов, среди которых было 393 пуда ржаной муки, 5 кулей крупчатки первого сорта, 12 пудов скотского масла, 1 пуд 35 фунтов сахара (НАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 57-570б.). Рыбпромышленник С.П. Сверлов оптом продавал общественному магазину родового управления киндигирских тунгусов муку: в 1903 г. – 200 пудов ржаной муки по 1 р. 60 к. пуд. Купцы-скупщики пушнины иногда держали свои магазины, как, например, магазин купца М.А. Новомейского в Душкачане (НАРБ. Ф.328. Д. 36. Л. 90б.).

Продовольственный кризис присутствует в преданиях, например, записанном Г.М. Василевич на р. Тычаны со слов неграмотного эвенка Дюлипчи Момо. «Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умирали) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень трудно, они голодали. Оленей было мало: у кого пять, у кого шесть. Начали эвенки есть глину. Они сушили глину на костре, говоря: «Пусть хорошенько просохнет», – и мешали глину с мукой. Казенных запасных магазинов не стало... В то время появились купцы и начали торговать... Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки. Купцы стали лучше кормить их. Олени стали размножаться, их перестали есть. Много зверя – лосей стало. Прошла еще сотня лет. Тогда родился мой отец. Мой отец был бедняком. Ничего не имел, и оленей у него не было. Когда женился, взял он в приданое двух теленков. Потом выросло десять оленей. Дальше он лучше стал промышлять... Купцы за один раз давали много муки» (Василевич, 1966: 296-297).

Время, о котором повествует начало предания, – середина XVIII в. Четко проступают взаимосвязи между продуктивностью промысла и обеспеченностью оленями: эвенки, вынужденные из-за голода забивать их на мясо, становились менее мобильными и добычливыми, беднели и с трудом выжили бы без муки. Однако в литературе с XIX в. укрепилось мнение о преимущественно натуральном характере жизнеобеспечения тунгусов, заимствовании хлеба благодаря подражанию, а не необходимости. Тунгусы, «встречаясь с русскими в тайге и получая от них хлеб, привыкли к хлебной пище и теперь, через несколько месяцев, постоянно выходят к русским селениям для заготовления себе хлебного продовольствия» (Орлов, 1857: 180-181). Документы также объясняют потребление хлеба подражанием: «инородцы по бродячей жизни посевом хлеба не занимаются, потому что они более расположены к мясу и рыбе. ... А ежели они употребляют хлеб, то самую малость, и смотря на лице оных, которые ведут жизнь при хлебопашестве» (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141.). Объемы этой «самой малости» в дореволюционное время оставались невыясненными, поскольку статистические данные инородных управ фрагментарны. С.М. Широкогоров писал, что все отрасли хозяйства баунтовских тунгусов, учтенные статистикой, не обеспечивали их нужным для жизни количеством пищи, при этом «точность информации, данной тунгусами, не может вызывать сомнений, так как тунгусы обычно не лгут, и во всем, касающемся охоты, у них не было основания скрывать истину. Кроме того, тунгусы очень точно знают число убитых ими животных» (Широкогоров, 2017: 61).

Метод расчета балансов энергии, поступающей с пищей, предложил и использовал для арктических народов И.И. Крупник (Крупник, 1989). Чтобы определить значение покупного и натурального продовольствия, сопоставляется энергетическая ценность (калорийность) потребленной продукции и необходимые для выживания затраты энергии. Обширный собранный по одной методике массив данных по хозяйству народов Сибири дала Приполярная перепись (Приполярная..., 1928). Эти данные отражают его состояние накануне масштабной трансформации. Советская власть и Комитет Севера к 1926 г. еще не успели отладить сеть централизованного снабжения тунгусов, поэтому сведения переписи сопоставимы с фрагментарными сведениями документов инородных управ и могут быть экстраполированы на последние предреволюционные

десятилетия. По материалам Приполярной переписи 1926/27 гг. М.В. Рагулиной выяснено, что у всех групп эвенков территории современной Иркутской области, охваченных обследованием, покупное продовольствие, и прежде всего мука, занимают от 54 до 117 % в удовлетворении минимальных энергетических потребностей – предложенного И.И. Крупником «уровня выживания» (Крупник, 1989). Доля добытого продовольствия (мясо, рыба, птица, дикоросы) составляет от 10 до 103 %, значительно варьируя по территориальным группам. При этом высокие показатели самообеспечения за счет потребительского промысла, рыболовства и сбора дикоросов (79–103 % от уровня выживания) имели 433 эвенка (жители Усть-Кутского, Бодайбинского и Чечуйского районов Иркутской губернии) из общего количества 2033 обследованных. Любопытно, что около 80–100 % потребностей эти же эвенки удовлетворяли за счет покупной еды (Рагулина, 2000:110-112). Чем дальше от центров земледельческой колонизации находились места проживания тунгусов, тем меньшую роль в их снабжении имела мука. Однако и там она была востребована как повседневная пища в виде лепешек, а также пищевой ресурс на случай голода: «в некоторых местах тайги, как ни странно, население питается мукой и только мукой. Мясная пища, которую так естественно было бы встретить у таежного населения, фигурирует как исключение, в праздничные дни... Тунгусы промышляют почти исключительно белку, которую сдают русским, и потому без продуктов, доставляемых русскими, существовать не могут» (Попов, 1926: 28-29). Поэтому ситуация установившегося на рубеже XIX–XX вв. равновесия потребительской и товарной охоты, «каждая их которых, дополняя друг друга, обеспечивала прожиточный минимум эвенкийской семье» (Бычков, 2003: 18), была не настолько широко распространена, как это принято считать.

Символическую ценность хлеба отразил фольклор. Сказка «Чокондон», записанная Г.М. Воскобойниковым в п. Холодное Северо-Байкальского района Бурятской АССР создана под влиянием русской сказки о морском царе. Она переложена на свой лад оленными эвенками. Богатый тунгус «развозит свое хозяйство» к морю (Байкалу – Авт.), встречает морского царя и обещает ему нерожденного сына: «Ламунэй был богачом, жена его осталась с оленями». Собирая сына в дорогу к царю, мать дает ему дорожные продукты: «хлеба, лепешку, чаю, соли дала». Хлеб и лепешка здесь – статусные продукты, признак состоятельного хозяина. Подобные параллели отмечены у народов Приамурья: уже в XIX в. обеспеченность семьи определялась по запасам покупной еды, которая стала признаком богатства, а ее «поставщики» – купцы – имели позитивный образ (Иващенко, 2011: 201).

Восприятие хлеба отражено в предании, записанном Г.М. Василевич в п. Токма. В нем русские бродяги нападают на стойбище, захватывают силой девушек, убив их брата, и ведут в деревню. Одна из девушек, развесив на ветвях кусочки «русского хлеба», ночью сбегает от похитителей. Подкрепляясь по пути этим хлебом, а также найденной тушей задавленного медведем лося, она возвращается на стойбище (Василевич, 1966: 81-82). Любопытно, что негативное отношение к русским разбойникам не переносится на хлеб: как в сказке братьев Grimm «Гензель и Гретель», кусочки хлеба спасают, указывают путь, а также мирно соседствуют с традиционной мясной пищей.

Глубокий символизм родства соединяет семью, муку и молоко в сказке верхоленских эвенков: женщина печет калачики на своем грудном молоке для сына. «Мужчине большой, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчине в рот сунул. Мужчине стал жевал, жевал, проглотил.... Этот калачик каков (почему) матерью пахнет? ... Мужчина мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: “Ты мой младший брат”» (Василевич, 1936: 169). Мурчены (конные баргузинские эвенки) регулировали отношение к хлебу через ряд запретов «нэлэм». Запрет топтать хлеб они обосновывали следующим мифологическим преданием: «Знай, что хлеб был дан Богом собаке, а не человеку. Вот что произошло когда-то. Раньше хлеба было вдоволь. Зерна росли от самого корня до верхушки стебля. Однажды женщина пучком хлеба убрала детские испражнения. Все видящий Бог был разгневан на нее и в ее лице на всех людей. Схватил стебель с зерном и хотел вообще уничтожить, чтобы людям неблагоприятным не оставить ни одного зерна. Но вмешалась собака. Она робко попросила у Бога оставить немного зерна. Бог пожалел собаку и оставил ей на вершине стебля колос» (Шубин 2007: 193). В детской сказке, записанной у катангских эвенков, герой, встречая разных животных, спрашивает их: «Что ешь?», – доходит черед до человека, который отвечает: «Хлеб ем». Встретив собаку, герой получает ответ: «Кожу, хлеб, мясо ем» (Василевич, 1936: 130-131). Тунгусы ербогаченской группы кочевали с оленями, сами не занимались земледелием, но в сказке основной пищей человека назван хлеб. Его ест и собака: ербогаченские оленные тунгусы, так же, как и конные мурчены, и верхоленские полусоседские группы по примеру русского промыслового населения кормили охотничьих собак мучной болтушкой – разведенной и запаренной в воде или бульоне мукой.

Так, фольклорный материал подтверждает данные статистики о широком и прочном вхождении хлеба в жизнеобеспечение эвенков и находится в противоречии с устоявшейся точкой зрения об обеспечении их прожиточного минимума исключительно за счет натуральной продукции охоты и рыболовства.

Специализация в производстве продуктов питания была связана с разными этническими группами. Хотя большая часть тунгусов Прибайкалья занималась охотой, рыболовством и оленеводством, а в Забайкалье, помимо этого, эвенки занимались скотоводством и промыслом нерпы,

в XVIII–XIX вв. движение к русскому типу хозяйства начали некоторые локальные группы, расселенные на территории Тутурской (ГАИО. Ф. 387. Оп. ОЦ. Д. 5. Л. 14), Нижнеилимской (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 94), Киренско-Хандинской (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141) инородных управ. Формы хозяйства таких тунгусов из-за соседства и кровных связей с русскими старожилыми и бурятами имели гибридный характер: сосуществование оленеводства и скотоводства, земледелия и охоты в нескольких десятках микролокальных вариантах (Рагулина, 2009: 112). Хотя гибридные формы были внутренне противоречивы, их устойчивость обеспечивали социальные связи и переплетения экономических, культурных, бытовых практик повседневности. Все это отражалось в системе питания, когда самостоятельно произведенными либо полученными в результате обмена могли быть зерновые, картофель, продукция собирательства, скотоводства, охоты и рыболовства. Излишки обменивались внутри своих, переходных и соседних иноэтничных групп, что вело к более тесным социальным связям. Например, тунгусов Баргузинского Прибайкалья снабжали хлебом русские верхоленские крестьяне; скот и лошадей заводили через бурят и русских. Байкальские тунгусы были связаны поставками хлеба с Верхней Леной и Северным Байкалом. На Нижней Тунгуске установился торговый обмен между тунгусами и русскими крестьянами-старожилыми, снабжавшими тунгусов хлебом и табаком в обмен на доступ к тайге и охоте, продукты мясного и пушного промысла.

«Раньше с охоты выйдешь, собираешь всю пушнину, все сшитые рукавицы и обувь, сушеное и свежемороженое мясо и рыбу и загружаешь на пару, а некоторый раз на тройку лошадей и выезжаешь к русским. В первую очередь купец бежит за пушниной и кое-что еще возьмет, а остальное распродашь, обменяешь на муку и мясцо, больше погуляешь, пьешь водку и самогонку и обратно едешь с продуктами на год. Так это делали тунгусы, жившие далеко от русских» (Бурлаев, 2019: 237).

Прерывание сети сложившихся торговых и обменных связей между местным населением и купцами в результате политических потрясений и кризисов всегда вело к недостатку пищевых ресурсов, поскольку тунгусы не делали запасов, а прямо обменивали пушнину и другую продукцию на муку и нужные товары, часто в долг.

Наладить снабжение после революции из-за распада прежних торговых связей, искусственного обострения социальных противоречий и последствий экономического кризиса было непросто. Поскольку связи нарушились, эвенки вынуждены были заводить пашню. На вопрос врача, посланного Комитетом Севера, хандинские тунгусы отвечали, что у них мало пашни, невысокий урожай, «хлеба не достает и на треть года, но и то жить легче, ведь у нас хлеб дорог, а главное, достать его негде...» (ГАИО. Ф. р-2375. Оп. 1. Д. 1. Л. 75). Связи частично восстановились, когда в приленской тайге сложилась система эвенкийских колхозов, гощение и угощение (отложенный или прямой обмен) гостинцами хандинцев и русских из с. Карам (Бурлаев, 2019: 338).

Технология приготовления мучной пищи имеет кросскультурные параллели, сходные с селькупскими, якутскими, ненскими, народами Приамурья. Первоначально мука вошла в обиход как заправка похлебки, также архаичны испеченные в золе или на камне лепешки. Жаренные в жиру на сковороде лепешки были лакомством. «Всюду, где тунгусы подвержены русскому влиянию, они не только говорят по-русски, но и пекут хлеб», – отмечает Н.В. Попов, изучавший енисейских эвенков, – «чем дальше на север, тем меньше слышится в тунгусских чумах русская речь, тем реже печется на сковородах лепешка..., по Подкаменной Тунгуске тунгусы из муки умеют готовить не только лепешки, но и кислые русские хлеба» (Попов, 1926: 8). Однако чаще хлеб выпекали пресный. Учитывая то, что в рационе эвенков преобладала ржаная мука, для выпечки хлеба из нее нужны время расстойки, высокие температуры, хлеб мог выйти липким (вспомним возглас, адресованный хлебу «чавидя!» – глина). Непропеченный «колобо» (хлеб) был причиной болезней желудочно-кишечного тракта. И кислый, выброженный на закваске хлеб часто не отличался качеством: уже упомянутый врач, обследовавший полуоседлых киренско-хандинских эвенков по заданию Комитета Севера, отметил широкое распространение катара желудка и у тунгусов, и у рядом живущих русских, «причиной которого стал плохой, тяжелый хлеб, который трудно измельчается зубами» (ГАИО. Ф. р-2375. Оп. 1. Д. 1. Л.810б.).

У неоседлых эвенков Забайкалья А.С. Шубин описал технологию приготовления «кислого хлеба»: он «изготавливался в печах в более длительный срок. Эвенки останавливались в одних и тех же местах, где в специальных печах из дикого камня выпекали хлеб. Такое сооружение, например, обнаружено на берегу реки Талакан. Сооружаются печи из камней плиточной формы. Труба отсутствует. Дрова, вероятно, подкладывались, как в обычную русскую печь. Таким образом, раскаляли камни, а затем пекли хлеб. Такая печь в длину доходила до 2–2,5 м, в ширину – 1,5 м, в высоту – 1 м» (Шубин, 2007: 34). Похожие уличные хлебные печи, только выполненные из обожженной глины, отмечены у всех групп селькупов, васюганов-ваховских хантов, кетов. Селькупские печи значительно меньше, их основание было 80–90 см в ширину и до 1,5 м в длину (Тучков, 2015: 103-104). Большой размер тунгусских печей дает основание предположить, что, как и у названных народов, они имели общественный характер и служили для нескольких семей (групп семей). Большая площадь основания – «пода» – позволяла посадить в печь одновременно много хлебов. Такой запас хлеба мог понадобиться перед уходом на промысел, перекопкой. Запасы печеного хлеба для

промысла делали и русские: на одного артельщика на 1,5–2 месяца осенне-зимнего промысла запасали 3–4 пуда печеного хлеба, 2–3 пуда сухарей (Бычков, 2003: 34). Относительно датировки бытования хлебных печей у эвенков можно предположить, что они существовали по крайней мере в конце XIX – начале XX вв., поскольку после советских преобразований было налажено снабжение населения не только мукой, но и печеным хлебом.

5. Заключение

Заимствование муки и хлеба тунгусами – масштабный социально-экологический и культурный процесс, который имел выраженный системный характер. Системность его состоит в прямых и обратных взаимосвязях, которыми переплетены физиологические потребности организма в восполнении энергии с пищей, культурные предпочтения, экология промысловых животных и состояния ландшафтов, протяженность кочевых маршрутов и обеспеченность оленями, климатические и почвенные условия, представления о вкусах пищи, о даре, дружбе, обязательствах и заботе. В архивных материалах и опубликованных источниках мы находим подтверждения неравномерной, но все же стабильной распространенности муки во всех группах тунгусов, ее высокой практически-жизненной и символической значимости. На примере муки и хлеба мы видим, как пищевая инновация становится традицией, завязывая вокруг себя узелки социальных связей, родственных и соседских контактов, стимулируя локальные администрации к гибкости форм поддержки тунгусов, внедряясь в мифологию и фольклор. Полученные результаты позволяют скорректировать распространенную точку зрения о том, что главными потребителями муки были полусоседные группы, а мобильные охотники-оленоводы питались в основном продукцией промыслов.

6. Благодарности

Исследование выполнено М.В. Рагулиной за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А17-117041910171-7) и А. А. Сириной при финансовой поддержке проекта РНФ «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (№ 18–18–00309) по договору ГПХ в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Литература

- Алексеева, 2012 – Алексеева Е.К. Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии // *Гуманитарный вектор*. 2012. № 2. С. 143-147.
- Бурлаев, 2019 – Бурлаев И.И. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза / По верховьям Лены и Киренги. М., Иркутск: ИОКМ, 2019. 348 с.
- Бычков, 2003 – Бычков О.В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII–XX веках // *Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»*. 2003. Вып. 2. 120 с.
- Василевич, 1936 – Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во института народов Севера, 1936. 290 с.
- Василевич, 1966 – Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М., Л.: Наука, 1966. 400 с.
- Василевич, 1969 – Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Воскобойников, 1967 – Воскобойников М.Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1967. 184 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- Иващенко, 2011 – Иващенко Я.С. Образ кормящего ландшафта в культуре питания тунгусо-маньчжуров Приамурья // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011. № 1. С. 199-203.
- Кларк, 1863 – Кларк П. Очульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе // *Записки ВСОРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Конев, 2017 – Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 1. С. 43-56.
- Крупник, 1989 – Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Материалы, 1929 – Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае. Вып. 2. Новосибирск, 1929. 200 с.
- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
- Никульшин, 1939 – Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 75 с.
- Орлов, 1857 – Орлов. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы // *Вестник Императорского русского географического общества*. 1857. Ч. 21. № 6. Вып. 2. С. 180-192.
- Петри, 1930 – Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. 103 с.

- Попов, 1926** – Попов Н.П. Пища тунгусов. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, 1926. 32 с.
- Рагулина, 2000** – Рагулина М.В. Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. 163 с.
- Рагулина, 2009** – Рагулина М.В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья // *География и природные ресурсы*. 2009. № 2. С. 109-116.
- Самохин, 1929** – Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района // *Сибирская живая старина / ВСОРГО*. 1929. Вып. 8–9. 1929. С. 5-66.
- Сирина, Шинковой, 2007** – Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. 2007. № 33. С. 331-368.
- Сирина, Давыдов, 2017** – Сирина А.А., Давыдов В.Н. "...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту": патернализм и рыночная экономика в Северо-Восточном Прибайкалье // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 1. С. 70-85.
- Спасский, 1822** – Спасский Г. Забайкальские тунгусы // *Сибирский Вестник*. 1822. Вып. 18–20. 50 с.
- Старцев, 2010** – Старцев А.Ф. Традиционная культура и питание дальневосточных эвенков в прошлом и настоящем // *Россия и АТР*. 2010. № 1. С. 60-69.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Тучков, 2015** – Тучков А.Г. Мука и хлеб в культуре селькупов // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2015. № 4 (10). С. 99-108.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.
- Широкогоров, 2017** – Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп): Монография. Сер. Этнографическая библиотека. М.: Наука – Восточная литература, 2017. 710 с.
- Шубин, 2007** – Шубин А.С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 360 с.
- Ssorin-Chaikov, 2003** – Ssorin-Chaikov N. Social Life of State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press, 2003. 261 p.

References

- Alekseeva, 2012** – Alekseeva, E.K. (2012). Transformatsii v traditsionnom pitanii tungusoyazychnykh etnosov Yakutii [Transformations in the traditional diet of the Tungus-speaking ethnic groups of Yakutia]. *Gumanitarnyi vektor*. 2: 143-147.
- Burlaev, 2019** – Burlaev, I.I. (2019). Vospominaniia buhgaltera evenkiiskogo kolkhoza. Po verkhoviam Leny i Kirengi [Memoirs of an accountant of the Evenk collective farm. Along the upper reaches of the Lena and Kirenga]. М., Irkutsk: IOKM. 348 p.
- Bychkov, 2003** – Bychkov, O.V. (2003). Okhotnichii promysel russkogo naseleniia taezhnogo Pribaikal'ia vo vtoroi polovine XVII-XX veke [Hunting of the Russian population of the taiga Cisbaikalia in the second half of the XVII-XX century]. *Izvestiia Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeia «Tal'tsy»*. 2: 120.
- GAIO** – Gosudarstvennyi arhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of Irkutsk region].
- Ivashchenko, 2011** – Ivashchenko, I.A. (2011). Obraz kormyashchego landshafta v kul'ture pitaniia tunguso-man'chzhurov Priamur'ia [The image of the feeding landscape in the food culture of the Tungus-Manchus of the Amur Region]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 1: 199-203. [in Russian]
- Klark, 1863** – Klark, P. (1963). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tunguses in Verkholsk district]. *Zapiski VSORGO*. VI: 87-96. [in Russian]
- Konev, 2017** – Konev, A.Yu. (2017). Dar, dan' i trgovlia: antropologiya vzaimodeistviia avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XIX vv. [Gift, Tribute, and Trade: An Anthropology of Interaction between the Natives of Siberia and the Russians in the 17th–19th Centuries]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1: 43-56. [in Russian]
- Krupnik, 1989** – Krupnik, I.I. (1989). Arkticheskaiia etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniia morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoi Evrazii [Arctic ethnoecology: Models of traditional nature management of sea hunters and reindeer breeders of Northern Eurasia]. М.: Nauka. 272 p. [in Russian]
- Materialy, 1929** – Materialy Pripoliarnoi perepisi 1926–1927 gg. v Sibirskom krae [Materials of the Subpolar Census 1926–1927 in the Siberian region]. Vyp. 2. Novosibirsk, 1929. 200 p. [in Russian]
- NARB** – Natsional'nyi arhiv Respubliki Buriatiia [The National archive of the Republic of Buryatia].

- Nikul'shin, 1939** – *Nikul'shin, N.P.* (1939). Pervobytnye proizvodstvennye ob'edineniia i sotsialisticheskoe stroitel'stvo u evenkov [Primitive production associations and construction of socialism among the Evenks]. L.: Izd-vo Glavsevmorputi. 75 p. [in Russian]
- Orlov, 1857** – *Orlov* (1857). Bauntovskie i angarskie brodyachie tungusy [Bauntovsk and Angarsk Wandering Tunguses]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Ch. 21, 6(2): 180-192. [in Russian]
- Petri, 1930** – *Petri, B.E.* (1930). Okhota i olenevodstvo u tuturskikh tungusov v svyazi s organizatsiei okhothozyastva [Hunting and reindeer husbandry among the Tutura Tunguses in connection with the organization of the hunting farm]. Irkutsk. 103 p. [in Russian]
- Popov, 1926** – *Popov, N.P.* (1926). Pishcha tungusov [Food of Tunguses]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii Otdel Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. 32 p. [in Russian]
- Ragulina, 2000** – *Ragulina, M.V.* (2000). Korennye etnosy Sibirskoi taigi: motivatsiia i struktura prirodopol'zovaniia (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoi oblasti) [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 163 p. [in Russian]
- Ragulina, 2009** – *Ragulina, M.V.* (2009). Traditsionnye sposoby zhizneobespecheniia evenkov Pribaikal'ia [Traditional ways of life-support of the Evenks of the Baikal region]. *Geografiia i prirodnye resursy*. 2: 109-116. [in Russian]
- Samokhin, 1929** – *Samokhin, A.T.* (1929). Tungusy Bodaibinskogo raiona [Tunguses of Bodaibo region]. *Sibirskaiia zhivaia starina /VSORGO*. 8–9: 5-66. [in Russian]
- Sirina, Davydov, 2017** – *Sirina, A.A., Davydov, V.N.* (2017). "...Ne imeushchie ni khlebopashestva, ni skotovodstva, ni olenei, a tol'ko odnu lish' rechku etu": paternalizm i rynochnaia ekonomika v Severo-Vostochnom Pribaikal'e ["...Having neither Grain Farming nor Stock Breeding nor Reindeer but Only This One River": Paternalism and Market Economy in the North-East Baikal Area]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1: 70-85. [in Russian]
- Spasskii, 1822** – *Spasskii, G.* (1822). Zabaikal'skie tungusy [Transbaikal Tunguses]. *Sibirskii Vestnik*. 18-20: 50. [in Russian]
- Startsev, 2010** – *Startsev, A.F.* (2010). Traditsionnaia kul'tura i pitanie dal'nevostochnykh evenkov v proshlom i nastoyashchem [Traditional Culture and Food of the Far Eastern Evenks in the Past and Present]. *Rossiia i ATR*. 1: 60-69. [in Russian]
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov, V.A.* (1985). Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian]
- Tuchkov, 2015** – *Tuchkov, A.G.* (2015). Muka i khleb v kul'ture sel'kupov [Flour and bread in the Selkup culture]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 4 (10): 99-108. [in Russian]
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev, V.N.* (1949). Ilimskaia pashnia. T. 1. Pashnia Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev, V.N.* (1957). Ilimskaia pashnia. T. 2. Ilimskii krai vo II – IV chetvertiakh XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II–IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p. [in Russian]
- Shirokogorov, 2017** – *Shirokogorov, S.M.* (2017). Social'naia organizatsiia severnykh tungusov [Social organization of the northern Tunguses]. M.: Nauka – Vostochnaia literatura. 710 p. [in Russian]
- Shubin, 2007** – *Shubin, A.S.* (2007). Evenki. [Evenki]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia. 360 p. [in Russian]
- Ssorin-Chaikov, 2003** – *Ssorin-Chaikov, N.* (2003). Social Life of State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press. 261 p.
- Vasilevich, 1936** – *Vasilevich, G.M.* (1936). Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru [A collection of materials on the Evenk (Tungus) folklore]. L.: Izdatel'stvo instituta narodov Severa. 290 p. [in Russian]
- Vasilevich, 1966** – *Vasilevich, G.M.* (1966). Istoricheskii fol'klor evenkov: Skazaniia i predaniia [Historical folklore of the Evenks: legends and traditions]. M.: L.: Nauka. 400 p. [in Russian]
- Vasilevich, 1969** – *Vasilevich, G.M.* (1969). Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [Evenki. Historical and ethnographic sketches (XVIII – early XX century)]. L.: Nauka. 304 p. [in Russian]
- Voskoboinikov, 1967** – *Voskoboinikov, M.G.* (1967). Fol'klor evenkov Pribaikal'ia [Folklore of the Evenks of the Baikal region]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 184 p. [in Russian]

Мука и хлеб в жизнеобеспечении тунгусов Средней и Южной Сибири во второй половине XVII – начале XX веков

Милана Владимировна Рагулина ^{a, b, *}, Анна Анатольевна Сирина ^c

^a Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук, Российская Федерация

^b Иркутский государственный университет, Российская Федерация

^c Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено вхождение муки и хлеба в культуру и жизнеобеспечение локальных групп тунгусов Средней и Южной Сибири. Падение соболиного промысла рассматривается как стимул длительной и сложной динамики систем жизнеобеспечения эвенков, ведущей к внедрению муки и хлеба. Сборщики ясака должны были предотвратить утечку пушнины к крестьянам и в то же время вынуждены были допустить обменные связи тунгусов и русских. Таким образом, было положено начало создания разветвленной неофициальной сети социального взаимодействия, совместного выживания и культурных контактов, где немаловажную роль играл хлеб. Показано влияние социальных и экологических кризисов на перестройку энергетических источников тунгусского жизнеобеспечения. Рассмотрена символическая роль мучной пищи, ее трансформирующее воздействие на формирование гибридных форм природопользования, контактов с государством, рынком и крестьянским окружением, вскрыты особенности каналов снабжения мукой и связанные с этими каналами противоречивые социальные отношения. От непривычного и отвергаемого продукта менее чем за два века мука становится стратегическим ресурсом, важным для выживания тунгусов, независимо от их хозяйственной ориентации: охотников-оленоводов, охотников-скотоводов и переходящих к оседлости, смешанных с русскими групп. Значение муки отражено в повседневных практиках, духовной культуре, развитии технологий приготовления пищи и хлебопечения. Официальные каналы снабжения тунгусов мукой создавали разветвленные неформальные сети социальной взаимопомощи, переплетенные отношениями дарообмена, обмена, торговли, гощения и угощения. Они поддерживали энергетический баланс тунгусов, создавали основной социальный и культурный капитал региона – сибирскую полиэтничную социальную среду.

Ключевые слова: Сибирь, мука, хлеб, тунгусы, эвенки, традиционное жизнеобеспечение, хозяйственные связи, полиэтничная социальная среда.

* Корреспондирующий автор

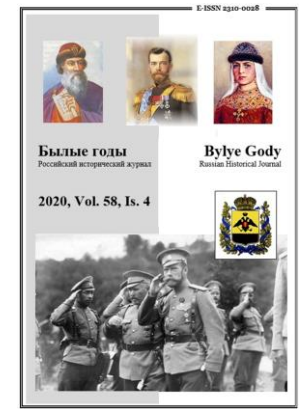
Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2346-2355. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2346
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Length-Measuring and Drawing Instruments of 18-19th Centuries at M.V. Lomonosov's Museum of Mae Ras (Kunstkamera)

Yevgenia M. Lupanova ^{a,*}, Leonid S. Nazarov ^b

^a Peter the Great museum for anthropology and ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation

^b Polytechnic museum, Moscow, Russian Federation

Abstract

There are many different rulers in a number of various museums. However so far they are hardly ever conceived as significant items for researches. This fact can be explained by the lack of related experience. Special problem can be the attribution and description of the ruler when it is the only one in some, for example, memorial museum.

M.V. Lomonosov's museum in MAE RAS (Runstkamera) stores comparatively large collection of rules, that can be used as a base of study, comparison and elaboration of common recommendations.

The results of the research are as follows. The division value in mm does not always provide important information, as it does not lead us to any conclusions about region, sphere of usage or basic system of measurements. The inner divisions of inches into 10 pieces turned out to be quite exotic for 16-19th centuries. Division into 12 sections was more wide-spread. Rulers had extensive use – in drawing, charting, artillery, navigation, measuring the weight of liquids, engineering, architecture and many others. The study leads to one more important conclusion: the countries with uncomfortable adjustment of small units with bigger ones (11 inches in the foot of Amsterdam and so on) were the most liable to the metric system introduction.

Keywords: historical metrology, musicology, source-study, attribution and description of museum items, history of science and technique.

1. Введение

Линейки на первый взгляд кажутся слишком простым инструментом для того, чтобы историки науки обращали на них свое внимание как на предмет специального исследования. При наличии обширной историографии, посвященной другим научным инструментам (часам, телескопам, геодезическим и навигационным приборам) более привычные всем линейки выпадают из сферы внимания историков, в то время как они представляют собой не менее увлекательное поле для специального изучения.

Целями написания данной статьи является систематизация и детальное описание коллекции инструментов измерения длины, хранящихся в Музее М.В. Ломоносова, привлечение внимания историков к изучению артефактов данного типа как видов исторического источника. Важной задачей было представление авторской трактовки жизнеспособности и удобства двенадцатеричной дюймовой системы измерения длины. Особую актуальность для музейных специалистов представляют разработанные при написании статьи классификация измерительных инструментов и методика описания предметов хранения.

* Corresponding author

E-mail addresses: lupanova@kunstkamera.ru (Y.M. Lupanova)

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи послужили инструменты измерения, хранящиеся в одном из отделов МАЭ РАН (Кунсткамера). Это уникальный пласт вещественных исторических источников, по сей день мало введенный в научный оборот. Изучение каждой единицы хранения включает в себя атрибуцию, классификацию, систематизацию и интерпретацию (Юренева, 2007: 8-9; Гужова и др., 2010: 5).

Специфика музейного предмета как исторического источника определяет методику исследования, использованную при написании данной статьи, – это междисциплинарный подход к изучению каждого инструмента как памятника истории науки и техники. Каждая единица хранения должна быть:

- детально описана с технической точки зрения;
- выявлены назначение и способы ее применения;
- определено ее место в культурном и историческом контексте эпохи;
- выявлена историческая и культурная ценность единицы музейного хранения для изучения как отдельно взятого исторического периода, так и для общей картины развития науки и техники.

3. Обсуждение

По сей день наиболее полным каталогом научных инструментов является книга Л.Е. Майстрова, опубликованная в 1968 г. В ней приведены данные о 36 линейках и 7 угольниках XVIII в. в хранении Государственного Эрмитажа (Майстров, 1968: 102-103). Однако едва ли и в самом деле богатства российских музеев такого рода предметами ограничиваются только этими предметами.

Выявление, изучение и сравнение между собой дают важный материал для развития исторической метрологии – вспомогательной исторической дисциплины, имеющей большое значение для понимания реалий прошлого. Высокое значение для исторической науки обуславливает ее активную разработку как в современных, так и в уже ставших классическими исследованиях (Каменцева, Устюгов, 1975; Ламберти, 1827; Молчанова, 1973; Петрушевский, 1849; Прозоровский, 1888; Черепнин, 1944; Швецов, 2007). В работах по метрологии длины нередко удостаивались специального внимания, однако инструменты измерений часто оставались в стороне, если это не были естественные меры, соответствующие длине стопы, ширине большого пальца, размаху рук и т.п. (Белобров, 2018; Детинкин, Жукалина, 2018; Романова, 1975; Рыбаков, 1949; Шаталов, 2014).

Большую историографию имеет также история математики и географии (Baker, 1963; Burton, 1997; Grattan-Guinness, 2003; Kline, 1973). Однако инструменты настолько мало изучены, что даже в специальной литературе можно прочесть, например, о том, что со времен Древнего Египта люди пользовались лишь линейками и угольниками, не имеющими шкал, а деления на линейке (сантиметры, миллиметры) появились после того, как в 1719 г. по предложению Парижской академии наук за единицу длины был принят метр – одна десятиллионная часть четверти Гринвичского меридиана (Малых, Безенкова, 2017: 47). Популярный интернет-ресурс «Википедия» в статье «Линейки» избегает этой ошибки, приводя в пример результаты археологических раскопок на территории Индии, но тут же допускает другую оплошность, датируя появление складной линейки на шарнирах 1851 годом и приписывая изобретение немецкому промышленнику А. Ульриху (Линейка...).

Подобные высказывания легко опровергаются материалами музейных коллекций, одна из которых вводится в научный оборот настоящей публикацией.

4. Результаты

Коллекции Музея М.В. Ломоносова насчитывают 50 западноевропейских линеек, угольников и концевых мер. Наиболее ранние из них датируются 1560 годом, самая поздняя – 1870–1880-ми годами. Коллекция формировалась с 1948 г. из различных источников: передача из других музеев, приобретение у частных лиц и в антикварных магазинах. По способу поступления в Музей меры длины делятся на три примерно одинаковые части:

- из Центрального хранилища пригородных дворцов-музеев;
- из Летнего дворца-музея Петра I;
- из прочих (Государственный Эрмитаж, приобретение у частных лиц и в антикварных магазинах).

Линейками называются жесткие твердые плоские чертежные и измерительные инструменты, вытянутые в одном направлении и предназначенные для работы в одномерном линейном пространстве.

Линейки имели самое разнообразное применение, помимо чертежного и картографического. Привлечение материалов других коллекций позволяет еще более расширить спектр использования. Например, в коллекции Музея бочарных инструментов в Сассексе (UK) имеются линейки торговцев скобяными товарами, бондарей, производителей бумаги, инженеров, портных; причем иногда со вспомогательными таблицами, позволяющими определить назначение линеек (Cooper tool museum).

Иногда к той же группе инструментов относят также угломерные, круглые, некоторые геодезические инструменты, объединяя линейки в привычном обиходном понимании в одну группу с

транспортирами, лекалами, штангенциркулями, ростомерами и др. В данной статье мы сознательно отказываемся от такой широкой трактовки. Основанием для такой стартовой установки являются не столько выверенные и несомненные типологические критерии, сколько желание ограничить круг рассматриваемых музейных предметов. Их богатство и разнообразие невозможно представить в рамках одной статьи.

Линейки делятся на следующие группы:

1. Линейно-измерительные и чертежные инструменты:

- а) без шкалы;
- б) имеющие шкалу с равномерным шагом.

2. Пространственно-преобразующие инструменты для соразмерного переноса расстояний из одной системы измерений или масштаба в другой (активно использовались в картографии):

А. Линейки, имеющие несколько шкал с равномерным шагом;

- а) линейного масштаба;
- б) поперечного масштаба.

В. Дальномерные линейки, преобразующие угловые меры (угловые величины наблюдения объекта) в линейные (расстояния) (их отличительной чертой является неравномерный шаг);

3. Аналоговые вычислительные инструменты, принцип использования которых близок к логарифмическим линейкам, но в ряде случаев имеет свою собственную специфику. Такие линейки имеют шкалы с неравномерным (как правило, уменьшающимся) шагом (в коллекциях Музея М.В. Ломоносова отсутствуют).

4. Универсальные, сочетающие в себе функции линейно-измерительных и чертежных, вычислительных и/или пространственно-преобразующих.

Эта классификация не является единственно возможной.

По своему функциональному назначению линейки делятся на:

- а. Артиллерийские;
- б. Морские;
- с. Геодезические;
- д. Плотницкие;
- е. Инженерные;
- ф. Архитектурные;
- г. Универсальные (многофункциональные).

В каждой из названных групп можно выделить группы по конструктивным (вторичным) признакам:

- 1) цельные;
- 2) составные;
- 3) комплектные;
- 4) складные и сворачивающиеся.

Как заявлено в заголовке, в данной статье речь пойдет только о первой группе инструментов – линейно-измерительных и чертежных линейках и угольниках. Они представлены шестью линейками и угольниками. Об инструментах других групп авторы планируют подробно рассказать в своих последующих публикациях.

Большинство инструментов измерения XVI–XIX вв. изготавливалось из латуни, разметка и надписи наносились гравировкой. Ниже в тексте это подразумевается по умолчанию, материалы и техника указаны только в случаях, когда они отличались.

Для начала рассмотрим линейки и угольники без шкал. Они чаще всего использовались в плотницком деле. Во время бытования они стоили дешевле других мер длины (латунных или железных), соответственно мало ценились и потому дошли до наших дней лишь в единичных экземплярах.

Они представлены угольниками МЛ-431 и МЛ-437, предназначенными для промеривания и прочерчивания прямых углов. Оба сделаны предположительно в XVIII в., переданы в наш музей из Государственного Эрмитажа в период формирования коллекций Музея М.В. Ломоносова – в октябре 1948 г. Первый из них складной; состоит из двух соединенных петлями частей. Второй имеет фигурные вырезы, возможно, использовавшиеся в качестве лекала.

Рис. 1. МЛ-431

Рис. 2. МЛ-437

Далее мы рассмотрим линейки с равномерными шкалами. Простое практическое применение имела латунная линейка МЛ-3662. Это английский фут, разделенный на дюймы, каждый дюйм разбит на четверти, первый дюйм – на 24 равные части. Нумерация отсутствует.

Под номером МЛ-3603 числится плотницкая складная деревянная линейка на трех шарнирах, имеет общую длину два английских фута и шкалу на 24 дюйма (с нумерацией по центру), каждый из которых на одной стороне разделен сверху на 10 равных частей, снизу – на 8. По центру верхней части другой стороны располагается фирменная надпись; разметка на дюймы, $1/2$, $1/4$ и $1/8$ выполнена так же, как на первой стороне. Промежутки между 8-м и 9-м дюймами и между отметками «16,25» и «17» разделены на 12 равных частей; от 23-го до 20-го дюйма идет обратная нумерация 1–14 равных промежутков по 6,3 мм.

Линейка изготовлена фирмой «Thomas Bradburn & sons» в Бирнгаме. Мастерская выпускала линейки между 1839 и 1876 гг. и была в первую очередь известна изготовлением серебряной посуды.

Инструмент был приобретен музеем в 1969 г. у частного лица.

Рис. 3. МЛ-3603

Сложнее обстоит дело с определением страны изготовления линейки МЛ-3699. На двух ее сторонах нанесены две одинаковые равномерные шкалы с шагом 25,6 мм. Линейка отличается наличием на ее конце воронки (конуса с небольшим отверстием в центре).

Рис. 4. МЛ-3699

Еще более поздней в коллекции Музея М.В. Ломоносова является линейка МЛ-3694 с шестью шкалами, основанными на английском дюйме. Она датируется ориентировочно 1870–1880-ми годами. Каждая шкала имеет двойную нумерацию делений – прямую и обратную. На первой шкале нанесены дюймы, каждый из них разделен на половины и на десятые доли, на пяти других – разделенные внутри таким же образом полдюйма, трети дюйма, четверти, пятые, шестые доли.

Рис. 5. МЛ-3694

Подведем итоги. Большинство линеек, о которых мы говорили, имеет разметку, основанную на двенадцатеричной системе. Разметка деления на десятые и пятые доли встречается в виде исключения. В этом нет ничего удивительного: известно, что двенадцатеричная система счисления древнее современной десятичной (еще более древняя шестнадцатеричная не представлена сохранившимися в коллекциях Музея М.В. Ломоносова артефактами) и просуществовала значительно больше времени, чем привычная нам сейчас. По сей день она присутствует в жизни не только в Англии и США,

где метрическая система все еще не прижилась окончательно, но и в системе измерения времени (месяцы, часы) и в маркетинге: наборы посуды, различных инструментов, канцелярских принадлежностей и материалов для творчества (ручки, краски, карандаши, фломастеры), нижнего белья чаще продаются полдюжинами и дюжинами, чем пятерками и десятками.

Здесь уместно отметить, что двенадцатеричная система имеет ряд преимуществ по сравнению с десятичной. Во-первых, число 12 легче делится на разные части: пополам, на трети, четверти и шестые части, тогда как 10 кратно только 2 и 5. Простота деления пополам всем известна из обихода: веревку легко можно сложить ровно пополам. Несколько труднее разделить некую величину на 3 равные части, но обычно это тоже делается незамысловатыми способами. А вот глазомерное деление на 5 равных частей – уже более сложная задача для решения на уровне обихода, на 10 – тем более. Удобство деления на половины, трети, четверти давно превратило эти доли в бытовые: разделим добычу пополам (поровну между тремя охотниками), полдень, полночь, четверть года и т.д.

Во-вторых, двенадцатеричная система является «натуральной»: в природе существует симметрия второго (тело человека, бабочки), третьего и четвертого (кристаллические решетки), шестого порядка (снежинки). Десятичная система также имеет свою собственную натуральность: симметрия пятого порядка широко распространена в живой природе и отсутствует в неживой. Это морские звезды, огромное количество цветков (яблоня, незабудка, колокольчик и др.). Симметрии седьмого порядка и выше в природе не существует, зато очень часто встречается круговая. Круг издревле делили на 360 градусов (см. подробнее: [Лейзгольд](#)) – число, удобное для обеих систем счисления, но в большей степени тяготеющее к первой, так как при мышлении, основанном на десятичной системе, число дней в году было бы округлено скорее до 350 или 400.

В-третьих, полдюжины и без четверти дюжина объектов – это объем информации, сильный для одновременного удержания в поле внимания одного человека. Одним из самых часто цитируемых статей по психологии в течение нескольких десятилетий является труд Дж.А. Миллера «Магическое число 7 плюс-минус два» ([Miller, 1956](#)). Эта работа быстро получила широкое распространение и признание. В оборот прочно вошло словосочетание «кошелек Миллера», обозначающее внимание человека. В «кошелек» одновременно помещается только семь «монет» (объектов). Так, например, руководя пятью подчиненными, руководитель может выполнять и свою собственную работу, а девять займут все время и приведут к перегрузке. Это одна из важных причин, почему римская и монгольская военная система, основанная на десятках, сотнях и тысячах не прижилась в других странах. В отечественных вооруженных силах заведен более эффективный с психологической точки зрения порядок, вновь отсылающий нас к двенадцатеричной системе: в роте три взвода, во взводе три отделения, а в отделении один руководит шестью. В итоге ротный не командует всей сотней – он командует тремя взводами и приданным подразделением (всего четырнадцать командирами). Это дает ему возможность сосредоточиться на обдумывании поставленной боевой задачи.

5. Заключение

Наличие описанных линеек (вещественных документов) опровергает множество интернет-публикаций (в т.ч. по запросу «История появления линейки»), из которых следует (иногда с подачи Википедии), что линейки придумали французы в конце XVIII века, а в Россию они попали в качестве трофеев во времена Наполеоновских войн, что складную линейку изобрел немецкий промышленник в XIX в. и пр.

Изучение линеек привело еще к одному важному выводу: страны, в которых имеются некие неделимые (неудобные для вычислений) соотношения мелких единиц с более крупными (11 дюймов в амстердамском футе, 7 футов в русской сажени), наиболее вероятно, были подвержены внедрению внешней (зарубежной) метрической системы. Так, в России Петр I уменьшил сажень (равную 3 аршинам или 6 полуаршинам), чтобы она стала равной целому числу английских футов (7), тем самым сбив все ранее применяемые более мелкие градации (аршин, пядь, вершок). Шестизвенные российские мерные цепи (6 звеньев ок. полуаршина в сажени) были вытеснены семизвенными (звено около фута) и десятизвенными (звено в 1/10 сажени) мерными цепями.

Изучение линейно-измерительных и чертежных инструментов фонда Музея М.В. Ломоносова выявило несколько аспектов, на которые редко обращают внимание музейные сотрудники, но важные для восстановления истории техники и технологий. Речь идет о применении различных метрических систем и уже ставшей многовековой проблеме их сопряжения. Здесь нет смысла подробно рассказывать обо всех трудностях точного перевода дюймов в миллиметры в разных промышленных и военных отраслях, но важно обратить внимание на то, что старинные линейки выступают в качестве вещественных источников исторической информации.

Представленные в статье результаты изучения линейных мер могут быть интересны сотрудникам других музеев с методологической точки зрения. Проведенное исследование показывает, что измерение оцифрованного «шага» и цены делений линеек в долях мм имеет сомнительную ценность и, более того, часто вредит, так как ставит исследователя в тупик – поиск соответствующих мер ни к чему не приводит. С другой стороны, определение шага необходимо для

назначения линеек, их особенностей, принадлежности к определенной измерительной (метрической) системе и, соответственно, для установления атрибутивных сведений (времени и региона изготовления или применения).

То есть эта скрытая в музейных предметах информация может позволить установить применение конкретных метрических систем на время изготовления инструмента, а также помочь установить регион применения с учетом того, что даже дюйм в разных странах существенно различался и не являлся постоянным на протяжении всей истории. Например, в XIX в. венский дюйм равнялся 26,340278 мм, парижский – 27,06995, рижский – примерно 22,4, вроцлавский – 27,42 и т.д. Список других стандартов потребовал бы значительного увеличения объема статьи, однако не стал бы исчерпывающим и достаточным для соотнесения каждой без исключения линейки, хранящейся в Музее М.В. Ломоносова, с тем или иным стандартом.

Выяснив, что цена деления в мм не помогает выявить ни регион, ни область применения, ни даже исходную метрическую систему, пришлось исходить из логики, что в Санкт-Петербурге преимущественно применялись четыре метрические системы: английские, прусские дюймы, вершки и самые поздние – сантиметры. Петр I мог, конечно, привезти не только прусские, но и голландские, датские меры. Но амстердамский дюйм (самый крупный из известных) составлял примерно 11 английских, а для точного уравнивания его пришлось еще больше увеличить. Получилась неудободелимая система, которая едва ли могла конкурировать с другими. Не получили также распространения измерительные системы территорий, вошедших в состав Российской Империи в XVIII–XIX вв., – прибалтийских и польских, их вытеснили из оборота линейки, аналогичные использовавшимся в столице. В конце XIX века стали чаще всего применять английские дюймы, вершки и см. Следовательно, при описании музейных предметов следует в первую очередь проверять оцифрованные шкалы на соответствие английским и прусским дюймам, вершкам или см.

С учетом опыта, накопленного при изучении коллекции линеек Музея М.В. Ломоносова, специалистам других музеев может быть рекомендована следующая схема описания аналогичных предметов:

- 1) материал, размеры, техника изготовления, история поступления, легенда;
- 2) надписи – наличие (по возможности – расшифровка)/отсутствие;
- 3) конструктивные особенности (наличие скосов, площадок, упоров, крепежных отверстий и т.п.);
- 4) характеристика шкалы: оцифрованная (с указанием шага, соотнесением его с см, вершками, английскими, прусскими дюймами...)/неоцифрованная; равномерная/неравномерная (тангенциальная, логарифмическая, дальномерная...);
- 5) функциональное назначение (исходя из конструктивных особенностей и характеристик шкалы).

Если линейка имеет надписи, не отвечающие размерам на основе дюймов (вершков или см), то это могут быть масштабные линейки. На этапе изучения и описания шкалы важно поставить вопрос, является ли линейка самостоятельным инструментом или частью комплекта; в последнем случае – попытаться выявить в фонде другие линейки того же комплекта.

Уже довольно много написано о трудностях и несовместимости в точном приборостроении, а теперь и компьютерном обеспечении дюймовой и метрической систем. Эти проблемы подчас приобретают фатальный характер (*Калибры...*, 1943; *Обозначение...*; *Marks...*). Не меньшие трудности вызывало в XVIII–XIX вв. сосуществование множества метрических систем: эталоны часто подделывали, чтобы повысить стабильность торговли, а центральная власть не имела достаточной силы для осуществления эффективного контроля даже в пределах одной системы измерений; задача перевода из одной в другую была вопросом и торгово-экономическим, и внутри-, и внешнеполитическим. Сейчас в нашей стране дюйм допущен к применению в промышленности в качестве внесистемной единицы без ограничения срока. Международная организация законодательной метрологии (МОЗМ) считает, что дюйм должен быть изъят из обращения как можно скорее и не вводится там, где до сих пор не использовался. С учетом результатов проведенного исследования целесообразность политики такого плана может быть поставлена под сомнение.

Литература

[Белобров, 2018](#) – Белобров В.А. Традиционные русские меры длины. М.: Сам полиграфист, 2018. 280 с.

[Гужова и др., 2010](#) – Гужова Л.Г., Мягтина Н.В., Черничкина В.А. и др. Музееведение: Учеб. для студентов специальности 031502 – музеология. Владимир: ВГУ, 2010. 115 с.

[Калибры..., 1943](#) – Калибры для метрической и дюймовой резб. М.: Гос. изд-во обороной промышленности, 1943. 365 с.

[Каменцева, Устюгов, 1975](#) – Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 321 с.

[Ламберти, 1827](#) – Ламберти А.И. О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса. СПб.: Тип. воспитательного дома, 1827. 26 с.

- Лейзгольд** – *Лейзгольд Г.* Почему именно 360 градусов. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2019/10/13/399>
- Линейка...** – Линейка. Свободная энциклопедия «Википедия». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 3.07.2020).
- Майстров, 1968** – *Майстров Л.Е.* Научные приборы. М.: Наука, 1968. 160 с.
- Малых, Безенкова, 2017** – *Малых А.Е., Безенкова Е.В.* Из истории линейки, циркуля и транспортира // *Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика.* 2017. № 1 (36). С. 47-54.
- Молчанова, 1973** – *Молчанова Л.А.* Народная метрология: (К истории народных мер длины). Минск: Наука и техника, 1973. 83 с.
- Обозначение...** – Обозначение торцевых головок. [Электронный ресурс]. URL: <https://drim.by/articles/3812-oboznachenie-torcevyyh-golovok/>
- Петрушевский, 1849** – *Петрушевский Ф.И.* Общая метрология. СПб.: Тип. Э. Праца, 1849. 826 с.
- Прозоровский, 1888** – *Прозоровский Д.И.* Древняя русская метрология: лекции в Археологическом институте. СПб.: СПб. арх. ин-т, 1888. 337 с.
- Различия...** – Различия метрической и дюймовой резьбы.
- Романова, 1975** – *Романова Г.Я.* Наименование мер длины в русском языке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Рыбаков, 1949** – *Рыбаков Б.А.* Русские системы мер длины XI–XV веков (из истории народных знаний) // *Советская этнография.* 1949. № 1. С. 67-91.
- Черепнин, 1944** – *Черепнин Л.В.* Русская метрология. М.: 1-я тип. Трансжелдориздата, 1944. 94 с.
- Шаталов, 2014** – *Шаталов А.А.* Фут, локоть, оргия, сажень: геометрические взаимосвязи между традиционными мерами длины различных архитектурных культур // *Архитектура и искусство в контексте культуры / Сборник материалов Международной научно-практической конференции.* Ростов-на-Дону: ФГАУ ВПО Южный федеральный университет. 2014. С. 234-238.
- Швецов, 2007** – *Швецов В.В.* Историческая метрология России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. 279 с.
- Юренева, 2007** – *Юренева Т.Ю.* Музееведение: Учеб. для высш. шк. М.: Академический Проект, 2007. 560 с.
- Baker, 1963** – *Baker J.N.L.* The History of Geography. Oxford: University press, 1963. 266 p.
- Burton, 1997** – *Burton D.M.* The History of Mathematics: An Introduction. New-York: McGraw Hill, 1997. 819 p.
- Cooper tool museum** – Cooper tool museum. [Electronic resource]. URL: <https://cooperstoolmuseum.com/> (дата обращения: 19.07.2020).
- Grattan-Guinness, 2003** – *Grattan-Guinness I.* Companion Encyclopedia of the History and Philosophy of the Mathematical Sciences. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003. 1806 p.
- Kline, 1973** – *Kline M.* Mathematical Thought from Ancient to Modern Times. New-York; Oxford: Oxford university press, 1973. 436 p.
- Marks** – *Marks P.* NASA criticized for sticking to imperial units. [Electronic resource]. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn17350-nasa-criticised-for-sticking-to-imperial-units/?ignored=irrelevant>
- Miller, 1956** – *Miller G.A.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // *The Psychological Review*, 1956, vol. 63. Pp. 81-97.
- Zinner, 1934** – *Zinner E.* Die fränkische Sternkunde im 11. bis 16. Jahrhundert. Bamberg, 1934. 118 p.

References

- Belobrov, 2018** – *Belobrov, V.A.* (2018). Tradicionnye russkie mery dliny [Russian traditional measures]. М.: Sam poligrafist, 280 p. [in Russian]
- Guzhova i dr., 2010** – *Guzhova, L.G., Myagtina, N.V., Chernichkina, V.A.* i dr. (2010). Muzeeyevdenie: ucheb. dlya: ucheb. dlya studentov special`nosti 031502 – muzeologiya [Museum-study: student's-book for the specialty 031502 – museum study]. Vladimir: VGU, 115 p. [in Russian]
- Kalibry..., 1943** – *Kalibry dlya metrcheskoy i duimovoi rez`b* [Calibres for metric and inch screws]. М., 1943. 365 p. [in Russian]
- Kamenceva, Ustyugov, 1975** – *Kamenceva, E.I., Ustyugov, N.V.* (1975). Russkaya metrologiya [Russian metrology]. М.: Vysshaya shkola, 321 p. [in Russian]
- Lamberti, 1827** – *Lamberti, A.I.* (1827). O pervonachal'nom proiskhozhdenii i nyneshnem sostoyanii rossiiskoi lineinoi mery i vesa [About the original and modern state of Russian system of measurements and weights]. SPb.: Tip. vospitatel'nogo doma, 26 p. [in Russian]
- Leizgol'd** – *Leizgol'd G.* Pochemu imenno 360 gradusov. [Electronic resource]. URL: <https://proza.ru/2019/10/13/399>
- Линейка...** – Lineyka [Ruler]. Svobodnaya e`nciklopediya «Wikipedia». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> [in Russian]
- Marks** – *Marks P.* NASA criticized for sticking to imperial units. [Electronic resource]. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn17350-nasa-criticised-for-sticking-to-imperial-units/?ignored=irrelevant>

- Maystrov, 1968** – *Maystrov, L.E.* (1968). Nauchniye pribory [Scientific instrumets]. M.: Nauka. 160 p. [in Russian]
- Malykh, Bezenkova, 2017** – *Malykh, A.E., Bezenkova, E.V.* (2017). Iz istorii lineyki, tsirkulya i transportira [From the history of ruler, compasses and alidad]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Matematika. Mekhanika. Informatika.* 1(36): 47-54. [in Russian]
- Molchanova, 1973** – *Molchanova, L.A.* (1973). Narodnaya metrologiya: (K istorii narodnykh mer dliny) [To the history of folk measures of length]. Minsk: Nauka i texnika, 83 p. [in Russian]
- Oboznachniye...**– Oboznachniye tortseyvykh golovok [The designation of drive sockets]. [Electronic resource]. URL: <https://drim.by/articles/3812-oboznachenie-torcevyh-golovok/> [in Russian]
- Petrushevskiy, 1849** – *Petrushevskiy, F.I.* (1849). Obshchaya metrologiya [General metrology]. SPb.: Tip. E. Pratsa, 1849. 826 p. [in Russian]
- Prozorovskiy, 1888** – *Prozorovskiy, D.I.* (1888). Drevnyaya russkaya metrologiya: lektsii v Arkheologicheskoye institute [Ancient Russian metrology: lectures at Archaeographic institute]. SPb.: SPb. Arx. in-t., 337 p. [in Russian]
- Romanova, 1975** – *Romanova, G.Ya.* (1975). Naimenovanie mer dliny v russkom yazyke [The names of length-measures in Russian language]. M.: Nauka, 176 p. [in Russian]
- Rybakov, 1949** – *Rybakov, B.A.* (1949). Russkie sistemy mer dliny XI–XV vekov (iz istorii narodnykh znaniy) [Russian systems of length-measures of 11-15th centuries (from the history of folk-knowledge)]. *Sovetskaya etnografiya.* 1: 67-91. [in Russian]
- Cherepnin, 1944** – *Cherepnin, L.V.* (1944). Russkaya metrologiya [Russian metrology]. M.: 1-ya tip. Transzheldorizdata, 94 p. [in Russian]
- Shatalov, 2014** – *Shatalov, A.A.* (2014). Fut, lokot', orgiya, sazhen': geometricheskie vzaimosvyazi mezhdru traditsionnymi merami dliny razlichnykh arkhitekturnykh kul'tur [Foot, cubit, orgia, sazhen: geographical connections between different architectural cultures]. *Arkhitektura i iskusstvo v kontekste kul'tury. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Rostov-na-Donu: FGAVU VPO Yuzhnyi federal'nyi universitet. Pp. 234-238. [in Russian]
- Shveczov, 2007** – *Shveczov, V.V.* (2007). Istoricheskaya metrologiya Rossii [Historical metrology of Russia]. Tomsk: TML-Press, 279 p. [in Russian]
- Yureneva, 2007** – *Yureneva T.Yu.* (2007). Muzeevedenie [Museum-study]. M.: Akademicheskij Proekt, 560 p. [in Russian]
- Baker, 1963** – *Baker, J.N.L.* (1963). The History of Geography. Oxford: University press, 266 p.
- Burton, 1997** – *Burton D.M.* (1997). The History of Mathematics: An Introduction. New-York: McGraw Hill, 1997. 819 p.
- Cooper tool museum** – Cooper tool museum. [Electronic resource]. URL: <https://cooperstoolmuseum.com/>
- Grattan-Guinness, 2003** – *Grattan-Guinness, I.* (2003). Companion Encyclopedia of the History and Philosophy of the Mathematical Sciences. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1806 p.
- Kline, 1973** – *Kline, M.* (1973). Mathematical Thought from Ancient to Modern Times. New-York; Oxford: Oxford university press, 436 p.
- Miller, 1956** – *Miller, G.A.* (1956). The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. *The Psychological Review.* 63: 81-97.
- Zinner, 1934** – *Zinner, E.* (1934). Die fränkische Sternkunde im 11. bis 16. Jahrhundert. Bamberg, 118 p.

Линейно-измерительные и чертежные инструменты XVIII–XIX вв. в коллекции Музея М.В. Ломоносова МАЭ РАН (Кунсткамера)

Евгения Михайловна Лупанова ^{a,*}, Леонид Семенович Назаров ^b

^a Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Политехнический музей, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Линейки различных эпох находятся на хранении во многих музеях, однако по сей день незаслуженно редко и мало достаиваются внимания исследователей. Причина тому отчасти заключается в отсутствии опыта изучения артефактов данного рода. Особенно сложно атрибутировать и описать его, если это единичный предмет в коллекции, например, мемориального музея.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vinsky888@mail.ru (Л.Ю. Логунова), ekka0808@mail.ru (Е.А. Маженина), Vladislav-rychkov@ya.ru (В.А. Рычков)

Музей М.В. Ломоносова в составе МАЭ РАН (Кунсткамера) хранит достаточно большую коллекцию инструментов данного вида для того, чтобы их можно было изучать, сравнивать между собой, и на ее основе вырабатывать общие рекомендации.

В результате проведенного исследования авторы статьи пришли к выводу, что цена деления в мм не всегда является значимой информацией. Часто она не помогает выявить ни регион, ни область применения, ни даже исходную метрическую систему. Среди изученных линеек оказалось мало с делениями по десятичной системе. Намного более распространенной в Европе XVI–XIX вв. была двенадцатеричная: дюймы делились на половины, трети, четверти, шестые и двенадцатые доли. Линейки имели самое разнообразное применение: черчение, картография, артиллерийское дело, измерение веса жидких тел, масштабирование в инженерном деле и архитектуре. Изучение коллекции привело еще к одному важному выводу: страны, в которых имеются некие неделимые (неудобные для вычислений) соотношения мелких единиц с более крупными (11 дюймов в амстердамском футе, 7 футов в русской сажени) были наиболее подвержены внедрению внешней измерительной (метрической) системы.

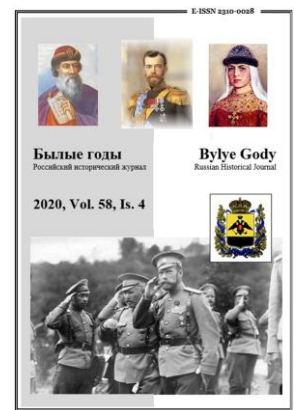
Ключевые слова: историческая метрология, источниковедение, музейное дело, атрибуция и описание предметов хранения, история науки и техники.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2356-2364. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2356
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Unwritten Law: Social Privileges of the Highest Command Staff of the Stavropol Corps of Christened Kalmyks in State Policy (from the 40s through the 60s of the 18th century)

Andrey S. Ryzhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the formation of a border military-political structure in the south and southeast of the Russian Empire in the second third of the 18th century. The fundamental principles of the relations between the state and the ethno-confessional groups of the steppe borderlands and their local elites at the head of them in a certain period of the early Modern Time were first studied in the scholar history literature. A representative example of the study is the Stavropol Kalmyk host (since 1745 – the corps of christened Kalmyks). The formation of the host upper estate around the first ruler of the Kalmyk settlement in Stavropol-on-Volga, convert princess Anne Taishin/Daichin (Tseren Yandji, granddaughter of Ochirt Tsetsen Khan) was traced on the base of little-known documents. The character/nature of social relations in which the ruling and most influential host commanders was included is indicated in proposed research, and the manifestations of social differentiation in this layer are revealed here also. Most attention is paid to the actual status and social claims of the privileged stratum of the host in comparison with its legal status. It is demonstrated that during the reign of Elizaveta Petrovna this group sought corporate feudal privileges by an explicit procedure due to the connivance, expressed both in laws of the state and in the policy of the local civil-military administration. However, it is indicated that with the advent of Catherine II, the situation began to change in the opposite direction. The author states in conclusion that with the development of political interaction of Russia with the Steppe and in the conditions of Catherine's toleration, the local group of the baptized Kalmyk aristocracy ceased to be in demand by the state, and, accordingly, the growth of its social privileges was limited.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Elizaveta Petrovna, Empress Catherine II, convert princess Anne Taishin/Daichin (Tseren Yandji, granddaughter of Ochirt Tsetsen Khan), ethno-confessional groups, baptized Kalmyk aristocracy, Stavropol' Kalmyk host, social relations, religious tolerance.

1. Введение

На протяжении последних двух десятков лет актуальным направлением изучения Российской империи в Новое время оставалась вероисповедная политика властей. Свое место в обозначенном русле занимала проблематика имперской христианской элиты, источников ее пополнения, отдельных групп в ее составе, как старых, возникших в средневековье, так и новых, ведших свою историю с конца XVII – начала XVIII вв.

Особый интерес подобные группы вызывали в контексте действия механизмов имперского развития России, в частности движения российских границ и интеграции окраинных территорий. На юге и юго-востоке страны в связи с длительным соседством калмыцкого и русского обществ и, шире, пограничных оседлой и кочевой культур на исходе первой трети XVIII в. видное место в планах государства отводилось крещеной калмыцкой аристократии. Калмыки служили на Дону,

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryzhev)

в Белгородском, Чугуевском полках Слобожанщины (Шовунов, 1992: 38-43; Максимов, 2016: 21-90). Корпоративных объединений знатных калмыков, способных проводить российскую волю, там не возникало. Калмыцкая верхушка, даже формально христианизированная, сохраняла свои исповедание и уклад жизни: недолгая и бесславная история Калмыцкой кочевой миссии в улусе Баксадая Доржи – князя П.П. Тайшина это вполне подтвердила (Джунджужов, Любичанковский, 2017а: 177-180). Войско калмыков в Ставрополе-на-Волге, созданное по инициативе того же П.П. Тайшина, явилось исключением, повлиявшим во второй трети XVIII в. на конфессиональную ситуацию на Дону и в Калмыцком ханстве (Бакунин, 1995: 39-50). Во многом это произошло благодаря высокому статусу верхов Ставропольского корпуса крещеных калмыков (такое наименование появилось в обиходе с 1745 г.). Он возник вследствие определенных государственных мер, в целом призванных в изучаемое время выстроить цепь взаимодействия с локальными элитами степного пограничья.

2. Материалы и методы

Практически вся история Ставропольского корпуса крещеных калмыков указанного времени охвачена источниками официального происхождения (документы, законодательство). Важнейшее место занимают документы учреждений Оренбургской губернии, в том числе подчиненной ей Ставропольской канцелярии. Они характеризуют связи органов управления с калмыцкими командирами и их окружением, крестившимися и зачислявшимися в войско с сохранением социальных привилегий. Они также подтверждают тенденцию властей в центре и на местах поддерживать высший слой ставропольских калмыков в силу господствовавших крепостнических порядков (Волжские..., 2011: 52-53, 69-72, 109-113, 114-122, 177, 179-183, 194, 195, 211-212, 242-246, 257-261). В целом документы говорят, что подобная тенденция шла дальше формально установленных правовых пределов, и отсюда значение материалов трудно переоценить.

Привлеченное законодательство собрано в ПСЗ. Оно дает представление о сословной политике государства и ее воплощении касательно ставропольских калмыков. Существенную роль для второй трети XVIII в. играет указ Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыках», которым был установлен штат войска и служебные prerogatives его первых лиц. Подлинный день выхода указа – 19 февраля (Шовунов, 1992: 55).

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных. Целью аналитической работы стали рост информативности и выявление содержательных нитей между документами. Для обобщения информации применен проблемно-хронологический метод, который дал возможность выяснить социальное положение калмыцкой элиты Ставрополя-на-Волге и юридически, и фактически.

3. Обсуждение

К созданию Ставропольского войска и его верхнего слоя причастен цвет российской общественной мысли и управления той эпохи: И.К. Кириллов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, В.М. Бакунин, А.П. Волынский, И.И. Неплюев, А.И. Тевкелев. В этом плане историография ставропольских калмыков имеет длительную традицию (Третьякова, Мыслицкая, 2015: 257-259). Содержательно она близка теме развития христианства у калмыков и появления крещеной аристократии, прочно освоенной в литературе (Любимов, 1915: 5-12; Дорджиева, 2009: 135; Джунджужов, 2014: 361-362). С 1990-х гг. и по настоящее время множатся трактовки истории калмыцких служилых групп, и калмыкам ставропольским отведен явный приоритет (Шовунов, 1992: 133-138; Торопицын, 2002: 112-120; Джунджужов, 2020: 81-85).

Предметом исследователей стали также имперская политика и ее воздействие на судьбы таких групп (Кузнецов, 2006: 40; Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017: 1196-1199; Ряжев, 2018: 91-92; Ходарковский, 2019: 198-255). Зависимость от России дала основания ввести их в число «клиентских обществ» – проводников ее влияния, возникавших с XVII в. (LeDonne, 2004: 77-79, 151-152). Специалистами отмечена роль В.Н. Татищева в обустройстве Ставропольского поселения (Смирнов, 1997: 79-83). Налицо прогресс в области источниковедения истории калмыков Урало-Поволжья (Ряжев, 2012: 14-17), в связи с чем изучение привилегированной социальной прослойки войска в Ставрополе-на-Волге имеет значительные перспективы.

4. Результаты

Начало формирования высшей прослойки калмыков в Ставропольском войске относится к 1737 г. и связано с подготовкой властями прибытия на Волгу княгини А.А. Тайшиной: именно вокруг нее сплотились доверенные люди ее покойного мужа П.П. Тайшина. Их перечень сохранил экземпляр текста присяги в Петербурге при получении княгиней Жалованной грамоты императрицы Анны Ивановны от 1 июня 1737 г. На присяге имеются два рукоприкладства, в которых названы девять имен: «Иван Шоро. Петр Менко. Кирило Шарап присягал и в том я, Кирило, руку приложил. Семен Тюрен. Григорей Балдан. Сергей Ясул Гецуль. Иван Амур. Василий Даадан. Иван Мангут присягал и в том я, Иван Мангут, и вместо их руку приложил» (Волжские..., 2011: 52). Первый

комендант Ставрополя полковник А.И. Змеев привел в представлении начальникам Оренбургской и Башкирской комиссий В.Н. Татищеву и Л.Я. Соимонову от 18 декабря 1737 г. более широкий перечень сподвижников П.П. Тайшина. Здесь, наряду с прежними, десять новых имен: «...а ныне при оной княгине имеется зайсангов... по ее представлению к правлению дел Иван Шоро, Петр Менко, Кирило Шарап, Матвей Бату Менко, Иван Чидор, да сверх оных Григорей Дайши Замсо, Семен Тюря (Тюрен в предыдущем списке – Авт.), Иван Мангут, Афанасей Тукан, Григорей Балдан, Сергей Ясул Гецуль, Иван Амур, Василей Даадан, Федор Котема, Андрей Дабрицын, Костентин Ходжин, Андрей Ламаджан. Да княгиня ж Тайшина представляет... для всяких... от нея в калмыцкие улусы посылкок определить... Нестера Цодаша, Степана Кюрю...» (*Волжские...*, 2011: 70).

В 1743–1744 гг. ставропольскую верхушку пополнили владельцы – родственники П.П. и А.А. Тайшиных, с крещением получившие княжеские титулы: Чидан Дербетев – Никита Тайшин, братья Тундут и Аюша – Петр и Павел Торгоутские. Несколько позже появился нойон Себеть – Семен Артемьев Хошеутов (Хошоутов), сподвижник хана Дондук-Омбо. В 1758 г. в войско был зачислен Норбо Данжин – Дмитрий Яковлев, двоюродный брат нойона Амурсаны, последнего правителя Джунгарии, вышедший в Россию с остатками джунгарских сил после уничтожения ойратского государства Цинами.

Состав высшей прослойки войска рос и благодаря пополнению по женской линии. Так, князь Павел Торгоутский женился на Анне Васильевой – вдове хана Церен-Дондука. Спустя время после смерти Павла она вступила в брак вновь, и ее мужем стал И.Н. Дербетев-младший, сын князя Н. Тайшина, позже депутат Уложенной комиссии Екатерины II. В 1746 г. в Ставрополь прибыла Тютеря – Елена Иванова, внучка хана Аюки, дочь его сына Галдан-Данжина, выданная тут же замуж за С.А. Хошеутова. В 1749–1750 гг. российские инстанции хлопотали о том, чтобы вывезти в Ставрополь из казахского плена Цойраши, сестру войскового квартирмейстера А. Хошеутова, состоявшего в родстве с С.А. Хошеутовым (*Волжские...*, 2011: 177, 179–181). В 1750 г. И.Н. Дербетев-старший, сын князя Н. Тайшина, женился на дочери княгини В. Дондуковой, вдовы хана Дондук-Омбо. Наконец, в 1752 г. С.А. Хошеутов крестил и отдал в Ставрополе замуж с вдова губернатора И.И. Неплюева сестру Анну Петрову.

Ставропольское «высшее общество», таким образом, в социальном плане выглядело гомогенным. Но существовала внутренняя иерархия, обусловленная социальным и политическим факторами. С одной стороны, первенство имели аристократы по сравнению с людьми более низкого происхождения. С другой – власти дорожили посещениями «первого часа» – людьми четы родовитыми, нежели пришельцы ханской крови. В проекте штатного расписания войска особый оклад – 50 руб. в год – шел «бывшаго полковника Шоры сыну Афанасью», и не случайно: «бывший» (к тому времени покойный) полковник И. Шоро значился приближенным П.П. Тайшина в списке бригадира А.И. Змеева 1737 г. Администрации же, заполнившей вакансии людьми первого набора в управлении войском, должно было примирить их интересы с интересами представителей знати, прибывавших на Волгу позже них.

После смерти княгини А.А. Тайшиной главенство в войске занял К. Шарап – зайсанг П.П. Тайшина, как и И. Шоро. В связи с намеченным приездом в Ставрополь новоявленных князей Петра Торгоутского и Никиты Тайшина предусматривалось их преимущество в положении и делах войска, ибо они представляли ханский род. В указе Коллегии иностранных дел от 12 ноября 1743 г. об этом сказано: «Пришедшему ис калмыцких улусов на Дон и пожелавшему... владельцу Чидану в Ставрополе жить... над... Кирилом Шарапом иметь... первенство и обще с прочими... зайсангами управлять всеми крещеными калмыками...» (*Волжские...*, 2011: 122). Норма повторялась в указе Сената от 15 февраля 1745 г.: «...Владельцу Никите Тайшину... над... Полковником Кирилом Шарапом велено иметь первенство; он же в Калмыцком Суде имеет быть...» (*ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 313*).

Чинов, отвечавших статусу прибывших князей, сначала не нашлось. В проект штатного расписания войска в сентябре 1744 г. имена обоих были внесены в силу происхождения: «княгиня Анна Тайшина, а по ней ее наследник Петр Торгоутской..., владелец Никита Тайшин» с окладами 500 и 150 руб. в год. Лишь после них в штате шла номенклатура войска: полковник, судья, «ясаул», писарь, строевые командиры (ротмистры, хорунжие, есаулы, урядники), толмачи, «розсылщик» (вестовой). Но П.И. Рычков, готовя штат к утверждению, понимал, что привилегированным пришельцам отличия в рангах необходимы. Поэтому он внес в штат важные дополнения: ввел новые войсковые чины и разделил ограниченное количество офицерских вакансий на разряды. Своему шагу он дал следующий комментарий: «...Хотя в них против прежняго нынешняго состояния чина, то есть управитель улусов, Войсковые квартирмейстер и харунжей излишние положены, но сие в том рассуждении, чтоб впредь из знатных людей, прибывающих во оные, вмещать и без чинов бы не иметь для избежания между ими ссор и не порядков, как так и ныне прибывшему владельцу Павлу Торгоутскому... надзирательской чин дать, дабы ево пред прочими не озлобить» (*Волжские...*, 2011: 119). В итоге Павел Торгоутский занял в войсковом суде место судьи.

Ставропольский господствующий слой окончательно оформился именно в 1740-е гг. Наряду с пополнением извне его источником стало воспроизводство: дети из семей первых лиц войска

занимали вакансии в первую очередь или пользовались почестями, благодаря заслугам и влиянию отцов. Представление об этом дает реестр Оренбургской губернской канцелярии от 24 сентября 1744 г. о раздаче личного имущества покойной княгини А.А. Тайшиной. В документе значится: выдача вещей произведена прежде всего «владельцу Никите Тайшину... Жене ево... Сыну ево Ивану Тайшину... Ево ж сыну большому... Полковнику Кириле Шарапу... Войсковому судье Петру Торгоутскому... Вновь приехавшему из Москвы владельцу Павлу Торгоутскому... Жене ево... Ясаулу Григорью Дайше Замсе... Ивану Мангуту... Шориной жене (жене Ивана Шоры, называвшегося в списках 1737 г. – Авт.) с сыном... Илье Хашке... Матвеем Бату Менке с сыном... Ивана Чадира (Иван Чидор фигурировал в списке 1737 г. у А.И. Змеева, первого коменданта Ставрополя – Авт.) сыну Ивану...» (Волжские..., 2011: 109-111). Это и есть ставропольские «сливки общества», представленные первыми лицами, их женами и детьми – им и достались пожитки княгини, обладавшие ценностью: столовое серебро, дорогие или редкие предметы быта и гардероба, отрезы материи, транспортные средства (карета «берлин», дорожные коляски).

Реестром зафиксирован и второй эшелон начальства войска. Раздача вещей адресовалась также «Федору Сабаю з братом... Алексею Собоку... Максиму Чоноче... Афанасью Тукану... Ивану Хубиту... Лаузан Гончику Константину... Михайле Дайше Замсе... Федору Борбе... Федору Лоузану Дорже... Семену Дамбарше... Семену Золбину... Федору Сюзуку... Даниле Дерету...» (Волжские..., 2011: 111, 112). Здесь, кроме А. Тукана, лишь новые имена.

Ценностей их обладатели не получили, раздача для них являлась скорее памятными подарками, нежели пожалованиями. В самом деле, в списке стоят «зеркало круглое малое..., зубочистка серебряная и две иглы серебряных..., двой чотки костяные..., из салфеток хороших три, часы солнечные медные», домашние вещи – медные кастрюли, металлические шандалы, кувшин для умывания, прочая утварь.

Исключением выступает лишь ротмистр Данила Дерету. Его подарок – «шесть стаканов серебряных» – явно относит его к «высшему свету», и не без оснований. Доверенный человек П.П. Тайшина, Петра и Павла Торгоутских, хранитель ханской печати, человек с большими связями в степи, он сумел отличиться и перед российским начальством, передав ему ханскую печать и не допустив ухода этой важной инсигнии в степь. В документе значится, что пресловутые стаканы достались ротмистру, незадолго до того начавшего службу в Ставрополе, именно «за объявление и отдачу им печати, коя по указу отыскивана скрытно, и в награждение» (Волжские..., 2011: 112).

Всего в обеих группах тридцать человек. Они и составили, собственно, всю войсковую калмыцкую «олигархию» (хотя в 1750-е гг., о чем выше, она несколько расширилась за счет новых персон).

Российские власти полагали в существовании верхней прослойки залог управляемости и боеспособности войска, численность которого в изучаемое время постоянно росла. Калмыков – обитателей Ставропольского поселения, военнослужащих и членов их семейств – в 1740-е гг. набиралось свыше 4 тыс. чел., в 1750-е – свыше 5 тыс. Законодательство декларировало замену прежнего социального уклада калмыков новым служебным порядком. Об этом шла речь и в указе Сената от 15 февраля 1745 г. Здесь фигурировала отсылка к норме указа Коллегии иностранных дел от 9 января 1744 г., по которой военнослужащих-калмыков «повелено числить казаками», но не людьми, зависимыми от крещеной знати, ибо «сие над Крещеными калмыками владение... допустить... весьма не возможно...» (Волжские..., 2011: 30, 90; ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314).

Однако указ намечал отход от жесткой нормы и давал его обоснование. «Владельческие и зайсангские достоинства, – говорилось далее, – подобно дворянству, между Калмыками в наследство, то есть, от отцов к детям, происходят, и прежнее Калмыцкое обыкновение имелось, что их зайсанги улусных своих людей в наследство детям своим присвоили...». После появления калмыков в Ставрополе, констатировал указ, отмены старого порядка и ввода новых служебных отношений, свободных от прежних социальных обязательств, так и не последовало: «между всеми оными Калмыками в содержании их никакого... учреждения поныне не учинено; ибо... чиновные их люди и зайсанги, приласкав и подобрав под власть свою, кто сколько мог кибиток, в своем ведомстве их и содержат и от них корыстуются...». Причиной, по которой новый служебный порядок не прижился, стала сословная политика, о чем говорится прямо: отмена прежней социальной зависимости не отличалась радикализмом, «дабы чрез то лучших и заслуженных людей фамилии в презрение и уничтожение не приходили, а особливо наблюдать сего о главных зайсангских детях, которые ежели б были не крещены и в прежних своих местах, то б они тех улусов лишаться не могли...» (ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314).

Отсюда государство вынужденно обеспечивало фактическое владение и наследование зависимых улусных людей представителями войсковой знати, консервируя социальные отношения: «...и для того в таком случае, когда который зайсанг умрет, и улусных Калмык лучших людей градскому командиру спрашивать, хотят ли они в ведомстве того наследника быть, который после умершаго зайсанга остался? И буде объявят желание, то им того не возбранять, а буде похотят у кого-либо у другаго в ведении быть, то их к тому и приписывать; однако ж сие градскому командиру надлежит разбирать, призывая в совет Калмыцких Судей... и для того о таковых улусах заранее

предусматривать и разведывать, довольны ли они тем наследником или нет...» (ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314). Указ, таким образом, устанавливает, что владельца сменить можно, принцип же владения неизблем. Соответственно, сохранение властями социальной архаики, равно привычной для калмыцких верхов и низов, и определяло социальное положение первых в войске.

Как следствие, претензии привилегированных сказывались откровенно и в разных сферах. Обычными стали запросы на снисхождение, почести и чины по праву рождения. Так, А.И. Шорин, сын полковника И. Шоры, в 1750-е гг. дважды пытался бежать со службы. Но он не только не понес никакой кары, но и в дальнейшем, благодаря заслугам отца, пользовался расположением губернатора И.И. Неплюева, который уважил нежелание беглеца быть в строю и помог определиться «по статской части» – толмачом в Коллегию иностранных дел. А.И. Шорин и там пришлось не ко двору, но сановник вновь выручил: взял на место толмача в Ставрополь, а в 1757 г. приставлял к джунгарам-аристократам, вышедшим в Сибирь, на переговорах об их зачислении в Ставропольское войско (Волжские..., 2011: 192-193, 213-216, 223, 231).

Вера Андреева, вдова Павла Торгоутского, в доношении в Ставропольскую канцелярию от 26 февраля 1768 г. просила офицерский чин для одного из своих детей: «Меньшого сына моего Ивана, яко уже приспевшего в совершенной к службе возраст., определить в харунжие на ваканцию, хотя он от калмыцкого корпуса и не аттестован...» (Волжские..., 2011: 242). В канцелярском доношении на имя оренбургского губернатора А.А. Путятина действительно читаем: «...Он, Торгоуцкой..., ко определению в службу в настоящие лета приспел, то Ставропольская канцелярия представляет ево к награждению в харунжие недостойным...» (Волжские..., 2011: 246). Но вдову ничто не останавливало, а аргумент был прост: «за службу отца ево, а моего покойного мужа» (Волжские..., 2011: 242). Ставропольская канцелярия, хотя и не соглашалась с назначением знатного юноши на офицерскую вакансию, в приобщенной справке признавала, что порядок вещей, к которому апеллировала Вера Андреева, имеет давние корни: «ибо де напред сего ис таких же владельческих детей некоторые, не имея ж прежде никаких чинов, произведены... люди также еще молодые...» (Волжские..., 2011: 243).

Не хуже ставропольских канцеляристов об этом знал и оренбургский губернатор А.А. Путятин, внутренние же трения в верхушечной среде, которые задержали чин для отпрыска князя Павла Торгоутского, сановника не касались. Соответственно, вышло «повеление... от 5 марта... о определении в харунжие умершаго полковника Торгоуцкого сына Ивана, буде ваканция есть, надлежащим образом...». Возразить Ставропольская канцелярия не посмела, доложив в ответ: «...И по оному Вашего Сиятельства повелению он, Торгоуцкой, когда порозжая харунжеская ваканция будет, то на оную помещен быть имеет» (Волжские..., 2011: 247).

Стоит подчеркнуть, что подобный «олигархический» порядок затрагивал далеко не всех офицеров войска. Так, в сентябре 1750 г. урядник Яков Абяк подал в Оренбургскую губернскую канцелярию доношение о денежном и хлебном содержании. Он указывал, что «определено мне быть на таком основании: во-первых, когда я, именованный, находиться буду при улусе, то править должность урядническую и по моему сведению... иметь над калмыками добропорядочное смотрение, которое по моей ревности и отправляя..., во-вторых, мне же и в командированной в Оренбург повсягодной калмыцкой команде впредь до вакансии во всех походах быть и отправлять за есаула...» (Волжские..., 2011: 182). Абяк числился на службе с 1745 г., то есть вступал в строевую должность во время ежегодных командировок на границу для усиления яицких и оренбургских казаков, но, как он сам отмечал, «в том звании с вышеписанного году при каждом походе, яко же и ныне я, именованный, пребываю ж, точию во всем содержусь на своем пропитании, ибо... ни денежным, ни же хлебным жалованьем не награжден, тако ж и действительно з жалованными есаулами в комплект и донныне не вмещен, и от того за неполучением себе никакого жалования, паче от понесения бывших с помянутого года походов, пришел в крайней недостаток» (Волжские..., 2011: 182).

Социальная дифференциация командного состава здесь предстает явно. В самом деле, с одной стороны, назначение в ротмистры и хорунжие молодежи высокого происхождения без всякой выслуги, с другой же – усердная, «по моей ревности» строевая служба, ежегодные боевые походы в низшем ротном чине, и предел желания – даже не фактический многолетний чин за собой закрепить, а причиненные службой убытки снять: «Нижайше прошу, дабы милостивейшим рассмотрением повелено было за показанную мою службу определить мне против (наравне – Авт.) протчих есаулов денежное и хлебное жалованье, чтоб я против их не был обижен и впредь не пришел в наивящее несостояние» (Волжские..., 2011: 183). Одним словом, тем, кто не мог рассчитывать на покровительство родственников, заслуги предков и внимание инстанций, в жизни приходилось гораздо хуже, и документы свидетельствуют об этом со всей определенностью.

Важной корпоративной ценностью ставропольцев была служебная автономия, за которую они цепко держались. Показательный случай имел место в июле 1755 г., когда отряд ставропольцев участвовал в подавлении восстания Батырши. Поручик Луцкой, командовавший подразделением, в котором состояли калмыки, подал рапорт на их есаулов «с показанием их против ево ослушностей, не порядков и соблазненного бесчинства...». Те, однако, подали встречный рапорт «в наказании их... яко безвинно...». И.И. Неплюев, вопреки сложившейся в войсках практике, взял сторону есаулов:

«...те калмыки... неправы, токмо ему, Луцкому, в такие наказании непосредственно собою вступать не надлежало, но... по согласию с их собственным командиром ротмистром Анчуковым..., яко он, Анчуков, для того при них командиром и учрежден...». В итоге Луцкого отстранили от командования, а вышестоящий начальник, полковник Роден, получил порицание (Волжские..., 2011: 205-206). Согласие с субординацией калмыков явилось признанием ценности ставропольской верхушки для властей.

Семьи войсковых заправил претендовали на конкретную помощь государства сверх средств, выделявшихся на содержание войска. Из документов известно: вдовы полковника Кирилла Шарапа, князя Павла Торгоутского, депутата екатерининской Уложенной комиссии И.Н. Дербетева-младшего выпрашивали себе пенсион, и в столице давали согласие, хотя деньги изыскивались с трудом, нерегулярно и порой за счет расходов на офицеров-калмыков низкого происхождения (Волжские..., 2011: 211, 242-243, 257).

Главные претензии ставропольских «сливок общества» проявлялись в сфере социальных отношений. Так, для ротмистра Д. Дерету в порядке вещей было постоянно требовать, чтобы ему обеспечивалось главенство над его людьми после крещения и зачисления на службу в Ставрополе (Волжские..., 2011: 89, 168-173). Того же добивалась и княгиня В. Дондукова для своего зятя И.Н. Дербетева-старшего, пробивая в инстанциях перевод того в Оренбург и сохранение за ним «третцати кибиток крещеных калмык с зайсангом Федором Соломом, которые ему (Дербетеву – Авт.) после отца его, владельца Никиты Дербетева, достались по наследству» (Волжские..., 2011: 194). При этом нормы узаконений 1744–1745 гг. о том, что «всех крещеных калмык надобно числить... казаками и определенным в чины зайсангам ими только командовать...» (Волжские..., 2011: 90) игнорировали обе стороны: и калмыцкое начальственное звено войска, и русская военно-гражданская администрация. В данном плане елизаветинское правление явилось для первого поистине «золотым веком».

5. Заключение

Рубеж 30–40-х гг. XVIII в. ознаменовал начало долгого вхождения Российской империи в мир Великой степи. Для властей этот процесс оказался сложным: им предстояло, действуя в ситуации неопределенности, понять стержневые свойства степной политической жизни. Следовало учесть прежде всего изменчивость, мобильность степных политических структур. Далее надлежало усвоить неоднозначность влияния на общество социальной дифференциации, именно соотношение роли аристократии, чингизидов как особой страты общества и горизонтальных родоплеменных связей. Наконец, следовало принять во внимание и отсутствие антагонизма между кочевой и оседлой культурами, свойственное кочевой ментальности Нового времени. Такую систему можно назвать кочевым феодализмом: его понятие и рабочая модель давно и глубоко утвердились в отечественной науке, а в 2000-е гг. были актуализированы за рубежом (Sneath, 2007: 1-5; Kradin, 2014: 13-58).

На начальном этапе взаимодействия с подобной системой государство нуждалось в опоре и посреднике и нашло их в части кочевой знати, склонной в борьбе за положение порывать с привычной социальной средой, а в ряде случаев и с прежним исповеданием. Смысл создания верхушки ставропольских калмыков именно таков. Поддержка свыше задала этой группе известный социальный стандарт: она явочным порядком настаивала на корпоративных феодальных привилегиях, не ощущая правовых ограничений, словно закон как таковой для нее значил мало или ничего. Для елизаветинского времени соответствующий компромисс был нормой, своего рода неписанным законом, определявшим линию администраторов на местах.

При Екатерине II позиция изменилась: политика толерантности задала другие шаблоны взаимоотношений с иноверными степняками. Прежнее посредничество потеряло востребованность, что делало неизбежным перемену участи ставропольских чинов в военно-политическом укладе пограничья, подразумевавшую и включение их в общие правовые рамки. В инструментарии властей наработанные приемы создания групп знати – посреднических «клиентских обществ» – сохранялись, хотя основной зоной их применения стал Северный Кавказ (до начала активной фазы Кавказской войны в 30-е гг. XIX в.).

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста, 1995. 153, [5] с.

Волжские..., 2011 – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону, 2011. 320 с.

Джунджужов, 2014 – Джунджужов С.В. Российская политика христианизации калмыков и ее влияние на общественные отношения в волжском Калмыцком ханстве (конец XVII – середина 30-х годов XVIII в.) // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 16. № 3 (2). С. 359-363.

Джунджужов, 2020 – Джунджужов С.В. Правовое регулирование поселения калмыков в Оренбурге в 40-е годы XVIII века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. № 1 (33). С. 80-89.

Джунджужов, Любичанковский 2017а – Джунджужов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 172-191.

Дорджиева, 2009 – Дорджиева Е.В. Власть и традиционная калмыцкая элита в XVIII в. (открытая интеракция и скрытые транскрипты) // *Власть*. 2009. № 4. С. 131-135.

Кузнецов, 2006 – Кузнецов В.А. Ставропольское иррегулярное калмыцкое войско на службе России // *Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии»*. 2006. С. 38-42.

Любимов, 1915 – Любимов С. Русские князья калмыцкого происхождения. Князья Тайшины, Дондуковы, Дондуковы-Корсаковы, Дондуковы-Изъездиновы // *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. Вып. 7. Ставрополь, 1915. С. 3-18.

Максимов, 2016 – Максимов К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-на-Дону, 2016. 584 с.

ПСЗ – Первое полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12 (1744–1748). СПб, 1830. 960 с.

Ряжев, 2012 – Ряжев А.С. Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 3. С. 13-18.

Ряжев, 2018 – Ряжев А.С. Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны // *Новый исторический вестник*. 2018. № 4 (58). С. 88-100.

Смирнов, 1997 – Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. 190 с.

Торопицын, 2002 – Торопицын И.В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге в 40-х годах XVIII века // *Архив Русской истории*. Т. 7. М. 2002. С. 107-124.

Третьякова, Мыслицкая, 2015 – Третьякова Д.В., Мыслицкая Л.А. П.И. Рычков о волжских ставропольских калмыках: историко-ландшафтные и лингвогеографические наблюдения в «Топографии Оренбургской» // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2015. № 4 (19). С. 256-262.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 349, 2 с.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества: вторая половина XVII–XIX вв. Элиста, 1992. 317, [2] с.

Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017 – Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskii S.V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // *Bylye Gody*. Vol. 46. № 4. Pp. 1194-1206.

Kradin, 2014 – Kradin N.N. Nomads of Inner Asia in transition. Moscow, 2014. 296 p.

LeDonne, 2004 – LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford – New York, 2004. XV, 261 p.

Sneath, 2007 – Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007. 273 p.

References

Bakunin, 1995 – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'tsev: Sochinenie 1761 g. [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the actions of their khans and owners: An essay, 1761]. Elista. 153, [5] p. [in Russian]

Djundjuzov, 2014 – Djundjuzov, S.V. (2014). Rossiiskaya politika hristianizacii kalmykov i ee vliyanie na obshchestvennye otnosheniya v volzhskom Kalmytskom hanstve (konets XVII – seredina 30-h godov XVIII v.) [The Russian policy of Christianization of Kalmyks and its impact on social relations in the Volga Kalmyk Khanate (late 17th – mid-30s. of the 18th century)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 16. 3(2): 359-363. [in Russian]

Djundjuzov, 2020 – Djundjuzov, S.V. (2020). Pravovoe regulirovanie poseleniya kalmykov v Orenburge v 40-e gody XVIII veka [Legal regulation of the settlement of Kalmyks in Orenburg in the 40s of the 18th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(33): 80-89. [in Russian]

Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017 – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovskii, S.V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 46(4): 1194-1206.

- Djundjuzov, Lyubichankovsky, 2017a – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovsky, S.V. (2017). Missionerskaya deyatelnost' Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725–1734 gody). [Missionary activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate, 1725–1734]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 3(53): 172-191. [in Russian]
- Dordjjeva, 2009 – Dordjjeva, E.V. (2009). Vlast' i traditsionnaya kalmytskaya elita v XVIII v. (otkrytaya interaktsiya i skrytye transkripty) [Power and the traditional Kalmyk elite in the 18th century (open interaction and hidden transcripts)]. *Vlast'*. 4: 131-135. [in Russian]
- Khodarkovsky, 2019 – Khodarkovsky, M. (2019), Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800. [Steppe borders of Russia. How the colonial Empire was created, 1500–1800]. Moscow. 349, 2 p. [in Russian]
- Kradin, 2014 – Kradin, N.N. (2014). Nomads of Inner Asia in transition. Moscow. 296 p.
- Kuznetsov, 2006 – Kuznetsov, V.A. (2006). Stavropol'skoe irregulyarnoe kalmytskoe voisko na sluzhbe Rossii [Stavropol irregular Kalmyk host in the military service of Russia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Spetsial'nyi vypusk: «Aktual'nye problemy istorii, arheologii, etnografii»*. Pp. 38-42. [in Russian]
- LeDonne, 2004 – LeDonne, J.P. (2004). The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford – New York. XV, 261 p.
- Lyubimov, 1915 – Lyubimov, S. (1915). Russkie knyaz'ya kalmytskogo proiskhozhdeniya. Knyaz'ya Taishiny, Dondukovy, Dondukovy-Korsakovy, Dondukovy-Iz'ezdinovy [Russian princes of Kalmyk origin. Princes Taishins, Dondukovs, Dondukovs-Korsakovs, Dondukovs-Iz'ezdinovs]. *Trudy Stavropolskoi uchyonoi arhivnoi komissii*. Is. 7. Stavropol. Pp. 3-18. [in Russian]
- Maksimov, 2016 – Maksimov, K.N. (2016). Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII – seredina XX v.) [Kalmyks as part of the Don Cossacks (from the 17th through the mid of the 20th century)]. Rostov-na-Donu. 584 p. [in Russian]
- PSZ – Pervoe polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [First complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 12 (1744–1748). 960, I p. [in Russian]
- Ryazhev, 2012 – Ryazhev, A.S. (2012). Stavropol'skoe kalmytskoe voisko (1737–1843 gg.): opyt izucheniya novyh istochnikov [The Stavropol Kalmyk host, 1737–1843: experience of studying new sources]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*. 3: 13-18. [in Russian]
- Ryazhev, 2018 – Ryazhev, A.S. (2018). Religioznaya politika Petra I na yuzhnykh rubezhah Rossii nakanune i v hode Velikoi Severnoi voiny [The Religious Policy of Peter I on the Southern Borders of Russia before and during the Great Northern War]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 4(58): 88-100. [in Russian]
- Shovunov, 1992 – Shovunov, K.P. (1992). Kalmyki v sostave rossiiskogo kazachestva: vtoraya polovina XVII – XIX vv. [Kalmyks as part of the Russian Cossacks: from the second half of the 17th century through the 19th century]. Elista. 317, [2] p. [in Russian]
- Smirnov, 1997 – Smirnov, Yu.N. (1997). Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII v. [Orenburg Expedition (Commission) and the inclusion of the Volga region into Russia from the 30s through the 40s of the 18th century]. Samara. 190 p. [in Russian]
- Sneath, 2007 – Sneath, D. (2007). The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York. 273 p.
- Toropitsyn, 2002 – Toropitsyn, I.V. (2002). Pereselenie kreschionnykh kalmykov v Stavropol' na Volge v 40-h godakh XVIII veka [Relocation of baptized Kalmyks to Stavropol on the Volga River during the 40s of the 18th century]. *Arhiv Russkoi istorii*. Vol. 7. Moscow. Pp. 107-124. [in Russian]
- Tret'yakova, Myslitskaya, 2015 – Tret'yakova, D.V., Myslitskaya, L.A. (2015). P.I. Rychkov o volzhskikh stavropol'skikh kalmykah: istoriko-landshaftnye i lingvogeograficheskie nablyudeniya v «Topografii Orenburgskoi» [P.I. Rychkov about the Volga Stavropol Kalmyks: historical-landscape and linguogeographical observations in the «Topography of Orenburg»]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 4(19): 256-262. [in Russian]
- Volzhskie..., 2011 – Volzhskie stavropolskie kalmyki: seredina 30-h gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy, T. 1. Stavropolskoe kalmytskoe voisko v seredine 30-h – 60-e gg. XVIII v. [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials. Vol. 1. The Stavropol Kalmyk host from the mid-1730s through 1760s]. Rostov-na-Donu, 2011. 320 p. [in Russian]

Неписанный закон: социальные привилегии высшего командного состава Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (40–60-е гг. XVIII в.)

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

Аннотация. Статья посвящена формированию пограничного военно-политического уклада на юге и юго-востоке Российской империи во второй трети XVIII в. Впервые в научной литературе изучены основополагающие принципы отношений государства с этноконфессиональными группами степного пограничья и стоявшими во главе их локальными элитами в определенный период раннего Нового времени. Репрезентативным примером исследования служит Ставропольское калмыцкое войско (с 1745 г. – корпус крещеных калмыков). На основе малоизвестных документов прослежено складывание войсковой верхушки вокруг первой правительницы калмыцкого поселения в Ставрополе-на-Волге княгини А.А. Тайшиной. Также определен характер социальных отношений, в которые был включен наиболее влиятельный слой войсковых командиров, прослежены проявления социальной дифференциации в этой среде. Наибольшее внимание уделено фактическому положению и социальным притязаниям привилегированной страты войска в сравнении с ее правовым статусом. Показано, что в годы правления Елизаветы Петровны она могла добиваться корпоративных феодальных привилегий явочным порядком при попустительстве, выраженном и в законах, и в поведении местной военно-гражданской администрации. Однако с приходом Екатерины II ситуация стала изменяться в противоположную сторону. В итоге автор констатирует, что с расширением политического взаимодействия со степью и в условиях екатерининской веротерпимости локальная группа крещеной калмыцкой аристократии переставала быть востребованной государством по-прежнему, соответственно, рост ее социальных привилегий ограничивался.

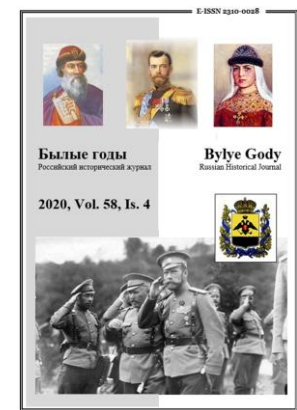
Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Елизавета Петровна, Екатерина II, княгиня А.А. Тайшина (Церен Янжи), этноконфессиональные группы, крещеная калмыцкая аристократия, Ставропольское калмыцкое войско, социальные отношения, веротерпимость.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2365-2376. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2365
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Features of the Acquisition of the Nobility by the Sloboda Ukrainian Cossack Foreman at the late of the XVIII century

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Mikola A. Mikhaylichenko ^c, Lyubov G. Polyakova ^{b, d}

^a Sumy State University, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Sumy National Agrarian University, Ukraine

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the features of the acquisition of the rights of the Russian nobility by representatives of the Cossack foremen of Slobodskaya Ukraine in the first decade after the publication of the "Charter to the nobility" in 1785. The most common algorithms for proving the nobility are considered among the Cossack foremen of Sloboda Ukraine. The authors determined the specific features of the nobilization process on the territory of the former Ukrainian Cossack regiments, which distinguished it from similar processes on the lands of the former Hetmanate.

The work is based on handwritten sources that are stored in the funds of the Central State Historical Archive in Kyiv, the State Archives of the Kharkiv Region and the Central Scientific Library of Kharkiv National University named after V.N. Karazin. Particular attention was paid to the study of the noble genealogy book of the Kharkiv governorship.

Analysis of sources confirms that for holders of Cossack ranks from a sotnik (centurion) and above it was not difficult to obtain the rights of the Russian nobility. Many representatives of the former Cossack foreman and their descendants took advantage of this. The authors highlighted a specific feature of the nobilization of the former Cossack foreman of Sloboda Ukraine. When local representatives of the Cossack foremen proved their rights to hereditary nobility, they rarely appealed to the Polish gentry origin. This way of proving one's noble origin was more characteristic of the Cossack elite of the former Hetmanate.

Keywords: Russian Empire, nobility, Slobodskaya (Sloboda) Ukraine, Cossack foreman, bureaucracy, XVIII century.

1. Введение

История дворянского сословия Российской империи является сферой научных интересов многих исследователей. При этом очевидно, что картина формирования российского дворянства остается неполной без изучения истории региональных элит, инкорпорированных в разное время в его состав. Одной из таких элит была старшина слободских казацких полков. После издания Екатериной II «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г., представители слободских казацко-старшинских родов приобретают возможность для вхождения в состав привилегированного сословия и уже к концу XVIII в. составляют ядро дворянства слободско-украинского региона. Процесс нобилизации слободской старшины оказал существенное влияние на общественно-политическую жизнь региона и значительно смягчил ломку полково-сотенной системы Слободской Украины и окончательное утверждение на ее территории общеимперских государственных институтов.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo@bigmir.net (S.I. Degtyarev)

Исследование особенностей приобретения прав наследственного дворянства бывшей слободской казацкой старшиной и составляет цель данной работы.

2. Материалы и методы

Наибольшим информационным потенциалом для изучения региональных особенностей приобретения дворянского статуса обладают документы из архивных фондов губернских дворянских депутатских собраний. Согласно «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., на эти собрания возлагалось рассмотрение доказательств лиц, претендующих на внесение их рода в губернскую родословную дворянскую книгу. Процесс рассмотрения предоставленных доказательств подробно документировался, а документы, связанные с приобретением дворянства (т.н. «дворянские дела»), хранились в архиве дворянского депутатского собрания.

В исследуемый период земли Слободской Украины преимущественно находились в составе Харьковского наместничества. Основной массив источников по данному региону находится в Государственном архиве Харьковской области (ГАХО) и Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киев (ЦГИАУК). К сожалению, большинство дворянских дел из архива Харьковского дворянского депутатского собрания исчезли в годы немецкой оккупации Харькова 1941–1943 гг. В фонде 14 «Харьковское дворянское депутатское собрание» Государственного архива Харьковской области (ГАХО) сохранились отдельные дела конца XVIII века и опись дел, позволяющая установить лишь имена дворян, внесенных в родословную дворянскую книгу в 1786–1835 гг.

Вместе с тем в фонде Харьковского наместнического правления Центрального государственного исторического архива в г. Киеве (ЦГИАУК. Ф. 1709) хранятся 58 экстрактов доказательств дворянства, датированные 1792 годом. Экстракты состоят из трех рубрик: «имя и фамилия дворянина», «сила представлений и доказательств» и «резолуция по оным». Первая рубрика, кроме имени, отчества и фамилии, содержала информацию о чине, должности и землевладении соискателя потомственного дворянства. Например, «валковского округа помещика прапорщика и валковского уездного стряпчего Николая Артемьевича Романовского». Во второй рубрике, кроме собственно экстрактов доказательств дворянства, содержались сведения о претендентах, указанные в подготовленных уездными предводителями алфавитных списках дворян по уездам, а именно: имена и возраст членов их семей (жен и детей), имущественное положение (недвижимое имущество и количество ревизских душ), место жительства, чин, место службы и должность. В третьей рубрике фиксировалось решение дворянского депутатского собрания по дворянскому делу. Как правило, резолюции формулировались следующим образом: «по (номер) статьи Высочайшей грамоты внести его с потомством в (номер) часть родословной Дворянства книги о чем, равно о выдаче ему грамоты и внесении в дворянскую сумму денег учинить особый протокол».

В этом же фонде хранятся и «Положения Харьковского дворянского общества», помогающие определить порядок работы дворянского депутатского собрания.

В качестве источника также были использованы хранящиеся в отделе коллекций редких изданий и рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Каразина первая, третья, шестая и фрагмент четвертой части родословной дворянской книги Харьковского наместничества, а также опубликованные материалы Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ).

В процессе работы над данной статьей мы руководствовались принципами историзма, объективности, исторического антропологизма, а также методами сравнительно-историческим, проблемно-хронологическим, ретроспективным. Это позволило учесть закономерности трансформаций, которые происходили в изучаемый период. В работе также были применены клиометрические методы, с помощью которых выявлены и проанализированы различные количественные показатели.

3. Обсуждение

Наше исследование опирается на достаточно широкую историографическую базу. Вопросам инкорпорации земель бывшей Гетманщины, Слободской и Правобережной Украины в состав Российской империи в последние десятилетия уделяют внимание многие ученые. К наиболее основательным исследованиям следует отнести работы Д. Бовуа (Бовуа, 2011), З. Когута (Когут, 1996), Т. Таировой-Яковлевой (Таирова-Яковлева, 2006; Таирова-Яковлева, 2017), В. Маслийчука (Маслийчук, 2007b), В. Склокина (Склокин, 2019), А. Каппелера (Kappeler, 2014), Я. Лазарева (Lazarev, 2018). Политику Российского государства XVII – начала XIX веков изучали западные ученые Д. Ливен (Lieven, 2006), Н. Коллман (Kollmann, 2017), В. Кивельсон и Р. Суни (Kivelson, Suny, 2017) и др.

В процессе инкорпорации национальных территорий перед российским правительством стояла сложная задача, связанная с ассимиляцией населения из этих регионов. В частности, национальные элиты из присоединенных украинских территорий следовало вписать в общеимперскую элитарную систему. Этот процесс был сложен и занял достаточно длительное время. Его особенности сейчас активно изучаются рядом ученых (Degtyarev, 2013a; Degtyarev, 2013b; Degtyarev et al., 2019; Jones,

2015; Lebid et al., 2020). Некоторые работы непосредственно посвящены исследованию проблем интеграции украинской казацкой старшины (преимущественно из территории бывшей Гетманщины) в социальную структуру Российской империи (Когут, 2004; Кривошея, 2008; Degtyarev, Kryvosheia, 2016; Lazarev, 2017; Lazarev, 2020).

Непосредственно истории казацкого сословия Слободской Украины посвящены работы ряда исследователей. В. Маслийчук и С. Потапенко разрабатывали вопрос формирования региональной светской элиты Слободской Украины, хронологически сосредоточившись на периоде со второй половины XVII до конца XVIII веков (Маслийчук, 2003; Маслийчук, 2007а; Потапенко, 2015). В частности, они затронули такие проблемные аспекты данной темы, как изменения социальной психологии слободской элиты в процессе взаимодействия между российским и украинским образом жизни на приграничье. В подобном же ключе реализовал свое исследование и А. Алферов, отойдя от общего контекста казацкой старшины всего слободско-украинского региона и сосредоточив свое внимание лишь на представителях старшинского слободского рода Алферовых (Алферов, 2009).

Процесс интеграции казачества Слобожанщины в социальную структуру Российской империи и формирования элит в этом регионе изучали Н. Проць (Проць, 2013) и В. Яценко (Яценко, 2009). В. Маслийчук и С. Потапенко также исследовали проблему отношения слободских казацких элит к статусу российского дворянина (Маслийчук, 2004; Potapenko, 2018).

В ряде наших публикаций эти и ряд других вопросов также были затронуты (Degtyarev, 2019; Михайліченко, 2013; Михайліченко, 2015). Но больше внимания мы уделили непосредственно механизму превращения обладателей казацких старшинских рангов и их потомков в носителей статуса дворянина Российской империи. В частности, изучена динамика и масштабы нобилитационного процесса в регионе в конце XVIII века, рассмотрены основные составляющие внутрисословного статуса дворянина.

4. Результаты

Прежде чем перейти к анализу особенностей приобретения дворянства слободской украинской казацкой старшиной, целесообразно дать краткую характеристику нобилитационной деятельности Харьковского дворянского депутатского собрания.

Свое первое заседание собрание провело в январе 1786 г., утвердив «Положения Харьковского дворянского общества». В октябре того же года депутаты приняли первые решения о внесении дворян в родословную книгу. К концу 1789 г. значительная часть представителей местной элиты смогла доказать свои права на наследственное дворянство. Губернский предводитель Иван Иванович Зарудный в своем письме к правителю Харьковского наместничества Федору Ивановичу Кишенскому от 19 мая 1790 г. по этому поводу сообщал: «Выбранными обществом от округа по одному депутату разбор дворянским родам начат, коих пять сот двадцать фамилий, сто же девяносто две по силе высочайшим грамоты по недостаточным доказательствам не внесены, но за непредставлением от многих господ дворян доказательств еще разбор не окончен». В 1792 и 1794–1795 гг. разворачивается новый этап нобилитации, прерванный императорским указом от 4 декабря 1796 г., согласно которому дворянские депутатские собрания теряли право «вводить в дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты». Всего в период между 1786 и 1795 гг. Харьковское дворянское депутатское собрание приняло 1083 решения, согласно которым в родословную дворянскую книгу был внесен 1231 дворянин (Михайліченко, 2015: 37).

Согласно «Положениям Харьковского дворянского общества», дворянское депутатское собрание собиралось в полном составе один раз в год с первого декабря по первое февраля, «или сколько нужда потребует в [...] для отправления дворянских общественных дел» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 860: 50б.). Доказательства же от просителей поступали в течение всего года и рассмотреть их в полной мере в течение короткого времени сессии было достаточно сложно. Именно поэтому секретарь дворянского собрания составлял экстракты для последующего рассмотрения дворянским депутатским собранием.

Учитывая то, что в фонде Харьковского дворянского депутатского собрания ГАХО сохранились лишь отдельные дворянские дела конца XVIII в., экстракты доказательств прав дворянства являются одним из немногих источников, позволяющих определить наиболее распространенные среди местной элиты способы доказательств таких прав. В 58 экстрактах описаны доказательства, предоставленные 66 просителями (в некоторых случаях в экстрактах значатся несколько братьев). Решения о внесении в родословную книгу приняты относительно 64 соискателей (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023). 35 из них происходили из бывшей слободско-украинской казацкой старшины, еще 10 – из бывшей старшины Гетманщины.

По социальному положению претендентов можно разделить на несколько групп (Таблица 1). Как видно из Таблицы 1, многие из них не имели чинов, необходимых для получения потомственного дворянства (начиная с XIV класса на военной службе и VIII – на гражданской). Это касалось и отставных прапорщиков не из дворян, пожалованных этим чином при выходе в отставку. Согласно сенатского указа от 18 мая 1788 г., их, как «отставных от воинской службы обер-офицерами

чинами, коими они во оной не служили, нет сомнения почитать только личными дворянами» (ПСЗ, 16667: 1078).

Таблица 1. Социальное положение просителей, внесенных в родословную дворянскую книгу

Социальное положение просителей	В какую часть родословной книги внесены				
	1	2	3	4	6
Генералы					1
Штаб-офицеры			4		1
Чиновники VIII класса	1		1		
Обер-офицеры		14			2
Чиновники XIV–IX классов		21			
Неслужащие помещики		3			
Унтер-офицеры и рядовые		3		1	
Священники		2			
Недоросли, обер-офицерские дети		1			
Неслужащие, не находящиеся в подушном окладе		5			
Войсковые обыватели		1			1

Итак, лишь незначительная часть претендентов могла приобрести потомственное дворянство благодаря своим чинам. Остальные же могли рассчитывать на внесение в родословную книгу, доказав дворянское достоинство предков, или, говоря языком «Жалованной грамоты», «отца, деда, прадеда и так выше, сколько показать могут или пожелают» (Жалованная грамота: 355).

Таким образом, доказательства предоставленные претендентами можно разделить на две группы: 1) документы, указывающие на чин, дающий права потомственного дворянства; 2) доказательства дворянского достоинства предков.

Таблица 2. Доказательства, представленные на рассмотрение дворянского депутатского собрания

Доказательства	В какую часть родословной книги внесены				
	1	2	3	4	6
свидетельства уездных судов о службе предков		20			
свидетельства от дворян о службе и благородном происхождении предков		27	1		
подписанные дворянами поколенные росписи		25	1		
указы об отставке претендента		1	1		
указы об отставке предков		1			
патенты и указы на чин претендента		10	2		
патенты и указы на чин предков		6			1
ордера, аттестаты и свидетельства, в которых указан чин претендента		4	1	1	
ордера, аттестаты, указы полковых и походных канцелярий, в которых указан чин предков		10			
императорские рескрипты о жаловании орденами			1		
формулярные списки претендентов		1			
купчие и иные документы на недвижимое имущество		5			2

жалованные грамоты на вотчины и поместья		1			1
документы, подтверждающие происхождение претендента от предков, дворянство которых было ранее доказано		8			1
другие доказательства	1	4	1	1	2

Из [Таблицы 2](#) видно, что большинство претендентов опиралось на доказательства дворянского достоинства предков, среди которых наиболее распространенными были свидетельства уездных судов, свидетельства от дворян о службе и благородной жизни предков, а также патенты, указы, ордера, аттестаты и другие служебные документы, в которых указывался чин предков.

Большинство претендентов (52 человека) доказали свою принадлежность к «военному дворянству» и были внесены во вторую часть родословной дворянской книги Харьковского наместничества. Большую часть из них составляли потомки слободско-украинской старшины и старшины Гетманщины (соответственно 32 и 10 человек). По одному представителю слободских казацко-старшинских родов были внесены в четвертую («иностранные роды») и шестую («древние благородные роды») части родословной дворянской книги Харьковского наместничества.

Лишь в трех случаях потомки казацкой старшины смогли приобрести дворянство благодаря собственным чином. В остальных же случаях представители казацко-старшинских родов ссылались на старшинскую службу предков. При этом отметим, что Харьковское дворянское депутатское собрание (большинство членов которого также принадлежало к казацко-старшинским родам) рассматривало старшинские ранги как равные офицерским, руководствуясь, очевидно, заведенной комиссией Е. Щербинина практикой, когда полковые старшины получали чин капитана или майора, а сотники – поручика ([Корнієнко, 2008: 418](#)).

Таблица 3. Доказательства, представленные представителями слободско-украинских казацко-старшинских родов

Доказательства, представленные на рассмотрение дворянского депутатского собрания	Количество случаев
свидетельства уездных судов о службе предков	12
свидетельства от дворян о службе и благородном происхождении предков	11
подписанные дворянами поколенные росписи	19
указы об отставке претендента	2
указы об отставке предков	1
патенты и указы на чин претендента	4
ордера, аттестаты, указы полковых и походных канцелярий, в которых указан чин предков	12
купчие и другие документы, подтверждающие владение именьями или дворянскую службу предков	3
свидетельства от внесенных в родословную книгу родственников, имевших общих с претендентом предков	7
другие доказательства	6

Из [Таблицы 3](#) видно, что среди доказательств, свидетельствующих о старшинской службе предка (предков) преобладают свидетельства уездных судов, составленные преимущественно на основе данных переписных и так называемых компутных книг. Так, сумской помещик коллежский регистратор Ефим Григорьевич Светлишников представил следующие доказательства дворянства: 1) копию указа о пожаловании его чином коллежского регистратора; 2) «свидетельство 1790 года [...] Сумского уездного суда в том, что по выправке того суда по переписным книгам показано 728 года [в] Мижириче сотником Семен Голуб и 717-го оный же Семен полковым обозным, а 732 года города Сум пушкарь Никифор Светличной»; 3) «свидетельство того ж года от дворян, что просителя названного по деду Светличным прадед был подлинно Семен Голуб, служивший до 717-го году Сумского полку в Межирицкой сотне сотником и полковым обозным»; 4) «поколенная роспись, подписанная дворянами, по коей значит, что проситель от полкового обозного Семени, пушкаря Никифора и неслужащего Григория происхождение имеет» ([ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 60](#)).

Из [Таблицы 3](#) также видно, что во многих случаях основным доказательством дворянства были разнообразные служебные документы, в которых упоминался старшинский ранг предка (предков).

Например, богодуховский помещик отставной прапорщик Георгий Васильевич Полтавец предъявил такие доказательства своего благородного происхождения: 1) инструкция Ахтырской полковой канцелярии 1761 года, «в которой значит отца его Василия Полтавца сотничей чин»; 2) свидетельство от дворян о том, что «отец его Василий [служил] в Ахтырском казачьем полку сотником, в том чине и помре, и вел благородную жизнь»; 3) указ об отставке просителя из вахмистров в прапорщики, «в коем он написан в службу вступил из старшинских детей»; 4) «патент 1782 года на тот же чин» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 60). Как видим, Георгий Полтавец, не имевший права на потомственное дворянство по чину (в силу упомянутого выше указа «О непричислении к потомственному дворянству отставных из воинской службы с чином обер-офицера, но в оном не служивших»), был внесен в родословную книгу благодаря доказательствам старшинской службы своего отца.

Аналогичным образом приобретали дворянство и потомки старшины Гетманщины. Так, сумской помещик прапорщик Николай Фомич Грановский, кроме патента на собственный чин, предоставил патент «о пожаловании отца его Фомы из полковых хорунжих в титулярные советники», а также урядную выписку 1756 г. «города Нежина из магистрата права магдебургского, в коем видно, что предок его Леонтий Грановский был полковым обозным» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 8). И таких примеров в конце XVIII в. было много (Degtyarev, 2013b).

Отметим, что, несмотря на распространенность такого доказательства, как свидетельства от дворян о «дворянской службе и благородной жизни» предков, оно рассматривалось скорее как дополнительное, подтверждающее происхождение претендента от предков, чье дворянское достоинство не вызывало сомнений. Одним из немногих исключений является дворянское дело изюмского помещика отставного гусара Михаила Прокофьевича Бужинского, который в доказательствах своего дворянства опирался на следующие документы: 1) свидетельство от дворян в том, «что дед его Федор служил в Изюмском казачьем полку полковым хорунжим, в коем чине умре»; 2) свидетельство Изюмского уездного суда «в том, что по выправкам того суда оказалось: поступившие из полковой канцелярии в Изюмскую провинциальную канцелярию во время сгорания в 766-м году той канцелярии дела с архивом погорели, [в] оставшихся же от того пожара малом числе об оном деду его Федору Бужинскому никаких справок не отыскалось»; 3) «поколенная роспись, подписанная дворянами» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 32).

Как видно из таблицы 3, только в трех случаях представители слободско-украинской старшины предъявляли в качестве доказательства дворянства купчие на «недвижимые имения». При этом заметим, что претенденты вряд ли могли апеллировать к 12 пункту 92-й статьи «Жалованной грамоты дворянству», согласно которому безоговорочными доказательствами благородства считались «купчие, закладные, рядные и духовные о дворянском имении» (Жалованная грамота: 355). Купчие, поданные в качестве доказательств, скорее указывали на дворянскую службу предков. В этом отношении наиболее характерным является пример валковского помещика прапорщика Якова Прокофьевича Панкратьева. В доказательство своего дворянства он сначала предоставил: 1) указ Харьковской полковой канцелярии от 1760 г. о назначении его отца Прокофия в Харьковский полк подпрапорным; 2) патент о своем пожаловании чином прапорщика; 3) патент о пожаловании его брата Дмитрия «из вахмистров в прапорщики»; 4) патент об отставке «просителя двоюродного брата деда Федора подпрапорным»; 5) указ об отставке «оного ж брата отца Георгия из порутчиков в капитаны в коем он написан в службу вступили из малороссиян». Этих доказательств оказалось недостаточно. Поэтому претендент дополнил предоставленные ранее документы четырьмя купчими 1695–1696 гг. «на покупное предком его огульчанским сотником Герасимом Панченком недвижимое имение», а также свидетельство от дворян «в том, что предки его служили в Харьковском козачьем полку, прадед Герасим Пантелимонов сын Панченко сотником, дед Федор и отец Прокофий подпрапорными» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 32).

Распространенным среди представителей слободской старшины способом приобретения дворянства было доказательство происхождения от одного предка с дворянами, уже внесенными в родословную книгу. Этот способ иллюстрирует экстракт доказательств дворянства губернского регистратора Ефима Ивановича Шишкина, в котором фигурируют: 1) «урядовое письмо 1703 года данное от стольника и полковника харьковского Донца прадеду его сотнику Авраму Игнатьеву сыну Шишкину о позволении ему на его заимочной земле сыпать греблю»; 2) подписанная дворянами поколенная роспись в том, что «проситель от казака Игната, сотника Аврама, казака Дмитрия и неслужащего Ивана происхождение имеет»; 3) «свидетельство 1791-го года данное ему и брату его канцеляристу Семену Шишкину от родного его дяди губернского регистратора Федора Шишкина ж, в том, что они его родные племянники и одних с ним предков потомки». Очевидно, именно это свидетельство и решило дело Ефима Шишкина, о чем свидетельствует решение дворянского депутатского собрания «по 78 статьи грамоты внести его во вторую часть родословной книги, где дядя его губернский регистратор Федор Шишкин уже внесен» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 1-10б.).

Похожим образом смог доказать свое дворянство войсковой обыватель Аким Никитович Коваленко. В экстракте предоставленных им доказательств значатся: 1) свидетельство, «данное просителю от родственников его Краснокутского округа дворян Михаила и Алексея Ковальчуков,

в коем значит что проситель им родственник и однофамилец, и что значащийся в их доказательствах мураховский сотник Василий Ковальчук родной ему прадед, дед же его Климентий перешел на жительство в город Белополье и тамо простолюдом прозван Коваленком, а по нему и он называется Коваленком»; 2) поколенная роспись, подписанная упомянутыми родственниками; 3) свидетельство, подписанное дворянами Белопольского округа, «коиим они подтверждают вышеписанное родственников его свидетельство, что дед его Климентий и отец Никита продолжали в бывших слободских козачих полках военную службу и вели жизнь беспорочную сходственную с дворянским названием». В экстракте также перечислены доказательства, по которым в родословную книгу были записаны родственники Акима Коваленко, а именно: 1) «купчая 1687 года сентября 5-го дня, в коей дед их Василий Лаврентьев сын Ковальчуков написан сотником в Краснокутской сотне»; 2) «купчая 1687 года, в коей отец их Леонтий написан подпрапорным» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 23-230б.).

Отметим, что хотя экстракт доказательств дворянства Акима Коваленко и содержит резолюцию о внесении его рода в шестую часть («древние благородные роды») родословной дворянской книги, соответствующая запись в ней отсутствует (Родословная книга 6). Его имя не значится и в «Описи делам Харьковского депутатского дворянского собрания о внесении дворян в родословную книгу» за 1792 г. (ГАХО: Ф. 14. Оп. 14: 28-31). Можно предположить, что Аким Коваленко, как и его родственники Михаил и Алексей Ковальчуковы, был «по Указу Правительствующего Сената 1800 года апреля 9 дня обращен в первобытное войсковых обывателей состояние к платежу податей». Однако и это не объясняет отсутствие записи в родословной книге (Родословная книга 1: 71, 73).

К особенностям нобилитации бывшей слободско-украинской старшины следует отнести и тот факт, что ее представители в доказательствах своего дворянства практически не апеллировали к польскому шляхетскому происхождению. В то же время вплоть до появления «Жалованной грамоты дворянству» этот способ обоснования своего элитарного статуса был весьма характерен для представителей слободских казацко-старшинских родов (Маслійчук, 2004). Одним из редких исключений является дворянское дело канцеляриста Ивана Федоровича Краснокутского, доказавшего свою принадлежность к шляхетскому роду Вильчковских и право на внесение в четвертую («иностранные роды») часть родословной дворянской книги. Об этом мы узнаем из экстрактов доказательств, на которые ссылался его сын, балаклейский протоиерей Иаков Краснокутский, представивший: 1) аттестат Ростовского драгунского полка «о увольнении отца его от должности писарской и что он к повышению чина достоин»; 2) аттестат балаклейского комиссарства «о добродетельном его поведении в депутатской должности 1780 года»; 3) аттестат Балаклейской нижней расправы, согласно которому Иван Краснокутский «был в оной расправе заседателем и по послужным спискам показан был польским шляхтичем»; 4) описание герба Вильчковских, «выписанного из польского гербовника, которую фамилию проситель показывает отец его назывался и им принадлежит»; 5) свидетельство от дворян о том, что «он имеет чин канцеляриста и что отец его выходец из польской области и вел жизнь благородную»; 6) свидетельство 1788 г. «данное сыну его (Ивана Краснокутского – Авт.) господину надворному советнику и кавалеру Григорию Краснокутскому, а по собственному предков его прозванию Елете Вильчковскому от польских чиновников шляхтичей владельцев воеводства Брацлавского с описанием герба, в том что господин Елета Вильчковский наследник стародавнего шляхетства сего имени жил в воеводстве Киевском а сын его Федор в 1718 году выехал в Россию» (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 2023: 38-380б.). Нам трудно определить, действительно ли Краснокутские принадлежали к роду Вильчковских. Однако следует отметить, что в 1802 г. дворянское депутатское собрание Слободско-Украинской губернии приняло решение о внесении в четвертую часть родословной дворянской книги губернского регистратора Степана, коллежского регистратора Якова и губернского регистратора Павла Вильчковских. При этом они ссылались на описанные выше доказательства, предоставленные в свое время их двоюродным дядей Иаковом Вильчковским (фамилия «Краснокутские», как видим, уже не фигурирует в официальных документах). Отметим также, что, согласно поколенной росписи братьев Вильчковских, их отец Назар Краснокутский служил полковым писарем, а дед Никифор – казаком (Родословная книга 1: 2).

Итак, экстракты доказательства дворянства, предоставленные представителями слободских казацко-старшинских родов, можно считать достаточно репрезентативным источником для выявления наиболее распространенных среди этой этносоциальной группы способов приобретения потомственного дворянства.

5. Заключение

Из практики нобилитационной деятельности Харьковского дворянского депутатского собрания видно, что старшинский ранг от сотника и выше принимался как достаточный для приобретения наследственного дворянства. Этим воспользовалась значительная часть потомков казацкой старшины, в том числе и те, кто попал в категорию войсковых обывателей. В большинстве случаев представителями слободских казацко-старшинских родов использовался следующий алгоритм приобретения дворянства: 1) доказательство принадлежности хотя бы одного предка (чаще всего отца

или деда) к казацкой старшине; 2) предоставление подписанных дворянами родословных росписей или свидетельств, в которых было указано, что претендент происходит по прямой мужской линии и от законных браков от указанных предков. В качестве основных доказательств благородства рассматривались преимущественно официальные документы – патенты и указы на чины, свидетельства уездных судов и т.д. Следует также указать на характерную черту нобилитации бывшей слободской казацкой старшины, отличающую ее от аналогичного процесса на землях бывшей Гетманщины: представители казацко-старшинских родов Слободской Украины, доказывая свои права на потомственное дворянство, крайне редко апеллировали к польскому шляхетскому происхождению (хотя до «Жалованной грамоты дворянству» этот способ обоснования своего благородства был распространен и среди слободской казацкой элиты). Отметим также, что для слободской старшины (в силу специфических, основанных на «старозаимочном землевладении» земельных отношений на территории слободских полков) малораспространенным было доказательство дворянства через владение «дворянским именем».

Литература

- Алфьоров, 2009** – Алфьоров О.А. Старшинський рід Алфьорових: генеалогія, соціально-політичне становище слобідської гілки другої половини XVII – початку XX. Біла Церква: Вид. О.В. Пшонківський, 2009. 150 с.
- Бовуа, 2011** – Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
- ГАХО** – Государственный архив Харьковской области.
- Жалованная грамота** – Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // ПСЗ-І. Т. XXII. № 16187.
- Илляшевич, 2007** – Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьковский частный музей городской усадьбы, 2007. 216 с.
- Когут, 1996** – Когут З. Російський централізм і українська автономія: ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ, 1996. 317 с.
- Когут, 2004** – Когут З. Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // Коріння ідентичності: студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 46–79.
- Корнієнко, 2008** – Корнієнко О.М. Нариси військової історії України. Сумський Слобідський козацький полк 1659–1765 рр. К.: Наш час, 2008. 488 с.
- Кривошея, 2008** – Кривошея В. Генеалогія української шляхти (до питання інкорпорації української козацької старшини до складу російського дворянства) // Гілея. 2008. Вип. 14. С. 4–9.
- Маслійчук, 2003** – Маслійчук В.Л. Козацька старшина слобідських полків другої половини XVII – першої третини XVIII ст. Харків: ВД «Райдер», 2003. 252 с.
- Маслійчук, 2004** – Маслійчук В. Прагнення «шляхетськості» козацької старшини Слобожанщини (друга половина XVII–XVIII ст.). Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. №4. С. 265–278.
- Маслійчук, 2007a** – Маслійчук В.Л. Козацтво Слобідської України // Історія українського козацтва: [Нариси: У 2 т.]. Т. 1. К.: ВД «КМ Академія», 2007. С. 632–688.
- Маслійчук, 2007b** – Маслійчук В.Л. Провінція на перехресті культур: [Дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.]. Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2007. 400 с.
- Михайліченко, 2013** – Михайліченко М.А. Дворянська родовідна книга Харківського намісництва як джерело з історії козацько-старшинських родів Слобожанщини. Генеалогія. Збірка наукових праць. Київ, 2013. Вип. І. С. 175–180.
- Михайліченко, 2015** – Михайліченко М.А. Діяльність харківського дворянського депутатського зібрання (1786–1796 рр.) // Сумська старовина. 2015. № XLVI. С. 36–42.
- Потапенко, 2015** – Потапенко С. Козацька еліта Слобожанщини (друга половина XVII – кінець XVIII ст.). Історія торгівлі, податків та мита. 2015. №2. С. 56–65.
- Проць, 2013** – Проць Н.В. Походження та еволюція дворянського стану на Слобожанщині (друга половина XVII – кінець XVIII ст.). Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. 2013. № 1088. Вип. 17. С. 22–29.
- ПСЗ, 16667** – О непричисленні к потомственному дворянству отставных из воинской службы с чином обер-офицера, но в оном не служивших // ПСЗ-І. Т. XXII. №16667.
- Родословная книга 1** – Родословная дворянская книга Харьковского наместничества. Ч. 1. Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В. Каразина, отдел коллекций редких изданий и рукописей. 220 с.

Родословная книга 4 – Родословная дворянская книга Харьковського наместничества. Ч. 4 (фрагмент). Центральная научная библиотека Харьковського національного университета ім. В. Каразіна, відділ колекцій рідких видань і рукописей. 8 с.

Родословная книга 6 – Родословная дворянская книга Харьковського наместничества. Ч. 6. Центральная научная библиотека Харьковського національного университета ім. В. Каразіна, відділ колекцій рідких видань і рукописей. 344 с.

Склокін, 2019 – Склокін В. Російська імперія і Слобідська Україна у другій половині XVIII ст.: просвічений абсолютизм, імперська інтеграція, локальне суспільство. Львів: Видавництво УКУ, 2019. 268 с.

Таирова-Яковлева, 2006 – Таирова-Яковлева Т. Гетманщина и ее инкорпорация в Российскую империю // Западные окраины Российской империи. Москва, 2006. С. 33-54.

Таирова-Яковлева, 2017 – Таирова-Яковлева Т. Инкорпорация: Россия и Украина после Переяславской рады (1654–1658). Киев: Кліо, 2017.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве.

Яценко, 2009 – Яценко В.Б. Інтеграція козацтва Слобідської України до соціальної структури Російської імперії: друга половина XVI – XVIII ст.: монографія. Харків, 2009. 72 с.

Degtyarev et al., 2019 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 52(2): 491-501.

Degtyarev, 2013a – Degtyarev S.I. Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. Vol. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2013b – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4): 28-35.

Degtyarev, 2019 – Degtyarev S.I., Mikhaylichenko M.A., Polyakova L. G., Gut J. Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1514-1523.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. The incorporation of bunchukovogo partnership in part of service and social elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42(4). Pp. 1118-1126.

Jones, 2015 – Jones R. The Emancipation of the Russian Nobility: 1762-1785. Princeton: Princeton University Press, 2015. 326 p.

Kappeler, 2014 – Kappeler A. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories. *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. 5. Is. 2: 107-115.

Kivelson, Suny, 2017 – Kivelson V.A., Suny R.G. Russia's Empires. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. 420 p.

Kollmann, 2017 – Kollmann N.S. The Russian empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press, 2017. 497 p.

Lazarev, 2017 – Lazarev Ia.A. The place of the Ukrainian Cossack elite in the Russian nobility in the first half of the 1760s // *Voprosy Istorii*. 2017. Is. 3. Pp. 70-85.

Lazarev, 2018 – Lazarev Ya. Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. Pp. 351-370.

Lazarev, 2020 – Lazarev Ya. Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. Pp. 270-282.

Lebid et al., 2020 – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2). Pp. 495-507.

Lieven, 2006 – Lieven D. The Cambridge History of Russia. Volume 2: Imperial Russia, 1689-1917. Cambridge University Press, 2006. 765 p.

Potapenko, 2018 – Potapenko S. Loyalty in Exchange for Wealth: Slobidska Ukraine Peripheral Nobility in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century // *Україна модерна. Число 25: Економічні еліти України в історико-порівняльній перспективі*. Харків; Львів, 2018. С. 103-120.

References

Alforov, 2009 – Alforov, O.A. (2009). Starshynskiy rid Alforovykh: henealohiia, sotsialno-politychne stanovyshche slobidskoi hilky druhoi polovyny XVII – pochatku XX [Officers Alferov family, genealogy, social and political situation of the suburban branch of the second half XVII – early XX]. Bila Tserkva: Vyd. O.V. Pshonkivskiy. 150 p. [in Ukrainian]

Bovua, 2011 – Bovua, D. (2011). Gordiev uzul Rossiyskoy imperii: Vlast, shlyahtha i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793-1914) [Gordian Knot of the Russian Empire: Power, Nobility and People in Right-Bank Ukraine (1793-1914)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 1008 p. [in Russian]

- [Degtyarev et al., 2019](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Balanyuk, L.L., Gut, J.* (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 491-501.
- [Degtyarev, 2013a](#) – *Degtyarev, S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1): 16-25.
- [Degtyarev, 2013b](#) – *Degtyarev, S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4): 28-35.
- [Degtyarev, 2019](#) – *Degtyarev, S.I., Mikhaylichenko, M.A., Polyakova, L. G., Gut, J.* (2019). Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799). *Bylye Gody*. 54(4): 1514-1523.
- [Degtyarev, Kryvosheia, 2016](#) – *Degtyarev, S.I., Kryvosheia, I.I.* (2016). The incorporation of bunchukovogo partnership in part of service and social elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126.
- [GAKhO](#) – Gosudarstvennyiy arhiv Harkovskoy oblasti [State archive of Kharkiv region].
- [Illyashevich, 2007](#) – *Illyashevich, L.V.* (2007). Kratkiy ocherk istorii harkovskogo dvoryanstva [A brief outline of the history of the Kharkov nobility]. Harkovskiy chastnyiy muzey gorodskoy usadbyi. 216 p. [in Russian]
- [Jones, 2015](#) – *Jones, R.* (2015). The Emancipation of the Russian Nobility: 1762-1785. Princeton: Princeton University Press. 326 p.
- [Kappeler, 2014](#) – *Kappeler, A.* (2014). Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories. *Journal of Eurasian Studies*. 5(2): 107-115.
- [Kivelson, Suny, 2017](#) – *Kivelson, V.A., Suny, R.G.* (2017). Russia's Empires. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press. 420 p.
- [Kohut, 1996](#) – *Kohut, Z.* (1996). Rosiiskiy tsentralizm i ukrainska avtonomiia: likvidatsiia Hetmanshchyny, 1760-1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy: the liquidation of the Hetmanate, 1760-1830]. Kyiv. 317 p. [in Ukrainian]
- [Kohut, 2004](#) – *Kohut, Z.* (2004). Ukrainska elita u XVIII stolitti ta yii intehratsiia v rosiiske dvorianstvo [Ukrainian elite in the XVIII century and its integration into the Russian nobility]. *Korinnia identychnosti: studii z rannomodernoi ta modernoi istorii Ukrainy*. Kyiv. Pp. 46-79. [in Ukrainian]
- [Kollmann, 2017](#) – *Kollmann, N.S.* (2017). The Russian empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press. 497 p.
- [Korniienko, 2008](#) – *Korniienko, O.M.* (2008). Narysy viiskovoi istorii Ukrainy. Sumskiy Slobidskyi kozatskyi polk 1659-1765 rr. [Essays on the military history of Ukraine. Sumy Sloboda Cossack Regiment 1659-1765]. K.: Nash chas. 488 p. [in Ukrainian]
- [Kryvosheia, 2008](#) – *Kryvosheia, V.* (2008). Henealohiia ukrainskoi shliakhty (do pytannia inkorporatsii ukrainskoi kozatskoi starshyny do skladu rosiiskoho dvorianstva) [Genealogy of the Ukrainian nobility (on the question of incorporation of the Ukrainian Cossack officers into the Russian nobility)]. *Hileia*. Vyp. 14. Pp. 4-9. [in Ukrainian]
- [Lazarev, 2017](#) – *Lazarev, Ia.A.* (2017). The place of the Ukrainian Cossack elite in the Russian nobility in the first half of the 1760s. *Voprosy Istorii*. 3: 70-85.
- [Lazarev, 2018](#) – *Lazarev, Ya.* (2018). Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century). *Quaestio Rossica*. 6(2): 351-370.
- [Lazarev, 2020](#) – *Lazarev, Ya.* (2020). Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility. *Quaestio Rossica*. 8(1): 270-282.
- [Lebid et al., 2020](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Volkov, A., Ponomareva, M.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.
- [Lieven, 2006](#) – *Lieven, D.* (2006). The Cambridge History of Russia. Volume 2: Imperial Russia, 1689-1917. Cambridge University Press. 765 p.
- [Masliichuk, 2003](#) – *Masliichuk, V.L.* (2003). Kozatska starshyna slobidskykh polkiv druhoi polovyny XVII – pershoi tretyny XVIII st. [Cossack sergeant of Sloboda regiments of the second half of the XVII – first third of the XVIII century]. Kharkiv: VD «Raider». 252 p. [in Ukrainian]
- [Masliichuk, 2004](#) – *Masliichuk, V.* (2004). Prahennia «shchliakhtskosti» kozatskoi starshyny Slobozhanshchyny (druha polovyna XVII-XVIII st.) [The desire for "nobility" of the Cossack foreman of Slobozhanshchyna (second half of the XVII-XVIII centuries)]. *Ukraina v Tsentralno-Skhidnii Yevropi*. 4: 265-278. [in Ukrainian]
- [Masliichuk, 2007a](#) – *Masliichuk, V.L.* (2007). Kozatstvo Slobidskoi Ukrainy [Cossacks of Slobidska Ukraine]. *Istoriia ukrainskoho kozatstva*: [Narysy: U 2 t.]. T. 1. K.: VD «KM Akademiia». Pp. 632-688. [in Ukrainian]
- [Masliichuk, 2007b](#) – *Masliichuk, V.L.* (2007). Provintsiia na perekhresti kultur: [Doslidzhennia z istorii Slobidskoi Ukrainy XVII–XIX st.] [Province at the Crossroads of Cultures: [Research on the History of Slobidska Ukraine in the 17th – 19th Centuries]]. Kharkiv: Kharkivskiy pryvatnyi muzei miskoi sadyby. 400 p. [in Ukrainian]

Mykhailichenko, 2013 – *Mykhailichenko, M.A.* (2013). Dvorianska rodovidna knyha Kharkivskoho namisnytstva yak dzherelo z istorii kozatsko-starshynskykh rodiv Slobozhanshchyny [Noble genealogical book of the Kharkiv governorate as a source on the history of the Cossack-sergeant families of Slobozhanshchyna]. *Henealohiia*. Zbirka naukovykh prats. Kyiv. Vyp. I. Pp. 175-180. [in Ukrainian]

Mykhailichenko, 2015 – *Mykhailichenko, M.A.* (2015). Diialnist kharkivskoho dvorianskoho deputatskoho zibrannia (1786-1796 rr.) [Activities of the Kharkiv Noble Deputies' Assembly (1786-1796)]. *Sumska starovyna*. № XLVI. Pp. 36-42. [in Ukrainian]

Potapenko, 2015 – *Potapenko, S.* (2015). Kozatska elita Slobozhanshchyny (druga polovyna XVII – kinets XVIII st.) [Cossack elite of Slobozhanshchyna (second half of the 17th – end of the 18th century)]. *Istoriia torhivli, podatkiiv ta myta*. 2: 56-65. [in Ukrainian]

Potapenko, 2018 – *Potapenko, S.* (2018). Loyalty in Exchange for Wealth: Slobidska Ukraine Peripheral Nobility in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century. *Ukraina moderna*. Chyslo 25: Ekonomichni elity Ukrainy v istoriko-porivnialnii perspektyvi. Kharkiv; Lviv. Pp. 103-120.

Prots, 2013 – *Prots, N.V.* (2013). Pokhodzhennia ta evoliutsiia dvorianskoho stanu na Slobozhanshchyni (druga polovyna XVII – kinets XVIII st.) [Origin and evolution of the nobility in Slobozhanshchyna (second half of the 17th – end of the 18th century)]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu imeni V.N. Karazina. Seriia: Istoriia Ukrainy. Ukrainoznavstvo: istorichni ta filosofski nauky*. № 1088. Vyp. 17. Pp. 22-29. [in Ukrainian]

PSZ, 16667 – O neprichislenii k potomstvennomu dvoryanstvu otstavnykh iz voinskoy sluzhbyi s chinom ober-ofitsera, no v onom ne sluzhivshih [About non-admission to the hereditary nobility of retired from military service with the rank of chief officer, but who did not serve in it]. *PSZ-I*. T. XXII. №16667. [in Russian]

Rodoslovnaya kniga 1 – Rodoslovnaya dvoryanskaya kniga Harkovskogo namestnichestva. Ch. 1. [Genealogy of the noble book of the Kharkov governorship. Vol.1]. Tsentralnaya nauchnaya biblioteka Harkovskogo natsionalnoho universiteta im. V. Karazina, otdel kollektsey redkih izdaniy i rukopisey. 220 p. [in Russian]

Rodoslovnaya kniga 4 – Rodoslovnaya dvoryanskaya kniga Harkovskogo namestnichestva. Ch. 4 (fragment) [Genealogy of the noble book of the Kharkov governorship. Vol.4]. Tsentralnaya nauchnaya biblioteka Harkovskogo natsionalnoho universiteta im. V. Karazina, otdel kollektsey redkih izdaniy i rukopisey. 8 p. [in Russian]

Rodoslovnaya kniga 6 – Rodoslovnaya dvoryanskaya kniga Harkovskogo namestnichestva. Ch. 6 [Genealogy of the noble book of the Kharkov governorship. Vol.6]. Tsentralnaya nauchnaya biblioteka Harkovskogo natsionalnoho universiteta im. V. Karazina, otdel kollektsey redkih izdaniy i rukopisey. 344 p. [in Russian]

Sklokin, 2019 – *Sklokin, V.* (2019). Rosiiska imperiia i Slobidska Ukraina u druhii polovyni XVIII st.: prosvichenyi absoliutyizm, imperska intehratsiia, lokalne suspilstvo [Russian Empire and Sloboda Ukraine in the second half of the XVIII century: enlightened absolutism, imperial integration, local society]. Lviv: Vydavnytstvo UKU. 268 p. [in Ukrainian]

Tairova-Yakovleva, 2006 – *Tairova-Yakovleva, T.* (2006). Getmanschina i ee inkorporatsiia v Rossiyskuyu imperiyu [Hetmanate and its incorporation into the Russian Empire]. *Zapadnyie okrainy i Rossiyskoy imperii*. M. Pp. 33-54. [in Russian]

Tairova-Yakovleva, 2017 – *Tairova-Yakovleva, T.* (2017). Inkorporatsiia: Rossiya i Ukraina posle Pereyaslavskoy radyi (1654–1658) [Incorporation: Russia and Ukraine after Pereyaslav Rada (1654–1658)]. K.: KIIo. [in Russian]

TsGIAUK – Tsentralnyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Ukrainy v g. Kiev [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv].

Yatsenko, 2009 – *Yatsenko, V.B.* (2009). Intehratsiia kozatstva Slobidskoi Ukrainy do sotsialnoi struktury Rosiiskoi imperii: druga polovyna XVI – XVIII st.: monohrafiia [Integration of the Cossacks of Sloboda Ukraine into the social structure of the Russian Empire: the second half of the XVI – XVIII centuries: monograph]. Kh. 72 p. [in Ukrainian]

Zhalovannaya gramota – Gramota na prava, volnosti i preimuschestva blagorodnogo Rossiyskogo Dvoryanstva [Diploma for the rights, liberties and advantages of the noble Russian nobility]. *PSZ-I*. T. XXII. №16187. [in Russian]

Особенности приобретения дворянства слободской украинской казацкой старшиной в конце XVIII века

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Николай Анатольевич Михайличенко ^c,
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, d}

^a Сумский государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Сумский национальный аграрный университет, Украина

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы особенности приобретения прав российского дворянства слободской казацкой старшиной в первое десятилетие после издания «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. Рассмотрены наиболее распространенные среди слободской старшины алгоритмы доказательства дворянства. Указаны специфические черты нобилитационного процесса на территории бывших слободских казацких полков, отличавшие его от аналогичных процессов на землях бывшей Гетманщины.

В основу работы легли рукописные источники, хранящиеся в фондах Центрального государственного исторического архива в г. Киеве, Государственного архива Харьковской области, Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Особое внимание было уделено изучению родословной дворянской книги Харьковского наместничества.

Анализ источников подтверждает, что для обладателей казацких рангов от сотника и выше получить права российского дворянства не составляло труда. Этим воспользовались многие представители бывшей казацкой старшины и их потомки. Авторы выделили специфическую черту нобилитации бывшей казацкой старшины Слободской Украины. Здесь представители казацко-старшинских родов, доказывая свои права на потомственное дворянство, редко апеллировали к польскому шляхетскому происхождению. Такой способ доказать свое благородное происхождение был более характерен для казацкой элиты бывшей Гетманщины.

Ключевые слова: Российская империя, дворянство, Слободская Украина, казацкая старшина, чиновничество, XVIII век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo@bigmir.net (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2377-2384. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2377
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the Academic Language of Russian Ethical Thought in Russian Universities in the late XVIII – early XIX centuries

Elena E. Ovchinnikova ^{a, *}, Tatiana Yu. Bartashevich ^a, Tatiana V. Chumakova ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is centered on the study of speeches of University professors of the Russian Empire in the late XVIII – early XIX centuries. The subject of research interest in this article is the ethical terminology, the philosophical language of the speeches of Russian professors. The main attention was paid to the speeches of professors of Moscow University – N.N. Popovsky, H.A. Chebotarev, E.B. Syreishchikov, M.M. Snegirev and professors of Kazan University – A.S. Lubkin and I.E. Syreishchikov. Being focused not only on the academic environment, but also on the enlightened Russian society in General, the speeches of professors contributed to the emergence of a philosophical culture and moral reflection of society. The historical period chosen by researchers for analysis was characterized by the formation of moral concepts, the careful work of University professors with the word. Many of them taught not only philosophy, but also literature, were publishers and translators. The research conducted by the authors allows us to reconstruct the historical stage of the formation of the moral consciousness of Russian society, the Genesis of ethical concepts in Russian thought. Professors of Russian universities in their speeches proclaimed and justified the importance of the science of moralizing as the first and necessary stage of moral improvement of a person and the beginning of all knowledge. Especially in the speeches sounded the educational task of the moral Sciences, the most important goal of all educational and educational institutions proclaimed the moral education of man as the Foundation of all education. By the beginning of the XIX century, the Russian University academic culture had developed a philosophical language, ethical terminology, and this very complex process was largely facilitated by the public speeches of Russian University professors.

Keywords: Russian history, the history of ethic, the history of universities, ethical terminology, intellectual history.

1. Введение

История отечественных наук XVIII–XIX вв. продолжает привлекать внимание как российских, так и западных исследователей, поскольку, несмотря на кажущуюся изученность, остается достаточно большое количество «белых пятен». К таким не слишком хорошо исследованным областям относится и история научной терминологии, становление которой совпало, с одной стороны, с секуляризационными процессами, которые начались в России еще в XVI столетии, а с другой – с развитием системы образования и созданием крупных образовательных центров – университетов. Без изучения «университетских текстов» (актовых речей, текстов лекций и учебных пособий) невозможно полноценное исследование генезиса терминологического аппарата отечественной этической мысли в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв.

* Corresponding author

E-mail addresses: ovchinnikovaea@mail.ru (E.A. Ovchinnikova)

2. Материалы и методы

В основу данной публикации положен анализ актовых речей, произносившихся на торжественных заседаниях в Московском и Казанском университетах в конце XVIII – начале XIX столетий. Главной задачей, которую поставили перед собой авторы данной публикации, было изучение формирования академического языка русской этической мысли. При работе над данной статьей коллектив исследователей придерживался различных методов и подходов, среди которых в первую очередь мы можем выделить междисциплинарный подход. Работа шла в рамках как интеллектуальной истории, истории памяти (*Диалоги*, 2015), так и истории отдельных дисциплин (философии, истории и проч.) (*Осипов*, 2016; *Овчинникова, Чумакова*, 2003), а также исследователи придерживались такого нового направления гуманитарных исследований, как теория социальных событий (*Griffin*, 1993), и использовали историко-институциональный подход для анализа актовых речей.

3. Обсуждение

Актовые речи стали объектом исследования российских ученых на фоне интенсификации изучения различных аспектов истории российских университетов (*Историки...*, 2019: 353-382; *Сословие*, 2013; *Андреев, Посохов*, 2012), которое началось в конце XX в., что во многом было вызвано методологическим поворотом в гуманитарных науках (микроисторические исследования, междисциплинарный подход), а также интересом к формированию традиций различных институций (*The Invention of Tradition*, 2012). Состояние современных знаний об университетах обширно, и среди них в последние годы выделяется изучение комплекса представлений, что такое университет и как этот комплекс «идей университета» влияет не только на развитие науки и общества в целом (поскольку университеты в культурном пространстве выступают в качестве медиатора), авторы стремятся выявить «влияние нормативных представлений на развитие университета и даже на изменение социетального порядка» (*Филимонов, Топычканов*, 2020). Такие теоретические работы очень важны для изучения феномена актовых речей, которые не только произносились, но и издавались и, благодаря этому, получали возможность транслировать идеи далеко за пределами университетов.

Среди исследователей, внесших наибольший вклад в изучение актовых речей в последние годы, следует упомянуть работы историка науки, изучавшего историю университетов Российской империи С.И. Посохова, который опубликовал ряд статей, посвященных актовым речам (*Posohov*, 2019). В своих работах он демонстрирует важность актовых речей как саморепрезентации университета. Также стоит упомянуть труды Ю.А. Лексиной, которая в своей монографии опубликовала актывые речи, произносившиеся в Казанском университете (*Лексина*, 2014). Данная проблема затрагивалась и в ряде других работ, в том числе в исследованиях университетских юбилеев (*National*, 2011; *Морозов*, 2016), а также в публикациях, темой которых являлся генезис научной терминологии (*Николаева*, 2015).

В данной статье авторский коллектив попытался заполнить лакуны, существующие в изучении истории отечественного этического дискурса.

4. Результаты

В XVIII веке философская наука в России воспринимается, прежде всего, как наука нравоучения, и этим во многом объясняется особый интерес к этической лексике в академическом университетском сообществе. Именно в этот исторический период философия в России обретает свой терминологический язык. В литературный и академический язык входят и закрепляются такие понятия, как «мораль», «нравственность» (этот термин фиксируется в «Словаре Российской Академии» в 1789 г.). Цель данной статьи – рассмотреть формирование моральной лексики в русском языке на основе анализа актовых речей профессоров университетов Российской империи. Выбор данных текстов обусловлен, с одной стороны, возросшим интересом в современной гуманитаристике к истории российских университетов и русской академической культуре, с другой – определенными лакунами и теоретическим запросом на исследование моральной терминологии, категориально-понятийного языка русской этической мысли. Актовые лекции профессоров представляют особый интерес не только в силу своей неизученности в данном аспекте, т.е. они не включены в качестве источника в историко-этический анализ, но и, прежде всего, своеобразием академического текста – устным (произнесенным) и письменным. Актовые речи (что отмечается в современной исследовательской литературе) представляли собой самопрезентацию формирующейся университетской культуры в России и были обращены не только к университетскому сообществу – преподавателям и студентам, но и к обществу в целом. Профессора стремились в своих речах раскрыть философские тенденции, но при этом, обращаясь к широкой аудитории, представить свои взгляды и изложить философские концепции доступным терминологическим языком. Особый интерес представляет то обстоятельство, что философская мысль в начальный период формирования академической культуры в России была представлена преимущественно на латинском языке: об этом свидетельствуют как опыт европейских университетов, так и чтение философских курсов в российских светских и духовных учебных заведениях – Киево-Могилянской академии в Киеве, московской Славяно-греко-латинской академии, а также в университете при Академии наук в Санкт-Петербурге.

К середине XVIII века в русском университетском сообществе обозначается потребность в формировании собственного философского языка. Эту интеллектуальную интенцию русской культуры впервые представил в своей актовой речи профессор красноречия и магистр философии Николай Никитич Поповский (1730–1760), который первым начал преподавать философию в Московском университете. В «Речи, говоренной в начале Философических лекций при Московском университете» (1755 г.) Поповский, рассуждая о полезности философии, отмечает, что главная трудность в ее изучении связана с овладением латинским языком, на что уходит зачастую более пяти лет. При этом Поповский отмечает, что с падением Рима не произошло и падение философии, она продолжает жить и развиваться, как продолжает развиваться и философский язык. И было бы неверно полагать, что развитие это возможно только на латинском языке. Профессор с гордостью заявляет, что богатство русского языка позволяет выразить и донести любую мысль, а «что ж до особых надлежащих в философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться» (Речи..., 1819: 15). В своей речи Поповский размышляет о римских и греческих терминах, которые могут входить в философский язык, ссылаясь при этом на опыт самих римлян, которые оставляли греческие слова в своем терминологическом языке. Профессор предлагает включать термины греческого и латинского языков в русскую философскую лексику: «По примеру их тож и мы учинить можем ..., будем только толковать их знаменование и силу, чем мы знания своего не утратим ни перед самими первыми греческими философами...» (Речи..., 1819: 15). При этом Поповский советовал излагать тексты понятным языком: «не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно им пользоваться» (Речи..., 1819: 15).

Речь профессора Поповского обозначает значимый вектор русского философствования – уяснение терминов, понятий философского языка. В ней произносится основная задача, которую он видит в преподавании философии, – необходимость формирования русского философского языка.

Как уже было замечено ранее, восприятие философии на Руси как практической философии нравоучительной науки обусловило особое внимание к этической терминологии, что нашло свое отражение в актовых речах университетских профессоров.

В своей речи «О способах и путях, ведущих к просвещению» (1779 г.) Харитон Андреевич Чеботарев (1745–1815), профессор Московского университета по кафедре логики и нравоучения, говорит о нравственном значении просвещения и овладения науками: путем наставления к честности, мудрости и добродетельному бытию они ведут человека к истинному благоденствию. Начинать свое просвещение/обучение, согласно Чеботареву, необходимо со словесных наук. В речи Чеботарева обнаруживается очевидная связь науки и добродетели, философии и нравоучения. Сами занятия наукой воспринимаются как глубоко нравственные занятия, которые способствуют нравственному совершенствованию человека и общества, укреплению добродетели и достижению счастья.

Науке нравоучения и ее пользе в процессе воспитания нового поколения посвящена актовая речь профессора Евгения Борисовича Сырейщикова (1757–1790) – «Речь о пользе нравоучения при воспитании юношества» (Речи..., 1819). Сырейщиков прочел эту речь 30 июня 1783 года в стенах Московского университета, выпускником которого являлся, и начинал карьеру с преподавания в университетской гимназии правил российской словесности, славянского языка, логики и нравственности; занимался переводами и издательской деятельностью, был автором «Российской грамматики» (М., 1784 г.).

Используя терминологию современной этической науки, можно сказать, что профессор Сырейщиков в своей актовой речи отмечал необходимость гармоничного сосуществования индивидуальной и общественной морали. Согласно его воззрениям, именно нравственно воспитание подрастающего поколения является тем фундаментом, от которого напрямую зависит благополучие как отдельных семей, так и общества. Нравственные науки в целом (или нравоучение как наука «познания самого себя» (Речи..., 1819: 176), полагает Сырейщиков, защищают человека от душевных недугов, зарождающихся довольно рано, еще в детстве/отрочестве. Поэтому и преподавание нравоучения необходимо начинать с самых ранних лет. Особая роль в этом процессе (и в этике воспитания в целом) отводится учителю. Сырейщиков отмечает, что это особая должность, не сравнимая ни с какими другими по требованиям от исполнителя благоразумия, бдительности, дальновидности и наблюдательности.

Сырейщиков раскрывает суть науки нравоучения как науки о добре и зле и о критериях их различения, а также различения истинного добра (блага) от ложного, как науки о добродетелях (об их пользе и ценности) и пороках (об их губительных последствиях), как некую совокупность наставлений по обузданию воли и душевных страстей.

На конкретных примерах Сырейщиков показывает, как нравоучение может помочь юноше в деле жизни, которое тот себе изберет. Так, при выборе военного поприща в качестве дела жизни нравоучение поможет отличать мужество (как истинную добродетель) от безрассудства и опрометчивой отваги (искаженных добродетелей). А при выборе служения отечеству в деле обеспечения законности, государственного порядка и спокойствия, нравоучение поможет отличать истинную должную справедливость от мнимой справедливости, подскажет, какие законы будут

способствовать сохранению целостности общества и его благоденствию, какие законы будут в равной степени защищать как сильных, так и слабых, как богатых, так и немущих. В данных примерах мы находим подтверждение обращенности автора к нравственному смыслу социального служения, общественному благу и благополучию при необходимой связи индивидуального и общественного начал морали. В тексте речи находим рассуждение о моральном и социальном значении справедливости. Но при этом в рассуждениях профессора присутствует стремление к гармонии личного морального начала и общественного служения. Наука нравовучения разъясняет юношам не только, как не возноситься «в счастья», но и как «не изнемогать под бременем несчастья» (Речи..., 1819: 179) и помогает человеку окружить себя такими же добродетельными и достойными любви и уважения людьми не только в родной стране, но и за ее пределами. Однако счастье и благоденствие понимаются профессором не только в отношении отдельного человека, но и общества в целом, поэтому в его речи можно встретить рассуждения о счастье и благоденствии народа. Положительные начала нравственности – это благочестие, добродетель и достоинство; отрицательные, осуждаемые – устремления нашей воли к мнимому добру или злу, пороки, которые профессор сравнивает с опасными болезнями, умертвляющими душу. В речи Сырейщикова обнаруживается столь характерная особенность науки нравовучения, как ее теоретическая значимость (признание необходимости юношеству овладеть наукой нравственности) и одновременно ее поучительная направленность, воспитательный потенциал этического знания.

Идеи, созвучные взглядам профессора Е.Б. Сырейщикова, прозвучали в 1797 г. в актовой речи М.М. Снегирева. Михаил Матвеевич Снегирев (1760–1820), профессор Московского университета, магистр философии и свободных наук, преподавал логику и нравственную философию, церковную историю и историю философии, был деканом этико-политического отделения. «Слово о пользе нравственного просвещения» было произнесено им 30 июня 1797 года в Московском университете.

Снегирев обозначает задачу Слова как свой долг донести до слушателей значимость нравственного просвещения, без которого любые теоретические науки представляют собой лишь «слабые или пустые тени наук» (Речи..., 1819: 159). Хотя, безусловно, Снегирев не отрицает полезности и важности теоретических научных построений, с одной только оговоркой – на безнравственной почве они, напротив, могут оказывать пагубное влияние. Нравственно же образованный человек, у которого нравственная доброта и разум господствуют над свободной волей, способен направить плоды просвещения и наук на пользу себе и обществу. В словах профессора представлена просветительская концепция образования, суть которой заключается в необходимости, прежде всего, нравственного развития и просвещения человека и общества, признании пользы только тех наук, которые способствуют общему и частному благополучию. И главная цель образования должна сводиться не к тому, чтобы растрачивать разум «на одни бесплодные утонченности» (Речи..., 1819: 156), а к тому, чтобы направить плоды учености на преумножение общего и частного блага (в его истинном, а не искаженном понимании).

Нравовучение, по мнению профессора Снегирева, является сердцевиной и философии как науки, и всех остальных наук. Нравовучение занимается просвещением и сердца, и ума, дает представление о внутреннем долге (совести) и о том, как душевные склонности и способности соотносятся с нравственным законом и основной целью человеческого бытия. Таким образом, в своей речи Снегирев дает четкое определение нравственной науки, ее предмета, основных идей и понятий. Далее он отмечает, что человек является существом свободным, нравственным и разумным (в этом его преимущество), соответственно, будучи свободным в своем нравственном выборе, он все свои поступки должен соотносить с законами разума. Под пороками и проступками Снегирев понимает те, что нарушают общественное спокойствие и принципы справедливости. Нравовучение же, согласно Снегиреву, способно оказывать влияние на соблюдение человеком и общественного (государственного) закона (предупреждать преступления против законной власти, вредные обществу), и божественного закона (предупреждать проступки, осуждаемые религией).

Главная цель нравовучения и одновременно предмет науки о нравственности заключается, согласно Снегиреву, в нахождении правильного соотношения обязанностей (внутреннего долга, «должностей») с природой человека и жизненными обстоятельствами. Нравственное просвещение указывает человеку истинные ценности бытия (доброта, справедливость, счастье и общее благоденствие) и жизненные ориентиры (стремление к сердечной радости, спокойной совести и осознанию того, что ты достоин счастья, в противовес земным наслаждениям). Таким образом, заключает Снегирев, нравственное просвещение – это прежде всего познание человеком самого себя, смысла жизни, источника истинного счастья, в равной степени необходимое всем вне зависимости от происхождения, состояния и званий.

Характерной чертой данного периода университетской истории – конца XVIII века – были просветительские идеи и убеждения деятелей этой эпохи, что находило свое выражение в актовых речах и лекциях профессоров Московского университета. Следующий этап университетской истории в России был ознаменован обнародованием Университетского Устава 1804 года и открытием Казанского и Харьковского университетов. В структуре университетов прописывается отделение нравственных и политических наук. В этот период в университетской среде происходит активное

восприятие западной философской традиции ввиду привлечения к преподаванию в Московский, Харьковский, Казанский университеты немецких профессоров. Благодаря непосредственному участию немецких профессоров в преподавании и университетской жизни, русская этическая мысль испытывает влияние моральной философии Канта, которая на протяжении ряда лет становится предметом дискуссий в академической среде.

В этой связи стоит рассмотреть актовые лекции профессоров Казанского университета – А.С. Лубкина и И.Е. Срезневского.

Лубкин Александр Степанович (1770 или 1771–1815), закончивший Костромскую и Александроневскую духовные семинарии, начал преподавать философские курсы еще в Петербургской армейской семинарии и продолжил их чтение в Казанском университете, где дослужился до чина публичного ординарного профессора.

С лекцией «Рассуждение о том, возможно ли Нравоучению дать твердое основание независимо от Религии» (Лубкин, 1815) А.С. Лубкин выступил 5 июля 1815 года на ежегодном торжественном акте Императорского Казанского университета. Лекция представляет собой яркий пример критики системы Канта (впервые критика философской системы Иммануила Канта была представлена Лубкиным за десять лет до этого в сочинении «Письма о критической философии», которое вышло в двух выпусках журнала «Северный вестник» (Лубкин, 1805: 183-199 (№8), 300-315 (№9)). Перед нами уже философский текст: не просто наставление (хотя элементы наставления – обращения к «юным гражданам», к «юным питомцам наук», к аудитории студентов, а также рассуждения о роли нравственного образования и просвещения, безусловно, мы видим в тексте в силу заданного жанра – торжественной актовой лекции при ежегодном торжественном собрании университета), но, прежде всего, текст, отличающийся глубоким философским языком, актуальный теоретически, причем как в то время, так и сохраняющий свою значимость по сей день.

Главным предметом речи Лубкина становится проблема автономии морали. Основной вопрос речи обозначен автором в самом названии лекции – исследовательский фокус направлен на поиски оснований истинной нравственности, оснований твердых и убедительных для человека как существа разумного и чувствующего, оснований, независимых от религии. Значительную часть своей речи Лубкин уделяет философским рассуждениям о том, что понимать под истинной добродетелью, или непоколебимой нравственностью. Профессор выделяет два взаимосвязанных основания истинной твердой нравственности (единственных и подлинных оснований): первое – убежденность в бытии Бога, второе – вера в бессмертие души. «<...> Без предположения их истинными она (нравственность – Авт.) в человеке даже неместна иногда: то из сего явствует, что Религия служит единственным основанием нашей нравственности» (Лубкин, 1815: 25).

Профессор формулирует доводы против критической философии, последователи которой полагают начала нравственности не в религии, а напротив, религию основывают на нравственности, что, согласно Лубкину, подрывает силу как одной, так и другой:

- во-первых, человек – существо, обладающее не только разумом, но и чувствами, поэтому выводить требование следования нравственному закону единственно лишь из понятия о нем (то есть основывать только на разуме), означало бы отрицать даже саму возможность иных (лучших) побуждений к добродетельным поступкам;

- во-вторых, Лубкин говорит о том, что сторонники системы критической философии подкрепляют нравственность «идеальными только подпорами» (Лубкин, 1815: 31), в результате чего «главная подпора нравственности <...> остается только требованием, только желанием, только понятием, но действительность которого ни откуда не явствует, да и явствовать по сей системе ни откуда не может» (Лубкин, 1815: 31);

- третий и четвертый аргументы Лубкина касаются доказательства оснований нравственной религии, «критико-философами изобретенной» (бытия Бога и бессмертия души) – того, как в рамках критической философии религию выводят из нравственности. Согласно Лубкину, чтобы истинная твердая нравственность была не мечтой, а реальностью, необходимо признать бытие Бога, несмотря на то, что наш теоретический разум не дает нам таких убеждений. Лубкин пишет, что без мысленного допущения бессмертия души невозможно доказать или вменить человеку в обязанность быть добродетельным и следовать нравственному закону до такой степени, чтобы он был готов даже нести страдания ради нравственности;

- в-пятых, пишет Лубкин, в рамках критической философии истинное стремление к добродетели зависит исключительно от внутреннего осознания человеком того, что стремление это есть следование законам разума, в силу чего оно становится нравственно ценным, а человек осознает свое нравственное достоинство.

Анализ текста актовой лекции Лубкина показывает, что к началу XIX века в философской академической языковой среде (как изустной, так и в письменной практиках) начинает оформляться теоретическое понятийное поле нравственной философии. Лубкин активно оперирует такими понятиями, как честность, добросовестие, правота, нравственность, добрые нравы народа, благоденствие, общее и частное благополучие, истинная добродетель, нравственный закон, нравственный законодатель, «верховный нравственный Законодавец», убеждения разума, убеждения

необходимости, «понятие должности», исполнение нравственных обязанностей, внушение закона и внушение должности, побуждения чистого разума, направление практического разума, критическая система философии, нравственная цена, нравственное достоинство и др.

Теоретическим проблемам этики посвящена и актовая речь профессора Казанского университета Срезневского Иосифа Евсеевича (1780–?), русского философа и филолога. В 1807 г. он поступил на службу в Санкт-Петербургский педагогический институт, в 1811 г. был зачислен в Казанский университет, в 1815 г., после смерти А.С. Лубкина, сменил его на преподавательской должности в Казанском университете, где в 1817 г. получил звание публичного экстраординарного профессора философии и естественного права.

5 июля 1817 года профессор Срезневский выступил в Императорском Казанском университете на ежегодном торжественном собрании с актовой лекцией-рассуждением, посвященной разным системам нравоведения (Срезневский, 1817). В своей речи он сравнивает семь нравственных систем: «систему воспитания или обыкновений» Монтеня, «систему гражданского постановления» Мандевилля, «Эпикурову систему эвдемонизма или лучше эгоизма», «систему благоволения Графа Шафтсбери и Фергюсона», «систему симпатии Адама Смита», «систему нравственного оптимизма стоиков и Вольфа», «систему, основанную на понятии нравственного закона Канта и других критических философов» (Срезневский, 1817). В целом профессор соглашается с системой Канта, но одновременно выступает и с ее критикой, отмечая, что Кант делает слишком большое различие между «теоретическим» и «практическим» разумом, а Срезневский отмечает, что это есть один и тот же разум.

На примере актовых лекций А.С. Лубкина и И.Е. Срезневского мы можем видеть, что к началу XIX века уже четко очерчен предмет нравственной философии, ее понятийный аппарат и проблемное поле, сформированы основы теоретического философского языка. В актовых лекциях происходит переход от рассуждений о пользе нравоведения и просвещения (как, к примеру, в актовых речах Е.Б. Сырейщикова, М.М. Снегирева) к основательному философскому анализу моральных учений. Таким образом, к началу XIX века в академической традиции складывается понятийный философский язык, который позволил русской мысли дальше критически осваивать западную традицию и развивать собственную философскую мысль.

5. Заключение

Анализ актовых речей профессоров университетов Российской империи конца XVIII – начала XIX вв. позволяет представить формирование морального сознания российского общества, становление философской лексики, этической терминологии. Актовые речи как особый жанр академического текста (как произнесенного, устного, так и письменного, поскольку речи публиковались, переводились на латинский и европейские языки и становились доступны для чтения преподавателям, студентам и образованной общественности) способствовали формированию традиции изустной культуры философствования, что особенно значимо для преподавания философии и нравственного самосознания российского общества. Моральное сознание общества облекалось в терминологический этический язык, что позволяло российским мыслителям не только анализировать западноевропейские концепции философии (как это видно из речей профессоров Казанского университета И.Е. Срезневского и А.М. Лубкина), но и формировать собственную традицию философствования. Во многом благодаря академической университетской культуре конца XVIII – начала XIX вв. (представленной в актовых речах) сформировался в российском обществе интерес к философическим занятиям, в литературный и разговорный обиход, а не только в академическую речь, вошли такие понятия, как благо, благоденствие, общее и частное благополучие, благочестие, добродетели и пороки, нравственное достоинство, справедливость; сердце, совесть, нравственный закон, практический разум, нравственное совершенство и счастье.

От декларирования значимости науки нравоведения, представления ее как пути к истинному познанию, добродетельной и счастливой жизни, к строгому философско-терминологическому анализу философских систем – таков путь от программной речи профессора Н.Н. Поповского – до актовых речей профессоров А.М. Лубкина и И.Е. Срезневского. Академическая среда, профессора российских университетов сформировали философский кафедральный язык, что позволило русской культуре обрести особый уровень морального самосознания и рефлексии – в понятийно-терминологическом языке.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли».

Литература

Андреев, Посохов, 2012 – Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. 671 с.

Диалоги..., 2015 – Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. 800 с.

- Историки..., 2019** – Историки в поисках новых перспектив / Под редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019. 416 с.
- Лексина, 2014** – *Лексина Ю.А.* Актовые речи в Казанском Императорском университете. Казань, 2014. 408 с.
- Лубкин, 1805** – *Лубкин А.С.* Письма о критической философии // *Северный Вестник*. 1805. № 8. С. 183-199; № 9. С. 300-315.
- Лубкин, 1815** – *Лубкин А.С.* Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание, независимо от религии. Казань, 1815 (Унив. тип.). 40 с.
- Морозов, 2016** – *Морозов О.В.* Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150-летие императорского Московского университета накануне Первой русской революции // *Новое прошлое*. 2016. № 2. С. 107-120.
- Николаева, 2015** – *Николаева Н.Г.* Латинские актовые речи ректоров Казанского университета // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 20. С. 413-422.]
- Овчинникова, Чумакова, 2003** – *Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В.* Философия в университете в 1819–1850 гг. Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003) // Справочно-энциклопедическое издание. Санкт-Петербург, 2003. С. 33-56.
- Осипов, 2016** – *Осипов И.Д.* Традиции философского образования в Петербургском университете // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2016. № 3. С. 54-64.
- Посохов, 2019** – *Посохов С.И.* Традиции проповеди в актовых речах профессоров университетов Российской империи (вторая половина XVIII – первая треть XIX века) // *Диалог со временем*. № 66. 2019. С. 154-175.
- Речи..., 1819–1823** – Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. Т. 1–4. М., 1819–1823.
- Сословие, 2013** – Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М., 2013. 392 с.
- Срезневский, 1817** – *Срезневский И.Е.* Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам, говоренное в торжественном собрании Имп. Казанского университета П[убличным] Э[кстраординарным] Профессором Иосифом Срезневским. Казань, 1817 (Унив. тип.). 28 с.
- Филимонов, Топычканов, 2020** – *Филимонов К.Г., Топычканов А.В.* «Идеи университета»: за пределами этатизма, менеджериализма и «башни из слоновой кости» (к вопросу о медиативных функциях университета). DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10204 // *Антиномии*. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 104-126.
- Griffin, 1993** – *Griffin, L.G.* Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98. No. 5. Pp. 1094-1133.
- National..., 2011** – National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation / P. Dhondt (ed.). Brill, 2011. 326 p.
- The Invention of Tradition, 2012** – *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). N.Y., 2012. 320 p.

References

- Dialogi..., 2015** – Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii [Dialogues with Time: Memory of the Past in the Context of History]. Ed. L.P. Repina. Moskow, 2008. 800 p. [in Russian]
- Filimonov, Topychkanov, 2020** – *Filimonov, K.G., Topychkanov, A.V.* (2020) «Idei universiteta»: za predelami etatizma, menedzherializma i «bashni iz slonovoy kosti» (k voprosu o mediativnykh funktsiyakh universiteta) [The idea of a university: beyond étatism, managerialism, and “ivory tower” (on intermediary functions of a university)]. *Antinomii=Antinomies*. 20(2): 104-126. [in Russian]
- Griffin, 1993** – *Griffin, L.G.* (1993). Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology. *American Journal of Sociology*. 98(5): 1094-1133.
- Istoriki..., 2019** – Istoriki v poiskakh novykh perspektiv [Historians in search of new perspectives]. Ed.: Z.A. Chekantseva. Moscow. 2019. 416 p. [in Russian]
- Leksina, 2014** – *Leksina, Yu.A.* (2014). Aktovye rechi v Kazanskom Imperatorskom universitete. [Acting speeches at the Kazan Imperial University]. Kazan. 408 p. [in Russian]
- Lubkin, 1805** – *Lubkin, A.S.* (1805). Pis'ma o kriticheskoy filosofii [Letters on critical philosophy]. *Severnyj Vestnik*. 8: 183-199; 9: 300-315. [in Russian]
- Lubkin, 1815** – *Lubkin, A.S.* (1815). Rassuzhdenie o tom, vozmozhno li nravoucheniyu dat' tverdoe osnovanie, nezavisimo ot religii [Discourse on whether it is possible to give morality a solid foundation, regardless of religion]. Kazan'. (Univ. tip.). 40 p. [in Russian]
- Morozov, 2016** – *Morozov, O.V.* (2016). Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150-letie imperatorskogo Moskovskogo universiteta nakanune Pervoj russkoj revolyutsii [Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150th Anniversary of Imperial Moscow University on the Eve of the First Russian Revolution]. *Novoe proshloe*. 2: 107-120. [in Russian]

[National..., 2011](#) – National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation (2011). Ed.: P. Dhondt. Brill. 326 p.

[Nikolaeva, 2015](#) – *Nikolaeva, N.G.* (2015). Latinskie aktovy rechi rektorov Kazanskogo universiteta [Latin assembly speeches of the Kazan University rectors]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 20: 413-422. [in Russian]

[Osipov, 2016](#) – *Osipov, I.D.* (2016). Traditsii filosofskogo obrazovaniya v Peterburgskom universitete [Traditions of Philosophical Education at St. Petersburg University]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 3: 54-64. [in Russian]

[Ovchinnikova, Chumakova, 2003](#) – *Ovchinnikova, E.A., Chumakova, T.V.* (2003). Filosofiya v universitete v 1819-1850 gg. [Philosophy at the University in 1819-1850]. *Spravochno-ehntsiklopedicheskoe izdanie. Filosofiya v Sankt-Peterburge (1703-2003)*. St. Petersburg. Pp. 33-56. [in Russian]

[Posohov, 2019](#) – *Posohov, S.I.* (2019). Traditsii propovedi v aktovykh rechakh professorov universitetov Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX veka) [Preaching traditions in the address speeches of university professors in the Russian Empire (second half of the 18th – the first third of the 19th c.)]. *Dialog so vremenem*. 66: 154-175. [in Russian]

[Rechi, 1819–1823](#) – Rechi, proiznesennye v torzhestvennykh sobraniyakh Imperatorskago Moskovskago universiteta ruskimi professorami onago, s kratkimi ikh zhizneopisaniyami [Speeches delivered at the ceremonial meetings of the Imperial Moscow University by Russian professors, with short biographies]. Vol. 1–4. Moscow. 1819–1823. [in Russian]

[Soslovie, 2013](#) – Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov (2013) [Estates of Russian professors. Creators of statuses and meanings]. Eds.: E.A. Vishlenkova, I.M. Savelyeva. Moscow. 392 p. [in Russian]

[Sreznevskij, 1817](#) – *Sreznevskij, I.E.* (1817). Rassuzhdenie o raznyx sistemax nravoucheniya, sravnennyx po ix nachalam, govorennoe v torzhestvennom sobranii Imp. Kazanskogo universiteta P[ublichny'm] E'[kstraordinary'm] Professorom Iosifom Sreznevskim [Discourse about different systems of morality, compared according to their origins, spoken in the solemn meeting of Imp. Kazan University P[ublic] E[extraordinary] Professor Iosif Sreznevsky]. Kazan', 1817 (Univ. tip.). 28 p. [in Russian]

[The Invention, 2012](#) – The Invention of Tradition (2012). Eds.: E. Hobsbawm, T. Ranger. N.Y. 320 p.

Формирование академического языка русской этической мысли в российских университетах в конце XVIII – начале XIX вв.

Елена Анатольевна Овчинникова^{a, *}, Татьяна Юрьевна Барташевич^a,
Татьяна Витаутасовна Чумакова^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена на основе изучения актовых речей профессоров университетов Российской империи конца XVIII – начала XIX вв.. Предметом исследовательского интереса данной статьи выступает этическая терминология, философский язык актовых речей русских профессоров. Основное внимание было уделено актовым речам профессоров Московского университета – Н.Н. Поповского, Х.А. Чеботарева, Е.Б. Сырейщикова, М.М. Снегирева и профессоров Казанского университета – А.С. Лубкина и И.Е. Срезневского. Будучи ориентированными не только на академическую среду, но и в целом на просвещенное российское общество, речи профессоров способствовали возникновению философской культуры и моральной рефлексии общества. Исторический период, выбранный исследователями для анализа, характеризовался формированием моральных понятий, тщательной работой университетских профессоров со словом. Многие из них преподавали не только философские науки, но и словесность, были издателями и переводчиками. Проведенное авторами исследование позволяет реконструировать исторический этап формирования морального сознания российского общества, генезиса этических понятий в русской мысли. Профессора российских университетов в актовых речах обосновывали значимость науки нравочения как первой и необходимой ступени нравственного совершенствования человека и начала всякого знания. Особо в речах звучала воспитательная задача нравственных наук, важнейшей целью всех учебных и воспитательных учреждений провозглашалось нравственное образование человека как основание всякого образования. К началу XIX века в русской университетской академической культуре сложился философский язык, сформировалась этическая терминология, этому весьма сложному процессу во многом способствовали публичные актовые речи профессоров российских университетов.

Ключевые слова: история России, история этики, история университетов, этическая терминология, интеллектуальная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ovchinnikova@mail.ru (Е.А. Овчинникова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2385-2395. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2385
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov)

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the fate of Kazakh sultan Kaipgali Ishimov, who descended from the older branch of sultans of the Abulkhayr house and faithfully served the Khan of Bukeyev Horde Dzhangir. Sultan's activity fell on the imperial period, at one of the turning points of the early XIX century, when the khan's sacral power and the status of Genghisids significantly changed. K. Ishimov was at the head of the Kazakhs' movement against the policy of Khan and the Russian Empire. It was he who led the exodus of Kazakh clans to the Trans-Ural Horde. During the period under review, the Kazakh khans became appointees of the Russian administration, and those who did not agree with the policy of the empire sought refuge in Khiva, hoping to maintain their influence in the Steppe. The article examines the role and significance of the Khiva Khanate in the fate of the Kazakh Genghisids.

Keywords: Russian empire, Bukeyev Horde, Genghisids, Kaipgali Ishimov, Khiva, the Khan's authority, Dzhangir khan, legitimation.

1. Введение

Возникшая на просторах Великой степи Монгольская империя оставила большой след не только в этнокультурных процессах, но и в политических традициях ее населения. Утвержденная в эпоху Чингиз хана традиция наследования верховной власти «алтын уругом» сохранилась и на ее останках. В Казахской степи традиция наследования власти домом Чингиз хана, в частности потомками его сына Джучи, сохранилась вплоть до 1822 г. на территории Среднего, 1824 г. – Младшего жуза, 1845 г. – в Букеевской Орде.

Начиная с XV века, правителями Степи были потомки Орда Эджена – старшего сына Джучи. В частности, линия первых казахских правителей, по Т.И. Султанову, выстраивалась следующим образом: Чингиз хан – Джучи – Орда Эджен – Сартактай – Куйинчи – Баян – Сасы-Бука – Эрзен – Чимтай – Урус хан – Куйручук – Барак – Жанибек (Султанов, 2001: 144, 146). Место в семейной династийной иерархии играло немаловажную роль в престолонаследии. Так, например, в начале XVIII века традиция наследования ханской власти потомками султана Жадика, четвертого сына основателя Казахского ханства Жанибека (1470–1473/1474), была нарушена представителем линии Усеке (Оснек, Усяк) – восьмого сына Жанибека, сыном султана Кажы – Абулхаиром.

Абулхаир Мухаммед Кажы Бахадур (1693–1748) был сторонником сильного казахского государства, которое он пытался создать, опираясь на помощь России. Именно он инициировал вхождение Младшего жуза в 1731 году в состав Российской империи. Но после его смерти разгорелась борьба за власть между его потомками.

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

2. Материалы и методы

Источниковую базу работы составили материалы фондов Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Оренбургской области, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Республики Казахстан, а также опубликованные архивные источники, собранные в сборники документов. Основными методами работы явились принципы историзма и междисциплинарности. Принцип историзма в данном случае помогает изучить события, явления в связи с конкретно-исторической обстановкой, исторические факты исследуются с точки зрения современников той эпохи.

3. Обсуждение

Изучаемая нами проблема прежде не была объектом специального исследования. Затрагивались лишь некоторые ее аспекты, в частности в работах Э.К. Мұқтар, Е.Б. Сыдыкова, вскользь поднимались вопросы участия казахов в движении Каипгали (Мұқтар, 2015). И.В. Ерофеева, изучая ханские династии в Казахской степи, исследовала дом Абулхаира, установила время правления потомков указанного хана в различных регионах, в том числе и в Хивинском ханстве (Ерофеева, 1997; Ерофеева, 2007). Р.Ю. Почекаев, исследовав вопросы легитимации власти, самозванства в государствах Евразии в тюрко-монгольский период, проанализировав большое количество исторических фактов, примеров, выделил генеалогический, религиозный, региональные факторы легитимации власти в государствах Евразии в XIII – начале XX вв. Он выделяет иностранный фактор в борьбе за ханский престол (Почекаев, 2017). Но поднимаемые в нашей статье вопросы не были исследованы в его работе. Даже в фундаментальном труде Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН РК наша проблема не рассматривается (История..., 2000).

Результаты

По указу императора Павла I в 1801 году в междуречье Волги и Урала возникла Внутренняя, или Букеевская, Орда. Это было искусственно созданное государственное объединение, где правили потомки хана Абулхаира. Во главе с султаном Букеем Нуралиевым из приуральской степи на правобережную сторону Урала переселилась группа казахских семей в количестве 183 кибиток (или 740 человек) из племен Младшего жуза. Перекочевали во Внутреннюю Орду также сыновья Есим хана: Сары, Нияталы, Айдыналы, которые находились после убийства отца на попечении родного дяди, султана Букея.

В числе перешедших с небольшим числом казахов через реку Урал на внутреннюю сторону в 1812 году был Каипгали – сын хана Есима (в русских источниках – Ишима). Как указывал сам султан, он «по поручению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена управлял всеми киргизами (далее в статье подразумевать казахов – Авт.) Внутренней Орды» и имел право «обо всех обстоятельствах доносить Высокостепенному хану Джангеру Букееву» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43).

Хан Джангир воспитывался в доме астраханского губернатора, получил российское образование. Его имя стало синонимом преобразователя Орды. Джангир был инициатором лесоразведения в степи, улучшения пород скота, проведения сезонных ярмарок в Орде, открытия школы, училища и т.д. (Избасарова, 2019).

Каипгали был доверенным лицом Джангир хана. В период отправки хана в Оренбург по ордынским делам именно ему передавались дела по управлению Ордой (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 929. Л. 9). Каипгали имел награды за оказанные империи услуги и верную службу. В июне 1824 года его имя упоминалось в числе султанов Букеевской Орды, приглашенных оренбургским военным губернатором на торжественный обед (ГААО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2800. Л. 275). В 1826 году он в составе свиты хана Джангира Букейханова присутствовал на коронации Николая I в Москве (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 118. Л. 4, 150б.).

Но вскоре дороги хана Джангира и султана Каипгали разошлись. В 1827–1829 гг. Каипгали Ишимов возглавил группу султанов, ущемленных в социально-экономической сфере. По мнению И.В. Ерофеевой, «это был честолюбивый и энергичный султан, который сам мечтал о ханском титуле и, как старший сын покойного хана Младшего жуза Есима (после смерти в 1813 году двух старших братьев Кары и Чужика), неохотно мирился с властью Джангир хана» (Ерофеева, 2001: 141). Зимой 1826 года в результате джута (массового падежа скота) потери кочевников составили 13,5 млн руб. Обострился в это время и земельный вопрос. Все эти проблемы, а также борьба за власть и влияние на соплеменников между ханом Внутренней Орды Джангиром Букейхановым и султаном Каипгали, которого также поддержал султан-правитель Западной части Чингали Урманов, привела к попытке самовольного перехода казахов за Урал. В феврале 1827 года Каипгали Ишимов с казаками рода тана в количестве 14 кибиток тайно перешел на зауральскую сторону к Чингали Урманову близ Сахарной крепости (История Букеевского ханства, 2002: 439). Чингали стал внушать через Каипгали букеевским казахам, что «правительство хочет их перевести на правый берег Волги, обратить в подушный оклад и заставить отправлять службу наравне с казаками» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 11).

11–12 марта 1827 года казахи рода байбакты в количестве 45 кибиток пытались перейти на зауральскую сторону, но были остановлены отрядом начальника Мергеновского форпоста Солодникова. В тот же период начальники Каршинского форпоста сотник Марков и Лебяжинского форпоста Ураев задержали казахов родов тана, байбакты, кердери, тама, которые также пытались перейти Урал ([История Букеевского ханства, 2002: 439-440](#)). Оренбургская администрация 15 и 16 марта получила 4 рапорта войсковой канцелярии о попытке казахов Букеевской Орды самовольно перейти на степную сторону. В ответ российская администрация принимает меры по усилению линий. Брат султана-правителя Кусяп Урманов был обвинен в организации волнений и помощи в переходе букеевских казахов за Урал.

Возникновение беспорядков, возмущение казахов Букеевской Орды вызвали интерес у оренбургского начальства, так как данная Орда под управлением хана Джангира являлась почти образцовой, пребывала в спокойствии, очень редко казахи данной части подвергались суду. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен требует от начальника Оренбургской пограничной комиссии (далее – ОПК) выявить причины и принять меры по восстановлению спокойствия. Г.Ф. Генсу выдается открытый лист, деньги на прогоны, в его распоряжение поступил советник Уральской войсковой канцелярии подполковник Мизинов, а также при необходимости разрешалось использовать отряды уральских казаков ([История Букеевского ханства, 2002: 446-447](#)).

Председатель ОПК Г.Ф. Генс, выехав из Оренбурга в Букеевскую Орду через Уральск, по дороге получил информацию о том, что казахи, которые собрались перейти за Урал, кочуют по речкам Чижамам. Он отправился по речке Деркулу через Чижи к деревне Александр Гай. Прибыв на место, Г.Ф. Генс встретился с представителями рода байбакты, которые неохотно шли на разговор, только один высказал, что они возмущены увеличением размера зякета ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 578](#)). Далее председатель ОПК отправился в кочевья казахов, живших между Узенями и Уралом ([История Букеевского ханства, 2002: 448](#)).

Для предупреждения в будущем откочевки казахов Г.Ф. Генс предложил пропускать их к кочеванию вблизи дистанций, крепостей, форпостов, кордонов, между Узенями, Кушумом, Чижами и Уралом по срочным билетам хана Джангира. В билетах должны были быть указаны имена старшин, число кибиток, продолжительность времени кочевания в этих местах ([История Букеевского ханства, 2002: 450](#)). После встречи с председателем ОПК «верными» казахами на ур. Уялы, в 60 верстах от Глининского форпоста, были выданы 8 человек как главные организаторы незаконного перехода за Урал, которые позже были сосланы ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 12](#)).

Хан Джангир просил арестовать Майбаша Тулаганова, Бузлака Асманбетова, Жуматая Кемендыкова как организаторов беспокойств и отправить их на Нерчинские заводы или в Астрахань, в назидание другим казахам. Но все эти меры, столкновения за земли, притеснения уральских казаков, поборы с казахов при переходе с кочевков на левую сторону Узеней и в Камыш-Самару, призыв Чингали Урманова к откочевке в Зауральскую Орду усилили волнения среди казахов Букеевской Орды.

Хан Джангир в письме председателю ОПК Г.Ф. Генсу среди причин волнений в Букеевской Орде указывал, что осенью 1828 года подкочевавшим к единственному зимнему убежищу, к Камыш-Самарским озерам, с семьями и со скотом казахам было не только отказано в переходе, но их отгоняли силой от камышей. Наступление ранних морозов (с 17 ноября), опыт прошлой зимы вынудил их переселиться сюда ранее срока для укрытия от предстоящей беды.

«Почему киргизцы, находясь в окрестностях Камыш-Самарских, на местах совершенно обнаженных и бесплодных, лишены всяких средств к пропитанию скота и предохранению семейств от чрезвычайной стужи, вынуждены были предложить есаулу Логинову вещественные знаки своей признательности и по обоюдному соглашению решено было от каждой из кибиток, которая допустится к камышам, дать г. есаулу Логинову по одному барану». Прибытие хана прервало планы местного начальства, избавило разоренных бедствиями зимы казахов от обязанности заплатить на первый случай до 2 тыс. баранов. Мнимая потрава сена, следствия по небывалым происшествиям, большое, по мнению начальника, сближение стад казахов со стадами казаков, водопой не у места... становились причинами отъема скота у казахов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 579-580](#)).

Чиновник МИД по особым поручениям при председателе ОПК надворный советник А.Т. Ларионов сам был свидетелем недовольства казахов, вынужденных в ноябре остаться со скотом в степи и терпеть холод. Он указывал в рапорте, что когда прибыл 24 ноября 1828 года в Камыш-Самару, то команда из 8 казаков сдерживала номадов и объявила им, что по приказу есаула Логинова они не допускают казахов к зимней кочевке. Есаул в свою очередь объявил, что не имеет предписания, чтобы казахи заняли кочевья в Камыш-Самаре, ссылаясь на постановления Пограничной комиссии, которые вообще не относились к этой части Орды.

На еще одну причину указывал старшина Серкеш Якшибаев, который сообщал, что после произведенного размежевания земель уральское начальство еще более начало притеснять казахов. А.Т. Ларионов писал, что казахи Букеевской Орды «если не будут крайне утеснены в кочевании, особенно в зимнее время, но более всего, когда не будет подан к тому со стороны линии повод, когда не станет, кто их склонять к сему поступку..., когда из линейных жителей никто не будет

поддерживать их в легкомыслии, то не будет беспорядка или самовольного ухода за Урал» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 19-21об.).

11 февраля 1828 года возглавивший недовольство казахов Каипгали был арестован в своем ауле начальником Узеньской линии есаулом Логиновым и отправлен в Глиняный форпост, затем в Уральск, а оттуда уже в Оренбург (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 287. Л. 38). Он как зачинщик беспорядков был осужден и содержался в оренбургском замке 9 месяцев (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43).

После султан, обещавший забыть вражду, был выдан хану Джангиру на поручительство. Хан, поверив раскаянию и обещаниям султана, увидев расстроенное его состояние, обратив внимание на тяжелую болезнь его жены, отпустил Каипгали в свой аул при озерах Камыш-Самарских (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 243-243об.). Наблюдение за султаном было поручено дяде хана Чуке Нуралиеву. Каипгали обещал после выздоровления жены прикочевать в Рын-пески.

Но Каипгали Ишимов продолжил призывать не повиноваться хану, не платить налоги. В 1828 году в Букеевской Орде желающие откочевать за Урал набирали силу. Самовольство казаков на Узеньской линии, которые не только не позволяли казахам кочевать между Малым и Большим Узенями, но даже поить скот в Малом Узене, двусмысленное объяснение атаманом Уральского войска Д.М. Бородиным работы землемеров по Большому Узеню и Камыш-Самаре, откладывание вопроса о перекочевке казахов на зимние кочевья до наступления холодов вызвали недовольство среди номадов. Так, например, султан Утебали Шигаев 31 октября 1828 года доносил хану, что «киргизов действительно не допускают занимать прежние их зимовки, требуя плату с каждой штуки разного скота по 60 коп.» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 18).

Зимой 1829 года на Узеньской линии распространились слухи, что весной казахи вновь попытаются уйти за Урал, а если же казаки попытаются их остановить, то будут «дракою» переходить на ту сторону. Старшина рода байбакты Серкеш Якшибаев о причинах перехода сообщал, что «киргизы не довольны тем, что им назначены для кочевания определенные зимовые места, будто не позволено им кочевать летом по Кушуму и до р. Урала, ... султаны отнимают у них хороших лошадей и скот» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 769).

В феврале часть казахов передвинулась с зимних мест из Камыш-Самары вниз, ближе к морю, а другая часть – за левый берег Камыш-Самары, ближе к Уралу (История Букеевского ханства, 2002: 459). Каипгали Ишимов, отправляя своих джигитов в аулы, призывал букеевских казахов к откочевке. Ставка его была перемещена на урочище Сарыкул, находящееся верстах в 25 от Глинянского форпоста, где султан кочевал весной до наступления летней жары (История Букеевского ханства, 2002: 467, 474). Он распространяет слухи, что войсковой атаман Бородин и казаки не будут препятствовать им, а напротив, всеми мерами облегчат переход, «хотя и будут выставлены противу них вооруженные команды, но вреда им не сделают, ибо станут стрелять без пуль, холостыми зарядами и то издали, а копыя и другое оружие не употребятся», – говорил он. Видимо, была достигнута договоренность между уральскими казаками и кочевниками. Так как хан Джангир в письме оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву сообщал, что «дважды были беспорядки в Орде, и оба раза открыто, что они (имеются в виду казаки – Авт.) были главными виновниками их, и в первый раз за сие по законному суду более 20 уральских офицеров разжалованы в казаки. После того они же возмутили и поддерживали султана Кайбалу» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 369. Л. 10б.-2).

Джангир отправляет своего брата Адила Букейханова, султана Уразали Байчурина в аул Каипгали с требованием немедленного прибытия в ханскую ставку для объяснения причины беспорядка, но в ответ Каипгали задерживает брата хана (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 243 об.-244). Джангир просит ОПК о немедленном аресте непокорного султана.

Каипгали поддерживают представители ногайского рода Аббас Кушаев, Ногайты Туркманбаев. По Букеевской Орде проходит слух, что будто бы казахов будут забирать в солдаты – «и на первый случай назначило взять 400 человек» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 244).

20 февраля начальник Узеньских форпостов докладывал Д.М. Бородину, что казахи намерены перейти за Урал и они теперь отовсюду кочуют для соединения в одном месте, против Калмыковской или Горской крепостей. Во втором рапорте от 21 февраля он сообщал, что Орда почти вся в волнении и движении, казахи беспрепятственно кочуют ниже Камыш-Самары для общего соединения, готовят всякое оружие (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 58).

Каипгали отправляет сына Бекжана и гонцов в аулы казахов с призывом, чтобы все до последнего человека откочевали в Зауральскую Орду (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 161, 161 об., 687). Его сторонники нападают на аулы, не согласившиеся на откочевку. В частности, султан Хансултан Шигаев 21 февраля доносил хану Джангиру о нападении на аул старшины рода тана Кенжебая Байбаракова 30 вооруженных джигитов, во главе которых были султан Бекжан Каипгалин, Ахмет Бекбулатов, Науша Каржауов и др. (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 147). Каипгали, находясь в 85 верстах от Урала, собрав большое количество кочевников, 24 или 25 февраля решил прорваться через линию ниже Горской крепости при урочище Камка (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 403).

Букеевцы во главе с султанами Каипгали Ишимовым, Кусяпом Аблаевым, Серкешом Якшибаевым, Жаналы Сангрыковым, Рысалы Джангировым (История Букеевского ханства, 2002: 476) в количестве 1500 вооруженных джигитов направились для перехода через Урал в Азиатскую

степь, но были встречены уральскими казаками атамана Д.М. Бородина (*История Букеевского ханства*, 2002: 483, 490). По другим источникам, количество оставивших свои кочевья и последовавших к Уралу для перехода составляло 674 кибитки (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 392-393). 5 марта 1829 года Каипгали и Рысалы были схвачены (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 186) и отправлены сначала в Уральск, а затем в Оренбург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 141). Казахи были возвращены на свои места кочевок. Но кочующие по р. Илек родственники задержанных казахов в Букеевской Орде, представители рода адай во главе с батыром Суинкаром, рода ак кете во главе с Дербисалы батыром делали попытки возврата на Зауральскую Орду имущества, скота, а также стремились захватить жителей линии с целью обмена (*История Букеевского ханства*, 2002: 509).

В марте 1829 года при помощи султана Ахмета Бикбулатова (ушел в Зауральскую степь годом раньше), Кусяпа Аблаева (зять Каипгали) и двух казахов, семья султана Каипгали – жена Джама Бабаджанова (сестра Караул-ходжи Бабаджанова), ее брат Сапар Дариходжиев, сыновья Каипгали – Мухаммеджан, Даулетжан, Кожамжар, Мусагали, дочери – Рухия (жена султана Сарсена Тлевова), Фатима были переправлены с имуществом и со скотом за Урал при форпосте Круглом. До этого, услышав об аресте отца, Бекжан Каипгалиев также бежал за Урал через указанный форпост (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 569-569об.). Мать султана Каипгали – Каракушык – была оставлена в ауле. Ей обещали вернуться и помочь в переправе.

О том, каково было состояние семьи после ареста, К. Ишимов описал в своем письме от 2 июня 1830 года генерал-майору Чуйкевичу: «... Оставшуюся в доме моего покойного отца... мать мою, семейство и детей, все движимое и недвижимое имение мое и оставшихся после покойного отца моего, высокостепенного хана Ишгалия, слуг, Его высокостепенность хан Джангер, будучи в согласии с полковником Генсом, с конною командою казаков, собрав всех киргизцов и сделав начальниками султанов, военною рукою разбили, ограбили вышесказанное имение и взяли в плен крестьян моих, потом Ханьшу, т.е. мать мою, не давая ей ничего в руки, оставили в бедном положении. Состоявших еще при жизни покойного отца моего, Высокостепенного хана Ишгалия, в управлении моем киргизцев в числе 1614 кибиток, таким же образом разграбили и отняли у них движимое и недвижимое имение, а некоторых приказали убить. При сем случае захватили 40 или 50 человек, устраивали их, взяли с некоторых деньги и отпустили в Орду, а некоторые содержатся в Оренбургском тюремном замке. Обо всех сих претерпленных мною обидах я, хотя и подавал прошения Его Высокопревосходительству господину Эссену, с приказания его, но он никакого распоряжения по оным не сделал; каковыя прошения, как я полагаю, должны находиться в управлении Вашего Превосходительства, в журналах Канцелярии, почему льщу себя надеждою, что Вы по справедливости Вашей, получив отсюда прошения сии, не оставите милостивейше рассмотреть оныя. Не стерпя вышеупомянутые разные обиды, быв задержан 11 месяцев под стражею, и не видя справедливости в производимом обо мне деле, наконец, по нестерпимом презрительным ругательством, потеряв совершенно надежду на справедливость судей моих, решился уехать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43 об.-44об.).

10 марта 1830 г. Каипгали Ишимов и Рысалы Джангиров при помощи посланного султаном-правителем Чингали Урмановым племянника его Токсусана Мучагалиева, старшины Науша Каржауова, простого шаруа Рахмана Джумагельдиева бежали из тюрьмы за Урал (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 44 об., 62, 141; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 120б.).

Позже Чингали Урманов был уличен в содействии Каипгали не только в побеге из Оренбурга, но и его бегстве от преследования. Султан-правитель Западной части Орды отправил к Каипгали в услужение своих туленгутов Чумагилду, Ракпана и Бураха с семействами и скотом и еще со старшиною рода тана Баркином Бутантаевым 2000 руб. Последний доставил не все переданные деньги, за что Каипгали ограбил Баркина на речке Улиньте (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62).

Также Чингали Урманов был замечен в предупреждении Каипгали об отправке против него русского отряда и в их умышленном заблуждении. В частности, когда отряд подошел к реке Сагиз, где находился Каипгали, султан-правитель взял направление в противную сторону и тем дал время Каипгали уйти за Эмбу. Чингали, чтобы прикрыть свой замысел и поведение, на пути забирал невинных казахов, называя их виновниками. Он позволял своим подопечным грабить казахские аулы и тем самым вызвал негодование и ропот в Орде. Между султаном-правителем Чингали и Каипгали был договор о поддержке друг друга, «ежели первой впадает в нещастие или в немилость у нашего правительства, то бы Каип-Галий его не оставил и помогал, а на братьев своих он Чингалий надежды в том не имеет, поводом к сему была объяснение Чингалия, будто бы его Пограничная Комиссия уже хотела переменить» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62), но оставлен он только по распоряжению графа П.П. Сухтелена.

С весны 1830 года султан Каипгали кочевал по речкам Калдыгайты и Якшибею, примерно в 30 верстах от Антоновского форпоста. В последних числах июня ушел за р. Уил, постепенно кочуя к Сагызу, а в 20-х числах сентября откочевал за Эмбу, расположившись на малой речке Бокембай (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60). В этот период большинство родов Зауральской Орды, а также старшины родов, бежавших из Букеевской Орды, избрали его ханом.

Каипгали имел связи в Орде с руководителем движения казахов родов табын и тама за возврат земель по Илеку тарханом Жоламаном Тленшеулы и батыром воинственного рода адай Суюнкаррой. Летом 1830 года он кочевал вместе с сыном Суюнкары – Бурлуталы, так как между ними был договор о совместном выступлении на линию. Последний 14 августа 1830 года участвовал в нападении на казаков близ Баксайской крепости (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62). В конце 1831 года после нападения хивинцев к Каипгали присоединилось большинство аулов рода адай.

В июне 1830 года в отряде Каипгали было примерно 500 кибиток из родов берш, тана, адай и байбакты (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60). Полковник В. Покатилов и есаул Логинов в октябре 1830 года доносили, что «Каипгали откочевал за Эмбу с зауральскими и бежавшими из Букеевской Орды киргизами, коих около 100 кибиток с семействами и скотом, число же всадников полагают до 500. Он старается, чтобы окружающие его были вооружены... Султан-правитель Чингали Урманов имеет с ним тесные связи, а потому сомнительно, чтобы требование начальства насчет поимки его возымело желаемый успех» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 55об.).

Главной целью Каипгали было перевести за Урал оставшихся на внутренней стороне своих приверженцев с семьями и со скотом, также нанести вред хану Джангиру и султану Чуке Нуралиеву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60).

В июне Каипгали посылает 120 джигитов в Букеевскую Орду. Прорывы казахов близ Сахарной и Тополинской крепостях были действием его отряда под предводительством старшины рода байбакты Науша Каржауова, славившегося в Орде смелостью и предприимчивостью (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 55-56).

Рост влияния в Степи султана Каипгали беспокоил оренбургских начальников. Рассматривался вариант отравления его «крепким» чаем, но военный губернатор П.П. Сухтелен выступил против данной затеи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 2-3). Он предлагал продолжать с Каипгали отношения и не упускать удобного случая захватить его; разведать о числе аулов, к нему присоединившихся; узнать, где он намерен зимовать и справедливы ли показания о предпринимаемом будто им вторжении по первому льду в земли уральского войска; представить соображения насчет безопасности линии и на случай экспедиции против сего султана; секретно разведать об отношениях к нему правящего Западною частью Орды султана Чингали Урманова (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 46).

Коллежский ассессор Карелин 29 июня 1834 года доносил в Оренбург, что адаевцы просят назначить Каипгали султаном-правителем, так как терпят ограбления от туркмен, но его кандидатура «как преступника, требующего к суду» не могла быть рассмотрена в качестве правителя адаевцев (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 6). В октябре 1835 году командир средней дистанции Нижне-Уральской линии доносил В.А. Перовскому, что султан Каипгали Ишимов прикочевал к линии против Калмыковской крепости и расположился аулом в верстах восьми, опасаясь преследования в степи представителей рода кете. Он считал удобным временем для захвата султана зимний период, «потому предписал есаулу Сычугову предоставить Каипгалию свободно кочевать при линии, лишь имея осторожность, дабы он под видом искательства защиты не стал производить набегов и служить убежищем вора́м, но особо секретно поручено господину Сычугову, если представится малейший случай, то задержать султана Каипгалию на линии под строжайшим присмотром и не отпускать без разрешения» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 12-12об.).

Таким образом, в первой половине XIX века Российская империя укрепила свои позиции в Степи. Прежняя элита потеряла преимущества и использовалась новой властью лишь в зависимости от ее лояльности и вовлеченности в управленческие структуры. Создававшаяся в Степи система управления порывала со старыми чингизидскими традициями. Изъятие земель, увеличение объема налогов, распространение слухов, одного из видов протестов, по словам П. Верга, борьба за власть между султанами в Букеевской Орде привели к выступлению казахов под руководством Каипгали Ишимова.

Хива – «покровитель» выходцев из Степи.

Роль Хивинского ханства в легитимации ханской власти в Степи в изучаемый период была велика. Управление Казахской степью постепенно встраивалось в имперскую модель управления окраиной. Чингизидское происхождение не давало монополии на власть.

Султаны, которые имели реальную силу и власть, но по различным причинам ставшие неудобными для российской администрации, в изменившихся условиях легитимацию своей власти искали в центрально-азиатских ханствах, в частности в Хиве, где еще сохранялись устои и право «золотого рода». Обращение взора казахских чингизидов на Хиву было не случайным. Еще в XVIII веке казахские султаны сидели на троне этого ханства.

В 1727–1728 гг. в Хиве разгорелись «кровавые игры в ханов». После смерти хана Ширгазы (1715–1728), хивинцы выбрали в ханы Мамайя Токтамысулы (родной племянник хана Абулхаира), который через неделю был убит. Затем на хивинский престол был приглашен султан Батыр Каипулы. О продолжительности правления Батыра нет точных сведений: по одним данным, это было 6 недель, по другим – 6 месяцев. После бегства Батыра из Хивы на ханский трон во второй половине 1728 года был возведен Ильбарс (двоюродный брат хана Абулхаира). В 1739 г. Ильбарс погиб в битве с

иранцами. Тогда жители Хивы обратили взор на казахского хана Абулхаира, находившегося под патронатом Российской империи.

Усиление влияния дома Абулхаира в Хиве казахстанский ученый И. Ерофеева объясняет следующим образом: «Политические интересы этой части узбекской элиты (узбекский эмир Ишмухаммед-бий из племени мангыт, ум. 1739 г.) в известной мере совпали с собственными честолюбивыми намерениями Абулхаира, так как, по устоявшейся степной традиции, приобретение в Хиве каким-либо казахским чингизидом ханского титула значительно повышало социальный престиж всей его фамилии не только в ханствах Средней Азии, но и среди кочевого населения Казахстана» (Ерофеева, 2007: 187).

Несколько дней в начале ноября 1740 года Абулхаир был ханом Хивы, но был вынужден покинуть страну в связи с наступлением персидского шаха Надира в центрально-азиатские ханства. В дальнейшем среди его потомков внук Болекей (сын султана Ералы) в 1770 г., Агым (сын султана Адила) в сер. 1770–1771 гг. были хивинскими ханами. Среди потомков вышеупомянутого Батыра двое из его сыновей – Каип (1746–1756 гг.), Карабай (конец 1756 – начало 1757 г.) и внуки Абулгазы, Шахгазы, Жангир (сыновья Каипа) также правили Хивой (Ерофеева, 1997: 126).

В январе 1836 года к правнуку хана Абулхаира, Каипгали Ишимову, кочевавшему на урочище Каракуль, прибыли два хивинца, четыре туркмена и шесть казахов, в числе которых был старшина Юсуп Сырымов. Это были послы хивинского хана Аллакули, которые привезли подарки султану и приглашали в Хиву для получения ханского фирмана на титул хана части Казахской степи. Послы сообщили, чтобы султан с приверженцами своими перекочевал к Хивинской стороне и что «сам хан имеет намерение весною прибыть с войском, разорить и увести тех из ордынцев, кои не последуют сему предложению» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 12 об., 170б.).

В феврале Каипгали прибывает на встречу с Аллакули ханом. Он, получив титул правителя западных казахов, откочевывает от границ Российской империи в сторону Хивы и собирает зякет от своих подданных в пользу хивинского хана. Каипгали султана поддерживают казахи Усть-Урта и других частей Степи. Его именуют ханом казахов и туркмен (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 134об.). Поддерживает его и Юсуф Сырымов, имеющий влияние у кочевников.

По архивным данным, Каипгали, вернувшись из Хивы, прибыл к представителям рода кете и «приглашал их по приказанию хивинского хана вступить под его управление и платить каждогодно зякет» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 670б.). Ему удалось принудить аулы откочевать далее от российских пределов на р. Уил и собрать зякет (КРО–2, 1964: 276–277). Известно, что управляющий родом кете султан Еркингали Каратаев был в дружеских отношениях с Каипгали Ишимовым, и, как сообщают источники, «сын сего последнего живет всегда у него». Султаны Кусяпгали Урманов, Тилек Чуткарин также поддерживали Каипгали (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 68). Ю. Сырымов был отправлен для сбора зякета с родов шекты и попытки склонить их перекочевать к границам Хивы. Налог ему удалось собрать, но покинуть свои кочевья казахи отказались (КРО –2, 1964: 277).

Хивинский хан по возвращении Каипгали в Хиву имел намерение поручить ему управление над родами шекты, адай, шомешки-табын, кете, но бий рода шекты отделения тляукабак Отаралы Сарычунгаев, находившийся в это время у хана, отсоветовал ему, говоря, что «султан Каип-Гали Ишимов как беглец не достоин занимать сию должность, тем более что сам он, кочуя с киргизами, занимающимися обычно хищничеством, потворствует им в том, а потому ни повиновения, ни почтения к таковому правителю киргизы оказывать не будут» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 680б.). Данное мнение казахского бия заставило задуматься правителя Хивы, однако султан Каипгали был назначен ханом западных казахов.

Усиление влияния Хивы на казахов, подданных империи, беспокоило российскую администрацию. Так, например, 20 июня 1836 года оренбургский военный губернатор В. Перовский сообщал директору Азиатского департамента К. Родофиникину о вмешательстве хивинского хана в дела казахов. Он писал: «...Султаны Джангазы и Каипгали возведены ханом Хивы в звание кайсацких ханов». Также военный губернатор сообщал о поручении хивинского правителя казахским султанам «идти на р. Темир для разбирательства взаимных ссор и... взыскать в то же время с них (имеются в виду казахские рода кете, шекты, шумекей, табын и др. – Авт.) за угоны, происходившие по удалению султана Арунгазыя.... Они (хивинцы – Авт.) распоряжаются в орде как дома, считая всех киргизцев подданными своими, и с небывалой смелостью распространяют влияние свое на роды, которые даже и не подходят никогда к пределам Хивы и кочуют постоянно близ нашей линии» (КРО–2, 1964: 276–277).

В 1836–1838 гг. в Букеевской Орде началось восстание под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. В 1837 году батыр Исатай бежал за Урал, и Каипгали выступил совместно с восставшими. Но во время Акбулакского сражения 12 июля 1838 года Исатай был убит. По сведениям коллежского регистратора, чиновника для употребления по делам в Орде Григорьева, вернувшегося в тот момент из Бухары, Каипгали 3 августа (1838 г.) послал хивинскому хану 4 туркмен с известием, что «русские разбили его шайку и убили Исатая» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 103).

Каипгали поехал к назаровцам, кочующим при устье р. Темир, впадающей в Эмбу. Он просил помощи у хана и через некоторое время вернулся в Хиву. В конце октября – начале ноября 1838 г.

Каипгали выдал свою дочь за хивинского хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 107). Он получил повторно звание хана западных казахов и явился собирать с них подати (Терентьев, 1906: 103).

Вопрос о том, как сложилась судьба казахских ханов, находившихся под властью Хивы, можно рассмотреть на примере последнего хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова. В 1824 году было принято «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем», по которому была ликвидирована ханская власть в Младшем жузе. Хан Шергазы (1767–1845) был вызван в Оренбург и назначен первоприсутствующим в ОПК. Недовольный чингизид в сентябре 1825 года выехал на три недели в Степь и оттуда бежал в Хиву (Избасарова, 2018: 129; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1825 год. Д. 107. Л. 4; Материалы..., 1940: 492). Надеясь с помощью хивинского хана Аллакули (1826–1842) восстановить свою власть, в июле 1827 года он выдал за него замуж свою дочь Тиллябику. 8 августа 1827 г. по повелению хивинского хана Шергазы был назначен ханом казахов подразделения шомишти рода табын, находившегося под властью Хивы. Аллакули в июне 1827 г. отправил письма биям подразделения кабак рода шекты, где писал: «Высокотепенного хана Ширгазы-хана с женами, детьми, скотом, кибитками и всем аулом проводите и расположите в табынский род и со всем усердием к услугам его будьте в подпоясании, и никто из приказания его не выходите и не слушайтесь его воли..., а если поступите против сего повеления, тогда встретитесь моему гневу, с детьми и семейством останетесь под ногами лошадей и грехи ваши останутся на вас самих» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 285. Л. 3-30б.). Письмо такого же содержания было направлено биям подразделения назар рода шекты.

Надежды хана при покровительстве хивинского правителя управлять казахами не сбылись. Тогда он попросил благосклонности Российской империи и в 1830 году вернулся к линии (Избасарова, 2018: 129; Материалы, 1940: 492). Материальное его состояние ухудшилось, подвластные рода отвернулись. В 1837 году скончался его сын-опора Едиге. Шергазы не раз просил назначения ему пенсии. Скончался он в бедном состоянии.

Также и султан Каипгали Ишимов после бегства не раз писал письма российской администрации о своей верности империи, о готовности служить согласно присяге, принятой его дедом и прадедом. Так, например, исправляющий должность Ново-Александровского войскового старшины И.Н. Логинов доставил В.А. Перовскому два письма от 6 сентября 1836 года, присланные ему Каипгали Ишимовым, в котором он «изъявляет готовность содействовать русскому правительству и видеться с господином Логиновым» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 40).

Каипгали со словами: «Не постоянный свет так и останется, а нам показывать надобно взаимное дружество», «по милости Божьей справедливые свои заслуги показать» – высказал намерение служить империи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 41). Кроме того, он просил прислать лекарства и белой муки. Во втором письме Каипгали уверял, что сделает распоряжение о возврате товара и имущества на 18 тыс. рублей, утраченного в результате ограбления адаевцами каравана. Также обещал обратиться с просьбой к хивинскому хану вернуть увезенных в рабство людей, лодки, хлеб и т.д. Если хан согласится вернуть все награбленное его подданными, султан обещал оказать содействие, в противном случае – сделать все возможное. Каипгали также сообщал, что им отправлены сообщения находящимся под его управлением адаевцам, а также известным и уважаемым людям из этого рода письма, чтобы «они не беспокоили и не начинали ссоры между обоих народов» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 45об.).

Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен сомневался в желании султана Каипгали повиноваться российской власти. По показаниям старшины рода шекты отделения кыргыз Кадыра Нурлыбаева от 29 июня 1838 года, «известный мятежник Каипгали Ишимов разъезжает по Орде и объявляет, что хивинский хан Аллакуль определил его ханом над киргизами. Он имеет при себе около 500 киргизов из родов адаевского и табынского, и сверх того находятся при нем до 10 чел тухменцев и каракалпаков, данных ему ханом хивинским, которых Каипгали разсылает по степи для собрания подати в пользу хана Аллакули, однако в сборе этой подати еще успеха не только нет, но и не предвидется». Батыр рода шомишти табын Асау Барак при многих ордынцах сказал Каипгали: «Мы платим дань русским и потому платить другую хивинскому хану не можем. Ты называешь себя ханом, но у нас есть бумага, которою велено нам поймать тебя и выдать султану правителю. Покажи нам бумагу, удостоверяющую, что ты определен ханом от русского правительства, и тогда приказывай, что хочешь» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 100об.). Власть российской империи к этому периоду укрепились в Степи, и слова батыра Асау Барака являются этому ярким свидетельством.

К 1844 году положение находящегося в Хиве Каипгали ухудшилось. Сын его Бекжан скончался. Каипгали взял в жены другую женщину. Материальный недостаток, голод заставил детей его от первой жены откочевать к близким родственникам. 23-летний сын Кожамжар прикочевал к линии с семейством умершего брата (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5478. Л. 14-15об.).

Если рассмотреть русско-хивинские отношения в начале XIX века, то, говоря словами М.А. Терентьева, «Хива подстрекала подвластных нам киргизов в возмущениях, заманивая их в свое подданство, облагала их податями; собирала зякет (таможенную пошлину) с наших караванов, следовавших по степи. Наконец, хивинцы постановили правилом, чтобы наши караваны, в какие бы места Средней Азии ни отправлялись, непременно следовали бы через Хиву, где им угрожала

пошлина возвышенная уже до крайних размеров. В 1833 году дерзость хивинцев дошла до того, что в Оренбург был прислан хивинский зякетчи (сборщик зякета) для объявления купцам русским и бухарским, что караваны их неминуемо будут ограблены, если не пойдут через Хиву» (Терентьев, 1906: 105).

В период подготовки похода В.А. Перовского в Хиву (1839–1840) был рассмотрен вопрос о будущем положении хана, «составлен проект обязательного акта, коим, по утверждению нового правительства в Хиве, предполагалось прекратить, на будущее время, все несогласия с этим ханством» (Терентьев, 1906: 116).

Хивинского хана решено было заменить надежным казахским султаном. К этому времени отличился своей верной службой империи султан-правитель Западной части Орды Баймухаммед Айчуваков. Изучив его деятельность, российская администрация приняла решение назначить его хивинским ханом.

В мае 1841 года была отправлена экспедиция во главе с представителем Генерального штаба Никифоровым в Хиву. В этот период после смерти в 1825 году Мухамед-Рахима правителем ханства был Аллакули. Прибывший в столицу русский посол 11 августа вечером был принят на аудиенцию. В самом начале разговора хивинский хан поднял вопрос о «разграничении киргиз» (Терентьев, 1906: 183).

Хива объявила о притязаниях на рр. Эмбу, Иргиз, Тургай. В течение долгого времени русский посол не мог убедить хана в том, что казахи, кочующие по северную сторону реки Сырдарья, в песках Барсуках, по р. Эмбе, на берегах Каспийского моря, в урочище Кай-Кунакты, по берегам залива Карасу и на северных частях чинка, являются подданными Российской империи. Хан не принял никакие доводы посла.

11 сентября во время встречи Никифоров представил проект мирного договора, где именем оренбургского военного губернатора (что вызвало подозрение у хана, почему не от имени императора) было объявлено, что всякий подданный, посланный для сбора в вышеназванные регионы, являющиеся в аулы «принадлежащих Российской империи с намерением нарушить спокойствие оных, будет схвачен и предан смерти» (Терентьев, 1906: 185).

Ровно через месяц хан вновь встретился с послом и с возмущением начал встречу с вопроса: «По какому праву последнее объявление сделано ему от имени оренбургского военного губернатора?» На что Никифоров ответил, что оренбургский военный губернатор на то уполномочен и действует мыслями и волею царя. Хан категорически заявил, что ему нельзя уступать реки Сыра, что прежде он ошибался, настаивая на границе по р. Эмбе, Иргизу и Тургаю, и что теперь он считает границу России р. Урал (Терентьев, 1906: 186).

Хан решил доказать справедливость своих требований относительно казахов и пригласил в Хиву семь почетнейших представителей из их числа, чтобы те лично подтвердили Никифорову, что не считают себя российскими подданными. Среди приглашенных были Жоламан Тленшеулы, Джангазы, Рахманкул, Юсуп Сырымов и Каипгали Ишимов. Никифоров посчитал неприличным разговаривать с государственными преступниками, поэтому беседу вел находящейся в составе миссии чиновник ОПК, поручик М.Р. Аитов, который обвинил Каипгали и Джангазы в предательстве и со словами: «Султаны, что предки ваши властвовали в этой Хиве, сидели на престоле того же хана, который вызвал вас ныне на рабское унижение и позорное клятвопреступничество, в пользу незаконных притязаний своих» – заставил задуматься многих (Терентьев, 1906: 188).

Утверждение в звании «хана западных казахов» Младшего жуза Каипгали Ишимов (1830–1850 гг.) получал от Аллакули хана, хана Рахимкули. Но в период правления хивинского хана Мухаммеда-Эмина он не сумел оправдать надежды хана, не смог привлечь казахов на свою сторону и убедить их перекочевать в Хиву.

В середине 50-х годов XIX века Каипгали был лишен ханского титула и имущества, а вслед затем помещен в специальный дом под особый надзор хивинских властей. Умер в Хиве в бедности и там же похоронен (Ерофеева, 2001: 143).

5. Заключение

Хива оставалась последним оплотом, где сохранились старые традиции властной системы, построенной на идеологии чингизизма. Казахские султаны, в том числе Каипгали Ишимов, пытались сохранить свою власть, опираясь на это центрально-азиатское ханство, так как российская правовая система еще не имела такой силы в регионе Сырдарья по сравнению с прилинейными районами. Историческая память населения Степи данного региона сохранила еще традиции дома Чингизидов, и это была последняя надежда потомков великого хана в легитимации своей власти.

Литература

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв.

// Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд Сороса Казахстана, 1997. С. 46-144.

- [Ерофеева, 2001](#) – *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (позднее Средневековье и Новое время). Алматы: ИД «Аркаим», 2001. 152 с.
- [Ерофеева, 2007](#) – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- [Избасарова, 2018](#) – *Избасарова Г.Б.* Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М.: ИП Лысенко А.Д. Press-book, 2018. 484 с.
- [Избасарова, 2019](#) – *Избасарова Г.Б.* Букеевское ханство и процесс аккультурации его населения // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. № 8 (82). Т. 10.
- [ИКРИ](#) – Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Маметья Тевкелева (1731–1733 гг.) // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Алматы: Дайк-пресс, 2005. Т. 3. С. 65-142.
- [История Букеевского ханства, 2002](#) – *История Букеевского ханства*. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.
- [История..., 2000](#) – *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)*. Алматы: Атамұра, 2000. В 5 т. Т. 3. 768 с.
- [КРО – 1, 1961](#) – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.
- [КРО – 2, 1964](#) – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867): Сб. документов и материалов / Сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин и др. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
- [Материалы..., 1940](#) – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) / Под ред. М.П. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.
- [Мұқтар, 2015](#) – *Мұқтар Ә.Қ., Сыдықов Е.Б.* XVII–XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Алматы, 2015. 688 с.
- [Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Высшая школа экономики, 2017. 366 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Султанов, 2001](#) – *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- [Терентьев, 1906](#) – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]
- [Erofeeva, 1997](#) – *Erofeeva, I.V.* (1997). Kazahskie hany i hanskije dinastii v XVIII–seredine XIX vv. [Kazakh khans and khan dynasties in the 18th – mid-19th centuries. Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazahstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Almaty: Fond Sorosa Kazahstana, pp. 46-144. [in Russian]
- [Erofeeva, 2001](#) – *Erofeeva, I.V.* (2001). Simvoly kazahskoj gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i novoe vremja) [Symbols of Kazakh statehood (Late Middle ages and Modern times)]. Almaty: ID «Arkaim», 152 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2007](#) – *Erofeeva, I.V.* (2007). Han Abulhair: polkovodec, pravitel', politik [Khan Abulhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press, 456 p. [in Russian]
- [GA AO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [The state archive of Astrakhan region].
- [GA OO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The state archive of Orenburg region].
- [ИКРИ](#) – Zhurnal bytnosti v Kirgiz-kasackoj orde perevodchika Mametja Tevkeleva (1731–1733 gg.). Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. [Journal of the existence of the translator Mamety Tevkelev (1731-1733) in the Kyrgyz-Kasatsk Horde. History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI-XX centuries]. Almaty: Daik-press, 2005. Vol. 3. Pp. 65-142. [in Russian]
- [Istorija Bukeevskogo hanstva, 2002](#) – *Istorija Bukeevskogo hanstva* (2002). 1801 – 1852 gg.: Sb. dokumentov i materialov [History of the Bukei khanate. 1801–1852: Collection of documents and materials. Almaty: Daik-Press, 2002. 1118 p. [in Russian]
- [Istorija..., 2000](#) – *Istorija Kazahstana (s drevnejshih vremen do nashih dnei)*. [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. Almaty: Atamұra, 2000. V 5 t. T. 3. 768 p. [in Russian]
- [Izbassarova, 2018](#) – *Izbassarova, G.B.* (2018). Kazahskaja step' Orenburgskogo vedomstva v imperskih projektah i praktikah pervoj poloviny XIX veka [The Kazakh steppe of the Orenburg department in the imperial projects and practices of the first half of the 19th century]. М.: IP Lysenko A.D. Press-book, 484 p. [in Russian]
- [Izbassarova, 2019](#) – *Izbassarova, G.B.* (2019). Bukeevskoe hanstvo i process akkul'turacii ee naselenija. [Bukei Khanate and the process of acculturation of its population]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istorija». 8(82). Т. 10. [in Russian]

KRO – 2, 1964 – Kazahsko-russkie otnoshenija v XVIII – XIX vekah (1771–1867): sb. dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1867): collection of articles, documents and materials. Comp. F.N. Kireev, V. Ya. Basin]. Alma-Ata: Nauka, 1964. 575 p. [in Russian]

Materialy..., 1940 – Materialy po istorii Kazahskoj SSR (1785–1828 gg.) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Pod red. M.P. Vyatkina. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]

Muhtar, 2015 – *Muhtar, A.K., Sydykov, E.B.* (2015). XVII–XIX gasyrlardagy Kazak handygy [Kazakh khanate in the XVII-XIX centuries]. Almaty, 688 p. [in Kazakh]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Ju.* (2017). Legitimacija vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvah Evrazii: tjurko-mongol'skij mir XIII – nachala XX v. [Legitimation of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia: the Turkic-Mongol world of the XIII – early XX centuries]. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 366 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Sultanov, 2001 – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnjatye na beloju koshme. Potomki Chingiz hana [Raised on the white felt. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Daik-Press, 276 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istorija zavoevanija Srednej Azii. [The history of the conquest of Central Asia]. SPb.: Tipo-litografiya V.V. Komarova. [in Russian]

Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (на примере судьбы султана Каипгали Ишимова)

Гульбану Болатовна Избасарова ^{a, *}

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена судьбе казахского султана Каипгали Ишимова, происходившего от старшей ветви султанов дома Абулхаира и верно служившего хану Букеевской Орды Джангиру. Деятельность султана пришлась на имперский период, в один из переломных моментов начала XIX века, когда сакральная власть хана и статус Чингизидов существенно видоизменились. К. Ишимов стоял во главе движения казахов против политики хана и Российской империи. Именно он возглавил откочевку части казахских родов в Зауральскую Орду. В рассматриваемый период казахские ханы стали ставленниками российской администрации, а несогласные с политикой империи искали пристанище в Хиве, надеясь сохранить свое влияние в Степи. В статье изучается роль и значение Хивинского ханства в судьбе казахских Чингизидов.

Ключевые слова: Российская империя, Букеевская Орда, Чингизиды, Каипгали Ишимов, Хивинское ханство, ханская власть, легитимация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2396-2408. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2396
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Pottery of Western Siberia – from the Present to the Past: Methodological Aspects

Larisa V. Tataurova ^{a, b, *}, Kristina O. Sopova ^a

^a Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences of the Omsk Laboratory of archeology, ethnography and museology, Russian Federation

^b National Research Tomsk State University. Laboratory of archaeological and ethnographical research of Western Siberia, Russian Federation

Abstract

Pottery is the commonest type of artifacts in archaeological research. Also it is extensively represented in the ethnographic collections of museums. Despite these facts pottery is poorly understudied. This article presents the results of a study of Russian archaeological ceramics from the complexes of Modern age and ethnographic pottery from museum collections. We use unified methodology for this research. A pot is the most represented type of clay ware and we focused on its study. We have identified consistent pattern in relation to pot diameters, height and volume. Three groups of pots are singularized: small, medium and large pots. The results showed resemblance of the sizes and morphology of the archaeological and ethnographic Russian pottery. To interpret the results, we analyzed historical documentation containing information about pottery in counties, towns and villages of Western Siberia of the 19th century. The results showed that craft and home pottery production had a wide distribution. The production volume was estimated in thousands of items per year. A functional purpose of size groups of pots was revealed by ethnographic materials, linguistic and folklore sources. There is a terminological difference in the characteristics of the size groups of pots. Ethnographic sources trace the functional features of the dishes, not only within the framework of everyday, but also in ceremonial and ritual use. These interpretations are important for a retrospective analysis of the archaeological material.

Keywords: Russian archaeological and ethnographic pottery, methods, Modern Age, Western Siberia, interpretation.

1. Введение

Керамика как часть материальной культуры русского населения Западной Сибири – уникальный источник, характеризующий одну из основных составляющих системы жизнеобеспечения – структуру питания. В процессе адаптации в сибирской среде она прошла несколько уровней развития (Татаурова, 1998: 206-218; Адаптация русских..., 2014: 207-214).

Как элемент традиционной культуры повседневности посуда входит в состав этнографических коллекций, а в археологических собраниях – это самый массовый вид находок, многократно превосходящий по объему музейные. Однако как исторический источник русская керамика Сибири, несмотря на наличие публикаций (Татаурова, 1995; Володина, Черная, 2012) и двух диссертационных работ (Татаурова, 1997; Мамонтова, 2014), изучена слабо. Этому мешают несколько причин.

Главная – источниковедческая: глиняная посуда из этнографических собраний очень редко попадает в поле зрения ученых; анализ огромных археологических керамических коллекций при многообразии других предметных комплексов с русских памятников, как правило, происходит в последнюю очередь.

* Corresponding author

E-mail addresses: li-sa65@mail.ru (L.V. Tataurova), sopovaukropova@gmail.com (K.O. Sopova)

В культурологическом аспекте проблема в том, что в российской археологии позднего периода направление процесса исследований идет чаще не от этнографической современности в древность (от известного к неизвестному), а, наоборот, – от моделей, полученных на древнерусских материалах – к Новому времени и сопоставлению их с этнографией. Как справедливо считает Г.Х. Самигулов, это парадоксальная ситуация (Самигулов, 2007: 114).

Но на это есть свои причины, которые, по мнению Ю.М. Лесмана, связаны с вопросами современных наработок в этнографии материальной культуры русских, а именно: 1) наличие источниковедческого разрыва между археологическими материалами, обработанными по правилам археологической науки (типологии, хронологии, ареалы распространения), и материалами этнографии и музейными коллекциями; 2) методический разрыв, который связан с отличающимися принципами обработки материала в археологии и этнографии; 3) избирательность сбора этнографических материалов, поэтому они мало сопоставимы с археологическими коллекциями (Археология..., 2005: 87).

К этому стоит добавить, что монографические работы по этнографии XVII–XVIII вв. построены на письменных источниках (см., например, *Этнография русского крестьянства, 1981*). Привлечь их для анализа археологического материала еще более сложно, несмотря на то, что они отражают время, синхронное существованию изучаемых памятников. Эта проблема также поднималась в публикациях (Артемьев, 2007).

Описанные проблемы позволяют констатировать обоснованность использования древнерусских материалов, обработанных по правилам археологической науки и сопоставленных с письменными источниками своего времени, для систематизации и изучения коллекций XVII–XIX вв.

В этом исследовании мы попытаемся преодолеть источниковедческий и методический разрывы в обработке музейных и полученных из раскопок собраний русской глиняной посуды, оценить возможности ретроспективного анализа этнографических и археологических керамических форм.

Цель данной работы – представить результаты исследования в рамках единой методики русской археологической керамики XVII–XVIII вв. и этнографической посуды из музейных коллекций, во-первых, для изучения самого материала; во-вторых, для выяснения возможности сопоставления посуды разных хронологических периодов и его репрезентативности.

2. Обсуждение

Классик исследования гончарного производства керамики А.А. Бобринский использовал этно-археологический подход: на этнографических материалах Восточной Европы он проследил признаки, характеризующие развитие функций гончарного круга, на основании которых можно изучать навыки и уровни керамического производства в различных археологических культурах (Бобринский, 1978: 27). Предложенные им методики оказались эффективны, потому что технологии изготовления глиняной посуды, начиная с самых простых, дожили до современности.

Вопросы интеграции археологических и этнографических знаний в изучении керамики рассматривал И.Г. Глушков. По его мнению, этнография интуитивно «указывает культурно-значимые признаки, вырабатывает механизм реконструктивного моделирования», но важным является механизм ее использования. Этнография должна выполнять роль «источника накопления опыта в разных областях вещного мира во взаимосвязи с деятельностными стереотипами» (Глушков, 1996: 110, 110/2).

Программы статистической обработки керамики, которые можно применять к археологическому и этнографическому материалу, предложил В.Ф. Генинг. Для извлечения всесторонней информации необходимо создать:

- 1) единую терминологию;
- 2) единую методику получения характеристик;
- 3) категории и группы показателей, характеризующих каждый комплекс керамики;
- 4) относительные и абсолютные величины для показателей (Генинг, 1973: 114-135).

В.Ф. Генинг отмечал, что единичный комплекс керамики даже при самой тщательной обработке, взятый сам по себе, еще не становится достаточно ценным источником для исторических исследований. Лишь при сравнительном анализе целого ряда керамических материалов перед исследователем открывается широкое поле для исторических построений.

Такой подход, с учетом основных характеристик сосуда – формы, размерных и технологических данных – использован нами при работе с археологическими и этнографическими коллекциями керамики, что позволило извлечь максимум полезной информации.

Изучение русского гончарства в Сибири развивается в трех направлениях: на основе археологических методик, этнографических наблюдений и этно-археологических реконструкций.

Археологические методики типологии тобольской керамики использовали в своих работах О.М. Аношко и Т.В. Селиверстова, И.В. Балюнов. Основной акцент О.М. Аношко и Т.В. Селиверстова сделали на изучении морфологии горловин горшков, признав этот тип посуды самым распространенным (Аношко, Селиверстова, 2009: 85). И.В. Балюнов в продолжение этого подхода изучил конструктивные схемы венчиков и разработал классификацию тобольской керамики,

в которой он видит эталонный датирующий материал для XVI–XVII вв. (Балюнов, 2018: 122). Этнографические материалы при составлении этих систематизаций не учитывались.

Этнографические наблюдения по технологии керамического производства в Новосибирской и Томской областях в начале XX в. на основании дневников Н.Н. Нагорской представил А.В. Новиков. Рассмотрены все этапы изготовления посуды, ее ассортимент и распространение (Новиков, 1999: 53-55). Но археологические материалы в качестве аналогий не привлекались.

О.С. Мамонтова изучила гончарство русского населения Алтая и представила типологию этнографической посуды, в основе которой лежит функциональный принцип (Мамонтова, 2014: 134-162). Однако в выделенные типы попали сосуды разных морфологических групп, так как определение использования посуды выявлялось по описаниям и названиям, где любая форма глиняной посуды определялась как горшок. Археологические методики попали в историографический обзор и признаны не применимыми к этнографическому материалу (Мамонтова, 2014: 133).

Этно-археологический подход к изучению археологической коллекции керамики русских поселенческих комплексов Нового времени Омского Прииртышья предложила Л.В. Татаурова (1997). Основные критерии типологии, назначение и применение посуды изучались по этнографическим материалам, которые помогли выявить названия изделий, их функции и формы, виды блюд (Татаурова, 1998: 88-123). Назначение определяет форму сосуда, технологию изготовления (Татаурова, 2015: 142-155).

Выделение типов в археологическом материале осуществлялось на основе эталонной типологии этнографической посуды, представленной полными формами (Татаурова, 1998: 88-123). Однако стоит заметить, что этнографические эталоны типов использовались как наглядное пособие, так как в музейных коллекциях нет репрезентативных выборок посуды.

В данной работе предложен иной подход, основанный на единой методике для анализа археологической керамики из русских комплексов Нового времени и этнографической посуды из музейных коллекций Прииртышья. Предметом изучения стал самый распространенный и наиболее представленный в коллекциях тип посуды – горшок (Татаурова, 2013; Сопова, Татаурова, 2017).

2. Материалы и методы

Источником послужили этнографические коллекции керамики Тобольского историко-архитектурного музея заповедника (22 экземпляра), Большереченского историко-краеведческого музея «Старина Сибирская» (23 экземпляра) и музея археологии и этнографии ОмГУ им Ф.М. Достоевского (4 горшка). Всего из музейных собраний исследовано 49 сосудов.

Археологический источник: 21 горшок – реконструированные и целые формы из русского комплекса Ананьино-I (Тарский район Омской области) (Татаурова, 2015), 12 горшков – из Тары (Татаурова и др., 2019: 40-49).

Для изучения коллекций керамики применяется методика, включающая:

- 1) территориальную и хронологическую привязку керамических форм;
- 2) типологическую атрибуцию и характеристику в рамках типа;
- 3) описание морфологических (форма венчика, шейки, тулова и др.) и технологических (гончарная, лепная, способы обжига, обработки поверхности, орнаментации и т.д.) признаков;
- 4) определение размерных характеристик: диаметр по венчику, диаметр дна, максимальный диаметр шейки и тулова сосуда, общая высота, высота шейки;
- 5) Расчет объема сосуда с использованием формулы, предложенной В. А. Посредниковым

для вычисления этого показателя для керамики эпохи бронзы:
$$V = \left(\frac{\pi R^2 + \pi r^2}{2} \cdot H \right) + \frac{\left(H \cdot \frac{2\pi R + 2\pi r}{2} \right) \cdot h}{2}$$
, где R – радиус устья, r – радиус дна, H – высота сосуда, h – высота сегмента, образованного стенкой сосуда и стороной усеченного конуса, вписанного в сосуд (Посредников, 1987: 17);

- 6) систематизация предметов в рамках типа на основе полученных результатов;
- 7) интерпретация назначения внутри типового разнообразия посуды.

В результате анализа выявленных характеристик этнографической коллекции керамики прослежена закономерность в соотношении диаметров сосудов по венчику, высоте и объему (Рисунок 1/ 1, 2, 5, 6, 9, 10).

Рис. 1. Русская керамика Прииртышья XVII–XX вв. Горшки.

1, 2, 3, 4 – маленькие горшки первой группы; 5, 6, 7, 8 – горшки среднего размера – вторая группа; 9, 10, 11, 12 – горшки и корчаги – третья группа. 1, 5, 9 – коллекция этнографической керамики Большереченского историко-краеведческого музея «Старина Сибирская», XIX–XX вв.; 2, 6, 10 – коллекция этнографической керамики Тобольского историко-архитектурного музея заповедника XIX–XX вв.; 3, 7, 11 – коллекция из раскопок поселения Ананьино-I, XVII–XVIII вв.; 4, 8, 12 – коллекция из археологической коллекции г. Тары, XVII–XVIII вв.

На этом основании выделены три группы горшков: малые, средние и большие (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристики размерных групп горшков

Группа	Этнографическая коллекция 49 экз.			Археологическая коллекция 33 экз.		
	Диаметр, см	Высота, см	Объем в литрах	Диаметр, см	Высота, см	Объем в литрах
Малые	7,5–11,5	9,6–12	0,8–1,8	8–10	5,5–9	0,6–1,5
Средние, подгр. 1	12,6–15,5	15,2–20	3–4	14–16	12–16	3–5
Средние, подгр. 2	17,9–24	20–29	5–6	–	–	–
большие	20–27	20–30	>6	17–22	18–21	7
корчаги	32	28–33	10	20–26	34	10

К малым (Рисунок 1/ 1, 2; Таблица 1) отнесены 17 экземпляров: сосуды с диаметром венчика от 7,5 до 11,5 см, днища 6–7,9 см, основания шейки от 7,7 до 11 см, максимальным по тулову 11–14,8 см. Общая высота горшков 9,6–12 см, высота шейки 1,4–3 см. Толщина стенок 0,4–1 см. Объем горшков 0,8–1,8 л.

Горшки этой группы изготавливали методом вытягивания на гончарном круге, обжиг горновой (Адаптация русских..., 2014: 206–218). Один сосуд выполнен ручной лепкой, обожжен в домашней печи. Венчики отогнуты наружу, округлой формы, поверхность покрыта темно-коричневой глазурью, или лощением, в некоторых случаях шейка и тулово украшены горизонтальными линиями.

Горшки средних размеров (26 шт.) можно разделить на две подгруппы: объемом 3–4 л и вмещавшие до 6 л (Таблица 1).

Для первой подгруппы (Рисунок 1/5) из 11 предметов характерны сосуды с диаметрами венчика 12,6–15,5 см, дна 7,9–12,3 см, основания шейки 11,7–15,6 см, максимальный по тулову – 14,6–22 см. Общая высота 15,2–20 см, высота шейки 1,5–5 см. Толщина стенок 0,7–0,9 см.

Вторая подгруппа (Рисунок 1/6), 15 экз., с диаметрами венчиков от 17,9 до 24 см, дна 12,5–19 см, основания шейки 18–24 см, максимальный по тулову 20–30 см. Общая высота 20–29 см, высота шейки 1–3 см, толщина стенок 0,7–1,4 см.

Горшки средних размеров имеют отогнутый наружу или вертикальный округлый по форме венчик. Большинство выполнено на гончарном круге. Два сосуда изготовлены вручную, методом

кольцевого ленточного налета. Часть изделий покрыта коричневой глазурью, или лощением, есть экземпляры с линейным прочерченным на плечиках орнаментом в виде волны (Рисунок 1/5).

Группа больших горшков из 6 экз. (Таблица 1) разделена на две подгруппы: объемом от 6 л и от 10 л – корчаги.

Первая подгруппа (Рисунок 1/9), с диаметрами по венчику 20–27 см, по дну 14–20 см, основанию шейки 20–24 см, максимальным по тулову 20–24 см, общая высота 20–30 см, высота шейки 2,5–3 см, толщина стенок 1–1,5 см.

Вторая подгруппа (Рисунок 1/10) – корчаги, вместимостью от 10 л, с диаметрами по венчику 32 см, дну 22–28 см, основанию шейки 24–31 см, максимальным по тулову 28–41 см. Общая высота 2–33 см, высота шейки 2–3 см, толщина стенок 1,4–2 см.

Четыре корчаги изготовлены на гончарном круге, две выполнены методом скульптурной лепки. Часть сосудов покрыта глазурью темно-зеленого или коричневого цвета. Венчики вертикальные, округлой формы. По функциональному назначению выделяются два подтипа с отверстием (подырушки) и без него (Татаурова, 1998).

Исследование посуды из археологических комплексов Тарского Прииртышья (33 экз.) по предложенной методике выявило также три размерные группы (рис. 1/ 3, 4, 7, 8, 11, 12; табл. 1).

Малые горшочки (Рисунок 1/3, 4), 6 экз., диаметры по венчику 8–10 см, дну 5,3–7,8 см, основанию шейки 7,6–12 см, максимальный по тулову 9,5–13,5 см. Высота: общая 5,5–9 см, шейки 1–1,7, толщина стенок 0,4–0,5. Вмещают 0,6–1,5 л. Горшки из Ананьино и Тары – ручной лепки, без дополнительной обработки поверхности, обжиг печной в восстановительной среде.

Горшки средних размеров (Рисунок 1/7, 8), 13 шт., диаметры по венчику 14–16 см, дну 10–12,5 см, основанию шейки 14,3–19 см, максимальный по тулову 18,4–21 см. Общая высота 12–16 см, высота шейки 1–4 см, толщина стенок 0,5–0,9 см. Вмещают от 3 до 5 л. Один сосуд оплетен берестяными полосками, с помощью которых посуду укрепляли или чинили. Горшки выполнены в технике ручной лепки, без дополнительной обработки поверхности, кроме одного чернолощеного из Ананьино. Обжиг печной в восстановительной среде.

Большие горшки (14 шт.), как и в этнографической коллекции, можно разделить на две группы: крупные, объемом до 7 л, и корчаги около 10 л.

Для первой группы (8 шт.) диаметр по венчику от 17 до 22 см. Диаметры дна 11,4–17 см, основания шейки 17,8–19,7 см, максимальный по тулову 22–24 см. Высота горшков 18–21 см, высота шейки 1,8–3 см, толщина стенок 0,5–1 см.

Корчаги (Рисунок 1/11, 12), 6 экз., диаметры по венчику от 20 до 26 см, дну – 22 см, основанию шейки 22–23 см, максимальный по тулову 30–34 см. Общая высота 34 см, высота шейки 2,5–3,5 см, толщина стенок 0,6–1,3 см.

Большинство горшков этой группы из Тары произведено ручным способом, два сосуда изготовлены на гончарном круге. В качестве дополнительной обработки поверхности использовалась полива (Рисунок 1/12) и «пеленание» берестяными лентами. Почти все сосуды обожжены в восстановительной среде, только один горшок – в окислительной, о чем свидетельствует светло-красный цвет черепка. Сосуды большого размера памятника Ананьино-I выполнены ручным способом без применения гончарного круга, обжиг печной в восстановительной среде. Один горшок лощеный и один орнаментирован горизонтальными линиями по шейке.

У всех горшков археологической коллекции схожая форма венчиков: отогнутая наружу, реже вертикальная. Дополнительная обработка сосудов встречается гораздо реже, чем в этнографической коллекции.

3. Результаты

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о схожести размерных характеристик выделенных групп сосудов (Таблица 1) и морфологии венчиков археологической и этнографической русской керамики.

Расхождения в полученных данных связаны с небольшой выборкой в каждой коллекции и спецификой выбранных источников.

Вариативность размеров в группах этнографической посуды связана, как указывалось выше, с условиями формирования коллекций – избирательностью попадания в них предметов и зачастую отсутствием хронологических данных бытования каждого из них. Кроме того, посуда, оказавшаяся в музейных собраниях, скорее всего, была приобретена ее владельцами на рынках или у частных мастеров и отражает продукцию разных видов и уровней ремесленного производства, отличающуюся размерными стандартами форм и объемов.

Археологическая посуда, наоборот, представляет весь типовой и размерный ассортимент, использовавшийся русским населением определенного памятника в период его существования. Но, несмотря на внушительный объем коллекций, зачастую она имеет фрагментарный вид, и по верхним частям сосудов можно получить информацию только о диаметре по венчику, его форме и технологическим характеристикам. Однако, по мнению Ю.А. Лихтер, «соотношение различных размеров позволяет также выявить модуль, на который мастер ориентировался при создании

изделия. Это, в свою очередь, дает возможность реконструировать целые формы по фрагментам» (Лихтер, 2015: 171). С увеличением объема целых сосудов в археологической выборке репрезентативность выводов будет только расти. В итоге получим эталонную типологию археологической посуды для определенного хронологического периода, памятника, региона Сибири и т.п. На ее основе можно будет изучить истоки русского сибирского гончарства и его развитие.

Интерпретационное поле такой типологии будет формироваться на основе знаний, полученных с помощью этнографических методов из письменных источников, справочных изданий. Изъяном всех этих материалов, как правило, является отсутствие или неполнота метрических данных, хронологических привязок, иллюстраций и избирательность.

Но именно этнография есть связующее звено с живой культурой, многообразии отношений с которой потеряно или ослаблено для археологического источника Нового времени (Татаурова, 2015а).

Этнографические данные, собранные одним из авторов, свидетельствуют, что доля керамической посуды в общем объеме домашней утвари, предназначенной для хранения продуктов и приготовления пищи, была велика. Так, на семью из 4 человек минимальное количество керамической посуды составляло 25–30 единиц. Среди них три–четыре горшка и одна–две корчаги (Материалы комплексной., 1996, д. 104-1. карт. 1–35). К сожалению, размерные характеристики керамики информаторы не помнили.

На большой объем используемой в быту глиняной посуды указывают письменные источники XIX в. Прежде всего это статистико-экономические обозрения, сведения о кустарных промыслах, материалы для изучения экономического быта и др. Они представляют развитие гончарного промысла в уездах, городах и деревнях Западной Сибири, характеризуют масштабы производств и типовое разнообразие выпускаемой продукции, цены на посуду. В них есть информация, относящаяся к предмету нашего исследования. Так, согласно данным М.Н. Соболева на 1909 г. по Томской губернии, в ассортименте глиняной посуды были горшки обливные (т.е. покрытые поливой – Авт.), горшки не обливные, горшки большие и корчаги (Соболев, 1910: 1-3). Это описание указывает как на технологические, так и на относительные размерные характеристики – от них зависела цена на изделия.

Об объемах выпускаемой керамической продукции свидетельствуют материалы, собранные М.Н. Соболевым (Соболев, 1910: 1-39) и Н.Л. Скалозубовым (Скалозубов, 1895: 19-41) в Томской и Тобольской губерниях, которые структурированы в Таблице 2.

Таблица 2. Объемы выпускаемой керамической продукции и цены (конец XIX – начало XX вв.)

Уезды	Горшок	Корчага	Всего, в т. ч. другие типы	Стоимость
Томская губерния	штук в год	штук в год	штук в год	копеек
Бийский	–	–	10 000	Горшок – 20
Мариинский	–	–	55 000	Горшок – 10
Змеиногорский	–	–	423 500	Горшок – 5–6. Большой горшок 10–30. Корчага – 25.
Барнаульский	5500	1000	–	Корчага – 6–15 Горшок – 2–6
Кузнецкий	200	–	–	–
Каинский	100	200	2000	Корчага – 10, Горшок – 3–15
Шадринская вол.	–	–	10000	Корчага – 6, горшок – 4.
Тобольская губерния				
Белозерская вол. д. Масляно	4000	3500	67500	–
Тугулымская вол. д. Пискулина	–	5000	–	–
Смолинской вол.	–	–	60 000	–
Тарский округ, Рыбинская вол.	5000	2000	8000	–
Тюкалинский округ, Любинская вол.	1000	1000	–	–

Тюкалинский округ, Саргатская вол.	–	1000	–	–
Ялуторовский округ дер. Кучеметевка, Выползовой, Лысановой	3000	-	-	-

Несмотря на относительность и неполноту представленных в таблице данных, она дает представление о количестве выпускаемой в год продукции. Потребность в керамике диктовалась ее быстрым выходом из обихода из-за относительной хрупкости, поэтому объемы производства были представительны, а цены ниже, чем на посуду из других материалов. Кроме специализированных ремесленных центров, существовало и изготовление нужных типов на дому, которое, по словам информаторов, исчезло только к 1950-м гг., что подтверждается археологией деревенских памятников.

Горшок является универсальной формой посуды, поэтому используется в быту уже тысячу лет. Устойчивый унифицированный вид он приобрел к IX в., возникнув как тип в южнорусских областях, когда здесь появились печи для обжига, а затем и гончарный круг (Розенфельдт, 1997: 22).

Своей округлой и выпуклой формой горшок во всем обязан русской печи, которую топят не снизу. В процессе топки нагреваются под и стенки печи, поэтому горшок и его содержимое согревается с боков, а не со дна, его делали очень узким, поэтому оно менее теплоемкое. Кроме того, поддевать ухватом горшок с таким дном очень удобно. В Сибири, например, в некоторых областях ухват так и называли – «горшовник».

В горшках варили супы и кашу, тушили мясо, рыбу, овощи, делали разнообразные запеканки и напитки, хранили крупы, соль, муку, масло, топленый жир.

Различия в использовании горшка в зависимости от объема отражены в словарях. В.И. Даль горшку посвятил большую статью, анализ которой показал обозначенную выше проблему избирательности в изучении керамики. К горшку относится «округлый, облый глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне» (Даль, 1998: Т. 1: 639). Кроме описания горшка как отдельного типа, приводятся характеристики разного содержания и объема для других по назначению сосудов: высокие, узкогорлые, для молока; глек, балакир, кринка, горнушка, горлачь; цветочные горшки, горшки сахароваров, поливные кувшины, для стока в них патоки, ночные горшки (Даль, 1998: Т. 1: 639). Из этого можно сделать вывод, что в данном случае название горшок характеризует совокупность глиняной посуды с различным назначением.

Возвращаясь к словарному толкованию типа горшок и его формообразующим характеристикам, заметим, что у В.И. Даля они даны самому крупному его представителю – корчаге: «...корчага или макитра, самый большой горшок, репкой (т.е. формой похожей на репу – Авт.), с узким дном» (Даль, 1998: Т. 2: 434). «Большой глиняный горшок или чугунок, чугуничек (для представления формы В.И. Даль привел аналогии с похожим изделием из металла – чугуном, который впоследствии вытеснил глиняные корчаги – Авт.), развалистее горшка. Корчага щаная, пивная» (Даль, 1998: Т. 2: 434).

По поводу назначения щаной корчаги стоит заметить, что ее использовали не для приготовления основного блюда русской кухни – щей, а для получения лучшего сорта кваса из смеси солодов под названием «щи кислые», которые потом «дозревали» в бутылках (Беловинский, 2007: 773). С этой поправкой в приведенном выше определении В.И. Даля корчага – сосуд для кваса и пива.

В словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья этот сосуд назван «корчаж», «корчажка» (Садретдинова, 1992: 78). Существует два подтипа корчаг для разного назначения. В корчагах с отверстиями внизу (подырушках) варили пиво и квас (Даль, 1998: Т. 2: 434-435). В корчагах без отверстий солили рыбу, сало, сохраняли продукты, в том числе ягоды, например бруснику, которую заготавливали на зиму путем томления в этой же посуде в русской печи. В таких емкостях держали расходный запас воды (Беловинский, 2007: 312). Вероятно, к корчаге в таком контексте в Среднем Прииртышье относится название «подольник» – высокий горшок для воды (Садретдинова, 1993: 27).

В домонгольский период корчагами называли большие греческие амфоры для вина. Позднее, после прекращения торговли с Причерноморьем, название закрепилось за горшками больших объемов, в которых варили пиво.

Другую подгруппу больших «щаных» (для щей – национального русского блюда) горшков В.И. Даль называет «естальник», «егольник». О приготовлении щей в глиняных горшках писал В.В. Похлебкин (Похлебкин, 1997: 64, 71).

К горшкам средней размерной группы, вероятно, относится название кашник (Даль, 1998: Т. 1: 639). В зависимости от потребностей семьи выбирали вместимость посуды: чем больше едоков, тем больше горшок для каши. Это отражают объемы сосудов средней группы из изученных этнографических коллекций: 1 подгруппа 3–4 л, 2 подгруппа 5–6 л (см. Таблицу 1).

Из этнографических сборов по Тарскому Прииртышью выявлено назначение маленьких горшочков. Их называли «топлюшки» и использовали для приготовления детской пищи – каш, топленого молока, «макушек» (отвар в молоке головок мака), использовавшихся как седативное средство для детей (Татаурова, 1998: 96-97).

В словаре русского языка XI–XVII вв. для маленьких горшочков встречается название «махотка». В указанном источнике назначение этой посуды – для хранения мелких денег, т.е. в качестве копилки (Словарь русского языка, 1982: 49), в словаре В.И. Даля – маленький (малюсенький) горшочек кашничек: «махотка маленька, да кашка сладенька» (Даль, 1998. Т. 2: 807). Вероятно, топлюшка и махотка – названия одной группы горшков.

К сожалению, за неимением размерных характеристик в словарных и этнографических описаниях отнесение имеющихся названий и назначений к разным группам горшков обладает долей условности.

Горшок, кроме утилитарной, выполнял и другие функции. В этнографических наблюдениях у русских Европейской России зафиксировано много примет, обрядов и поверий, в которых он фигурирует или используется. Например, при строительстве дома укрепление балки, на которую стелется потолок, сопровождалось установкой горшка с кашей (Рыбаков, 1987: 465-466). При переезде в новый дом в горшке переносили угли, чтобы затопить печь в новом жилище. В Сибири для горшков под угли есть свое название «кандорка» (Садретдинова, 1993: 25). «При посадке капусты в обычае выносить на грядку худую корчагу; после родов роженице правят живот – «накидывают» на него горшок; детское место кладут в глиняный горшок, который потом зарывают во дворе; сосуды, в которых была вода для омовения покойника, выбрасывали в строго определенное место» (Быт великорусских крестьян..., 1993: 132, 141, 144; Славянские древности, 1995: 526-530).

В Вятской губернии в обряде «троецепляница» использовали корчаги, куда складывали куриные потроха, а также горшок, в котором куриные кости топили в воде или закапывали в землю (Зеленин, 1994: 110-117). Керамика служила и в качестве оберега. Старый горшок помещали на высоком шесте в том месте двора, где находились курицы насесты. В горшке селился дух, покровительствующий курам (Зеленин, 1994: 140).

Горшок наделяли почти всеми человеческими качествами: выглядит он как голова (есть выражение: «голова как пустой горшок»), даже есть стрижка «под горшок», и носик у него есть, и горлышко, и плечики, и ручка; были у него и рождение (создание), и смерть (разбивание) (Топорков, 1990: 82-97; Славянские древности, 1995: 526-530).

Если вспомнить русские народные сказки, то глиняный горшок часто являлся одним из основных их элементов, например, в сказке про теремок: «Ехал Горшениа, горшок потерял...», в сказке о девочке, которая мечтала о том, чтобы у нее дома в горшочке всегда варилась каша и т.д.

Интересными являются наблюдения по отношению к поврежденной посуде (такая есть в изученной коллекции). Разбитую, как правило, выбрасывали, но если посуда треснула, ее пытались реставрировать, используя несколько методов: куриный белок смешивали с растолченной обожженной керамикой (кирпич, черепки посуды), этой смесью заделывали трещину. Другой метод – «пеленание» лычкой, холстиной, мочалом, после чего все промазывали глиной или тестом. Но чаще просто «пеленали» полосками бересты, это фиксируется по археологическим материалам. После починки такую посуду использовали для сыпучих продуктов (Материалы комплексной..., 1996, д. 93-6, карт. 5; д. 104-1, карт. 30, 33). Такой способ ремонта посуды описан по материалам раскопок в древнерусских городах. Горшки, оплетенные берестой, назывались «пеленатыми» (Розенфельд, 1962: 111).

Описанный способ починки отражен в поговорках: «Был младенец – не знал пеленок, стар стал – пеленаться стал» – и пословицах: «Жена не горшок – не расшибешь, а расшибешь – берестой не перевьешь» (Даль, 1998. Т. 1: 639).

4. Заключение

В конце XVI в. горшок и другие типы посуды стали завоевывать Сибирь вместе с русскими переселенцами, которые принесли сюда новые технологии, в том числе и гончарный круг. Новшества настолько быстро прижились на сибирской земле, что к началу XVIII в. аборигенная керамика практически исчезла, ее сменила посуда традиционных русских форм (Татаурова, 1996: 47-48).

Проведенные исследования по керамическому производству Тарского Прииртышья XVII–XIX вв. выявили 13 типов посуды (Татаурова, 1997: 141). Преобладающими среди них были горшки (стоит заметить, что форму горшка имеют сливочки, рукомойники). Такой ассортимент представлял самые необходимые в повседневном быту формы и сохранялся вплоть до XIX в. Это подтверждают археологические материалы.

С XIX в., как считает В.Ю. Коваль, ассортимент типов керамической посуды расширяется. Наряду с разноразмерными горшками, корчагами, мисками, кувшинами, кубышками, в массовом производстве появляются редкие или неизвестные ранее формы: крынки, кружки, подсвечники, квасники, цветочные горшки и вазы, тазы, лохани, противни, блюда, дойники, пряничные формы и т.п. (Коваль, 2011: 323). Это отражают музейные этнографические коллекции.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать такие выводы: единая методика изучения этнографической и археологической посуды позволяет получить репрезентативную картину керамических типов, отражающую особенности метрических данных, морфологии, технологии изготовления. И это достоинства археологического подхода к изучению.

Интерпретационное поле лежит в ведении этнографии. В целом оно представляет общекультурный фон, сформировавшийся в процессе функционального и мировоззренческого применения посуды как важнейшей составляющей культуры повседневности. В отдельных районах, областях, населенных пунктах этот фон может дополняться региональными деталями и особенностями и отличаться от традиционного, в частности, это прослеживается в разных названиях типов посуды и горшка. Однако названия отражают и приоритеты в назначении разных групп керамики.

Безусловно, фоновая общекультурная этнографо-лингвистическая атрибуция этого и других типов посуды наполняет «духовное» восприятие каждого предмета различным содержанием как утилитарного, так и неутилитарного свойства. Утилитарные свойства объединяют имеющийся материал в группы в соответствии с их функциональным назначением. Неутилитарные – стали основой общекультурной смысловой нагрузки предметов, встраивающие их в мировоззренческую среду как элементы обрядовых действий, мифологических структур и народной мудрости.

Конкретная привязка археологического материала к культуре повседневности периода его бытования через этнографию очень важна для восстановления разрушенных временем связей этого (археологического) материала с существовавшей действительностью.

Работа с разными коллекциями в рамках единой методики позволит провести сравнительный анализ между ними и получить объективные интерпретации культурных явлений.

5. Благодарности

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Авторы выражают признательность И.В. Балюнову за помощь в работе с коллекциями Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, заведующему отделом научно-фондовой и экспозиционной работы Большереченского историко-краеведческого музея «Старина Сибирская» Р.Н. Пермякову. Благодарим С.Ф. Татаурова, С.С. Тихонова, М.П. Черную за возможность работы с археологическими материалами г. Тары.

Литература

Аношко, Селиверстова, 2009 – Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2009. № 7. С. 80-90.

Артемов, 2007 – Артемов А.Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования*. Т. 5. Ч. 1. 2007. С. 124-171.

Археология..., 2005 – Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // *Российская археология*. 2005. № 1. С. 81-89.

Балюнов, 2018 – Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI–XVII в.: опыт классификации // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 5: Археология и этнография. С. 120-129.

Беловинский, 2007 – Беловинский Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М., 2007. 784 с.

Бобринский, 1978 – Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва, 1978. 272 с.

Быт великорусских крестьян..., 1993 – Быт великорусских крестьян-землепашцев (Описание материала этнографического бюро князя В.Н. Тенишева). Санкт-Петербург, 1993. 238 с.

Володина, Черная, 2012 – Володина В.С., Черная М.П. К методике исследования русской средневековой городской керамики как исторического источника // *Вестник Омского государственного университета*. 2012. № 2 (64). С. 332-336.

Генинг, 1973 – Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // *Советская археология*. 1973. № 1. С. 114-135.

Глушков, 1996 – Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 382 с.

Даль, 1998 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1. 944 с. Т. 2. 1024 с.

Зеленин, 1994 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. 400 с.

- Коваль, 2011** – Коваль В.Ю. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. 2011. С. 317–323.
- Лихтер, 2015** – Лихтер Ю.А. Вещественный источник и база данных – принципы взаимодействия. М., 2015. 414 с.
- Мамонтова, 2014** – Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 258 с.
- Материалы комплексной.., 1996** – Материалы комплексной археолого-этнографической экспедиции ОмГУ и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии, 1996 г. Музей археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6, карт. 5; Д. 104-1, карт. 1–35.
- Новиков, 1999** – Новиков А.В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX в. (вопросы технологии по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. 1999. Т. 4. С. 52–76.
- Посредников, 1987** – Посредников В.А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // *Вопросы археологии и этнографии Сибири*. Томск, 1987. С. 13–25.
- Похлебкин, 1997** – Похлебкин В.В. Собрание избранных произведений. Национальные кухни наших народов. М., 1997. 639 с.
- Розенфельдт, 1962** – Розенфельдт Р.Л. Заметки о древнерусском керамическом производстве // *Краткие сообщения Института археологии*. № 87. 1962. С. 108–111.
- Розенфельдт, 1997** – Розенфельдт Р.Л. Домашняя утварь. Керамика // *Археология. Древняя Русь. Быт и культура*. Москва, 1997. 369 с.
- Рыбаков, 1987** – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. 783 с.
- Садретдинова, 1992** – Садретдинова Г.А. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 2. Томск, 1992. 244 с.
- Садретдинова, 1993** – Садретдинова Г.А. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 3. Томск, 1993. 356 с.
- Самигулов, 2007** – Самигулов Г.Х. Историко-археологические исследования русских поселений Нового времени Урала и Сибири. К вопросу о методологии исследований // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. 2007. Вып. 4. С. 114.
- Скалозубов, 1895** – Скалозубов Н.Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1895. 106 с.
- Славянские древности.., 1995** – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. 584 с.
- Словарь русского языка, 1982** – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Бобрик М.А., Дегтев С.В., Державина Е.И. и др. Вып. 9. М., 1982. 363 с.
- Соболев, 1910** – Соболев М.Н. Кустарные промыслы Томской губернии // *Труды статистико-экономического отделения юридического кабинета при императорском Томском университете*. Вып. V. 1910. 50 с.
- Сопова, Татаурова, 2017** – Сопова К.О., Татаурова Л.В. Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2017. С. 133–140.
- Татауров и др., 2019** – Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск, 2019. 412 с.
- Татаурова, 1995** – Татаурова Л.В. К методике изучения керамики археолого-этнографического комплекса // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Ч. 1. Омск, 1995. С. 23–25.
- Татаурова, 1996** – Татаурова Л.В. Процесс исчезновения традиционного гончарства у татар в низовьях Тары // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Новосибирск-Омск, 1996. Ч. 2. С. 47–48.
- Татаурова, 1997** – Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX вв. (по данным археологии и этнографии). Омск, 1997. 202 с.
- Татаурова, 1998** – Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 1998. С. 206–218.
- Татаурова, 2013** – Татаурова Л.В. Глиняный горшок как архетип в славяно-русской культуре // *Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу*. Опішне, 2013. Кн. VIII. Т. 1. С. 254–265.
- Татаурова и др., 2014** – Татаурова Л.В., Татаурова С.Ф., Татаурова Ф.С. и др. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.
- Татаурова, 2015** – Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // *Современные подходы к изучению древней керамики*. 2015. С. 142–154.

- [Татаурова, 2015а](#) – Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // *Вестник Сургут ГПУ*. 2015. № 3 (36). С. 98-103.
- [Топорков, 1990](#) – Топорков А.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // *Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в.* М., 1990. С. 82-97.
- [Этнография русского крестьянства., 1981](#) – Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М., 1981. 270 с.

References

- [Anoshko, Seliverstova, 2009](#) – Anoshko, O.M., Seliverstova, T.V. (2009). Kharakteristika russkoi goncharnoi posudy iz raskopok na territorii Verkhnego posada g. Tobol'ska. [Characteristics of Russian pottery from excavations on the territory of the Upper Posad of Tobolsk]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7: 80-90. [in Russian]
- [Arkheologiya..., 2005](#) – Arkheologiya pozdnego perioda istorii. Materialy Kruglogo stola, provedennogo redaktsiei i redkollegiei zhurnala «Rossiiskaya arkheologiya» [Archeology of the Late Period of History. Materials of the round table held by the editorial board and editorial counsel of the "Russian archeology" journal]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 1: 81-89. [in Russian]
- [Artem'ev, 2007](#) – Artem'ev, A.R. (2007). Pamyatniki istorii osvoeniya russkimi Sibiri i Dal'nego Vostoka na sovremennom etape arkheologicheskogo izucheniya [Monuments of the history of the development of Siberia and the Far East by the Russians at the present stage of archaeological study]. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya*. Vol. 5, pt. 1. Vladivostok, pp. 124-171. [in Russian]
- [Balyunov, 2018](#) – Balyunov, I.V. (2018). Tobol'skaya keramicheskaya posuda kontsa XVI – XVII veka: opyt klassifikatsii [Tobolsk pottery of the late 16th – 17th centuries: classification experience]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 5: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 120-129. [in Russian]
- [Belovinskii, 2007](#) – Belovinskii, L.V. (2007). Illyustrirovannyi entsiklopedicheskii istoriko-bytovoi slovar' russkogo naroda XVIII – nachalo XX v. [Illustrated encyclopedic historical dictionary of the Russian people of the 18th – early 20th centuries]. Moscow. 784 p. [in Russian]
- [Bobrinskii, 1978](#) – Bobrinskii, A.A. (1978). Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, 272 p. [in Russian]
- [Byt velikoruskikh krest'yan., 1993](#) – Byt velikoruskikh krest'yan-zemlepahtsev (Opisanie materiala etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva) [Life of Russian peasants-tillers (Description of the material of the ethnographic bureau of Prince V.N. Tenishev)]. Saint Petersburg, 1993, 238 p. [in Russian]
- [Dal', 1998](#) – Dal', V.I. (1998). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Moscow, 1, 944 p.; vol. 2, 1024 p. [in Russian]
- [Etnografiya russkogo krest'yanstva, 1981](#) – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – sredina XIX vv. [Ethnography of the Russian peasantry in Siberia. The XVII – mid XIX cc.]. Moscow, 1981, 270 p. [in Russian]
- [Gening, 1973](#) – Gening, V.F. (1973). Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Program for statistical processing of pottery from archaeological excavations]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1: 114-135. [in Russian]
- [Glushkov, 1996](#) – Glushkov, I.G. (1996). Keramika kak arkheologicheskii istochnik [Pottery as an archaeological source]. Novosibirsk. 382 p. [in Russian]
- [Koval', 2011](#) – Koval', V.Yu. (2011). Keramicheskoe proizvodstvo v tsentral'nykh raionakh Rossii v XVII-XIX vv. [Pottery production in the central regions of Russia in the 17th-19th centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistitsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk, pp. 317-323. [in Russian]
- [Likhter, 2015](#) – Likhter, Yu.A. (2015). Veshchestvennyi istochnik i baza dannykh – printsipy vzaimodeistvii [Material source and database - principles of interactions]. Moscow, 414 p. [in Russian]
- [Mamontova, 2014](#) – Mamontova, O.S. (2014). Goncharstvo russkogo naseleniya Altaya v kontse XIX – pervoi polovine XX vv. [Pottery of the Russian population of Altai in the late 19th – first half of the 20th centuries]. Tomsk, 258 p. [in Russian]
- [Materialy kompleksnoi., 1996](#) – Materialy kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii OmGU i Omskogo filiala OIIF SO RAN [Materials of the complex archaeological and ethnographic expedition of the Omsk State University and the Omsk branch of the United Institute of History, Philology and Philosophy, 1996]. Muzei arkheologii i etnografii muzeinogo kompleksa OmGU. F. I. D. 93-6, kart. 5; D. 104-1, kart. 1–35. [in Russian]
- [Pokhlebin, 1997](#) – Pokhlebin, V.V. (1997). Sbranie izbrannykh proizvedenii. Natsional'nye kukhni nashikh narodov [Collection of selected works. National cuisines of our peoples]. Moscow, 639 p. [in Russian]
- [Posrednikov, 1987](#) – Posrednikov, V.A. (1987). Keramika epokhi bronzy iz Bol'shogo Lar'yaka. [Bronze Age pottery from Bol'shoy Laryak]. *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri*. Tomsk, pp. 13-25. [in Russian]

- Rozenfel'dt, 1962** – *Rozenfel'dt, R.L.* (1962). Zametki o drevnerusskom keramicheskom proizvodstve. [Notes on ancient Russian ceramic production]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii.* 87. pp. 108–111. [in Russian]
- Rozenfel'dt, 1997** – *Rozenfel'dt, R.L.* (1997). Domashnyaya utvar'. Keramika [Home ware. Ceramics]. *Arkheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura.* Moscow, 369 p. [in Russian]
- Rybakov, 1987** – *Rybakov, B.A.* (1987). Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, 783 p. [in Russian]
- Sadretdinova, 1992** – *Sadretdinova, G.A.* (1992). Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya [Dictionary of Russian old-time dialects of the Middle Irtysh region]. Vol. 2. Tomsk, 244 p. [in Russian]
- Sadretdinova, 1993** – *Sadretdinova, G.A.* (1993). Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya [Dictionary of Russian old-time dialects of the Middle Irtysh region]. Vol. 3. Tomsk, 356 p. [in Russian]
- Samigulov, 2007** – *Samigulov, G.Kh.* (2007). Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya russkikh poselenii Novogo vremeni Urala i Sibiri. K voprosu o metodologii issledovaniy [Historical and archaeological research of Russian settlements of the New Age in the Urals and Siberia. On the question of research methodology]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii.* Is. 4. Perm, 114 p. [in Russian]
- Skalozubov, 1895** – *Skalozubov, N.L.* (1895). Opyt obzora krest'yanskikh promyslov Tobol'skoi gubernii [An experience of reviewing peasant crafts in the Tobolsk]. Tobolsk, 106 p. [in Russian]
- Slavyanskije drevnosti., 1995** – *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1995, 584 p. [in Russian]
- Slovar' russkogo yazyka, 1982** – *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII cc.]. Bobric M.A., Degtev E.I., Derzhavina E.I. et al. Moscow, 1982, 363 p. [in Russian]
- Sobolev, 1910** – *Sobolev, M.N.* (1910). Kustarnye promysly Tomskoi gubernii [Handicrafts of the Tomsk province]. *Trudy statistiko-ekonomicheskogo otdeleniya yuridicheskogo kabineta pri imperatorskom Tomskom universitete.* 5: 50. [in Russian]
- Sopova, Tataurova, 2017** – *Sopova, K.O., Tataurova, L.V.* (2017). Sovremennye podkhody i metody v izuchenii russkoi keramiki Novogo vremeni [Contemporary approaches and methods in the study of Russian pottery of the Modern age]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk, pp. 133-140. [in Russian]
- Tataurov, 2019** – *Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S.* (2019). Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoi [Archaeological chronicle of the Tara land]. Omsk, 412 p. [in Russian]
- Tataurova, 1996** – *Tataurova, L.V.* (1996). Protseess ischeznoveniya traditsionnogo goncharstva u tatar v nizov'yakh Tary [The disappearance of traditional pottery among the Tatars in the lower reaches of the Tara]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy.* Pt. 2. Novosibirsk; Omsk, pp. 47-48. [in Russian]
- Tataurova, 1997** – *Tataurova, L.V.* (1997). Keramicheskoe proizvodstvo Nizhnei Tary v XVII-XX vekakh (po dannym arkheologii i etnografii). [Pottery production of the Lower Tara in the 17th-20th centuries (according to archeology and ethnography data)]. Omsk, 202 p. [in Russian].
- Tataurova, 1998** – *Tataurova, L.V.* (1998). Tipologiya russkoi keramiki (po etnograficheskim materialam) [Typology of Russian pottery (based on ethnographic materials)]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы : problemy kul'tury i sotsiuma.* Novosibirsk, pp. 206-218. [in Russian]
- Tataurova, 2013** – *Tataurova, L.V.* (2013). Glinyanyi gorshok kak arkhetyip v slavyano-russkoi kul'ture. [Clay pot as an archetype in Slavic-Russian culture]. *Ukrains'ka keramologiya: Natsional'nii naukovii shchorichnik. Za rik 2012. Glinyani posud u kul'turi kharchuvannya narodiv svitu.* Opishne. Is. 8, vol. 1, pp. 254-265. [in Russian].
- Tataurova i dr., 2014** – *Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tihomirov, K.N., Tihonov, S.S.* (2014). Adaptatsiya russkikh v Zapadnoj Sibiri v kontse XVI – XVIII vekah (po materialam arheologicheskikh issledovaniy). [Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th – 18th centuries (based on archaeological research)]. Omsk, 374 p. [in Russian]
- Tataurova, 2015** – *Tataurova, L.V.* (2015). O tipologii russkoi keramicheskoi posudy XVIII v. [On the typology of Russian pottery of the 18th century]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki.* Moscow, pp. 142-154. [in Russian]
- Tataurova, 2015a** – *Tataurova, L.V.* (2015). Spetsifika arkheologicheskogo istochnika Novogo vremeni [The specifics of the archaeological source of the Modern age]. *Vestnic Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 3 (36): 98-103. [in Russian].
- Toporkov, 1990** – *Toporkov, A.L.* (1990). Domashnyaya utvar' v pover'yakh i obryadakh Poles'ya. [Household ware in the beliefs and rituals of Polesie]. *Etnokul'turnye traditsii russkogo sel'skogo naseleniya XIX – nachala XX v.* Moscow, pp. 82-97. [in Russian]
- Volodina, Chernaya, 2012** – *Volodina, V.S., Chernaya, M.P.* (2012). K metodike issledovaniya russkoy srednevekovoy gorodskoy keramiki kak istoricheskogo istochnika [To the research methodology of Russian

medieval urban ceramics as a historical source]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(64): 332-336. [in Russian]

Zelenin, 1994 – Zelenin, D.K. (1994). *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture* [Selected Works. Articles about spiritual culture]. 1901–1913. Moscow, 400 p. [in Russian]

Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты

Лариса Вениаминовна Татаурова ^{a, b, *}, Кристина Олеговна Сопова ^a

^a Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музеологии, Омск, Российская Федерация

^b Национальный исследовательский Томский государственный университет, Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири, Томск, Российская Федерация

Аннотация. Керамическая посуда – самый массовый вид находок в археологических собраниях – также широко представлена в этнографических коллекциях музеев. Несмотря на это, она достаточно слабо изучена. В статье представлены результаты изучения русской археологической керамики из комплексов Нового времени и этнографической посуды из музейных коллекций в рамках единой методики. Для анализа взят наиболее представленный в коллекциях тип посуды – горшок. В процессе изучения выявлена закономерность в соотношении диаметров горшков по венчику, высоте и объему. Выделены три группы горшков: малые, средние и большие. Сделан вывод о схожести размерных характеристик выделенных групп сосудов и морфологии венчиков археологической и этнографической русской глиняной посуды. Применение единой методики выявило репрезентативную картину керамических типов, отражающую особенности метрических данных, морфологии, технологии изготовления. Для интерпретации полученных результатов проанализированы письменные источники, содержащие информацию о развитии гончарного промысла в уездах, городах и деревнях Западной Сибири XIX в. Результаты показали, что широко было развито как ремесленное, так и домашнее гончарное производство. Объем продукции исчислялся тысячами изделий в год.

Функциональное назначение размерных групп горшков выявлялось по этнографическим материалам, лингвистическим и фольклорным источникам. Зафиксирована терминологическая разница в характеристике размерных групп горшков. По этнографическим источникам прослежены функциональные особенности посуды не только в рамках повседневного, но и обрядово-ритуального использования. Эти интерпретации важны для ретроспективного анализа археологического материала.

Ключевые слова: русская археологическая и этнографическая керамика, методика, Новое время, Западная Сибирь, интерпретация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: li-sa65@mail.ru (Л.В. Татаурова), sopovaukropova@gmail.com (К.О. Сопова)

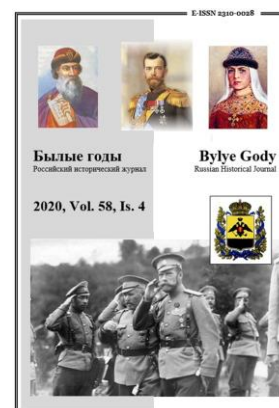
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2409-2426. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2409
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Dmitrii V. Karpukhin ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The fourth part of the series of articles is devoted to the problem of the development of the education system in the Caucasus at the end of the Russian Empire, that is, during the reign of Nicholas II after the adoption of the law of May 3, 1908, which changed the approach to the primary education system. Thus, the chronological framework of the study is 1908–1917. The geographical scope is limited to the territory of the Tiflis governorate, but statistics are also provided and a general analysis of the situation in the education system of the Caucasian district as a whole is made. Such documents as the Complete collection of laws of the Russian Empire, acts of the Caucasian archeographic commission, reports of the Trustees of the Caucasian educational district for 1908–1914, etc. were used as sources. The article also examines the conflicting opinions about the law of May 3, 1908 in Russian and foreign historiography.

The paper provides statistics on the average (male and female gymnasiums, real and technical schools and teacher's seminaries) and elementary (lower technical school, higher primary and city schools, mountain school, elementary and industrial schools, procedural courses, classes, and women's vocational schools, etc.) educational institutions (as Tiflis province and district) based on criteria such as the number of schools, classrooms, employees and students, the value of the library collection (both fundamental and student libraries of educational institutions), as well as the amount of funding for each type of institution. Separate statistics contain tables on the gender ratio of students, as well as class, religious and ethnic distribution.

It also highlights the advantages and disadvantages of the governorate's educational system in comparison with other regions of the Caucasus educational district, as well as its individual educational institutions.

Based on the analysis of statistical data, the conclusions are drawn about the development of the education system in the district as a whole, and in the Tiflis governorate in particular, as well as about the problems and achievements that were achieved by the administration and the government during this period.

Keywords: Russian educational system, Tiflis governorate, education in the imperial period in Tiflis governorate, pre-revolutionary educational system, public educational system.

В работе приводится статистика по средним (мужским и женским гимназиям, реальным и техническим училищам, а также учительским семинариям) и начальным (низшее техническое училище, высшие начальные и городские училища, горские школы, начальные и промышленные училища, процессуальные курсы, классы и женские профессиональные училища и др.) учебным заведениям (как Тифлисской губернии, так и округа) по таким критериям, как количество учебных

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

заведений, классов, служащих и учащихся, стоимость библиотечного фонда (как фундаментальных, так и ученических библиотек образовательных организаций), а также объемов финансирования каждого типа учреждений. В отдельную статистику сведены таблицы по гендерному соотношению учащихся, а также сословному, конфессиональному и этническому распределению.

1. Введение

Как указывалось нами в первой и второй частях данной серии статей ([Mamadaliyev et al., 2020](#); [Mamadaliyev et al., 2020a](#); [Mamadaliyev et al., 2020b](#)), некоторые исследователи процесс внедрения российской образовательной системы на Кавказе справедливо делят на соответствующие этапы; в частности, период завершения процесса интеграции учебных заведений Кавказа в систему народного просвещения Российской империи приходится на 1872–1917 гг. ([Shevchenko et al., 2016: 364](#)). Как было указано в части 3 нашей работы, принципы правления трех последних императоров различались весьма сильно. Более того, 22-летнее правление Николая II (1894–1917) имеет ярко выраженные периоды, которое обычно делят на два: до и после революции 1905–1907 годов. Учитывая демографический взрыв в южных регионах в конце XIX – начале XX веков и понимая необходимость расширения «образовательного» охвата, правительство Николая II принимает закон от 3 мая 1908 года «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования».

В этой, четвертой по счету и заключительной части нашей работы, мы рассмотрим развитие системы образования после принятия указанного закона, который фактически ввел всеобщее начальное образование в Российской империи; соответственно хронологические рамки данной статьи – 1908–1917 годы.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили положения, указы и прочие документы монаршей власти, регламентирующие работу образовательной системы, а также дореволюционные статистические отчеты.

Подробный анализ источниковой базы был дан в первой части нашей работы; из указанных в ней источников мы использовали Полное собрание законов Российской Империи ([ПСЗРИ](#)).

Также традиционно были использованы отчеты попечителя Кавказского учебного округа за 1908–1914 годы ([Отчет попечителя, 1907](#); [Отчет попечителя, 1908](#); [Отчет попечителя, 1909](#); [Отчет попечителя, 1910](#); [Отчет попечителя, 1911](#); [Отчет попечителя, 1912](#); [Отчет попечителя, 1913](#); [Отчет попечителя, 1914](#)).

В данной статье мы апеллировали и к другим источникам, однако в рамках данной работы уделять их описанию сколь-либо пристальное внимание не считаем целесообразным.

3. Обсуждение

Подробный историографический обзор нами был сделан в предыдущих частях исследования. Кратко отметим лишь, что мы использовали работы С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902» ([Исторический обзор, 1902](#)), П. Зажаева «Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе» ([Зажаев, 1909](#)), С.В. Фарфоровского об интеграции кочующих народов Кавказа в общегосударственную систему образования ([Фарфоровский, 1909](#); [1912](#)), А.А. Богоявленского о развитии библиотечного дела в Кавказском учебном округе ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#); [Богоявленский, 1912c](#); [Богоявленский, 1913](#)) и др. Среди работ советского периода в рамках нашей темы были проанализированы «Материалы по истории осетинского народа» (составитель В.С. Гальцев) и статьи сборника «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма: малоисследованные проблемы и источники» ([Народное образование, 1980](#)), применительно к началу XX века. Из современных работ были исследованы статьи А.А. Черкасова ([Cherkasov, 2011](#)), Н.А. Шевченко, Е.В. Видищевой, О.В. Емельяновой ([Shevchenko et al., 2016](#)), О.В. Натолочной, Н.И. Крюковой, С.И. Буслеева ([Natolochnaya et al., 2016](#)), Л.С. Гатаговой ([Гатагова, 1993](#)), Е.И. Кобахидзе ([Кобахидзе, 2015](#)), И. Шиукашвили, М. Гогитидзе ([Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#)) и др.

4. Результаты

Как было указано в предыдущих статьях данной серии, географические рамки исследования – Тифлисская губерния, созданная как административная единица в 1846 году и просуществовавшая вплоть до свержения монархии в 1917 году. Крупнейшим населенным пунктом был ее административный центр – город Тифлис с его 160-тысячным населением (согласно переписи населения 1897 года), по названию которого и стал именоваться регион; он был более чем в 10 раз крупнее любого другого населенного пункта губернии и являлся ее безальтернативным «лидером». Хронологические рамки, как было указано выше, – 1908–1917 годы, то есть период завершения интеграции учебных заведений Кавказа (1872–1917 гг.; [Shevchenko et al., 2016: 364](#)) в систему

народного просвещения Российской империи после принятия закона от 3 мая 1908 года. Таким образом, данная статья является завершающей в серии.

В научной (Лисюнин, 2011; Голикова, Волчек и др.) и околонаучной (Бразоль, 1959 и др.) литературе, а также на различных интернет-площадках (см., например, Лисюнин и др.) идет достаточно ожесточенная дискуссия о том, следует ли закон от 3 мая 1908 года «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» считать началом бесплатного общеобразовательного образования в Российской империи.

Так, в статье Бориса Бразоля «Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (1894–1917 гг.)», отмечается, что «...первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным» (Бразоль, 1959). О.А. Голикова и В.А. Волчек в статье, посвященной развитию сети всеобщего начального обучения в Томской губернии в начале XX века, указывают, что «...правительством был издан закон 3 мая 1908 г., положивший начало введения всеобщего образования в России. Он определял ряд важных моментов:

- все дети обоого пола по достижению школьного возраста должны получить бесплатное начальное образование;

- срок обучения в начальной школе должен составлять 4 года;

- на одного учителя должно было приходиться 50 детей;

- ответственность за открытие необходимых училищ возлагались на органы местного самоуправления под руководством и надзором Министерства народного просвещения;

- Министерство должно было решить вопрос о финансировании новых учебных заведений» (Голикова, Волчек).

В. Лисюнин в статье «Православное духовенство и система народного образования в конце XIX – начале XX вв. на примере Тамбовской епархии», размещенной на интернет-площадке, полагал, что закон предусматривал переход к всеобщему образованию в течение последующих десяти лет: «Участие духовенства в системе народного образования активизировалось после выхода закона 3 мая 1908 г. о постепенном (в течение 10 лет) введении всеобщего обязательного начального образования» (Лисюнин).

Чтобы не сложилось впечатления предвзятости, считаем уместным не апеллировать к отдельным извлечениям закона, а процитировать данный нормативный акт полностью, благо большим объемом он не обладает:

«Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон (Собр. узак. 1908 г. мая 23, отд. I, ст. 447) – Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Быть по сему». В Царском Селе. 3 мая 1908 года. Скрепил: Государственный Секретарь Барон Икскуль.

Отпускать, с 1 января 1908 года, по шести миллионов девятисот тысяч рублей в год по смете Министерства народного просвещения на нужды начального образования, сверх сумм, ассигнуемых на сей предмет в настоящее время, с тем, чтобы расходование этого кредита производилось Министром Народного Просвещения на указанных ниже (ст. 1–6) основаниях.

1. Пособия из кредита в 6.900.000 рублей в год на нужды начального образования предназначаются для местностей, где выяснится особый недостаток в училищах или в средствах на поддержание и дальнейшее расширение начального образования.

2. Размер пособий из означенного в статье 1 кредита в губерниях и областях, в которых не введено положение о земских учреждениях, определяется для одноклассных и двухклассных училищ примечанием к пункту 1 статьи 3424 Уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (Свода Зак., т. XI, ч. 1, по Прод. 1906 г.).

3. Пособия из означенного в статье 1 кредита отпускаются отдельным земским и городским органам самоуправления и сельским обществам на выдачу содержания учащим в начальных училищах, как существующих, так и вновь открываемых, в размере 390 рублей на 50 детей школьного возраста (от 8 до 11 лет), считая жалованье учителю в год не менее 360 рублей и законоучителю (на 100 детей школьного возраста) не менее 60 рублей.

4. Означенные в статье 3 пособия выдаются лишь тем земским и городским органам самоуправления и сельским обществам, которые обяжутся продолжать расходовать освободившиеся вследствие получения казенных пособий суммы на содержание начальных училищ, на строительные надобности, на выдачу дополнительного содержания учащим и на другие нужды начальных училищ.

5. Из означенного в статье 1 кредита в 1908 году обращается на выдачу пособий для единовременных расходов по постройке училищных зданий и оборудованию училищ один миллион девятьсот тысяч рублей. На эту же надобность обращаются остатки, могущие образоваться от кредита в 5.000.000 рублей, предназначенного в 1908 году на расходы по содержанию училищ, вследствие их открытия не с начала гражданского года.

6. Во всех начальных училищах, получающих пособие из означенного в статье 1 кредита, обучение должно быть бесплатным» (ПСЗРИ, 1911: 228–229).

Как видим, процитированный закон весьма сильно отличается от законов о ликбезе. Какие выводы мы можем сделать?

Во-первых, приведенный нормативный акт никоим образом не оговаривает общеобязательность. Его несомненный плюс – он в истинно демократическом духе дает возможность подданным самим решать вопрос о целесообразности получения грамотности.

Во-вторых, в ст. 1 и 4–5 Закона четко прослеживается целевая ориентация выделяемых денег. В рамках данного нормативного акта, к сожалению, не было никаких уточнений; с одной стороны, подобная расширительная трактовка создавала почву для злоупотреблений, но с другой – она давала свободу министру народного просвещения и местным чиновникам, которые могли сами решать, какой регион и какие заведения нуждаются в дополнительном финансировании. Соответственно, администрация несла ответственность (вплоть до уголовной) за «нецелевое» использование бюджетных средств.

В-третьих, закон делает ставку на доступность образования в начальных училищах, прямо указывая на это в завершающей, 6-й статье. Авторы говорят о «вседоступности» образования, с чем мы в самых общих чертах можем согласиться. Поясним нашу позицию: говорить о всеобщности можно лишь с фактической точки зрения, а именно – с ориентацией на условия, каковые создавала власть для того, чтобы каждый человек мог получить тот уровень образования, который он желает. С этой позиции, на наш взгляд, можно в целом признать дореволюционное образование после принятия закона от 3 мая 1908 года всеобщим.

Изучив требования законодателя, попробуем на основе отчетов попечителя Кавказского учебного округа проанализировать практические результаты организационной деятельности в образовательной сфере.

По состоянию на 1 января 1908 года в округе насчитывалось 18 мужских гимназий и 7 четырехклассных прогимназий, не считая двух частных (дворянских) гимназий в Кутаисе и Тифлисе. Также в Тифлисе 4-классная прогимназия была преобразована в 6-классную. В целом, по состоянию на начало 1908 года в Тифлисской губернии насчитывалось 6 мужских гимназий и прогимназий: четыре гимназии и одна 6-классная прогимназия в Тифлисе и одна 4-классная прогимназия в г. Гори ([Отчет попечителя, 1908: 1](#)). Вместе с тем, как докладывает Н.К. Рудольф, «...несмотря на то, что за последние годы число мужских средних учебных заведений в Округе значительно увеличилось, потребность населения в среднем образовании далеко не может считаться удовлетворительной. Ходатайства об открытии средних учебных заведений поступают все чаще и чаще: так, об открытии средних учебных заведений ходатайствует население Ахалциха, Сигнаха, Телава, Зугдид, Самтреди, Акулис, Нахичевани, Нухи, Гудаут, Герюсов, сел. Петровского (Ставропольской губ.), Кизляра, Моздока, Туапсе и многих станиц Кубанского казачьего войска». Напомним, что первые три указанных населенных пункта находились в Тифлисской губернии и имели значительное население (перепись 1897 года: Ахалцих – 15,5 тыс., г. Телав – 14 тыс., г. Сигнах – 9 тыс.), поэтому ходатайства следует признать справедливыми. Средний возраст выпускников уменьшился на 1 год (19 против 20), «что до некоторой степени объясняется тем, что в истекшем году окончили курс многие из числа таких учеников, которые, с отменой распоряжений о сверстничестве, проходили курс гимназии форсированно, выходя из гимназий и подвергаясь затем экзаменам в классе, высший их нормальной очереди» ([Отчет попечителя, 1908: 27](#)).

В отчетах также поднимается вопрос о недостатке педагогического состава в мужских гимназиях и прогимназиях: «Наблюдаемый в последние годы недостаток преподавателей ощущался, и весьма сильно, и в отчетном году» ([Отчет попечителя, 1908: 10](#)).

Однако к 1915 году недостаток в количестве служащих во многом исправили. Рост административно-управляющего и преподавательского состава наблюдался каждый год и в каждом типе учебных заведений. Общее количество служащих выросло с 2523 чел. в 1908 году¹ до 3819 к 1915 году ([Отчет попечителя, 1907: 9, 34, 59, 90; Отчет попечителя, 1908: 10, 45-46, 76, 108; Отчет попечителя, 1909: 11, 43, 71, 107; Отчет попечителя, 1910: 26, 55, 102, 129; Отчет попечителя, 1911: 29, 58, 102, 136; Отчет попечителя, 1912: 16, 33, 59, 78; Отчет попечителя, 1913: 15, 29, 53, 69; Отчет попечителя, 1914: 22, 38, 67, 80](#)): рост составил 1,5 раза.² Таким образом, согласно данному критерию развития системы образования, можно констатировать, во-первых, количественный рост, во-вторых – постоянность (стабильность) этого роста. Отметим еще и третий момент: подобная стабильность в увеличении роста служащих образовательной системы была бы невозможной без достойного вознаграждения за труд.

Другой критерий – увеличение расходов на содержание средних учебных заведений в округе – и вовсе вырос почти двукратно: ассигнования на развитие среднего образования с 1907 по 1914 годы были увеличены в 1,9 раза – с 3781,2 тыс. руб. до 7221,3 тыс. руб.! ([Отчет попечителя, 1907: 24, 47, 74, 92; Отчет попечителя, 1908: 31, 62, 92, 127; Отчет попечителя, 1909: 28, 58, 88, 121; Отчет попечителя, 1910: 43, 69, 119, 144; Отчет попечителя, 1911: 46, 72, 116, 153; Отчет попечителя, 1912: 26, 42, 68, 89;](#)

¹ Статистика приводится на 1 января указанного года.

² Здесь и далее применительно к средним учебным заведениям в статистический анализ включены лишь наиболее многочисленные типы учебных заведений, а именно: мужские и женские гимназии и прогимназии, реальные училища и учительские семинарии.

Отчет попечителя, 1913: 23, 36, 63, 76; Отчет попечителя, 1914: 32, 46, 72, 89). Безусловно, расходы на образование (как и другие сферы государства) необходимо неразрывно связывать с уровнем инфляции. И несмотря на то, что русско-японская война очень больно ударила по экономике России, реформа С.Ю. Витте сделала золотой рубль конца XIX – начала XX веков одной из наиболее «крепких» валют в мире и, вероятно, наиболее стабильной валютой в новой и новейшей истории российского государства. Таким образом, с 1908 по 1915 годы инфляция практически отсутствовала, и даже в предвоенный 1913-й и «военную» вторую половину 1914-го года правительство могло удерживать номинальную и реальную денежные массы на одном уровне (1915-й и 1916-й же годы стали «инфляционными», что также стало одной из причин революции и развала империи). Следовательно, расходы на образование никак нельзя признать «дутыми» – они вполне отражали реальную тенденцию качественного и количественного усиления образовательной системы России.

Соответствующим образом (почти в 1,6 раза) выросла и стоимость библиотечного фонда – с 609,4 тыс. руб. до 973,7 тыс. руб. (Отчет попечителя, 1907: 5, 31, 56, 87; Отчет попечителя, 1908: 6-7, 41-42, 72, 106; Отчет попечителя, 1909: 6-7, 38-39, 67-68, 106; Отчет попечителя, 1910: 21, 51, 100, 126-127; Отчет попечителя, 1911: 25, 54-55, 98-99, 133-134; Отчет попечителя, 1912: 13-14, 31, 57-58, 77; Отчет попечителя, 1913: 13, 27, 52, 67; Отчет попечителя, 1914: 20, 36, 65-66, 78).

Стоимость библиотечного фонда, как и количество томов и наименований, напрямую говорят не только о количественных показателях, но и о качестве образовательной деятельности. Количество библиотечного фонда росло с каждым годом во всех типах учебных заведений, причем без каких-либо исключений (отдельные заведения мы не берем, оценивая только в совокупности). Образцовой в этом плане на протяжении многих лет была 1-я Тифлисская гимназия как наиболее крупное среднее учебное заведение в Кавказском учебном округе: так, по состоянию на 31 декабря 1908 года она имела пособий в количестве 4981 шт. на сумму в 25 689 руб. (Отчет попечителя, 1908: 8). Однако к 1911 году тенденция изменилась и наиболее «ценной» стала Эриванская гимназия с фондом стоимостью в 24 492 руб., в то время как цена фундаментальной библиотеки Тифлиской губернии снизилась до 22 428 руб. (Отчет попечителя, 1910: 21), что, видимо, объясняется передачей части томов в другие учебные заведения, а также утилизацией в связи с ветхостью. Однако среди ученических библиотек 1-я Тифлисская по-прежнему была наиболее богатой на протяжении всего анализируемого периода еще с 60-х годов XIX века: «богаче других была по-прежнему (ученическая – Авт.) библиотека Тифлиской 1-й гимназии (4.043 названия, 6.179 томов, на 11.591 руб.)» (Отчет попечителя, 1914: 21) (орфография источника сохранена – Авт.).

Среди женских учебных заведений в округе также лидировала 1-я женская Тифлисская гимназия с фондом в 4107 наименований в 9615 томах на сумму в 14800 руб.; разрыв по качеству был впечатляющим, так как располагавшаяся на втором месте Бакинская Мариинская гимназия имела библиотечный фонд почти в два раза меньше – 2471 название при 5767 томах на сумму 9029 руб. (Отчет попечителя, 1908: 72).

Такое положение дел представляется вполне закономерным: г. Тифлис (да и Тифлисская губерния в целом) еще с момента создания Кавказского учебного округа был «образовательной столицей» региона, поэтому его «классические» образовательные учреждения имели лучшее материально-техническое оснащение.

Несколько слов необходимо сказать о Тифлиском учительском институте, который уже не был монополистом в округе: в 1914 году аналогичные учреждения действовали в Ставрополе и Владикавказе. Однако Тифлиский институт по-прежнему был наиболее крупным, имея в своем распоряжении четыре класса против трех в ставропольском и двух во владикавказском. Логично, что и библиотечный фонд его был наиболее богатым и к началу 1915 года включал в себя 7 828 названий при 11 866 томах (Отчет попечителя, 1914: 59).

Сразу отметим, что единичные учебные заведения Тифлиской губернии (например, Мариинское женское училище в г. Сигнах) мы в статистике не приводим по причине малого количества учеников в них и отсутствия сколь-либо значительного влияния на общую картину развития образования в регионе.

Некоторые «промежуточные» между средним и начальным уровнем типы учебных заведений мы условно относим к нижней границе – то есть к начальному уровню образования. Отнесение какого-либо типа учебного учреждения (или даже отдельно взятого заведения, в частности какого-либо профессионального курса или уже упомянутого Сигнахского Мариинского женского училища) к определенному уровню образования применительно к дореволюционной России представляет значительную сложность и вызывает дискуссии даже в научном сообществе. В силу этого к средним учебным заведениям мы отнесли только те, которые в отчетах попечителей «напрямую» относят к средним, а именно: все гимназии и прогимназии (как мужские, так и женские), реальные училища и имевшееся в «единственном экземпляре» Бакинское среднее техническое училище, учительские семинарии и Тифлиский учительский институт. Остальные анализируемые учебные заведения (Мариинские женские училища, высшие начальные и городские училища, женские профессиональные училища, промышленные училища, а также частные учебные заведения и профессиональные курсы и классы) мы условно будем относить к начальному уровню образования,

так как среди типов образовательных организаций встречаются и так называемые низшие учебные заведения (в частности, майкопское низшее техническое училище), термины «низшее» и «начальное» в данной работе мы будем считать синонимичными.

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года) (Отчет попечителя, 1907: 1, 27, 50, 77, 85, 129; Отчет попечителя, 1908: 1, 35, 66, 93, 103, 120; Отчет попечителя, 1909: 1, 32, 62, 94, 101, 124; Отчет попечителя, 1910: 15, 47, 72, 89, 97, 121; Отчет попечителя, 1911: 19, 50, 76, 93, 120, 131; Отчет попечителя, 1912: 10, 29, 44, 54, 71, 76; Отчет попечителя, 1913: 10, 27, 38, 47, 51, 64; Отчет попечителя, 1914: 16, 34, 48, 59, 65, 74)

Годы	Тип учебных заведений								Общее количество	Количество учащихся	
	Гимназии		Прогимназии		Реальные училища	Учительский институт	Среднее техническое училище	Учительские семинарии		Мальчики	Девочки
	Мужские	Женские	Мужские	Женские							
1908	18	33	7	10 (12 ¹)	16	1	1	5	93	18108	16670
1909	19	35	8	10 ²	18	1	1	7	99	18120	17083
1910	19	38	8	7	20	1	1	7	103	19202	17477
1911	23	40	10	5	20	1	1	8	108	20122	18180
1912	23	41	12	8	25	1	1	8	117	21416	19386
1913	26	44	14	10	25	2 ³	1	9	131	22776 ⁴	20539
1914	28	44	12	14	25	3 ⁵	1	9	136	23868 ⁶	22148
1915	32	56	10	6	25	3	1	9	142	24088 ⁷	23264

Прежде всего необходимо отметить новые тенденции в женском образовании. Во-первых, это касается количества женских и мужских гимназий: как и требовали попечители Кавказского учебного округа середины XIX века, женское гимназическое образование не только ни в чем не уступало мужскому, но по количеству заведений (а также и классов, и учащихся и пр.) значительно

¹ В скобках указаны учебные заведения, которые юридически не были прогимназиями, но фактически являлись таковыми, так как имели соответствующий курс подготовки (напр., некоторые женские заведения св. Нины с курсом прогимназий).

² Уменьшение числа прогимназий обусловлено переходом двух в число гимназий с соответствующим курсом подготовки.

³ С 1 июля 1912 года в Ставрополе был открыт второй учительский институт, наряду с Тифлиским. Однако количество его учащихся было невелико и, по нашему мнению, он значительного влияния на исследуемую нами статистику не оказал. Поэтому указывать его в приведенных ниже таблицах мы считаем нецелесообразным.

⁴ Данные неполные, так как в отчете попечителя за 1912 год по гимназии в г. Сочи нет информации об учащихся-девочках.

⁵ 1 июля 1913 года был открыт учительский институт в г. Ставрополе. По аналогии с вышеназванным институтом в статистику он не включен.

⁶ Данные неполные, так как в отчете попечителя за 1913 год по гимназии в г. Сочи нет информации об учащихся-девочках.

⁷ Данные неполные, так как в отчете попечителя за 1914 год по гимназии в г. Сочи нет информации об учащихся-девочках.

превосходило мужское. Во-вторых, это активное преобразование прогимназий в гимназии; что по факту означало увеличение курса обучения и, соответственно, значительно более качественное или, с позволения сказать, «более фундаментальное» образование, которое было выше уровнем и фактически, и юридически. Общее количество средних учебных заведений выросло в 1,5 раза.

Нельзя не отметить своеобразный «рывок» 1914 года в женском гимназическом образовании, который состоялся, как ни странно, в военное время (!) – началась тяжелая для России Первая мировая война, которая, по нашему мнению, стала одной из главных причин падения империи. Так, число женских гимназий (и заведений с курсом гимназии) увеличилось на 14 заведений, в том числе за счет прогимназий. Результатом этого стал факт того, что в Кавказском учебном округе к 1915 году количество учащихся девочек в средних учебных заведениях стало практически столько же, сколько и мальчиков.

Еще один факт, который надо отнести в пользу учебной администрации округа – это стабильный рост учебных заведений. Не было ни одного года в период с 1908 по 1915 годы, в который не росло бы общее количество учебных заведений, а за весь период их число увеличилось более чем в полтора раза – с 93-х до 142-х.

Применительно к Тифлисской губернии отметим тот факт, что к середине второго десятилетия XX века в Кавказском учебном округе лидирующие позиции Тифлиса в сфере образования уже не были такими явными, как это было, к примеру, в конце XIX века. «Образовательный рост» гг. Гори, Баку, Эривани и других городов округа был впечатляющим, хотя даже к 1917 году Тифлис все равно сохранил первенство в этом плане.

Анализ гендерного соотношения показывает, что к концу исследуемого хронологического периода количество учащихся мальчиков и девочек практически сравнялось. Отметим, что процесс «усиления» «женского образования» в России начался задолго до 1908 года – в середине второй половины XIX века, – и теперь наглядно проявился его результат: каждый последующий год, понемногу, но стабильно, соотношение учеников и учениц все более «выравнивалось».

Что касается количества учащихся, то в абсолютном большинстве случаев мы снова наблюдаем стабильный рост на протяжении всего исследуемого периода: с 34778 в 1908 г. до 47352 в 1915 г. (Отчет попечителя, 1907: 14, 38, 63, 92; Отчет попечителя, 1908: 17, 50, 80, 110; Отчет попечителя, 1909: 16, 47, 75, 109; Отчет попечителя, 1910: 30, 58, 104, 132; Отчет попечителя, 1911: 33, 62, 105, 138; Отчет попечителя, 1912: 18, 35, 61, 79; Отчет попечителя, 1913: 17, 30, 54, 70; Отчет попечителя, 1914: 25, 40, 68, 81). Исключения составляют реальные училища. Уменьшение числа учащихся в них в 1909 году «объясняется установлением обязательной численной нормы учащихся для класса и несколько увеличившимся числом выбывших до окончания курса» (Отчет попечителя, 1908: 51). То же произошло и в 1914 году: количество учащихся реальных училищ на 1 января 1915 года уменьшилось с 8433 (Отчет попечителя, 1913: 30) в сравнении с предыдущим годом до 8310 человек (Отчет попечителя, 1914: 40), однако на этот раз причины уменьшения в отчете никак не оговариваются; мы предполагаем, что это также связано с началом Первой мировой войны, так как учащиеся реальных училищ были мужского пола. Более того, умышленно или случайно, либо по каким-либо другим неизвестным нам причинам, в отчете 1914 года применительно к описанному случаю наблюдается неточность. В частности, он указывает, что «...к 1 января 1915 года в 25 реальных училищах Округа состояло 8310 учащихся, на 21 менее, чем в предыдущем году» (Отчет попечителя, 1914: 40), в то время как в отчете 1913 года говорится: «К 1 января 1914 года в 25 реальных училищах Округа состояло 8.433 учащихся...» (Отчет попечителя, 1913: 30).

Вместе с тем нельзя не отметить, что рост количества учебных заведений значительно опережал рост количества учащихся, что, вероятно, было сделано «на перспективу». Так, с 1908 по 1915 год количество учащихся увеличилось в 1,36 раз, а количество учреждений – в 1,53 раза. Не исключено, что, «испугавшись» бурного демографического роста конца XIX – начала XX веков, правительство решило действовать либо превентивно, либо не успело перестроиться под новые социальные реалии.

Таблица 2. Этническое распределение учащихся средних учебных заведений Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел. (Отчет попечителя, 1907: 16, 39, 74, 92; Отчет попечителя, 1908: 19, 51, 82, 110-111; Отчет попечителя, 1909: 17, 48, 77, 109-110; Отчет попечителя, 1910: 35, 63, 104-105, 134; Отчет попечителя, 1911: 33, 62, 107, 138; Отчет попечителя, 1912: 19, 36, 62, 80; Отчет попечителя, 1913: 18, 31, 54, 71; Отчет попечителя, 1914: 26, 41, 68, 82)

Годы	Русские	Грузины	Армяне	Татары	Горцы	Другие национальности
1908	16702	5836	6837	1125	672	2897

1909	17365	4890	7572	1139	788	3449
1910	18358	4907	7726	1202	810	3696
1911	18827	5111	8035	1372	1055	3902
1912	29893	5186	8224	1319	864	4316
1913	22590	5437	8655	1390	985	2404
1914	24175	5556	9170	1447	965	4703
1915	25413	5791	9098	474	945	4621

Как видно из приведенных в [Таблице 2](#) данных, среди учащихся всех типов учебных заведений преобладало русское население.

Для наглядного понимания этнического соотношения учащихся округа и предпочитаемого учебного заведения, мы приводим соответствующую статистику по каждому типу учреждений.

Общее «второе место» по количеству учащихся занимает армянское население, причем такая тенденция видна на протяжении всех восьми анализируемых нами лет. Вместе с тем в конце первого десятилетия XX века данное утверждение не будет справедливым для женских гимназий: грузинское население тут первоначально представлено наравне с армянским. Однако по мере развития сети гимназий в округе количество гимназисток-грузинок постепенно увеличивается в количественном, но сокращается в процентном соотношении. Это напрямую связано с открытием новых гимназий в Эриванской губернии, в то время как «пик» открытия новых гимназий в главной «грузинской» губернии – Тифлисской – пришелся на конец 1890-х – начало 1900-х годов. Похожая ситуация складывается и по другим национальностям: например, открытие новых заведений на территории Черноморского казачьего войска предопределило увеличение с 1908 года учащихся «других национальностей». Немаловажную роль в этом играл и закон от 3 мая 1908 года, «косвенно» «ориентирующий» администрацию от сферы образования открывать учебные заведения именно там, где в них особенно нуждались.

Нельзя не отметить и еще одну особенность: аборигенные народы больше тяготели к техническому образованию, лучше понимая его выгоды. В частности, в реальных училищах соотношение горцев и татар к русским учащимся было значительно меньше, чем, к примеру, в гимназиях или учительских семинариях.

Что касается непосредственно Тифлисской губернии, то мужские гимназии в Тифлисе не теряли первенствующие места по количеству учащихся: так, 1-я, 2-я и 3-я тифлисские гимназии насчитывали в своих рядах соответственно 717, 729 и 630 учеников, в то время как располагающаяся в лидерах Бакинская мужская гимназия имела 763 ученика – отрыв, как видим, минимальный. Зато по количеству гимназий Тифлис по-прежнему прочно удерживал первенство, являясь «образовательной столицей» Кавказского учебного округа. Также классы тифлисских гимназий были наиболее крупными в округе и начитывали к 1915 году до 41 учащегося (средний по округу показатель – 32 ученика) ([Отчет попечителя, 1914: 25-26](#)).

Не включенный в статистику Тифлисский учительский институт насчитывал к 1915 году 124 ученика, большинство из которых были русскими по национальности ([Отчет попечителя, 1914: 61](#)).

Наконец, анализируя приведенную статистику, нельзя не отметить и еще одну особенность – процентное соотношение между этническими представителями в каждом типе учебного заведения с годами менялось совсем незначительно: вероятно, это связано с тем, что в семьях и родах (да и, пожалуй, даже в определенных населенных пунктах в целом) в зависимости от национальности закладывалась определенная «образовательная» традиция, которой учащиеся и их родители старались придерживаться.

Как видим, прежде всего, налицо огромная разница обучающихся мусульман-мальчиков и мусульманок-девушек. Можно констатировать, что в этом случае вероисповедание и соответствующий стереотип сознания накладывал заметный отпечаток: женщина считалась «хранительницей очага», главными функциями которой в семье были сугубо воспитательные и хозяйственно-бытовые; мужчина же был главным и единственным «добытчиком» средств к существованию и, с позволения сказать, «монопольно» «имел право» на получение образования. В учительских женских семинариях количество мусульманок также было очень невелико.

Таблица 3. Распределение учащихся по вероисповеданиям в средних учебных заведениях Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел. (Отчет попечителя, 1907: 15, 39,74, 92; Отчет попечителя, 1908: 19, 50, 82, 111; Отчет попечителя, 1909: 18, 48, 77, 110; Отчет попечителя, 1910: 32-33, 60, 105, 134-135; Отчет попечителя, 1911: 35, 63, 107, 139; Отчет попечителя, 1912: 19, 36, 62, 80; Отчет попечителя, 1913: 18, 31, 55, 70; Отчет попечителя, 1914: 26, 40, 69, 83)

Годы	Православные	Католики	Армяно-григорианцы	Иные христианские вероисповедание	Иудеи	Мусульмане	Иные нехристианские вероисповедания
1908	22127	1078	7455	732	1786	1545	55
1909	22450	1085	7246	815	1759	1601	47
1910	23545	1088	7570	833	1851	1765	42
1911	24510	1172	7808	889	1904	1918	67
1912	26623	1193	8035	997	1953	1870	111
1913	28437	1294	8452	1059	2005	1973	110
1914	30314	1342	8940	1130	3098	2067	125
1915	31485	1303	9070	1101	2121	2101	142

Как и в случае с этническим критерием, конфессиональный критерий всецело подтверждает многолетнюю стабильность в пропорциональных соотношениях учащихся между представителями разных религий. Следует отметить, что этнический критерий в большинстве случаев «совпадал» и с конфессиональным: например, православными были представители русской и грузинской национальностей, иудеями – еврейской национальности, армяно-григорианской церкви – армянской национальности, а магометанской (мусульманской) религии – горские народы. Таким образом, мы видим четкую взаимосвязь в «образовательных предпочтениях» между конфессиональным и этническим критериями.

Таким образом, представителей католической и иудейской религий мужского пола в процентном соотношении было больше в классических («гуманитарных») гимназиях, в то время как представители армяно-григорианской и исламской религии предпочитали учиться в реальных («технических») училищах; представители православных христиан были представлены в относительно стабильном соотношении к представителям других конфессий в каждом типе образовательного учреждения. Еще одна интересная деталь – детей католиков и иудеев практически не было в учительских семинариях. Так, начиная с 1911 года представителей католического вероисповедания в семинариях не было вовсе (до этого – 1–2 человека, см. табл. 8); представителей иудаизма, наоборот, не наблюдалось до 1911 года, и за исключением 1913 года (не было представителей) учился всего 1 ученик (соответствующие ссылки на источники указаны в заголовке [Таблицы 8](#), поэтому дублировать их здесь считаем нецелесообразным).

В Тифлисской губернии с преимущественно грузинским и русским населением преобладала православная вера.

Главная тенденция, которая видна при анализе учащихся по сословному критерию – это увеличение числа выходцев из непривилегированных сословий и уменьшение детей потомственных дворян в процентном соотношении от общего количества учащихся. Это, на наш взгляд, прямо говорит об увеличении охвата образованием, так как еще несколько десятилетий назад

даже гимназическое (т.е. среднее) образование было уделом обеспеченных семей. Ныне же мы наблюдаем значительный рост земледельческих сословий – казаков и крестьян. Особенно внушительным оказался рост казачьего сословия среди соискателей среднего образования: количество учащихся с 1908 по 1915 выросло в 3,4 раза! (соответствующие ссылки на источники указаны в заголовке [Таблицы 9](#), поэтому дублировать их здесь считаем нецелесообразным). Интересная особенность: потомственные аристократы (третий столбец табл. 9) в процентном соотношении к другим сословиям были представлены в весьма близких значениях, что говорит об отсутствии четкой целевой «традиции» (речь идет, разумеется, применительно к среднему образованию; потомственная аристократия прежде всего предпочитала высшее военное образование для мальчиков и частное (или гувернерское) – для девочек). В мужских гимназиях «сословную основу» учащихся составляли дети мещан, городских чиновников, рабочих, а также «личных» дворян. В реальных училищах дети чиновников и рабочих по-прежнему составляли большинство, однако на «второе место» выходят дети крестьян, что также может говорить о реальной доступности образования для всех сословий. И, наконец, в учительских семинариях большинство учащихся было из казацкого сословия и крестьян, что свидетельствует не только о престижности данной профессии, но и понимании населением того факта, что образование является насущной необходимостью в современных научно-технических реалиях.

Таблица 4. Сословное распределение учащихся средних учебных заведений Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел. ([Отчет попечителя, 1907: 15-16, 39, 74, 92](#); [Отчет попечителя, 1908: 19, 51, 82-83, 110](#); [Отчет попечителя, 1909: 18, 48-49, 75, 110](#); [Отчет попечителя, 1910: 33, 60, 105, 135](#); [Отчет попечителя, 1911: 35-36, 64, 107-108, 138](#); [Отчет попечителя, 1912: 19-20, 36, 62, 80](#); [Отчет попечителя, 1913: 18, 31, 55, 70](#); [Отчет попечителя, 1914: 26, 41, 69, 81](#))

Годы	Дети потомственных дворян	Дети личных дворян и чиновников	Дети лиц духовного звания	Дети почетных граждан и купцов	Дети мещан и цеховых рабочих	Дети казаков	Дети крестьян	Иностранцы	Прочие
1908	3041	8324	1273	4131	10756	1474	4525	337	917
1909	2514	7977	1342	4243	11078	1740	4875	322	632
1910	3332	7924	1388	4244	11483	1930	5462	313	623
1911	3397	9162	1476	4222	11885	2208	5923	358	761
1912	3397	9162	1476	4222	11885	2208	5923	358	761
1913	3145	8658	1744	4534	12786	3134	7757	401	1156
1914	3159	9176	1825	4673	13487	3451	8253	469	1520
1915	3572	9152	1821	4819	13947	5062	7641	353	2395

В Тифлисской губернии проявляется интересная особенность: родители потомственных дворян предпочитали гувернерское и частное образование «на местах», особенно для девочек, предпочитая не отправлять их в другие регионы на учебу. Так, к 1915 году в Тифлисской губернии действовало несколько частных учреждений: открытая в 1905 году Тифлисская дворянская частная мужская гимназия с количеством учащихся (по состоянию на 1915 год) в 791 чел., открытые в 1911 году в Тифлисе две частные гимназии с совместным обучением В.А. Левандовского (275 учащихся) и Е.Х. Лисициан (191 учащийся), а также открытая в 1912 году частная мужская гимназия в ст. Михайлово (230 учащихся) ([Отчет попечителя, 1914: 142](#)). Как видим, все они открылись в начале 2-го десятилетия XX века, что прямо говорит о востребованности данного вида учреждений. «Конкурентами» потомственных дворян в данных учреждениях были дети богатых купцов, чиновников и «личных» дворян, так как образование в частных школах считалось весьма престижным.

Анализ системы образования в конце первого – первой половине второго десятилетия XX века в России будет неполным без анализа системы образования начального уровня, к каковым, как было отмечено выше, условно можно отнести целую плеяду учебных заведений в округе, а именно:

городские училища, горские школы, промышленные и начальные училища, женские профессиональные училища, профессиональные курсы и пр.

Таблица 5. Количество начальных учебных заведений на территории Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года) (Отчет попечителя, 1907: 101, 108, 120, 123, 141, 143, 145; Отчет попечителя, 1908: 136, 144, 149, 160, 168, 175, 180; Отчет попечителя, 1909: 148, 155, 161, 167, 170, 178, 181; Отчет попечителя, 1910: 156, 163, 168, 171, 175, 184, 189; Отчет попечителя, 1911: 164, 172, 178, 180, 192, 195, 200; Отчет попечителя, 1912: 96, 101, 105, 107, 110, 115, 116; Отчет попечителя, 1913: 83, 87, 91, 93, 96, 100, 103; Отчет попечителя, 1914: 97, 103, 105, 109, 114, 131, 132)

Годы	Тип учебных заведений				Общее количество	Количество учащихся		
	Городские училища, высшие начальные училища	Горские школы	Начальные училища	Промышленные училища		Мальчики	Девочки	Всего
1908	70	4	2386	20	2480	166718	55241	221959
1909	73	4	2386	20	2483	175721	61480	237201
1910	76	3	2616	20	2715	187945	69316	257261
1911	80	2	2836	21	2940	203158	76264	279422
1912	89	2	3272	22	3385	220637	85492	306129
1913	95 ¹	3	3665	22	3785	240225	95807	336032
1914	122	3	4467	23	4615	264107	112117	376224
1915	137	3	4631	23	4794	274084	123244	397328

Как и в случае со средним образованием, явно просматривается тенденция к уравниванию количества обучающихся мальчиков и девочек. Если к началу анализируемого периода (1908 год) соотношение ученик/ученица было 3/1, то к 1915 году это соотношение было уже почти 2/1. В наиболее многочисленном типе учебного заведения – начальных училищах – поступивших на учебу мальчиков и девочек было практически 1 к 1 (11475 и 10322 соответственно) (Отчет попечителя, 1914: 114), что может говорить о практическом отсутствии гендерных дискриминаций.

Помимо количественного преобразования, важно отметить и качественное улучшение. В частности, даже в «военный» 1915 год 74 городских училища (действовавших по положению от 1872 года) были преобразованы в высшие начальные училища, ставшие переходным типом образовательного учреждения (между начальным и средним уровнем) с соответствующим увеличением классов и изучаемых дисциплин; помимо указанных, было открыто еще 15 новых (Отчет попечителя, 1914: 97).

Наиболее многолюдным в 1908 году было Тифлисское училище (268 учеников), что вполне соответствовало негласному статусу «образовательной столицы» Кавказского учебного округа (Отчет попечителя, 1907: 145). Такое положение дел сохранилось и к 1915 году (589 учеников) (Отчет попечителя, 1914: 105).

К 1915 году в Тифлисской дирекции народных училищ действовали сельскохозяйственные ремесленные отделения при Ахалкалакском и Ахалцихском высших начальных училищах (изучались скотоводство, молочное хозяйство – маслоделие и сыроварение, огородничество, пчеловодство,

¹ В 1912 году в округе появились начальные учебные заведения нового типа – высшие начальные училища – в количестве 5: в г. Баку, г. Кутаисе, селе Мартвили (Кутаисская губерния), ст. Мингрельской (Кубанская область) и ст. Калиновской (Терская область) (Отчет попечителя, 1912: 96).

столярно-токарное, кузнечно-слесарное и колесное ремесла), а также Сигнахском высшем начальном училище (только столярно-токарное дело) ([Отчет попечителя, 1914: 99](#)).

Общее же число начальных училищ в Тифлисской губернии к 1915 году увеличилось до 354 штук (на 14 в год), однако по этому показателю губерния уже отнюдь не занимала лидерские позиции (в отличие от среднего образования); на первом месте по количеству начальных училищ была Кубанская дирекция с 1269 учреждениями данного типа ([Отчет попечителя, 1914: 109, 111](#)). Количество учащихся в них достигало 28120 чел. (на 1170 более, чем в предыдущем году) ([Отчет попечителя, 1914: 114](#)).

Таблица 6. Этническое распределение учащихся начальных учебных заведений Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел. ([Отчет попечителя, 1907: 108, 123, 145](#); [Отчет попечителя, 1908: 145, 168, 180-181](#); [Отчет попечителя, 1909: 155-156, 167, 182](#); [Отчет попечителя, 1910: 164, 175-176, 190](#); [Отчет попечителя, 1911: 173, 185, 200](#); [Отчет попечителя, 1912: 101, 110, 119](#); [Отчет попечителя, 1913: 87, 96, 103](#); [Отчет попечителя, 1914: 105, 114, 135](#))

Годы	Русские	Грузины	Армяне	Татары	Горцы	Другие национальности
1908	141454	35759	19295	7235	6352	11894
1909	150355	35134	21559	9564	6211	13978
1910	158363	39689	24028	11637	6541	17003
1911	167951	44680	27996	14359	7177	17258
1912	187213	48602	26398	14926	10336	18582 ¹
1913	201073	52782	35236	17256	9857	19828
1914	223334	60153	41620	16338	13243	21528
1915	231491	62380	42082	27395	8758	25155

Прежде всего отметим крайне небольшую численность учеников-горцев в ремесленных училищах: в частности, к 1908 году русских было 889 чел., в то время как горцев только 8 ([Отчет попечителя, 1907: 145](#)), что говорит о непопулярности данного типа учебного заведения среди горских народов и вновь подтверждает мысль о мощном влиянии семейных и местечковых традиций при получении образования, а не только лишь доступности образовательного учреждения. Другая особенность – равное количество русских и грузин в промышленных (ремесленных) училищах (при обычном значительном превалировании русскоязычных учеников), что может также быть объяснено большим количеством таковых в Тифлисской губернии (в самом Тифлисе, Боржоме, Закаталах и др.) – территории преимущественного расселения этнических грузин (см., напр., [Отчет попечителя, 1908: 176, 180](#)).

Таблица 7. Распределение учащихся по вероисповеданиям в начальных учебных заведениях Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел. ([Отчет попечителя, 1907: 108, 123-124, 145](#); [Отчет попечителя, 1908: 145, 168, 181](#); [Отчет попечителя, 1909: 156, 167-168, 182-183](#); [Отчет попечителя, 1910: 164, 176, 190](#); [Отчет попечителя, 1911: 173, 185, 200-201](#); [Отчет попечителя, 1912: 101, 110, 119](#); [Отчет попечителя, 1913: 87-88, 96, 103](#); [Отчет попечителя, 1914: 105, 115, 135](#))

Годы	Православные	Католики	Армяно-григоряны	Иные христианские вероисповедания	Иудеи	Мусульмане	Иные нехристианские вероисповедания
1908	171878	3059	18947	12457	1449	13355	814

¹ Количественные данные по ремесленным училищам в отчете не приведены.

1909	182955	3298	20405	11201	1410 ¹	14265	1904
1910	198282	3561	23019	13508	1898	15987	1050
1911	212603	3765	26469	13765	2095	19544	1212
1912	232379	4076	28071	14331	2220	23340	1712
1913	252315	4172	34099	15719	2397	25886	1444 ²
1914	277840	4266	40578	17245	2747	32197	1349 ³
1915	296247	3952	40558	17572	3554	33845	1517 ⁴

Применительно к данному критерию мы видим схожую тенденцию со средним образованием, а именно – незначительное количество учениц-мусульманок в сравнении с мальчиками. К примеру, к началу 1908 года в начальных училищах такое соотношение составляло 1 к 21,16, то есть на одну учащуюся женского пола приходилось более 21 ученика мужского пола. Для сравнения, учеников-иудеев было почти 1 к 1 (см., напр., [Отчет попечителя, 1907: 123](#)), католиков – 1 к 1,3 (см., напр., [Отчет попечителя, 1909: 167](#)). И к 1915 году тенденция практически не изменилась ([Отчет попечителя, 1914: 123](#)). Таким образом, налицо мощное конфессиональное и этническое влияние на уровень образованности разных гендеров.

Таблица 8. Сословное распределение учащихся начальных учебных заведений Кавказского учебного округа с 1908 по 1915 годы (по состоянию на 1 января отчетного года), чел.⁵ ([Отчет попечителя, 1907: 108-109, 145](#); [Отчет попечителя, 1908: 146, 181](#); [Отчет попечителя, 1909: 156, 183](#); [Отчет попечителя, 1910: 164-165, 190](#); [Отчет попечителя, 1911: 173-174, 185](#); [Отчет попечителя, 1912: 101, 119](#); [Отчет попечителя, 1913: 88, 113-114](#); [Отчет попечителя, 1914: 105, 135-136](#))

Годы	Дети потомственных дворян	Дети личных дворян и чиновников	Дети лиц духовного звания	Дети почетных граждан и купцов	Дети мещан и цеховых рабочих	Дети казаков	Дети крестьян	Иностранцы	Прочие
1908	857	447	349	736	5827	1304	6002	84	184
1909	856	477	343	640	6038	1167	152 ⁶	88	174
1910	780	447	362	916	5939	1275	6158	75	206
1911	802	30 ⁷	380	822	6051	1611	7263	91	185
1912	826	559	454	768	6513	1392	8218	102	150
1913	885	576	436	737	6812	1331	9214	96	141
1914	1025	539	466	925	7081	2621	10513	126	209
1915	926	545	463	676	6578	3257	10015	100	262

¹ Количество представителей иудаизма в городских училищах в отчете не указано.

² Данные неполные: отсутствует информация по ремесленным училищам.

³ Данные неполные: отсутствует информация по ремесленным училищам.

⁴ Данные неполные: отсутствует информация по ремесленным училищам.

⁵ Данные неполные, так как в отчетах отсутствует информация по наиболее многочисленному типу учебных заведений – начальным училищам.

⁶ Количество представителей крестьянского сословия в городских училищах в отчете не указано.

⁷ Данные неполные, так как не представлена информация по городским училищам.

В начальных учебных заведениях основную массу учащихся ожидаемо составляли представители крестьян, а также небогатых городских сословий (мещане, цеховые рабочие), распределяясь между собой практически поровну. Тенденция во многом схожа со средними учебными заведениями: увеличение соотношения количества представителей непривилегированных (крестьяне) к привилегированным (потомственные дворяне) при неизменности соотношении городских сословий. В частности, детей крестьян в начальных учебных заведениях в период с 1908 по 1915 годы стало больше в 1,66 раза, в то время как количество дворянских детей осталось практически неизменным. Количество казаков (в сущности, «привилегированных» крестьян) и вовсе увеличилось в 2,5 раза. Однако количество наиболее многочисленных представителей городских сословий – мещан и рабочих – кардинально не изменилось.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Результатом принятия Закона от 3 мая 1908 года «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» стал исключительно стабильный рост количества учебных заведений и его очень высокий темп. В период с 1908 по 1915 годы число средних учебных заведений рекордно выросло более чем в полтора раза – с 93 до 142. Причем рост этот зафиксирован абсолютно в каждом году из указанного периода и был приблизительно одинакового уровня, что может говорить о его качественном планировании.

2. Рост числа служащих и учащихся находится в прямой корреляционной зависимости с ростом количества учебных заведений. Так, административно-управляющего и преподавательского состава с 1908 по 1915 годы увеличилось в 1,5 раза, количество учащихся – в 1,36 раза. Как и применительно к вышеперечисленным критериям, в указанных позициях наблюдаем два ключевых признака: интенсивность и стабильность роста.

Отметим также, что рост числа служащих и классов не соответствовал росту количества учащихся, что наводит на мысль о том, что правительство действовало «на опережение», имея весьма негативный опыт с демографической ситуацией конца 1890-х – начала 1900-х годов, когда государственная инфраструктура не справлялась с резко увеличившимся населением.

3. Расходы на содержание среднего образования в округе увеличились почти в два раза – с 3781,2 тыс. руб. до 7221,3 тыс. руб. При отсутствии инфляции в довоенные годы мы с полным правом можем говорить о реальном, а не номинальном росте ассигнований.

4. Тенденции и пожелания, касающиеся развития женского образования, которые наметились еще во второй половине XIX века, начали активно претворяться в жизнь в конце XIX века, и результат можно четко отследить в начале XX века. Прежде всего в этой связи необходимо отметить гимназическое образование: по количеству заведений, классов, учащихся женские гимназии не только не уступали мужским, но и превосходили их. Также шло активное преобразование прогимназий женских в гимназии, что фактически и юридически повышало и уровень, и качество образования. Конечно, среди общего количества учащихся средних учебных заведений все еще преобладали мальчики (например, реальные училища и учительские семинарии были, в основном, мужскими; первая женская учительская семинария открылась лишь в 1910 году), однако такого большого несоответствия в процентном соотношении учащихся разных полов, как это было во второй половине XIX века, уже не наблюдалось, то есть гендерный «разрыв» в среднем образовании в Кавказском учебном округе был преодолен. И особенно справедливо это в отношении Тифлисской губернии, где женских гимназий было больше.

5. Среди учащихся всех типов учебных заведений преобладало русское население. Процентное соотношение между этническими представителями в каждом типе учебного заведения с годами менялось незначительно, что, вероятно, связано с семейными и местечковыми традициями. «Конфессиональный критерий» всецело подтверждает многолетнюю стабильность в пропорциональных соотношениях учащихся между представителями разных религий.

6. Применительно к среднему образованию Тифлисская губерния и ее административный центр все еще не теряли первенствующие места по количеству учащихся, однако бурно развивающиеся другие регионы округа (прежде всего Кубанская область и Бакинская губерния) вплотную приблизились к Тифлисской.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.

Богоявленский, 1911 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.

Богоявленский, 1912а – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.

Богоявленский, 1912b – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.

Богоявленский, 1912c – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 12.

Богоявленский, 1913 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1913. № 1.

Бразоль, 1959 – Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (1894–1917 гг.). Нью Йорк, 1959.

Брокгауз–Ефрон, 1901 – Тифлисская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. 65. СПб., 1901.

БСЭ, 1972 – Грамотность / Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993.

Голикова, Волчек – Голикова О.А., Волчек В.А. Создание сети всеобщего начального обучения на территории Томской губернии в начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=13949&table=papers_file&type=1&conn=confDB (дата обращения: 16.09.20)

Деятельность Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг., 1914 – Деятельность Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1914. № 8.

Зажаев, 1909 – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // На Кавказе. 1909. № 4.

Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908 – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1907 год. Тифлис, 1908.

Кобахидзе, 2015 – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 3.

Лисюнин – Лисюнин В. Православное духовенство и система народного образования в конце XIX – начале XX вв. на примере Тамбовской епархии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.info/publikatsii-sotrudnikov/lisyunin-viktor-svyasch.-pravoslavnoe-duhovenstvo-i-sistema-narodnogo-obrazovaniya-v-kontse-xix-%E2%80%93-nachale-xx-vv.-na-primere-tambovskoy-eparhii.php> (дата обращения: 16.09.20)

Лисюнин, 2011 – Лисюнин В. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // *Вестник ТГУ*. 2011. Выпуск 2 (94). С. 335-337.

Материалы по истории, 1942 – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.

Народное образование, 1980 – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.

Обзор, 1884–1912 – Обзор Тифлисской губернии. Тифлис: Тип. канцелярии Наместника Кавк., 1884–1912.

Отчет попечителя, 1907 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1908.

Отчет попечителя, 1908 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1909.

Отчет попечителя, 1909 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1910.

Отчет попечителя, 1910 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1911.

Отчет попечителя, 1911 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1912.

Отчет попечителя, 1912 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1913.

Отчет попечителя, 1913 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1914.

Отчет попечителя, 1914 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1915.

ПСЗРИ, 1911 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.

[Фарфоровский, 1909](#) – Фарфоровский С.В. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом (Ставропольская губерния) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1909. № 9.

[Фарфоровский, 1912](#) – Фарфоровский С.В. Народное образование в Кавказском учебном округе (Кубань) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 4.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. 2(10): 138-149.

[Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#) – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // *Voennyi Sbornik*. 2016. (12)2: 65-71.

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363-372.

[Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1065-1084.

References

[АКАК](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881.

[Bogoyavlenskii, 1911](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912a](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912b](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province incl.)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912c](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 12. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1913](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1913). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1. [in Russian]

[Brazol', 1959](#) – Brazol', B.L. (1959). Tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II v tsifrakh i faktakh (1894–1917 gg.) [The reign of Emperor Nicholas II in figures and facts (1894–1917)]. N'yu Iork. [in Russian]

[Brokgauz–Efron, 1901](#) – Tiflisskaya guberniya [Tiflis governorate]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. T. 65. Spb., 1901. [in Russian]

[BSE, 1972](#) – Gramotnost' [Literacy]. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. 3-e izd. T. 7. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. [in Russian]

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

[Deyatel'nost' Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908–1912 gg., 1914](#) – Deyatel'nost' Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908–1912 gg. [Activities of the Caucasian educational district in 1908-1912]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1914. № 8. [in Russian]

[Farforovskii, 1909](#) – Farforovskii, S.V. (1909). Narodnoe obrazovanie sredi kochuyushchikh narodov Severnogo Kavkaza v svyazi s sovremennym ikh bytom (Stavropol'skaya guberniya) [Public education among the nomadic peoples of the North Caucasus in connection with their modern life (Stavropol province)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 9. [in Russian]

[Farforovskii, 1912](#) – Farforovskii, S.V. (1912). Narodnoe obrazovanie v Kavkazskom uchebnom okruge (Kuban') [Public education in the Caucasian educational district (Kuban)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. [in Russian]

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M.: Rossiya molodaya. [in Russian]

[Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#) – *Gogitidze, M., Shiukashvili, I.* (2016). To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis. *Voennyi Sbornik*. 12(2): 65-71.

[Golikova, Volchek](#) – *Golikova, O.A., Volchek, V.A.* Sozdanie seti vseobshchego nachal'nogo obucheniya na territorii Tomskoi gubernii v nachale XX v. [Creation of a network of universal primary education in the territory of Tomsk province at the beginning of the XX centur]. [Electronic resource]. URL: http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=13949&table=papers_file&type=1&conn=confDB (date of access: 16.09.20). [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1907 g., 1908](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1907 god [Report on the state of educational institutions of the Caucasian educational district for 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation 1840-1870s in the field of education as a factor of integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. [in Russian]

[Lisyunin](#) – *Lisyunin V.* Pravoslavnoe dukhovenstvo i sistema narodnogo obrazovaniya v kontse XIX – nachale XX vv. na primere Tambovskoi eparkhii [Orthodox clergy and the system of public education in the late 19th – early 20th centuries on the example of the Tambov diocese]. [Electronic resource]. URL: <http://www.rusnauka.info/publikatsii-sotrudnikov/lisyunin-viktor-svyasch.-pravoslavnoe-duhovenstvo-i-sistema-narodnogo-obrazovaniya-v-kontse-xix-%E2%80%93-nachale-xx-vv.-na-primere-tambovskoy-eparkhii.php> (date of access: 16.09.20) [in Russian]

[Lisyunin, 2011](#) – *Lisyunin, V.* (2011). Prosvetitel'skaya funktsiya pravoslavnogo dukhovenstva v kontse XIX – nachale XX v. [The educational function of the Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik TGU. Vypusk 2 (94)*. p. 335-337. [in Russian]

[Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Materialy po istorii, 1942](#) – Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of the conquest of the Ossetians by Russian tsarism]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. [in Russian]

[Narodnoe obrazovanie, 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little-researched problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.

[Obzor, 1884–1912](#) – Obzor Tiflisskoi gubernii [Review of the Tiflis governorate]. Tiflis: Tip. kantselyarii Namestnika Kavk., 1884–1912. [in Russian]

[Otchet popechitelya, 1907](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1908. [in Russian]

[Otchet popechitelya, 1908](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1909. [in Russian]

[Otchet popechitelya, 1909](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1910. [in Russian]

[Otchet popechitelya, 1910](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1911. [in Russian]

[Otchet popechitelya, 1911](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1912. [in Russian]

[Otchet popечitelya, 1912](#) – Otchet popечitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1913. [in Russian]

[Otchet popечitelya, 1913](#) – Otchet popечitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1914. [in Russian]

[Otchet popечitelya, 1914](#) – Otchet popечitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1915. [in Russian]

[PSZRI, 1911](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPB., 1911. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

[Zazhaev, 1909](#) – *Zazhaev, P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools in 1872 in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

Система народного образования в Тифлисской губернии в период 1802–1917 гг. Часть 4

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Дмитрий Вячеславович Карпухин ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ауде Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Женевский университет, Женева, Швейцария

Аннотация. Четвертая часть серии статей посвящена проблеме развития системы образования Кавказа на закате существования Российской империи, то есть в период правления Николая II после принятия закона от 3 мая 1908 года, который изменил сам подход к системе начального образования. Таким образом, хронологические рамки исследования – 1908–1917 годы. Географические рамки ограничены территорией Тифлисской губернии, но также приводится статистика и делается общий анализ ситуации в системе образования Кавказского округа в целом. В качестве источников были привлечены такие документы, как Полное собрание законов Российской империи, акты Кавказской археографической комиссии, Отчеты попечителей Кавказского учебного округа за 1908–1914 годы и др. Также исследуются противоречивые мнения о законе от 3 мая 1908 года в отечественной и зарубежной историографии.

В работе приводится статистика по средним (мужским и женским гимназиям, реальным и техническим училищам, а также учительским семинариям) и начальным (низшее техническое училище, высшие начальные и городские училища, горские школы, начальные и промышленные училища, процессуальные курсы, классы и женские профессиональные училища и др.) учебным заведениям (как Тифлисской губернии, так и округа) по таким критериям, как количество учебных заведений, классов, служащих и учащихся, стоимость библиотечного фонда (как фундаментальных, так и ученических библиотек образовательных организаций), а также объемов финансирования каждого типа учреждений. В отдельную статистику сведены таблицы по гендерному соотношению учащихся, а также сословному, конфессиональному и этническому распределению.

Также освещены преимущества и недостатки как образовательной системы губернии в сравнении с другими регионами Кавказского образовательного округа, так и ее отдельных учебных учреждений.

По результатам анализа статистических данных сделаны выводы о развитии системы образования в округе в целом, и в Тифлисской губернии в частности, а также о проблемах и достижениях, которые были достигнуты администрацией и правительством за указанный период.

Ключевые слова: система русского образования, Тифлисская губерния, образование в имперский период в Тифлисской губернии, дореволюционная система образования, система народного просвещения.

* Корреспондирующий автор

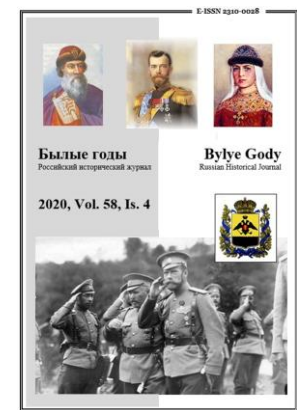
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2427-2436. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2427
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Personal Factor in Russian Academic Diplomacy of the 1810s – early 1820s: Experience of the Imperial Lyceum's First Pedagogues

Roman O. Raynkhardt ^{a, *}

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of the role of personalities in the academic diplomacy of the first quarter of the XIX century on the case of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum. Using the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire alongside specialized literature with recourse to the prosopographic method, the author outlines the impact of professional diplomatic background of the above school's first directors and teachers on their academic and pedagogic activity. As the most prominent and elitist academic institution of the period in question, the Imperial Lyceum initially did not have an explicitly stipulated specialization. Still, many of its alumni upon graduation embraced a career in diplomacy and became civil servants at the Ministry of Foreign Affairs. Such a choice was to a considerable extent influenced by the professional skills and values transmitted to them by ex-diplomats, who used to be their headmasters and pedagogues. The analysis looks into the particular features, on the one hand, and similarities, on the other hand, of the respective career paths of the latter. It reveals that most of them shared certain values and ethical principles typical for the diplomatic professional community, i.e. patriotism, defense of the State's national interests and networking. At the same time, a lot of attention was paid to technical training in terms of working with archives, as well as acquiring mastery in foreign languages. The author concludes that in the aggregate these factors shaped a unique educational environment for future diplomats and experts in international relations.

Keywords: history of Russian diplomacy, science diplomacy, academic diplomacy, Imperial Tsarskoye Selo Lyceum, professional training of diplomats.

1. Введение

Императорский Царскосельский лицей (далее – лицей), основанный в 1811 г. и ставший одним из самых привилегированных учебных заведений своей эпохи, исконно не имел четкой специализации. Несмотря на высокие образовательные стандарты, нигде конкретно не оговаривалось, кем или, по крайней мере, в какой области предположительно будут трудиться его выпускники (Кобеко, 1911). В этом изначально состояло отличие Лицея, например, от Пажеского корпуса с четким военным профилем. В результате бывших воспитанников – особенно первых лет – можно было практически с равной вероятностью встретить как на государственной гражданской службе, так и в армии, на флоте, а также в других учреждениях (Гастфрейнд, 1912–1913). Что касается гражданской службы, то статистически лидирующее место среди работодателей лицейстов первых наборов занимало внешнеполитическое ведомство (Райнхардт, 2019).

Подобное распределение естественно в силу исторически сложившейся престижности отечественной дипслужбы (Zonova, 2011). Еще на самых ранних этапах ее институционального становления представители правящего класса часто и охотно устраивали (или, во всякой случае,

* Corresponding author

E-mail addresses: don.reinhardt@mail.ru (R.O. Raynkhardt)

стремились устроить) туда своих детей. С такой целью частным образом нанимались квалифицированные педагоги – как правило, иностранцы-носители изучаемых языков. Наряду с этим, наиболее состоятельные и прогрессивные дворяне организовывали своим отпрыскам языковые стажировки (упор всегда делался на эту часть профессиональной подготовки) за рубежом, а иногда и вовсе давали им там полноценное образование (Карпов, 2019: 202). Прицелом было последующее трудоустройство в Посольский приказ, позднее – Коллегию и, наконец, Министерство иностранных дел.

Вместе с тем полноценных «кузниц дипломатических кадров» в начале XIX века еще не было. Так, первая попытка создания Дипломатической школы при Коллегии иностранных дел в 1801 г. не увенчалась успехом в силу личностного фактора. Автором проекта ее создания выступил один из фаворитов императора Павла I Ф.В. Ростопчин (АВПРИ. Ф. АД. VI-53. 1801. Д. 1. Л. 4-10). Предполагалось, что слушатели заведения будут изучать иностранные языки, общие предметы (историю, географию, право, статистику), а также специальные дисциплины, в частности архивное и шифровальное дело. В феврале 1801 г. была проведена приемная кампания. Однако спустя месяц император Павел I был убит, а император Александр I в декабре того же года вынес резолюцию «Дипломатическую школу ... в действие не приводить» (АВПРИ. Ф. АД. VI-54. 1801. Д. 1. Л. 11).

В результате начало ведомственному дипломатическому образованию было положено лишь в 1823 г. с созданием Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД (АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97). Параллельно с ним с 1815 г. функционировало Армянское Лазаревское училище, в 1827 г. ставшее институтом восточных языков. Впрочем, считать его настоящим академическим центром подготовки дипломатических кадров на первом этапе существования (до 1827 г.) представляется преждевременным.

Таким образом, в 1810-е – начале 1820-х гг. лицей занял уникальную нишу в образовательном и научно-академическом пространстве. Немаловажную роль в этом процессе сыграл фактор личности руководства и преподавательского состава. Примечательно, что первые директора, при которых учились А.С. Пушкин и его товарищи, имели личный опыт дипломатической работы и живое представление о ней как о ремесле. Назвать их карьерными дипломатами в полном смысле этого слова было бы преувеличением: большая часть их трудовой биографии пришлась на педагогическую деятельность. Тем не менее существенное влияние на последнюю оказали их пусть и сравнительно непродолжительные дипломатические карьеры, анализу основных вех которых посвящена настоящая работа.

Позднее, начиная с 1824 г. и вплоть до ликвидации Лицея в 1917 г., он возглавлялся преимущественно кадровыми военными в звании генералов.¹ Более того, в 1822 г. элитное учебное заведение, ранее находившееся в ведении Министерства народного просвещения, было переподчинено военному ведомству. Ф.Г. Гольтгоер, ставший директором двумя годами позже, привнес в лицей казарменные нравы и обычаи, включающие даже телесные наказания, которые до того были строго запрещены Уставом (Кобеко, 1911: 13). А.С. Пушкин, которого Ф.Г. Гольтгоер в 1831 году пригласил для участия в аттестационной комиссии (Черейский, 1988: 112), в качестве воспитанника этого уже не застал. Лицей первых десяти лет своего существования в большей степени напоминал университет, готовящий специалистов широкого профиля, в том числе международных, нежели военное училище.

Описанные выше обстоятельства определили выбор хронологических рамок исследования: 1810-е – начало 1820-х гг. С учетом этого в современных категориях научной и академической дипломатий, и в частности одного из их подразделов – «науки в дипломатии» (выработка рекомендаций в рамках целей международной политики, подготовка профессиональных дипломатических кадров) (Панченко, Торкунов, 2018: 11; Ruffini, 2017: 13-14), представляется целесообразным проанализировать роль педагогов, выступавших гарантами такой атмосферы и институциональной среды.

¹ В скобках указаны годы, в которые соответствующие исторические деятели руководили Лицеом, а также некоторые отличительные черты их личностей и стилей руководства. Для директоров Ф.Г. Гольтгоера (1824–1840 гг., офицер, по отзывам современников, из наук сильный только в арифметике (Тюнькин, 1989: 40); Д.Б. Броневского (1840–1853 гг., при нем в 1843 г. состоялся перевод учебного заведения из Царского Села в Санкт-Петербург и присвоение ему наименования «Александровский») и Н.И. Миллера (1853–1873 гг., ранее был прикомандирован к Пажескому корпусу) руководство Лицеом стало путем в генерал-лейтенанты. Ф.А. Фельдман (1896–1900 гг.) и В.А. Шильдер (1910–1917 гг.) были генералами от инфантерии, для которых директорская должность, в сущности, была предпенсионной sinecурой. Остальными директорами в разное время были Н.Н. Гартман (1877–1892 гг., трепетно относился к сохранению лицейских традиций и, в современных терминах, его корпоративной культуры), Ф.Ф. Врангель (1892–1896 гг., моряк, во многом напоминавший своим жизненным путем пушкинского одноклассника Ф.Ф. Матюшкина (см.: Райнхардт, 2019: 82), А.П. Соломон (1900–1908 гг., имел богатый опыт работы в Главном тюремном управлении, которое даже возглавлял до перехода в Лицей) и Б.Э. Вольф (1908–1910 гг., видный чиновник и царедворец).

2. Материалы и методы

Главным элементом источниковой базы исследования служит Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), в частности фонды «Административные дела» (АД), «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (ДЛС и ХД). Дополнительными источниками выступают сборники опубликованных документов, относящиеся к рассматриваемому периоду функционирования Лицея, – «Императорский Царскосельский лицей». «Наставники и питомцы. 1811–1843» (Кобеко, 1911), «Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917» (Руденская, 1999), «Императорский Александровский лицей» (Павлова, 2002). Также были использованы материалы, представляющие собой систематизацию источников личного происхождения – мемуаров, воспоминаний и дневников лицеистов: «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов» (Грот, 1887), «Пушкинский лицей (1811–1817)», «Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом» (Грот, 1911), «Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицейю. Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811–1817 г.» (Гастфрейнд, 1912–1913). Помимо этого, в основу исследования легли материалы периодической печати, описывающие концепцию научной и академической дипломатий (Панченко, Торкунов, 2018; Ruffini, 2017: 13-14), профессиональную подготовку специалистов-международников (Карпов, 2019; Кузнецов 2014), фактор личности в дипломатии (Райнхардт, 2019; Zonova, 2011).

В рамках исследования перечисленных выше источников был применен метод просопографии (Stone, 1971), то есть комплексного сопоставительного анализа биографий исторических лиц, объединенных отношением к исследуемой эпохе (в данном случае – первая четверть XIX века) и социальной группе (профессиональные сообщества дипломатов, с одной стороны, и педагогов – с другой). В качестве объектов просопографического анализа были выбраны биографии трех директоров Лицея (В.Ф. Малиновского, Ф.М. Гауеншильда, Э.А. Энгельгардта) и двух его преподавателей (Л.-В. Тешпера де Фергюсона, С.Г. Чирикова). Была рассмотрена их причастность к обоим названным профессиональным сообществам и проанализировано влияние опыта дипломатической службы и общения с дипломатическим корпусом на педагогическую деятельность как в отношении привития воспитанникам конкретных навыков и компетенций (языковая подготовка, работа с архивными документами, изучение истории дипломатии), так и трансляции на них присущих данной группе корпоративных ценностей (патриотизм, нацеленность на отстаивание национальных интересов государства, этика поведения дипломата, нетворкинг).

3. Обсуждение

История Императорского Царскосельского лицея, его руководства и педагогического состава описана в сочинениях классиков – Я.К. Грота (Грот, 1887; Грот, 1911), Д.Ф. Кобеко (Кобеко, 1911), равно как и современных авторов (Руденская, 1999; Павлова, 2002). При этом именно в ракурсе взаимосвязей профессионального дипломатического и академического сообществ тема до сих пор не получала разработки, что определяет научную новизну настоящей статьи. Поскольку некоторые аспекты проблематики имеют отношение к пушкиноведению, имеет смысл также выделить некоторые отдельные работы, относящиеся к соответствующему корпусу специализированной литературы: Н.А. Гастфрейнд (Гастфрейнд, 1912–1913), С.Л. Турилова (Турилова, 1999), Л.А. Черейский (Черейский, 1988) и др. Тем не менее подчеркнем, что приводимый здесь анализ посвящен истории отечественной дипломатии, и в частности научной дипломатии, а не жизни и творчеству А.С. Пушкина, упоминание личности которого направлено на очерчивание общих границ историко-культурного контекста предмета исследования.

Выделение фактора личности в российской дипломатии в качестве отдельного тематического пласта находим в работе И.А. Мелихова (Мелихов, 2011), в которой автор, однако, не затрагивает исторических деятелей, работавших в лицее. В свою очередь, отдельные аспекты функционирования лицея как института специального дипломатического образования и научно-академического центра нашли отражение в работах Т.В. Зоной (Zonova, 2011) и А.И. Кузнецова (Кузнецов, 2014). При этом в них упор делается главным образом на институциональном факторе. Исходная гипотеза нашей работы заключается в том, что личностный фактор был таким же и, возможно, даже более значимым, чем институциональный в рамках исследуемых академико-дипломатических процессов.

4. Результаты

Прежде всего следует рассмотреть фигуры трех первых директоров лицея – В.Ф. Малиновского (1811–1814 гг.), Ф.М. Гауеншильда (1814–1816 гг.) и Е.А. Энгельгардта (1816–1824 гг.).

Василий Федорович Малиновский (1765–1814), выпускник Московского университета, в 1789 г. начал работать переводчиком в русском посольстве в Лондоне. При этом современниками отмечалось его блестящее владение языками – как мертвыми (древнееврейский, древнегреческий, латынь), так и многими живыми европейскими (Руденская, 1999: 52). В 1791 г. по-прежнему в роли переводчика он участвовал в работе Ясского конгресса, завершившегося подписанием мирного договора между Российской и Османской империями. Далее последовал почти десятилетний перерыв в службе, по окончании которого В.Ф. Малиновский в 1801 г. вновь был командирован в Яссы, но уже в роли

генерального консула. Проработав на этой должности около двух лет, он вернулся в Россию, где вплоть до назначения директором лицея занимался главным образом публицистикой и просветительской деятельностью (Малиновский, 1958). При этом примечательно то, что одновременно В.Ф. Малиновский служил архивариусом при секретном архиве Коллегии иностранных дел, а возглавив лицей, был «оставлен при Коллегии с жалованием от оной производимом» (АВПРИ. Ф. Ад. II-19. 1811. Д. 3. Л. 8).

Иными словами, де-юре он продолжал числиться сотрудником внешнеполитического ведомства до конца своих дней (Турилова, 1999: 24). Как и дипмиссии за рубежом, директорство В.Ф. Малиновского было непродолжительным: после глубоких личных потрясений 1812 г. (война, смерть супруги) в 1814 г. он скончался. В целом, несмотря на относительную краткосрочность, три заграничные командировки по линии внешнеполитического ведомства, несомненно, дали ему богатый практический опыт и оказали влияние на формирование взглядов, которые впоследствии отчасти проецировались и на его воспитанников. Что касается развития у них профессиональных компетенций, то он заложил прочный фундамент лингвистической подготовки лицеистов в части современных языков. Будучи с молодости одаренным в этой области, во время работы в Лондоне и Яссах он твердо убедился в их прикладной пользе в дипломатическом и консульском¹ ремесле.

Следует добавить, что старший брат первого директора лицея – А.Ф. Малиновский (1862–1840) – с 1780 г. успешно служил в Архиве Коллегии иностранных дел, а в 1814 г. возглавил его. Во многом именно благодаря ему к середине 1820-х годов сформировалась целая социально-профессиональная группа – так называемые архивные юноши (см., напр.: Турилова, 1999: 27). Анализ данного феномена, нашедшего широкое отражение в художественной (Ф.В. Булгарин, А.С. Грибоедов и др.) и мемуарной (Ф.Ф. Вигель, А.И. Кошелев и др.) литературе, выходит за временные и тематические рамки настоящего исследования. Впрочем, приобщить лицеистов к азам архивного дела директор В.Ф. Малиновский не успел. Впоследствии это удалось сделать его преемнику Е.А. Энгельгардту.

До прихода последнего в лицей временным сменщиком В.Ф. Малиновского стал Федор (Фридрих) Матвеевич Гауеншильд (1783–1830) – личность во многих отношениях неоднозначная. Прибыв в Санкт-Петербург в 1809 г., этот австриец, никогда не принимавший российского подданства, после открытия лицея стал преподавать в нем немецкий язык и литературу. Сложный характер педагога практически сразу враждебно настроил к нему как учеников, так и коллег. Сам В.Ф. Малиновский вряд ли был рад такому подчиненному, однако определяющую роль в замещении им должности сыграли высокопоставленные покровители последнего, а именно попечитель учебного округа С.С. Уваров и министр народного просвещения А.К. Разумовский. С первым Ф.М. Гауеншильд познакомился в Вене, где С.С. Уваров с 1806 г. по 1809 г. работал в русском посольстве (АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 131. Д. 44).

Претензий к Ф.М. Гауеншильду было много, слухов вокруг его фигуры – еще больше. Некоторые считали его шпионом и даже личным осведомителем Клеменса фон Меттерниха (он действительно с подозрительной частотой бывал в австрийском посольстве в Санкт-Петербурге), другие – академическим самозванцем, полагая, что университетский диплом и ученое звание – подлог и лишь прикрытие для разведывательной работы, а также для закрепления положения в обществе (Черейский, 1988: 96). Намекали и на нетрадиционные связи, которыми объясняли покровительство ему со стороны С.С. Уварова. Что из этого правда, а что – нет, доподлинно выяснить уже вряд ли представится возможным. Лицеистам пушкинского набора претило прежде всего его категорическое нежелание вести занятия по словесности на русском языке (переводы приходилось делать с французского на русский, затем уже с русского на немецкий и наоборот), надменность, а также пристрастие к жеванию лакрицы. Так, даже гибкий, сдержанный и нацеленный на построение карьеры А.М. Горчаков называл его «голодной водяной змеей» и вместе с другими лицеистами сочинил следующие строки:

В лицейском зале тишина,
Диковинка меж нами –
Друзья, к нам лезет сатана
С лакрицей за зубами (Грот, 1911: 217).

Конфронтация увенчалась тем, что после его долгожданного со стороны подопечных и коллег ухода из лицея в 1816 г. об эпизоде с Ф.М. Гауеншильдом в роли руководителя стало принято умалчивать. В некоторых списках директоров он не фигурирует вовсе (Руденская, 1999: 48), в других – как исполняющий обязанности. Итоги его административной и педагогической деятельности принято расценивать в негативном ключе: «по смерти первого директора лицея, Малиновского, долго не было настоящего начальства» (Грот, 1887: 43). Несмотря на это, он продолжил преподавать в Благородном пансионе при лицее вплоть до 1822 г., а в 1818 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Этому, надо полагать, вновь поспособствовал назначенный в том же году ее президентом С.С. Уваров.

¹ Формально до 1809 г. консульская служба находилась в области ведения не Коллегии иностранных дел, а Коммерц-коллегии, то есть не внешнеполитического, а внешнеторгового ведомства.

1818 г. стал поворотным в профессиональной судьбе австрийца еще и тем, что он принялся переводить на немецкий язык только что вышедшее из печати монументальное произведение Н.М. Карамзина (между прочим, близкого друга братьев Малиновских) «История государства российского». Такой проект сразу вызвал бурную реакцию его оппонентов, вспоминая, как в лицейский период переводчик наотрез отказывался слушать не на французском языке даже выступления коллег во время конференций (аналог современных педсоветов в школах и ученых советов в вузах). На основании этого закономерно возникали подозрения в том, что подстрочник многотомного издания мог быть выполнен «литературными рабами» или даже учениками Ф.М. Гауеншильда. Впрочем, стоит отметить, что в Благородном пансионе он все же преподавал на русском языке. Следовательно, либо он ко второй половине 1810-х гг. освоил его, либо ранее просто имитировал невладение государственным языком страны, в которой работал. Чем на самом деле была вызвана подобная лингвистическая избирательность, не ясно.

Однако то, что Ф.М. Гауеншильд поспешил стать первым переводчиком карамзинской «Истории», отнюдь не случайно. Публикация результатов многолетнего и кропотливого исследовательского труда историка вызвала ажиотаж среди просвещенных слоев общества. Сравнительно большой по тогдашним меркам тираж в три тысячи экземпляров был быстро раскуплен. Любопытно, что в связи с образовавшимся дефицитом наибольший ведомственный интерес к изданию проявила Коллегия иностранных дел. Сохранилась докладная записка на имя императора Александра I, в которой указывалось на плохую осведомленность российских дипломатов, работающих за рубежом, «о происходящем во внутренности Отечества» (АВПРИ. Ф. А. Д. IV-28. 1818. Д. 2. Л. 10). Последним обосновывалась необходимость изучения ими «лучших сочинений на русском языке по истории России» и, следственно, приобретения для ведомства восьми опубликованных карамзинских томов (Турилова, 1992: 63).

В ответ на эту просьбу император подписал указ о выделении средств на приобретение 28 экземпляров для нужд дипломатов. Спустя месяц после официального поступления в продажу книги уже были на руках у подчиненных министра иностранных дел И. Каподистрии и управляющего Коллегией К.В. Нессельроде. В дальнейшем, по мере выхода девятого (1821 г.), десятого и одиннадцатого (1824 г.) томов, они таким же образом покупались и распространялись по русским миссиям, консульствам и подразделениям центрального аппарата (АВПРИ. Ф. А. Д. IV-1-1. 1821. Д. 1. Л. 18).

Читатели из числа дипломатов и экспертов по-разному воспринимали произведение Н.М. Карамзина. Эволюция и некоторая двойственность их позиций, вероятно, наиболее явно отразилась в творческом наследии А.С. Пушкина, формально также числившегося сотрудником Коллегии, затем Министерства иностранных дел. Сначала он отреагировал на выход «Истории» довольно резкой эпиграммой (1818 г.):

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута (Пушкин, 1959: 66).

Позднее он отзывался о ней в самых высоких тонах, называя «созданием великого писателя и подвигом честного человека», что, однако, не мешало поэту по-прежнему критически относиться к реакционным, по его мнению, взглядам Н.М. Карамзина в части незыблемости монархии и крепостного права (Пушкин, 1962: 279).

Учитывая остроту подобной полемики, Ф.М. Гауеншильд со свойственным ему тонким конъюнктурным чутьем быстро сообразил, что произведение Н.М. Карамзина, скорее всего, будет интересно не только российским, но и иностранным читателям, причем прежде всего дипломатам, и принялся за перевод. Таким образом, именно благодаря ему, немецкоязычные коллеги впервые узнали о доромановском периоде истории России.

В 1822 г. Ф.М. Гауеншильд покинул Санкт-Петербург и обосновался в Дрездене, где продолжил переводы карамзинской «Истории». И уже на последнем отрезке своего жизненного пути он стал полноценным дипломатом, в 1824 г. начав работать на острове Корфу в качестве австрийского консула в Греции. Этому назначению, в свою очередь, он был обязан обозначенным выше тесным взаимодействием с внешнеполитическим ведомством своей родины, которое пронес через всю жизнь.

Исходя из этого, можно заключить, что, несмотря на отрицательное отношение со стороны большей части лицейского сообщества, Ф.М. Гауеншильд мог способствовать развитию у учеников интереса к истории России, ее внешней политике и дипломатии – пусть скорее из меркантильных и эгоистических, чем из педагогических соображений.

Намного более значимой для историков предстает фигура директора Егора Антоновича Энгельгардта (1775–1862). Именно его первые лицеисты фактически считали своим «школьным папой». Многие из них поддерживали с ним дружеские отношения и после выпуска. Он пристально следил за судьбой бывших воспитанников, переписываясь не только с сделавшими карьеру, например с А.М. Горчаковым, но и с менее успешными и даже осужденными, в частности с декабристами И.И. Пушиным и В.К. Кюхельбекером. Биография Е.А. Энгельгардта достаточно подробно описана

специалистами (см., напр.: Руденская, 1999: 59-74), поэтому отметим лишь то, что на становление его характера так же, как и в случае с В.Ф. Малиновским, повлиял опыт дипломатической работы.

Представителя благородного дома остзейского дворянства с детства записали в Преображенский полк, где он действительно прослужил с 16 до 18 лет, затем отправился в роли дипломатического курьера в Вену. По возвращении продолжил службу уже в Смоленском драгунском полку. Далее, с 1796 по 1801 г., работал в Коллегии иностранных дел в канцелярии вице-канцлера А.Б. Куракина, курируя наряду с прочим вопросы сношений с Мальтийским орденом (АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 664/1. Д. 121).

Е.А. Энгельгардт быстро сумел снискать расположение выдающегося русского дипломата и вельможи, который высоко ценил своего подчиненного. Пятилетний трудовой опыт в секретариате замминистра, к тому же в столь непростой исторический период, безусловно расширил горизонты молодого человека. Глубокое осмысление принципов административной работы и хода управленческих процессов в одном из ключевых государственных органов исполнительной власти впоследствии помогло ему стать не только уважаемым и грамотным учителем, но и эффективным чиновником. Общение с князем А.Б. Куракиным и его кругом обогатило картотеку контактов и дало возможность приобрести полезные связи. Наконец, комплексное понимание международной обстановки (по всем векторам внешней политики России, ведь канцелярия вице-канцлера – не территориальный отдел) позволило убедиться в важности дипломатии как таковой, а также того, что позже стало принято называть «мягкой силой». Именно эти ценности он продвигал уже с позиций педагога – сначала помощника статс-секретаря Государственного совета Ф.И. Энгеля¹ (1801–1811 гг.), затем директора Петербургского педагогического института (1811–1816 гг.) и потом – лица.

В отношении прикладных аспектов развития профессиональных компетенций учеников следует отметить, что во внешнеполитическом архиве хранится дело «Об отпуске директору Царскосельского лицея Энгельгардту дипломатических бумаг старых лет для приучения воспитанников к составлению выписок» (АВПРИ. Ф. АД. III-20. 1816. Д. 1). Таким образом, благодаря его стараниям, лицеисты получили первую возможность приобщиться к реальным документам, подготовленным сотрудниками Коллегии, и поупражняться в их обработке. Заметим, что такой уникальный случай выпадает далеко не всем, включая тех, кто изучает историю дипломатии в профильных учебных заведениях уже в XXI веке. Многим из первых лицеистов данные навыки впоследствии пригодились в практической работе. Таким образом, он продолжил дело В.Ф. Малиновского, что позволяет говорить о преемственности курса педагогики и академической дипломатии первых директоров лицея.

После ухода с должности директора Е.А. Энгельгардт в основном занимался научной и общественной работой: писал сочинения по вопросам экономики и сельского хозяйства, участвовал в разного рода собраниях, нередко ходатайствовал перед властью имущими о своих бывших подопечных, в том числе и А.С. Пушкине. Как и последнего, большинство из них он пережил, скончавшись в 1862 г. в возрасте 86 лет. На протяжении всей жизни он уделял большое внимание нетворкингу – черте, присущей дипломатической этике, которую он также стремился прививать своим подопечным.

Что касается педагогического состава первых лицейских лет, то среди всех штатных учителей не было ни одного бывшего дипломата. Большинство из них, а именно: А.П. Куницын (нравственные и политические науки), Н.Ф. Кошанский (эстетика, русская и латинская словесность), Я.И. Карцов (физические и математические науки), А.И. Галич (русская словесность), Ф.Б. Эльснер (военные науки), Д.И. де Будри (французская словесность), С.Г. Чириков (изящные искусства), И.К. Кайданов (история, география, статистика) и даже Ф.М. Гауеншильд, о котором речь шла выше, были представителями академических кругов, в основном с высшим педагогическим образованием, учеными степенями и признанными заслугами в этой области (Руденская, 1999: 97). Единственные два наставника, которые заслуживают интереса в рамках разрабатываемой темы, – Л.-В. Теппер де Фергюсон (пение и музыка) и С.Г. Чириков (изящные искусства).

Людвиг-Вильгельм Теппер де Фергюсон (1768–1838) известен, прежде всего, как автор музыки к «Прощальной песне» лицеистов (1817 г.), слова к которой написал А.А. Дельвиг. Биография капельмейстера императорского двора, а также учителя музыки великих княжон неоднократно описывалась пушкинистами (Ступель, 1960; Яценко, 1994). В данной статье имеет смысл сделать акцент на том, что выходец из очень влиятельной, но во время его молодости обедневшей семьи, эмигрировавшей из Шотландии в Польшу, некоторое время (1791–1792 гг.) работал на дипломатических должностях. Начал свою карьеру Л.-В. Теппер на посту секретаря польского посольства в Испании, однако проработал там меньше года, едва ли успев чем-то отличиться. Зато следующей его командировкой стала поездка в Дрезден в составе польской миссии к курфюрсту Фридриху Августу I. Задача переговоров сводилась к тому, чтобы убедить саксонского властителя принять польскую корону в соответствии с положениями Конституции 3 мая 1791 г. В принципе

¹ Фамилия «Энгель» (Engel) в переводе с немецкого языка означает «ангел». «Ангельский тандем» Ф.И. Энгеля и Е.А. Энгельгардта не мог не служить поводом для шуток как в самом Государственном совете, так и за его пределами.

переговорщикам удалось достигнуть поставленной цели, однако проекту не суждено было воплотиться в жизнь: в 1795 г. после поражения восстания Тадеуша Костюшко и низложения Станислава Понятовского последовал третий раздел Польши. Фридрих Август I впоследствии стал герцогом Варшавским, но только в 1807 г. Таким образом, в каком-то смысле миссия все же увенчалась успехом, пусть и не сразу.

Участовавший же в ней Л.-В. Теппер к тому времени уже десять лет как перебрался в Петербург и сменил ремесло, посвятив всю дальнейшую жизнь музыке и музыкальной педагогике. В лицее он преподавал по просьбе Е.А. Энгельгардта с 1816 г. на общественных началах, то есть без выплаты жалованья, и только в 1817 г. был зачислен в штат Лицейского благородного пансиона. Тем не менее, наряду с занятиями музыкой, рассказы Л.-В. Теппера о «польском вопросе», который он знал досконально, способствовали расширению кругозора лицеистов по этому направлению внешней политики Российской империи.

Второй учитель – Сергей Гаврилович Чириков – вовсе не имел отношения к ведомственной дипломатической службе, но отмечен тем, что применительно к нему единственному (не только из всех наставников, но и знакомых вообще) А.С. Пушкин употребил однокоренной эпитет, пусть и в ироничной, можно даже сказать, в уничижительной форме:

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин;
Всегда, за все, во всех местах,
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой –
И вмиг он дипломатик (Пушкин, 1962: 445).

Данная шуточная эпиграмма, датируемая 1816–1817 гг., требует некоторых пояснений. Несмотря на некоторую издевку в тоне стихотворения, отношения А.С. Пушкина и его одноклассников с С.Г. Чириковым были весьма теплыми. Помимо обучения рисованию, он также исполнял обязанности гувернера, то есть был ответственным за поведение подростков (в современных институтских реалиях – куратор, тьютор или начальник курса). Занятие было явно неблагодарное, учитывая строптивые характеры юных лицеистов, при этом за проказы от руководства учебного заведения доставалось не только им самим, но и С.Г. Чирикову. Отсюда отсылки в эпиграмме: «Мартын» – прозвище инспектора (завуча или проректора по воспитательной работе) М.С. Пилецкого-Урбановича, еще до написания приведенного текста со скандалом изгнанного из лицея по инициативе учеников (Райнхардт, 2019: 93). С.С. Фролов – также достаточно строгий коллега первого. Для того чтобы эффективно исполнять роль «доброго полицейского» и улаживать конфликты, художнику приходилось мимикрировать под оппонентов: с М.С. Пилецким-Урбановичем он разговаривал на языке благонравного святоши, поскольку тот предпочитал такой образ и очень глубоко интересовался вопросами религии. С С.С. Фроловым – скорее всего, апеллируя к логике и здравому прагматизму. Соответственно, в общении с Е.А. Энгельгардтом «дипломатик» – не просто гибкий, сговорчивый, склонный к компромиссам человек (бытовое значение прилагательного «дипломатичный»: таким он был в принципе, то есть и с М.С. Пилецким-Урбановичем, и с С.С. Фроловым тоже), но отсылка к прежнему ремеслу самого директора.

Следовательно, именно последние шесть строк эпиграммы серьезны и призваны передать непростую роль С.Г. Чирикова во взаимоотношениях с коллегами и подопечными, между которыми ему приходилось постоянно лавировать. Как бы то ни было, приведенное послание не было задумано как обидное по отношению к адресату – в отличие, например, от прямых и искренних оскорблений Ф.М. Гауеншильда. Таким образом, своим поведением С.Г. Чириков демонстрировал манеры, полезные для дипломатического ремесла, и способствовал формированию у своих подопечных соответствующих этических представлений.

5. Заключение

Как видим, некоторые из лицейских педагогов первых лет его функционирования имели личный, пусть и сравнительно кратковременный опыт дипломатической работы (В.Ф. Малиновский, Е.А. Энгельгардт, Л.-В. Теппер). Другие (Ф.М. Гауеншильд, С.Г. Чириков) были просто хорошо знакомы с нравами и обычаями дипломатического корпуса и в целом этой профессиональной среды. Было бы преувеличением утверждать, что в основном именно общение с ними определило интерес воспитанников к дипломатии и международным отношениям. Однако те из них, кто впоследствии стал карьерным дипломатом, в известной мере обязаны этим выбором рассказам перечисленных наставников об их работе в посольствах и миссиях. Определенные ценности, а именно: любовь к Отечеству, постоянное стремление к профессиональному самосовершенствованию, критическое мышление, порядочность, такт и нетворкинг, без которых немислима успешная работа в названной области, были привиты будущим чиновникам Коллегии и Министерства иностранных дел именно в лицее. Наряду с этим упор делался на развитии таких специфических профессиональных

компетенций, как владение иностранными языками и архивное дело. Именно в этом состояла заслуга образовательной среды и инфраструктуры Императорского Царскосельского лицея 1810-х – начала 1820-х годов в целом, а также личностей отдельных вышеназванных учителей.

Начиная со второй половины 1820-х гг., в связи с перепрофилированием лицея и его подчинением военному ведомству данная традиция постепенно прервалась. Несмотря на то, что Царскосельский (с 1843 г. – Александровский) лицей дал России пять министров иностранных дел (А.М. Горчаков, Н.К. Гирс, А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский и С.Д. Сазонов), доля выпускников, поступавших на дипломатическую службу, снизилась с 30 % среди первых наборов (Райнхардт, 2019: 83) до 10 % к началу XX века (Павлова, 2002: 185-186). Таким образом, после рассмотренного периода лицей фактически перестал играть роль кузницы кадров для внешнеполитического ведомства и центра академической дипломатии.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, Проект 18-78-10123 «Научная дипломатия как новое направление международной деятельности: практики, область действия и перспективы применения».

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Гастфрейнд, 1912–1913 – Гастфрейнд Н.А. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицей. Материалы для словаря лицейстов первого курса 1811–1817 г. В 3 т. Собрал и изд. Николай Гастфрейнд. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1912–1913.
- Грот, 1887 – Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 320 с.
- Грот, 1911 – Грот Я.К. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1911. 461 с.
- Карпов, 2019 – Карпов В.В. Особенности профессиональной подготовки студентов-международников в России // *Современное педагогическое образование*. 2019. № 9. С. 201-205.
- Кобеко, 1911 – Кобеко Д.Ф. Императорский царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 554 с.
- Кузнецов, 2014 – Кузнецов А.И. Прообраз МГИМО: из истории специального дипломатического образования в России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 1. С. 64-71.
- Малиновский, 1958 – Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 170 с.
- Мелихов, 2011 – Мелихов И.А. Личность в дипломатии. На исторических параллелях. М.: Восток-Запад, 2011. 368 с.
- Павлова, 2002 – Павлова С.В. Императорский Александровский лицей. СПб.: Паритет, 2002. 256 с.
- Панченко, Торкунов, 2018 – Панченко В.Я., Торкунов А.В. Ученый как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. 2018. № 1. С. 10-17.
- Пушкин, 1959 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814–1822. М.: ГИХЛ, 1959. 643 с.
- Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. М.: ГИХЛ, 1962. 462 с.
- Райнхардт, 2019 – Райнхардт Р.О. Дипломаты – лицейские друзья А.С. Пушкина // *Обозреватель-Observer*. 2019. № 10. С. 78-96.
- Руденская, 1999 – Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917. СПб.: Лениздат, 1999. 512 с.
- Ступель, 1960 – Ступель А.М. Лицейский учитель музыки // Пушкин: Исследования и материалы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 362-377.
- Турилова, 1992 – Турилова С.Л. Материалы о Н.М. Карамзине в Архиве внешней политики Российской империи // Н.М. Карамзин. Юбилей 1991 года: Сборник научных трудов. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 1992. С. 63-67.
- Турилова, 1999 – Турилова С.Л. Пушкин на дипломатической службе // *Международная жизнь*. 1999. № 6. С. 24-33.
- Тюнькин, 1989 – Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М.: Мол. гвардия, 1989. 621 с.
- Черейский, 1988 – Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 544 с.
- Яценко, 1994 – Яценко О.А. Учитель пения: Штрихи к биографии Людвиг Вильгельма Теппера де Фергюсона // *Арс*. № 1: Дома у Пушкина. СПб., 1994. С. 40-46.
- Ruffini, 2017 – Ruffini P.-V. Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 2017. 132 p.

Stone, 1971 – Stone L. Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. Is. 1: 46-79.

Zonova, 2011 – Zonova T. The consular service in Russia: Past problems, new challenges // *Diplomatic Studies*. 2011. Is. 7: 173-198.

References

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

Cherejskij, 1988 – Cherejskij, L.A. (1988). Pushkin i ego okruzenie [Pushkin and his entourage]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie. 544 p. [in Russian]

Gastfreund, 1912–1913 – Gastfreund, N.A. (1912–1913). Tovarishhi Pushkina po Imperatorskomu Tsarskosel'skomu liceju. [Pushkin's comrades at the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum]. Materialy dlja slovarja liceistov pervogo kursa 1811-1817 g. V 3 t. Sobral i izd. Nikolaj Gastfreund. SPb.: tip. P.P. Sojkina. [in Russian]

Grot, 1887 – Grot, Ya.K. (1887). Pushkin, ego licejskie tovarishhi i nastavniki [Pushkin, his Lyceum comrades and teachers]. Neskol'ko statej Ja. Grota, s prisoedineniem i dr. materialov. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk. 320 p. [in Russian]

Grot, 1911 – Grot, Ya.K. (1911). Pushkinskij licej (1811–1817) [Pushkin Lyceum (1811–1817)]. Bumagi I-go kursa, sobrannye akademikom Ja.K. Grotom. SPb.: Tip. Ministerstva putej soobshhenija. 461 p. [in Russian]

Karpov, 2019 – Karpov, V.V. (2019). Osobennosti professional'noj podgotovki studentov-mezhdunarodnikov v Rossii [Specific features of students in international relations professional training in Russia]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 9: 201-205. [in Russian]

Kobeko, 1911 – Kobeko, D.F. (1911). Imperatorskij tsarskosel'skij licej. Nastavniki i pitomcy 1811–1843 [Imperial Tsarskoye Selo Lyceum. Teachers and pupils 1811–1843]. SPb.: Tipografija V.F. Kirshbauma. 554 p. [in Russian]

Kuznetsov, 2014 – Kuznetsov, A.I. (2014). Proobraz MGIMO: iz istorii special'nogo diplomaticheskogo obrazovanija v Rossii [MGIMO prototype: from the history of special diplomats training in Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 1: 64-71. [in Russian]

Malinovskij, 1958 – Malinovskij, V.F. (1958). Izbrannye obshhestvenno-politicheskie sochinenija [Selected social and political works]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 170 p. [in Russian]

Melihov, 2011 – Melihov, I.A. (2011). Lichnost' v diplomatii. Na istoricheskikh paralleljah [Personality in diplomacy. On historical parallels]. M.: Vostok-Zapad. 368 p. [in Russian]

Panchenko, Torkunov, 2018 – Panchenko, V.Ya., Torkunov, A.V. (2018). Uchenyj kak diplomat: nauka vlijaet na reshenie mezhdunarodnyh konfliktov i problem [Scholar as a diplomat: science impacts international conflicts and problems resolution]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij*. 1: 10-17. [in Russian]

Pavlova, 2002 – Pavlova, S.V. (2002). Imperatorskij Aleksandrovskij licej [Imperial Alexander Lyceum]. SPb.: Paritet. 256 p. [in Russian]

Pushkin, 1959 – Pushkin, A.S. (1959). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.1. Stihotvorenija 1814–1822 [Poems 1814–1822]. M.: GIHL. 643 p. [in Russian]

Pushkin, 1962 – Pushkin, A.S. (1962). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.7. Istorija Pugacheva, Istoricheskie stat'i i materialy, Vospominanija i dnevniki [Pugachev's history. Historical articles and materials. Memoirs and diaries]. M.: GIHL. 462 p. [in Russian]

Raynkhardt, 2019 – Raynkhardt, R.O. (2019). Diplomaty – licejskie druž'ja A.S. Pushkina [Diplomats – Lyceum friends of Alexander Pushkin]. *Obozrevatel'-Observer*. Pp. 78-96. [in Russian]

Rudenskaja, 1999 – Rudenskaja, S.D. (1999). Tsarskosel'skij – Aleksandrovskij licej. 1811-1917 [Tsarskoye Selo – Alexander Lyceum. 1811–1917]. SPb.: Lenizdat. 512 p. [in Russian]

Ruffini, 2017 – Ruffini, P.-B. (2017). Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 132 p.

Stone, 1971 – Stone, L. (1971). Prosopography. *Daedalus*. 100(1): 46-79.

Stupel, 1960 – Stupel, A.M. (1960). Licejskij uchitel' muzyki [Music teacher at the Lyceum]. Pushkin: Issledovanija i materialy. M-L.: Izd-vo AN SSSR. Vol.3. Pp. 362-377. [in Russian]

Turilova, 1992 – Turilova, S.L. (1992). Materialy o N.M. Karamzine v Arhive vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Materials on N.M. Karamzin in the Archive of foreign policy of the Russian Empire]. N.M. Karamzin. Yubilei 1991 goda: sbornik nauchnyh trudov. M.: Gos. muzej A.S. Pushkina. Pp. 63-67. [in Russian]

Turilova, 1999 – Turilova, S.L. (1999). Pushkin na diplomaticheskoy sluzhbe [Pushkin on diplomatic service]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 6: 24-33. [in Russian]

Tyunkin, 1989 – Tyunkin, K.I. (1989). Saltykov-Shhedrin [Saltykov-Shhedrin]. M.: Mol. gvardija. 621 p. [in Russian]

Yacenko, 1994 – Yacenko, O.A. (1994). Uchitel' penija: Shtrihi k biografii Ljudviga Vil'gel'ma Teppera de Fergjusona [Song teacher: treats to Ludwig-Wilhelm Tepper de Ferguson's biography]. *Ars*. № 1: Doma u Pushkina. SPb. Pp. 40-46. [in Russian]

Zonova, 2011 – Zonova, T. (2011). The consular service in Russia: Past problems, new challenges. *Diplomatic Studies*. 7: 173-198.

**Фактор личности в академической дипломатии 1810-х – начала 1820-х годов:
опыт первых педагогов Императорского Царскосельского лицея**

Роман Отмарович Райнхардт ^{a, *}

^aМосковский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ роли личности в академической дипломатии первой четверти XIX века на примере Императорского Царскосельского лицея. Используя материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также специализированную литературу и применяя просопографический метод, автор исследует влияние профессионального дипломатического опыта первых директоров и учителей указанной школы на их академическую и педагогическую деятельность. Императорский лицей как наиболее известное и элитарное учебное заведение рассматриваемого периода изначально не имел четко обозначенной специализации. Тем не менее многие его выпускники после окончания учебы сделали карьеру на дипломатическом поприще, став государственными служащими Министерства иностранных дел. На такой выбор в значительной степени повлияли профессиональные навыки и ценности, переданные им бывшими дипломатами, которые были их директорами и учителями. Анализируются особенности, с одной стороны, и сходства, с другой – соответствующих карьерных траекторий. Показано, что большинство из них разделяли определенные ценности и этические принципы, типичные для профессионального дипломатического сообщества, а именно: патриотизм, нацеленность на защиту национальных интересов государства и нетворкинг. При этом большое внимание уделялось технической подготовке к работе с архивами, а также овладению иностранными языками. Автор приходит к выводу, что в совокупности эти факторы сформировали уникальную образовательную среду для будущих дипломатов и специалистов в области международных отношений.

Ключевые слова: история российской дипломатии, научная дипломатия, академическая дипломатия, Императорский Царскосельский лицей, профессиональная подготовка дипломатов.

* Корреспондирующий автор

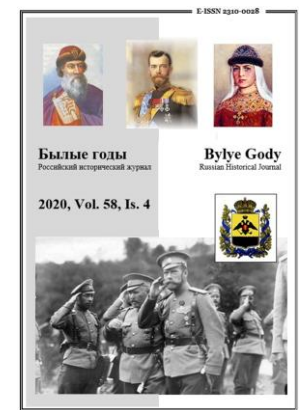
Адреса электронной почты: don.reinhardt@mail.ru (Р.О. Райнхардт)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2437-2442. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2437
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Unknown Pages of the Caucasian War: Children in Circassian Captivity in 1812–1815 (based on the materials from “The Circassian Slave Narratives”)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Ludmila G. Zimovets ^f,
Marina A. Ponomareva ^g

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^g Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of kidnapping by Circassians on Russian territory in the period of 1812–1815.

The work “The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)” was used as materials. This collection was published under the editorship of doctor of historical sciences A.A. Cherkasov in September 2020 on the pages of the Russian historical journal “Bylye Gody”. The collection consists of 1.2 thousand documents of the State archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation).

Methodologically, the statistical and chronological methods were widely used in the work. The statistical method allowed us to estimate the scale of child captivity, while the chronological method allowed us to consider this problem in its chronological sequence. Using these methods, the authors were able to calculate the percentage of people who were ransomed or escaped from Circassian captivity and to make estimates on the number of those people whose fate remained unknown.

In conclusion, the authors state that cases of kidnapping by Circassians from Russian territory were recorded from 1795 to 1862. During this time, at least several hundred children were kidnapped, only from the Russian side. The child abduction was economically profitable for kidnappers in Circassia, since the cost of children on slave markets in Circassia exceeded the cost of an adult and healthy man by three or more times. At the same time, the capture of a Cossack, for example, posed a significant danger to the attacker, since he was trained in the use of cold weapons and was a much greater burden in delivering the prisoner to the Circassian side. It is also important to note that the slave traders valued both boys and girls equally. Because of the high price of children, most of the captured children were immediately sent to the slave markets and sold to the Turks. This fate befell 78 % of children abducted by Circassians in the period of 1812–1815.

Keywords: children, Cossacks, Circassia, slave owners, slave traders, slave capture, kidnappings, slave traffic.

1. Introduction

The issue of children in Circassian captivity is a totally unexplored topic in the history of the North Caucasus in the period of the first half of the 19th century and the Caucasian War. Its present-day exploration

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

has only been made possible thanks to the publication of the “Circassian slave narratives” documentary collection. The broad array of archival documents introduced into research enabled us to throw light on many issues, including the one under review. To have a closer look at the problem, we will take the period from 1812 to 1815, which was selected because the collection includes document No. 584 “Record of residents abducted by the Circassians in 1812-1815,” dated August 16, 1815 (Cherkasov, 2020: 1673-1676). Our attention to the document can be explained as it contains the names of abducted persons, part of whom were later ransomed or escaped from captivity.

2. Materials and methods

The work “The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)” was used as materials (Cherkasov, 2020: 1415-2266). The collection was published under the editorship of Doctor of Historical Sciences A.A. Cherkasov in September 2020 in the Russian historical journal “Bylye Gody.” The collection comprises 1.2 thousand documents from the State Archive of the Krasnodar Krai, Krasnodar, Russian Federation. The collection’s timeframe spans from 1782 to 1861, and it is an unsurpassed source of information on the history of slavery, slave trade, slave capture and serfdom in the territory of Circassia at the time specified. The collection features an index of 2,787 individuals who were ransomed by the Russian side or fled from Circassia, with members of 20 ethnic groups, including Europeans and Africans, represented in the number.

Methodologically, the work widely used the statistical and chronological methods. The statistical method allowed us to estimate the scale of child captivity, while the chronological method allowed us to consider this problem in its chronological sequence. Using these methods, the authors were able to calculate the percentage of people who were ransomed or escaped from Circassian captivity and to make estimates on the number of those whose fate remained unknown.

3. Results

The first documented instance of child abduction by Circassians in the Russian territory took place on September 12, 1795. On this day, in an attack on a Cossack cart by 9 Circassians near the Teplensky redoubt, 10-year-old Fyodor Konovka, a son of a Kislyakovsky Kuren (an administrative unit in the Don region, combining several Cossack settlements) Cossack, was kidnapped (Cherkasov, 2020: 1451). Last incidents occurred in 1862, when Circassians plundered two Cossack stanitsas, Psemenskaya and Nizhne-Bakanskaya – 47 civilians were captured, including children, in the raids (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 121-122). The overall figure for the period between 1795 and 1862 amounts to at least several hundred minor children captured by Circassians and carried away from Russia, most of whom never returned to their homeland. It is fair to say, however, that Circassians abducted children not only from Russians, but from Nogais and their own fellow countrymen as well. The traditions of kidnapping children of their fellow countrymen were rooted in the history of Circassians. For example, already the adats codified that men of a noble rank had a right to mount a hunt once a year for their fellow tribesmen’s children, who went out to fetch water. Noblemen could take even ten children captive, but according to the adat they could only carry away 2 or 3 with them and had to release the rest. Having captured children, they had to gallop off from pursuers as quickly as possible, and if they succeeded, the children became their property and were sold away. The adat law supported the financial well-being of young nobles, as well as fostered their martial ardor, and helped refine the practical methods of kidnapping.

The work does not endeavor to review all cases of Circassians’ captivating children during the Caucasian War. However, from our viewpoint, to build up a general picture, it is quite sufficient to use materials for 1812–1815, which were uncovered in “The Circassian slave narratives” documentary collection, namely document 584 “Record of residents abducted by Circassians in 1812–1815”.

So, on August 16, 1815, the office of the Black Sea Cossack Host drew up a Record of individuals abducted by Circassians in the Russian territory in the period from 1812 to 1815. The first documented incident took place on February 1, 1812, and the last one — on April 10, 1815. According to the information in the Record (calculated by us – Auth.), 96 people were abducted over the time, of whom 40 were children (1 child in 1812, 28 in 1813, 9 in 1814, 2 in the first six months in 1815). For a clearer illustration, we summarized the data arranged by years in table 1. Table 1 also provides data on people ransomed by the Russian administration and people who managed to escaped from slavery independently.

Table 1. Information on individuals abducted from the Russian territory in the period from 1812 to 1815, according to the Record ([Cherkasov, 2020: 1673-1676](#))

Years	Men			Women			Children (individuals under 18)		
	Abducted	Ransomed	Escaped	Abducted	Ransomed	Escaped	Abducted	Ransomed	Escaped
1812	5	2	-	-	-	-	1	-	-
1813	28	19	2	6	4	-	28	5	1
1814	15	11	1	1	1	-	9	-	-
1815	1	-	-	-	-	-	2	-	-
Total	49	32	3	7	5	-	40	5	1

If we recount the data in [Table 1](#), we can receive the number of all abducted individuals, broken by age, i.e. 56 adults (individuals aged 18 years old and above) and 40 children (individuals under 18 years old). Hence, children accounted for 41 % of all abducted individuals. As for ransoming captives, we identified a very interesting pattern – of the 49 abducted men, 32 were ransomed, i.e. 65 %; out of the 7 abducted women, 5 were ransomed, i.e. 71 % (out of the 56 adults, 37 were ransomed, which was almost 70 %); but out of the 40 abducted children, only 5 were ransomed, i.e. 12 %. All instances of ransoms paid for children occurred in 1813, when the number of the children captured was highest, according to the data in the Record. As for the individuals who managed to escaped the from Circassian captivity, the portion was small – there were only 3 cases among men and 1 case among children.

Nevertheless, even this Record gives incomplete information on the number of abducted individuals aged under 18. For example, we found a document “The Circassian slave narratives” documentary collection, which reports another abduction not reflected in the Record for 1812. The document tells about a boy, Ostap Dezhkalo, who was kidnapped in 1812 and ransomed in 1815 ([Cherkasov, 2020: 1680](#)). In addition, another 2 sons of the Black Sea Cossack Dezhkalo were ransomed in 1815-1816 – this information was also revealed in later documents ([Cherkasov, 2020: 1680, 1682](#)). Therefore, the total number of the children abducted in 1812–1815 reached at least 41 (see [Table 2](#)).

Table 2. Abducted children, 1812-1815 ([Cherkasov, 2020: 1673-1676, 1680, 1682, 1683](#))

No.	Surname, first name	Abduction date	Return date	Note
1	Zhitnaya Natalia, daughter of a Cossack	February 1, 1812	-	-
2	Dezhkalo Ostap, minor, son of a Cossack	1812	1815	Ransomed
3	Titarenko Osip, 10 years old	May 31, 1813	1813	Ransomed
4	Trukhlyanova Ulyana, 5 years old, daughter of a Cossack	May 31, 1813	-	-
5	Serdyuk Matvey, 16 years old, son of a Cossack	July 3, 1813	-	-
6	Serdyuk Karp, 9 years old, son of a Cossack	July 3, 1813	-	-
7	Serdyuk Danila, 7 years old, son of a Cossack	July 3, 1813	-	-
8	Serdyuk Evdokia, 4 years old, daughter of a Cossack	July 3, 1813	-	-
9	Seletinsky Petr, minor, son of a Cossack	August 26, 1813	-	-
10	Khil (name unknown), 5 years old, son of a Cossack	August 12, 1813	-	-
11	Khil (name unknown), 7 years old, daughter of a Cossack	August 12, 1813	-	-
12	Dezhkalo Potap, 7 years old, son of a Cossack	August 18, 1813	1815	Ransomed
13	Dezhkalo Fyodor, 5 years old, son of a Cossack	August 18, 1813	1816	Ransomed

14	Dezhkalo Irina, 3 years old, daughter of a Cossack	August 18, 1813	-	-
15	Sepanchikha Ustinya, 12 years old	August 18, 1813	-	Ransomed
16	Zavalny Yakov, minor, son of a Cossack	August 16, 1813	-	Abducted together with his mother. Mother was ransomed.
17	Petr, a son of a Cossack	August 26, 1813	-	-
18	Kalyuzhny Maksim, 2 years old, son of a Cossack	September 8, 1813	-	Abducted together with his mother. Mother was ransomed.
19	Pergatenko (Pergat) Petr, 16 years old	October 10, 1813	-	In 1816, Circassians required 1,000 poods of salt as a ransom.
20	Zhuravlenko Vasiliy, 9 years old	October 10, 1813	-	-
21	Shramikha Dmitriy, 15 years old, son of a Cossack	October 10, 1813	-	-
22	Sokolenko Mikhail, 11 years old, son of a Cossack	October 10, 1813	1813	Ransomed
23	Gerasim, 12 years old, a hand	October 10, 1813	-	-
24	Shamka Yakim, 12 years old, son of a Cossack	October 10, 1813	-	-
25	Drugal Stepan, son of a Cossack	June 17, 1813	1814	Escaped
26	Vesyolaya Agafya, 4 years old, daughter of a Cossack	September 8, 1813	-	-
27	Vesyolaya Vasiliy, 6 weeks old, son of a Cossack	September 8, 1813	-	-
28	Semyon, 13 years old, son of a Cossack	October 4, 1813	-	-
29	Kapustyan Ivan, son of a Cossack	December 30, 1813	1815	Ransomed
30	Kapustyan Emelyan, 6 years old, son of a Cossack	December 30, 1813	1815	Ransomed
31	Shved Tatyana, daughter of a Cossack	April 7, 1814	-	-
32	Cherny Nikita, son of a Cossack	June 4, 1814	-	-
33	Anisia, 12 years old, a hand	September 5, 1814	-	-
34	Natalia, 13 years old	September 5, 1814	-	-
35	Iskra Mikhail, 6 years old, son of a Cossack	September 5, 1814	-	-
36	Iskra Ilya, 4 years old, son of a Cossack	September 5, 1814	-	-
37	Iskra Sofia, 10 years old, daughter of a Cossack	September 5, 1814	-	-
38	Gladchenko Marya, 13 years old, daughter of a Cossack	May 12, 1814	-	-
39	Polulyakh Andrey, 15 years old, son of a Cossack	May 12, 1814	-	-
40	Buchak Maksim, 10 years old, son of a Cossack	April 10, 1815	-	-
41	Berezhnoy Nikita, 15 years old, son of a Cossack	April 10, 1815	-	-

Analysis of [Table 2](#) makes it clear that out of 41 children, 8 in total were ransomed in the period until 1816 inclusive, i.e. 19.5 % of the captured children were ransomed. 1 child managed to escape on his own, i.e. another 2.5 %. The fate of the rest 78 % of the abducted children remained unknown. What can explain the fact that 70 % of adult Russians were returned to Russia for a ransom, while the percentage of ransomed children never even reached 20? To uncover the reason for this, we should visit a Turkish slave-trading ship that set sail from Circassia with a cargo of slaves in 1810. The slave trader was captured by the Russian

corvette “Krym”, and 66 slaves were found on board, including Russians, Circassians and Abazins. The slaves’ average age was 14.9 years old! (Cherkasov et al., 2017: 856). It is essential to note that Turkish and Circassian slave traders preferred to buy children from various “human” commodities as they brought the highest profit. The explanation was quite simple – adults were unable to easily adapt for life in a new environment, for example, in large Turkish cities, while children made it through such adaptation almost without problems. As a result, most of the kidnapped children were transported directly to the Black Sea coast to be sold to slave traders there.

It is also necessary to give some details on the price of children. In the 1810-1820s, human commodities were traded in Circassia either for money (Russian or Turkish currencies) or exchanged for goods (cows, salt, canvas, etc.). For example, in 1814, 1 pood of salt cost to Russian tax farmers of the merchant class, 2.5 rubles. (Cherkasov, 2020: 1659). The value of salt was somewhat lower for the Black Sea Cossack Host and amounted to 1 ruble for a pood. The prices were different because some salt belonged to the state and the other one was marketed by private owners.

In 1823, following an oversight on the part of a Cossack officer, two Cossacks were taken captive by Circassians. To ransom the Cossacks, the Russian administration decided to collect the money from the officer, and the following formula was provided to this end – they gave 4 or 6 head of cattle for each captive, each head of cattle was estimated at 6.8 tops¹ of canvas. One top was priced at 2 levs in the Turkish currency or 1.6 rubles in the Russian currency. Based on this, the minimum average price was calculated at about 57 rubles. (Cherkasov, 2020: 1731). However, we should realize that in fact such prices never existed, and the price tag for the officer was almost deliberately set lower so as not to reduce him to financial insolvency. Let us illustrate the true picture in the pricing policies regarding captives. For example, a novice of the Nikolaevskaya Pustyn (monastery), Ivan Kagalnitsky, was ransomed for 141 poods of salt in 1816 (Cherkasov, 2020: 1686), which was equivalent to 141 rubles in state prices. However, the novice’s tax farmer was a merchant who gave away his own product, which meant the price of salt was 2.5 times higher, or about 325 rubles. In 1807, an order of Russian Tsar Alexander I instructed a large-scale ransom program for Russian prisoners (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018), ransom prices were as follows: 195, 295, 236, 98, 160, 489, 202, 485, 185, 68, 75, 120, 218, 390, 200, 136 and 264 rubles. (Cherkasov, 2020: 1717). The lowest price was offered for elderly captives, who were no longer fit for agricultural work in slave-holding Circassia. The total cost of 17 ransomed captives was 3,816 rubles, and the average cost of one captive varied around 224.5 rubles. Considering the calculation, we should not forget that the group of captives could include those who were kidnapped by Circassians from their fellow Circassians. To quickly sell kidnapped people, slave traders, as a rule, had to agree to lower prices. Nevertheless, we should take note of this price set at 224.5 rubles for a captive in 1807.

We have already mentioned that the lowest price was paid for elderly people. There were cases recorded in Circassia when the oldest captives, aged 75 and above, who had completely lost their physical capability, were freed and returned to their previous place of residence. For example, in 1798, a Pole Pavel Bodva, who spent 35 years in slavery, was given freedom due to his old age (Cherkasov, 2020: 1481). The average price of 224 rubles was paid for an adult, for example a Cossack, but children were the most valuable commodity.

For example, a 6-year-old boy Emelyan, a son of a Black Sea Cossack, was ransomed in 1815 for 600 rubles, while the price of a Cossack himself was 200 rubles, the price of a Cossack’s wife – 200 rubles, and a non-combatant Cossack (unfit for service) – 100 rubles. (Cherkasov, 2020: 1661). In the same year, the price of a Circassian girl was also set at 600 rubles. (Cherkasov, 2020: 1667). The equally high price of boys and girls shows that the gender status of captives made no fundamental difference. We should also consider the maximum values of the price for children. In 1816, two Cossack boys were offered in exchange for 1.6 thousand poods of salt (Cherkasov, 2020: 1690). The final ransom sum still reached 1.5 thousand poods of salt. However, this was not the limit – prices set for children could go even higher. For example, in the same 1816, Circassians asked 1,000 poods of salt for a 17-year-old boy Petr Pergat (GAKK. F. 249. Op. 1. D. 711. L. 23), which amounted to about 1 thousand rubles even calculated in the state (reduced) prices for salt. The historical high was documented in 1834 when a Cossack maiden Pelageya Drozdova was ransomed for record 1,774 rubles. (Cherkasov et al., 2018: 1341). For comparison – the annual salary of a Russian officer was 300 rubles at the time! In the 1810s, the ransom of children was typically organized by the captive’s family, and the effort often utterly ruined the family. Turkish slave traders had a greater paying capacity (profit for a child, purchased in Circassia and resold in Istanbul, multiplied up many times), so Circassians preferred to quickly deliver booty children to the Black Sea coast and sell there or sell to one of many intermediaries inside Circassia at a lower price.

It is fair to note that the child slave trade was a line of business not only for Circassians, but for their neighbors, the Abkhaz, as well. It is known that Prince Mikhail Shervashidze, the ruler of Abkhazia, sold up to 400 boys and girls annually in the 1840s, which was equal to about 1 % of the population at the time (TsGIAG. F. 4. Op. 1. D. 3632. L. 4).

¹ 1 top (measure of length) equaled about 3.92 meters.

4. Conclusion

Summarizing the findings, we can conclude cases of kidnapping by Circassians from Russian territory were recorded from 1795 to 1862. During this time, at least several hundred children were kidnapped, from the Russian side alone. Child abductions were a lucrative trade for kidnappers in Circassia, since the price of children on slave markets in Circassia exceeded the price of an adult and healthy man by three or more times. At the same time, capturing a Cossack, for example, posed a significant danger to the attacker, since the former was trained in the use of cold weapons, and it was much more difficult to deliver such a captive to the Circassian territory. Another important fact was that slave traders valued both boys and girls equally. Because of the high price of children, most of the captured children were immediately sent to slave markets and sold to Turks. This fate befell 78 % of children abducted by Circassians in the period from 1812 to 1815.

References

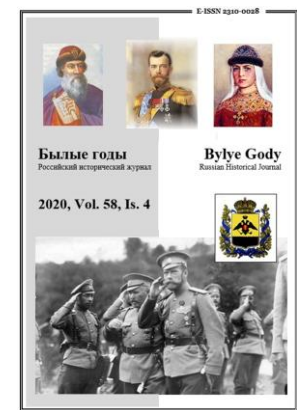
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archive of the Krasnodar Krai].
- [TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].
- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.
- [Cherkasov et al., 2018](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N.* (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.
- [Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg.* [A collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspian region 1801–1885 years]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]
- [Rajović et al., 2017](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.
- [Rajović et al., 2018](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2443-2455. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2443
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Scientific and Pedagogical Activity of N.I. Lobachevsky and S.V. Smolensky in the Context of Socio-Cultural Processes (Kazan Province, XIX century)

Lyalya T. Faizrakhmanova ^{a, *}

^a Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival materials and literary sources, the article shows the socio-cultural processes that arose in the Kazan province in the 19th century. These processes are studied in close relationship with the activities of outstanding scientists and educators N.I. Lobachevsky and S.V. Smolensky, whose fates are closely intertwined with the history of Kazan. The analysis of the sources made it possible to identify factors that influenced the development of the processes under study. Among them: 1) the historical and geographical position of Kazan, which was the eastern outskirts of the Empire with a gradual change in its status by the end of the 19th century, as a large provincial city in the central part of Russia, which has become one of the centers of educational, spiritual, military and judicial Russian districts; 2) the peculiarities of the historical time, caused by the state reforms of the emperors Alexander I and Alexander II, the "anti-reforms" of Nicholas I and Alexander III, as well as the state national policy, which is based on the rejection of compulsory methods of missionary activity among the "foreign" part of the population; attention to the region of representatives of the House of Romanov, their repeated visits to Kazan, which contributed to the economic and cultural development of the city; 3) the state of society and the characteristics of the socio-cultural environment associated with the multi-ethnic and multi-confessional composition of the population of the province, with the isolation of the Russian and "foreign" part of urban residents; with the gradual formation of a cultural environment of the "European" type, due to the activities of secular higher, secondary specialized, general educational institutions, the functioning of the theater, various public, scientific and artistic associations, amateur music making, the emergence of music and art schools; at the same time, the revival of public interest in the ancient layers of Russian spiritual culture; 4) the personal qualities of historical persons: the work shows the scale and significance of N.I. Lobachevsky and S.V. Smolensky for the development of socio-cultural processes in the Kazan province of the XIX century.

Keywords: non-Euclidean geometry, znamennaya notation (signum notatio), Kazan University, Kazan Teachers' Seminary, Moscow Synodal School, N.I. Lobachevsky, S.V. Smolensky.

1. Введение

Развитие исторического процесса зависит от множества факторов, одним из важнейших является деятельность людей, среди которых особая роль принадлежит тем, кто наделен властью, – это лидеры и руководители государств, политики, представители финансовых элит. Однако не меньшее, а может быть, и большее влияние на развитие цивилизационных процессов оказывают порой деятели, трудами которых человечество обретает новые возможности в познании окружающего мира: это ученые, это культуртрегеры, это просветители-реформаторы, одним словом, те, кого мы вслед за великим русским поэтом называем «властителями дум». Деятельность этих неординарных личностей всегда привлекала внимание писателей, работающих в биографическом жанре (Иконникова, 2011), а также историков, философов, социологов, психологов, особенно в

* Corresponding author

E-mail addresses: lafaiz@gmail.com (L.T. Faizrakhmanova)

последние десятилетия, отмеченные всплеском интереса ученых к проблеме роли личности в истории (Гринин, 2010: 3-44). Для данного исследования интерес представляют биографии выдающихся деятелей отечественной науки и просвещения, в судьбах которых отражается чрезвычайно насыщенный событиями XIX в. – «золотой век» русской науки, литературы и искусства, для которого характерным было динамичное, стремительное движение социума в сторону западноевропейской культуры, с одной стороны, и одновременно возрождение интереса общества к истокам национальной культуры – с другой. В Казанской губернии ярчайшими выразителями этих тенденций явились в разные периоды XIX века математик, педагог Н.И. Лобачевский и ученый-медиевист, просветитель С.В. Смоленский.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить в соответствии с современными подходами факторы (Гринин, 2011: 23), повлиявшие на судьбы выдающихся ученых, а также показать значимость их научной и просветительской деятельности для развития социокультурных процессов в одном из самых своеобразных «восточных» регионов России в указанный период (Логинов, 1997: 197). Следуя логике данных аргументов, можно говорить об актуальности темы исследования.

2. Материалы и методы

В работе использованы материалы, условно разделенные на несколько групп, в том числе опубликованные исторические документы (Указ Петра I об образовании Казанской губернии, Указ Александра I об основании Казанского университета, Устав Императорского Казанского университета и др.), документы из фондов Национального архива Республики Татарстан: фонд 977 – Казанский университет (Правление, Совет и др.), фонд 150 – Казанский учительский институт, фонд 160 – Директор народных училищ Казанского учебного округа по Казанской губернии. Следующую группу источников составляют статьи и воспоминания, принадлежавшие Н.И. Лобачевскому и С.В. Смоленскому, их ученикам и ближайшему окружению (С.Т. Аксаков, Н.Н. Булич, Н.Ф. Финдейзен и др.). Обширный материал представлен в исторических трудах авторов XIX в. Н.П. Загоскина, П.В. Знаменского, М.Н. Пинегина, Э. Турнерелли. Самостоятельную группу источников составляют словари и справочники (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904), Большая российская энциклопедия (БРЭ, 2005–2019), Спутник по Казани (1895). К последней группе источников принадлежат биографические статьи к памятным датам и труды, опубликованные в XX веке (П.С. Александров, Е.А. Борисовец, М.Ф. Каган, Б.Л. Лаптев, Л.Б. Модзалевский, С.М. Цыплакова).

В основу исследования положены принципы научного исторического познания – историзм, объективность, всесторонность; в совокупности использовались следующие научные подходы и методы: междисциплинарность, многофакторность как современный подход к выявлению роли личности в истории (Л.Е. Гринин, В.Е. Логинов), биографический метод, применяемый как инструмент с целью «особого измерения социально-культурных процессов» (С.Н. Иконникова), а также общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение исследуемого исторического материала, что в единстве обуславливает надежность результатов исследования.

3. Обсуждение

Первые биографические публикации, посвященные Н.И. Лобачевскому (20.11.1792–12.02.1856) и С.В. Смоленскому (03.10.1848–19.07.1909), явились откликом на печальное известие «о завершении выстраданного земного круга». Такова «Речь, произнесенная профессором Университета Н.Н. Буlichem пред гробом Н.И. Лобачевского» и опубликованная в Казанских губернских ведомостях (1856), а также «Биографический очерк» Н.Ф. Финдейзена (1910), в котором расставлены основные «вехи и определенные акценты относительно биографии» С.В. Смоленского.

Особую ценность для выявления факторов, оказавших влияние на развитие и последующее формирование личностей выдающихся ученых, представляют работы, в которых изложена история основания и деятельности Первой казанской мужской гимназии, Казанского университета, других учебных заведений губернии, труды, в которых представлены не только исторические факты, но и воссоздается атмосфера губернского города, раскрываются взаимоотношения различных слоев городского населения, «вырисовываются» портреты казанских жителей. С этой точки зрения представляют интерес «Воспоминания» известного русского писателя С.Т. Аксакова (1856), мемуары С.В. Смоленского «Воспоминания: Казань, Москва, Петербург» (2002); «записки» английского путешественника, художника, писателя Эдварда Турнерелли (1813–1896), выпустившего свои книги на французском (1841) и английском (1854) языках, альбом литографий с видами Казани (1839). Эти «записки» были переведены и изданы на русском языке впервые в 2005 году.

Истории Казани, ее достопримечательностям, описанию деятельности театра, учебных заведений, различных общественных объединений посвящены работы М.Н. Пинегина (1890), П.В. Знаменского (1892), Н.П. Загоскина (1895). В этих трудах представлен фактологический и статистический материал, важный для понимания и оценки происходящих событий и социокультурных процессов в Казани и губернии в целом.

Обширный биографический материал сосредоточен в трудах М.Ф. Кагана (1948) и Л.Б. Модзалевского (1948). Однако если первая работа представляет собой хорошо документированную биографию ученого-математика, то вторая включает три больших раздела различных тщательно отобранных материалов к биографии Н.И. Лобачевского: 1) документы из архива Казанского университета и других архивных фондов; 2) воспоминания о великом геометре, принадлежавшие ученикам, коллегам, знакомым, его детям (материалы записаны с их слов); 3) словарь-указатель лиц, упомянутых в книге и имеющих отношение к Н.И. Лобачевскому.

Высокая оценка результатов научной и административной деятельности, педагогических принципов и мировоззрения великого математика дана в статьях российских (советского периода) ученых Б.Л. Лаптева (1943) и П.С. Александрова (1966).

Результаты современных научных исследований содержатся в работах Е.А. Борисовца (2007), С.М. Цыплаковой (2008), которые основываются на материалах архива ученого-медиевиста, музыканта и педагога С.В. Смоленского, в том числе его «Воспоминаний», подготовленных к изданию М.П. Рахмановой (2002). Благодаря их исследовательской деятельности, в научный оборот введены неизвестные ранее документы и духовные сочинения композитора.

4. Результаты

Развитие многонациональной и поликонфессиональной Казанской губернии, основанной в период Петровских реформ (1708 г.) (БРЭ, 2005–2019), во многом было сопряжено с теми процессами, что повлекли за собой указы об учреждении учебных заведений: сначала во времена правления Елизаветы Петровны – Казанской мужской гимназии, открытой с целью «размножения наук» среди дворян и разночинцев (1758 г.), а затем в царствование Александра I – Казанского университета (1804 г.) (Пинегин, 1890, 2005: 247, 341; Устав..., 1804), который иностранцами и путешественниками воспринимался как нечто совершенно неожиданное, удивительное для окраинной, почти не тронутой цивилизацией территории, как «чудо в степи» (Турнерелли, 1841, 2005: 266).

Открытие Казанской гимназии состоялось через три года после основания Московского университета (1755 г.) и обосновывалось тем, что Казань являлась административным и торговым центром «отдаленного от Москвы обширного восточного края» (Спутник по Казани, 1895, 2005: 369), где не было ни одного светского учебного заведения. Поначалу учреждение гимназии было воспринято казанским обществом равнодушно, и первый набор гимназистов состоял всего из 14 человек, в числе которых оказался и будущий русский поэт Гавриил Романович Державин (Пинегин, 1890, 2005: 248). В первые годы своего существования материальное обеспечение и педагогический состав гимназии были «не блестящими», однако на следующий год число воспитанников в гимназии выросло до 120 человек (Спутник по Казани, 1895, 2005: 371). Постепенно учебное заведение встало на ноги, обзавелось собственным домом, который сгорел в огне пожаров при осаде города войском «самозванца и разбойника» Пугачева (1774 г.). В числе защитников города отряд из 74 учащихся, педагогов и служащих под командою директора гимназии фон Каница проявил мужество, были и погибшие (Спутник по Казани, 1895, 2005: 374, 375). В результате этих трагических событий и бедственного положения гимназия прекратила свою деятельность (1788 г.) и возобновила ее только через десять лет по указу императора Павла I. В гимназию поступили одаренные юноши, среди них «блещут имена: писателя С.Т. Аксакова, двух братьев Перевошиковых, братьев Панаевых и Княжевичей и других известных впоследствии деятелей» (Спутник по Казани, 1895, 2005: 377), но особое место принадлежит выдающемуся математику, «знаменитому геометру» Николаю Ивановичу Лобачевскому. Весь его жизненный путь с момента поступления в гимназию, а затем и в университет связан с Казанью. В его биографии можно выделить несколько важных этапов: детские и гимназические годы, студенческая жизнь, руководство Казанским университетом и последние годы жизни в качестве помощника попечителя Казанского учебного округа. Документов, на основе которых можно было бы составить представление о детских годах ученого, сохранилось немного. Биографы отмечают, что происхождение Николая Ивановича было не дворянским, детство его прошло «в стесненных условиях», как образно заметил один из учеников великого математика Э.П. Янишевский: «Бедность и недостатки окружали колыбель Лобачевского» (Каган, 1948: 16). Хорошо известно, что будущий создатель неевклидовой геометрии рано лишился отца и был привезен в Казань вместе с двумя братьями из Нижнего Новгорода. В 1802 г. все трое Лобачевских были приняты в Казанскую мужскую гимназию на «казенный кошт» (Материалы..., 1948: 36, 37). Повседневная жизнь гимназистов была достаточно суровой: «вставанье по звонку, задолго до света, при потухших и потухающих ночниках и сальных свечах; <...> холод в комнатах <...>; общественное умыванье из медных рукомойников, около которых всегда бывает ссора и драка; ходьба фрунтом на молитву, к завтраку, в классы, к обеду и т.д.» (Аксаков, 1856). Учащиеся много занимались, однако самые «самовольные» из них время от времени нарушали правила, за что попадали в карцер и лишались еды (Материалы..., 1948: 39, НА РГ. Ф. 977. Д. 8483. Л. 5).

В среде гимназистов большим уважением пользовался Г.И. Карташевский (1777–1840) – хороший математик и прирожденный педагог, выпускник Московского университета. Биографы

Лобачевского считают, что общение с Карташевским помогло ему перетерпеть суровый гимназический быт и хорошо продвинуться в освоении математики, занятия которой приняли серьезное направление после поступления Лобачевского в университет (1807 г.) (Каган, 1948: 36). В университете Лобачевский оказался в период, когда в соответствии с указом Александра I в России были проведены реформы образования, созданы учебные округа, открывались гимназии и университеты. Они послужили развитию наук, способствовали расцвету литературы, искусства, появились новые возможности для получения образования как дворянской молодежи, так и разночинному населению страны. Известие об открытии университета в Казани было встречено в гимназической среде с энтузиазмом, и в этом их поддержали учителя. С.Т. Аксаков пишет: «Нельзя без удовольствия и без уважения вспомнить, какою любовью к просвещению, к наукам было одушевлено тогда старшее юношество гимназии. <...> Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения!» (Аксаков, 1856). С учреждением Казанского университета открывалась «блестящая будущность наук», а для молодых людей появилась «возможность удовлетворить ... жар знания, пылкое стремление к учению в отдаленном краю» (Булич, 1856: 57). Вновь назначенный попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский (вице-президент Академии наук, математик и астроном) пригласил в университет группу иностранных ученых из-за недостатка своих профессоров. Н. Лобачевский начинает заниматься математикой под руководством приглашенного из Германии профессора М.Ф. Бартельса и становится его лучшим студентом. Совместно с И.М. Симоновым (будущим мореплавателем и астрономом) Лобачевский проводит первые в Казани астрономические наблюдения, руководит которыми известный астроном И.И. Литтров. В общении с университетскими педагогами, на лекциях и практических занятиях формируется научное мировоззрение молодого ученого. Однако блестящую карьеру будущего математика чуть было не перечеркнул конфликт с «профессором-директором» И.Ф. Яковкиным, который извещает попечителя о всех «нарушениях», отмечая «худое поведение студента Николая Лобачевского, мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушение порядка и, отчасти, возмутительные поступки; оказывая их, в значительной степени явил признаки безбожия» (Материалы..., 1948: 44-45). Эпизодов, раздражавших Яковкина, было достаточно: так, например, Лобачевский сочинил эпиграммы на его помощника, они имели распространение среди студентов и стали известны адресату, или посещение Лобачевским без разрешения новогоднего маскарада, а также неоднократные визиты к друзьям. Если поначалу эти «проступки» не имели никаких серьезных последствий для Лобачевского, то со временем дисциплинарные нарушения приняли угрожающий для него оборот. Лобачевский мог быть исключен из университета и сдан в солдаты за нарушения в соответствии с «высочайшим повелением» (от 18 мая 1811 г.). В защиту выступили немецкие профессора Бартельс и Броннер. Позже (в 1812 г.) Ф.К. Броннер писал попечителю М.А. Салтыкову: «У этого человека [Яковкина] на устах всегда слова высокой морали; <...> он из-за пустяков чуть было не погубил и не опорочил наилучшего воспитанника университета Николая Лобачевского, внутренние побуждения которого, собственно, заслуживали только похвалы. Лишь с большим трудом нам удалось его спасти» (Каган, 1948: 60). Дальнейшее возведение Лобачевского в степень магистра с тем, чтобы он мог преподавать и заниматься наукой, также имело противодействие со стороны И.Ф. Яковкина, он пожелал, чтобы Лобачевский в собрании совета «принес покаяние в своем дурном поведении и обещал полное исправление». После увещаний сочувствующих профессоров Лобачевский выполнил унизительное требование и был утвержден в звании магистра (1811 г.). (Материалы..., 1948: 47-48). Студенческая пора для Н.И. Лобачевского завершалась, к этому времени он приобрел обширные знания в математике, физике, астрономии, нашел «друзей и руководителей в учителях, проникнутых любовью к науке и стремившихся создать в Казани солидную математическую школу» (Каган, 1948: 62). Дальнейшая жизнь Н. Лобачевского насыщена напряженным научным творчеством. Большое значение для его становления как математика имела магистратура под руководством М.Ф. Бартельса, занимавшегося с лучшими студентами у себя дома приватно. Бартельс докладывал университетскому совету: «Хотя Симонов в математике хорошо продвинул, все же Лобачевский в этом его превосходит, особенно в высших ее разделах» (Каган, 1948: 65). В этот же период начинается педагогическая деятельность молодого ученого: поначалу он помогает профессорам-иностранцам, позже ему поручается чтение курсов арифметики и геометрии для чиновников, обязанных сдать экзамен на чин (Извещение, 1812: 1-3). Среди первых подобный экзамен в 1809 г. держали будущие попечители Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин и В.П. Молоствов (Каган, 1948: 60).

Война с Наполеоном 1812 года привела к эвакуации в Казань многие московские учреждения, ожидался также Московский университет (Каган, 1948: 73). Вместе с патриотическими настроениями и военными новостями пришло сообщение о назначении нового попечителя М.А. Салтыкова, осуществившего реорганизацию Казанского университета, полностью отделившегося от гимназии и ставшего самостоятельным в 1814 г. Деканом физико-математического факультета избирается М.Ф. Бартельс. Лобачевский и Симонов одновременно возведены в звание адъюнктов (доцентов) физико-математических наук (26 марта 1814 г.); таким образом, в возрасте 21 года Лобачевский становится «самостоятельно мыслящим, много работающим преподавателем университета» (Каган,

1948: 76). Последующие годы педагогической деятельности Лобачевского совпали с попечительством Казанского учебного округа М.Л. Магницким (1819–1826). Это было время, когда во вторую половину царствования Александра I власти отказываются от прежних либеральных идей, «повсюду было преследование мысли, слова и науки», наступила эпоха обскурантизма (Н.Н. Булич). В системе образования проводятся реформы, в результате которых Министерство народного просвещения преобразуется в Министерство духовных дел и народного просвещения, с тем чтобы «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» (Khizhnyak et al, 2018: 1077). Политика Министерства была направлена на регламентацию всей интеллектуальной жизни в стране. В контексте этих преобразований в начале марта 1819 г. в Казань был направлен член главного управления училищ М.Л. Магницкий с целью изучения деятельности университета. В результате проведенной им ревизии университет едва избежал «публичного уничтожения». В конечном итоге Магницкий назначается новым попечителем, призванным «привести все части университета в должный порядок и устройство». Наведение порядка началось с того, что из университета были отчислена часть преподавателей, другие – особенно иностранцы, не будучи уверенными в своем будущем – уехали сами (в том числе и учитель Лобачевского Бартельс). Были установлены также правила для преподавания каждой дисциплины, в том числе указана литература, на основе которой должны были читаться теоретические курсы. По распоряжению Магницкого университетская библиотека подверглась ревизии. К счастью, отобранные для уничтожения книги одному из преподавателей удалось сохранить. По требованию Магницкого в университете были введены казарменные порядки, любое свободное от занятий время студенты должны были посвящать чтению духовной литературы. Однако в этот период Лобачевский плодотворно работает: он утвержден в звании ординарного профессора и, соответственно, читает студентам несколько математических курсов; после отъезда Бартельса он избирается деканом физико-математического факультета (1820 г.); еще ранее в 1819 г. ему поручается навести порядок в университетской библиотеке, позже его избирают библиотекарем (1825 г.), эту обязанность он выполнял вплоть до 1835 г., совмещая ее в последующем с должностью ректора; в период масштабного строительства в университете Лобачевский включен (1822 г.) в строительный комитет, затем избран его председателем (1825 г.) и работает в комитете до 1848 г. Наряду со всеми многочисленными обязанностями, молодой ученый готовит лекционные курсы, создает первые научные труды. В 1823 г. Лобачевский по просьбе Магницкого разработал курс геометрии с целью его дальнейшего опубликования на казенный счет; работа была отправлена на рецензию российскому академику Н.И. Фуссу, давшему, однако, отрицательный отзыв. Современные ученые отмечают, что уже в этом курсе «Геометрии» ясно видны первые шаги Лобачевского в направлении построения собственной системы обоснования геометрии», которые в последующем привели Лобачевского к его великим открытиям (Каган, 1948: 144). Масштаб деятельности Лобачевского и тот авторитет, что он завоевывает среди студентов и профессоров, позволяет говорить о том, что он становится центральной фигурой в Казанском университете.

Между тем страна жила в ожидании перемен. 19 ноября (1 декабря) 1825 г. скончался император Александр Павлович. В Петербурге назревали трагические события (восстание декабристов), оказавшие влияние на всю дальнейшую общественно-политическую жизнь российского государства. В это же время назначается новый министр духовных дел и народного просвещения адмирал А.С. Шишков, человек консервативных убеждений, считавший, что «науки полезны только тогда, когда они, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию и по надобности, какую всякое звание в них имеет; излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению». По поручению Шишкова проводится очередная ревизия университета, которая приводит к назначению нового попечителя М.Н. Мусина-Пушкина. Ни ревизия университета, ни общественно-политическая жизнь того времени не помешали Н.И. Лобачевскому заниматься углубленно своей «воображаемой геометрией» и выступить на заседании факультета с докладом, в котором были изложены основы его новой теории. Никто из коллег не понимал, что «в день 11 (23) февраля 1826 г. перед физико-математическим факультетом Казанского университета стоял не просто молодой профессор, <...> стоял творец новой науки, создатель новой эпохи в области геометрии» (Каган, 1948: 153). В последующие годы Лобачевский пытается донести до научной общественности свои открытия. В 1829 и 1830 гг. в «Казанском вестнике» была опубликована работа «О началах геометрии», где были кратко изложены «основные черты развернутой им системы» (Лаптев, 1943: 13). Его научное открытие, однако, не было принято русскими математиками, в том числе профессором М.В. Остроградским (Материалы..., 1948: 332-333). Особенно тяжелый удар был нанесен Лобачевскому статьей, направленной против его научной теории и опубликованной анонимным автором в журнале «Сын отечества» (1834 г.). Тем не менее Лобачевский продолжает работать и публиковать свои работы в «Ученых записках» Казанского университета, а также издает небольшую брошюру на немецком языке (Берлин, 1840 г.), где «дает лаконичное, тщательно обработанное изложение своих идей» (Лаптев, 1943: 13). Брошюра была прочитана выдающимся немецким математиком К. Гауссом, по предложению которого в 1842 г. Н.И. Лобачевский был избран членом-корреспондентом Геттингенского ученого общества (Материалы..., 1948: 450-451). В этом же году казанский математик П.И. Котельников в актовой речи

высказался в поддержку новой геометрии Н.И. Лобачевского, отметив, что это «труд, который рано или поздно найдет своих ценителей» (*Материалы...*, 1948: 440).

Наряду с интенсивной научной работой, Лобачевский много сил и времени отдает университету, где он в полной мере проявляет административный, организаторский и педагогический таланты. В период его ректорства, с 1827 г. и в течение последующих 19 лет, были выстроены здания библиотеки, обсерватории, физического кабинета и химической лаборатории, анатомического театра и медицинских клиник, разбит ботанический сад, устроены хозяйственные постройки. В процессе строительства Лобачевский привлекает к работе архитектора М.П. Коринфского, при этом сам вникает в детали, изучает архитектуру. В должности библиотекаря Лобачевский проводит кропотливую работу по упорядочению каталогов, организует приобретение научных журналов и необходимой литературы, библиотека университета становится доступной для жителей города. С целью повышения научного статуса университета издается журнал «Ученые записки» Казанского университета (с 1834 г.). В биографических материалах отмечаются организаторские качества Лобачевского, удивительная твердость духа, проявленные им в условиях эпидемии холеры (1830 г.) и пожара, уничтожившего многие деревянные постройки города (1842 г.). В воспоминаниях учеников и коллег Лобачевский предстает не только деятелем науки, но и отзывчивым человеком, внимательным педагогом, помогавшим студентам в сложных ситуациях и стремящимся разбудить в их душах стремление к знаниям, к совершенству, воспитать в них достойных граждан своего отечества, умеющих ценить жизнь во всей ее красоте и многообразии. Свое представление о целях образования, о важности научных знаний, о необходимости развития ума и эстетических начал у юношества Лобачевский изложил в речи «О важнейших предметах воспитания», которая была прочитана им в университете через год после избрания ректором (*Лобачевский, 1976*). Эта речь «является выдающимся памятником русской педагогической мысли» (*Александров, 1966: 3*), ее основные идеи не потеряли актуальности и для современной педагогики.

В последнее десятилетие своей жизни Лобачевский вынужден был уйти в отставку в соответствии с установленными правилами и по состоянию здоровья. Он лишился возможности общаться со студентами, коллегами; университет потерял в его лице одного из лучших умов своего времени, прирожденного педагога, умелого и преданного университетской корпорации ректора. Однако его научная мысль продолжала работать, о чем свидетельствует последний труд Лобачевского «Пангеометрия», текст которого он диктовал своим помощникам.

В 1838 г. царь Николай I даровал дворянское звание и герб статскому советнику Николаю Ивановичу Лобачевскому, в грамоте перечислено большое число его заслуг перед отечеством, указаны все его государственные награды, однако главное его достижение – его великое научное открытие – не было отмечено (*Материалы...*, 1948: 396). Гений ученого обогнал время, рядом с ним не оказалось никого, кто мог бы по достоинству оценить его научные идеи и понять, что он является творцом нового научного знания, согласно которому реальное космическое пространство описывается его, Лобачевского, «воображаемой» геометрией, изменившей развитие мировой науки в XX в.

Столь же удивительной по своим новациям, неожиданным результатам и бесчисленной череде открытий была научная деятельность другого знаменитого казанского ученого второй половины XIX века С.В. Смоленского, исследовательский талант которого был направлен в глубь прошедших веков. В ряду многообразных интересов Смоленского одно из главных мест занимала наука палеография в той ее части, которая касалась расшифровки древней нотации. Благодаря его научным исследованиям, перед знатоками и ревнителями православной культуры предстала богатейшая коллекция ранее неведомых музыкальных памятников. Свои плоды дала также его реформаторская деятельность в области подготовки регентов и учителей музыки, а также его усилия по включению музыкальных занятий в программы общеобразовательных учебных заведений. Педагогические идеи Смоленского нашли свое развитие в системе музыкально-педагогического образования в советской России (Т.Н. Батуриная).

Первая часть жизни Степана Васильевича Смоленского связана с Казанью, где прошли его детские, гимназические и студенческие годы, где началась его педагогическая и научная деятельность. Уже в раннем возрасте проявились музыкальные способности Смоленского, он без труда подбирал различные мелодии на фортепиано или же, наслушавшись колокольного звона, пытался сделать из подручных средств колокола, подражая при этом настоящему звучанию. В восьмилетнем возрасте С. Смоленский был определен в немецкую школу при лютеранской церкви; воспоминания о школьной жизни у него связаны с жесткой дисциплиной, частыми суровыми наказаниями, муштрой и постоянным страхом перед учителями. Вместе с тем Смоленский был благодарен школе за то, что выучился говорить по-немецки и позже мог читать Шиллера в оригинале. Яркое детское впечатление – звучание «короля инструментов» – органа, его он слушал в лютеранской церкви, сидя во время службы возле органистки (*Смоленский, 2002: 63*). Увлечение музыкой поощрялось родителями, которые по просьбе сына купили скрипку и организовали занятия с И.Ф. (О.И.?) Мукком – музыкантом, окончившим курс в Пражской консерватории; он играл на разных инструментах, в том числе на флейте, скрипке, фортепиано и преподавал уроки музыки в

университете и гимназии (*Биографический...*, 1904: 385-388), в дальнейшем занятия продолжились с Л.Ф. Львовым – известным в городе музыкантом. После окончания немецкой школы С. Смоленский поступает учиться во Вторую казанскую гимназию, однако обучение было малоуспешным. Смоленский вспоминал о том, что здание гимназии находилось вблизи площади, где совершались прилюдные казни над арестантами, и учащимся не запрещалось смотреть на это ужасающее зрелище. «Странно, – вспоминает Смоленский, – что в гимназии игнорировались чувства, достоинство и любознательность, свойственные детскому возрасту; странно, что в конце 50-х годов XIX века в гимназии не было занятий музыкой (инструментальной), пения, танцев, гимнастики, не было детских праздников, даже елки или прогулки, зато было «от сих до сих», «без обеда», двойки, единицы, порки, бессердечная канцелярщина, «торжественные акты» с речами на всех языках, не знавшие русского языка учителя (иностранцы) и т.п.» (*Смоленский, 2002: 77*). В результате родители приняли решение о переводе сына в Первую гимназию, которая славилась традициями и преподавателями. Гимназия имела просторное здание (и не одно), большой сад с беседками, классы для занятий музыкой, танцами, гимнастикой, библиотеку, «занимательные классы» (для занятий), в гимназии ставились ученические спектакли, между гимназистами существовали товарищеские отношения, были также учителя-друзья. Однако и здесь педагоги представляли как бы две разные «партии»: одна из них не отступала от прежних установок, то есть карцер, розги и т.п., а другая – во главе с директором Г.И. Крелленбергом состояла из молодых педагогов, окончивших Педагогический институт. Эти преподаватели придерживались «добролюбовского направления» и относились к делу заинтересованно, не «по-казенному» (*Смоленский, 2002: 99*). Обучение в Первой мужской гимназии пришлось на 60-е годы XIX в., когда в России вследствие реформ произошли изменения во всех важнейших областях общественной жизни. Этот период был наилучшим для развития различных общественных институтов, в том числе земства, для учреждения учебных заведений, для формирования новых взглядов, новой культурной среды, это было время «какого-то подъема духа», когда учащаяся молодежь читала, восторгаясь, новую русскую литературу – сочинения Достоевского, Толстого, Островского, Гончарова, Салтыкова, Тургенева; <...> журналы, получавшиеся в Казани, изучали сообща, «товарищескими кучками», появлявшиеся в прессе «обличительные статьи, – пишет Смоленский, – приводили нас в неопикуемый восторг и воспитывали в нас благороднейшие чувства...» (*Смоленский, 2002: 102*).

В 1867 г. Смоленский поступил в университет на филологический факультет, а в следующем году перешел на юридический. Студенческая жизнь была насыщена занятиями, дружеским общением и музицированием. Часто Смоленский выступал в качестве организатора студенческих концертов, находя поддержку у губернатора города Н.Я. Скарятина и полицмейстера Х.Н. Мосолова – они были «большими любителями театра» (*Смоленский, 2002: 142-143*). Концерты организовывались в помещении театра или в здании дворянского собрания. Любительское музицирование и театр, в котором обосновалась антреприза П.М. Медведева (опера и драма), являлись неотъемлемой частью культурной жизни Казани. Это было время деятельности различных кружков и самодеятельных объединений. Смоленский был активным членом Панаевского кружка, в составе которого были известные казанцы (Н.Д. Дмитриев – пианист и в дальнейшем член окружного суда в Вятке; А.Н. Островский – брат писателя, литератор и пианист; А.Ф. Лихачев – археолог, художник, нумизмат, богатая коллекция которого была положена в основу городского музея; А.В. Рустецкий – альтист и управляющий Государственным банком; профессиональные музыканты театрального оркестра – виолончелист У.И. Авранек, скрипач И.Л. Розенфельд; пианист и виолончелист В.А. Больтерман, служивший учителем музыки и пения в Родионовском институте благородных девиц и др.). «Значительные художественные силы этого кружка были явлением совершенно исключительным в жизни губернского университетского города, вполне отрадным и интеллигентным», – отмечал Смоленский (*Смоленский, 2002: 168*). Наряду с музыкальными в Казани действовали также литературное объединение, клубы (купеческий, шахматный), археологическое, математическое и медицинское общества (*Спутник по Казани, 1895, 2005*).

С окончанием университета (1872 г.) С. Смоленский начинает деятельность в окружном суде, где в это время осуществлял судебные реформы известный юрист А.Ф. Кони. В качестве «кандидата на судебные должности» Смоленскому поручается выступать то в качестве обвинителя, то защитника. Однако эта деятельность не приносит удовлетворения, как он сам признается, «его сердце стремилось в университет к филологии». Отказавшись от юридической карьеры, Смоленский весной 1876 г. сдает экзамен на звание учителя гимназии по всеобщей и русской истории и географии и приступает к преподаванию соответствующих дисциплин в Казанской учительской семинарии.

Одновременно с педагогической деятельностью Смоленский по просьбе профессора Духовной академии Н.И. Ильминского включается в работу по переложению церковных напевов на «инородческие» тексты. Развивая идею просветительского миссионерства среди «инородцев», Н.И. Ильминский создает сеть учебных заведений: сначала открывает в Казани крещенотатарскую школу (1864 г.), где обучение велось на родном и русском языках (*НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 42-44*), а затем Учительскую семинарию (1872 г.) со смешанным составом воспитанников (до 120 человек), состоявшим наполовину из русских, наполовину из «инородцев» (крещеные татары,

чуваши, черемисы, вотяки, мордва) (Знаменский, 1892: 476). Цель учреждения крещенотатарской школы и Учительской семинарии состояла в подготовке педагогических кадров для вновь созданных «инородческих» школ и классов. Поступив на службу в учительскую семинарию, Смоленский разработал методику преподавания хорового пения, которая успешно применялась в системе школьного начального образования в России. Свой опыт работы С.В. Смоленский обобщил в пособии «Голосовые упражнения из уроков хорового пения в Казанской учительской семинарии» (1876 г.), хорошим руководством к хоровой практике учителей стал другой учебник С.В. Смоленского – «Курс хорового пения» (1885 г.); он выдержал несколько изданий и был одним из наиболее востребованных в народных школах России. В училище С.В. Смоленский преподавал также игру на музыкальных инструментах, учащиеся осваивали основы теоретических музыкальных знаний. Благодаря деятельности С.В. Смоленского, Казанская учительская семинария, открытая с целью подготовки учителей в «инородческие» школы, сыграла значительную роль в распространении хоровой культуры в Казанском крае. К заслугам Смоленского относится также его педагогическая деятельность в Казанском учительском институте, где он руководил музыкальной подготовкой школьных учителей (НА РТ. Ф.150. Оп.1. Д.3. Л.16 об.-17). С.В. Смоленский внес весомый вклад в развитие общедоступного музыкального образования, а разработанные им учебные пособия создали молодому музыканту имя в музыкально-педагогической среде. Одновременно с педагогической деятельностью Смоленский увлекся древними рукописями библиотеки Соловецкого монастыря, хранившимися в Казанской духовной академии. Одной из причин интереса и обращения Смоленского к древним «крюковым записям» было его близкое знакомство с казанскими старообрядцами, исполнявшими старинные напевы по древним источникам. Свободный доступ к Соловецким рукописям стал возможен благодаря Н.И. Ильминскому, горячо поддерживавшему его интерес к русской истории. Одобрение научной работы Смоленский получил и от московского протоиерея Д.В. Разумовского, являвшегося автором труда «Церковное пение в России», и от известного просветителя С.А. Рачинского, открывшего на свои средства «сельскую школу» в своем родовом имении Татеве и явившемся инициатором объединения народа вокруг «общества трезвости». Поддержка известных в России деятелей помогла С.В. Смоленскому – честному, трудолюбивому учителю из провинции и, безусловно, одаренному музыканту – вырасти в крупного деятеля образования и выдающегося ученого (Н.Ф. Финдейзен). Начав заниматься изучением Соловецкой библиотеки, Смоленский через год представил две серьезные работы к публикации: каталог Соловецкой библиотеки (152 нотных рукописи) и «Азбуку знаменного пения старца Александра Мезенца (1668 г.)» с объяснением древней крюковой (знаменной) нотации (Финдейзен, 2002: 609). Издание «Азбуки» в 1888 г. «закрепило авторитет» С.В. Смоленского как ученого-медиевиста и повлияло на развитие его дальнейшей научной деятельности. Вскоре Смоленский получает два приглашения из Москвы: возглавить кафедру истории церковного пения в Московской консерватории и одновременно принять пост директора Московского синодального училища. Закончился период казанской жизни С.В. Смоленского, однако он никогда не терял связи с Казанью.

В Синодальном училище Смоленский провел значительные реорганизации. Благодаря регулярной, грамотно организованной работе, синодальный хор, находившийся поначалу в удручающем положении, постепенно превратился при директоре С.В. Смоленском и регенте В.С. Орлове «в первоклассный художественный ансамбль» (Финдейзен, 2002: 615). В истории хора навсегда остались Исторические концерты в Москве (1895 г.), выступления в Петербурге на коронации Николая II (1896 г.), а также в Вене (1899 г.), где художественный уровень представленной программы заслужил самые восторженные отзывы публики и критики. В самом Синодальном училище также произошли значительные перемены: из четырехклассного певческого начального заведения оно превратилось в образцовый музыкально-педагогический институт (с девятиклассным обучением), приблизившись по объему программ к уровню консерватории. Смоленский заботился о том, чтобы выпускники училища становились не только профессиональными певчими и регентами, но могли вести полноценные музыкальные занятия в учебных заведениях. С этой целью в училище был создан ученический оркестр, руководил которым известный музыкант А.А. Эрарский. За 12 лет работы Смоленского училище выпустило сотни учеников, которые получили достойное образование и продолжали традиции своих учителей. В период руководства С.В. Смоленским состоялся переезд училища в более просторное здание, находившееся рядом с консерваторией, что облегчало общение с преподавателями консерватории, в том числе с С.И. Танеевым, П.И. Чайковским. В консерватории курс С.В. Смоленского слушали теоретики и композиторы, среди его студентов – великий С.В. Рахманинов, будущие организаторы музыкального образования в советской России Б.Л. Яворский, Н.Я. Брюсова и др. В Москве Смоленский продолжил свою научную работу, при этом он собрал в училище богатейшую библиотеку древних рукописей, переданных из монастырей, храмов, из личных библиотек, даже из-за границы. Своей увлеченностью древнерусской музыкой Смоленский оказал влияние на творчество многих русских композиторов, «взавших на себя художественную обработку древних напевов». Деятельный и, безусловно, результативный московский период завершился в 1901 г., когда по воле императора Смоленский был назначен руководителем Придворной певческой капеллы (в С.-Петербурге). Петербургский период оказался

плодотворным для его научной деятельности, однако планы Смоленского по реорганизации капеллы не были воплощены. В результате Смоленский вынужден был покинуть пост управляющего Придворной капеллой (1903 г.). Мысль о создании учебного заведения была им реализована позже, когда Смоленский открывает в Петербурге собственное (частное) Регентское училище (1907 г.). В Петербурге Смоленский погружается в научную и общественную деятельность, участвует в работе «Общества любителей древней письменности» (ОЛДП), председателем которого был граф С.Д. Шереметев, публикует статьи в «Русской музыкальной газете» и других изданиях, занимается торжествами, посвященными памяти Д.С. Бортнянского (к 150-летию со дня рождения), готовит к печати «Музыкальную грамматику» Дилецкого, руководит научной экспедицией на Афон (1906 г.). Участники экспедиции привезли обширный исследовательский материал, на основе которого С.В. Смоленский сделал несколько докладов в «Обществе» (ОЛДП) (Борисовец, 2007).

Время показало, что занятия филологией, историей и музыкой соединились в научной деятельности С.В. Смоленского, ставшего одним из выдающихся исследователей в области русской духовной музыки. Смоленского интересовала не только история вопроса, но и возможность использования изученного археологического материала для развития русской «музыки будущего» (Смоленский, 2002: 133). Авторитет ученого способствовал тому, что многие музыканты и исследователи обратили свое внимание на древние пласты отечественной хоровой культуры (Цыплакова, 2008). В последнее десятилетие XIX в. С.В. Смоленский стал идеологом и вдохновителем «нового направления» в русской музыке, так называемой «московской школы». Ее основными чертами были «возрождение традиций древнерусского певческого искусства, обращение к древним церковным распевам и применение их в качестве основы свободных композиций» (Е.А. Борисовец). Это направление представлено широким кругом имен, среди которых композиторы: С.В. Рахманинов, А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков, А.В. Никольский, Вик.С. Калинин, М.М. Ишполитов-Иванов, К.Н. Шведов, Н.С. Голованов, Д.В. Алеманов (Цыплакова, 2008: 73). Особое место в этом ряду занимает С.В. Рахманинов, в творчестве которого идеи С.В. Смоленского нашли яркое художественное воплощение. Известное сочинение, одна из вершин русской духовной музыки – «Всенощное бдение» ор. 37, завершено композитором в 1915 г., С.В. Рахманинов посвятил памяти С.В. Смоленского.

5. Заключение

Анализ различных источников, относящихся к биографиям Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского, позволил выявить факторы, оказавшие влияние на развитие социокультурных процессов в Казанской губернии в XIX веке, среди них:

1. Историко-географическое положение. Казанская губерния в начале XIX века представляла собой восточную окраину России. Жители западной части страны видели в Казани город пограничный, «окно» на Восток, провинциальный по своему статусу и характеру, особенностью которого являлась его полиэтничность и мультиконфессиональность; в течение столетия Казань превратилась в губернский город центральной части России, приобрела статус одного из центров учебного, духовного, военного и судебного российских округов (Е. Вишленкова, С. Малышева, А. Сальникова).

2. Особенности исторического времени: реформы императоров Александра I и Александра II и «антиреформы» Николая I и Александра III. Внимание к региону царствующих особ и других представителей семьи Романовых, неоднократно посещавших Казань. Их поддержка способствовала экономическому и культурному росту Казани и губернии в целом. Немаловажное значение для полиэтничного региона имели указы Петра III и Екатерины II, изменившие вектор национальной политики государства и методы миссионерской деятельности для «иностранческой» части населения губернии (Faizrakhmanova, Kovrikova, 2017: 32).

3. Состояние общества и особенности социокультурной среды. Реформы Александра I в начале XIX в. и Александра II в 60-е годы XIX в. способствовали динамичному развитию просвещения в Казани, в том числе открытию и деятельности высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведений. Содержались учебные заведения на средства казны, города, земства, благотворительных обществ и частными лицами (Н.П. Загоскин). В высших учебных заведениях был сосредоточен значительный научный потенциал, который определил вектор развития всей научной и просветительской деятельности в Казанской губернии в течение века. Особенностью образования в Казанском университете и гимназии было внимание к восточным языкам, а в Духовной академии к изучению религий восточных народов, их истории, этнографии и языков. Отличительной особенностью региона явилось открытие крещенотатарской школы, а позже учительской семинарии с целью подготовки учителей для просветительской деятельности среди крещеного «иностранческого» населения губернии. Наряду с этим, мусульманская часть населения, жившая достаточно обособленно, испытывала все большее влияние европейской (русской) культуры; либерально настроенная часть татарского общества осваивала достижения европейской цивилизации, среди татарской молодежи появились первые гимназисты и студенты; в системе традиционного мусульманского образования назревали реформы, которые привели к появлению в начале XX века

учреждений «новометодной» системы обучения (Faizrakhmanova, Kovrikova, 2017). Со временем «новометодные» школы стали повсеместным явлением в мусульманских регионах России (Lysenko, 2019: 1748).

Казань была не только студенческим, но и театральным городом, в начале XIX в. действовал театр, содержавшийся помещиком П.П. Есиповым, позже была популярна антреприза П.М. Медведева с оперой и драматическим театром. Казань была также музыкальным городом, в котором звучали разные голоса: и пение церковных хоров, и колокольный звон, и звучание азана с минаретов мечетей, и концерты студенческих оркестров, а также любительское музицирование во многих казанских домах. Предлагали свои услуги частные учителя музыки, появились первые музыкальные и художественные школы. Большое значение для жизни города имели различные общественные организации и объединения, кружки, клубы, библиотеки. В городе издавались газеты и журналы, печаталась литература, действовали почта и телеграф. С Петербургом и Москвой Казань соединялась сухопутным путем, а в летнее время еще и речным транспортом. Железная дорога дошла до Казанской губернии только к концу века и начала действовать в 1895 г.

4. Личностные качества и особенности. Названные выше факторы «сложились» в условия, которые сопутствовали появлению на казанском историческом ландшафте выдающихся деятелей науки и просвещения – Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского. Здесь важны также особенности «микросреды»: отношения в семье, выбор родителями гимназического образования, руководство преподавателей, здоровая конкуренция и одновременно товарищеские отношения среди гимназистов и студентов.

Ярко заявившая о себе уже в детском возрасте одаренность натуры, в одном случае – математическая, в другом – музыкальная, определила круг профессиональных и научных интересов Н. Лобачевского и С. Смоленского. Обращают на себя внимание такие черты их характера, как преданность научной идее и глубокая погруженность в исследуемую проблему, убежденность в своем предназначении и проявление воли в неблагоприятных обстоятельствах, вера в собственные силы и удивительная работоспособность, широта интересов и умение решать несколько разных задач одновременно. Не случайно каждый из них оказался во главе крупных учебных заведений, где образовательная и научная деятельность была ими поставлена во благо юношества и отечества. И Лобачевский, и Смоленский были глубоко религиозны, о чем свидетельствуют архивные документы, воспоминания современников, эпистолярное наследие, мемуары; по своим убеждениям они являлись «государственниками», хотя им нередко приходилось преодолевать чиновничий произвол. Н.И. Лобачевский и С.В. Смоленский принадлежали к наиболее прогрессивным представителям казанского общества, являлись реформаторами как в науке, так и в деле народного просвещения, оказавшими влияние своей многогранной деятельностью на формирование социокультурного облика Казани в XIX в.

Как показало исследование, метод «индивидуальной биографии» (С.Н. Иконникова), позволил «понять сквозь призму личного, особенного причины возникновения тех или иных исторических событий и процессов» (Иконникова, 2011: 1-3), развивавшихся в Казанской губернии в XIX в., и одновременно выявить масштаб влияния деятельности Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского на эти процессы. Удивительный феномен появления в провинциальном, удаленном от европейских центров науки и образования городе, каким являлась Казань в XIX в., двух выдающихся деятелей мировой культуры заслуживает изучения и научной интерпретации этого явления.

6. Благодарности

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Литература

Аксаков, 1856 – Аксаков С.Т. Воспоминания. 1856. 220 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/sergey-aksakov/vospominaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.08.2020).

Александров, 1966 – Александров П.С. Несколько слов по поводу речи Н.И. Лобачевского «О важнейших предметах воспитания» // *Квант*. 1966. № 5. С. 4-8.

Биографический..., 1904 – Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Ч. 2: факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. Под редакцией засл. ордин. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. 455 с.

БРЭ, 2005–2019 – Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 02.08.2020).

Борисовец, 2007 – Борисовец Е.А. К истории научной деятельности С.В. Смоленского в Обществе любителей древней письменности // *Искусствознание*. Москва, 2007. № 3–4. С. 600–608.

Булич, 1856 – Булич Н.Н. Речь, произнесенная профессором Университета Н.Н. Буличем пред гробом Н.И. Лобачевского // *Казанские губернские ведомости*. 20.02.1856. № 8. С. 56–58.

- Гринин, 2010** – Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // *История и современность*. 2010. № 2 (12). С. 3-45.
- Гринин, 2011** – Гринин Л.Е. Личность в истории: современные подходы // *История и современность*. 2011. № 1. С. 3-40.
- Знаменский, 1892** – Знаменский П.В. История Казанской духовной академии. Вып. второй. К.: Типография Императорского университета, 1892. 592 с.
- Извещение, 1812** – Извещение. Открытые чтения в Императорском Казанском университете для чиновников // *Казанские известия*. 20 апреля 1812. № 16. С. 1-3.
- Иконникова, 2011** – Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории // *Культурологический журнал*. 2011. № 4 (6). С. 1-6. [Электронный ресурс]. URL: http://cjournal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8 (дата обращения: 01.08.2020).
- Каган, 1948** – Каган М.Ф. Лобачевский. М.-Л., 1948. 525 с.
- Лаптев, 1943** – Лаптев Б.Л. Н.И. Лобачевский (Краткая биография) // Сб. статей. М.-Л., 1943. С. 6-18. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/351500> (дата обращения: 01.08.2020).
- Лобачевский, 1976** – Лобачевский Н.И. Речь о воспитании // *Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма*. Москва, 1976. 540 с.
- Логинов, 1997** – Логинов В.Е. Роль личности в истории: анализ философских концепций // *Метаморфозы истории*. 1997. № 1. С. 197-207.
- Материалы..., 1948** – Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. Собрал и редактировал Л.Б. Модзалевский. М.-Л., 1948. 827 с.
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Пинегин, 1890** – Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Печатается по изданию А.А. Дубровина. СПб., 1890. Казань, 2005. 800 с.
- Смоленский, 2002** – Смоленский С.В. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург // *Русская духовная музыка в документах и материалах*. 2002. 688 с.
- Спутник по Казани, 1895, 2005** – Спутник по Казани. Под редакцией профессора Н.П. Загоскина. Казань, 1895, 2005. 848 с.
- Турнерелли, 2005** – Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань, 2005. 784 с.
- Устав..., 1804** – Устав Императорского Казанского университета. СПб., 5 ноября 1804 г. 68 с.
- Финдейзен, 2002** – Финдейзен Н.Ф. Степан Васильевич Смоленский. Биографический очерк // *Русская духовная музыка в документах и материалах*. Москва, 2002. С. 604-627.
- Цыплакова, 2008** – Цыплакова С.М. С.В. Смоленский – педагог и вдохновитель нового направления русской духовной музыки в Московском синодальном училище и хоре конца XIX–XX вв. // *Культурология*. 2008. С. 71-74. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/844/files/331-071> (дата обращения: 27.07.2020).
- Khizhnyak et al, 2018** – Khizhnyak V.S., Lipchanskaya M.A., Laydasheva-Ilicheva M.N. Confessional State Policy of Alexander I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1074-1083.
- Lysenko, 2019** – Lysenko Yu.A. The Question of the Reliability of the Muslim Educational Institutions of the Turkestan Region in the Reports of the Official of Special Assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1745-1753.
- Faizrahmanova, Kovrikova, 2017** – Faizrahmanova L.T., Kovrikova E.V. The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 30-38.

References

- Aksakov, 1856** – Aksakov, S.T. (1856). Vospominaniya. [Memories]. 220 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.litres.ru/sergey-aksakov/vospominaniya/chitat-onlayn/> (date of access: 01.08.2020). [in Russian]
- Aleksandrov, 1966** – Aleksandrov, P.S. (1966). Neskol'ko slov po povodu rechi N.I. Lobachevskogo «O vazhneishikh predmetakh vospitaniya» [A few words about speech of N.I. Lobachevsky "On the most important subjects of education"]. *Kvant*. 5: 4-8. [in Russian]
- Biograficheskii..., 1904** – Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904). Ch. 2: fakul'tety yuridicheskii i meditsinskii, prepodavateli iskusstv i dobavleniya spravoch'nogo kharaktera [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Kazan University (1804–1904). Part 2: departments of law and medicine, art teachers and supplements of a reference nature]. Pod redaktsiei zasl. ordin. prof. N.P. Zagoskina. Kazan', 1904. 455 p. [in Russian]
- Borisovets, 2007** – Borisovets, E.A. (2007). K istorii nauchnoi deyatelnosti S.V. Smolenskogo v Obshchestve Lyubitelei Drevnei Pis'mennosti [On the history of S.V. Smolensky in the Society of Amateurs of Ancient Writing]. *Iskusstvoznanie*. Moskva. 3–4. Pp. 600-608. [in Russian]
- BRE. 2005-2019** – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [Big Russian Encyclopedia]. [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/> (date of access: 02.08.2020). [in Russian]

Bulich, 1856 – *Bulich, N.N.* (1856). Rech', proiznesennaya professorom Universiteta N.N. Bulichem pred grobom N.I. Lobachevskogo [The posthumous speech delivered by the professor of the University N.N. Bulich in front of N.I. Lobachevsky]. *Kazanskije Gubernskie Vedomosti*. 20.02.1856. 8: 56-58 [in Russian]

Faizrahmanova, Kovrikova, 2017 – *Faizrahmanova, L.T., Kovrikova, E.V.* (2017). The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century). *Bylye Gody*. 43(1): 30-38.

Findeizen, 2002 – *Findeizen, N.F.* (2002). Stepan Vasil'yevich Smolenskii. Biograficheskiy ocherk [Stepan Vasilievich Smolensky. Biographical sketch]. *Russkaya dukhovnaya muzyka v dokumentakh i materialakh*. Moskva. Pp. 604-627. [in Russian]

Grinin, 2010 – *Grinin, L.E.* (2010). Lichnost' v istorii: evolyutsiya vzglyadov [Personality in history: evolution of views]. *Istoriya i sovremennost'*. 2 (12): 3-45. [in Russian]

Grinin, 2011 – *Grinin, L.E.* (2011). Lichnost' v istorii: sovremennye podkhody [Personality in history: modern approaches]. *Istoriya i sovremennost'*. 1: 3-40. [in Russian]

Ikonnikova, 2011 – *Ikonnikova, S.N.* (2011). Biografiya kak sotsiokul'turnoe izmerenie istorii [Biography as a sociocultural dimension of history]. *Kul'turologicheskiiy zhurnal*. 4(6): 1-6. [Electronic resource]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8 (date of access: 01.08.2020). [in Russian]

Izveshchenie, 1812 – *Izveshchenie*. Otkrytye chteniya v Imperatorskom Kazanskom universitete dlya chinovnikov (1812). [Notice. Open readings at the Imperial Kazan University for officials]. *Kazanskije izvestiya*, 20 aprelya 1812, № 16, pp. 1-3. [in Russian]

Kagan, 1948 – *Kagan, M.F.* (1948). Lobachevskii [Lobachevsky]. Moskva-Leningrad, 525 p. [in Russian]

Khizhnyak et al, 2018 – *Khizhnyak, V.S., Lipchanskay, M.A., Laydasheva-Ilicheva, M.N.* (2018). Confessional State Policy of Alexander I. *Bylye Gody*. 49(3): 1074-1083.

Laptev, 1943 – *Laptev, B.L.* (1943). N.I. Lobachevskii (Kratkaya biografiya) [N.I. Lobachevsky (Brief biography)]. Sb. statei. Moskva-Leningrad, pp. 6-18. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/351500> (date of access: 01.08.2020). [in Russian]

Lobachevskii, 1976 – *Lobachevskii, N.I.* (1976). Rech' o vospitaniy [A speech about education]. *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie. Rukovodstvo Kazanskim universitetom. Fragmenty. Pis'ma*. Moskva, 540 p. [in Russian]

Loginov, 1997 – *Loginov, V.E.* (1997). Rol' lichnosti v istorii: analiz filosofskikh kontseptsii [The role of personality in history: analysis of philosophical concepts]. *Metamorfozy istorii*. 1: 197-207. [in Russian]

Lysenko, 2019 – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Question of the Reliability of the Muslim Educational Institutions of the Turkestan Region in the Reports of the Official of Special Assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov. *Bylye Gody*. 54(4): 1745-1753. [in Russian]

Materialy..., 1948 – *Materialy dlya biografii N.I. Lobachevskogo* [Materials for the biography of N.I. Lobachevsky]. Sobral i redaktiroval L.B. Modzalevskii. Moskva-Leningrad, 1948. 827 p. [in Russian]

NA RT – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [The national archive of the Republic of Tatarstan].

Pinegin, 1890 – *Pinegin, M.N.* (1890). Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem [Kazan in its past and present]. Pechataetsya po izdaniyu A.A. Dubrovina. SPb., 1890. Kazan', 2005. 800 p. [in Russian]

Smolenskii, 2002 – *Smolenskii, S.V.* (2002). Vospominaniya: Kazan', Moskva, Peterburg [Memories: Kazan, Moscow, Petersburg]. *Russkaya dukhovnaya muzyka v dokumentakh i materialakh*. 688 p. [in Russian]

Sputnik po Kazani, 1895, 2005 – *Sputnik po Kazani (1895, 2005)* [Kazan guide]. Pod redaktsiei professora N.P. Zagoskina. Kazan', 848 p. [in Russian]

Tsyplakova, 2008 – *Tsyplakova, S.M.* (2008). C.V. Smolenskii – pedagog i vdokhnovitel' novogo napravleniya russkoi dukhovnoi muzyki v moskovskom Sinodal'nom uchilishche i khore kontsa XIX–XX vv. [C.V. Smolensky as a teacher and inspirer of a new trend in Russian sacred music in the Moscow Synodal School and Choir of the late 19th – 20th centuries]. *Kul'torologiya*, pp. 71-74. [Electronic resource]. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/844/files/331-071> (date of access: 27.07.2020). [in Russian]

Turnerelli, 1841, 2005 – *Turnerelli, E.* (1841, 2005). Kazan' i ee zhiteli [Kazan and its inhabitants]. Kazan', 784 p. [in Russian]

Ustav..., 1804 – *Ustav Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta (1804)* [Charter of the Imperial Kazan University]. S-Pb. 5 noyabrya 1804 g. 68 p. [in Russian]

Znamenskii, 1892 – *Znamenskii, P.V.* (1892). Istoriya Kazanskoi Dukhovnoi akademii [History of the Kazan Theological Academy]. Vyp. vtoroi. K.: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 592 p. [in Russian]

Научная и педагогическая деятельность Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского в контексте социокультурных процессов (Казанская губерния, XIX в.)Ляля Тагировна Файзрахманова ^{а, *}^а Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и литературных источников показаны социокультурные процессы, возникшие в Казанской губернии в XIX в. Эти процессы исследуются в тесной взаимосвязи с деятельностью выдающихся ученых и просветителей Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского, судьбы которых тесно переплетены с историей Казани. Анализ источников позволил выявить факторы, оказавшие влияние на развитие исследуемых процессов, среди них: 1) историко-географическое положение Казани, являвшейся восточной окраиной империи с постепенным изменением ее статуса к концу XIX в. как крупного губернского города центральной части России, ставшего одним из центров учебного, духовного, военного и судебного российских округов; 2) особенности исторического времени, обусловленные государственными реформами императоров Александра I и Александра II, «антиреформами» Николая I и Александра III, а также государственной национальной политикой, в основе которой отказ от принудительных методов миссионерской деятельности среди «иностранческой» части населения; внимание к региону представителей дома Романовых, их неоднократное посещение Казани, что способствовало экономическому и культурному развитию города; 3) состояние общества и особенности социокультурной среды, связанные с полиэтническим и мультиконфессиональным составом народонаселения губернии, с обособленностью русской и «иностранческой» части городских жителей; с постепенным формированием культурной среды «европейского» типа, обусловленной деятельностью светских высших, средних специальных, общеобразовательных учебных заведений, функционированием театра, различных общественных, научных и художественных объединений, любительским музицированием, появлением музыкальных и художественных школ; одновременно возрождение общественного интереса к древним пластам русской духовной культуры; 4) личностные качества исторических персон: показаны масштаб и значение деятельности Н.И. Лобачевского и С.В. Смоленского для развития социокультурных процессов в Казанской губернии XIX века.

Ключевые слова: неевклидова геометрия, знаменная нотация, Казанский университет, Казанская учительская семинария, Московское синодальное училище, Н.И. Лобачевский, С.В. Смоленский.

* Корреспондирующий автор

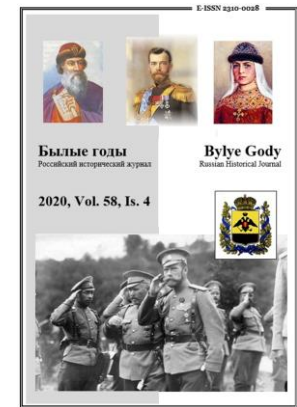
Адреса электронной почты: lafaiz@gmail.com (Л.Т. Файзрахманова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2456-2463. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2456
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Aleksey A. Korolev ^e, Elena V. Krasnenkova ^f

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the system of public education in the Orenburg Cossack army and Orenburg province in the pre-revolutionary period. This part of the paper analyzes the period of 1900–1913.

Various statistical materials were used as sources. First of all, these are the documents of the Russian state historical archive (Saint Petersburg, Russian Federation) that were introduced into scientific circulation for the first time. Besides this, the address calendars and commemorative books of the Orenburg province for different years, as well as statistical reviews of the Orenburg province were attracted.

The statistical method is widely used in this work. So, the authors made samples from a statistical array of various reporting documents: the number of military schools, muslim and parochial schools. This made possible to calculate the average number of students per military school, as well as to identify the ratio of gender balance in different educational institutions.

In conclusion, the authors state that the system of public education on the territory of the Orenburg Cossack army, despite the existing problems, more harmoniously covered both men and women. This was reflected in the percentage of literate people in the army, and by 1914 it was the population of the Orenburg Cossack army that was the most literate of all the Cossack troops of the Russian Empire – 60.9 %.

As for the entire territory of the Orenburg province, in the period of 1900–1913 there was an active increase in the network of secondary, lower and primary educational institutions. In terms of gender balance among students, parochial schools have made great progress: the percentage of girls in them has reached 39. The regional specifics of the Orenburg province consisted in the presence of a fairly large number of muslim schools (colleges, medresse, mektebas), where the percentage of girls studying was traditionally insignificant. In general, taking into account all factors, by January 1, 1915, out of 182 thousand school-age children, 107 thousand children were covered by the school, and this work was actively continued.

Keywords: Orenburg Cossack army, public education, Russian Empire.

1. Введение

Как уже было отмечено в первой части нашей работы, Оренбургское казачье войско, согласно официальным документам, вело свою историю с 1574 г., то есть с момента основания острога воеводой И.Г. Нагимом (Magsumov, Zulfugarzade, 2020: 1113). К 1865 г. Оренбургское войско окончательно закрепилось на территории Оренбургской губернии, после этого началась активная работа по созданию собственной войсковой сети учебных начальных заведений. Уже к 1871 г. Оренбургское войско располагало 304 школами (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 30. Л. 2), а к 1900 г. – 511.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

Источниками для подготовки статьи послужили различные статистические материалы. В первую очередь это впервые введенные в научный оборот документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Помимо этого, привлекались адрес-календари и памятные книжки Оренбургской губернии за разные годы ([Адрес-календарь, 1901](#); [Адрес-календарь, 1902](#); [Адрес-календарь, 1904](#); [Адрес-календарь, 1905](#); [Адрес-календарь, 1906](#); [Адрес-календарь, 1908](#); [Адрес-календарь, 1912](#)), а также статистические обзоры Оренбургской губернии ([Статистический обзор, 1915](#)).

В работе широко применен статистический метод. Так, нами были сделаны выборки из статистического массива разнообразной отчетной документации: о количестве войсковых училищ, мусульманских и церковно-приходских школ. Это позволило высчитать среднее значение числа учеников на одну войсковую школу, а также вычислить соотношение по гендерному балансу в разных учебных заведениях. Также применение данного метода позволило выявить характерные особенности эволюции системы народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска в период 1900–1913 гг.

3. Обсуждение

Система народного образования на территории Оренбургского казачьего войска в 1820–1917 гг. до настоящего времени не была предметом самостоятельного исследования. Различные авторы обращались к системе образования только в контексте краеведческих исследований либо с эпизодическим освещением некоторых частей этой системы или периодов. Так, например, изучению развития системы начального народного образования в Оренбургской и Уфимской губерниях в начале XX века уделила внимание А.В. Суворова ([Суворова, 2015](#)). К теме деятельности оренбургских властей по просвещению инородцев в период второй половины XIX века обращались исследователи С.А. Алешина, С.И. Ковальская ([Алешина, Ковальская, 2018](#)). Еще более частные вопросы, такие как становление оренбургской женской гимназии, рассматривал С.В. Любичанковский ([Любичанковский, 2013](#)), а приобщение учащихся к литургической практике в женских учебных заведениях изучали О.А. Смирнова, А.Г. Глухов ([Смирнова, Глухов, 2017](#)). Имеет также отношение к теме работа М.А. Шицковой о роли библиотек в распространении книг на территории Оренбургской губернии в дореволюционный период ([Шицкова, 2015](#)).

Систему народного просвещения на территории казачьих областей изучали В.С. Молчанова в Кубанской ([Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#)) и А.Ю. Перегатыко в Донской областях ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#); [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#)).

В то же время ученые обращались и к изучению системы народного образования других регионов Российской империи в указанное время: Т.А. Магсумов – на территории Вятской ([Magsumov et al., 2018](#)), а авторский коллектив во главе с О.В. Натолочной – Виленской губерний ([Natolochnaya et al., 2019](#); [Natolochnaya et al., 2019a](#); [Natolochnaya et al., 2020](#)), исследованию Харьковского учебного округа уделили внимание С.И. Дегтярев и Л.Г. Полякова ([Degtyarev, Polyakova, 2020](#)).

4. Результаты

Как было наглядно показано в предыдущей части статьи, к 1900 г. система войсковых школ Оренбургского казачьего войска в целом сформировалась. Так, в 511 войсковых учебных заведениях обучалось 35670 детей, что составляло 69 человек на одну школу. Нужно пояснить, что норматив количества обучающихся на одну школу был значительно больше, чем требовалось по штатам Министерства народного просвещения (в 1908 г., когда начались подготовительные мероприятия по введению всеобщего начального образования, комплект одной школы составлял 50 учеников). В последующие 13 лет количество школ продолжало увеличиваться, достигнув значения в 588 школ и почти 47 тыс. обучающихся. При этом количество учащихся на одну школу достигло почти 80 человек. Таким образом, к 1913 г. войсковые учебные заведения были значительно переполнены школьниками.

Для наглядного представления статистических данных о развитии системы войскового народного просвещения на территории Оренбургской губернии в период 1900–1913 гг. мы свели данные в таблицу ([Таблица 1](#)).

Анализируя [Таблицу 1](#), можно обратить внимание на то, что, как и в период до 1900 г., так и после, количество женщин войскового сословия было больше количества мужчин. Однако процентное соотношение количества девочек в школах, что в 1900 г., что в 1913 г. практически не изменилось. Если в 1900 г. девочки составляли 35,7 %, то в 1913 г. этот показатель составлял – 38,2 %. Это означает, что, как и в целом по России, в Оренбургском казачьем войске еще оставались родители, которые считали, что для девочек образование не является необходимостью.

Таблица 1. Количество войсковых школ и учащихся в Оренбургской губернии в 1900–1913 гг. (Адрес-календарь, 1901: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1902: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1904: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1905: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1906: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1908: приложение 2, приложение 15; Адрес-календарь, 1910: приложение 2, приложение 15; Адрес-календарь, 1912: ведомость о числе учебных заведений; Статистический обзор, 1915: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений)

Годы	Общее число жителей		Общее число школ	Общее число учащихся			
	Мужского пола	Женского пола		Мальчиков	Девочек	Всего учащихся	Учащихся на школу
1900	203589	204364	511	22957	12713	35670	69
1901	201704	207370	520	23099	12747	35846	68,9
1902	207611	211133	521	22267	14897	37164	71,3
1903	211327	213053	524	21968	13564	35532	67,8
1904	216162	219460	525	21925	13967	35892	68,3
1906	227584	229795	536	27728	18664	46392	86,5
1908	238151	239978		Сведений нет			-
1910	247534	248843	577	26520	16092	42612	73,8
1913	261500	263939	588	28995	17957	46952	79,8

Чтобы иметь детальное представление о развитии народного образования в войске в период с 1871 по 1914 гг., рассмотрим [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Народное образование на территории Оренбургского казачьего войска 1871–1914 гг. (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 30. Л. 2)

Годы	Население	Число учебных заведений	Число учащихся	Число учащихся казаков в 1914 г. в учебных заведениях			На сколько человек один учащийся
				высших	средних	низших	
1871	-	304	7392	-	-	-	34
1881	-	463	20702	-	-	-	15
1891	389921	465	26100	-	-	-	15
1901	473231	520	36161	-	-	-	13
1910	586314	579	45998	-	-	-	13
1914	617362	600	48839	49	928	47502	13

Из [Таблицы 2](#) можно увидеть, что с 1901 по 1914 г. один учащийся приходился на 13 жителей войска. Нужно пояснить, что нормой для всеобщего охвата школьников системой образования считался показатель – один учащийся на 9–11 человек, то есть Оренбургское казачье войско достаточно сильно приблизилось к всеобщему образованию. При этом казачья молодежь посещала не только начальные школы, но и гимназии, а также обучалась в университетах и других высших учебных заведениях.

Будет интересно также сравнить уровень грамотности населения Оренбургского казачьего войска с аналогичными показателями других войск ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Грамотность в 1914 г. среди всех казачьих войск Российской империи (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 30. Л. 2)

Казачьи войска	Общее число грамотных	% к общему числу грамотных		% грамотных к общему числу населения
		Муж.	Жен.	
Донское	736472	61,9	38,1	49,5
Кубанское	555003	70,1	29,7	41,6
Терское	114189	65,86	34,14	45,8
Оренбургское	320777	59,5	40,5	60,9
Астраханское	21381	59,9	40,1	54,3
Уральское	79333	62,2	37,8	48,3

Сибирское	68816	67,0	33,0	40,52
Забайкальское	54498	80,4	19,6	21,0
Амурское	15554	64	36	32,2
Уссурийское	13276	70,5	29,5	39,2
Семиреченское	12966	70,1	29,9	32,1
Итого	1992265			

Согласно данным [Таблицы 3](#), мы можем видеть, что по проценту грамотных к общему числу населения Оренбургское войско находилось на первом месте среди 11 казачьих войск. В абсолютных числах этот показатель составлял 60,9 %. Также Оренбургское войско было на первом месте по числу грамотных женщин: их процент составлял 40,5. Лидером по грамотности среди мужчин было Забайкальское войско, где процент грамотных достигал 80,4, и антилидером среди женщин – 19,6 %. Нужно понимать, что в войсках наблюдалось примерно равное количество женщин и мужчин, а это означает, что для достижения целей всеобщего образования процент грамотных должен быть около 50 %. Ближе всего к этому проценту и было Оренбургское войско.

Важное значение на территории Оренбургской губернии играли и церковно-приходские школы ([Таблица 4](#)).

Таблица 4. Количество церковно-приходских школ и учащихся в Оренбургской губернии в 1900–1913 гг. ([Адрес-календарь, 1901: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1902: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1904: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1905: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1906: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1908: приложение 15](#); [Адрес-календарь, 1912: ведомость о числе учебных заведений](#); [Статистический обзор, 1915: ведомость о числе учебных заведений](#))

Годы	Общее число школ	Общее число учащихся			
		Мальчиков	Девочек	Всего учащихся	Учащихся на школу
1900	526	13463	5879	19342	36,7
1901	544	14736	7435	22171	40,7
1902	544	15144	8137	23281	42,7
1903	544	15283	8274	23557	43,3
1904	535	16191	8217	24408	45,6
1906	532	18581	9361	27942	52,5
1910	488	19395	6028	25423	52,0
1913	484	17947	11429	29376	60,6

Из статистических данных за 1900–1913 гг. по церковно-приходским школам мы видим, что в 1900 г. эти школы вступили с ярко выраженной малокомплектностью – 36,7 учащихся на одну школу. В 1908 г., после начала реализации программы введения всеобщего образования, численность учащихся в школах начала резко увеличиваться и к 1913 г. достигла 60,6 человек на одну школу. Еще более преуспели церковно-приходские школы в деле женского начального образования. Так, если в 1900 г. количество девочек в школах составляло 30,4 %, то в 1913 г. этот показатель достиг 39 %.

Если характеризовать всю систему народного образования на территории Оренбургской губернии в период 1900–1913 гг., то нужно отметить, что в это время происходило активное развитие сети средних, низших и начальных учебных заведений. Для удобства мы свели эти данные в таблицу ([Таблица 5](#)).

Таблица 5. Количество учебных заведений и учащихся на территории Оренбургской губернии в 1900 г. ([Адрес-календарь, 1901: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1902: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1904: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1905: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1906: ведомость о числе учебных заведений](#); [Адрес-календарь, 1908: приложение 15](#); [Адрес-календарь, 1912: ведомость о числе учебных заведений](#); [Статистический обзор, 1915: ведомость о числе учебных заведений](#))

Годы	Учебные заведения				Число учащихся		
	средние	низшие	начальные	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
1900	13	11	1274	1298	51522	24080	75602
1901	13	11	1509	1533	61613	26199	86862
1902	14	11	1563	1588	63181	29131	92312
1903	14	13	1652	1679	65137	28535	93672
1904	14	13	1663	1690	67483	29729	97212

1906	14	13	1672	1699	79198	36484	115682
1910	18	8	1742	1868	87404	36101	123505
1913	21	17	2008	2046	91762	47091	138853

Из [Таблицы 5](#) видно, что активное развитие было характерным для всех видов учебных заведений региона. Этот рост составлял не менее 60 %. Однако еще более активным был рост количества учащихся – около 90 %. Важно отметить и процентное соотношение количества девочек в учебных заведениях. Так, если в 1900 г. этот процент составлял 31,8, то к 1913 г. он составил – 33,9 %. Этот показатель резко занижался на территории Оренбургской губернии из-за мусульманских учебных заведений, где количество девочек было минимальным. К примеру, в 1900 г. в 24 инородческих училищах для мусульман обучалось из 998 учащихся только 58 девочек, что составляло – 5,8 % ([Адрес-календарь, 1901: ведомость о числе учебных заведений](#)). К 1913 г. в 51 мусульманском училище (2368 учащихся¹) девочек было 230, или менее 10 % от общего количества учащихся ([Статистический обзор, 1915: ведомость о числе учебных заведений](#)).

Важно понимать, что к 1913 г. разделение системы народного просвещения на три ступени (среднее, низшее и начальное) начинает уходить в прошлое. Это было связано с активным развитием начального образования. Так, уже в 1913 г. значительное количество начальных училищ Российской империи перешло в статус высших начальных училищ, и такая работа активно продолжалась. Иными словами, высшие начальные училища объединяли в себе и начальную, и низшую ступень образования.

Несмотря на очевидные успехи, работы на ниве народного просвещения в Оренбургской губернии было еще много. Всего на 1 января 1915 г. общее количество детей школьного возраста на территории Оренбургской губернии составляло, по данным Министерства народного просвещения, 182769, из них охвачены учебными заведениями были только 107874 учащихся ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 2](#)). Тем не менее фундамент для всеобщего начального образования был заложен, необходимые ассигнования выделены и решение этого вопроса было лишь делом ближайшего времени.

5. Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что система народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска, несмотря на имеющиеся проблемы, более гармонично охватывала как мужчин, так и женщин. Это и отразилось на проценте грамотных людей в войске, и к 1914 г. именно население Оренбургского казачьего войска было наиболее грамотным из всех казачьих войск Российской империи – 60,9 %.

Что же касается всей территории Оренбургской губернии, то в период 1900–1913 гг. происходило активное увеличение сети средних, низших и начальных учебных заведений. В деле гендерного баланса среди обучающихся больших успехов добились церковно-приходские школы: процент девочек в них достиг 39. Региональная специфика Оренбургской губернии заключалась в наличии достаточно большого количества мусульманских школ (училищ, медресе, мектебов), где процент обучающихся девочек был традиционно незначительным. В целом с учетом всех факторов к 1 января 1915 г. из 182 тыс. детей школьного возраста 107 тыс. детей были охвачены школой, и эта работа активно продолжалась.

Литература

- [Адрес-календарь, 1901](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1902 год. Оренбург, 1901.
- [Адрес-календарь, 1902](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1903 год. Оренбург, 1902.
- [Адрес-календарь, 1904](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1904 год. Оренбург, 1904.
- [Адрес-календарь, 1905](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 год. Оренбург, 1905.
- [Адрес-календарь, 1906](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1906 год. Оренбург, 1906.
- [Адрес-календарь, 1908](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1908 год. Оренбург, 1908.
- [Адрес-календарь, 1910](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1910 год. Оренбург, 1910.
- [Адрес-календарь, 1912](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 год. Оренбург, 1912.

¹ В источнике представлены ошибочные данные о числе учащихся в мусульманских училищах – Авт.

- [Адрес-календарь, 1914](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1914 год. Оренбург, 1914.
- [Статистический обзор, 1915](#) – Статистический обзор Оренбургской губернии за 1913 г. Оренбург, 1915.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1113–1123.
- [Алешина, Ковальская, 2018](#) – *Алешина С.А., Ковальская С.И.* Деятельность оренбургских властей по просвещению «инородцев» во второй половине XIX века // *Новый исторический вестник*. 2018. № 4 (58). С. 6–18.
- [Смирнова, Глухов, 2017](#) – *Смирнова О.А., Глухов А.Г.* Приобщение учащихся к литургической практике в учебно-воспитательной деятельности оренбургской женской гимназии и прогимназии // *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2017. № 1 (7). С. 435–443.
- [Шицкова, 2015](#) – *Шицкова М.А.* Роль библиотек в развитии книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2015. № 4 (44). С. 15–19.
- [Суворова, 2015](#) – *Суворова А.В.* Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.). Челябинск, 2015.
- [Любичанковский, 2013](#) – *Любичанковский С.В.* Становление оренбургской женской гимназии на рубеже 1860–1870-х гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. 15 (5). С. 24–27.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451–458.
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L.* Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869–1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 420–427.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049–1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524–1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88–104.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N.* The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655–664.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N.* The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964–972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M.* The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248–254.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454–465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664–676.

References

- [Адрес-календар', 1901](#) – Адрес-календар' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1902 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1902]. Orenburg. 1901 [in Russian]
- [Адрес-календар', 1902](#) – Адрес-календар' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1903 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1903]. Orenburg. 1902 [in Russian]
- [Адрес-календар', 1904](#) – Адрес-календар' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1904 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1904]. Orenburg. 1904 [in Russian]
- [Адрес-календар', 1905](#) – Адрес-календар' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1905 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1905]. Orenburg. 1905 [in Russian]

- [Adres-kalendar', 1906](#) – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1906 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1906]. Orenburg. 1906 [in Russian]
- [Adres-kalendar', 1908](#) – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1908 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1908]. Orenburg. 1908 [in Russian]
- [Adres-kalendar', 1910](#) – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1910 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1910]. Orenburg. 1910 [in Russian]
- [Adres-kalendar', 1912](#) – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1912 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1912]. Orenburg. 1912 [in Russian]
- [Adres-kalendar', 1914](#) – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1914 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1914]. Orenburg. 1914 [in Russian]
- [Aleshina, Koval'skaya, 2018](#) – *Aleshina, S.A., Koval'skaya, S.I.* (2018). Deyatel'nost' orenburgskikh vlastei po prosveshcheniyu «inorodtsev» vo vtoroi polovine XIX veka [The activities of the Orenburg authorities to educate the "foreigners" in the second half of the 19th century]. *Novyi istoricheskii vestnik.* 4(58): 6-18. [in Russian]
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 9(2): 451-458.
- [Lyubichankovskii, 2013](#) – *Lyubichankovskii, S.V.* (2013). Stanovlenie orenburgskoi zhenskoj gimnazii na rubezhe 1860 – 1870-kh gg. [The formation of the Orenburg female gymnasium at the turn of the 1860s – 1870s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk.* 15(5): 24-27. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Balanyuk, L.L.* (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education.* 7(2): 420-427.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody.* Vol. 57. Is. 3: 1113-1123.
- [Mamadaliev et al., 2019](#) – *Mamadaliev, A.M., Svechnikova, N.V., Miku, N.V., Médico, A.* (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 8(2): 445-453.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody.* 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody.* 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody.* 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education.* 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Svechnikov, V.A., Posokhova, L.A., Allalyev, R.M.* (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education.* 9(1): 248-254.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 8(2): 454-465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education.* 8(3): 664-676.
- [Shitskova, 2015](#) – *Shitskova, M.A.* (2015). Rol' bibliotek v razvitii knigorasprostraneniya v Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The role of libraries in the development of book distribution in the Orenburg province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv.* 4(44): 15-19. [in Russian]
- [Smirnova, Glukhov, 2017](#) – *Smirnova, O.A., Glukhov, A.G.* (2017). Priobshchenie uchashchikhsya k liturgicheskoi praktike v uchebno-vospitatel'noi deyatel'nosti orenburgskoi zhenskoj gimnazii i progimnazii [Introducing students to liturgical practice in the teaching and educational activities of the Orenburg

women's gymnasium and progymnasium]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*. 1(7): 435-443. [in Russian]

Statisticheskii obzor, 1915 – Statisticheskii obzor Orenburgskoi gubernii za 1913 g. [Statistical review of the Orenburg Province for 1913]. Orenburg, 1915. [in Russian]

Suvorova, 2015 – *Suvorova, A.V.* (2015). Razvitie sistemy nachal'nogo obrazovaniya v Orenburgskoi i Ufimskoi guberniyakh (nachalo XX v. – 1914 g.) [The development of the primary education system in the Orenburg and Ufa provinces (early XX century – 1914)]. Chelyabinsk. [in Russian]

Система народного образования в Оренбургском казачьем войске (1820–1917 гг.). Часть 2

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d,
Алексей Александрович Королев ^e, Елена Валерьевна Красненкова ^f

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается система народного образования на территории Оренбургского казачьего войска и Оренбургской губернии в дореволюционный период. В данной части работы анализируется период 1900–1913 гг.

Источниками для подготовки статьи послужили различные статистические материалы. В первую очередь это впервые введенные в научный оборот документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Помимо этого, привлекались адрес-календари и памятные книжки Оренбургской губернии за разные годы, а также статистические обзоры Оренбургской губернии.

В работе широко применен статистический метод. Так, нами были сделаны выборки из статистического массива разнообразной отчетной документации: о количестве войсковых училищ, мусульманских и церковно-приходских школ. Это позволило высчитать среднее значение числа учеников на одну войсковую школу, а также выявить соотношение по гендерному балансу в разных учебных заведениях.

В заключении авторы отмечают, что система народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска, несмотря на имеющиеся проблемы, более гармонично охватывала как мужчин, так и женщин. Это и отразилось на проценте грамотных людей в войске, и к 1914 г. именно население Оренбургского казачьего войска было наиболее грамотным из всех казачьих войск Российской империи – 60,9 %.

Что же касается всей территории Оренбургской губернии, то в период 1900–1913 гг. происходило активное увеличение сети средних, низших и начальных учебных заведений. В деле гендерного баланса среди обучающихся больших успехов добились церковно-приходские школы: процент девочек в них достиг 39. Региональная специфика Оренбургской губернии заключалась в наличии достаточно большого количества мусульманских школ (училищ, медресе, мектебов), где процент обучающихся девочек был традиционно незначительным. В целом с учетом всех факторов к 1 января 1915 г. из 182 тыс. детей школьного возраста 107 тыс. детей были охвачены школой, и эта работа активно продолжалась.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, народное образование, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

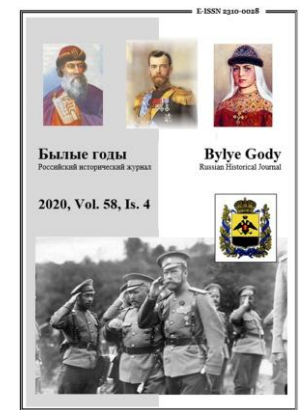
Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2464-2470. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2464
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features

Ivan A. Ermachkov ^{a, e, *}, Larisa A. Koroleva ^b, Elena K. Mineeva ^c, Leonid L. Balanyuk ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article discusses the features of the slave trade in Circassia in the first half of the XIX century. The attention is paid to the driving forces of this process, regional specifics, as well as to the regulatory measures of the Russian administration to prevent the capture of slaves and the slave trade.

The work was performed on archival sources that were first introduced into scientific circulation, and documents from the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation) were involved. The sources of personal origin were also used, such as the diary entries of the Polish emissary T. Lapinsky. When solving research problems, both General scientific methods (analysis and synthesis, concretization, generalization) and traditional methods of historical analysis were used. The paper uses the historical-situational method, which involves the study of historical facts in the context of the studied epoch in conjunction with "neighboring" events and facts. By using the analysis method, it was possible to consider the evolution of the regulatory framework for the prevention of the slave trade on the territory of Circassia during the first half of the XIX century.

In conclusion, the authors state that in the first half of the XIX century, one of the main sources of Circassian exports was a living commodity – human trafficking. Due to the high prices for slaves in Circassia, the slave trade was actively developed, making another process related to slavery, namely the process of slave capture, economically attractive. At this time, almost the entire free Circassian population was included in the slave trade, since the presence of slaves was an indicator of wealth and a high position in society. After the appearance of Russia on the borders shared with Circassia, the process of civilizational dialogue began, aimed at eradicating the slave trade and slave-grabbing in this region.

Keywords: slave trade, human trafficking, Circassia, mountain armenians, Trans-Kubans, first half of the 19th century, Circassians, Russian Empire.

1. Введение

Период первой половины XIX века для Черкесии был временем переломным. С одной стороны, с конца XVIII века не утихало противостояние между вольными жителями и аристократией, а с другой – в 1792 г. на границу по реке Кубань были выдвинуты черноморские казаки, начался российско-черкесский цивилизационный диалог. Нужно сразу пояснить, что черкесы были достаточно беспокойными соседями, на протяжении нескольких последних веков они осуществляли набеги на всех своих соседей. Целью таких нападений был захват пленников с последующей продажей. До конца XVIII века больших проблем от такой работоторговли у черкесов не было, так как они граничили с Крымским ханством, где работоторговля была одним из главных источников

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

существования. С приходом на сопредельные с Черкесией территории русских, русская администрация стала предпринимать усилия к предотвращению набеговых практик на свою территорию. Механизмам противодействия работорговле на территории Черкесии в первой половине XIX и посвящена эта статья.

2. Материалы и методы

Работа выполнена на основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот. Привлечены были документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а именно фондов – 799 (Коллекция документальных материалов по истории кавказских народов XIX века, собранная профессором А.К. Сиотоковым), 249 (Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области, 1787–1917 гг.) и 250 (Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794–1842 гг.). Кроме этого, были использованы сборник документов «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020) и источники личного происхождения, например дневниковые записи польского эмигранта Т. Лапинского (Лапинский, 1995).

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Благодаря использованию метода анализа удалось рассмотреть эволюцию нормативной базы предотвращения работорговли на территории Черкесии в период первой половины XIX века.

3. Обсуждение

В 2016 г. исследователи М. Шмигель и А.А. Черкасов опубликовали работу «The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special», в которой в обзоре историографии отметили, что тема работорговли и рабства на территории Черкесии разработана весьма поверхностно (Smigel, Cherkasov, 2016: 1183). Важно пояснить, что и сегодня она имеет большое количество «белых пятен».

Тем не менее после 2016 г. к данной теме исследователи начали обращаться гораздо чаще. Так, вопросам рабства и работорговли на Кавказе уделяли свое внимание такие специалисты, как Е.И. Иноземцева (Inozemtseva, 2017), Ю.Ю. Клычников (Klychnikov, 2017), В.Е. Возгрин (Vozgrin, 2018), С.Л. Дударев (Dudarev, 2018), А.А. Черкасов (Cherkasov et al., 2017: 851–864) и др. Авторы затрагивали разные аспекты кавказской работорговли, в том числе и на территории Черкесии, откуда отправлялась значительная часть живого товара в Турцию.

4. Результаты

Набеговые практики черкесов на русскую территорию начались в первый же год после прихода на Кубань черноморских казаков. Так, одним из первых в плен был захвачен в ноябре 1792 г. хорунжий Черноморского казачьего войска Бескровный, месяц спустя ему повезло и удалось бежать¹ (Черкасов и др., 2019: 1357). В период Кавказской войны черкесы нередко разоряли и уводили в плен сразу несколько сот захваченных людей. Такой случай был зафиксирован 13 мая 1823 г., когда черкесы разорили черноморскую станицу Круглолесскую, в плен было уведено 302 жителя (Сборник сведений о потерях, 1901: 18).

У всех закубанских народов² крепостные крестьяне и рабы (далее – подвластные – Авт.) составляли главное финансовое состояние владельцев³. Причиной этого была высокая цена на живой

¹ Нужно понимать, что везло далеко не всем: во-первых, многие пленники продавались сразу же турецким купцам и вывозились в Турцию; во-вторых, за каждым беглецом отправлялась погоня и была высока вероятность поимки; в-третьих, беглеца могли обнаружить и захватить другие черкесы; в четвертых, вероятность удачного побега, если пленник жил вдалеке от русской границы, была ничтожна. Если сюда добавить еще и жестокое наказание за побег, то нужно понимать, что на такое могли решиться только люди в крайней степени отчаяния.

² Здесь мы имеем в виду натухайцев, абадзехов, шапсугов, убухов и других более малочисленных народов.

³ Важно пояснить, что подвластные составляли главное богатство на всех территориях Кавказа, в том числе и в Абхазии, и в Грузии, и в Дагестане. Забегая вперед, можно отметить, что эта ситуация не изменилась и к 1877 г. (к началу русско-турецкой войны), когда бывшие цебельдинские князья прибыли на турецких кораблях в составе десанта, и первое, что они начали делать, это вылавливать абхазское население и уводить его к судам, чтобы отправить в Турцию. Насколько такое переселение можно считать добровольным, ведь у местных никто не спрашивал, так как они были подвластными. Более 100 абхазских семейств из селения Пицунда, подготовленных к отправке в Турцию, русским войскам удалось отбить (Материалы для описания, 1909: 366). Однако спасти всех абхазов от турецкой участи не получилось. Так, Е. Егоров отмечал, что «...на море, у самой пристани и при устье

товар. Так, польский эмиссар Теофил Лапинский отмечал, что мальчик на территории Черкесии никогда не стоил менее 100 руб., девушка, если только она было сносно сложена, оценивалась в 300 и более руб. (Лапинский, 1995: 106). Для сравнения годовое жалование офицера русской императорской армии в это время составляло 300 руб. в год.

В период Кавказской войны, как известно, черкесское общество было разделено на черкесов мирных, немирных и нейтральных. Отсутствие постоянства было характерным явлением для этих народов. В условиях Кавказской войны сохранение мирного статуса по отношению к России являлось сильным стимулом для многих черкесских владельцев, причиной чего был характер черкесской экономики. Так, каждый подвластный, выбежавший от своего немирного по отношению к России владельца, имел право просить защиты российского правительства и получал навсегда свободу (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 44). Ничто не могло быть так чувствительно для закубанских владельцев, как подобная потеря; каждый подвластный, выбежавший на территорию России, заставлял других владельцев бояться, чтобы того же не сделали и ему принадлежавшие подвластные. Важно отметить, что в этом отдавала себе полный отчет и русская администрация на территории Кубанской области. Так, об этом писал в докладной записке генерал-майор Ковалевский генерал-лейтенанту Завадовскому от 24 ноября 1847 года, примерно такая же информация находилась в отзыве начальника штаба Черноморского войска к генерал-майору Ковалевскому от 16 декабря 1835 года, а также в рапорте генерал-майора Ковалевского на имя генерал-лейтенанта Завадовского от 30 июля 1849 года. Поэтому вопрос о подвластных часто фигурировал в переговорах закубанцев с русской администрацией о сохранении добрососедских отношений или об оказании содействия к возврату рабов, взятых другими племенами, немирными (например, письмо Абадзехского дворянина к князю Воронцову 8 декабря 1847 года).

Нужно понимать, что переход на русскую сторону подвластных черкесских владельцев носил постоянный характер и количество выбегавших ежегодно людей исчислялось многими десятками. Так, например, в 1798 г. из Черкесии выбежало 94 человека (Черкасов и др., 2019: 1359), а в 1834 г. только за один месяц (май – Авт.) из Черкесии убежало от владельцев 20 семейств черкесов, что составляло 87 человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1392. Л. 14, 16). 5 апреля 1848 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-лейтенант Завадовский сделал предписание, в котором поручил всем выбегающим из Черкесии коренным жителям выдавать свидетельства об освобождении от власти своих владельцев.

Такое предоставление свободы выбежавшим от владельцев подвластным в последующем часто служило побудительным мотивом к принесению закубанцами верности, помимо этого страх лишиться подвластных иногда удерживал этих владельцев от измены. Это касалось владельцев, которые жили близко к русским границам или к крепостям. Однако Черкесия из-за своего географического положения была сложной территорией. Если с владельцами Лесного Кавказа (за рекой Кубань) можно было договориться, то прибрежная часть Черкесии жила за счет работоторговли с Турцией. Как уже неоднократно отмечалось в научной периодической печати, стоимость невольников на рынках Черкесии была очень высока. К примеру, в 1810 г. недалеко от Геленджан-Кале на пути в Турцию в море было задержано турецкое работоторговое судно, на борту которого оказались 66 рабов, из них 15 русских, 41 абазин и 10 черкесов. Средний возраст пленников составлял 14,9 лет, а стоимость живого товара по черкесским ценам оценивалась в 2,5 тыс. коров (Cherkasov et al., 2017: 851-864). Специально для этого в прибрежной части Черкесии находились невольничьи рынки, и торг осуществлялся с прибывающими из Турции контрабандистами. Как правило, такие невольничьи рынки находились в устьях рек. Достоверно известно, что торговля людьми осуществлялась в устье рек Пшада, Улане, Джубе, Шапсуге и Деле (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 19-20). Одно работоторговое судно могло вывести от 20 до 80 рабов за один рейс.

Нужно понимать, что Российская империя в вопросах традиций присоединяемых народов старалась вести свою политику так, чтобы не вызывать масштабных протестов, – не вмешиваясь во внутреннюю нравственную жизнь местного населения и не нарушая существующих у них обычаев, в том числе и продажи подвластных. Русская администрация этот последний антигуманный обычай, противоречащий законам Российской империи, старалась, насколько возможно, ограничить от злоупотреблений и привести к постепенному уничтожению его, поэтому, оставляя его в силе, прикладывала усилия к ограничению торговли. Например, было разрешено торговать людьми только между единоплеменниками, продажа же подвластных в другое племя или на ярмарках и базарах была строго воспрещена. На право продажи своих подвластных горцам выдавались особые свидетельства. Но в силу различных местных обстоятельств допускались исключения, и местной администрацией давались иногда разрешения отдельным лицам продавать подвластных своих в другое племя. Вследствие таких разрешений, а часто и просто без них, пользуясь слабой защитой границ, горцы продавали людей не тех, на которых выдано было разрешение (то есть не своих подвластных, а захваченных в плен, по праву сильного), а свободных ногайцев и даже русских

р. Келасуры, турки занимались погрузочными работами, грузили на суда абхазов и разную добычу, награбленную в Абхазии» (Егоров, 1884: 96).

пленных и не тому племени, куда было дано разрешение, и вывозили на ярмарки даже в город Ставрополь, получая от этой сделки значительные финансовые выгоды. Факты продажи русских людей черкесами в Ставрополе были отмечены в предписании генерал-лейтенанта Завадовского к генерал-майору Ковалевскому от 30 сентября 1844 года (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 45). Так поступали черкесы с захваченными своими соплеменниками, российских же пленных они отправляли для продажи сначала в Анапу¹, но впоследствии (примерно в 1833 г.) стало проблематично доставлять туда пленных, так как сами же черкесы устраивали караулы и отбитых пленных продавали далеко в горы. Особенно же широкий размах приобрело это дело, став промыслом, у живущих среди закубанцев и на русской территории закубанских армян, которые, имея постоянные между собою связи и покупая крестьян и пленных у ногайцев за бесценок, продавали их в Кабарду за значительные средства. В январе 1834 г. было опубликован указ императора Николая I о начале сбора средств для выкупа захваченных горцами пленников (Cherkasov et al., 2017: 79). Немалая сумма и русских денег поступала к горским армянам за посредничество при выкупе российских пленных, которые и в плен попадали не без участия тех же посредников (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 45). Здесь нужно пояснить, что русская администрация располагала данными о предоставлении информации горскими армянами немирным черкесам о численности населения в различных кубанских куренях и о месте проживания тех людей, за которых могут быть даны работорговцами самые большие средства (имеются в виду внешние качества девушек и юношей).

Вследствие злоупотреблений выдававшимися билетами на продажу людей со стороны горцев, которые часто продавали не тем или совсем не тех людей, которые были в билетах перечислены, или же вовсе не подвластных, а свободных жителей из числа ногайцев, захваченных в плен, и даже захваченных на русской стороне православных и малолетних лиц, и, чтобы прекратить этот род промысла со стороны армян, генерал-лейтенант Завадовский в 1846 году предписал генерал-майору Ковалевскому выдавать черкесам разрешительные билеты на продажу подвластных только по личному удостоверению и строго наблюдать, чтобы армяне вовсе не производили продажи подвластных людей.

Нужно отметить, что запрет армянам заниматься работорговлей был не первым нормативным актом кубанской администрации. Ранее, в 1845 году, было распоряжение жителям армянского селения Армавир о запрете перепродажи чужих подвластных. Запрет не распространялся только на собственных подвластных.

22 сентября 1847 года жители армянского селения обратились с просьбой к генерал-майору Ковалевскому, в которой отмечали, что, из-за вышеуказанного распоряжения подвластные начали «лениться и выходить из повиновения» владельцев. Вследствие произошедшей в июле–августе 1847 года холеры многие владельцы умерли, а подвластные, находясь при малолетних наследниках, грабили хозяев и убегали в горы. Более того, доставшиеся после раздела нескольким наследникам подвластные могли быть проданы только в самом селении, но так как желающих купить, зная их лень, не находилось, поэтому жители просили об отмене распоряжения 1845 года и о разрешении продавать крестьян соседним жителям и народам.

На это ходатайство 17 ноября 1847 года было послано предписание генерал-лейтенанта Завадовского генерал-майору Ковалевскому объявить просителям, что так как некоторые из закубанских армян занимались противозаконной торговлей людьми как товаром, покупая их за бесценок у черкесов, которым они в большинстве своем достаются благодаря захвату по праву сильного, и продавая в Кабарду нуждающимся в рабах за значительные деньги, то вследствие того и было сделано распоряжение о запрещении этой противозаконной торговли.

Генерал-лейтенант Завадовский настаивал, что «по объясненным обстоятельствам это распоряжение как служащее для искоренения запрещенной торговли людьми, которую армяне противозаконно себе усвоили, производя ее дале на ярмарках, вполне было необходимо. Чтобы не дать им нового повода заниматься ею, прежде по этому предмету распоряжение должно оставаться в своей силе» (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 46). Однако, проявляя снисхождение к просьбе армян, по уважению изложенных в ней обстоятельств и чтобы не довести крестьян их до «совершенной лености и непослушания» владельцам, командующий войсками генерал-лейтенант Завадовский дозволил генерал-майору Ковалевскому разрешить армянам однажды в течение шестимесячного срока продавать своих подвластных на следующих основаниях: «1. Чтобы отнюдь не были разразниваемы семейства продажею членов их в разные руки; 2. Чтобы отнюдь не были продаваемы крестьяне христианского исповедания; 3. Чтобы из лиц, состоящих в русском подданстве и живущих в губернии или земле Кавказского и Черноморского казачьих войск, продаваемы были крестьяне только тем, кои по общим Государственным законам имеют право владеть крепостными крестьянами, на общих правилах, для сего установленных; 4. Чтобы продажа крестьян магометанского исповедания закубанцам, живущим в наших пределах, совершалась с согласия продаваемых; 5. Чтобы во всяком случае продажа совершалась с ведома местного начальства и по письмам разрешающим начальника правого фланга Кавказской линии, причем должно быть удостоверение

¹ В частности, об этом доносил барон Розен графу Канкрину в письме от 2 октября 1835 года.

общества и пристава о действительной и безопасной принадлежности крестьян своему владельцу и подробный именной список продаваемых. Продажа закубанскими армянами подвластных армянам того же аула дозволяется на прежнем основании» (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 46).

Как уже отмечалось, самая значительная по объему работорговля была на Черноморском побережье Черкесии, через порты которого горцы сбывали через турецких торговцев значительное количество женщин и девушек в Турцию. С учреждением на северо-восточном берегу Черного моря русского крейсерства контрабандный вывоз торговцами живого товара был значительно сокращен.

Но за то работорговцы нашли другой способ продолжать свою деятельность: пользуясь свободной выдачей горцам заграничных паспортов на поездку в Константинополь и для поклонения гробу Магомета с их семействами и слугами, горцы по соглашению с турками, торгующими невольниками, начали показывать в числе своих семейств и прислуги невольниц, закупленных турками в горах, и вывозить таким образом за границу. Такой массовый вывоз людей осуществляли, например, джигеты – племя, проживающее в районе современного города Гагры (ныне Республика Абхазия). На это обстоятельство обращено было внимание, и в начале 1852 года предписаны были особые правила к ограничению выдачи заграничных паспортов, а именно: «1. Выдавать паспорта только племенам, обеспечившим покорность свою аманатами; 2. Выдавать их не иначе, как по причинам уважительным, вменя в обязанность ближайшим начальникам стараться узнать, сколько это возможно, какого образа мыслей просящие увольнения, и можно ли предполагать, что они идут действовать по религиозным чувствам в Мекку, без вредных для правительства и края намерений; 3. При отправлении увольняемых за границу строжайше наблюдать, чтобы под видом покорных не отправлялись в Турцию люди, принадлежащие к непокорным племенам; 4. Не допускать к отправлению лиц, не принадлежащих к семейству, коему выданы паспорта, наблюдая за непременно исполнением Высочайшего повеления 5 апреля 1847 года №246 о воспрещении женщинам и девушкам из горских народов отправляться в Константинополь отдельно от своих семейств. Допрашивать непременно всех отправляющихся девушек, принадлежат ли они к семейству, которое их берет с собою, и желают ли ехать, объявив им, что если того и другого условий нет, то они будут свободны, могут возвратиться на родину или идти, куда хотят, и во всяком случае будут под непосредственным покровительством начальника главного штаба» (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 47).

Благодаря принятию таких мер, турецкие торговцы лишились возможности к вывозу невольниц в Турцию на контрабандных кочермах¹ и обратились к новому способу. Закупая в горах невольниц, они целыми партиями начали пробираться сухопутно в Абхазию, в Очемчирь, Келасури и другие места, вне действия русских крейсеров, откуда находили возможность отправлять невольниц за границу. Важно пояснить, что на территории Абхазии в это время владетель князь Шервашидзе осуществлял гражданское управление. Русская военная администрация в Абхазии в вопросы гражданского управления не вмешивалась, что позволило Шервашидзе продавать в Турцию значительное количество невольников. Ввиду этого 5 июля 1852 года года начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков просил правителя Абхазии князя Шервашидзе принять строгие меры к недопущению вывоза из Абхазии морем невольниц и учредить строгий сухопутный надзор для предупреждения прохода турецких торговцев с невольницами в Самурзакань и Мингрелию, с тем, чтобы турки и горцы, захваченные с невольницами, передаваемы были вместе с ними в распоряжение начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии. Князь Михаил Шервашидзе, имевший от этого промысла свои выгоды, в письме от 31 октября 1852 года не отрицал вывоза в Абхазию и Самурзакань партий женщин и девушек и свидетельствовал, что их там раскупают для подарков, а большею частью для прислуги, но что из этих мест им нелегко отправиться в Турцию и что принятых им мер к запрещению такого вывоза из порта Абхазии в Турцию девушек и женщин вполне достаточно (ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 48). Нужно сказать, что князь Шервашидзе лукавил, так как и в это время торг рабынями между Абхазией и Турцией не прекращался. Более того, этот торг был возможен только благодаря личной позиции владетельного князя в вопросе работорговли и тем источникам сверхприбыли, которые на этом промысле можно было нажить.

5. Заключение

В первой половине XIX в. одним из главных источников черкесского экспорта был живой товар – торговля людьми. Благодаря высоким ценам на рабов на территории Черкесии, активно развивалась работорговля, делая экономически привлекательным другой, связанный с рабством процесс, а именно процесс рабозахвата. В указанное время в работорговлю было включено практически все свободное черкесское население, так как наличие рабов было индикатором достатка и высокого положения в обществе. После появления России на общих с Черкесией границах начался процесс цивилизационного диалога, направленного на искоренение рабозахвата и работорговли в данном регионе.

¹ Небольшой торговый корабль.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Егоров, 1884 – Егоров П. Описание боевой жизни 76-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878-го годов. Тифлис, 1884.

Лапинский, 1995 – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.

Материалы для описания, 1909 – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре с планами. Т. V. Тифлис, 1909.

Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901.

Черкасов и др., 2019 – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н., Шмигель М. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1355-1367.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dudarev, 2018 – Dudarev S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past // *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 18-30.

Inozemtseva, 2017 – Inozemtseva E.I. (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.

Klychnikov, 2017 – Klychnikov Yu.Yu. The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 42-51.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

References

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

Cherkasov i dr., 2019 – Cherkasov, A., Koroleva, L., Bratanovskii, S., Šmigel', M. (2019). The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(4): 1355-1367.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dudarev, 2018 – Dudarev, S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 18-30.

Egorov, 1884 – Egorov, P. (1884). Opisanie boevoi zhizni 76-go pekhotnogo Kubanskogo polka v minuvshuyu voinu 1877-1878-go godov [The description of the combat life of the 76th Kuban infantry regiment in the last war of 1877-1878]. Tiflis. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archive of the Krasnodar Krai].

Inozemtseva, 2017 – Inozemtseva, E.I. (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.

Klychnikov, 2017 – Klychnikov, Yu.Yu. (2017). The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 42-51.

Lapinskii, 1995 – Lapinskii, T. (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their struggle for freedom against the Russians]. Nal'chik.

Materialy dlya opisaniya, 1909 – Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. na kavkazsko-maloaziatskom teatre s planami [The materials for describing the Russian-Turkish war of 1877-1878 in the Caucasus-Asia minor theater with plans.]. T. V. Tiflis, 1909. [in Russian]

Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [In Russian]

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel, M., Cherkasov, A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin, V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

Работорговля в Черкесии (первая половина XIX в.): некоторые характерные особенности

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, e*}, Лариса Александровна Королева ^b, Елена Константиновна Минеева ^c, Леонид Леонидович Баланюк ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работорговли на территории Черкесии в первой половине XIX века. Уделено внимание движущим силам этого процесса, региональной специфике, а также нормативным мероприятиям русской администрации по предотвращению рабозавата и работорговли.

Работа выполнена на основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот, также привлечены были документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Использованы были и источники личного происхождения, например дневниковые записи польского эмиссара Т. Лапинского. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Благодаря использованию метода анализа удалось рассмотреть эволюцию нормативной базы предотвращения работорговли на территории Черкесии в период первой половины XIX века.

В заключении авторы отмечают, что в первой половине XIX в. одним из главных источников черкесского экспорта был живой товар – торговля людьми. Благодаря высоким ценам на рабов, на территории Черкесии активно развивалась работорговля, делая экономически привлекательным другой, связанный с рабством процесс, а именно процесс рабозавата. В указанное время в работорговлю было включено практически все свободное черкесское население, так как наличие рабов было индикатором достатка и высокого положения в обществе. После появления России на общих с Черкесией границах, начался процесс цивилизационного диалога, направленного на искоренение рабозавата и работорговли в данном регионе.

Ключевые слова: работорговля, торговля людьми, Черкесия, горские армяне, закубанцы, первая половина XIX века, черкесы, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2471-2484. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2471
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the Russian Oil Industry in the 19th century: Historical Experience and Modern Assessments

Aleksandr A. Kartskhiya ^{a,*}, Sergey A. Tyrtychnyy ^a, Mikhail G. Smirnov ^a, Mariya G. Dolgikh ^a

^a Gubkin National University of Oil and Gas, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of creation and industrial development of Baku oil fields in the middle of the 19th century and provides a comprehensive analysis of the factors that ensured the accelerated development of oil fields on Apsheron.

A comparison is made with the American experience in the development of the oil industry of the 19th century. For the first time in Russian historiography, the authors make a multifaceted comprehensive analysis of the formation and development of the oil industry in the Russian Empire, which should be considered a unique property of the formation of the oil industry in the Russian state. The paper shows that the role of the state and large industrialists has still been insufficiently studied, and the scientific and technical development of oil fields in Baku fields did not only lag behind foreign competitors, but also surpassed them in a number of indicators. A number of well-known historical myths related to the development of new technologies in the oil industry are revealed.

The article examines the development of the oil industry in chronological order – from the first historical mentions of Apsheron to the world's strongest oil industry creation of oil production rate in the area of Baku.

Keywords: oil, fuel oil, kerosene, oil cracking, oil pipeline, oil transportation, oil production, excise taxes, XIX century, Russian Empire.

1. Введение

В истории нефтяной промышленности наибольший интерес вызывает первая волна нефтяного бума в середине XIX века, связанная с нефтедобычей в Пенсильвании (Северо-Американский Штат). В этот период появилась широко известная американская нефтяная компания Standart oil Джона Рокфеллера и началась экспансия американского керосина в мире. В результате многочисленных исследований на тему развития нефтяной промышленности фокусировались, как правило, либо на американском опыте, либо на более позднем опыте братьев Нобелей в Российской империи. К началу XX века многие проекты в России финансировались известным семейством банкиров Ротшильдов, нефть из Баку была востребована на европейских рынках.

Однако даже известные исследователи нефтяной промышленности, в частности Дэниел Ергин, крайне мало внимания уделяют периоду самостоятельного развития бакинских месторождений, создавая впечатление, что главным действующим игроком и благодетелем российской нефтяной промышленности были братья Нобели, а впоследствии еще и Ротшильды, которые внедрили в Российской империи необходимые технологии добычи, транспортировки и производства нефти. Так ли это было на самом деле? Как будет показано в исследовании, предприятие братьев Нобелей было лишь одним из эпизодов большого и многопланового развития нефтяной промышленности Баку середины XIX века.

* Corresponding author

E-mail addresses: arhz50@mail.ru (A.A. Kartskhiya)

2. Материалы и методы

В работе широко использовались периодические издания второй половины XIX века, в которых описывались исследуемые события, – Технический сборник, Записки Императорского Русского технического общества, Известия Санкт-Петербургской городской общей думы, Отчеты бакинского нефтяного общества, Ежегодники Министерства финансов и т.п. Подробно анализировался сборник документов – Полное собрание законов Российской империи, Второе собрание с дополнениями, чертежами и рисунками, которое относилось к периоду с 1825 по 1881 годы. Факультативная информация при анализе изменений законодательства Российской империи была взята из Третьего собрания, относящегося к периоду 1881–1913 годов. Ряд публикаций научного характера Политехнического общества и Академии наук Российской империи содержат технические детали развития нефтяной промышленности XIX века. Дополнительно использовались архивные материалы Российского государственного архива древних актов, Центрального государственного архива республики Дагестан (г. Махачкала), Центрального государственного архива (г. Москва).

При решении исследовательских задач применялись классические общенаучные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Дополнительно в работе задействован историко-ситуационный метод, предполагающий изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с сопутствующими событиями и фактами. Этот метод позволил рассмотреть развитие бакинских нефтяных месторождений в совокупности технологий, инженерной техники, экономики, логистики и финансов, а также тенденций развития промышленности в стране в целом.

3. Обсуждение

До начала XX века никаких специальных исследований Бакинской нефтяной промышленности не производилось. В Российской империи существовал ряд публикаций технического характера, как правило, узкоспециализированных, посвященных крекингу, транспортировке и хранению нефти. Безусловно, важный вклад в исследование и развитие нефтепромыслов внесли работы выдающихся ученых того времени – инженера Владимира Шухова ([Шухов, 1874](#)), химиков Дмитрия Менделеева ([Менделеев, 1876](#)) и Александра Летнего ([Летний, 1878](#)), известного купца и мецената Кокорева Василия Александровича ([Кокорев, 2005](#)). Также были экономические исследования, связанные с экономикой нефтепромыслов, но без анализа перспектив. Первым источником наиболее полного экономико-технического исследования Бакинской нефтяной промышленности можно считать работу Першке Сергея Людвиговича ([Першке, 1913](#)) «Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных» 1913 года.

Развитие нефтяной промышленности Российской империи неоднократно рассматривалось в работах известного ученого и публициста, лауреата Пулитцеровской премии Дэниела Ергина ([Ергин, 2014](#)), монографии профессора Ирины Алексеевны Дьяконовой ([Дьяконова, 1999](#)), ряде работ историка и публициста, главного редактора журнала «Oil of Russia» и сайта oil.ru Матвейчука Александра Анатольевича ([Матвейчук, 2004](#)), профессора Судо Михаила Масаовича ([Судо, 1984](#)), ученых-специалистов по речным и морским нефтеперевозкам профессоров Чеботарева Михаила Николаевича ([Чеботарев, 1985](#)) и Логачева Станислава Ивановича ([Логачев, 1970](#)), заместителя главного редактора исторического журнала «Русский мир» Клоковой Лады Валерьевны ([Клокова, 2008](#)). Однако общим недостатком всех вышеперечисленных работ было отсутствие комплексного подхода при анализе событий, которые привели к развитию Бакинских нефтяных промыслов, что, в свою очередь, затрудняло исследователям выявить уникальные особенности развития бакинских нефтяных месторождений XIX века.

4. Результаты

История нефтяной промышленности в целом зависит от истории спроса на нефть и нефтепродукты. Потребительская ценность нефти была известна со времен античности, однако большой спрос на производные нефти отсутствовал. Да, различные источники ранневизантийского периода упоминают про зажигательное оружие, получаемое из нефти, в частности широко известный «греческий огонь» ([Филон Византийский, 2015:1-62](#)) (oleum incendarium). Впрочем, в дальнейших войнах в Европе и Азии зажигательное оружие на основе нефти применялось крайне ограниченно, что говорит об экзотичности и малой популярности таких средств ведения войны. В известной и во многом спорной работе путешественника Марко Поло «Книга о разнообразии мира» есть упоминание о лекарственном употреблении нефти в Закавказском регионе: «На грузинской границе есть источник масла, и много его – до сотни судов можно зараз нагрузить тем маслом. Есть его нельзя, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут» ([Марко Поло, 2018: 384](#)). Поскольку в главе описывается Закавказье в целом, и Армения в частности, можно сделать вывод о добыче открытым способом, которая уже велась «на север от Армении», т.е. в современном Азербайджане. Сведения Марко Поло можно считать достоверными по причине широкого употребления нефти как лекарства и в настоящее время: так называемая «нафталанская нефть» сегодня производится в Азербайджане и является лекарством от различных кожных заболеваний.

В целом можно сказать, что нефть использовалась повсеместно как источник освещения, но, как правило, не являлась источником международной торговли, поскольку добыча была до крайности примитивной: открытые выходы нефтяных месторождений раскапывались лопатами и иными подручными средствами, и битумные массы собирались в простейшие емкости. Из такой нефти делали различные горючие смеси и использовали как масло для освещения. Дополнительно некоторые сорта были пригодны в лекарственных целях, однако о промышленных масштабах добычи говорить было рано: невысокий спрос не приводил к интенсификации добычи.

Ситуация начала изменяться в XVIII веке, когда Апшеронский полуостров стал предметом интересов Российской империи. В 1723 году Петр I, начав Персидский поход, отправил в зону современного Баку войска, и в переписке императора с генерал-лейтенантом Матюшкиным есть упоминание о «червой» и «белой» нефти, которые добываются в Баку из «колодезей нефтяных». Можно предположить, что речь шла о сортах тяжелой битумной нефти (т.н. «червая нефть») и легкофракционных сортах «белой нефти», которые в смеси давали жидкость, близкую к современным мазутным соединениям. Именно поэтому в одном из писем Матюшкину император Петр просит «белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно» (Комаров, 1867: 22). По всей видимости, Петр I хотел попробовать использовать «белую нефть» в качестве источника освещения, как столетие спустя произошло с керосином.

Однако данным планам не суждено было сбыться: уже в 1735 году Баку и прилегающие земли были отданы Персии и нефтедобыча вернулась к собственным месторождениям. Например, купец Федор Прядунов уже в 1745 году обратился в Берг-коллегию с просьбой об открытии нефтяного завода в Пустозерском уезде Архангельской губернии, в устье реки Ухты (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 222. Л. 200-203). Следует отметить, что в отличие от исторической значимости данного события (а это был первый документально зафиксированный нефтяной прииск в России) экономическая полезность данного предприятия была невысокой: «завод» купца Прядунова за почти 25 лет своей работы дал приблизительно 3700 килограммов (225 пудов) нефти. В период 1747–1748 годов «завод» был разрушен паводком и не функционировал, и в целом предприятие оказалось для Прядунова невыгодным. Можно сказать, что технологии XVIII века не позволяли вести эффективную добычу нефти в условиях северного таежного климата. В современной России Тимано-Печерская нефтегазоносная провинция и ее Ухта-Ижемский нефтегазовый район представляют собой развитую нефтегазовую индустрию с высокими перспективами промышленного роста.

Что касается земель всего Восточного Закавказья, в том числе и Апшерона, то они вошли в состав Российской империи в 1813 году по Гюлистанскому мирному договору после битвы при Асландузе (1812 года) с Персией, а непосредственно Баку был покорен в 1806 году генерал-лейтенантом Григорием Глазенапом.

Следует отметить, что до второй половины XIX века технологии добычи нефти, равно как и технологии ее переработки, находились в зачаточном состоянии. Добыча нефти производилась с помощью лопат и иных подручных средств, а ее разведка велась в районах с выходом на поверхность битумных отложений – специальных геологических познаний еще не было. Как правило, местные крестьяне копали шурф, по сути, небольшой узкий колодец, в котором начинала собираться нефть. Если же шурф наполнялся водой или оставался сухим, то поиск продолжался. Чем выше была скорость наполнения нефтью такого шурфа, тем более прибыльным считалось предприятие. Такой шурф теми же подручными средствами превращали в колодец, постепенно углубляя и расширяя его. Уже в середине XIX века в наиболее богатых бакинских месторождениях стали использовать примитивные механизмы: ворота, подъемники, первичные резервуары для хранения.

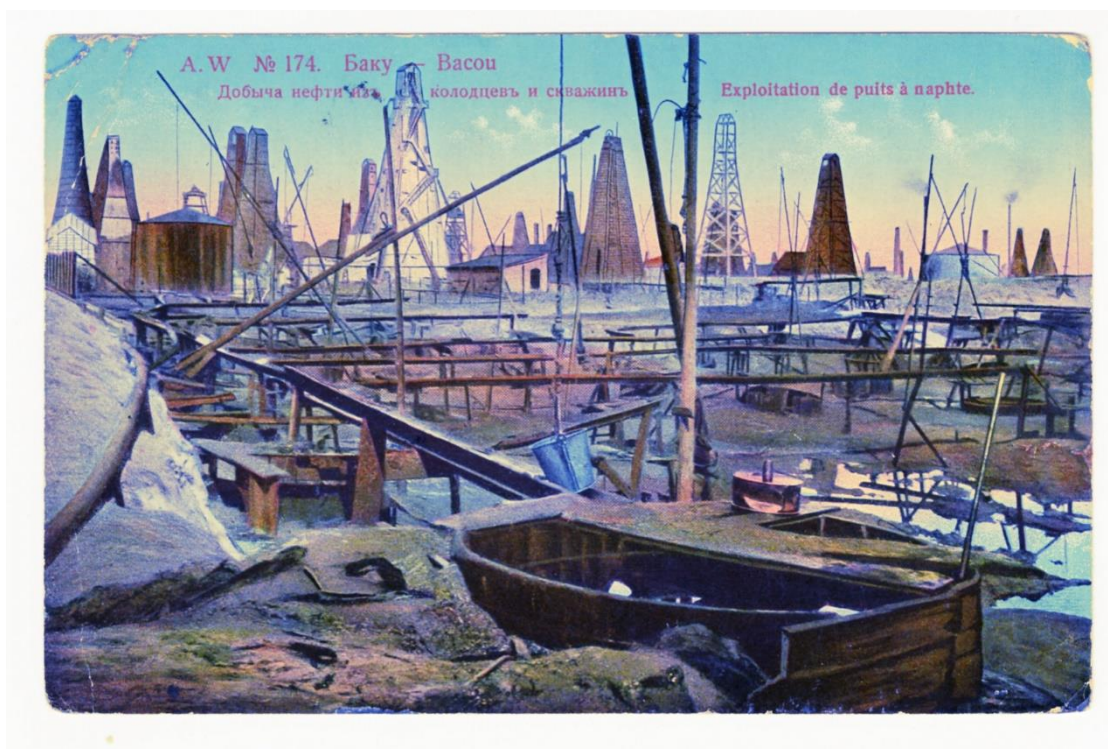

Рис. 1. Добыча нефти из колодцев и скважин, 1890-е гг.

В 1830-х годах в Европе получил распространение так называемый «китайский» метод бурения: европейцы, колонизировавшие Китай, обратили внимание на использование специальных буров, которые применяли на соляных шахтах. Данный метод использовали в США в Западной Пенсильвании, называя его «соляным бурением». Новизна и прогрессивность данного метода заключалась в том, что бурение позволяло достичь большей глубины, чем копание шурфа. А затраты на бур при этом были ниже, чем при ручной копке. Бурение скважины во многих случаях приводило к естественному фонтанированию нефти, находящейся под давлением земляных пластов на глубине. Те участки, которые при ручной копке показывали бесперспективность добычи, при более глубоком бурении могли дать весьма впечатляющий результат.

В плане технологии переработки нефти следует отметить использование в России еще с XVII века опыта термической переработки – «передваивания». В общем механизм «передваивания» и сегодня сохранился в России в кустарном самогонварении: емкость с исходным продуктом нагревают, под воздействием высокой температуры происходит выделение паров, которые через простейшую трубку перемещаются в новую емкость. При термической обработке нефти происходило выделение легких бензиновых фракций, которые и именовались «желтым маслом». Опыт винокурения и смолокурения использовал и купец Федор Прядунов, который в 1748 году привез из ухтинского месторождения нефти в Москву на «передвойку» некоторое количество нефти: «..взято на передвойку три фунта, из того числа вышло передвоенной чистой нефти два фунта» (РГАДА. Ф. 271. О. 1. Ч. 1. 1707–1783. Л. 186–188) – гласит запись от 10 октября 1748 года в лаборатории Берг-коллегии. Малые темпы развития нефтепереработки в мире в XVIII веке следует объяснить отсутствием спроса на нефтепродукты: технологии того времени не позволяли использовать керосиноподобные вещества для освещения, основным покупателем таких нефтяных «масел» были аптеки. Все опыты упомянутого купца Прядунова делались исключительно в медицинских целях, об ином использовании масел тогда не думали.

Здесь следует разобрать сложившуюся к XIX веку терминологию в сфере нефтедобычи и производства. Во-первых, термин «нефть» использовался далеко не повсеместно. Под нефтью понимали и битумы (лат. bitumen), и «каменное масло» (греч. petros oleum), и даже «масло сенека» (по названию индейского племени), «горное» или «греческое масло» в США периода начала Пенсильванского нефтяного бума середины XIX века. Во-вторых, специализированного термина для нефтепродуктов, применявшихся для освещения, еще не существовало. Только в 1854 году в США был запатентован термин «керосин» (от греч. Keros – воск) – вещество, непосредственным назначением которого было освещение. Автором изобретения считается канадский бизнесмен Авраам Геснер (Russel, 2003: 131), который получил первый керосин перегонкой каменного угля и китового жира. Следует добавить, что в сфере услуг по освещению в США дополнительно были распространены такие термины, как «парафин» (ограниченно использовался для изготовления свечей, наряду с воском), «камфин» (огнеопасная смесь спирта и скипидара для светильников). В Российской империи

дополнительно получил широкое распространение термин «фотоген» (греч. «фотос» – свет и «генио» – рождаю, произвожу), который часто использовался наравне с керосином.

Наконец еще одной предпосылкой для повышения спроса на нефтепродукты стала новая технология освещения: лампа, которая в марте 1853 года появилась в продаже во Львове, в аптеке Петра Миколяша. Изобретателем керосиновой лампы стали фармацевт Ян Зех и изобретатель Игнаций Лукасевич (Brzozowski, 1974: 184). В следующем году в австро-венгерском городе Горлице был открыт первый керосиновый уличный фонарь сходной конструкции. К 1859 году по всей Галиции и Румынии начался керосиновый бум, темпы добычи местной нефти выросли до 36 тысяч баррелей в год. Технология керосиновой лампы начала стремительно распространяться по Европе, и к началу 1860-х годов попала в США из Вены. Это событие привело к росту американского нефтяного бизнеса, созданию легендарной компании «Стандарт Ойл» Джона Рокфеллера и началу нефтяной эры в экономике.

Одновременно в России в первой половине 1860-х годов произошло еще одно важное событие, которое повлияло на ускорение промышленного развития Российской империи. В 1863 году откупная система в стране была заменена акцизной. Это привело к росту долговременных производств, в том числе и в нефтяной промышленности. Стали создаваться банки и совместные предприятия, увеличилось количество рабочих, Российская империя начала постепенную индустриализацию в рамках запроса крупных капиталистов на прибыли. За период с 1865 до 1890 гг. количество рабочих увеличилось в 2 раза: с 706 тысяч до 1 миллиона 432 тысяч человек, к 1905 году количество рабочих в Российской империи удвоилось (3 млн человек).

Однако история первых бакинских нефтепромыслов началась еще в 1823 году, когда в Баку прибыл выпускник Петербургского горного кадетского корпуса, инженер Николай Иванович Воскобойников. После окончания корпуса он был прикомандирован к Закавказской (Грузинской) горной экспедиции, главной целью которой были геологические изыскания, в том числе в области нефти. Именно Воскобойников в ходе изысканий на Апшеронском полуострове сделал первую классификацию сортов нефти, исследовав светлые сорта в сураханском месторождении и сравнив их качественный состав с темной нефтью из местечка Балаханы. В целом можно сделать вывод о том, что до целенаправленного изучения промышленных возможностей нефтедобычи и переработки в Баку в частности и на Апшеронском полуострове в целом, нефтедобыча происходила кустарными методами и без организации, т.е. хаотично. Однако спрос на нефтепродукты уже существовал, в 1834 году в Балаханах по письму Николая Воскобойникова министру финансов появился первый нефтеперегонный завод, на котором использовался известный метод «передвойки», т.е. термической дистилляции. При этом выглядит сомнительным наличие в письме инженера как термина «фотоген», так и патриотического предложения заменитькупаемый американский фотоген отечественным (Клюкова, 2008: 20-29). Основным аргументом против термина «фотоген» и патриотического предложения в письме Воскобойникова следует назвать отсутствие поставок из Северо-Американских Штатов в 1830-х годах нефтепродуктов, так как бум нефтедобычи, который и привел к росту технологий нефтепереработки, произошел позднее: в 1850-х годах в Пенсильвании. Только в 1860-х годах американский керосин стал массово продаваться на рынках Европы.

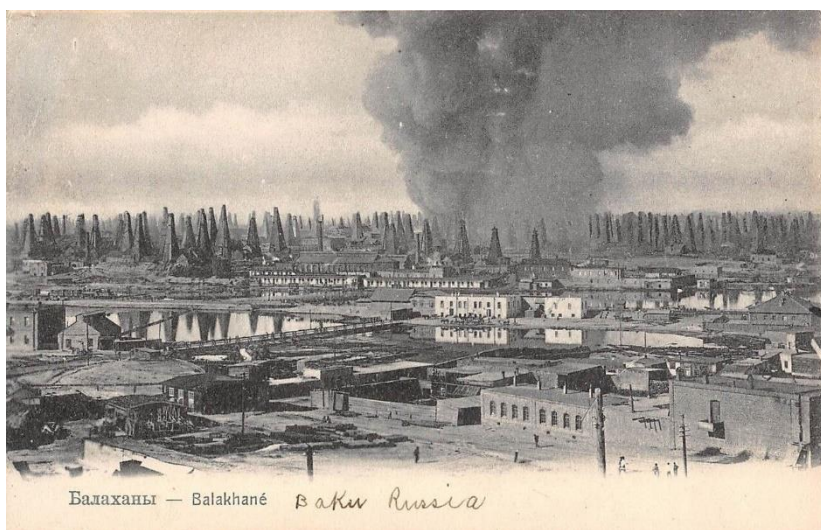

Рис. 2. Балаханские месторождения. До 1900 года

Также следует внести ясность с термином «фотоген». В англоязычной литературе в качестве аналога применяется термин «угольное масло» (Coal oil) (Ергин, 2014:32), который следует понимать в более широком смысле: любой жидкий горючий продукт, получаемый из твердых углеводородов

методом их переработки. Более того, в англоязычной литературе термин «фотоген» не встречается. Впервые вещество с названием «фотоген» было представлено широкой публике на Выставке мануфактурных изделий в Москве в 1865 году. Завод отставного генерала С.И. Мальцева из Жиздринского уезда Калужской губернии получил Малую серебряную медаль: «..фотогены и машинные мази (по 1 руб. 50 коп. и 3 руб. за пуд) из местных лигнитов (бурый уголь) следует смотреть скорее как на попытки, нежели на установленное производство; тем более что фотогену не приходится конкурировать с американским горным маслом и фотонафтилем, добываемым в Баку монопольной компанией “Закаспийского торгового общества”, который, к сожалению, слишком дорого еще ценится (от 5 до 6 руб. за пуд в Москве)» (*Технический сборник, 1865: 72*).

Упомянутое в «Техническом журнале» вещество «фотонафтиль» можно отметить еще и как конкурента уже появившегося в 1865 году «пенсильванского масла» из Америки, которое отечественные нефтепромышленники пытались выдвинуть с рынка. Об этом свидетельствует реклама продукта «фотонафтиля», который на Выставке получил Большую серебряную медаль: «...он был белого цвета и чище привозного пенсильванского масла, при горении он не уступает лучшему пенсильванскому маслу» (*О выставке..., 1867: 151*).

Существует также не подтвержденное документально мнение, что термин «фотоген» приписывается братьям Дубининым, построившим в 1823 году нефтеперегонный завод под Моздоком (*Судо, 1984: 132*). Однако документальных источников использования нового термина ранее 1865 года найти не удалось, многостраничный и весьма качественный анализ отечественной промышленности в работах Д.И. Менделеева относится к 1890-м годам, и термин «фотоген» используется в противовес американскому «керосину» без хронологической привязки.

Возвращаясь к истории развития российской нефтяной промышленности в окрестностях Баку, следует отметить, что уже в 1860 году в местечке Сураханы появился постоянно действующий завод, на котором перерабатывалось в год до полутора тысяч тонн нефти. Основной проблемой, на несколько десятилетий затормозившей развитие продаж российского фотогена (и впоследствии керосина), были тяжелые фракции нефти, которые оставались при термической дистилляции «передваивание».

Говоря о первых акционерах компаний нефтяной промышленности Баку, следует назвать прежде всего известного купца, одного из первых российских миллионеров, Василия Кокорева. Помимо Сураханского нефтеперерабатывающего завода (в Апшеронской зоне), Кокорев имел в России множество вложений, основным из которых было винокурение. Василий Александрович оставил после себя ряд интересных работ по экономике и анализу рынка, в числе которых известная книга «Экономические провалы», изданная в 1887 году. Следует отметить, что, несмотря на критику системы откупов, которая была основным способом взаимодействия российских предпринимателей с государством (говоря сегодняшним языком, – моделью ведения бизнеса), Василий Кокорев приобрел репутацию человека, умеющего выстраивать отношения с чиновниками. В купеческой среде (а Кокорев был купцом первой гильдии) он имел заслуженное прозвище «откупщицкий царь». Будучи человеком консервативных взглядов и старообрядцем по вероисповеданию, Кокорев был противником иностранных инвестиций, сторонником отечественной модернизации, был дружен с известным ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым, написал ряд работ экономико-патриотического содержания: «Взгляд на европейскую торговлю», «Мысли о русской внутренней торговле», «Об откупах». В 1857 году им было учреждено «Закаспийское торговое общество» (*ПСЗ РИ. Св, 1857: 4-5*), а в 1859 году – первая транспортная компания для бакинских месторождений «Волжско-Каспийское пароходство «Кавказ и Меркурий» (*ЦГАРД. Ф. 155. Оп. 1*).

Говоря о Кокореве, следует иметь в виду, что система откупов, на которой он заработал себе репутацию и капитал, представляла из себя систему государственных аукционов, на которых на определенный срок (как правило на год) продавалось право (привилегия) на торговлю определенной продукцией, говоря современным языком, «бизнеса». Плюсом такой системы была формальная открытость аукционов и возможность участия всех желающих. Но опора на личное мнение управляющего аукционом чиновника быстро привела к своеобразным теневым аукционам, по сути обычным взяткам. Еще одним недостатком системы «откупов» был кратковременный характер такого бизнеса. Работая с откупом ограниченный срок, купцы не стремились к созданию долговременной системы активов, что влекло за собой сложность с построением крупных промышленных предприятий с развитой технологической цепочкой. Одной из причин слабого развития нефтяной промышленности была именно такая система откупов на Апшеронском побережье. Отсутствие внятной логистики и заранее обеспеченных контрактов на освещение в центре империи приводило к малой перспективе развития бакинской нефтяной промышленности.

Достижением Кокорева были разнонаправленные действия по развитию нефтяной промышленности. Во-первых, он задействовал логистическую цепочку, решив тем самым вопрос транспортировки нефти из Баку в центральную часть России, прежде всего в Москву и Петербург. После пароходного общества «Кавказ и Меркурий» им были сделаны вложения в Волго-Донскую (1858), Московско-Курскую (1871) и Уральскую (1874) железные дороги. Кроме того, Кокорев впоследствии стал пайщиком Московского купеческого и Волжско-Камского коммерческого банков.

Будучи опытным в коммерции человеком, Кокорев понимал, что, занимая в России новую с точки зрения науки и технологий нишу, можно сколотить значительный капитал.

В ряде публикаций отмечается, что купец Василий Кокорев был противником системы откупов и неоднократно критиковал ее (Кокорев, 2005: 4-336). Но, с другой стороны, вся история деятельности этого купца демонстрирует нам умение работать именно в системе откупов, особенно винных. После отмены системы откупов в 1863 году дела у купца Кокорева расстроились, пришлось сворачивать многие проекты. Однако в отношении откупной системы на Апшеронском побережье можно сказать наверняка, почему купец Кокорев и его партнеры по «Закаспийскому торговому товариществу» (среди которых были известные купцы Мамонтовы, барон Николай Торнау, Петр Медынцев и Петр Губонин) были против сохранявшейся системы нефтяных откупов. Дело было в главном откупщике, Иване Мирзоеве, который в письме от 10 ноября 1865 года просил начальника Главного управления наместника Кавказа не допускать бурения на 168 десятинах, а Бакинскую казенную палату он просил «...воспрепятствовать торговому товариществу бурить нефтяные колодцы в черте откупа» (цит. по: Матвейчук, 2004: 89). Разумеется, опытный в конкурентных делах Василий Кокорев немедленно производит экономические расчеты и показывает всю невыгодность существующих откупов на нефть: «Завод должен приобретать нефть от откупщика, платя за каждый пуд сырой нефти 45 коп., а так как на пуд фотонафтиля потребно оной 2,5 пуда, то, следовательно, за сырой продукт, почти ничего не стоящий, надобно заплатить при самом начале завододействия 1 рубль 12,5 коп.» (Кокорев, 1876: 148).

В итоге письма и расчеты Кокорева приводят к определенному результату. В 1872 году в Закавказье (точнее в Бакинской, Тифлисской, Кутаисской и Елизаветпольской губерниях, а также Дагестанской и Батумской областях) принимаются «Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства» и устраняются нефтяные откупы (ПСЗ РИ. СВ. Т. XLVII. Отд. 1. № 50495), и в том же году принимаются «Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края, состоящих в откупном содержании», то есть вводится система торгов при покупке участков для разработки (ПСЗ РИ. СВ. Т. XLVII. Отд. 1. № 50543). Система акцизов стала прогрессивной, поскольку была привязана к мощности перегонки керосина – до 208 ведер взымался акциз 4 копейки с ведра, более – 10 рублей с куба керосина в день.

Таким образом, можно констатировать, что к середине 1870-х годов в России в районе бакинских месторождений сложилась структурно и технологически развитая для того времени система нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Этому способствовал ряд факторов, которые усиливали друг друга, и в частности: 1) стабильный спрос на керосин со стороны казенных учреждений городов Российской империи; 2) развитие научно-технического прогресса и использование передовых технологий того времени; 3) отмена системы откупов и формирование в России крупных отечественных акционерных компаний (нефтяных, транспортных, банковских и других предпринимательских структур); 4) создание логистической базы в виде парового и железнодорожного транспорта; 5) активная реклама и продвижение товаров бакинских нефтепромышленников как в России, так и за границей. Наконец, немаловажным фактором оказалось активное внедрение научных исследований и опытно-конструкторских работ на бакинских месторождениях, благодаря чему произошел прорыв в технологиях получения и использования мазута как топлива. В целом можно сделать вывод об отсутствии технического или технологического отставания от передовых в то время американских нефтепромышленников в Пенсильвании. Однако слабая логистика и система откупов действительно затормозили развитие бакинских месторождений на 20–30 лет.

К началу 1870-х годов технический прогресс затронул и логистическую сферу. Для России, с ее обширными территориями, вопрос быстрой и, главное, дешевой доставки был архиважным. В итоге опытным путем были получены ценные результаты в строительстве танкеров и трубопроводном транспорте. Первые танкеры появились на Апшеронском полуострове. Существуют отрывочные сведения об опытах с перевозками нефти в специальных баках (танках), которые проводил химик Дмитрий Менделеев по заданию купца Василия Кокорева. Однако первым судном, выпущенным в плавание с грузом нефти, была лодка «Александр» братьев-изобретателей Николая и Дмитрия Артемьевых. «Занимаясь перевозкой нефти и пытаясь вместе с братом изобрести способ перевозки нефти без бочек, в 1873 году мы переделали лодку «Александр» для налива нефти, устроив в ней ларь, в который нефть сливалась и выгружалась с помощью ручного насоса. Этот опыт, повлекший на нас насмешки других промышленников, дал блестящие результаты: «Александр» сделал за навигацию 10 рейсов, тогда как прочие суда 6 рейсов» (Чеботарев и др., 1985: 229-239). Более известный танкер «Зороастр» был введен в эксплуатацию только в 1878 году компанией братьев Нобелей – Робертом, Людвигом и Альфредом. Почему в хрониках гораздо больше упоминаний о «Зороастре» как первом танкере? Можно предположить, что дело не только в широкой известности проектов братьев Нобелей. «Первый наливной пароход в мире» был спроектирован на шведской судовой верфи «Мотала Веркстад» (AB Motala Verkstad) в Гетеборге ее главным конструктором Свенном Альквистом, и было построено стальное судно с водоизмещением в 400 тонн, длиной 56 и шириной 8,2 метров, с паровой машиной на жидком топливе. Скорость парохода доходила до 10 узлов в час,

на борт можно было залить 242 тонны керосина или нефти. На судне были установлены балластные цистерны и паровой насос, что считалось новейшей технологией того времени. Танкер прослужил на Каспии очень долгую службу и был списан только в 1949 году. Можно упомянуть, что в 1885 году «Бранобель» построило и первый морской танкер «Свет», предназначенный для акватории Черного моря, тогда как первый английский морской танкер «Glückauf» с огромной по тем временам полезной нагрузкой (дедвейтом) в 3000 тонн был построен в 1886 году. Всего же к 1 сентября 1899 года на Каспии работало 345 наливных судов – 133 паровых и 212 парусных (Логачев, 1970: 9-33).

Первый наливной пароходъ въ мѣрѣ „Зороастръ“.

Рис. 3. Танкер Зороастр. Прибл. 1895 г.

Другим важным достижением в сфере организации производства и логистики был первый нефтепровод, построенный также компанией братьев Нобелей. Как и все промышленники, братья с удовольствием привлекали интеллектуальные ресурсы известных ученых и инженеров с целью снизить расходы на производство и транспортировку. Инженер Владимир Григорьевич Шухов, известный изобретатель и новатор промышленности, к 1878 году спроектировал и построил первый в России нефтепровод «Балаханы – Черный город», длиной 8,5 верст (10 километров) и диаметром 3 дюйма (7,62 сантиметра) (Матвейчук, 2006: 112). Материалом труб была выбрана сталь, все соединения делались нарезными на муфтах. В декабре 1878 года трубопровод перекачал 841150 пудов нефти (ЦИАМ. Ф. 1209. Оп.1. Д. 49, 54). В последующие пять лет компания Нобелей под руководством инженера Шухова построила на бакинских месторождениях дополнительно 5 нефтепроводов. Еще одним достижением Шухова были научные обоснования отечественной трубопроводной промышленности, которые стали основой для дальнейших промышленных изысканий. В 1884 году Шухов издал брошюру «Нефтепроводы» (Шухов, 1884: 1-18), а в 1894 году – фундаментальный труд «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» (Шухов, 1895: 1-37). В целом можно отметить исключительно выдающиеся заслуги Владимира Григорьевича Шухова во многих вопросах научно-промышленного развития России. Выпускник Императорского Московского технического училища (ныне – МГТУ им. Н.Э. Баумана), поступив на «казенный кошт» на инженерно-механическое отделение, Шухов оказался талантливым учеником.

Все достижения легендарного изобретателя выходят за рамки нашего исследования, однако о двух нужно рассказать подробнее. Во-первых, произошла революция в технологиях переработки нефти. Долгое время при термической переработке нефти оставались значительные остатки черной густой жидкости, именуемой мазутом (от арабского mahzulat – отходы). Эта жидкость плохо горела, чаще всего не находила применения в промышленности.

Однако студент Шухов еще в 1876 году предложил «прибор, производящий разбрызгивание мазута в топках, используя упругость водяных паров», и даже получил на него патент. Это изобретение, именуемое сейчас паровой форсункой, сделало возможным применение мазута в качестве топлива: мазутная смесь насыщалась паром и превращалась в легкогорючий материал, который можно было использовать в топках паровых машин. В России такие нефтяные остатки называли «жидким углем».

Изобретение российского инженера Шухова сделало мазут ценным ресурсом, паровые котлы с «форсункой Шухова» стали широко распространяться в России, а впоследствии и в мире. Следует, однако, добавить, что патент был выкуплен братьями Нобелями, и в 1879 году форсунка была

запущена на их заводах под названием «форсунка Нобелей», и с таким названием встречается в технической литературе того времени.

Мазутный бум привел к стремлению нефтепромышленников подмешивать в мазутную смесь сырую нефть, чтобы удешевить производство. Именно по причине таких технологий использования нефти появилось известное сейчас выражение известного ученого-химика Дмитрия Менделеева: «Сжигать нефть – все равно, что топить печь ассигнациями». Однако в своей фундаментальной работе «Учение о промышленности» он пишет: «Мое мнение тут ясно: нефть – столь редкий и исключительный дар природы, что сжигать его как простое топливо просто грех и указатель недостаточного развития промышленной предприимчивости...». Имелась ли в виду идея глубокой переработки «остатков» во что-то более прибыльное? Исходя из взглядов великого ученого, можно ответить: «Да, но не только». Менделеев выступает против использования нефти как топлива еще и по причине необходимости развития каменноугольной промышленности: «В России, в отличие от всех иных стран света, у каменного угля есть соперник, получаемый также из недр земли (не говоря о древесном и торфяном топливе), а именно, нефтяные «остатки»... А так как нагревательная способность остатков гораздо более, чем лучших каменных углей..., то каменный уголь ни с Донца, ни из Англии не мог соперничать в Москве с нефтяными остатками» (Менделеев, 1950: 345). Тем самым мазутные «остатки», выход которых достигал 70 % от переработки нефти, мешали нормальному развитию угольной промышленности, на что указывал в своих трудах великий ученый.

Вернемся, однако, к изобретениям Владимира Шухова. Еще одним технологическим прорывом стал патент на нефтехранилище. В своих расчетах инженер Шухов доказал, что резервуары для хранения нефти (как и остальных жидкостей), не следует делать с неизменной толщиной: на дне наполненного резервуара давление на стенку выше, чем на высоте. Следовательно, можно вывести формулу необходимой толщины стенки, избежав как излишних расходов на строительство, так и опасности разрушения резервуара от давления (Шухов, 1883: 525-533). Кроме того, была выведена наилучшая форма резервуара – цилиндрическая – с равномерно распределяемым давлением. И наконец, Шухов доказал испаряемость нефти из открытых резервуаров и рекомендовал конусовидные крышки, которые позволили беречь нефть от испарения и перегрева (Шухов, 1977: 193). Следует отметить, что резервуары Шухова используются и в наше время, а методики инженерных расчетов послужили основой для множества ГОСТов уже в советскую эпоху.

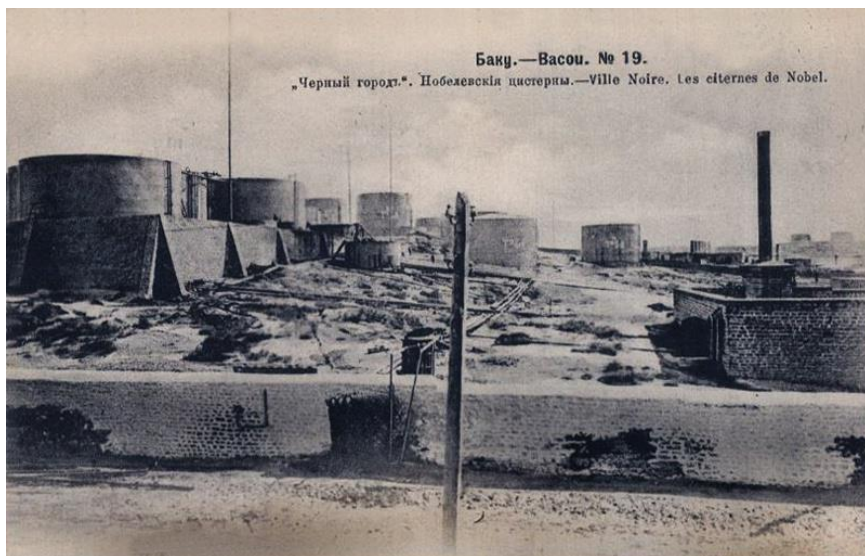

Рис. 4. Резервуары Шухова в Баку. До 1910 г.

Значительны были и успехи в перегонке нефти. Примитивная «передовка» к началу 1870-х годов стала на апшеронских месторождениях вытесняться более прогрессивной, в современной нефтяной промышленности именуемой крекингом. Высокотемпературная переработка под давлением мазута (крекинг) показала, что при температуре выше 300°C мазутные «остатки» начинают разлагаться на бензин, керосин и сопутствующие газы. Это открытие было сделано в 1875 году российским инженером Летним Александром Александровичем и положило начало процессам крекинга нефти на Апшеронском полуострове (Летний, 1875: 1-116). С этого времени в России началась бурная эпоха производства смазочных масел, ароматических углеводородов и даже асфальта.

Еще одним важным фактором развития нефтяной промышленности Баку было применение государственного стимулирования этой отрасли. Можно с уверенностью сказать, что без значительных заказов от государства, разработка месторождений была бы минимальной. В этом

плане необходимо констатировать противоположные предпосылки развития двух крупнейших нефтяных промышленных районов – Пенсильванского и Бакинского. Если в Северо-Американских Соединенных Штатах в основе нефтяного бума были личные инициативы мелкой и средней буржуазии при минимальном вмешательстве государства, то для Российской империи была характерна прямая связь крупной буржуазии с государством, без ведома которого ничего не предпринимавшей.

Так, в 1863 году в Санкт-Петербурге Городской думой было принято решение изменить систему городского освещения, которая была представлена масляными, скипидарными, газовыми и даже свечными фонарями. С 10 января начались испытания различных систем освещения. Одним из претендентов был американец Ласло Шандор, который предложил небольшие керосиновые фонари на пенсильванском керосине. В итоге был подписан контракт «на устройство минерально-масляного освещения с американцем Ласло Шандором, объявившим наименьшую цену за установку фонаря – 34 руб. (большого размера) и 29 руб. (малого размера)» (*Известия...*, 1863: 160). К осени того же года количество керосиновых фонарей в столице империи перевалило за 7 тысяч. Вторым заказчиком стала Москва – в том же 1863 году Московская городская дума потребовала оборудовать 2200 керосиновых фонарей, при этом в 1866 году речь шла уже о 9 тысячах. Компания Шандора «Общество минерального освещения» стала не только продавать керосин и лампы, но и устраивать их раздачи в рекламных целях бесплатно.

Безусловно, такой рост спроса не мог не подстегнуть интереса отечественных промышленников к производству на основе отечественных запасов нефти. Поэтому можно считать доказанным тот факт, что экономический интерес к развитию нефтяной промышленности пришел именно со стороны государства. Нельзя не отметить и положительные стороны такого государственного администрирования – процесс освоения российских нефтяных запасов не был так хаотичен, как это было в САСШ. Крупные нефтепромышленники России подошли к вопросам продажи нефтепродуктов системно: учитывались и логистика, и химические технологии. Практически все отечественные ученые-химики и инженеры того времени привлекались к разработкам в нефтяной промышленности. Дмитрий Менделеев специально отправился в командировку в Северную Америку для ознакомления с промышленными достижениями североамериканских нефтяников, издав впоследствии книгу «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе» (*Менделеев, 1877: 1-320*).

Одним из важных факторов участия в развитии нефтяной промышленности крупной буржуазии и государства было и то, что удалось защитить интересы российских нефтепромышленников на законодательном уровне. В частности, в 1877 году министр финансов Российской империи Михаил Рейтерн ввел налог на импортный керосин в золотом исчислении, что существенно подорвало позиции американских компаний. Одновременно был снят акциз с отечественного «фотонафтиля», под которым имелись в виду все разновидности отечественного керосина. В итоге показатели продаж отечественного керосина к 1883 году увеличились в 15 раз, а импорт американского продукта упал в 5 раз (*Дьяконова, 1999: 52*). К сожалению, протекционизм продлился недолго: новый министр финансов Иван Вышеградский снова ввел акциз на керосин, причем в 5 раз больше прежнего. Эта мера, безусловно, вредная с точки зрения экономической экспансии, имела и положительную сторону: в поисках повышения прибыли бакинские нефтепромышленники стали искать возможности переработки мазутных «остатков».

Развитие бакинских нефтяных месторождений дополнялось и значительным ростом торговой инфраструктуры: магазинов, сбытовых контор и др. Например, упоминавшееся в нашем исследовании Бакинское нефтяное общество к 1875 году уже имело основной центр продаж (Бакинскую контору), 11 агентств, представлявших крупных поставщиков и 4 комиссионерства, которые перепродавали товары нефтепереработки с удержанием комиссии. Объем продаж охватывал практически всю страну – Астрахань, Казань, Москву, Нижний Новгород, Саратов, Самару, Симбирск, Сарапул, Пермь, Царицын, Ярославль. Правление общества находилось в столице, а представители (концессионеры) работали в Вятке, Вологде, Рыбинке, Пензе. Как показывают архивные данные, в одной Москве у общества было более 2 десятин и 700 квадратных сажень (почти 12 гектаров) арендованной площади под 6 складов общей вместимостью 3500 бочек (*Отчет БНО, 1875: 27*).

К 1880 году бакинские месторождения были весьма популярным инвестиционным проектом. Помимо Бакинского нефтяного общества и общества «Бранобель», в Баку активно действовали товарищество «В.И. Рагозин и Ко» (*Ежегодник...*, 1881: 1-665), товарищество «С. и И. Джакели и Ко». Десятилетие спустя количество активных компаний в зоне бакинских месторождений утроилось. К началу XX века в Баку были представлены и интересы семьи Ротшильдов (Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество), и капиталы богатейшего купца Александра Манташева («А.И. Манташев и К»), Степана Лианозова (Русская генеральная нефтяная корпорация «Ойль»).

Объемы нефтедобычи не только постепенно догоняли американскую (которая считалась эталонной), но и превзошли ее в 1899 году (*Таблица 1*).

Таблица 1. Объемы добычи в Российской империи и САСШ 1859–1910

	1859	1869	1879	1889	1899	1910
РИ	0,0039	0,0281	0,3859	3,1451	8,604	9,769
САСШ	0,00028	0,585	2,766	4,884	7,927	29,17

Правильная государственная политика стимулирования отечественных производителей в комплексе с системой налогов для иностранных поставщиков керосина позволила снизить зависимость от иностранных производителей с 74 % рынка (2 миллиона 527 тысяч) в 1874 году, до 19 % (1 миллион 719 тысяч пудов) в 1879 году. Соответственно, производство отечественного «фотонафтиля» выросло с 1 миллиона 406 тысяч пудов в 1874 году до 7 миллионов 12 тысяч пудов (Першке, 1913: 29).

5. Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод об уникальном пути становления и развития отечественной нефтяной промышленности на бакинских месторождениях, который был обусловлен следующими факторами:

- Во-первых, в Российской империи развитие промышленности было тесно связано с дозволениями государя. Это приводило, с одной стороны, к низкой личной инициативе, свойственной, например, нефтяной промышленности Пенсильвании САСШ. С другой – в российских нефтяных проектах изначально участвовали максимально сильные игроки, отечественные и зарубежные предприниматели (В.А. Кокорев, братья Нобели и др.);

- Во-вторых, участие богатых промышленников в развитии бакинских нефтяных месторождений давало возможность многовекторного развития этой отрасли: одновременно быстро решались технологические задачи добычи, переработки, транспортировки и продажи нефти и нефтепродуктов;

- В-третьих, создание и развитие нефтяной промышленности на бакинских месторождениях позволило Российской империи сделать колоссальный научно-технический рывок, в том числе в прикладных видах исследований в сфере добычи, переработки, транспортировки и сбыта нефти как углеводородного сырья. Результаты научных изысканий и создание практических технологий российскими учеными и инженерами (Д.И. Менделеев, В.Г. Шухов, А.А. Летний и др.) и в настоящее время впечатляют исследователей и историков науки и техники. Во второй половине XIX века отечественные ученые и инженеры подтвердили статус Российской империи как передовой научно-технической державы;

- В-четвертых, избирательное отношение властей Российской империи к нефтяной промышленности показывает, что в эпоху акцизной и налоговой поддержки нефтяного производства на бакинских месторождениях рост производства нефтепродуктов был очень высок, существовала перспектива мирового лидерства Российской империи в поставках нефти и нефтепродуктов. К сожалению, непостоянная политика государства и отсутствие, в известной мере, экономического патриотизма привели к утрате темпов развития бакинских месторождений к началу XX века.

Литература

Дьяконова, 1999 – Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН. 1999. 296 с.

Ежегодник..., 1881 – Ежегодник Министерства финансов. Санкт-Петербург: Тип. ред. период. изд. Мин-ва финансов, 1869–1917. 25 см. Вып. 13: На 1880–1883. 1883. 665 с.

Ергин, 2014 – Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2014.

Известия..., 1863 – Известия Санкт-Петербургской городской общей думы. СПб., 1863 г.

Клокова, 2008 – Клокова Л. Черная кровь Империи // *РусскийМир.ru*. № 2, 2008.

Кокорев, 1876 – Кокорев В.А. Записки Императорского Русского технического общества. 1876. № 6.

Кокорев, 2005 – Кокорев В.А. Экономические провалы (по воспоминаниям с 1837 года). М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 336 с.

Комаров, 1867 – Письмо от 24 мая 1724 года. Цит. по Персидская война 1722–1725: (Материалы для истории царствования Петра Великого). [Соч.] В. Комарова. Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1867. 68 с.

Летний, 1875 – Сухая перегонка битуминозных ископаемых: Нефть, минеральные масла, парафин и асфальт / [Соч.] А.А. Летнего, ассист. при Хим. лаб. Технол. ин-та; [Предисл.:

- А. Крупский]. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1875. [2], VIII, 116 с., 4 л. цв. ил.; 24. (Технологические очерки фабричной промышленности; 3).
- [Логачев, 1970](#) – *Логачев С.И.* Основные этапы развития танкеров // *Морские танкеры* (рус.). Л.: Судостроение, 1970. 360 с.
- [Марко Поло, 2018](#) – «Книга о разнообразии мира» Марко Поло / Пер. Минаев И.П., М.: Изд. Пальмира, 2018.
- [Матвейчук, 2004](#) – *Матвейчук А.А.* «Они были первыми» // *Нефть России*. № 1. 2004.
- [Матвейчук, 2006](#) – *Матвейчук А.А.* Сумма технологий Людвига Нобеля // *Нефть России*. № 7. 2006.
- [Менделеев, 1950](#) – *Менделеев Д.И.* Сочинения. Горная промышленность России. М., 1950.
- [Менделеев, 1877](#) – *Менделеев Д.И.* Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе // Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1877. 320 с.
- [О выставке..., 1867](#) – О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 г. СПб., 1867.
- [Отчет БНО, 1875](#) – Отчет Бакинского нефтяного общества за первый 1874–75 отчетный год. СПб., 1875.
- [Першке, 1913](#) – *Першке С., Першке Л.* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913.
- [ПСЗ РИ. СВ](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.
- [РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.
- [Судо, 1984](#) – *Судо М.М.* Нефть и горючие газы в современном мире. М.: Недра, 1984. 184 с.
- [Технический сборник, 1865](#) – *Технический сборник*. 1865. № 2.
- [Филон, 2015](#) – *Филон Византийский*. «Филоново повествование о белопоийке». М.: Симпозиум, 2015. 62 с.
- [ЦГАРД](#) – Центральный государственный архив республики Дагестан.
- [ЦИАМ](#) – Центральный исторический архив Москвы.
- [Чеботарев и др., 1985](#) – Речное судоходство в России / Под ред. М.Н. Чеботарева. М.: Транспорт, 1985. 352 с.
- [Шухов, 1895](#) – Трубопроводы и их применение к нефтяной промышленности. Москва: Изд. Политехнического общества, 1895. 37 с.
- [Шухов, 1977](#) – *Шухов В.Г.* Избранные труды. Строительная механика. М.: Наука, 1977.
- [Шухов, 1883](#) – *Шухов В.Г.* Механические сооружения нефтяной промышленности, «Инженер», том 3, кн. 13, № 1, кн. 14, № 1, Москва, 1883.
- [Шухов, 1884](#) – *Шухов В.Г.* Нефтепроводы. М.: Тип. Карцева, 1884. 18 с.
- [Brzozowski, 1974](#) – Brzozowski S. Ignacy Łukasiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1974. 197 з.
- [Russel, 2003](#) – Russell L.S. A Heritage of Light: Lamps and Lighting in the Early Canadian Home. Toronto: University of Toronto Press, 2003. viii + 344 p.

References

- [Brzozowski, 1974](#) – Brzozowski, S. (1974). Ignacy Łukasiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 197 p.
- [Chebotarev i dr., 1985](#) – Rechnoe sudokhodstvo v Rossii [River shipping in Russia]. Pod red. M.N. Chebotareva. M.: Transport, 1985. 352 p. [in Russian]
- [D'yakonova, 1999](#) – *D'yakonova, I.A.* (1999). Neft' i ugol' v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh [Oil and Coal in the Energy Sector of Tsarist Russia in International Comparisons]. M.: ROSSPEN. 296 p. [in Russian]
- [Ergin, 2014](#) – *Ergin, D.* (2014). Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast' [Universal history of the struggle for oil, money and power]. M. [in Russian]
- [Ezhegodnik Ministerstva, 1881](#) – Ezhegodnik Ministerstva finansov. Sankt-Peterburg: Tip. red. period. izd. Min-va finansov, 1869–1917. 25 sm. Vyp. 13: Na 1880–1883. 1883. 665 p. [in Russian]
- [Izvestiya..., 1863](#) – *Izvestiya Sankt-Peterburgskoi gorodskoi obshchei dumy*. SPb., 1863. [in Russian]
- [Klokova, 2008](#) – *Klokova, L.* (2008). Chernaya krov' Imperii [Empire Black Blood]. *RusskiiMir.ru*. 2. [in Russian]
- [Kokorev, 1876](#) – *Kokorev, V.A.* (1876). Zapiski Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva. [Notes of the Imperial Russian Technical Society]. 6. [in Russian]
- [Kokorev, 2005](#) – *Kokorev, V.A.* (2005). Ekonomicheskie provaly (po vospominaniyam s 1837 goda) [Economic failures (according to memoirs from 1837)]. M.: Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 336 p. [in Russian]
- [Komarov, 1867](#) – Pis'mo ot 24 maya 1724 goda. Tsit. po Persidskaya voyna 1722–1725: (Materialy dlya istorii tsarstvovaniya Petra Velikogo) [Letter of May 24, 1724. Cit. on the Persian War of 1722-1725: (Materials for the history of the reign of Peter the Great)]. [Soch.] V. Komarova. Moskva: Univ. tip. (Katkov i K°), 1867. 68 p. [in Russian]

Letnii, 1875 – Sukhaya peregonka bituminoznykh iskopaemykh: Neft', mineral'nye masla, parafin i asfal't [Dry distillation of bituminous minerals: Petroleum, mineral oils, paraffin and asphalt] [Essays] A.A. Letnego, assist. of Khim. lab. Tekhnol. in-t; [foreword.: A. Krupskii]. Sankt-Peterburg: tip. V.S. Balasheva, 1875. [2], VIII, 116 p., 4 l. tsv. il.; 24. (Manufacturing Industry Technological Sketches; 3). [in Russian]

Logachev, 1970 – *Logachev, S.I.* (1970). Osnovnye etapy razvitiya tankerov [The main stages of the development of tankers]. Morskoe tankery (rus.). L.: Sudostroenie, 360 p. [in Russian]

Marko Polo 2018 – «Kniga o raznobrazii mira» Marko Polo [Book on the Diversity of the World Marko Polo]. Per. Minaev I.P., M.: Izd. Pal'mira, 2018. [in Russian]

Matveichuk, 2004 – *Matveichuk, A.A.* (2004). «Oni byli pervymi» [They were the first]. *Neft' Rossii*. 1. [in Russian]

Matveichuk, 2006 – *Matveichuk, A.A.* (2006). Summa tekhnologii Lyudviga Nobelya [The sum of Ludwig Nobel's technologies]. *Neft' Rossii*. 7, July [in Russian]

Mendeleev, 1877 – *Mendeleev, D.I.* (1877). Neftyanaya promyshlennost' v Severo-Amerikanskom shtate Pensil'vaniya i na Kavkaze [Petroleum industry in the North American state Pennsylvania and in the Caucasus]. Sankt-Peterburg: Tip. t-va «Obshchestv. pol'za», 320 p. [in Russian]

Mendeleev, 1950 – *Mendeleev, D.I.* (1950). Sochineniya. Gornaya promyshlennost' Rossii [Thesis. Mining industry of Russia]. M. [in Russian]

O vystavke..., 1867 – O vystavke manufakturnykh proizvedenii v Moskve v 1865 g. [About the exhibition of manufactured works in Moscow] SPb., 1867. [in Russian]

Otchet BNO, 1875 – Otchet Bakinskogo neftyanogo obshchestva za pervyi 1874–75 otchetnyi god [Report of the Baku Oil Society for the first 1874–75 financial year year]. SPb., 1875. [in Russian]

Pershke, 1913 – *Pershke, S., Pershke, L.* (1913). Russkaya neftyanaya promyshlennost' ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannykh [The Russian oil industry, its development and the current situation in statistical data]. Tiflis. [in Russian]

Philon, 2015 – Philo of Byzantium. «Belopoeica». M., Symposium, 2015, 62 p.

PSZRI. SV – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobraniye vtoroe [Complete code of laws of the Russian Empire. Second code]. SPb.: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1885. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].

Russel, 2003 – *Russell, L.S.* (2003). A Heritage of Light: Lamps and Lighting in the Early Canadian Home. Toronto: University of Toronto Press, viii + 344 p.

Shukhov, 1883 – *Shukhov, V.G.* (1883). Mekhanicheskie sooruzheniya neftyanoi promyshlennosti, «Inzhener» [Mechanical structures of the oil industry, "Engineer"]. Vol. 3, book. 13, № 1, book. 14, № 1, Moskva. [in Russian]

Shukhov, 1884 – *Shukhov, V.G.* (1884). Nefteprovody [Oil pipelines]. Moscow. [in Russian]

Shukhov, 1895 – Truboprovody i ikh primenenie k neftyanoi promyshlennosti [Pipelines and their application to the oil industry]. Moscow: Polytechnic Society. Politekhnikeskogo obshchestva Edition, 1895. 37 p. [in Russian]

Shukhov, 1977 – *Shukhov, V.G.* (1977). Izbrannye trudy. Stroitel'naya mekhanika [Selected Works. Structural mechanics]. *Edit.Science*, M.1977. [in Russian]

Sudo, 1984 – *Sudo, M.M.* Neft' i goryuchie gazy v sovremennom mire [Oil and flammable gases in the modern world]. M.: Nedra, 184 p. [in Russian]

Tekhnicheskii sbornik, 1865 – *Tekhnicheskii sbornik*. 1865. № 2. [in Russian]

TsGARD – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respublik Dagestan. [Central state archive of the Republic of Dagestan].

TsIAM – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy [Central historical archive of Moscow].

Становление нефтяной отрасли России в XIX веке: исторический опыт и современные оценки

Александр Амиранович Карцхия^{a, *}, Сергей Анатольевич Тыртычный^a,
Михаил Гурамович Смирнов^a, Мария Геннадьевна Долгих^a

^a РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт создания и промышленного освоения бакинских нефтяных месторождений в середине XIX века и проводится комплексный анализ факторов, которые обеспечили ускоренное развитие нефтяных месторождений Апшеронского полуострова. Проводится

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arhz50@mail.ru (А.А. Карцхия)

сравнение с американским опытом развития нефтяной промышленности XIX века. Авторы впервые в отечественной историографии делают многоплановый комплексный анализ становления и развития нефтяной промышленности в Российской империи, что следует считать уникальным свойством формирования нефтяной индустрии в Российском государстве. В работе показывается, что роль государства и крупных промышленников до сих пор недостаточно исследованы, а научно-техническое развитие нефтепромыслов бакинских месторождений не только не отставало от иностранных конкурентов, но и по целому ряду показателей превосходило их. Раскрывается ряд известных исторических мифов, связанных с освоением новых технологий в нефтяной промышленности.

В статье изучается развитие нефтяной промышленности в хронологическом порядке – от первых исторических упоминаний об Апшеронском полуострове, до создания сильнейшей в мире по темпам нефтедобычи нефтяной промышленности в окрестностях Баку.

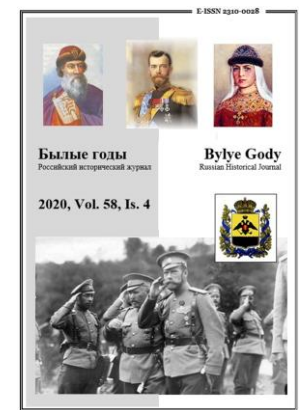
Ключевые слова: нефть, мазут, керосин, крекинг нефти, нефтепровод, транспортировка нефти, добыча нефти, акцизы, XIX век, Российская империя.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2485-2494. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Pension Reform of Nikolai I

David I. Raskin^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the history of the 1827 pension reform in Russia, which remained entirely unstudied until now. Our investigation is mainly based on the documents of the State council of the Russian empire. The reform preparation started under Alexander I and ended under Nikolay I encompassing a whole decade.

Nikolai I had personally participated in preparing the reform that was a result of a long process of creating the system securing pensions of Russian military officers and civil servants. It played a significant role in the final formation of the Russian bureaucracy. Simultaneously with reform preparation, a discussion in the governing circles was going on regarding the cancellation of the Table of Ranks, i.e., elimination of civil ranks. This project, although not implemented, in the long run, made a significant imprint on the reform development.

The dignitaries of the empire, such as Counts A.A. Arakchejev, A.D. Gur'ev, V.P. Kochubei, and also E.F. Kankrin, had conflicting opinions on how the reform should proceed. Behind the discussion on whether the pensions of civil servants should correspond to their salaries, or to their civil ranks, were fundamentally differing views on the role of ranks in civil service. As a result, the final Pension Charter was a compromise. All civil service positions were divided in categories ("razryady"), and the amount of the full pension in each category corresponded to the average salary of positions in this category. However, the salaries grew with the time, while the pensions did not.

The pension system of government servants resulting from 1827 pension reform existed until 1917.

Keywords: pension reform, Pension Charter, Table of Ranks, bureaucracy, Alexander I, Nikolai I, Arakchejev, Gur'ev, Kochubei, Kankrin.

1. Введение

Пенсионное обеспечение военнослужащих и гражданских чиновников является одной из важнейших частей системы государственной службы. Наряду с чинами, жалованьем и различными привилегиями, право на получение пенсии за долговременную службу составляет неотъемлемый атрибут бюрократии и регулярной армии в государствах нового (да и новейшего) времени.

В Российской империи становление системы пенсионного обеспечения государственных служащих было частью общей модернизации российской государственности в XVIII – 1-й пол. XIX вв., принявшей форму «регулярного государства» (Сыромятников, 1943; Раскин, 2001: 19–25). Завершение этого процесса свидетельствовало об окончательном формировании российской бюрократии. Не случайно основными вехами формирования пенсионной системы в России были сначала указы Петра I и Екатерины II, а затем разработка Устава о пенсиях и единовременных пособиях, совпавшая по времени с завершением государственных реформ нач. XIX в.

Но на сегодняшний день история пенсионной реформы 1827 г. является наименее изученным сюжетом истории преобразований, начатых при Александре I и завершенных при Николае I.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin)

2. Материалы и методы

Основным источником изучения истории подготовки пенсионной реформы 1827 г. являются материалы Государственного совета, а также Комитета 6 декабря 1826 г., образованного для рассмотрения найденных в бумагах Александра I законодательных предположений и обсуждения проектов преобразования государственных учреждений и государственного управления ([Высшие и центральные государственные учреждения, 1998: 33](#)). Эти материалы содержат журналы заседаний департаментов Государственного совета, проекты пенсионного устава, переписку высших сановников о ходе рассмотрения этих проектов и об изменениях в проекте, их записки с обоснованием тех или иных предложений по проекту, а также справочные материалы (например, данные о вознаграждении за службу различных военных чинов) и др. Среди приложений имеются также копии рескрипта финляндскому генерал-губернатору, Устава пенсионной кассы для вдов и детей Великого княжества Финляндского 1826 г. и перевод пенсионного устава Баварии 1805 г. с собственноручными пометами Николая I.

Использованы также опубликованные в ПСЗ законодательные акты, предшествовавшие уставу 1827 г.

Основным методом изучения истории пенсионной реформы 1827 г. является последовательный анализ обстоятельств ее подготовки и всех вариантов Устава о пенсиях и результатов их рассмотрения в Государственном совете и лично императором. При этом содержательные аргументы обсуждения проекта устава рассматриваются как часть властного дискурса 1-й трети XIX в. в тесной связи с другими проектами реформ того времени.

3. Обсуждение

В большинстве работ, посвященных истории государственных реформ 1-й трети XIX в. и даже специально истории российской бюрократии, о пенсионной реформе 1827 г. либо умалчивается, либо авторы ограничиваются простым упоминанием о ней, в лучшем случае о ее результатах. Например, Н.П. Ерошкин, говоря о «щедром вознаграждении» службы чиновников, отмечает их право на пенсию, делившуюся на 9 «окладов» ([Ерошкин, 1981: 78](#)), что, кстати, не совсем точно: 3-й из 9 разрядов состоял из 2-х степеней, так что «окладов» было 10.

Специально истории пенсионного законодательства в Российской империи посвящен ряд историко-правовых исследований ([Квасов, 2005](#); [Федоров, 2007](#); [Федяев, 2008](#); [Халтурина, 2009](#); [Баранова, 2010](#); [Кульчитский, 2011](#); [Чеснокова, 2012](#); [Тютюнов, 2012](#); [Левшук, 2012](#); [Гусаков, 2015](#); [Гирич, 2017](#); [Бокарев, 2018](#); [Шамкина, Землякова, 2018](#) и др.). В основном они носят обзорный характер и рассматривают лишь содержание опубликованных законодательных актов. Только в работах Л.В. Федорова, Ю.В. Чесноковой, Д.Б. Гусакова и Д.Н. Ермакова ([Федоров, 2007: 85](#); [Чеснокова, 2012: 174](#); [Гусаков, 2015: 56-57](#); [Ермаков, 2013](#)) кратко затрагивается история подготовки пенсионного устава 1827 г.

Таким образом, специальные исследования по истории подготовки пенсионной реформы 1827 г. в настоящее время отсутствуют.

4. Результаты

Первые узаконения об обеспечении утративших на службе здоровье офицеров и их вдов и детей вышли при Петре I. Это указы о содержании отставных в монастырях ([ПСЗ. Т. 5. № 3409. 29.07.1719](#)), о содержании флотских инвалидов при госпиталях и о награждении долями жалованья вдов и детей ([ПСЗ. Т. 6. № 3485. 13.01.1720](#)) и др. При Елизавете Петровне были установлены размеры пенсий и единовременных пособий для вдов и сирот военнослужащих – от 1/8 до 1/12 жалованья мужей и отцов ([ПСЗ. Т. 15. № 10789. 09.01.1758](#)). Екатерина II определила для вышедших в отставку по старости и болезням обер-офицеров инвалидные оклады от 33 до 120 руб. в год, в зависимости от чина. При этом сохранялось установленное ранее содержание вдов и сирот ([ПСЗ. Т. 16. № 12060. 26.02.1764](#)). В 1764 г. впервые было установлено пенсионное обеспечение служащих гражданского ведомства, получивших право на пенсию в размере 1/2 жалованья за 35 лет службы или при потере трудоспособности на службе ([ПСЗ. Т. 16. № 1275. 07.06.1764](#)). Все эти узаконения неоднократно уточнялись и конкретизировались.

В 1803 г. было установлено, что всем отставным офицерам, имевшим право на пенсию, за 20 лет службы присваивается старое инвалидное содержание, за 30 лет – пенсия в размере 1/2 оклада жалованья по последней службе, а за 40 лет – в размере полного оклада, причем отставленные за раны и болезни получали пенсию в размере 1/2 оклада независимо от стажа службы ([ПСЗ. Т. 27. № 20770. 21.05.1803](#)).

Но все эти узаконения не обеспечивали единства в порядке пенсионного обеспечения и не охватывали все категории гражданских и военных служащих, а установленные в середине XVIII в. оклады содержания заметно отставали от курса рубля. Необходимость в пенсионной реформе назрела. Это понимал и Александр I.

Первоначально для обеспечения инвалидов Отечественной войны 1812 г. 18 августа 1814 г. был учрежден особый Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам (Высшие и центральные государственные учреждения России, 2004: 64-66). Позднее, 21 февраля 1823 г., по его примеру создается Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников, право на пособие от которого имели отставные чиновники, утратившие трудоспособность во время службы и не имевшие средств к существованию, а после их смерти – родители, вдовы и сироты (Высшие и центральные государственные учреждения России, 1998: 150-151). Но общей проблемы пенсионного обеспечения гражданских и военных служащих эти комитеты не решали.

24 августа 1808 г. Александр I повелел составить общее положение о пенсиях вдовам, а 12 мая 1809 г. – для назначения пенсий вдовам «впредь до общего положения» министрам входить в каждом случае в Комитет министров и, наконец, 17 февраля 1817 г. – вновь повелел составить «общее положение» о вдовьих пенсиях. Но, по справедливому замечанию министра финансов гр. Д.А. Гурьева, было «невозможно назначить пенсионов вдовам, не определил оных прежде их мужьям» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 12-17 об.).

При этом еще 25 марта 1816 г. Император, «желая установить единообразное производство пансионеров как по гражданской, так и по военной части», повелел Комитету министров по всем ведомствам присвоить должностям классы, на основании которых и сделать общее положение о производстве пенсий «по классам, а не по местам» «в сравнение с армейскими чинами», но «впрочем, в положение сие не вводить штатов губернских как издавна существующих, где штаты жалованья умерены» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-ф. Л. 1-10б.). Но лишь 17 февраля 1820 г. министрам военному, морскому, юстиции, внутренних дел и финансов было поручено составить «особенный» комитет для выработки такого положения, а комитет поручил это министру финансов. 19 мая 1821 г. А.Д. Гурьев представил записку и проект устава о пенсиях (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 2-3об.).

Проект Гурьева предусматривал назначение окладов пенсий не по чинам, а по «местам», т.к. пенсии должны назначаться за труды, «с местом сопряженные». За службу (военную или гражданскую) от 10 до 20 лет он предлагал выдачу единовременного пособия в размере полного жалованья, за 20 лет – пенсию в размере ¼ жалованья, за каждый год службы сверх 20 лет следовала прибавка в размере 1/10 от этой пенсии, так что за 30 лет службы пенсия должна была составлять ½ жалованья, а за 40 лет – полное жалованье. Год на войне приравнивался к 2 годам службы. Для ученых и художников (к которым присоединялись также медицинские и горные чины) оставлялись имевшиеся правила. По расчетам А.Д. Гурьева, в 1820 г. на выплату пенсий требовалось 7,5 млн руб., в 1821 г. – уже 8 млн. Образование капитала, из процентов которого могли бы выплачиваться пенсии, он считал невозможным. Поэтому проект предусматривал передачу в Государственное казначейство пенсионных капиталов всех ведомств, а также сборов на повышение в чине, за патенты, 10 % от конфискованных имуществ в таможнях и т.п. доходов с выплатой пенсий из казначейства (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 20-27, 29-50).

Проект был рассмотрен в соединенных департаментах Гражданских и духовных дел и Государственной экономии Государственного совета, был сделан ряд замечаний, на которые А.Д. Гурьев дал разъяснения. Все было готово для передачи проекта пенсионного устава в Общее собрание, назначенное на 24 октября 1821 г. Но гр. А.А. Аракчеев, ссылаясь на § 56 Образования Государственного совета и указывая, что проект содержит много статей, касающихся «воинской части», потребовал доставить ему дело по проекту для предварительного рассмотрения (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 60-60об.). Хотя Аракчеев вообще очень ревниво относился ко всем проектам, не согласованным с ним (Николай Михайлович, 1912: 282-283), в данном случае он был прав. В результате Аракчеев получил Высочайшее повеление, чтобы проект был рассмотрен в соединенных департаментах Военном, Гражданских и духовных дел и Государственной экономии (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 65).

Главным требованием Аракчеева было назначение пенсий гражданским чиновникам не по окладам жалованья, а «по сравнению чинов их с военными чинами». За этим (не очень внятно сформулированным) требованием явно стояло недовольство более высокими, по проекту Гурьева, пенсиями гражданских чиновников сравнительно с офицерами, жалованье которых (в основном по чинам) было меньше окладов по должностям гражданской службы. Но отчасти эта позиция подкреплялась и тем, что чиновники новых или преобразованных учреждений получали оклады гораздо более высокие, чем состоявшие с ними в одинаковых чинах служащие старых (например, губернских) учреждений.

18 ноября 1821 г. состоялось заседание соединенных Департаментов, большинство участников которого постановило сократить срок для получения полной пенсии за военную службу с 40 до 30 лет, половинной – с 30 до 20 лет, а ¼ – с 20 до 15 лет. Но главным изменением было назначение пенсий за гражданскую службу «не по местам, но равное против военных сообразно чинам и классам...», для чего составить сравнительное расписание рангов». За это высказались гр. А.А. Аракчеев, В.П. фон Дезин, гр. М.А. Милорадович, В.А. Пашков, И.В. Туголмин, Е.Ф. Канкрин,

против – гр. А.Д. Гурьев и кн. А.Б. Куракин. А.Д. Гурьев представил 20 ноября 1821 г. записку с возражением на мнение большинства. Он доказывал, что в военной службе должность и чин – одно и то же, а в гражданской «важность трудов, требующих и особенных способностей, и учения, и навыка, сопряжена не с чином служащего, но с местом, которое он занимает». Например, начальники отделений в департаментах (министерствах) имеют чины от 9-го до 4-го класса, но жалованье получают одинаковое. Гурьев указывал, что 4 % вычеты из жалованья за повышения в чине пропорциональны размеру жалованья, т.е. получающие более высокое жалованье дают больше средств в казну, а также, что офицеры получают образование в кадетских корпусах, а гражданские чиновники за собственный счет, производство в 8-й класс для них сопряжено с наличием университетского образования, что из-за необходимости учения они начинают службу позже военных, а также, что жалованье военных обычно больше гражданского. Но вопрос был предрешен. 26 января 1822 г. Александр I утвердил мнение большинства (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 10-270б.). По признанию Е.Ф. Канкрин, он «подписал» мнение большинства, «зная, что на сие была воля» императора (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 242-2480б.).

Исправлять проект устава пришлось Канкрину уже в качестве нового министра финансов. Но лишь 4 февраля 1824 г. он запросил текст первоначального проекта и 19 декабря представил новый проект устава (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 124-1510б.).

Дело с проектом пенсионного устава тянулось (как и со многими другими проектами того времени) очень медленно. Но при Николае I оно сразу же ускорило. С первых же дней своего царствования Николай I стал серьезно вникать в дела Государственного совета (Раскин, 2019: 648-650). Уже 30 декабря 1825 г. новый император запросил у и.д. государственного секретаря А.Н. Оленина, составлено ли новое положение о пенсиях, а 8 апреля 1826 г. (через начальника Главного штаба И.И. Дибича) приказал ускорить дело. 30 апреля управляющий I отделением Собственной е.и.в. канцелярии Н.Н. Муравьев просил А.Н. Оленина доставить ему сравнительное расписание рангов военных и гражданских чинов. 15 июня 1826 г. император повелел рассмотреть это положение в Государственном совете без очереди, а 2 февраля 1827 г. запрашивал сведения, в каком положении находится дело (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 213, 224, 244, 252, 256).

В проекте Канкрин для военных были снижены сроки, дающие право на пенсию: единовременное пособие за 15–20 лет службы, за 20 лет – 1/2 жалованья с прибавкой 1/10 за каждый следующий год службы, т.е. за 30 лет – пенсия в размере полного жалованья. Для гражданских служащих пенсия в половинном размере полагалась за 30 лет службы, а полная – за 40 лет. При этом размер пенсии в гражданской службе должен был определяться «по особо издаваемому расписанию рангов» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 124-1470б.).

Полемика о начислении пенсии гражданским чиновникам «по местам» или по чинам была порождена не только соперничеством между военными и гражданскими чинами. Она проходила параллельно (и в явной связи) с попытками упразднения чинов в гражданской службе.

Еще в 1800 г. был издан указ о замене наименований чинов указанием должности и соответствующего класса, который был отменен Александром I уже через год (Шепелев, 1999: 156-157). В дальнейшем этот вопрос рассматривался в связи с пересмотром знаменитого указа 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин. Образованный по повелению Александра I комитет (состоявший из министров народного просвещения, юстиции, внутренних дел и государственного контролера) составил «проект общего положения об испытании гражданских чиновников в науках, при производстве их в чины», причем государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен настаивал на том, чтобы все гражданские чиновники состояли в классах, присвоенных их должностям. Департамент законов Государственного совета предлагал «применить наименования чинов, дав им названия по приличию к имеющимся должностям в нынешних присутственных местах, сохранив однако же существо Табеля о рангах во всей неприкосновенности» и «государственную службу разделить на три главные части: судную, правительственную и дипломатическую – и на три отдельные: медицинскую, художественную и ученую – с назначением для каждой из них особых наук или познаний». С этим согласилось и большинство Общего собрания (15 человек, включая гр. А.А. Аракчеева и Е.Ф. Канкрин, среди 8 членов, выступивших против, был М.М. Сперанский). Александр I 18 апреля 1823 г. утвердил мнение большинства. Но дело затормозилось передачей в комиссию под председательством Е.Ф. Канкрин (которого П.А. Зайончковский считал, кажется, неосновательно «ярким противником ликвидации чинов»). В дальнейшем Комитет 6 декабря 1826 г. предлагал производство в гражданские чины прекратить, а все должности разделить на степени по числу военных чинов. Этот проект, одобренный Государственным советом, Николай I не решился утвердить. Несмотря на неоднократные попытки отказаться от гражданских чинов, Табель о рангах благополучно сохранилась до 1917 г. (Дубенцов, 1976: 202-227; Зайончковский, 1978: 44-45; Ерошкин, 1981: 70-71; Шепелев, 1999: 156-157; РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 15).

Таким образом, рассмотрение проектов назначения пенсий гражданским чиновникам нельзя отделить от попыток реформирования Табеля о рангах. Эти вопросы рассматривались в одно и то же время, одними и теми же людьми и с почти одной и той же аргументацией. А подготовленная в соответствии с проектом Комитета 6 декабря 1826 г. «сравнительная табель мест и должностей»,

разделявшая должности гражданской службы на 12 «степеней», явно учитывала опыт составления «Примерного расписания окладов» пенсий (Сборник РИО. Т. 90, 1894: 447-448).

Главной проблемой было несоответствие названий чинов по Табели о рангах многочисленным должностям. Но проблему составляло и то, что одну и ту же должность могли занимать лица, имеющие разные чины, хотя в целом классы должностей закреплялись в штатах соответствующих учреждений (что стесняло начальство при назначениях). Указ 6 августа 1809 г. не только вводил образовательный ценз для производства в чины 8-го и 5-го классов, но и устанавливал, что с его введением действовавшее ранее постановление «об определении к штатным местам чиновников не выше и не ниже одного класса само собою уже отменяется», причем декларировалось предстоящее издание общего положения «о распорядке гражданских чинов и мест» (ПСЗ. Т. 30. № 23771. 06.08.1809). Именно на это положение указа 6 августа 1809 г. ссылались сторонники назначения пенсий «по местам».

Во всех вариантах проекта говорилось о «расписании рангов», однако составить его с учетом многочисленных и разнообразных должностей в центральном и губернском аппарате было весьма непросто. Эта работа затянулась. Наконец было составлено «расписание окладов», состоявшее из 9 разрядов. При доработке был добавлен новый разряд (1-й) – сенаторы (4000 руб.), в результате получалось 10 пенсионных разрядов, но в окончательном варианте первоначальное число разрядов было сохранено, причем 3-й разряд разделен на 2 степени (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 237-242об.)

И.И. Дибич, которому Николай I поручил контроль за ходом дела, заметил в проекте «неудобства» и в феврале 1826 г. вернул проект в Государственный совет для доработки. И, наконец, последовало Высочайшее повеление о совместном рассмотрении проекта И.И. Дибичем и В.П. Кочубеем. Дибич предлагал назначать пенсии военным по последнему жалованью, но для генералов и штаб-офицеров, получавших сверх жалованья столовые деньги, приравнять генерал-майоров к 1-му разряду гражданских пенсий, полковников – к 3-му, подполковников – к 4-му, а майоров – к 5-му, а также изменить сроки для назначения пенсий по военному ведомству. Кочубей (во всеподданнейшей записке) указывал на трудность назначения гражданским чиновникам пенсий не «по местам» и в качестве возможного выхода предлагал ориентироваться на пенсионное законодательство Великого княжества Финляндского (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 169, 173-173 об., 195). Рескрипт финляндскому генерал-губернатору и Устав финляндской пенсионной кассы для вдов и детей, утвержденные Николаем I 23 июня 1826 г., предусматривали назначение чиновникам, достигшим 65 лет и прослужившим 35 лет, пенсии в размере полного жалованья, от 55 до 60 лет при службе не менее 30 лет – $\frac{3}{4}$, от 50 до 55 лет при службе 25 лет – $\frac{2}{3}$ и т.д., а пенсии вдовам и детям назначались в зависимости от должности по 8 разрядам (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 101-120). Е.Ф. Канкрин в своих «рассуждениях» о проекте указывал, что есть два способа выплаты пенсий вдовам и сиротам – из казны и посредством вдовьих касс, но в России «по величине государства и другим причинам» удобнее держаться 1-го, а 2-й – предоставить частным обществам. Назначение пенсий по возрасту возможно в Финляндии, где большая часть доходов употребляется на содержание штата чиновников, но в России для этого «не станет финансовых способов». Он не видел никакого государственного «щета» «обнадеживанием больших пенсионеров» держать в службе людей «дряхлых и обветшалых в образе мыслей» и поэтому предлагал не увеличивать размер пенсий за службу более 40 лет. Канкрин указывал на множество примеров, когда чиновники, состоящие в одном и том же пенсионном разряде, получают весьма различное жалованье, а некоторые (например, губернские почтмейстеры, губернские казначеи и др.) смогут получить по разряду пенсию больше жалованья. Вообще же он склонялся к назначению пенсий чиновникам «по мере жалованья» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-б. Л. 242-248об.).

Еще более решительным сторонником назначения пенсий «по местам» и противником системы гражданских чинов был В.П. Кочубей. В своей докладной записке он писал: «Должно правительству прежде всего согласиться с самим собою, удобно ли удерживать в гражданской службе систему чинов. Из ходу дел и из самых простых соображений, подкрепленных мнением всех беспристрастных людей, судить можно, что вопрос сей не подлежит сомнению. Все соглашаются с тем, что основать гражданскую службу не на способностях, а на чинах и старшинстве невозможно». Он указывал, что при определении на высшие должности приходится искать кандидатуры в первых трех классах, а на низшие места служащие претендуют только на основании чина. Указ 6 августа 1809 г., по его словам, позволил определять на должности независимо от чина, а требования образовательного ценза для производства в 8-й и 5-й классы должно было повысить образовательный уровень чиновников и «остановить хотя несколько столь вредное приумножение дворян посредством приобретения чинов». «Удаляться ныне от сих начал, обращаться или давать каким бы то ни было постановлением новую твердость Табели о рангах, не вести гражданского устройства к тому, чтоб оно, по крайней мере постепенно, доведено было до того, что везде существует, то есть чтоб к местам или должностям присвоены были почести и преимущества и чтоб прекратить наконец странность присвоения чиновникам гражданским наименований генералов, полковников и проч., каковыми нередко и сами гражданские чиновники и посторонние величаются, – оставить сие было бы неудобно. И, впрочем,

многие дела и предложения ныне царствующего государя императора являют намерение прекратить сие смешение». Далее Кочубей ссылаясь на законы Екатерины II и Александра I, по которым «дозволяется занимать важнейшие должности по мере способностей и заслуг, невзирая на чины». По его мнению, опасения, что пенсии гражданским чиновникам будут превышать военные, не имеют оснований, т.к. из представленной ранее Аракчеевым сравнительной таблицы окладов гражданских и военных чинов видно, что они (за редким исключением) равны. Но если бы такое неравенство и существовало, оно, по словам Кочубея, не могло быть основанием для изменения правил, «в началах своих несомненных». «Каждая служба имеет свои особенные принадлежности, выгоды и неудобства. Военная достигла у нас до самой высшей степени уважения. Лучшее дворянство, люди богатейшие, считающие сотнями тысяч рублей доходы свои, вступают в оную и чин прапорщика не пожелают заменить ни ключом камергерским, ни местом советника губернского правления или палаты. Сие основано на честолюбии, на мнении, что дворянство должно служить с шпагою [подчеркнуто в подлиннике – Авт.] и проч. К службе военной присвоены разные преимущества, особые награды и проч. ... Служба гражданская унижена до крайности, так что большая часть дворян от нее удаляется». Нужно возвысить эту службу, дав ей особые преимущества, в том числе надежду на «безнужное существование» в старости. Кочубей предлагал последовать примеру Финляндии. Но в итоге он все-таки согласился на примерное расписание пенсий, «соображенное, по возможности, с окладами военных чинов». По соглашению с Дибичем он предлагал устранить из проекта мелкие прибавки за каждый год службы сверх срока, сократить (по примеру Финляндии) сроки выслуги, считать год службы во время войны за два и установить для военных выслугу в 35 лет (вместо 40) для полной пенсии. В проекте высочайшего указа, который должен был предварять пенсионный устав, Дибич и Кочубей предложили сократить вычеты из жалованья (2 % вместо 2,5 %), сами вычеты предназначить «единственно» для пенсий вдовам и сиротам, т.к. нельзя делать вычеты «для некоторого пособия» Государственному казначейству, ибо «правительство обязано призывать тех, кои службою своею приобрели на попечение о них право», а также ряд других изменений. Кроме того, Кочубей полагал, что нужно подвергнуть устав редакции, в частности употребить термин «пенсия», т.к. в старые времена всегда писали и говорили «пансион», а «пансион» (как в проекте устава) называют и училища (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 208. Л. 1-18).

Николаю I был представлен совместный доклад Кочубея и Дибича об окончательной редакции проекта устава и высочайшего указа. По соглашению с министром финансов были внесены некоторые изменения: пенсии по медицинской части «причислены к обязанностям» Государственного казначейства, а пенсионные капиталы учебной части оставлены на прежнем основании, отменено образование особого капитала для вдов и сирот, вычеты из пенсий установлены такие же, как из жалованья, отменены вычеты из квартирных денег и арендных сумм, для чиновников, получающих жалованья менее положенного по их пенсионному разряду, пенсии устанавливались в размере их жалованья, отменено единовременное пособие в размере годового жалованья за известное число лет на службе (оставлено лишь для «пораженных внезапною тяжкою болезнью» и для вдов и сирот), таможенные чиновники включены в общую систему разрядов по гражданской службе и т.д. 21 ноября 1827 г. Николай I «читать соизволил» этот доклад (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-6. Л. 273-274).

Но одновременно Николай I сам постарался разобраться в непростом вопросе пенсионного законодательства. Сохранился перевод Устава о пенсиях Баварского королевства от 1 января 1805 г. и Устава о военных пенсиях того же королевства от 12 июня 1818 г. с собственноручными карандашными пометками императора. Он отметил на полях рядом с соответствующими статьями «по чину» и «по месту», «сложно» рядом с описанием расчета пенсий по долям жалованья, в ряде мест поставил знак NB и т.д. (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 208. Л. 131-158).

Долгое рассмотрение проектов пенсионного устава не могло остаться тайной для общества. Сохранилось всеподданнейшее письмо отставного подполковника Корпуса инженеров путей сообщения Я.А. Севастьянова (известного математика) от 28 ноября 1826 г., в котором тот предлагал назначать пенсии по 1/8 от жалованья за каждые 5 лет службы (т.е. за 40 лет – полное жалованье) с ежегодным отчислением 5 % жалованья (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 99. Л. 1-12 об.).

Наконец 24 ноября 1827 г. окончательно доработанный и согласованный проект устава о пенсиях был единогласно одобрен Общим собранием Государственного совета (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 22. Л. 297-299), а 6 декабря устав был утвержден Николаем I (2ПСЗ. Т. 2. № 1592).

Так, после десятилетней подготовки завершилась реформа, положившая основу системе пенсионного обеспечения военных и гражданских служащих в Российской империи.

В результате десятилетнего обсуждения был принят компромиссный вариант. «Примерное расписание окладов определения пенсий гражданским чиновникам по их должностям» исходило из усредненных размеров жалованья на различных должностях, т.е. за 40 лет беспорочной службы предполагалось назначение пенсий в размере усредненного полного жалованья. Но закрепление суммы пенсии по разрядам означало в будущем значительное снижение реальных доходов пенсионеров. Пенсии не индексировались. Так, в изданиях Свода законов 1857 и 1896 г. размеры пенсий по всем разрядам были лишь пересчитаны в серебряных рублях в соответствии с курсом,

установленным при денежной реформе 1839–1843 гг. Таким образом, «коэффициент замещения», изначально декларируемый в размере 100 % (если не считать различных наградных и т.п. пособий, а также «безгрешных» и не совсем безгрешных доходов от службы), к концу XIX в. постепенно понизился до 20–45 % (Раскин, 1996: 789).

5. Заключение

Пенсионная реформа 1827 г. имела первостепенное значение для формирования системы государственной службы в Российской империи. Эта реформа завершила эволюцию социального обеспечения военных и гражданских служащих – от «призрения» при монастырях при Петре I до возможности получения за долговременную беспорочную службу пенсии в размере полного оклада жалования.

В дальнейшем Устав о пенсиях и единовременных пособиях дополнялся, ряду ведомств (придворному, учебному и др.) присваивался льготный порядок получения пенсий. Но в своей основе система пенсионного обеспечения государственных служащих оставалась неизменной до 1917 г.

На подготовку пенсионной реформы воздействовали различные реформаторские устремления, в частности несостоявшаяся попытка реформирования Табели о рангах. Проявившиеся в ходе обсуждения проектов этой реформы взгляды ведущих государственных деятелей того времени (гр. А.А. Аракчеева, гр. А.Д. Гурьева, Е.Ф. Канкрин, гр. В.П. Кочубея) стали частью истории русской государственной мысли.

Литература

Баранова, 2010 – Баранова Е.А. Особенности развития системы пенсионного обеспечения в России в XVII–XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 194 с.

Бокарев, 2018 – Бокарев Ю.П. Первые пенсионные системы Российской империи // Вестник ЮРГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 15–24.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 1998 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. 302 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 2004 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2004. 314 с.

Гирич, 2017 – Гирич Е.А. Развитие пенсионного обеспечения в досоветский период // Власть Закона. 2017. № 3 (31). С. 232–243.

Гусаков, 2015 – Гусаков Д.Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой вопрос: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 161 с.

Дубенцов, 1974 – Дубенцов Б.Б. Попытки преобразования государственной службы в конце XIX в. // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. Ч. 1. М.-Л., 1976. С. 202–227.

Ерошкин, 1981 – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Квасов, 2005 – Квасов Д.А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX – начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.

Кульчитский, 2011 – Кульчитский А.В. История пенсионного обеспечения россиян за 1827–1917 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 210 с.

Левшук, 2012 – Левшук М.В. Организационно-правовой механизм пенсионного обеспечения в России в XIX – середине XX вв.: историко-правовое исследование: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012. 185 с.

Николай Михайлович, 1912 – Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Пг.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. 636 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 5, 6, 15, 16, 27, 30. СПб., 1830. 781, 816, 1049, 1118, 1194, 1413 с.

2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 2. СПб., 1830. 1556 с.

Раскин, 1996 – Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 662–830.

Раскин, 2001 – Раскин Д.И. Российская империя XIX – начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 467 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сб. РИО. Т. 90, 1894 – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 90. Бумаги «Особого секретного комитета», учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. СПб., 1894. 621 с.

Сыромятников, 1943 – Сыромятников Б.Н. «Регулярное государство» Петра Великого и его идеология. Ч.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 219 с.

Тютюнов, 2012 – Тютюнов Н.В. История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих // *Социально-политические науки*. 2012. № 2. С. 92-97.

Федоров, 2007 – Федоров Л.В. Современные пенсионные системы. М., 2007. 369 с.

Федяев, 2008 – Федяев Г.Н. Пенсионная политика государства в дореволюционной России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 7. С. 167-168.

Халтурина, 2009 – Халтурина О.А. Исторический опыт становления пенсионного обеспечения в России // *Сибирская финансовая школа*. 2009. № 3. С. 153-158.

Чеснокова, 2012 – Чеснокова Ю.В. Становление пенсионного обеспечения в России в XV – начале XX вв. // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Общественные науки*. 2012. № 28. С. 173-175.

Шамкина, Землякова, 2018 – Шамкина Е.В., Землякова Н.С. Особенности формирования и становления пенсионного обеспечения в России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 2018. № 4 (48). С. 150-158.

Шепелев, 1999 – Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – нач. XX в. СПб.: Искусство СПб., 1999. 477 с.

References

2 PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 2nd collection]. Vol. 2. SPb., 1830. 1556 p. [in Russian]

Baranova, 2010 – Baranova, E.A. (2010). Osobennosti razvitija sistemy pensionnogo obespechenija v Rossii v XVIII – XIX vv. [Features of the development of the pension system in Russia in the 17th – 19th centuries]: avtoreferat dis. ... kand. jur. nauk. Krasnodar. 194 p. [in Russian]

Bokarev, 2018 – Bokarev, Ju.P. (2018). Pervye pensionnye sistemy Rossijskoj imperii [The first pension systems of the Russian Empire]. *Vestnik YuRgU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 18(4): 15-24. [in Russian]

Chesnokova, 2012 – Chesnokova, Ju.V. (2012). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v Rossii v XV – nachale XX vv. [The Formation of pension provision in Russia in the 15th – early 20th centuries]. *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Obshhestvennye nauki*. 28: 173-175. [in Russian]

Dubencov, 1974 – Dubencov, B.B. (1974). Popytki preobrazovanija gosudarstvennoj sluzhby v konce XIX v. [Attempts to transform the civil corps at the end of the nineteenth century]. *Problemy otechestvennoj istorii. Sb. statej*. Ch. 1. M.; L., 1976. P. 202-227. [in Russian]

Eroshkin, 1981 – Eroshkin, N.P. (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (Pervaja polovina XIX veka) [The feudal autocracy and its political institutions (First half of the nineteenth century)]. M.: Mysl'. 252 p. [in Russian]

Fedjaev, 2008 – Fedjaev, G.N. (2008). Pensionnaja politika gosudarstva v dorevoljucionnoj Rossii [The State pension policy in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7: 167-168. [in Russian]

Fedorov, 2007 – Fedorov, L.V. (2007). Sovremennye pensionnye sistemy [Modern pension systems]. M., 369 p. [in Russian]

Girich, 2017 – Girich, E.A. (2017). Razvitie pensionnogo obespechenija v dosovetskij period [Development of pension provision in the pre-Soviet period]. *Vlast' Zakona*. 3(31): 232-243. [in Russian]

Gusakov, 2015 – Gusakov, D.B. (2017). Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespechenija i social'nogo strahovanija v Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoj vopros [The genesis of state pensions and social insurance in the Russian Empire: a historical and legal issue]: diss. ... kand. jur. nauk. SPb., 161 p. [in Russian]

Halturina, 2009 – Halturina, O.A. (2009). Istoricheskij opyt stanovlenija pensionnogo obespechenija v Rossii [Historical experience of the formation of pension provision in Russia]. *Sibirskaja finansovaja shkola*. 3: 153-158. [in Russian]

Kul'chitskij, 2011 – Kul'chitskij, A.V. (2011). Istorija pensionnogo obespechenija rossijan za 1827-1917 gg. [The history of pensions for Russians in 1827-1917]: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Kursk. 210 p. [in Russian]

Kvasov, 2005 – Kvasov, D.A. (2005). Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvennyh sluzhashhij Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v. [The Formation and development of pension legislation on civil servants of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]: avtoreferat dis. ... kand. jur. nauk. M. 192 p. [in Russian]

Levshuk, 2012 – Levshuk, M.V. (2012) Organizacionno-pravovoj mehanizm pensionnogo obespechenija v Rossii v XIX – seredine XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie [The organizational and legal

mechanism of pension provision in Russia in the 19th - mid-20th centuries: historical and legal research]: avtoreferat dis. ... kand. jur. nauk. Kursk. 185 p. [in Russian]

Nikolai Mikhailovich, 1912 – Nikolai Mikhailovich, vel. kn. Imperator Aleksandr I: Opyt istoricheskogo issledovaniya [Emperor Alexander I: An Experiment of Historical Research]. Pg.: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1912. 636 p. [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 1st collection]. Vol. 5, 6, 15, 16, 27, 30. SPb., 1830. 781, 816, 1049, 1118, 1194, 1413 p. [in Russian]

Raskin, 1996 – *Raskin, D.I.* (1996). Istoricheskie realii rossijskoj gosudarstvennosti i russkogo grazhdanskogo obshchestva v XIX veke [Historical realities of Russian statehood and Russian civil society in the nineteenth century]. Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (KhIKh vek). M.: Yazyki russkoj kul'tury. Pp. 662-830. [in Russian]

Raskin, 2001 – *Raskin, D.I.* (2001). Rossijskaja imperija XIX – nachala XX veka kak sistema gosudarstvennykh uchrezhdenij, sluzhby, soslovij, gosudarstvennogo obrazovaniya i jelementov grazhdanskogo obshchestva [The Russian Empire of the 19th – early 20th centuries as a system of state institutions, services, estates, state education and elements of civil society]. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press. 467 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

Sb. RIO. T. 90, 1894 – Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva. T. 90. Bumagi «Osobogo sekret'nogo komiteta», uchrezhden'nogo Vysochajshim reskriptom 6 dekabrya 1826 goda [Papers of the "Special Secret Committee" established by the Imperial Rescript on December 6, 1826]. SPb., 1894. 621 p. [in Russian]

Shamkina, Zemljakova, 2018 – *Shamkina, E.V., Zemljakova, N.S.* (2018). Osobennosti formirovaniya i stanovlenija pensionnogo obespechenija v Rossii [Features of the formation and development of pension provision in Russia]. *Izvestija vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region.* 4(48): 150-158. [in Russian]

Shepelev, 1999 – *Shepelev, L.E.* (1999). Chinovnyj mir Rossii: XVIII – nach. XX v. [The official world of Russia: XVIII – early. XX century]. SPb.: Iskusstvo SPb. 477 p. [in Russian]

Syromjatnikov, 1943 – *Syromjatnikov, B.N.* (1943). «Reguljarnoe gosudarstvo» Petra Velikogo i ego ideologija [The "Regular state" of Peter the Great and its ideology]. Part 1. M. L.: Izd-vo AN SSSR. 219 p. [in Russian]

Tjutjunov, 2012 – *Tjutjunov, N.V.* (2012). Istorija formirovaniya otechestvennoj sistemy pensionnogo obespechenija voennosluzhashchih [The history of the formation of the domestic pension system for military personnel]. *Social'no-politicheskie nauki.* 2: 92-97. [in Russian]

Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 1998 – Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyreh tomah. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher and central government institutions of Russia. 1801-1917. In four volumes. Vol. 1. Higher state institutions]. Otv. red. N.P. Eroshkin, otv. sost. D.I. Raskin. SPb.: Nauka, 1998. 302 p. [in Russian]

Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 2004 – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyrekh tomakh. T. 4. Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdenija. Ministerstvo inostrannykh del. Voennoe ministerstvo. Morskoe ministerstvo [Higher and central state institutions of Russia. 1801-1917. In four volumes. T. 4. Central government institutions. Ministry of Foreign Affairs. War Department. Marine Ministry]. Otv. red. i otv. sost. D.I. Raskin. SPb.: Nauka, 2004. 314 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the nineteenth century]. M.: Mysl'. 288 p. [in Russian]

Пенсионная реформа Николая I

Давид Иосифович Раскин^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории подготовки пенсионной реформы 1827 г. Эта история до сих пор совершенно не изучена. Основным источником послужили документы Государственного совета Российской империи. Подготовка пенсионной реформы затянулась на 10 лет, начавшись при Александре I и завершившись при Николае I, который лично участвовал в подготовке реформы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин)

Реформа 1827 г. была завершением долгого процесса формирования системы пенсионного обеспечения российских офицеров и гражданских чиновников. Она имела большое значение для окончательного оформления класса российской бюрократии. Одновременно с подготовкой пенсионной реформы в правительственных кругах шло обсуждение проекта преобразования Табели о рангах (отмены гражданских чинов). Этот проект, так и не осуществленный, оказал заметное влияние на пенсионную реформу.

При подготовке реформы сталкивались мнения высших сановников Российской империи – гр. А.А. Аракчеева, гр. А.Д. Гурьева, Е.Ф. Канкрин, гр. В.П. Кочубей. За спорами о том, назначать ли пенсии гражданским чиновникам на основании их жалованья по должности или в соответствии с их чинами, стояли принципиальные взгляды о значении чинов в гражданской службе. Окончательный вариант Устава о пенсиях носил компромиссный характер. Все гражданские должности были разделены на «разряды». Размер полной пенсии по каждому «разряду» соответствовал среднему размеру жалованья, получаемому на этих должностях. Но со временем размеры жалованья увеличивались, а размеры пенсий по «разрядам» оставались прежними.

Результатом пенсионной реформы 1827 г. стала система пенсионного обеспечения государственных служащих, просуществовавшая до 1917 г.

Ключевые слова: пенсионная реформа, Устав о пенсиях, Табель о рангах, бюрократия, Александр I, Николай I, Аракчеев, Гурьев, Канкрин, Кочубей.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2495-2504. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2495
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Journal of the Ministry of Public Education" as a Source on the History of Higher Education in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries: Issues of Scientific Certification of Personnel

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Anatolii V. Honcharenko ^c, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, d}

^a Sumy State University, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Sumy National Agrarian University, Ukraine

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper examines the potential of the "Journal of the Ministry of Public Education" as a source on the history of higher education in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. Based on the analysis of the materials of the journal (announcements about the defense of dissertations), the issues of scientific certification of personnel in Russian universities are analyzed.

The structure and thematic focus of the journal is analyzed. It is indicated that in many respects they were determined by the personality of the editor and the minister of public education, their vision of the journal's mission. In this context, the trajectories of the evolution of the journal for the entire period of its existence are revealed: polythematic journal; scientific and pedagogical; pedagogical; official bulletin; scientific journal.

As a result of the study, an insignificant amount of information was found about the defense of master's and doctoral dissertations – only 13 records, and then only about the defense of master's theses in two Russian universities – Moscow and St. Petersburg. It was established that the announcements about the defense of the dissertation were published not in the main part of the journal, but in the news section, which provided information about a number of secondary "incidents".

The way things are going with the coverage on the pages of the journal of issues of scientific certification makes it impossible to objectively assess it and make conclusions about the number of defended dissertations for master's and doctoral degrees in universities of the Russian Empire, being guided exclusively by this source. It has been suggested that more complete information on this issue can be made public on the pages of official heralds, scientific notes, news of universities, and other documents of the Ministry of Public Education. In general, the significant potential of the "Journal of the Ministry of Public Education" is noted as an informative, educational and consultative source on the history of education in the Russian Empire.

Keywords: higher education, scientific certification, education system, scientific and pedagogical staff, academic degree.

1. Введение

Формирование национальной элиты – важный вопрос любого государственного образования, особенно это относится к интеллектуальной элите, роль которой исключительна для самого государства, поскольку именно она транслирует те ценности и нарративы, которые цементируют фундамент государственности как таковой. В этом контексте первоочередной задачей представляется

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

создание системы подготовки национальной интеллектуальной элиты через разветвленную сеть образовательных учреждений различного уровня.

Одним из таковых выступает механизм научной аттестации кадров университетов Российской империи, когда остро встал вопрос о формировании национальной интеллектуальной элиты, заменившей бы собой иностранный элемент.

Важную роль в этом процессе сыграло профильное министерство – Министерство народного просвещения, прилагавшее значительные усилия в этом направлении. В связи с этим нашей задачей является анализ научно-педагогического, информационного, просветительского, консультативного потенциала официального ведомственного издания – «Журнала Министерства народного просвещения».

2. Материалы и методы

В качестве материалов для подготовки статьи было проанализировано содержание 434 частей (каждая часть в среднем имела 890 страниц текста) «Журнала Министерства народного просвещения», выходявшего в период с 1834 по 1917 гг. на предмет наличия в нем информации о количестве защищенных диссертаций и присужденных ученых степеней магистра и доктора.

В основу данной работы были положены методы и принципы научного исследования – междисциплинарности, системности и объективности, применение которых дало возможность комплексного и всестороннего анализа поставленной научной проблемы. Кроме того, исследование было проведено с использованием метода компаративного анализа структуры и содержания номеров журнала, определяемых его программными принципами и зависящих от представления о миссии журнала его редактором и профильным министром.

3. Обсуждение

Вопросы и особенности развития высшего образования в Российской империи достаточно широко обсуждались в научной среде, в частности и вопросы аттестации кадров высшей школы. Эта проблема нашла отражение в многочисленных научных публикациях, раскрывающих общий контекст развития системы университетского образования и становления собственно идеи Университета в Российской империи, специфику ее трансфера и адаптации университетских должностей и званий (Андреев, Посохов, 2011; Андреев, Посохов, 2012) в контексте формирования образовательного ландшафта Российской империи на пути к общеимперской системе университетов и школ (Кусбер, 2018).

Ряд работ посвящен вопросам влияния университетов на социальное и городское пространство Российской империи (Андреев, 2000; Андреев, Посохов, 2012: 471-667; Кулакова, 2006; Ростовцев, 2017), в том числе и в контексте формирования профессионального самосознания сословия русских профессоров (Вишленкова и др., 2012; Вишленкова, Савельева, 2013).

В контексте заявленной нами темы следует отметить важность такого направления научных исследований, как изучение факторов возникновения системы ученых степеней в имперском образовательном пространстве, а также специфики их присуждения (Андреев, 2015; Горошко, 2002; Иванов, 1994; Розенберг, 2015; Якушев, 2011).

Статистическая информация, касающаяся вопросов научной аттестации научно-педагогических кадров российских университетов представлена в ряде научных исследований (Кричевский, 2004a; Кричевский, 2004b; Кричевский, 2004c; Якушев, 2005; Якушев, 2006).

В процессе подготовки работы в качестве исторического источника для изучения особенностей развития системы высшего образования Российской империи в XIX – начале XX веков, в том числе того, что касается политики в вопросе подготовки научных кадров для университетов, нами были проанализированы материалы официального печатного органа центрального государственного учреждения Российской империи – Министерства народного просвещения, занимавшегося вопросами науки и образования, а именно «аЖурнал Министерства народного просвещения» (Журнал Министерства..., 1834–1917).

«Журнал Министерства народного просвещения» – одно из немногих научно-популярных печатных изданий, в котором печатались все ученые Российской империи. Он также был уникальным научным гуманитарным изданием, в котором публиковались труды по истории, литературе, педагогике и другим направлениям гуманитаристики. Помимо этого, журнал включал библиографическое приложение – систематический указатель книг, опубликованных в Российской империи в течение года. Ввиду этого некоторые исследователи усматривают в журнале важнейшую веху в истории научной и педагогической мысли (Артемova, 2002; Гончаров, 2012; Грачева, 2015; Дроздов, Федорченко, 2005).

Таким образом, «Журнал Министерства народного просвещения» является важнейшим источником по истории науки, педагогики и образования Российской империи XIX – начала XX веков, охватывающим множество проблемных направлений и тем научных исследований, аспектов функционирования образовательной системы Российской империи. Как исторический источник материалы журнала в том или ином аспекте были использованы при исследовании

особенностей системы народного образования отдельных регионов Российской империи (Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2020c; Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c), а также при изучении институциональных оснований образовательной миграции в дореволюционной России (Chuvatkin, Gorbatov, 2019), при определении методологических принципов работы с историческими источниками (Degtyarev et al., 2018) и другие научные исследования.

4. Результаты

«Журнал Министерства народного просвещения» представлял собой ежемесячное периодическое издание, выходившее в Санкт-Петербурге в период с 1834 г. по 1917 г. Как печатный орган ведомственного подчинения миссия журнала состояла, прежде всего, в освещении состояния российского образования, развитии педагогической и научной мысли. Важным является тот факт, что все учебные заведения (как государственные, так и частные) в обязательном порядке должны были оформить подписку на журнал, донося его читателям правительственное видение относительно развития системы образования, параллельно выступая информационно-просветительским источником в области педагогики и науки.

Структуру журнала составляли официальная часть (где публиковались приказы и постановления правительства, высочайшие повеления и другие распоряжения, а также объявления и другая информация органов государственной власти) и неофициальная часть (где публиковались научные исследования на различную тематику в области педагогики, истории, языкознания, литературы и др.). С 1837 г. практикуется публикация в журнале библиографических указателей и каталогов книжной продукции.

Редакционная политика журнала, его тематика и структура напрямую зависели от того, кто на то время был министром народного просвещения и, собственно, редактором журнала (Таблица 1).

Таблица 1. Редакторы «Журнала Министерства народного просвещения» (1834–1917 гг.)

Министры народного просвещения	Редакторы «Журнала МНП»
1. С.С. Уваров (1833–1850 гг.)	1. К.С. Сербинович (1834–1856 гг.)
2. П.А. Ширинский-Шахматов (1850–1854 гг.)	2. А.В. Никитенко (1856–1860 гг.)
3. А.С. Норов (1854–1856 гг.)	3. К.Д. Ушинский (1860–1861 гг.)
4. Е.П. Ковалевский (1856–1861 гг.)	4. Ю.С. Рехневский (1862–1867 гг.)
5. Е.В. Путьин (1861–1863 гг.)	5. И.Д. Галанин (1867 г.)
6. А.В. Головнин (1863–1866 гг.)	6. А.И. Георгиевский (1868–1870 гг.)
7. Д.А. Толстой (1866–1880 гг.)	7. Е.М. Феокистов (1871–1882 гг.)
8. А.А. Сабуров (1880–1881 гг.)	8. Л.Н. Майков (1883–1890 гг.)
9. А.П. Николаи (1881–1882 гг.)	9. В.Г. Васильевский (1891–1899 гг.)
10. И.Д. Делянов (1882–1897 гг.)	10. Э.Л. Радлов (1899–1917 гг.)
11. Н.П. Боголепов (1897–1901 гг.)	11. П.И. Лебедев-Полянский (1917 г.)
12. П.С. Ванновский (1901–1902 гг.)	
13. Г.Э. Зенгер (1902–1904 гг.)	
14. В.Г. Глазов (1904–1905 гг.)	
15. И.И. Толстой (1905 г.)	
16. П.М. Кауфман (1905–1908 гг.)	
17. А.Н. Шварц (1908–1911 гг.)	
18. Л.А. Кассо (1911–1915 гг.)	
19. П.Н. Игнатъев (1915–1916 гг.)	
20. Н.К. Кульчицкий (1916–1917 гг.)	

Инициатива создания журнала принадлежала тогдашнему министру народного просвещения Уварову С.С., разработавшему его план, структуру и пригласившему к сотрудничеству известных профессоров и учителей. Журнал по его представлению должен был стать рупором, трибуной государственной политики в деле народного просвещения, «не ограничиваясь одними известиями о современном ходе отечественного образования» (Журнал Министерства..., 1834, 1: VII).

Структуру «сего издания по обширнейшему против прежнего плана» составляли 6 отделений:

I. Отделение «Действия правительства»:

- а) Высочайшие повеления;
- б) министерские распоряжения.

II. Отделение «Словесность и науки».

III. Отделение «Известия об ученых и учебных заведениях России».

IV. Отделение «Известия об иностранных ученых и учебных заведениях».

V. Отделение «История просвещения и гражданского образования».

VI. Отделение «Новости и смесь».

В первом Отделении – официальной части журнала – были опубликованы решения властей «О возобновлении издания журнала Департамента народного просвещения», «О приведении в действие проекта устава и штата Университета Св. Владимира», «О распоряжении касательно открытия Университета Св. Владимира», «О введении преподавания греческого языка в Полтавской гимназии» и другие распоряжения (*Журнал Министерства..., 1834: 1*). В целом такая структура журнала с некоторыми изменениями сохранилась и в дальнейшем.

Таким образом, «детище» министра Уварова являло собою многофункциональное (консультации, обзоры, просвещение и др.) политематическое (педагогика, история, словесность и проч.) издание. С назначением в 1860 г. редактором журнала известного педагога К.Д. Ушинского изменилась и политика журнала: он в большей степени приобрел педагогическую направленность. По инициативе нового редактора уже с июльского номера 1860 г. в издание были включены новые рубрики: «Педагогика и дидактика», «Критика и библиография», содержащие «теоретические рассуждения и практические заметки по различным вопросам педагогики и дидактики; критические описания воспитательных и учебных заведений; биографии и автобиографии; критические разборы педагогических сочинений и детских книг» и др. (*Журнал Министерства..., 1860, 107: 1*). Помимо указанных двух Отделений, были еще 2 – «Вспомогательные науки» и «Известия и смесь».

В таком виде журнал просуществовал недолго: с назначением нового министра Е.В. Путятина, вознамерившегося вернуть прежний формат журнала, поскольку нынешний был «сухим и непривлекательным», возникла конфликтная ситуация с редактором журнала – К.Д. Ушинским, который вследствие несогласия с политикой нового министра вынужден был подать в отставку, сославшись на состояние здоровья.

Как было обозначено, с января месяца 1862 г. «официальная часть Журнала Министерства народного просвещения будет издаваться вместе с неофициальной. Подписка на неофициальную часть журнала без официальной прекращается» (*Журнал Министерства..., 1862, 113: 1*). Таким образом, в структуру журнала были возвращены «Высочайшие повеления» и «Высочайшие приказы», но пока еще с сохранением общей направленности журнала, заложенной К.Д. Ушинским. Это стало возможным, благодаря усилиям нового редактора журнала Ю.С. Рехневского при поддержке новоназначенного в 1863 г. министра А.В. Головнина.

С июля 1864 г. вступает в силу новая программа для журнала, согласно которой он издается в двух отделениях: правительственных распоряжений и известий «о состоянии и деятельности ученых учреждений и учебных заведений Министерства народного просвещения» (*Журнал Министерства..., 1864, 123: 1*). В результате журнал максимально приобрел качества информационного и аналитического издания, когда в нем в итоге осталась лишь официальная его часть.

Уже в октябрьском номере журнала за 1866 г. была опубликована новая программа. В ней шла речь о том, что «Журнал министерства народного просвещения», согласно позиции графа Уварова, должен был быть полезен не только сотрудникам министерства, но и подведомственным ему лицам. Согласно планированию, журнал должен был отражать действительное состояние дела образования в Российской империи, существование такого органа было совершенно необходимо для преуспевания науки и вообще учебного дела... Уже последовало Высочайшее разрешение на изменение программы Журнала, и с начала 1867 года он, кроме части собственно официальной, будет содержать в себе... статьи о тех педагогических вопросах, разъяснение которых может принести прямую практическую пользу учебным заведениям..., статьи об организации различных учебных заведений за границей, материалы для истории народного просвещения в России, биографии замечательнейших деятелей на ученом и учебном поприщах и вообще статьи, относящиеся к истории воспитания и обучения (*Журнал Министерства..., 1866, 132: 1-6*).

С этого момента журнал получил, по сути, новое дыхание: были расширены его тематические рубрики (редактор А.И. Георгиевский), увеличилась неофициальная часть журнала, в том числе за счет сокращения официальной части (редактор В.Г. Васильевский), журнал стал образцом классического образования, в частности за счет увеличения численности публикаций по античной истории, латинскому языку, литературоведению и др. (редакторы Е.М. Феокистов, Л.Н. Майков). Педагогическая составляющая журнала постепенно вытесняется общенаучными вопросами методологии, источниковедения и др.

Последний номер журнала вышел в конце 1917 г. с обращением наркома просвещения А.В. Луначарского, выступившего с программой массового просвещения и ликвидации безграмотности путем создания сети школ, введения всеобщего обязательного бесплатного обучения, подготовки учительских кадров. На этом «Журнал Министерства народного просвещения» прекратил более чем 80-летнее существование, ему на смену пришел печатный орган новой власти – журнал «Народное просвещение».

Таким образом, «Журнал Министерства народного просвещения» охватывал довольно широкий спектр вопросов по развитию и состоянию системы образования и науки в Российской империи. Важным в этом контексте представляется оценка журнала как источника по истории высшего образования в России. В этой связи нами была поставлена задача проанализировать

содержание журнала на предмет наличия в нем информации по вопросам научной аттестации кадров, а именно – специализации и тематике защищаемых диссертаций, месту защиты (университет, факультет) и другим, связанным с этим вопросам. В результате анализа более чем 400 номеров журнала за весь период его издания нами была обнаружена незначительная часть сведений, касающихся заявленного вопроса: всего 13 записей о защите диссертаций (Таблица 2).

Таблица 2. Защищенные диссертации (Журнал Министерства..., 1855, 88; Журнал Министерства..., 1857, 95; Журнал Министерства..., 1858, 97; Журнал Министерства..., 1858, 98; Журнал Министерства..., 1858, 99; Журнал Министерства..., 1859, 103; Журнал Министерства..., 1860, 105)

№	Соискатель ученой степени	Ученая степень	Университет	Специализация	Тема диссертации	Год защиты
1	Лохвицкий А.В.	магистр	Московский	Общеправовое	«О пленных по древнему Русскому праву (XV, XVI, XVII века)»	1855 г.
2	Гладков Н.А.	магистр	Московский	Гражданское право	«О влиянии общественного состояния частных лиц на права поземельной их собственности по началам древнего Российского законодательства»	1855 г.
3	Вызинский Г.В.	магистр	Московский	Всеобщая история	«Папство и Священная Римская империя в XIV и XV столетиях»	1857 г.
4	Майков А.А.	магистр	Московский	Славянская словесность	«История сербского языка по письменным кирилловским памятникам в связи с историей народа»	1857 г.
5	Абашев Д.Н.	магистр	Московский	Химия	«Исследования о явлениях взаимного растворения жидкостей»	1858 г.
6	Тютчев И.А.	магистр	Санкт-Петербургский	Химия и физика	«О гликолях вообще и об вновь полученном соединении - бензойнокислом кюмоле»	1858 г.
7	Зедергольм К.К.	магистр	Московский	Греческая словесность	«О жизни и сочинениях Катона-старшего»	1858 г.
8	Муравьев С.	магистр	Московский	Политическая экономия и статистика	«Тюрго. Его ученая и административная деятельность, или начало преобразований во Франции XVIII века»	1858 г.
9	Миллер О.	магистр	Санкт-Петербургский	Русская словесность	«О нравственной стихии в поэзии, на основании исторических данных»	1858 г.
10	Беляев И.Д.	магистр	Московский	Гражданское право	«О наследстве без завещания по русским древним законам, до Уложения царя Алексея Михайловича»	1858 г.
11	Богданов А.П.	магистр	Московский	Зоология	«Цветность пера птиц»	1858 г.
12	Никольский В.Н.	магистр	Московский	Гражданское право	«О началах наследования в древнем русском праве»	1859 г.
13	Ламанский В.И.	магистр	Санкт-Петербургский	Славянская словесность	«О славянах в Малой Азии, Африке и Испании»	1860 г.

Собственно говоря, это вся информация о защищенных диссертациях на страницах журнала, и то только магистерских и лишь по двум университетам. Объявления о защитах диссертаций, как

правило, публиковались в новостном разделе «Новости и смесь» и содержали краткие тезисы и результаты исследования, а также мнения рецензентов и критиков – все в объеме до 4-х журнальных страниц, но, как правило, в пределах 1-2.

Кроме информации о защитах диссертаций, «университетский блок» в журнале составляли кадровые вопросы – назначения, увольнения, перевода профессорско-преподавательского состава; уставы университетов и их структурных подразделений; отчеты министров просвещения, содержащие ценную информацию о состоянии и развитии высшего образования в Российской империи XIX – начала XX веков и др.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что «Журнал Министерства народного просвещения», несмотря на ограничения в исследуемом вопросе, все же представляет собой ценнейший источник по истории системы образования Российской империи XIX – начала XX веков, содержащий важнейшие сведения в сфере ее управления, функционирования, нормативного обеспечения, а также материалы по педагогике, истории, литературоведению и другим наукам, результаты исследований в которых публиковались на страницах журнала, выполняя тем самым функцию просвещения и популяризации научных знаний в широкой среде российской общественности.

Можно предположить, что вопросы научной аттестации кадров в большей степени могут быть отражены в официальных известиях, ведомостях и ученых записках непосредственно высших учебных заведений, «Всеподданнейших отчетах министров народного просвещения», других официальных источниках Министерства народного просвещения, анализ которых представляет перспективное направление для последующих исследований.

В целом же, прибегая к уже имеющейся статистике, наивысшие результаты по количеству присужденных ученых степеней по университетам Российской империи приходились на 80–90 годы XIX в., лидерами среди которых были Московский, Санкт-Петербургский и Дерптский (Юрьевский) университеты (Якушев, 2006).

Литература

Андреев, 2000 – Андреев А.Ю. (2000). Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. Москва: Языки славянских культур, 2000. 312 с.

Андреев, 2015 – Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*, 2015, 1 (62). С. 62-89.

Андреев, Посохов, 2011 – Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. Москва: РОССПЭН, 2011. 527 с.

Андреев, Посохов, 2012 – Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. Москва: РОССПЭН, 2012. 671 с.

Артемова, 2002 – Артемова Л.В. Роль Министерства народного просвещения и университетов Российской империи в истории развития разрядов наук и испытаний на ученые степени: 1802–1917. Дисс... канд. ист. наук. Невинномысск, 2002. 260 с.

Вишленкова и др., 2012 – Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.

Вишленкова, Савельева, 2013 – Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. Москва: Издательский дом ВШЭ, 2013. 386 с.

Георгиевский, 1902 – Георгиевский А.И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. 202 с.

Гончаров, 2012 – Гончаров М.А. Журнал Министерства народного просвещения и его роль в формировании научно-педагогического потенциала России в XIX – начале XX века. *Библиотекословие*. 2012, (2). С. 52-58.

Горошко, 2002 – Горошко О.Н. Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов Российской империи в истории развития института диссертаций: 1724–1919. Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 273 с.

Грачева, 2015 – Грачева Ю.Е. История возникновения Министерства народного просвещения в отечественной историографии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2015, 4 (65). С. 58-69.

Дроздов, Федорченко, 2005 – Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 гг.: Справочник / Н.И. Дроздов, В.И. Федорченко. Красноярск, 2005.

Журнал Министерства..., 1834–1917 – Журнал Министерства народного просвещения, 1834–1917.

Иванов, 1994 – Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. Москва: ИРИ, 1994. 195 с.

[Кричевский, 2004a](#) – *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1919): Справочное пособие. Ставрополь, 2004.

[Кричевский, 2004b](#) – *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на физико-математических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие. Ставрополь, 2004.

[Кричевский, 2004c](#) – *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие. Ставрополь, 2004.

[Кулакова, 2006](#) – *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Москва: Новый хронограф, 2006. 336 с.

[Кусбер, 2018](#) – *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 613 с.

[Положение..., 1830](#) – Положение о производстве в ученые степени (20 января 1819 г.). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание I. Т. XXXVI. СПб., 1830. С. 37-42.

[Положение..., 1838](#) – Положение о производстве в ученые степени (28 апреля 1837 г.). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. XII. СПб., 1838. С. 285-287.

[Положение..., 1845](#) – Положение о производстве в ученые степени (6 апреля 1844 г.). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. XIX. СПб., 1845. С. 243-247.

[Положение..., 1867](#) – Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (4 января 1864 г.). Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1850–1864. СПб., 1867. Т. 3. Стб. 636-643.

[Розенберг, 2015](#) – *Розенберг Г.С.* О кандидатах и докторах, доцентах и профессорах. *Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии*, 2015, 24 (4). С. 11-24.

[Ростовцев, 2017](#) – *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

[Якушев, 2011](#) – *Якушев А.Н.* Нормативно-правовое регулирование производства в ученые степени в России (1724–1918 гг.). Дисс... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011.

[Якушев, 2006](#) – *Якушев А.Н.* Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ). *Высшее образование в России*, 2006, 3. С. 147-150.

[Якушев, 2005](#) – *Якушев А.Н.* Статистика присуждения ученых степеней в Российской империи (1794–1918): Справочное пособие. Пятигорск, 2005.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1), pp. 208-214.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of the school education system in the province of Vologda (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The public education system in Voronezh governorate in the period 1703-1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The public education system in Voronezh governorate in the Period 1703-1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.

[Cherkasov et al., 2020c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 961-972.

[Chuvatkin, Gorbatov, 2019](#) – *Chuvatkin P., Gorbatov S.* Institutional Framework of Youth Tourism in Pre-Revolutionary Russia. *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 956-963.

[Degtyarev et al., 2018](#) – *Degtyarev S., Zavorodnia V., Polyakova L.* On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in "Kievskaya Starina" // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(4): 911-917.

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V.* Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878-1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – *Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802-1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802-1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020c](#) – Mamadaliyev A., Karpukhin D., Svechnikova N., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802-1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.

References

[Andreev, 2000](#) – Andreev, A.Yu. (2000). Moskovskij universitet v obshestvennoj i kulturnoj zhizni Rossii nachala XIX veka. [Moscow University in the social and cultural life of Russia in the early 19th century]. Moskva: Yazyki slavyanskih kultur, 312 p. [in Russian]

[Andreev, 2015](#) – Andreev, A.Yu. (2015). Vozniknovenie sistemy rossijskih uchyonyh stepenej v nachale XIX v. [The emergence of the system of Russian academic degrees in the early 19th century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 1(62): 62-89. [in Russian]

[Andreev, Posohov, 2011](#) – Universitetskaya ideya v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX vekov: Antologiya [The University Idea in the Russian Empire of the 18th - early 20th centuries: Anthology]. Sost. A.Yu. Andreev, S.I. Posohov. Moskva: ROSSPEN, 527 p. [in Russian]

[Andreev, Posohov, 2012](#) – Universitet v Rossijskoj imperii XVIII - pervoj poloviny XIX veka [University in the Russian Empire of the 18th - first half of the 19th century]. Pod obsh. red. A.Yu. Andreeva, S.I. Posohova. Moskva: ROSSPEN, 2012. 671 p. [in Russian]

[Artyomova, 2002](#) – Artyomova, L.V. (2002). Rol Ministerstva narodnogo prosvesheniya i universitetov Rossijskoj imperii v istorii razvitiya razryadov nauk i ispytanij na uchyonye stepeni: 1802–1917. [The role of the Ministry of Public Education and the universities of the Russian Empire in the history of the development of the categories of sciences and tests for academic degrees: 1802–1917]. Diss... kand. istor. nauk. Nevinnomyssk, 260 p. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*, 8(1), pp. 208-214.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of the school education system in the province of Vologda (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A. (2020). The public education system in Voronezh governorate in the period 1703-1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The public education system in Voronezh governorate in the Period 1703-1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Cherkasov et al., 2020c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 961-972.

[Chuvatkin, Gorbatov, 2019](#) – Chuvatkin, P., Gorbatov, S. (2019). Institutional Framework of Youth Tourism in Pre-Revolutionary Russia. *Bylye Gody*. 53(3): 956-963.

[Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev, S., Zavhorodnia, V., Polyakova, L. (2018). On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in "Kievskaya Starina" Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.

[Drozdov, Fedorchenko, 2005](#) – Ministerstvo narodnogo prosvesheniya Rossijskoj imperii v lichah: 1802-1917 gg.: Spravochnik. [Ministry of Public Education of the Russian Empire in Persons: 1802-1917: Reference Book]. N.I. Drozdov, V.I. Fedorchenko. Krasnoyarsk, 2005. [in Russian]

[Georgievskij, 1902](#) – Georgievskij, A.I. (1902). K istorii Uchenogo Komiteta Ministerstva narodnogo prosvesheniya [On the history of the Academic Committee of the Ministry of Public Education]. Sankt-Peterburg: Senatskaya tipografiya, 202 p. [in Russian]

[Goncharov, 2012](#) – Goncharov, M.A. (2012). Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya i ego rol v formirovanii nauchno-pedagogicheskogo potenciala Rossii v XIX – nachale XX veka [Journal of the Ministry of Public Education and its role in the formation of the scientific and pedagogical potential of Russia in the 19th - early 20th centuries]. *Bibliotekovedenie*. (2): 52-58. [in Russian]

[Goroshko, 2002](#) – Goroshko, O.N. (2002). Rol Ministerstva narodnogo prosvesheniya, Akademii nauk i universitetov Rossijskoj imperii v istorii razvitiya instituta dissertacij: 1724–1919. [The role of the Ministry of Public Education, the Academy of Sciences and Universities of the Russian Empire in the history of the development of the institute of dissertations: 1724–1919]. Diss... kand. istor. nauk. Pyatigorsk, 273 p. [in Russian]

[Grachyova, 2015](#) – Grachyova, Yu.E. (2015). Istoriya vozniknoveniya Ministerstva narodnogo prosvesheniya v otechestvennoj istoriografii [The history of the emergence of the Ministry of Public

- Education in Russian historiography]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 4(65): 58-69. [in Russian]
- Ivanov, 1994 – Ivanov, A.E. (1994). Uchyonye stepeni v Rossijskoj imperii XVIII v. – 1917 g. [Academic degrees in the Russian Empire of the 18th century – 1917]. Moskva: IRI. 195 p. [in Russian]
- Krichevskij, 2004a – Krichevskij, G.G. (2004). Magisterskie i doktorskie dissertacii, zashishyonnye na istoriko-filologicheskikh fakultetah universitetov Rossijskoj imperii (1755–1919): Spravochnoe posobie. [Master's and doctoral dissertations defended at the historical and philological faculties of the universities of the Russian Empire (1755–1919): Handbook]. Stavropol. [in Russian]
- Krichevskij, 2004b – Krichevskij, G.G. (2004). Krichevskij G.G. Magisterskie i doktorskie dissertacii, zashishyonnye na fiziko-matematicheskikh fakultetah universitetov Rossijskoj imperii (1755–1918): Spravochnoe posobie. [Master's and doctoral dissertations defended at the physics and mathematics faculties of the universities of the Russian Empire (1755–1918): Handbook]. Stavropol. [in Russian]
- Krichevskij, 2004c – Krichevskij, G.G. (2004). Magisterskie i doktorskie dissertacii, zashishyonnye na yuridicheskikh fakultetah universitetov Rossijskoj imperii (1755–1918): Spravochnoe posobie [Master's and doctoral dissertations defended at the law faculties of the universities of the Russian Empire (1755–1918): Handbook]. Stavropol. [in Russian]
- Kulakova, 2006 – Kulakova, I.P. (2006). Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli. Moskovskij universitet v istoriko-kulturnoj srede XVIII veka [University space and its inhabitants. Moscow University in the Historical and Cultural Environment of the 18th Century]. Moskva: Novyj hronograf, 336 p. [in Russian]
- Kusber, 2018 – Kusber, Ya. (2018). Vospitanie elit i narodnoe obrazovanie v Rossijskoj imperii XVIII – pervoj poloviny XIX veka. [The upbringing of the elites and public education in the Russian Empire of the 18th – first half of the 19th century]. Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 613 p. [in Russian]
- Magsumov et al., 2018 – Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- Magsumov et al., 2020 – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878-1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- Mamadaliev et al., 2020a – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802-1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- Mamadaliev et al., 2020b – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802-1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- Mamadaliev et al., 2020c – Mamadaliev, A., Karpukhin, D., Svechnikova, N., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- Polozhenie..., 1830 – Polozhenie o proizvodstve v uchyonye stepeni (20 yanvarya 1819 g.). Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Regulation on production in academic degrees (January 20, 1819)]. Sobranie I. T. XXXVI. SPb., 1830. Pp. 37-42. [in Russian]
- Polozhenie..., 1838 – Polozhenie o proizvodstve v uchyonye stepeni (28 aprelya 1837 g.). [Regulation on production in academic degrees (April 28, 1837)]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XII. SPb., 1838. Pp. 285-287. [in Russian]
- Polozhenie..., 1845 – Polozhenie o proizvodstve v uchyonye stepeni (6 aprelya 1844 g.). [Regulation on production in academic degrees (April 6, 1844)]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XIX. SPb., 1845. Pp. 243-247. [in Russian]
- Polozhenie..., 1867 – Polozhenie ob ispytaniyah na zvanie dejstvitelnogo studenta i na uchyonye stepeni (4 yanvarya 1864 g.). [Regulations on tests for the title of a real student and for academic degrees (January 4, 1864)]. *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. 1850-1864. SPb., 1867. T. 3. Stb. Pp. 636-643. [in Russian]
- Rostovcev, 2017 – Rostovcev, E.A. (2017). Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchyonoe soslovie obshestvo i vlast (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). [Metropolitan University of the Russian Empire: a learned estate, society and power (second half of the 19th – early 20th century)]. Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 903 p. [in Russian]
- Rozenberg, 2015 – Rozenberg, G.S. (2015). O kandidatah i doktorah, docentah i professorah. [About candidates and doctors, associate professors and professors]. *Samarskaya Luka: problemy regionalnoj i globalnoj ekologii*. 24(4): 11-24. [in Russian]
- Vishlenkova i dr., 2012 – Vishlenkova, E., Galiullina, R., Ilina, K. (2012). Russkie professora: universitetskaya korporativnost ili professionalnaya solidarnost [Russian professors: university corporatism or professional solidarity]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 656 p. [in Russian]
- Vishlenkova, Saveleva, 2013 – Soslovie russkih professorov. Sozdateli statusov i smyslov. [The estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings]. Pod red. E.A. Vishlenkovej, I.M. Savelevoj. Moskva: Izdatelskij dom VShE, 2013. 386 p. [in Russian]

Yakushev, 2005 – Yakushev, A.N. (2005). Statistika prisuzhdeniya uchyonyh stepeney v Rossijskoj imperii (1794-1918): Spravochnoe posobie. [Statistics on awarding academic degrees in the Russian Empire (1794-1918): A Reference Guide]. Pyatigorsk. [in Russian]

Yakushev, 2006 – Yakushev, A.N. (2006). Prisuzhdenie uchyonyh stepeney v universitetah Rossijskoj imperii (statisticheskij analiz). [Awarding of academic degrees at universities of the Russian Empire (statistical analysis)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 3: 147-150. [in Russian]

Yakushev, 2011 – Yakushev, A.N. (2011). Normativno-pravovoe regulirovanie proizvodstva v uchyonye stepeni v Rossii (1724-1918 gg.). [Legal regulation of production in academic degrees in Russia (1724–1918)]. Diss... d-ra jurid. nauk. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Zhurnal Ministerstva..., 1834–1917 – Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya. 1834–1917. [in Russian]

«Журнал Министерства народного просвещения» как источник по истории высшего образования в Российской империи XIX – начала XX веков: вопрос научной аттестации кадров

Андрей Е. Лебедь ^{a, b, *}, Анатолий В. Гончаренко ^c, Наталья Александровна Шевченко ^{b, d}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Сумской национальный аграрный университет, Украина

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен потенциал «Журнала Министерства народного просвещения» как источника по истории высшего образования в Российской империи XIX – начала XX веков. На основании анализа материалов журнала (объявлений о защите диссертаций) изучены вопросы научной аттестации кадров в российских университетах.

Рассмотрены структура и тематическая направленность журнала. Обозначено, что во многом они были определены личностью редактора и министра народного просвещения, их видением миссии журнала. В этом контексте выявлены траектории эволюции журнала за все время его существования: политематический журнал; научно-педагогический; педагогический; официальный вестник; научный журнал.

В результате проведенного исследования обнаружено незначительное количество информации о защите магистерских и докторских диссертаций – всего 13 записей, и то только о защите магистерских диссертаций в двух российских университетах – Московском и Санкт-Петербургском. Установлено, что объявления о защитах диссертации публиковались не в основной части журнала, а в новостной рубрике, где подавалась информация о целом ряде второстепенных «происшествий».

То, как обстоят дела с освещением на страницах журнала вопросов научной аттестации, делает невозможным объективную ее оценку и выводы о количестве защищенных диссертаций на соискание степени магистра и доктора в университетах Российской империи, руководствуясь исключительно этим источником. Выдвинуто предположение, что более полная информация по этому вопросу может быть обнародована на страницах официальных вестников, ученых записок, известий университетов, других документов Министерства народного просвещения.

В целом отмечается значительный потенциал «Журнала Министерства народного просвещения» как информативного, просветительского и консультативного источника по истории образования в Российской империи.

Ключевые слова: высшее образование, научная аттестация, система образования, научно-педагогические кадры, ученая степень.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2505-2513. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2505
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of Training Professional Personnel for the Mining Industry in Russia in the first half of the 19th century

I.V. Voloshinova ^{a, *}, V.G. Afanas'ev ^a, A.B. Tesla ^a

^aNational Mineral Resources University (Mining University), Saint-Petersburg, Russian Federation

^bPeter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

In this article, the features of training personnel for the mining industry in Russia in the first half of the 19th century are discussed. The ambiguous policy of the government in the development and improvement of mining education was closely related to the situation in the mining industry, in particular with the crisis in ferrous metallurgy in the first two decades of the 19th century, due to a sharp reduction in metal imports, taxes and wars. Feudal Russia lagged behind European countries, where a large machine industry drove the rapid development of metallurgy. The situation was also reflected in the "Mining regulations" introduced in 1806, which became the main regulatory document for the country's mining industry. The special section on education, which required mining chiefs to establish mining schools at factories, changed over the course of three years and schools were abolished. The subsequent increase in metal production, higher prices for products, and the government's patronizing policy led to a shortage of mining personnel. The urgent need for miners required the government to expand opportunities for entering the profession of mining engineers. Not only the Saint Petersburg Mining Institute and corresponding schools and colleges, but also educational institutions that had suitable existing laboratory facilities were involved in the process of training professional mining engineers. These other institutions were the Institute of Technology, the School of Land Surveyors and the Mint of St. Petersburg. Economic and political changes in the country caused the development of mining education to continue for several decades.

Keywords: professional personnel, mining industry, Mint, School of Land Surveyors, Resource Estimation School.

1. Introduction

Despite various crises, throughout the 19th century Russia continued to actively develop its mining industry. It was essential to organize a training system for mining and expand it significantly to facilitate the productive use of the fossil resources of the regions. Studying the processes governing the organization and functioning of mining technical educational institutions in Russia in the 19th century seems to be an urgent issue, since decisions about the training of professional personnel for the mining industry involved not only the establishment of mining schools, but also the repurposing of existing technical educational institutions that had the necessary laboratory facilities. When designing the educational process, the example of Western European mining schools was taken into account and creatively applied.

2. Materials and methods

This article is based on a comprehensive analysis of archival sources containing information on various aspects of the history of the formation of the Russian mining industry in the first half of the 19th century. Archival

* Corresponding author

E-mail addresses: Voloshinova_IV@pers.spmi.ru (I.V. Voloshinova),

Afanashev_V.G.@pers.spmi.ru (V.G. Afanas'ev), antes@list.ru (A.B. Tesla)

documents of the Russian state historical archive in Saint Petersburg (RGIA) Foundation No. 37 "Mining Department" and 44 Fund "Headquarters of the corps of mining engineers" are used as sources. The headquarters established in 1834 on the basis of the Regulations on Corps of Mining Engineers, was, in addition to the management of mining, coinage and salt production, in charge of training and parts of the Mining Department: namely, the Mining Institute, which was organized on the model of private military schools; the Mining Technical School at the St. Petersburg Practical Technological Institute; and the Medal Department at the Mint and Assay School. Data from the aforementioned documents indicate the size and social composition of the student body and provide rich detail on the resolutions published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire that cover issues relating to the training of personnel for the mining industry.

The paper also uses historical and comparative methods to study the process at work in the development of the system for training mining specialists. The dynamics of this process are considered both in direct connection with the historical context in which it took place, and in its qualitative change at various stages of its development. One of the main methodological principles of the study, namely the principle of historicism, necessitated the study of the problems of mining establishments, taking into account the specific historical conditions of that time. In this study, a chronological approach, determined by the multi-aspect nature of the topic, is used.

3. Discussion

Domestic historiography of the history of educational institutions that trained professional personnel for the mining industry began several decades after they came into existence (Herman, 1810; Loransky, 1873). The accumulation of data about these institutions proceeded through the publication of a number of important documents in works on mining and industry, often covering the activities of V.N. Tatishchev (Popov, 1861; Lebedev, 1875; Chupin, 1887 and etc.).

Among the publications of Soviet researchers on the history of primary and secondary education in the Russian Empire, the work of N.V. Nechaev (Nechaev, 1956) in which mining schools are named the first vocational educational institutions is the most significant for our topic. A number of studies on the role of V.N. Tatishchev in the organization of mining schools reflect the government's industrial policy on the regulation of business activities (Budrin, 1948; Pavlenko, 1951; Safronova, 1975; Yukht, 1976). Various aspects of the educational activities of mining schools and specialized schools are reflected in a number of major works (Kozlov, 1955; Penzin, 1983, etc.).

In the 1990s, topics covered in research on the history of education were expanding, with researchers showing particular interest in regional educational institutions (Chernoukhov, 2001; Kallistratova, 1997; Shkerin, 1996, etc.).

Contemporary Russian historiography is also widely represented by works specializing in the history of pedagogy and its problems; specialized education; and the creation of schools, vocational schools and universities. A number of studies are devoted to the role of V.N. Tatishchev and other mining engineers who left an important mark in the history of the country (Safronova, 2004). In the historiography of education, new topics of interest have appeared: for example, the various approaches to the training of engineers; the psychological and legal features of obtaining a profession (Egorova, 2009; Grigoriev, 2011; Vakhnin, 2019; Rudenko, 2019; Sharok, 2018; Pakholkova, 2020); the educational system viewed as a service sector (Vakhnin et al., 2020; Elmurzaev et al., 2020); and various other approaches. All this emphasizes the relevance of studying this topic.

4. Results

Throughout the 18th century, a system of new educational institutions of all levels, focused on the needs of the mining industry, was being formed. The first mining schools were opened in the 1720s in Kungur, Uktus and Yekaterinburg. In 1763, 308 people studied in Yekaterinburg mining school (Pyatnitsky 1948: 26). In Ural and Siberian state-owned factories, a system was created defining four types of school: primary, arithmetic, German and Latin (in Yekaterinburg). For the arithmetic school, V.N. Tatishchev developed the first program in the history of Russia in which professional education was added to general education at school: practical training began, the inclinations and physical capabilities of children were taken into account when choosing crafts, the students were paid for their work and the best students were assigned to vacancies. This practice continued for a short time, until, at the beginning of the 1740s, the transfer of state-owned factories to private hands began. The new owners were not obliged to maintain the schools and their number began to decline. According to Safronova's data, by the mid-1740s only twelve schools remained in the Urals, and by 1750 their number had decreased to seven (Afanasyev, 2012: 52).

The metallurgical industry of the Urals experienced a rapid rise in the second half of the 18th century: up to 80 factories appeared there in 1750–770, and the improvement in quality, primarily of metal, depended on the availability of trained workers (Yurkovsky, 1972: 15). The number of graduates was clearly not enough. However, the officials of the Berg-Collegium preferred to rely not on the training of workers in specialist schools, but rather on-the-job training of younger workers to gain the experience and skills needed to become senior foremen. This situation affected all regions. The educational institutions of the mining industry did not have a uniform training program or a clear system for training specialists – a situation

which was also observed in other countries, for example, in Germany (Mokeyev, 2012). When a specialist mining school was opened in Barnaul in 1779, the number of subjects studied there was greater than in Yekaterinburg. This was due to the fact that the school had to accept, first of all, the children of noblemen and mining officers, who had a more thorough training compared to the bulk of the inhabitants. Initially, 20 people were admitted to the school, but by 1791 the number of students had grown to 90, since it was allowed to admit the most talented students of mining schools (Afanasyev, 2012: 53).

By the 19th century, Russia had mining schools of the lowest order, secondary technical educational institutions and higher education institutions: the first technical university was established in St. Petersburg in 1773. The formation of a system of specialized mining education in the country took decades.

In the 19th century, mining was a key area in the country's economy, and its development was supported by local and central authorities. The pace of its development was driven by the intensification of mining production and the improvement of the use of labor resources (Egorova, 2009: 4).

The reforms introduced by Alexander I in the field of education also affected the training of mining professional personnel: instead of small and main schools, factory schools, mining and district schools were established. A few years later, on July 13, 1806, Alexander I approved the draft of the Mining Regulations, which defined the relationship between the provincial administrations and the mining sector. The rights and obligations of managers of state and private mining plants were established (PSZ-I. Vol. 29. No 22208). Although the draft of the Mining Regulations was supposed to be extended as an experiment to the Ural Mining Plants for a period of only five years, it remained in effect until 1861. Changes and additions were made to it and some articles ceased to be effective, but on the whole it remained much the same and determined state policy with regard to the mining industry. Over time, the impact of the articles of the draft of the Mining Regulations spread to all factories in the mining sector, although the introduction of a unified mining legislation lasted for a rather long period.

The section of the draft of the Mining Regulations "On Mining Schools" provided for the creation of a system of mining education on the basis of continuity: primary schools were to be established at all mining plants. The best graduates were sent to the main mining schools in the factories of the mining district. The worthiest students were then given the opportunity to study at the Mining Cadet Corps in St. Petersburg. At the same time, it was noted that "the mining school in Yekaterinburg is insufficient not only for all factories in the Ural ridge, but for factories that depend on the Yekaterinburg administration alone; moreover, it does not include those subjects that need to be taught" (PSZ-I. Vol. 29. No 22208).

In the main schools, the children of the officials of the mining department were obliged to study in order to have sufficient training to enter the Mining Cadet Corps. Upon completion of their studies, graduates had to stay in St. Petersburg for a year and become acquainted with the work of the Mint, the Foundry Yard (Liteiny Dvor), Sestroretsk Armory and other enterprises of the capital, as well as to learn the techniques of stone processing and the use of mining tools. After that, they were sent for two years to mines and mining factories and as trainees, where they had to "go through the entire service order, starting from the lowest degrees, in order to actually and by their own experience acquire a clear and perfect knowledge of the responsibilities for their future subordinates and the ability to accurately instruct them and correct them" (PSZ-I. Vol. 28. No 21133).

Factory schools were opened in the factories and mines of the Urals. The Vyysk School, founded in 1806 for the children of factory employees, became widely known. The school was known by various names; Chernoukhov lists the following names that appear in sources and literature: "Vyysk Factory School, Nizhny Tagil Factory School, Vyysk School, etc." (Chernoukhov 1998: 338). In addition to general education, the school's curriculum included accounting, metallurgy, mechanics, mining and forestry. Special subjects were taught by the leading specialists of the plant, who were often educated abroad. In the case of the school in Vyysk, Kallistratova notes that it was formed under the charter of 1828 and consisted of three classes. The training lasted six years. The school had three officials and teachers and five supernumerary employees. A preparatory class was established at the school with one teacher. One document described by Kallistratova notes that in the coming year (1840) at the factory school there were 66 students, with an additional 23 in the preparatory class. Of these, three were children of the clergy, one the child of a merchant, and 85 were children of serfs. Kallistratova points out that the "formulary lists of employees at the Nizhniy Tagil factories for 1847" include not only information about the positions held by servants of all ranks and assessments of their abilities, diligence and behavior, but also a column entitled "Where I studied". Particularly common is the entry: "Vyysk School", often supplemented by the label "Abroad", "in Sweden" or "in England" (Kallistratova, 1997: 16).

Later, the section of the regulations "About mining schools" was changed. On October 6, 1809, a decree "On the abolition of the main mining schools belonging to the factories of the Ural ridge" was issued (PSZ-II. Vol. 30. No. 23894), which specified that the students of these schools should instead be trained at the Mining Cadet Corps in St. Petersburg, adding to the previous number of pupils appointed by the staff with another 50 people from the children of officials serving at the plants of the Ural ridge, trained in small schools belonging to those factories. Thus, the children of non-officials could not receive mining education, and this development in the mining education system lasted for many years. In the main schools there was not a single graduation, while at many factories, schools did not even open (Shkerin, 1996: 56-62).

By the early 1820s, it was clear that the mining industry was in a state of crisis, and further steps were taken to create a more effective system of education for mining specialists. In 1825, the Director of the Department of Mining and Salt Affairs, E.V. Karneev, submitted a proposal to transform the system for training mining specialists to the Minister of Finance E.F. Kankrin. The project envisaged the creation of schools with a three-year term of study at all state-owned factories and some salt boards. Students from the nearest private factories could be admitted to these schools for free, but the owner of the factory must undertake to provide them with food, clothing and housing (RGIA. F. 37. Op. 2. D. 24 L. 1-6).

In the first and second grades, these schools would teach reading and writing, arithmetic, etc., and in the third year, Latin was introduced to support admission to higher educational institutions. Priests of parish churches and mining officers serving at the plant were involved in teaching. The schools were intended not only for the children of artisans and factory workers, but also for officials, with the difference that the children of artisans and factory workers could only study the two primary grades, while the children of officials, after completing the full course, were obliged to enter schools of a higher level (RGIA. F. 37. Op. 2. D. 24. L. 11-13).

Such schools, along with mining sixth-form colleges, were to be established in some mining districts. The latter, with a four-year course of study, would be similar to provincial sixth-form colleges, but teaching disciplines relevant to mining. In mining sixth-form colleges, both mining officers and people who did not work in the mining sector, but who had higher education, could teach. It was assumed that only children who successfully passed the exam in factory schools could be admitted to these educational institutions. As for the contingent of students, any children of officials or people of a free state "who showed excellent success in factory schools and [gave] undoubted hope for their further ability to study" could become students at the discretion of the local authorities (RGIA. F. 37. Op. 2. D. 24. ll. 5-15v.). The factory schools were controlled by the directors of the mining sixth-form colleges, and their funding came from the mining directors. The staff of factory schools, mining sixth-form colleges and the Mining Cadet Corps was determined by a special committee. The proposal also included prospective training courses and programs.

This project received the support of the Minister of Finance, and was transferred for implementation to the Committee under the leadership of the man who proposed it: Director of the Department of Mining and Salt Affairs, E.V. Karneev. The organizers decided to start with appointing staff and drawing up curricula for the Mining Cadet Corps, in order to further coordinate its activities with the courses offered in the mining sixth-form colleges and ensure continuity of education. For a number of reasons, the draft of the charter of the Corps was not submitted to the Minister of Finance for consideration until May 1829.

By that time, the new charter governing educational institutions was already in force, and a special mining department was opened at the Technological Institute in St. Petersburg. In the early 1830s, the mining department was reorganized on a new basis and the need for further work from the Committee disappeared. At this point, all of its office work was transferred to the archive.

The practice of training directly in production was preserved. So, according to the regulation of the Committee of Ministers of January 23, 1826, under the Moscow Mining Board, five students of assaying could be retained from among those dismissed from the merchant, bourgeois and other societies. They were each to be provided with an apartment and firewood on the premises of the Mining Board, and assigned an annual salary of 100 rubles until graduation, at which point they could apply for vacancies as assay specialists in the city (PSZ-II. Vol. 1. No. 82). This stipulation tackled the fact that assay tents established in cities for testing and branding gold and silver items often became inactive in the event of death or removal from office of assayers, due to a lack of qualified personnel to replace them.

The government realized there was a need to expand the network of specialist educational institutions, so in 1828 the St. Petersburg Technological Institute was opened, and on March 23, 1832, the rules for admitting boarders and half-boarders were approved (PSZ-II. Vol. 7. No. 5245). These rules allowed the government offices in charge of manufacturing and factories to send their people to the institute as boarders. The institute was allowed to accept up to 16 students from state-owned mining plants, selected from among the most educated children of unter-shichtmasters. Applicants had to be at least 13 years old and were trained at the factory's expense. From each cohort, four students were selected and sent, after graduation, to continue their studies at the School of Navigation in order to acquire skills in steamship control. Graduates of the institute were obliged to serve at state-owned mining plants or on steamers for 12 years, receiving a salary of at least 600 rubles a year. After the expiration of this period of service, and if their record was unblemished, they could be awarded a rank equal to that of non-commissioned officer, and their compulsory service would be extended for another six years. After completing this second term, they could leave the service or remain in the mining department "by voluntary agreement." Those who did not receive a rank after 12 years could leave the service at that point, and both they and their children would receive the rights granted to state students of this educational institution. In this case, if they graduated from an educational institution "with perfect success, with good behavior" and with the rank of "learned masters", they were exempted from recruitment and corporal punishment, unless specified in a court sentence, and did not have to pay poll tax. They were allowed to work without registration in a shop, and were not obliged to enroll in the "trade categories, if they themselves did not start a bargain or factory." Those students who had demonstrated good behavior but were not successfully enough at their studies returned to the communities

from which they came with the rank of master. Children of the foreign Zlatoust gunsmiths could also be enrolled among the institute's boarders. Those who studied at the expense of factories were obliged to spend 12 years working in the mining sector, while the rest enjoyed the rights of state students.

In 1832, the Director of the schools of Perm province, V.I. Antropov, proposed creating an additional mining course at the district school in Yekaterinburg. He presented the Minister of Public Education with a draft of a two-year course which included the study of commercial sciences, accounting, mineralogy and geognosy. In the autumn of 1835, classes began for this additional course (Korotkov, 1913: 70-71).

In July 1832, the School of Land Surveyors was opened within the Forestry Institute. This school also accepted the children of non-shichtmasters of state mining plants, and graduates were obliged to serve under the Ministry of Finance for 12 years, receiving a salary of 300 to 600 rubles per year as well as additional government maintenance (PSZ-II. Vol. 7. No 5486).

On February 7, 1833, the Committee of Ministers issued its highest approval to provisions "On the establishment of a school at the St. Petersburg Mint for preparing children of lower ranks for the technical aspects of this art" (PSZ-II. Vol. 8. No. 5961). The school was opened "only for experience" and for the first time up to 30 children of the lower ranks of the Mint were to be admitted to it. The St. Petersburg Mint was run by mining engineers who held the position of Mintzmeister: one who controls the minting of coins. The Minzmeister was personally responsible for the quality of coins, their weight, and the conformity of the precious metals used (Bazhin et al., 2018: 132).

On January 1, 1834, Emperor Nicholas I approved the "Regulations on the Corps of Mining Engineers", which was established "to manage the administrative and artificial aspects of mining, coinage and salt production" (PSZ-II. Vol. 9. No. 6685). Under the "Regulations on CME", a Mining Technical School was created at the Practical Technological Institute in St. Petersburg. The purpose of this school was to train mechanics "to build all kinds of mining machines." Its students received the same theoretical teaching as the Institute's other students, but with emphasis on the study of mechanics. Practical classes were provided only for those subjects that related to hydraulic devices, metal and wooden machinery. Senior students were taught courses in mining sciences, mining machinery, water devices, mining buildings, smelting and underground industries, as well as short courses in architecture and foreign languages.

Children of non-commissioned staff and foremen of mining plants, as well as children of mining officers who served exclusively in the mining department but were not born into the nobility, were assigned to the Mining Technical School. Students of the Institute who had already studied there at their factory's expense were, from 1832, transferred to the number of the first students. The school would fill further over the next several years.

Although the school was a structural part of the Institute of Technology, it was run under the close supervision of its commanding staff, headed by the captain of mining engineers. The school consisted of four sergeant-majors, or overseers, selected from among retired guards non-commissioned officers, and 60 students, who were divided into 6 departments of 9 people each. Students were maintained on the same grounds as the graduates of the Technological Institute; upon graduation, they could enjoy all the rights of the graduates of the institute, without losing those that they had from birth.

Graduates of the Mining Technical School were graded first or second class. The former could, after serving the legally required number of years of service, rise to the rank of officer and be promoted to the officer class rank, and if they successfully passed a mining sciences exam, they could attain the title of mining engineer. For those graduating with a second-class grade, this path was longer. If their training had been at the expense of a factory or mine, graduates were obliged to return to the organization that funded them, but they were to be used "only in the mining part itself." Before being assigned government posts, they were provided, in addition to an apartment and wood for heating, with a salary: first class graduates received 600 rubles, and those who graduated second class received 400 rubles per year. 38,000 rubles were allocated for the maintenance of the School, which came out of the total budget allocated for the maintenance of all factories. Under the additional statutes approved on March 19, 1837, the number of students was increased by 30 (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1455. L. 3).

In 1839, a medal department was attached to the School. It was transferred from the St. Petersburg Mint, where, in turn, a special status preparatory school was organized which, by 1841, had 40 students (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1189. L. 6). The statutes of the Mining Technical School, approved on April 14, 1842, again increased the number of students in the school, to meet the needs of the St. Petersburg–Moscow railway; another 30 funded places to study mechanics were added by Imperial order (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1451. L. 3).

With the publication of new statutes on the Ural Mining Plants in 1847, the number of mining roles generally decreased, and the output of the school turned out to be greater than the actual need of mines. Therefore, according to the report of the Minister of Finance on July 4, 1847, in 1837 the number of staff at the school was changed and the number of students was reduced to 60 (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1455. L. 3-4).

According to a brief review of the actions of the headquarters from 1834 to 1841, presented by the Chief of Staff of the Mining Engineers Corps, K.V. Chevkin, to the Chief Commander of the Corps, Duke Maximilian of Leuchtenberg and Minister of Finance E.F. Kankrin, 11 mining conductors or mechanics who graduated from

the school after completing a six-year training course in 1841 went to serve at state-owned mining factories, while 78 students remained in the educational institution (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1189. L. 6).

In St. Petersburg, in April 1842, an assay school was opened (PSZ-II. Vol. 17. No. 15519). The school was run by the headquarters of the MEC. The educational institution admitted 15 children of mining officials, factory people and people "from all free states" who were at least 15 years old. In addition to the regular number of funded students, admission by self-funding applicants was also allowed for a tuition fee of 30 rubles per year. Young people who knew Russian, grammar and arithmetic were allowed to study. The full course of study lasted three years and covered the following subjects: the law of God (i.e. religion); practical exercises in office work; and short courses in physics and mineralogy, chemistry and assaying. Mining engineers could also become instructors at the school, receiving an additional salary.

At the end of the training, an exam was held, according to the results of which the full-time pupils were released as first-class or second-class assayers. All state students, upon graduation, were provided with uniforms and were obliged to serve for ten years in the mining sector. Assayers had to serve exclusively in the laboratory or assay department of factories or in assay tents. They enjoyed the same rights as mining foremen and were paid a salary of not less than 130 rubles per year for first-class assayers, and 100 rubles per year for second-class ones. In addition, if the assayer was trusted to attain a regular government position, even before receiving the officer's rank, then he received the salary of that position and enjoyed the advantages of the 14th class (the highest of the 14 government ranks).

In 1865, due to the merger of the Laboratory of the Mining Department and the Assay Tent, the Assay School was abolished (PSZ-II. Vol. 40. No. 42236) and then reopened "on a new basis" (PSZ-II. Vol. 40. No. 42235). In essence, this "new basis" was expressed in the fact that the number of state scholarship holders decreased to 10 people. Individuals of all classes, aged at least 16 years old, could apply to enter the educational institution. The full course of study lasted three years and was divided into two classes. An exam was held every year and a half. It was impossible to remain on the same course for more than 18 months without a valid reason, and at the school in general for more than three years. Those who received at least four points in their final exams (which were of average difficulty); 4 points in each of assaying, chemistry, laboratory science and jurisprudence; and at least three points in other subjects, received the title of Assayer. Assayers went on to work at state institutions and were issued salaries and living expenses by the State Treasury. The school was run by the Mining Department and was closely managed by the manager of the Department's laboratory (PSZ-II. Vol. 40. No. 42236).

Also in the same period, new staff roles were created for state-owned mines. The first to be approved were new posts for the Olonets mines in November 24, 1839: one teacher with a salary of 228 rubles in silver and two assistants from the lower mining ranks with a salary of 84 rubles were designated for the Alexander Cannon Factory. At Konchezersk Factory, allowances were made for a priest who would also be a teacher, with a salary of 150 rubles (PSZ-II. Vol. 14. No. 12920). These new employees for the Olonets mines opened a school where up to 237 children could study (RGIA. F. 44. Op. 2. D. 1189. L. 6).

By the middle of the 19th century, increasing industrial development required the expansion of the network of mining education institutions. It was also necessary to introduce new academic disciplines focused on the needs of industry. The initiator of the reorganization of mining and metallurgical education in the 1840s and 50s was the Chief Executive of the Ural factories, V.A. Glinka. He presented a proposal to the headquarters of the Corps of Mining Engineers. This draft "Charter of educational institutions of the Ural mining plants" proposed the creation of a three-tier system: small mining schools, sixth-form colleges and district (main) mining schools. The Minister of Finance proposed creating a "practical" department for training lower ranks in the technical aspects of mining at the future Yekaterinburg District School (Shkerin, 1996: 184-194).

The State Council, established by Nicholas I on May 11, 1847, set out its vision of mining education. "For the dissemination of useful knowledge among factory workers, especially those related to mining, the following educational institutions are [to be] established: 1) initial factory schools in each factory village; 2) district schools in each factory district; and 3) the Ural Mining School in Yekaterinburg for all Ural Mining Plants" (Voloshinova, 2013: 46).

The new structure of educational institutions was recorded in the states of state-owned factories of the Urals in 1847: six district schools were added to 28 factory schools, in accordance with to the number of state-owned mining districts. (PSZ-II. Vol. 22. No. 21203). Local factory school education took two years. Training in the junior grade was conducted according to the Lancaster (peer-education) system. All teaching aids and textbooks were state-owned. In addition to provisions, pupils were given a salary (Korotkov, 1913: 81-82).

The best graduates went on to the district mining school, which had a four-year program. In addition to general education subjects, students studied drawing, mechanical drawing, geography and practical exercises in writing and bookkeeping. Chernoukhov provides the following enrollment data for district schools: "At the main plant of each of the six state districts, according to the statutes of 1847, a district school was created: three for 60 students (Yekaterinburg, Zlatoust, Goroblagodatskoe) and three for 50 students (Bogoslovskoe, Perm, Votkinsk). The best students were transferred to the Ural Mining School" (Chernoukhov, 1998: 16-17).

German was also taught in the district schools. In the work of a mining engineer, there were (and are) many terms from the German language (Sischuk, 2016: 504). In fact, in March 1816, after Poland joined the Russian Empire, the Mining School in the Polish city of Kielce was headed by Jan (John) Ullmann, a German by birth. In addition, Ullmann worked as an expert at the General Directorate of the Mining Industry in Kielce. The school's budget was rather small, amounting to PLN 28,000. The first professor of the mining school in Kielce was Joseph Tomaszewsky, who also took the position of Deputy Director of the school. It was Tomaszewsky who selected other teachers for the school. Almost all of them were graduates of the Freiberg Mining Academy. By the autumn of 1816, Marcel Krolkewitz and Jan (John) Graff had been given jobs at the new mining school. Friedrich Wilhelm Lempe joined them in 1817, as did Georg Bohumil Push in 1818. As a result, the mining school in Kielce managed to attract real professionals – talented teachers and scientists (Mokeyev, 2015: 984-985). Classes at the mining school were conducted in Polish and German. Moreover, initially all lectures and other events were held exclusively in German, with the exception of classes in mineralogy and geology, which were taught by Professor Joseph Tomaszewsky. Most of the teachers were Germans, and this determined the language used for teaching subjects.

The subjects necessary for working in the mining industry were geology, geodesy, ore research and mine surveying. Graduates worked as draftsmen, caretakers, laboratory assistants and, sometimes, as masters and mine foremen (Kaimakova, 2012: 62).

The Goroblagodatsk district school was opened on May 1, 1848 at the Kushvinsky plant. In the first year, the children of government officers were accepted for training. Officials' children studied at their own expense. Two departments were created in this school. The first provided general preparatory education, but also taught drawing, acquainting students with the basics of drafting from cardboard models and originals. The second department added geometry, mechanical drawing, writing, drawing and Latin to the curriculum. The school year at district schools lasted almost 8 months, and the semesters ended with exams before the holidays. After graduating, former students were assigned to work in mining plants (Bakshaev, 2008: 139-147).

In 1851, at the suggestion of the Chief of Staff of the Corps of Mining Engineers, K.V. Chevkin, construction works on a building for the Ural Mining School commenced (Korotkov, 1913: 84). The manager of the school was a civilian official, M.S. Blinov, who wrote several scientific papers on the history of mining in Russia. The inspector of the school was a candidate of cameral sciences, N.K. Chupin, who stood out both for his knowledge of the natural sciences and his abilities in eight languages. In addition to being an inspector, he was instructed to teach geognosy and the art of mining. Metallurgy was taught by the mining engineer V.A. Grammatchikov, later Chief Head of the Ural factories. The training program included special disciplines such as mining and surveying, mineralogy, geognosy, mechanics and mechanical drawing, among others (Korotkov, 1913: 88-91). Descriptive geometry is the main discipline of engineering education. In the hierarchy of sciences, it is placed somewhere within or alongside the field of mathematics, but it also relates to architecture and mechanics, engineering and engineering graphics. This discipline is very important for future engineers, who need to develop skills in depicting the spatial arrangement geometric objects on the drawing plane (Voronina, Muratbakeev, 2017: 155).

Serious attention was also paid to disciplines such as Russian language and literature. Professor I.S. Rizhsky, who was a teacher at the Mining Cadet Corps of St Petersburg, published the textbook *Experience of Rhetoric* (1796). It considered issues of the normativity of the Russian literary language, logic and stylistics (Shchukina, 2017: 382).

Among mining schools of Russia, the Ural Mining School was distinguished by a high level of theoretical training. Practical training took place in the factories and mining plants, at the Mint and in chemical laboratories. The students were the children of low-income mining officials and artisans. All of them were state employees. Those who wanted to study in excess of the vacant places had to pay for their training. However, places reserved for the children of officials were often free, because such parents often wanted to send their children to study in St. Petersburg.

With the opening of the Ural Mining School, the system of mining and refinery education reached its logical conclusion. V.A. Glinka played a very important role in the formation of this system. As head of the Ural factories, he fought hard for his regional educational policy. To support his efforts, he had authority, perseverance, and the advantages of territorial remoteness from St. Petersburg and the trust of the Emperor (Shkerin, 1996: 56-62). In general, reforms in the field of education formed the basis for the appearance of relatively widely accessible professions that gave people the opportunity to climb the social ladder and obtain a new legal status (Bugueva, 2001).

5. Conclusion

By the middle of the 19th century, factory schools and district schools were established in every factory village and in all factory districts. Utilization of existing technical educational institutions that did not specialize in the mining sector but did have the necessary laboratory facilities helped solve the issue of training sufficient professional personnel for the mining industry. The government accelerated the process of training professionals for the mining industry in the first half of the 19th century and, in general, was able to resolve this issue successfully.

References

- Bazhin i dr., 2018** – Bazhin, V.Yu., Aleksandrova, T.A., Kotova, E.L., Gorlenkov, D.V., Susorov, R.S. (2018). Metallurgi Gornogo universiteta i razvitie monetnogo dela. 245 let istorii [Metallurgists of the Mining University and the development of coinage. 245 years of history]. *Zapiski Gornogo instituta*. T. 230, pp. 131-138. [in Russian]
- Bakshaev, 2008** – Bakshaev, A.A. (2008). Obrazovatel'nye zavedeniya Goroblagodatskogo gornogo okruga [Educational institutions of the Goroblagodatsky mining district]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. tr.* Ekaterinburg. Vyp. 9. [in Russian]
- Bugaeva, 2001** – Bugaeva, S.Ya. (2001). Ustav o sluzhbe: k istorii formirovaniya professii v Rossii [The Charter of the service: the history of the formation of professions in Russia]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. tr.* Gl. red.: A. V. Chernoukhov. Ekaterinburg. [in Russian]
- Budrin, 1923** – Budrin, V.N. (1923). Ekaterinburgskie shkoly za 200 let [Ekaterinburg schools for 200 years]. Ekaterinburg za 200 let. Ekaterinburg. [in Russian]
- German, 1810** – German, I.F. (1810). Istoricheskoe nachertanie gornogo proizvodstva v Rossiiskoi imperii [Historical outline of mining in the Russian Empire]. Ekaterinburg. [in Russian]
- Grigor'ev, 2011** – Grigor'ev, F. (2011). Sistema rossiiskogo proftekhobrazovaniya sozdana 300 let nazad na Urale [Russian vocational training system was created 300 years ago in the Urals]. *Kommersant. Science*. № 4. [in Russian]
- Egorova, 2009** – Egorova, M.V. (2009). Razvitie sistemy srednego obrazovaniya na Urale (1808 – fevral' 1917 g.) [Development of the secondary education system in the Urals (1808 – February 1917)]. avtoref. diss. d.i.n. Moscow. [in Russian]
- Elmurzaev, 2020** – Elmurzaev, M.A., Panchenko, I.A., Novikova, E.S. (2020). Conceptual bases of formation of motivation of subjects to physical culture and recreational activity. *Theory and practice of physical culture*. 4: 56-57. [in Russian]
- Kaimakova, 2012** – Kaimakova, S.V. (2012). Zarozhdenie gornotekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii [The origin of mining education in Russia]. *Istoriya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Etnografiya*. 4. [in Russian]
- Kallistratova, 2001** – Kallistratova, E.A. (2001). Istoriya Vyiskogo zavodskogo uchilishcha v arkhivnykh dokumentakh [History of the Vyyskoye factory school in archival documents]. Tagil'skii kraj v panorame vekov. Materialy kraevedcheskoi konferentsii, posvyashchenoi 160-letiyu Nizhnetagil'skogo Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika gornozavodskogo dela Srednego Urala. Nizhnii Tagil, 24-25 apr. 2001 g. Vyp.2. Nizhnii Tagil. [in Russian]
- Kallistratova, 1997** – Kallistratova, E.A. (1997). Vyiskoe uchilishche i zavodskie sluzhiteli [Vyyskoye school and factory ministers]. *Spletalis' vremena, spletilis' strany*. Sb. st. Ural'skogo genealogicheskogo obshchestva. Vyp. 1. Ekaterinburg. [in Russian]
- Kozlov, 1955** – Kozlov, A.G. (1955). Podlinnye dokumenty ob Ivane Ivanoviche Polzunove [Authentic documents about Ivan Ivanovich Polzunov]. *Trudy instituta estestvoznaniya i tekhniki*. T. 3. [in Russian]
- Korotkov, 1913** – Korotkov, E.N. (1913). Materialy k istorii Ural'skogo gornogo uchilishcha v svyazi s vozniknoveniem gornotekhnicheskogo obrazovaniya na Urale. Po dannym arkhivov Obergampta i Ural'skogo gornogo Pravleniya, literatury i vospominanii raznykh lits [Materials for the history of the Ural Mining School in connection with the formation of mining engineering education in the Urals. According to the archives of Obergampt and the Ural Mining Board, literature and memoirs of various persons]. Ekaterinburg. [in Russian]
- Loranskii, 1873** – Loranskii, A.M. (1873). Istoricheskii ocherk Gornogo instituta [Historical sketch of the Mining Institute]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Mokeev, 2015** – Mokeev, A.B. (2015). Development of the mining education system in the Kingdom of Poland in the XIX century. *Bylye gody*. 38(4): 984-985.
- Nechaev, 1956** – Nechaev, N.V. (1956). Gornozavodskie shkoly Urala (K istorii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii) [Mining schools of the Urals (On the history of vocational and technical education in Russia)]. Moscow. [in Russian]
- PSZ – I** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Izdanie I. Saint Petersburg. *Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii*, 1830.
- PSZ – II** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Izdanie II. Saint Petersburg. *Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii*, 1830.
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Safronova, 1975** – Safronova, A.M. (1975). Instruksiya V.N. Tatishcheva 1721 g. o poryadke shkol'nogo prepodavaniya [V.N. Tatishchev 1721 on the order of school teaching]. *Ural'skii arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 g.* Sverdlovsk. [in Russian]
- Safronova, 2004** – Safronova, A.M. (2004). V.N. Tatishchev i obuchenie detei dukhovenstva v gornozavodskikh shkolakh Urala V 30-e gg. XVIII v. [V.N. Tatishchev and the training of children of the

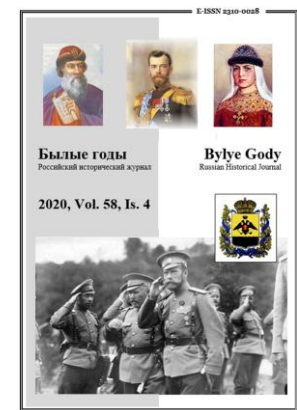
- clergy in the mining schools of the Urals in the 30s of the XVIII century]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Sb. nauch. tr.* Ekaterinburg. Vyp. 4. [in Russian]
- Safronova, 2006** – *Safronova, A.M.* (2006). Proekt V.N. Tatishcheva po otkrytiyu shkol na chastnykh zavodakh Urala i popytka ego pretvoreniya v zhizn' [V.N. Tatishchev on the opening of schools in private factories in the Urals and an attempt to implement it]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Sb. nauch. tr.* Otv. za vyp. L.N. Mazur. Ekaterinburg: *Ural University Press*. Vyp. 6. [in Russian]
- Sishchuk, 2016** – *Sishchuk, Yu.M.* (2016). Zaimstvovaniya iz nemetskogo yazyka v russkoi gorno-geologicheskoi terminologii [Borrowings from German in Russian mining and geological terminology]. *Zapiski Gornogo instituta*, Saint Petersburg. T. 219, p. 504. [in Russian]
- Pavlenko, 1951** – *Pavlenko, N.I.* (1951). «Nakaz shikhtmeisteru» V.N. Tatishcheva ["Order to the Shikhtmeister" V.N. Tatishcheva]. *Istoricheskii arkhiv*. T.6. [in Russian]
- Penzin, 1983** – *Penzin, E.A.* (1983). Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoi treti XVIII v. [Schools at the mining plants of the Urals in the first third of the XVIII century]. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolutsionnogo Urala*. Sverdlovsk. [in Russian]
- Pyatnitskii i dr., 1948** – *Pyatnitskii, A.N. i dr.* (1948). Sto let Gornotekhnicheskoi shkoly na Urale [One Hundred Years of the Mining School in the Urals]. Sverdlovsk, 248 p. [in Russian]
- Rudenko, 2019** – *Rudenko, G.V., Kostromin, O.V., Dorofeev, V.A.* (2019). Fizicheskaya podgotovka studentov polevykh spetsial'nostei [Physical training of students of field specialties]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 3: 15-16. [in Russian]
- Yurkovskii i dr., 1972** – *Yurkovskii, V.V.* (1972). Ural'skaya shkola tekhnikov: Sverdl. ordena Trud. Krasnogo Znameni gorno-metallurg. tekhnikum im. I.I. Polzunova [Ural School of Technicians: Sverdlovsk Order of the Red Banner of Labor Mining and Metallurgical College named after I.I. Polzunov]. Sverdlovsk. [in Russian]
- Chernoukhov, 2001** – *Chernoukhov, E.A.* (2001). Vyiskoe uchilishche v 1806-1828 gg. [Vyyskoye school in 1806-1828]. *Dokument. Istoriya. Arkhiv. Sovremennost'*. Vyp. 1. Ekaterinburg, pp. 338-344. [in Russian]
- Chernoukhov, 1998** – *Chernoukhov, E.A.* (1998). Gornozavodskoe obrazovanie na Urale v XIX veke [Mining education in the Urals in the XIX century]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg. [in Russian]
- Chupin, 1882** – *Chupin, N.K.* (1882). Sbornik statei, kasayushchikhsya Permskoi gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti gubernskikh vedomostei v period 1842–88 gg [Collection of articles related to the Perm province and placed in the unofficial part of the provincial Gazette in the period 1842–88]. Perm. Vyp. 1. [in Russian]
- Sharok, 2018** – *Sharok, V.V.* (2018). Emotsional'no-motivatsionnye faktory udovletvorennosti obucheniem v vuze [Emotional and motivational factors of satisfaction with university studies]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. 69: 34. [in Russian]
- Shkerin, 1996** – *Shkerin, V.A.* (1996). "God and Tsar" of the factory Urals (V.A. Glinka). *Ural*. 5/6: 184-194. [in Russian]
- Shkerin, 2005** – *Shkerin, V.A.* (2005). V.A. Perovskii, V.A. Glinka i razvitie sistemy narodnogo obrazovaniya na Urale [V.A. Perovsky, V.A. Glinka and the development of the public education system in the Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 34(17): 56-62. [in Russian]
- Shchukina, 2017** – *Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A.* (2017). «Opyt ritoriki» I.S. Rizhskogo (1796 g.) v gornom universitete: istoriya i sovremennost' ["The experience of rhetoric" I.S. Rizhskiy (1796) at the Mining University: history and modernity]. *Zapiski Gornogo instituta*. 225: 376-384. DOI: <http://dx.doi.org/10.18454/pmi.2017.3.376> [in Russian]
- Vakhnin, 2020** – *Vakhnin, N.A., Makhovikov, A.B., Sharok, V.V.* (2020). Rating students' satisfaction with academic service quality on the whole and physical education and sport service in particular. *Teoria i Praktika Fiziceskoj Kul'tury*. 3: 43-45.
- Vakhnin, 2019** – *Vakhnin, N.A., Novikova, E.S., Stankevich, G.V.* (2019). Development of Justice and Legal culture of the Russian population: the past and the present. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, April. P. 493.
- Voloshinova, 2013** – *Voloshinova, I.V.* (2013). Features of the folding of the mining education system in the Urals in the first half of the XIX century. *Gramota*. 7-1(33): 45-49.
- Voronina, 2017** – *Voronina, M. V., Muratbakeev, E.Kh.* (2017). History and modern interpretations of descriptive geometry in today's Russian engineering university. *Man in India*. 97(15): 155-170.
- Pakholkova, 2020** – *Pakholkova, N.V., Vakhnina, E.G., Zaitsev, A.V.* (2020). Relevance of students' personality development in modern conditions. *Theory and practice of physical culture*. 4: 40-41. [in Russian]

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2514-2521. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2514
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization

Sergey Rudnik ^{a,*}, Anton Mokeev ^a, Regina-Elizabeth Kudryavtseva ^b

^a Saint Petersburg Mining University, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In the first half of the 19th century, an industrial advance began in the leading countries of Europe, as well as in the Russian Empire. The mining and processing industry, which formed the fuel and energy complex of national economies, developed intensively. New deposits of natural resources were discovered and old ones were actively used. The need for qualified specialists led to much attention being paid to the system of mining education.

The main mining educational institution in Western Europe was the famous Freiberg Academy, which has always been distinguished by a high level of teaching in technical subjects, as well as its excellent material base. Productive cooperation with this mining academy was supported by representatives of the St Petersburg mining institute – the main technical educational institution of the Russian Empire. These relationships laid the foundation for international cooperation on this issue for many years to come.

The European system of mining education in the first half of the 19th century was represented by a large number of national mining schools, but these educational institutions worked most seriously and productively in Germany and France. Ural academies are a good example of Russian regional mining schools of this period.

This article is devoted to the history of the creation and functioning of Russian and Western European mining schools in the first half of the 19th century. The features of the administrative structures of these educational institutions, such as their admission requirements, how their courses were structured, and what the graduation requirements were considered. A comparative analysis is offered of the organization of the educational process in German and French mining schools, as well as in domestic mining engineering schools. The main historical sources for this article are materials from the Russian State Historical Archive (RGIA).

Keywords: Russian Empire, Germany, France, schools of mining, mining engineering education, training of specialists.

1. Introduction

The beginning of the 19th century in Europe was characterized by intensive development of science and technology. The industrial revolution in the leading countries led to improvements in the education system. Particular attention was paid to training engineers. There were many technical schools founded at that time, included those that trained professionals for specific fields, including the mining industry. Natural resources began to play an important part in the national economy of various countries, so the correct planning of education systems was crucial for the development and use of those resources. The study of how Russian and foreign mining schools of mining emerged and developed remains an important issue of historical science. This, on one side, gives

* Corresponding author

E-mail addresses: rudnik7@yandex.ru (S. Rudnik)

an overview of how mining engineering education developed abroad. On another side, it provides excellent documentation to compare the way mining industry professionals are trained in Russia and abroad.

2. Materials and methods

The research is based on materials from the Russian State Historical Archive (RGIA). Documents from fund №37 (“Mining Department”) and fund №44 (“Headquarters of Mining Engineers Corps”) were analyzed. These archival funds contain materials related to the history of the mining educational institutions of the Russian Empire in the 19th century, as well as analytical reviews of domestic mining specialists who visited foreign mining schools. The memoirs of famous Russian mining engineers such as D.M. Brillkin (Brilkin, 1892: 118-130; Brillkin, 1893: 130-138) and K.L. Latyshev (Latyshev, 1863: 32-38) were published in the Mining Journal. This historical source was also used. The authors applied the comparative historical method. The documents of the archival funds related to the process of organizing mining education in the Russian Empire and abroad were compared. As a result, it was possible to reliably establish general facts and particular details of the work of mining schools, as well as trace the development of this issue and the attitude of the state authorities towards it.

3. Discussion

The source documents, written before 1917, laid the foundation for studying the history of education of mining professionals. There were mainly analytical reviews by mining engineers who had gone to Europe for work. It was during those trips when the foreign approach to mining education was, for the first time, taken into consideration. D.M. Brillkin, a graduate from Saint-Petersburg Mining Institute, contributed a great deal in terms of collecting and analyzing that information. Brillkin is the author of several surveys about schools of mining in France and Germany in the 19th century (Brilkin, 1892: 118-130; Brillkin, 1893: 130-138). It is important to note that the experience he gained abroad was used to contribute to the education program in the Dombrowsky School of Mining in the Polish Kingdom (Brilkin became head of that school in 1889). Mining engineer K.L. Latyshev should also be mentioned here. Latyshev prepared a detailed study on foreign schools of mining in the 19th century (Latyshev, 1863: 32-38).

During the Soviet era, the history of foreign schools of mining in the 19th century was not studied at all, due to Cold War ideology. For this reason, there is no research comparing Russian and foreign mining education. There are, however, several important surveys on Russian engineering schools which should be mentioned. Those works give an overview of the education of professionals in the mining industry in the 19th century. In 1926, an anniversary issue called “Leningrad Mining Institute in 1773–1923” was published. A whole chapter of the issue was dedicated to the education of mining engineers in the Russian Empire in the 19th century (Leningrad Mining Institute, 1926). Another issue, which came out in 1973, also describes pre-revolutionary times (Leningrad Mining Institute. 1773–1973, 1973). The role of Saint-Petersburg Mining Institute in training professionals for the factories in the Ural area and Siberia in the 19th century is shown in the surveys by T.A. Boyarkina (Boyarkina, 1981: 145-156) and P.P. Kostenkov (Kostenkov, Shestakov, 1987: 92-97), while schools of mining in the Ural area are described in the research by N.V. Nechaev (Nechaev, 1956).

The history of the education of mining factory workers in the Altai region in the 19th century is described in the studies by A.V. Smolin (Smolin, 1959: 125-157). His PhD thesis in pedagogy, defended in 1956, is still a relevant work on the history of education of mining factory workers in Western Siberia (Smolin, 1956).

It is noteworthy that there were a lot of fundamental works on the history of pedagogy and professional education in Russia written during the Soviet era. Those surveys contain interesting facts on the history of schools of mining in Russia in the first half of the 19th century. They include works by N.N. Kuzmin (Kuzmin, 1971: 41-53) and A.D. Chirkov and Z.S. Aladisheva (Chirkov, Aladisheva, 1970).

The recent period of studying the history of education of mining industry workers is characterized by numerous articles which give an overview and summarize the facts collected both in Soviet and recent times. This variety of topics and cross-disciplinary research has become the new trend. After the Cold War there was a renewed focus on the education of mining engineers.

There are two fundamental multiauthor historical works, edited by V.G. Afanas'ev, to be noted. Based on archival materials, these surveys reveal important aspects of the education of mining industry workers in Russia, based on the example of the Mining University (Afanas'ev et al., 2010; Afanas'ev et al., 2019), which is also the topic of several of Afanas'ev's other studies (Afanas'ev, 2016: 36-42; Afanas'ev, Voloshinova, 2017: 140-166).

The Russian program of education for mining engineers in the 19th and 20th centuries, along with that adopted abroad, is revealed in studies by I.V. Voloshinova and A.B. Mokeev (Voloshinova, Mokeev, 2016: 5177-5181).

The social and cultural aspects of education in technical schools in Russia and Europe are revealed by D.A. Schukina (Schukina, Egorenkova, 2017: 198-206), S.A. Rassadina (Rassadina, 2016: 498-503), V.V. Sharok (Sharok, 2016: 604-607; Sharok, 2018: 281-296) and Y.M. Sishchuk (Sishchuk et al., 2018: 631-637). Questions relating to the physical and ethical education of students of technical schools are explored in the

works by E.A. Izotov ([Izotov et al., 2018a: 43-45](#); [Izotov et al., 2018b: 14-16](#)) and I.A. Kuvanov ([Kuvanov et al., 2019: 12-14](#)).

Regional schools of mining are described by L.N. Mukaeva ([Mukaeva, 2008](#)) and E.A. Chernoukhov ([Chernoukhov, 1998](#)).

4. Results

Germany. In the 19th century, the German economy made considerable progress, especially in the fast-growing mining industry. The exploitation of iron, copper and silver ore was of high importance. The extraction of coal increased several times. Significant growth of the mining industry started in 1835 and was to last until the revolution of 1848–49. This was the time when the Ruhr coal basin was actively developed and coal coking was introduced. The share of population employed in the mining industry tripled in the first fifty years of the 19th century ([Mining Encyclopedia, 1985: 273](#)).

In the first half of the 19th century, a great number of permanent schools of mining were founded. Those schools had their own educational program and statutes. Almost all trained mine workers. Graduates from Eisleben and Clausthal Mining Schools could be employed as both mining and factory workers, while those from the Rhine-Westphalian Mining School were trained only to work in factories.

Freiberg Mining Academy, founded in 1765, is also worth mentioning. The school is notable for its rich history, as well as its brilliant lecturing staff of world-renowned professors. It is nowadays considered the oldest mining engineering institution. The academy's forerunners were the so-called scholarship fund established in 1702 to train mining professionals, as well as I.F. Genkel's chemical laboratory, founded in 1733 for students and researchers. This laboratory was a training ground for many foreign students, including Mikhail V. Lomonosov, who studied there in 1739–1740. The academy was founded thanks to the activities of three German scholars: H.E. Hellert, head of the scholarship fund from 1753; I.G. Kern, author of the first textbook for students (1740); and K.F. Zimmermann, who developed the structure of the future educational institution. Until 1871, when Dresden Technical University was founded, Freiberg Academy remained the highest-ranked educational institution in Saxony. It was only in 1899 that the academy was declared a higher education institution ([Mining Encyclopedia, 1985: 280-282](#)).

The town of Freiberg is located in the center of Saxony, between Dresden and Hemnitz, at the foot of ore-bearing mountains. Back in 1168, silver ore was discovered there. Its mines remained a source of wealth for the monarchs of Saxony for many generations. Even today, Freiberg has retained its role as a strategically important place for Germany. Until 1969, it was the leading town for the mining industry, though in recent decades it has been turned into a center of high-tech manufacturing (semiconductors and solar panels), becoming part of the so-called Silicon Saxony region.

Freiberg Mining Academy was founded by Prince Franz of Saxony, following the plan of Friedrich Wilhelm von Opper. It was conceived of as a professional school for miners, originally called the Kurfürst Saxon Academy of Freiberg but renamed as the Royal Saxon Mining Academy in 1806. The academy statute was approved in 1766, after which classes began. It was noteworthy for its high-quality teaching from the very first days of its foundation. This not only distinguished the Academy among the other mining schools in Germany, but also made it a model for other countries in terms of how to set up the educational systems for their own school of mining. Even today, the Freiberg Academy has retained its excellent reputation and remains attractive to trainee professionals from all over the world ([Eberhard Wächtler, Friedrich Radzei, 1965: 55](#)).

Let us look through the main features of study at the Freiberg Mining Academy in the first half of the 19th century. First, there were certain admission requirements. Applicants had to be older than 16 and younger than 23 years old and healthy, as confirmed by a medical certificate. In addition, applicants had to provide a baptismal certificate and references from their previous school. Basic knowledge and skills were also required, including legible handwriting, a good command of German and Latin (applicants had to translate "Caesar's Commentaries"), geography, arithmetic and geometry, drawing and general history (due to the grammar school program). Fluency in French and English was considered an advantage. Applicants were examined on these subjects and those who showed knowledge in all subjects were admitted; those who failed could try again next year. No matter how well-prepared the applicants were, they all started education from the first (lowest) step. The King of Saxony was advised of the list of applicants to be admitted and approved it in person.

Students were divided into several categories. The first group attended academic courses without paying any fees and received grants from the state. They were trained for the Saxon Mining Service and were called "royal interns". These students could not quit the school or, subsequently, the royal service without special permission from the authorities, unless they refunded the entire sum invested in their education. There was also a group of students who attended only some of the courses, in order to gain some sort of professional training. The third group consisted of foreign students, who were granted special conditions and studied to improve their knowledge for the service of their homeland. There was no campus, only rooms for lectures and practicing ([Mining Journal, 1834: 120-121](#)).

Freiberg Academy was governed by a curator (director). Students were taught by leading professionals in geology, mining and metallurgy such as A.G. Werrner, F.A. Greithaupt, J.L. Weisbach and F. Reich. There

were three departments: mining, factory and land surveying. The course initially lasted three years, but in 1829 it was extended to four years. The academic year lasted nine-and-a-half months. Practice and annual exams were mandatory. The number of students grew consistently, from 50 students at the beginning of the 19th century to 150 in by mid-century.

The courses in Freiberg Mining Academy were divided into general and specialist ones. The general courses were mathematics (algebra, geometry, arithmetic, trigonometry); higher mathematics; applied mathematics; general chemistry; analytical chemistry; metallurgical chemistry; physics; drawing; civil architecture; mining mechanics; mining law; mining language; mining (which included the study of mining mechanisms, exploration and mineral processing); creating devices, models etc.; mineralogy; geognosy; crystallography; general metallurgy; and French. Special courses included land surveying techniques; mining accounting; petromatognosy (the study of fossils, also known as paleontology); laboratory practice and metallurgy.

From 1829, the general course became mandatory for all students. The first year was designed as a preparatory course for more complicated subjects. During their first year, students were taught the basics of mathematics, mineralogy, geognosy, physics and drawing. In their drawing classes students learned to create plans. The second year included subjects such as higher mathematics, general chemistry, crystallography, practical mineralogy, mining, drawing, civil architecture and physics. Subjects from the first year required 20 hours' study a week; second-year courses, 21 hours; third year courses, 19 hours; and fourth-year courses, seven hours a week. Students remained in the academy from 7 a.m. until noon, then from 2 p.m. to 6 p.m.

The following subjects were tested in mandatory exams: higher mathematics, theoretical mechanics, physics, mineralogy, geognosy, mining, ore enrichment, development of mineral deposits, land surveying techniques, applied mining mechanics and mining law (Eberhard Wächtler, Friedrich Radzei, 1965: 75).

There was strong cooperation between Freiberg Mining Academy and Russian scientists. In 1773, due to a law passed by Empress Catherine II, a professional school of mining was established in Saint-Petersburg. It was the first higher technical institution in Russia. Its foundation and development were supposedly influenced by I.M. Renovatz, one of its first lecturers. From 1768 to 1771, Renovatz attended various courses on factory mining at the Mining Academy in Germany. He then contributed to the development of the educational program for the Saint-Petersburg Professional School of Mining. He designed various mechanisms and devices applied in mining, and was also the author of practical manuals. He also created a so-called "training mine", which was considered one of the city's attractions.

It was clear to the founders of the school that it was impossible to become a professional without knowledge of foreign science and technology, so they sent their best graduates to the Academy in Germany for professional training. Thus in 1793, P.P. Meder and A.F. Deriabin went to Freiberg. These scholars then played an important part in developing mining in Russia. Deriabin had a rich collection of minerals collected abroad which, in 1801, he donated to the School. He is also known for having developed the basis for Russian mining law (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 120. L. 15).

The intensive development of mining and industry in Russia in the first half of the 19th century required significant changes in the educational program at the School of Mining. The statute was substituted by a new one. Thus, the School was transformed into the Mining Cadet Corps.

The students of the Corps were mostly of noble origin. However, the children of chief officers and rich merchants could also be admitted. The age of admittance was between 14 and 23 years old. The entrance exams tested applicants on their prior school education. References played an important part as well. No practical mining experience was required.

The students were divided into cadets, state-financed interns, self-financed interns and half-time interns. Cadets' education was paid for by the State. Cadets were appointed by order of the Emperor, Minister of Finance or the director of the Corps. State-financed interns received funds from the State Treasury, various mining departments or factories. The others were financed by private benefactors.

Students were divided into three grades: lower, middle and two upper grades. They studied arithmetic, algebra, geometry, land surveying, hydraulics, physics, chemistry, mineralogy, metallurgy, drafting and drawing. In the lower grades they were taught general subjects, while in the upper grades they attended special courses such as civil and mining architecture, mining mechanics and mining administration. Courses were held from 8 a.m. till noon and then from 2 p.m. till 6 p.m. The remaining time students spent marching, cleaning and doing home tasks. Students thus gained a valid general boarding school education. The Corps provided lectures on civil and criminal law, political economy, general and Russian history, geography, biology, botany, logic, dancing, fencing, music, singing and acting. There were also special tutors who taught fluency in foreign languages. The Corps was famous as an educational institution and provided a level of training equivalent to university (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 120. L.37).

The popularity of the Mining Corps grew continuously, with the number of students increasing every year. In 1924 the number of students reached 500. Nevertheless, Russian professionals continued to be aware of foreign educational programs and scholars from the Mining Institute were still sent for training to Western Europe. They mainly focused on mining engineering institutions in Germany and France.

Apart from Freiberg, there were other early 19th-century German mining schools which are worth mentioning. Those schools provide a good illustrate of the level of basic and advanced technical education in mining.

Let us consider the example of the School of Mining in Claustahl, founded in 1811. Before attending, students enrolled in preparatory schools, whose number varied depending on demand. Students had to be older than 18 and have two years of mining work experience. They also had to be able to read and write correctly and know the four arithmetic rules. There was just one grade and the course lasted one year. Students attended classes three times a week; the rest of the time they gained practical experience in mines or factories.

After completing preparatory school, students could enroll in the main School of Mining in Claustahl. On request, one additional grade on land surveying could be added. For admission to the main school, students had to be older than 18, have at least six months' experience working in mining and have completed a one-year course at the preparatory school. There was just one grade, the course lasted two years. Students attended the course three times a week, and spent the rest of the time gaining practical experience in the mines. On average, there were 26 students in any year in the main school.

The School of Mining received half its funding from the city of Claustahl (Mining Treasury), and the other half from the state and private factories. Students were taught free of charge. However, the students could be asked by the school council to pay a 3 taler fee for preparatory school and a 6 taler fee for the main school. Students from other districts could also study in the Claustahl School of Mining, but they had to pay more: 6 talers for preparatory school and 12 talers for the main school. The graduates could be hired as employees in mines, factories or salt-works (Brilkin, 1892: 1118-120).

In 1839, Tarnowitz School of Mining was founded in the Upper Silesia. It was the only school in Prussia where mining practice was not mandatory. The lack of practice gave students a chance to dedicate all their time to studies. For this reason, Tarnowitz graduates displayed much better knowledge of theory than those from other schools.

Tarnowitz School of Mining consisted of two basic grades, each one lasting a year. The first grade was the preparatory course for the second grade, giving a complete education. The graduates who studied that far had enough training to cover lower-level mining posts. Besides the two basic grades, there was also a third level, which also lasted for a year. This was a specialized course, divided into two sections, aimed at training land surveyors and mine managers respectively. This course did not have much practical use, therefore, it was not so popular. In fact, it barely even existed; however, it could be launched on request due to the school's statute.

To enter Tarnowitz School of Mining, students had to be older than 17 (no upper age limit), have two years' mining experience (confirmed by the mine's manager), be able to read, write, and apply the four rules of arithmetic for integers and fractions and to solve trigonometric tasks.

At the beginning of every year, the director of Tarnowitz School of Mining asked the mine managers in the Upper Silesia to send him a list of workers worth admitting to the school. 1 March was the application deadline, and applicants had to send their autobiography (compiled and written by the applicant) together with their educational certificate. Those admitted to the entrance exams were chosen according to their results, depending on the number of vacant places.

Tarnowitz School of Mining was funded by the Upper Silesia Mining Fund, which also provided scholarships for the best students. Applications for scholarships had to be sent no earlier than three months before admission. School education was free of charge.

At the end of every school year there were final written and oral examinations. Based on their results, students were either admitted to the next grade or just given a certificate for having completed one or both grades. In order to pass to the next grade, the student had to obtain "good" or "good enough" results. A student with a "satisfactory" result would rarely be admitted to the next grade. Besides the exam score, the School also considered students' general abilities, behavior and references from their teachers. Thus, only the best students were admitted to the upper grade, the others received the certificate of the grade they had finished.

It is important to note that final and annual exams were in fact just a formality. The students were carefully supervised during the whole school year and scored for their activities in class, thus the end-of-year score was simply the sum of those intermediate results. The exams lasted from eight to ten days. Written exams were held on all subjects, while oral exams were only given on the subjects selected by the examination board, which was composed of teachers and a member of the Upper Silesia Mining Fund. The latter was also the head of the examination board (Brilkin, 1892: 126-128).

The training lasted 36 hours per week. The school year started immediately after Easter. There was also a four-week holiday from mid-July to mid-August.

The educational program in Tarnowitz School of Mining was designed primarily to meet the needs of the district. Upper Silesia district stood out mostly for its coal industry, so the training in coal mining was extremely detailed. The topic of developing metallurgical mines was dealt with superficially, while the development of salt and gold mines was not considered at all.

The graduates from Tarnowitz School of Mining could be employed in entry level mining jobs, as mine managers or foremen, as land surveyors or as supervisors (Brilkin, 1892: 128-130).

D.M. Brilkin, the head of Dombrovsky School of Mining, visited the Tarnowitz school in the 1890s. Among the advantages of the school program, he noted that the students were taught not only general facts, such as methods for developing deposits, but also received practical knowledge. For example, students were trained in which method to apply, how to lay cord, how to install door frames, and how to lay new rails in the

mine and fix old ones. In other words, students were instructed in all the important details often missed in other institutions. D.M. Brilkin noted: “that preliminary practice is useful as it gave students clear ideas and helped their understanding of the subject. Thus, the applicants already had a first view of the profession they were being taught for” (RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 171).

Among the weak points Brilkin mentioned were that the mechanics course objective was only to use machinery, not to create it. In Tarnowitz School of Mining, they taught, for example, how to calculate the power of a machine and how to run it, without mentioning how to draft its detailed plans or implement them. Furthermore, when teaching construction as subject, it was presumed that future managers should have practical skills, so they were taught in detail how to make a brick, how to make a wall or an arch, how to make calcimine or put together wooden parts of a building, but all without teaching drafting at all (RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 170).

In the first half of the 19th century, the situation in France was quite unstable, which influenced both industry and the development of the economy in general. However, the mining industry in France was growing rapidly and mining schools provided professionals with the required training.

From this period in France, there was one particular school of mining that must be mentioned. It was founded in 1848 and was located in the south of the country, in the town of Alais. The school trained future mine managers and land surveyors.

The course lasted two years, with half of the time spent in the classroom and the other half working in the mines. In order to be admitted, students had to be older than 18 and have a year-and-a-half experience as miner or land surveyor’s assistant. Applicants sent a request to the prefecture in which the school was located, no later than 1 August, attaching a metric certificate, a certificate of good conduct, a smallpox vaccination certificate and a document proving they had practical work experience in a mine. The student (or his parent or tutor if he was not yet of legal age) had to sign an obligation that, if admitted, his tuition fee would be paid regularly.

After the documents were collected and sent to the prefectural office, an examiner was appointed, usually from among the teachers of the local schools. To pass the exam, the applicant had to be able to read both typed and handwritten text, solve basic arithmetic tasks and answer some easy questions about volume, weight and length. If the applicant showed more knowledge than required on arithmetic, geometry and so on, he could insist that the information was registered on his exam answer sheet. After having checked the applicants’ knowledge of these subjects, the examiner compiled the exam sheet with the completed exam papers attached. The answer sheet was sent, together with the exam papers, to the prefect who, in turn, forwarded them to the director of the school before the end of August. After that, the school examination board checked the documents and selected the applicants who would be admitted to the final exam. The final exam and the preliminary one covered the same subjects, but the latter was harder to pass. It was the last exam used to select the future students of the school of mining. The final exam took place in October; the academic year started the following month (Brilkin, 1893: 130-135).

The school in Alais was a boarding school, which students left only for holidays. Every school year was divided in four terms. The winter term lasted from November to February and students spent their time in the classroom. The spring term ran from March to May, and students spent this time in practical learning in the mines. Students spent the summer term, through June and July, revising the school’s program, land surveying and drafting. This was also the term when the annual or final exams took place. In the autumn, from August to October, students spent another term doing practical work in the mines.

During the school terms students lived on campus. While students were paid for their practical work in the mines, they had to pay their local expenses and accommodation on their own.

Students had to do all the household work at school, apart from cooking. They were in charge of, for example, cleaning the rooms, filling and fixing the lamps, and taking care of the heating. For this reason, the only non-teaching staff were a cook and a guard.

There was only one 90-minute lecture per day. Later, the same lecturer, from 4 to 5.30 p.m., checked the material learned and answered students’ questions. Thus, there were just three hours of classroom time a day. There were special rooms for preparing homework.

The time spent in the mines was for applying classroom knowledge. During their practical sessions, students were basically ordinary workers, supervised by their teachers, in order to make the practice more useful.

Students were employed for the work which best served the subject they were learning. And what they learned in one practical field was transferred to another. At the end of these practical placements, students had to show the school a certificate from the manager of the mine, consisting of a detailed report about what they had seen and learned. The certificate had to also show the time worked, the work section and the results obtained.

Besides that, students also had to report on their placement, including what they found useful. Students’ reports were preliminarily discussed in class and revised by their professors. As students were sent to different mines, they had a chance to share their experiences. This kind of exchange of experience was of a great use for students in French mining schools, as an addition to their theoretical experience in the classroom.

The classroom hours in Alais School of Mining were arranged as follows:

I grade: arithmetic (16 hours), geometry (20 hours), physics (14 hours), chemistry (13 hours), mineralogy (9 hours), geology (9 hours), land surveying (18 hours). II grade: arithmetic (8 hours), geometry (8 hours), geology (6 hours), land surveying (18 hours), mining (34 hours), mechanics (20 hours).

It is important to note that education in French schools of mining was primarily intended to develop practical knowledge. The French believed that comprehensive development is the goal of general schools, while the purpose of mining school was to prepare professionals for the specific industry. For this reason, there were next to no courses on general subjects (Brilkin, 1893: 135-138).

Let us turn to the Ural region mining engineering schools in the first half of the 19th century, to compare them with those from abroad. The specific types of schools for that region were as follows: primary schools were associated with all factories; there were regional schools for every factory-centered region; and the Ural Mining School covered all the Ural districts.

Preparatory schools were for the children of all mine workers, and there were two grades. In the lower grade, pupils were taught reading, writing and basic arithmetic, while in the upper grade, they learned subjects such as religion, reading, arithmetic and mining (e.g. learning to distinguish ore and rocks).

Regional schools admitted children with primary-school knowledge. Pupils were taught religion, arithmetic, algebra, geometry, history, Russian, drafting, drawing and German. Besides that, students were trained to work in the mining industry: they received a basic education in geology, geodesy, ore development and land surveying. Graduates worked as draftsmen, supervisors, laboratory workers, or sometimes mine specialists and managers. As the Ural school did not have its own practical training ground, one weak point was the lack of practice for students. There was also a shortage of qualified teachers and shortage of specific textbooks and manuals. Due to lack of funds, there was not enough summer practice for students. It was only in the second half of the 19th century that the situation improved. This was because with the growth of capitalism and the rise of industry, demand for mine workers increased drastically, and it was the Ural School of Mining where such professionals were trained (Voloshinova, 2012: 36).

4. Conclusion

Comparing the principles of education in the schools of mining in Germany and France to those in Russia in the first half of the 19th century, we can see the following differences. The admission age for European schools of mining was not less than 17-18 years old, with no upper limit. Schools of mining in Russia always had an age limit, such as from 14 years old or until 20. The upper age limit in Russian schools of mining was particularly unfair, as it excluded large numbers of workers who were willing to seek greater theoretical knowledge.

Practical experience in a mine or factory was among the essential requirements for applicants to the German or French schools. The duration of work experience required might vary from six months to four years. However, for Russian school entrants, practical experience was not mandatory.

French schools of mining modeled better ways to organize practice, while in Germany students had to combine classroom hours and practice in a single day in a way that was quite complicated. It would have been more comfortable for students if the practical and theoretical sections of their course ran in different months, as in France. Russian schools focused mostly on classroom studies, with little time for practice.

While the German schools of mining were open to everyone, in France there were limits on admissions. The training in foreign schools lasted two or three years, while in Russia it mostly took four years. In Russia students had to pay for their education, while in most of the foreign schools, training was free of charge. One separate course abroad could already provide complete training, while in Russia the education was considered finished only after all the courses had been completed.

References

- Afanas'ev et al., 2017 – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V., Druzin, M.V. (2017). Vo glave Gornogo instituta. Direktora uchebnogo zavedeniya (1773-1918) [At the head of The Mining Institute. Managers of the educational institution (1773-1918)]. St. Petersburg. 238 p. [in Russian]
- Afanas'ev et al., 1998 – Afanas'ev, V.G., Posina, L.T., Voloshinova, I.V. (1998). Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo gornogo instituta (1773-1998) [History of creation and development of the Saint Petersburg state Mining Institute (1773-1998)]. St. Petersburg. 191 p. [in Russian]
- Afanas'ev et al., 2010 – Afanas'ev, V.G., Posina, L.T., Sevastianov, P.L., Voloshinova, I.V., Pliukhina, T.V. (2010). Ocherki istorii Gornogo instituta (1773-1917) [Essays on the History of Mining Institute (1773-1917)]. St. Petersburg. 185 p. [in Russian]
- Afanas'ev, 2016 – Afanas'ev, V.G. (2016). From the history of mining in Russia: K. Bogdanovich and G. Romanovsky – Founders of petroleum geology. *Social Sciences*. 11(1): 36-42.
- Afanas'ev, Voloshinova, 2017 – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V. (2017). The Mining Institute and its student Peter Wrangel. *Novyj istoriceskij vestnik*. 2(52): 140-166.
- Boyarkina, 1981 – Boyarkina, T.A. (1981). Rol' Peterburgskogo Gornogo instituta v podgotovke kadrov dlya sibirskikh kabinetnikh predpriyatii [The role of the Petersburg Mining Institute in training personnel for Siberian cabinet enterprises]. Cultural life of Siberia in the 17th–19th centuries. Bakhrushin readings 1981: collection of scientific papers. Novosibirsk. Pp. 145-156. [in Russian]

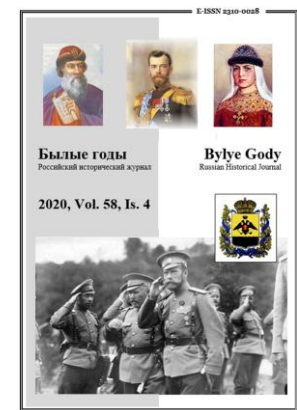
- Brilkin, 1893** – *Brilkin, D.M.* (1893). Gornoe obrazovanie vo Frantsii [Mining education in France]. *Mining journal*. 4(2): 130-138. [in Russian]
- Brilkin, 1892** – *Brilkin, D.M.* (1892). Gornye shkoly Frantsii i Germanii Gornoe obrazovanie vo Frantsii [Mining schools of France and Germany]. *Mining journal*. 10(4): 118-130. [in Russian]
- Chernoukhov, 1998** – *Chernoukhov, E.A.* (1998). Gornozavodskoe obrazovanie na Urale v XIX v. [Mining education in the Urals in the 19th century]. Dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences. Yekaterinburg. 21 p. [in Russian]
- Chirkov, Aladysheva, 1970** – *Chirkov, A.D., Aladysheva, Z.S.* (1970). Razvitie professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya na Altai [Development of vocational education in Altai]. Barnaul. 187 p. [in Russian]
- Izotov i dr., 2018** – *Izotov, E. A., Kuvanov, V.A., Korostelev, E.N.* (2018). Relationship between teachers' professional motivation and students' motivation for physical training. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 12: 43-45.
- Izotov i dr., 2018** – *Izotov, E.A., Soldatova, G.V., Filatov, A.O.* (2018). Attitudes to physical education at technical university. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 4: 14-16.
- Kostenkov, Shestakov, 1987** – *Kostenkov, P.P., Shestakov, A.V.* (1987). Kul'tura Altaya v XVIII – pervoi poloviny XIX vv. [Altai culture in the 18th – first half of the 19th centuries]. Essays on the history of the Altai Territory. Barnaul. Pp. 92-97. [in Russian]
- Kuzmin, 1971** – *Kuzmin, N.N.* (1971). Nizshee i srednee spetsial'noe obrazovanie v dorevolutsionnoi Rossii [Lower and secondary specialized education in pre-revolutionary Russia]. Chelyabinsk. Pp. 41-53. [in Russian]
- Kuvanov i dr., 2019** – *Kuvanov, Y.A., Ponomarev, G.N., Selyukin, D.B.* (2019). Role of academic physical education in higher education system. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 3: 12-14.
- Latyshev, 1863** – *Latyshev, K.L.* (1863). Zarubezhnye gornye shkoly [Foreign mining schools]. *Mining Journal*. Vol. 2. Pp. 32-38. [in Russian]
- Leningrad Mining Institute, 1926** – Leningrad Mining Institute (1926). Leningradskii gornyi institut. Yubileinyi sbornik, 1773–1923 [Leningrad Mining Institute. Jubilee collection. 1773-1923]. Leningrad. 139 p. [in Russian]
- Leningrad Mining Institute. 1773-1973, 1973** – Leningrad Mining Institute. 1773–1973. (1973). Leningradskii gornyi institut. 1773-1973 [Leningrad Mining Institute. 1773-1973]. Moscow. 157 p. [in Russian]
- Mukaeva, 2008** – *Mukaeva, L.N.* (2008). Gorno-poiskovoe delo na Altai v dosovetskoe vremya [Mining exploration in Altai in pre-Soviet times]. *Gorno-Altaysk*, 344 p. [in Russian]
- Nechaev, 1956** – *Nechaev, N.V.* (1956). Gornozavodskie shkoly Urala: k istorii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii [Mining schools of the Urals: on the history of vocational education in Russia]. Moscow. 207 p. [in Russian]
- Rassadina, 2016** – *Rassadina, S.A.* (2016). Kul'turologicheskie osnovaniya kontseptsii «edutainment» kak strategii formirovaniya obshchekul'turnykh kompetentsii v vuzakh negumanitarnogo profilya [Cultural foundations of the concept of "edutainment" as a strategy for the formation of general cultural competencies in non-humanitarian universities]. *Zapiski Gornogo Instituta*. 219: 498-503. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Smolin, 1959** – *Smolin, A.V.* (1959). Iz istorii gornotekhnicheskogo obrazovaniya na Altai v XIX v. [From the history of mining engineering education in Altai in the 19th century]. Scientific notes of the Kemerovo Pedagogical Institute. Kemerovo. Is. 2. Pp. 125-157. [in Russian]
- Smolin, 1956** – *Smolin, A.V.* (1956). Gornye uchilishcha Altaya v XVIII-XIX vv. [Altai mining schools in the 18-19 centuries]. Dissertation abstract for the degree of candidate of pedagogical sciences. Kemerovo. 15 p. [in Russian]
- Sharok, 2016** – *Sharok, V.V.* (2016). Estimation of health hazards of risky behaviors and psychological features related to its degree. *Research Journal of Medical Sciences*. 10(6): 604-607.
- Sharok, 2018** – *Sharok, V.V.* (2018). Role of socio-psychological factors of satisfaction with education in the quality assessment of university. *International Journal for Quality Research*. 12(2): 281-296.
- Shchukina, Egorenkova, 2017** – *Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A.* (2017). Opyt ritoriki I.S. Rizhskogo (1796) v Gornom universitete: istoriya i sovremennost' [Experience of rhetoric I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: history and modernity]. *Zapiski Gornogo Instituta*. 225: 198-206 [in Russian]
- Sishchuk et al., 2018** – *Sishchuk, J.M., Fedorova, M.A., Tsyguleva, M.V., Vinnikova, T.A.* (2018). Distance education opportunities in teaching a foreign language to people with limited health possibilities. *Astra Salvensis*. 6: 631-637.
- Voloshinova, 2012** – *Voloshinova, I.V.* (2012) Osobennosti gornozavodskogo obrazovaniya na Urale v XIX v. [Features of mining education in the Urals in the XIX century]. History of mining in Russia: XVIII–XX centuries. Is. 2. History of mining education. St. Petersburg. 2012. 36 p. [in Russian]
- Voloshinova, Mokeev, 2016** – *Voloshinova, I.V., Mokeev, A.B.* (2016). Fuel sector development in Russia in the first half of the 20th century. *International Journal of Applied Engineering Research*. 11: 5177-5181.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2522-2530. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2522
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

To the Issue of the Emergence of Migrant Villages on the Kalmyk Lands of the Astrakhan Province According to Toponymic Legends

Sergey S. Belousov ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes for the first time in historiography toponymic legends about the history of the emergence of settlement villages in the Kalmyk lands of the Astrakhan province in the second half of the XIX century. The information contained in them is compared with archival documents and historical facts, on the basis of which the degree of their reliability is determined.

The article is based on the documents of the Russian state historical archive (RSHA), The State archive of the Astrakhan region (GA AO), The National archive of the Republic of Kalmykia (NA RK) and published materials.

It is revealed that toponymic traditions are divided into two groups by their nature: 1. Realistic information about historical facts and legends. 2. Legends in which a significant place is occupied by fiction.

The research has shown the presence in the legends mainly of stories related to the time, circumstances of settlement formation, geography of places where migrants left and the origin of the names of localities. The author comes to the conclusion that the relatively late nature of the emergence of settlements on the Kalmyk lands, as well as the implementation of this process by the state, predetermined a fairly good preservation of the documentary base, so most of the most important events described in the legends can be rechecked by archival documents. At the same time, the legends contain information that was not reflected in the documents, which allows us to expand and deepen our understanding of the process of settlement of the Kalmyk steppes by migrant farmers.

A comparative analysis of the traditions of residents of settlements formed on the initiative of the state and unauthorized migrants has shown that in the memory of the latter, the initial period of their settlement and relations with the authorities and nomads has been preserved more fully than that of organized migrants. This was due to the fact that unauthorized migrants had to live for years in a conflict situation, in a state of psychological tension and stress, under the influence of which the circumstances of settlement in a new place were fixed in their memory more fully and more firmly than those of other migrants.

Keywords: XIX century, Astrakhan province, Kalmyk lands, toponymic legends, settlers.

1. Введение

Топонимические предания вызывают интерес в научном сообществе, поскольку являются одним из источников познания исторических событий. В 1847–1876 гг. на калмыцких землях в результате реализации государственной программы заселения дорог было образовано 25 населенных пунктов, которые в настоящее время входят в состав Республики Калмыкия, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей и Ставропольского края. История их создания нашла отражение не только в официальных документах властей, обычно хранящихся в архивах и музеях, но и запечатлена в преданиях местных жителей, многие из которых сохранились до настоящего времени благодаря тому, что в свое время были зафиксированы в письменной форме. Эту работу проделали

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

люди, которые были связаны с местными жителями делами службы (священники, учителя, чиновники и др.).

Топонимические предания не являются основными источниками и носят всего лишь вспомогательный характер. Для исследователя, изучающего историю населенных пунктов и переселенческой политики, они представляют интерес прежде всего потому, что содержащаяся в них информация, во-первых, дает дополнительные знания об объекте исследования, во-вторых, знакомит с теми аспектами темы, которые для властей не представляли интереса и по этой причине не фиксировались в делопроизводственной документации. Все это способствует более полному и глубокому научному пониманию проблемы.

Изучение топонимических преданий может быть полезно для краеведов, генеалогов, филологов, учителей.

Научное исследование топонимических преданий необходимо еще и в целях восстановления достоверной истории населенных пунктов. К сожалению, отдельные авторы в своих работах используют содержащуюся в преданиях информацию без критического осмысления и надлежащей проверки ее другими источниками. В результате читатели получают неверную информацию о времени и обстоятельствах возникновения населенных пунктов, их сословном, национальном и конфессиональном составе и по другим вопросам.

Поскольку до настоящего времени топонимические предания о населенных пунктах, возникших в результате реализации государственной программы заселения дорог на калмыцких землях, не сопоставлены с архивными источниками и не проанализированы, то неясна и степень их исторической достоверности, а значит и их полезность для научного исследования. Предлагаемая статья призвана восполнить данный пробел.

2. Материалы и методы

Основными источниками исследования послужили топонимические предания, а также документы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия.

В 1877 г. Астраханский губернский статистический комитет разослал по волостным правлениям губернии анкеты, в которых им было предложено ответить на вопросы о начальной истории поселений подчиненных им населенных пунктов; один из шести сформулированных вопросов касался преданий по истории их возникновения (ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 282. Л. 110). Власти населенных пунктов, основанных на калмыцких землях, ответили, что таких преданий не сохранилось, но, как выяснилось позже, по отдельным поселениям они все-таки имелись. О некоторых из них стало известно от приходских православных священников, которые по поручению епархиальных властей вели церковно-приходские летописи о руководимых ими приходах. Записанные должностными лицами местного самоуправления и приходскими священниками предания хранятся в фонде № 32 Астраханского губернского статистического комитета Государственного архива Астраханской области.

Ценными источниками по теме являются также материалы фондов центральных и региональных органов государственного управления второй половины XIX в.: Первого департамента Министерства государственных имуществ (№ 383), Астраханского управления земледелия и государственных имуществ (№ 794), Канцелярии Главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог на калмыцких землях (№ И-7).

Исследование проведено с опорой на сравнительно-исторический, историко-типологический и топонимический методы. Использование сравнительно-исторического метода дало возможность сравнить сведения, содержащиеся в преданиях и архивных документах, выявив их сходство и различия в интерпретации времени и обстоятельств возникновения поселений. С помощью историко-типологического анализа были выделены типы преданий по степени их достоверности.

Топонимический метод позволил установить действительную этимологию названий поселений, время, содержание и обусловленность их возникновения, принадлежность к тому или иному языку.

3. Обсуждение

Первыми на топонимические предания об основании переселенческих сел на калмыцких землях обратили внимание приходские священники и работники сферы народного образования (Колпиков, 1881; Покасов, 1904; Кряжимский, 1906; Бубнов, 1893; Твалчрелидзе, 1991), которые во второй половине XIX в. собрали и опубликовали в своих статьях и книгах топонимические предания по отдельным населенным пунктам. Материалы преданий, однако, не были критически осмыслены и перепроверены архивными документами, что привело к их воспроизведению без комментариев в работах последующих исследователей.

В советский период научные исследования топонимических преданий жителей переселенческих сел на калмыцких землях не проводились. Между тем в годы советской власти учеными было написано большое количество работ как по теории и методологии топонимических исследований, так и по отдельным проблемам и регионам (Развитие методов..., 1970; Жучкевич, 1980;

Мурзаев, 1974). В Калмыкии тема топонимических преданий жителей переселенческих сел затрагивалась в основном в книгах по истории населенных пунктов И.С. Немичева (Немичев, 1974: 13) и В.И. Игнатова (Игнатов, 1981: 8-9).

В постсоветский период интерес у исследователей к топонимике заметно вырос. В начале XXI в. вышли в свет топонимические словари по Калмыкии и соседним регионам (Поспелов, 2000; Топонимический словарь..., 2007; Топонимический словарь..., 2017), по истории населенных пунктов (Белоусов, 1999; Ставрополь и его окрестности..., 2006; И лишь ковыль..., 2006), в которых с разной полнотой затрагивается тема топонимических преданий.

Краткий обзор научной литературы позволяет сделать вывод о том, что топонимические предания об основании переселенческих сел Калмыкии не стали объектом специального исследования.

4. Результаты

Народная память переселенцев калмыцких степей сохранила топонимические предания об истории возникновения отдельных населенных пунктов. В них внимание сосредоточено преимущественно на сюжетах, связанных с обстоятельствами прибытия отдельных семей или групп на новое место жительства, на объяснении названий населенных пунктов, на этнографических различиях отдельных групп переселенцев и некоторых деталях повседневного быта. Каждое народное предание нуждается в обязательной проверке на предмет установления возможной достоверности его информации по архивным источникам и ее соответствия историческим реалиям времени, о котором идет речь в предании.

В 1906 г. священник с. Крестового В. Кряжимский в корреспонденции, помещенной в журнале «Астраханские епархиальные ведомости», об открытии в селе нового храма, ссылаясь на предание старожилов, писал: «Новый поселок получил название «Кресты» от урочища, на котором поселились пришельцы и которое по-калмыцки называлось «Кэрэстэ», так как самая большая балка этого урочища на том месте, где остановились новоселы, расходилась крестообразно во все четыре стороны. Существует в народе и легендарное сказание о названии «Кресты». В 1845 году, когда еще не было сел по Царицынско-Ставропольскому тракту от села Цацы Черноярского уезда до Ставрополя, мещанин города Коломны ездил к калмыкам, кочующим по реке Маньчу, закупать весной рогатый скот, и около того места, где основалось село, остановился отпраздновать праздник Святой Пасхи со своими рабочими. Отправляясь далее в путь, этот коломенский житель поставил крест с надписью о праздновании дня Святой Пасхи. Первые поселенцы явились сюда именно в первый день Святой Пасхи и, увидевши крест с надписью, тотчас же решились назвать свое поселение «Кресты» (Кряжимский, 1906: 79). Установка креста в месте будущего поселения, равно, как и приход в него первых жителей в день Святой Пасхи, вполне могли иметь место и повлиять на выбор названия в 1847 г., последнее также могло быть связано и с географической конфигурацией балки. Данное предание выглядит вполне правдоподобно, хотя историки не располагают документами, ее подтверждающими.

Историю образования с. Хошеутово народное предание связывает с решением правительства усилить охрану в Астраханской губернии от грабежей кочевников оседлого населения, уменьшить малоземелье в отдельных многолюдных селах центральных губерний и обеспечить выселенцам на новом месте более обеспеченную в материальном отношении жизнь. Так как желающих переселиться на астраханскую окраину не нашлось, то власти отобрали в Воронежской губернии бедных и с недоимками по налогам крестьян и выслали их в Хошеутово, предварительно списав с них все недоимки и снабдив всем необходимым для переселения и обустройства (Колпиков, 1881: 652-653).

В этой версии вызывает большие сомнения принудительный характер переселения воронежских крестьян, так как этот факт не подтверждается архивными документами, неверно указана и дата основания села – 1852 г., которое в действительности возникло в 1849 г. К тому же направление бедных крестьян в поселения, рассчитанные на их совместное проживание с калмыками, никак не согласуется с политикой правительства, стремившегося с помощью крестьян показать калмыкам преимущества оседлой жизни. Бедные переселенцы, разумеется, не могли послужить для калмыков положительным примером в переходе их на оседлый образ жизни.

Если бы принудительное переселение имело место, то этот факт так или иначе обязательно нашел бы отражение в переписке чиновников и крестьян, однако в документах нет даже намека на это. В целом принудительные переселения крестьян на калмыцкие земли в период реализации проекта заселения дорог на калмыцких землях (1846–1876 гг.) государством не практиковались. Желавших переселиться было столь много, что недостатка в кандидатах на переселение не было. Подстегивало переселения 30-десятинная норма душевого земельного обеспечения (высокая, как у казаков). В силу этого на калмыцких землях обосновалось много самовольных переселенцев, процесс легализации которых растянулся на годы и десятилетия. У властей не было никакого резона прибегать к принудительным переселениям, так как добровольцев было в избытке. Среди первопоселенцев с. Хошеутово было много самовольно переселившихся, так что никакой речи о принуждении не может идти.

Местное предание об основании села, впрочем, содержит информацию и о добровольном поселении крестьян. По рассказу представителей рода Ревиных, пришедших в село из Воронежской губернии, их предок Трофим накануне основания с. Хошеутово был послан своим отцом с табуном лошадей «на кормеж» в Астраханскую губернию. Местность, где ему довелось выпасать лошадей, ему очень понравилась, а когда он узнал, что она планируется к заселению, то он, «не спросясь и не посоветовавшись с родителями», быстро перевез свою семью на новое место (Колпиков, 1881: 653). Сохранившаяся в памяти семьи Ревиных история их поселения на калмыцких землях выглядит достаточно правдиво, тем более что похожие случаи в Калмыкии встречались. Так, например, известно, что некоторые из основавших с. Садовое переселенцев из Таврической губернии до поселения в Калмыкии в засушливые годы пригоняли свои стада скота для прокормления на калмыцкие земли (Белоусов, 1999: 10).

Архивные документы свидетельствуют о том, что первые поселенцы прибыли в с. Хошеутово весной 1849 г., а этимология его названия связана с наименованием административно-территориальной единицы – Хошеутовский улус, на землях которого было образовано село. Наименование самого улуса происходит от названия хошутской субэтнической группы калмыцкого народа.

Недалеко от с. Хошеутово одновременно с ним возникло с. Княжее. По народному преданию, землю под это поселение крестьянам подарил «за их заслуги» калмыцкий князь С. Тюмень; по другой версии, записанной со слов местного старожилы И.П. Стульнева, село Княжее являлось имением князя, и его жители находились у него в подчинении (Грачева, 2012: 238). На самом деле с. Княжее возникло в результате реализации правительственной программы заселения дорог на калмыцких землях и основали его юридически свободные люди – государственные крестьяне из Воронежской губернии. С. Тюмень, чтобы не противопоставлять себя политике российского правительства, просто вынужден был уступить часть земель своего улуса под создаваемые вдоль дороги поселения. Село Княжее не получило в качестве названия родовую фамилию Тюменей потому, что рядом с ней располагалась деревня Тюменевка и существование в одном районе двух населенных пунктов с одинаковым названием представляло неудобство в административной отношении.

А вот как описывает историю возникновения с. Заветного предание, записанное у его жителей в 1950–1960-е гг. местным краеведом Л.Д. Фабрицким. Согласно преданию, первопоселенцем с. Заветного был донской казак станицы Курмоярской Н. Моргун, который в 1814 г. участвовал в битве с войсками Наполеона у г. Лейпцига. Во время сражения он вынес с поля боя раненого калмыка Дербетовского полка Басана Пюрвя, подарившего своему спасителю в г. Париже после своего выздоровления и накануне отправки на Родину запрещенную книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Книгу вскоре нашли, а Моргун лишился казачьего звания и выслал за пределы области Войска Донского. В поисках места жительства Моргун примкнул к обозу крестьян-переселенцев, а в г. Черный Яр он случайно встретил своего боевого товарища и решил идти с ним. Во время следования обоза через урочище Амтя Моргуну понравилась родниковая вода, и он решил остаться там жить. В середине 1820-х гг. на урочище Амтя прибыли новые поселенцы и образовалось целое село. Как повествует предание, между новоселами и местными калмыками установились хорошие отношения: «Пюрвя помогал переселенцам и радовался». На сходе крестьяне постановили дать новому поселению имя «Заветное» в надежде, что сбудутся их мечты о лучшей жизни (И лишь ковыль..., 2006: 23-25).

В данном предании много вымысла, но в то же время присутствуют отголоски реальных событий. Так, архивные документы вполне четко фиксируют дату основания поселения – 1850 г. В 1847 г. Комиссия по заселению дорог на калмыцких землях, выбирая места под поселения, подробно описала урочище Амтя и не нашла там ни жителей, ни строений. Первые поселенцы прибыли на место будущего села и начали там строиться в 1850 г., что также зафиксировано документами. Брать за отправную точку основания с. Заветного более ранние сроки нет никаких оснований. В предании говорится о существовании поселения со второй половины 1810-х гг., но это является вымыслом. Дело в том, что указом от 19 мая 1806 «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» император Александр I утвердил границы калмыцких земель и придал им юридический статус. По нему запрещались любые без ведома правительства поселения лиц некалмыцкого происхождения. Виновники нарушения закона подлежали немедленной высылке за пределы Калмыцкой степи. С момента издания этого указа и до конца 1840-х гг. государственными властями не было создано ни одного поселения на калмыцких землях, а самовольных поселений возникло всего 3 и Заветного среди них не было. Ни одно самовольное поселение посторонних для Калмыцкой степи лиц не могло пройти незамеченным, поскольку калмыки не были заинтересованы в захвате своих земель пришельцами, а власти не имели права нарушать закон. Если бы поселение Моргун и других имело место до конца 1840-х гг., то это обязательно нашло бы отражение в архивных документах, как это было в случае с самовольными поселениями Аксайским, Лавокумским и Михайловским.

Следует отметить, что, несмотря на явно придуманный сюжет об основании Заветного, в предании все же присутствует материал, который после критической переработки и сопоставления с

другими источниками может быть полезен для исследователя, занимающегося историей заселения калмыцких степей переселенцами. Например, заслуживает внимания рассказ о якобы предпринятой властями попытке внедрить в с. Заветном казачий уклад жизни и сопротивление этому переселенцев. Здесь явно присутствует отголосок недовольства крестьян наименованием новых поселений станицами, которые к казачеству никакого отношения не имели. Власти, конечно, вводили казачий уклад жизни в поселения государственных крестьян не собирались, но слово «станция» настораживало переселенцев и даже вызывало у них опасения. Побывавший в конце 1850-х гг. по заданию Министерства государственных имуществ в поселениях на калмыцких землях А.П. Опочинин отмечал, что слово «станция» не нравится крестьянам, так как оно «как бы отчуждает их от других селений государственных крестьян» (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 59).

Семейные воспоминания легли в основу предания о возникновении г. Элисты. В 1965 г., когда в Калмыцкой АССР широко отмечалась дата основания столицы республики, краевед И.С. Немичев записал у элистинских старожилов Е.И. Кийкова и Э.М. Мучкаева рассказ об истории возникновения города. «В 60-х годах прошлого века, – говорилось в нем, – в село Приютное (что в 75 километрах от Элисты) приехал с семьей бывший крепостной из Воронежской губернии Кийков Степан Прокофьевич. В Приютном он познакомился и подружился с калмыком Бола. Бола очень хвалил балку Элиста, где он устраивал летнюю ставку, и советовал русскому другу поселиться там. Семья Кийковых первой начала строить землянку в балке. А через год рядом поставили жилища Калюжные, Репкины, Корниенко и другие» (Немичев, 1989: 13). Рождение Элисты в предании, таким образом, связывается с инициативой калмыка Бола, предложившего своему русскому другу, воронежскому крестьянину Кийкову, построить в балке Элисте.

В действительности будущая столица Республики Калмыкия возникла в результате действий властей: в 1861–1862 гг. в Калмыцкой степи, в районе пролегания Крымского тракта, связывавшего г. Астрахань с Крымским полуостровом, работала Кумо-Манычская экспедиция, которая избрала под стационарные поселения ряд мест, в т.ч. на урочище Элиста. В декабре 1862 г. Астраханская палата государственных имуществ объявила об открытии переселений на места, избранные вышеупомянутой экспедицией, крестьянами из Воронежской, Екатеринославской и Курской губерний. После этого в Элисту с 1863 г. стали прибывать первые поселенцы, в т.ч. Кийковы. Изучение практик заселения калмыцких земель показывает, что первопоселенцы обычно прибывали не одиночными семьями, а партиями и в сопровождении чиновников. Трудно допустить, что Элиста в этом отношении отличалась от других населенных пунктов. В первые годы своего существования она к тому же называлась деревней Ново-Ивановкой, однако в предании об этом ничего не говорится.

Введение в предания об основании с. Заветного и г. Элисты сюжетов о приглашении калмыками к поселению русских крестьян, очевидно, произошло в советский период и в угоду коммунистической идеологии, одним из краеугольных принципов которой, как известно, являлся интернационализм. Для властей Калмыцкой АССР в дни празднования 100-летнего юбилея ее столицы важно было подчеркнуть то, что г. Элиста создавался представителями двух основных по численности этносов Калмыкии, между которыми царил мир и согласие. На самом деле ситуация была сложнее. Занятие переселенцами части земель вызвало у калмыков недовольство, и подтверждением тому служит конфликт, возникший в первый год существования Элисты на почве землепользования между переселенцами и калмыками-кочевниками.

В народной памяти сохранилось предание о возникновении с. Винодельного (ныне г. Ипатово Ставропольского края), которое записал в 1897 г. инспектор народных училищ Ставропольской губернии А. Твалчрелидзе: «Происхождение названия села довольно курьезное. Однажды через село проезжало несколько подвод с бочками спирта. Одна из бочек свалилась с воза, разбилась, и спирт разлился по земле. Собравшаяся большая толпа зрителей накинута на этот спирт, начала собирать его вместе с землей и грязью чем попало: многие собирали пригоршнями и тут же выпивали. Скоро вся эта компания захмелела, перессорилась, и пиршество окончилось всеобщей дракой. Протрезвившись, возчики спирта отдали бочку исправить бондарю, а потом налили ее водой, надеясь сдать хозяину воду за спирт. За этой операцией застал их приехавший акцизный чиновник и шутя сказал им: «Ах, вы, виноделы, виноделы!» Происшествие с бочкой спирта дошло до сведения астраханского губернатора, который и приказал в насмешку над жителями назвать село Винодельным» (Твалчрелидзе, 1991: 283). Временем основания поселения автор ошибочно считал 1860 г., которое на самом деле возникло раньше – в 1857 г.

Исторических свидетельств, подтверждающих или опровергающих эту легенду, пока не найдено, однако весьма сомнительно, чтобы астраханский губернатор присвоил селу имя в насмешку. Название поселению дала Комиссия по заселению дорог на калмыцких землях после завершения полевого сезона 1847 г., несмотря на то, что жителей там в то время еще не было. В этой связи необходимо отметить, что размещенная на местных сайтах Интернета информация о том, что село вначале называлось «Чемрек», а в 1880 г. было переименовано в Винодельное или что оно возникло на месте поселения «Чемрек», является ошибочной. Не только с. Винодельное, но и другие населенные пункты, образовавшиеся на калмыцких землях, получили свои официальные названия от

Комиссии по заселению дорог в 1847–1848 гг., другое дело, что переселенцы нередко в обиходе некоторое время называли свои поселения по имени урочищ, на которых они возникли.

Возникновение другого поселения – села Спасского – предание излагает так: «Верст 150 на восток от села Спасского, где в настоящее время находится трухменская ставка, стоял на казенной земле небольшой русский поселок, носивший название урочища Джелани. Так как жители «Джелани» занимались воровством, грабежами и разбоем, то правительство предложило им переселиться в другое место. На это предложение джеланцы не обратили внимание и нисколько не унялись. Тогда, в 1857 году весь поселок был разослан административным порядком в разные места. Большая часть высланных пришла на р. Сухую Буйволу и поселилась на левом берегу ее, между селами Бурлацким и Сотниковским. На правой стороне р. Буйволы проходила большая трактовая дорога от г. Ставрополя до с. Прасковей и г. Георгиевска. По этой дороге день и ночь тянулись обозы с разного рода товарами и проезжали путники. Поэтому и здесь поселенцы не оставляли своего привычного ремесла. Полиция пыталась опять разогнать разбойников, но на этот раз встретила с их стороны энергическое сопротивление и упорство. В конце концов начальство махнуло рукой на непокорных, и с тех пор жители прозвали свой поселок Спасским, т.е. спасшимся от посягательства полиции на его существование» (Твалчрелидзе, 1991: 343).

Предание о возникновении с. Спасского свидетельствует о том, что в памяти его жителей закрепилось представление о крупном конфликте с властями, который предшествовал возникновению поселения. Так оно в принципе и было, но историческая информация в предании искажена. Урочище «Джилан» не располагалось на казенной земле, оно входило в состав калмыцких земель, находилось на Кизлярском тракте и было отведено под станицу Спасскую на основании указа от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». В 1849 г. на урочище Джилан самовольно поселились переселенцы из Курской, Харьковской и Екатеринославской губерний, однако они там не прижились из-за тяжелых природных условий местности и самовольно в 1852 г. подались на другое место – урочище «Пробитый колодец». Таким образом, крестьян никто насильно не выселял и они не были разбойниками. Их вначале пытались силой выселить из урочища «Пробитый колодец», но в итоге в 1859 г. легализовали. Закрепление за новым поселением названия «Спасское» было связано не с «чудесным» избавлением от преследований властей, а с местом прежнего жительства поселенцев в станице Спасской на Кизлярском тракте, которую они самовольно покинули.

К числу населенных пунктов, возникших на калмыцких землях без разрешения правительства, относится Рагули. Официальной датой рождения села считается 1861 г., по народному преданию – 1843 г. По преданию, записанному учителем местной школы А. Бубновым в 1890-е гг., первыми поселенцами были 7 семей из центральной России, которые самовольно водворились на земли, принадлежащие калмыкам. Чтобы остаться жить на облюбованном переселенцами месте, им пришлось выдержать борьбу с калмыками и властями: «Калмыки пригоняли свой скот к дворам русских и вытравливали им всю траву, так что крестьянам негде было не только что косить сено, но даже некуда было выгнать и скот для выпаса. Главный пристав калмыков тоже старался стеснять русских, не признавая их за земледельцев, а считая шайкой разбойников. Однажды приехал Главный пристав с вооруженными казаками и калмыками и начал принуждать крестьян к переселению в другие места, но крестьяне отказались, не желая бросать свои жилища, на устройство которых пришлось положить много труда; тогда пристав приказал взять под арест двух почетных стариков и представил их, как разбойников, на благоусмотрение начальства; они содержались полтора года в тюрьме; в это же время крестьянами было подано высшему начальству прошение о противозаконных действиях Главного пристава и по сему делу был командирован из Петербурга для производства дознания чиновник, который, проверив просьбу крестьян и рассмотрев их имущественное положение, нашел, что поселившиеся крестьяне не шайка разбойников, как докладывал Главный пристав, а мирные земледельцы. После этого дознания было дано разрешение крестьянам жить свободно и заниматься земледелием» (Бубнов, 1893: 224).

Предание, несмотря на некоторые неточности, в целом верно передает историю возникновения с. Рагули. По архивным документам село возникло не ранее первой половины 1850-х гг. В сентябре 1855 г. к заведующему отдельной частью Малодербетовского улуса Петухову обратились с ходатайством поселиться на урочище Рагули крестьяне из Воронежской и Тамбовской губерний. Им отказали в просьбе, поскольку Комиссия по заселению дорог в то время еще не получила распоряжения из Министерства государственных имуществ начать водворение на урочище Рагули, хотя оно было предположено к заселению. Переселенцы проигнорировали отказ и самовольно поселились в Рагулях. С помощью казаков их выселили с урочища, но они вновь туда вернулись и стали строиться (НА РК Ф. И-7. Оп. 1. Д. 11. Л. 111). Переселенцы Рагулей свою легализацию связывают с визитом к ним некоего высокопоставленного чиновника, который сумел убедить вышестоящие власти в том, что они не разбойники, а крепкие хозяева, заслуживающие право остаться на выбранном ими месте. Такой визит действительно имел место в 1858 г., а чиновником был капитан-лейтенант Опочинин, посланный Министерством государственных имуществ обследовать новые поселения на калмыцких землях, в т.ч. и самовольные. В докладе министру

государственных имуществ он высказался за легализацию не только Рагулей, но и Спасского, что и произошло в 1959 г.

5. Заключение

Изучение вопроса свидетельствует о том, что в исторической памяти переселенцев, поселившихся на калмыцких землях, преданий об основании поселений сохранилось немного. Возможно, это объясняется тем, что образование большинства из них приходится на середину XIX в. – времени, не столь отдаленном от нашей эпохи. Сюжеты преданий связаны с историей поселений, личностями первопоселенцев, локальной топонимикой. В них указаны время и обстоятельства образования поселений, география мест выхода переселенцев, даются объяснения происхождению названий населенных пунктов.

События заселения калмыцких земель лучше и полнее сохранились в преданиях жителей сел, основанных самовольными переселенцами, чем у жителей поселений, образованных по инициативе властей. По-видимому, это объясняется тем, что устройство самовольных переселенцев проходило в конфликтной ситуации, что вызвало у них стресс, который, несомненно, способствовал более прочному закреплению в их памяти обстоятельств поселения на новом месте.

В большинстве преданий присутствует этимология населенных пунктов, при этом утверждается, что названия давались переселенцами. В действительности присвоение названий новым поселениям являлось прерогативой Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях, состоящей из Главного попечителя калмыцкого народа, чиновников и представителей калмыцкой знати.

Топонимические предания по их характеру делятся на две группы: предания, реалистично передающие сведения об исторических фактах, и предания, в которых значительное место занимает вымысел.

Относительно поздний характер возникновения поселений на калмыцких землях, а также осуществление этого процесса государством предопределили достаточно хорошую сохранность документальной базы, поэтому большинство самых важных изложенных в преданиях событий поддаются перепроверке архивными документами. В то же время в преданиях присутствует информация, которая не нашла отражения в документах, поскольку не представляла интереса для чиновников. Эти сведения, безусловно, после проведения их анализа, могут быть полезными для исследователя.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- Белоусов, 1999 – Белоусов С.С. Основано таврическими поселенцами (с. Садовое 1849–1917 гг.). Волгоград, 1999.
- Бубнов, 1893 – Бубнов А. Село Рагули Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 222-266.
- ГА АО – Государственный архив Астраханской области.
- Грачева, 2012 – Грачева А.Р. Традиционная русская свадьба села Вольное Харабалинского района // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань, 2012. Вып. IV, С. 238-240.
- Игнатов, 1981 – Игнатов В.И. История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР. Саратов, 1981.
- И лишь ковыль..., 2006 – И лишь ковыль о прошлом все звенит... Батайск, 2006.
- Жучкевич, 1980 – Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1980.
- Колпиков, 1881 – Колпиков Ф. Краткая летопись Хошеутовского прихода Енотаевского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1881. № 41. С. 652-656.
- Кряжмский, 1906 – Кряжмский В. Село Кресты Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 79-85.
- Мурзаев, 1974 – Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.
- НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Немичев, 1989 – Немичев И.С. Элиста: Путеводитель. Элиста, 1989.
- Покасов, 1904 – Покасов М. Село Плодовитое Черноярского уезда Астраханской епархии. Историко-статистический очерк // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 770-775.
- Поспелов, 2000 – Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. М., 2000.
- Развитие методов..., 1970 – Развитие методов топонимических исследований. Сборник статей. М., 1970.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Ставрополь и его окрестности..., 2006 – Ставрополь и его окрестности. Ставрополье в названиях. М., 2006.

Твалчрелидзе, 1991 – Твалчрелидзе А., Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Репринтное издание. Ставрополь, 1991.

Топонимический словарь..., 2007 – Топонимический словарь Астраханской области / М.А. Кирокосьян. Астрахань, 2007.

Топонимический словарь..., 2017 – Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. Элиста, 2017.

References

Belousov, 1999 – Belousov, S.S. (1999). Osnovano tavrisheskimi poselentsami (s. Sadovoe 1849–1917 gg.) [Founded by Tauride settlers (Sadovoye village 1849-1917)]. Volgograd. [in Russian]

Bubnov, 1893 – Bubnov, A. (1893). Selo Raguli, Stavropol'skoi gubernii, Novogrigor'evskogo uyezda [Village of Raguli, Stavropol province, Novogrigoryevsky district]. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis. 16: 222-266. [in Russian]

GA AO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archive of the Astrakhan region].

Gracheva, 2012 – Gracheva, A.R. (2012). Traditsionnaya russkaya svad'ba sela Vol'noe Kharabalinskogo raiona [Traditional russian wedding in the village of Volnoye, Kharabalinsky district]. Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya: sbornik statei. Astrakhan'. IV: 238-240. [in Russian]

I lish' kovyl'..., 2006 – I lish' kovyl' o proshlom vse zvenit... [And only Kovyl about the past all rings....] Bataisk, 2006. [in Russian]

Ignatov, 1981 – Ignatov, V.I. (1981). Istoriya i narodnaya poeziya sela Plodovitogo Maloderbetovskogo raiona Kalmytskoi ASSR [History and folk poetry of the village of the Prolific Maloderbetovsky district of the Kalmyk ASSR]. Saratov. [in Russian]

Kolpikov, 1881 – Kolpikov, F. (1881). Kratkaya letopis' Khosheutovskogo prikhoda, Enotaevskogo uyezda [Brief chronicle of the Khosheutovsky parish, Enotayevsky uyezd]. Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti. 41: 652-656. [in Russian]

Kryazhimskii, 1906 – Kryazhimskii, V. (1906). Selo Kresty Astrakhanskoi gubernii [Village Crosses of the Astrakhan province]. Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti. 2: 79-85. [in Russian]

Murzaev, 1974 – Murzaev, E.M. (1974). Oчерki toponimiki [Essays on toponymy]. M. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia]. [in Russian]

Nemichev, 1989 – Nemichev, I.S. (1989). Elista: Putevoditel' [Elista: A Guide]. Elista. [in Russian]

Pokasov, 1904 – Pokasov, M. (1904). Selo Plodovitoe Chernoyarskogo uyezda Astrakhanskoi eparkhii. Istoriko-statisticheskii oчерk [The village is a Prolific Chernoyarsky district, Astrakhan diocese. Historical and statistical essay]. Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti. 18: 770-775. [in Russian]

Pospelov, 2000 – Pospelov, E.M. (2000). Istoriko-toponimicheskii slovar' Rossii [Historical and toponymic dictionary of Russia]. M. [in Russian]

Razvitie metodov..., 1970 – Razvitie metodov toponimicheskikh issledovaniy. Sbornik statei [Development of toponymic research methods. Collection of articles] M., 1970. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Stavropol' i ego okrestnosti..., 2006 – Stavropol' i ego okrestnosti. Stavropol'e v nazvaniyakh [Stavropol and its surroundings. Stavropol in names]. M., 2006. [in Russian]

Топонимический словарь..., 2007 – Топонимический словарь Астраханской области. М.А. Кирокос'ян. [Toponymic dictionary of the Astrakhan region. M.A. Kirokosyan]. Astrakhan', 2007. [in Russian]

Топонимический словарь..., 2017 – Топонимический словарь Республики Калмыкия. Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун [Toponymic dictionary of the Republic of Kalmykia. N.A. Kichikova, E.B. Mandzhieva, V.I. Suprun]. Elista, 2017. [In Russian]

Твалчрелидзе, 1991 – Твалчрелидзе, А. (1991). Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Репринтное издание [Stavropol province in statistical, geographical, historical and agricultural relations. Reprinted edition]. Ставрополь. [in Russian]

Zhuchkevich, 1980 – Zhuchkevich, V.A. (1980). Obshchaya toponimika [General toponymy]. Minsk. [in Russian]

К вопросу о возникновении переселенческих сел на калмыцких землях Астраханской губернии по топонимическим преданиям

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые в историографии проанализированы топонимические предания об истории возникновения во второй половине XIX в. на калмыцких землях Астраханской губернии переселенческих сел. Содержащаяся в них информация сопоставлена с архивными документами и историческими фактами, на основании которых определена степень их достоверности.

Статья написана на основе документов трех архивов и опубликованных материалов.

Исследование показало наличие в преданиях в основном сюжетов, связанных со временем, обстоятельствами образования поселений, географией мест выхода переселенцев и происхождением названий населенных пунктов. Автор приходит к выводу о том, что относительно поздний характер возникновения поселений на калмыцких землях, а также осуществление этого процесса государством предопределили достаточно хорошую сохранность документальной базы, поэтому большинство самых важных изложенных в преданиях событий поддаются перепроверке архивными документами. Вместе с тем в преданиях присутствует информация, которая не нашла отражения в документах, что позволяет расширить и углубить наши представления о процессе заселения калмыцких степей крестьянами-переселенцами.

Сравнительный анализ преданий жителей поселений, образованных по инициативе государства и самовольными переселенцами, показал, что в памяти последних начальный период их поселения и взаимоотношений с властями и кочевниками сохранился более полно, чем у организованных переселенцев. Это было вызвано тем, что самовольным переселенцам пришлось не один год жить в условиях конфликтной ситуации, в состоянии психологического напряжения и стресса, под влиянием которых обстоятельства поселения на новом месте закрепились в их памяти более полно и прочнее, чем у других переселенцев.

Ключевые слова: XIX век, Астраханская губерния, калмыцкие земли, топонимические предания, переселенцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С.С. Белоусов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2531-2545. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, *}, Anatoly N. Loshkarev ^{c, d}, Yurii N. Makarov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

^d Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

^e Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

Over its more than 250-year history, the Votkinsk state-owned plant has repeatedly carried out important tasks of state importance. One of them was shipbuilding, which lasted for about a hundred years. In this work, the list of shipbuilding orders, consisting of 412 items, was reconstructed. It was found that, apparently, in the 1880-s the plant conducted double numbering of orders – of the military department and private ones, which predetermined the duplication of numbers for about one and a half dozen positions. Analyzing the departmental affiliation and the typical composition of orders, four stages of the existence of shipbuilding in Votkinsk are identified.

Stage 1 (1848–1879) is characterized by the predominance of orders from the War Department over the rest. The production of ships in Votkinsk was organized exclusively for military purposes, which it successfully did. During this period, non-self-propelled ships prevailed, and of the most important tasks, the Aral flotilla was completed and the floating craft of the Kronstadt and St. Petersburg ports of the Baltic Fleet were radically re-equipped. During stage 2 (1880–1913), a complete reorientation was made to private orders and more intelligently capacious products (steamships, motor ships). Since the Votkinsk plant retains the status of a state enterprise, under the guise of unprofitable shipbuilding, the fact of state subsidies for domestic river carriers is hidden. This was of the greatest importance at the beginning of the oil boom in the Caspian Sea, as well as the development of waterways on the rivers of Siberia and Far East. During World War II, stage 3 fell (1913–1929), when there was a complete reorientation to defense needs. The main customer of the plant is the Ministry of Industry and Trade and the War Department. Due to the massive construction in this period, non-self-propelled vehicles again predominate – barges and ground scows. Votkinsk products carry out a complete re-equipment of technical facilities at strategically important points – the Volga-Caspian canal and the Arkhangelsk port. Stage 4 (1930–1946) is characterized by the degradation of the Votkinsk shipbuilding industry.

Keywords: shipbuilding, Votkinsk plant, reconstruction, production volumes.

1. Введение

За свою более чем 250-летнюю историю Воткинский казенный завод не раз выполнял ответственные задания государственной важности. Одним из них стало судостроение, продолжавшееся около ста лет. За это время продукция судостроительного цеха разошлась от Балтики до Тихого океана. Воткинские землечерпалки и грунтоотвозные шаланды дали возможность полностью перевооружить мощности Волго-Каспийского канала в трудные годы Первой мировой

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

войны. Плавучие краны и сухогрузные баржи в это же время кардинально обновили инфраструктуру Архангельского порта. В дореформенный период воткинские судостроители внесли существенный вклад в модернизацию вспомогательных средств военно-морского флота на Балтийском, Каспийском и Аральском морях. Однако споры по поводу истинного объема воткинского судостроения до сих пор не утихли. В данной работе на основе архивного фонда завода, а также данных морских и речных регистров сделана попытка определения истинных объемов судостроения.

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов послужили архивные фонды Воткинского завода в Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГА УР). Они были существенно дополнены фондами архива Музея Воткинского завода (АВЗ), Музея истории и культуры города Воткинска (МИКВ). Второй массив материалов составили данные морских и речных регистров и судовых списков флота, издаваемые министерствами (наркоматами), так или иначе связанными с водными перевозками. Первая группа дает возможность понять, что и как строилось на заводе, а вторая, насколько успешно или неуспешно эта продукция эксплуатировалась.

В связи с особенностями выбранных материалов большое значение в методологическом аппарате работы приобрели методы системного анализа и логического сопоставления на основе историзма. Примерно 80 % массива плавсредств и судов перекрывалось обоими базами данных. Но имелись и многочисленные примеры, когда судно строилось на заводе, но не фигурировало в списках морского, речного торгового или военного флотов. Или, наоборот, оно эксплуатировалось, но заводские документы не указывали его среди построенных судов. В этом случае большое значение приобретал метод историзма. По каждому судну приходилось сопоставлять его ключевые даты с возможностью «склейки» с биографией другого судна, если у него ключевые даты совпадали. Например, по идентификации заводского парохода «Воткинский завод» как пароход «Посланник» купца Полякова сомнений не возникло (хотя прямых указаний об этом нет). На объединение этих судов в одну биографию указывали выводы, полученные и методом системного анализа (одинаковые характеристики, построечные даты), и методом историзма (биография одного обрывалась в момент, когда началась биография другого).

Но по ряду судов объединение биографий приходилось производить на основе выводов лишь по одному из указанных методов. Так, шхуна гидрографии и лоции Каспийского моря, заказанная по типу «Красной горки», судя по имеющимся документам, действительно строилась, но непонятно, как далеко продвинулись работы. И, несмотря на то, что плашкоут «Вотка», сведения о постройке которого отсутствуют, мало походит на указанную шхуну, судя по дате постройки, он является практически единственным кандидатом. Аналогичная ситуация и по ижевскому пароходу «Граната», якобы построенному в 1902 г. Заводская документация обходит полным молчанием это событие. Зато имеются упоминания о постройке в этот год корпуса для первого (забракованного) парохода «Красноводск», история которого обрывается в 1912 г. Хотя первый из них колесный, а второй винтовой, размеры корпусов обоих судов практически совпадают, что даже при отсутствии прямых указаний делает вполне правдоподобным утверждение, что это один и тот же пароход.

Однако часть судов имелась лишь в одном массиве, в связи с чем становится непонятным, строилось ли оно. Указанная проблема заставила использовать комплексный анализ для выявления соответствия. Для этого была использована сетка номеров заводских заказов. Обычно при получении заказа на постройку судна ему присваивался сквозной номер. Но на часть судов номера оказались неизвестны, которые и заполнялись на основе обоих массивов.

3. Обсуждение

Многие исследователи пытались определить объем и значение воткинского судостроения. К сожалению, в основном они представляли собой попытки реконструкции качественной картины, не подтвержденной количественными данными. В результате объекты, оказавшие по-настоящему революционное воздействие на инфраструктуру флотов, оказались ими незамеченными. Так, оценивая значение воткинского судостроения, В.Н. Ступишин отмечает: *«Суда воткинской постройки можно и сейчас встретить не только в Волжско-Камском бассейне, но и на Оби и далеком Амуре. Имеются они и в Каспийском, и Черном, и Белом морях»* (МИКВ. Д. 4826. Л. 13-14). Подобная оценка о распространенности воткинских судов без привязки к их значению и числу, с подачи В.Н. Ступишина, нашла довольно широкое распространение.

Общим недостатком опубликованных работ также стало то, что авторы пытались оценить численность воткинской продукции, исходя либо из делопроизводственной документации, либо из эксплуатационной (регистров, судовых списков).

Вероятно, первым эту попытку произвел И.А. Шубин (Шубин, 1927). Анализируя регистрационную информацию, он пришел к выводу, что *«за все время существования судостроительного отделения, заводом было построено более двадцати буксирных пароходов и более десяти пассажирских»* (Шубин, 1927: 832). Вероятно, автор имеет в виду лишь Волжский бассейн. Аналогичные оценки можно найти и по другим бассейнам, например, сибирских рек, Амуру (Павлов,

2014). Всем им присущ общий недостаток – они дают лишь локальные цифры. Появление интернета привело к возникновению электронных справочников, которые охватывают несколько регионов. Но даже в этом случае полнота охвата оставляет желать лучшего. Так, сайт «Речная старина» (oldriver.ru) располагает сведениями о примерно трех десятках судов воткинской постройки, «Речная справочная книжка корабельного инженера Е.Л. Смирнова» (russrivership.ru) примерно о полусотне судах.

С другой стороны, имелись попытки составления списков воткинской продукции, основываясь на делопроизводственной документации. Бывший директор музея Воткинского завода А.З. Воротов, имевший обширную переписку с ветеранскими организациями по всей стране, на основе ее обобщения попытался составить свой список, включающий несколько десятков позиций (АВЗ, папка Воротова). Как показывает анализ, в список случайно вошли суда, не имевшие к Воткинску отношения, а также, по-видимому, А.З. Воротов использовал источники, не дошедшие до нашего времени (Mitiukov, 2020a).

Наконец, бывший директор Музея истории и культуры города Воткинска В.Н. Ступишин пытался составить список по имевшейся в его распоряжении заводской документации (МИКВ. Д. 4812). Он достаточно скрупулезно проанализировал период 1890–1910-х гг., найдя информацию практически обо всех построенных судах, снабдив ее подробным техническим описанием. К сожалению, он ограничился лишь этими двумя десятилетиями, тогда как история воткинского судостроения ими не ограничивается.

Имеется также записная книжка Н.Г. Богатырева (МИКВ. Д. 707), непосредственно участвовавшего в постройке воткинских судов. Хотя это неофициальный документ личного пользования, в нем достаточно подробно фиксировались все машинные установки пароходов, по которым работал завод. Несмотря на тщательные и подробные записи, они также не распространяются на весь период функционирования судостроительного цеха. И, разумеется, фиксируют лишь данные о постройке пароходов, а кроме них завод также активно строил и самоходные суда.

Тем не менее, по-видимому, впервые В.Н. Ступишин ввел в научный оборот цифру, что в Воткинске построено около 400 судов (Ступишин, 1959). Сейчас эта цифра общепризнанна и повторяется во множестве работ, например А.З. Воротова (Воротов, 1985). Но ряд авторов ставит ее под сомнение. Так, А.В. Коробейников отмечает: «Можно лишь предполагать, что цифра «400» появилась в публикациях после того, как кто-то из исследователей в угловом штампе чертежа трубопровода, датированного Техническим бюро 22.06.1918 г. увидел номер судна 365–366? Впрочем, двойная нумерация судна уже наводит на мысль о маловероятности прямого соответствия учетного номера количеству изделий» (Коробейников, 2012: 23–24).

Таким образом, следует признать, что полноценной попытки составления исчерпывающего списка воткинской продукции пока не предпринималось.

4. Результаты

Реконструкция списка судостроительных заказов

В 2018 г. нами впервые была предпринята первая попытка составления исчерпывающей энциклопедии воткинского судостроения (Лапшин и др., 2018).

Наиболее проработанный диапазон номеров заказов – № 248–393. Эти номера часто указывались в графической документации (на экспликации к чертежам) или могли прямо фигурировать в названии строившегося объекта (например, «пароход № 248») и прочей делопроизводственной документации. Впервые список этих номеров опубликован нами в 2017 г. (Mitiukov et al., 2017), после чего уточнен и откорректирован в 2018 г. (Mitiukov, Loshkarev, 2018) (№ 248–393, Таблица 1).

В нем осталась пропущенной лишь одна позиция (№ 278), достоверную информацию о которой имеющаяся делопроизводственная документация ничего не сообщает. В графической документации Воткинского завода имеется два чертежа, которые наилучшим образом могут подойти для этого вакантного номера. Это баркас для заводки якорей для Волго-Каспийского канала (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 878) и ледокольный буксир для Архангельского порта (АВЗ. Рулон 7, Д. 32). Оба чертежа достаточно детально проработаны, но оба варианта имеют существенный изъян: ни тот, ни другой объект не фигурируют в регистрах этого периода. Предположение, что судно погибло в годы Первой мировой войны сразу после ввода в строй, также не выдерживает критики – все потери Российского флота многократно опубликованы, и ничего похожего ни на один из этих объектов в списках нет. Но можно предложить еще один вариант. Под № 278 мог идти пароход Киевского округа Управления внутренних водных путей сообщения (УВВПС) МПС, машины для которого построили уже после революции, а корпус так и не заложили (Лапшин и др., 2018: 217). Хотя в документации указана дата получения этого заказа, как 15 марта 1917 г., но тот же документ указывает и дату заказа на землечерпалку «Инженер Петерсон», как 13 февраля 1915 г. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154). Так что это вполне могла быть дата последней коррекции ранее заключенного контракта. Но, с другой

стороны, рядом с № 278 идут № 274–277 – большой заказ на пароходы МПС для Сибири (Лапшин и др., 2018: 293) и наличие пятого однотипного судна вполне вписывается в это предположение.

Таблица 1. Реконструированный список заказов судостроительного цеха Воткинского завода

№ п/п	№ заказа	Объект	Заказчик	Постройка
1.	1	пароход «Астрабад» КФ	Военвед	1848
2.	2	пароход «Граф Вронченко» БФ	Военвед	1850
3.	3	100-тонная баржа «Нырок» КФ	Военвед	1853
4.	4	100-тонная баржа «Цапля» КФ	Военвед	1853
5.	5	пароход «Урал» КФ	Военвед	1854
6.	6	пароход «Кура» КФ	Военвед	1854
7.	7	100-тонная баржа «Мартышка» КФ	Военвед	1856
8.	?	пять шлюпок АФ	Военвед	1854
9.	?	два гребных барказа АФ	Военвед	1854
10.	?	пароход для Архангельского порта 100 л.с.	Военвед	сгорел
11.	?	барказ 12 л.с.	Военвед	сгорел
12-13.	?	Железные баржи № 1 и № 2 АФ	Военвед	1857
14-19.	?	85-футовые баржи № 1-6 КП	Военвед	1857
20.	?	баржа для дров (показана, как № 3 АФ)	ВЗ	1855
21.	?	пароход БФ «Работник»	Военвед	1865
22.	?	барказ «Нижегородец»	Военвед	1861
23.	?	100-тонная баржа «Чайка» КФ	Военвед	1858
24.	?	100-тонная баржа «Баклан» КФ	Военвед	1858
25.	?	100-тонная баржа «Гагара» КФ	Военвед	1858
26-27.	?	речные баржи № 3, № 4 и ялы к ним АП	Военвед	1862
28-29.	?	паромы № 1 и № 2 АФ	Военвед	1861
30-31.	?	Две баржи и шлюпка	ВЗ	1860
32-35.	?	75-футовые баржи № 6-9 СП	Военвед	1861
36-37.	?	60-футовые баржи № 10 и № 11 СП	Военвед	1861
38-39.	?	Баржи № 1, № 2 и барказы к ним АП	Военвед	1860
40.	?	94,5-футовая баржа № 3 АФ	Военвед	1861
41.	?	барказ и две шлюпки	ВЗ	1865
42.	?	восемь шлюпок, кнехты, цистерны и ящики для АФ, потом из ящиков собран флашхоут	Военвед	1861
43.	?	пароход АП («Тарки»)	Военвед	1869
44.	?	Канонерская лодка «Пицаль» КФ	Военвед	1872
45.	?	Канонерская лодка «Секира» КФ	Военвед	1872
46.	?	Шхуна «Анапа» ЧФ	Военвед	1873
47.	?	Транспорт «Гонец» ЧФ	Военвед	1879
48-49.	?	Баржи № 8 и № 9 АФ	Военвед	1871
50.	50	транспорт «Аист» КФ	Военвед	1864
51.	51	транспорт «Колпик» КФ	Военвед	1864
52-55.	?	Баржи № 123–126 КП	Военвед	1866
56-57.	56-57	Палубные баржи № 8 и № 9 КП	Военвед	1865
58.	58	Беспалубная баржа № 10 КП	Военвед	1865
59.	59	Флашхоут № 20 КП	Военвед	1865
60.	60	Беспалубная баржа № 11 КП	Военвед	1865
61-62.	61-62	Баржи № 19 и № 20 СП	Военвед	1865
63-72.	63-72	Флашхоуты № 21–30 КП	Военвед	1865
73-75.	?	Флашхоуты № 31–33 КП	Военвед	1865
76-77.	?	Баржи № 21 и № 22 СП	Военвед	1866
78.	?	22-весельные баркасы КП (5 шт.) 18-весельные баркасы КП (5 шт.)	Военвед	1867
79.	?	14-весельные катера КП (6 шт.) 8-весельные катера КП (4 шт.)	Военвед	1867
80.	80	Плавучий маяк Астрабадский	Военвед	1865
81.	?	90-футовая баржа (брандвахта)	Военвед	1867
82-83.	?	75-футовые баржи № 30 и № 31 АП	Военвед	1867
84-85.	?	70-фут. баржи Свеаборг. порта № 26–27	Военвед	1867
86-88.	87	80-футовые баржи № 34–36 СП	Военвед	1867

75.	?	Плавучий маяк Красноводский	Военвед	1872
76.	?	Восемь шлюпок АФ	Военвед	1871
77.	?	Пароход «Деятель»	Кусакин	1871
78.	?	Баржа № 10 АФ	Военвед	1870
79.	?	Пароход «Ташкент» АФ	Военвед	1873
80.	?	Шхуна «Лодман» КФ	Военвед	1877
81.	?	Пароход «Бельский»	Груздев	1870
82.	?	Пароход «Приятель»	Четвергов	1871
83-84.	?	Плашкоут № 74 и № 75 БФ	Военвед	1873
85.	?	Пароход «Геок-Тепе» КФ	Военвед	1883
86-89.	?	Плашкоуты «Север», «Юг», «Запад», «Восток»	ВЗ	1882
90-91.	?	Баржи наливные «Раиса» и «Волга»	«Лебедь»	1886
92.	?	Шаланда «Счастливая»	«Лебедь»	1886
93-94.	?	Баржи наливные «Толя» и «Леда»	Шибает	1888
95.	?	Пароход «Воткинский завод»	ВЗ	1887
96.	?	Пароход «Матвей»	Кашин	1888
97.	?	Пароход «Шаркан»	ВЗ	1888
98-99.	?	Баржи наливные «Зинаида» и «Лариса»	Рихтер	1890
100.	?	Шхуна наливная «Воткинский завод»	Грубишич	1889
101.	?	Пароход «Великий князь Алексей»	«Кавказ и Меркурий»	1891
102.	?	Пароход «Джамбай»	Косов	1892
103.	?	Барказ «Первенец»	Казен. з-д	1891
104.	?	Шхуна наливная «Виктор Гирш»	Гирш	1891
105.	?	Пароход «Федор»	Рыбкин	1892
106.	?	Баржа «Нева» (?)	Рыбкин	1892
107.	?	Шхуна наливная «Конрад Бонза»	Марк	1893
108.	?	Пароход «Иж»	Казен. з-д	1893
109.	109	Шхуна наливная «Вера»	Померанцев	1893
110.	?	Пароход «Пережат»	ВЗ	1894
111.	111	Шхуна наливная «Варвара»	Померанцев	1894
112.	112	Шхуна наливная «Любовь»	Восточ. о-во	1895
113.	?	Баржа сухогрузная «Камская»	Стахеев	1893
114.	?	Пароход «Иван»	Юрганов	1893
115.	?	Пароход «Василий»	Орехов	1894
116.	?	Пароход «Мария»	Кашин	1899
117.	?	Пароход «Славный»	Мясников	1895
118.	?	Пароход «Мария»	Кашин	1896
119.	?	Пароход «Тихтем»	Шилов	1897
120.	?	Пароход «Крым»	Землянов	1897
121.	?	Барказ «Смыловка»	Чельшев	1897
122.	?	Шхуна наливная «Эдиссон»	Бегляров	1898
123.	?	Пароход «Коммерсант»	Зырянов	1898
124.	?	Пароход «Николай»	Невское о-во	1899
–		Барказ «Рыбка»	ВЗ	1898
125.	?	Шхуна/плашкоут «Вотка»	Военвед	1902
126.	?	Пароход «Павел Троян»	Зырянов	1899
127.	?	Пароход «Воткинский завод»	Раммерц	1899
128.	?	Пароход «Москва»	Восточ. о-во	1899
129.	?	Пароход «Смоленск»	Восточ. о-во	1899
130.	?	Баржа наливная «Ревекка»	«Мазут»	1900
131.	?	Пароход «Братья Стахеевы»	Стахеев	1900
132.	?	Баржа морская Бакинская	Военвед	1900
133.	?	Пароход «Надежда»	Землянов	1898
134.	?	Пароход «Мамадыш»	Кузовкина	1900
135-136.	?	Баржи наливные «Агар» и «Рахиль»	«Мазут»	1900
137-139.	?	Баржи наливные «Галатя», «Геба», «Сирена»	«Ока»	1900
140-141.	?	Барказы «Первый» и «Сторожевой»	МЗ	1905
142-143.	?	Баржи морские № 19 (?) и № 20 (?) КП	Военвед	1901

144-148.	?	Плашкоуты КП: Ж, З, И, I, К	Военвед	1901
149.	?	Пароход «Дербент»	МПС	1901
150.	?	Пароход «Красноводск» (1-й)	МПС	1901
151.	?	Пароход «Самодержец»	«По Волге»	1901
152.	?	Пароход «Владимир»	Седов	1901
153.	?	Пароход «Бакинец»	Велиев	1901
154.	?	Пароход «Кизил-Агач»	Велиев	1900
155.	?	Баржа наливная «Паллада»	«Мазут»	1902
156.	156	Баржа наливная № 156 (потом «Вязовка»)	«Ока»	1902
157-158.	?	Баржи морские № 24 и № 25 КП	Военвед	1902
159.	159	Пароход «Ф.П. Никитин»	Казен. 3-д	1902
160.	?	Пароход «Киев»	Шувалов	1900
161.	?	Барказ «Орьет»	Велиев	1902
162.	?	Пароход «Маштага»	Велиев	1902
163.	?	Пароход «Галево»	ВЗ	1903
164.	?	Шхуна наливная «Президент Крюгер»	Беглярлов	1902
165.	?	Пароход «А. Ермолов»	МЗ	1902
166.	181 (?)	Пароход «Медик»	«Мазут»	1904
167-168.	?	Пароходы «Ловец» и «Ревизор»	МЗ	1903
169-170.	?	Пароходы «Астрахань» и «Камышин»	Восточ. о-во	1903
171.	?	Пароход «Конструктор Гуллет»	Стахеев	1903
172.	?	Пароход «Бельский»	Калинин	1903
173.	?	Пароход «Ильинец»	Истомин	1903
174.	?	Водоналивной бот КП	Военвед	1903
175.	?	Наливная шаланда «Юнона»	«Мазут»	1904
176.	?	Землечерпалка и две шаланды	Военвед	1903
177.	177	Пароход «Красноводск» (2-й)	МПС	1904
178.	?	Пароход «Дельфин»	Понизовкин	1904
179.	?	Пароход «Амур»	Якимова	1904
180-181.	?	Пароходы «Иван» и «Савин»	Савин	1904
182.	?	Пароход «Новик»	Милютин	1904
183.	?	Пароход «Надежда»	Хасабов	1904
184.	?	Пароход «Ретвизан»	Симонов	1904
185.	?	Пароход «Помощник»	Стахеев	1904
186-187.	?	Пароходы «Н. Сукотин» и «Н. Соколовский»	Плещеев	1904
188.	?	Наливная баржа «Кама»	«Мазут»	1903
189.	?	Пароход «Камский судзавод»	ВЗ	1904
190.	?	Пароход «Галевская пристань»	ВЗ	1904
191.	?	Пароход «Казанец»	Карпова	1905
192.	?	Пароход «Нижегородец»	Карпова	1905
193.	?	Пароход «Чистополец»	Карпова	1905
194.	?	Пароход «Инженер-технолог»	Любимов	1905
195.	?	Пароход «Коммерции советник»	Любимов	1905
196.	?	Пароход «Нижний Новгород»	Любимов	1905
197.	?	Пароход «Цесаревич»	Милютин	1905
198.	?	Пароход «В.К. Сорокин»	Сорокин	1905
199.	?	Пароход «К.В. Сорокина»	Сорокин	1905
200.	?	Пароход «Алексей»	Овчинников	1905
201.	?	Барказ «Воткинский завод»	ВЗ	1905
202.	?	Пароход «Стрела»	ВЗ	1905
203-208.	?	Шаланды № 47–52	МПС	1906
209.	?	Барказ «Сулак»	МПС	1906
210.	?	Пароход «Вятка»	МПС	1906
211.	?	Барказ «Красотка»	МПС	1907
212-215.	?	Шаланды № 701, № 702, № 705, № 706	МПС	1907
216-217.	216	Пароходы «Граф Строганов» и «П.К. Ушков»	Любимов	1907
218.	?	Пароход «Пермяк»	Карпова	1906
219-220.	?	Баржи-квартиры № 503 и № 508	МПС	1907

221.	?	Пароход «Горный инженер Воронцов»	Мельникова	1907
222.	?	Пароход «Инженер-механик Гүллет»	Мельникова	1907
223.	?	Пароход «Птенчик»	Любимов	1908
224.	?	Баржа-лесовоз	ВЗ	1908
225-226.	?	Плашкоуты «Север» и «Восток»	ВЗ	1908
227.	?	Баржа «Весна»	Любимов	1909
228.	?	Баржа «Лето»	Любимов	1909
229.	?	Баржа «Звезда»	Любимов	1909
230.	?	Баржа «Луна»	Любимов	1909
231.	?	Баржа «Солнце»	Любимов	1909
–		Яхта «Вятский воевода»	Горчаков	1909
232.	?	Плашкоут «Зима»	ВЗ	1909
233-234.	?	Пароходы «Китай» и «Русь»	Плещеев	1909
235.	?	Пароход «Азия»	Плещеев	1909
236.	?	Пароход «Европа»	Плещеев	1909
237.	?	Пароход «Прокопий Плещеев»	Плещеев	1909
238.	?	Баржа «Кама»	ВЗ	1909
239.	?	Баржа «Марс»	ВЗ	1909
240-242.	?	Баржи «Лена», «Сива», «Вятка»	ВЗ	1910
243.	?	Теплоход «Н.Н. Курмаков»	Любимов	1911
244.	?	Теплоход «Инженер Износков»	Любимов	1911
245.	?	Теплоход «К.П. Лазарев»	Любимов	1911
246.	?	Теплоход «П.А. Пепеляев»	Любимов	1911
247.	?	Теплоход «К.Ф. Керженецкий»	Любимов	1911
248.	248	Пароход «Богатырь»	Мельникова	1910
249.	249	Пароход «Двигатель»	Мельникова	1910
250.	250	Пароход «Воткинский завод»	Мельникова	1910
251.	251	Пароход «Горный начальник Афанасьев»	Двинаренко	1910
252.	252	Пароход «Храбрый»	Кругляшов	1910
253.	253	Пароход «Решительный»	Кругляшов	1910
254.	254	Пароход «Прохор Андреев»	Плещеев	1910
255.	255	Пароход «Петр Березницкий»	Плещеев	1910
256.	?	Лодка Гороблагодатского округа	Казен. з-д	1911
257.	257	Пароход «Скромный»	Машаров	1911
258.	258	Пароход «Воткинский»	Кондаков	1912
259.	259	Плавкран Архангельского порта № 1	МТиП	1913
260.	260	Пароход «Слава»	Попов	1912
261.	261	Пароход «Михаил»	Штейн	1913
262.	262	Пароход «Дунай»	Матвеев	1912
263.	263	Пароход «Адмирал Макаров»	Волосин	1912
264.	264	Барказ «Сорванец»	Котякова	1913
265.	?	Землечерпалка «Сергей Шубинский»	МТиП	1913
266-267.	266-257	Плашкоуты «Зея» и «Шилка»	Дальнев.т-во	1913
268-269.	268-269	Барказы «Кура» и «Терек»	МТиП	1913
270-273.	?	Шаланды № 117–120 Астраханского порта	МТиП	1913
274.	274	Пароход «Урал»	МПС	1914
275.	275	Пароход «Алтай»	МПС	1914
276.	276	Пароход «Ермак»	МПС	1914
277.	277	Пароход «Катунь»	МПС	1914
278.	?	Пароход Киевского округа УВВПС	МПС	отм.
279.	279	Пароход «Витязь»	Коншин	1913
280.	280	Плавкран Феодосийского порта	МТиП	1914
281.	281	Землечерпалка «Инженер Шуляченко»	МТиП	1915
282.	282	Плавкран Керченского порта	МТиП	1914
283.	283	1-й Одесский плавкран	МТиП	1915
284.	284	Пароход «А. Станкевич»	Казен. орг.	1915
285.	285	2-й Одесский плавкран	МТиП	1914
286.	?	Лодка «Ижзаводы»	Казен. з-д	1914
287-290.	?	Шаланды № 1–4 Архангельского порта	МТиП	1915
291.	291	Землечерпалка «Инженер Флорин»	МТиП	1915

292.	292	Плавкран Астраханского порта	МТиП	1915
293.	293	Землечерпалка «Инженер Руденко»	МТиП	1915
294-299.	294-299	Шаланды № 140–145 Астраханского порта	МТиП	1915
300.	300	Землечерпалка «Инженер Петерсон»	МТиП	1938
301-306.	301-306	Шаланды № 147–152 Астраханского порта	МТиП	1916
307-312.	307-312	Шаланды № 307–312 Астраханского порта	МТиП	1917
313-318.	313-318	Шаланды Астраханского порта	МТиП	отм.
319.	319	Плавкран Николаевского порта	МТиП	1917
320.	320	Плавкран Архангельского порта № 2	МТиП	1915
321-328.	321-328	120 т. баржи Архангельского порта	МТиП	1915
329-330.	?	Шаланда Ш-1, Ш-2 Архангельского порта	МТиП	1919
331-335.	331-335	Плавкраны Архангельского порта № 3-8	МТиП	1915
336-345.	336-345	120 т. баржи Архангельского порта	МТиП	1916
346-351.	346-351	Баржи в 120 т. Кольского порта	МТиП	1917
352.	352	Пароход «Сплавщик»	ВЗ	1918
353.	353	Барказ типа «Сорванец» («Марат»)	ВЗ	1922
354.	?	Плавкран Батумского порта	МПиТ	1925
355-364.	?	250 т. баржи Белого моря	МПиТ	1917
365.	365	Пароход «Красная заря»	МТиП	1922
366.	366	Пароход «Вперед»	МТиП	1922
367-368.	367-368	Барказы «Кура» (2-й) и «Терек» (2-й)	МТиП	отм.
369-371.	369-371	Пароходы Астраханского порта 250 л.с.	МТиП	отм.
372.	?	Дебаркадер Астраханского порта	МТиП	отм.
373-382.	373-382	200 т. баржи Белого моря	Военвед	1917
383-392.	383-392	120 т. баржи Архангельского порта	МТиП	отм.
393.	393	Пароход «Металлист»	Михалев	1922
394.	?	Баржа «Луна» № 1 (потом «Кама»)	ВЗ	1922
395.	?	Баржа «Звезда» № 2 (потом «Волга»)	ВЗ	1922
396.	?	Баржа № 3 (потом «Камметалл»)	ВЗ	1922
397.	?	Баржа № 4 (потом «Марс»)	ВЗ	1922
398.	?	Баржа без имени	ВЗ	1926
399.	?	Баржа без имени	ВЗ	отм.
400.	?	Баржа «Работница»	Гос. орг.	1922
401-402.	?	Баржи без имени	Гос. орг.	отм.
403.	?	Моторный катер «Культура»	ВЗ	1935
404.	?	Пароход «Сплавщик»	Гос. орг.	1938
405.	?	Землечерпалка № 1 («Камская-15»)	НКРФ	1939
406.	?	Землечерпалка № 2 («МОК-20»)	НКРФ	1939
407.	?	Землечерпалка № 3 («МОК-21»)	НКРФ	1939
408-410.	?	Землечерпалки № 4–6	НКРФ	отм.
411.	?	Моторный катер «Воткинский завод» (?)	ВЗ	1943
412.	?	Пассажирский катер «Победа»	ВЗ	1946

Сокращения: ВЗ – Воткинский завод, КФ – Каспийская флотилия, БФ – Балтийский флот, АФ – Аральская флотилия, КП – Кронштадтский порт, АП – Астраханский порт, СП – Санкт-Петербургский порт, МЗ – Министерство земледелия, МПС – Министерство путей сообщения, МТиП – Министерство торговли и промышленности, НКРФ – Наркомат речного флота, Казен. – казенный (казенная), орг. – организация, гос. – государственный, т-во – товарищество, з-д – завод, о-во – общество.

Анализ номеров более ранних заказов производился нами в других работах: № 1–51 – (Mitiukov, 2020), от № 80 до 160-х номеров – (Mitiukov et al., 2018), от № 150 до № 240 – (Митюков, Матвеев, 2017). Анализ диапазона номеров от № 52 до № 80 пока не производился, но этому диапазону будет посвящено отдельное исследование. Закономерности в реконструированных списках следующие. Первый список (№ 1–51), по-видимому, имеет много вакантных номеров – количество построенных заводом объектов меньше, чем номерной диапазон. С другой стороны, список № 80–160 показал, что количество построенных объектов превысило диапазоны возможных номеров заказов. К сожалению, достоверно восстановить весь диапазон номеров, как это имело место в диапазоне № 248–393, не представляется возможным. Известны лишь номера единичных заказов, которые в лучшем случае можно использовать лишь как реперные точки. Тем не менее, судя по насыщенности списков, возможны два выхода из создавшегося положения. Во-первых, по максимуму передвинуть номера заказов на более ранний диапазон (в идеале в диапазон № 1–51) и, во-вторых, следует искать

повторы в имеющихся списках, когда судно с одним номером могло дважды пройти через делопроизводственную документацию, например, как построенное и забракованное заказчиком, а потом перестроенное и сданное уже другому заказчику.

В 2018 г. нами была опубликована энциклопедия воткинских пароходов с реконструированными по регистрам и судовым спискам биографиями (Лапшин и др., 2018). Она была выбрана в качестве основы для корректирования полученного списка, чтобы вписать его в имевшийся номерной диапазон.

Реконструкция номеров в диапазоне № 150–240 (Таблица 1) производилась нами в 2017 г. (Митюков, Матвеев, 2017). В основу был положен список, составленный В.Н. Ступишиным (МКИВ. Д. 4812). Скорее всего, автор ориентировался на имевшуюся в его распоряжении делопроизводственную документацию. Однако данные речных регистров сразу указали на некоторые пропущенные позиции. Это любимовский пароход «Птенчик» (Лапшин и др., 2018: 153), пять любимовских теплоходов типа «Н.Н. Курмаков» («Н.Н. Курмаков», «Инженер Износков», «К.П. Лазарев», «П.А. Пепеляев», «К.Ф. Керженецкий») (Лапшин и др., 2018: 154). Но если все эти суда проходят по заводским документам, имеющимся в фондах ЦГА УР, то пароход «Галевская пристань» (Лапшин и др., 2018: 193), по-видимому, построенный заводом для последующей перепродажи, в делопроизводственной документации в фондах ЦГА УР отсутствует. Но в реальности его постройки регистры не дают повода усомниться – его биография прослеживается вплоть до 1959 г. А кроме того, упоминание о «Галевской пристани» имеется в записной книжке инженера Н.Г. Богатырева (МИКВ. Д. 707). Он вел свой дневник, довольно скрупулезно отмечая, какие машины и на какой пароход они поставляли. Так что вполне возможно, что пароход отсутствует в делопроизводственной документации по той причине, что завод осуществил лишь его капитальный ремонт с заменой машины. По аналогичной причине из списка можно исключить строившиеся для МПС пароход «Вятка» и барказ «Красотка», а также пароход «Алексей» для Овчинникова. В документации они проходили с очень странной формулировкой: «ремонт с заменой корпуса». Фактически это были новые суда, на которых стояли старые механизмы с выводимых из эксплуатации судов. По каким-то причинам МПС, вероятно, не могло заказать для своих нужд новые суда, а лишь ремонтировало существующие.

Также особняком во всем списке заказов стоит яхта для Вятского губернатора князя Горчакова. Это было единственное деревянное судно, построенное заводом (если не считать бортовых плавсредств крупных судов). Так что, возможно, ее постройка тоже могла идти в ином порядке без выдачи традиционного заказа, тем более что ее преподнесли губернатору в подарок.

По этой же причине из таблицы (Митюков, Матвеев, 2017) имеет смысл вычеркнуть пароходы «Колва» и «Свобода» – завод проводил их капитальный ремонт и потому в номерах заказов они явно не проходили. Кроме того, по-видимому, понтоны для Пермского инженерного товарищества (Лапшин и др., 2018: 241) представляли собой забракованные Военведом грунтоотвозные шаланды (Лапшин и др., 2018: 95), заказанные вместе с землечерпалкой. По крайней мере даты их готовности и даты браковки шаланд Военведом удивительным образом совпадают, и это может объяснить факт, что в бухгалтерской документации они взялись как будто из ниоткуда, сразу готовые к продаже. Кроме того, по всей документации землечерпалка всегда указывается как «землечерпалка и две шаланды к ней», из-за чего также имеет смысл их объединить в одном заказе.

Из этого номерного диапазона известны следующие номера заказов (Митюков, Матвеев, 2017): № 156 – баржа, построенная по заказу общества «Ока», что интересно, вошла в состав флота общества под строительным номером; № 159 – пароход «Ф.П. Никитин»; № 177 – пароход «Красноводск» (2-й).

Дополнительно уже после публикации статьи были обнаружены указания еще на два номера. Во-первых, закладная планка судна 1901 года за № 181 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 159). Поскольку чертеж идет вместе с чертежом литой ступеньки на шхуну «Президент Крюгер», можно предположить, что планка относится также к нему. Однако судя по Таблице 1, это судно очень отдалено по дате готовности от предполагаемого номера. Но сразу после закладной планки (Д. 159) идут чертежи парохода «Медик» («Математик»), номер которого по Таблице 1 намного ближе к предполагаемому номеру.

Во-вторых, имеется чертеж распределительной доски для парового отопления на неуказанный пароход Любимова (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 753). На ней значится № 216 и 1906 год. Это практически точно указывает на пароходы «Граф Строганов» или «В.К. Ушков».

Анализ первых заказов судостроительного цеха Воткинского завода дал результат, приведенный в № 1–50 Таблицы 1 (Mitiukov, 2020). Диапазон номеров заказов здесь явно превышает количество реальных объектов, по которым работал завод. Имеются также указания, что завод получил заказ на два парохода для Балтфлота, которые предполагалось построить по типу «Граф Вронченко», но после большого пожара 1856 г. его отменили.

Таблица в работе 2020 года (Mitiukov, 2020) нами была составлена так, чтобы попытаться изыскать какие-либо объекты судостроительного производства, чтобы заполнить пустые строки. Однако, скорее всего, это неправильно, поскольку все последующие периоды, наоборот,

демонстрируют количество объектов производства, превышающее сумму вакантных номеров заказов. В связи с этим в диапазон номеров № 1–50 можно освободить от нескольких позиций. Так шлюпки, гребные барказы и ялы для баржей Астраханского порта, скорее всего, шли вместе с самими баржами. Комплекующие для Аральской флотилии (кнехты, цистерны, ящики и т.д.) также могли идти в составе другого заказа, например со шлюпками.

В феврале 1862 г. Воткинский завод получил большой заказ на постройку плавсредств для Балтийского флота (в общей сложности 46 единиц) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596). В течение нескольких последующих лет завод работал только по этому заказу, относительно спокойно пережив реформенное время, когда в Российской империи целые отрасли приходили в упадок. Многие объекты, выполненные по нему, поставлялись заказчику (Военведу) под номерами заводских заказов, что дает возможность четко привязать время выполнения работ и номера (№ 52–80 Таблица 1). Так, в промежутке с № 52 по № 79 (после транспортов «Аист» и «Колпик» – № 50 и № 51, до плавучего маяка Астрабадского залива – № 80) практически идеально «вкладываются» все заказы февраля 1862 г., при условии, что 20 гребных катеров и барказов идут двумя номерами.

С № 81 идут пять барж для Свеаборгского порта, к работе к которым завод приступил сразу после постройки плавсредств Кронштадтского и Петербургского портов. А далее идут три 80-футовые баржи для Петербургского порта. В ЦГА УР имеется «Журнал учета на запуску прихода и расхода материалов на постройку баржи 80' для Кронштадтского порта» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8028). Судя по всему, при постройке все объекты имели подобный журнал, но в фондах имеется лишь этот. На титульном листе документа есть запись «Книга № 87», и, похоже, этот номер указывает на номер заказа. В Таблице 1 эти баржи указаны с № 86–88, и он практически идеально укладывается на середину нужного диапазона.

Таким образом, остается замыкающая цепочка номеров с № 89 по № 155. Этот диапазон был проанализирован нами в 2018 г. (Mitiukov et al., 2018), в немного исправленном виде он приведен в Таблице 1. И снова не по всем указанным объектам имеются одновременно сведения о постройке в заводской делопроизводственной документации и информация об их службе по морским и речным регистрам или судовым спискам. Ранее нами был сделан вывод, что, по-видимому, заказ на плавсредства, отправляемые для Аральской флотилии, выдавался один на всю партию отправки. В диапазоне номеров 80–100 таких партий было две. Одна на 8 шлюпок и баржи № 8 и 9, вторая на баржу № 10 и пароход «Ташкент» (Митюков, Яровой, 2018). Кроме того, нами был подробно рассмотрен факт заказа заводу транспорта по типу «Красная горка» и наличие плашкоута «Вотка» воткинской постройки, который завод не строил (Митюков, 2017). Имеются также сомнения, что завод делал барказ горного начальника «Рыбка». Судно действительно имелось на заводе, и местом постройки его в регистрах значится Воткинский завод, но остается вопрос, что имеется в виду – предприятие или населенный пункт? Дело в том, что в поселке многие частники строили небольшие паровые суда, и «Рыбка» вполне подходит под их характеристики. Возможно, также, что купец Рыбкин, заказавший пароход «Федор» вместе с полубаржей, оформил одним заказом оба объекта. Полубаржа потребовалась для перевозки построенного парохода по Мариинской водной системе при транспортировке его в Неву.

Из достоверно известных номеров можно указать следующие. № 80 – это плавучий маяк для Астрабадского залива (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596). № 109 – наливная шхуна «Вера» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 92). На том же чертеже показаны обводы однотипных шхун, которые чуть отличаются от оригинала. Напротив этих линий указано: «шхуны № 111 «Варвара» и № 112 «Любовь» Померанцеву».

Для согласования с началом Таблицы 1, первый номер в продолжении должен быть № 73, что явно противоречит расстановке предыдущих номеров. С учетом этого накладка составляет около полтора десятков объектов постройки.

Можно предположить, как указывалось выше, что не имели номеров «Галевская пристань», «Красотка», «Вятка», «Алексей» и еще пара-тройка других объектов, что несколько сближает номера накладки на стыке Таблицы 1. Но таких объектов не полтора десятка и свести все их в один список, по-видимому, невозможно!

При анализе диапазона номеров № 80–100 нами было сделано предположение, что, возможно, канонерские лодки «Пищаль» и «Секира», а также шхуна «Анапа» и транспорт «Гонец» могли быть заказаны перед баржами № 50–80, поскольку их постройка шла параллельно баржам. Аналогичная ситуация имела место и по безымянным баржам для Аральской флотилии (это № 8 и 9). Однако и в этом случае имеется значительное наложение (порядка десятка номеров) списков друг на друга. Но анализ Таблицы 1 показывает, что «Вера», «Варвара» и «Любовь» примерно укладываются в реконструированный список, из чего можно заключить, что основные «движения» по списку проходили с номерами меньшими, чем у «Веры», «Варвары» и «Любови».

В указанном диапазоне имеется интересный артефакт – это перерыв в судостроении почти в десятилетие в 1870-х гг. В 1872 г. Военвед решил заказать четыре баржи и тем самым закончить судостроение на Воткинском заводе. Но с завода ответили, что там имеются заготовленные материалы лишь весом 4500 пудов, в результате чего ему были заказаны плашкоуты № 74 и 75 весом

3000 и 1500 пудов. С другой стороны, в 1880 г. Военвед заказал большой пароход для Каспийской флотилии «Геок-Тепе», фактически реанимировав судостроение на заводе.

Таким образом, можно предположить следующее объяснение наличия «лишних» номеров. Та система номеров, которая сложилась в конце XIX – начале XX вв., ведет свое начало от «Геок-Тепе» и возобновленного судостроения на Воткинском заводе. Соответственно, до «Геок-Тепе» номера, ставшие объектом данного исследования, возможно, присваивались лишь заказам Военведа и, скорее всего, собственным заказам Воткинского завода, поскольку их также оплачивал Военвед. Частные заказы шли отдельным списком, который, начиная с некоторого номера (в 1880-х гг.), стал продолжением военведовских номеров.

Тогда продолжением Таблицы 1 военведовских номеров могли быть следующие заказы: № 89 – плавучий маяк Красноводского залива, № 90 – восемь шлюпок Аральской флотилии, № 91 – баржа № 10 Аральской флотилии, № 92 – пароход «Ташкент», № 93 – шхуна «Лоцман», № 94 (возможно № 95) – плашкоуты № 74 и 75, и наконец, № 95 (или 96) – пароход «Геок-Тепе». Последний номер приходится на 1887–1888 гг., когда завод возобновил производство пароходов по частным заказам. Таким образом, пароходы по заказу Кусакина, Груздева и Четвергова (1869–1871 гг., т.е. до прекращения судостроения в 1870-х гг.), а также большой заказ на баржи (четыре плашкоута для собственных нужд, необходимых для перевозки паровозов, четыре баржи и шаланда для общества «Лебедь») первоначально имели собственную нумерацию заказов, чем и могло объясняться наложение номеров. Возможно, этапным судом стала морская шхуна «Воткинский завод», которой искусственно присвоили № 100, начав новую объединенную нумерацию судов.

Наконец, осталось воткинское судостроение советского периода. В литературе традиционно считается, что завод в этот период лишь достраивал заложенные до революции объекты, но это не подтверждается документами. Обсуждение списка построенных в советское время судов будет произведено нами в отдельной публикации. Пока же об этом периоде есть смысл упомянуть лишь для создания системной картины всего судостроения в Воткинске, а не только ее дореволюционной части.

Как видно из Таблицы 1, ряд заказов завод не завершил. Сгорели 12-сильный барказ и 100-сильный пароход. Сгорела также баржа № 3 Аральской флотилии, но есть основания считать, что это была бывшая заводская баржа, законченная постройкой за год до пожара. Кроме того, на ранних стадиях постройки (фактически на этапе заготовки материалов) отменили строительство 29 объектов:

- сразу после революции отменены 22 объекта (шесть грунтоотвозных шаланд для Астраханского порта, пять пароходов для Астраханского порта, дебаркадер для Астраханского порта и десять 120-тонных барж для Архангельского порта);

- в советское время при передаче завода от одного наркомата в другой отменились семь заказов, находящихся в низкой степени готовности (пароход по заказу Киевского округа Управления внутренних водных путей сообщения МПС, для него изготовлена лишь машина, использованная для других целей, одна баржа для собственных целей, две баржи для треста «Стромстроймашина», которые не разрешили закончить для своих нужд, и три землечерпалки Наркомата речного флота). Кроме того, неясна судьба барж типа «Работница». Их первоначально заказано четыре, завод начал заготавливать материалы для двух, а реально построил одну.

Таким образом, по разным причинам не закончен 31 объект. С другой стороны, по всей вероятности, имелось несколько групповых заказов. Опуская бортовые плавсредства для крупных судов, которые завод строил в большом числе, получается 38 плавсредств шестью заказами:

- в 1854 г. пять шлюпок и два барказа для Аральской флотилии;
- в 1861 г. восемь шлюпок, кнехты, цистерны и ящики для Аральской флотилии, потом уже в самой флотилии из ящиков собрали «внеплановый» флашхоут;
- в 1862 г. завод для своих нужд построил несколько шлюпок;
- в 1867 г., по-видимому, двумя заказами изготовили 20 гребных плавсредств для Кронштадтского порта.

Кроме того, у 14 заказов, по-видимому, имелась двойная нумерация. Учитывая вышеизложенное, получается, что завод успешно построил и сдал 399 заказов, что полностью соответствует имеющейся в литературе информации. Но, как показано выше, это совпадение не более чем случайность.

Количество изготовленных объектов судостроительным цехом Воткинского завода по годам распределяется крайне неравномерно. В дальнейшем анализе есть смысл разбить весь период работы цеха на пятилетия. Это несколько сглаживает колебания готовых заказов из года в год. Но есть смысл столетие, когда существовало судостроение, свести не к 20, а к 19 пятилетиям. В этом случае по одному построенному объекту до 1850 г. и после 1945 г. прибавляется на первое и последнее пятилетие.

Картина распределения по пятилетиям самоходных и несамоходных судов приведена на Рисунках 1 и 2.

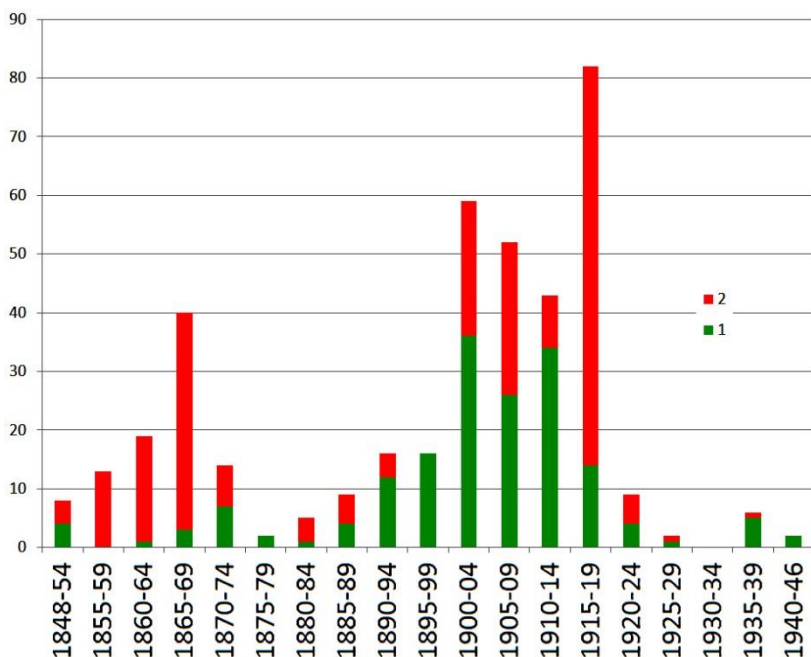

Рис. 1. Распределение по пятилетиям количества построенных судов: 1 – самоходные суда; 2 – несамоходные суда

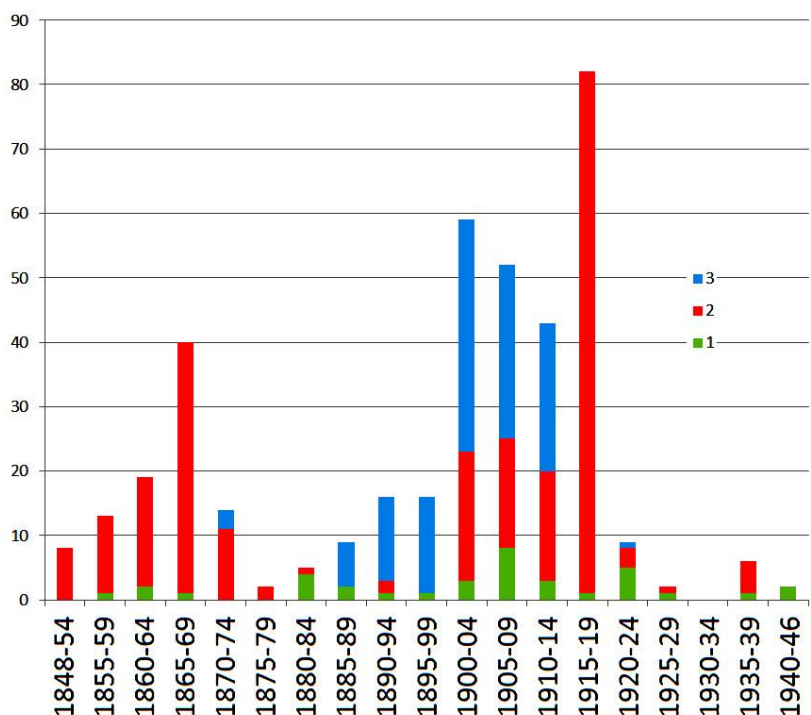

Рис. 2. Распределение количества построенных судов по ведомственной принадлежности: 1 – заказы для собственных нужд; 2 – государственные и казенные организации и ведомства, 3 – частные заказчики

На [Рисунке 1](#) отображена структура построенных объектов в разрезе самоходных и несамоходных судов. К самоходным отнесены: баркасы, пароходы, шхуны, теплоходы, мотолодки, плавучие краны и землечерпалки. Несамоходные – это баржи, грунтоотвозные шаланды, плавучие маяки, плашкоуты и т.д. Видно, что на первом этапе работы завода (до 1875 г.) в его продукции преобладали несамоходные суда. В этот период, даже если завод строит пароходы, механизмы для него поставляют другие заводы. На втором этапе работы судостроительного цеха завода (примерно до начала мировой войны) преобладают самоходные суда, а в продукции военного времени – снова несамоходные (баржи и шаланды). Наконец, в продукции советского периода начинают преобладать самоходные суда.

На [Рисунке 2](#) представлена ведомственная принадлежность произведенных на заводе заказов. Формально было бы корректно вести подсчет по двум категориям: государственные структуры и частные, так как сам завод тоже был казенным учреждением. Но это будет не совсем корректно, поскольку, когда завод работал по заказам Военвезда, тот оплачивал ему постройку собственных плавсредств, поскольку их целесообразность определялась производственной необходимостью. В результате практически стиралась грань «казенный заводской объект» и военведовский. Так, например, завод получил для собственных нужд забракованный Военведом 12-сильный баркас «Нижегородец» (№ 22 [Таблица 1](#)), но передал построенный для собственных нужд баркас (№ 41 [Таблица 1](#)), ставший потом пожарным ботом Кронштадтского «Пожарный».

С другой стороны, в период с 1885 г. по 1914 г., когда завод ориентировался на частных, он строил суда по собственному заказу, имея перспективы их коммерческой реализации. А нередко он продавал и собственные пароходы, если на них находилась покупатель, как это произошло, например, с пароходами «Шаркан» и «Воткинский завод», проданные Овчинникову и Полякову соответственно.

Основные этапы в истории завода из [Рисунка 2](#) в целом повторяют выводы по [Рисунку 1](#). Снова ярко выражен первый этап до 1880 г., когда завод работает по заказам Военвезда. В 1880–1884 гг. идет переориентация на частного – за это пятилетие он построил в основном суда для собственных нужд (плашкоуты для перевозки паровозов). А вот с 1885 г. примерно до начала мировой войны основной заказчик завода – это частники. В некоторые года завод работает исключительно по частным заказам. Государственные структуры оказывают небольшую поддержку заводу в виде заказов МПС, МЗ и МТиП. Но в основном это несамоходные суда и в объеме производства их цена не очень высока. А вот с началом мировой войны государственные заказы стали единственными для завода. Хотя в конце войны был принят заказ на пароход для Михалева, это, вероятно, сделали лишь для привлечения «живых» денег, в которых завод в этот период испытывал недостаток. Наконец, в советский период завод в основном работает на государственные заказы, что, учитывая уклад социалистического общества, совершенно не удивительно.

5. Заключение

В ходе работы произведена реконструкция списка заказов судостроительного цеха Воткинского завода ([Таблица 1](#)), состоящего из 412 позиций. При этом, по-видимому, в 1880-х гг. завод вел двойную нумерацию заказов – военведовских и частных, что предопределило дублирование номеров по примерно полутора десяткам позиций.

Анализируя ведомственную принадлежность и типовой состав заказов ([Рисунок 1](#) и [Рисунок 2](#)) можно выделить четыре этапа существования судостроения в Воткинске.

Этап 1 (1848–1879 гг.) характеризуется преобладанием заказов Военвезда над остальными. Судостроительное производство в Воткинске организовано исключительно для обеспечения потребностей Каспийской и Аральской флотилий, чем оно успешно и занимается. В этот период преобладают несамоходные суда: баржи, плашкоуты и пароходные корпуса без механизмов. Из наиболее важных реализованных задач этого периода – комплектование Аральской флотилии (имела в своем составе более половины плавсредств воткинской постройки) и коренное перевооружение плавсредств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов Балтийского флота (отдельные плавсредства сохранились до Великой Отечественной войны).

Этап 2 (1880–1913 гг.) – полная переориентация производства на частные заказы и более интеллектуально емкую продукцию (пароходы, теплоходы). Поскольку Воткинский завод сохраняет статус казенного предприятия, под видом убыточности судостроения скрывается факт государственного субсидирования отечественных речных перевозчиков. Это имело наибольшее значение при начале нефтяного бума на Каспийском море (активная постройка нефтеналивных шаланд), а также освоении водных путей на реках Сибири и Дальнего Востока (здесь завод имел действующие филиалы).

Этап 3 (1913–1929 гг.) – снова полная переориентация на оборонные нужды. Основным заказчиком завода выступают МПТиТ и Военвед. Из-за массовости постройки в этот период снова преобладают несамоходные средства – баржи и грунтоотвозные шаланды. Воткинская продукция производит полное перевооружение технических средств таких стратегически важных пунктов, как Волго-Каспийский канал и Архангельский порт. Хотя после революции большинство заказов отменили, завод продолжает достройку объектов, начатых в ходе войны, в основном завершив ее в 1922 г. Хотя сразу после революции завод начал постройку нескольких вновь заложенных барж, это также вполне логичное следствие заказов военного времени, так как используются заготовленные материалы отмененных заказов.

Этап 4 (1930–1946 гг.) – фактическая деградация воткинского судостроения.

Литература

[АВЗ](#) – Архив музея Воткинского завода.

[Воротов, 1985](#) – *Воротов А.* Воткинские корабли // Воткинск. Летопись событий и фактов. Устинов: Изд-во «Удмуртия», 1985. С. 43-45.

- [Коробейников, 2012](#) – Коробейников А.В. Воткинское судостроение и гражданская война. Ижевск: Изд-во «Иднакар», 2012. 190 с.
- [Лапшин и др., 2018](#) – Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Матвеев Д.В., Коробейников А.В. Воткинский машиностроительный завод: век судостроения (1847–1945 гг.) / Ижевск: Иднакар; Институт компьютерных исследований, 2018. 434 с.
- [МИКВ](#) – Архив Музея истории и культуры города Воткинска.
- [Митюков, 2017](#) – Митюков Н.В. Загадка недостроенного транспорта // *Гангут*. 2017. № 99. С. 3-10.
- [Митюков, Матвеев, 2017](#) – Митюков Н.В., Матвеев Д.В. Реконструкция номеров заказов Судостроительного цеха Воткинского завода первого десятилетия XX в. // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2017. № 3 (11). С. 38-41.
- [Митюков, Яровой, 2018](#) – Митюков Н.В., Яровой В.В. Пароход аральской флотилии «Ташкент» // *Судостроение*. 2018. № 3. С. 70-74.
- [Павлов, 2014](#) – Павлов А.С. Пароходы Сибири 1844–1918. Обь–Иртыш. Ангара–Байкал–Селенга. Амур. Лена. Енисей. Колыма. Якутск, 2014. 168 с.
- [Ступишин, 1959](#) – Ступишин В.Н. Воткинские были (исторические очерки), 1759–1959. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959.
- [ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской республики.
- [Шубин, 1927](#) – Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. 920 с.
- [Mitiukov, 2020](#) – Mitiukov N.W. Shipbuilding at the Votkinsk Plant in the Pre-Reform Period of 1846–1861 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. № 1. Pp. 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130
- [Mitiukov, 2020a](#) – Mitiukov N.W. «Vorotov List» as a Source for Votkinsk Shipbuilding // *Russkii Arkhiv*. 2020. № 8(1). P. 75-83. DOI: 10.13187/ra.2020.1.75
- [Mitiukov, Loshkarev, 2018](#) – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N. Reconstruction of the Table of Numbers of Military Orders of the Shipbuilding Workshop of Votkinsk's Plant // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2018. № 1(5). Pp. 10-22. DOI: 10.13187/jincfar.2018.1.10
- [Mitiukov et al., 2018](#) – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V. Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902 // *Bylye Gody*. 2018. № 49 (3). Pp. 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
- [Mitiukov et al., 2017](#) – Mitiukov N.W., Matveev D.V., Semyonov A.S. Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye Gody*. 2017. № 44 (2). Pp. 644-652.

References

- [AVZ](#) – Arkhiv muzeya Votkinskogo zavoda [Archive of the Votkinsk plant museum].
- [CGA UR](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respublikii [Central state archive of the Udmurt Republic].
- [Korobejnikov, 2012](#) – Korobejnikov, A.V. (2012) Votkinskoe sudostroenie i grazhdanskaja vojna [Votkinsk shipbuilding and the civil war]. Izhevsk: Idnakar. 190 p. [in Russian]
- [MIKV](#) – Arkhiv Muzeya istorii i kul'tury goroda Votkinska [Archive of the museum of history and culture of the Votkinsk city].
- [Mitiukov, 2020](#) – Mitiukov, N.W. (2020). Shipbuilding at the Votkinsk Plant in the Pre-Reform Period of 1846–1861. *Bylye Gody*. 55(1): 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130.
- [Mitiukov, 2020a](#) – Mitiukov, N.W. (2020). «Vorotov List» as a Source for Votkinsk Shipbuilding. *Russkii Arkhiv*. 8(1): 75-83. DOI: 10.13187/ra.2020.1.75
- [Mitiukov, Loshkarev, 2018](#) – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N. (2018). Reconstruction of the Table of Numbers of Military Orders of the Shipbuilding Workshop of Votkinsk's Plant. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 1(5): 10-22. DOI: 10.13187/jincfar.2018.1.10.
- [Mitiukov et al., 2018](#) – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Matveev, D.V. (2018). Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902. *Bylye Gody*. 49(3): 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
- [Mitiukov et al., 2017](#) – Mitiukov, N.W., Matveev, D.V., Semyonov, A.S. (2017). Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders. *Bylye Gody*. 44(2): 644-652.
- [Mityukov, 2017](#) – Mityukov, N.V. (2017). Zagadka nedostroennogo transporta [The mystery of an unfinished transport]. *Gangut*. 99: 3-10. [in Russian]
- [Mityukov, Yarovoi, 2018](#) – Mityukov, N.V., Yarovoi, V.V. (2018). Parohod aral'skoj flotilii «Tashkent» [Steamer of the Aral flotilla "Tashkent"']. *Sudostroenie*. 3: 70-74. [in Russian]
- [Mityukov, Matveev, 2017](#) – Mityukov, N.V., Matveev, D.V. (2017). Rekonstrukcija nomerov zakazov Sudostroitel'nogo ceha Votkinskogo zavoda pervogo desjatiletija XX v. [Reconstruction of the order numbers of the shipbuilding shop of the Votkinsk plant of the first decade of the 20th century]. *Vostochno-Europejskij nauchnyj vestnik*. 3(11): 38-41. [in Russian]

Pavlov, 2014 – *Pavlov, A.S.* (2014). Parohody Sibiri 1844–1918. Ob'-Irtysch. Angara-Bajkal-Selenga. Amur. Lena. Enisej. Kolyma [Steamers of Siberia 1844–1918. Ob-Irtysch. Angara-Baikal-Selenga. Amur. Lena. Yenisei. Kolyma]. Yakutsk. 168 p. [in Russian]

Shubin, 1927 – *Shubin, I.A.* (1927). Volga i Volzhskoe sudohodstvo [Volga and Volga shipping]. Moscow: Transpechat'. 920 p. [in Russian]

Stupishin, 1959 – *Stupishin, V.N.* (1959). Votkinskie byli (istoricheskie ocherki), 1759–1959 [Votkinskys were (historical essays), 1759–1959]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]

Lapshin i dr., 2018 – *Lapshin, R.V., Mitjukov, N.V., Matveev, D.V., Korobejnikov, A.V.* (2018). Votkinskij mashinostroitel'nyj zavod: vek sudostroenija (1847–1945 gg.) [Votkinsk machine-building plant: the century of shipbuilding (1847–1945)]. Izhevsk: Idnakar; Institut komp'yuternyh issledovanij. 434 p. [in Russian]

Vorotov, 1985 – *Vorotov, A.* (1985). Votkinskie korabely [Votkinsk shipbuilders]. Votkinsk. Letopis' sobytij i faktov. Ustinov: Udmurtija. Pp. 43-45. [in Russian]

Реконструкция объемов судостроительного производства в Воткинске

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^{c, d},
Юрий Николаевич Макаров ^e

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bУдмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^cИжевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Ижевск,
Российская Федерация

^dМосковский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

^eСочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. За свою более чем 250-летнюю историю Воткинский казенный завод не раз выполнял ответственные задания государственной важности. Одним из них стало судостроение, продолжавшееся около ста лет. В работе произведена реконструкция списка судостроительных заказов, состоящего из 412 позиций. Установлено, что, по-видимому, в 1880-х гг. завод вел двойную нумерацию заказов – Военного ведомства и частных, что предопределило дублирование номеров по примерно полутора десяткам позиций. Анализ ведомственной принадлежности и типовой состав заказов позволил выделить четыре этапа существования судостроения в Воткинске.

Этап 1 (1848–1879 гг.) характеризуется преобладанием заказов Военного ведомства над остальными. Производство судов в Воткинске было организовано исключительно для военных целей, чем оно успешно и занималось. В этот период преобладали несамоходные суда, а из наиболее важных задач произведено комплектование Аральской флотилии и коренное перевооружение плавсредств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов Балтийского флота. Во время этапа 2 (1880–1913 гг.) произведена полная переориентация на частные заказы и более интеллектуально емкую продукцию (пароходы, теплоходы). Поскольку Воткинский завод сохраняет статус казенного предприятия, под видом убыточности судостроения скрывается факт государственного субсидирования отечественных речных перевозчиков. Это имело наибольшее значение в начале нефтяного бума на Каспийском море, а также освоении водных путей на реках Сибири и Дальнего Востока. На время Первой мировой войны пришелся этап 3 (1913–1929 гг.), когда произошла полная переориентация на оборонные нужды. Основным заказчиком завода выступают Министерство промышленности и торговли и Военное ведомство. Из-за массовости постройки в этот период снова преобладают несамоходные средства – баржи и грунтоотвозные шаланды. Воткинская продукция производит полное перевооружение технических средств стратегически важных пунктов – Волго-Каспийского канала и Архангельского порта. Этап 4 (1930–1946 гг.) характеризуется деградацией воткинского судостроения.

Ключевые слова: судостроение, Воткинский завод, реконструкция, объемы производства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2546-2553. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2546
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Caucasian Army in the Late 1850s: Management Features in the Context of the Unification of Administrative Institutions

Alexey H. Abazov ^{a, *}

^a Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation

Abstract

The article considers the structure and management bodies of the Caucasian Army in the late 50s of XIX century Described as head administrative institutes (Main Headquarters in the Chancellery, Office of the Quartermaster General and Duty General) and regional (on the Right and Left Wings of the Caucasian Line, Caspian Territory, Lezgi Cordon Line, Kutaisi Governorate General orate). Attention is drawn to the fact that the functions and principles of organizing the activities of regional headquarters were largely comparable to those of the General Staff. The role of the Regulation "on the management of the Caucasian Army" (1858) in the formation of the system of military-public administration in the Caucasus was determined. It is noted that the prerequisites for these processes developed in the region long before 1858, and the adoption of the Regulation "On the Management of the Caucasian Army" only gave its normative legal form. The powers of structural units of the Main and regional army headquarters are described. The place of artillery and engineering departments in the administrative hierarchy of the Caucasian Army has been determined. It was concluded that with the adoption of the Regulation of 1858, an attempt was made to unify the management mechanisms of army structures (including artillery and engineering) in different subregions of the Caucasus.

Keywords: Caucasian Army, Caucasian Territory, Caucasian Line, Caspian Region, Lezgin Cordon Line, Kutaisi Governor-General, Military-People's Administration.

1. Введение

Унификация и стандартизация механизмов управления и принятия решений в российском административном процессе на Кавказе в середине XIX в. является одной из характерных тенденций инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство империи. В это время поиски оптимальных методов управления осуществлялись на разных уровнях организации власти: от локальных форм судебно-административного контроля (приставства, пограничные суды и т.п.) до укрупненных политико-правовых образований (округ, край, наместничество). Они протекали в сложной политической ситуации и сопровождались дрящимся российско-кавказским военным противостоянием, миграцией населения, модернизацией большинства сфер жизнедеятельности населения и другими факторами. В этом плане большой научный интерес представляет организация управления Кавказской армией в середине XIX в. как совокупности всех воинских структур и подразделений, расположенных в Кавказском крае. В теоретическом плане исследование этой темы дает возможность рассмотреть некоторые детали построения вертикали власти в регионе в исторической ретроспективе, в практическом – углубить представления о ходе административно-территориальных преобразований на Кавказе и включения проживающих здесь народов в состав Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_abazov@list.ru (A.H. Abazov)

Цель исследования состоит в изучении особенностей управления Кавказской армией в контексте унификации административных институтов в конце 50-х гг. XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Изучение состава и объема полномочий управленческих структур Кавказской армии в настоящем исследовании базируется в основном на анализе нормативно-правовых актов, в их числе Положение «Об управлении Кавказской армией» от 1 апреля 1858 г. и другие уставные и распорядительные акты власти, анализ которых позволяет уточнить состав и структуру Главного штаба Кавказской армии, изучить особенности управления войсковыми структурами в отдельных частях Кавказа (линиях, крае, генерал-губернаторстве), а также – такими ее структурами, как артиллерия и инженерные войска. Такой подход, по нашему мнению, имеет исследовательскую перспективу, т.к. в совокупности с другими источниками (делопроизводственными, статистическими, картографическими) открывает векторы изучения темы: определение роли армии в установлении российской администрации на Кавказе и инкорпорации народов региона в состав империи, регулировании миграции, формировании новых каналов социальной мобильности для населения региона и т.п. Все это позволяет рассматривать Кавказскую армию как комплексное явление, рассредоточенное на обширной территории, но подчинявшееся единым правилам управления и вписанное в глобальный процесс упрочнения российской власти в регионе.

2.2. Основные методы, использованные при подготовке настоящего исследования, можно условно разделить на 3 группы:

1) методы, связанные с извлечением информации из исторических источников (анализ исторических источников). С помощью методов этой группы проведен анализ содержания основных нормативно-правовых актов, регламентирующих систему управления в Кавказской армии);

2) методы, связанные с интерпретацией данных, полученных в ходе анализа исторических источников. На основе историко-генетического метода были раскрыты особенности функционирования создаваемых Россией на территории Кавказа воинских подразделений в изучаемое время. Использование проблемно-хронологического метода дало возможность выделить ряд конкретных взаимосвязанных проблем (унификация власти на большой территории, синхронизация деятельности головных и дочерних структур управления Кавказской армией и т.п.), каждая из которых рассматривается в строгих хронологических рамках. Ретроспективный и историко-типологический методы используются для выявления и анализа создаваемых судебных учреждений с целью группирования элементов объекта исследования по схожим признакам – ведомственному, административно-территориальному и т.п.);

3) методы, связанные с репрезентацией данных исследования. Методы системного анализа использовались для рассмотрения совокупности взаимосвязанных элементов, обладающих схожими характеристиками и внутренней логикой преобразований, а институциональный метод – для изучения конкретных структурных подразделений Кавказской армии и кейса их полномочий в заданных хронологических рамках. Междисциплинарный подход нацелен на использование методов разных наук для демонстрации схожих подходов к управлению частями армии на обширной территории.

3. Обсуждение

В отечественной историографии некоторые вопросы организации власти на Кавказе в середине XIX в. затрагивались в работах В.Н. Иваненко (Иваненко, 1901: 435-436), Э.С. Эсадзе (Эсадзе, 1907), Ж.А. Калмыкова (Калмыков, 1995), З.М. Блиевой (Блиева, 2004), И.Г. Гайдабура (Гайдабура, 2007), Г.Н. Малаховой (Малахова, 2001), Л.Ш. Мачукаевой (Мачукаева, 2004), А.Т. Урушадзе (Хлынина, Урушадзе, 2011: 94-102; Урушадзе, 2016), Е.И. Кобахидзе (Кобахидзе, 2009), З.Ж. Глашевой (Глашева, 2017: 45-49; Глашева, 2018: 45-53) и др. В их трудах в основном рассматривались общие вопросы административного устройства Кавказского региона, особенности военного и гражданского управления в отдельных его частях, специфика установления российской власти, а также динамика этих преобразований под влиянием эндогенных и экзогенных факторов. Однако проблема организации управления Кавказской армией в условиях становления системы военно-народного управления до сих пор не подвергалась комплексному исследованию.

4. Результаты

Система управления Кавказской армией включала в себя несколько уровней: общекавказский (главный, верхний), на котором осуществлялось общее руководство всеми армейскими структурами на Кавказе, и региональный (подведомственный, дочерний) – в отдельных его частях.

В 1858 г. Кавказский край в военном отношении делился на 5 частей: Правое крыло Кавказской линии, Левое крыло Кавказской линии, Прикаспийский край, Лезгинская кордонная линия, Кутаисское генерал-губернаторство. Руководство войсками на линиях и в крае, распоряжение находившимися в них военными средствами и гражданское управление возлагалось на командующих войсками, в генерал-губернаторстве, соответственно, – на генерал-губернатора. Артиллерийская и

инженерная части Кавказской армии находились в подведомственности начальника артиллерии и начальника инженеров армии. Донскими полками, находившимися при Кавказской армии, командовал походный атаман.

1 апреля 1858 г. император утвердил специальное Положение, регламентировавшее порядок управления армией на общекавказском и региональных уровнях (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135). В кавказоведении утвердилось мнение, что это был первый документ, содержащий нормативно-правовые основания введения на Кавказе системы военно-народного управления (Эсадзе, 1907: 168-169; Ибрагимова, 2010: 61-64; Гаджиев, 2012: 29; Кузьминов, Урусова, 2016: 33-37) – формы организации власти, на общекавказском и региональном уровнях которой руководителями назначались российские военнослужащие и власть осуществлялась на основании российских правовых норм, а на локальном – представителями коренного населения с опорой на нормы обычного права и институты народного правосудия. Однако в исследовательской практике есть мнение, что учреждение новых институтов власти было не единовременным актом, а их внедрению предшествовала длительная подготовительная работа, обобщавшая как «опыт российского управления на Кавказе», так и историю «административных реформ французских и английских колониальных властей» (Урушадзе, 2012: 141).

Основной целью принятия Положения «Об управлении Кавказской армией» было приведение войск по всему краю в строевое единство. Следует отметить, что принятию Положения предшествовало издание приказа по Кавказской армии от 1 января 1858 г., в котором были обозначены контуры последующих преобразований (АКАК, 1904: 633). Приказ распространялся на Главный штаб Кавказской армии, управления командующих войсками и подразделениями в крае, артиллерийское, инженерное управления, управление путей и сообщения и походного атамана Донских полков. Для этого Штаб бывшего отдельного Кавказского корпуса был преобразован в Главный штаб Кавказской армии. В его структуру вошли управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала и канцелярия начальника Главного штаба (АКАК, 1904: 633). В части определения структуры и объема полномочий Главного штаба некоторые пункты этого приказа легли в основу соответствующих разделов Положения 1858 г.

В целом принятие в 1858 г. Положения «Об управлении Кавказской армией» было направлено на унификацию управленческих подходов на обширной территории и закрепление системы власти, сочетавшей общероссийские и локальные (народные) принципы администрирования.

Общее управление Кавказской армией возлагалось на Главный штаб, который функционировал при главнокомандующем и располагался в Тифлисе. Штаб состоял из трех основных отделений: канцелярии, управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала.

Основной функцией канцелярии начальника Главного штаба была переписка по секретным, бухгалтерским и другим делам ведомства. Одним из структурных подразделений канцелярии являлось наградное отделение. Кроме того, при канцелярии состояли смотритель здания Главного штаба и переводчик с грузинского, арабского и татарского языков (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 80б.). В наградном отделении рассматривались вопросы вручения наград служащим Кавказской армии, решения по которым выносились начальником Главного штаба и подлежали утверждению главнокомандующим. Смотритель зданий осуществлял надзор за состоянием построек и казенного имущества Главного штаба и на правах ротного командира руководил приштабными нестроевыми подразделениями, состоявшими из нижних воинских чинов.

В круг обязанностей управления генерал-квартирмейстера, кроме определенных специальным Уставом об управлении Армией в мирное и военное время, входили межевые и морские вопросы, а также дела «по управлению Кавказскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 9). В структуру этого управления входили отделения: «1) по части инспекторской, хозяйственной и учебной Генерального штаба, а также по размежеванию и наделению землями Кавказского Линейного и Черноморского казачьих войск; 2) по размещению и движению войск Кавказской армии; 3) по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 90б.) – а также инженерное, морское и военно-топографические отделения.

В подведомственности морского отделения находились все вопросы учета, распределения, движения и действия морских судов, относившиеся к ведению главнокомандующего Кавказской армией. Его распоряжения направлялись на исполнение через командующего войсками Правого крыла Кавказской линии и Кутаисского генерал-губернатора ближайшим к берегу военачальникам – наказному атаману Черноморского казачьего войска и командующему войсками в Абхазии. А они, в свою очередь, делегировали исполнение получаемых распоряжений начальникам Константиновской и Сухумской частей.

В военно-топографическом отделении были сосредоточены дела по производившимся на Кавказе геодезическим, топографическим и межевым работам и решались вопросы по подготовке специалистов в области топографии. В ведении начальника этого отделения находились топографические съемки, триангуляционные и картографические работы. В ведении отдела находились работа чертежников и прикомандированных обер-офицеров из корпуса топографов,

а также архивы карт и планов, геодезические инструменты, военно-походная литография, школа кавказских межевщиков и Тифлисская магнитная обсерватория с подведомственными станциями.

Управление дежурного генерала называлось Главным дежурством Кавказской армии. Кроме непосредственно главного дежурства, дежурному генералу подчинялись генерал-гевальдигер, обер-священник, полевой почтмейстер и военно-походная типография (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 11). Управление было правомочно исполнять распоряжения главнокомандующего по строевой, инспекторской, хозяйственной и госпитальной частям всех находящихся на Кавказе войск. Главное дежурство состояло из отделений, отвечавших за дела личного состава Кавказской армии и укомплектованность войск в регионе. В состав дежурства входили структуры, ведавшие следственными и судебными делами, госпитальная, карантинная, инспекторская части и военная полиция (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 110б.). К подведомственности Главного дежурства относились архив всех частей Главного штаба и казначейство. Полевой почтмейстер отвечал за переписку с почтовым ведомством, вел дела по учреждению летучих почт на Кавказе, приему и отправлению фельдъегерей, курьеров и нарочных, заведовал выдачей фирменных бланков, открытых листов на конвой и на взимание казачьих лошадей. При военно-походной типографии от Главного штаба из военных офицеров или гражданских служащих назначался специальный смотритель (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 110б.).

В целом функционировавший при главнокомандующем Кавказской армии Главный штаб являлся высшей структурой в административной иерархии армии и определял основные направления его деятельности: военные (сухопутные и морские), управленческие, коммуникативные и др.

Исполнительными структурами Кавказской армии в регионах, ответственными за реализацию распоряжений главнокомандующего и начальников отдельных частей, были специальные штабы с утвержденными штатами. Принципы и формы организации деятельности региональных штабов были во многом сопоставимыми с аналогичными структурами Главного штаба.

Командующие войсками Правого и Левого крыльев Кавказской линии, Прикаспийского края, Лезгинской кордонной линии и Кутаисского генерал-губернаторства на правах корпусных командиров являлись начальниками над всеми родами войск. Кроме того, они были наделены правами командиров отдельных корпусов в мирное время по военно-судным делам. В отношении гражданского управления подведомственными территориями они приравнивались в правах к начальнику Кавказской области и командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, чей объем полномочий определялся в Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 7 мая 1840 г. (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 12).

При каждом из региональных командующих войсками состояли генералы в званиях помощников командующего войсками и инспекторов линейных батальонов и местных команд (инвалидных, этапных и т.п.). При этом линейные батальоны, расположенные в Закавказском крае, были отнесены к подведомственности инспектора линейных войск Лезгинской кордонной линии. Линейные батальоны Кутаисского генерал-губернаторства, Гурии и Имеретии подчинялись начальнику войск в Абхазии и губернскому инспектору линейных батальонов (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 140б.).

Следует отметить, что учреждение новых управлений привело к упразднению некоторых существовавших ранее. В основном это были управленческие структуры реформируемых административно-территориальных образований (управлений линейными войсками и частями Правого, Левого флангов и Центра Кавказской линии, а также начальников военных округов и кордонных линий). Их полномочия были перераспределены между вновь образованными структурами.

Отделы Кавказского края в порядке местного военного управления делились на участки или округа. Так, географические рамки Правого крыла Кавказской линии ограничили территорией между северо-восточными берегами Черного моря и истоками р. Малка. Также они включали земли бывшего 1-го отделения Черноморской береговой линии, Правого фланга, Центра Кавказской линии и вновь присоединенные закубанские территории (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 16). В административном плане Правое крыло было разделено на 3 части (Черноморию – Черноморскую кордонную линию, Лабинский и Верхне-Кубанский округа). Наказной атаман Черноморского казачьего войска возглавлял Черноморскую кордонную линию и некоторые «залинейные» территории. Линейное управление курировало 3 участка: 1) берег Черного моря – пост Славянский, 2) пост Славянский – Тенгинская батарея; 3) Тенгинская батарея – граница линейного казачьего войска (поста Изрядного). Начальниками участков были штаб-офицеры, которые назначались на должности наказным атаманом и утверждались главнокомандующим Кавказской армией.

Командир 2-й бригады Линейного казачьего войска являлся начальником Лабинского округа и заведовал войсками, дислоцировавшимися в бассейне р. Лаба. К его подведомственности были отнесены Белореченская, Лабинская, Мало-Лабинская, Урупская линии и Усть-Лабинский, Прочно-окопский и Ставропольский кордонные участки.

В состав Верхнекубанского округа вошли Баталпашинский участок Кубанской линии, Зеленчукская и Кисловодская линии. Кроме того, начальнику Лабинского округа подчинялись

Нижнекубанское приставство и Приставство закубанских ногайцев, а начальнику Верхнекубанского округа – Тахтамышевское и Карачаевское приставские управления. Примечательно, что административно-территориальные преобразования в этой части Кавказа были одобрены Императором по представлению главнокомандующего Кавказской армией еще в 1857 г., что отмечалось в отношении председателя Кавказского комитета генерал-адъютанта А.Ф. Орлова министру юстиции В.Н. Панину 14 декабря 1857 г. (АКАК, 1904: 631), после чего они практически полностью перекочевали в Положение 1858 г.

В состав Левого крыла Кавказской линии вошли Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский округа. Окружные начальники, как правило, состояли в чине генерал-майора или полковника. Начальники округов относились к подведомственности командующего войсками Левого крыла Кавказской линии.

Прикаспийский край также делился на административные участки. Однако в исследуемый период он еще не был поделен на военные структуры.

Лезгинская кордонная линия делилась на Правый и Левый фланги. Начальнику Правого фланга линии подчинялся Нухинский уезд, а Левого – Тушино-Пшаво-Хевсурский.

В военном отношении Абхазия подчинялась Кутаисскому генерал-губернатору. Главнокомандующим войск в Абхазии был губернский инспектор линейных батальонов (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 19). Помимо Положения «О Кавказской армии», деятельность генерал-губернаторов регламентировалась «Общей инструкцией генерал-губернаторам» (29 мая 1853 г.). Исследователь роли и места генерал-губернаторств в системе имперского управления Ю.П. Злобин отмечал, что принятие этой инструкции повлекло за собой то, что наделение региональных администраторов значительным объемом надзорных функций с правом вмешательства в работу функционировавших на подведомственных им территориях административных и судебных учреждений (Злобин, 2014: 127).

На основании Положения 1858 г. объем полномочий и иерархическая соподчиненность начальников округов и участков, на которые делились отделы Кавказского края, должны были определяться специальными инструкциями главнокомандующего Кавказской армией и наместника Кавказского (РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 135. Л. 190б.). В последующие годы административная практика была пополнена целым рядом уставных нормативных документов, регламентировавших деятельность региональных политико-правовых образований.

Отдельная глава Положения 1858 г. была посвящена управлению артиллерией – как разновидности войск, оснащенных огнестрельным оружием относительно крупного калибра, поэтому для заведования частями полевой и гарнизонной артиллерии и всеми хозяйственными артиллерийскими заведениями и запасами на Кавказе была введена должность начальника артиллерии Кавказской армии. Она была учреждена в 1858 г. взамен должности начальника артиллерии бывшего отдельного Кавказского корпуса (АКАК, 1904: 633). Распоряжения начальника артиллерии направлялись на исполнение через штаб артиллерии, а от него местным артиллерийским начальникам в отделениях Кавказского края и командирам Тифлисского арсенала и гарнизонной артиллерии, школам полевой и гарнизонной артиллерии и артиллерийским гарнизонам в пограничных и Закавказских крепостях. Начальник артиллерии Кавказской армии назначался генерал-фельдцейхмейстером по согласованию с главнокомандующим Кавказской армией и утверждался приказом императора. Начальник осуществлял надзор за состоянием полевой и гарнизонной артиллерии, заведовал артиллериями отделов Кавказского края. В его прямом подчинении находились личный состав, строевая, ученая, учебная и искусственная части. Но в случае необходимости решения по вопросам деятельности этих частей он мог принимать после согласования с начальниками отделов Кавказского края.

Для производства дел в рамках отведенной компетенции при начальнике артиллерии Кавказской армии функционировал специальный штаб, который составляли общее присутствие и 4 отделения: 1) инспекторское и строевое, 2) парковое и крепостное, 3) арсенальное и оружейное, 4) счетное. Общее присутствие составляли секретарская, аудиторская, казначейская части и архив.

Для заведования артиллерийскими подразделениями в отделах Кавказской армии вводились должности местных начальников артиллерий на Кавказе. Основная коммуникация начальника артиллерии Кавказской армии с ними осуществлялась через командующих войсками.

Инженерное отделение ведало вопросами постройки, вооружения и состояния крепостей и укреплений на Кавказе, присвоением всех воинских зданий на Кавказе и в Закавказском крае и работами, проводимыми ведомством инженеров путей сообщения. Для этого была введена должность начальника инженеров Кавказской армии. Его правопродшественниками были начальник военных инженеров бывшего отдельного Кавказского корпуса и командир Грузинского инженерного округа (АКАК, 1904: 634). Помимо прочего, начальник инженеров заведовал инженерными частями в Тифлисе, Ахалцыхе, Александрополе, Эривани, Шуше и Баку (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. Отд. 1. 1858. СПб., 1860: 388). Для организационного сопровождения его деятельности учреждался Штаб инженеров. В непосредственном ведении начальника инженеров находился личный состав инженерных чинов, строевая и учетная части, а также надзор за правильным производством работ.

Штаб начальника инженеров составляли общее присутствие и 4 отделения: 1) инспекторское и строевое, 2) искусственно-строительное, 3) хозяйственное, 4) счетное. К общему составу принадлежали чертежная, аудиторская, казначейская, секретарская части, архив и инспекторы работ.

В отделах Кавказского края учреждались должности местных начальников инженеров. В их подведомственности состояли инженерные чины и военно-рабочие роты. Региональные начальники инженеров наделялись обязанностями: 1) осуществлять надзор за точностью выполнения работ во вверенных им частях, содержанием крепостей в исправности, 2) собирать сведения о находившихся на подведомственных им территориях материалах для работ; 3) осуществлять предварительную проверку проектов выполняемых работ; 4) проводить ревизию получаемой от дистанционных офицеров денежной и материальной отчетности.

5. Заключение

В целом принятие Положения «Об управлении Кавказской армией» (1858 г.) было одним из мероприятий по установлению системы военно-народного управления. Впоследствии был принят ряд важных нормативных актов, регламентировавших как региональные, так и локальные административно-территориальные преобразования на Кавказе. В их числе: Положение «О Главном управлении и Совете Наместника Кавказского» (1 января 1858 г.), Проект положения «О военном разделении Прикаспийского края» (23 марта 1859 г.), Проект положения «Об управлении Дагестанской областью» (5 апреля 1860 г.), Положение «Об управлении Терской областью» (29 мая 1862 г.) и др.

Таким образом, с Положения 1858 г. была предпринята попытка унифицировать механизмы руководства армейскими структурами (в том числе артиллерийскими и инженерными) в разных субрегионах Кавказа. В ходе этих преобразований была упорядочена и приведена в соответствие с требованиями времени иерархия управленческих военных структур, уточнена территориальная подведомственность региональных военачальников и т.п. Все это было направлено на унификацию методов управления частями Кавказского макрорегиона и способствовало переходу к очередному этапу инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство империи – установлению военно-народного управления.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00264 «Южный Кавказ в составе Российской империи: политико-правовые и социально-экономические трансформации»

Литература

- [АКАК, 1904](#) – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Тифлис, 1904. 1552 с.
- [Блиева, 2015](#) – Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. Владикавказ, 2015. 397 с.
- [Гаджиев, 2012](#) – Гаджиев Т.В. Кавказский наместник А.И. Барятинский и образование Дагестанской области // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2012. № 3. С. 29-32.
- [Гайдабура, 2007](#) – Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 217 с.
- [Глашева, 2017](#) – Глашева З.Ж. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856–1862 гг.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 9. № 4/1. 2017. С. 45-49. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49.
- [Глашева, 2018](#) – Глашева З.Ж. Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50–60-е гг. XIX в. // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2018. № 3. С. 45-53. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-45-53.
- [Злобин, 2014](#) – Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX в. // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2014. № 7 (168). С. 124-129.
- [Ибрагимова, 2010](#) – Ибрагимова З.Х. Военно-народное управление на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 9. С. 61-64.
- [Иваненко, 1901](#) – Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича: ист. очерк // *Учреждение русского владычества на Кавказе*. Т. XII. Тифлис, 1901. С. 435-436.
- [Калмыков, 1995](#) – Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик, 1995. 125 с.
- [Кобахидзе, 2009](#) – Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // *Известия СОИГСИ*. 2009. Вып. 3 (42). С. 107-128.

Кузьминов, Урусова, 2016 – Кузьминов П.А., Урусова А.М. Попытки создания новой системы управления Кавказом в 50–70-х гг. XIX в. // *Вестник Владикавказского научного центра*. 2016. № 1. Т. 16. С. 33-37.

Малахова, 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 392 с.

Мачукаева, 2004 – Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века: на материалах Терской области. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 226 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РГИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Урушадзе, 2012 – Урушадзе А.Т. История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // *Восток (Oriens)*. 2012. № 6. 137-142.

Урушадзе, 2016 – Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2016. 280 с.

Хлынина, Урушадзе, 2011 – Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т. От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // *Вестник Южного научного центра РАН*. 2011. Т. 7. № 2. С. 94-102.

Эсадзе, 1907 – Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом: В 2-х т. Т. 1. Тифлис, 1907. 616 с.

References

АКАК, 1904 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii. T. 12. Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1904. 1552 p. [in Russian]

Blieva, 2015 – Blieva, Z.M. (2015). Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gg. XIX v. [The Russian bureaucratic apparatus and peoples of the Central Caucasus in the late XVIII - 80s. XIX century]. Vladikavkaz: In-t istorii i arkheologii RSO-A. 397 p. [in Russian]

Esadze, 1907 – Esadze, S.S. (1907). Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical note on the administration of the Caucasus]: v 2-kh t. T. 1. Tiflis». 616 p. [in Russian]

Gadzhiev, 2012 – Gadzhiev, T.V. (2012). Kavkazskii namestnik A.I. Baryatinskii i obrazovanie Dagestanskoi oblasti [Caucasian governor A.I. Baryatinsky and the formation of the Dagestan region]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 3: 29-32. [in Russian]

Gaidabura, 2007 – Gaidabura, I.G. (2007). Stanovlenie sistemy administrativnogo upravleniya na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX vv.). [The formation of an administrative management system in the North Caucasus (late XVIII – early XX centuries)]. Dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar. 217 p. [in Russian]

Glasheva, 2017 – Glasheva, Z.Zh. (2017). Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v period namestnichestva A.I. Baryatinskogo (1856–1862 gg.) [Administrative-territorial transformations in the North Caucasus during the governorship of A.I. Baryatinsky (1856–1862)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. T. 9. 4/1: 45-49. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49 [in Russian]

Glasheva, 2018 – Glasheva, Z.Zh. (2018). Osobennosti grazhdanskogo i voennogo upravleniya Kavkazom v 50–60-e gg. XIX v. [Features of civil and military administration of the Caucasus in the 50-60s. XIX century]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 3: 45-53. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-45-53 [in Russian]

Ibragimova, 2010 – Ibragimova, Z.Kh. (2010). Voенно-народное управление на Северном Кавказе (vtoraya polovine XIX – nachalo XX v.) [Military-public administration in the North Caucasus (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 9: 61-64. [in Russian]

Ivanenko, 1901 – Ivanenko, V.N. (1901). Grazhdanskoe upravlenie Zakavkaz'em ot prisoedineniya Gruzii do namestnichestva velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha: ist. Oчерk [Civil administration of Transcaucasia from the accession of Georgia to the governorship of Grand Duke Mikhail Nikolaevich: east.]. *Uchrezhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze*. T. XII. Tiflis. Pp. 435-436. [in Russian]

Kalmykov, 1995 – Kalmykov, Zh.A. (1995). Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachale KhKh v.). [The establishment of the Russian administration in the Kabarda and the Balkaria (late XVIII – early XX century)]. Nal'chik. 125 p. [in Russian]

Khlynina, Urushadze, 2011 – Khlynina, T.P., Urushadze, A.T. (2011). Ot Kavkazskogo namestnichestva k Severo-Kavkazskomu krayu: poisk optimal'noi modeli upravleniya [From the Caucasian governorate to the North Caucasus region: search for the optimal management model]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. T. 7. 2: 94-102. [in Russian]

Kobakhidze, 2009 – Kobakhidze, E.I. (2009). Ot «voенно-народного» upravleniya k «grazhdanskому»: administrativnaya praktika Rossii na Tsentral'nom Kavkaze v kontse 50-kh – nachale 70-kh gg. XIX v. [From the "military-popular" administration to the "civilian": the administrative practice of

Russia in the Central Caucasus in the late 50s – early 70s. XIX century]. *Izvestiya SOIGSI*. 3(42): 107-128. [in Russian]

Kuz'minov, Urusova, 2016 – *Kuz'minov, P.A., Urusova, A.M.* (2016). Popytki sozdaniya novoi sistemu upravleniya Kavkazom v 50–70-kh gg. XIX v. [Attempts to create a new system of control of the Caucasus in the 50-70s. XIX century]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. T. 16. 1: 33-37. [in Russian]

Machukaeva, 2004 – *Machukaeva, L.Sh.* (2004). Sistema upravleniya Severnym Kavkazom v kontse XIX – nachale XX veka: na materialakh Terskoi oblasti. [The management system of the North Caucasus in the late XIX – early XX centuries: on the materials of the Terek region.]. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 226 p. [in Russian]

Malakhova, 2001 – *Malakhova, G.N.* (2001). Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVII–XIX vv. [The formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVII-XIX centuries.]. Rostov-na-Donu. 392 p. [in Russian]

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (g. Sankt-Peterburg).

Urushadze, 2012 – *Urushadze, A.T.* (2012). Istoriya voenno-narodnogo upravleniya na Kavkaze: v poiskakh avtora i istokov [The history of military-public administration in the Caucasus: in search of the author and origins]. *Vostok (Oriens)*. 6: 137-142. [in Russian]

Urushadze, 2016 – *Urushadze, A.T.* (2016). Kavkaz: vzaimodeistvie kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.) [Caucasus: interaction of cultures (late XVIII – mid XIX centuries)]. Rostov-na-Donu. 280 p. [in Russian]

Zlobin, 2014 – *Zlobin, Yu.P.* (2014). General-gubernatorstva v sisteme rossiiskogo regional'nogo upravleniya v XIX – nachale XX v. [Governor-General in the system of Russian regional administration in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(168): 124-129. [in Russian]

Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов

Алексей Хасанович Абазов^{а, *}

^а Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена структура и органы управления Кавказской армией в конце 50-х гг. XIX в. Охарактеризованы как головные административные институты (Главный штаб в составе канцелярии, управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала) и региональные (на Правом и Левом крыльях Кавказской линии, Прикаспийском крае, Лезгинской кордонной линии, Кутаисском генерал-губернаторстве). Обращается внимание на то, что функции и принципы организации деятельности региональных штабов были во многом сопоставимыми с функциями Главного штаба. Определена роль Положения «Об управлении Кавказской армией» (1858) в становлении системы военно-народного управления на Кавказе. Обращается внимание, что предпосылки этих процессов сложились в регионе задолго до 1858 г., а принятие Положения «Об управлении Кавказской армией» лишь привело к ее нормативно-правовому оформлению. Охарактеризованы полномочия структурных подразделений Главного и региональных армейских штабов. Определено место управлений артиллерией и инженерными войсками в административной иерархии Кавказской армии. Сделан вывод, что с принятием Положения 1858 г. была предпринята попытка унифицировать механизмы управления армейскими структурами (в том числе артиллерийскими и инженерными) в разных субрегионах Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская армия, Кавказский край, Кавказская линия, Прикаспийский край, Лезгинская кордонная линия, Кутаисское генерал-губернаторство, военно-народное управление.

* Корреспондирующий автор

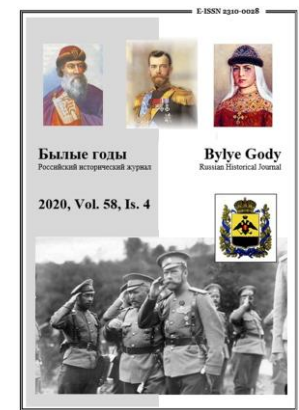
Адреса электронной почты: alex_abazov@list.ru (А.Х. Абазов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2554-2562. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2554
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

A.P. Nikolsky – One of the Developers of the Stolypin Agricultural Course

Sergey A. Safronov ^{a,*}, Larisa Yu. Anisimova ^a, Mikhail D. Severyanov ^a

^aSiberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to Alexander Petrovich Nikolsky – a public and political figure of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century, one of the ideologists and developers of the Stolypin agrarian reform. The author focuses on the analysis of the evolution of A.P. Nikolsky's views on the peasant community. Nikolsky, adhering in the late 1870s to socialist views on the reform of peasant allotment land ownership and calling for maximum socialization of communal land, over time, changed his views on this issue and moved to the opposite point of view – supported the creation of a private individual peasant economy. Moreover, if at the first stage of its evolution, A.P. Nikolsky allowed the preservation of the peasant community, although in a reformed form, then at the last stage (at the beginning of the twentieth century) he called for its complete elimination. At the same time, A.P. Nikolsky suggested effective steps to rescue the peasantry from landlessness, with which they would be encountered as a result of destruction of the community. A.P. Nikolsky also advocated allowing free migration beyond the Urals and called for reform of Russian legislation so that it does not interfere with this process. Having appeared for two months in 1906 as the chief Manager of land management and agriculture, A.P. Nikolsky took certain steps in this direction. The first Russian revolution of 1905–1906 shifted P.A.'s political views. After becoming a member of the State Council, he began to adhere to the right center, but nevertheless actively participated in the reform processes of that time.

Keywords: Alexander Petrovich Nikolsky, Stolypin agrarian reform, peasant community, free migration, Sergey Yulyevich Witte.

1. Введение

Период идеологической и политической подготовки столыпинской аграрной реформы не менее важен, чем сама реформа. Столыпинская реформа началась не в одночасье: общие направления данных преобразований вынашивались либеральной частью российского общества в течение ряда десятилетий. Между тем в исторической литературе этапу подготовки столыпинской аграрной реформы уделяется не слишком большое внимание, хотя в российской публицистике того времени существовало целое направление (к которому относится и Александр Петрович Никольский), которое разрабатывало новый курс в аграрной политике в условиях господства постулата о незыблемости общинных порядков. Результатом этого стало то, что постепенно, в условиях острой политической и идеологической борьбы, российская политическая элита сдвинулась в сторону реформы крестьянской общины.

2. Материалы и методы

Изучение проблемы вклада А.П. Никольского в теоретическую разработку аграрных преобразований начала XX в. опирается, прежде всего, на источниковую базу, которая включает его труды и публикации разного периода. Изучая данные работы можно проследить изменения политических взглядов А.П. Никольского на крестьянскую общину. Так, в начале своей общественно-

* Corresponding author

E-mail addresses: Safronow63@mai.ru (S.A. Safronov)

политической деятельности он предстает просто прогрессистом, который выступает за применение в сельском хозяйстве научных методов (Никольский, 1875a: 19-32; Никольский, 1875b: 13-26), затем он превращается в социалиста (как и многие его ровесники во второй половине 1870-х гг.) и ратует за максимальное обобществление крестьянского землевладения (Никольский, 1876: 200-213).

После учебы в Санкт-Петербургском университете А.П. Никольский обнаружил часть своей кандидатской диссертации (Никольский, 1880: 61-123), где выдвинул идею свободного переселения в Сибирь. Для того времени это был крайне революционный шаг, учитывая, что в период Александра II переселение было практически запрещено.

Затем на собрании экономистов в Санкт-Петербурге в 1897 г. А.П. Никольский выдвигает также революционную идею о том, что общинная опека тяготит крестьянина и поэтому он, чтобы избавиться от ее влияния, бежит в город (Никольский, 1898: 1-32). В начале работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое разрабатывало основные направления будущей аграрной политики П.А. Столыпина, А.П. Никольский публикует одной книгой статьи за разные годы, где он поддерживает тезис о ликвидации крестьянской общины (Никольский, 1902: 171-174, 176-177, 181, 195).

В статье также используется публикация неизвестного автора газетной статьи о крестьянской артели (Г.А.В.О., 1875), а также мемуары председателя Совета министров и министра финансов С.Ю. Витте (Витте, 1960: 188, 300, 500), сподвижника П.А. Столыпина (Гурко, 2000), публициста Н.А. Энгельгардта (Энгельгардт, 1902: 49-76), а также дневники Николая II (Николай II, 2013a: 121; Николай II, 2013b: 19, 206).

В статье в качестве одного из методов используется теория модернизации традиционного общества, с помощью которой можно изучать процесс перехода от наделного крестьянского землевладения в России, сложившегося после отмены крепостного права в 1861 г., к индивидуальному частному. Сравнительно-исторический способ помогает проанализировать различия между общинным и фермерским типом хозяйствования. С помощью метода объективности предоставляется возможность опираться на факты идеологической подготовки столыпинской аграрной реформы в их истинном значении. Хронологический метод способствует установлению точной последовательности эволюции взглядов А.П. Никольского на развитие аграрного сектора России. Цивилизационный подход делает возможным изучение особенностей аграрного строя нашей страны накануне преобразований П.А. Столыпина.

3. Обсуждение

Исследователи советского и постсоветского периода не слишком много уделяли внимания личности А.П. Никольского. Так, в 2012 г. в «Ученых записках Орловского государственного университета» была опубликована статья доктора исторических наук О.Г. Вронского, посвященная роли схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (Вронский, 2012). В статье упоминаются взгляды А.П. Никольского, на излишнюю, по его мнению, регламентацию крестьянского схода на личную и хозяйственную жизнь крестьян-общинников.

В 2013 г. в Барнауле прошла защита кандидатской диссертации Е.В. Почеревина «Низовая административно-судебная система в Алтайском округе: конец XIX в. – 1917 г.», где автор исследования прямо указал на то, что взгляды А.П. Никольского – «это готовая программа столыпинских преобразований» (Почеревин, 2013: 3). В 2018 г. в «Самарском научном вестнике» вышла статья А.В. Гаврилова («Аграрный вопрос в зеркале дискуссий в дореволюционной историографии»), где некоторое внимание уделено взглядам А.П. Никольского на экономическую нерентабельность крестьянской общины (Гаврилов, 2018). В этом же году в «Ученых записках Казанского университета» в публикации Т.С. Митрофанова «Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса)», где, среди прочих аграрных теоретиков того времени, упоминается и высказывание А.П. Никольского о том, что в общине мало соблюдаются законы и чиновники, которые по долгу службы руководили крестьянами, опираются в основном на «обычное право» в том виде, в каком они его понимали (Митрофанов, 2018). В целом интерес к аграрной реформе П.А. Столыпина высок, однако роль А.П. Никольского в разработке этого курса пока освещена мало.

4. Результаты

Александр Петрович Никольский родился 15 ноября 1851 г. в семье священника села Киселева Новосильского уезда Тульской губернии. По окончании общеобразовательных классов Тульской духовной семинарии ему в 1873 г. удалось поступить на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по разряду естественных наук, где он отучился три года, при этом в 1874 г. занимаясь исследованием дикорастущих кормовых трав в степи Екатеринославской губернии. Изыскания проводились в имениях землевладельца Ф.А. Левшина, которые находились на трех участках по левую сторону Днепра в трех уездах Екатеринославской губернии: Новомосковском (местечко Хорошево), Павлоградском (Варваровка) и Александровском (Михайловка). В 1875 г. А.П. Никольский обработал материалы своих летних ботанических экскурсий в этюд, напечатанный в

том же году в «Трудах Вольного экономического общества» (Никольский, 1875а: 19-32; Никольский, 1875b: 13-26). Этот этюд явился его первой печатной литературной работой. Землевладелец Ф.А. Левшин, впечатленный данными исследованиями, даже решил производить свои опыты с травосеянием (Никольский, 1875b: 26).

В 1876 г. также в трудах Вольного экономического общества в отделе III «Политическая экономия и статистика» появилась его статья, посвященная крестьянской артели (Никольский, 1876: 200-213), которая была посвящена анализу газетной статьи автора, скрывавшегося под псевдонимом Г.А.В.О., о необходимости создания крестьянских артелей в России. Автор газетной статьи утверждал, что крестьяне находятся в тяжелом экономическом положении по двум причинам: 1) они не обладали правом собственности на свои наделы; 2) крестьянство испытывало недоверие ко всякого вида реформам и нововведениям (Г.А.В.О., 1875). Чтобы улучшить ситуацию, Г.А.В.О. предлагал создавать крестьянские земледельческие артели, а земли передавать в их собственность (Г.А.В.О., 1875).

А.П. Никольский согласился с доводами автора о том, что крестьянская община мешает развитию крестьянского хозяйства, так как: 1) общинное землевладение постоянно сопровождается чересполосностью и узкополосностью; 2) оно отнимает всякую охоту удобрять и хорошо обрабатывать землю, так как из-за переделов земли не могло быть уверенности в том, что удобренный и хорошо обработанный участок не перейдет рано или поздно к другому; 3) при нем имеют большую силу в обществе «мироеды», которые посредством подкупа при переделах забирают себе лучшие участки; 4) круговая порука, неизбежная при общинном землевладении, парализует крестьянский труд (Никольский, 1876: 200-213).

При этом А.П. Никольский выступил против участкового (подворного или индивидуального) крестьянского землевладения, мотивируя это тем, что появление индивидуальных крестьянских хозяйств может вызвать появление пролетариата (Никольский, 1876: 206). Выгоды же земледельческой артели, по мнению А.П. Никольского, состояли в следующем: 1) чересполосность и узкополосность, неизбежные при общинном землевладении, со всеми их последствиями, совершенно не имеют места при артельном хозяйстве, когда земля не делится. Такое хозяйство в этом отношении несравненно выгоднее и участкового землевладения, при котором узкополосности избежать невозможно, так как размеры участков не могут быть значительными; 2) переделы, сопровождающие общинное землевладение, порождают небрежность и неохоту к удобрению и обработке земли. При артельном хозяйстве такое отношение к земле даже немыслимо, ведь всякая небрежность со стороны артельщика будет приносить ущерб всей артели, и поэтому каждый член ее будет строго следить за всеми остальными, равно как и все остальные за ним; 3) «мироеды», которые при общинном землевладении имеют особенную силу, в артели, основанной на равенстве труда и вознаграждения, не могут иметь никакой силы; 4) круговая порука в артели также неизбежна, как и в общине; даже больше – в общине она может быть до известной степени ослаблена, напротив, в артели она должна иметь самое широкое применение; без круговой поруки самое артельное начало немыслимо. Тем не менее вредная сторона круговой поруки в артели будет парализована (Никольский, 1876: 213).

В этом же году А.П. Никольский перешел на юридический факультет и с конца года стал печататься в «Новом времени» А.С. Суворина. 28 октября 1876 г. была напечатана его первая статья «Полемические письма» по вопросу о русской национальной задаче, подписанная псевдонимом «Микула». Закончив университет со степенью кандидата прав, в 1880 г. А.П. Никольский начал свою государственную службу в канцелярии Высочайше утвержденной в конце 1870-х гг. Комиссии по исследованию железнодорожного дела в России графа Э.Т. Баранова. Именно в работе в этой комиссии А.П. Никольский впервые познакомился с С.Ю. Витте.

Став постоянным сотрудником «Нового времени», А.П. Никольский много писал статей по вопросам крестьянского быта и землеустройства, а также полемических фельетонов и литературных обзоров, мелких заметок в отделе «Из жизни и литературы», отчетов о городских думских заседаниях, создал в 1880 г. отдел «Среди газет и журналов» и написал массу передовых статей, очерков и характеристик.

В декабрьской 1880 г. книжке «Русской мысли» появилась статья А.П. Никольского «Подробности аграрного вопроса в черноземной России», которая была извлечением из его кандидатской диссертации. В начале своей статьи он обрушился на условия, при которых крестьяне освобождались от крепостного права. Он полагал, что экономическое положение, в котором крестьяне оказались после отмены крепостного права, можно назвать неудовлетворительным. Редакционные комиссии задумывались о разрешении свободного переселения, но, встретив «дружный отпор» дворянства, пошли ему на уступки (Никольский, 1880: 61-123). Здесь А.П. Никольский намекал на то, что после отмены крепостного права переселение за Урал было запрещено, так как, с одной стороны, аграрное перенаселение в центре страны снижало цены на рабочие руки в сельском хозяйстве, что было очень важно для помещиков, лишившихся бесплатного труда крепостных крестьян; с другой – если бы государство разрешило свободное переселение в Сибирь, то не совсем понятно, как оно собирало бы плату за выкупные платежи, так как крестьяне просто бы разбежались по окраинам страны (Никольский, 1880: 61).

Для решения данной проблемы А.П. Никольский предложил разрешить свободное переселение крестьян, в том числе и на частновладельческие земли, которые необходимо было выкупать у помещиков через земельные банки. По его подсчетам только на территории Европейской России на тот момент находилась в общей сложности, не считая даже банковских земель, огромная площадь удобной земли – около 32 млн десятин, на которых по умеренному расчету можно расселить до 4 млн ревизских душ (или 8 млн душ обоего пола) (Никольский, 1880: 120).

Также А.П. Никольский считал, что для организации свободного переселения нужно было реформировать переселенческое дело, а для этого была необходима, во-первых, полная отмена действовавшей на тот момент паспортной системы, или, если бы эта отмена почему-нибудь оказалась бы невозможной в ближайшем будущем, такие изменения в паспортной системе, чтобы она не могла служить тормозом для переселений. Вместе с тем должны были быть устранены те стеснения, которыми обставлялся выход крестьян из крестьянского общества. Во-вторых, необходимо было совершенное уничтожение подушной подати и замена ее более рациональным видом обложения, без чего передвижение населения неизбежно было бы стеснено. В-третьих, необходимо было бы «привести в известность» все земли, удобные для переселений, а также те местности на этих землях, которые были пригодны для образования новых переселенческих поселков. В-четвертых, дела по переселениям изъять из ведения казенных палат и других губернских учреждений и сосредоточить их в особом центральном учреждении (наподобие Комитета по устройству быта крестьян), которое могло бы действовать или через своих агентов, или через крестьянские присутствия, то есть А.П. Никольский фактически призвал создать Переселенческое управление. Он полагал, что «только при такой концентрации дела переселения возможно единство и строгий порядок в ходе переселений» (Никольский, 1880: 121).

После того как Комиссия по исследованию железнодорожного дела в России осталась позади, А.П. Никольский поступил на службу в отдел Главного штаба по передвижению войск и военных грузов, откуда в 1886 г. был переведен на службу в Министерство финансов, где проработал около 20 лет. Первоначально он занимал должность чиновника для особых поручений в Департаменте государственного казначейства, через некоторое время стал начальником отделения данного департамента. Затем его направили по «железнодорожной линии», назначив чиновником для особых поручений в Департамент железнодорожных дел, где он также вырос по служебной лестнице, став директором в Правлении общества Привислинских железных дорог от Министерства финансов. Позднее А.П. Никольский занимал должность одного из директоров Государственного банка, заведовавшего сберегательными кассами. Поспособствовал в этом ему сам С.Ю. Витте, который написал о нем следующее: «Никольский... мною, когда я был министром финансов, был назначен управляющим всеми сберегательными кассами» (Витте, 1960b: 188).

Вступив в заведование сберегательными кассами в конце 1893 г., А.П. Никольский в течение последующих 12 лет провел ряд преобразований как в постановке сберегательного дела, так и в организации его управления, что имело последствием весьма значительное развитие сети сберегательных касс и их оборотов; сберегательные кассы, собрав более миллиарда рублей народных сбережений, заняли видное место в ряду государственных кредитных установлений.

7 ноября 1897 г. А.П. Никольский на заседании Санкт-Петербургского собрания экономистов сделал доклад по крестьянскому вопросу, который в следующем году был опубликован в журнале «Русское экономическое обозрение» отдельной брошюрой (Никольский, 1898). Следует отметить, что она вышла в свет в типографии Министерства финансов, которое в тот период возглавлял С.Ю. Витте. Главной мыслью доклада было то, что творцы реформы 19 февраля 1861 г. смотрели на создаваемый ими крестьянский порядок как на временный, переходный (Никольский, 1898: 11).

Основная масса крестьянства, по мнению А.П. Никольского, выступала за частную крестьянскую собственность и ненавидела общину, так как «в крестьянском быту личное начало поглощается почти сполна» (Никольский, 1898: 3). Поэтому А.П. Никольский призвал изменить крестьянское законодательство в сторону предоставления крестьянам большей экономической свободы. Вместе с тем он предлагал не разрушать крестьянскую общину, а только реформировать ее: отменить круговую поруку в уплате налогов; налоги собирать не по количеству душ мужского пола, распределяя их равными долями, а по доходам каждого крестьянина индивидуально; ограничить власть сельских сходов; гарантировать крестьянству неотчуждаемость наделных земель, хозяйственную самостоятельность и личную свободу в вопросе пользования общинной землей. Нежелание разрушать крестьянскую общину полностью А.П. Никольский объяснял тем, что уничтожая общину быстрыми темпами, можно затронуть интересы десятков миллионов крестьян, которые привыкли жить по-старому.

В 1902 г. под руководством С.Ю. Витте приступило к работе Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. К работе в этом Совещании был привлечен и А.П. Никольский. По воспоминаниям сподвижника П.А. Столыпина В.И. Гурко, обсуждение крестьянского вопроса в Особом совещании было обставлено торжественно, приглашен был и ряд крупных ученых-аграрников. Из царской бюрократии на совещании присутствовали как сторонники общины, так и ее противники. А.П. Никольского В.И. Гурко отнес к «горячим приверженцам

решительного отступления от положений 19 февраля 1861 г.» (Гурко, 2000: 627). Заседания по крестьянскому вопросу проходили два раза в неделю по вечерам в Министерстве финансов, собиралось около 60 человек. С.Ю. Вите, который вел эти заседания, раздражало «разномыслие» заседавших. В конечном итоге они так и не смогли выработать единую линию по вопросу крестьянской общины. А.П. Никольский в данный период находился под влиянием антиобщинных настроений, однако конкретных мер к уничтожению общины (по крайней мере, на Особом совещании) он не предлагал.

В 1902 г. А.П. Никольский напечатал в «Новом времени» ряд статей под заглавием: «Земля, община и X том», которые в том же году вышли отдельной книгой под названием «Земля, община и труд». В данной работе А.П. Никольский выступил с программой разрушения крестьянской общины и насаждения частной крестьянской собственности, которая включала в себя ряд пунктов: 1) распространение на крестьянское сословие действия общего гражданского кодекса; 2) проецирование на крестьян действия общих судебных учреждений не только по уголовным делам, но и по всем гражданским делам, а также общих административных учреждений; 3) отмена круговой поруки, то есть применение к крестьянским повинностям принципа, что каждый отвечает только за себя; 4) ограничение крестьянского сословного самоуправления лишь деятельностью в сфере сословных хозяйственных нужд, как-то: призрения, продовольственной части, попечения о школах, надзора за общественными сооружениями (мосты, пруды, магазины и т.п.), содержания пожарных инструментов, наряда подвод по общественным делам и т.п.; 5) предоставление отдельным домохозяйствам права выдела полевой надельной земли из общинного землевладения в участковое, то есть восстановление того права, которое условно давалось крестьянам статьей 165 Положения о выкупе и было отменено законом 14 декабря 1893 г. (Никольский, 1902: 195).

В этой работе А.П. Никольский вступил в открытую полемику со сторонниками сохранения крестьянской общины. Одна из проблем была в том, что после передачи земли в частную крестьянскую собственность крестьянские участки начнут дробиться на все более и более мелкие, что в конце концов приведет к обезземеливанию крестьян. А.П. Никольский полагал, что и с этими негативными последствиями введения частной собственности можно справиться, для чего нужно просто оставить законы, ограничивающие дробление земельных участков в общине (Никольский, 1902: 176).

Главные же трудности, по его мнению, состояли в весьма сложной технике разверстания и размежевания надельных земель, так как для осуществления отмены общинного землевладения потребовались бы целые армии землемеров, тогда как их и для мелких межевых работ было трудно найти, а кроме того, в каждом уезде необходимо было образовать десятки оценочных комиссий – для правильного и справедливого разверстания надельной земли, особенно там, где земля была неодинакового качества, и когда, например в больших сельских обществах, земля в значительной части была отдалена от селения. Кроме того, потребовался бы ряд специальных работ на те случаи, когда та или другая часть крестьян пожелала бы перенести усадьбы на свои участки, для чего необходимо было урегулировать проезды, прогоны для скота, а также решить вопросы о пастбищах, водопоях, о снабжении расселившихся дворов водой для питья и других хозяйственных надобностей (Никольский, 1902: 174). Главный постулат концепции А.П. Никольского состоял в том, что при сохранении крестьянской общины «нельзя сохранить крестьянство как сословие земледельческое» (Никольский, 1902: 181).

Против публикаций А.П. Никольского выступил один из учредителей «Русского собрания» Н.А. Энгельгардт, который в «Русском вестнике» опубликовал статью «Земля и государство», где он утверждал, что за 40 лет после отмены крепостного права накопилось много данных о подворном крестьянском землевладении, которое, по его мнению, делилось на три группы: первая – это крестьяне, которые вышли из общины, пожили отдельно и вернулись обратно в общину; вторая – крестьянские хозяйства, которые лишь номинально числятся вне общины, а на самом деле ведут хозяйство совместно с общиной; третья – «безземельные и бездомные бобыли-пролетарии», то есть те, которые вышли из общины, попытались вести самостоятельное хозяйство и разорились (Энгельгардт, 1902: 73).

Кроме вышеназванных работ, А.П. Никольский помещал свои литературные труды в «Новом времени», «Неделе», «Руси» И.С. Аксакова и в «Киевлянине».

Между тем началась Первая российская революция 1905–1907 гг., испугавшись ее, либеральный А.П. Никольский начал праветь. Вот, что об этом впоследствии вспоминал С.Ю. Вите: «Никольский... с 1904 г., т.е. со времени освободительного движения, стал резко на консервативную точку». Возвратившись в Россию после заключения Портсмутского мира, С.Ю. Вите также отметил: «А.П. Никольский... мне говорил, что вся беда в прессе и что для того чтобы облагоразить революционное движение, нужно, прежде всего, беспощадно шлепнуть газеты» (Вите, 1960а: 500; Бакшеев, 2013: 163).

Тем не менее антиреволюционные взгляды не помешали А.П. Никольскому принять участие в работе Комиссии «О согласовании действующих узаконений по крестьянским делам с высочайшим

манифестом и указом 3 ноября 1905 г.» об отмене выкупных платежей, что и явилось одним из основных следствий первой российской революции.

30 марта 1905 г. Совещание С.Ю. Витте было закрыто. Одновременно с этим было образовано Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения, которое возглавил И.Л. Горемыкин. После этого деятельность А.П. Никольского плавно переместилась в Особое совещание И.Л. Горемыкина, где он занимался разработкой мер по мелкому народному кредиту и обсуждением вопросов, имеющих отношение к деятельности Крестьянского поземельного банка. К весне 1906 г. неактуальность Совещания И.Л. Горемыкина стала очевидной, так как направление разработки аграрного вопроса в нем не совпадало с требованиями основной массы крестьянства. К тому времени деятельность А.П. Никольского по заведению сберегательными кассами закончилась введением с 1906 г. операций государственного страхования жизни через посредство этих касс. Высочайше утвержденное зимой 1905 г. Положение об этом страховании было выработано по его инициативе и под его руководством.

27 февраля 1906 г. А.П. Никольский был назначен исправляющим должность главноуправляющего землеустройством и земледелием. Попал он на этот пост следующим образом: 4 февраля 1906 г. ушел в отставку главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер, причиной его отставки был слишком либеральный проект земельной реформы, который вызвал недовольство царя (Хоскинг, 2001: 443). Нужно было подобрать ему преемника. Им, через доктора Шапирова, вызвался стать А.В. Кривошеин, в будущем главный исполнитель столыпинской аграрной реформы. Однако С.Ю. Витте не согласился на это, потому что А.В. Кривошеин имел очень большое влияние на всесильного тогда Д.Ф. Трепова, который являлся товарищем министра внутренних дел и командующим отдельным корпусом жандармов. Такая ситуация была опасна для С.Ю. Витте тем, что он не смог бы контролировать А.В. Кривошеина, так как последний через Д.Ф. Трепова смог бы обращаться напрямую к царю. Поэтому С.Ю. Витте предложил назначить на должность главноуправляющего землеустройством и земледелием своего подчиненного по Министерству финансов А.П. Никольского. «Поправение» в его политических взглядах было также кстати – Д.Ф. Трепов стал относиться к нему благожелательнее и не стал бы противиться его назначению. А.В. Кривошеин также был в хороших отношениях с А.П. Никольским (Витте, 1960b: 188).

В марте 1906 г. А.П. Никольский по поручению С.Ю. Витте создал Особую комиссию для составления списка вопросов, которые должны быть вынесены на обсуждение депутатов Государственной Думы. В данной комиссии приняли участие все министерства, кроме военного, морского и императорского двора. В результате список вышел огромным, только название законопроектов, которые А.П. Никольский предлагал вынести на обсуждение парламента, занимало большую печатную тетрадь. Самым первым в списке стоял вопрос о праве выхода крестьян из общины. Чтобы облегчить прохождение предложенных А.П. Никольским законопроектов, А.П. Витте даже отменил традиционное согласование их между ведомствами и предписал направлять их сразу в Совет министров. По свидетельству В.И. Гурко, С.Ю. Витте весьма интересовался работой данной комиссии и вел по этому вопросу переговоры с представителями различных ведомств и, в частности, с самим В.И. Гурко два раза обменивался мыслями по поводу предоставления крестьянам права выхода из общины (после того как данный законопроект не смог пройти через Государственный совет) (Гурко, 2000: 871). 27 марта 1906 г. А.П. Никольский первый раз делал доклад Николаю II по вопросам землеустройства (Николай II, 2013a: 121).

Однако это были последние месяцы правительства С.Ю. Витте. На этом посту А.П. Никольский пробыл меньше двух месяцев, до 24 апреля 1906 г., так как за два дня до этого, 22 апреля того же года, С.Ю. Витте ушел в отставку. В день своей отставки, 24 апреля 1906 г., А.П. Никольский опять был с докладом у Николая II, о чем последний оставил краткую запись в своем дневнике: «Имел доклады Бирилева, Никольского и Федорова» (Николай II, 2013a: 126). Через два дня после этого доклада, 26 апреля 1906 г., царь утвердил мнение Государственного совета «Об отмене и изменении узаконений по переселенческой части, не согласованных с Временными правилами о добровольном переселении 6 июня 1904 г.». Принятием этого закона была фактически начата столыпинская переселенческая политика.

Новым главой правительства стал И.Л. Горемыкин, пробывший на этом посту до 8 июня 1906 г., до прихода на эту должность П.А. Столыпина. И.Л. Горемыкин уволил почти всех министров из правительства С.Ю. Витте, кроме военного и морского. Уволен был и А.П. Никольский, вместо него в этот же день был назначен А.С. Стишинский. С.Ю. Витте так это прокомментировал: «Никольский, который в некоторой степени пользовался протекцией и Трепова, получил место сенатора» (Витте, 1960b: 300).

В результате прихода на пост главы правительства И.Л. Горемыкина список реформ Никольского – Витте был отменен. Исключения составляли лишь те законопроекты, которые уже прошли обсуждения в Совете министров. Однако они были крайне малозначительными, в результате этого Государственной Думе на первых своих заседаниях пришлось обсуждать устройство прачечной в Дерптском университете. Осенью 1906 г., когда главой правительства был уже П.А. Столыпин, он неожиданно вспомнил о списке законопроектов А.П. Никольского и решил претворить их в жизнь.

Между тем в конце апреля 1906 г. А.П. Никольский был назначен к присутствованию в Сенате – первоначально во Второй департамент, с осени 1906 г. – в Первый. Членом Государственного совета А.П. Никольский был назначен 1 января 1908 г., где он принимал деятельное участие в работах комиссий: финансовой (1909–1910 гг.), об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении (указ 9 ноября 1906 г.), о переходе из одного вероисповедания в другое, о городских банках и об авторском праве. А.П. Никольский входил в состав правого центра Государственного совета. В 1910 г. он после смерти барона Э.Ю. Нольде был назначен заменяющим наместника на Кавказе в высших государственных установлениях, в связи с чем 23 января 1910 г. его принял Николай II. Позднее А.П. Никольский бывал у Николая II еще два раза и делал доклады по делам Кавказского наместничества 24 марта 1914 г. и 22 января 1916 г. (Николай II, 2013b: 19, 206). Умер А.П. Никольский предположительно после 1917 г.

5. Заключение

Программа столыпинских преобразований формировалась достаточно долго, по крайней мере несколько десятилетий. В ее создании приняло участие достаточно большое количество ученых, экономистов, политиков и общественных деятелей. А.П. Никольский был одним из них. В течение своей жизни он прошел эволюцию от социалиста до либерала умеренного толка, от требования обобществления крестьянской земли до поддержки курса на разрушение общины и внедрения частного крестьянского землевладения. Его жизненный путь типичен для того времени: повзрослев, революционная молодежь 1870-х гг. в основной своей массе умирала свой революционный пыл и перешла к теории эволюционных преобразований, пополнив ряды российских либералов. А.П. Никольского испугала революция 1905 г., тем не менее он принял приглашение С.Ю. Витте войти в его правительство в качестве главноуправляющего землеустройством и земледелием, где под руководством С.Ю. Витте он разработал список реформ (в том числе и преобразований по вопросу крестьянского надельного землевладения). С.Ю. Витте решил воспользоваться сложившейся политической ситуацией и претворить в жизнь те преобразования, разработкой которых он руководил в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В этом деле А.П. Никольский стал его союзником и помощником. Пребывание в течение короткого срока на посту главноуправляющего землеустройством и земледелием не позволило А.П. Никольскому в полной мере раскрыть свой талант государственного деятеля на министерском уровне, однако общее направление предстоящих реформ ему удалось определить. В дальнейшем П.А. Столыпин, который являлся единомышленником С.Ю. Витте и А.П. Никольского в решении задачи реформирования крестьянской общины, смог осуществить определенную часть замыслов С.Ю. Витте и А.П. Никольского, которые совпадали и с его личными взглядами. Таким образом, А.П. Никольский внес существенный вклад в дело разработки столыпинского курса аграрной политики в России.

Литература

- Бакшеев, 2013 – Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: СФУ, 2013. 345 с.
- Бронский, 2012 – Бронский О.Г. Роль схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2012. № 1. С. 58–62.
- Витте, 1960а – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. 640 с.
- Витте, 1960б – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 3. 724 с.
- Г.А.В.О., 1875 – Г.А.В.О. Об улучшении крестьянского землевладения в средней нечерноземной полосе России посредством земледельческой крестьянской артели // *Земледельческая газета*. 1875. 25 января.
- Гаврилов, 2018 – Гаврилов А.В. Аграрный вопрос в зеркале дискуссий в дореволюционной историографии // *Самарский научный вестник*. 2018. № 1. С. 225–233.
- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 1252 с.
- Николай II, 2013а – Дневник императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. М.: РОССПЭН, 2013. Часть 1. 1905–1913. 852 с.
- Николай II, 2013б – Дневник императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. М.: РОССПЭН, 2013. Часть 2. 1914–1918. 811 с.

[Митрофанов, 2018](#) – *Митрофанов Т.С.* Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса) // *Ученые записки Казанского университета*. 2018. Т. 10. Кн. 3. С. 643-655.

[Никольский, 1875a](#) – *Никольский А.* Некоторые данные к вопросу о травосеянии в Новороссийском крае // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1875. Т. 1. С. 19-32.

[Никольский, 1875b](#) – *Никольский А.* Некоторые данные к вопросу о травосеянии в Новороссийском крае (Окончание) // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1875. Т. 2. С. 13-26.

[Никольский, 1876a](#) – *Никольский А.* Проект земледельческой артели // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1875. Т. 1. С. 200-213.

[Никольский, 1876b](#) – *Никольский А.* Проект земледельческой артели // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. 1875. Т. 2. С. 398-411.

[Никольский, 1880](#) – *Никольский А.П.* Потребности аграрного вопроса в Черноземной России // *Русская мысль*. 1880. Кн. 12. С. 61-123.

[Никольский, 1898](#) – *Никольский А.П.* Личность в общинном быту (К пересмотру крестьянского положения). Санкт-Петербург: Тип. Министерства финансов, 1898. 32 с.

[Никольский, 1902](#) – *Никольский А.П.* Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902. 195 с.

[Почеревин, 2013](#) – *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе: конец XIX в. – 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 232 л.

[Хоскинг, 2001](#) – *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.

[Энгельгардт, 1902](#) – *Энгельгардт Н.А.* Земля и государство // *Русский вестник*. 1902. № 5. С. 49-76.

References

[Baksheev, 2013](#) – *Baksheev, A.I.* (2013). Problemy sovetskoï gosudarstvennosti v Sibiri perioda NEPa [Problems of Soviet statehood in Siberia during the New economic policy period]. Krasnoyarsk: SFU, 345 p. [in Russian]

[Engelgardt, 1902](#) – *Engelgardt, N.A.* (1902). Zemlya i gosudarstvo [Land and state]. *Russkiy vestnik*. 5: 49-76. [in Russian]

[G.A.V.O., 1875](#) – G.A.V.O. Ob uluchshenii krest'yanskogo zemlevladieniya v srednei nechernozemnoi polose Rossii posredstvom zemledel'cheskoi krest'yanskoi arteli [About improvement of peasant land ownership in the middle non-Chernozem zone of Russia by means of agricultural peasant artel]. *Zemledel'cheskaya gazeta*. 1875. 25 yanvaryaya. [in Russian]

[Gavrilov, 2018](#) – *Gavrilov, A.V.* (2018). Agrarnyi vopros v zerkale diskussii v dorevolutsionnoi istoriografii [The agrarian question in the mirror of discussions in pre-revolutionary historiography]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. 1: 225-233. [in Russian]

[Gurko, 2000](#) – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo: pravitelstvo i obshchestvennost v tsarstvovaniye Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past: government and public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1252 p. [in Russian]

[Khosking, 2001](#) – *Khosking, D.* (2001). Rossiya: narod i imperiya [Russia: people and Empire]. Smolensk: Rusich, 512 p. [in Russian]

[Mitrofanov, 2018](#) – *Mitrofanov, T.S.* (2018). Sootnoshenie zakona i obyachaya v volostnykh sudakh poreformennoi Rossii (istoriografiya voprosa) [Correlation of law and custom in volost courts of post-reform Russia (historiography of the issue)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. 10, b. 3, pp. 643-655. [in Russian]

[Nikolai II, 2013a](#) – Dnevnik imperatora Nikolaya II. 1894-1918 [Diary of Emperor Nicholas II. 1894-1918]. Т. 2. 1905-1918. М.: ROSSPEN, 2013, v. 1. 1905-1913. 852 p. [in Russian]

[Nikolai II, 2013b](#) – Dnevnik imperatora Nikolaya II. 1894-1918 [Diary of Emperor Nicholas II. 1894-1918]. Т. 2. 1905-1918. М.: ROSSPEN, 2013, v. 2. 1914-1918. 811 p. [in Russian]

[Nicol'skii, 1875a](#) – *Nicol'skii, A.* (1875). Nekotorye dannye k voprosu o travoseyanii v Novorossiiskom krae [Some data on the issue of herbage in the Novorossiysk region]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1: 19-32. [in Russian]

[Nicol'skii, 1875b](#) – *Nicol'skii, A.* (1875). Nekotorye dannye k voprosu o travoseyanii v Novorossiiskom krae (Okonchanie) [Some data on the issue of herbage in the Novorossiysk region (End)]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 2: 13-26. [in Russian]

[Nicol'skii, 1876a](#) – *Nicol'skii, A.* (1876). Proekt zemledel'cheskoi arteli [The project agricultural cooperative]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1: 19-32. [in Russian]

[Nicol'skii, 1876b](#) – *Nicol'skii, A.* (1876). Proekt zemledel'cheskoi arteli [The project agricultural cooperative]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 2: 398-411. [in Russian]

Nikol'skii, 1880 – *Nikol'skii, A.P.* (1880). Potrebnosti agrarnogo voprosa v Chernozemnoi Rossii [The needs of the agrarian question in the black earth of Russia]. *Russkaya mysl'*. B. 12, pp. 61-123. [in Russian]

Nikol'skii, 1898 – *Nikol'skii, A.P.* (1898). Lichnost' v obshchinnom bytu (K peresmotru krest'yanskogo polozheniya) [Identity in community life (To the revision of the peasant situation)]. SPb.: Publ. Ministerstva finansov, 32 p. [in Russian]

Nikol'skii, 1902 – *Nikol'skii, A.P.* (1902). Zemlya, obshchina i trud. Osobennosti krest'yanskogo pravoporyadka, ikh proiskhozhdenie i znachenie. [Land, community, and labor. Features of the peasant law and order, their origin and significance]. SPb.: Publ. A.S. Suvorina, 195 p. [in Russian]

Pocherevin, 2013 – *Pocherevin, E.V.* (2013). Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altaiskom okruge : konets XIX v. – 1917 g. [Grass-roots administrative and judicial system in the Altai district: the end of the XIX century – 1917]: dis. ... kand. istor. nauk. Barnaul. 232 l. [in Russian]

Vitte, 1960a – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memory lane]. Moskva: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, v. 2, 640 p. [in Russian]

Vitte, 1960b – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memory lane]. Moskva: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, v. 3, 724 p. [in Russian]

Vronskii, 2012 – *Vronskii, O.G.* (2012). Rol' skhoda v sisteme krest'yanskogo obshchinnogo upravleniya poreformennoi epokhi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The role of the Assembly in the system of peasant communal administration of the post-reform era (the second half of the XIX – early XX centuries.)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 58-62. [in Russian]

А.П. Никольский – один из разработчиков столыпинского аграрного курса

Сергей Алексеевич Сафронов ^{а, *}, Лариса Юльевна Анисимова ^а,
Михаил Дмитриевич Северьянов ^а

Аннотация. Статья посвящена Александру Петровичу Никольскому – общественному и политическому деятелю Российской империи второй половины XIX – начала XX веков, одному из идеологов и разработчиков столыпинской аграрной реформы. Основное внимание автор уделил анализу эволюции взглядов А.П. Никольского на крестьянскую общину, который, придерживаясь в конце 1870-х годов социалистических взглядов на реформу крестьянского наделного землевладения и призывая к максимальному обобществлению общинных земель, с течением времени изменил свои взгляды по данному вопросу и перешел на противоположную точку зрения – поддержал создание частного индивидуального крестьянского хозяйства. Причем если на первом этапе своей эволюции А.П. Никольский допускал сохранение крестьянской общины, хотя и в реформированном виде, то на последнем этапе (в начале XX века) он выступил за полную ее ликвидацию. При этом А.П. Никольский предлагал действенные меры для спасения крестьянства от обезземеливания, с которым они бы столкнулись в результате уничтожения общины. Также А.П. Никольский выступал за разрешение свободного переселения за Урал и призывал реформировать российское законодательство таким образом, чтобы оно не препятствовало этому процессу. Оказавшись на два месяца в 1906 году на посту главноуправляющего землеустройством и земледелием, А.П. Никольский предпринял определенные шаги в этом направлении. Первая российская революция 1905–1906 годов сместила политические взгляды П.А. Никольского еще правее и, став членом Государственного совета, он стал придерживаться правого центра, тем не менее активно участвуя в реформаторских процессах того времени.

Ключевые слова: Александр Петрович Никольский, столыпинская аграрная реформа, крестьянская община, свободное переселение, Сергей Юльевич Витте.

* Корреспондирующий автор

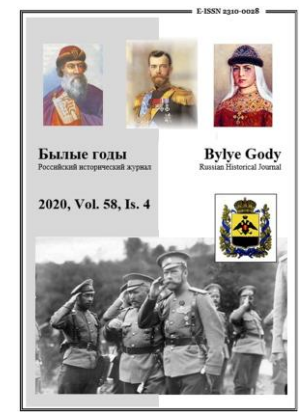
Адреса электронной почты: Safronow63@mai.ru (С.А. Сафронов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2563-2571. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2563
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Court of Grand Duke Sergey Alexandrovich: a Review of Primary Sources

Dmitriy M. Sofjin ^{a,*}, Marina V. Sofjina ^b

^a Perm State National Research University, Russian Federation

^b Perm State Institute of Culture, Russian Federation

Abstract

Unlike the Imperial Court, small (Grand Duke's) courts have not been the subject of separate studies until now. Meanwhile, these institutions played a significant role in the life of each Grand Duke, formed the basis of his entourage and the main support in the various activities of the Grand Ducal couple. If in the correction of positions in the state and military service, Grand Duke Sergey Alexandrovich relied primarily on subordinates who were not part of his Court, the multifaceted social, cultural and charitable activities of Sergey Alexandrovich and his wife, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, to a large extent, provided by the involvement of the ranks of the Court. They played a major role in the history of the formation and development of a number of institutions headed or patronized by Grand Duke Sergey Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, including the currently existing the Imperial Orthodox Palestine Society and the Emperor Alexander III Museum of Fine Arts (now the Pushkin State Museum of Fine Arts). A comprehensive study of such a small court as the Court of Grand Duke Sergey Alexandrovich, in institutional and personal dimensions involves the involvement of a wide range of archival sources, many of which were not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Imperial House, court life, Grand Duke Sergey Alexandrovich, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Russian Empire, Moscow Governor-General, Grand Duke's Court.

1. Введение

Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), младший брат императора Александра III, был крупным государственным, военным и общественным деятелем. В 1891–1905 гг. он занимал пост московского генерал-губернатора, помимо того, с 1894 г. являлся членом Государственного совета, а с 1896 г. – командующим войсками Московского военного округа. Великий князь был первым председателем Императорского Православного Палестинского общества (с 1882 г.), председателем, почетным председателем, покровителем и почетным членом многих других научных и общественных организаций.

В 1884 г. Великий князь Сергей Александрович обвенчался с принцессой Елизаветой Гессенской, ставшей в России Великой княгиней Елизаветой Федоровной. С этого времени начинает функционировать его отдельный двор, который полагалось иметь каждому женатому Великому князю.

В отличие от «большого» Императорского Двора, малые великокняжеские дворы до настоящего времени совершенно не изучены. Их специфика, организационные и финансовые основы функционирования, принципы формирования кадрового состава, хозяйственная деятельность, обеспечение выполнения представительских обязанностей великокняжеской семьи не привлекали внимания исследователей. Между тем эти институты играли значительную роль в жизни каждого Великого князя и его семьи, составляли основу его окружения и главную опору в разнообразной

* Corresponding author

E-mail addresses: sofjindm@yandex.ru (D.M. Sofjin), mar-sofina@mail.ru (M.V. Sofjina)

деятельности великокняжеской четы. Если в исправлении должностей на государственной и военной службе Великий князь опирался, в первую очередь, на подчиненных, не входивших в состав его двора, то общественная, культурная и благотворительная деятельность в значительной степени обеспечивалась привлечением чинов двора. В полной мере это относится к Великому князю Сергею Александровичу, его жене, Великой княгине Елизавете Федоровне, и их двору.

«Правой рукой» Великого князя Сергея Александровича как председателя Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), помощником председателя ИППО был один из чинов его двора, состоящий при Великом князе, генерал М.П. Степанов. Несмотря на значительное число исследований по истории ИППО, деятельность М.П. Степанова, который, как свидетельствуют документы, нес основное бремя организационно-управленческих обязанностей по линии общества, остается в тени.

В состав Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III были введены тот же М.П. Степанов, а также один из адъютантов Сергея Александровича, князь Ф.Ф. Юсупов, сыграв значимую, но до сих пор не исследованную роль в создании одного из крупнейших музеев современной России (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Деятельность многих других общественных и благотворительных организаций, руководимых или находившихся под покровительством Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны, обеспечивалась за счет делегирования в их состав чинов двора Великого князя (Елисаветинское благотворительное общество, Московское местное управление Российского общества Красного Креста, Московский совет детских приютов, Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений, Московское филармоническое общество, Дамский благотворительный тюремный комитет и т.д.). Во многом именно через чинов двора Великий князь и его жена осуществляли свою общественную, культурно-просветительскую и благотворительную деятельность. Таким образом, без исследования вклада чинов двора Сергея Александровича невозможно сформировать комплексное представление о становлении и развитии целого ряда важных институций, возникших в Российской империи, которые существуют до настоящего времени, играя значительную роль в общественной и культурной жизни страны (ИППО, ГМИИ им. А.С. Пушкина).

2. Материалы и методы

Применение институционального подхода позволит рассмотреть двор Великого князя Сергея Александровича как особое учреждение и определить его место в системе государственных и придворных институтов. Также необходимо комплексно исследовать персональное изменение двора Сергея Александровича.

Метод сравнительного анализа позволит наиболее полно и всесторонне изучить повседневную жизнь двора Сергея Александровича. С помощью данного метода может быть проанализирована информация, которая содержится в разнообразных источниках личного происхождения, авторами которых являются как великокняжеская чета и члены двора, так и другие лица, со стороны наблюдавшие жизнь великокняжеского двора. В исследовании возможно сравнение не только взглядов «изнутри» и «снаружи», но и сравнение текстов разных авторов, принадлежащих к каждой из этих групп, а также текстов одного автора, но различных по виду источника (письма, дневники, воспоминания) и по времени описания события (непосредственно под впечатлением от происходящего и по прошествии длительного промежутка времени).

3. Обсуждение

В отличие от Императорского Двора, малые (великокняжеские) дворы до настоящего времени не становились предметом самостоятельного исследования. Специфика великокняжеских дворов в целом рассматривалась лишь в диссертационном исследовании С.А. Василенко ([Василенко, 2007](#)). В первой главе («Учреждение об императорской фамилии» 1886 года»), во втором параграфе («Браки великих князей. Великокняжеские дворы»), автор уделила некоторое внимание малым дворам, отметив их наличие как важную привилегию женатых Великих князей, дав характеристику хозяйственной деятельности и структуры двора (на примере двора Великой княгини Марии Павловны-старшей) и социальной поддержки его служащих (на примере двора Великой княгини Ольги Александровны) ([Василенко, 2007: 50-57](#)).

Великому князю Сергею Александровичу и его жене, Великой княгине Елизавете Федоровне, посвящено значительное количество отдельных статей, сборников ([Великий князь..., 2007](#); [На службе у России..., 2013](#); [Великий князь..., 2015](#); [Великий князь..., 2017](#) и др.), научно-популярных и научных монографий ([Кучмаева, 2004](#); [Гришин, 2006](#); [Кучмаева, 2008](#); [Мельник, 2009](#); [Гришин, 2015](#); [Софьин, 2016](#); [Гришин, 2018](#) и др.). Однако во всех этих работах при исследовании многоплановой деятельности великокняжеской четы чины их двора, если и упоминаются, то весьма кратко и далеко не все.

Среди чинов двора Великого князя Сергея Александровича наиболее исследованной фигурой является его адъютант В.Ф. Джунковский, благодаря своей дальнейшей деятельности, в рамках

которой он занимал крупные посты (московский губернатор, затем товарищ министра внутренних дел), сыграл значительную роль во внутренней политике России в период между революциями 1905–1907 и 1917 гг. В.Ф. Джунковскому, наряду с научными статьями и вниманием к его персоне в более общих работах, посвящена капитальная монография А.Ю. Дунаевой (Дунаева, 2012). В отличие от других публикаций о В.Ф. Джунковском, она уделяет внимание не только его государственной деятельности после гибели Великого князя Сергея Александровича, но и его предшествующей службе при Великом князе.

Также значительное внимание уделялось другому адъютанту Великого князя Сергея Александровича, князю Ф.Ф. Юсупову (старшему), в первую очередь благодаря его обширной хозяйственной и филантропической деятельности, а также, в меньшей степени, в связи с его недолгим и неудачным пребыванием в 1915 г. на постах главноначальствующего над г. Москвой и главного начальника Московского военного округа (Лялин, 2011; Юдин, 2012).

Некоторое внимание исследователями уделено двум другим адъютантам Великого князя – К.А. Балясному и графу П.П. Шувалову (который недолгое время даже находился в должности заведующего двором Великого князя), также благодаря их деятельности уже после оставления службы при Сергее Александровиче (К.А. Балясный в 1902–1906 гг. занимал пост орловского губернатора, а граф П.П. Шувалов в 1898–1903 гг. был одесским градоначальником, а в 1905 г. – московским градоначальником) (Трохина и др., 1998: 202–207; Лавицкая, 2009; Убийство московского градоначальника..., 1905; Граф Павел Павлович Шувалов, 1908).

Во вступительной статье к публикации дневника фрейлины Великой княгини Елизаветы Федоровны княжны С.Л. Шаховской кратко рассказывается об авторе дневника (При дворе Великого князя..., 2017: 5–14).

Биографиям других лиц, служивших при дворе Великого князя Сергея Александровича, особенно женской половине, внимания практически не уделялось.

4. Результаты

Двор Великого князя Сергея Александровича в плане изучения имеет такие достоинства, как, с одной стороны, типичность для великокняжеских дворов, с другой – особенные, уникальные отличия.

Большинство Великих князей жили и служили в Санкт-Петербурге. Вплоть до 1891 г. Сергей Александрович в этом отношении не отличался от своих родственников (с 1882 г. он был командиром 1-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1887 г. возглавил весь полк), поэтому и его двор, образованный в 1884 г., в течение первых семи лет функционирования являлся типичным малым (великокняжеским) двором.

Положение изменилось в 1891 г., когда Сергей Александрович получил назначение московским генерал-губернатором. Его двор передислоцировался в Москву, став в тот период единственным великокняжеским двором за пределами Санкт-Петербурга. С 1891 г. значительно увеличивается штат двора Сергея Александровича, служебные обязанности чинов двора становятся более сложными и разнообразными, включая активную работу в общественных, культурно-просветительских и благотворительных учреждениях.

Комплексное исследование такого института, как двор Великого князя Сергея Александровича, предполагает привлечение широкого круга архивных источников, многие из которых ранее не только не публиковались, но даже не были введены в научный оборот. Выявленные источники по теме хранятся в фондах ряда отечественных архивохранилищ:

- Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва);
- Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург);
- Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва);
- научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ, г. Москва);
- отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, г. Санкт-Петербург);
- отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, г. Москва);
- Государственном архиве Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь).

Дневники Великого князя Сергея Александровича, дающие исключительно ценную информацию по истории его двора, хранятся в ГАРФ. Помимо юношеского периода (1872–1878 гг.), когда Великий князь еще не был женат, и, соответственно, не существовало его двора, сохранились дневники за 1892–1905 гг. (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 28–41). Из них полностью опубликованы дневники только за 1892–1894 гг. и 1905 г. (Дневник великого князя..., 2014; Дневник московского генерал-губернатора..., 2018; Дневник московского генерал-губернатора..., 2019; Дневник московского генерал-губернатора..., 2020), готовятся к публикации полные тексты дневников за 1895–1897 гг. Выдержки из дневников Сергея Александровича за 1892–1905 гг. публиковались в сборниках документальных материалов (Великая княгиня..., 2009; Великий Князь..., 2011; Великий Князь..., 2018).

В дневниках Сергея Александровича за 1892–1905 гг., которые автор вел ежедневно, фиксируется реальная служба чинов его двора, их степень приближенности к Великому князю. Дневники демонстрируют, что реальное положение того или иного чина двора могло значительно отличаться от формального статуса. Так, дневниковые записи за 1895 г. (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31) свидетельствуют, что докладчиком по личным делам Сергея Александровича и делам его двора был не адъютант граф П.П. Шувалов, заведовавший в то время двором, а другой адъютант Великого князя, его наиболее доверенное лицо – В.С. Гадон. Еще один из адъютантов Сергея Александровича, князь Ф.Ф. Юсупов, фактически не нес действительной службы при Великом князе, крайне редко исполняя адъютантские обязанности. Анализ дневниковых записей 1895 г. также показывает, что бывший заведующий двором Сергея Александровича граф Г.Г. Стенбок, назначенный в конце 1894 г. состоящим при Великом князе и оставшийся формально, таким образом, в составе чинов двора, вообще не нес сколько-нибудь реальной службы при Сергее Александровиче.

Письма Великого князя Сергея Александровича за период существования его двора (1884–1905 гг.) представлены в ряде архивохранилищ (ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 192–222; Ф. 660. Оп. 2. Д. 253–255; Ф. 677. Оп. 1. Д. 994; Ф. 642. Оп. 1. Д. 2743; Ф. 652. Оп. 1. Д. 672; Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340–1341; Ф. Р5849. Оп. 1. Д. 87–91; Ф. 595. Оп. 1. Д. 130; Ф. 1115. Оп. 1. Д. 79; РГИА. Ф. 721. Оп. 1. Д. 80; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2669–2671, 3953; Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2209; НИОР РГБ. Ф. 253. К. 22. Ед. хр. 2, 3; Ф. 58/II. К. 133. Ед. хр. 8; К. 142. Ед. хр. 22; ОПИ ГИМ. Ф. 270. Ед. хр. 51). Некоторые письма в выдержках или в ряде случаев полностью публиковались в документальных сборниках (*Великая княгиня*, 2009; *Великий Князь...*, 2011; *Великий Князь...*, 2018), но многие письма Сергея Александровича еще не вводились в научный оборот.

Основная часть дошедшего до нашего времени эпистолярного наследия Великой княгини Елизаветы Федоровны, хранящегося в отечественных архивохранилищах (ГАРФ, РГАДА, НИОР РГБ, ОПИ ГИМ), опубликована в сборниках (*Великая княгиня...*, 2009; *Письма преподобномученицы...*, 2011).

Из воспоминаний бывшего воспитателя и попечителя Великого князя Сергея Александровича, затем некоторое время состоявшего при нем адмирала Д.С. Арсеньева и сохранившего тесное общение с воспитанником до конца его жизни, ранее публиковались записки лишь за 1860–1870-е гг. Текст его мемуаров, хранящихся в РГИА, касающийся периода существования двора Сергея Александровича (1884–1905 гг.), ранее не публиковался (РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 11–15).

В архивохранилищах выявлены письма ряда чинов двора Великого князя Сергея Александровича: заведующих двором Великого князя графа Г.Г. Стенбока (ГАРФ. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 82; Ф. Р5849. Оп. 1. Д. 97–102; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4427; ОР РНБ. Ф. 379. Ед. хр. 735), графа П.П. Шувалова (РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 2410; НИОР РГБ. Ф. 58/I. К. 88. Ед. хр. 3/1, 3/2), а также его жены, графини А.И. Шуваловой (НИОР РГБ. Ф. 58/I. К. 86. Ед. хр. 2–6; К. 87. Ед. хр. 6–7), графа Г.Г. Менгдена (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4267); состоящего при Великом князе генерала М.П. Степанова (ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1523; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4428; ОР РНБ. Ф. 379. Ед. хр. 473); адъютантов Великого князя К.А. Балясного (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3979), В.С. Гадона (ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 507; Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1138, 1689; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2829, 4050; ГАРК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 5), А.А. Стаховича (ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1458), В.Ф. Джунковского (ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1182; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2918), князя Ф.Ф. Юсупова и его жены, княгини З.Н. Юсуповой (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 1773, 1776–1784, 1786–1787, 2599–2600, 3932–3934; ОПИ ГИМ. Ф. 411; ГАРК. Ф. 530), управляющего конторой двора Великого князя А.П. Корнилова и его жены, М.В. Корниловой (РГАДА. Ф. 1468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2511–2514), гофмейстерин Великой княгини Елизаветы Федоровны княгини М.А. Голицыной (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2869–2870) и графини А.А. Олсуфьевой (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3201), фрейлин Елизаветы Федоровны Е.Н. Козляниновой, в замужестве Струковой (ГАРФ. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 67; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3027, 3325), княжны М.П. Трубецкой, в замужестве графини Белевской (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2725; Ф. 1468. Оп. 2. Д. 2658), княжны А.Н. Лобановой-Ростовской (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3383) и княжны С.Л. Шаховской (РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 2679).

Среди опубликованных источников следует выделить дневники и воспоминания чинов двора Великого князя Сергея Александровича и их ближайших родственников: воспоминания адъютанта Сергея Александровича В.Ф. Джунковского, описывающие повседневную жизнь великокняжеского двора и содержащие развернутые характеристики его служащих (Джунковский, 2016), дневник фрейлины Елизаветы Федоровны княжны С.Л. Шаховской (*При Дворе Великого князя...*, 2017), воспоминания сына адъютанта Сергея Александровича князя Ф.Ф. Юсупова (Юсупов, 2004) и жены заведующего двором Великого князя графини А.И. Шуваловой (Шувалова, 2018), а также очерки о Великой княгине Елизавете Федоровне, написанные ее гофмейстериной графиней А.А. Олсуфьевой (Олсуфьева, 2011) и бывшей фрейлиной графиней М.П. Белевской-Жуковской, урожденной княжной Трубецкой (Белевская-Жуковская, 1996).

Хозяйственные и делопроизводственные документы, касающиеся деятельности двора Великого князя Сергея Александровича, представлены в РГИА, в фондах Конторы двора Сергея Александровича (РГИА. Ф. 554), Канцелярии Министерства Императорского Двора (РГИА. Ф. 472), Главного управления уделов (РГИА. Ф. 515), Кабинета Его Императорского Величества (РГИА. Ф. 468.

Оп. 46. Д. 28), а также в РГАДА, в фонде Московского дворцового архива (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 25, 31; Оп. 24, 32).

Также исследование предполагает привлечение опубликованных и неопубликованных дневников и писем других членов Российского Императорского Дома, тесно общавшихся с Великим князем Сергеем Александровичем и его женой, поиск личных документов в российских и зарубежных архивохранилищах других чинов двора Великого князя.

5. Заключение

Следствием разработки темы должно стать комплексное исследование такого института, как двор Великого князя Сергея Александровича в институциональном и персональном измерениях, его организационной и хозяйственной деятельности в обеспечении служебных и представительских функций великокняжеской четы, финансовом обеспечении. Изучение двора Великого князя как института предполагает исследование его формирования, правовых и финансовых основ функционирования, его дислокации, роли в обеспечении жизнедеятельности великокняжеской четы и выполнении ею представительских функций, места в системе государственных и придворных учреждений Российской империи.

Особое внимание следует уделить кадровому составу двора Великого князя, принципу подбора служащих, особенностям прохождения службы при малом дворе, вкладу чинов двора в деятельность общественных, культурно-просветительских и благотворительных организаций, возглавляемых Великим князем Сергеем Александровичем и Великой княгиней Елизаветой Федоровной (Императорское Православное Палестинское общество, Музей изящных искусств имени Императора Александра III, Елисаветинское благотворительное общество и др.), изучению участия отдельных чинов двора Великого князя в политической жизни Российской империи и Московской губернии, процессу содействия отдельных чинов двора служебной деятельности Сергея Александровича на постах московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа, влиянию службы при Сергее Александровиче на дальнейшую карьеру и судьбу чинов его двора.

Данное исследование может выступить примером для изучения других малых (великокняжеских) дворов Российской империи, что в дальнейшем должно привести к появлению обобщающего исследования, посвященного всем малым (великокняжеским) дворам.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41012 Палестина «Дневники Великого князя Сергея Александровича, 1895–1897 гг.».

Литература

Белевская-Жуковская, 1996 – Белевская-Жуковская М. Великая княгиня Елизавета Федоровна // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы: письма, дневники, воспоминания, документы. М.: Сестричество во имя преподобномуч. вел. кн. Елизаветы, 1996. С. 129-137.

Василенко, 2007 – Василенко С.А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX века: имущественное положение и общественная деятельность: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 214 с.

Великая княгиня..., 2009 – Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909 гг.) / Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009. 848 с.

Великий князь..., 2017 – Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна: московский период: XVI–XVIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013–2015 гг.: Избр. ст. / Отв. ред. А.В. Громова. М.: Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, 2017. 268 с.

Великий Князь..., 2011 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 4: 1884–1894. М.: Новоспасский монастырь, 2011. 671 с.

Великий Князь..., 2018 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 5: 1895–1899. М.: Новоспасский монастырь, 2018. 751 с.

Великий князь..., 2007 – Великий князь Сергей Александрович в истории русского государства и культуры: Матер. церковно-научной конф., посв. 100-летию со дня трагической гибели великого князя Сергия Александровича (1857–1905) 17–18 февраля 2005 г. / Отв. ред. А.В. Назаренко, Н.Н. Лисовой. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2007. 160 с.

Великий князь..., 2015 – Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству: Сборник материалов Межрегиональной научной конференции, 29–30 мая 2013 г. М.: Союз Дизайн, 2015. 272 с.

ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Граф Павел Павлович Шувалов, 1908 – Граф Павел Павлович Шувалов // *Книга русской скорби*. Вып. 2. СПб.: Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, 1908. С. 279-287.

- Гришин, 2006** – Гришин Д.Б. Трагическая судьба Великого князя. М.: Вече, 2006. 304 с.
- Гришин, 2015** – Гришин Д.Б. Сергей и Елизавета. М.: Достоинство, 2015. 392 с.
- Гришин, 2018** – Гришин Д.Б. Елизавета Федоровна. М.: Молодая гвардия, 2018. 346 с.
- Джунковский, 2016** – Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865–1904). М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2016. 815 с.
- Дневник великого князя..., 2014** – Дневник великого князя Сергея Александровича, 1905 год / Публикация Д.М. Софьина // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. Вып. 2 (25). С. 188-200.
- Дневник московского генерал-губернатора..., 2018** – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1892 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Перм. гос. ин-т культуры, 2018. 320 с.
- Дневник московского генерал-губернатора..., 2019** – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1893 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Перм. гос. ин-т культуры, 2019. 324 с.
- Дневник московского генерал-губернатора..., 2020** – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1894 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Перм. гос. ин-т культуры, 2020 (в печати).
- Дунаева, 2012** – Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. 320 с.
- Кучмаева, 2004** – Кучмаева И.К. Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Московведение, 2004. 271 с.
- Кучмаева, 2008** – Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Индрик, 2008. 364 с.
- Лавицкая, 2009** – Лавицкая М.И. Орловские губернаторы на государственной службе во второй половине XIX – начале XX века // *Федерализм*. 2009. №2 (54). С. 141-156.
- Лялин, 2011** – Лялин В.Е. Князья Юсуповы. Кто они? Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 278 с.
- Мельник, 2009** – Мельник В.И. Царственный витязь и подвижник земли русской Великий князь Сергей Александрович Романов. М.: [б.и.], 2009. 160 с.
- На службе у России..., 2013** – *На службе у России*: Великий Князь Сергей Александрович: Материалы научных конференций 2011–2012 гг. / Ред. И.В. Плотникова. М.: Фонд памяти Вел. кн. Сергея Александровича, 2013. 244 с.
- НИОР РГБ** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Олсуфьева, 2011** – Олсуфьева А., гр. Ее императорское высочество русская великая княгиня Елизавета Федоровна // *Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны*. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. С. 8-22.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Письма преподобномученицы..., 2011** – Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны / Сост. Т.В. Коршунова, Е.Н. Понкраторова, О.С. Трофимова. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. 429 с.
- При Дворе Великого князя..., 2017** – При Дворе Великого князя Сергея Александровича: дневник княжны С.Л. Шаховской, 1900–1901 гг. / Сост. Д.М. Софьин, М.В. Софьина, А.Г. Неклюдова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Елисаветинско-Сергиевское просветит. о-во, 2017. 56 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Софьин, 2016** – Софьин Д.М. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М.: Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, 2016. 240 с.
- Трохина и др., 1998** – Трохина О., Корчева Л., Воробьев А. Орловские губернаторы. Орел: Вешние воды, 1998. 228 с.
- Убийство московского градоначальника..., 1905** – Убийство московского градоначальника графа П.П. Шувалова. М.: Тип. Ф.И. Филатова, 1905. 16 с.
- Шувалова, 2018** – Шувалова А.И., гр. То, что я помню // *Наше наследие*. 2018. № 124–125.
- Юдин, 2012** – Юдин Е.Е. Князья Юсуповы: аристократическая семья в позднеимперской России, 1890–1916. М.: РГГУ, 2012. 356 с.
- Юсупов, 2004** – Юсупов Ф., кн. Мемуары. М.: Захаров, 2004. 426 с.

References

- Belevskaya-Zhukovskaya, 1996** – *Belevskaya-Zhukovskaya, M.* (1996). *Velikaya knyaginya Elizaveta Fedorovna [Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Materialy k zhitiyu prepodobnomuchenitsy velikoi knyagini Elizavety: pis'ma, dnevniki, vospominaniya, dokumenty*. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuch. vel. kn. Elizavety. Pp. 129-137. [in Russian]

- [Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2018](#) – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1892 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1892] (2018). Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t, Perm. gos. in-t kul'tury. 320 p. [in Russian]
- [Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2019](#) – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1893 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1893] (2019). Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t, Perm. gos. in-t kul'tury. 324 p. [in Russian]
- [Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2020](#) – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1894 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1894] (2020). Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t, Perm. gos. in-t kul'tury (in publ.) [in Russian]
- [Dnevnik velikogo knyazya..., 2014](#) – Dnevnik velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1905 god [The diary of Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1905] (2014). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. Vol. 2(25). P. 188–200. [in Russian]
- [Dunaeva, 2012](#) – *Dunaeva, A.Yu.* (2012). Reformy politicii v Rossii nachala XX veka i Vladimir Fedorovich Dzhunkovskii [Police reforms in Russia at the beginning of the XX century and Vladimir Fedorovich Dzhunkovskiy]. Moscow: Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii. 320 p. [in Russian]
- [Dzhunkovskii, 2016](#) – *Dzhunkovskii, V.F.* (2016). Vospominaniya (1865–1904) [Memories (1865–1904)]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh. 815 p. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- [GARK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym [The State Archive of the Republic of Crimea].
- [Graf Pavel Pavlovich Shuvalov, 1908](#) – Graf Pavel Pavlovich Shuvalov [Count Pavel Pavlovich Shuvalov] (1908). *Kniga russkoi skorbii*. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie Russkogo Narodnogo Soyuzha imeni Mikhaila Arkhangel'a. Pp. 279–287. [in Russian]
- [Grishin, 2006](#) – *Grishin, D.B.* (2006). Tragicheskaya sud'ba Velikogo knyazya [The tragic fate of the Grand Duke]. Moscow: Veche. 304 p. [in Russian]
- [Grishin, 2015](#) – *Grishin, D.B.* (2015). Sergei i Elizaveta [Sergey and Elizabeth]. Moscow: Dostoinstvo. 392 p. [in Russian]
- [Grishin, 2018](#) – *Grishin, D.B.* (2018). Elizaveta Fedorovna [Elizabeth Feodorovna]. Moscow: Molodaya gvardiya. 346 p. [in Russian]
- [Kuchmaeva, 2004](#) – *Kuchmaeva, I.K.* (2004). Zhizn' i podvig velikoi knyagini Elizavety Feodorovny [Life and feat of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow: Moskvovedenie. 271 p. [in Russian]
- [Kuchmaeva, 2008](#) – *Kuchmaeva, I.K.* (2008). Kogda zhizn' istinstvuet... Kul'tura blagotvoreniya Velikoi knyagini Elisavety Feodorovny [When life is true... Culture of charity of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow: Indrik. 364 p. [in Russian]
- [Lavitskaya, 2009](#) – *Lavitskaya, M.I.* (2009). Orlovskie gubernatory na gosudarstvennoi sluzhbe vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Orlov Governors in state service at the second half of XIX century and at the beginning of XX century]. *Federalizm*. 2(54): 141–156. [in Russian]
- [Lyalin, 2011](#) – *Lyalin, V.E.* (2011). Knyaz'ya Yusupovy. Kto oni? [The Princes Yusupov. Who are they?]. Rostov-on-Don: Feniks. 278 p. [in Russian]
- [Mel'nik, 2009](#) – *Mel'nik, V.I.* (2009). Tsarstvennyi vityaz' i podvizhnik zemli russkoi Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov [The Royal knight and ascetic of the Russian land Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov]. Moscow: [s. p.]. 160 p. [in Russian]
- [Na sluzhbe u Rossii..., 2013](#) – Na sluzhbe u Rossii: Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich [In the service of Russia: Grand Duke Sergey Alexandrovich] (2013). Moscow: Fond pamyati Vel. Kn. Sergeya Aleksandrovicha. 244 p. [in Russian]
- [NIOR RGB](#) – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- [Olsuf'eva, 2011](#) – *Olsuf'eva A., gr.* (2011). Ee imperatorskoe vysochestvo russkaya velikaya knyaginya Elizaveta Feodorovna [Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Feodorovna of Russia]. *Pis'ma prepodobnomuchenitsy velikoi knyagini Elizavety Feodorovny*. Moscow: Pravoslavnoe sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Elizavety. Pp. 8–22. [in Russian]
- [OPI GIM](#) – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [The Department of Manuscripts of the State Historical Museum].
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [The Department of Manuscripts of the Russian National Library].
- [Pis'ma prepodobnomuchenitsy..., 2011](#) – Pis'ma prepodobnomuchenitsy velikoi knyagini Elizavety Feodorovny [Letters by Holy Martyr Grand Duchess Elizabeth Feodorovna] (2011). Moscow: Pravoslavnoe sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Elizavety. 429 p. [in Russian]
- [Pri Dvore Velikogo knyazya..., 2017](#) – Pri Dvore Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha: dnevnik knyazhny S.L. Shakhovskoi, 1900–1901 gg. [At the Court of the Grand Duke Sergey Alexandrovich. The diary

of Princess S.L. Shakhovskaya, 1900–1901] (2017). Perm: Perm. gos. nats. issled. un-t, Elisavetinsko-Sergievskoe prosvetit. o-vo. 56 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian state archive of ancient documents].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

Shuvalova, 2018 – *Shuvalova, A.I., gr.* (2018). To, chto ya pomnyu [What I remember]. *Nashe nasledie*. № 124–125. [in Russian]

Sofin, 2016 – *Sofin D.M.* (2016). Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich: put' russkogo konservatora [Grand Duke Sergey Alexandrovich. The path of the Russian conservative]. Moscow: Elisavetinsko-Sergievskoe prosvetitel'skoe obshchestvo. 240 p. [in Russian]

Trokhina i dr., 1998 – *Trokhina, O., Korcheva, L., Vorob'ev, A.* (1998). Orlovskie gubernatory [Orjol Governors]. Oryol: Veshnie vody. 228 p. [in Russian]

Ubiistvo moskovskogo gradonachal'nika..., 1905 – Ubiistvo moskovskogo gradonachal'nika grafa P.P. Shuvalova [Murder of the Moscow Gradonachalnik Count P.P. Shuvalov] (1905). Moscow: Tip. F.I. Filatova. 16 p. [in Russian]

Vasilenko, 2007 – *Vasilenko, S.A.* (2007). Imperatorskaya familiya v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: imushchestvennoe polozhenie i obshchestvennaya deyatel'nost': diss. ... k.i.n. [The Imperial House in Russia at the end of the XIX century and at the beginning of the XX century. Property status and social activities. Cand. hist. sci. diss.]. St. Petersburg. 214 p. [in Russian]

Velikaya knyaginya..., 2009 – Velikaya knyaginya Elisaveta Feodorovna i imperator Nikolai II: dokumenty i materialy (1884–1909 gg.) [Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and Emperor Nicholas II. Documents and materials (1884–1909)] (2009). St. Peterburg: Aleteiya. 848 p. [in Russian]

Velikii knyaz'..., 2007 – Velikii knyaz' Sergii Aleksandrovich v istorii russkogo gosudarstva i kul'tury [Grand Duke Sergey Alexandrovich in the history of the Russian state and culture] (2007). Moscow: Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata. 160 p. [in Russian]

Velikii Knyaz'..., 2011 – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov. Biographical documents] (2011). Vol. 4: 1884–1894. Moscow: Novospasskii monastyr'. 671 p. [in Russian]

Velikii knyaz'..., 2015 – Velikii knyaz' Sergii Aleksandrovich na sluzhbe Moskve i Otechestvu [Grand Duke Sergey Alexandrovich in the service of Moscow and the Fatherland] (2015). Moscow: Soyuz Dizain. 272 p. [in Russian]

Velikii knyaz'..., 2017 – Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich i Velikaya knyaginya Elizaveta Fedorovna: moskovskii period [Grand Duke Sergey Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. Moscow period] (2017). Moscow: Elisavetinsko-Sergievskoe prosvetitel'skoe obshchestvo. 268 p. [in Russian]

Velikii Knyaz'..., 2018 – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov. Biographical documents] (2018). Vol. 5: 1895–1899. Moscow: Novospasskii monastyr'. 751 p. [in Russian]

Yudin, 2012 – *Yudin, E.E.* (2012). Knyaz'ya Yusupovy: aristokraticeskaya sem'ya v pozdneimperskoi Rossii, 1890–1916 [The Princes Yusupov. An aristocratic family in late Imperial Russia, 1890–1916]. Moscow: RSHU. 356 p. [in Russian]

Yusupov, 2004 – *Yusupov, F., kn.* (2004). Memuary [Memories]. Moscow: Zakharov. 426 p. [in Russian]

Двор Великого князя Сергея Александровича: обзор источников

Дмитрий Михайлович Софьин ^{a, *}, Марина Владимировна Софьина ^b

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

^b Пермский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. В отличие от «большого» Императорского Двора, малые (великокняжеские) дворы до настоящего времени не становились предметом отдельных исследований. Между тем эти институты играли значительную роль в жизни каждого Великого князя и его семьи, составляли основу его окружения и главную опору в разнообразной деятельности великокняжеской четы. Если в исправлении должностей на государственной и военной службе Великий князь Сергей Александрович опирался в первую очередь на подчиненных, не входивших в состав его двора, то многогранная общественная, культурная и благотворительная деятельность Сергея Александровича и его жены, Великой княгини Елизаветы Федоровны, в значительной степени обеспечивалась привлечением чинов двора. Придворные сыграли крупную роль в истории

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sofjindm@yandex.ru (Д.М. Софьин), mar-sofina@mail.ru (М.В. Софьина)

становления и развития целого ряда институций, возглавляемых или патронируемых Великим князем Сергеем Александровичем и Великой княгиней Елизаветой Федоровной, в том числе существующих в настоящее время Императорского Православного Палестинского общества и Музея изящных искусств имени Императора Александра III (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Комплексное исследование такого малого двора, как двор Великого князя Сергея Александровича, в институциональном и персональном измерениях предполагает привлечение широкого круга архивных источников (из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, отдела письменных источников Государственного исторического музея, Государственного архива Республики Крым), многие из которых ранее не вводились в научный оборот.

Ключевые слова: Дом Романовых, придворная жизнь, Великий князь Сергей Александрович, Великая княгиня Елизавета Федоровна, Российская империя, московский генерал-губернатор, великокняжеский двор.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2572-2579. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2572
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Students' Everyday Life in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in the Context of the Relations with the Professors

Elena V. Vititneva ^{a, *}, Mikhail D. Severyanov ^a, Natalya V. Pahomova ^a, Anna S. Zhulaeva ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the characteristics of the relationship between students and professors in the higher education organizations in the Russian Empire in the second half of the 19th to early 20th centuries. The aim of this article isn't just to find the features of the relationships, but the main idea is to determine the influence of these features to the system of the higher educational system in Russian Empire. As the historical sources in the article were used the sources of personal origin – students' memoirs, diaries and letters from different regions of Empire, university funds of the archives: GARF (State Archive of the Russian Federation), GATO (State Archive of the Tomsk Region), GA RT (State Archive of the Republic of Tatarstan), and the documents connected with higher education (the university charter, university office management documents). It was identified, how a university teacher important for the students in the prerevolutionary period. It was revealed 2 main trends in the development of the relations between students and professors: leading to conflict situations and causing cooperation and friendship. The prevalence of one of the trends directly depended on the form of realization of the political course. During the implementation of the liberal political course relations in a university were in harmony. At the same time, when implementing a reactionary policy, relations became worse. Also, it was identified, how the quality of higher education depended on relationships between professors and students in the Russian Empire in the second half of the 19th to early 20th centuries.

Keywords: everyday life history, students, professors, Imperial universities, history of education.

1. Введение

Коммуникативный аспект в деятельности высших учебных заведений всегда был актуальной проблемой в вопросе эффективного функционирования образовательных организаций высшего образования. Несмотря на то, что долгое время истории не включали в проблемное поле межличностный фактор развития высшей школы, в основном фокусируясь на материальных причинах его прогресса или регресса, сложно отрицать наличие тесной связи между уровнем взаимоотношений главных участников образовательного процесса и его влиянием на развитие высшего образования.

В России вопрос межличностной коммуникации в университетской среде возник с открытием первого университета в Москве в 1755 г. Но данная проблема стала более острой и злободневной ко второй половине XIX в., когда университет как социальный институт окреп и окончательно оформились социальные группы профессуры и студенчества.

Цель настоящей статьи – выявить особенности взаимоотношений между студентами и профессурой российского университета второй половины XIX – начала XX вв. и определить влияние этих особенностей на развитие высшей школы.

* Corresponding author

E-mail addresses: vititneva.elena@gmail.com (E.V. Vititneva), history@sfu-kras.ru (M.D. Severyanov), pahomise@mail.ru (N.V. Pahomova), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи в первую очередь составили источники личного происхождения, среди которых воспоминания, дневники и письма бывших студентов из различных регионов Российской империи (Соковнин, 1892; Сорокин, 1888; Тезяков, 1927; Фоминых и др., 2014; Чичерин, 1990; Шевырев, 1855; Шимановский, 1892). Данный вид источников помог выявить основные тенденции во взаимоотношениях между главными участниками образовательного процесса, определить эмоциональный фон изучаемых процессов.

Следующий вид источников – это материалы университетских фондов архивов ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ГАТО (Государственный архив Томской области), ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Изучение архивных документов позволило проанализировать материалы университетского делопроизводства нескольких университетов империи. В том числе были изучены переписки переписки административных лиц по вопросам успеваемости студентов, нарушения ими дисциплины. Документы такого рода предоставили информацию о случаях обструкции учебных занятий, ее причинах, доле участия студентов и профессоров в срыве занятий, а также о применяемых санкциях.

Кроме того, при работе над исследованием использовались нормативно-правовые акты, связанные с деятельностью высших учебных заведений. Данный вид источников достаточно полно освещает вопросы, связанные с устройством и порядком в университете, системой санкций, правовым положением студенчества и профессуры.

В связи с тем, что объектом исследования являются участники образовательного процесса в высшей школе, методологическая база статьи основывается на историко-антропологическом подходе, поэтому особое внимание было уделено работе с источниками личного происхождения.

Также методология исследования базируется на принципах историзма и системности, что позволило раскрыть содержание и учесть специфику в изучении вопроса взаимоотношений между профессурой и студенчеством на примере конкретных исторических условий в дореволюционном университете.

В работе нашел применение междисциплинарный подход, который позволил проанализировать развитие системы высшего образования в дореволюционной России комплексно, с учетом психологического и коммуникативного факторов.

Кроме того, в работе использовался текстологический метод, позволивший изучить источники личного происхождения с точки зрения доли их объективности и реконструировать события повседневного общения между главными участниками образовательного процесса в высшей школе в дореволюционный период.

3. Обсуждение

Изучение вопроса межличностной коммуникации в университетской корпорации не всегда входило в проблемное поле историков. В дореволюционный период косвенный анализ взаимоотношений в университетской среде можно проследить в трудах по истории высших учебных заведений В.В. Григорьева (Григорьев, 1870: 115), С.П. Шевырева (Шевырев, 1855: 584). В советское время внимание историков в большей степени было уделено вопросам классовой борьбы и роли участия студентов и профессоров в революционных событиях. В пример можно привести работы О.Н. Знаменского (Знаменский, 1988: 351), А.Я. Лейкина (Лейкин, 1980: 222). Современные историки более углубленно подошли к вопросу изучения межличностной коммуникации в высших учебных заведениях Российской империи. В первую очередь, история российского дореволюционного студенчества, в том числе и в контексте взаимоотношений с профессурой, на примере Москвы и Санкт-Петербурга рассмотрена в трудах историка А.Е. Иванова, специалиста в области истории высшей школы конца XIX – начала XX вв. (Иванов, 2004; Иванов, 2010). Региональный аспект изучения проблемы также стал актуальным на современном этапе развития исторической науки. На примере высших учебных заведений г. Томска изучение университетской корпорации проводили специалисты в области истории науки и образования в Сибири С.Ф. Фоминых (Фоминых, Степнов, 2018; Фоминых, Степнов, 2019), М.В. Грибовский (Грибовский, 2017; Грибовский, 2018; Грибовский, 2019). На примере Императорского Казанского университета через призму повседневной жизни профессорско-преподавательского состава вопрос развития корпоративных отношений изучался специалистом в области истории российского высшего образования Л.А. Бушуевой (Бушуева, 2012; Бушуева, 2019).

Историографический обзор показал, что исследование особенностей взаимоотношений между студентами и профессурой в российском университете в дореволюционный период является относительно молодым и актуальным направлением, требующим дальнейшего изучения.

4. Результаты

При знакомстве с источниками личного происхождения нельзя не заметить такую особенность, как сосредоточение фокуса внимания авторов на воспоминаниях о своих профессорах. Например,

известный русский правовед Б.Н. Чичерин (студент Императорского Московского университета 1845–1849 гг.) посвятил большую часть мемуаров о студенческих годах описанию воспоминаний о своих профессорах (Чичерин, 1990: 736). Бывший студент Санкт-Петербургского университета 1863–1867 гг. М.В. Шимановский, в свою очередь, собственные мемуары (Шимановский, 1892: 50) разделил на 2 части: «Мое студенчество» и «Мои профессора». Во второй части автор дает подробную характеристику каждому из преподавателей, с которыми был знаком во время обучения в университете. Бывший студент Императорского Томского университета Н.Д. Либеров в своих письмах к другу Евгению также включил краткие характеристики преподавателей, у которых обучался (Либеров, 1896: №4). Можно предположить, что для студента дореволюционной России роль профессора была довольно значимой, если в мемуарах многие выпускники посвятили существенную часть повествования своим преподавателям.

При этом среди воспоминаний студентов можно найти как портреты, составленные исключительно в положительном ключе по отношению к определенному профессору, так и характеристики, раскрывающие негативные черты того или иного преподавателя. Особый интерес вызывает тот факт, что соотношение положительных и отрицательных характеристик будет примерно одинаковым, то есть авторы мемуаров не пытались ввести в заблуждение будущих читателей, предлагая в содержательном плане идеализировать всех преподавателей дореволюционного университета или же сфокусироваться только на негативных характеристиках.

В целом анализ источников позволил определить две основные тенденции развития отношений между студентами и профессорами в изучаемый период.

Первую можно назвать направлением, приводящим к возникновению конфликтных ситуаций. Рассмотрим причины наиболее характерных случаев в изучаемый период. Чаще всего столкновение переходило в срывы занятий по разным причинам. Например, в воспоминаниях студента Императорского Томского университета 1894–1899 гг. К.М. Гречищева имеются сведения о срыве занятий по причине оскорбления студентов профессором Вернером. «Студенты опешили. Выпад профессора ошеломил и тотчас стал предметом обсуждения студентами почти всего курса у двери в аудиторию его кафедры. Последовало предложение заставить профессора взять обратно свое оскорбление студентов курса, а если профессор не согласится на это, не посещать его лекций, пока он не извинится перед курсом» (Фоминих и др., 2014: 382). Профессор Вернер не извинился, поэтому студенты устроили забастовку в виде обструкции, продолжавшуюся больше месяца, пока администрация университета не приняла серьезные меры по ликвидации беспорядков (Фоминих и др., 2014: 382). В том же Томском университете в марте 1901 г. 81 студент медицинского факультета, 54 студента и 3 посторонних слушателя юридического факультета уклонились от посещения занятий. Они открыто заявили, что лекцию по русскому праву профессора Малиновского слушать не будут и что собрались они в аудитории для обсуждения своих дел (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 266. Л. 6). Нужно отметить, что в данном случае обструкция была осуществлена не с целью как-либо повлиять на профессора или по причине обиды на него, а скорее являлась следствием функционирования административно-карательной системы для студенчества, сложившейся на рубеже веков. Но, тем не менее, срыв занятий приводил к напряжению в отношениях между учащими и учащимися в независимости от изначальных причин несанкционированных проступков.

Другая причина возникновения конфликтов крылась в тяжелом материальном положении студенчества и возможности профессуры повлиять на этот вопрос. Так, в 1882 г. в Казани произошел уникальный в дореволюционный период случай: студент университета Воронцов дал пощечину проректору за лишение стипендии (Тезяков, 1930: 499). Действительно, согласно университетскому уставу 1884 г., под руководством Правления, состоявшего из всех деканов университета и инспектора по делам студентов, происходило распределение финансов, в том числе назначение студентам стипендий и единовременных пособий (Общий устав Императорских российских университетов, 1894: 813), то есть профессора могли повлиять на изменение материального положения студентов. Обычно процесс распределения финансов происходил в рамках моральных и правовых норм, но случай со студентом Воронцовым, который скорее является исключением, чем правилом, показал, что тяжелое материальное положение могло привести к размыванию границ правильного и неправильного в мировоззрении студента.

Развитие революционных идей и распространение их в студенческой среде также могли приводить к конфликтным ситуациям. Бывший студент Императорского Казанского университета 1879–1884 гг. Н.И. Тезяков вспоминал случай, когда на заседании Общества археологии его председатель, попечитель Казанского учебного округа, П.Д. Шестаков призвал студентов участвовать в полевых работах. Один из студентов на это ответил: «Вместо археологии, науки нам не нужной, следовало бы студенческую молодежь звать к живому делу, к делу помощи народу, невежественному и голодающему, а средства, которые общество тратит на археологию, отдать голодающим студентам» (Тезяков, 1930: 500). Студент впоследствии был отчислен за подобные слова, из-за чего произошла студенческая сходка, которая привела к более серьезному конфликту с администрацией университета.

Также в воспоминаниях неоднократно прослеживаются случаи, когда на почве некачественного преподавания и неудовлетворенности оплатой труда за ведение занятий возникали конфликты.

Например, студент 1858–1862 гг. В.М. Сорокин вспоминал, что во время его обучения в Императорском Санкт-Петербургском университете работал профессор, которого студенты однажды попросили «читать поживее», на что тот ответил: «Прибавьте мне жалованья, я и буду читать поживее» (Сорокин, 1888: 628, 629). Б.Н. Чичерин отмечал, что некоторые профессора не могли пробудить в студентах любви к знанию: «Наконец, ко всему этому прибавлялся латинский язык, который преподавал лектор Фабрициус, хороший латинист, но не умевший заинтересовать студентов. Поэтому никто почти его не слушал: студенты позволяли себе даже разные ребяческие выходки, и курс был совершенно бесполезен» (Чичерин, 1990: 736). Также в работе С.Г. Сватикова «Русское студенчество прежде и теперь» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4156. Л. 5-6) сообщается случай, когда профессор Павлов спрашивал: «Вы хотите познать природу? Но что такое природа? Что значить знать?» – говорил он на вступительной лекции по сельскому хозяйству и, в ответ, читал курс философии».

Студенты пытались бороться с не устраивающими их порядками, собирали подписи на замену не соответствующих должности, по их мнению, преподавателей. Но чаще всего они использовали именно обструкцию учебных занятий как метод привлечения внимания администрации с надеждой на последующие благоприятные изменения. Но, как показывает практика, реакция администрации была достаточно суровой и, как правило, определяла санкции для студентов, в то время как профессора находились под защитой.

Вторая тенденция развития взаимоотношений приводила к возникновению взаимовыгодной коллаборации между преподавателями и студентами. Действительно, большая часть мемуаристов отзывается о своих профессорах в благоприятном контексте, в стенах дореволюционного университета довольно часто складывались поистине теплые отношения. Часто студенты восхищались профессорами, их профессионализмом в научной и педагогической сферах. Бывший студент Императорского Томского университета А.Н. Мораческий о профессоре М.А. Рейснере вспоминал: «Он вышел из аудитории, а мы еще долго оставались под гипнозом его слов и делились друг с другом впечатлениями» (Фоминых и др., 2014: 423). М.В. Шимановский после окончания университета написал профессору П.Г. Редкину письмо, в котором выразил «всю свою благодарность за все, чему обязан я ему в жизни» (Шимановский, 1892: 19). Письмо действительно наполнено искренними словами благодарности: «Я без чувства умиления не мог вспоминать Вас, Ваших лекций и Ваших честных и добрых указаний, как нам действовать». Помимо восхищения профессором в профессиональном плане, студент Шимановский называет Редкина нравственным отцом, которого студенты всегда любили, помнили и идеями которого живут и прожили свои лучшие молодые годы (Шимановский, 1892: 19,20). То есть профессор университета в особых случаях мог быть не только профессиональным педагогом, но и играть роль нравственного наставника.

Тем не менее отзывы о том же профессоре Редкине не всегда были положительными. Шимановский вспоминал, что другие студенты в одно время подали в Совет университета прошение с просьбой об устранении Редкина от чтения лекций (Шимановский, 1892: 7). В данном случае сыграл свою роль личностный фактор восприятия и ожиданий от преподавателя. Студенты, подавшие жалобу на Редкина, на вопросы о причинах ее составления, отвечали: «Он плохо читает, отстал от науки и на экзаменах придирчив!» (Шимановский, 1892: 7).

Кроме того, студенты приходили к профессорам в гости, в том числе приезжали в их загородные резиденции, проводили время вместе с членами их семей. Б.Н. Чичерин писал: «У Грановского, у Кавелина, у Редкина в назначенные дни собиралось всегда множество студентов; происходили оживленные разговоры не только о научных предметах, но и о текущих вопросах дня, об явлениях литературы. Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов, которых профессора сами побуждали к чтению, давая им книги и расспрашивая о прочитанном» (Чичерин, 1990: 736). Эти слова подтверждают и другие мемуаристы. Шимановский пишет о том, что ездил на дачу к профессору Редкину, у профессора Андреевского проходили вечера, на которых, помимо серьезных обсуждений, были также танцы и чай (Шимановский, 1892: 8). Когда ректором Санкт-Петербургского университета был П.А. Плетнев, студенты могли попросить у него денег в долг, как у частного лица (Соковнин, 1892: 289). Плетнев говорил студенту Н.М. Соковнину: «Помните, что во всяких трудных случаях вашей студенческой жизни мои двери... для вас всегда открыты, и, пожалуйста, попросту – хоть днем, хоть вечером и, разумеется, в сюртуке (а не в мундире, то есть в неофициальной форме)» (Соковнин, 1892: 289). Шимановский в мемуарах вспоминает случай, как профессор Андреевский помог ему попасть к хорошему врачу (Шимановский, 1892: 26). Помимо этого, профессора занимались и благотворительной деятельностью в пользу студентов. Неоднократно делали частные или совместные пожертвования для материально не обеспеченных студентов. В Казани, например, профессора даже устраивали спектакли, выручка с которых также шла в «кассу помощи студенчеству» (ГА РТ. Ф. 977. Оп.Совет. Д. 8160. Л. 2).

Слова Чичерина могут подытожить все написанное выше: «Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное уважение, с другой стороны, всегдашнее ласковое внимание и готовность прийти на помощь» (Чичерин, 1990: 736).

Таким образом, тенденция, приводившая к возникновению сотрудничества и дружбы, имела различные аспекты, в которых взаимоотношения студентов и профессоров выступали в форме симбиоза и приводили к совместным благоприятным результатам в научной и культурной деятельности, социальной и морально-нравственной сфере. Ведь естественно, что возможность пользоваться коллекциями библиотек профессоров открывала для студентов огромные возможности на пути освоения образовательных программ. Учитывая тот факт, что книги в дореволюционный период имели особую значимость ввиду их небольшого количества и высокой цены, открытые библиотеки преподавателей давали студентам возможность обогатить свой кругозор, получить недостающие знания, актуализировать уже имеющиеся сведения. А беседы на научные вопросы, литературную тематику и разговоры о повседневной жизни с преподавателями вне стен университета благоприятно сказывались на профессиональном и личностном развитии студента.

В то же время тенденция, приводящая к возникновению конфликтных ситуаций, негативно влияла на образовательный процесс. Срывы занятий, обесценивание труда профессоров и обиды на них деструктивно сказывались на качестве образования.

Также нужно отметить, что на протяжении XIX столетия отношения между профессурой и студенчеством видоизменялись. В большей степени изменения происходили под воздействием политических факторов. Известно, что при либеральных режимах Александра I и Александра II в университетах было больше свободы, что отражалось и на взаимоотношениях главных участников образовательного процесса. Профессора и студенты могли общаться вольно, не боясь санкций со стороны правоохранительных органов, в стенах университета чувствовалась по-настоящему семейная обстановка. Когда же правительство ужесточало режим, цензуру, проводило «чистки» в среде преподавателей, наблюдалась тенденция ухудшения взаимоотношений между студентами и преподавателями. В основном это было связано с тем, что критически мыслящих профессоров заменяли на аполитичных, равнодушных и порой некомпетентных преподавателей, недовольных своим материальным достатком.

Помимо того, особенности взаимоотношений зависели от фактора развития самих институтов профессуры и студенчества. Если говорить о взаимоотношениях между главными участниками образовательного процесса второй половины XVIII в., очень сложно выявить какие-либо особенности и тенденции по причине неокончателю сформированности институтов профессуры и студенчества. К началу XIX в. можно заметить тенденцию во взаимоотношениях с некоторым проявлением диктаторских черт. Профессор С.Г. Сватиков, в частности, отмечает, что «отношения с профессурой в первой четверти XIX-го в. были самые патриархальные. Многие профессора говорили студентам попросту: «ты», и покрикивали, как на гимназистов» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4156. Л. 5). Во второй половине XIX в. – начале XX вв. институт студенчества окреп, а профессорами стали уже бывшие российские студенты начала века. Взаимоотношения заметно улучшились. Профессора видели в студентах своих коллег и будущее отечественной науки. Также отношения перешли на более близкий уровень: студенты приходили к преподавателям в гости, общались с их семьями, помогали друг другу в личных делах.

Таким образом, на взаимоотношения между профессурой и студенчеством в дореволюционном университете влияли различные факторы. Среди внешних факторов – это степень развития самих институтов профессуры и студенчества, а также особенности реализации либерального или консервативного политического курса. Среди внутренних причин развития взаимоотношений важную роль играл личностный фактор.

5. Заключение

Анализ источников показал, что преподаватель университета в жизни студента в дореволюционный период занимал значимое место. Многие из бывших студентов в своих воспоминаниях, кто-то более подробно, другие – в форме коротких характеристик, сделали словесные портреты своих профессоров.

Также было выявлено две основные тенденции развития отношений между студентами и профессорами: приводящая к возникновению конфликтных ситуаций и обуславливающая сотрудничество и дружбу. Преобладание одной из тенденций напрямую зависело от формы реализации политической власти по отношению к главным участникам образовательного процесса. Гармоничные отношения складывались во времена смягчения политического вмешательства в университетскую среду. В то же время при ужесточении режима происходило обострение противоречий в отношениях между профессорами и студентами. Кроме того, сотрудничество между ними приводило к положительным изменениям в личностном и профессиональном развитии обучающихся. Тенденция, приводящая к возникновению конфликтных ситуаций, напротив, способствовала снижению качества образования.

Литература

Бушуева, 2012 – Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.

Бушуева, 2019 – Бушуева Л.А. Как защищали магистерские диссертации в дореволюционных университетах России. Из переписки казанского историка Н.Н. Фирсова с В.О. Ключевским и П.Н. Милуковым. 1895–1896 гг. // *Исторический архив*. 2019. № 2. С. 183-190.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Грибовский, 2017 – Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 424. С. 67-73.

Грибовский, 2018 – Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX в. // *Диалог со временем*. 2018. № 62. С. 144-163.

Григорьев, 1870 – Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. 115 с.

Знаменский, 1988 – Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Ленинград, 1988. 351 с.

Иванов, 2004 – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.

Иванов, 2010 – Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. 360 с.

Лейкин, 1980 – Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи (из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь, 1917–1924 гг.). М., 1980. 222 с.

Либеров, 1896 – Фонд музея истории Томского государственного университета. Письма Н.Д. Либерова.

Общий устав, 1894 – Общий устав Императорских российских университетов: Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. 813 с.

Соковнин, 1892 – Соковнин Н.М. Воспоминания старого казанского студента, 1856–1858 // *Русская старина*. Т. 74. 1892. С. 271-291.

Сорокин, 1888 – Сорокин В.М. Воспоминания старого студента // *Русская старина*. 1888. Т. 60. С. 617-647.

Тезяков, 1927 – Тезяков Н.И. Из пережитого. Студенческие годы // *Херсонская санитарная организация*. 1927. № 11. С. 61-66.

Фоминых и др., 2014 – Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. 508 с.

Фоминых, Степнов, 2019 – Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Коллективный портрет профессоров Императорского Томского университета в зеркале их взаимоотношений со студенчеством (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 446. С. 159-169.

Чичерин, 1990 – Чичерин Б.Н. Воспоминания. Русские мемуары: избранные страницы. 1826-1856. М., 1990. 736 с.

Шевырев, 1855 – Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855. 584 с.

Шимановский, 1892 – Шимановский М.В. Мои профессора и мое студенчество. Петербургский университет 1863 Фоминых С.Ф., Степнов А.О. 1867. Одесса, 1892. 50 с.

Fominykh, Stepnov, 2018 – Fominykh S.F., Stepnov A.O. M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2: 804-816.

Gribovskiy, 2019 – Gribovskiy M.V. "Burden of Professorship": Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1263-1271.

References

Bushueva, 2012 – Bushueva, L.A. (2012). Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917 gg. [The everyday professor life in Kazan. 1863–1917]. Kazan, 288 p. [in Russian]

Bushueva, 2019 – Bushueva, L.A. (2019). Kak zashchishchali magisterskie dissertatsii v dorevolutsionnykh universitetakh Rossii. Iz perepiski kazanskogo istorika N.N. Firsova s V.O. Klyuchevskim i P.N. Milyukovym. 1895–1896 gg. [How they defended master's theses in pre-revolutionary universities of Russia. From the correspondence of the Kazan historian N.N. Firsov with V.O. Klyuchevsky and P.N. Milyukov 1895-1896]. *Istoricheskii arkhiv*. 2: 183-190. [in Russian]

Chicherin, 1990 – Chicherin, B.N. (1990). Vospominaniya. Russkie memuary: izbrannye stranicy. 1826-1856. [The memories. The russian memoirs: selected pages. 1826-1856.]. M. 736 p. [in Russian]

Fominykh i dr., 2014 – Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskii, M.V. i dr. (2014). Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk, 508 p. [in Russian]

Fominykh, Stepnov, 2018 – Fominykh, S.F., Stepnov, A.O. M.A. (2018). Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. 48(2): 804-816.

Fominykh, Stepnov, 2019 – Fominykh, S.F., Stepnov, A.O. (2019). Kollektivnyi portret professorov Imperatorskogo Tomskogo universiteta v zerkale ikh vzaimootnoshenii so studenchestvom (konets XIX – nachalo XX v.) [A collective portrait of professors of the Imperial Tomsk University in the mirror of their relationships with students (late 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 446: 159-169. [in Russian]

GA RT – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].

GARF – Gosudarstvennyĭ arxiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].

Gribovskij, 2017 – Gribovskij, M.V. (2017). «Ne delo studentov naznachat' sebe prepodavatelei»: konflikty mezhdru professorami i studentami rossiiskikh universitetov na rubezhe XIX–XX vv. [«It is none of students' business to appoint teachers for themselves»: conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 424: 67-73. [in Russian]

Gribovskij, 2018 – Gribovskij, M.V. (2018). Professorskij gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa koncza XIX – nachala XX v. [Professorial honorarium as a mirror of the "university issue" in the late 19th – early 20th c.]. *Dialog so vremenem*. 62(2): 144-163. [in Russian]

Gribovskij, 2019 – Gribovskij, M.V. (2019). "Burden of Professorship": Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1263-1271.

Grigor'ev, 1870 – Grigor'ev, V.V. (1870). Imperatorskii Sankt–Peterburgskii universitet v techenie pervykh 50 let ego sushchestvovaniya [Imperial St. Petersburg University during the first 50 years of its existence]. SPb. 115 p. [in Russian]

Ivanov, 2004 – Ivanov, A.E. (2004). Mir rossijskogo studenchestva. Konec XIX – nachalo XX veka. [The world of Russian students. The end of the 19 – the beginning of the 20 century]. M. 360 p. [in Russian]

Ivanov, 2004 – Ivanov, A.E. (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii [The students' corporation in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: the experience of cultural and political self-organization]. M. 408 p. [in Russian]

Leikin, 1980 – Leikin, A.Y. (1980). Protiv lozhnykh druzei molodezhi (iz istorii bor'by KPSS s burzhuaizmy i melkoburzhuaizmy partiyami za molodezh', 1917–1924 gg.) [Against the false friends of youth (from the history of the struggle of the CPSU with bourgeois and petty-bourgeois parties for youth, 1917-1924)]. M. 222 p. [in Russian]

Liberov, 1896 – Fond muzeya istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pis'ma N.D. Liberova [The Museum of History of Tomsk State University. Letters of N. D. Liberov]. [in Russian]

Obshchii ustav., 1894 – Obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov: sb. Postanovlenii pominstertvu narodnogo prosveshcheniya [General Statute of the Imperial Russian Universities: Sat. Decisions of the Ministry of Education]. Sankt–Peterburg, 1894. 813 p. [in Russian]

Shevyrev, 1855 – Shevyrev, S.P. (1855). Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [History of Imperial Moscow University]. M. 584 p. [in Russian]

Shimanovskij, 1892 – Shimanovskij, M.V. (1892). Moi professora i moe studenchestvo. Peterburgskij universitet 1863-1867 [My professors and my students life. Saint-Petersburg University 1863-1867]. Odessa. 50 p. [in Russian]

Sokovnin, 1892 – Sokovnin, N.M. (1892). Vospominaniya starogo kazanskogo studenta, 1856–1858 [The memoirs of an old Kazan student, 1856–1858]. SPb. Pp. 271-291. [in Russian]

Sorokin, 1888 – Sorokin, V.M. (1888). Vospominaniya starogo studenta [The memoirs of an old student]. SPb. Pp. 617-647. [in Russian]

Tezyakov, 1927 – Tezyakov, N.I. (1927). Iz perezhitogo. Studencheskie gody [From the experience. The student years]. *Khersonskaya sanitarnaya organizatsiya*. 11: 61-66. [in Russian]

Znamenskij, 1988 – Znamenskij, O.N. (1988). Intelligenciya nakanune Velikogo Oktyabrya [The intelligentsia before the Great October]. Leningrad. 351 p. [in Russian]

Повседневная жизнь студентов Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом

Елена Владиславовна Вититнева^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов^a,
Наталья Вениаминовна Пахомова^a, Анна Сергеевна Жулаева^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vititneva.elena@gmail.com (Е.В. Вититнева), history@sfu-kras.ru (М.Д. Северьянов), pahomise@mail.ru (Н.В. Пахомова), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей взаимоотношений между студентами и профессорско-преподавательским составом в российском университете второй половины XIX – начала XX вв. Цель настоящей работы заключается не только в выявлении особенностей взаимоотношений, но и в определении влияния этих особенностей на развитие высшей школы в Российской империи. В качестве источниковой базы статьи выступили источники личного происхождения – воспоминания, дневники и письма бывших студентов из различных регионов Российской империи, университетские фонды архивов ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ГАТО (Государственный архив Томской области), ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан), нормативно-правовые акты, связанные с деятельностью высших учебных заведений (университетский устав, документы университетского делопроизводства). Подробный анализ содержания выбранных источников позволил определить, какую роль в жизни студента играл преподаватель высшего учебного заведения в дореволюционной России. Также были выявлены две основные тенденции развития отношений между студентами и профессорами: приводящая к возникновению конфликтных ситуаций и обуславливающая взаимовыгодную коллаборацию. Было определено значение реализации типа политического курса в формировании той или иной тенденции. Гармоничные отношения складывались во времена смягчения политического вмешательства в университетскую среду. В то же время при ужесточении режима происходило обострение противоречий в отношениях между профессорами и студентами. Также была выявлена связь между уровнем глубины во взаимоотношениях главных участников образовательного процесса и его влиянием на развитие системы высшего образования в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

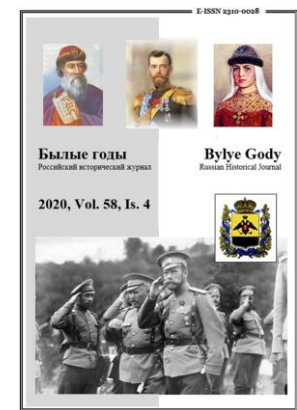
Ключевые слова: история повседневности, студенты, профессура, императорские университеты, история образования.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2580-2587. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2580
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Training Teaching Staff for National Schools in Russian Empire in the second half of the XIX century

Oksana V. Klevtsova ^{a, *}, Nikolai A. Zhirov ^a

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

The Russian Federation continues to reform the education system, including the training of specialists in the field of public education. Due to the dynamic development of the school system, there is still an open question of a shortage of qualified personnel. This problem has always been relevant – in the conditions of modernization of the country's socio-economic and political development, transformation of public relations, specialists were required who were ready to meet dynamic changes, especially in the field of education.

The relevance of the research is due to the need for a detailed analysis of the implementation of the educational process in the training of teachers for public schools and colleges in educational institutions of the Russian Empire in the second half of the XIX century. in the conditions of liberal reform of the country's education system.

The sources used were archival materials of the state archives of the Lipetsk and Oryol regions, as well as published documents on the education system of the Russian Empire.

The research methodology is based on the use of General historical methods (comparative-historical, retrospective, chronological, and the principle of historicism) and modern methods, such as the civilizational approach, which implies the justification of the theory of modernization of society and the phenomena accompanying this process (in this case, the development of the education system).

The study analyzed the training of qualified personnel for educational institutions, primarily public schools of the Russian Empire. The problems of shortage of teachers, the reasons for their outflow from educational institutions were considered, their financial situation and the social composition of the teaching staff were studied. The article describes in detail the regional personnel policy in the field of public education of the studied period.

The results of the study made it possible to study not only the process of teacher training, but also the implementation of state policy in the regions in relation to the development of the local education system and improving the level of literacy of the population.

Keywords: educational reform, pedagogy, teaching methods, folk schools, Zemstvo, teaching, Russian Empire, XIX century.

1. Введение

Тенденции в системе образования вызывают необходимость в изменении оценки личных и профессиональных качеств учителя. Одной из важных и актуальных проблем сегодня, как и десятилетия назад, является подготовка специалистов-педагогов, отвечающих современным требованиям. Из-за динамичного развития школьной системы все еще остается открытым вопрос дефицита квалифицированных кадров. Система высшего, в частности педагогического, образования в России проходит очередную стадию реформирования, где основная цель – подготовка не просто узкопрофильного или универсального специалиста для школы, а учителя, способного

* Corresponding author

E-mail addresses: ksenijmel@yandex.ru (O.V. Klevtsova), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

самосовершенствоваться и саморазвиваться в условиях постоянных изменений, например цифровизации образования.

Во второй половине XIX в. глобальные изменения коснулись не только школьной системы, но и в целом системы образования. С начала появления земств одними из важных задач стали вопросы развития системы подготовки учителей, усовершенствования методики преподавания, разработки новых учебных планов и учебных пособий.

2. Материалы и методы

Методика исследования построена на комплексном изучении архивных источников, хранящихся в основном в государственных архивах Липецкой и Орловской областей, а также опубликованных материалов и научной литературы по данному вопросу.

При помощи историко-сравнительного метода была установлена эволюция в системе подготовки педагогических кадров в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Данный метод позволил выявить закономерности процесса формирования образовательной среды, а также условия обучения в различных типах учебных заведений по подготовке учителей народной школы.

Большую роль сыграл биографический метод, позволивший познакомиться с педагогами, священнослужителями, которые посвятили себя делу распространения грамотности среди населения.

Ретроспективный метод дал возможность в условиях поставленной цели реконструировать комплексную картину развития системы подготовки педагогов для народной школы, а метод актуализма – выявить характерные проблемы в осуществлении реформ в сфере народного образования, выделить ряд факторов, тормозящих процесс становления образовательной среды в провинции.

Принцип системности позволил выявить специфическое развитие школьной системы в разных регионах Российской империи, а также представить основные тенденции в подготовке педагогов, сложившиеся в стране к началу XX века.

Исследование было ориентировано на сложившиеся историографические традиции, которые позволили изучить ранее накопленный опыт не только отечественных, но и зарубежных авторов.

3. Обсуждение

Развитие образования и педагогики в России второй половины XIX – начала XX вв. активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. В своих работах историки рассматривают не только вопросы подготовки педагогических кадров, но и процесс организации образовательной среды, материально-техническое обеспечение учебного процесса и многое другое.

Современные исследователи предпринимают попытку комплексного изучения развития педагогического образования и подготовки кадров для народной школы как в целом в Российской империи, так и в частности по регионам (Ивако, 2002; Филоненко, 2004; Филоненко, Шипилов, 2007; Хабалева, 2015). Например, в последнее десятилетие появились исследования липецких историков по развитию школьного образования в Орловской и Тамбовской губерниях, хотя вопрос педагогической подготовки учителей в них мало освещен (Стояновская И.Б., Стояновская М.А., 2015; Клевцова, Жиров, 2016).

Российское дореволюционное образование и развитие педагогики в нашей стране изучалось и зарубежными историками, в основном американскими исследователями (Eklof, 1990). Эклоф уделяет пристальное внимание земским школам, крестьянскому образованию и положению сельского учителя в конце XIX – начале XX вв. Он провел детальное сравнение принципов работы учителей в школах гражданских и духовного ведомства, а также уделил внимание особенностям подготовки специалистов-педагогов для работы в данных учебных заведениях.

4. Результаты

Бурные процессы, происходящие в стране на протяжении всей второй половины XIX в. требовали увеличения числа учителей начальных школ. Правительство усиливало требования к педагогам. Если до 1870-х гг. не существовало экзаменов на получение звания «учитель», то с 1874 г. эта процедура стала обязательной. Будущий педагог был обязан получить «право на преподавание».

Только с появлением земств и благодаря их усилиям в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. стали появляться педагогические съезды и учительские курсы. Первые педагогические собрания были организованы не правительством, не учебной администрацией, а органами местного самоуправления. Здесь педагоги знакомились не только с новыми методиками преподавания, но и обменивались мнениями, предлагали варианты решения насущных проблем.

Слушателями учительских курсов зачастую становились люди, не имевшие не только достаточной специальной подготовки, но и зачастую не обладавшие достаточным общим образованием.

Земская администрация на первоначальном этапе существования курсов не вмешивалась в работу, но помогала материально. Все расходы на организацию курсов, аренду квартир для проживания командированных учителей, транспортные расходы, закупку канцелярских

принадлежностей, питание и так далее брала на себя земская управа. В целом на данное направление необходимо было предусматривать сумму в размере от 250 до 500 руб. в год.

Педагогическое образование учителя получали на учительских курсах. Земские деятели прикладывали много усилий, чтобы создать условия для подготовки педагогических кадров, и, как считал Корф, «еще не многие у нас понимали, что подготовку учителей следует считать краеугольным камнем всего народного образования» (Чарнолуцкий, 1910: 30).

Министерство народного просвещения затрагивало вопрос о создании народных училищ. Ученый комитет в 1864 г. высказал идею создать учительские семинарии, но из-за отсутствия средств в 1865 г. смог организовать только курсы для педагогов в нескольких уездных училищах.

В 1868 г. в Российской империи появился закон, касавшийся работы частных учебных заведений, к которым были отнесены частные училища и находившиеся на попечительстве земств, городских и сельских обществ (Чарнолуцкий, 1910: 35-36).

Первая правительственная семинария появилась в 1871 г., где в основу было положено «обучение технике учительского ремесла» (История..., 1897: 58). На первый план была выдвинута прикладная, практическая сторона обучения, и в ней преподавали русский и церковно-славянский языки, арифметику, педагогику, чистописание и т.д.

Несмотря на строго регламентированный объем учебных дисциплин, учительские семинарии считали «вредными и опасными учреждениями» (Чарнолуцкий, 1910: 32). Так, например, Тверское земство столкнулось с непониманием вопроса обучения учителей со стороны администрации. Многие считали, что народным учителям нельзя давать «слишком большое умственное развитие» (Чарнолуцкий, 1910: 40).

В 1879 г. Комитет министров обсуждал предложение о закрытии всех учительских семинарий. Вопросами решения дефицита педагогических кадров занялись земские начальники.

Еще одним типом учительской школы была учительская семинария, организованная в 1871 г. в селе Поливаново Подольского уезда Московским губернским земством. Поступающие должны были иметь навыки письма, счета и чтения, понятия о русской истории, всеобщей и русской географии. Обучение было рассчитано на три года, и сюда принимали представителей всех сословий.

Одной из первых земских учительских школ считается Рязанская семинария. Ее открыли в 1869 г. В 70-е гг. открывается еще 10 земских учительских школ, 3 из которых были только для девушек. Такую инициативу Тверское земство объясняло тем, что в наиболее образованной Северной Америке преподавание в школе лежало на плечах женщин. Помимо этого, приводился пример Самарской губернии, где наибольшие успехи показывали школы, возглавляемые женщинами (Чарнолуцкий, 1910: 34). Школы располагались в Чернигове, Торжке, Вятке, Костроме, Курске, Санкт-Петербурге, Твери. Тверское земство считало, что увеличение времени на изучение учебного курса будет способствовать лучшему закреплению знаний.

Таким образом, вспыхнувшая инициатива земской власти по открытию учительских курсов на территории губернии столкнулась с непониманием учебной администрации, большими финансовыми затратами. Многие земства стремились освободить свои бюджеты от сравнительно крупных расходов по содержанию учительских школ. Итогом недопонимания станет массовая передача существующих школ из ведомства земства в ведение Министерства народного просвещения. Многие школы были закрыты, такие как Московская (в 1874 г.), Черниговская (в 1879 г.), Вятская (в 1880 г.), Костромская (в 1886 г.), Новгородская (в 1889 г.), Курская (в 1890 г.), Олонецкая (в 1882 г.).

Вопрос возрождения системы учительских школ вновь станет актуален лишь в 90-е гг. Деятельность учебных заведений должна быть регламентирована уставом или правилами, которые утверждались теперь не местным начальством, а министром народного просвещения или Комитетом министров.

К концу XIX в. все еще продолжал существовать целый ряд учительских народных учебных заведений в Казани, Новгороде, Рязани, Санкт-Петербурге, школа фон Рутцена в Курске, а также женские учительские школы в Твери и Самаре.

Земства не могли создавать свои учительские школы, но могли земские семинарии, которые отличались от казенных учительских семинарий. В данных учебных заведениях курс наук проходили за 3 года, и лишь с 1903 г. вводился четвертый – подготовительный класс.

Земские семинарии учили дольше. Так, например в Самарской – срок обучения составлял 6 лет, в Петербургской и Тверской – 5 лет (Чарнолуцкий, 1910: 43). Учащиеся в них изучали основные точные (арифметику, алгебру, геометрию, физику) и гуманитарные предметы (русский язык и литературу, историю, географию и т.д.), а также Закон Божий и специальные дисциплины: педагогику, методику преподавания школьных предметов и т.д. Помимо более широкого круга дисциплин, процесс обучения включал в себя и учебно-воспитательный компонент.

В земских учительских школах обучение было бесплатным, деньги взимались лишь за «пользование интернатом» (История..., 1897: 69). После окончания школы из шести существующих учебных заведений данного типа лишь выпускников Новгородской и Казанской школ обязывали проходить службу в земских народных училищах. При этом многие земства, содержащие школы, поднимали вопрос о необходимости ввести обязательное прохождение службы в школах всем

выпускникам учительских школ. Но вопрос откладывался, так как приводился довод о том, что принудительная работа учителя не принесет положительных результатов.

Постепенно вводился образовательный ценз для поступающих. Так, например, Новгородская и Петербургская учительские семинарии требовали от поступающих наличие окончанного двухклассного училища, Казанское и Рязанское – окончание одноклассного училища.

В 1875 г. выходит в свет «Правило о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ». Эти курсы были нацелены на знакомство малоопытных педагогов с самыми последними и эффективными способами преподавания в начальной школе. Курсы организовывались по инициативе земств. Земская управа сообщала о своем желании открыть в уезде педагогические курсы училищному совету и начальнику губернии. Курсы могли быть организованы только в летнее время, во время каникулярного периода, и продолжались от 4 до 6 недель.

При начале курсов и окончании священником совершался молебен. Это должно было стимулировать ответственное отношение ко всему происходящему, а также повышало значимость педагогического труда.

Учебные занятия делились на практические и теоретические. Первые проводились утром на базе специально созданных образцовых школ, а теоретические – по вечерам в помещении семинарии или в другом помещении, где организовывались курсы. Эти занятия проходили в форме беседы. На курсах обсуждали современные методики преподавания, общие педагогические правила, новые поступления печатных изданий, разбирали лучшие учебники по предметам, работали со статьями и журналами по народному образованию. После прохождения курсов учитель получал от комиссии из числа руководителей и главного наблюдателя аттестат о том, что он прослушал данные курсы полностью. Сама же комиссия ежегодно подавала отчет попечителю учебного округа, земству и самому учредителю курсов. В нем содержались данные о числе слушателей, о качестве проведенных занятий, о посещаемости и успехах обучающихся. Готовый отчет передавался в министерство, а также опубликовывался в местной прессе – Епархиальных ведомостях (*Журнал...*, 1875: 168-172). Данное правило регламентировало проведение краткосрочных педагогических курсов и просуществовало до 1906 г. Педагогическое сообщество считало учительские курсы благотворными. Они помогали глубже понять основные принципы работы педагога, освежить ранее полученные знания, расширить педагогические навыки.

Земские власти рассматривали курсы как временную меру, «необходимую до тех пор, пока земство не создаст известный контингент учительского персонала в своих школах» (*Веселовский, 1909: 505*). Именно по этой причине особо плодотворными в истории педагогических курсов считаются 1870–1875 гг. Потом наступает затишье в созвях курсов, так как многие земства успели открыть семинарии. На уменьшение числа курсов оказывало влияние и отношение правительства. Власть ставила сложные условия для организаторов. Так, например, с конца 70-х гг. стали требовать проводить курсы не в губерниях, а по уездам. Это сильно тормозило работу.

Из-за отсутствия финансовых возможностей уездные земские управы с конца 1880-х гг. стали организовывать педагогические курсы по отдельным предметам. Среди сторонников такого решения проблемы были Тверское губернское земство, Воронежское, Псковское, Тульское, Новгородское и другие. По их инициативе открывались специальные курсы по пению, садоводству и огородничеству, курсы ручного труда, корзиноплетения и т.д. (*Веселовский, 1909: 506*).

Благодаря общим новаторским идеям в системе повышения квалификации, меняется характер преподавания, курсы становятся более научными. Слушателям необходимо было пополнить свой багаж знаний и расширить кругозор за счет предметов, не преподаваемых в педагогических учебных заведениях. Наблюдалась тенденция ежегодного роста числа курсов.

Со стороны земства предпринимались попытки сделать данные курсы не узкоспециализированными, а более широкопрофильными. С этой целью вводилось преподавание психологии, миропведения, гигиены, истории. Одним из первых новые расширенные курсы стало проводить Саратовское земство в 1899 г., потом идею подхватили в Вятском, Тамбовском и других земствах. Некоторые уездные земства поддерживали проведение курсов на своих территориях. Они носили совещательный характер, здесь обсуждали не только методику преподавания, но и вообще постановку дела народного образования (*Веселовский, 1909: 506*).

Для быстрого решения вопроса дефицита педагогических кадров многие губернии пошли по более дешевому пути – созданию одногодичных педагогических курсов. В Полтавской губернии пришли к выводу о том, что замещение педагогических вакансий происходило в основном за счет учителей с низшим образованием. Полтавское земство решило дать им педагогическую подготовку. На курсы стали принимать лиц не моложе 16 лет, окончивших 6 классов среднего учебного заведения. Курсы делились на женские и мужские, и ими ведал директор, избираемый губернской земской управой. В рамках подготовки учителей шло изучение всех дисциплин, которые преподавались в народных школах, но основной упор делался на педагогику и методику ведения уроков. Для желающих преподавать ручной труд организовывались дополнительные занятия. Полтавский проект

курсов, хотя и встретил сопротивление со стороны Министерства народного просвещения, но, несмотря на недовольство, его признали одним из самых лучших (Чарнолуский, 1910: 51).

Дефицит педагогов испытывали и начальные школы Духовного ведомства. К 80-м гг. XIX в. учителя начальных школ сформировали две группы – светские и церковные. Они являлись выходцами из одной социальной среды и находились в схожих материальных и правовых условиях.

Процесс подготовки учительских кадров регулировался на основании «Положения об окружных педагогических курсах» (1860), «Положения о проведении краткосрочных педагогических курсов для подготовки учителей начальных школ» (1872), «Правил» о педагогических курсах (1875), а также «Правил» 1900, 1907, 1914 гг. Со второй половины 90-х гг. XIX в. курсы снова стали популярными. В 1897 г. были организованы 7 курсов, в 1900 – 12, в 1901 – 15. Дело земских педагогических курсов постепенно приобретало внутреннюю организацию. Земства стремились не только подготовить новых учителей, но и оказывать помощь практикующим педагогам. С этой целью организовывались различные выставки учебных пособий, учителям передавали книги и периодические издания, библиотеки для земских служащих. Такая практика применялась в различных регионах Центральной России, давая положительный результат – число желающих пройти курсы и научиться новому постоянно увеличивалось (Чарнолуский, 1910: 59).

В начале XX в. большая часть педагогов в стране получала образование в учительских семинариях и институтах. В крупных городах стали открываться педагогические курсы, где готовили новые кадры и повышали их квалификацию.

В 1911 г. в Санкт-Петербурге проводились курсы для учителей по специально разработанным программам в двух секциях: гуманитарной и естественнонаучной. Педагоги изучали физику, химию, зоологию, ботанику, астрономию, анатомию, физиологию и другие науки. На гуманитарной секции знакомились с такими дисциплинами, как языковедение, история культуры, история общая, история философии, право, политическая экономия. Из педагогических наук и предметов на курсах читали общую и экспериментальную психологию, историю педагогики, методику разных предметов школьного преподавания, вопросы детского чтения, школьную гигиену. Помимо прослушивания лекций, участникам курсов предлагалось посетить специальные выставки – книжное отделение и отделение специальных учебных пособий, а также совершались экскурсии по городу, они осматривали типографию и другие печатно-художественные учреждения.

По статистике ежегодно росло число желающих посетить курсы. В 1910 г. на летнее обучение прибыло 1014 учителей, а в 1911 г. их число составило более 1400 человек из 77 губерний (Курсы..., 1911).

С 1870 г. в Тамбовской епархии учреждаются курсы для учителей народных школ. По мнению комиссии губернского земства, на курсы «желательно собирать уже практикующих учителей для ознакомления их с новейшими приемами преподавания и с правильной постановкой школьной дисциплины» (Сборник постановлений..., 1897: 1210). Директор Екатеринбургского учительского института Зяблин считал, что для организации курсов в уездах можно было бы организовать командировки двух педагогов из вверенного ему института. Для этих целей необходимо изыскать по сто рублей на каждого педагога – вознаграждение за месяц работы и оплата «путевых издержек». В ходе совещания было принято решение организовать курсы в трех пунктах – Тамбове, Липецке и Шацке. В 1871 г. управа вновь вернулась к вопросу об организации пунктов для проведения курсов. Лебедянская управа предложила организовать дополнительные курсы на территории уездного города за счет средств земства. Однако из-за эпидемии в этот год курсы не проводились, а число пунктов проведения курсов осталось прежним. В 1872 г. курсы народных учителей состоялись. В городе Тамбове их посетило 62 сельских учителя, в городе Шацке – 25 учителей. В Липецком же уезде курсы не состоялись из-за несвоевременного назначения руководителя курсов и срыва организационной работы (О преподавании..., 1897: 1212).

По данным за 1874 г., курсы г. Тамбова посетили 118 человек, в Моршанске – 30 учителей, а также курсы состоялись и в городе Липецке. В этот год земства обсуждали предложение министра народного просвещения располагать курсы при учительских семинариях под руководством местных педагогов. К 1875 г. было принято правило Министерства народного просвещения о вносимых изменениях в работу по организации учительских курсов. Теперь они устраивались только с разрешения попечителя преимущественно при духовных семинариях. Земства должны были сообщать уездным училищным советам свое намерение открыть курсы. Земская управа полностью принимала на себя расходы, касающиеся организации курсов.

Тамбовская земская управа на основании данных рекомендаций в 1875 г. приняла решение организовывать педагогические курсы только в городе Тамбове, при Екатеринбургском учительском институте (О преподавании..., 1897: 1215).

С 1875 по 1880 гг. организовать учительские съезды на территории Тамбовской губернии не удавалось из-за отсутствия согласия между земствами губернии.

В 1881 г. Липецкое земство выступило с ходатайством организовать курсы, но рассмотрение предложения было отложено, и к 1882 г. статья на ассигновку по 300 руб. на каждый уезд для

организации педагогических курсов была исключена из сметы расходов (ГАЛО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-12).

В городе Курске по распоряжению Священного Синода были организованы курсы для учителей второклассных церковно-приходских школ, куда были приглашены учителя из Орловской епархии.

Был разработан проект программ учебных предметов для второклассных школ. По нему были определены часы на занятия: на Закон Божий выделили 8 лекций, методику русского языка – 14, методику арифметики – 13, педагогику и дидактику – 6, славянский язык – 9, Русскую историю – 7, географию – 5, гигиену – 9, пчеловодство – 8, теорию пения – 25, литературу – 7, метеорологию – 2 (О преподавании..., 1897: 1388). Помимо лекционных занятий, проводили и практические: одно занятие по пению духовному и светскому, два по музыке, игре на скрипке и фисгармонии и три по мастерству (столярному, токарному, переплетному). Помимо занятий, курсанты могли посещать увеселительные мероприятия, совершать прогулки, участвовать в праздниках.

Занятия лично посетил Преосвященнейший Ювеналий, Епископ Курский и Белгородский.

В Орловской епархии в 1865 г. имелось четыре духовных уездных училища: в Орле (два), Севске и Ливнах. С 1872 г. в губернии функционировала Карачевская учительская семинария (ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1912. Л. 5-12).

Кроме организации специальных курсов, земства часто ограничивались содержанием стипендиатов в казенных семинариях. Среди практикующих такую меру можно отметить Нижегородское, Екатеринославское, Херсонское, Самарское, Уфимское, Владимирское, Тамбовское, Клузское, Псковское земства. Другие земства содержали стипендиатов в педагогических классах женских гимназий (Вологодское, Пермское, Херсонское, Пензенское земства) (Веселовский, 1909: 504).

Открытым оставался финансовый вопрос. Несмотря на заинтересованность земств в организации полноценной подготовки учителей, многие уклонялись от выделения запланированных средств. Так, например, в 1901 г. на подготовку педагогических кадров для народной школы было запланировано 290 тыс. руб. от губернских земств и 112 тыс. руб. от уездных. Из губернских земств ничего не выделили Смоленское и Бессарабское земства, Тамбовское и Орловское выделили незначительные средства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что провозглашенный принцип – «забота о подготовке учителей – дело губернских земств» – не был реализован. Большая часть уклонилась от выделения средств, а другие смогли выделить не более чем по 10 тыс. руб. В результате из 359 уездных земств Российской империи смогли выделить средства на проведение курсов для учителей не более 200 (Веселовский, 1909: 507).

5. Заключение

Подготовка учителей для народных школ на всем протяжении существования подобных учебных заведений оставалась очень проблематичным вопросом в развитии системы образования Российской империи. На первоначальном этапе становления народной школы основной проблемой являлся дефицит учителей, имевших право преподавания. В народных школах трудились священники и их дети, дьяконы, окончившие духовные училища или семинарии. Процент учителей народных школ, имевших специальное педагогическое образование, был крайне низок. Несмотря на предпринимаемые меры (организацию курсов повышения квалификации, расширение сети библиотек, закупку учебно-методической литературы) в решении вопроса дефицита квалифицированных педагогических кадров, правительству не удалось решить главную задачу – остановить массовый отток учителей из народных школ. Кадровая политика мало затрагивала вопрос улучшения материального положения учителя сельских школ, что не давало возможности не только заниматься самообразованием, но и вообще нормально существовать. «Чтобы на всю жизнь остаться народным учителем, нужно быть человеком самоотверженным, человеком, не думающим об удобствах собственной жизни» (Сборник постановлений..., 1897: 182). Из-за отсутствия должной оплаты труда многие учителя смотрели на свою работу как на временную, которую нужно сменить на более оплачиваемую. В начале XX в. в прессе появлялись статьи, сообщающие о бедственном положении народного учителя, были организованы различные общества взаимопомощи учителям и педагогам-пенсионерам. Итогом данной работы станет впоследствии перевод учителей на государственное обеспечение и улучшение финансирования системы подготовки педагогов.

Литература

Веселовский, 1909 – Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 724 с.

ГАЛО – Государственный архив Липецкой области.

ГАОО – Государственный архив Орловской области.

Ивако, 2002 – Ивако Н.В. Уездное земство и развитие начального образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Орловской губернии) // Вопросы гуманитарных наук. 2002. № 2. С. 10-12.

- История..., 1897** – История начальной школы в Орловской губернии. Очерки деятельности уездных земств по народному образованию. Орел, 1897.
- Журнал..., 1875** – *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб.: Типография В.С. Балашова. 1875. С. 168-172.
- Курсы..., 1911** – Курсы для народных учителей // *Нива*. 1911. № 29. С. 537-538.
- О преподавании..., 1897** – О преподавании на педагогических курсах в г. Курске учителей второклассных церковно-приходских школ Орловской епархии. ОЕВ. 1897. № 37. С. 1212-1389.
- Сборник постановлений..., 1897** – Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг. Т. 2 / Сост. А.Н. Лебедев. Тамбов: Тамбовская земская управа, 1897. 1681 с.
- Стояновская, Стояновская, 2016** – *Стояновская И.Б., Стояновская М.А.* Общественно-педагогическое движение в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах г. Ельца и его уезда) // *История: факты и символы*. 2016. № 1 (6). С. 38-48.
- Филоненко, 2004** – *Филоненко Т.В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века // *Вопросы истории*. 2004. № 9. С. 137-142.
- Филоненко, Шипилов, 2007** – *Филоненко Т.В., Шипилов А.В.* Материальное положение учителей в дореволюционной России // *Педагогика*. 2007. № 7. С. 65-73.
- Хабалева, 2015** – *Хабалева Е.Н.* Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере Орловской губернии) // *Научный диалог*. 2015. Выпуск № 8 (44). С. 97-114.
- Чарнолуцкий, 1910** – *Чарнолуцкий В.И.* Земство и народное образование. Ч. 1. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 186 с.
- Eklöf, 1990** – *Eklöf Ben.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861-1914, Berkeley: University of California Press, 1990, 652 p.
- Klevtsova, Zhirov, 2016** – *Klevtsova O.V., Zhirov N.A.* The primary education in post-reform Russian village (on materials of Eletski county Orel province) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42, Is. 4. Pp. 1224-1231.

References

- Charnoluskij, 1910** – *Charnoluskij, V.I.* (1910). Zemstvo i narodnoe obrazovanie [Zemstvo and public education. Part 1]. Ch. 1. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 186 p. [in Russian]
- Eklöf, 1990** – *Eklöf, B.* (1990). Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861-1914, Berkeley: University of California Press, 652 p.
- Filonenko, 2004** – *Filonenko, T.V.* (2004). Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka [The development of school education in Russia in the early twentieth century]. *Voprosy istorii*. 9: 137-142. [in Russian]
- Filonenko, Shipilov, 2007** – *Filonenko, T.V., Shipilov, A.V.* (2007). Material'noe polozhenie uchitelej v dorevolyucionnoj Rossii [Financial position of teachers in pre-revolutionary Russia]. *Pedagogics*. 7: 65-73. [in Russian]
- GALO** – Gosudarstvennyi arkhiv Lipetskoi oblasti [The state archive of the Lipetsk region].
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti [The state archive of the Oryol Region].
- Habaleva, 2015** – *Habaleva E.N.* (2015). Osobennosti organizacii nachal'nogo obrazovaniya v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orlovskoj gubernii) [Features of the organization of primary education in the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the 20th century (on the example of the Oryol province)]. *Nauchnyi dialog*. 8(44): 97-114. [in Russian]
- Istoriya..., 1897** – *Istoriya nachal'noj shkoly v Orlovskoj gubernii. Ocherki deyatelnosti uездных земств po narodnomu obrazovaniyu* [History of elementary school in the Oryol province. Sketches of activities of district zemstvos for national education]. Орел, 1897, 55 p. [in Russian]
- Ivako, 2002** – *Ivako, N.V.* (2002). Uездное земство i razvitie nachal'nogo obrazovaniya v rossijskoj provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na primere Orlovskoi gubernii) [The county district council and the development of primary education in the Russian province in threesome half XIX – early XX centuries (on the example of the Oryol province)]. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2: 10-12. [in Russian]
- Klevtsova, Zhirov, 2016** – *Klevtsova, O.V., Zhirov, N.A.* (2016). The primary education in post-reform Russian village (on materials of Eletski county Orel province). *Bylye Gody*. 42(4): 1224-1231.
- Kursy..., 1911** – Курсы для народных учителей [Courses for public teachers]. *Niva*. 29. 1911. pp. 537-538. [in Russian]
- О преподавании..., 1897** – О преподавании на педагогических курсах в г. Курске учителей второклассных церковно-приходских школ Орловской епархии [About teaching teachers of second-class parish schools of the Oryol diocese at pedagogical courses in Kursk]. ОЕВ. 1897. Nr. 37. Pp. 1212-1389. [in Russian]
- Sbornik postanovlenij..., 1897** – *Sbornik postanovlenij Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya za 1865-1894 gg. T. 2* [Collection of resolutions of the Tambov provincial zemstvo assembly for 1865–1894. Vol. 2]. Comp. A. N. Lebedev. Tambov: Tambov regional Council. 1897. 1681 p. [in Russian]
- Stoyanovskaya, Stoyanovskaya, 2016** – *Stoyanovskaya, I.B., Stoyanovskaya, M.A.* (2016). Obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie v rossijskoj provincii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.

(na materialah goroda El'ca i ego uezda) [The public and pedagogical movement in the Russian province of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (on materials of Yelets and its county)]. *Istoriya: fakty i simvol'y*. 1(6): 38-48. [in Russian]

Veselovskij, 1909 – *Veselovskij, B.* (1909). *Istoriya zemstva za sorok let. T.1* [History of the Zemstvo for forty years. Vol. 1]. Saint Petersburg: O.N. Popova publishing house, 724 p. [in Russian]

Zhurnal..., 1875 – *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Saint Petersburg: V.S. Balashov printing house. 1875. Pp. 168-172. [in Russian]

Подготовка учительских кадров для народных школ Российской Империи во второй половине XIX в.

Оксана Владимировна Клевцова ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации продолжается реформирование системы образования, в том числе это касается и подготовки специалистов в области народного образования. Из-за динамичного развития школьной системы все еще остается открытым вопрос дефицита квалифицированных кадров. Эта проблема была актуальна всегда – в условиях модернизации социально-экономического и политического развития страны, трансформации общественных отношений требовались специалисты, готовые соответствовать динамическим изменениям, особенно в сфере образования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального анализа процесса реализации образовательного процесса в подготовке учителей для народных школ и училищ в учебных заведениях Российской империи второй половины XIX в. в условиях либерального реформирования системы образования страны.

В качестве источников были использованы архивные материалы Государственных архивов Липецкой и Орловской областей (ГАЛО, ГАОО), а также опубликованные документы по системе образования Российской империи.

Методология исследования основана на использовании общеисторических методов (сравнительно-исторического, ретроспективного, хронологического и принципа историзма) и современных методик, например цивилизационного подхода, подразумевающего обоснование теории модернизации общества и сопровождающих этот процесс явлений (в данном случае развитие системы образования).

В ходе исследования был проведен анализ подготовки квалифицированных кадров для учебных заведений, в первую очередь народных школ Российской империи. Были рассмотрены проблемы дефицита учителей, причины их оттока из учебных заведений, изучено их материальное положение, социальный состав педагогического звена. В статье подробно освещена региональная кадровая политика в сфере народного образования изучаемого периода.

Результаты исследования позволили изучить не только процесс подготовки учителей, но и реализацию государственной политики в регионах в отношении развития системы местного образования, повышения уровня грамотности населения.

Ключевые слова: реформа образования, педагогика, методика преподавания, народные школы, земство, учительство, Российская империя, XIX век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ksenijmel@yandex.ru (О.В. Клевцова), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2588-2597. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2588
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Diary of the Head of the Anadyr District N.L. Gondatti

Oxana P. Kolomiets ^{a,*}

^a North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N.A. Shilo Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to unique historical materials – the diary entries of the second head of the Anadyr district, and subsequently of the prominent Russian statesman Nikolai Lvovich Gondatti.

The Gondatti Archive is kept in the funds of the Chukotka Heritage Museum Center. The documents are handwritten originals of the official's notes. In addition to the diary entries of Nikolai Lvovich Gondatti (1860–1946), fragments of his correspondence with the teacher from Markovo village Afanasy Ermilovich Dyachkov (1840–1907) have been preserved.

The uniqueness of these documents lies, first of all, in the fact that they are written in a simple, living language. The diary was kept by a man who, by the will of fate, ended up in Chukotka as an official-administrator. N.L. Gondatti wrote about everyday trifles, everyday administrative affairs, leisure time, anxieties, accidents, personal experiences, and often took travel notes. The records also found a place for his observations as a naturalist and ethnographer.

The diary consists of the author's daily entries from May 7, 1896 to October 18, 1897 (except for the period from June 18 to September 1, 1896, since this notebook is not available). The entries in the diary vary in volume and content: sometimes the author made only notes about the weather, sometimes he recorded the most important events, on some days he wrote down rather voluminous and informative stories of the interlocutors and his own reasoning on various issues. The article contains selected extracts from the diary of 1896–1897, grouped by specific topics.

Keywords: North-East of Russia, Chukotka, Head of the Anadyr district, Gondatti, Personal diary, Research activities, Indigenous people.

1. Введение

Н.Л. Гондатти – человек со сложной и интересной судьбой. Он начал свою карьеру с должности начальника Анадырской округи (1894–1897 гг.), самой удаленной административной единицы Российской империи. За три года работы на Чукотке Гондатти лично объездил десятки стойбищ оленных и поселений приморских чукчей, собрал обширные материалы по демографии, лингвистике, этнографии, экономике, экологии различных групп коренного населения полуострова.

Дневники и фрагменты переписки Н.Л. Гондатти в период его работы в селе Марково хранятся в музейном центре «Наследие Чукотки» (МЦНЧ). Они поступили в музей в 1992 г. в результате покупки им личного архива историка Н.А. Жихарева.

2. Материалы и методы

Имеющиеся в МЦНЧ документы представляют собой рукописи Н.Л. Гондатти и А.Е. Дьячкова, выполненные разборчивым почерком, черными чернилами в тетрадях в широкую линейку в мягких обложках (некоторые без обложки). Также есть записи, сделанные на двойных тетрадных листах.

* Corresponding author

E-mail addresses: okkolo@mail.ru (O.P. Kolomiets)

Все документы сохранились в хорошем состоянии. Листы пожелтели от времени, на некоторых из них выступила ржавчина от металлических скоб, скрепляющих тетрадь. Документы датируются 1895–1897 гг. Сам дневник Н.Л. Гондатти за 1896–1897 гг. состоит из отдельных тетрадей, в которых автор пронумеровал листы. Номера листов проставлены в правом верхнем углу. Номера тетрадей и подписи к ним выполнены другим почерком. Сотрудники музея считают, что их автор, вероятнее всего, Н.А. Жихарев. В распоряжении МЦНЧ находятся тетради Гондатти под № 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и тетрадь с переписью населения Ново-Мариинского поста ([Архив МЦНЧ. ЧОКМ 8140/11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26](#)). Данные тетради начинаются с 287 листа, заканчиваются 415-м листом. Тетрадь с переписью не пронумерована.

Дневник состоит из ежедневных авторских записей за период с 7 мая 1896 г. по 18 октября 1897 г. (за исключением периода с 18 июня по 1 сентября 1896 г., так как этой тетради нет в наличии). Более ранние дневники в фондах МЦНЧ отсутствуют; неясно, сохранились ли они вообще.

При расшифровке и публикации дневника были сохранены стилистические, лексические и индивидуальные особенности авторского словообразования. Использование источниковедческого анализа и сравнительного метода позволило достоверно установить авторство, время и место написания дневника, определить его исторический контекст. Дневниковые записи в первую очередь сравнивались с опубликованными материалами Н.Л. Гондатти, также привлекались публикации его современников и материалы биографического характера.

Записи в дневнике различаются по объему и содержанию: иногда автор делал только отметки о погоде, иногда фиксировал наиболее важные события, в некоторые дни записывал довольно объемные и информативные рассказы собеседников и свои собственные рассуждения на различные темы. В статье приводятся избранные выписки из дневника 1896–1897 гг., сгруппированные по определенным темам.

3. Обсуждение

Результаты исследований Н.Л. Гондатти были опубликованы в трех статьях ([Гондатти, 1897а; Гондатти, 1897д; Гондатти, 1897с](#)). Эти работы внесли бесспорный вклад в изучение Северо-Востока России на рубеже XIX–XX вв. При этом некоторые стороны Гондатти-исследователя оставались неизвестными до обработки дневников, которые он вел в годы жизни на Чукотке. Например, в опубликованных статьях никак не отражен его интерес к религии и социальной организации коренных жителей. Гондатти тщательно собирал также материалы по семейным и свадебным обрядам, народным приметам и другим сторонам повседневной семейной культуры. Огромный интерес представляют его неопубликованные дневниковые материалы по этногенетическим преданиям чукчей и азиатских эскимосов, включая народную память о нескольких волнах переселения эскимосов на Чукотку через Берингов пролив и с о-ва Св. Лаврентия с их примерной датировкой.

В дневниках Гондатти 1896–1897 гг. отмечены его частые беседы с марковским учителем-чуванцем Афанасием Дьячковым, другими чуванцами и марковчанами, приезжими оленными чукчами. Такие беседы должны были способствовать формированию корпуса записей фольклора, пусть даже в форме быличек, бытовых рассказов и семейных преданий. К сожалению, записей фольклорных текстов, собранных Гондатти за годы пребывания на Чукотке, не сохранилось ([Прикладная этнология, 2020: 26](#)).

Полученные Гондатти сведения о численности коренных жителей Чукотки, их расселении по береговым поселкам и группам оленеводов вошли во всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г. В одной из тетрадей Гондатти, хранящихся в МЦНЧ, содержится опись жителей Ново-Мариинского поста в июле 1896 г. Эти сведения уточняют и дополняют информацию о населении Анадырского залива ([Прикладная этнология, 2020: 278](#)).

Часть материалов, собранных в ходе поездки по Чукотскому полуострову, была опубликована в серии статей, написанных самим Гондатти или другими авторами по его материалам ([Богораз, 1901; Миллер, 1897](#)); наиболее полные материалы содержатся в статье «Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив)» ([Гондатти, 1898](#)).

Опубликованные работы и дневник Гондатти характеризуют их автора как серьезного, скрупулезного исследователя, имеющего свои методологические подходы к изучению различных сфер жизни населения Северо-Востока России в конце XIX в. Это обстоятельство дает основание ставить Гондатти-исследователя в один ряд с выдающимися учеными конца XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Наблюдения за природой. Первая имеющаяся у нас дневниковая запись сделана Н.Л. Гондатти 7 мая 1896 г., она начинается с описания погоды: «7 мая – вторник. Прекрасный день – сильно таяло; стали образовываться проталины, а также и те ямы, которыми обладает в изобилии моя столица. Везде положены лажки, а то пройти нельзя. Много пролетает гусей и лебедей...» ([АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 287](#)).

Практически во всех тетрадях есть описания сезонных природных явлений и связанных с ними рутинных дел местных жителей. Например, ученый зафиксировал вскрытие реки ото льда: «17 мая. Оказывается, что вчера не только вода поднялась, но Марковка прошла. Давно так рано вода не трогалась – завтра собираются все выехать на Майн, причем все толкуют, что когда год хорош, тогда и река рано пройдет, чтобы ей так тронуться в прошлом году. Вода не особенно сильно прибывает – видимо, внизу напора нет. Тепло. Вчера около полуночи по куэлу¹ ходил медведь – собаки подняли страшный вой, а люди прозевали и он прошел. Говорят, что этой весною, видимо, медведей будет много... 18 мая. Вода всё прибывает и, видимо, идет верховая. В Марково кипит работа по уборке сора и очистки паперти у церкви. Занимаются также и разделкой рыбы. Строятся – вообще народ без дела не сидит. 19 мая: Тепло, но ветрено, вода сравнялась почти с берегами, льду стало нести гораздо меньше. Многие уехали на корбасьях и выехали к летникам рыбу ловить сетками и смотреть, чтобы летники не унесло; сегодня же поехали и на Майн за оленями – Матвей Верещагин, Иван Куркутский, Захар Коркин, Семен Дьячков... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 292-293). 6 октября – воскресенье. С утра и весь день с небольшими перерывами шёл снег, так что к вечеру вся земля покрылась по 2–3 вершка снегом; все этому радуются... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 363об.). 22 октября... Сильный холод и, несмотря на это, пурга; стало светать лишь в 8 ч.; а темнеть уже в 4 1/2.» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 366).

Заметки во время поездок. Такого рода записей в тетрадях Л.Н. Гондатти достаточно много. Во время путешествий он описывал окрестности, особенности погоды, наиболее интересные эпизоды, общие впечатления от увиденного. Заметки изобилуют местными топонимами. В качестве примера приведем описание обратного пути из рабочей поездки Гондатти по р. Анадырь: «1 сентября 1896 г. – воскресенье... Остановился у Вакаринских и с удовольствием расположился под крышей, чего давно был лишен – с самого отъезда из Поста. Видимо, все довольны, что я приехал. Говорят, что завтра хотели выезжать мне навстречу. Рассказывал, что летом чаю было много, а табаку совершенно не было и была полная безтабашница. 2 сентября: Сегодня здесь дневали: сушились, чинились, давали вздох собакам и меняли уставших на новых. Весь день шёл проливной дождь, так что должны были поставить везде вёдра и тарелки – крыша совсем не защищала. Весь день провел в расспросах, но больше нежился, хотя и под дождем; утром, впрочем, обошел все поварни, там, видимо, остались довольные...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/28. Л. 346 об.-347об.).

Значительное число местных географических названий Гондатти записывал из рассказов своих собеседников: «16 декабря – понедельник. Мамонтовых рогов все больше находят по реке *Ку'нтакаль*, составляющей начало *Танюэрэ*. *Ку'нтакаль* течет с вершин *Опа'нкэнмэам*; недалеко от этой вершины есть другая *Аг'ранэма'ткэн*. Эти вершины находятся в горах *Она'ветэ* = ветреные горы, и *О'мвоам*... От *Юру'мкын* что на *Вакарину*, что в Марково один и тот же путь...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/15. Л. 393об.).

Возвращение из поездки по рекам Анадырь и Майн. «7 сентября... Радостно казаки отвечали на моё приветствие; видимо, довольны, что пришли в Марково. Велел им снарядить вельбот и плыть за мной поскорее, и баржа пусть постарается, хотя и ночью, да добраться до банной... Много столпилось народу. Послышались выстрелы; культурные замахали платками; казаки попросили позволения отвечать на выстрелы; разрешил; загромыхала стрельба. С радостными криками приняли, и я с большим удовольствием вступил на твёрдую Марковскую почву, а то ехать уже надоело, да и холодно, хотя сегодня день и тёплый...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 353-354об.).

Личные переживания, размышления, повседневность. «4 октября. Ясно, тихо, но холодно. Не знаю, что будет дальше, но пока в комнате выше 9–10° не бывает; что-то будет зимой; вот так исправили; от этого должно быть мне и нездоровится... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 363). 7 октября... Умер староста Березкин; жаль старика – хотя годов ему было и не мало; умер и Чаин, ну а этот совсем был развалиной... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 363об.). 5 ноября. Видел премерзкий сон; проснулся весь в холодном поту, так больше и не мог спать. Будто иду по окраинам где-то в Москве и по мере приближения к центру народу становится всё больше и больше; сперва не обращал на это внимание, как естественное явление, но затем вижу, что народ весь идёт в одну сторону, а не в разные и вдруг слышу: «Государя убили». Я так и остоленел, потом бросился бежать; мой пример подействовал заразительно и все побежали; уходили до Генерала-Губернаторского дома, там толпа, которой ещё не видать, и все стремятся в Кремль, где будто и произошел взрыв, причем тут же рассказывали, что Государь отобедал, вышел в соседнюю комнату и тут что-то случилось – он был смертельно ранен и вскоре умер; вместе с ним страдали один служитель и один служащий. И будто это случилось в последних числах марта, так как 1 апреля его вынесли куда-то (должно быть в Собор); затем я как-то попал во Дворец; и дальше что-то, мерзость какая; приснится же такая дрянь. 8 ноября. Михаила день – моё рождение; неужели мне уже 35 лет или даже 36 лет; недурно пущено; прожито много, сделано мало и для других, и для себя, а меня все называют практиком; хорош практик – могу сказать: выпил сегодня бутылку пива ради рождения – отпраздновал значит; эх, жизнь, ты, жизнь. 9 ноября. День ясный, но холодный. Что-то стала опять грудь болеть, поэтому ничего не писал; читал разные газеты, и между прочим попался № Прав. Вестника от 1 января; все мои приятели и

¹Куэл – протока реки (по-чукотски *кууль*)

сослуживцы получили награды, лишь я один ничего; даже Пржевалинский¹ и то не остался без награды; вот так особенное поощрение и награда. 12 ноября. Что за свиньи сидят в областном: Рунов прошел отправить разные вещи сюда и ему не дали ордера; спасибо, что всё-таки принял патронов, которые я и получил, и затем ещё в Гижиге есть спирт и, конечно, четыре ведра спирта вытекло..., кому-нибудь в рот. И это всё этот мерзавец Павленко; вот был бы рад, если бы его пихнули; спасибо хоть за это Минин. Получил два письма: от Марии и Нади; племянник от рук отбивается; не знает, что с ним делать. 13 ноября. Страшный холод. Обругал Зиновьеву за то, что не послушала предупреждения моего на счет Брагина, который, кажется, хочет ее обобрать; надо будет, видимо, приняться и за этого артиста – все они, должно быть, одного поля ягоды» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 367-368об.).

«7 марта. Выехали в 7 ½ ч. – тихо, ясно, но прохладно. Дорога прекрасная, в 9 ¼ доехали до Маркова, где всё нашел в порядке, только в доме страшная кутерьма: почта, вещи из Гижиги, посылки из Устья, с Туманской ярмарки – еле-еле хоть немного к вечеру разобрал. И скоро по приезде был с визитом священник из Пятистенного Нижне-Колымского – о. Михаил Петелин, лет 33 – недавно овдовевший и сегодня пустившийся по чукчам, причем ездит уже с октября, всем доволен и говорит, что везде чукчи принимают его хорошо и он многих крестит и даже Сипатку, который все-таки предварительно спросил – есть ли у него водка. Почта пришла какая-то дикая – это черт знает что такое – осенней нет – последние газеты от половины мая; черт их подери...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/17. Л. 435об.).

Происшествия. Судя по еще одной записи, Н.Л. Гондатти был сильно раздосадован одним происшествием: «15 мая... Пошла на прибыль верховая вода – ходил на Марковку – приказал убрать карбася – удивительно беспечный народ... 16 мая... Вода сильно поднялась, так что унесло два карбаса – общественный чуванский и хитровский; несмотря на свадьбу – разнес их и вечером не пошел на вечерку. По правде сказать – все эти пиршества мне порядочно таки надоели; хорошо, что теперь всё кончилось. Заявил, что от меня больше никто рюмки не получит...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 291 об.-292).

Во время весенней охоты произошел неприятный случай с самим Николаем Львовичем: «11 мая: В 12 ½ ч. добрались до Крепости и здесь произошел казус – переезжая Анадырь от Прорвы к Николаю провалилась нарта в воду, и все намокло, а в том числе и я, так что поневоле пришлось ночевать в Крепости, не могу сказать, чтобы купанье было приятное – уж очень холодная вода. Приехал к Николаю, разделся догола, выпил порядочную долю коньяку, растопили ярко чувал и стал греться под чужим одеялом...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 289об.).

«30 мая... Да, совсем было забыл одно очень важное обстоятельство: вчера около 8 ч. вечера прибегает Кулиновский с заявлением, что у Алексея Анкудинова пропал ребенок с 3 часов. Немедленно было разослано всё Марково его искать – искали всюду и до 11 часов вечера нигде не могли найти. Это было тем больше странно, что вода уже стекла, ям больше нигде не было и везде почти песок; думали на собак, да днем пропал, слышны были бы крики, да все в один голос говорят, что ребенок хилый – далеко не уйдет, к тому же и в одной рубашонке. Видя, что все поиски напрасны и уже стали возвращаться и расходиться по домам, я объявил, что тот или те, кто его первые найдут, получат от меня награду десять рублей; это поддало жару и все бросились искать и на этот раз удачно: половина второго ночи раздались крики: «нашли, нашли». Оказывается, что Михайло Анкудинов, Николай Ермолов, Егор Борисов и Павел Митин нашли его довольно далеко отсюда лежащим у куэла; когда он увидел людей, то заплакал, а то лежал смирно. Его взяли и принесли: отец очень беспокоился... Когда его принесли, то собралось всё местное население: мужчины, женщины и дети; я велел его прямо принести домой, чтобы полусонного не испугать, затем выдал награду – очень понравившуюся не только получившим, но и всем, и все разошлись пить чай и докучать, так как раньше этим никто не занимался – все искали или ждали результатов поисков» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 295-296).

«18 сентября. Разбудили в 5 часов объявлением, что пропало две оселкиных бабы: пошли вчера за мохом; одни вернулись, а другие, обронив полные куклянки, куда-то скрылись. Местные пошли искать и дали весть сюда; народ собрался и хотел уже идти, да узнал, что я пришел, и приостановился. Узнав, что пропала Авдотья, я, по правде сказать, не поверил и приказал народу разойтись, оселкиных – плыть домой и завтра сообщить, придут или нет. Две здоровые бабы в двое суток не умрут, медведь их не заест – здесь они трусливы; а народ отрывать от работы не охота. Так не дали спать... 21 сентября... Бабы пришли, и сегодня их привезли ко мне. Конечно, врут; разнес и сказал, чтобы вперед этого не было...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 360-360 об., 361).

Ежедневные административные дела. Такого рода описания дают представления о рабочей повседневности администратора, о его распорядке дня, важнейших делах: «10 сентября. Погода прекрасная. Обходил Марково; осматривал постройки; всё более или менее в порядке. В управлении вставляли стекла. Начал выдачу: чаю, сахару и табаку не спрашивали, а главным образом, муку, прядева,

¹ Скорее всего, речь идет о Константине Терентьевиче Пржевалинском, Гижигинском окружном начальнике, статском советнике.

чайники; затем котлы, собачьи цепи; наконец – разный инструмент, преимущественно – стружья и мелкие стамески и долотья, стекла и замазку с гвоздями. Устал» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 355.).

«19 сентября... Старостам велел переложить и пересчитать корм; обменять заплесневелый и объявить общественникам о сборе с них. Решил покрасить, насколько хватит краски, купола, и сегодня казаки окрасили уже три купола зеленой краской. Вылили не дурно. Молодцы. 20 сентября... Казаки окрасили последний купол и крышу у колокольни; вышло совсем хорошо... 21 сентября. Сегодня общественники целый день возились с рыбой; переключивали, пересчитывали и обменивали попорченную, всё в порядке... 23 сентября... Пасмурно. Казаки колокольню красили уже белой краской; зеленой ушло больше 15 фунтов да белой около полупуда; завтра окрасим наличники у окон и рамы, и довольно; и то извёл около 50 ф. краски и банку олифы. Петр выварил черепа трех медведей и волка; выварил порядочно. Общественники стали собирать корм с нового улова; объявил насчет постройки второй поварни, не сказав, что дам за это четвертную; пусть это будет для них неожиданностью. Совсем не здоровится...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 360 об.-361 об.).

«10 октября... Велел засыпать ямы у домов, где брали землю и глину для домов, а то весною наполнятся водой, а сверху щепа с *н/ч*¹ – ничего не видать и легко утонуть ребятишкам и щенятам» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 364 об.).

Ярмарки. В 1860–1880-х годах XIX в. центр ярмарочной торговли с чукчами переместился с Анюя в с. Марково, значительно упало и число плательщиков ясака; возросла активность американских китобойных судов. В 90-х годах XIX в. в целях сдерживания стихийного наплыва иностранных коммерсантов и китобоев на Чукотке впервые учредили «Экономический капитал» и были созданы казенные склады в Ново-Мариинске, Усть-Белой и Маркове (Исаков, 1994: 19). Н.Л. Гондатти как представитель российского правительства немало сделал для упорядочения и контроля торговых отношений на Чукотке: запретил выезжать торговцам для торга поодиночке, назначал время и место торга, близкое к становищам чукчей, лично наблюдал за процессом торговли (Дубинина, 1997: 18). Гондатти писал, что «носовые чукчи подходят к Маркову, главным образом, около 10–25 декабря, часто же идут прямо к Еропольскому поселку и подходят туда немного позже. Пришедшие к Маркову располагаются от него верстах 5–30, торгуя здесь недели две, иногда даже меньше, и проходят, частью, к Еропольскому поселку, а частью, особенно дальние, возвращаются назад» (Гондатти, 1897с: 174).

В своем дневнике Гондатти делал заметки о приготовлениях и проведении в декабре 1896 г. ярмарки у поселка Вакариной протоки: «1 декабря – воскресенье. День сравнительно тёплый и тихий, наверное, пурга ждёт ярмарки. Гижигинских что-то нет, давно бы пора им приехать... 7 декабря. Холодно, тихо. Было немало чукоц; переписал около полутора человека; осталось теперь немного; кое-кто внёс ясак, но пока мало. Чай пили без конца. После обеда Петра отпустил за оленями – ему на свадьбу... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 369 об.-371 об.).

8 декабря... Приехали ламуты и сообщили, что снегу совсем нет – голая земля. Тихо, но холодно. 42 градуса. Устроили ограду; думаю, что завтра в ночь приедут. Расспрашивал ламутов и чукоц – устал даже писать, неловко очень... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 777). 9 декабря. Потеплее вчерашнего, тихо, только морозно. Днём приехало много чукоц на легких от Чикаево и от Пакульненских – есть и пушника, видимо, торг будет веселый; все радуются бегу и только сожалеют, что у многих олени устали. Переписал немало народу... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. 14. Л. 380). 10 декабря. Тихо -27°; небо темнеет. С шести часов утра стали наезжать Марковцы – всё у них хорошо, только Гижигинцев ещё нет. Сегодня приехали на легких ближние Каураляне – славят, что настоящие Каураляне идут сильно пушные – лучше прошлогоднего; подошел Чопляк с Тэнэнли – всё идёт пока хорошо; переписывал и расспрашивал; всё просят ружей за белых медведей, которых привезли немало. Все говорят, что снегу везде мало, но в общем в нижнем течении Анадыря больше, чем здесь, и по правому берегу больше, чем по левому. Все очень смиренны и тихи (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/14. Л. 382 об.)... Каураляне стали в первый год являться в Вакарину в прошлом году; в этом пришло их больше и, вероятно, станут ходить во множестве, в особенности, если снега будут глубокие или олени падать будут... Все расположились на берегу протоки, развели огни, и картина была довольно веселая; конечно, раньше у Вакариной ничего подобного не было... 12 декабря. Немного стихло, хотя все-таки метет; тепло. ... Сегодня торгу пушного не было и флаг не подымался. 13 декабря. Тихо, ясно – прекрасный день для бега, но ввиду того, что чукчи запоздали иные – просили бег отложить, и он состоится лишь завтра как для молодых, так и для старых, но только в разные запуски. Народу было немало, но торговались больше барахлом; всё-таки состоялись сделки: за 20 куниц и 5 бобров получил куль табаку, одну росомаху, 2 больших (по 17 ф.) железных котла, 1 малый чайник медный, 2 кирпичей, 2 головки, чашку, две прядки бус, огниво и колокольчики; даже за 3 пары больших моржовых зубов – большой (в 17 ф.) железный котел, 2 кирпича, ½ головки и 2 папуши. Около полудня приехали ездившие на Устье и к Утёсикам – доехали хорошо, только оттуда захватили сильные *н/ч* и ехали долго. В Посту всё благополучно, только чукоц мало. ... Вечером было пение и пляска. Благодаря гармонии, купленной Петром Мильковым за 5 кирпичей и

¹ *н/ч* – «не читается», автору статьи не удалось прочесть фрагмент рукописного текста

колокольчик; в Гижиге их покупают по 10–12 р.; а то по 2 собаки... 14 декабря. День теплый, но шел все время снег, что местами мешало бегам: прежде были бега молодых, среди которых затесались и старики, взяли приза Раытынкеа'у, Эпу'калэн, Атиыргын и Кукерин; затем бег – взяли два приза дети Ральинто; бег на оленях старых – взял первый приз наш Прокопий; затем борьба: Пана'нто, Эугнэто, Тэувиэкыу. Пушнины было немало и сделки были таковы: Тенепли сдал: 2 бобра, 20 красных лисиц, 7 песцов; получил за это: куль табаку, 1 гвоздяник большой, 1 железный маленький, 1 медный малый котел, 2 чайника, 27 кирпичей, 3 головки сахара, 1 росомаху. Рэтэнма'у за 20 куниц + 20 песцов + 5 красных лисиц – чайник, железный котлик, 20 ф. сахару, 25 кирпичей, ... в 35 папуш, 2 росомахи. Ночью приехали Гижигинские – ехали так долго потому, что все дожди. Успели сегодня немного поторговать. Была масса чукоч; к сожалению, из-за погоды нельзя было снять фотографии. 15 декабря. День теплый, тихий – утром и днём уехали почти все Марковцы, из которых остались только те, которые ездили к чукчам. Чукчи приезжали целый день – больше гостить, чем торговать, хотя иные привозили всё-таки разное барахло. Кое-что расспрашивал; переписывать не приходилось, но всё-таки переписал больше восьмисот человек; пожалуй – десятая часть всех чукоч...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/14. Л. 385-388). 16 декабря – понедельник... День тихий, но холодный -41°. Утром приезжали чукчи, причем один запоздавший даже был с пушниной: поехал он от края листовки сюда сутки и, не найдя торгующих, хотел затем все же не ехать назад, да вернулся назад. Здесь он к их обоюму удовольствию расторговали» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/15. Л. 93 об.).

В конце февраля проходила еще одна ярмарка: «Все торгующие и большинство жителей едут к Алчану для торговли с туманскими чукчами, летующими в верхнем течении реки Большой...» (Гондатти, 1897а: 153). Гондатти описывал в дневнике приготовления к ярмарке и собственно торг (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/16. Л. 416-418).

Общественная жизнь. В дневнике мы видим лишь краткий эпизод, характеризующий довольно сложные отношения, связанные с деятельностью сельских старост. Речь идет о Константине Ивановиче Кулиновском, старосте чуванской общины с. Марково. Всего в селе было 5 отдельных обществ, каждое под управлением своего выборного старосты: чуванское, юкагирское, ламутское, мещанское и крестьянское. А.В. Олсуфьев, находившийся весной 1893 г. в с. Марково, характеризовал сложившуюся систему местного самоуправления как малоэффективную, «дискредитированную», исключением считая старосту Кулиновского: «... оказался человеком толковым и распорядительным; он так сумел себя поставить относительно других старост, что многие вопросы, касающиеся всего населения, решаются почти исключительно его волей. Если б не Кулиновский, никакие распоряжения Гижигинского окружного начальника не могли бы быть приведены в исполнение среди постоянного разногласия. Однако тот же Кулиновский, когда Чуванское общество, тяготясь вероятно его властью, или, вернее, будучи недовольно его связью с местными кулаками, вздумало сместить его, прямо отказался исполнить требование общества – передать печать и кортик новому старосте» (Олсуфьев, 1896: 31). Так он поступал дважды, пользуясь расположением к нему начальства. Судя по всему, через три года терпение жителей иссякло и они обратились с жалобой к Н.Л. Гондатти: «3 июня. День сильно ветреный и пасмурный, хотя и без дождя; казаки целый день красили «чукчу» и новый вельбот, а ко мне целый день ходили больные и затем по делам, как общественным, так и частным. Сегодня развенчивали Кулиновского. Узнав, что я не сочувствую дать ему работника на год, общественники сегодня собрали сходку и предъявили ему ультиматум: или ему не дадут работника, или пусть ему положен пай; на последнем и порешили. Причем общественные ходоки ходили ко мне не раз от схода и было видно общее желание, чтобы Кулиновский больше старостой не был; что же я против этого ничего не имел, но только не теперь, а осенью по приезду пусть выбирают, кого хотят, думают Данилу, ну что ж – мужик он дельный и разумный; а н/ч я потому отложил до осени, что может быть удовлетворят иное предложение об уничтожении обществ и тогда придется выбирать единого крестьянского старшину; хорошо это было бы» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 299 об.-300).

Гондатти – врач. Помимо ежедневной административной работы, Гондатти приходилось выполнять обязанности сельского доктора: «7 мая... Когда я уже лег спать, как вдруг прибегают от Шипициных – девочка выпила скипидар; конечно, встал, захватил рвотного, дал ей – а она уже стала как будто засыпать и только всё за живот хваталась; приняла рвотное – вырвало – сперва просто, а потом «голым» скипидаром»... Тут же осмотрел вторую девочку: «сильная горловая боль – наверно жаба¹; велел отделить других детей, а то чего доброго все перехворают, особенно теперь – везде вода, солнце – бегают, дома не удержишь, ноги промочат и были таковы; к счастью, ещё никого теперь не умерло; а будет эпидемия – беда. Хотя меры – не дай бог эпидемий, приму драконовские (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 287об.)... жалко Зиновьева – серьезно болел – сильнейшее воспаление в левом легком, как бы не умер, к тому же организм истощенный, да и болезнь он запустил... Готовил лекарство для больных (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 299-300об.). Приходило множество народу за лекарствами; почти все разобрали... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 302)... 30 ноября. Как и вчера, ходил по больным – что-то их стало много; но опасные поправляются» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 369об.).

¹ Горловая жаба – устаревшее название ангины (острого инфекционного заболевания).

Официальные бумаги, отчеты. «24 мая ... Дописал вчерне свой годичный отчет – старался по возможности сократить, но всё-таки вышло полных 15 листов». 30 мая... Сегодня просмотрел свой отчет (вышел солидный – тексту 27 листов, да таблиц почти 10 листов сплошных – интересно знать – читают его или нет) и запечатал и даже на почту сдал, и сегодня сравнительно отдыхаю, да и пора, а то и руки, и глаза, и спина все заболели. С завтра примусь писать остальные бумаги, чтобы к пятому быть чистым от всего. Казаки сегодня возились с парусами. 31 мая... Казаки работали над разными мелочами у флотилии, а я понемножку писал таблицы об Анюйской ярмарке – надо докончить письмо до комара, а то не даст, а он скоро и придет – с Акулины непременно. Завтра июнь – надо понемногу собираться в путь; дней через 15 придем» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 293 об.-296 об.).

Надзор за школой. В статье «Сведения о поселениях по Анадыру» Гондатти уделил внимание и деятельности марковской школы. Он писал, что ее открыли в 1883 г. по ходатайству местных жителей. «Учителем состоял полуграмотный самоучка, обруселый чуванец, который все свое время уделяет обучению детей и, несмотря на свои небольшие познания, он все-таки научает детей читать и немного считать и писать, так что, благодаря ему, в Маркове почти во всякой семье есть кто-нибудь, умеющий читать...» (Гондатти, 1897b: 90). В своих дневниковых записях Гондатти несколько раз упоминал о школе. Из них видно, что качество обучения сильно волновало Николая Львовича: «30 мая: Сегодня всё утро в плоть до обеда сидел в школе; спрашивал у малых и взрослых; читали, заставили рассказывать, делать устные легкие задачи и в общем результат ниже всякой критики. Читают иные быстро, но без всякого толку; и совершенно не понимают того, что читают; да и помимо того, меня удивило то, что дети сами по себе не развиты и многого не знают из обыденной жизни: какие растут деревья, для чего собирается мох, с какого дерева береста; чем отличается сухой корм от круглого и т.д. На легких задачах ещё мальчики ничего, ну а девочки никуда не годятся. Вообще впечатление не из радостных. Молитв иные совсем не знают, а объяснить что-нибудь, например, «Отче наш» никто не может. Завтра пойду допрашивать остальных, так как я н/ч по месту, которое каждый занимает, то поэтому попадают разные, но в общем все худшие. Непременно с будущего года раз в неделю буду ходить в школу рассказывать, читать, повторять прочитанное и легкая арифметика; вспомню своё преподавательство – тряхну стариной, а то совсем уж плохо. Может быть, удастся внедрить новый дух – вот было бы хорошо. 31 мая. День прекрасный – все время после обеда сидел в школе, и вчерашнее впечатление не изменилось – плоховато. В 4 часа сказал, что учение до осени прекращается; что они летом должны повторять, а кто умеет, тот и писать; велел Афанасию раздать бумаги и карандашей; сказал, что если они летом будут забывать, что им преподается зимою, то никакого из этого не выйдет толку; это все равно, что воду носить дырявыми ведрами...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 294 об.-296 об.).

Праздники, досуг, памятные даты. Н.Л. Гондатти ввел традицию празднования государственных праздников – «царских дней». Это дни, установленные в память о важнейших событиях из жизни царственного дома, например, день рождения, крещение, коронация, венчание и т.п. В указанные дни в храмах служили особый молебен, для людей устраивали праздник с представлениями, угощениями, подарками. Н. Дубинина в своей книге пишет, что среди чукчей было введено празднование царского дня, который отмечался с торжественностью, насколько это было возможно, с угощением всех приходивших чукчей рыбой, хлебом, кашей, чаем, с устройством атлетических игр, награждением победителей, которыми были не только мужчины, но и женщины (Дубинина, 1997: 19).

«25 мая. Погода пасмурная; тихо – начинал раза три не меньше моросить дождь. Сегодня царский день¹ и потому работы нет – я н/ч, что успел засмолить свою флотилию – за два праздника успеет даже при такой погоде более или менее просохнуть... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 293 об.). 21 сентября... Приказал завтра собраться народу на молебен по случаю Св. Коронации... 22 сентября. Было молебен. Колокольный звон и поздравления. Народ праздновал, но без выпивки, видимо, плохо. Охал, что нет. С удовольствием угостил бы. Погода прекрасная... 23 сентября. Звон и сегодня... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 361-361 об.). 6 октября – воскресенье... Уже на этой неделе собираемся ехать. Была у казаков прощальная вечерка; народу было немного. Плясали и пили хорошо по-здешнему; на чаек и я зашёл после ужина (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 363 об.). 17 октября. Было молебен, и грустно вместе с тем было слышать «вечная память» Александру III... 21 октября. Холодно – первый такой день. Получаю празднования восшествия на престол – была школа и гости; школьникам дал сало, сахару, булок, молока, и они днём устроили «вечерку» (не совсем для него подходящее название). Были все очень веселы и здорово отплясывали... (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 365 об.). 26 ноября. Храмовой праздник (Иннокентия) и Царский день. Были с Крестом и с поздравлениями» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 369 об.).

Этнографические записи, наблюдения. Н.Л. Гондатти оставил в дневниках много записей о традиционных праздниках, обычаях, о беседах с местными жителями по различным вопросам. Например, описан девичник и свадьба марковчан (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/11. Л. 290 об.-291 об.),

¹ 14 мая 1896 г. была коронация императора Николая II, все дни с 6 мая по 26 мая 1896 года были объявлены Коронационным периодом.

легендарные истории о своих родственниках (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/12. Л. 347об.-349). Со слов оленевода Омрироля записаны традиционные чукотские похороны: «Омрироль рассказал следующее про похороны (у него на днях умерла сестра жены): Прежде чаще жгли покойников, чем теперь – чище они были – раны реже встречались, и теперь ещё жгут, но реже, и во всяком случае только чистых, иначе очаговый огонь разгневется и в юрте той все заболеют язвами и перемерут...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 371 об.-375). В описании даются способы погребения, последовательность исполнения обряда сжигания покойника, приметы и запреты, связанные со смертью.

Также Гондатти в дневнике подробно рассказал о чукотских шаманах и заговорщиках, о божествах *Тэнантом'г'ын*, *Э'п*, *Ва'ыр'г'ын* и *Тэву'ьсву*: «Прежде заговорщики (*эу'яньвулэн*; заговор *эуя'н*; знающая баба – заговорщица – *ги'рлэтинэу'сы'хат*) и шаманы (*энэ'нэлэн*) были сильные: бывало нужда начнётся где-либо, выведут шамана к морю, убьют – он побудет у богов, узнает, в чём дело; вернётся, оживет и скажет, что надо делать, чтобы нужда прошла. Прежде *эрккаляуль* умерших воскрешали, а теперь только с молодыми мужиками любят лежать...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/13. Л. 376об.).

«Два бога творили: небесный *Тэнантом'г'ын*, живущий на четвертом небе и *Э'пы* (Марковцы его тоже почитают, зовут *Апой*, дедушкой), живущий в земле; он имеет вид человека, как и его жена, только весь мохнатый; одет всегда во все чистое, часто меняет одежду и любит чистоту, поэтому когда в августе пригоняют стадо к юртам, чтобы бить пыжиков, когда жертвует, то надевает все чистые одежды, специально для этого сшитые и после праздника складываемые опять до следующего года...» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/15. Л. 394-399).

Довольно многочисленны рассказы о жизни чукчей, коряков, эвенов, эскимосов, о том, как соседние народы воспринимали друг друга: «Айг'вуан жили постоянно на тех же местах и с ними чукчи как сидячие, так и оленные никогда не дрались – не стоило: они были очень бедны и всячески заискивали в чукчах, особенно в оленных; зато оленные с сидящими чукчами (пользуясь их байдарми) а также и нашими Айг'вуанами нередко делали набеги на остров Эйг'оэнг и на Американский берег, причем мужчин убивали, а женщин уводили в плен, а также и подростков, которых держали у себя в качестве работников или продавали другим, не участвовавшим в набегах; иногда такого пленника женили на ком-нибудь из своих (если он нравился и был старателен, особенно в малосемейных и табунных чукоч) и от него затем происходил свой род оленных и теперь есть такие оленные, но их немного. Чукчи как оленные, так и сидячие охотно брали себе жен не только от чукоч, но и от Айг'вавов наших и заречных коряк, ламутов, только не помнят, чтобы брали от чуванцев, которых вообще было немного и которые были пакостливым народом – воровали оленей, нападали во множестве на одиноких и т.д.» (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/16. Л. 416-416об.).

Также в дневнике Л.Н. Гондатти имеются наблюдения местных жителей за животными. С их слов описаны места обитания дикого оленя, особенности промысла пушных зверей (АМЦНЧ. ЧОКМ 8140/14. Л. 382-382об., 384-385; 8140/15. Л. 399об.; 8140/16. Л. 416об.-417).

5. Заключение

Корпус личных документов служит весомым дополнением, а иногда и единственным источником для реконструкции исторической реальности, свидетелем которой был их автор. Так, дневники Л.Н. Гондатти помогают раскрыть различные стороны характера и жизни начальника Анадырской округи, его отношение к местным жителям, к вверенным ему делам. Немаловажно и то, что чукотский период Гондатти 1894–1897 гг. стал началом его блестящей политической карьеры, прерванной в 1917 г.

Литература

Архив МЦНЧ – Архив Музейного центра «Наследие Чукотки». Тетрадь (Т) 26 (ЧОКМ 8140/11), Т. 28 (ЧОКМ 8140/12), Т. 29 (ЧОКМ 8140/13), Т. 30 (ЧОКМ 8140/14), Т. 31 (ЧОКМ 8140/15), Т. 32 (ЧОКМ 8140/16), Т. 33 (ЧОКМ 8140/17), Т. 34 (ЧОКМ 8140/18), Тетрадь с переписью поста Ново-Мариинск (ЧОКМ 8140/26).

Богораз, 1901 – Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской Академии наук // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Имп. Акад. наук. СПб., 1901. Т. 1. 66 с.

Гондатти, 1897а – Гондатти Н. Оседлое население реки Анадыра // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1897а. Т. III. Вып. 1. С. 111-165.

Гондатти, 1898 – Гондатти Н. Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. IV. Вып. 1. С. 1-42, I-XXVII.

Гондатти, 1897б – Гондатти Н. Сведения о поселениях по Анадыру // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1897б. Т. III. Вып. 1. С. 71-110.

Гондатти, 1897с – Гондатти Н. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1897с. Т. III. Вып. 1. С.166 - 178.

- Дубинина, 1997** – *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. 205 с.
- Исаков, 1994** – *Исаков А.Н.* Краткие очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII–XIX вв.): Препринт. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1994. 50 с.
- Миллер, 1897** – *Миллер В.Ф.* Об эскимосских наречиях Анадырского округа (на основании материалов, собранных Н.Л. Гондатти) // *Живая старина*. 1897. Вып. 2. С. 133-159.
- Олсуфьев, 1896** – *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1896. 245 с.
- Прикладная этнология..., 2020** – Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году) / [Отв. ред. О.П. Коломиец, И.И. Крупник. М.: Изд-во PressPass, 2020. 468 с.

References

- Prikladnaya etnologiya..., 2020** – Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnye znaniya, muzei, kul'turnoe nasledie (K 125-letiyu poezdki N.L. Gondatti na Chukotskii poluostrov v 1895 godu) [Applied ethnology in Chukotka: indigenous knowledge, museums, cultural heritage (Celebrating 125th Anniversary of N.L. Gondatti's Trip to the Chukchi Peninsula in 1895)]. Otv. red. O.P. Kolomiets, I.I. Krupnik (2020). M.: PressPass, 468 p. [in Russian]
- Archive CHMC** – Arkhiv Muzeinogo tsentra «Nasledie Chukotki» [Archive of the «Chukotka Heritage» Museum Center]. Tetrad' (T) 26 (ChOKM 8140/11), T. 28 (ChOKM 8140/12), T. 29 (ChOKM 8140/13), T. 30 (ChOKM 8140/14), T. 31 (ChOKM 8140/15), T. 32 (ChOKM 8140/16), T. 33 (ChOKM 8140/17), T. 34 (ChOKM 8140/18), Tetrad' s perepis'yu posta Novo-Mariinsk (ChOKM 8140/26). [in Russian]
- Bogoraz, 1901** – *Bogoraz, V.G.* (1901). Oчерk material'nogo byta olennykh chukchei, sostavlennyy na osnovanii kolleksii N.L. Gondatti, nakhodyashchikhsya v Etnograficheskom muzee Imperatorskoi Akademii nauk [A sketch of the material life of the Chukchi reindeer, based on the collections of N.L. Gondatti, located in the Ethnographic Museum of the Imperial Academy of Sciences]. Sbornik Muzeya po antropologii i etnografii pri Imp. Akad. nauk. SPb., Vol. 1, 66 p. [in Russian]
- Dubinina, 1997** – *Dubinina, N.I.* (1997). Priamurskii general-gubernator N.L. Gondatti [Priamursk governor-general N.L. Gondatti]. Khabarovsk, 205 p. [in Russian]
- Gondatti, 1897a** – *Gondatti, N.* (1897a). Osedloe naselenie reki Anadyra [Sedentary population of the Anadyr River]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO. Khabarovsk, Vol. III, Is. 1, pp. 111-165. [in Russian]
- Gondatti, 1897b** – *Gondatti, N.* (1897b). Svedeniya o poseleniyakh po Anadyru [Information about the settlements along Anadyr]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO. Khabarovsk, Vol. III, Is. 1, pp. 71-110. [in Russian]
- Gondatti, 1897c** – *Gondatti, N.* (1897). Sostav naseleniya Anadyrskoi okrugi [Composition of the population of the Anadyr district]. Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Khabarovsk, Vol. III, Is. 1, pp. 166-178. [in Russian]
- Gondatti, 1898** – *Gondatti, N.* (1898). Poezdka iz s. Markova na r. Anadyre v bukhtu Provideniya (Beringov proliv) [A trip from the village. Markov on the r. Anadyr to Provideniya Bay (Bering Strait)]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO, Vol. IV, Is. 1, pp. 1-42, I – XXVII. [in Russian]
- Isakov, 1994** – *Isakov, A.N.* (1994). Kратkie очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII-XIX вв.): Препринт. [Brief essays on the history of Russian trade in the North-East of Siberia and Alaska (XVII-XIX centuries): Preprint]. Magadan: SVKNII DVO РАН, 50 p. [in Russian]
- Miller, 1897** – *Miller, W.F.* (1897). Ob eskimoskikh narechiyakh Anadyrskogo okruga (na osnovanii materialov, sobrannykh N.L. Gondatti) [On the Eskimo dialects of the Anadyr district (based on materials collected by N.L. Gondatti)]. *Zhivaya starina*. 2: 133-159. [in Russian]
- Olsufiev, 1896** – *Olsufiev, A.V.* (1896). Obshchii очерk Anadyrskoi okrugi, ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya [General outline of the Anadyr district, its economic condition and life of the population]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 245 p. [in Russian]

Дневник начальника Анадырской округи Н.Л. Гондатти

Оксана Петровна Коломиец ^{а, *}

^а Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: okkolo@mail.ru (О.П. Коломиец)

Аннотация. Статья посвящена уникальным историческим материалам – дневниковым записям второго начальника Анадырской округи, а впоследствии видного российского государственного деятеля Николая Львовича Гондатти.

«Архив Гондатти» хранится в фондах музейного центра «Наследие Чукотки». Документы представляют собой рукописные оригиналы записей чиновника. Помимо дневниковых записей Николая Львовича Гондатти (1860–1946 гг.), сохранились фрагменты его переписки с марковским учителем Афанасием Ермиловичем Дьячковым (1840–1907 гг.).

Уникальность этих документов состоит, прежде всего, в том, что они написаны простым, не канцелярским, живым языком. Дневник вел человек, который волею судьбы попал на Чукотку в должности чиновника-администратора. Н.Л. Гондатти писал о бытовых мелочах, повседневных административных делах, досуге, тревогах, происшествиях, личных переживаниях, часто вел путевые заметки. В записях так же нашлось место его наблюдениям как натуралиста и этнографа.

Дневник состоит из ежедневных авторских записей за период с 7 мая 1896 г. по 18 октября 1897 г. (за исключением периода с 18 июня по 1 сентября 1896 г., так как этой тетради нет в наличии). Записи в дневнике различаются по объему и содержанию: иногда автор делал только отметки о погоде, иногда фиксировал наиболее важные события, в некоторые дни записывал довольно объемные и информативные рассказы собеседников и свои собственные рассуждения по различным вопросам. В статье приводятся избранные выписки из дневника 1896–1897 гг., сгруппированные по определенным темам.

Ключевые слова: Северо-Восток России, Чукотка, начальник Анадырской округи, Гондатти, личный дневник, исследовательская деятельность, коренные жители.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2598-2608. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2598
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Objects of Historical And Architectural Heritage of Volgograd: Urban Environment of Tsaritsyn at the turn of the XIX-XX centuries

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Elena O. Danilova ^a, Oksana A. Karagodina ^a

^aVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the history of creation of architectural objects surrounding the main Alexander square in Tsaritsyn. The buildings belong to the historical and cultural heritage of Volgograd (Tsaritsyn) of the late XIX – early XX centuries, but were seriously damaged or lost during the battles for Stalingrad. The original purpose of buildings is shown. The historical mission of representatives of business circles in the formation of the architectural appearance of the urban environment and its individuality is outlined. This historical analysis is necessary for subsequent computer modeling of historical and cultural objects of Tsaritsyn-Stalingrad, based on the methodology of 3D reconstruction of structures. This approach is partly able to present to contemporaries various stages of the existence of historical monuments, to fix the current state of architectural objects for future generations. Historical buildings and structures suffered from wars, regime changes, atheistic propaganda and worldviews of the new owners, so they need to be protected and restored, and objects lost to posterity should be studied using new methods of reconstruction and compositional modeling.

Keywords: Tsaritsyn, cultural heritage, Alexander square, hotel, architectural style, cultural center, merchant's mansion.

1. Введение

С конца прошлого века среди тем социально-философского и гуманитарного дискурсов особое место по своей значимости заняла проблематика исторической и культурной памяти как составляющих памяти народной. Принимая во внимание многие аспекты, историческую память мы связываем со сведениями и информацией, мифами и историческими сообщениями, которые бережно хранятся поколениями предков и передаются потомкам. Историческая память может рассматриваться как фактор, влияющий на измерения социальной (коллективной) памяти опыта народа, отдельных этносов и групп на происходившие крупные социальные сдвиги или катастрофы, военные конфликты и великие победы. При всем том здесь всегда присутствует оттенок политической/идеологической ангажированности. Культурная память народа накапливается веками, опредмечивается, преобразуется в восприятие объекта, т.к. связана с его непосредственным существованием. В итоге она преобразуется в культурное наследие, охватывающее части материальной и духовной культуры.

Наш научный интерес связан с историко-культурным наследием, причем с частью памятников недвижимой материальной культуры, созданной ушедшими поколениями. Именно творения людей ассоциируются с духовными и материальными ценностями, созданными ими в определенную эпоху, по которым можно судить о культуре и обществе в целом.

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), danilovaelena@volsu.ru (E.O. Danilova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

Образцы архитектурного наследия Царицына конца XIX – начала XX вв. – провинциального волжского «купеческого» города – в полной мере соотносятся с духовными и материальными ценностями, несущими эмоционально-значимую информацию, способную оказывать влияние на развитие социума, являясь при этом базисом коллективной исторической памяти.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе исследования авторы использовали широкий круг источников:

1) иллюстрированные материалы – исторические фотографии, планы города 1909, 1913 гг. (на которых архитектурные объекты Царицына запечатлены до реконструкции Сталинского времени, соответственно до разрушения в период боев за Сталинград);

2) печатные справочные материалы досоветского периода, местные газеты, содержащие ценную информацию по истории сооружения зданий, о персоналиях, являвшихся инициаторами их строительства;

3) архивные материалы фондов государственного архива Волгоградской области Ф. № 2 («Царицынская Городская Управа»), материалы из фондов личного происхождения – Ф. № Р-790 («Конов Лев Иванович – фотокорреспондент»); госархива Саратовской области Ф. 176 («Саратовское губернское по делам об обществах присутствие»);

4) научные статьи отечественных исследователей, посвященные особенностям архитектурных стилей и эклектики, в частности, также работы, анализирующие архитектурное наследие волжских городов.

2.2. Работа основывается на междисциплинарном подходе к исследованию истории архитектурного наследия Волгограда. С этой целью привлечены как общенаучные, так и специальные методы, к которым мы относим культурологический подход. Метод системного анализа применялся для возможности рассмотрения общего, единого культурного пространства города Царицына, сформировавшегося на основе купеческой архитектуры. Историко-генетический метод позволил определить главные направления в развитии архитектуры города, выявить преобладающие стили. Для воссоздания облика центральной части города – архитектурного ансамбля Александровской площади и прилегающих к ней улиц – применялся метод исторической и логической реконструкции. В осмыслении результатов созидательной деятельности человека, общества в контексте исторической реальности использовался культурологический подход. С этой целью для понимания ушедшей эпохи недостаточно только наблюдать историко-архитектурный памятник. Имеется необходимость в осмыслении явлений и тенденций, происходивших в провинциальном обществе, следовательно, и в понимании системных связей между объектами материальной культуры (зданиями, сооружениями) с воззрениями, принципами и образом жизни их владельцев – царицынских купцов и почетных граждан, которые в целом и формировали культурную среду. Вместе с тем результаты исследования немногочисленной группы материальных памятников – историко-архитектурных объектов – позволяют утверждать, что они представляют доминанту культурного наследия города.

3. Обсуждение

Основателем теории исторической памяти является французский философ и социолог Морис Хальбвакс. Однако его научные взгляды современники смогли оценить лишь десятилетия спустя. В 1950 г. был издан труд «La Mémoire collective», в который вошли основные работы по коллективной памяти, в русском варианте это «Социальные рамки памяти» (Хальбвакс, 2007). Труд посвящен социальной природе памяти – коллективной и индивидуальной, причем сам термин «коллективная» или «социальная память» был введен М. Хальбваксом в научный оборот еще в 1925 г. Автор отмечал: «Потребность написать историю какого-либо периода общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» (Хальбвакс, 2007: 12). Среди отечественных ученых исследования проблематики исторической памяти проводят И.М. Савельева, Е.В. Романовская, Л.П. Репина и др. Философ Е.В. Романовская подчеркивает: «Одно из определений памяти заключается в том, что она – создательница прошлого, ее способность – находиться во времени. Универсальное значение – это отбор, хранение и воспроизведение информации» (Романовская, 2010: 40). Т.Э. Рагозина проводит сравнительный анализ культурной памяти и памяти исторической. Культурная память рассматривается с позиции объективного механизма воспроизводства социокультурного целого. Историческая же память характеризуется как опосредованное и идеологически ангажированное отражение социальной действительности (Рогозина, 2017: 12).

Культурная память, накапливаемая веками, преобразуется в культурное наследие, частью которого является архитектурное наследие. Историю архитектуры городов Поволжья, в т.ч. купеческих усадебных комплексов и особняков исследует Л.Д. Зименкова (Зименкова, 2013). Волгоградские авторы С.А. Аргасцева, Л.В. Гуренко, Е.П. Жорова занимаются изучением историко-архитектурного наследия Царицына–Сталинграда (Аргасцева и др., 2004). Для анализа отличительных черт архитектурных стилей в градостроительстве, в т.ч. Царицына, основой стала

работа архитекторов Т.Ф. Давидич и Л.В. Качемцевой (Давидич, Качемцева, 2015). Эти же авторы представляют периодизацию развития комплекса разнородных стилей эклектики.

4. Результаты

Памятников градостроительной архитектуры гражданского назначения, относящихся к досоветской эпохе Волгограда, осталось немного, в отличие от производственно-хозяйственных построек и железнодорожных станций того же периода¹. Задачи по восстановлению особняков, дворцов, зданий училищ, банков, безвозмездно переданных в 1918 г. советским учреждениям и организациям, после битвы за Сталинград не ставились. Например, в мае 1943 г. по заключению комиссии, рассматривающей вопросы восстановления Сталинграда, было решено провести перепланировку центра города, на отдельной части (4 га) – от набережной Волги до железнодорожного вокзала (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 195. Л. 66-67). Перепланировка затронула большую, чем планировалось, территорию.

Под снос шли многие уникальные для провинции здания, отличавшиеся до войны красотой архитектуры и оригинальностью эстетических вкусов зодчих. Например, в список объектов архитектурной культуры, выражавшей образное представление о городской среде, можно занести дворец коммерсанта и благотворителя К.В. Воронина, выполненный из белого итальянского мрамора (впоследствии дом пионеров); замок купца В.М. Миллера, построенный в западноевропейском стиле; дом М.А. Божескова, отличавшийся внешней нарядностью и своеобразными деталями купеческого декора. Подобным образом были выполнены здания реального училища, мужской гимназии (ныне часть здания областной администрации). Многие строения досоветского периода могли быть сохранены, т.к. оставались относительно целыми. Однако реалии восстановления города таковы: проектирование участков застройки предполагало создание иного архитектурно-художественного облика – города-воина. Решено было строить новый город «...с возведением в Сталинграде монументальных зданий, отражающих героическую эпопею обороны Царицына–Сталинграда» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 195. Л. 66). Согласно поставленным задачам, в творчестве сталинградских архитекторов превалировала мемориально-триумфальная тема.

Сегодня хорошая сохранность объектов исторического градостроения свойственна лишь отдельным зданиям в Центральном районе Волгограда, историю некоторых из них рассмотрим далее. В соседнем Ворошиловском районе города также имеются неплохо сохранившиеся бывшие купеческие особняки и гимназия. В наши дни здания принадлежат Казачьему театру и Архитектурному университету.

Важными носителями исторической памяти, с одной стороны, а с другой – источниками исследования культурного наследия, в частности городской среды и архитектуры Царицына, являются следующие объекты: Дом науки и искусств (театр НЭТ), пожарная вышка (каланча), Волжско-Камский банк (ныне корпус краеведческого музея), Мариинская женская гимназия (Комитет статистики), особняк Ю.Д. Репниковой (мемориально-исторический музей), жилой дом братьев Серебряковых, здание 4-й женской гимназии (Казачий театр). Гостиница «Столичные номера», а ныне «Волгоград» также относится к культурно-историческому наследию региона, хотя и претерпела архитектурную реконструкцию в 1930-х гг., когда был надстроен четвертый этаж, а затем в 1950-х при ее восстановлении (Олейников, 2012: 89-90). Все перечисленные объекты обладают особенностями, послужившими основаниями для занесения в госреестр по охране памятников культурного наследия регионального значения (Список объектов...).

Лучшая царицынская гостиница «Столичные номера» располагалась на Городской площади, которая в конце XIX века стала именоваться Александровской (с 1920 г. – Площадь Павших борцов). С изучением архитектурного ансамбля этой площади связаны наши научные цели, в задачах которых – исследование архитектурного наследия Царицына, его знаковых и сакральных мест, сегодня частично или полностью утраченных для потомков. Впоследствии для более глубокого изучения на основании собранных, систематизированных материалов с использованием метода 3D исторической реконструкции и научного эксперимента будет воссоздана архитектура центральной части Царицына, в дальнейшем – довоенного Сталинграда.

До возведения Александро-Невского собора гостиница являлась архитектурной доминантой площади. Строительство здания проходило в несколько этапов. Вначале в 1890 г. был построен главный корпус трехэтажной гостиницы в виде прямоугольника, с фасадом, выходившим на городскую площадь, а впоследствии появились еще три его крыла. В итоге гостиница, рассчитанная на 75 номеров, получилась в форме замкнутого квадрата, причем корпуса выходили на центральные улицы города – Московскую, Ломоносовскую, Пушкинскую, Спасскую. По периметру здание занимало весь небольшой квартал в границах нынешней гостиницы «Волгоград».

Владельцем «Столичной» являлся потомственный почетный гражданин Воронин Василий Алексеевич – основатель торгового дома «Воронин В. и Сыновья», в состав которого входил крупный

¹ Это касается также и других объектов на территории Волгоградской области. Например, пещер Усть-медведицкого монастыря (Stepkin, 2019).

маслобойный завод с годовым оборотом в 320 тыс. руб., магазины, лавки и склады в других городах (Литвинова, Карагодина, 2019: 1182). Помимо этого, он обладал крупной недвижимостью в черте города и за его пределами, в т.ч. поместьем в селе Елшанка Царицынского уезда. Коммерсант принадлежал к деловой элите Нижнего Поволжья.

При гостинице имелся ресторан, отличавшийся отменной кухней и считавшийся лучшим в городе, согласно воспоминаниям путешественников по Волге (Андреев, 1915: 294). Первые этажи всех корпусов гостиницы сдавались в аренду под магазины как узкоспециализированных, так и со смешанным ассортиментом товаров. Несколько помещений занимал театр «Буф», ставивший комедии, водевили, устраивавший маскарады для состоятельной публики.

Доходы и благосостояние В.А. Воронина росли, что позволяло не только расширять маслобойное производство, гостиничный бизнес, но и заниматься благотворительной деятельностью. На совместные средства с сыном, К.В. Ворониным, в 1905 г. была построена деревянная церковь во имя Св. Благоверного князя Александра Невского в с. Елшанка, что в 3 верстах от города (Ниже-Волжская). С 1909 г. гостиница стала собственностью Константина Воронина.

До официального открытия Царицынской товарно-сырьевой биржи (1901 г.) в ресторане «Столичных номеров» долгое время негласно работала купеческая биржа, представлявшая собой некий клуб царицынских и астраханских заводчиков и торговцев с высоким уровнем доходов. Стоит отметить, что от результатов торгов и сделок этого «клуба» зависели цены на внутреннем российском рынке на соль, рыбу и керосин, а позднее – на лесопильную продукцию. Здесь же проводились коммерческие собрания.

Все города строились по официально утвержденным градостроительным планам. Архитектурный ансамбль Александровской площади, где находилась гостиница, формировался в течение 3-х десятков лет и сложился из трех основных частей. Северную часть занимали купеческие особняки и магазины; в южной части – гостиница «Столичные номера» и «Дом науки и искусств»; с западной стороны – перспектива ул. Гоголя (до 1909 г. Елизаветинская) с особняками В.Ф. Лапшина (угол ул. Анастасийской), его конторой пароходной компании «Русь», рядом же находился дом А. Яблокова с конторой одноименного торгового товарищества. Замыкалась перспектива улицы привокзальной площадью и вокзалом Грязе-Царицынской железной дороги (План города). Сегодня не существует противоположной нечетной стороны улицы, сильно пострадавшей в дни тотальной бомбардировки противником города 23–26 августа 1942 г. В рассматриваемый период здесь находились две лучших после «Столичной» гостиницы, проходила трамвайная линия. Царицын был единственным уездным городом, где имелся трамвай.

Следовательно, по периметру Александровской площади с двумя ее скверами, Александровским и Гоголевским, располагались купеческие особняки, роскошные магазины и гостиницы. Самыми примечательными и величественными по архитектуре в ансамбле площади были здания Александро-Невского собора и Дома науки и искусств. Возведенный собор высотой более чем 57 м. доминировал в ансамбле и являлся его композиционным центром (Иванов, Супрун, 2003: 184).

Единого стиля в архитектуре площади не наблюдалось. Тем не менее, визуальный анализ старых фотографий, кинохроники дает возможность рассмотреть интересные элементы декора фасадов и крыш домов, стоявших на перекрестках улиц (ГАВО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 3, 10, 13). Например, нарядно и оригинально выглядели угловые башенки и шпили особняков В. Лапшина, А. Яблокова, П. Смирнова, некоторых зданий общественного назначения. Эти архитектурно-композиционные особенности придавали силуэтам домов и перекресткам улиц запоминающийся и неповторимый вид. Можно воспользоваться архитектурным термином для передачи своеобразия проектировавшихся ранее крыш – так называемое «кровельное искусство». Вместе с тем все элементы декора: пилястры с прямоугольным сечением, венчающие карнизы и декорированные орнаментом фризы, башни – «фонари», «короны», полушария, шпили – создавали особую выразительность застройки и всего контекста городской среды.

Поэтому многие несохранившиеся здания Царицына с присущими им своеобразными формами фасадного декора мы относим к той части историко-культурного/архитектурного наследия, которое навсегда утрачено для волгоградцев. Отчасти исторические объекты можно будет восстановить с помощью геометрической трехмерной исторической реконструкции объектов для наглядности изучения, проведения виртуальных экскурсий по городу, однако колорит мелких декоративных деталей и красоту зданий передать будет сложно.

В сторону Волги, т.е. к восточной четвертой стороне от Александровской площади, вели ул. Московская, где располагалось множество магазинов, дом А.А. Репникова. Параллельно Московской шла Преображенская ул., обе пересекались Александровской ул. – главной дорогой, проходившей через центр города, замыкавшей площадь с восточной стороны. Здесь сосредоточивались здания делового Сити: городская управа, мещанская управа, сиротский суд, отделения Азовско-Донского и Волжско-Камского банков (План города Царицына, 1913). Около площади, на пересечении улиц Московской и Александровской, возвышался красивый трехэтажный дом коммерсанта М.В. Божескова, через дорогу, ближе к Волге, – лютеранская кирха, правее от нее на

углу ул. Успенской и Александровской, но значительно позднее (1914 г.) был построен театр-синемаграф «Парнас».

Обладателем этого огромного здания являлся хозяин маслозавода и успешный антрепренер В.М. Миллер. Кинотеатр на фоне общего колорита купеческого зодчества выделялся оригинальностью форм и новизной, т.к. построен был в стиле романтического модерна, отличавшегося богатым красивым декором. Архитектурный модерн перед Мировой войной входил в моду в волжских городах. В 1910-х гг. возникало множество построек со смешанными элементами неостилистики (историзма) и модерна на основе эклектичного метода (Давидич, Качемцева, 2015: 19). «В профиль здание напоминало пирамиду или странного рельефа гору». Трехъярусный зал кинотеатра вмещал 800 мест. Вместо лестничных проемов на второй этаж тянулся пандус, рассчитанный на проезд с улицы на автомобиле или пролетке до ложи, т.к. каждая ложа имела отдельный вход (Волгоградцам...). Подобный купеческий шик и пожелания хозяина принимались в расчет проектировщиком здания.

Разумеется, центральная часть города была наиболее благоустроенной. Главной проблемой городского самоуправления оставались дороги, т.к. большинство мощеных улиц и площадей находились в деловой и торговой части города.

Относительно городских «культурных гнезд», в начале 1900-х гг. в Царицыне действовало несколько театров: «Модерн», «Наука и жизнь», «Иллюзион Парфяно». Пожалуй, самым известным и популярным в городе театром была «Конкордия», принадлежавшая Владимиру Миллеру (Мухина, 1986: 7). Однако для строительства нового синемаграфа «Парнас» купец вынужден был продать ее другому владельцу. Лучшие концерты и городские торжества проводились в здании Общественного собрания, находившегося на набережной Волги. Здесь же в 1909 и 1912 гг. проходили концерты Ф.И. Шаляпина, ставшие важным событием для горожан (Андрианова, 1991: 28).

Исследователь Л.Д. Зименкова отмечает, что архитектурный ретроспективный анализ убранства купеческих домов и строений в Поволжье выявил особенности трех периодов: 1860–1890 гг. – архитектура в формах русского классицизма с чертами барокко; 1890–1900 гг. – «кирпичный стиль» с элементами историзма; 1900–1917 – различные формы модерна (Зименкова, 2013: 61).

На наш взгляд, приблизительно до конца 1890-х гг. в архитектуре провинциальных городов господствовали эклектика и стилизаторство, с характерным смешением различных стилей в одном сооружении. Заказчики отдавали предпочтение «кирпичному» стилю. В рамках эклектики зодчие ставили задачи обогатить фасады зданий множеством декоративных орнаментальных деталей, лепных украшений, о чем упоминалось ранее. Однако в российской эклектической архитектуре можно выявить несколько достаточно самостоятельных направлений, причем относящихся к разным временным рамкам. Приведем некоторые примеры из исследования архитекторов Т.Ф. Давидич и Л.В. Качемцевой: «русская готика» на фоне классицизма (1770–1800-е гг.); русско-византийский стиль (1815 год, 1830–1850-е гг. и до конца XIX в.); неоренессанс (1830–1920-е гг.); неobarocko и «бозар» (1830–1910-е гг.); византийский стиль (1860–1913 гг.); «кирпичный» стиль (1860–1890-е гг. и позже); неорусский стиль (1900–1910-е гг.); эклектика как сознательное смешение элементов различных исторических стилей (1770–1910-е гг.) (Давидич, Качемцева, 2015: 21–22).

В украшении фасадов, крыш имелось стремление самих владельцев особняков к демонстрации роскоши и респектабельности. Все же ценность строившегося объекта в основном зависела от вкуса и таланта зодчего, чем заказчика, но в итоге именно последние создавали городскую среду, поскольку имена архитекторов редко были известны горожанам. Иначе ситуация складывалась с именами владельцев зданий, они указывались в почтовых адресах, в т.ч. справочниках и рекламных объявлениях, например, адрес: «Царицын на Волге, Александровская пл., Собственный дом, Мануфактурный магазин Наследников И.С. Сивякова» или собственный дом Губанова, Рысина, дом Репникова, имение Лапшина и др. (Весь Царицын..., 1911: 33). Данное обстоятельство свидетельствует о важнейшей роли представителей деловых кругов – купцов, почетных граждан – в формировании индивидуальности городов Нижнего Поволжья.

В юго-восточной части Александровской площади, рядом со «Столичной» гостиницей, был воплощен весьма значимый для города проект, завершившийся 20 декабря 1915 г. В этот день, после двух лет строительства, состоялось открытие Дома науки и искусств, ставшее действительно историческим событием для жизни провинциального социума, о чем сообщалось в местной прессе (Волго-Донская копейка, 1915). О процессе строительства культурного центра, возводившегося с просветительско-образовательными целями для горожан всех сословий, трижды упоминалось в столичном архитектурном журнале «Зодчий», издававшемся Петербургским Обществом архитекторов (Зодчий, 1913: № 16: 23; № 17: 201; № 24: 273).

Необходимо отметить, что на рубеже XIX–XX вв., широкое распространение в российском обществе получили идеи народного, т.е. всеобщего просвещения и внешкольного образования. Подобные воззрения были популярны в кругах русской интеллигенции, полагавшей, что всеобщее образование и просвещение сделают общество гуманнее и доброжелательнее. Данная концепция стала настолько популярна, что правительство одобрительно относилось к организации подобных

культурных центров, получивших название «народных аудиторий» или «народных домов». Главной функцией народного дома считалось удовлетворение духовных потребностей и организация полезного и трезвого досуга для рабочих, младших приказчиков и прочих городских обывателей, причем благородная миссия должна была реализовываться на бесплатной основе.

При народной аудиторрии должны были работать библиотека, кружки художественного творчества, просветительские лектории и прочие «полезные для народа», особенно для заводских рабочих, мероприятия. На этой волне в Царицыне были организованы три народных аудитория. Лишь одна из них, существовавшая на средства потомственного почетного гражданина Александра Александровича Репникова, имела постоянный адрес местонахождения, хотя располагалась вдалеке от пл. Александровской.

У А.А. Репникова и его сподвижников появилась идея, уделяя внимание всем потребностям горожан в культурной и просветительской сферах жизни, иметь специально предназначенное для этих целей здание, отличающееся красотой и величием. Появилось название «Дом науки и искусств», в строительстве которого Александром Репниковым и его супругой Августой Репниковой были внесены значительные для Царицына средства.

Предприниматель А.А. Репников был известной в городе и губернском центре личностью, за заслуги в благотворительной сфере имел чин надворного советника, при этом являлся председателем городской Комиссии по попечению и наблюдению за учебными учреждениями уезда. Он входил в попечительные советы пяти учебных заведений и возглавлял Царицынское «Общество содействия внешкольному образованию» ([Волго-Донской край, 1914](#)).

Не исключено, что главной проблемой, подвигнувшей его на рассмотрение вопроса о строительстве культурного центра в городской думе, а затем кураторство и финансирование проекта, было отсутствие помещения для работы «Общества содействия внешкольному образованию» – любимого детища мецената и благотворителя. Именно А.А. Репников стал инициатором создания Общества в Царицыне, основанного в 1912 г., после утверждения устава и занесения организации в губернский реестр ([ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 765. Л. 5-5 об.](#)). Задачи Общества в основном совпадают с практиками народных аудиторий: устройство образовательных и профессиональных курсов, открытие библиотеки, читальни, проведение «народных чтений» (лекций), издание брошюр, книг, карт и прочего «по научно-просветительским вопросам» ([ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 765. Л. 24](#)).

Существенное затруднение в работе Общества доставляла ситуация с отсутствием постоянного (стационарного) помещения, поэтому мероприятия проводились в разных местах: в Народной аудитория на ул. Черниговской, в театральном зале Общественного Собрания и других местах. Аналогичная ситуация была свойственна местному отделению Императорского Музыкального общества, созданному в целях концертно-просветительской деятельности в 1910 г., и симфоническому оркестру при нем ([Смагина, 2018: 193](#)).

В связи с этими обстоятельствами в декабре 1912 г. городской думой было рассмотрено и одобрено заявление председателя двух этих обществ, А.А. Репникова и его супруги А.К. Репниковой, о разработке проекта и строительстве собственного здания для этих общественных структур – Дома науки и искусств ([ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 4](#)). Городская дума выделила на проект Дома 50 тыс. руб., Репниковы вначале – 100 тыс., затем еще 200 тыс. руб. (заимообразно) ([ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-4 об; Царицынский, 1916: 14](#)). Более того, А.А. Репников сам создал и возглавил Комитет по строительству Дома науки. Постановлением городской думы было определено место расположения культурного центра – Скорбященская площадь. В начале 1913 г. городская управа провела торги на поставку строительных материалов: 100 кубических саж. бутового камня и 200 кубических саж. песка ([Дом науки...](#)).

Подобные дома проектировались как универсальные общественные здания. В архитектуре 1905–1910-х гг. вновь был актуален неоклассицизм в качестве альтернативы модерну, который особенно внедрялся зодчими Санкт-Петербурга и послужил основой для появления классицистического направления в русском модерне. «Это транслировалось через проекты столичных архитекторов в крупные провинциальные города» ([Давидич, Качемцева, 2015: 19](#)). Внешнему облику Дома науки и искусств были характерны формальные «носители стиля» неоклассицизма: строгие формы, лаконичная внешняя отделка с подчеркнутой парадностью, колонны и, конечно, присутствие в декоре стилистического обращения к античности ([Классический стиль...](#)). Например, из украшений имелись сюжетные барельефы на стенах, лепной декор фризы с листьями аканта, гирлянды с букраньями, античные скульптуры на крыше – все это придавало внешнюю величие дворцу – центру культурной жизни города в годы Мировой войны.

Внутри здания определились три основные части: лекционная, театральная, библиотечная – еще имелись четыре учебных аудитория для занятий музыкой, танцами, рисованием. Отдельное помещение занимала астрономическая станция. В театральной части находился зрительный зал, рассчитанный на 1000 мест, репетиционный малый зал для Народного театра (создан в 1915 г. по инициативе Репникова А.), фойе и буфет. В лекционной части – аудитория, комната лекторов, музей края, фойе; в библиотечной – читальня, книгохранилище ([Царицынский, 1916: 14](#)).

А.А. Репников как общественный деятель и просветитель имел дальнейшие перспективы – организовать народную консерваторию в Царицыне. Планы не были реализованы по историческим причинам, связанным с наплывом в город беженцев, их обустройством, строительством лазаретов для нужд армии. Далее последовали продуктовый, производственный кризисы и политический крах империи 1917 г. В советский период во дворце располагался драматический театр, после Сталинградской битвы разрушенное здание пришлось реконструировать. Малая деталь, но характеризующая время: львов, располагавшихся у входа в Дом науки, вынесли в сторону внутреннего двора, т.к. они олицетворяли символику имперской эпохи.

Тем не менее, с фамилией Репниковых связана история еще одного интересного архитектурного объекта хорошей сохранности, относящегося к историческим памятникам и наследию края. Это бывший особняк Юлии Дмитриевны Репниковой – матери Александра Репникова, который находится рядом с Привокзальной площадью, являясь ее своеобразным украшением. Ныне здание принадлежит мемориально-историческому музею.

На фоне царицынской застройки «нарядный» особняк, с самого начала выделявшийся своим неповторимым декором на фоне остальных зданий, отличался оригинальностью архитектурного решения. Особняк выполнен в неорусском стиле, на котором в конце XIX в. останавливали свой выбор многие купцы волжских городов. Проектирование домов основывалось на использовании традиций древнерусского зодчества с элементами византийского, в общих чертах, данное направление представляло некую разновидность «национального романтизма». Например, на сегодняшний день только в Самаре сохранились более десятка подобных строений. Известными образцами неорусской архитектуры являются московские здания частного драматического театра, где ныне расположен «Театр наций», особняк С.И. Щукина и др. К отличительным особенностям псевдорусского стиля относятся островерхие шатры или теремообразные крыши, фрески с растительными орнаментами, также использование многоцветных изразцов и массивнойковки.

Царицынский «нарядный» особняк, с двумя равнозначными фасадами, выходящими на разные улицы, имел внутренний дворик, в котором ранее размещались хозяйственные постройки – конюшня, каретная, сараи. Сегодня этих построек не существует. Особняк спроектирован в два этажа, но со стороны фасада на ул. Гоголя, двухэтажность незаметна, т.к. основная часть здания имеет один высокий парадный этаж, а со стороны хозяйственного дворика – два этажа с обособленной винтовой металлической лестницей. Представим архитектурно-художественное описание фасада здания волгоградскими архитекторами: «художественная выразительность достигается силуэтикой кирпичей с использованием по конькам металлических решеток, развитым карнизом, сложением из профилированного кирпича. Углы здания закреплены системой колонок и сильным рустом» (Аргасцева и др., 2004: 90-91).

Точное время постройки, как и имя заказчика особняка на Привокзальной пл. Царицына, не установлено, предположительно это 1896 г. Известно, что в самом конце 1890-х гг. здание находилось в собственности Ю.Д. Репниковой в качестве подарка от невестки А.К. Репниковой – дочери К.В. Воронина.

Царицын – маленький город, многие известные коммерсанты состояли в родстве или вели совместные коммерческие дела, но иногда находились в противостоянии на почве конфликта деловых интересов. Например, дальнейшая история особняка начала 1900-х оказалась непростой, но жить в нем стало невозможно. Данные обстоятельства связаны с близким соседством металлургического завода, который в 1900 г. специально рядом с этим домом построил Г.Н. Серебряков – личность известная в деловых кругах Среднего и Нижнего Поволжья. Металлозавод впоследствии вошел в состав акционерной фирмы «Братья Г. и А. Серебряковы», как и конфетная фабрика (1878 г.), и винные магазины (Сборник сведений..., 1914: 1588). Ежегодно проволочно-гвоздильный завод, построенный на важном градостроительном участке, выпускал 211 млн пудов продукции (Сборник сведений..., 1914: 1588). Но его мощные проволочно-гвоздильные станки производили много шума, по этой причине особняк не мог использоваться как жилое помещение, однако служил для приема приезжающих в город знатных гостей (Аргасцева и др., 2004: 91). Причины, по которым возникли разногласия между тремя родами потомственных граждан Царицына – Ворониных, Репниковых и Серебряковых – неизвестны, а городские легенды в данной работе неуместны. Тем не менее, судебные тяжбы из-за жалоб Ю.Д. Репниковой на слишком шумного «соседа» продолжались не один год, вероятно, до национализации Советами особняка и завода.

5. Заключение

Тема историко-культурного наследия Волгограда в последние годы широко рассматривается архитекторами, историками, краеведами. Актуальными задачами являются сохранность материальных памятников истории досоветского периода, также финансирование проведения реставрационных работ нуждающихся в этом объектов архитектурного наследия регионального значения.

Особый интерес горожан и научного сообщества связан с архитектурным обликом старого города, в значительной степени утраченного для современников по ряду исторических причин.

Вместе с тем сегодня на народные средства вновь строится Александро-Невский собор – копия кафедрального собора Царицына.

Возможности новых проектов по видео-реконструкции объектов культурного наследия старого Царицына с использованием исторической 3D модели позволят исследователям изучить опыт виртуальной исторической реконструкции на примерах различных объектов города. Вместе с тем открываются новые перспективы перед самым широким кругом горожан и гостей города ознакомиться с историческим центром Царицына «купеческого». Образцы архитектурного наследия Царицына в полной мере соотносятся как с духовными, так и материальными ценностями, накопленными предыдущими поколениями и несущими эмоционально-значимую информацию для современников.

Формирование архитектурного облика провинциального города конца XIX – начала XX ст. проходило под влиянием многих факторов и зависело от мировосприятия городской архитектуры купечеством и представителями торгово-промышленных кругов, обладающих культуроформирующим потенциалом социума. Единого стиля в архитектуре Царицына, даже одной – центральной площади города – не наблюдалось. Здания строились в стилях модерн, неоклассицизм, неорусский стиль, носителем которых становился, прежде всего, фасад. Стилистические особенности архитектурных направлений трансформировались в соответствии с новыми взглядами/вкусами заказчиков проектов зданий. Конечно, эти процессы происходили под влиянием столичных образцов, тем не менее дали возможность сохранить историческую «среду малого города». Ретроспективный анализ визуальных источников (фото документов, открыток, кинохроники) позволяет обозначить важную роль самих заказчиков зданий – владельцев особняков, магазинов, гостиниц в формировании индивидуальности городской среды, ведь здания, большинство которых теперь признано памятниками архитектуры, создавались по их желанию и на их средства.

Быстрой смене архитектурных направлений и стилей способствовала активно развивавшаяся экономика страны, и Царицына в частности. В городе, ставшем торгово-промышленным и крупным железнодорожным центром, со стремительным ростом населения появилась нужда в быстрой постройке новых зданий, причем не только торговых и промышленных предприятий, но и в т.ч. объектов социального значения – гостиниц, постоянных дворов, ярмарочных корпусов, ночлежек, больниц, библиотек и культурных центров.

В работе рассмотрена история создания трех памятников архитектуры – гостиницы «Столичные номера», Дома науки и искусств, особняка на привокзальной площади, связанных с именами потомственных почетных граждан Царицына. Сегодня эти здания являются объектами культурного наследия края и имеют высокое историческое и художественное значение для Волгограда.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-04 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

Литература

Андреев, 1915 – Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме: с видами городов и достопримечательностей. 2-е изд. Москва: «Мысль». 1915. 336 с.

Андрианова, 1991 – Андриянова Г.Н. Художественный облик Царицына – Сталинграда, 1991. Волгоград: «Универсал». 192 с.

Аргасцева и др., 2004 – Аргасцева С.А., Гуренко Л.В., Жорова Е.П. и др. Свод историко-архитектурного наследия Царицына – Сталинграда – Волгограда (1589–2004 гг.). Волгоград: Издательство «Панорама», 2004. 240 с.

Весь Царицын..., 1911 – Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду. Царицын: Царицынская мысль, 1911. 113 с.

Волгоградцам... – Волгоградцам показали самый большой кинотеатр Царицына, напоминающий пирамиду // Городские вести. 20.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorvesti.ru/columns/putevie-zametki/volgogradtsam-pokazali-samyu-bolshoy-kinoteatr-tsaritsyna-parominayuschiy-piramidu-80655.html> (дата обращения: 24.07.2020).

Волго-Донская копейка, 1915 – Волго-Донская копейка. № 286. 23 декабря 1915 г.

Волго-Донской край, 1914 – Волго-Донской край. 26 октября 1914 г.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Давидич, Качемцева, 2015 – Давидич Т.Ф., Качемцева Л.В. Особенности эклектики в архитектуре Российской империи // *Academia. Архитектура и строительство*. 2015. № 4. С. 16-22.

Дом науки... – Дом науки и искусств [Электронный ресурс]. URL: <http://царицын.рф/article/articlestsaritsyn/557-square3.html> (дата обращения: 02.08.2020).

Зименкова, 2013 – Зименкова Л.Д. Особенности архитектуры купеческих усадеб малых городов Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века // *Academia. Архитектура и строительство*. 2013. № 4. С. 58-61.

- Зодчий, 1913** – Зодчий: Архитектурный и художественно-технический журнал. 1913. №№ 16, 17, 24.
- Иванов, Супрун, 2003** – *Иванов С.М., Супрун В.И.* Православие на волгоградской земле: храмы Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2003. 240 с.
- Классический стиль...** – Классический стиль в архитектуре [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topdom.info/article/catarticle1/articlenews403.php> (дата обращения: 24.07.2020).
- Мухина, 1986** – *Мухина С.Л.* Вас приглашает электротheater. О первых кинотеатрах Царицына // Вечерний Волгоград. 1986. № 106–107. С. 7.
- Нижне-Волжская...** – Нижне-Волжская библиографическая энциклопедия // Царицынское генеалогическое общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gen-volga.ru/alf/v.htm> (дата обращения: 02.08.2020).
- Олейников, 2012** – *Олейников П.П.* Архитектурное наследие Сталинграда. Волгоград: «Издатель». 2012. 560 с.
- План города...** – План города Царицына: 1909, 1913. [Электронный ресурс]. URL: <https://old-maps.livejournal.com/33793.html> (дата обращения: 02.08.2020).
- Рагозина, 2017** – *Рагозина Т.Э.* Культурная память versus историческая память // *Наука. Искусство. Культура*. 2017. № 3 (15). С. 12–21.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Романовская, 2010** – *Романовская Е.В.* Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2010. Т. 10. № 3. С. 39–44.
- Сборник сведений...** – Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914. С. 1588.
- Смагина, 2018** – *Смагина Е.В.* О деятельности Отделения Императорского Русского музыкального общества и «культурной революции» в дореволюционном Царицыне // *Проблемы музыкальной науки*. 2018. № 4. С. 193–198.
- Список объектов...** – Список, объектов культурного наследия регионального значения Волгограда [Электронный ресурс]. URL: <http://voopiik34.ru/library/official-documents/> (дата обращения: 02.08.2020).
- Хальбвакс, 2007** – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: «Новое издательство», 2007. 346 с.
- Царицынский...** – Царицынский «Дом науки и искусств» // *Искры: иллюстрированный художественно-литературный журнал*. 1916. № 2. С. 14.
- Litvinova, Karagodina, 2019** – *Litvinova, I.N., Karagodina, O.A.* Business National Circles of the Russian City in the late XIX – early XX century (on the Example of Tsaritsyn) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1178–1186.
- Stepkin, 2019** – *Stepkin V.V.* The History of the Creation and Semantics of the Sacred Space of Ust-Medveditskiy Convent Caves in Volgograd Region. // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. Is. 3: 58–67.

References

- Andreev, 1915** – *Andreev, N.* (1915). *Ilyustrirovannyj putevoditel` po Volge i ee pritokam Oke i Kame: s vidami gorodov i dostoprimechatel`nostej* [Illustrated guide to the Volga and its tributaries Oka and Kama: with views of cities and attractions]. 2-e izd. Moscow: «Mysl». 336 p. [in Russian]
- Andrianova, 1991** – *Andriyanova, G.N.* (1991). *Khudozhestvennyi oblik Tsaritsyna – Stalingrada* [Artistic appearance of Tsaritsyn-Stalingrad]. Volgograd: «Universal». 192 p. [in Russian]
- Argastseva i dr., 2004** – *Argastseva S.A., Gurenko L.V., Zhorova E.P. i dr.* (2004). *Svod istoriko-arkhitekturnogo naslediya Tsaritsyna – Stalingrada – Volgograda (1589–2004 gg.)* [Code of Historical and Architectural Heritage of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd (1589–2004)]. Volgograd: Izdatel'stvo «Panorama». 240 p. [in Russian]
- Davidich, Kachemtseva, 2015** – *Davidich, T.F., Kachemtseva, L.V.* (2015). *Osobennosti eklektiki v arkhitekture Rossiiskoi imperii* [Eclectic features in the architecture of the Russian Empire]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 4: 16–22. [in Russian]
- Dom nauki...** – Dom nauki i iskusstv [Science and Arts House]. [Electronic resource]. URL: <http://tsaritsyn.rf/article/articlestarsaritsyn/557-square3.html> [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].
- Hal'bvaks, 2007** – *Hal'bvaks, M.* (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. Moscow: «Novoe izdatel'stvo». 346 p. [in Russian]
- Ivanov, Suprun, 2003** – *Ivanov, S.M., Suprun, V.I.* (2003). *Pravoslavie na volgogradskoi zemle: khramy Tsaritsyna – Stalingrada – Volgograda* [Orthodoxy on Volgograd land: churches of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd]. Volgograd: Izd-vo VGIPIK RO. 240 p. [in Russian]
- Klassicheskii stil'...** – Klassicheskii stil' v arkhitekture [Classical style in architecture]. [Electronic resource]. URL: <https://www.topdom.info/article/catarticle1/articlenews403.php> [in Russian]

- Litvinova, Karagodina, 2019 – Litvinova, I.N., Karagodina, O.A. (2019). Business National Circles of the Russian City in the late XIX – early XX century (on the Example of Tsaritsyn). *Bylye Gody*. 53(3): 1178-1186.
- Mukhina, 1986 – Mukhina, S.L. (1986). Vas priglashaet elektroteatr. O pervykh kinoteatrakh Tsaritsyna [You are invited by the electric theater. About the first cinemas of Tsaritsyn]. *Vechernii Volgograd*. 106-107: 7. [in Russian]
- Nizhne-Volzhskaya... – Nizhne-Volzhskaya Biobibliograficheskaya Entsiklopediya [Lower Volga Biobibliographic Encyclopedia]. Tsaritsynskoe genealogicheskoe obshchestvo. [Electronic resource]. URL: <http://www.gen-volga.ru/alf/v.htm> [in Russian]
- Oleinikov, 2012 – Oleinikov, P.P. (2012). Arkhitekturnoe nasledie Stalingrada [Architectural heritage of Stalingrad]. Volgograd: «Izdatel'». 560 p. [in Russian]
- Plan goroda... – Plan goroda Tsaritsyna: 1909, 1913 [Plan of the city of Tsaritsyn: 1909, 1913] [Electronic resource]. URL: <https://old-maps.livejournal.com/33793.html> [in Russian]
- Ragozina, 2017 – Ragozina, T.E. (2017). Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat' [Cultural memory versus historical memory]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 3 (15): 12-21. [in Russian]
- RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian state archive of socio-political history].
- Romanovskaya, 2010 – Romanovskaya, E.V. (2010). Moris Hal'bvaks: kul'turnye aspekty pamyati [Morris Halbwachs: Cultural Contexts of Memory]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 10(3): 39-44. [in Russian]
- Sbornik svedenii... – Sbornik svedenii o deistvuyushchikh v Rossii aktsionernykh obshchestvakh i tovarishchestvakh na payakh [Collection of information about joint-stock companies and joint-stock partnerships operating in Russia]. SPb., 1914. P. 1588. [in Russian]
- Smagina, 2018 – Smagina, E.V. (2018). O deyatel'nosti Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva i «kul'turnoi revolyutsii» v dorevolyutsionnom Tsaritsyne [On the activities of the Branch of the Imperial Russian Music Society and the «Cultural Revolution» in pre-revolutionary Tsaritsyn]. *Problemy muzykal'noi nauki*. 4: 193-198. [in Russian]
- Spisok ob'ektov... – Spisok ob'ektov kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya Volgograda [List of cultural heritage sites of regional significance in Volgograd] [Electronic resource]. URL: <http://voopiik34.ru/library/official-documents/> [in Russian]
- Stepkin, 2019 – Stepkin V.V. (2019). The History of the Creation and Semantics of the Sacred Space of Ust-Medveditskiy Convent Caves in Volgograd Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 24. Is. 3: 58-67.
- Tsaritsynskii... – Tsaritsynskii «Dom nauki i iskusstv» [«House of science and arts» of Tsaritsyn]. *Iskry: an illustrated art and literature magazine*. 1916. 2: 14. [in Russian]
- Ves' Tsaritsyn..., 1911 – Ves' Caricyn. Spravochnik po gor. Caricynu i Caricynskomu uezdu [All Tsaritsyn. Reference book on the city of Tsaritsyn and Tsaritsyn county]. Tsaritsyn: Tsaritsynskaya mysl'. 1911. 113 p. [in Russian]
- Volgo-Donskaya kopeika, 1915 – *Volgo-Donskaya kopeika* [Volga-Don kopeck]. 286. 23 dekabrya 1915. [in Russian]
- Volgo-Donskoi krai, 1914 – Volgo-Donskoi krai [Volga-Don Territory]. 26 october 1914. [in Russian]
- Volgogradtsam... – Volgogradtsam pokazali samyi bol'shoi kinoteatr Tsaritsyna, napominayushchii piramidu [Volgograd residents were shown the largest cinema in Tsaritsyn, resembling a pyramid]. *Gorodskie vesti*. 20.12.2019. [Electronic resource]. URL: <https://gorvesti.ru/columns/puteviezametki/volgogradtsam-pokazali-samy-bolshoy-kinoteatr-tsaritsyna-napominayushchii-piramidu-80655.html> [in Russian]
- Zimenkova, 2013 – Zimenkova, L.D. (2013). Osobennosti arkhitektury kupecheskikh usadeb malykh gorodov Srednego Povolzh'ya kontsa XIX – nachala XX veka [Features of the architecture of merchant estates of small towns of the Middle Volga region of the late XIX – early XX centuries]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 4: 58-61 [in Russian]
- Zodchii, 1913 – *Zodchii: Arkhitekturnyi i khudozhestvenno-tekhnicheskii zhurnal* [Architect: Architectural and art and technical journal]. 1913. 16, 17, 24 [in Russian]

Объекты историко-архитектурного наследия г. Волгограда: городская среда Царицына рубежа XIX–XX вв.

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Елена Олеговна Данилова ^a, Оксана Александровна Карагодина ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова), daniilovaelena@volsu.ru (Е.О. Данилова), karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Аннотация. В статье анализируется история создания архитектурных объектов, окружавших главную – Александровскую площадь г. Царицына. Здания относятся к историко-культурному наследию Волгограда (Царицына) конца XIX – начала XX вв., но серьезно пострадали или были утрачены в дни сражений за Сталинград. Показано истинное предназначение зданий. Обозначена историческая миссия представителей деловых кругов в формировании архитектурного облика городской среды, ее индивидуальности. Данный исторический анализ необходим для последующего компьютерного моделирования историко-культурных объектов Царицына–Сталинграда, основанного на методологии 3D реконструкции сооружений. Данный подход отчасти способен представить перед современниками различные этапы существования исторических памятников, зафиксировать современное состояние архитектурных объектов для последующих поколений. Исторические здания и сооружения страдали от войн, смены режимов, атеистической пропаганды и мировоззрений новых владельцев, поэтому нуждаются в охране, реставрации, а утраченные для потомков объекты должны изучаться с помощью новых методов реконструкции, композиционного моделирования.

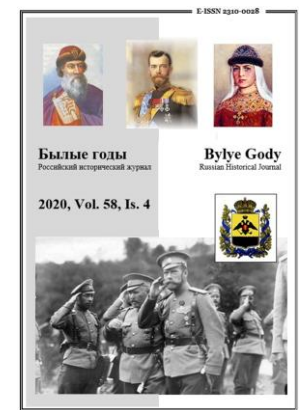
Ключевые слова: Царицын, культурное наследие, Александровская площадь, гостиница, архитектурный стиль, культурный центр, купеческий особняк.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2609-2621. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2609
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Administration of the Don Host and the Local Jewish Diaspora in 1860–1890

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The history of the Jews of the Don Host Oblast has not been sufficiently studied. In particular, professional scholars and amateur local historians did not specifically investigate the attitude of local authorities towards Jews. This article is the first attempt to investigate the policy of the administration of the three Don atamans of the late XIX century (M.I. Chertkov, N.A. Krasnokutsky and N.I. Svyatopolk-Mirsky) in the «Jewish question». Unpublished manuscripts about the history of the Jews in the Don region are drawn into scholarly circulation. They written by N.A. Maslakovets (assistant to N.A. Krasnokutsky and N.I. Svyatopolk-Mirsky for the civilian part) and P.S. Baluev (head of the office of N.I. Svyatopolk-Mirsky). The author shows that the Don Host Oblast for a long period of time, although for various reasons, was in a unique position, located outside the Pale of Settlement, but at the same time having a dynamically developing Jewish diaspora on its territory. Moreover, each ataman pursued his own policy towards the Jews, and their anti-Semitism was consistently increasing. M.I. Chertkov was quite loyal to the Jewish diaspora. N.A. Krasnokutsky displayed moderate anti-Semitism based on the fear that the Cossacks would lose economic competition to the Jews. N.I. Svyatopolk-Mirsky was distinguished by radical anti-Semitism based on the irrational demonization of Jews.

Keywords: Jews, Don Host Oblast, interethnic relations in the South of Russia, N.A. Maslakovets, P.S. Baluev.

1. Введение

История донских евреев неоднократно привлекала внимание местных краеведов, начиная с 1990 гг. За последние десятилетия были изданы не только статьи, но и две книги, специально посвященные данной тематике: «Евреи на донской земле» М.А. Гонтмахера (Гонтмахер, 2007) и «Очерки истории евреев на Дону» Е.В. Мовшовича (Мовшович, 2006). Особенность ситуации, однако, заключается в том, что интерес к истории донских евреев исходит главным образом от историков-любителей (М.А. Гонтмахер – врач, Е.В. Мовшович – геолог), а историки-профессионалы стоят несколько в стороне от данного процесса. Только в 2019 г. вышла статья «Обустройство евреев на донской земле и их укоренение в деловой элите города Ростова-на-Дону в XIX в.» профессиональных историков В.А. Сущенко и М.В. Ковыневой (Сущенко, Ковынева, 2019). В результате работы современных исследователей оказались написаны с позиции еврейской общины и основаны преимущественно на статистических сведениях и материалах членов этой общины. Документы местных властных органов и чиновников используются эпизодически, не системно и, несмотря на интересные находки, не складываются в единую картину. В итоге вопрос о том, какой видели еврейскую общину извне, например, официальные власти Войска Донского, не только не был изучен, но даже и не был поставлен. Дело дошло до откровенных неточностей: например, В.А. Сущенко и М.В. Ковынева заявили о «благоклонном отношении казачьего войскового правления к пребыванию

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

евреев в донских городах», что, как мы увидим ниже, никак не соответствовало действительности (Сущенко, Ковынева, 2019: 234).

Между тем в ходе архивного поиска нам удалось обнаружить два очень интересных документа, содержащих развернутый взгляд высокопоставленных чиновников на историю донских евреев. Один из них, «О торгово-промышленной деятельности еврейского населения области и влиянии его на торговую и промышленную деятельность населения области», принадлежал перу начальника атаманской канцелярии П.С. Балуева (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38). Второй, «Записка об ограничительных, законодательных и других мерах по заселению евреями территории Области Войска Донского», написан бывшим помощником донского атамана по гражданской части Н.А. Маслаковцом (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40). После знакомства с этими текстами у нас появилась идея описать историю евреев области Войска Донского в 1860–1890 гг. с точки зрения войсковых властей и трансформаций антиеврейского законодательства, действовавшего на Дону. И нижеследующая статья представляет собой попытку реализации данной идеи.

2. Материалы и методы

Основным материалом для данной статьи послужили архивные рукописи Н.А. Маслаковца и П.С. Балуева. На биографиях этих двух генералов есть смысл кратко остановиться не только потому, что они важны для понимания их отношения к евреям, но и потому, что Н.А. Маслаковцу было суждено сыграть заметную роль в истории российского казачества, а П.С. Балуеву – в истории Первой мировой войны. Таким образом, эти материалы интересны не только с точки зрения донской истории, но и с точки зрения истории российского генералитета.

Н.А. Маслаковец (1833–1908) – генерал от инфантерии, атаман Оренбургского казачьего войска. Не казак по происхождению, почти всю свою карьеру он занимал различные должности по гражданскому управлению казачьих войск, пройдя путь от чиновника для особых поручений при уральском атамане в 1860 гг. до руководителя нескольких знаковых для истории казачества комиссий при Военном министерстве на рубеже XIX–XX вв. (Григорович, 1911: 262–266). Отношение к генералу резко разнилось в различных войсках: на Дону он пользовался репутацией убежденного консерватора, уничтожившего местные земства (Сватиков, 1924: 379–381), а в Оренбуржье, напротив, его считали реформатором и просветителем, снятым с атаманской должности за оппозицию к центральному аппарату Военного министерства (Григорович, 1911: 262–265). В любом случае, даже у своих политических оппонентов Н.А. Маслаковец пользовался репутацией человека серьезного и прекрасно знающего казачество. В частности, донской земец А.А. Карасев еще при жизни Н.А. Маслаковца, избегая называть имя генерала, давал ему следующую характеристику: «В атаманство генерала Черткова начала обрисовываться одна личность, занявшая потом видные места. Изучив донской край во всех отношениях, она почему-то разошлась с донской интеллигенцией во взглядах на земские учреждения» (Карасев, 1899: 111). Действительно, Н.А. Маслаковец был не только чиновником, но и крупным краеведом, автором целого ряда исследований по казачьей истории и статистике (Маслаковец, 1872; Маслаковец, 1874; Маслаковец, 1899а; Маслаковец, 1899b). Современные авторы, например, характеризуют тексты Н.А. Маслаковца на «калмыцкую» тему как «первый значимый опыт комплексного изучения субэтнуса донских калмыков» (Ряжев, Сангаджиева, 2018: 65). Нам остается констатировать, что при неоднозначной политической позиции Н.А. Маслаковца его нельзя считать ни откровенным реакционером, ни человеком, подстраивавшимся под мнение начальства. При этом генерал входил в число важнейших исследователей казачества второй половины XIX в., что делает особенно интересным его текст про донских евреев.

Другой генерал от инфантерии, П.С. Балуев (1857–1923), был человеком совершенно иного поколения, жизненного пути и взглядов. Строевой офицер, а не военный чиновник, он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за которую был удостоен ордена святого Станислава третьей степени с мечами и бантом, и прошел под огнем всю Первую мировую, поднявшись от командира дивизии до командующего фронтом (Олейников, 2014: 200–245). Большинство отзывов о нем как о военачальнике вполне комплементарны. Так, командующий Особой армией В.И. Гурко, объясняя, почему он на время своей временной отлучки передал должность П.С. Балуеву, заявлял следующее: «Все увиденное мной в его корпусе, его волевые качества и неукротимая энергия, ответственное выполнение им моих многочисленных, непростых и трудноисполнимых распоряжений военного характера и разумные меры, принятые им при их реализации, – все эти факторы расположили меня в его пользу» (Олейников, 2014: 228). Однако на Дону П.С. Балуев оставил после себя совершенно иную память, память коррупционера и взяточника. А.И. Петровский, донской либеральный деятель, собравший массу компрометирующих слухов о донских атаманах, писал об «управляющем атаманской канцелярией полковнике Балуеве, благодаря громадному родимому пятну на лице, а также и по иным причинам, прозванном «темною личностью» (Петровский, 1916: 22). А.А. Карасев отмечал, что в окружении атамана Н.И. Святополк-Мирского, начальником канцелярии которого был П.С. Балуев, царили nepотизм и доноительство, а в местных бюджетах, даже непосредственно в Новочеркасске, обнаруживались растраты, виновными в которых объявлялись уже умершие лица,

к тому же «не оставившие после себя никакого имущества» (Карасев, 1899: 113-114). К этому следует добавить, что в 1919 г. П.С. Балудев, на посту начальника атаманской канцелярии Войска Донского демонстрировавший крайнюю степень антисемитизма, вступил в РККА и до самой смерти служил советской власти, в числе представителей которой было немало евреев (Олейников, 2014: 234). Таким образом, этот заслуженный военный, герой Первой мировой войны, в гражданской жизни не был образцом добродетели и демонстрировал завидную гибкость в деле служения различным режимам. Соответственно, и его текст о донских евреях интересен не столько как описание реального положения дел, сколько как демонстрация взглядов, царивших в войсковом правлении конца XIX в.

Итак, мы располагаем двумя альтернативными текстами, совершенно по-разному описывающими историю еврейской общины в области Войска Донского и ее положение на конец XIX в. «Еврейская тематика» эпизодически поднимается и в некоторых документах Государственного архива Ростовской области (ГАРО), и в официальных историко-статистических описаниях Дона. На основании этого разнородного комплекса источников, используя историко-описательный, историко-сравнительный и историко-биографический методы, мы и попытаемся проследить основные особенности взаимоотношений еврейской общины Дона и войсковых властей.

3. Обсуждение

«Область Войска Донского всегда считалась вне черты еврейской оседлости в империи, поэтому еврейский элемент никогда не имел особенного значения в среде ее населения», – так начинал историческую часть своей записки Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1). Действительно, в статистическом описании Земли Войска Донского, выполненном офицером генерального штаба Н.И. Красновым в начале 1860 гг., отсутствие упоминаний о евреях в некотором смысле просто разительно. Н.И. Краснов сообщал даже о католиках и лютеранах на Дону, число которых «не превышало одной сотни душ и не принадлежало к постоянному населению донской земли», однако ни словом не обмолвился о евреях (Краснов, 1863: 202). Тем не менее относить Землю (с 1870 г. – область) Войска Донского к обычным губерниям, лежащим вне черты оседлости, не вполне корректно. В середине XIX в. она была закрыта для постоянного водворения не только евреев, но и всех иногородних, т.е. не казаков и не крепостных крестьян, принадлежащих казачьим помещикам (исключения из этого правила допускались, но здесь нас интересует ситуация в целом). Некоторые современники даже сравнивали такое положение дел с «китайской стеной», отгородившей Дон от остальной России (Volvenko, 2015: 103-104). При этом важно понимать, что абсолютно непроницаемой эта «китайская стена» не была, и в условиях немногочисленности, патриархальности и коррумпированности донских чиновников «полезные» иногородние без проблем селились в казачьих станицах. Станичные сходы не стеснялись признавать, что «лица (не из казаков – Авт.), полезные торговыми и другими занятиями, пользуются у нас уже и теперь уважением, и не стесняются в приобретении квартир и помещений» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24). Таким образом, с одной стороны, необходимости в создании специальных законодательных мер по выдворению евреев с территории Донского Войска в это время не возникало, а с другой – у казаков исторически выработалась терпимость к проживанию в их станицах нарушителей, которых по закону надлежало выдворить в другие губернии, если эти нарушители приносили пользу станице.

Положение коренным образом изменилось, когда «высочайшим повелением 28 апреля 1868 года русским подданным невойскового сословия <было> предоставлено право селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 48). Возникла парадоксальная ситуация, порожденная инерцией имперской бюрократической машины: хотя Земля Войска Донского по-прежнему оставалась за пределами черты оседлости, старые механизмы по выдворению евреев с ее территории действовать перестали, а новые еще не возникли. А войсковые власти не торопились проявлять активность в создании специального местного антиеврейского законодательства, на что имелись весьма необычные причины.

Дело в том, что в том же 1868 г. донским атаманом стал генерал М.И. Чертков, женатый на «даме еврейского происхождения и красоты отменной», О.И. Чертковой (Петровский, 1916: 19). Современные исследователи донской еврейской общины как-то не увязывают этого факта с необычайными послаблениями для донских евреев в начале 1870 гг., в отличие от современников-недоброжелателей атамана. В анонимном издевательском письме М.И. Черткову, сохранившемся в ГАРО, говорится и об огромном влиянии его еврейки-жены, и о «предательском хохоте сына Израиля», которому атаман продавал «народную собственность», и даже о заздравных молебнах в синагогах, организованных в честь генерала (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5). Разумеется, сам жанр анонимного издевательского письма не предполагал достоверности, но крайне характерно, что обвинения в симпатиях к еврейству выдвигались из всех донских атаманов только М.И. Черткову. Фактически же этот атаман продолжил наметившееся еще при его предшественниках сотрудничество войсковой администрации с еврейским семейством миллионеров и железнодорожных магнатов Поляковых и, главное, позволил последним широко приглашать евреев для выполнения разного рода хозяйственных работ на территории Донского Войска. Согласно М.А. Гонтмахеру, в 1867 г. первая в войске еврейская колония, возникшая вокруг конторы Поляковых в Грушевском горном

поселении, состояла всего из 53 человек, а через шесть лет, в 1873 г., вдоль принадлежавших Поляковым железных дорог в пределах области Войска Донского проживало уже 695 евреев (Гонтмахер, 2007: 22-25). Любопытное описание происходивших тогда процессов принадлежит Н.А. Маслаковцу: «Положение вещей довольно заметно стало меняться с проведением железнодорожных линий: Козлово-Воронежско-Ростовской, Курско-Харьковско-Азовской и Ростово-Александровской. Еврейский элемент с начала семидесятых годов довольно быстро стал водворяться на названных железнодорожных путях в качестве служащих в управлениях дорог и на станциях, как равно тогда же стали в значительном числе появляться и разного рода агенты коммерческих и промышленных учреждений» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 106.).

Послабления для евреев, допущенные М.И. Чертковым, были использованы не только семейством Поляковых. В 1925 г. в сборнике «Еврейская летопись» были опубликованы краткие воспоминания М. Гутмана «Еврей среди казаков», уже в XXI в. перепечатанные в альманахе «Лехаим». В этих воспоминаниях речь идет о семьях двух евреев-ремесленников, перебравшихся на Дон в начале 1870 гг., причем при очень показательных обстоятельствах: первого из них, шапочника, позвал в свою станицу знакомый казак, поскольку там «некому <было> шапки шить», а буквально через несколько месяцев шапочник, оценив перспективы, «выписал» к себе друга-портного (Гутман, 2004). Согласно М. Гутману, в целом к ремесленникам в станице относились неплохо, называя «нашими жидами», работа их пользовалась огромным спросом, и «евреи процветали» (Гутман, 2004). Действительно, во второй половине XIX в. в казачьих станицах остро не хватало ремесленников, и начальник донской артиллерии генерал С.С. Канищев даже восклицал по этому поводу: «Как же может обмундироваться казак в своей станице, где не всегда и ситцу порядочного достать можно, а умелого портного – почти никогда, и, наконец, во что это ему обойдется и сколько раз ему забракуют одну и ту же вещь?» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 260б.). Кроме того, как мы помним, казаки традиционно покрывали незаконно живших в станицах «лиц, полезных торговыми и другими занятиями». Таким образом, в том, что казаки приняли в свою среду хороших еврейских ремесленников, не выказывая особого недовольства по поводу их веры, не было ничего удивительного. Но при этом ксенофобия казаков была обратно пропорциональна возможности евреев не выделяться в казачьей среде. Так, отец М. Гутмана, портной, «лицом и говором типичный москвич», был принят станичниками за своего сразу, а шапочнику помогло завести дружеские связи регулярное потребление алкоголя с казаками (Гутман, 2004). А вот к их женам, ортодоксальным еврейкам, отношение оставалось резко негативным, вплоть до беспричинной агрессии (впрочем, к чести казаков, когда однажды еврейки чуть не утонули, их спасли из воды и долго откачивали) (Гутман, 2004). Аналогичным было и отношение самих евреев к жизни в станице: мужчины разбогатели и открыли полноценные мастерские (шапочник еще и магазин), но женщины требовали вернуться в черту оседлости (Гутман, 2004).

Итак, перспективы еврейской общины в области Войска Донского какое-то время казались самыми благоприятными: это был единственный регион Российской империи, не входивший в черту оседлости, но фактически свободно принимавший евреев на свою территорию и к тому же остро нуждавшийся в ремесленниках и торговцах. Однако в 1874 г. М.И. Чертков ушел с атаманского поста, и его сменил совершенно не разбиравшийся в вопросах гражданского управления кавалерийский генерал Н.А. Краснокутский (Карасев, 1899: 112). Не удивительно, что, как говорили современники, «все творческое бремя власти при Краснокутском было возложено последним на своего помощника по гражданской части генерала Маслаковца» (Петровский, 1916: 20). Между тем, как мы можем судить из его «Запискам об ограничительных, законодательных и других мерах по заселению евреями территории Области Войска Донского», Н.А. Маслаковец придерживался последовательной антисемитской позиции, хотя и сравнительно мягкой. Так, он не имел ничего против «евреев-коммерсантов», вкладывавших деньги в развитие Донского края, однако считал необходимым защищать область Войска Донского от рабочих и служащих из евреев (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3). Логику подобных запретов помогают понять отрывки из документов войсковой администрации за 1874 г., которые приводит М.А. Гонтмахер. Донские чиновники признавали, что казаки не способны конкурировать «с таким искони торговым племенем, как евреи», и утверждали, что, если не защитить станицы от переселения последних, неизбежно настанет день, когда казачье население «очутится как бы в тисках: сверху будут напирать на него еврей-землевладельцы, снизу – еврей-торгаши и промышленники, подавая, разумеется, друг другу руку для взаимной помощи» (Гонтмахер, 2007: 25).

Как ни странно, в антисемитской позиции администрации Н.А. Краснокутского – Н.А. Маслаковца был свой резон: как показало будущее, донские казаки, природные воины, действительно оказались не готовы экономически конкурировать с пришлыми группами населения. Несколько позже, в конце XIX в., донские общественные деятели будут требовать защитить казачество от конкуренции даже не с евреями, а с иногородними, т.е. с русскими крестьянами. Вот что, например, говорили донские дворяне в одной из местных комиссий: «Казачье население почти удвоилось (по сравнению с 1860 гг. – Авт.), а пришлый элемент между тем твердо осел на казачьих землях, борьба между коренным населением и пришлецами из-за этих земель стала проявляться в

размерах, обуславливаемых не обстановкой свободной конкуренции, а условиями борьбы за существование, со всеми острыми ее последствиями. В этой борьбе казаку должно помочь, потому что он обстановкой своей службы поставлен в менее благоприятные трудовые условия сравнительно с лицами невоинского сословия» (*Протоколы...*, 1899: 186). Более того, как показал современный историк Б.С. Корниенко, в крайне правой донской прессе 1910 г. отрицательные черты, обыкновенно приписываемые черносотенцами евреям, оказались приписаны... русским иногородним (*Корниенко, 2013: 186*). Самый яркий пример подобной риторики создали, кстати, официальные «Донские областные ведомости»: «Если в Донской области нет евреев, по закону не имеющих права жительства в черте казачьих поселений, то зато имеются православные хриstopродавцы, которые по части гешефтмахерства любому Израилю не уступят» (*Корниенко, 2013: 182*). И так, к концу XIX в. конкуренция между казачьим и иногородним населением области Войска Донского резко обострилась, причем иногородних, доказывая их порочность и подлость, даже прямо сравнивали с евреями. Если бы в станицах проживала настоящая еврейская община, ее положение оказалось бы еще более незавидным: можно не сомневаться, что особенно сильная ненависть донских правых была бы направлена против нее. Все это могло дополнительно обострить ситуацию на Дону и вылиться в массовые и кровавые погромы (кстати, в 1905 г. произошел погром в Ростове-на-Дону, описанный М.А. Гонтмахером, но в станицах из-за отсутствия евреев ничего подобного не было (*Гонтмахер, 2007: 152-162*). Таким образом, желание остановить переселение евреев в область Войска Донского, а также вернуть в черту оседлости имеющихся переселенцев, характерное для администрации Н.А. Краснокутского–Н.А. Маслаковца, можно если не оправдать, то хотя бы понять. Интересы казачества для донских властей были выше интересов еврейства, и, изгнав чужаков, чиновники избавили бы себя и своих преемников от потенциально серьезной проблемы в будущем.

В оправдание Н.А. Краснокутского следует указать и тот факт, что он, очевидно, не слишком усердствовал в своем антисемитизме. Согласно М.А. Гонтмахеру, вопрос о выселении евреев был поднят еще в 1874 г., однако решался в очень неспешном бюрократическом порядке (*Гонтмахер, 2007: 25*). Трактовка М. Гутмана еще любопытнее: якобы разговоры о переселении евреев начались после активизации действий народовольцев и появлении в станицах неких «подозрительных лиц» (*Гутман, 2004*). Действительно, в 1878 г., на волне недовольства казаков новыми законоположениями, на Дон приезжали революционеры, и даже лично Г.В. Плеханов (*Сватиков, 1924: 391-392*). Наконец, Н.А. Маслаковец – источник, ближе всего стоящий к донской администрации 1870 гг., вовсе не упоминает об инициативах местных властей по выселению евреев, зато подчеркивает роль Военного министерства в этом отношении, отмечая его деятельность «в направлении ограждения Области Войска Донского от наплыва в ее пределы еврейского элемента» (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 106.*). В любом случае, Высочайшее повеление о воспрещении евреям постоянного жительства и владения движимой собственностью в пределах Донской области последовало только 22 мая 1880 г. (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1 об.-2*). Но и после этого меры по выселению евреев носили достаточно спокойный характер. М. Гутман вообще писал, что на защиту его семьи встала вся казачья станица: «Местное купечество при поддержке атамана, мирового судьи и чиновников подало наверх петицию, где подчеркивалось, что оба еврея чрезвычайно полезны станице как ремесленники высокого уровня, способствующие развитию торговли, и люди отличного поведения. Выселение удалось оттянуть почти на год» (*Гутман, 2004*). Да и согласно М.А. Гонтмахеру, евреям, арендовавшим недвижимость, разрешили остаться до истечения срока аренды (*Гонтмахер, 2007: 26*).

Нам остается констатировать, что первая попытка создания еврейской общины в области Войска Донского относилась к 1870 г. Одной из важных причин ее стала позиция атамана М.И. Черткова, женатого на еврейке и смотревшего сквозь пальцы на то, что евреи активно переселяются в донские станицы. Для евреев же область Войска Донского, на территории которой остро недоставало ремесленников и торговцев, была настоящей землей возможностей. По понятным причинам данный эпизод истории донского еврейства задокументирован достаточно слабо, однако, очевидно и низовое чиновничество, и простые казаки с сочувствием относились к «полезным» евреям, не выделяя их из общего числа «полезных» иногородних, что, впрочем, не означало отсутствия отдельных случаев проявления антисемитизма. Однако следующий атаман, Н.А. Краснокутский, возможно, под влиянием своего помощника Н.А. Маслаковца, отнесся к евреям с меньшим пониманием, опасаясь в перспективе конкуренции между евреями и казаками. Тем не менее конкретные меры против евреев были предприняты только в 1880 г., причем, возможно, после того, как в станицах были замечены народовольцы, и по инициативе не столько местных властей, сколько Военного министерства. Евреев выселили в пределы черты оседлости, позволив части из них задержаться на солидный срок, а некоторые чиновники даже пытались защищать «полезных» ремесленников еврейского происхождения.

Коренное изменение позиции донской администрации по отношению к евреям произошло в 1880 г., когда донским атаманом стал князь Н.И. Святополк-Мирский. Он был человеком крайне консервативных взглядов, снискавшим у донской либеральной интеллигенции репутацию гонителя просвещения и либеральных идей (*Карасев, 1899: 113*). Судя по тексту начальника его канцелярии,

П.С. Балужева, при этом атамане администрация Войска Донского заняла позицию крайнего антисемитизма, основанного не на каких-либо рациональных доводах, а на ненависти к евреям. Если Н.А. Краснокутский и Н.А. Маслаковец вполне резонно опасались конкуренции между казаками и более адаптированными к реалиям XIX в. евреями, то П.С. Балужев евреев откровенно демонизировал, описывая их как априори аморальных и опасных людей: «Не стесняясь никакими преградами, обходя закон, нарушая установленные обычаи, долг, и даже подчас совесть, честь и правду, еврей готов на все для достижения своей заветной цели – обогащения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). А вот как начальник атаманской канцелярии характеризовал взаимоотношения евреев и казаков: «Обмануть казака, приехавшего продать сырье и купить необходимое, снабдить от имени банка или купца того же казака деньгами под хлеб в трудное для него время и затем, воспользовавшись случаем, купить за бесценок этот хлеб, опутав от имени того же банка продавца такими обязательствами, в которых он ничего не понимает, поехать по станицам, посадить артельщиков из русских на места, бойкие по торговле, как станицы: Константиновская, Нижне-Чирская, Калач и другие, пронюхать, нет ли каких богатств в недрах юртов станицы, арендовать под чужим именем за бесценок пай, содержащий в себе богатства, соблазнить правителя хутора или волости подначкою и прочее – вот верная иллюстрация деятельности еврея в области. Это самый юркий деятель, ловко плетущий свои сети, пользуясь необеспеченностью, неразвитостью и нравственной слабостью казака и вообще мирного обывателя» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). Как мы видим, естественное желание любого коммерческого деятеля получить прибыль трактовалось П.С. Балужевым как нечто преступное, причем, согласно его интерпретации, заниматься подобной деятельностью в рамках закона и нравственности еврей не мог и обязательно должен был доводить казаков до нищеты, а чиновников – до взяток. Ответственность же самих казаков и чиновников за свои действия начальником атаманской канцелярии игнорировалась, а их глупость и преступления оправдывались как «нравственная слабость». Показательно, что никаких доказательств этим обвинениям и конкретных примеров еврейских преступлений П.С. Балужев не приводил, как и не упоминал того факта, что среди евреев были не только торговцы, но и ремесленники, потенциально полезные бедной на мастеровых области Войска Донского.

Зато, по мнению начальника атаманской канцелярии, руководствоваться статистическими данными при оценке вредного влияния евреев на казачье благосостояние не приходилось. «Если взглянуть на ведомость, указывающую, сколько в каждом учреждении имеется служащих по национальности, то по первому взгляду процент евреев покажется незначительным, но, если посмотреть в действительности, то русский или казак несут черную работу, а еврей в большинстве стоит ближе к управлению и, по свойственной ему изворотливости, занимает лучшие места», – возмущался он (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). И, разумеется, столкнувшись с таким опасным и изворотливым врагом, как еврей, несчастные чиновники не могли победить даже с помощью самых жестоких мер: «Все меры, принимаемые правительством к ограждению от эксплуатации евреев населения империи, в действительности могут служить только отчасти к ослаблению этой эксплуатации, а не к устранению ее. <...>. Закон запрещает еврею селиться в известных местностях, он, чтобы совершать свои коммерческие дела, будет жить в вагоне, но с тем, чтобы ежедневно бывать там, или воспользуется предоставленной ему законом льготой, заведет тяжёлое дело и на время все-таки поселится в этой местности, а нередко перейдет в христианскую религию, оставаясь тем же евреем. Нет никакой возможности даже предугадать те уловки, на которые способна еврейская изобретательность, чтобы победить закон» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.-4).

Не удивительно, что при подобном отношении к евреям и желании Военного министерства еще больше ограничить их присутствие на территории Донского Войска, принятие антиеврейских мер продолжилось. Правда, уже на 1882 г., по официальной статистике, в области Войска Донского осталось всего 134 еврея (Номикосов, 1884: 280). Тем не менее 4 марта 1887 г. было воспрещено «проживание в Донской Области нижним чинам из евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2). Однако как раз в 1887 г. произошло изменение губернских границ на Юге России, и к области Войска Донского оказались присоединены Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство (Татаринев, 2019: 51). Как вполне резонно отмечал Н.А. Маслаковец, включение в состав казачьих территорий крупных городов, прежде лежавших в черте оседлости и имевших значительное еврейское население, «нарушало <...> противодействие водворению в крае евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 20б.). Однако дело было вовсе не в том, что, как утверждают В.А. Сущенко и М.В. Ковынева, в донских городах, в удалении от казаков, войсковые власти были рады видеть еврейское население. Напротив, и местная администрация, и Военное министерство, согласно Н.А. Маслаковцу, надеялись на то, что с введением новых ограничительных мер евреи постепенно покинут эти города (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 20б.-3). Н.А. Маслаковец перечислял следующие важнейшие действия чиновников в этом направлении:

1) 17 февраля 1892 г. – издание специальных правил «об удалении евреев лицами полиции из селений, где жительство им не было дозволено» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

2) 23 апреля 1893 г. – запрет евреям менять имена и место жительства (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

3) 3 июня 1893 г. – введение четкого запрета на переселение евреев в присоединенные к Области Войска Донского города, и установление специальных правил, регламентировавших жизнь уже проживавших там евреев (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

4) 3 июня 1893 г. – дополнение правил об удалении евреев за черту оседлости (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2об.);

5) 9 и 26 августа 1893 г. – уточнения прав евреев области войска Донского (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2 об.);

6) 18 марта 1895 г. – запрет евреям прибывать в Кубанскую, Терскую и Донскую области для лечения (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2об.).

Может показаться странным, почему евреев с присоединенных территорий просто не выселили за черту оседлости. Однако нужно учитывать, что, во-первых, провести подобную операцию было бы не просто: только в Ростове-на-Дону к концу XIX в. проживало около 10 000 евреев, или около 10 % населения города (Сущенко, Ковынева, 2019: 235). А, во-вторых, даже П.С. Балугев после всех своих обвинений был вынужден признать, что евреи являются важнейшими покупателями произведенных казаками товаров, и без них эти товары просто не найдут рынков сбыта. Правда, первоначально начальник атаманской канцелярии с возмущением писал, что «евреи перекупают на рынках городов все произведения жителей области, поднимают им цены, открывают для сбыта новые рынки в других городах России и за границей, и перепродают их туда» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 4). Однако, обличив евреев в «эксплуатации» казачьего населения, П.С. Балугев вдруг указывал, что те же самые евреи «поднимают торгово-промышленную деятельность того края, где они проживают» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5). И, переходя к окончательному выводу, офицер постулировал следующее: «Безусловное воспреещение евреям жительства в присоединенных к области местностях нежелательно, так как эта мера может невыгодно отразиться на торгово-промышленной деятельности присоединенных городов, а значит, и почти всей области» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5). Впрочем, признав определенную пользу от евреев, офицер немедленно находил другую мишень для ксенофобских высказываний, присовокупляя, что евреи нужны еще и для того, чтобы ограничить влияние другой «коммерческой нации» – армян (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5).

Здесь уместно попытаться понять, насколько важную роль играли евреи в донской экономике и насколько обоснован был страх антисемитского войскового правления перед тем, что одномоментное изгнание еврейской общины «невыгодно отразится на торгово-промышленной деятельности». Согласно данным П.С. Балугева, на 1894 г. в донских городах евреи владели 865 предприятиями с годовым оборотом в 12 024 900 руб., а в сельских местностях – 17 предприятиями с годовым оборотом в 165 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). При этом большая часть еврейских предприятий занималась торговлей вообще (с оборотом в 4 085 500 руб.) и учтенной отдельно торговлей хлебом (с оборотом в 3 130 000 руб.) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). Для сравнения, вся продажа хлеба простыми донскими казаками, по очень примерным прикидкам Н.А. Маслаковца, в конце XX в. простиралась до суммы чуть более чем в 8 000 000 руб., а общий доход донских казачьих хозяйств составлял около 20 000 000 руб. (Маслаковец, 1899а: 57). Если мы примем, что расход казачьих хозяйств примерно соответствовал доходу, то их общий оборот не будет превышать 50 000 000 руб. (правда, здесь не учитываются поместья донских дворян). Таким образом, еврейские предприятия уже в первой половине 1890 гг. были очень заметны в хозяйственной жизни области Войска Донского и имели обороты, хотя и сильно уступающие казачьим хозяйствам, но того же порядка (десятки миллионов рублей). Если же добавить к этому утверждения П.С. Балугева, согласно которым именно евреи выступали крупнейшими посредниками между донскими казаками и рынками сбыта сельскохозяйственных товаров в сопредельных губерниях и за рубежом, вывод выйдет совершенно однозначным – гипотетическая массовая высылка евреев из городов, присоединенных в 1887 г. к области Войска Донского, действительно повлекла бы за собой полноценный региональный экономический кризис и тяжело ударила бы по благосостоянию казаков.

В этих условиях, исходя и из местной специфики, и из антисемитской позиции властей, политика постепенного выдавливания евреев из области Войска Донского, описанная нами выше, действительно могла казаться многим чиновникам оптимальным выходом. Новые евреи не могли переселяться на Дон; между тем число старожилов должно было постепенно сокращаться из-за отъезда отдельных семей. В итоге обороты еврейских торговых предприятий уменьшались бы постепенно, эти предприятия переходили бы в другие руки, и влияние донских евреев постепенно бы падало. Кроме того, умеренные антисемиты в Военном министерстве в принципе не ставили своей целью полное изгнание евреев за черту оседлости в какой-либо обозримой перспективе. Так, согласно все тому же Н.А. Маслаковцу, правительственные решения к концу 1890 гг. достигли своей главной цели, поскольку евреи «Ростова и Таганрога» «никакого на прочие места Донской Области влияния уже не имели» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3об.). Очевидно, генерал по-прежнему придерживался взглядов, согласно которым основную опасность представляли евреи, постоянно живущие в станицах и выступающие экономическими конкурентами казакам. Еврей-скупщики же были для Н.А. Маслаковца нежелательным, но отнюдь не таким пугающим элементом.

Вот только на практике администрация Н.И. Святополк-Мирского оказалась совершенно неспособна реализовать достаточно сложную политику «выдавливания» евреев с Дона косвенными методами. Не следует забывать, что эта администрация, как мы писали выше, вполне заслуженно имела репутацию некомпетентной и коррумпированной. С другой стороны, в 1890 гг. правления казачьих войск были жестко подчинены центральному аппарату Военного министерства, и для решения многих спорных ситуаций им предписывалось обращаться в Главное управление казачьих войск (ГУКВ) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 1-18). Между тем, как жаловался П.С. Балугев, донские власти столкнулись с тремя сложными вопросами, отсутствие законодательно прописанных ответов на которые развязало руки донской еврейской общине. Мы приведем эти вопросы дословно по тексту начальника атаманской канцелярии:

1) «Как надо понимать слово поселились, т.е. приобрели ли недвижимое имущество на каких-либо законных правах, или для приобретения права на жительство достаточно было одного того факта, что закон о присоединении застал еврея в одном из пунктов присоединенных местностей, и заявления его, что он живет в этом пункте?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

2) «Имеют ли право евреи переезжать из одного в другой присоединенные города?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

3) «Как поступать с теми евреями, которых закон застал на жительстве в присоединенных местностях, но затем они выехали в другие губернии и через некоторое время вернулись?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

Решение этих вопросов в каждом сомнительном случае осуществлялось как минимум войсковым начальством, а то и ГУКВ (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Между тем Н.И. Святополк-Мирский не любил перегружать себя гражданскими делами (Карасев, 1899: 113), а в ГУКВ подобные дела рассматривались годами из-за необходимости согласовывать их с другими министерствами (Редигер, 1999: 120). Согласно П.С. Балугеву, евреи широко пользовались этим, продолжая переселение на Дон, а властные структуры демонстрировали полное бессилие контролировать этот процесс, поскольку проверять степень обоснованности прав каждого еврея на водворение в области Войска Донского оказалось «слишком трудно» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

В итоге администрация Н.И. Святополк-Мирского добилась эффекта, прямо обратного ожидаемому: за 1890 гг. обороты еврейских предприятий на Дону не только не сокращались, но и выросли почти вдвое! К 1898 г. в донских городах было уже 899 еврейских предприятий с годовым оборотом в 23 174 700 руб., а в сельской местности – 27 предприятий с годовым оборотом в 159 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 20б.). Соответственно, еще больше возросло значение еврейской торговли: годовой оборот обычных еврейских торговых предприятий составлял 7 843 900 руб., а оборот учитывавшихся отдельно предприятий, торговавших хлебом, – вообще 8 739 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 20б.). Как мы видим, общий оборот еврейских предприятий достиг уже примерно половины от оборота всех хозяйств простых донских казаков, а зависимость последних от вывоза евреями хлеба на продажу возросла еще больше. Впрочем, администрация Н.И. Святополк-Мирского, несмотря на свой антисемитизм, не торопилась принимать мер на этот счет. В последние годы своего атаманства Н.И. Святополк-Мирский стал особенно пассивен и, как говорили злые языки, больше интересовался обустройством недавно купленного поместья, чем управлением Донской областью (Скорик, 2015: 78).

Очередное изменение ситуации вокруг донских евреев произошло совершенно внезапно. На фоне явного роста еврейской торговли в области Войска Донского положение простых казаков быстро ухудшалось. Стоимость коня и амуниции не соответствовала финансовым возможностям казачьих хозяйств, долги бедняков станичным правлениям за снаряжение на службу каждый год возрастали и к 1898 г. достигли 1 141 249 руб. (Маслаковец, 1899а: 43). В начале этого года донское дворянское собрание обратилось с ходатайством к Николаю II, призывая последнего создать специальную комиссию для исследования причин казачьего обеднения (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 4-40б.). Сразу же после получения императором дворянского ходатайства Н.И. Святополк-Мирский был снят с атаманской должности. На Дону шутили, будто бы, «уезжая, атаман плакал горячими слезами и, как гласит (маловероятное, впрочем) предание, там, где падали слезы на землю, рождались и расплзались в сторону маленькие крокодилы» (Петровский, 1916: 24). Для изучения ситуации в бласть Войска Донского был командирован Н.А. Маслаковец, признавший опасное обеднение казаков (Протоколы..., 1899: 1-2). Хотя прямо о том, что именно администрация Н.И. Святополк-Мирского разорила донское казачество, и не говорилось, кулуарно сам военный министр А.Н. Куропаткин признал: на фоне ежегодного увеличения войскового капитала на 300 000 руб. донские власти «не делали полезных расходов» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94).

И в этой ситуации окружение бывшего атамана, отводя удар от себя и желая переложить на других свои просчеты, попыталось вывернуть ситуацию так, будто бы донских казаков разорили... евреи. Нужно отметить, что ни в документах донского дворянского собрания, ни в заключениях Н.А. Маслаковца о причинах обеднения казаков евреи Ростова-на-Дону и Таганрога не упоминаются. Зато П.С. Балугев как раз в 1898 г. подготовил свой текст «О торгово-промышленной деятельности еврейского населения области и влияния его на торговую и промышленную деятельность населения

области». Показательно, что начальник войсковой канцелярии так и не смог ясно объяснить, почему скупка продуктов казачьих хозяйств евреями была вредна для благосостояния казаков, однако он насытил свой текст приведенными выше образцами антисемитской риторики и на ее основании утверждал, будто бы евреи «эксплуатируют» все остальное население империи вообще (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 40б.). И, что еще важнее для темы нашей статьи, П.С. Балувев призывал принять новую серию антисемитских законов, якобы необходимых для улучшения экономического положения донского казачества.

Предлагаемые законы можно было разделить на две группы. Первая из них преследовала целью изгнание из области Войска Донского большинства евреев, за исключением абсолютно необходимых для поддержания местной экономики. Кроме того, эти законы должны были облегчить процедуру изгнания, лишая евреев всякой защиты. Так, П.С. Балувев рекомендовал «выселить из селений Ростовского округа всех евреев, не имеющих недвижимой собственности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Но и еврей-собственники оказывались под ударом: П.С. Балувев требовал, чтобы защитой от выселения служили исключительно специальные полицейские «списки евреям, имеющим право на жительство» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Не попавших в эти списки евреев, даже представивших бесспорные доказательства того, что они жили в Ростове-на-Дону и Таганроге до их присоединения к области Войска Донского, предполагалось немедленно изгнать (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Вторая же группа «балуевских» законов должна была доводить дискриминацию донских евреев до крайних пределов, побуждая к отъезду за черту оседлости. Так, евреям, включая торговцев и промышленников, планировалось вовсе воспретить покупку новой недвижимости, оставив только право арендовать ее (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). На любую временную отлучку из области Войска Донского еврей должен был бы брать специальное удостоверение в полиции с указанием цели поездки, а нарушение этого правила начальник атаманской канцелярии находил необходимым карать изгнанием за черту оседлости (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Наконец, П.С. Балувев рассчитывал лишать права жительства на Дону евреев, переселявшихся как за пределы области, так и в ее пределах из одного города в другой (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Как мы видим, окружение Н.И. Святополк-Мирского попыталось сделать так, чтобы за разорение казачества наказаны оказались не донские чиновники, вина которых была очевидна современникам, но вовсе не причастные к этому процессу донские евреи.

Вероятно, предложения П.С. Балувева были доведены до сведения А.Н. Куропаткина. Военный министр и сам был склонен к проявлению антисемитизма, основанного на иррациональном страхе «порабощения русского племени евреями» (Куропаткин, 2003: 111). Описание евреев в его книге «Русская армия» даже стилистически очень близко к антисемитской риторике П.С. Балувева: «Они отличаются крайней неразборчивостью в средствах для достижения целей, главное же из них – подкуп. Они же умеют с необычайным искусством обходить закон. Путем установления изъятий, подкупа и обхода закона евреи давно разрушили черту еврейской оседлости, и уже свыше одного миллиона душ поселилось в губерниях вне черты еврейской оседлости» (Куропаткин, 2003: 107). И осенью 1898 г. А.Н. Куропаткин попросил Н.А. Маслаковца представить «заключение о вреде, который <...> мог бы быть нанесен населению Области Войска Донского от пребывания в ей евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1). И тогда человек, в бытность которого помощником донского атамана начались гонения на евреев на Дону, неожиданно выступил их защитником. Здесь ярко проявилась разница между «рациональным» антисемитизмом донских чиновников конца 1870 гг. и антисемитизмом иррациональным, возобладавшем в донской администрации с 1880 гг. Не вступая с П.С. Балувевым в полемику по существу, Н.А. Маслаковец перечислил все уже принятые меры по ограничению еврейского населения Дона и заявил, что, благодаря им, «Область Войска Донского ныне вполне обеспечена от <...> приобретения евреями какого-либо влияния на экономическую деятельность донского казачьего населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3). К сожалению, Н.А. Маслаковец не объяснил, как это его утверждение сочеталось с ролью евреев в донской торговле вообще и скупке донского хлеба в частности. Вероятно, генерал считал, что для экономики края национальность местных торговцев не важна, и улучшения благосостояния казаков от замены еврейских скупщиков русскими не произойдет. В любом случае, он выступил даже не против конкретных мер, предложенных П.С. Балувевым, но против самой идеи о дальнейшем ужесточении антиеврейского законодательства на территории области Войска Донского (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1-3). И в итоге комиссия, изучавшая причины обеднения донского казачества, вовсе не касалась «еврейского вопроса», а ее итоговый доклад не предусматривал никаких мер против евреев (Маслаковец, 1899а: 1-123).

Между тем становилось все очевиднее, что проблема обеднения донских казаков все больше занимает Военное министерство, и на ее фоне решение других проблем донского края отложено. В 1900 г. для изучения ситуации на месте на Дон прибыл лично А.Н. Куропаткин (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 4-40б.). Сопровождавшие его в поездке представители войсковой администрации, очевидно, убедившиеся в том, что попытки обвинить евреев в казачьих проблемах не находят поддержки, на сей раз воздержались от антисемитских инициатив. А сам военный министр на донских евреев не обратил внимания даже в Ростове-на-Дону и в Таганроге, с их еврейской диаспорой

и с еврейскими торговыми предприятиями. В целом же о приазовских городах и их торговле А.Н. Куропаткин отзывался вполне благосклонно, ничуть не связывая их с обеднением казачества. «Большой торговый город. Постройки прекрасные. Большое в городе оживление. Везде чистота и порядок», – писал он о Ростове-на-Дону (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 52). А Таганрог был удостоен им даже следующей сентенции: «В Таганроге очень живое население. Город стоит того, чтобы его поддерживать» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 52об.). Таким образом, несмотря на антисемитские предложения П.С. Балуева в 1898 г., Военное министерство не стало усиливать законодательные меры для ограничения еврейского населения Дона, а вскоре, с началом русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции, поменялась вся ситуация вокруг российских евреев.

Итак, второй раз еврейская община появилась в области Войска Донского в 1880 гт. Произошло это в результате подчинения Донскому Войску Ростова-на-Дону и Таганрога – городов со значительным еврейским населением, много лет лежавших в пределах черты оседлости. При этом для действовавшей в то время войсковой администрации Н.И. Святополк-Мирского был характерен крайний антисемитизм, основанный на страхе перед «эксплуатацией» казаков евреями. Тем не менее, учитывая объемы еврейской торговли и ее значение для экономики края, не могло даже идти и речи о немедленном изгнании всех донских евреев. В этих условиях Военное министерство попыталось перейти к политике мягкого вытеснения евреев с Дона: предполагалось, что, если запретить переселяться в область Войска Донского новым евреям, число евреев-старожилов постепенно будет сокращаться и даже сойдет на нет. Однако на практике администрация Н.И. Святополк-Мирского не была готова разбираться с правами на жительство каждого еврея персонально, и фактически в 1890 гт. значение евреев на Дону только возрастало: всего за пять лет, с 1894 г. по 1898 г., обороты еврейских предприятий почти удвоились! Это составляло разительный контраст с прогрессирующим обеднением казаков, и, когда администрация Н.И. Святополк-Мирского оказалась под шквалом критики из-за этого обеднения, начальник атаманской канцелярии П.С. Балуев попытался представить дело так, будто бы казаки беднели потому, что евреи богатели. Однако подобная попытка донских чиновников переложить собственную вину на евреев не нашла поддержки даже у более умеренных антисемитов, и в конечном счете за решением экономических проблем казачества «еврейский вопрос» на Дону отошел на второй план до 1905 г.

5. Заключение

Как мы убедились, в 1860–1890 гт. область Войска Донского в плане проживания на ее территории евреев находилась в совершенно особой для Российской империи ситуации. С одной стороны, формально она лежала за пределами черты оседлости; с другой – на практике, за исключением 1880–1887 гт. еврейская община на ее территории динамически развивалась. Причем происходило это, за исключением атаманства М.И. Черткова (1868–1874 гт.), вопреки желанию достаточно антисемитски настроенных властей. Положение донских евреев во второй половине XIX в. неоднократно менялось, и можно выделить четыре этапа развития еврейской общины в области Войска Донского:

1. До 1868 г. В это время в Донском Войске не действовало специальное антиеврейское законодательство, поскольку в нем просто не было нужды: территория войска была закрыта для приобретения недвижимости и постоянного проживания не только евреев, но и почти всех не казаков. При этом «полезные иногородние» часто нелегально селились в станицах, и теоретически в их числе могли быть евреи, однако подобные случаи происходили, очевидно, чрезвычайно редко. Н.И. Краснов в своем статистическом описании Земли Войска Донского начала 1860 гт. евреев не упоминал вовсе, так что можно с уверенностью говорить, что сколько-либо заметная еврейская община здесь отсутствовала.

2. 1868–1880 гт. В 1868 г. донским атаманом стал женатый на еврейке М.И. Чертков, а «русским подданным невойскового сословия» дозволили приобретать недвижимое имущество в пределах Земли Войска Донского. И новый атаман не только не принял мер, чтобы решить возникшую юридическую коллизию (Донское Войско осталось вне черты оседлости, а антиеврейское законодательство на его территории не было введено в действие), но и оказал покровительство семейству еврейских купцов Поляковых, организовавших приток евреев на Дон для работы на железных дорогах. Начался и процесс переселения отдельных евреев в казачьи станицы по собственной инициативе, оставшийся без внимания войсковых властей. Однако в 1874 г. на смену М.И. Черткову пришел Н.А. Краснокутский, администрация которого опасалась возникновения экономической конкуренции между казаками и евреями. Шансов для казаков выиграть эту конкуренцию донские чиновники не видели, и в 1880 г. в области Войска Донского наконец ввели в действие ограничительные меры против евреев, постепенно выселив последних за черту оседлости.

3. 1880–1887 гт. Несмотря на почти полное уничтожение еврейской общины на территории области Войска Донского, следующий атаман, Н.И. Святополк-Мирский, проявлял еще более радикальный антисемитизм, считая угрозой не только прямую экономическую конкуренцию казаков и евреев, но и «эксплуатацию» первых последними путем скупки продуктов казачьих хозяйств для

дальнейшей перепродажи. В итоге антиеврейское законодательство в Донском Войске продолжало ужесточаться, и допуск на его территорию был закрыт даже «нижним чинам из евреев».

4. 1887–1905 гг. Ситуацию в корне изменило присоединение к области Войска Донского приазовских городов с многочисленной и процветающей еврейской общиной. Оказалось, что войсковые власти просто не могут справиться с ней: полное выселение евреев за черту оседлости нанесло бы непоправимый ущерб донской экономике, а частные меры, введенные против донских евреев, оказались абсолютно неэффективны. Вопреки антиеврейской законотворческой деятельности местных и имперских властей, еврейские предприятия в Ростове-на-Дону и Таганроге процветали, а их доходы росли. В этой ситуации в 1898 г. войсковая администрация выступила с инициативой выселить всех евреев, не имевших недвижимой собственности, а оставшихся взять под полный контроль полиции. Однако поддержать подобные меры Военное министерство не решилось, и донской администрации пришлось смириться с тем фактом, что еврейская община стала полноценной частью населения области Войска Донского.

Литература

- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
 Гонтмахер, 2007 – Гонтмахер М.А. Евреи на донской земле. Ростов-на-Дону, 2007. 852 с.
 Гутман, 2004 – Гутман М. Евреи среди казаков // *Лехаим*. 2004. № 8. [Электронный ресурс].
 URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/148/gutman.htm>
 Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–266.
 Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. С. 106–116.
 Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
 Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
 Куропаткин, 2003 – Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. 590 с.
 Маслаковец, 1872 – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872. 114 с.
 Маслаковец, 1874 – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 2. Новочеркасск, 1874. 95 с.
 Маслаковец, 1899а – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
 Маслаковец, 1899б – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.
 Мовшович, 2006 – Мовшович М.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону, 2006. 303 с.
 Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
 Олейников, 2014 – Олейников А.В. Успешные генералы забытой войны. М., 2014. 320 с.
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 Петровский, 1916 – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
 Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. 1899. 289 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. II. М., 1999. 574 с.
 Ряжев, Сангаджиева, 2018 – Ряжев А.С., Сангаджиева Е.В. Н.А. Маслаковец о хозяйстве донских калмыков // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2018. № 14. С. 63–76.
 Сватиков, 1924 – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
 Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
 Сущенко, Ковынева, 2019 – Сущенко В.А., Ковынева М.В. Обустройство евреев на донской земле и их укоренение в деловой элите города Ростова-на-Дону в XIX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 1 (134). С. 223–239.
 Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. Российско-украинское приграничье в 1917–1919 гг.: особенности политико-административных преобразований на Дону и в Крыму // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2019. № 1 (44). С. 47–55.

[Volvenko, 2015](#) – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- [GARO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- [Gontmakher, 2007](#) – *Gontmakher, M.A.* (2007). Evrei na donskoi zemle [Jews on the Don land]. Rostov-on-Don. P. 852. [in Russian]
- [Grigorovich, 1911](#) – *Grigorovich, N.S. Pamyati, N.A.* (1911). Maslakovtsa [In Memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 23. Orenburg, 1911. Pp. 262-266. [in Russian]
- [Gutman, 2004](#) – *Gutman, M.* (2004). Evrei sredi kazakov [Jews among the Cossacks]. *Lechaim*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/148/gutman.htm> [in Russian]
- [Karasev, 1899](#) – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. 5: 106-116. [in Russian]
- [Korniyenko, 2013](#) – *Korniyenko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- [Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]
- [Kuropatkin, 2003](#) – *Kuropatkin, A.N.* (2003). Russkaya armiya [Russian army]. SPb. P. 590. [in Russian]
- [Maslakovets, 1872](#) – *Maslakovets, N.A.* (1872). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Part 1. Novochoerkassk. P. 114. [in Russian]
- [Maslakovets, 1874](#) – *Maslakovets, N.A.* (1874). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Part 2. Novochoerkassk. P. 95. [in Russian]
- [Maslakovets, 1899a](#) – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti vojska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]
- [Maslakovets, 1899b](#) – *Maslakovets, N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novochoerkassk, 1899. P. 11. [in Russian]
- [Movshovich, 2006](#) – *Movshovich, M.V.* (2006). Ocherki istorii evreev na Donu [Essays about the history of Jews on the Don]. Rostov-on-Don. P. 303. [in Russian]
- [Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novochoerkassk. P. 774. [in Russian]
- [Oleinikov, 2014](#) – *Oleinikov, A.V.* (2014). Uspeshnye generaly zabytoi voiny [Successful generals of a forgotten war]. M. P. 320. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].
- [Petrovskij, 1916](#) – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novochoerkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlyennym. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novochoerkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novochoerkassk. P. 40. [in Russian]
- [Protokoly..., 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. 1899. P. 289. [in Russian]
- [Rediger, 1999](#) – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. II. M. P. 574. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].
- [Ryazhev, Sangadzhieva, 2018](#) – *Ryazhev, A.S., Sangadzhieva, E.V.* (2018). N.A. Maslakovets o khozyaistve donskikh kalmykov [N.A. Maslakovets about the economy of the Don Kalmyks]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 14: 63-76. [in Russian]

- Skorik, 2015** – Skorik, A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]
- Sushchenko, Kovyneva, 2019** – Sushchenko, V.A., Kovyneva, M.V. (2019). Obustroistvo evreev na donskoi zemle i ikh ukorenenie v delovoi elite goroda Rostova-na-Donu v XIX v. [Settlement of Jews on the Don land and their rooting in the business elite of the city of Rostov-on-Don in the 19th century]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(134): 223-239. [in Russian]
- Svatikov, 1924** – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]
- Tatarinov, 2019** – Tatarinov, I.E. (2019). Rossiisko-ukrainskoe prigranich'e v 1917-1919 gg.: osobennosti politiko-administrativnykh preobrazovaniy na Donu i v Krymu Russian-Ukrainian borderlands in 1917-1919: features of political and administrative transformations in the Don and Crimea. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1(44): 47-55. [in Russian]
- Volvenko, 2015** – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. 14(2): 94-107.

Администрация Войска Донского и местная еврейская диаспора в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko^{a, *}

^a Международнyй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственнyй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. История евреев области Войска Донского до настоящего времени остается недостаточно изученной. В частности, отношение местных властей к евреям вовсе не исследовалось специально ни профессиональными учеными, ни даже краеведами-любителями. Данная статья представляет собой первую попытку установить, какой политики в «еврейском вопросе» придерживались администрации трех донских атаманов конца XIX в.: М.И. Черткова, Н.А. Краснокутского и Н.И. Святополк-Мирского. В научнyй оборот вовлекаются неопубликованные рукописи об истории евреев на Дону, принадлежащие перу Н.А. Маслаковца (помощника Н.А. Краснокутского и Н.И. Святополк-Мирского по гражданской части) и П.С. Балужева (начальника канцелярии Н.И. Святополк-Мирского). Автор показывает, что область Войска Донского в течение длительного времени, хотя и по разным причинам, находилась в уникальном положении, располагаясь за пределами черты оседлости, но при этом имея на своей территории динамично развивающуюся еврейскую диаспору. При этом каждый атаман проводил свою политику по отношению к евреям, причем их антисемитизм последовательно возрастал: М.И. Чертков был достаточно лоялен по отношению к еврейской диаспоре; Н.А. Краснокутский демонстрировал умереннyй антисемитизм, основанный на страхе того, что казаки проиграют экономическую конкуренцию евреям; а Н.И. Святополк-Мирский отличался радикальным антисемитизмом, основанном на иррациональной демонизации евреев.

Ключевые слова: евреи, область Войска Донского, межнациональные отношения на Юге России, Н.А. Маслаковец, П.С. Балужев.

* Корреспондирующий автор

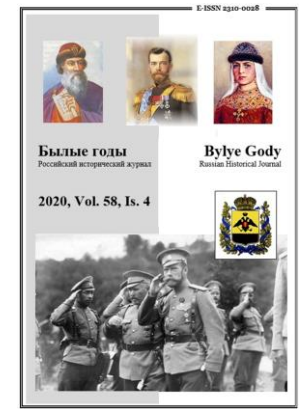
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2622-2630. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2622
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Question of Ruthenian-Ukrainian Peasants of Galicia in the second half of the XIX – early XX century

Alexey G. Topilsky ^{a,*}, Ruslan M. Zhitin ^a

^aTambov State University named after G.R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

The development of national consciousness of the Ruthenian-Ukrainian population on the territory of Austrian Galicia during the second half of XIX – early XX century were characterized by the presence of a number of alternative versions of national identity, especially Russian, Ukrainian, Polish, Ruthen. These types of national identity were primarily due to the peculiarities of interaction with the prevailing Polish and Jewish influence in the cultural, socio-economic, and socio-political life of Galicia during this period. Their significant role in the economic development of the region, and above all-control over large tabular land ownership-caused the presence of a pronounced national dichotomy of large land owners and peasants who worked in the agricultural sector of Galicia.

In view of the above, this article examines the Polish-Ruthenian and Jewish-Ruthenian representations of the second half of the XIX-early XX century in the context of the analysis of the press and the program settings of political parties. It is shown that certain Ruthenian-Ukrainian political parties in Galicia (primarily radicals) fought against the growing anti-Semitism and polonophobia among the peasantry, as well as among the secular and spiritual intelligentsia. Manifestations of negative attitudes towards Jews among a number of political figures and publicists of the Ruthenian movements are considered, and key ways of promoting their views are indicated. The article describes the connection of hierarchs and individual representatives of the Greek Catholic Church with existing interethnic contradictions, the role of its clergy in the development of Ukrainian national consciousness in Austrian Galicia during the second half of the XIX – early XX century.

Keywords: Galicia, peasants, Jews, Poles, Ruthenians.

1. Введение

Экономическое развитие Австро-Венгрии по капиталистическому пути во второй половине XIX века вызвало, наряду с ростом товарного производства, изменение прежних форм хозяйствования. Обезземеливание и обнищание русино-украинского крестьянства Галиции вызывало обострение напряженности в регионе, которое выражалось в том числе в росте межэтнических конфликтов.

2. Материалы и методы

В качестве основных источников следует выделить делопроизводственную документацию (*Stenograficzne...*, 1904), представленную протоколами заседаний краевого Сейма, прессу («Громадский голос», «Дело», «Новый громадский голос», «Червонная Русь», «Kurjer Lwowski», «Nowy Glos Polski») и публицистику исследуемого периода (Франко, 1898, Franko, 1887), в которых отражено взаимодействие русинского движения с польским и еврейским.

* Corresponding author

E-mail addresses: a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin)

Методологическая основа статьи включает применение историко-типологического и историко-сравнительного методов, позволивших исследовать особенности национального становления русино-украинского населения Галиции. Использование микроисторического подхода обеспечило выявление развития национального движения (в частности на материале эволюции воззрений со стороны населения и общественно-политических деятелей на русино-еврейские экономические отношения). Мы руководствовались также принципом историзма, предполагающим анализ предмета исследования с учетом реалий конкретной исторической эпохи.

3. Обсуждение

В российской историографии сложились прочные традиции изучения общественно-политической жизни русин. В дореволюционной исторической науке выделяется труд А.Л. Погодина (Погодин, 1915), представляющий особую ценность благодаря введению в научный оборот значительного исторического материала. В советское время различные аспекты экономического развития русино-украинского крестьянства Галиции рассматривались в трудах В. Макаева (Макаев, 1968), П.В. Свежинского (Свежинский, 1966), М. Кравца (Кравець, 1964) и др. В современной российской историографии следует выделить работы А.И. Миллера (Миллер, 1998), подробно анализирующего отношения между польскими помещиками и русино-украинскими крестьянами. Современная зарубежная историография представлена прежде всего работами украинских, американских, немецких и австрийских историков. Австрийский историк Кай Струве (Штруве, 2011) охватывает в своих работах украинских крестьян как в Габсбургской, так и в Российской империях. Канадский исследователь И.-П. Химка (Himka, 1988) сосредоточил свое внимание на социокультурных проблемах в Галиции, в частности на роли радикалов и грекокатолической церкви в формировании национального самосознания. Украинский историк О. Сухий (Сухий, 2003) рассматривает положение украинцев и поляков в Галиции.

4. Результаты

Вторая половина XIX века стала временем роста национального самосознания среди восточнославянского населения Галиции. Важную роль в формировании национального сознания играла грекокатолическая церковь. Духовенство боролось за обучение русин на родном языке, создавало школы, общественные организации и общества. С конца 1860-х гг. священники активизировали работу на селе. Они основывали товарищества трезвости, читальни, кооперативы, стремясь к искоренению пороков в русинской сельской среде (Михальский, 2002: 56). В то же время значительная часть священников не оказывала действенной помощи в росте грамотности и рационального хозяйствования крестьян, ограничиваясь увещаниями. Это можно объяснить бездействием иерархов грекокатолической церкви, так как единственным актором, не отстаивавшим необходимость экономических реформ, была львовская грекокатолическая консистория во главе с митрополитом, призывавшим ограничиться улучшением быта крестьян их же силами – больше работать и экономить.

Деятели русофильского и старорусинского направлений осуждали фактическое бездействие духовенства. В частности, с такой критикой выступал просветитель Иван Наумович, который писал в 1886 году: «В церкви горели свечи, а под саму церковь влез еврей в хату. И теперь не выкуришь его ничем» (Качор, 1960: 8). Мончаловский неоднократно отмечал, что основной вред развитию русино-украинского населения идет со стороны евреев. Так, он писал: «Наши доморожденные «русско-украинские радикалы», т.е. социалисты, живут в тесной дружбе с жидами, хотя жидовские корчмари и ростовщики (лихвары) и являются главными эксплуататорами крестьянского населения, т.е. того сословия, которое социалисты хотят сделать счастливым. У нас еще не было примера, чтоб «русско-украинские радикалы» выступили против эксплуатации народа жидами, зато они усердно ратуют против русского духовенства и церкви» (Мончаловский, 1898: 113). В старорусинской газете «Червонная Русь» одобрялась политика ограничения прав евреев Александром III; утверждалось, что в России уровень жизни значительно вырос. «Он, однако, также вполне народный и строго антисемитский император. Численные нигилистические процессы доказали, какое печальное влияние производили русские жиды на внутренние отношения империи, и это убедило императора. Ныне жалуются вправду жиды в России на сильный гнет, но остальные народы пространной империи процветают под благословением начатой царем политики благосостояния. Русский селянин зарабатывает много грошей, а с ним все остальные сословия» (Червонная Русь, 1890).

Участие русино-украинских националистических деятелей в работе на селе выражалось также в пропаганде антисемитизма среди детей. В частности, при проверке школьных учебников нередко изымали или перефразировали разделы, где звучали призывы к истреблению поляков и евреев. Так, были переписаны строки у Шевченко: вместо «Потече богато-богато-богато шляхетской крови! Козак заспева: ни жида, ни ляха!» сделали «Потече богато татарской крови; Козак заспева: ни лиха, ни врага!», убрав тем самым антисемитские и антипольские слова (Мончаловский, 1898: 161).

Радикалы (Будзиновский, Витик, Франко и др.) вели активную пропаганду в поддержку забастовочного движения, чтобы направить недовольство крестьян в русло борьбы за социально-

экономические права и не допустить еврейские погромы, которые были в это время в Российской империи. В 1897 году на IV съезде РУРП крестьяне призывались к забастовкам; позднее такую же политику проводила УНДП. Во многом в результате призыва к аграрным забастовкам удалось упорядочить сельскохозяйственное движение и перевести протест с традиционных еще в середине XIX века погромов усадеб к забастовкам с выдвиганием политических требований.

Правящие круги относились к бастующим крайне враждебно. Регулярно вводились войска в те или иные деревни, арестовывались бастующие. Так, после столкновения крестьян с жандармами в с. Глуховичи 12 человек было арестовано (*Nowy Glos Polski, 1902: 27 czerwca*). В Тернопольский повет для подавления выступлений отправили два эскадрона кавалерии. Наместник Галиции, член партии подоляков Пининский 1 августа 1902 года обратился к населению с призывом к прекращению забастовки (*Kurjer Lwowski, 1902: 3 sierpnia*). Старосты на местах угрожали крестьянам наказаниями за отказ от работ. Во многих случаях польские помещики подавляли волнения своими силами. В то же время значительная их часть шла на уступки работникам. Помещик с. Угерцы Небитовский выступал за выстраивание таких отношений с крестьянами, чтобы они имели прибыль. Граф Дудин-Барановский в Залищицком повете просил священников огласить в церквях, что сбор ягод и грибов будет бесплатным.

Аграрные забастовки были поддержаны польскими социал-демократами. Они регулярно публиковали сведения о забастовках, освещали жестокость при подавлении крестьянских выступлений. Одна из задач социал-демократов заключалась в объединении польского и русинского пролетариата. Вследствие этого 24 июля 1902 г. было издано воззвание к польским крестьянам с призывом выступить вместе против магнатов. Лидер партии Дашинский активно выступал против репрессий и защищал права крестьян в венском парламенте. В результате в забастовке приняло участие около 20 тыс. польских крестьян. Людовцы отмечали, что националистический характер забастовок русино-украинского крестьянства вредит польскому движению. Так, 22 сентября 1902 г. депутат рейхсрата Ольшевский заявлял, что выступления были организованы для уничтожения польского влияния в Восточной Галиции (*Partacz, 1996: 120*). В результате людовцы были категорически против вытеснения польского землевладения из региона.

Ключевыми акторами польской политики в Восточной Галиции конца XIX – начала XX веков были консервативные силы, т.н. «подоляки». Среди них можно выделить старое и новое течение. Старое было представлено владельцами латифундий, которые стремились сохранить власть в крае, опираясь на поддержку австрийской власти и борясь против социально-экономических и политических изменений. Молодое течение стремилось активизировать польское национальное движение, увеличить польское представительство в Сейме и Рейхсрате, что вызывало недовольство в русино-украинском лагере. Среди либерально-демократических сил было распространено мнение о целесообразности союзничества с русинскими течениями для противовеса консерваторам, однако подобный союз не сложился (*Михальський, 2002: 37*). Консервативная польская пресса на первых этапах забастовок не освещала их, первые статьи с критикой волнений появились только 26 июля 1902 года. Утверждалось, что крестьяне «бастуют, так как настала мода, ибо так делают другие». Национальные демократы были готовы пойти на союз с шляхтой для «обороны края от русинов» (*Михальський, 2002: 69*). Новое течение подоляков также выступало против забастовок. Один из их лидеров З. Козловский предлагал привлекать сельскохозяйственных работников из Западной Галиции, чтобы снизить последствия крестьянского движения. Широкий размах забастовочного движения привел к тому, что польские демократы также критиковали русино-украинских крестьян за борьбу против польской власти. Они отмечали, что не пойдут на уступки русинам и не уйдут из Восточной Галиции (*Nowy Glos Polski: 1902, 1 sierpnia*). Таким образом, аграрные забастовки 1902 года привели к углублению польско-русинского национального противостояния. Польские политические силы в большинстве своем объединились против русино-украинского движения.

Интересную информацию о русино-еврейских отношениях можно найти в партийной прессе. Еврейский вопрос находился в центре внимания практически всех русинских газет, которые были печатными органами политических партий и объединений. Для журналов «Народ», «Громадский голос», «Новый громадский голос» (печатные органы галицийских радикалов) характерна активная информационная кампания, проводимая с целью налаживания русино-еврейского политического сотрудничества. На страницах изданий публиковались многочисленные статьи и материалы на еврейскую тематику, лейтмотивом которых было межнациональное согласие.

Поскольку радикалы принадлежали к левому крылу политических партий, свои призывы и предложения они адресовали соответствующим кругам еврейской общины Галиции. Еврейский вопрос в деятельности русинских социал-демократов нашел свое отражение на страницах журналов «Воля», «Вперед», «Червоний прапор». Как и радикалы, они также выступали за межнациональное согласие и русино-еврейское сотрудничество. В партийной прессе социал-демократы высказывали убеждение, что еврейское население Галичины – это объект манипуляций органов власти во время выборов в сейм и Государственный совет. Наряду с этим, значительное внимание УСДП сосредоточила на анализе еврейских погромов и выступила с резким осуждением любых проявлений антисемитизма, подчеркивая искусственное разжигание межнациональной розни.

Периодические издания украинских национал-демократов «Свобода» и «Дело» подходят для анализа еврейского вопроса из-за многочисленных публикаций на еврейскую тематику. Несмотря на критические высказывания в адрес еврейской общины Галиции начала XX в., национал-демократы пришли к компромиссу с сионистами. Политическое сотрудничество во время избирательных кампаний в законодательные органы власти показало позитивные сдвиги в украинско-еврейских отношениях, о чем и было заявлено на страницах журналов.

Если представители украинских радикалов, национал-демократов и социал-демократов были заинтересованы в украинско-еврейском понимании, то галицийские консерваторы выступили за категорическую неприемлемость такого рода сотрудничества. Христианские общественники публиковали статьи, в которых еврейское сообщество показано с негативной стороны с возложением ответственности за кризисные явления в социально-экономической и общественно-политической жизни Галиции. Поэтому консерваторы отвергали любые возможности для межнационального согласия.

Их взгляды разделяли русофилы, о чем наглядно демонстрируют публикации на страницах журнала «Червона Русь». Категоричность в вопросе русино-еврейского сотрудничества и межнационального согласия была также обусловлена влиянием политики Российской империи в решении еврейского вопроса. В то же время русофилы активно информировали читателей о событиях социально-экономической жизни еврейского сообщества Галиции.

Важной частью программы РУРП был национальный вопрос. Однако на пути его реализации партия встретила ряд препятствий, прежде всего полиэтничным составом населения Галиции. В связи с этим партийное руководство обратило внимание на еврейский вопрос, решение которого обеспечило бы реализацию собственных программных установок. Радикалы осознавали, что на фоне распространения в Европе антисемитизма и активизации сионизма необходимо найти пути для русино-еврейского понимания. При таких обстоятельствах в декабре 1895 г. на IV съезде РУРП была принята новая редакция программы партии, чьи положения фактически стали углублением предыдущей. Среди них стоит выделить требования «широкой автономии общин в администрации народных школ и права выбора учителей для общин», а также «передачу права выбора всех властей церковных и администрации имения церковного в руки общин вероисповедных». Чуть позже разъяснения этой программы были помещены в «Громадском голосе», где в частности отмечалось, что «всю вину за финансовые проблемы другие партии сваливают на жидов. Жид, говорят они, это одинокий ростовщик. Однако мы считаем, что не только жид высасывает наши соки, и целая куча христиан, как вороны, каркают над холонским трупом». Более того, осознавая свое влияние на русино-украинское крестьянство, партийное руководство заявляло: «Мы должны выступать и бороться не против жидов, а против тех, что кровь нашу пьют, без осмотра, то пиявка в жидовском халате, в барском цилиндре или даже в сутане» (*Громадский голос, 1897: 1 сепня*).

По состоянию на 1898 г. РУРП уже выработала четкую позицию по еврейскому вопросу. Миссию систематизатора в этом плане взял на себя И. Франко, из-под пера которого вышло программное дополнение под названием «Радикальная тактика». В одном из разделов этой брошюры И. Франко отмечал, что фактически вся программа РУРП построена так, чтобы уничтожить в будущем «господство... тунейдцев над трудящимися людьми».

Более того, Франко в очередной раз подчеркивал, что «радикалы не являются антисемитами» и не будут призывать к насильственным действиям против евреев. Позицию партии Франко обосновал так: «Радикалы умеют хорошо разграничивать и знают, что тот иудейский лавердак с пейсами (...) есть далеко меньший враг мужика, чем тот цивилизованный, во фраке и украшениях, иудейский финансист, миллионер, спекулянт и скотник, что вращает миллионами, ходит по под руку с графами и министрами, которому сжимают руку епископы и митрополиты. Против тех внушительных пиявок выступают радикалы сильнее всего» (*Франко: 1898: 11*).

Следует отметить, что Иван Франко был в достаточной степени осведомлен о положении евреев на украинских землях. В частности, он отмечал, что «антиеврейское движение, как будто какая-то заразная болезнь, грассирует ныне по всей Европе, именно там, где находит для этого подходящие зародыши. Перед ними нужно нам стеречься, как будто перед заразной болезнью». Перу Франко принадлежит статья, опубликованная в 1887 года, «Семитизм и антисемитизм в Галиции» («*Semityzm i antisemityzm w Galicji*»), где он подчеркивал, что «ни одна религия, ни одно убеждение, ни одна народность и ни одна раса не были и не могут быть предметом нашей ненависти» (*Franko, 1887: 435*).

В декабре 1904 г. принят новый вариант программы радикальной партии. Она требовала отмены любых ограничений общественного равенства и свободного культурного развития меньшинств; самоуправление украинско-русскому и всем политически зависимым народам; устранение милитаризма и сопряжение усилий на примирение всех народов ради труда над всечеловеческим добром. В разделе «Политические дела» отмечалась перестройка «австрийского государства на федеративную связь народов, с политической автономией каждой народности на территории, заселенной преимущественно ею с заверением меньшинствам всех политических и национальных прав». В «Делах культуры и просвещения» были требования введения украинского языка как правительственного и преподавательского в образовательных учреждениях,

«предостерегая для национальных меньшинств полное уважение прав их языка, права образования в родном языке и развоя родной культуры» ([Новый громадский голос, 1905: 5 січня](#)).

Свои программные основы лидеры РУРП стремились воплотить в практическую плоскость сразу после образования партии. Уже в декабре 1890 г. появились признаки политического сближения украинских радикалов с еврейской интеллигенцией.

Подтверждением этого стало вече, которое состоялось в декабре 1890 г. во Львове. На нем лидеры радикалов вместе с представителями еврейской общины выступили за реформу австрийской избирательной системы. Редактор «Громадского голоса» Н. Павлик так отзывался об участии еврейской общины в митингах: «Надо заметить, общность рабочих жидовских и их приятелей с христианскими не имеет ничего общего с теми задушевными забагами висших польских слоев, чтобы жидов ополечить». Солидарное участие поляков, евреев и украинцев с целью расширения политических прав, по мнению Н. Павлика, давало основания для надежды на их постепенную реализацию ([Макарчук, 2001: 439-440](#)). В 1892 г. радикалы поддержали бастующих еврейских ткачей в Коломые, которые требовали улучшения условий труда. Очевидно, что такая солидарность не была случайной и закладывала фундамент дальнейшего украинско-еврейского сотрудничества.

С началом XX в. радикалы в еврейском вопросе продолжали неизменно придерживаться своих программных основ. Об этом речь шла в комментариях «Громадского голоса» на запрос депутата Галицкого сейма Станислава Стояловского по избавлению еврейского судьи права принимать присягу от христиан ([Stenograficzne..., 1904: 372](#)). Более того, радикалы подвергли осуждению русино-украинских депутатов, которые поддержали это предложение, расценивая его как «что-то низкое, плохое, что просто нечего верить, чтобы так поступили послы народа, который сам с напряжением всех сил должен бороться за каждое свое право. Как можно жаждать равноправия для себя, когда одновременно жаждешь ограничения того равноправия для других?» ([Новый громадский голос, 1904: 4 падолиста](#)). Учитывая такую позицию, можно утверждать, что среди других политических сил радикалы активно добивались защиты прав иудеев, а их стремление принять участие в решении спорных межнациональных вопросов указывало на межэтническую толерантность и поиски путей сотрудничества.

Важность еврейского вопроса для радикальной партии подчеркивает тот факт, что партийные органы стабильно информировали на страницах газет о положении евреев не только в Галиции, но и за ее пределами. Обычно это была информация о еврейских погромах ([Громадский голос, 1911: 21 червня](#)) или же, для примера, констатация факта проведения сионистского съезда ([Громадский голос, 1911: 23 серпня](#)). Однако случались и аналитические разведки, как в «Громадском голосе» за 1904 г., где в достаточно острой форме было отреагировано на публикации, посвященные еврейской общине. Так, по сообщению журнала, министр внутренних дел России, князь Святополк-Мирский, в интервью газете «Echo de Paris» заявлял, что, несмотря на попытки вести политику в духе либерализма, в отношении евреев будут уживаться определенные ограничения с целью недопущения их «превосходства над православными».

На слова министра у радикалов нашелся следующий ответ: «Когда российский министр думает, что пара миллионов евреев может взять за чуб несколько десятков миллионов православных, то разве те православные полные бездари» ([Новый громадский голос, 1904: 22 вересня](#)).

Отдельно стоит отметить, что лидеры РУРП в определенной степени проявляли заинтересованность во внутренней жизни еврейской общины. Поводом к этому стало то, что в конце 1905 г. в еврейской среде Галиции начали раздаваться призывы к расставанию с еврейскими корнями и ассимиляции еврейского народа с поляками. «И это в то время, – писал «Новый громадский голос», – когда во всех закоулках ведется борьба за независимость национальности, когда доктор Бирнбаум в Вене зовет жидов, чтобы перестали быть «мошками», отвратительным орудием господствующего класса» ([Новый громадский голос, 1905: 21 грудня](#)). Известный в то время философ и общественный деятель Натан Бирнбаум открыто выступал против еврейской ассимиляции «с господствующим народом». Он считал, что еврейская община в Галиции должна стремиться к взаимодействию с русинами, которые не принимали активного участия в антисемитизме и не требовали еврейской ассимиляции ([Дашкевич: 1990: 69-70](#)). Общей же проблемой в положении обоих народов была политическая зависимость, а значит и не сложно было найти пути к взаимопониманию.

В начале XX в. наблюдалось стремление к политическому сотрудничеству в еврейском вопросе между радикалами и украинской национал-демократической партией. Ее лидер Ю. Романчук на сессии австрийского парламента 1906 года, анализируя достижения и потери в борьбе за национальную самобытность еврейского народа, отмечал: «Мы должны с чисто тактической стороны способствовать этим соревнованиям, ибо тогда сила нашего врага уменьшится на 600 тыс. ведущих «из интереса поляков» ([Громадский голос, 1906: 12 січня](#)). Усугубляло эти надежды и образование в 1905 году Еврейской социал-демократической партии. Ее деятельность, а особенно четкая организованность и скорость реализации программных положений получили положительные отзывы радикалов.

Такое сближение на политическом уровне украинских радикалов и евреев вызвало и без того жесткую реакцию со стороны духовенства, которое убеждало общественность, что «радикалы и

социалисты – то безбожники, они в бога не веруют. Вместе с жидами – потому что без них обошлось бы, где идет уничтожение святой веры, – они хотят перевернуть христианство с гор до корней» (*Громадский голос, 1906: 3 серпня*).

В свою защиту и для объяснения собственной позиции по этому вопросу «Громадский голос» опубликовал комментарий, суть которого сводилась к объединению вокруг общей идеи борьбы против «эксплуатации и гнета со стороны капиталистов и владельцев крупных имений» как радикалов и социалистов, так и еврейских социалистов, польских, немецких и др. Более того, радикалы характеризовали еврейских рабочих с положительной стороны, отмечая, что «жидовские товарищи далеко упорнее и увереннее наших в борьбе против господства бездельников, ибо они более образованны, так что раввины не в силах загулять их или утратить... Между жидами есть порядочные, честные и характерные единицы, которых болит сердце, когда они видят, как капиталисты, польские паны и жидовские арендаторы грабят рабочий народ» (*Громадский голос, 1906: 3 серпня*).

Итак, накануне выборов в австрийский парламент в 1907 году представители радикалов и сионистов Галиции подошли к общему политическому знаменателю. Это стало своеобразным итогом программных наработок РУРП, воплощение которых предполагалось осуществить во время избирательной кампании. В результате политических договоренностей 1907 года в австрийский парламент с помощью радикалов были избраны два еврейских депутата: львовский адвокат Генрих Габель и доцент Пражского университета Артур Малер. Как отметили сами радикалы, причиной совместного украинско-еврейского голосования было «через выбор сионистов не допустить на послов двух всеполяков и помочь евреям осознать и всему миру, что евреи это не поляки, а отдельный народ» (*Громадский голос, 1907: 28 червня*). Трое еврейских депутатов от Галичины – А. Малер, Г. Габель и А. Штанд – совместно с представителем сионистов из Буковины Б. Штравхером образовали первый в европейском парламенте еврейский клуб. За поддержку в избирательной кампании еврейские депутаты в большинстве общих вопросов выступали совместно с русинами.

Такое сотрудничество откровенно беспокоило польскую сторону, уделяющую еврейскому вопросу значительное внимание. Потеря влияния на еврейское сообщество Галиции могла привести к распространению сепаратизма и краху польской политики в межнациональных отношениях. В подтверждение такого предположения можно привести размышления польского исследователя В. Яворского, который, анализируя избирательную кампанию 1907 года, отметил: «Еврейский сепаратизм, что появился во время выборов, их коалиция с социалистами и украинцами против поляков, выбор в конце концов иностранца показал, что надо будет значительной развлеченности и спокойствия в других евреях, чтобы похоронить у нас антисемитизм. Мы бы его считали несчастьем для нашей страны, но сионизм и его случайная победа является обычным путем к нему, поэтому в сионизме должны видеть один продукт, большой, грозный и губительный для спокойствия нашего общественного труда» (*Васьків, 2012: 209-210*).

В целом Радикальная партия с целью повышения своего авторитета и расширения влияния в среде еврейской общины Галичины в конце XIX – начале XX вв. значительное внимание уделяла еврейскому вопросу, общественная резонансность которого в это время была достаточно значительной. Заложенные в программах принципы автономии общин должны были способствовать предоставлению равноправия еврейскому населению не только на бумаге, но и на практике.

Политическое сотрудничество украинских радикалов с евреями было продиктовано взаимопомощью в поддержке тех или иных национальных вопросов на различных ступенях властной вертикали. Такая позиция русин и евреев определялась совместными усилиями, направленными в противовес действиям ассимиляторов. Поддержка радикалами евреев также имела целью снять напряжение в межнациональных отношениях и в дальнейшем исключить возникновение любых проявлений противостояния. К этому стоит добавить, что среди других партий Галиции на рубеже XIX–XX вв. позиция РУРП в этом вопросе была наиболее аргументированной и взвешенной.

Результаты сотрудничества между украинскими радикалами и прогрессивно настроенными еврейскими кругами, которые особенно активизировались в начале XX в., вызвали откровенное беспокойство польской стороны, которая пыталась не допустить консолидированных совместных действий политически зависимых народов. Обе стороны совместными усилиями уверенно шли к намеченной цели, однако на пути ее реализации стала Первая мировая война, фактически нивелировавшая политические наработки радикалов.

Нарастала проблема украинско-еврейского противостояния. Ввиду роста еврейского землевладения и значительной занятости евреев в торговле русино-украинские общественно-политические организации регулярно публиковали материалы, направленные против социально-экономического влияния евреев. При этом следует отметить, что с развитием пауперизации крестьянства росла тональность антисемитских публикаций. Так, в газете «Дело» в 1880 г. отмечалось, что закабаление крестьян было «бесконфессиональным»: за счет рустикального банка шел рост закредитованности сельского населения. В случае, если крестьянин вовремя не выплачивал проценты, по ним набегала внушительная сумма. Например, отмечалось, что один селянин подписал

в 1872 году задолженность на 350 гульденов, получил на руки 269 гульденов 57 крейцеров, выплатил 73 злотых 29 крейцеров, и должен на 1879 год 470 гульденов (*Дело, 1880: № 3*).

Спустя несколько лет, в 1886 году, в той же газете утверждалось, что евреи несут ответственность за ухудшение жизни русин, что обосновывалось продажей на аукционе крестьянских хозяйств. Рост лицитаций прекратился в 1879 г. и сменился последовательным их сокращением. Среди причин продажи хозяйств с молотка можно выделить, кроме налоговой и ипотечной задолженности крестьян, еще их поручительство за иных лиц, риски при перевозке подвод (при потере чужого имущества с них стремились взыскать потери). В частности, в Станиславовском повете был случай, когда еврей не заплатил долг, а имущество крестьянина, который поручился за него, было продано на аукционе. Скупались крестьянские владения значительно дешевле их кадастровой стоимости: так, одно из них было приобретено за 90 гульденов, хотя оценивалось в 320 гульденов. Подобные инциденты вели к ухудшению отношения к евреям и росту антисемитизма (*Дело, 1886: № 20*).

Недовольство крестьян ростом еврейского землепладения было связано также и с опасениями еврейской колонизации Галиции. Так, за указанный период евреи выкупили земли на сумму около 2 млн гульденов. Это составляет менее 9% даже от суммы, уплаченной за одну только лицитацию, без учета приобретения крупных владений. Тем не менее общественность опасалась серьезной колонизации края евреями, в том числе и из-за высокого уровня образования в земледельческих школах.

Мы видим, что данная система аграрных отношений была достаточно выгодна для значительной части еврейских капиталистов. С целью отстаивания торгово-промышленных интересов еврейская политическая элита тратила значительные силы на агитацию (нередко один кандидат в Сейм тратил на нее до 8000 гульденов) (*Дело, 1886: № 57*).

5. Заключение

На основании вышеизложенного материала можно подытожить, что во второй половине XIX – начале XX веков на территории австрийской Галиции наблюдается рост национального противостояния русино-украинского населения с евреями и поляками, которые во многом воспринимались как ключевые виновники незавидного положения крестьянской бедноты и тормоза развития национальной буржуазии. Наслоение бытовавших веками религиозных и этнических конфликтов с нараставшими социально-экономическими проблемами вело к дальнейшему обострению отношений с польским и еврейским населением.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние землепользования в Галиции во второй половине XIX – начале XX веков на развитие украинского национального самосознания» (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6).

Литература

Васьків, 2012 – *Васьків Н.* Єврейське питання у програмах і діяльності Русько-української радикальної партії наприкінці XIX – на початку XX ст. // *Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки та знахідки*. 2010. Вип. 19. С. 205–221.

Громадський голос – *Громадський голос*. 1897–1911.

Дашкевич, 1990 – *Дашкевич Я.* Взаємовідносини між українським та єврейським населенням у Східній Галичині // *Український історичний журнал*. 1990. № 10. С. 63–73.

Дело – *Дело*. 1880–1886.

Качор, 1960 – *Качор А.* Роля «Просвіти» в економічному розвитку Західної України. Вінніпег, 1960. 31 с.

Кравець, 1964 – *Кравець М.М.* Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині XIX ст. Львів, 1964. 240 с.

Макаєв, 1968 – *Макаєв В.* Робітничий клас Галичини в останній третині XIX ст. Львів, 1968. 205 с.

Макарчук, 2001 – *Макарчук С.* Відносини між Русько-українською радикальною партією і Соціал-демократичною партією Галичини і Сілезії у 90-х рр. XIX ст. // *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Вип. 9. Львів, 2001. С. 437–447.

Миллер, 1998 – *Миллер А.И.* Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. // *Центральная Европа в новое и новейшее время* / Под ред. А.С. Стыкалина. М., 1998. С. 175–180.

Михальський, 2002 – *Михальський Ю.В.* Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку XX століття: (1902–1914). Львів, 2002. 166 с.

Мончаловский, 1898 – *Мончаловский О.А.* Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898. 192 с.

Новий громадський голос – *Новий громадський голос*. 1904–1905.

Погодин, 1915 – *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М.: Тип. Сытина, 1915. 420 с.

- Свежинський, 1966** – *Свежинський П.В.* Аграрні відносини на Західній Україні в кінці XIX – на початку XX ст. Львів, 1966. 192 с.
- Сухий, 2003** – *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003. 498 с.
- Франко, 1898** – *Франко І.* Радикальна тактика. Ч. 1. Львів, 1898. 15 с.
- Червоная Русь** – *Червоная Русь.* 1890.
- Штруве, 2011** – Штруве Кай. Селяни та українська нація в Австро-Угорській монархії та Російській імперії // *Україна. Процеси націотворення.* Київ, 2011. С. 167-181.
- Franko, 1887** – *Franko I.* Semityzm i antisemityzm w Galicji // *Przegląd społeczny.* Pismo naukowe i literackie. T.III. Z. 1. Lwów, 1887. Pp. 431-444.
- Himka, 1988** – *Himka J.-P.* Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, London, 1988. 358+XXXVI p.
- Partacz, 1996** – *Partacz C.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888-1908. Toruń, 1996. 280 p.
- Stenograficzne..., 1904** – Stenograficzne sprawozdanie z drugiej sesji osmego peryodu Sejmu Krajowego Krolewstwa Galicji i Lodomeryi wraz z Wielkiem Księstwem Krakowskim z roku 1904. T.1. Od 30 wresnia do 12 listopada 1904. Pos. 9 od 14 października. P. 372, 428-432.
- Kurjer Lwowski** – *Kurjer Lwowski.* 1902.
- Nowy Glos Polski** – *Nowy Glos Polski.* 1902.

References

- Chervonaya Rus'** – *Chervonaya Rus',* 1890. [in Russian]
- Dashkevich, 1990** – *Dashkevich, Y.* (1990). Vzaemovidnosini mizh ukrains'kim ta evrejs'kim naselennyam u Skhidnij Galichini [Relations between the Ukrainian and Jewish populations in Eastern Galicia]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal.* 10: 63-73. [in Ukrainian]
- Delo** – *Delo,* 1880-1886. [in Ukrainian]
- Franko, 1887** – *Franko, I.* (1887). Semityzm i antisemityzm w Galicji. *Przegląd społeczny.* Pismo naukowe i literackie. T.III. Z. 1. Lwów, 1887. S. 431-444. [in Polish]
- Franko, 1898** – *Franko, I.* (1898). Radikal'na taktika [Radical tactics]. V. 1, Lviv, 15 p. [in Ukrainian]
- Gromads'kij golos** – *Gromads'kij golos,* 1897-1911. [in Ukrainian]
- Himka, 1988** – *Himka, J.-P.* (1988). Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, London, 358+XXXVI p.
- Kachor, 1960** – *Kachor, A.* (1960). Rolya «Prosviti» v ekonomichnomu rozvitku Zahidnoi Ukrainy [Prosvita's role in the economic development of Western Ukraine]. Winnipeg, 31 p.
- Kravec, 1964** – *Kravec, M.M.* (1964). Selyanstvo Skhidnoj Galichini i Pivnichnoj Bukovini u drugij polovini XIX st. [Peasantry of Eastern Galicia and Northern Bukovina in the second half of the XIX ct.]. Lviv, 240 p. [in Ukrainian]
- Kurjer Lwowski** – *Kurjer Lwowski.* 1902. [in Polish]
- Makaev, 1968** – *Makaev, V.* (1968). Robitnichij klas Galichini v ostannij tretini XIX st. [The Working Class of Galicia in the last third of the XIX ct.]. Lviv, 205 p. [in Ukrainian]
- Makarchuk, 2001** – *Makarchuk, S.* (2001). Vidnosini mizh Rus'ko-ukrains'koyu radikal'noyu partieyu i Social-demokratichnoyu partieyu Galichini i Silezii u 90-h rr. XIX st. [Relations between the Russian-Ukrainian radical party and the Social Democratic Party of Galicia and Silesia in the 90s of the XIX ct.]. *Ukraine: cultural heritage, national consciousness, statehood.* 9: 437-447. [in Ukrainian]
- Mikhalskij, 2002** – *Mikhalskij, Y.V.* (2002). Pol's'ki politichni partii ta ukrains'ke pitannya v Galichini na pochatku XX stolittya: (1902-1914) [Polish political parties and the Ukrainian question in Galicia at the beginning of the twentieth century: (1902-1914)]. Lviv, 166 p. [in Ukrainian]
- Miller, 1998** – *Miller, A.I.* (1998). Ukrainskie krest'yane, pol'skie pomeschchiki, avstrijskij i russkij imperator v Galicii 1872 g. [Ukrainian peasants, Polish landowners, the Austrian and Russian Emperor in Galicia 1872]. *Central'naya Evropa v novoe i novejshee vremya* (A.S. Stykalin edit.), M., pp. 175-180. [in Russian]
- Monchalovskij, 1898** – *Monchalovskij, O.A.* (1898). Literaturnoe i politicheskoe ukrainofil'stvo [Literary and political ukrainophilism]. Lviv, 192 p. [in Russian]
- Novij gromads'kij golos** – *Novij gromads'kij golos,* 1904-1905. [in Ukrainian]
- Nowy Glos Polski** – *Nowy Glos Polski.* 1902. [in Polish]
- Partacz, 1996** – *Partacz, C.* (1996). Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888-1908. Toruń, 280 p. [in Polish]
- Pogodin, 1915** – *Pogodin, A.L.* (1915). Slavyanskij mir. Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie slavyanskikh narodov pered vojnoj 1914 g. [Slavic world. Political and economic situation of the Slavic peoples before the war of 1914]. M., 420 p. [in Russian]
- Stenograficzne..., 1904** – Stenograficzne sprawozdanie z drugiej sesji osmego peryodu Sejmu Krajowego Krolewstwa Galicji i Lodomeryi wraz z Wielkiem Księstwem Krakowskim z roku 1904. T.1. Od 30 wresnia do 12 listopada 1904. Pos. 9 od 14 października. S. 372, 428-432. [in Polish]

Struve, 2011 – Struve Kai. Selyani ta ukrains'ka naciya v Avstro-Ugorskij monarhii ta Rosijskij imperii [Peasants and the Ukrainian nation in the Austro-Hungarian monarchy and the Russian Empire]. *Ukraina. Procesi naciotvorennja*. Kyiv, 2011, pp. 167-181. [in Ukrainian]

Sukhij, 2003 – Sukhij, O. (2003). Vid rusofil'stva do moskvofil'stva. Rosijs'kij chinnik u gromads'kij dumci ta suspil'no-politichnomu zhitti galic'kih ukrainciv u XIX stolitti [From russophilism to moskvophilism. The Russian factor in public opinion and socio-political life of Galician Ukrainians in the XIX century]. Lviv, 498 p. [in Ukrainian]

Svezhins'kij, 1966 – Svezhins'kij, P.V. (1966). Agrarni vidnosini na Zahidnij Ukraïni v kinci XIX – na pochatku XX st. [Agricultural Relations in western Ukraine in the late XIX – early XX ct.]. Lviv, 192 p. [in Ukrainian]

Vas'kiv', 2012 – Vas'kiv', H. (2012). Євреїс'ке питання у програмі і діяльності Рус'ко-української радикальної партії наприкінці XIX – на початку XX ст. [The Jewish question in the programs and activities of the Russian-Ukrainian radical party in the late XIX – early XX ct.]. *International relations of Ukraine: scientific research and findings*. 19: 205-221. [in Ukrainian]

Национальный вопрос русино-украинских крестьян Галиции во второй половине XIX – начале XX века

Алексей Геннадьевич Топильский^{a, *}, Руслан Магомедович Житин^a

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Развитие национального самосознания русино-украинского населения на территории австрийской Галиции на протяжении второй половины XIX – начала XX веков характеризовалось наличием ряда альтернативных вариантов национальной идентичности, прежде всего русской (великорусской), украинской (малорусской), польской, русинской (австрорутенство как разновидность австрославизма). Указанные разновидности национального самосознания были обусловлены прежде всего особенностями взаимодействия с преобладавшим в культурной, социально-экономической и общественно-политической жизни Галиции указанного периода польским и еврейским влиянием. Их значимая роль в экономическом развитии региона и прежде всего контроль над крупным табулярным землевладением обуславливали наличие выраженной национальной дихотомии крупных земельных собственников и крестьян, трудившихся в аграрном секторе Галиции.

Ввиду вышеизложенного в данной статье рассматриваются польско-русинские и еврейско-русинские представления второй половины XIX – начала XX веков в контексте анализа прессы и программных установок политических партий. Показано, что отдельные русино-украинские политические партии Галиции (прежде всего радикалы) вели борьбу с нараставшими как в крестьянстве, так и среди светской и духовной интеллигенции антисемитизмом и полонофобией. Рассмотрены проявления негативного отношения к евреям среди ряда политических деятелей и публицистов русинских движений (преимущественно украинофильского и русофильского направлений), указаны ключевые способы пропаганды их взглядов. Охарактеризована связь иерархов и отдельных представителей грекокатолической (униатской) церкви с существовавшими межнациональными противоречиями, роль ее духовенства в развитии украинского национального самосознания в австрийской Галиции на протяжении второй половины XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: Галиция, крестьянство, евреи, поляки, русины.

* Корреспондирующий автор

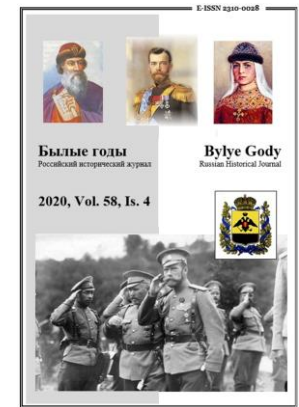
Адреса электронной почты: a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), istorik08@mail.ru (Р.М. Житин)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2631-2639. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2631
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries

Igor A. Tropov ^{a,*}, Sergey I. Podolskiy ^a, Sergey V. Lyubichankovskiy ^b

^a Saint Petersburg Mining University, Russian Federation

^b Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences, Samara, Russian Federation

Abstract

The article examines the role of representatives of the Auerbach dynasty of engineers in the development of mining in the Russian Empire in the second half of the XIXth – early XXth centuries. For the first time the main directions of Auerbach's professional activity – science, rationalization, entrepreneurship and public education – were comprehensively researched. On the basis of archival sources and published materials, it has been proved that A.A. Auerbach and V.A. Auerbach, as representatives of the Russian engineering and technical intelligentsia, played an extremely important role in the development of scientific knowledge about mining, in the improvement of mining production, in the formation and development of stock corporations in the Urals and southern Russia, in the popularization of mining education and in the solving of social issues associated with the protection of the interests of mining workers. It is shown that the representatives of the Auerbach dynasty of engineers were characterized by the following features: a high level of education, exceptional diligence, the ability to achieve a set goal, a desire to combine scientific achievements and production practices, an openness to everything new and advanced, a readiness for critical understanding and the use of foreign experience in the development of mining, taking into account changes in the conjuncture of the Russian economy, and a significant personal contribution to the development of science, engineering and technology in mining. Scientific works and practical developments made by A.A. Auerbach and V.A. Auerbach became an important basis for the further development of mining in our country.

Keywords: mining, mining engineer, mining industry, coal mining, mercury production, stock company.

1. Introduction

The second half of the 19th – early 20th centuries became a time of rapid, though internally contradictory, development of the Russian Empire economy. The growth in the number of industrial enterprises and active railway construction, as well as the need to rearm the army, resulted in an increase in demand for metals in the post-reform years. This, in turn, contributed to the development of mining (or, as it was often called at that time, ore mining), which was defined in the famous “Encyclopedic Dictionary” by F.A. Brockhaus and I.A. Efron as the process of “converting” ore into metals ([Encyclopedic Dictionary, 1893: 258](#)).

The relevance of turning to the history of the Auerbach dynasty of mining engineers is primarily due to the role played by representatives of this family in the industrial development of Russia, in particular, in the discovery and development of new mining deposits, the introduction of new production methods, the creation of new jobs, etc.

* Corresponding author

E-mail addresses: tropov_ia@pers.spmi.ru (I.A. Tropov), podolskiy_si@pers.spmi.ru (S.I. Podolskiy), svlubich@yandex.ru (S.V. Lyubichankovskiy)

In this regard, we would like to mention that our study does not purport to create detailed biographies of the outstanding mining engineers of the Auerbach dynasty. The study of the activities of these individuals allows us to comprehend the historical dynamics of mining development in Russia taking into account the role of the subjective factor and, in a broader context, creates the necessary and favorable opportunities for deepening the understanding of the main trends, achievements and contradictions of the industrial development of the Russian Empire at the stage of the bourgeois modernization of the country. It also provides a deeper understanding of the role of a particular individual in large and significant historical phenomena and processes.

In addition, the relevance of the research is due to modern realities in the development of mining in Russia, which, having gone beyond the mainland zone, urgently requires the development of technological equipment for deep-sea mining and the use of “sparing” methods of mining (Yungmeister et al., 2018: 216–221). As production tasks become more complex, the requirements for those who are called upon to provide solutions at a high professional level increase, i.e., there is increased demand for the quality of “human capital”, which stimulates us to pay closer attention to the historical experience in the training of engineering and technical personnel related to mining.

2. Materials and methods

The specificity of the subject and the entire problematics of this study required us to address a wide range of historical materials. An important place among them is occupied by the scientific and scientific-publicistic works of A.A. Auerbach, the Managing Director of the joint-stock company, “Mercury and Coal Business of A. Auerbach & Co.”, and his son, the mining engineer, prominent scientist and practitioner, V.A. Auerbach. The specificity of these works consists in a combination of a strictly scientific style of presentation with the use of reporting materials on the direct participation of the author in the development of mining in a certain period of time. This creates favorable opportunities both for the considering of the changes that have taken place in the production and technological process, and for the assessing of the personal contribution of representatives of the Auerbach family in ensuring scientific and technological progress in mining.

A valuable source for the problem under study was the office-work materials stored in the funds of the Russian State Historical (RGIA. F. 23 – “Ministry of Trade and Industry”; F. 37 – “Mining Department”; F. 54 – “Bogoslovsky Mining Joint-Stock Company”), still mainly unpublished. The addressing of such office-work materials as orders of the Mining Department, its official correspondence with other departments and organizations, directions, characteristics and recommendations issued to Auerbach mining engineers, attestations and other documents of the Mining Institute made it possible to identify and characterize not only the main milestones of the biographies of the Auerbach family representatives, but also the goals, nature and main results of their activities carried out under the instructions of management, scientific, educational and commercial structures.

Ego-documents are of great importance for the analysis of scientific research and the practical contribution of our protagonists to the development of domestic mining (for example, the memoirs of A.A. Auerbach about his role in the development of the coal industry in Russia in the late 1860s and 1870s, the Secretary of State A. A. Polovtsov’s diary with records of visits to the Bogoslovsky Mountain District, etc.). For all the subjectivism of ego-documents, they allow one to “see” a particular person from an unexpected angle and to record such features of this person and daily activities that cannot be gleaned from other sources.

In the field of methodology, we adhere to a theoretical approach, according to which the activities of various actors in the historical process – from distant eras to modern “digital civilization” – are directly or indirectly interconnected and determined by the socio-cultural structure existing in a particular era (Shestakova, Polanski, 2018: 412–417). The research methodology is based on the basic principles of historicism, objectivity and consistency. These principles aim at studying the role of the individual in the historical process in a dynamic dimension, and are based on a critical understanding of the available range of sources, taking into account the totality of historical facts in their contradictory interconnection and interdependence.

The objectives set in the study led to the use of a combination of methods in the work. The main one was the biographical method, or the method of “life stories” reconstruction, which, according to the British historian Paul Thomson, is an interpretation of a variety of autobiographical evidence, but “not in isolation, but in conjunction with quantitative information about social changes” (Biographical method, 1994: 52).

The historical-genetic method was widely used in this research. It made it possible to identify the features of the scientific-experimental and organizational-production activities of mining engineers of the Auerbach dynasty at different periods of their lives in close connection with a specific historical era.

The comparative analysis method was implemented by identifying common features and particularities in the scientific and practical activities of A.A. Auerbach and his son, V.A. Auerbach.

The historical-typological method allowed us to identify and study various directions, forms and methods of daily scientific and production activities of Auerbach mining engineers, as well as to characterize the main stages of their activities in the development of mining in Russia.

3. Discussion

Despite a fairly significant amount of scientific literature on the history of mining in Russia, the question of the role of specific specialists, including engineering personnel, in the development of this branch of the national economy has been touched upon only occasionally and fragmentarily.

In the pre-revolutionary period, works in the form of “dictionaries” and “sketches” prevailed and the authors (mainly mining experts or local historians) provided quite extensive information about the natural and geographical conditions and the economic and statistical indicators of the state of a certain area (okrug, county, etc.). The authors of such works sometimes wrote about manufacturers and workers, but very rarely touched upon the issue of engineering and technical personnel in manufacturing (Chupin, 1867; Belov, 1896; Golubev, 1900; Fertner, 1909). Perhaps the only exception was a substantial article devoted to the main stages of A.A. Auerbach’s life, published the next year after his death by another prominent scientist, specialist in the field of mining mechanics I.A. Time (Time, 1917: 182-195).

The problems of the industrial and technical development of pre-revolutionary Russia were not forgotten by subsequent researchers. However, in the works of Soviet scientists, they mainly considered the problems of completing the industrial revolution in the country in the 1860s–90s, the processes of monopolization in the mining industry, the degree of its dependence from foreign capital, the dynamics of production, and changes in the number of workers employed in the mining industry, the peculiarities of their financial situation and the struggle for their rights (Lyashchenko, 1952: 145-147, 152-153, 157-161; Strumilin, 1966: 80-81, 93, 483-484; Shukhardin, 1982: 85-108).

In modern Russian historiography, there is still interest in the analysis of general phenomena and processes in the history of mining in the second half of the 19th – early 20th centuries. In particular, the problems of the production and consumption of mineral fuels in the Russian Empire in the context of the world economy’s development are productively investigated (Dyakova, 1999). Academics turn to the history of industry congresses of entrepreneurs (Bessolitsyn, 2016), trying to assess the role of entrepreneurs and the technical intelligentsia as actors in the country’s modernization (Actors, 2016: 86-95, 105-110). Along with this, academic works appear in which the rich potential of the anthropocentric approach is used, attempts are made to assess the role of a particular individual as a reserve and impulse for the development of a particular sphere of social life. Some academic articles exist about the student life of the Mining Institute graduate P.N. Wrangel (Afanas’ev, Voloshinova, 2017) and the outstanding mineralogist, “the father of Russian crystallography”, N.I. Koksharov (Rudnik et al., 2019). A biographical feature article about A.A. Auerbach (Dzyubinsky, 2016) was published relatively recently. Foreign historiography also deals primarily with achievements and contradictions in the development of mining (Miller, 1967: 257-268) and social aspects of the history of the mining industry’s development, mainly about the living conditions of workers (Wynn, 1992; Kuromiya, 1998).

However, in general, the contribution of representatives of the Auerbach family of engineers to the development of mining in Russia, with rare exceptions relating only to certain aspects of their activities (Zablotsky, 1999; Chekushina, Peretokin, 2009; Kaimakova, 2012; Afanasyev, 2013), has still not been studied.

4. Results

The abolition of serfdom in 1861 and the subsequent process of the modernization of the country’s economy had a contradictory effect on the state of mining in the Russian Empire. In a number of localities, primarily in the Urals, enterprises based on the use of forced labor experienced a crisis, but in general, there was a gradual increase in industrial production in the country. So, for example, if at the beginning of the 1870s the extraction of iron ores in the country did not exceed 50 million poods per year, then by the beginning of the 1890s the annual production of ores was already about 120 million poods, and by 1913 – was over 581 million poods. Mining enterprises in the South of Russia showed particularly high growth rates (General Survey, 1915: 166–167).

A notable revival in the industry has resulted in an increased demand for specialists in the field of the exploration, extraction and processing of minerals, and such specialists who would be both qualified theorists and practitioners.

One such extremely active and energetic specialist in mining was Alexander Andreevich Auerbach (1844–1916), who came from a family of noblemen.

The Auerbachs originated from the German merchant Jacob, a native of Saxony, who settled in Russia in the middle of the 18th century. Alexander Andreevich was his great-grandson and belonged to the Tver branch of the family (the family estate was located in the Korchevsky district). He was born on February 12, 1844, in the city of Kashin, Tver province, and was the second son in the family. His parents had nothing to do with mining – his father, Andrei Andreevich, served as a city doctor, and his mother, Anastasia Fedorovna (from a rich family of Saratov landowners, the Berkholts), supervised the upbringing of his sons at home and was fond of literature and writing (Chekushina, Peretokin, 2009: 85-86).

However, the Auerbach family included prominent geologists and mineralogists. The first mining engineer in this dynasty was Ivan Bogdanovich (1815–1867), who taught at the Petrovskaya Agricultural Academy and at the Imperial Constantine Land Survey Institute in Moscow, and was the keeper of the

mineralogical cabinet of Moscow University (Zablotsky, 1999: 87). Apparently, he instilled an interest in the searching for and processing of minerals in his grand-cousin.

In 1863, 19-year-old Alexander successfully graduated from the Institute of the Corps of Mining Engineers, with promotion to the rank of lieutenant (RGIA. F. 37. Op. 45. D. 1634. L. 1-10). Biographers of the future “mercury king” sometimes do not notice the fact that after graduating from the institute, Auerbach was seconded to the Expedition for the Procurement of Government Papers by decision of the mining department (Chekushina, Peretokin, 2009: 86). Meanwhile, this was an important event for a young man. The point is that the manager of the expedition, F.F. Vinberg, was carrying out in those years a gigantic piece of work for the technical re-equipment of the enterprise for the solving of water supply problems (as one of the reasons). Auerbach was to take part in creating an artesian well, but for all the prosaic nature of such a task, it was precisely its solution that allowed Alexander to familiarize himself in detail with the process of drilling deep wells in practice (Time, 1917: 182).

After completing the work under the expedition, from 1864 to 1867 he was in charge of the exploration of coal deposits in the Samara province, having formed a reputation for his work as an inventive and diligent specialist, for which he was nominated for an award – the Order of St. Stanislav (Krasnoturinsk, 2004: 257). During that period, Auerbach had to use the mechanical hammer drilling method which was rather monotonous and difficult. Subsequently, the drilling business made a giant leap from the mechanical hammer method and rotary method to modern ones, in particular, using downhole motors (Litvinenko, Dvoynikov, 2020: 105-112).

Being passionately interested in practical work, A.A. Auerbach also showed a genuine interest in science. He was fond of mineralogy and, in particular, searching for new methods of studying minerals. On the recommendation of the professor of the Mining Institute P.V. Ereemeeva, Alexander prepared and in 1868 successfully defended his thesis on the properties and methods of studying tourmaline – one of the most interesting minerals of the group of aluminosilicates. In July of the same year, Auerbach was given the title of Adjunct Professor at the Department of Mineralogy (RGIA. F. 37. Op. 46. D. 1332. L. 1-2). Subsequently, the text of his dissertation “On the tourmaline of Russian deposits” was published as a separate book which was reprinted several times and became the basis for further scientific research on the properties and applications of this mineral (Alekseev, Marin, 2019: 8-9).

Soon after defending his dissertation, the promising young scientist was sent by the head of the Mining Institute on an overseas business trip (1868–1869), during which Alexander continued the laboratory testing of the “hardware”, or otherwise called “microscopic”, method of studying minerals which he had begun in Russia, got acquainted with the mineralogical collections of museums in Paris and Berlin, communicated with Western European scientists and published the results of his works in the “Notes of the Vienna Academy of Sciences” and in other scientific publications. During an overseas internship, he invented a goniometer – a special device for the studying of crystalline substances by the high-precision measurement of the angles between crystal faces, thereby achieving a genuine scientific and technical breakthrough in crystallography (Chekushina, Peretokin, 2009: 86-87).

The most favorable opportunities for self-realization as a scientist and teacher opened up for Alexander Andreevich. However, according to I.A. Time, Auerbach “needed more space, freedom and a wider area of practical activity” than he could get in a department, in a lecture hall or in a laboratory session (Time, 1917: 183). An energetic young man, taking into account his inclinations and the changing economic situation in Russia, closely related to the intensification of railway construction and the growing demand for coal, he decided to leave the Department of Mineralogy and concentrate his efforts on practical work in the exploration of minerals.

A new stage in his life had come. Soon after returning from a scientific trip abroad, Auerbach started serving at the Main Mining Directorate, and in 1871 was sent by the department to a French company which, in cooperation with a certain Colonel A.A. Zubov, conducted prospecting for coal, first at deposits in the Moscow region, and then in Donbass (RGIA. F. 37. Op. 46. D. 2450. L. 1-8). In the summer of 1872, Auerbach signed a contract directly with the French for the development of several promising deposits in the Donetsk coal basin, where he was to purchase or lease land and arrange mines (Auerbach, 1909: 455). However, due to disagreements with the management of this society, which demanded an abrupt reduction in estimated costs, Auerbach in the spring of 1876 refused to manage the mines further (Auerbach, 1909: 458–459, 471) and began mutually beneficial cooperation with a major Donetsk coal businessman, P.A. Karpov, and at the end of the 70s acted as a consultant to major entrepreneurs in the Crimean salt and Ural gold-mining industries (Krasnoturinsk, 2004: 257).

In the 1870s, Alexander Auerbach proved himself not only as a knowledgeable and energetic mining engineer and entrepreneur but also as a skillful organizer of a major regional event – the Congress of Miners of the South of Russia (Auerbach, 1909: 460–461), the founding meeting of which took place in Taganrog in June, 1874. This form of business association was intended to assist in solving current economic issues (primarily, on the procedure for transporting goods by railway and on customs duties on coal and other types of solid fuel), as well as in strengthening the position of miners in defending their interests in relations with government and public bodies (Fomin, 1908: 1; Bessolitsyn, 2016: 162).

By the end of the 1870s, A.A. Auerbach was already an acknowledged mining expert, successful entrepreneur, consultant and financially wealthy person. However, a calm and measured life was not attractive for such a strong personality. In 1879, Auerbach was offered to become a consultant at the Guardianship of the Property, Affairs and Children of S.D. Bashmakov – the former owner of the Bogoslovsky mining district, located in the Verkhoturksky district of the Perm province. In 1881, the new owner, N.M. Polovtsova, wife of the state secretary A.A. Polovtsov, offered Alexander Andreevich Auerbach a post as a manager of this mining district. Agreeing to this proposal, he shouldered the heaviest burden. It should be borne in mind that the economy of the district was at that time in a completely neglected state: local mines had not been provided with powerful pumps for pumping out water, the Bogoslovsky copper smelter was completely idle, and there were not enough workers, especially qualified ones, as well as foremen, factory installers, machinists, etc. (Auerbach, 1888: 3; Kaimakova, 2012: 35).

A.A. Auerbach was the governor of the Bogoslovsky Mountain District for 15 years, from 1881 to 1896. During that time, he not only brought the district out of economic decline, but also achieved a qualitative growth in production with a careful attitude both to the improvement of technology and production methods, and to the selection of personnel, to their training and to an increase in the standard of living of workers and technical employees. The achievements in the production activities of the Bogoslovsky Mining District enterprises are evidenced by the preserved (unfortunately, far from being in full) archival materials (RGIA. F. 54. Op. 1. D. 246. L. 1-8; Op. 2. D. 128. L. 1-16; D. 146. L. 1-3; D. 147. L. 1-3).

At the copper mines, A.A. Auerbach introduced diamond drilling, which led to a significant increase in copper smelting. The purchase of a new blast furnace made it possible to carry out not only reduction, but also oxidation processes in it, and significantly reduced the cost of copper production. Improvements in shaft furnaces increased their productivity while reducing fuel costs. The measures taken by Auerbach to improve the energy efficiency of production, as modern economists show, should be regarded as one of the most important factors in ensuring the competitive advantages of enterprises in the Bogoslovsky Mining District (Sergeev et al., 2017: 602-604). In addition, on the initiative of Auerbach, advanced equipment was issued from abroad – Siemens electric generators, Worthington turbopumps, Becker ventilators, Randt perforators etc. In 1892–1893 a narrow-gauge railway was laid, connecting the factories with the mines and with the pier. Soon, navigation was established on the Sosva and Tavda rivers, which greatly facilitated both the export of finished products and the supply of food to the residents of the region. In the summer of 1894, construction began on the Nadezhda Metallurgical Plant, which produced rails for the construction of the Trans-Siberian Railway. For the construction of this plant, Auerbach received a prize of 125 thousand rubles. (Time, 1917: 190).

Increased attention to the interests and needs of ordinary workers and concern for safety in the difficult working conditions of miners were inherent in A. A. Auerbach (Kazanin et al., 2018: 1333–1339). Auerbach transferred them to piecework wages and initiated the creation of mutual aid funds by deducting a small percentage of workers' earnings (Krasnoturinsk, 2004: 257; Chekushina, Peretokin, 2009: 88). Alexander Andreevich tried to avoid conflict situations. He patiently explained to the workers the advantages of innovation, including new ways of deepening mines. A.A. Auerbach was able not only to achieve results, but at the same time ensured high labor discipline and tolerance, and enjoyed the respect and support of workers and technical personnel (Auerbach, 1888: 5).

One of the burning issues that worried the best representatives of the technical intelligentsia in Russia was the question of training personnel for the mining industry. In order to solve it, projects and charters of mining schools were developed in different parts of the empire, and a public initiative, with the support of entrepreneurs, sought to open these special educational institutions that combined general education and vocational training of students (Mokeyev, 2015: 986-989).

In October, 1884, on the initiative of A.A. Auerbach, a four-year Turin Mining School was opened to train “skilled mining foremen and apprentices”. In the first year, 26 people were recruited. Afterwards, the number of applicants ranged from 20 to 70 people annually (Kaimakova, 2012: 38-39; Afanasyev, 2013: 71). Auerbach continued to consider the Turin Mining School an outstanding achievement in his life many years later. Speaking on October 24, 1909, on the occasion of the 25th anniversary of the school, he noted that its creation brought “the greatest benefit” to local residents, whose children, thanks to the education they received at the mining school, “were not only pulled out of poverty, but became useful and efficient workers” (RGIA. F. 54. Op. 1. D. 182. L. 2-6).

Of course, to ensure all the innovations and improvements in the economic and socio-cultural life of the district, considerable funds were required. Auerbach was well aware of this and did not miss an opportunity to apply to the high-ranking owners of the mining district for additional financing of the projects he was developing. So, during a gala dinner on July 7, 1885, on the occasion of A. A. Polovtsov's staying in the Theological Mountain District, Auerbach, judging by the diary records of the secretary of state, managed to convince his high-ranking guest that the use of underground riches “still requires very significant costs” (Polovtsov, 2005: 368).

In the last quarter of the 19th century, in the economic life of the Russian Empire, including mining, a new form of the organizing of entrepreneurial activity began to actively spread – joint stock companies. In order to ensure the further functioning of the enterprises of the Bogoslovsky mining district, on the basis

of the charter adopted on December 8, 1895 (RGIA. F. 54. Op. 1. D. 3. L. 1-19), the Bogoslovsky Mining Joint-Stock Company was formed, the managing director of which was A.A. Auerbach. He did not stay in this position for long and left it in 1896 due to disagreements with the Polovtsov couple, who were major shareholders, but were burdened by the loss of their former influence on the state of affairs in the mining district (Time, 1917: 184).

After completing his service in the Theological Mountain District, A.A. Auerbach took up a new direction with great energy. At the beginning of 1885, he opened his own mercury business. A few years earlier, a deposit of mercury ores had been discovered in the Bakhmutsk district of the Yekaterinoslav province. In order to attract financial resources for the acquisition of 500 acres of land and for the construction of a mine and a plant in this area, on the initiative of Alexander Andreevich, the “A. Auerbach and Co. Mercury Production Partnership” was created in the same year.

Having carefully studied foreign experience in the production of mercury, the partners were able in record time – by the end of 1886 – to ensure the creation of a mine equipped with a steam engine of the latest design for lifting ore, and the construction of a plant. As is widely known, dusty waste that appears in the course of the functioning of the mining and processing industry always poses a serious threat to the environment (Isakov, Lytaeva, 2017: 37). At the enterprises of Auerbach, this was fully taken into account: here they used improved furnaces for the roasting of the ore created; according to the project of A.A. Auerbach (Time, 1917: 189-190), dust and soot were subjected to additional secondary processing (Chekushina, Peretokin, 2009: 89). The organization of mercury production established by him and the attentive attitude to the social and everyday issues of workers and specialists employed in production received the high regard of contemporaries (Mercury Plant, 1891: 1087–1089).

In the first ten years, the production of industrial mercury steadily developed: while in 1887 just 4,000 poods were received, in 1897 this had grown to – 37,600 poods, which made it possible not only to meet the needs of the Russian economy, but also to organize the export of mercury abroad (Time 1917: 190). However, in 1895, the “Partnership ...” faced financial difficulties associated with both the need to repay loans and the increased costs of the modernization and expansion of production. It was decided to change the organizational form of business by creating a joint-stock company (RGIA. F. 23. Op. 24. D. 280. L. 1–5). In October, 1896, the activities of the joint-stock company “Mercury Business of A. Auerbach and Co.” were opened with a fixed capital of 2.250 thousand rubles. (Index, 1905: 17).

The processes of social development, including the economic and scientific-technical spheres, are a complex combination of different trends – linear and exponential growth, deceleration (“speed plateau”) and even temporary stops in development (Shestakova, 2018: 391-401). The decrease in growth rates clearly manifested itself in Russia during the global economic crisis of 1900–1903, which created significant difficulties both in the production and sale of mercury, and prompted shareholders to look for solid investors to lease or sell part of the mercury and coal mines (Chekushina, Peretokin, 2009: 90).

During these years A.A. Auerbach, who had received well-deserved recognition in society and the informal title of “mercury king”, gradually moved away from direct participation in the affairs of the joint-stock company, yielding the reins of government to his sons.

Perhaps one of the most famous representatives of the next generation of mining engineers of this dynasty was Vladimir Auerbach (1876–1957). He was born on October 25, 1876 (Zablotsky, 1999: 89) and, like his older brother Sergei, was trained at the Mining Institute in St. Petersburg. By the end of the 19th century, the Mining Institute had become a recognized, leading educational and scientific center for the training of qualified personnel in the field of geology (“ore specialists”), metallurgists, mine surveyors and representatives of other professions (Afnas'ev, Voloshinova, 2017: 142-150). In 1899 V.A. Auerbach, with the rank of collegiate secretary, completed his studies at the Mining Institute.

Like many other graduates, Vladimir received good professional training as an engineer. The overwhelming majority of the 25 subjects reflected in the supplement to his diploma are rated “excellent” and “good”. The curiosity in the diploma of the future outstanding mining engineer looks like two satisfactory grades – in the discipline “Geognosy and ore deposits” and in higher mathematics (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 230–233).

After graduating from the institute, V.A. Auerbach was assigned “to serve in the mining department” and began working as a mining engineer in the family firm “Mercury Business of A. Auerbach and Co.” (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 12). He worked in his father’s company for five years. As a specialist, Vladimir was probably in good standing, since in April 1900 he was sent to the Paris World Exhibition for a period of three months to arrange exhibits (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 2). Another important assignment for him was his participation in the reconstruction of the Aleksandrovsky coal mine (Zablotsky, 1999: 89).

And yet Vladimir Aleksandrovich was “cramped” in his father’s firm; he wanted an independent business. In November 1904, having received the best characteristics and recommendations from the Mining Department, he got a job as the head of the cabinet of mining art at the Warsaw Polytechnic Institute of Nicholas II (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 54-55). The publication of a detailed scientific work by V.A. Auerbach on coal pressing with a detailed technical and economic analysis of this production process is related to the same period of time (Auerbach, 1905).

However, apparently, the work of a practical engineer appealed to V. A. Auerbach more. After leaving the Polytechnic Institute, in the summer of 1906 he started serving as the head of the Chzhalaynor mines of the CER (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 109-111, 125). His activity was carried out at a difficult time after the defeat of the Russian Empire in the Russo-Japanese War of 1904–1905. V.A. Auerbach had to participate in the transfer of equipment and other material assets associated with the railway from Dalny port to Kuanchentzi station – this section of about 700 km with all the infrastructure was transferred, according to the terms of the Portsmouth Peace Treaty, to the Japanese side (Zhigalov, 2008: 24).

In 1907–1909, Auerbach managed the Mining Department of the Board of the CER. During this period, he developed and implemented new engineering solutions for the development of the largest Dzhalai-Norsk brown coal deposit, and also conducted an examination of the Suchansk coal deposit in Primorye (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 108, 127). As a result of the last of these events, a detailed report appeared, in which V.A. Auerbach analyzed the state of the technical equipment of the Suchansky enterprise, the living conditions for the workers and technical specialists, the reserves and quality of local coal – which, in the author's opinion, was not inferior to the Donetsk deposits – the state and prospects for the development of transport infrastructure and a number of other issues (Auerbach, 1908: 7-38). The thoughtful, truly scientific approach of V.A. Auerbach to the studying of the prospects for the exploitation of the Suchansky mines manifested itself in the desire to rely not only on the data of the enterprise administration, but also on his own calculations, as well as in the conclusion about the need for further, more in-depth “exploration and research” (Auerbach, 1908: 39).

In 1910, V.A. Auerbach transferred to Donbass – probably, his past experience in this region affected his decision – and Vladimir Alexandrovich found himself in the higher education system again, this time as a teacher of the Don Polytechnic Institute in Novocherkassk (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 151). Here he worked until the outbreak of the First World War, and in September 1914 he returned to the sphere of private entrepreneurship again, having become a member of the board of the joint-stock company of Livengof glass and cork production (RGIA. F. 37. Op. 48. D. 2615. L. 173).

In the conditions of the revolution that began in February 1917, V.A. Auerbach returned to Petrograd and served on one of the committees at the Ministry of Labor. The revolutionary events made their tragic contribution to the fate of many people, including the Auerbach family. In 1918, Vladimir Alexandrovich left Soviet Russia. He died in Brussels in April 1957.

5. Conclusion

Representatives of the Auerbach dynasty, first of all, Alexander Andreevich and then his son, Vladimir, having been educated at the Mining Institute, became outstanding mining engineers who combined a high level of scientific and theoretical training and practical skills in their chosen profession. Each of them served mining throughout his life, perceiving it both as a field of scientific knowledge and as an area of practical, industrial and entrepreneurial activity.

The Auerbachs made a significant scientific contribution to the study of various properties of minerals, the process of coal pressing and other significant problems of mining. Their scientific interest was of a pronounced applied nature and contributed to the further development of mining techniques and technology. Discoveries and developments made by representatives of the Auerbach dynasty were actively implemented at the enterprises of the coal and mercury industries, owners (shareholders) of which they themselves were. However, neither Auerbach the father nor Auerbach the son were technocrats in the narrow sense of the word. They paid close attention to ensuring the profitability of enterprises and the raising of the standards of living and education of workers, and, as far as the level of knowledge and technology that existed in that era allowed, they cared about the minimization of the risks of environmental pollution. Moreover, A.A. Auerbach and his son, Vladimir Aleksandrovich, took into account the experience of organizing mining abroad, critically interpreted it and tried to use it for the development of domestic production.

A unique combination of rational, scientific thinking, practicality and organizational skills in the presence of broad, professional knowledge and skills in each of the considered individuals, determined the prominent place of representatives of the Auerbach dynasty in the history of mining in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries.

References

- Afanas'ev, 2013 – Afanas'ev, V.G. (2013). Iz istorii Tur'inskogo gornogo uchilishcha [From the history of the Turinsky Mining School]. Istoriya gornogo dela v Rossii: XVIII–XX vv. Vyp. 3: Istoriya gornogo obrazovaniya v XVIII – pervoi polovine KhIKh v. Pod obshch. red. V.G. Afanas'eva, V.N. Shaidurova. Saint Petersburg: Izd-vo Nevskogo in-ta yazyka i kul'tury. Pp. 68-74. [in Russian]
- Afanas'ev, Voloshinova, 2017 – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V. (2017). The Mining Institute and its student Peter Wrangel. *Novyi istoricheskii vestnik*. 52(2): 140-167.
- Afanas'ev, Voloshinova, 2019 – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V. (2019). Civil status of members of ethnolocal groups in western Siberia in 19th and early 20th centuries. *Bylye gody*. 52(2): 460-469.
- Aktory..., 2006 – Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (2016). Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of Russian imperial modernization

(XVIII – early XX centuries): regional dimension]. Otv. red. I.V. Poberezhnikov. Ekaterinburg: Bank of cultural information. 316 p. [in Russian]

[Alekseev, Marin, 2019](#) – *Alekseev, V.I., Marin, Yu.B.* (2019). Turmalin kak indikator olovorudnykh proyavlenii kassiterit kvartsevoi i kassiterit-silikatnoi formatsii (na primere Verkhneurmiiskogo rudnogo uzla, Dal'nii Vostok) [Tourmaline as an indicator of tin ore occurrences of cassiterite of quartz and cassiterite-silicate formations (by the example of the Verkhneurmiysk ore cluster, Far East)]. *Zapiski Gornogo instituta*. 235: 3-9. DOI: 10.31897/PMI.2019.1.3 [in Russian]

[Auerbakh, 1888](#) – *Auerbakh, A.A.* (1888). O razvitiu gornozavodskogo dela v Bogoslovskom gornom okruge za poslednie sem' let s 1881 po 1888 g [On the development of mining business in the Bogoslovsky mining district over the past seven years, from 1881 to 1888.]. Saint Petersburg: Tip. A. Transhel'. 70 p., tabl. [in Russian]

[Auerbakh, 1905](#) – *Auerbakh, V.A.* (1905). Pressovanie uglei: vliyanie ego na kachestvo koksa i na stoimost' ego proizvodstva [Coal pressing: its influence on the quality of coke and on the cost of its production]. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soikina. 32 p. [in Russian]

[Auerbakh, 1908](#) – *Auerbakh, V.A.* (1908). Sovremennoe sostoyanie i zadachi Suchanskogo kamennougol'nogo predpriyatiya [The current state and tasks of the Suchansky coal company]. Kharbin: Tip. KVZhD. 40 p. [in Russian]

[Auerbakh, 1909](#) – *Auerbakh, A.A.* (1909). Vospominaniya o nachale razvitiya kamennougol'noi promyshlennosti v Rossii [Memories of the beginning of the development of the coal industry in Russia]. *Russkaya starina*. Saint Petersburg. T. 138. Pp. 151-172. [in Russian]

[Belov, 1896](#) – *Belov, V.D.* (1896). Istoricheskiy ocherk ural'skikh gornykh zavodov [Historical sketch of the Ural mining plants]. Saint Petersburg: Tip. I. Gol'dberga. 177 p. [in Russian]

[Bessolitsyn, 2016](#) – *Bessolitsyn, A.A.* (2016). Gosudarstvo i otraslevye s"ezdy predprinimatelei v Rossii v kontse XIX – nachale KhKh veka [State and industry congresses of entrepreneurs in Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2014–15: 152-210. [in Russian]

[Biograficheskii metod, 1994](#) – *Biograficheskii metod* (1994). Biograficheskii metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya i praktika. Sbornik statei [Biographical Method in Sociology: History, Methodology and Practice. Collection of articles]. Redkol.: Meshcherkina E.Yu., Semenova V.V. M.: Institute of Sociology RAS. 147 p. [in Russian]

[Chekushina, Peretokin, 2009](#) – *Chekushina, Yu.N., Peretokin, A.G.* (2009). A.A. Auerbakh – predstavitel' regional'nogo inzhenernogo predprinimatel'stva vtoroi poloviny XIX – XX v. [A.A. Auerbach is a representative of the regional engineering business of the second half of the XIX – early XX century]. *Gumanitarnii zhurnal (Dnepropetrovsk)*. 1–2 (40–41): 84-91. [in Russian]

[Chupin, 1867](#) – *Chupin, N.K.* (1867). Ob otkrytii i pervonachal'noi razrabotke magnitnoi gory Blagodati [About the discovery and initial development of the Blagodat' magnetic mountain]. Perm: Perm. gub. tip. 17 p. [in Russian]

[D'yakonova, 1999](#) – *D'yakonova, I.A.* (1999). Neft' i ugol' v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh [Oil and coal in the energy sector of Tsarist Russia in international comparisons]. Moscow: ROSSPEN. 296 p. [in Russian]

[Dzyubinskiy, 2016](#) – *Dzyubinskiy, L.I.* (2016). A.A. Auerbakh – vydayushchiysya gornyi inzhener Rossii [A. A. Auerbach is an outstanding mining engineer in Russia]. Ekaterinburg: Izdatel'skii Dom «Aristokrat». 237 p. [in Russian]

[Entsiklopedicheskii slovar', 1893](#) – *Entsiklopedicheskii slovar'* (1893). Izd.: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. T. 9 (17). Saint Petersburg: Tip. Akts. Ob-va Brokgauz-Efron. 474 p. [in Russian]

[Fertner, 1909](#) – *Fertner, F.R.* (1909). Donetskaya kamennougol'naya promyshlennost' [Donetsk coal industry]. Saint Petersburg: Sine nomine. 47 p. [in Russian]

[Fomin, 1908](#) – *Fomin, P.I.* (1908). Kratkii ocherk istorii s"ezdov gornopromyshlennikov Yuga Rossii [A brief outline of the history of the congresses of miners of the South of Russia]. Pod red. N.F. fon-Ditmara. Khar'kov: Tip. I. Zil'berberg i synov'ya. 173 p. [in Russian]

[Golubev, 1904](#) – *Golubev, P.A.* (1904). Dvukhsotletie russkoi gornoj promyshlennosti [Bicentenary of the Russian mining industry]. Materialy po izucheniyu Permskogo kraja. Otv. vred. P. Serebrennikov. Sine nomine, pp. 15–105 (pril. I–XV). [in Russian]

[Isakov, Lytaeva, 2017](#) – *Isakov, A.E., Lytaeva, T.A.* (2017). Environmental impact of the stored dust-like zinc and iron containing wastes. *Journal of Ecological Engineering*. 18(3): 37-42.

[Kaimakova, 2012](#) – *Kaimakova, S.V.* (2012). Zarozhdenie gornotekhnicheskogo obrazovaniya v Bogoslovskom gornom okruge [The origin of mining education in the Bogoslovsky mining district]. *Nauchnyi dialog*. 9: 28-43. [in Russian]

[Kazanin et al., 2018](#) – *Kazanin, O.I., Rudakov, M.L., Kolvakh, K.A.* (2018). Occupational safety and health in the sector of coal mining. *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)*. 9(6): 1333–1339.

[Krasnotur'insk, 2004](#) – *Krasnotur'insk* (2004). Krasnotur'insk: malaya kraevedch. entsikl [Krasnoturinsk: small encyclopedia of local history]. Red.-sost. Stepanova I.P. Ekaterinburg: Real-Media. 271 p. [in Russian]

- Kuromiya, 1998** – *Kuromiya, H.* (1998). Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge: Cambridge University Press. 357 p.
- Litvinenko, Dvoinikov, 2020** – *Litvinenko, V.S., Dvoinikov, M.V.* (2020). Metodika opredeleniya parametrov rezhima bureniya naklonno pryamolineinykh uchastkov skvazhiny vintovymi zaboynymi dvigatelyami [Method for determining the parameters of the drilling mode for inclined straight sections of the well with downhole screw motors]. *Zapiski Gornogo institute.* 241: 105-112. DOI: 10.31897/PMI.2020.1.105 [in Russian]
- Lyashchenko, 1952** – *Lyashchenko, P.I.* (1952). Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR. V 3-kh tomakh. T. II: Kapitalizm [History of the national economy of the USSR. In 3 volumes. Volume II: Capitalism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 736 p. [in Russian]
- Miller, 1967** – *Miller, M.* (1967). The Economic Development of Russia, 1905–1914: With Special Reference to Trade, Industry, and Finance. London: Frank Cass. 321 p.
- Mokeyev, 2015** – *Mokeyev, A.B.* (2015). Razvitie sistemy gornogo obrazovaniya v Tsarstve Pol'skom v XIX v. [Development of the mining education system in the Kingdom of Poland in the XIX century]. *Bylye Gody.* 38(4): 982-991.
- Obshchii obzor, 1915** – *Obshchii obzor* (1915). Obshchii obzor glavnykh otraslei gornoj i gornozavodskoi promyshlennosti: [Osoboe pril. k smete Gornogo departamenta na 1916 g.] [General overview of the main branches of the mining and ore processing industry: (Special app. to the estimate of the Mining Department for 1916)]. Petrograd.: Tip. I. Fleitmana. 354 p. [in Russian]
- Polovtsov, 2005** – *Polovtsov, A.A.* (2005). Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. [Diary of the Secretary of State: in 2 volumes]. Predisl. L.G. Zakharovoi. T. 1: 1883–1886. Moscow: Tsentrpoligraf. 603 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rtutnyi zavod, 1891** – *Rtutnyi zavod* (1891). Rtutnyi zavod Auerbakha i K° [Mercury plant Auerbach & Co.]. *Gornozavodskoi listok.* 20: 1087-1089. [in Russian]
- Rudnik et al., 2019** – *Rudnik, S.N., Voloshinova, I.V., Mokeyev, A.B., Leyberov, A.I.* (2019). The First Russian Mineralogist – Nikolai Ivanovich Koksharov (1818–1892). *Bylye gody.* 54(4): 1546-1553.
- Sergeev et al., 2017** – *Sergeev, I.B., Lebedeva, O.Y., Mineeva, A.S.* (2017). Investment valuation of energy efficiency measures within mining companies. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 8(2): 601-611.
- Shestakova, 2018** – *Shestakova, I.G.* (2018). To the question of the limits of progress: is singularity possible? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Filosofiya i konfliktologiya.* 34(3): 391-401.
- Shestakova, Polanski, 2018** – *Shestakova, I.G., Polanski, S.D.* (2018). Digital Civilization and Problems of Cultural Diversity: Political Actors or Infocommunication Technologies. *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018).* Pp. 412-417.
- Shukhardin, 1982** – *Shukhardin, S.V.* (1982). Tekhnika v ee istoricheskom razvitii: 70-e gody XIX – nachalo XX v. [Technology in its historical development: 70s of the XIX – early XX centuries]. Moscow: Nauka. 510 p. [in Russian]
- Strumilin, 1966** – *Strumilin, S.G.* (1966). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR [Essays on the economic history of Russia and the USSR]. Moscow: Nauka. 514 p. [in Russian]
- Time, 1917** – *Time, I.A.* (1917). Aleksandr Andreevich Auerbakh [Alexander Andreevich Auerbach]. *Gornyi zhurnal.* 1: 182-195. [in Russian]
- Ukazatel', 1905** – *Ukazatel'* (1905). Ukazatel' deistvuyushchikh v Imperii aktsionernykh predpriyatii i torgovykh domov [Index of joint stock companies and trading houses operating in the Empire]. Pod red. V.A. Dmitrieva-Mamonova. Saint Petersburg: Tip. «V.F. Demakova-Nasl.». 1808 p. [in Russian]
- Wynn, 1992** – *Wynn, C.* (1992). Workers, Strikes, and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton: Princeton University Press. 289 p.
- Yungmeister et al., 2018** – *Yungmeister, D.A., Ivanov, S.E., Isaev, A.I.* (2018). Calculation of parameters of technological equipment for deep-sea mining. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering.* 327(2): 216-221.
- Zablotskii, 1999** – *Zablotskii, E.* (1999). Auerbakhi [Auerbach family]. Nemtsy Rossii: Entsiklopediya [Germans of Russia: Encyclopedia]. Redkol. V. Karev (pred.) i dr. M.: ERN. T. 1. Pp. 87-89. [in Russian]
- Zhigalov, 2008** – *Zhigalov, B.S.* (2008). KVZhD v Dal'nevostochnoi politike Rossii (1906–1914) [KVZhD in the Far Eastern policy of Russia (1906–1914)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 1(2): 24-44. [in Russian]

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2640-2650. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2640
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Narodnichestvo and American Populism in the late XIXth century: Experience in Comparative Analysis of Ideas

Aleksei Yu. Viazinkin ^{a, *}

^aTambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article provides a comparative analysis of the ideological complexes of Russian Narodnichestvo and American Populism. The novelty of the study lies in the first experience of such comparative analysis in domestic historical science. As a key problem, the interpretation of the concept of «people» by Narodniks and populists as a combination of the labor population is considered. The different social composition of the movements and the historical conditions of emergence affected the aims and methods of political struggle of Russian Narodniks and American populists. The political platforms of Russian Narodnichestvo and American Populism reveal both conservative ideological elements and attitudes to protect some socio-economic conditions, as well as the demands for radical political and social changes. Russian Narodnichestvo is considered as a kind of socialist doctrine («Russian socialism») about the ideal of social solidarity with elements of a democratic system. American Populism was essentially an updated ideology of «agrarian democracy» with some socialist evasions. The solution to the problem of individual freedom, common to Russian Narodnichestvo and American Populism, was determined by the socio-economic historical conditions of the development of Russia and the United States, as well as the traditions of political thinking. It was concluded that Russian Narodnichestvo and American Populism have many ideological points of contact.

Keywords: Russian Narodnichestvo, American Populism, people, sovereign personality, «agrarian myth», political struggle, progress, archaic, solidarity, socialism.

1. Введение

В современном политическом дискурсе понятие «популизм» имеет в основном негативные коннотации. Между тем следует отметить, что в последние несколько десятилетий во многих странах мира обнаруживается рост популизма как правого, так и левого. Речь идет, прежде всего, о росте популярности политических партий с популистской идеологической платформой. В этих условиях обращение к историческим феноменам популизма представляется нам в высшей степени актуальным.

Для нас принципиально важной является попытка сопоставления американской и русской политических традиций популизма (в американских исследованиях нередко используется сочетание «Russian Populism» для обозначения исторического феномена русского народничества). Это сопоставление требует учета исторических реалий возникновения в США популизма, традиционно определяемого как общественно-политическое движение левых аграриев, и русского народничества в России как леворадикальной и умеренно-демократической идеологии разночинной интеллигенции.

* Corresponding author

E-mail addresses: vyazinkin@yandex.ru (A.Y. Viazinkin)

2. Материалы и методы

В данном исследовании рассматриваются труды классиков русского народничества, эпистолярное наследие, сохранившееся в архивных фондах, речи и выступления американских популистов.

Первый в отечественной историографии опыт идейного сравнения двух феноменов политической жизни потребовал обращения к широко известной методологии американской школы консенсуса, ярким представителем которой был Р. Хофстедтер. Основные позиции идеологии американского популизма проанализированы в трудах американских историков Ч. Постела и Т. Ньюджента. Специфика обозначенной проблемы потребовала применения междисциплинарного подхода. Базовые методы исследования феномена русского народничества, сочетающие исторические и историко-философские подходы, сформулированы в работах Ю.П. Ивонина, Ф.П. Фурмана, В.Г. Хороса, А.И. Юдина.

3. Обсуждение

В отечественной исторической науке до сих пор не был предпринят сопоставительный анализ идеологий русского народничества и американского популизма. В классической работе В.Г. Хороса «Идейные течения народнического типа в развивающихся странах» (Хорос, 1980) исторический американский популизм не рассматривается (внимание исследователя акцентируется на популистской идеологии в странах Африки, Азии и Латинской Америки).

В работах Ф.П. Фурмана также исследуется феномен русского народничества в контексте идеологии популизма (Фурман, 2009; Фурман, 2010). В центре внимания ученого дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества, который рассматривается в контексте радикальных социально-политических движений XX в. Ф.П. Фурман сравнивает феномен русского народничества с популизмом в тех же странах Африки и Латинской Америки. Исследователь отмечает разницу, которую необходимо учитывать, сопоставляя понятия «народничество» и «популизм», но сравнение идейных комплексов русского народничества и исторического американского популизма остается вне его внимания.

Наше исследование предполагает проведение сравнительно-исторического анализа идей двух политических феноменов с целью опровергнуть тезис немецкого политолога Ф. Декера о том, что американский популизм и русское народничество «не имеют ничего общего, кроме времени возникновения» (Декер, 2004: 56).

4. Результаты

Народничество – идеология, возникшая в 1860-х гг. в Российской империи и унаследовавшая идейную платформу русской революционной демократии. В основе социальной философии русского народничества лежали представления о справедливом общежитии, о необходимости борьбы за политическое и экономическое освобождение широких народных масс. Однако народничество преодолело некоторые западнические элементы русской революционно-демократической мысли, сосредоточившись на проблеме сближения интеллигенции и простого народа. Этическая направленность народнической мысли, пронизывающая ее социологию, философию истории и эстетику, была обусловлена психическим феноменом исторической вины, испытываемой радикальными представителями дворянства и интеллигенции по отношению к русскому крестьянству, за счет которого обеспечивалось благополучие праздных классов.

Общественный идеал народнической социальной мысли – «русский социализм». С точки зрения А.И. Герцена, автора концепции «русского социализма», будущее цивилизации – за социалистической организацией общества. Наиболее вероятно, что социализм как форма справедливого общежития, установится в России, потому что здесь сохранилась крестьянская община – нравственное и социальное ядро социалистического общественного устройства. Народническая идеология, очевидно, ориентировалась, прежде всего, на интересы крестьянства, имела ярко выраженную аграрную составляющую и представляла собой «идеализацию и возведение в идеал натурального земледельческого хозяйства» (Струве, 1894: 166-167).

Сближение интеллигенции с народом имело прежде всего просветительские цели. Широко распространилась практика «хождения в народ». Она должна была воплощать в жизнь весь спектр народнических представлений о социальном и нравственном идеалах. Во-первых, просвещение масс было призвано повысить уровень народного самосознания. Декларативная цель этого просветительского вторжения интеллигенции в народную среду – интеллектуальное и нравственное освобождение народа от оков полицейской морали, порождающей социальную несправедливость. Во-вторых, представители радикальной интеллигенции нашли, как им казалось, эффективный способ избавиться от душного чувства нравственного долга перед народом. Хотя «хождение в народ» провалилось, следует отметить, что забота о народном благе у представителей русской разночинной молодежи, рискующих своими жизнями и свободой, была неподдельной.

В 1860-е гг., почти одновременно с зарождением народничества в России, в США формируется аграрное движение (грейнджеры), основной целью которого была защита социально-экономических

интересов американского фермерства. Численность фермерских ассоциаций росла очень быстро, что свидетельствовало о популярности их идеологии среди широких народных, прежде всего сельских, масс.

Историк Р. Хофстедтер отмечал, что идеология фермерского движения, а затем и американского популизма, основывалась на т.н. «аграрном мифе», утверждавшем превосходство земледелия и фермерства над всеми другими образами жизни, и восходила к джефферсоновской традиции «фермерской демократии» (Hofstadter, 1995b: 28). Один из «отцов-основателей», выдающийся мыслитель Т. Джефферсон этически обосновал идеологию физиократов и положил начало великой американской традиции свободной и добродетельной фермерской жизни: «Те, кто трудится на земле – избранники Бога, – если у него вообще есть избранники, – души которых он сделал хранилищем главной и истинной добродетели. <...> Ни одного примера разложения нравственности нельзя найти у людей, обрабатывающих землю, – ни у одного народа, ни в какие времена» (Джефферсон, 1990: 232).

Однако идеология американского фермерского движения, пожалуй, была лишена той романтической силы и политического обаяния, которой была наделена джефферсоновская мысль. Это отчасти позволило некоторым историкам говорить о бесперспективности популистской идеологии в условиях динамично развивающегося индустриального общества США. «Аграрный миф», по Р. Хофстедтеру, был иррациональным ответом архаичных фермеров на вызовы современности (урбанизм, индустриализм).

Американские историки справедливо отмечают, что фермерское движение потерпело экономическое фиаско. Однако следует отметить, что оно создало базис для идеологической платформы исторического американского популизма. В конце концов фермерство обратилось к проблеме политической защиты своих интересов.

В конце 1880-х гг. серия засух опустошила Запад США. Это был серьезный удар по американскому фермерскому хозяйству. Грейнджеры, гринбекеры (движение трудового народа) и прочие трудовые ассоциации объединились на платформе общих политических целей. В мае 1891 г. была образована Народная партия (People's Party), в основе идеологии которой лежали аграризм, кооперативизм, биметаллизм.

Важно отметить одно немаловажное сходство в мировоззрении русских народников и американских популистов. Русские народники понимали под «народом» только трудящиеся слои населения. Крупнейший теоретик народничества Н.К. Михайловский писал: «Народ не в смысле нации, а в совокупности трудящегося люда. Труд – единственный объединяющий признак этой группы, <...> в труде личность выражается наиболее ярко и полно» (Михайловский, 1897а: 537). Этот подход к определению понятия «народ» (people) верен и для американских популистов, для которых высшей общественной ценностью являются именно трудящиеся массы: «истинный народ – это те, кто трудится в деревне и в городе» (Nugent, 1963: 233-234). Поэтому народная демократия (popular democracy) как идеал – это прежде всего демократия трудящихся масс. Здесь следует обратить внимание на то, что и русские народники, и американские популисты относили к категории «народ» не только сельских жителей, крестьян и фермеров, но и городских рабочих. Однако если в популистском движении американское фермерство принимало активное участие, то русское крестьянство никакого отношения к народническому (народовольческому) движению не имело (последнее оставалось идеологией и движением разночинной интеллигенции).

Однако рабоче-популистский политический альянс в США оказался хрупким и скоро распался из-за идейных противоречий (Зубок, 1962; Ярыгин, 2017). В России в 1890-е гг. между народниками и марксистами, защищавшими интересы рабочих, развернулась ожесточенная полемика, так что ни о каком альянсе говорить не приходилось.

Методы политической борьбы

Разрабатывая теорию освобождения личности, Н.К. Михайловский пришел к выводу о том, что теория и действительность несколько расходятся. В письме русской писательнице Е.П. Летковой он утверждал, что «рабство» уже признано в обществе и нравственно, и социально неприемлемым явлением, однако и этого недостаточно для освобождения личности: «рабство как юридический институт не существует. Но многие ли могут себе сказать, что они совсем уже не рабы?» (РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 41). Недостающим элементом Н.К. Михайловский считал политическую свободу.

Проблема политического освобождения в идеологии русского народничества стала закономерным продолжением внутренней логики освободительного движения в России. Идея политического освобождения еще в трудах революционных демократов была принята как необходимый компонент проекта справедливого общества, реализуемого в том числе посредством радикальных политических действий.

Политическая история России второй половины XIX в. была омрачена народническим террором. Оправдание террора – это, пожалуй, единственное темное пятно в почти безупречной интеллектуальной биографии Н.К. Михайловского. Необходимость радикальной политической борьбы в начале 1880-х гг. привела к сближению мыслителя с народовольцами. Он отрицал теорию Л.Н. Толстого о «непротивлении злу»: «зло существует, и с ним надо бороться, иногда жестокими,

даже террористическими средствами, <...> бывают исторические моменты, когда даже благороднейшие люди <...> прибегают к жестоким средствам» (Михайловский, 1896а: 433). Народовольческий террор понимался мыслителем как сопротивление «злу» – тирании и реакции.

Другие и вовсе считали, что «политическое убийство» позволяет подняться на «нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь массы» (Революционная журналистика, 1906: 282-283). В этой чудовищной формуле обнаруживается идейный «героизм» народовольцев, апофеоз освобожденной личности с «правом» вершить нравственный и исторический суд, совершать политические убийства. В терроре народовольцы видели форму политического «участия», неизбежную в конкретно-исторических условиях самодержавной реакции. Форма эта, однако, преступна и с точки зрения нравственности, и с точки зрения закона.

Немецкий исследователь русского революционного движения М. Хильдермейер указывал на «иррационализм и почти псевдорелигиозное прославление “мстительных героев”, как их обычно называют. Действия убийцы определяются не политическими мотивами, а “ненавистью”, “духом жертвоприношения” и “чувством чести”. Бросание бомб было объявлено “святым делом”» (Hildermeier, 1979: 81). Таким образом, распространенный у народовольцев, а затем и у эсеров культ «героической» террористической жертвы как практики политического освобождения был продолжением внутренней логики интеллигентской жертвенности.

Справедливости ради отметим, что историческая действительность практически не представляла возможности людям с радикальными взглядами легально участвовать в политической жизни страны, что, разумеется, не оправдывает их террористической практики.

Как отмечает И.А. Уманская, американский популизм с самого начала имел политические амбиции и возник как «реакция широких народных масс на отстранение их от центров экономической и политической власти» (Уманская, 2006: 303).

Политическая энергия американского популизма имела как созидательный, так и разрушительный аспекты. Популизм следует рассматривать как первую политическую силу в США, заявившую об ответственности правительства за благополучие (или его отсутствие) народа. Политическая философия популизма, согласно Дж. Хиксу, сводится к двум положениям: правительство должно сдерживать хищнические устремления тех, кто наживается за счет бедных слоев населения, за счет простого народа; правительство должно контролироваться народом, а не плутократией (Hicks, 1931: 407). Популистское движение было направлено против бюрократии и корпоративных привилегий.

Лозунг политической борьбы трудовых масс против праздного капитала поддержал и главный оратор популистов У.Дж. Брайан (Bryan, 1999). Сторонники из популистского движения поддерживали его кандидатуру во время президентской кампании 1896 г. (баллотировался от Демократической партии, но проиграл республиканскому кандидату У. Мак-Кинли). В эмоциональном настроении масс, которое не менее важно в политической борьбе, чем программа партии, У. Дж. Брайан воспринимался как носитель традиций предков – «евангельской веры и популистской демократии» (Hofstadter, 1963: 127). Голос народа и истина сердца составляют, по Р. Хофстедтеру, основу сентиментальной философии американского популизма, что невольно вызывает ассоциации с «двуединой правдой» Н.К. Михайловского – правдой-истиной и правдой-справедливостью.

Следует отметить легальный характер политической борьбы и относительно умеренные политические требования (программа движения «Платформа Омаха» включала, например, требования прямых выборов сенаторов, реформ государственной службы, политики землевладения, подоходного налога) американских популистов. Несмотря на то, что популисты считались радикалами, их враждебность по отношению к финансовым и политическим элитам редко носила криминальный характер. Программа и идеология американского популизма были далеки от анархо-революционных идей и сопутствующих им террористических практик.

Прогресс или архаика?

Р. Хофстедтер видел в популизме исключительно опасную антимодернистскую политическую силу, защищающую архаические ценности, утратившие свою историческую актуальность. Популизм, с точки зрения историка, ультраконсервативен, не чужд элементам расизма и нативизма. Популисты – родоначальники «параноидального стиля» в американской политической истории, основывающегося на иррациональном чувстве антинародного заговора. «Аграрный миф» здесь играет ключевую роль, поскольку апеллирует к некоему «Золотому веку», прекрасному прошлому. «Популисты, – писал Р. Хофстедтер, – выступали за сохранение аграризма, за возвращение к республиканской простоте, за установление народной демократии, которая, как они верили, уже существовала в прошлом» (Hofstadter, 1955a: 9).

Аграрный этос пронизывает все уровни человеческого мировоззрения, задает определенную систему этических, эстетических и социальных ценностей, влияет на поведение людей. Р. Хофстедтер указывал на тот факт, что политическое поведение находится в зависимости от социально-психологического фактора. Американский популизм обнаружил в мире противоречия между идеалом

и действительностью, не смог найти рационального объяснения и потому обратился к иррациональным причинам.

Обострение фактора «аграрного мифа» было связано с революцией в американской экономике, которая перевела страну на рельсы индустриализации. На смену популистскому «аграрному мифу» (аграрному реформизму) пришла эра прогрессизма (урбанистического реформизма). Хотя осознание необходимости реформ было общим для популистов и прогрессистов, Р. Хофстедтер отмечает различие в идеалах фермера и городского жителя. Если первые были озабочены сохранением аграрного уклада жизни, статуса и доходов, то для вторых на первый план выходила сфера потребления, обеспеченность товарами. Историк писал о «переходе американской экономики и американской жизни от всепоглощающей заботы о производстве к равной озабоченности потреблением как самостоятельной сфере жизни, придавшем массовую привлекательность и политическую силу многим прогрессистским темам и обеспечившим лидерам прогрессистов широкий доступ к обществу» (Hofstadter, 1955b: 173).

Однако не все историки согласны с той трактовкой политической идеологии американского популизма, которую предложил Р. Хофстедтер.

Современные американские ученые отмечают, что американские фермеры не препятствовали, а иногда и способствовали распространению научно-технических знаний, если это удовлетворяло их прагматические интересы. Историк Ч. Постел указывает на идейную связь популизма и прогрессизма, которая имеет не поверхностную природу (принцип реформизма), а серьезное философское обоснование: «Вера в науку, – пишет он, – служила объединяющей нитью популистской мысли, <...> прогрессивное и современное общество популистского воображения должно было строиться на эмпирически открытой и научно установившейся истине» (Postel, 2007: 21). С точки зрения Ч. Постела, американские популисты не только из прагматических соображений, но и духовно были на стороне научно-технического прогресса.

Отечественный американист В.В. Согрин отмечает объединяющую силу популизма и его роль в формировании прогрессистских идей: «Прогрессивная эра, – пишет историк, – имела генетические связи и сходство с протестными выступлениями “Позолоченного века”, она позаимствовала многие требования популистского движения, восприняла и развила свойственную практически всем социальным движениям предшествующей эпохи критику антиобщественных действий большого бизнеса и политической коррупции» (Согрин, 2010: 303). Американский исследователь У.Р. Миллер даже предлагает ввести новое хронологическое понятие для более адекватной идентификации исторического американского популизма: «следует вообще отменить понятие “Позолоченный век” и вместо этого определить Долгую Прогрессивную Эру, которая началась около 1880 г. и продолжалась до Нового Курса» (Miller, 2009: 27). Таким образом, популизм рассматривается историком как органичная часть эры прогрессизма.

Важным пунктом прогрессивной программы американского популизма историки считают борьбу за права женщин. Американский популизм рассматривается как эгалитарное движение, как вариант «трансатлантической социал-демократии конца XIX в.» (Postel, 2019), для которой равенство мужчин и женщин, а также право женщин на политическое участие – неотъемлемый элемент программы.

В народнической мысли проблема эмансипации женщин также рассматривалась как одна из наиболее актуальных и прогрессивных. Публицистический дебют Н.К. Михайловского был связан с «женской темой» (статья «Софья Николаевна Беловодова», опубликованная в журнале «Рассвет», 1860 г.). Наделение женщин равными с мужчинами правами и свободами, по мнению народника, разумно и справедливо. Н.К. Михайловский вспоминал: «Есть общественные вопросы, очень сложные в своих подробностях и разветвлениях, но теоретически легко формулируемые <...>. К числу их принадлежит и так называемый женский вопрос. Основные его положения так просты и ясны, что им могут быть противопоставлены только лицемерие, предрассудки и насилие» (РГАЛИ. Ф. 2262. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 17). Народник подчеркивал, что актуальность этого вопроса стала одним из последствий Крымской войны, показавшей необходимость прогрессивного политического мышления, направленного на социальную модернизацию.

Важной особенностью народнической теории прогресса являлся синтез научного объективизма и этической направленности социальной мысли. Формула прогресса представляла собой стратегию реализации общественного идеала. Двигателем прогресса, по П.Л. Лаврову, выступают критически мыслящие личности, которые сочетают в себе добродетель просвещенности с высокими моральными качествами (чувство справедливости, идеал самопожертвования и т.д.), а также следуют принципу осознанной солидарности (Юдин, 2013). Народническая социология испытала серьезное влияние позитивизма. Можно сказать, что позитивная наука сыграла одну из ключевых ролей в формировании народнической формулы прогресса.

Тем не менее некоторые исследователи феномена русского народничества отмечают архаичные черты социологии и философии их представителей, реакционные обертона их ментальности и идеологии (Зеленин, Ильин, 2018). В этом вопросе мы солидаризируемся с позицией Ю.П. Иволина,

утверждающего, что характерной особенностью общественной мысли народничества было сочетание идей вестернизации сознания и охранения традиционных социальных связей (Ивонин, 2008: 232).

Сопоставляя американский популизм и русское народничество, необходимо отметить следующие моменты. В народничестве нет следов «параноидального стиля» политического мышления, хотя элементы националистического подхода к решению общественно-политических проблем можно обнаружить в идейном наследии, например, А.И. Герцена и М.А. Бакунина (Вязинкин, 2019; Цовма, 2004). С другой стороны, и американский популизм, и русское народничество обнаруживают нетривиальное сочетание консервативных и радикальных черт в политическом мышлении.

Принцип солидарности и социалистический идеал

Теоретики народничества продолжили логику антропологического оптимизма философии Просвещения: если сделать людей равными и свободными, тогда и общество, состоящее из равных и свободных личностей, станет приближаться к идеалу. Нравственно свободная личность, по мнению теоретиков народничества, будет стремиться к идеалу осознанной солидарности и социальной справедливости. В основе этого идеала лежала своеобразная философия труда как «учение о солидарности всех рабочих независимо от языка, от национальности, от расы, учение о солидарности всего существующего собственным трудом» (Лавров, 1935: 143).

«Народническая социология, – писал американский историк А. Вучинич, – строится на понимании социальной солидарности или сотрудничества как главного фактора социальной стабильности и сплоченности и на основе концепции постепенного утверждения индивидуальности как основного фактора перемен» (Vucinich, 1976: 33). По мнению исследователя, решение проблемы соотношения индивидуального и всеобщего народники находили в принципе солидарности.

П.Л. Лавров отождествлял осознанную солидарность трудящихся и социалистическую модель общественного устройства. Общество, организованное на принципе солидарности, борется с негативными явлениями, такими как социальный паразитизм, социал-дарвинистская конкуренция и т.д.

Американские популисты также критически относились к социальному дарвинизму. У.Дж. Брайан, для мировоззрения которого было характерно сочетание политики и религии, утверждал, что его поддержка трудового народа и пацифизм являются практическим выражением христианского мирозерцания. Теория социального дарвинизма, по У.Дж. Брайану, порождает жестокость, оправдывает войны, подрывает нравственные основы христианского вероучения. Политический деятель боролся с дарвинизмом во всех его проявлениях: в политике, экономике, образовании (Lee, 2004: 368).

Н.К. Михайловский противопоставил модели индустриального развития общества теорию «простой кооперации». Таким образом, мыслитель в качестве альтернативы господству капитала и культуре денег, растущему социальному расслоению общества и утилитаризму предложил идеологию сотрудничества и кооперации. Поиск новых экономических принципов, которые позволили бы развивать общество в направлении социального идеала, был характерной особенностью философии умеренных народников. Без учета экономического фактора, быть может без постановки его на первые позиции, невозможна была конкретизация пути реформирования общества. Теоретические положения народнической философии труда находили свое практическое выражение в кооперативном движении, в организации народных артелей, потребительских товариществ, экономических ассоциаций.

Как и в идеологии русского народничества, кооперативное движение было важным элементом общественно-экономической программы грейнджеров. Эти фермерские ассоциации сообща закупали все необходимое: от сельскохозяйственной техники до предметов домашнего обихода, текстильных товаров и т.п. Фермерские организации, трудовые союзы популистов напоминали по своему характеру и назначению российские артели второй половины XIX в.

Ряд исследователей определяет исторический феномен популизма как самобытный американский социализм. Г.П. Куропятник отмечал, что программа рабоче-популистского альянса «целестремленно увязывала борьбу народа против трестов и монополий с установлением на них коллективной собственности народа» (Куропятник, 1971: 254).

После того как популисты заключили политический альянс с демократами, часть недовольных левых приняла участие в создании первой Социалистической партии Америки. Ее политической платформой стал демократический социализм. Эта политическая сила, как и исторический американский популизм, опиралась на поддержку сельского населения.

Крупнейшей политической фигурой американских социалистов конца XIX – начала XX вв. был Ю. Дебс. На выборах 1896 г. он еще поддерживал кандидатуру У.Дж. Брайана, но разочаровался в популистском движении после поражения от республиканцев. В 1897 г. Ю. Дебс объявил о своем «обращении» в социализм.

Разумеется, существовали неразрешимые идеологические противоречия между популистами и социалистами. Прежде всего, речь идет о вопросе собственности. Популисты опирались на американскую традицию частной собственности как на основу независимого фермерского хозяйства, фундамент жизни йомена. Социалистическая идеология выступала, напротив, за обобществление земли.

Свобода личности

Американский историк Дж. Скенлен утверждал, что идеология русского народничества суммируется в 5 областях: метафизика и эпистемология, этика, философия истории, социальная и политическая философия, эстетика (Scanlan, 1984: 209). На наш взгляд, историк упустил из вида важнейший аспект народнической философии – антропологию. Именно в этой области решался вопрос о том, что такое личность и в чем состоит ее свобода.

Проблема соотношения индивидуального и всеобщего в социальной мысли русского народничества решалась по-разному. С одной стороны, были теоретики, которые ориентировались на баланс личного и общественного (например, П.Л. Лавров); с другой стороны, некоторые мыслители считали возможным подчинять интересы личности интересам коллектива (например, П.Н. Ткачев). Те, кто ориентировался на баланс, декларировали свободу личности, но обязывали личность во всех вопросах идти на компромисс с общественными интересами. В коллективистских концепциях русского народничества автономия личности просто уничтожалась.

Из всей когорты народнических мыслителей и теоретиков Н.К. Михайловский ближе всех подобрался к теории суверенной личности. «Личность никогда не должна быть принесена в жертву, – писал мыслитель, – она свята и неприкосновенна» (Михайловский, 1896b: 452). С точки зрения Н.К. Михайловского, всякое общество, в котором свобода личности не является фундаментальным принципом организации, будет удаляться от идеала справедливого общежития.

Отметим, что для социальной философии американского популизма также была свойственна попытка обретения баланса между атомистическим индивидуализмом и коммунитаризмом (Balkin, 1995: 1946). Однако по своему духу американский популизм, прославлявший фигуру свободного фермера, ориентировался в первую очередь на свободу, автономию личности: «Независимость, а не взаимозависимость – вот популистский пароль. Популисты считали полагание на собственные силы (что, конечно, не исключает сотрудничества в политической и экономической жизни) самой сущностью демократии» (Лэш, 2002: 67).

Теоретики русского народничества подчеркивали, что источником социальной свободы и симптомом освобожденной личности является право «нравственного суда» (Михайловский, 1897b: 116). На эту же черту идеологии американского популизма указывал историк К. Лэш: «Популизм всегда отвергал и политику почитания, и политику жалости. Он стоит за прямое и простое обращение, за откровенный прямой язык. <...> Популизм – это подлинный голос демократии. Он исходит из того, что человеческие особи имеют право на уважение, покуда они не выкажут себя его недостойными» (Лэш, 2002: 86-87).

Разница в понимании свободы личности и демократизации общества в идеологиях русского народничества и американского популизма заключалась в том, что первая ориентировалась на концепцию социальной справедливости, вытекающую из опыта сочувствия и сострадания, а вторая – на автономию личности, которая является следствием уважения к ее правам и свободам.

5. Заключение

Сравнительный анализ идей русского народничества и американского популизма показал, что два исторических феномена имеют множество идеологических точек соприкосновения.

Во-первых, и народники, и популисты представляли интересы, прежде всего, сельского населения. И для тех, и для других ключевое понятие политической риторики – «народ» – интерпретировалось как совокупность трудового населения, чьи интересы противостоят интересам праздных классов. Существенное отличие состояло в том, что ядро американского популизма составляло фермерское движение, тогда как русское народничество оставалось идеологией разночинной интеллигенции.

Во-вторых, и русские народники, и американские популисты были озабочены проблемой права политического участия. Для народников это было частью теории политического освобождения личности, для популистов – способ борьбы фермерства за свои социально-экономические интересы. Будучи представителями радикализма, американские популисты тем не менее не прибегали к практике террора, в отличие от русских народников, оставаясь в пространстве легитимной политической борьбы.

В-третьих, идеологические комплексы американского популизма и русского народничества содержат как архаичные, консервативные, так и радикальные элементы. Несмотря на то, что и те, и другие видели, что следует сохранить в общественном устройстве, требование радикальных изменений было фундаментом их политической платформы.

В-четвертых, немаловажным компонентом социального идеала русского народничества был принцип солидарности, который отождествлялся с моделью социалистического общественного устройства. По существу, различные теоретики народничества предлагали различные социалистические модели общественного устройства, в том числе сглаживаемые элементами демократии (Н.К. Михайловский). Американский популизм первоначально представлял общественный идеал как вариант «фермерской демократии» в джефферсоновской традиции. В условиях индустриального общества такой проект, разумеется, приобретал радикальные обертона.

После поражения на выборах кандидата популистов от Демократической партии У.Дж. Брайана многие популисты перешли на социалистические позиции и участвовали в создании первой в США Социалистической партии.

В-пятых, проблема соотношения индивидуального и всеобщего, атомистического индивидуализма и коммунитаризма, была одной из основных в идеологиях русского народничества и американского популизма. Народничество представляло более широкий спектр решения проблемы: от жесткого коллективизма (П.Н. Ткачев) до приближения к теории суверенной личности (Н.К. Михайловский). Американский популизм возник в среде, в которой никогда не существовало крестьянской общины, его идеал независимого фермера подразумевал культуру уважения к правам и свободам личности. Из этого следовал индивидуализм, уравновешенный элементами коммунитаризма в виде организации временных фермерских ассоциаций с общими социально-экономическими интересами их членов.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

Литература

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Вязинкин, 2019 – Вязинкин А.Ю. Национальный проект «русского социализма» и фигура «скифа» в идейном наследии А.И. Герцена // *Манускрипт*. Т. 12. Тамбов: Грамота, 2019. № 8. С. 65-69.

Декер, 2004 – Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // *Актуальные проблемы Европы*. 2004. № 2. С. 56-73.

Джефферсон, 1990 – Джефферсон Т. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. 317 с.

Зеленин, Ильин, 2018 – Зеленин Ю.А., Ильин В.Н. Роль классического народничества в отечественной и всемирной истории в советской историографии // *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология*. 2018. № 2 (100). С. 98-102.

Зубок, 1962 – Зубок Л.И. Очерки истории США. 1877–1918. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 600 с.

Ивонин, 2008 – Ивонин Ю.П. Антропология регресса или русский позитивизм с человеческим лицом // *Научные записки НГУЭУ*. 2008. Вып. 3. С. 219-233.

Куропятник, 1971 – Куропятник Г.П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. 1867–1896. М.: Наука, 1971. 440 с.

Лавров, 1935 – Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. Т. 4. 429 с.

Лэш, 2002 – Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.

Михайловский, 1896a – Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 3. 904 стб.

Михайловский, 1896b – Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 4. 1020 стб.

Михайловский, 1897a – Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 5. 934 стб.

Михайловский, 1897b – Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 6. 1046 стб.

Революционная журналистика, 1906 – Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1906. 312 с.

Согрин, 2010 – Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.

Струве, 1894 – Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. 291 с.

Уманская, 2006 – Уманская И.А. Левый радикализм как идеологическая платформа популистского движения в США в конце XIX – начале XX века // *Americana. Выпуск 8. Россия и США: Опыт политического, экономического и культурного взаимодействия*. Волгоград, 2006. С. 291-307.

Фурман, 2009 – Фурман Ф.П. Дискурс популизма и парадигма народничества // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2009. № 1. С. 113-115.

Фурман, 2010 – Фурман Ф.П. Философские основания дискурсивно-идеологического комплекса народничества: историко-философский анализ. Нижневартговск: Изд-во Нижневартговского гос. гуманитарного ун-та, 2010. 207 с.

Хорос, 1980 – Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.

Цовма, 2004 – Цовма М.А. Проблема бакунинского национализма // *Прямухинские чтения*. 2001–2003 гг. Тверь: Золотая буква, 2004. С. 218-231.

- Юдин, 2013** – Юдин А.И. Идея прогресса в философии русского народничества // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. С. 184-189.
- Ярыгин, 2017** – Ярыгин В.В. Партийно-политическая борьба в США во время президентства Бенджамина Гаррисона. Дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2017. 222 с.
- Balkin, 1995** – Balkin J.M. *Populism and Progressivism as Constitutional Categories* // *Yale Law Journal*. 1995. 104, Pp. 1935-1990.
- Bryan, 1999** – Bryan W.J. The «Cross of Gold» Speech // *A Documentary History of the United States* / ed. by R.D. Heffner. New York, 1999. Pp. 240-247.
- Hicks, 1931** – Hicks J.D. *The Populist Revolt: A History of the Farmers Alliance and the People's Party*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1931. 487 p.
- Hildermeier, 1979** – Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–14 // *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe*. New York—London, 1979. Pp. 80-87.
- Hofstadter, 1963** – Hofstadter R. *Anti-Intellectualism in American Life*. New York: Alfred A. Knopf, 1963. 434 p.
- Hofstadter, 1955a** – Hofstadter R. *Social Darwinism in American Thought*. Boston: Beacon Press, 1955. 246 p.
- Hofstadter, 1955b** – Hofstadter R. *The Age of Reform: from Bryan to F. D. R.* New York Vintage Books, 1955. 328 p.
- Lee, 2004** – Lee K.P. Inherit the Myth: How William Jennings Bryan's Struggle with Social Darwinism and Legal Formalism Demythologize the Scopes Monkey Trial // *Campbell University of Law*. 2004. 33. Pp. 347-382.
- Miller, 2009** – Miller W.R. The Populist Vision: a Roundtable Discussion // *Kansas History*. Vol. 32. № 1. 2009. Pp. 18-45.
- Nugent, 1963** – Nugent W.T.K. *The Tolerant Populists*. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 256 p.
- Postel, 2019** – Postel C. Populism as a Concept and the Challenge of U.S. History // *IdeAs [Online]*, 14. 2019. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/ideas/6472>
- Postel, 2007** – Postel C. *The Populist Vision*. New York: Oxford University Press, 2007. 397 p.
- Scanlan, 1984** – Scanlan J.P. *Populism as a Philosophical Movement in Nineteenth-Century Russia: The Thought of P.L. Lavrov and N.K. Mikhajlovskij* // *Studies in Soviet Thought*. 27. 1984. Pp. 209-223.
- Vucinich, 1976** – Vucinich A. *Social Thought in Tsarist Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 294 p.

References

- Balkin, 1995** – Balkin, J.M. (1995). *Populism and Progressivism as Constitutional Categories*. *Yale Law Journal*. 104: 1935-1990.
- Bryan, 1999** – Bryan, W.J. (1999). The «Cross of Gold» Speech. *A Documentary History of the United States* / ed. by R. D. Heffner. New York. Pp. 240-247.
- Covma, 2004** – Covma, M.A. (2004). Problema bakuninskogo nacionalizma [The problem of Bakunin nationalism]. *Pryamuhinskie chteniya*. 2001–2003. Tver: Zolotaya bukva. Pp. 218-231. [in Russian]
- Deker, 2004** – Decker, F. (2004). Populizm kak vyzov liberal'nym demokratiyam [Populism as a Challenge to Liberal Democracies]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2: 56-73. [in Russian]
- Furman, 2009** – Furman, F.P. (2009). Diskurs populizma i paradigma narodnichestva [The discourse of populism and the paradigm of Narodnichestvo]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*. 1: 113-115. [in Russian]
- Furman, 2010** – Furman, F.P. (2010). Filosofskie osnovaniya diskursivno-ideologicheskogo kompleksa narodnichestva: istoriko-filosofskij analiz [Philosophical foundations of the discursive-ideological complex of populism: historical and philosophical analysis]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. gumanitarnogo un-ta. 207 p. [in Russian]
- Jefferson, 1990** – Jefferson, T. (1990). Zametki o shtate Virginiya [Notes on the State of Virginia]. Saint-Petersburg: Nauka. 317 p. [in Russian]
- Hicks, 1931** – Hicks, J.D. (1931). *The Populist Revolt: A History of the Farmers Alliance and the People's Party*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 487 p.
- Hildermeier, 1979** – Hildermeier, M. (1979). The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–14. *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe*. New York—London. Pp. 80-87.
- Hofstadter, 1963** – Hofstadter, R. (1963). *Anti-Intellectualism in American Life*. New York: Alfred A. Knopf. 434 p.
- Hofstadter, 1955a** – Hofstadter, R. (1955). *Social Darwinism in American Thought*. Boston: Beacon Press. 246 p.
- Hofstadter, 1955b** – Hofstadter R. (1955). *The Age of Reform: from Bryan to F.D.R.* New York: Vintage Books. 328 p.

- Horos, 1980** – *Horos, V.G.* (1980). Idejnye techeniya narodnicheskogo tipa v razvivayushchih stranaх [Ideological trends of the populists type in developing countries]. Moscow: Nauka. 286 p. [in Russian]
- Ivonin, 2008** – *Ivonin, Yu.P.* (2008). Antropologiya regressa ili russkij pozitivizm s chelovecheskim licom [Anthropology of regression or Russian positivism with a human face]. *Nauchnye zapiski NGUEU*. 3: 219-233. [in Russian]
- Kuropyatnik, 1971** – *Kuropyatnik, G.P.* (1971). Fermerskoe dvizhenie v SSHA. Ot grejndzherov k Narodnoj partii. 1867–1896. [Farm movement in the United States. From the grangers to the People's Party. 1867–1896]. Moscow: Nauka, 440 p. [in Russian]
- Lasch, 2002** – *Lasch, C.* (2002). Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii [The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy]. Moscow: Logos, Progress. 224 p. [in Russian]
- Lavrov, 1935** – *Lavrov, P.L.* (1935). Izbrannye sochineniya na social'no-politicheskie temy: v 8 t. [Selected works on socio-political topics: in 8 vols.]. Moscow: Izd-vo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, T. 4. 429 p. [in Russian]
- Lee, 2004** – *Lee, K.P.* (2004). Inherit the Myth: How William Jennings Bryan's Struggle with Social Darwinism and Legal Formalism Demythologize the Scopes Monkey Trial. *Campbell University of Law*. 33: 347-382.
- Mikhailovskiy, 1896a** – *Mikhailovskiy, N.K.* (1896). Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Saint-Petersburg: Russkoe bogatstvo. V. 3. 904 p. [in Russian]
- Mikhailovskiy, 1896b** – *Mikhailovskiy, N.K.* (1896). Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Saint-Petersburg: Russkoe bogatstvo. V. 4. 1020 p. [in Russian]
- Mikhailovskiy, 1897a** – *Mikhajlovskiy, N.K.* (1897). Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Saint-Petersburg: Russkoe bogatstvo. V. 5. 934 p. [in Russian]
- Mikhailovskiy, 1897b** – *Mikhailovskiy, N.K.* (1897). Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Saint-Petersburg: Russkoe bogatstvo. V. 6. 1046 p. [in Russian]
- Miller, 2009** – *Miller, W.R.* (2009). The Populist Vision: a Roundtable Discussion. *Kansas History*. Vol. 32. № 1. Pp. 18-45.
- Nugent, 1963** – *Nugent, W.T.K.* (1963). The Tolerant Populists. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
- Postel, 2019** – *Postel, C.* (2019). Populism as a Concept and the Challenge of U.S. History. *IdeAs [Online]*, 14. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/ideas/6472>
- Postel, 2007** – *Postel, C.* (2007). The Populist Vision. New York: Oxford University Press. 397 p.
- Revolucionnaya zhurnalistika..., 1906** – *Revolucionnaya zhurnalistika semidesyatyh godov* [Revolutionary journalism of the seventies]. Rostov-on-Don: Donskaya rech'. 312 p. [in Russian]
- Scanlan, 1984** – *Scanlan, J.P.* (1984). *Populism as a Philosophical Movement in Nineteenth-Century Russia: The Thought of P. L. Lavrov and N. K. Mikhajlovskij*. *Studies in Soviet Thought*. 27: 209-223.
- Sogrin, 2010** – *Sogrin, V.V.* (2010). Istoricheskij opyt SSHA [US Historical Experience]. Moscow: Nauka, 581 p. [in Russian]
- Struve, 1894** – *Struve, P.B.* (1894). Kriticheskie zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitiі Rossii [Critical notes on the issue of economic development of Russia]. Saint-Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova. 291 p. [in Russian]
- Umanskaya, 2006** – *Umanskaya, I.A.* (2006). Levjy radikalizm kak ideologicheskaya platforma populistikogo dvizheniya v SSHA v konce XIX – nachale XX veka [Left-wing radicalism as an ideological platform of the populist movement in the United States in the late XIX – early XX centuries]. *Americana. Vypusk 8. Rossiya i SSHA: Opyt politicheskogo, ekonomicheskogo i kul'turnogo vzaimodejstviya*. Volgograd. Pp. 291-307. [in Russian]
- Viazinkin, 2019** – *Viazinkin, A.Yu.* (2019). Nacional'nyj proekt «russkogo socializma» i figura «skifa» v idejnom nasledii A.I. Gercena [The national project of «Russian socialism» and the figure of «Scythian» in the ideological heritage of A.I. Herzen]. *Manuskript*. T. 12. Tambov: Gramota. № 8. Pp. 65-69. [in Russian]
- Vucinich, 1976** – *Vucinich, A.* (1976). Social Thought in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press. 294 p.
- Yarygin, 2017** – *Yarygin, V.V.* (2017). Partijno-politicheskaya bor'ba v SSHA vo vremya prezidentstva Bendzhamina Garrisona [Party-political struggle in the United States during the presidency of Benjamin Harrison]. Ph.D. Theses. Bryansk. 222 p. [in Russian]
- Yudin, 2013** – *Yudin, A.I.* (2013). Ideya progressa v filosofii russkogo narodnichestva [The idea of progress in the philosophy of Russian Narodnichestvo]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota. 12: 184-189. [in Russian]
- Zelenin, Ilyin, 2018** – *Zelenin, Yu.A., Ilyin, V.N.* (2018). Rol' klassicheskogo narodnichestva v otechestvennoj i vseмирnoj istorii v sovetskoj istoriografii [The role of classical populism in domestic and world history in Soviet historiography]. *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arheologiya*. 2(100): 98-102. [in Russian]
- Zubok, 1962** – *Zubok, L.I.* (1962). Oчерki istorii SSHA. 1877–1918. [US history essays. 1877–1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 600 p. [in Russian]

Русское народничество и американский популизм в конце XIX века: опыт сравнительного анализа идей

Алексей Юрьевич Вязинкин ^{а, *}

^а Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ идеологических комплексов русского народничества и американского популизма. Новизна исследования состоит в первом в отечественной исторической науке опыте подобного сравнительного анализа. В качестве ключевой проблемы рассматривается интерпретация понятия «народ» народниками и популистами как совокупность трудового населения. Различный социальный состав движений и исторические условия возникновения отразились на целях и методах политической борьбы русских народников и американских популистов. Политические платформы русского народничества и американского популизма обнаруживают как консервативные идеологические элементы и установки на охранение некоторых социально-экономических условий, так и требования радикальных политических и социальных перемен. Русское народничество рассматривается как своеобразное социалистическое учение («русский социализм») об идеале общественной солидарности с элементами демократического устройства. Американский популизм, по существу, представлял собой обновленную идеологию «фермерской демократии» с некоторыми социалистическими уклонами. Решение проблемы свободы личности, общей для русского народничества и американского популизма, определялось социально-экономическими историческими условиями развития России и США, а также традициями политического мышления. Сделан вывод о том, что русское народничество и американский популизм имеют множество идеологических точек соприкосновения.

Ключевые слова: русское народничество, американский популизм, народ, суверенная личность, «аграрный миф», политическая борьба, прогресс, архаика, солидарность, социализм.

* Корреспондирующий автор

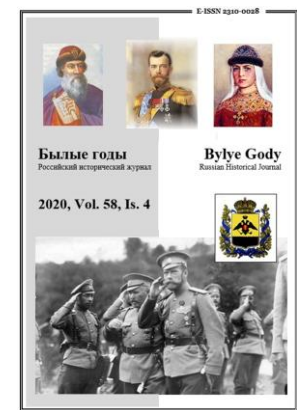
Адреса электронной почты: vyazinkin@yandex.ru (А.Ю. Вязинкин)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2651-2660. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2651
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System

Igor V. Zozulya ^{a,*}, Anastasia A. Kondrashova ^a, Maxim S. Trofimov ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the pre-revolutionary judicial system in the administrative-territorial formations of the North Caucasus based on the materials of the Highest reports of regional chiefs and governors of the last quarter of the XIX – early XX centuries. The authors offer a detailed description of the regional and all-Russian judicial system and legal proceedings typical of the post-reform period after the final annexation of the Caucasus to the Russian Empire. A special feature of the region's development was the combination of customary law and Russian legislation, the simultaneous operation of which was supposed to facilitate the gradual integration of the entire population into the unified legal space of the country. The proposed study shows the activities of Ekaterinodar, Vladikavkaz and Stavropol district courts, magistrates' courts, mountain verbal courts, village and volost courts, as well as Zemstvo district chiefs who replaced magistrates. Statistical data on the growth of criminal offenses and the number of convicted persons in the first years after the introduction of Judicial statutes in 1864 and in the dynamics for the twenty years from 1894 to 1914 are given. One of the main objectives of the article was to trace the transformation of socio-political views of the leaders of the local administration of the Kuban and Tersk Cossack regions and Stavropol province through their assessment of the criminal situation and the role of law enforcement agencies, including the courts, in stabilizing social and economic life in the region.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Kuban region, Terek region, Stavropol province, judicial system, legal proceedings, customary law, judicial reform.

1. Введение

Изменения, произошедшие в судостроительстве и судопроизводстве административно-территориальных образований Северного Кавказа во второй половине XIX в., были напрямую связаны с введением новых Судебных уставов 20 ноября 1864 г. после завершения Кавказской войны и включения региона в состав Российской империи. Несмотря на многочисленные работы в области истории, юриспруденции и других гуманитарных наук, специфика ее проведения в национальных окраинах империи, сочетание форм обычного права с общероссийским законодательством продолжают привлекать к себе новых исследователей. Принимая во внимание имеющийся интерес к теме, авторы статьи акцентируют ее актуальность на включении в более широкий оборот одного из источников рассматриваемой эпохи – отчетов глав местной администрации и составленных ими на их основе обзоров Кубанской и Терской областей, а также Ставропольской губернии, ежегодно поступающих на рассмотрение российских императоров. В публикуемых для широкого круга читателей с конца XIX в. обзорах специально указывалось, что они печатаются по распоряжению начальников областей и наказных атаманов казачьих войск или губернаторов.

* Corresponding author

E-mail addresses: izozulia@ncfu.ru (I.V. Zozulya)

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников нами были использованы опубликованные в дореволюционной местной печати «Отчеты о состоянии области и войска начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска», «Отчеты начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска» и «Обзоры Ставропольской губернии» (последние являлись приложениями к Всеподданнейшим отчетам ставропольских губернаторов, а с начала XX в. печатались на основе данных Ставропольского губернского статистического комитета, приводимых в отчетах). В статье приведены данные по ним со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны, включая отчеты за 1914 г. Наряду с этим, авторы неоднократно обращались и к неопубликованным архивным источникам и другим материалам, раскрывающим специфику рассматриваемого Северо-Кавказского региона. Основная часть представленных в статье источников – Высочайших отчетов – сосредоточена в фондах центральных архивов: РГИА – Ф. 1268 «Кавказский комитет», Ф. 1284 «Департамент общих дел МВД», Ф. 1263 «Комитет министров (1802–1906)», Ф. 1276 «Совет министров (1905–1917)» и РГВИА – Ф. 330 «Главное управление казачьих войск (1857–1910)».

2.2. В основу проведенного исследования положен принцип историзма, позволивший авторам проанализировать особенности осуществления судебной реформы на Северном Кавказе в условиях недавно завершившейся на его территории Кавказской войны. При этом авторы акцентировали внимание на постепенном включении этой территории в общероссийскую судебную систему с сохранением обычаев и традиций местного населения, выразившихся в продолжении деятельности горских словесных судов, параллельно с которыми сохранились и станичные суды для казачьих областей.

Широкое использование историко-правового, сравнительно-правового, проблемно-хронологического, ретроспективного и количественного методов позволило наиболее полно раскрыть поставленные цели и задачи. Применение аналитического метода при рассмотрении нормативно-правовых актов и выявленной статистики дало возможность составить сравнительно-статистические таблицы, ярко иллюстрирующие уровень преступности в регионе.

2.3. Особое внимание было обращено, прежде всего, на вступительную часть Высочайших отчетов, в которой делались основные акценты на знаковых проблемах и достижениях, произошедших в отчетном году, а также на анализ разделов «Народная нравственность», «Административные и судебные учреждения», в которых было сфокусировано внимание глав местных администраций на деятельности органов судебной власти в регионе. Впрочем, для полноты изложения материала использовались и другие разделы отчетов и обзоров, в которых был представлен анализ криминогенной обстановки и статистические данные из приведенных в приложении к ежегодным обзорам таблиц об уровне преступности и числе осужденных лиц окружными судами и другими наделенными судебной властью органами.

3. Обсуждение

Несмотря на целый ряд проведенных комплексных исследований по изучению российской и региональной судебной системы, историко-правового наследия нашей страны, включая российское судебное законодательство и отдельные судебные институты (такие как, например, мировая юстиция и суд с участием присяжных заседателей), еще остаются вопросы, требующие дальнейшего детального изучения и анализа, в том числе и более широкое включение в научный оборот такого исторического источника, как ежегодные Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Российской империи. В них аккумулировались основные характеристики и особенности социально-экономической и политической жизни регионов страны.

Интерес к изучению Высочайших отчетов как исторического источника по изучению дореволюционной России можно проследить как при анализе советской историографии (Дятлов, 1964: 227-246; Ерошкин, 1983), так и при характеристике современных работ, особенно диссертационных исследований по общероссийской и региональной истории (Лысенко, 2001; Пономарева, 2009). У одного из авторов предлагаемой статьи тоже имеется опыт работы с этим видом исторических источников (Zozulya et al., 2019: 1832-1841).

В статье предлагается рассмотреть особенности судоустройства и судопроизводства на Северном Кавказе в первые годы после введения новых судебных уставов – с последней четверти XIX до начала XX вв., а именно в 1875, 1880, 1886 гг. и, начиная с 1894 по 1914 гг., охватив в общей сложности 72 Высочайших отчета за 24 отчетных года.

4. Результаты

Напомним основные этапы произошедших судебных преобразований на Северном Кавказе середины XIX века, предшествовавших дальнейшему развитию судоустройства и судопроизводства в регионе.

После завершения в 1864 г. Кавказской войны первой из административно-территориальных образований Северного Кавказа увидела действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Ставропольская губерния. 17 апреля 1868 г. в ней были введены Ставропольский окружной суд и мировые судебные учреждения (ГАСК. Ф. 398. Оп. 3. Д. 137. Л. 11, 21). В Кубанской и Терской областях Екатеринодарский и Владикавказский окружные суды, участки и съезды мировых судей открылись 1 января 1871 г. (ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 1 об.; ЦГА СОР-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 14. Л. 145-147).

Из-за отсутствия на Северном Кавказе земских учреждений назначение мировых судей, а позже и увольнение со службы тех, кто «оказался недостойным высокого звания судьи», находилось в руках кавказского наместника (ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 603. Л. 1). Другим существенным отступлением от Судебных уставов 20 ноября 1864 г. стало отсутствие суда присяжных заседателей, объясняющееся правительством трудностями формирования их состава из-за преимущественно крестьянского населения Ставропольской губернии и многонациональных по составу Кубанской и Терской областей. По воспоминаниям современников, эти особенности были связаны с тем, что «мировых судей некому было выбирать, а присяжными судьями некому было быть» (В.С., 1897: 3).

В казачьих областях сохранились для разрешения на основе обычного права (адатов) горские словесные суды и станичные суды для казачьего населения, которые действовали параллельно с мировыми судами, рассматривавшими споры только в тех случаях, когда они носили смешанный межсословный характер.

Обратимся к наиболее ранним отчетам местной администрации, в которых начальники областей и губернаторы давали оценку «состояния нравственности населения» в пореформенный период.

Начальник Кубанской области генерал-лейтенант Н.Н. Кармалин во Всеподданнейшем отчете за 1875 г. докладывал императору: «Несмотря на разнообразие условий, существующих в различных местностях вверенной мне области и разноплеменность ее населения, спокойствие в ней в 1875 году не нарушалось... Если же из среды горского населения время от времени и выделяются личности, которые, сохранив прежние свои привычки и пользуясь условиями местности, предаются грабежу и разбоям, то они не встречают уже сочувствия в самом населении... Остальное население области, отличающееся мирным характером и усвоившее, более или менее, начала гражданственности, не вызывало забот против нарушения общественного спокойствия» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 549 об.-550). В прилагаемом Обзоре указывалось число совершенных преступлений – 1387 и осужденных по ним лиц – 322 мужчины и 42 женщины. В Ведомости они детализировались по 74 категориям.

В Терской области, судя по отчету за этот же 1875 г., ситуация была менее спокойной. Так, уже на страницах раздела «Административные и судебные учреждения» начальник области генерал-адъютант А.П. Свистунов указывал на «особенный характер» местного населения, отличавшегося разрешением «самых мелочных споров или неудовольствий путем оружия, которое оно до сих пор сохраняет при себе» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 444 об.-445 об.).

Давая оценку горскому словесному суду, действовавшему на основании Временных правил, утвержденных кавказским наместником 18 декабря 1870 г. в 6-ти судах – Назрановском для ингушей, Нальчикском для кабардинцев, Хасавюртовском для кумыков, Грозненском, Аргунском и Веденском для чеченцев, начальник области указывал о поступивших к ним на рассмотрение дел: уголовных – 1674 и гражданских – 1721. В целом их действия в отчетном году были признаны «весьма успешными» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 452-452 об.).

Иной была картина в отношении общих судебных учреждений по уголовным делам. Сложность заключалась в «собрании судебных улик», препятствием к чему были убеждения и взгляды населения, из-за которых было «неимоверно трудно добиться не только сознания в преступлении, но даже правдивого на суде показания в качестве свидетеля» (случаи лжесвидетельства в адрес преступников объяснялись не только родством и нежеланием свидетельствовать в пользу русского населения, но и страхом кровной мести, в том числе и в отношении потерпевшего горца) (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 453-454). Ими были рассмотрены дела по 176 преступлениям (по 18 категориям). Говоря же о росте преступлений, «нередко сопряженных с грабежом и разбоем», приводилось еще одно объяснение, связанное с проявлением «удали и молодочества», а не «злой воли» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 503-503 об.).

Управляющий Ставропольской губернией вице-губернатор К.Л. Зиссерман в отчете за 1875 г. в разделе «Народная нравственность» привел сведения о совершенных в губернии 184 преступлениях (26 категорий) и осужденных по ним 194 мужчинах и 14 женщинах. Затем следовал подробный анализ каждого вида преступлений и осужденных по ним лиц, которые были также приведены в конце в виде таблицы. Далее губернатор делал вывод о том, что по абсолютному числу наибольшее число краж (38,17 %) и их ценность (46,03 %) пришлось на г. Ставрополь. Правда, по его мнению, такие большие проценты нельзя было считать значительными для губернского центра с более 34 тысяч жителей, число которых нередко временно увеличивалось почти вдвое в «базарные дни» и во время проведения как минимум четыре раза в году крупных ярмарок. При этом среди уездов по данному виду преступлений отличился Новогригорьевский (46,34 %), и, напротив, в «среде кочующих народов» произошло наименьшее число краж, а в Больше-Дербетовском улусе и Караногайском приставстве – вообще ни одного случая. Тем самым, по твердому убеждению Карла

Львовича, опровергалось «господствующее в стране мнение, что грабежи, кражи и т.п. насилия, обуславливаемые кочевой обстановкой жизни номадов, составляют их любимое занятие или так сказать промысел. Между тем... подобного рода преступления более свойственны оседлому населению губернии» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 174. Л. 376).

Через пятилетие о состоянии «нравственности» в Кубанской области буквально в одном абзаце генерал-лейтенант Н.Н. Кармалин докладывал о 1818 преступлениях (по 45 видам) с осужденными Екатеринодарским окружным судом 451 мужчине и 39 женщинах. (РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 451).

С первых страниц отчета начальника Терской области за 1880 г. мы узнаем о самых громких преступлениях – ограблении в августе между Кисловодском и Ессентуками генерал-майора Сафонова и разбойном нападении в конце сентября на почтовой дороге между Грозным и Владикавказом на следовавшего с семьей подполковника барона Майделя, завершившимся его ранением и ограблением. «Отважность и дерзость» последнего преступления поразила, по словам начальника области генерал-адъютанта А.П. Свистунова, даже горское население, «легко относящееся ко всякого рода ограблениям». Преступления были в скором времени раскрыты, а виновные с разрешения императора Александра II переданы военному суду с применением законов военного времени. Произведенная вскоре казнь осужденных произвела на население не меньшее впечатление, чем само преступление (РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 358-359).

В разделе «Административные и судебные учреждения», говоря о деятельности полицейских чинов, начальник области приводит интересные факты о принятых превентивных мерах против возможного роста преступности из-за ухудшения экономического положения населения, связанного с неурожайным годом. Так, например, по инициативе местной администрации осетинским общественным приговором был упразднен ряд обычаев, таких, как плата за невест (калым), а также значительные расходы на проведение свадебных гуляний и организацию поминок при похоронах, считавшихся разорительными даже для зажиточных жителей, а остальных «нередко вовлекали для добычи нужных к выполнению обычая средств в совершение тяжких уголовных преступлений» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 365 об.-366).

В 6 горских словесных судах были рассмотрены 1444 уголовных дела с осужденными по ним 566 мужчинами и 3 женщинами. В общих судебных установлениях рассмотрены дела по 338 уголовным преступлениям (по 8 категориям) и 458 осужденными по ним (РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 405-406 об.).

Особо следует остановиться на Всеподданнейшем отчете управляющего Ставропольской губернией вице-губернатора К.Л. Зиссермана (вступившего в должность губернатора позже 15 мая 1883 г.), в котором он дал детальный анализ развития губернии за 10-летие, с 1871 по 1880 гг., что крайне редко встречалось в ежегодных Всеподданнейших отчетах. Выводы свидетельствовали о падении народной нравственности: при увеличении народонаселения на 35% число уголовных дел возросло на 310 %, а осужденных – на 222 %. При этом Ставропольский окружной суд рассмотрел за десятилетие 2276 дел, по которым осуждены 2753 мужчины и 191 женщина (РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 297. Л. 3090б). Впрочем, Карл Львович не спешил брать на себя ответственность «произносить вердикт о народной нравственности», не имея дополнительных сведений о семейном положении, вероисповедании, уровне образования, профессии преступников и возможном рецидиве совершенных ими преступлений.

Нами составлена сводная таблица о части работы Екатеринодарского, Владикавказского и Ставропольского окружных судов.

Таблица 1. Число уголовных преступлений против личности и частной собственности и осужденных окружными судами Северного Кавказа лиц в 1875 и 1880 гг.

Вид преступления	Кубанская область			Терская область			Ставропольская губерния		
	прест.	муж.	жен.	прест.	муж.	жен.	прест.	муж.	жен.
1875 год									
Смертоубийства	61	12	8	36	37	3	9	17	-
Нанесение ран и увечий	52	28	-	11	11	-	22	15	4
Против целомудрия женщин	61	5	-	2	3	-	5	5	-
Истребление чуж. имущества	95	4	1	-	-	-	4	1	-
Разбой	24	4	-	10	17	-	2	9	-
Грабежи	101	16	-	8	11	-	13	13	-
Кражи	762	173	23	68	96	6	52	51	4
1880 год									
Смертоубийства	150	56	12	99	115	6	32	39	5
Нанесение ран и увечий	148	26	2				25	34	1
Против целомудрия женщин	42	5	-				9	6	-

Истребление чуж. имущества	119	8	1	-	-	-	6	2	-
Разбой	-	-	-	157	220	8	5	8	6
Грабежи	95	15	3				28	40	3
Кражи	951	156	8				109	140	9

Рост преступности и число рассмотренных судами Северного Кавказа дел в середине 80-х гг. XIX в. можно проследить по данным отчетов за 1886 г.

В приложении к отчету начальник Кубанской области генерал-лейтенант Г.А. Леонов указал на основании данных прокуратуры 3459 преступлений по 55 категориям. В разделе «Народная нравственность» Георгий Алексеевич акцентировал внимание на наиболее распространенных видах преступлений, среди которых на первое место вновь вышли 1017 краж (29,38 %). Общее число осужденных Екатеринодарским окружным судом по всем завершенным в отчетном году делам составило 483 мужчин и 61 женщин.

Из краткой справочной информации прилагаемого к отчету Обзора Терской области за 1886 г. мы узнаем о состоянии преступности, благодаря представленным статистическим сведениям о деятельности Владикавказского окружного суда, 10 мировых участков Владикавказского и Кизлярского мировых округов, а также 6 горских словесных судов. В целом, окружным судом было рассмотрено 356 уголовных дел, по которым были осуждены 270 мужчин и 17 женщин; мировой юстицией – 5149 уголовных дела, по которым 2103 человека осуждено и 1902 оправдано. В горских словесных судах возникло 2281 дело, а число осужденных составило 664 мужчины и 6 женщин.

В отчете ставропольского губернатора К.Л. Зиссермана в разделе «Народная нравственность» был представлен краткий анализ криминогенной обстановки за 1886 г. с указанием данных прокурорского надзора о 360 решенных окружным судом дел (по 27 видам преступлений), по которым были осуждены 397 мужчин и 57 женщин. Результаты статистических данных в соотношении числа совершенных преступлений к количеству населения (1 решенное дело на 1666 душ) позволяли местной администрации сделать «утешительный» вывод об уровне преступности. Вместе с тем, как и прежде, преобладающими были дела о грабежах, разбоях и кражах, которые вместе с мошенничеством составляли более трети от общего числа решенных дел – 159 дел на сумму «убытка частной собственности» в размере 43811 руб. (сумма уточнена по приведенной таблице). Правда, эта сумма была значительно ниже, чем в 1885 г. (125924 руб.), рост которой в прошлом году объяснялся губернатором печальными последствиями неурожая, «поставившего беднейшую часть населения губернии в безвыходное положение – сокращением спроса на мускульный труд» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4545. Л. 422 об.).

К концу XIX столетия, по мнению руководителя Кубанской области генерал-лейтенанта Я.Д. Маламы, несмотря на определенную пользу Станичного положения 3 июня 1891 г., преступления, особенно «против имущества частных лиц», не уменьшились в своем числе по причине большого притока иногороднего населения (из более 800 тыс. «пришлого населения» около 300 тыс., не имея оседлости, оказались в тяжелом положении). Наряду с ростом преступлений со стороны «невойскового сословия», им были особо отмечены произошедшие в 1896 г. изменения и среди горских народов: «Горское население области на пути мирного преуспевания и, видимо, прошло то время, когда население это могло почитаться элементом опасным и нежелательным в крае. Об успехах горцев в стремлении их заслужить одобрение Правительства свидетельствует и ограниченная судимость, а равно совершенное почти отсутствие претензий частных лиц к аульным обществам». (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 319. Л. 28 об., 29 об.).

В отличие от своего ближайшего соседа, начальник Терской области С.В. Каханов, достаточно критично оценивал сложившееся в 1896 г. положение вещей, при котором, как он считал, «число осужденных не выражает собою действительного состояния преступности». Как и в отчетах своих предшественников, Я.Д. Малама приводил примеры укрывательства преступников и распространенного лжесвидетельства. Выход Семен Васильевич видел в возвращении внесудебных прав местным властям – восстановлении закона 19 ноября 1893 г. об административной высылке. Уделил внимание управляющий областью и введенным Положением 3 июня 1891 г. станичным судам и судам почетных судей, которые и в отчетном году «по-прежнему деятельно служили своему назначению». По составу рассматриваемые в них дела были представлены следующими категориями преступлений: обиды словами и действием, нарушение общественной тишины и спокойствия, мелкие кражи и мошенничество.

Давая общий обзор совершенным преступлениям в Ставропольской губернии за 1896 г., управляющий ею Н.Е. Никифораки отмечал позитивные показатели, следующие из общей уголовной статистики: 1 подсудное окружному суду дело приходилось на 2500 душ населения, а общее число преступников составляло только 0,05 % всего населения. В отношении же деятельности земских участковых начальников, пришедших на смену упраздненным в 1889 г. в губернии мировым судьям, число обвиненных ими лиц составляло менее 0,3 % всего сельского населения. Не случаен был вывод, сделанный Николаем Егоровичем к разделу народной нравственности: «Приведенные выше данные уголовной статистики, без сомнения, с выгодной стороны освещают состояние нравственности

населения Ставропольской губернии». Еще пятилетием ранее Н.Е. Никифораки докладывал в столицу об утешительных выводах уголовной статистики в связи с улучшением экономического положения населения губернии, когда 1 уголовное дело приходилось на 1714 душ населения. В 1891 г. это напрямую связывалось с благоприятными результатами собранного урожая (РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4930. Л. 309).

Таблица 2. Число уголовных преступлений против личности и частной собственности и осужденных окружными судами Северного Кавказа лиц в 1886 и 1896 гг.

Вид преступления	Кубанская область			Терская область			Ставропольская губерния			
	прест.	муж.	жен.	прест.	муж.	жен.	прест.	муж.	жен.	
1886 год										
Смертоубийства	312	45	16	119	120	8	30	32	6	
Нанесение ран и увечий	449	47	5				37	41	6	
Оскорбление чести (женщ.)	238	29	-				18	14	1	
Истребление чуж. имущества	232	3	1	-	-	-	11	15	3	
Разбои	90	2	1	98	102	4	9	13	1	
Грабежи	295	15	3				26	29	1	
Кражи	1017	173	17				78	96	10	
1896 год										
Смертоубийства	не представлены	826		не представлены	148		39	37	6	
Нанесение ран и увечий							48	44	4	
Оскорбление чести (женщ.)							18	8	1	
Истребление чуж. имущества		759			141		-	5	3	-
Разбои							3	2	-	
Грабежи							22	17	1	
Кражи	83	108	10							

Из представленной нами **Таблицы 2** можно увидеть, насколько возросло за десятилетие, с середины 80-х гг. до середины 90-х гг. XIX в., число преступлений и осужденных по ним лиц во всех 3 окружных судах Северного Кавказа.

Следует особо отметить наметившуюся с конца XIX в. более детальную подачу начальниками казачьих областей сведений с их развернутым анализом действовавшей судебной системы в форме таблиц, что позволило нам составить сводную таблицу за 21 год с 1894 по 1914 гг. с показом всего многообразия судебных институтов региона (**Всеподданнейший отчет, 1895–1900; Отчет, 1901b; Отчет, 1902–1915b; Отчет, б.г.; Отчет, 1896–1915a**).

Таблица 3. Число осужденных лиц в окружных, мировых, горских словесных, станичных и сельских судах Терека и Кубани в 1894–1914 гг.

Год	Кубанская область				Терская область			
	Окружной суд	Мировой суд	Горский слов. суд	Станичный и сел. суды	Окружной суд	Мировой суд	Горский слов. суд	Станичный и сел. суды
1894	1852	нет свед.	нет свед.	нет свед.	544	6866	1863	9930
1895	1739	нет свед.	328	нет свед.	547	6866	880	8619
1896	2107	13076	392	11174	387	4765	983	7923
1897	2626	16892	502	11140	613	6719	1087	9472
1898	1967	11527	358	10421	613	6184	1969	9149
1899	2468	19354	413	9511	747	7271	1471	8637
1900	2500	22366	716	14573	645	4691	2244	9327
1901	2737	22437	651	14983	742	10949	1633	7865
1902	2238	26653	838	14077	876	16095	2227	9375
1903	2625	15361	521	17277	1015	12151	1599	10865
1904	3048	4220	1535	15695	787	16510	996	10655
1905	1495	15778	1545	16545	864	15792	1061	11157
1906	3043	10306	783	18110	763	5573	504	10650
1907	3013	20400	1078	18502	657	6209	496	10037
1908	1634	19158	826	19316	1285	8128	678	10144

1909	693	20858	701	21846	1176	10538	640	11720
1910	964	22111	1097	24576	1292	9397	472	нет свед.
1911	1290	20225	750	27513	1422	7944	612	9738
1912	3819	6020	1226	14657	1882	9964	539	9790
1913	1864	27879	426	27178	1795	7721	618	8982
1914	2020	17057	201	26098	1347	4378	нет свед.	8148

Подобную таблицу нам удалось составить и по Ставропольской губернии, проанализировав двадцать один отчет рубежа XIX – начала XX веков и представив эффективность деятельности суда и губернских учреждений, наделенных судебной властью ([Обзор..., 1895–1900](#); [Статистический обзор..., 1901–1904](#); [Обзор..., б.г.](#); [Обзор..., 1908a](#); [Обзор..., 1908b](#); [Обзор..., 1909–1915](#)).

Таблица 4. Число рассмотренных уголовных дел в окружном и волостных судах, земскими участковыми начальниками Ставрополя в 1894–1914 гг.

Год	Ставропольский окружной суд			Земские участковые начальники			Волостные суды	
	дела	муж.	жен.	дела	муж.	жен.	дела	чел.
1894	377	406	84	сведения в отчете не представлены				
1895	307	326	54	2418	2293	125	нет сведений	
1896	363	357	42	4610	2205	98	15798	7417
1897	402	471	30	3987	2402	202	16343	8950
1898	527	565	45	4264	2532	103	13707	8021
1899	489	460	40	3933	2074	118	13837	6981
1900	542	509	35	3188	1729	111	14201	7151
1901	483	459	30	3665	3056	125	16304	9257
1902	551	569	42	4177	3861	100	15544	8632
1903	623*	632*	67	4007	2446	146	15651	8538
1904	сведения в отчете не представлены							
1905	сведения в отчете не представлены							
1906	478	594	26	нет сведений			нет сведений	
1907	331	352	4	нет сведений			нет сведений	
1908	377	150	21	нет сведений			нет сведений	
1909	675	638	16	нет сведений			нет сведений	
1910	4113	нет сведений		нет сведений			нет сведений	
1911	3650	нет сведений		нет сведений			нет сведений	
1912	3783	2226		нет сведений			нет сведений	
1913	3920	1715		нет сведений			нет сведений	
1914	3107	нет сведений		нет сведений			нет сведений	

*Данные приведены по Ведомости, в тексте Отчета указаны ошибочные – 670 и 622

В начале XX в. отчеты начали утрачивать свою информативность в оценке состояния «народной нравственности», постепенно сводясь до уровня единственной таблицы с решенными Ставропольским окружным судом делами. Отчет же за 1904 год на имя императора Николая II поступил в столицу вообще в форме краткого текста (без обычно прилагаемого к нему обзора состояния губернии и содержательных таблиц) общим объемом всего в несколько машинописных страниц без сведений о количестве преступлений и числе рассмотренных судебных дел. Примечательно опасение, высказанное незадолго до начала революционных событий 1905–1907 гг. исправляющим должность губернатора А.Н. Вельяминовым о возможных революционных потрясениях: «Русский народ терпелив, но постоянное безнаказанное глумление над самыми священными и глубокими его верованиями может заставить в конце концов проявиться отпор и протесту такого стихийного свойства, с которым справиться будет трудная и неблагодарная задача, так как жертвами тогда явятся люди невинные, или виновные лишь в том, что по своей темноте не имеют возможности каким-либо другим путем, кроме насилия, выразить свое возмущение» ([РГИА. Ф. 1284. Оп. 194 \(1905 г.\). Д. 95. Л. 5 об.](#)).

Но, наряду с революционными событиями, 1906 г. ознаменовался для Северного Кавказа введением должностного суда присяжных заседателей, который, правда, был распространен только на Кубанскую область, Черноморскую и Ставропольскую губернии. Именно о нем в Высочайшем отчете за 1906 г. ставропольский губернатор Б.М. Янушевич отрапортует императору Николаю II о том, что, «несмотря на короткий срок своей деятельности, суд присяжных уже завоевал несомненные и прочные симпатии населения, твердо уверенного, что отныне всякое посягательство на нарушение

чужих прав найдет достойное возмездие со стороны вдумчивых и серьезных присяжных заседателей, комплектуемых в губернии преимущественно из крестьян, ревниво охраняющих, как показали постановленные ими приговоры, права обиженных и обездоленных правонарушителями лиц» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 51. Л. 5).

5. Заключение

Рассмотренные нами отчеты и прилагаемые к ним обзоры и статистические ведомости позволили значительно дополнить информативную часть о деятельности судебных органов Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей, отличавшихся многообразием форм деятельности – от традиционных горских судов, основывавшихся на обычном праве (адатах) до самых передовых институтов европейского общества, вступивших в действие в ходе буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX и отразившихся в нашем случае во введенных в действие Судебных уставах 1864 г. – мировой юстиции и суде присяжных.

Наряду с широким фактологическим материалом, представленным в рассматриваемом нами виде источников, отчеты отражали отношение глав местной администрации к происходившим в областях и губернии событиям. Подчеркнем, что органы исполнительной власти не просто констатировали порою рост уровня преступности в крае, а предлагали конкретные пути решения возникающих проблем, в том числе и лично участвовали в улучшении социально-экономической обстановки.

Благодаря анализу 24 Высочайших отчетов по каждому из 3 административно-территориальных образований Северного Кавказа, удалось реконструировать и воссоздать дух эпохи с особым, специфическим колоритом взаимоотношений власти и общества в регионе.

При этом особо ценным видится то, что ни один из начальников областей и губернаторов не оказался сторонним наблюдателем, а старался всеми имеющимися силами и возможностями достичь наиболее благоприятных результатов в общественном и экономическом развитии. Немалую роль в этом играли со своей стороны и органы судебной власти Кубани, Терека и Ставрополя, прививая в обществе уважение к закону и уверенность граждан в доступности правосудия в пореформенных судах региона.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Северного Кавказа как исторический источник по изучению российской дореволюционной судебной системы» №19-111-50602.

Литература

В.С. – В.С. К вопросу о введении в Кубанской области суда присяжных // *Кубанские областные ведомости*. 1897. 20 мая. № 106. С. 3, 4.

Всеподданнейший отчет..., 1895–1900 – Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894–1899 гг. Владикавказ, 1895–1900.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Дятлова, 1964 – Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник / *Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы науч. конф. архивистов Ленинграда*. 4–6 февр. 1964 г. Л., 1964. С. 227–246.

Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.

Лысенко, 2001 – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 514 с.

Обзор..., 1895–1900 – Обзор Ставропольской губернии за 1894–1899 гг. Ставрополь, 1895–1900.

Обзор..., 1908b – Обзор Ставропольской губернии за 1907 г. Ставрополь, 1908.

Обзор..., 1908a – Обзор Ставропольской губернии за 1906 г. Ставрополь, 1908.

Обзор..., 1909–1915 – Обзор Ставропольской губернии за 1908–1914 гг. Ставрополь, 1909–1915.

Обзор..., б.г. – Обзор Ставропольской губернии за 1905 г. Ставрополь, б.г.

Отчет..., 1896–1915a – Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895–1914 гг. Екатеринодар, 1896–1915.

Отчет..., 1901b – Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. Владикавказ, 1901.

Отчет..., 1902–1915b – Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1901–1914 гг. Владикавказ, 1902–1915.

Отчет..., б.г. – Отчет о состоянии Кубанской области и Кубанского казачьего войска за 1894 г. [Екатеринодар], б.г.

[Пономарева, 2009](#) – *Пономарева Е.Л.* Анализ истории восточной Сибири генерал-губернаторами в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. (по материалам отчетов генерал-губернаторов). Автореф. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 23 с.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Статистический обзор..., 1901–1904](#) – Статистический обзор Ставропольской губернии за 1900–1903 гг. Ставрополь, 1901–1904.

[ЦГА РСО-Алания](#) – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

[Zozulya et al., 2019](#) – *Zozulya I.V., Ermolenko L.P., Kolesnikova M.E.* Annual Reviews of the Kutaisi Province as a Historical Source for the Study of the Pre-revolutionary Judicial System of the early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1832-1841.

References

[CGA RSO-Alanija](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija – Alanija [Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania].

[Djatlova, 1964](#) – *Djatlova, N.P.* (1964). Otchety gubernatorov kak istoricheskij istochnik [Dyatlova N.P. Governors' reports as a historical source]. *Problemy arhivovedenija i istochnikovedenija: Materialy nauch. konf. arhivistov Leningrada*. 4-6 febr. 1964 g. L., 1964. Pp. 227-246. [in Russian]

[Eroshkin, 1983](#) – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dore-voljucionnoj Rossii [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. M. 352 p. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of Krasnodar Territory].

[GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

[GASK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State Archives of the Stavropol Territory].

[Lysenko, 2001](#) – *Lysenko L.M.* Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevoljucionnoj Rossii [Governors and governor-generals in the system of power in pre-revolutionary Russia]. Dissertacija na soisk. uch. stepeni dokt. ist. nauk. – M., 2001. 514 s. [in Russian]

[Obzor..., 1895-1900](#) – Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1894-1899 gg. [Overview of the Stavropol province for 1894-1899]. Stavropol, 1895-1900. [in Russian]

[Obzor..., 1908a](#) – Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1906 g. [Overview of the Stavropol province for 1906]. - Stavropol, 1908. [in Russian]

[Obzor..., 1908b](#) – Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1907 g. [Overview of the Stavropol province for 1907]. - Stavropol, 1908. [in Russian]

[Obzor..., 1909-1915](#) – Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1908-1914 gg. [Overview of the Stavropol province for 1908-1914]. Stavropol, 1909-1915. [in Russian]

[Obzor..., b.g.](#) – Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1905 g. [Overview of the Stavropol province for 1905]. Stavropol, b.g. [in Russian]

[Otchet, 1902b-1915b](#) – Otchet nachal'nika Terskoj oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego vojska za 1901-1914 gg. [Report of the head of the Terek region and the chieftain of the Terek Cossack army for 1901-1914]. Vladikavkaz, 1902-1915. [in Russian]

[Otchet..., 1896-1915a](#) – Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostojanii oblasti i vojska za 1895-1914 gg. [Report of the chief of the Kuban region and the order chief of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army for 1895-1914]. Ekaterinodar, 1896-1915. [in Russian]

[Otchet..., 1901b](#) – Otchet nachal'nika Terskoj oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego vojska o sostojanii oblasti i vojska za 1900 g. [Report of the head of the Terek region and the chieftain of the Terek Cossack army on the state of the region and the army for 1900]. Vladikavkaz, 1901. [in Russian]

[Otchet..., b.g.](#) – Otchet o sostojanii Kubanskoj oblasti i Kubanskogo kazach'ego vojska za 1894 g. [Report on the state of the Kuban region and the Kuban Cossack army for 1894]. Ekaterinodar, b.g. [in Russian]

[Ponomareva, 2009](#) – *Ponomareva, E.L.* (2009). Analiz istorii vostochnoj Sibiri general-gubernatorami v 50-h – nachale 80-h gg. XIX v. (po materialam otchetov general-gubernatorov) [Analysis of the history of eastern Siberia by governor-generals in the 50s – early 80s. XIX century. (based on the reports of the Governors General)]. Avtoreferat na soisk. uch. stepeni kand. ist. nauk. Irkutsk, 23 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

[Statisticheskij obzor..., 1901-1904](#) – Statisticheskij obzor Stavropol'skoj gubernii za 1900 g. [Statistical review of the Stavropol province for 1900-1903]. Stavropol, 1901-1904. [in Russian]

[V.S.](#) – *V.S.* K voprosu o vvedenii v Kubanskoj oblasti suda prisjazhnyh [On the question of the introduction of a jury trial in the Kuban region] // *Kubanskije oblastnye vedomosti*. – 1897, 20 maja, № 106. S. 3,4. [in Russian]

Vsepoddannejšij otchet..., 1895-1900 – Vsepoddannejšij otchet nachal'nika Terskoj oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego vojska o sostojanii oblasti i vojska za 1894-1899 gg. [The most submissive report of the head of the Terek region and the order ataman of the Terek Cossack army about the state of the region and the army for 1894-1899]. - Vladikavkaz, 1895-1900. [in Russian]

Zozulya et al., 2019 – Zozulya, I.V., Ermolenko, L.P., Kolesnikova, M.E. (2019). Annual Reviews of the Kutaisi Province as a Historical Source for the Study of the Pre-revolutionary Judicial System of the early XX century. *Bylye Gody*. 54(4): 1832-1841.

Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Северного Кавказа как исторический источник по изучению российской дореволюционной судебной системы

Игорь Викторович Зозуля ^{а, *}, Анастасия Александровна Кондрашова ^а, Максим Сергеевич Трофимов ^а

^а Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу дореволюционной судебной системы в административно-территориальных образованиях Северного Кавказа на основе материалов Высочайших отчетов начальников областей и губернаторов последней четверти XIX – начала XX вв. Авторами предлагается детализированная характеристика регионального и общероссийского судостроительства и судопроизводства, свойственного пореформенному периоду после окончательного присоединения Кавказа к Российской империи. Особенностью развития региона стало сочетание обычного права и российского законодательства, одновременное действие которых должно было способствовать постепенному включению всего населения в единое правовое пространство страны. В предлагаемом исследовании показана деятельность Екатеринодарского, Владикавказского и Ставропольского окружных судов, мировых судебных учреждений, горских словесных судов, станичных и волостных судов, а также пришедших на смену мировым судьям земских участковых начальников. Приведены статистические сведения о росте уголовных преступлений и числе осужденных лиц в первые годы после введения Судебных уставов 1864 г. и в динамике за двадцатилетие с 1894 по 1914 гг. Одной из основных задач статьи было стремление проследить трансформацию общественно-политических взглядов руководителей местной администрации Кубанской и Терской казачьих областей и Ставропольской губернии через их оценку криминогенной обстановки и роли правоохранительных органов, включая суды, в стабилизации общественной и экономической жизни в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Кубанская область, Терская область, Ставропольская губерния, судостроительство, судопроизводство, обычное право, судебная реформа.

* Корреспондирующий автор

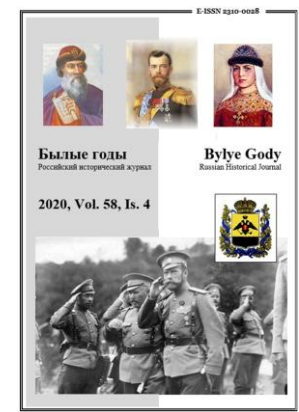
Адреса электронной почты: izozulia@ncfu.ru (I.V. Zozulya)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2661-2670. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2661
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Abkhaz History of the XIX – early XX century in Bibliographic Indexes: Experience of Historiographic Reconstruction

Marina E. Kolesnikova ^a, Olga I. Shafranova ^{a, *}

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The consistent formation of an adequate understanding of the problem posed presupposes a purposeful study of the previous historiographic tradition, including differentiated asynchronous narratives. A meaningful analysis of the author's concepts is based on the structural composition created by the initial list of involved works. Purposeful study of bibliographic indexes created in the previous period and characterizing the socio-economic, political and cultural development of Abkhazia in the 19th – early 20th centuries, allows us to highlight significant research trends that remain relevant in new conditions. Genetic reconstruction of problematic bibliography makes it possible to correct the initial ideas about the objective prospects for further analysis of the selected problematics, to expand the complex understanding of value judgments that deserve a discussion review. Within the framework of the presented article, the authors consider pre-revolutionary bibliographic indexes dedicated to the general Caucasian problems and formed by S.L. Avaliani, E.G. Weidenbaum, A.L. Gisetti, B.M. Gorodetsky, K.A. Kompansky, E.D. Felitsyn. Special attention was paid to the generalizing works of Russian bibliography, which characterize the research interest in ethnographic literature, Orthodox monasteries and the customary law of Russian foreigners. With regard to the Soviet period, special attention was paid to bibliographic indexes embedded in scientific works as a structural element. Certain results of the analysis are summarized in the framework of a comprehensive description of modern publications directly devoted to differentiated bibliography, covering the Abkhaz history of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: Abkhazia, index, bibliography, list, historiography, author, reconstruction, concept, source, narrative.

1. Введение

Научное значение исследовательской работы определяется принципиальной новизной авторских выводов, появившихся в результате целенаправленного анализа привлеченного эмпирического материала. Новое знание верифицируется адекватным сравнением с предшествующими результатами, зафиксированными в исторической ретроспективе. Применительно к гуманитарным наукам отправной точкой аналитической работы является окончательное формирование полной библиографии, включающей опубликованные и архивные данные по избранной теме. Эвристические компоненты исследовательской практики определяют общую достоверность полученных результатов не в меньшей степени, чем авторский анализ реконструированных фактов и предлагаемая система логической аргументации. Следовательно, библиографический указатель, включающий дифференцированный комплекс эмпирических данных является своеобразным фундаментом для системной реконструкции предшествующей историографической традиции, обращенной к определенному региону, хронологическому периоду или содержательному вопросу. Всесторонняя оценка тематической библиографии приобретает

* Corresponding author

E-mail addresses: shafranova@yandex.ru (O.I. Shafranova)

особую актуальность применительно к научным проблемам, имеющим дискуссионный характер. Применительно к абхазской истории XIX – начала XX столетий, неразрывно связанной с последовательной имперской инкорпорацией, можно выделить целую группу дискуссионных вопросов, начиная от истинных причин насильственной смерти последнего независимого владельца Келешбея Чачба (Шервашидзе) и завершая имманентными особенностями революционных процессов 1917 года в рассматриваемом регионе. В контексте указанного обстоятельства дополнительные свидетельства, выявленные в рамках последовательного процесса библиографической реконструкции, имеют системное значение для историографического исследования, направленного на комплексное формирование общего фундамента современных исторических построений. Особую ценность имеет и конкретный опыт эвристического поиска, верифицирующий индивидуализированную методологию интеллектуального отбора локальных документов и нарративов, имеющих прямое отношение к избранной теме.

2. Материалы и методы

Эмпирическая основа представленного исследования включает опубликованные указатели и неопубликованные библиографические данные, находящиеся в не переданных на архивное хранение документальных материалах Абхазского института гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа, Абхазского государственного музея и Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А.Г. Папаскир. Среди дореволюционных публикаций значительный интерес представляет фундаментальный труд С.Л. Авалиани, посвященный научной и публицистической литературе, характеризующей общее состояние аграрного и крестьянского вопроса в XIX – начале XX столетий, а также синхронную землеустроительную и переселенческую политику имперских и региональных властей (Авалиани, 1913). Военно-исторические исследования, относящиеся к региональному пространству, были интегрированы в известном указателе, подготовленном генерал-майором А.Л. Гизетти (Гизетти, 1901). Отдельные работы были выявлены в рамках практического изучения библиографических материалов, относящихся преимущественно к Кубанской области и Черноморской губернии (Городецкий, 1908; Городецкий, 1912; Городецкий, 1913; Фелицын, 1904; Фелицын, 1913). Этнографические издания, посвященные комплексному исследованию рассматриваемого региона, выявлялись при последовательном изучении фундаментального труда Д.К. Зеленского, привлеченного обширные данные по 200-летнему хронологическому периоду (Зеленский, 1913). Профильные работы, характеризующие правовые аспекты регионального развития, были отмечены при системном рассмотрении известного общероссийского указателя Е.И. Якушкина (Якушкин, 1899). Отдельные издания, посвященные абхазским церковным учреждениям имперского периода, обнаружались в библиографическом приложении к известному исследованию В.В. Эверинского о российских монастырях (Эверинский, 1890). Особое внимание было уделено обобщающим работам по кавказской библиографии, подготовленным во второй половине XIX – начале XX веков К.А. Компанским, Е.Г. Вейденбаумом и авторским коллективом Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (Компанский, 1866; Вейденбаум, 1900; *Весь Кавказ*, 1903).

В XXI столетии были опубликованы два обобщающих библиографических труда, связанных с абхазской историей имперского периода. В 2001 году Е.В. Маргания и Л.Д. Начкебия составили и опубликовали масштабный указатель научных трудов, созданных сотрудниками Абхазского института гуманитарных исследований с 1925 по 2000 годы (*Библиографический указатель...*, 2001). Среди выявленных и представленных исследований значительное место занимают дифференцированные труды региональных ученых, посвященные различным аспектам социально-экономического, политического и культурного развития Абхазии в XIX – начале XX столетий. Применительно к комплексному решению избранной проблемы следует выделить также специальный библиографический указатель, посвященный выдающемуся абхазскому историку и этнографу Ш.Д. Инал-ипа (*Шалва Денисович Инал-ипа*, 2007). Авторскому коллективу удалось не только перечислить опубликованные работы выдающегося ученого, но и обеспечить качественное библиографическое описание привлеченных публикаций.

Авторская эпистемологическая концепция органично интегрирует общенаучные, библиографические и исторические методы, адаптированные к привлеченному фактическому материалу. Аналитическая работа с исходным массивом выявленных публикаций позволяет сформировать синтетические группы, объединенные общей проблемой или авторством. Дедуктивный метод в отдельных случаях детерминировал новые направления библиографического поиска, определяемые исходным представлением о социокультурной ситуации и авторских концепциях. Естественное применение нашел и гипотетический метод, позволивший моделировать базовые тренды историографического процесса, получившие итоговое отражение в опубликованных трудах конкретных ученых. В исследовательском процессе активно использовались методологические принципы, сформировавшиеся в рамках современной библиографии. Авторское понимание библиографического метода соответствует концептуальному подходу, сформулированному известными отечественными исследователями В.А. Фокеевым, М.Г. Вохрышевой, О.П. Коршуновой,

Т.Ф. Лиховид, Т.А. Новоженовой, В.В. Рыковой и А.В. Соколовым (Вохрышева, 2004; Коршунов и др., 2009; Новоженова, 2003; Рыкова, 2014; Соколов, Фокеев, 2010; Фокеев: 2006). Согласно рассматриваемой концепции базовые принципы и теоретические приемы современной библиографии обеспечивают интеллектуальную обработку информационных массивов, направленную на осознанный поиск релевантных документов и опубликованных материалов (Фокеев, 2006; Рыкова, 2014). Производные методы библиографического исследования органично связаны с соответствующим инструментарием исторического познания, что обеспечивает эффективную практическую интеграцию эпистемологических средств. Применительно к проведенному анализу можно выделить три методологических концепта современной библиографии, обеспечившие успешное достижение планируемого результата. Библиографическая ориентация позволила интенсифицировать эвристическую стадию исследовательской практики, оптимизируя поисковые модели по заданным параметрам. В частности, традиционный поиск по персональным данным в бумажных и электронных каталогах дополнялся контекстным поиском по устойчивым вербальным конструкциям, осуществлявшимся в сетевом пространстве. Библиоисториографический метод позволил установить генетические связи между профильными сочинениями отдельных авторов, действовавших в определенный период или в рамках единой познавательной парадигмы. Библиографическое источниковедение стало принципиальной основой для комплексной реконструкции дифференцированных изданий отдельных трудов, нормативных и социокультурных условий авторского творчества, обобщающих исследований, представляющих потенциальный интерес. В рамках собственно исторической методологии необходимо выделить компаративистский, типологический и генетический методы, определившие отчетливую структуризацию привлеченного эмпирического материала и системную верификацию выявленных исторических источников. В частности, сравнительный анализ позволил установить содержательно идентичные фрагменты в обобщающих исследованиях и локальных разработках с индивидуальным авторством, объединенных в единую тематическую группу. Типологический метод определил общую структуру внутренней рубрикации библиографического указателя, соотношенной с авторскими подходами и социокультурным контекстом. Генетический анализ позволил установить имманентную связь отдельных исследований с избранным региональным пространством, фиксируемым в территориальном и хронологическом измерении. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что значительное влияние на исследовательский процесс оказал микроисторический подход, позволивший определить самостоятельное значение отдельных публикаций. В частности, комплексная верификация неопределенных датировок отдельных публикаций основывалась на методологических подходах, сформулированных известным итальянским исследователем К. Гинзбургом применительно к близкой проблеме, связанной с абсолютной хронологической привязкой живописных и скульптурных произведений (Гинзбург, 2018).

3. Обсуждение

Избранная научная проблема не получила подробного и всестороннего освещения в рамках предшествующей историографической традиции, что определяется двумя принципиальными обстоятельствами. С одной стороны, в имеющихся библиографических публикациях отсутствуют вводные статьи и специализированные комментарии, раскрывающие библиографические и собственно исторические аспекты предварительной исследовательской работы. Определенное исключение составляют комплексные работы Г.А. Дзидзарии, Х.С. Бгажбы и К.Л. Зелинского, не только содержащие определенный перечень опубликованных трудов, но и предоставляющие отдельные оценки эвристической стадии исследовательской практики и личные замечания об изучаемом авторе (Дзидзария, 1949; Дзидзария, 1955; Дзидзария, 1982; Бгажба, 1954; Бгажба, Зелинский, 1956). С другой стороны, теоретические аспекты библиографического исследования, связанные с всесторонним изучением эпистемологического потенциала дифференцированных указателей, не являются распространенным объектом научного анализа. Познавательная роль выделенных источников частично охарактеризована в известных трудах В.А. Фокеева, М.Г. Вохрышевой и Т.А. Новоженовой, указывающих на самостоятельное значение опубликованных перечней при системной реконструкции авторских портретов (Вохрышева, 2004; Новоженова, 2003; Фокеев, 2006).

В рамках комплексного исследования избранной проблемы были проанализированы обобщающие работы, характеризующие последовательное развитие общероссийской и местной исторической библиографии и содержащие отдельные оценки, относящиеся к избранному региону и хронологическому периоду. В данном контексте значительный интерес представляет масштабный труд В.И. Межова, отдельные тома которого посвящены Кубанской области, кавказским горцам и региональному функционированию православной церкви (Межов, 1882–1890). При системном изучении авторских персоналий активно использовались биографические словари, подготовленные по академическим правилам и содержащие дифференцированную информацию о российских ученых и писателях второй половины XIX – начала XX вв. (Русские писатели..., 1989; Русские писатели..., 1992; Русские писатели..., 1994; Русские писатели..., 1999; Русские писатели..., 2007). Применительно

к интегрированной характеристике региональной исторической библиографии определенное значение имел историографический анализ известного труда В.Ф. Патраковой, посвященный комплексной оценке соответствующих эпистемологических практик на Дону и Северном Кавказе (Патракова, 1993).

Некоторые эмпирические фрагменты, использованные в исследовательской практике, были реконструированы в рамках специального анализа обобщающего библиографического указателя, посвященного русской литературе конца XIX – начала XX веков (Русская литература..., 2010). Аналогичным образом использовались и масштабные труды М.Е. Колесниковой, связанные с созданием интегрированного перечня научных работ, относящихся к историографическому и источниковедческому изучению северокавказской истории второй половины XVIII – первой трети XX столетий (Колесникова, 2009; Колесникова, 2012).

4. Результаты

Специализированные библиографические указатели, посвященные кавказской истории и включающие опубликованные материалы по социально-экономическому, политическому и культурному развитию Абхазии в период имперской инкорпорации, появляются в начале XX столетия, что определяется двумя существенными факторами. С одной стороны, в предшествующий период был создан значительный комплекс дифференцированных публикаций, характеризующих хозяйственную систему, общественные отношения, государственную политику и культурные явления применительно к рассматриваемому региону. В отдельных случаях военные, этнографические, экономические и управленческие нарративы, созданные российскими и зарубежными путешественниками, администраторами, краеведами, получили обобщающую оценку в научных трудах, посвященных региональной истории. Сложившийся библиографический комплекс требовал последовательной систематизации, создававшей благоприятные возможности для практического использования накопленной информации. С другой стороны, обобщающие указатели фактически подводили формальный итог предшествующему изучению присоединенного региона, фиксируя первичные результаты исследовательской практики. Внешний обзор опубликованных библиографических перечней позволял представить реальную степень научного изучения отдельных проблем, формируя новые эпистемологические тренды. Кроме того, интегрированная библиография использовалась и местными администраторами, осуществлявшими информационный поиск по конкретным проблемам (Патракова, 1993).

Одним из первых опытов сводного библиографического указателя, посвященного рассматриваемой проблематике, стал известный труд К.А. Компанского, опубликованный в «Каказском календаре на 1867 год» (Компанский, 1866). Указанный перечень, структурированный по нескольким профильным разделам («История Кавказа», «История войны на Кавказе», «Хронология», «Археология и Нумизматика», «География «Кавказа», «Описание отдельных мест», «Этнография», «Статистика», «Сельское хозяйство, промышленность и торговля»), включает целый ряд значимых военных, этнографических и административных нарративов, характеризующих абхазское общество XIX столетия и созданных А.П. Берже, Н.Н. Карлгофом, П.А. Зубовым и другими исследователями. Значительный интерес представляют и редакционные размышления, помещенные в краткой вводной статье и характеризующие исходные принципы исследовательской работы. В приведенном тексте отмечается, что «редакция руководствовалась целью облегчить ... труд наших писателей справляться с указаниями, которые до настоящего времени были рассеяны в библиографических трудах» (Компанский, 1866: 231). Одновременно указывается и то существенное обстоятельство, что предлагаемый указатель включает полный объем публикаций по заявленной теме. Редакционные замечания характеризуют и возможные перспективы содержательного совершенствования библиографических указателей, связанные с последовательным размещением кратких описаний приводимых сочинений и полным освещением имеющейся литературы.

Новые перечни разнообразных публикаций, связанных и с абхазской историей, появляются в начале XX столетия и существенно отличаются от рассмотренного труда К.А. Компанского. Библиографические указатели нередко издаются по конкретному году, внутри которого приведенные работы дифференцируются по алфавитным разделам, уменьшается общий объем текстовой презентации привлеченных книг и статей, включающей сокращенные наименования авторских и издательских данных (Городецкий, 1908). Отдельные труды, посвященные региональной библиографии, включают дополнительные разделы, содержащие профильные исследования по избранным темам (Городецкий, 1912; Городецкий, 1913). В рассматриваемый период появляются обширные библиографические указатели, сохраняющие тематическую дифференциацию приводимых публикаций, но существенно расширяющие общий объем текстовой презентации каждой работы и использующие шрифтовые выделения авторских реквизитов (Фелицын, 1899–1904; Фелицын, 1899–1916). Следует также выделить небольшой перечень, сформированный известным кавказоведом, историком и этнографом Е.Г. Вейденбаумом (Вейденбаум, 1900). Авторский отбор привлеченных публикаций позволил исключить из общего спектра недостаточно информативные и тенденциозные нарративы, формирующие неадекватное представление об исследуемом объекте. Одновременно

Е.Г. Вейденбауму удалось зафиксировать целый спектр малоизвестных статей, характеризующих общественные отношения и политические процессы в Абхазии первой половины XIX века.

Отдельного внимания заслуживают специальные перечни, интегрирующие разнообразную литературу по конкретным социально-экономическим, политическим и культурным проблемам. В частности, библиографический указатель, подготовленный А.Л. Гизетти, содержит дифференцированные публикации по региональной военной истории (Гизетти, 1901). Масштабный труд российского генерала структурируется по хронологическому принципу и включает разнообразные работы, характеризующие не только основные события и явления Кавказской войны, но и вооруженные конфликты с Турцией и Ираном, а также синхронный внешнеполитический контекст. В частности, целый ряд приведенных публикаций отражает российскую политику, направленную на комплексное предотвращение турецкой экспансии на Западном Кавказе в первой половине XIX столетия, в том числе и применительно к Абхазии. Широкий спектр профильных работ, выявленных А.Л. Гизетти, отражает также военные экспедиции против горских сообществ Псху, Дала и Цебельды, оказывавших ожесточенное сопротивление императорской армии.

Масштабные труды другого известного исследователя – С.Л. Авалиани – объединяют профильные монографии, статьи и очерки, связанные с аграрным вопросом и внутренней колонизацией в Закавказье (Авалиани, 1913; Авалиани, 1914). Привлеченные российским ученым управленческие нарративы и статистические сборники характеризуют широкий спектр социально-экономических и политических проблем, связанных с абхазской историей XIX века. В частности, отдельные работы, интегрированные С.Л. Авалиани, позволяют отчетливо представить имманентные особенности крестьянской реформы 1870 года в Абхазии, в ходе которой местные крестьяне, составлявшие доминирующую социальную группу, были фиктивно освобождены от несуществующей крепостной зависимости и синхронно лишились значительной части собственных наделов. Кроме того, профильные материалы, характеризующие сложный процесс внутренней колонизации присоединенного Закавказья, одновременно иллюстрируют так называемую «этническую революцию», ставшую первым шагом на пути комплексного развития абхазской демографической проблемы.

В рассматриваемый период появляются и интегрированные перечни, связанные с системным развитием конкретных отраслей научного знания и содержащие отдельные материалы, посвященные избранному региону. Блестящий этнограф Д.К. Зеленин представил библиографический указатель, включающий многочисленные работы о повседневной жизни российских этносов (Зеленин, 1913). В рассматриваемом труде присутствуют этнографические нарративы и профильные исследования, характеризующие не только оригинальные зарисовки абхазского сельского быта, но и качественные оценки хозяйственной и культурной адаптации других этнических групп, переселявшихся в Абхазию в период, вследствие русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и очередной мощной волны трагического махаджирства. Разнообразные исследования, посвященные правовым традициям национальных окраин, интегрировал младший сын известного декабриста Е.И. Якушкин (Якушкин, 1899). В сформированный профессиональным юристом библиографический указатель были включены и отдельные работы, характеризующие предшествующее развитие и современное бытование обычного права в абхазском обществе. В специализированном труде В.В. Эверинского, посвященном историко-топографическому описанию российских православных монастырей, содержится значительный массив профильных публикаций, связанных с хозяйственным описанием и комплексной оценкой социальной роли Ново-Афонской обители (Эверинский, 1890). Следует выделить также первый иллюстрированный библиографический указатель, посвященный кавказской проблематике и формирующий пространственное восприятие отдельных элементов исследовательской практики (Весь Кавказ, 1903). В изобразительном ряду, сопровождающем публикационный перечень, присутствуют оригинальные зарисовки Ново-Афонского монастыря, сухумской набережной и крепостных укреплений в Бомборе, неизменно используемые последующими исследователями. В целом следует признать, что библиографические указатели дореволюционного периода качественно структурировали сложный комплекс научных, литературных и публицистических произведений, ставший качественным фундаментом для дальнейшего всестороннего изучения абхазской истории XIX – начала XX столетий.

В советский период библиографические публикации, посвященные рассматриваемому региону, как правило, были связаны с комплексной характеристикой конкретных исследователей, сочетая научную биографию с достаточно пространственным перечнем научных трудов. В данном контексте особого внимания заслуживают специальные работы Г.А. Дзидзарии, посвященные одному из первых абхазских ученых С.Т. Званбе (Дзидзария, 1949; Дзидзария, 1955; Дзидзария, 1982). Выдающемуся исследователю удалось не только выявить опубликованные работы знаменитого соотечественника, но и обнаружить отдельные труды российского офицера в архивных фондах крупнейших библиотечных собраний. Аналогичная работа, связанная с полноценным восстановлением обширной библиографии научных и публицистических произведений Д.И. Гулиа и Н.С. Джанашии, была осуществлена Х.С. Бгажбой и К.Л. Зелинским (Бгажба, 1954; Бгажба, Зелинский, 1956). Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что в рассматриваемый период в Абхазском институте языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа и в Республиканской библиотеке Абхазской

АССР параллельно велась эвристическая и аналитическая работа, связанная с последовательной подготовкой профильных указателей по региональной истории. Практическая публикация подобных материалов в советскую эпоху была сопряжена со значительными административными трудностями, определяемыми тотальным контролем региональной научной деятельности со стороны грузинского руководства. Официальный Тбилиси небезосновательно видел в каждом исследовании, посвященном абхазской истории, интеллектуальное проявление старательно подавляемой этнической идентичности и использовал цензурные фильтры для системного предотвращения подобной публикационной активности. В результате библиографический материал, собранный в Республиканской библиотеке, не был опубликован в советский период, уцелел в ходе вооруженного конфликта Грузии и Абхазии и сохраняется в форме обширной рукописи в настоящее время.

Значимые результаты эвристической работы местных ученых были опубликованы только в начале XXI века, когда появился междисциплинарный перечень научных трудов сотрудников Абхазского института гуманитарных исследований с 1925 по 2000 год ([Библиографический указатель...](#), 2001). В рассматриваемый указатель вошли специальные работы в различных областях социального и гуманитарного знания, структурированные по хронологическому принципу. Многолетний отбор научных трудов позволил учесть подавляющее большинство значимых публикаций, посвященных абхазской истории XIX – начала XX столетий, и обеспечить интеллектуальное пространство для историографических исследований.

5. Заключение

Структурированный библиографический указатель является эффективным познавательным инструментом, обеспечивающим системное обращение к предшествующей историографической традиции и влияющим на общую верификацию итоговых авторских выводов. Исследовательские проблемы нередко решаются в рамках ограниченного обращения к профильной историографии, что приводит к неадекватному решению исходных задач и последовательному исключению из научного оборота значительного эмпирического материала. Библиографические указатели позволяют отчетливо представить достигнутый объем формального знания, отложившегося в опубликованных работах. Применительно к абхазской истории XIX – начала XX столетия историческая библиография конструирует потенциальные исследовательские тренды, выходящие за интеллектуальные границы постоянно цитируемых и наиболее известных трудов. В данном контексте необходимо выделить такие актуальные проблемы, как системное изучение местного менталитета, индивидуальной и групповой идентичности титульного этноса, реальной и «воображаемой» географии, дифференцированной социальной динамики модернизирующегося традиционного общества. Эпистемологическая ориентированность библиографических указателей проявляется также в естественном стимулировании источниковедческих и историографических исследований, позволяющих сформировать верифицируемый эмпирический фундамент, определяющий благоприятные перспективы дальнейшего функционального и содержательного анализа важнейших вопросов абхазской истории. В контексте выделенных обстоятельств актуальной задачей является последовательное формирование интегрированного перечня научных и публицистических произведений, охватывающего дореволюционный, советский и современный период. Комплексный библиографический указатель должен иметь дифференцированную структуру, основанную на проблемном подходе и позволяющую адекватно представить ключевые проблемы региональной истории XIX – начала XX веков.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках 19-59-40001 «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX в.: подготовка библиографического указателя».

Литература

[Авалиани, 1913](#) – Авалиани С.Л. Библиографический указатель по истории крепостного права, крестьянскому и аграрному вопросу, переселенческому делу и землеустройству // *Известия Одесского библиографического общества*. 1913. Т. 2. Вып. 5. 13 с.

[Авалиани, 1914](#) – Авалиани С.Л. Библиографический указатель по истории крепостного права, крестьянскому и аграрному вопросу, переселенческому делу и землеустройству // *Известия Одесского библиографического общества*. Одесса, 1914. Т. 3. 16 с.

[Бгажба, 1954](#) – Бгажба Х.С. Н.С. Джанашиа (Биографическо-библиографический очерк) // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории*. 1954. Т. XXV. С. 13-28.

[Бгажба, Зелинский, 1956](#) – Бгажба Х.С., Зелинский К.Л. Дмитрий Гулия. Критико-библиографический очерк. М., 1956. 154 с.

[Библиографический указатель...](#), 2001 – Библиографический указатель изданий трудов сотрудников Абхазского института гуманитарных исследований (1925–2000) / Сост. Е.В. Маргания, Л.Д. Начкебия. Редактор З.Д. Джапуа. Сухум, 2001. 367 с.

- Вейденбаум, 1900** – *Вейденбаум Е.Г.* Материалы для библиографии Кавказа // *Кавказский книжный вестник*. 1900. № 3. Приложение. С. 1-32; № 4. С. 33-40.
- Весь Кавказ, 1903** – *Весь Кавказ*. Иллюстрированный справочно-библиографический сборник. Тифлис, 1903. 392 с.
- Вохрышева, 2004** – *Вохрышева М.Г.* Теория библиографии: Учеб. пособие / Самар. гос. акад. культуры и искусств. Самара, 2004. 367 с.
- Гизетти, 1901** – *Гизетти А.Л.* Библиографический указатель печатным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901. 256 с.
- Гинзбург, 2018** – *Гинзбург К.* Загадка Пьеро / Пер. с ит. М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с.
- Городецкий, 1908** – *Городецкий Б.М.* Библиографические материалы о Северном Кавказе // Северо-Кавказский альманах на 1908–1909 гг. Екатеринодар, 1908. С. 152-172.
- Городецкий, 1913** – *Городецкий Б.М.* Библиография Кубанского края. Систематический указатель литературы о Кубанской области с рецензиями и рефератами. Екатеринодар, 1913. Вып. I–IV.
- Городецкий, 1912** – *Городецкий Б.М.* Материалы для библиографии Северного Кавказа. Библиографические очерки. Екатеринодар, 1912. 396 с.
- Дзидзария, 1982** – *Дзидзария Г.А.* Биографо-библиографический очерк о С.Т. Званба // *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982. С. 43-85.
- Дзидзария, 1949** – *Дзидзария Г.А.* Соломон Званба: биографическо-библиографический очерк // *Труды Абхазского научно-исследовательского института им. Н.Я. Марра*. Сухуми, 1949. Т. XXIII. С. 124-148.
- Дзидзария, 1955** – *Дзидзария Г.А.* Соломон Теймуркович Званба. Биографическо-библиографический очерк // *Званба С.Т.* Этнографические этюды. Сухуми, 1955. С. 5-40.
- Зеленин, 1913** – *Зеленин Д.К.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 // *Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества*. СПб., 1913. Т. 40. 733 с.
- Компанский, 1866** – *Компанский К.А.* Библиографический указатель книг и статей, относящихся к Кавказскому краю // *Кавказский календарь на 1867 год*. Тифлис, 1866. С. 231-255.
- Коршунов и др., 2009** – *Коршунов О.П., Лиховид Т.Ф., Новоженова Т.А.* Библиографоведение. Основы теории и методологии: Учебник / Ред. О.П. Коршунов. М, 2009. 336 с.
- Межов, 1882–1890** – *Межов В.И.* Русская историческая библиография за 1875–1876 гг. включительно. СПб., 1882–1890. Т. I. С. 6-16, 84-85, 324, 349-350, 433-434; Т. V. С. 126-136.
- Новоженова, 2003** – *Новоженова Т.А.* Методологические основания общей теории библиографии / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. Краснодар, 2003. 308 с.
- Патракова, 1993** – *Патракова В.Ф.* Историко-краеведческая библиография на Дону и Северном Кавказе // *Известия высших учебных заведений*. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 3. С. 75-91
- Русская литература..., 2010** – *Русская литература конца XIX – начала XX века*. Библиографический указатель. Т. I. (А–М). М., 2010. 952 с.
- Русские писатели..., 1989** – *Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1989. 691 с.
- Русские писатели..., 1992** – *Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. 639 с.
- Русские писатели..., 1994** – *Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 610 с.
- Русские писатели..., 1999** – *Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. 717 с.
- Русские писатели..., 2007** – *Русские писатели. 1800–1917*. Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. 819 с.
- Рыкова, 2014** – *Рыкова В.В.* Методология библиографии в схемах и таблицах // *Библиосфера*. 2014. № 2. С. 25-31.
- Соколов, Фокеев, 2010** – *Соколов А.В., Фокеев В.А.* Библиографоведение: Terra incognita. Диалог о библиографической науке: Науч.-практ. пособие. М., 2010. 206 с.
- Фелицын, 1899–1904** – *Фелицын Е.Д.* Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии // *Кубанский сборник*. 1899–1904. № 5–10.
- Фелицын, 1899–1916** – *Фелицын Е.Д.* Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Екатеринодар, 1899–1916. 120 с.
- Фокеев, 2006** – *Фокеев В.А.* Библиография: теоретико-методологические основания: Учеб. пособие. СПб., 2006. 350 с.
- Шалва Денисович Инал-ипа, 2007** – *Шалва Денисович Инал-ипа*. Библиографический указатель. Сухум, 2007. 56 с.

Эверинский, 1890 – *Эверинский В.В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. С библиографическим указателем. СПб., 1890. Т. I. № 339. 213 с.

Якушкин, 1899 – *Якушкин Е.И.* Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права. М., 1899. 366 с.

References

Avaliani, 1913 – *Avaliani, S.L.* (1913). Bibliograficheskii ukazatel' po istorii krest'yanstva i agrarnomu voprosu, pereselencheskomu delu i zemleustroistvu. [Bibliographic index on the history of serfdom, peasant and agrarian issues, resettlement and land management]. *Izvestiya Odesskogo bibliograficheskogo obshchestva*. Odessa. T. 2. Vyp. 5. 13 p. [in Russian]

Avaliani, 1914 – *Avaliani, S.L.* (1913). Bibliograficheskii ukazatel' po istorii krest'yanstva i agrarnomu voprosu, pereselencheskomu delu i zemleustroistvu. [Bibliographic index on the history of serfdom, peasant and agrarian issues, resettlement and land management]. *Izvestiya Odesskogo bibliograficheskogo obshchestva*. Odessa. T. 3. [in Russian]

Bgazhba, 1954 – *Bgazhba, Kh.S.* (1954). N.S. Dzhanaashia. (Biograficheskoe-bibliograficheskoe ocherk) [N. S. Janashia. (Biographical and bibliographic essay)]. *Trudy Abkhazskogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Sukhumi, 1954. T. XXV. Pp. 13-28. [in Russian]

Bgazhba, Zelinskii, 1956 – *Bgazhba, Kh.S., Zelinskii, K.L.* (1956). Dmitrii Gulia. Kritiko-bibliograficheskii ocherk [Dmitry Gulia. Critical and bibliographic essay]. Moscow, 154 p. [in Russian]

Bibliograficheskii ukazatel'..., 2001 – Bibliograficheskii ukazatel' izdaniy trudov sotrudnikov Abkhazskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (1925-2000) [Bibliographic index of publications of the works of employees of the Abkhazian Institute of humanitarian studies (1925-2000)]. Sostaviteli: E.V. Marganiya, L.D. Nachkebiya. Redaktor Z.D. Dzhapua. Sukhumi, 2001. 367 p. [in Russian]

Dzidzariya, 1949 – *Dzidzariy, G.A.* (1942). Solomon Zvanba: biograficheskoe-bibliograficheskoe ocherk [Solomon Zvanba: biographical and bibliographic essay]. *Trudy Abkhazskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. N.Ya. Marra*. Sukhumi, 1949. T. XXIII. Pp. 124-148. [in Russian]

Dzidzariya, 1955 – *Dzidzariya, G.A.* (1955). Solomon Teimurkovich Zvanba. Biograficheskoe-bibliograficheskoe ocherk [Solomon Chamurkova Svanba. Biographical and bibliographic essay]. Zvanba S.T. Etnograficheskie etyudy. Sukhumi, 1955. Pp. 5-40. [in Russian]

Dzidzariya, 1982 – *Dzidzariya, G.A.* (1982). Biograficheskoe-bibliograficheskoe ocherk o S.T. Zvanba [Biographical and bibliographic essay on S. T. Zvanba]. Zvanba S.T. Abkhazskie etnograficheskie etyudy. Sukhumi, 1982. Pp. 43-85. [in Russian]

Everinskii, 1890 – *Everinskii, V.V.* (1890). Materialy dlya istoricheskogo-geograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiiskoi imperii [Materials for historical and geographical research on Orthodox monasteries in the Russian Empire]. S bibliograficheskim ukazatelem. St. Petersburg, 1890. T. I. № 339. [in Russian]

Felitsyn, 1899-1904 – *Felitsyn, E.D.* (1899-1904). Bibliograficheskii ukazatel' literatury o Kubanskoi oblasti, Kubanskom kazach'em voiske i Chernomorskoj gubernii [Bibliographic index of literature about the Kuban region, the Kuban Cossack army and the black sea province]. *Kubanskii sbornik*. 1899-1904. № 5-10. [in Russian]

Felitsyn, 1899-1916 – *Felitsyn, E.D.* (1916). Bibliograficheskii ukazatel' literatury o Kubanskoi oblasti, Kubanskom kazach'em voiske i Chernomorskoj gubernii [Bibliographic index of literature about the Kuban region, the Kuban Cossack army and the black sea province]. Ekaterinodar, 1899-1916. 120 p. [in Russian]

Fokeev, 2006 – *Fokeev, V.A.* (2006). Bibliografiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya: ucheb. posobie [Bibliography: theoretical and methodological foundations: textbook. Stipend]. St. Petersburg, 350 p. [in Russian]

Ginzburg, 2018 – *Ginzburg, K.* (2018). Zagadka P'ero [The riddle of Pierrot]. Per. s it. M. Velizheva. Moscow, 208 p. [in Russian]

Gizetti, 1901 – *Gizetti, A.L.* (1901). Bibliograficheskii ukazatel' pechatnym na russkom yazyke sochineniyam i stat'yam o voennykh deistviyakh russkikh voisk na Kavkaze [Russian-language works and Articles on the military actions of Russian troops in the Caucasus, bibliographic index]. St. Petersburg, 256 p. [in Russian]

Gorodetskii, 1908 – *Gorodetskii, B.M.* (1908). Bibliograficheskie materialy o Severnom Kavkaze [Bibliographic materials about the North Caucasus]. Severo-Kavkazskii al'manakh na 1908-1909 gg. Ekaterinodar, pp. 152-172. [in Russian]

Gorodetskii, 1912 – *Gorodetskii, B.M.* (1912). Materialy dlya bibliografii Severnogo Kavkaza. Bio-bibliograficheskie ocherki [Materials for the bibliography of the North Caucasus. Bio-bibliographic essays]. Ekaterinodar, 396 p. [in Russian]

Gorodetskii, 1913 – *Gorodetskii, B.M.* (1913). Bibliografiya Kubanskogo kraja. Sistemicheskii ukazatel' literatury o Kubanskoi oblasti s retsenziyami i referatami [Bibliography of the Kuban region. Systematic index of literature about the Kuban region with reviews and abstracts]. Ekaterinodar, Vyp. I-IV. [in Russian]

- Kompanskii, 1866** – *Kompanskii, K.A.* (1866) Bibliograficheskii ukazatel' knig i statei, otnosyashchikhsya k Kavkazskomu krayu [Bibliographic index of books and articles relating to the edge of the Caucasus]. *Kavkazskii kalendar' na 1867 god*. Tiflis, 1866. Pp. 231-255. [in Russian]
- Korshunov i dr., 2009** – *Korshunov, O.P., Likhovid, T.F., Novozhenova, T.A.* (2009). Bibliografovedenie. Osnovy teorii i metodologii: uchebnyk [Bibliography. Fundamentals of theory and methodology: textbook]. Red. O.P. Korshunov. Moscow, 336 p. [in Russian]
- Mezhov, 1882-1890** – *Mezhov V.I.* (1882-1890) Russkaya istoricheskaya bibliografiya za 1875-1876 gg. [Russian historical bibliography for 1875-1876] vklyuchitel'no. St. Petersburg, 1882-1890. T. I. pp. 6-16, 84-85, 324, 349-350, 433-434; T. V. pp. 126-136. [in Russian]
- Novozhenova, 2003** – *Novozhenova, T.A.* (2003). Metodologicheskie osnovaniya obshchei teorii bibliografii [Methodological foundations of the General theory of bibliography]. Krasnodar. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Krasnodar, 308 p. [in Russian]
- Patrakova, 1993** – *Patrakova, V.F.* (1993). Istoriko-kraevedcheskaya bibliografiya na Donu i Severnom Kavkaze [Local history bibliography on the Don and the Northern Caucasus]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 3: 75-91. [in Russian]
- Russkaya literature..., 2010** – Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel' [Russian literature of the late XIX – early XX century. Bibliographic index.]. T. I. (A-M). Moscow, 2010. 952 p. [in Russian]
- Russkie pisateli, 1992** – Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. T. 2 Moscow: Big Russian encyclopedia, 1992. 639 p. [in Russian]
- Russkie pisateli, 2007** – Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. T. 5. Moscow: Big Russian encyclopedia, 2007. 819 p. [in Russian]
- Russkie pisateli..., 1989** – Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. T. 1. Moscow: Big Russian encyclopedia, 1989. 691 p. [in Russian]
- Russkie pisateli..., 1994** – Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. T. 3. Moscow: Big Russian encyclopedia, 1994. 610 p. [in Russian]
- Russkie pisateli..., 1999** – Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. T. 4. Moscow: Big Russian encyclopedia, 1999. 717 p. [in Russian]
- Rykova, 2014** – *Rykova, V.V.* (2014). Metodologiya bibliografii v skhemakh i tablitsakh [Methodology of bibliography in diagrams and tables]. *Bibliosfera*. 2: 25-31. [in Russian]
- Shalva Denisovich Inal-ipa..., 2007** – Shalva Denisovich Inal-ipa. Bibliograficheskii ukazatel' [Bibliographic index]. Sukhum, 2007. 56 p. [in Russian]
- Sokolov, Fokeev, 2010** – *Sokolov, A.V., Fokeev, V.A.* (2010). Bibliografovedenie: Terra incognita. Dialog o bibliograficheskoi nauke: nauch.-prakt. Posobie [Bibliography: Terra incognita. The dialogue on bibliographic science: scientific.-pract. Stipend]. Moscow, 2010. 206 p. [in Russian]
- Veidenbaum, 1900** – *Veidenbaum, E.G.* (1900). Materialy dlya bibliografii Kavkaza [Materials for the bibliography of the Caucasus]. *Kavkazskii knizhnyi vestnik*. 3. Prilozhenie. Pp. 1-32; 4: 33-40. [in Russian]
- Ves' Kavkaz., 1903** – *Ves' Kavkaz*. Illyustrirovannyi spravochno-bibliograficheskii sbornik [Illustrated reference and bibliographic collection]. Tiflis, 1903. 392 p. [in Russian]
- Vokhrysheva, 2004** – *Vokhrysheva, M.G.* (2004). Teoriya bibliografii: ucheb. posobie [Theory bibliography: proc. Manual]. Samar. gos. akad. kul'tury i iskusstv. Samara, 367 p. [in Russian]
- Yakushkin, 1899** – *Yakushkin, E.I.* (1899) Obychnoe pravo russkikh inorodtsev. Materialy dlya bibliografii obychnogo prava [The customary law of Russian foreigners. Materials for the bibliography of customary law]. Moscow, 366 p. [in Russian]
- Zelenin, 1913** – *Zelenin, D.K.* (1913). Bibliograficheskii ukazatel' russkoi etnograficheskoi literatury o vneshnem byte narodov Rossii. 1700-1910 [Bibliographic index of Russian ethnographic literature on the external life of the peoples of Russia. 1700-1910]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. St. Petersburg, 1913. T. 40. 733 p. [in Russian]

Абхазская история XIX – начала XX столетий в библиографических указателях: опыт историографической реконструкции

Марина Евгеньевна Колесникова ^a, Ольга Ивановна Шафранова ^{a, *}

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Последовательное формирование адекватного представления о поставленной проблеме предполагает целенаправленное изучение предшествующей историографической традиции, включающей дифференцированные асинхронные нарративы. Содержательный анализ

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shafranova@yandex.ru (О.И. Шафранова)

авторских концепций опирается на структурную композицию, создаваемую исходным перечнем привлеченных работ. Целенаправленное изучение библиографических указателей, созданных в предшествующий период и характеризующих социально-экономическое, политическое и культурное развитие Абхазии в XIX – начале XX столетий, позволяет выделить значимые исследовательские тренды, сохраняющие актуальность в новых условиях. Генетическая реконструкция проблемной библиографии позволяет скорректировать исходные представления об объективных перспективах дальнейшего анализа избранной проблематики, расширить комплексное представление об оценочных суждениях, заслуживающих дискуссионного обозрения. В рамках представленной статьи авторами рассмотрены дореволюционные библиографические указатели, посвященные общекавказской проблематике и сформированные С.Л. Авалиани, Е.Г. Вейденбаумом, А.Л. Гизетти, Б.М. Городецким, К.А. Компанским, Е.Д. Фелицыным. Отдельное внимание было уделено обобщающим трудам дореволюционной библиографии, характеризующим исследовательский интерес к этнографической литературе, православным монастырям и обычному праву русских инородцев. Применительно к советскому периоду особое внимание было уделено библиографическим указателям, встроенным в научные труды в качестве структурного элемента. Определенные итоги проведенного анализа подводятся в рамках комплексной характеристики современных публикаций, непосредственно посвященных дифференцированной библиографии, освещающей абхазскую историю XIX – начала XX столетий.

Ключевые слова: Абхазия, указатель, библиография, перечень, историография, автор, реконструкция, концепция, источник, нарратив.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2671-2678. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2671
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Evolution of the Structure of the Financial and Tax Authorities of the Turkestan General Governorship (second half of the 19th – early 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The stages and features of the formation of the financial and tax authorities of the Turkestan General Governorship from the moment of its creation in 1867 to the revolutionary events of 1917, which led to a radical transformation of the political system of the Russian Empire are highlighted at the article. The main sources during the preparation of the article were the materials of two senatorial audits of the Turkestan Territory, the first one – under the leadership of F.K. Girs, took place in 1881, the second one – under the leadership of K.K. Palena – in 1908. The author was able to reveal that until 1886 the structure of the region's financial and tax authorities did not correspond to the general imperial structure. This was due to the territorial remoteness of the Turkestan Territory from the political center of the country, its recent annexation to the Russian Empire and, as a result was that wide financial freedom of regional power was controlled by the Governor-General. Since the end of the 80s XIX century there was a desire of the imperial authorities to unify the structure of the financial and tax authorities of Turkestan, to bring it to the general imperial standards, to limit the financial powers and the autonomy of the governor-general. The evolution of the financial and tax system was also significantly influenced by the processes of its integration into the general imperial economic space, the formation of new sectors of the economy, and the active development of trade. Not least importance for this process played the fact that since 90s of the 19th century, the government set a course for increasing the profitability of the region. The profitability required improving the structure, functionality and efficiency of the tax institutions of the Turkestan General Governorship. As a result, in 1917 the regional financial and tax system was represented by the following institutions of the Ministry of Finance, and later, since 1905, by the Ministry of Industry and Trade: treasury chamber, exchequer chamber, tax inspection, excise and customs authorities, regional mechanics.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, financial and tax system, treasury chamber, exchequer chamber, excise, customs.

1. Введение

Как хорошо известно, Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 г. Перед региональной администрацией стояла задача интеграции национальной окраины в общеимперское пространство, один из аспектов которой предполагал создание российской финансовой системы. Ее нормативно-правовой основой выступило Временное положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г., определившее механизмы взаимодействия центральных и региональных органов власти в сфере бюджетной политики и заложившее основы налоговой модели. Важным направлением финансовой политики стало формирование региональных отделений

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

государственных финансовых органов, призванных обеспечить успешность операций по кассовому исполнению государственного бюджета.

2. Материалы и методы

Основным источником при подготовке статьи выступили материалы двух сенаторских ревизий Туркестанского генерал-губернаторства, первая из которых под руководством Ф.К. Гирса состоялась в 1881 г., вторая – под руководством К.К. Палена – в 1908 г. Отчет Ф.К. Гирса по итогам ревизии представляет детальный анализ государственной политики в Туркестане и деятельности региональной администрации во главе с генерал-губернатором К.П. Кауфманом за период с 1867 по 1881 гг. Ревизии были подвергнуты фактически все сферы администрирования, в том числе финансово-налоговая система. Для отчета Ф.К. Гирса характерен достаточно жесткий и критический взгляд на систему сложившихся отношений между центральными и региональными органами власти. По мнению чиновника, право распоряжаться финансами и формировать региональный бюджет, предоставленные К.П. Кауфману, привели к многочисленным финансовым нарушениям и злоупотреблениям с его стороны. По итогам сенаторской ревизии Туркестанского края графом К. Паленом, состоявшейся в 1908 г., был издан многотомный отчет. Один из томов посвящен анализу ситуации, сложившейся в сфере регионального налогообложения и институтов финансового управления. Представленные в нем материалы уникальны и позволяют проследить эволюцию налогово-финансовой системы Туркестана, выявить ее этапы, представить их характеристику и определить ключевые проблемные моменты.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, которая позволяет рассматривать процесс формирования и развития финансовых органов центральноазиатских окраин Российской империи как один из аспектов многовекторных преобразований традиционной модели регионального социально-экономического пространства. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический, историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Вопросы финансового развития Российской империи, ее бюджетной, банковской и налоговой политики являются ключевой темой в историографии. Еще советские исследователи подчеркивали, что финансовая система Российской империи накануне 1914 г. являлась одной из самых развитых и устойчивых. Для нее были характерны быстрорастущий и бездефицитный бюджет, слабая зависимость от иностранного капитала, большие запасы золота в Государственном банке, наличие золотой валюты и свободного фонда в заграничных банках (Сидоров, 1960).

Современные исследователи отмечают, что успешность финансовой системы Российской империи в условиях экономической и социокультурной гетерогенности ее территорий во многом объяснялась способностью политических кругов выстроить конструктивные отношения с региональной управленческой и этнической элитами и в конечном итоге создать консолидированный государственный бюджет. Нельзя не согласиться с Е. Правиловой, утверждавшей, что централизация в сфере финансово-налоговой политики выступала мощным фактором интеграции регионов в общеимперское российское пространство (Правилова, 2007: 15).

Вопросы формирования и развития финансово-налоговой модели центральноазиатских окраин Российской империи получили звучание в исследованиях Н.А. Абдрахимовой, Т. Кененсариева, А. Сапелкина, Ю.А. Лысенко и др. (Абдрахимова, Рустамова, 1999: 36-37; Кененсариев, 1984; Сапелкин, 1863; Лысенко, 2013; Лысенко, Жанбосинова, 2019). Ученые отмечают, что финансовая политика являлась важной составляющей процесса модернизации Степного края и Туркестана и реализовывалась в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики национальных окраин, повышении эффективности использования их ресурсов и снижения издержек центра на их содержание (Алимджанов, 2016; Лысенко, 2019). По мнению Е. Правиловой, в условиях отсутствия прочной экономической связи центральноазиатских окраин с метрополией передача финансовых полномочий руководителю региона – генерал-губернатору, а позднее жесткий финансовый государственный контроль выступали важным признаком финансовой политики России в регионе (Правилова, 2007).

В связи с вышесказанным важным аспектом истории финансово-налоговой системы центральноазиатских окраин Российской империи представляется вопрос создания региональных отделений государственных финансовых органов.

4. Результаты

Формирование финансовых органов в Туркестанском генерал-губернаторстве осуществлялось в русле общероссийских тенденций, закрепленных финансовой реформой 60-х гг. XIX в. Согласно «Правилам о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений» 1862 г., в стране вводился принцип гласности в формировании государственного бюджета и его расходовании. В 1864–1868 гг. в структуре Министерства финансов были

организованы казенные палаты, казначейства, администрировавшие все доходы государства, в регионах – органы местного финансового самоуправления – контрольные палаты ([Погребинский, 1954](#)).

С момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. были сформированы два казначейства: в Сырдарьинской (г. Ташкент) и Семиреченской (г. Верный) областях. В 10 уездах генерал-губернаторства – Казалинском, Перовском, Чимкентском, Ходжентском, Джизакском, Аулие-Атинском, Токмакском, Копальском, Сергиопольском и Пржевальском – создавались уездных кассы на правах уездных казначейств. Уездные казначейства подчинялись областным, а те, в свою очередь, областным правлениям, выполнявшим функции Казенных палат ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 138-138об.](#)).

В 1869 г. решением Государственного совета в столице генерал-губернаторства – Ташкенте – была учреждена Туркестанская казенная палата. Она должна была курировать всю совокупность вопросов, связанных с движением налоговых сумм в регионе. Казенной палатой проводился учет населения региона, его имущества, определялась общая ежегодная сумма поступлений со всех видов налогообложения, предусмотренного законодательством, осуществлялся их сбор. Среди них кибиточный и поземельный налог, земские и акцизные сборы, промысловые и торговые налоги, налоги на движимое и недвижимое имущество, а также налоги с соляных, винных откупов ([Мигунова, 2008: 117](#)). Особенностью деятельности Туркестанской казенной палаты являлся тот факт, что до середины 80-х гг. XIX в. Она, помимо своих непосредственных обязанностей, выполняла функции губернского акцизного управления. Так, помимо секретарской части и двух отделений, в ее структуру были введены 8 должностей участковых акцизных надзирателей. Только в июле 1886 г. акцизная часть Туркестанской казенной палаты была передана вновь образованному Туркестанскому акцизному управлению ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 138-138об.](#)).

С формированием государственных финансовых органов Туркестанского края все региональные доходы и расходы перешли в ведение профильных министерств. Однако жесткий контроль финансового управления, осуществлявшийся в 60-е гг. XIX в. и предполагавший централизованное распределение доходов и расходов империи, на центральноазиатский регион России не распространялся. По Временному положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г. генерал-губернатор получил автономность в вопросах регионального финансового управления. В частности, в его компетенции находились функции по формированию сметы доходов и расходов, ее корректировке, распределению между административно-территориальными структурами Туркестана – областями и уездами. Законом также определялось ежегодное поступление в региональный бюджет дополнительно 200 тыс. руб. на «непредвиденные расходы». Главной причиной для делегирования туркестанскому генерал-губернатору широкой финансовой автономии являлся ряд факторов: территориальная отдаленность края от политического центра страны, отсутствие транспортных коммуникаций, его приграничное расположение и сложная международная ситуация на Среднем Востоке, а также авторитет самого К.П. Кауфмана, пользовавшегося огромным влиянием и поддержкой при дворе ([Материалы по истории политического..., 1960: 312-313](#)).

Стремление каждого из акторов финансовых отношений – туркестанских властей в лице генерал-губернатора К.П. Кауфмана и государства – сохранить контроль за бюджетом региона стало особенностью развития финансовой системы. Последствия централизации и сосредоточения финансовой власти в руках генерал-губернатора привели к тому, что в практике местных финансовых учреждений основным стало руководство в своих действиях не законом, а указаниями генерал-губернатора, исходящими в виде циркуляров и распоряжений. Бесконтрольность порождала массовые финансовые злоупотребления и необдуманные траты регионального бюджета.

В отчете Ф. Гирса приводятся многочисленные факты, подтверждающие данный тезис. Приведем некоторые из них. В 1873 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман «для орошения Голодной степи» в Джизакском районе издал приказ провести канал из р. Сырдарьи протяженностью около 100 км. По смете, представленной для проведения работ, следовало, что стоимость одного км канала составит 6807 руб. Таким образом, общая сумма работ по строительству гидротехнического объекта обошлась бы региональному бюджету в 680700 руб. Масштабы такого строительства в рамках ст. 133 действующего Устава Строительного требовали получения разрешения от верховной власти. Но К.П. Кауфман статью проигнорировал. По его распоряжению работы были начаты в 1874 г. ([Отчет ревизирующего..., 1883: 12](#)).

Строительство продолжалось на протяжении 5 лет, в ходе которого было прорыто всего лишь 12 км. К земляным работам в качестве отбывания земской повинности активно привлекалось местное население, жалобы от которого «на обременительность отправлениями ими натуральной повинности» продолжались в ходе всего строительства. Контрольной палатой Туркестанского генерал-губернаторства в связи с этим «был возбужден вопрос о необходимости испрашивания высочайшего разрешения на продолжение строительных работ». К этому времени исполнявший обязанности генерал-губернатора Туркестанского края Г.А. Колпаковский, признавая тот факт, что строительство осуществлялось без сметы и технического плана, «сделал распоряжение временно приостановить работы». В 1882 г. в строительстве водного канала была поставлена окончательная

точка. Таким образом, данное гидротехническое сооружение обошлось казне 135000 руб., коренному населению по затраченным трудодням – в 522000 руб., всего в 637000 руб. ([Отчет ревизирующего..., 1883: 12](#)).

Не оправданным с экономической точки зрения стал еще один незавершенный проект туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, который он пытался реализовать за счет краевых налоговых поступлений. Речь идет о строительстве водопровода в г. Ташкенте, к сооружению которого он приступил в 1868 г. Суммы, потраченные на реализацию проекта, составили 16436 руб., при этом водопровод был построен с нарушением технических правил, в результате чего оказался непригодным к эксплуатации. В 1870 г. региональные власти приступили к реконструкции водопровода. Новая смета, составленная для проведения работ и подписанная К.П. Кауфманом, первоначально составила 18454 руб., позднее к ней дополнительно было включено работ на сумму 13509 руб. Техническая комиссия, принимавшая объект, в своем заключении отмечала, что «предприятие о проведении воды в русскую часть города не удалось, и потому не удалось, что самое дело ирригации не было вполне понятно и изучено. В настоящее время предстоит сознаться в полной неудаче и проверить произведенные расходы контрольным порядком» ([Отчет ревизирующего..., 1883: 13](#)).

Следует также отметить, что налоги, собранные с Зеравшанского округа и Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства, «ввиду отсутствия казенных палат» в данных административных единицах поступали в распоряжение туркестанского генерал-губернатора. Доходы от так называемых «зеравшанских и ферганских сумм» шли не только на удовлетворение «местных нужд», но и на производство расходов, не предусмотренных сметой, в том числе в других районах края. Например, за счет этих средств были оборудованы Арасанские минеральные источники, расположенные вблизи г. Копал Семиреченской области.

Как отмечают Д.Н. Янченко и А.А. Андреев, «отчет Ф.К. Гирса и сама ревизия в целом существенно повлияли на дальнейшую политику управления регионом. После предварительной работы специальной комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем документ, определивший систему управления, был утвержден Александром III в 1886 г.» ([Янченко, Андреев, 2018: 30](#)).

Новое Положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством значительно сократило права генерал-губернатора, в том числе в финансово-налоговой сфере. Это привело к дальнейшему развитию региональных финансовых органов. Важно также подчеркнуть, что данный процесс напрямую был связан с изменением подходов политических кругов к содержанию региональной политики. Урегулирование российско-британских противоречий на Среднем Востоке актуализировали решение задач экономического характера в Туркестане. Все большее звучание получал вопрос повышения его рентабельности. С 80-х гг. XIX в. здесь активно стали наблюдаться процессы формирования рыночного сектора экономики, рынка труда, урбанизации. Стабилизация геополитической ситуации придала мощный импульс развитию внутренней и внешней торговли.

Поэтому с 80-х гг. XIX в. в Туркестане расширялся штат и отделения, функционал и территория действия Туркестанской казенной палаты. Помимо перечисленных выше 10 казначейств, открытых параллельно с созданием самого генерал-губернаторства, в 1876 г. новые казначейства были открыты в г. Туркестане, Катта-Кургане, Самарканде, Петро-Александровске, Коканде. В 1881 г. был сформирован ряд казначейств в остальных городах Ферганской области. В 1886 г. начало функционировать Керкенское, в 1891 г. – Чарджуйское, в 1904 г. – Термезское казначейства. В Семиреченской области в 1895 г. – Джаркентское; в Закаспийской области в 1881 г. – Красноводское и Асхабадское, в 1887 – Мервское, 1904 г. – Кушкинское казначейства ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 141об.](#)).

Таким образом, к 1910 г. в Туркестанском крае функционировало одно областное и 27 уездных казначейств, из числа которых в ведении Туркестанской казенной палаты находилось одно областное (г. Ташкент) и 17 уездных (5 – в Сырдарьинской, 5 – в Ферганской, 4 – в Самаркандской областях и 3 – в русских поселениях Бухарского эмирата); в ведении Омской казенной палаты – 6 уездных казначейств Семиреченской области. 4 уездных казначейства Закаспийской области принадлежали Бакинскому казначейству.

Таким образом, территориальная организация финансовых органов Туркестанского края имела свои специфические особенности. Так, Закаспийская область с момента образования входила в подчинение Бакинской казенной палаты, Семиреченская область – в состав Омской казенной палаты. Туркестанская казенная палата распространяла свой функционал на Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую области. Местные власти неоднократно обращались в Министерство финансов с просьбой исправить сложившуюся ситуацию и передать Закаспийскую и Семиреченскую области Туркестанской казенной палате. Министерство, в свою очередь, признавало наличие проблемы и даже, учитывая огромные пространства региона, рекомендовало открыть еще одно казначейство в Самарканде или Коканде. Однако никаких конкретных шагов в исправлении ситуации так и не было сделано. Необходимость повышения финансовой управленческой эффективности в областях Туркестанского края привела к тому, что со временем все сметы доходов и расходов Закаспийской

области стала выполнять Туркестанская казенная палата сама, изъяв тем самым самовольно данные функции у Бакинской казенной палаты (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 139об.).

В 1889 г. в структуре Туркестанской казенной палаты появился отдел податной инспекции, а с 1901 г. – 13 должностей секретарей поземельно-податных присутствий. На рубеже XIX–XX вв. в район ведомства Туркестанской казенной палаты были причислены приходно-расходные кассы и казначейства, открытые в русских поселениях Бухарского ханства (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 138об.-139).

Перед началом Первой мировой войны Туркестанская казенная палата структурно состояла из архива, секретариата и трех отделений, первое из которых контролировало неокладные сборы и доходы от них, а также пенсионное делопроизводство. Второе отделение курировало окладные доходы и ревизское делопроизводство, третье – счетную часть. В штате казенной палаты состояли 44 классных чиновника, 46 канцелярских и вольнонаемных писцов (Отчет по ревизии..., 1910: 239).

Важной составной частью формирования финансово-налоговых органов в Туркестанском генерал-губернаторстве стало создание службы податной инспекции. Отдельные статьи Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. определяли порядок учреждения и функционал податных инспекторов и инспекций. Три года спустя особым мнением Государственного совета было учреждено 16 должностей податных инспекторов. Территориально Туркестанский край был разбит на податные участки, объединившие несколько уездов: Казалинско-Перовский, Чимкентско-Аулие-Атинский, Ходжентско-Джизакский. Четыре податных участка были сформированы в границах Ташкентского уезда, два – в Кокандском уезде. В 1895 г. податные участки Ташкентского уезда были преобразованы в единый податный район. Вместо них были созданы податные участки в Амударьинском отделе, Джизакском уезде и два – в Самаркандской области (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 143 об.-144).

Аналогичные процессы проходили в Семиреченской области, подчинявшейся Омской казенной палате. Однако формирование податных участков здесь началось позднее, в 1893 г. Именно тогда Министерство финансов распорядилось учредить Копальско-Лепсинско-Джаркентский и Верненско-Пишпекско-Пржевальский податные участки. Позже рядом распоряжений Министерства финансов от 1894 г. в Семиреченской области дополнительно были введены 4 должности податных инспекторов с последующим дроблением податных участков.

В 1907 г. туркестанскими властями был поставлен вопрос о создании податных участков и введении должностей податных инспекторов в Закаспийской области. Данную инициативу поддержала Бакинская казенная палата, финансовые компетенции которой распространялись на Закаспийскую область. К открытию планировались Красноводско-Мангышлакский, Асхабадский и Мервско-Тедженский податные участки. Однако решение данного вопроса затянулось по времени и положительно решилось только перед началом Первой мировой войны (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 144об.).

Всего к 1910 г. в Туркестанском крае функционировало 18 податных участков, из них три – городских (Ташкент, Самарканд, Коканд) и 15 уездных. Ревизией сенатора К.К. Палена в 1908 г. данный штат и численность податных участков были «признаны пока достаточными». Но при этом подчеркивалось, что в условиях развития деятельности торгово-промышленных предприятий и перманентном введении имперскими финансовыми органами новых налогов, «численный состав податной инспекции в коренных областях края потребует увеличения» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 145).

Экономическое развитие центральноазиатских окраин Российской империи неизменно сопровождалось расширением внутренней и внешней торговли, а также развитием ряда промышленных производств, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции. Данный фактор рассматривался как важный аспект повышения доходности региональной экономики. В связи с этим в 80-е гг. XIX в Туркестанском крае встала необходимость формирования системы акцизных сборов. В 1886 г. на основании Положения об управлении Туркестанским краем акциз, как часть финансово-налоговой региональной системы, был изъят из компетенции Туркестанской казенной палаты и передан в ведение самостоятельного и вновь созданного Туркестанского акцизного управления. В его составе было сформирован следующий штат служащих: управляющий, ревизор, секретарь и его помощник, 10 участковых надзирателей и 13 надсмотрщиков. В 1888 г. в состав Туркестанского акцизного управления была передана Семиреченская область, в 1889 г. – русские поселения Бухарского эмирата, в 1900 г. – Закаспийская область. (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 146).

К началу Первой мировой войны завершилось формирование административно-территориальной структуры Акцизного управления Туркестанского края. Оно было представлено тремя окружными акцизными управлениями и одним старшим акцизным надзирателем. В ведение 1-го окружного акцизного управления входили г. Ташкент, Сырдарьинская, Ферганская области и Ходжентский уезд Самаркандской области. В состав 2-го окружного акцизного управления были включены Самарканд, остальные уезды Самаркандской области, Амударьинский отдел и русские поселения Бухарского эмирата. В состав 3-го – г. Верный и Семиреченская область. В район

акцизного наблюдателя входили г. Асхабад и Закаспийская область, кроме Мангышлакского уезда (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 146об.).

Штат Туркестанского акцизного управления к 1910 г. составляли управляющий, 2 старших ревизора, 1 секретарь, 1 бухгалтер, 1 помощник секретаря, 3 окружных надзирателя, 1 старший участковый надзиратель, 13 старших помощников окружных надзирателей и 1 младший, 3 делопроизводителя окружных управлений, 23 старших штатных контролера и 6 младших, 2 старших нештатных контролера, 21 надсмотрщик, всего 79 должностных лиц. Свою деятельность они осуществляли в рамках Устава об акцизных сборах и специальных «узаконений по акцизной части». Акцизные чиновники наблюдали также за правильным поступлением гербовых сборов в казну, налоговыми отчислениями промысловых и торгово-промышленных предприятий Туркестанского края (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 146об.).

Возможности, которые открывала для государственного бюджета внешняя торговля, привели к формированию в конце XIX в. Туркестанского таможенного округа. Территориально в приграничной зоне Туркестанского края было сформировано три таможенных участка во главе с таможенными инспекторами. Первый из них – в г. Асхабаде, второй – в г. Чарджуе, третий – в г. Коканде. В районе ведомства инспектора первого участка находилось 17 таможен, таможенных застав и переходов. В подчинении инспектора второго участка числилось 11 таможен, инспектора третьего участка – 2 таможни. В Семиреченской области функционировал Копальский таможенный округ, подчинявшийся непосредственно Департаменту таможенных сборов. В районе ведомства Копальского таможенного инспектора находилось 2 таможни – Джаркентская и Бахтинская (РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 425. Л. 148).

Новой тенденцией экономической жизни Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. стал рост численности фабричных предприятий. В 1895 г. в регионе на основании постановления Государственного совета были учреждены органы фабричной инспекции и должности губернских механиков. Всего в Туркестане было учреждено три областных механика – сырдарьинский, ферганский, самаркандский. Первоначально они подчинялись непосредственно Министерству финансов Российской империи, в 1905 г. перешли в подчинение созданному Министерству торговли и промышленности. В Семиреченской области, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве органы фабричной инспекции сформированы не были. В Закаспийской области их функции выполнял инженер по горной части при начальнике области. В круг обязанностей областных механиков (инженеров) входил контроль за исправным состоянием паровых котлов на фабричных предприятиях, начисление котельного сбора и контроль за его поступлением (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 149).

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что в процессе формирования финансово-налоговых органов Туркестанского генерал-губернаторства можно выделить два этапа. Первый из них – этап становления (1867–1882 гг.) был связан с деятельностью генерал-губернатора К.П. Кауфмана. В ситуации территориальной отдаленности Туркестанского края от политического центра страны, недавно завершившегося его присоединения к Российской империи и слабой интегрированности в экономику государства генерал-губернатору были делегированы верховной властью широкие финансовые свободы. С этим была связана инертность региональных органов власти в вопросе формирования казенных палат и казначейств.

С конца 80-х гг. XIX в. наблюдается стремление имперских властей унифицировать структуру финансово-налоговых учреждений Туркестана, привести ее к общеимперским стандартам, ограничив при этом финансовые полномочия, а вместе с ними и автономность генерал-губернатора. На эволюцию финансово-налоговой системы значительное влияние оказали также процессы ее интеграции в общеимперское экономическое пространство, формирование новых отраслей экономики, активное развитие торговли. Немаловажное значение для данного процесса играл и тот факт, что с 90-х гг. XIX столетия правительство взяло курс на повышение рентабельности региона. Это требовало совершенствования структуры, функционала и эффективности работы финансово-налоговых учреждений Туркестанского генерал-губернаторства. В итоге в 1917 г. региональная финансово-налоговая система была представлена следующими учреждениями Министерства финансов (а позднее, с 1905 г., – Министерства промышленности и торговли): Казенной палатой и казначействами, податной инспекцией, акцизным и таможенным управлениями, службой областных механиков.

Литература

Абдурахимова, Рустамова, 1999 – Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент, 1999. 162 с.

Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // Вестник Московского городского педагогического университета. 2015. № 3 (19). С. 27-33.

- [Васильев, 2018](#) – *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.
- [Кененсариев, 1984](#) – *Кененсариев Т.* Экономическая политика царизма в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. 301 с.
- [Лысенко, 2013](#) – *Лысенко Ю.А.* К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // *Известия Алтайского государственного университета.* 2013. № 4–2 (80). С. 176–183.
- [Лысенко, Жанбосинова, 2019](#) – *Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С.* Система государственного налогообложения городского недвижимого имущества в центральноазиатских окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) // *Известия Алтайского государственного университета,* 2019. № 5(109). С. 49–54.
- [Материалы по истории политического..., 1960](#) – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 560 с.
- [Мигунова, 2008](#) – *Мигунова Т.Л.* Создание казенной палаты и ее функции (по материалам «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи») // *Вестник академии экономики и безопасности МВД России.* 2008. № 4. С. 116–120.
- [Отчет по ревизии..., 1910](#) – Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления. Спб., 1910. 301 с.
- [Отчет ревизирующего..., 1883](#) – Отчет ревизирующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. Спб., 1883. 463 с.
- [Правилова, 2006](#) – *Правилова Е.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917 гг. М., 2006. 453 с.
- [Погребинский, 1954](#) – *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. XIX–XX вв. М., 1954. 268 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Сапелкин, 1963](#) – *Сапелкин А.* Налоговая политика царизма в Киргизии / *Материалы по истории и экономике Киргизии.* Фрунзе, 1963. С. 27–74.
- [Сидоров, 1960](#) – *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны 1914–1917. М., 1960. 579 с.
- [Янченко, Андреев, 2018](#) – *Янченко Д.Н., Андреев А.А.* Тезисы всеподданнейшего отчета сенатора К.К. Палена о ревизии в Туркестане: от черновых записок к заседанию совета министров // *История. Серия гуманитарные науки.* 2018. № 11/12. С. 29–36.
- [Lysenko, 2020](#) – *Lysenko Yu.A.* Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) // *Bylye Gody.* 2020. Vol.56. Is. 2. pp. 7090720.

References

- [Abdurakhimova, Rustamova, 1999](#) – *Abdurakhimova, N.A., Rustamova, G.K.* (1999). Kolonialnaya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v. [Colonial system of power in Turkestan in the second half of the XIX – first quarter of the XX century]. Tashkent, 162 p. [in Russian]
- [Alimdzhанov, 2016](#) – *Alimdzhанov, B.A.* (2016). Nalogovaya politika Rossiyskoy imperii v turkestanskom general-gubernatorstve. [Tax policy of the Russian Empire in the Turkestan General Government]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.* 3(19): 27–33. [in Russian]
- [Kenensariyev, 1984](#) – *Kenensariyev, T.* (1984). Ekonomicheskaya politika tsarizma v Kirgizii v kontse XIX – nachale XX vv. [The economic policy of tsarism in Kyrgyzstan in the late 19th – early 20th centuries]. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 301 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2013](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2013). K voprosu o nalogovoy politike Rossiyskoy imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva. [On the issue of the tax policy of the Russian Empire in relation to the Kazakh society]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4–2(80): 176–183. [in Russian]
- [Lysenko, 2020](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2020). Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century). *Bylye Gody.* 56(2): 709–720. [in Russian]
- [Lysenko, Zhanbosinova, 2019](#) – *Lysenko, Yu.A., Zhanbosinova, A.S.* (2019). Sistema gosudarstvennogo nalogooblozheniya gorodskogo nedvizhimogo imushchestva v tsentralnoaziatskikh okrainakh Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.). [The system of state taxation of urban real estate in the Central Asian outskirts of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* 5(109): 49–54. [in Russian]
- [Materialy po istorii politicheskogo..., 1960](#) – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960, Vol. 1, p. 560. [in Russian]
- [Migunova, 2008](#) – *Migunova, T.L.* (2008). Sozdaniye kazennoy palaty i eye funktsii (po materialam «Uchrezhdeniy dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii»). [Creation of the treasury chamber and its functions (based on the materials of "Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire")]. *Vestnik akademii ekonomiki i bezopasnosti MVD Rossii.* 4: 116–120. [in Russian]

Otchet po revizii..., 1910 – Otchet po revizii Turkestanskogo kraya grafom K.K. Palenom. Nalogi i poshliny. Organy finansovogo upravleniya. [Report on the audit of the Turkestan region by Count K.K. Palen. Taxes and duties. Financial management bodies]. St. Petersburg, 1910, 301 p. [in Russian]

Otchet reviziruyushchego..., 1883 – Otchet reviziruyushchego. po Vysochayshemu poveleniyu. Turkestanskiy kray. taynogo sovetnika Girsy. [Auditor's report. by the Highest command. Turkestan region. Secret Advisor Gears]. St. Petersburg, 1883, 463 p. [in Russian]

Pogrebinskiy, 1954 – *Pogrebinskiy, A.P.* (1954). Ocherki istorii finansov dorevolutsionnoy Rossii. XIX–XX vv. [Essays on the history of finance in pre-revolutionary Russia. XIX–XX centuries]. Moscow, 268 p. [in Russian]

Pravilova, 2006 – *Pravilova, E.* (2006). Finansy imperii: Dengi i vlast v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh. 1801–1917 gg. [The finances of the empire: Money and power in Russian politics on the national outskirts. 1801–1917]. Moscow, 453 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [Russian State Historical Archives].

Sapelkin, 1963 – *Sapelkin, A.* (1963). Nalogovaya politika tsarizma v Kirgizii. [Tax policy of tsarism in Kyrgyzstan]. Materialy po istorii i ekonomike Kirgizii. Frunze, pp. 27-74. [in Russian]

Sidorov, 1960 – *Sidorov, A.L.* (1960). Finansovoye polozheniye Rossii v gody pervoy mirovoy voyny 1914–1917. [The financial situation of Russia during the First World War 1914–1917]. Moscow, 579 p. [in Russian]

Vasilyev, 2018 – *Vasilyev, D.V.* (2018). Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v. [The burden of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow, 636 p. [in Russian]

Yanchenko, Andreyev, 2018 – *Yanchenko, D.N., Andreyev, A.A.* (2018). Tezisy vsepoddanneyshego otcheta senatora K.K. Palena o revizii v Turkestane: ot chernovykh zapisok k zasedaniyu soveta ministrov. [Senator K.K. Palen on revision in Turkestan: from rough notes to a meeting of the Council of Ministers]. *Istoriya. Seriya gumanitarnye nauki.* 11/12: 29-36. [in Russian]

Эволюция структуры финансово-налоговых органов Туркестанского генерал-губернаторства (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выделяются этапы и особенности формирования финансово-налоговых органов Туркестанского генерал-губернаторства с момента его создания в 1867 г. до революционных событий 1917 г., приведших к кардинальной трансформации политической системы Российской империи. Основными источниками при подготовке статьи выступили материалы двух сенаторских ревизий Туркестанского края, первая из которых, под руководством Ф.К. Гирсы, состоялась в 1881 г., вторая – под руководством К.К. Палена – в 1908 г. Автору удалось выявить, что до 1886 г. структура финансово-налоговых органов региона не соответствовала общеимперским. Это было обусловлено территориальной отдаленностью Туркестанского края от политического центра страны, недавно завершившимся его присоединением к Российской империи и, как следствие, широкими финансовыми свободами региональной власти в лице генерал-губернатора. С конца 80-х гг. XIX в. наблюдается стремление имперских властей унифицировать структуру финансово-налоговых учреждений Туркестана, привести ее к общеимперским стандартам, ограничив при этом финансовые полномочия, а вместе с ними и автономность генерал-губернатора. На эволюцию финансово-налоговой системы значительное влияние оказали также процессы его интеграции в общеимперское экономическое пространство, формирование новых отраслей экономики, активное развитие торговли. Немаловажное значение для данного процесса играл и тот факт, что с 90-х гг. XIX столетия правительство взяло курс на повышение рентабельности региона. Это требовало совершенствования структуры, функционала и эффективности работы налоговых учреждений Туркестанского генерал-губернаторства. В итоге в 1917 г. региональная финансово-налоговая система была представлена следующими учреждениями Министерства финансов (а позднее, с 1905 г., – Министерством промышленности и торговли): Казенной палатой и казначействами, податной инспекцией, акцизными и таможенными учреждениями, областными механиками.

Ключевые слова. Российская империя, Туркестанский край, финансово-налоговая система, казенная палата, казначейство, акциз, таможни.

* Корреспондирующий автор

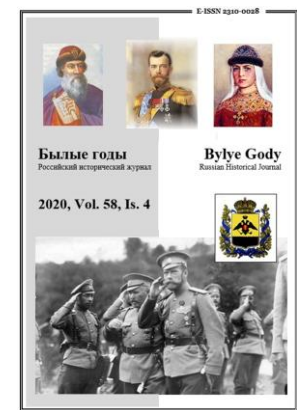
Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2679-2687. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2679
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Solution of the "Polish Question" within the Framework of the Internal Policy of Alexander III

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Roman V. Pyrma ^a, Viktor V. Titov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented research is devoted to the topic of the policy of Alexander III in the framework of the solution of the "Polish question". The purpose of this work is to assess the effectiveness of the emperor's policy aimed at integrating Polish territories into the common space of the empire. The methodology of the work is built on the basis of a combination of elements of descriptive, structural and comparative analysis. The authors conclude that the policy of Alexander III towards Poland was not built on the basis of xenophobia or adherence to any value systems. In terms of strategic goal-setting, the emperor formulated his point of view regarding the solution of the "Polish question" taking into account two objective factors: first, the growing military threat from the bloc of Germany and Austria-Hungary; secondly, the negative experience of the policy of concessions and liberalization, which his predecessors periodically resorted to.

The emperor planned to achieve the integration of Polish lands into the administrative, cultural and educational space of the empire. To this end, he introduced the practice of monolingual functioning of state institutions and educational institutions. As the main support of the Russian government in the region, he considered the poor and middle peasantry, whose interests were ensured by the state by limiting the privileges of the gentry through the mechanism of easements.

However, the full implementation of the emperor's plans required compliance with such conditions as a large-scale renewal of the administrative apparatus in terms of increasing the general level of competence of its representatives, as well as the allocation of funding sufficient to create a system of universal primary education in Russian and create an infrastructure for the dissemination of Russian culture in the region.

Despite regular requests from local authorities, the political leadership of the empire did not ensure the fulfillment of the indicated conditions. As a result, measures aimed at integrating the region not only did not bring the desired result, but also turned into one of the driving factors in the spread of Russophobia. In the absence of a full-fledged cultural and educational expansion, comparable to the programs implemented by the German authorities in Poznan, the assimilation process actually stopped. Moreover, prohibitive measures regarding the use of the Polish language began to be perceived exclusively as a discriminatory practice devoid of practical meaning. The situation was aggravated by the fact that the political leadership in St. Petersburg ignored the initiatives proposed by local officials regarding the development of economic integration of the region and the "Great Russian" provinces.

As a result, Poland's isolation only strengthened, and even more favorable preconditions for the development of aggressive forms of nationalism emerged on its territory.

Keywords: Alexander III, nationality policy, "Polish question", Poland, integration, I.V. Gurko, Governor General.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), RVPyрма@fa.ru (R.V. Pyrma), VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

1. Введение

Политика Александра III в отношении Польши традиционно относится к числу тем, активно обсуждаемых не только на научном уровне, но и в политической публицистике. За счет этого объективная картина действий администрации «царя-миротворца» в рамках интеграции Привисленского края закономерно начала искажаться уже в период жизни монарха. Попытки дискредитировать императора со стороны разных групп политической оппозиции (в первую очередь – польских националистов) способствовали демонизации его фигуры (как и российской политики в отношении Польши в целом) в массовой культуре. Последнее способствовало формированию системы негативных стереотипов, сквозь призму которых деятельность Александра III рассматривали уже многие профессиональные историки. Ситуацию усугубила политическая конъюнктура. После революций 1917 г. в России и Польше к власти пришли силы, выстраивавшие идентичность своих наций на основе частичного или полного отрицания наследия империи.

В России отказ от тенденциозной оценки политики Александра III в отношении Польши намечился лишь после демонтажа советского режима. Однако длительное время отечественная академическая традиция находилась под влиянием иной неконструктивной тенденции. Появление возможности объективно оценивать деятельность «царя-миротворца» породило своеобразный эффект сверхкомпенсации. Исследователи акцентировали внимание почти исключительно на его достижениях, заполняя оставленные советскими авторами лакуны в описании правления монарха, но в то же время зачастую игнорируя информацию о допущенных ошибках.

Интерес со стороны экспертного сообщества к выбранной нами теме обуславливает и трансформация политики памяти Польши в последние десятилетия. Вопреки устоявшимся стереотипам, ее основу формирует не только антисоветский, но и русофобский дискурс. В данном случае необходимо подчеркнуть, что речь идет не о позиции академических кругов Польши и в целом сообщества профессиональных историков, а о модели восприятия прошлого, продвигаемой официальными властями «Третьей Речи Посполитой». Последние все более отчетливо демонстрируют стремление к формированию образа России в качестве «исконного врага» Польши, выступающей одновременно и в качестве «бастиона европейской цивилизации», и в роли «жертвы варваров с востока».

В рамках конструирования соответствующих исторических мифов используется в том числе искаженный образ национальной политики Александра III. Последнее способствует не только распространению недостоверной информации, но и росту ксенофобии и усилению напряженности во взаимоотношениях между Россией и Польшей.

Целью представленного исследования является комплексная оценка эффективности политики «царя-миротворца» в рамках решения «польского вопроса».

2. Материалы и методы

Источниковая база работы была сформирована в первую очередь за счет привлечения архивных материалов. При написании исследования были использованы дела, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, в фонде «Канцелярия Варшавского генерал-губернатора») и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В последнем случае для подготовки исследования авторы обращались к документам, хранящимся в фондах департамента общих дел Министерства внутренних дел, (канцелярия министра внутренних дел и личный фонд министра просвещения И.Д. Делянова). Помимо того, для создания статьи привлекались опубликованные сборники циркуляров и распоряжений главы МВД в отношении губернаторов, законодательные акты и источники личного происхождения в виде мемуаров А.И. Деникина и воспоминаний В.И. Гурко (сына генерал-губернатора Привисленского края).

Приступая к освещению заявленной темы, предварительно также необходимо дать пояснения относительно используемых далее терминов. Под термином «польский вопрос» в данном исследовании подразумевается комплекс проблем, связанных с низким уровнем лоялизма и высоким уровнем сепаратизма среди населения части Польши, вошедшей в состав России по итогам наполеоновских войн. При помощи понятия «Привисленский край» в 1867–1917 гг. обозначали объединенные в административном плане (подчиненные генерал-губернатору) 10 губерний на западе Российской империи – Варшавскую, Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Сувалкскую и Седлецкую. Данный регион граничил с так называемым Западным краем. В состав последнего входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская и Киевская губернии, для которых также была характерна достаточно высокая доля польского населения (Боханов, 2006: 93-94; Гильфердинг, 2009а: 169).

Методология исследования выстраивается, с одной стороны, на основе принципов историзма и объективности. Использование первого дало возможность наблюдать предмет исследования в динамике и без отрыва от контекста рассматриваемой эпохи, с учетом воздействия всех системно значимых внешних и внутренних факторов. Применение принципа объективности позволило освободить процесс

интерпретации эмпирического материала от воздействия политической конъюнктуры и стереотипов, выработанных в рамках трансляции идеологически окрашенных нарративов.

С другой стороны, в процессе изучения заявленной темы активно комбинировались общенаучные и специальные методы, в частности – дескриптивная, структурная и сравнительная разновидности анализа. Применение дескриптивного анализа позволило комплексно осветить все значимые аспекты темы, демонстрируя закономерности в развитии фиксируемых процессов. Структурный анализ позволил представить предмет исследования как систему взаимосвязанных элементов, вскрыв специфику их взаимодействия между собой. Сравнительный анализ предоставил авторам возможность провести сопоставления изучаемых процессов и явлений как в синхронном, так и диахронном разрезе.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема получила достаточно подробное освещение, однако ее исследование, как правило, проходило в русле апологии конкретной политической традиции или идеологии (Гильфердинг, 2009а; Корнилов, 1915; Россия и ее западные окраины, 1903). Как результат, отдельные аспекты соответствующей проблематики, не вписывающиеся в конкретную концепцию, либо оценивались с субъективных позиций, либо оставались за пределами поля научных публикаций.

В советский период степень изученности темы выросла в первую очередь за счет введения в научный оборот новых источников. Однако в то же время работы, опубликованные в данный период, при высоком уровне фундированности концептуально выстраивались в русле официальной идеологии, которой были присущи примитивизация и демонизация национальной политики Александра III (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970).

В современный период наблюдается процесс переоценки национальной политики Александра III в отношении Польши (Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Кудряшов, 2018; Миллер, 2007). Однако при этом ряд исследователей не сумели освободить свое восприятие деятельности императора от влияния личной симпатии к монарху как к личности или воплощаемой им (в символической форме) системе ценностей. Естественным следствием этого стало снижение объективности оценок, данных экспертами.

4. Результаты

Обращаясь непосредственно к теме исследования, в первую очередь необходимо отметить, что политика Александра III в отношении Польши выстраивалась во многом под влиянием опасений, которые монарх испытывал в отношении лояльности жителей Привисленского края. С одной стороны, полицейские чиновники и жандармы регулярно отправляли в Санкт-Петербург отчеты, содержащие упоминания о готовности этнических поляков при любой благоприятной возможности как участвовать в беспорядках, так и открыто поднять восстание, а также консолидации еврейской общины, демонстрирующей неприятие национальной политики императора. Соответствующие донесения сопровождалась ремарками относительно военно-стратегического значения и положения края (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 5. Л. 17; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 14, 53, 71). С другой стороны, император помнил о восстаниях 1830–1831 г. и 1863–1864 гг. Опыт его предшественников указывал на то, что, во-первых, польский национализм остается перманентной угрозой для внутривосточной стабильности государства и ее безопасности на внешнеполитической арене. Во-вторых, Александр III был хорошо осведомлен о том, что политика предоставления Польше широкой автономии и разнообразных привилегий, проводимая в период начала ее пребывания в составе империи, не только не способствовала ее «умиротворению», но и во многом сформировала благоприятные условия для начала «ноябрьского восстания» в 1830 г. (Баглай, 2016: 800; Гильфердинг, 2009b: 281-282).

Соответственно, в глазах монарха Привисленский край представлял собой потенциальный источник опасности, продуцируемой низким уровнем лояльности местного населения к империи и принципиально не устранимой посредством политики уступок польским националистам.

Заключение в октябре 1879 г. альянса между Германией и Австро-Венгрией и присоединение к их блоку в 1882 г. Италии превращало Привисленский край в потенциально главный театр боевых действий против войск блока Габсбургов и Гогенцоллернов. Именно поэтому в период пребывания на престоле Александра III фортификационные сооружения в Польше начали экстренно достраиваться, расширяться и совершенствоваться, что позволило создать оборонительную систему, известную как Варшавский укрепленный район. Ситуацию усугубляло то, что немногочисленное русское и русскоязычное население края (по большей части – чиновники и преподаватели), на лояльность которого могли рассчитывать власти, было сосредоточено преимущественно в крупных городах (Горизонтов, 1999: 34-35).

В этих условиях российский император не мог пренебречь очагами потенциальной смуты на приграничных территориях. Опасность требовалось оперативно устранить, причем «либеральные» варианты решения проблемы, в свете имеющегося опыта, представлялись априори бесперспективными.

Также необходимо понимать, что политика Александра III в отношении Польши была во многом закономерным продолжением курса, проводимого его отцом с середины 1860-х гг. В данном случае важно отметить, что после восстания 1863–1864 гг. Александр II последовательно осуществлял политику интеграции бывшего Царства Польского в общее пространство империи. На его территорию было распространено действие военной и судебной реформ. Император также ликвидировал административную автономию региона, лишил его права на формирование собственного бюджета, упразднил Государственный и Административный советы, встроил местные органы власти в структуру ведомственной вертикали с расположенными в Петербурге министерствами во главе. Главная школа была реорганизована в 1869 г. в Варшавский университет, начался полноценный переход системы среднего и начального образования к преподаванию на русском языке (польский начал использоваться в государственных учебных заведениях лишь в факультативном формате) (Вортман, 1999: 237; Гурко, 1897: 51; Дякин, 1995: 134).

Соответственно, в рамках решения «польского вопроса» Александр III во многом лишь продолжил курс своего отца, действуя в условиях намного более сложной международной обстановки.

Император полагал, что устранить угрозу для безопасности государства можно лишь посредством развития интеграции региона в общее административное и культурное пространство Российской империи.

Генерал-губернатор края И.В. Гурко следующим образом обозначил цель, поставленную перед ним императором на момент вступления в должность в 1883 г.: «уничтожить обособленность Царства Польского и сблизить общественную жизнь его с общеимперской жизнью путем постепенного установления таких учреждений, которые бы в состоянии были обновить весь гражданский быт Царства Польского» (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2).

Одновременно И.В. Гурко декларировал и ряд моментов, отражавших специфику восприятия ситуации в Привисленском крае монархом. «Реформы 1860–70-х гг. повлияли [положительно]...», – писал генерал-губернатор. – «В правительственном смысле Польша перестала существовать как обособленная часть империи... Однако духовное обособление Польши не прекратилось. ... Польское общество и ныне чуждо России по духу. ... Поляки должны знать, что вопрос об их политическом будущем разрешен бесповоротно, что они навсегда останутся русскими подданными. ...Последовательность действий должна быть усилена. ...Уступки и мягкость, не примиряя польского общества с Россией, т.к. нет таких уступок, которые бы могли быть признаны польскими руководящими слоями достаточными, лишь бесконечно отдаляли бы политическое перевоспитание Польши» (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2, 11, 13).

Политика интеграции края и остальной части империи реализовывалась (в соответствии с прямыми указаниями монарха) генерал-губернаторами, концентрировавшими в своих руках контроль над органами гражданского и военного управления в регионе, в то время как за мероприятия, связанные с культурно-образовательной интеграцией, отвечал попечитель Варшавского учебного округа. Впрочем, на практике четкое разграничение их функций зачастую отсутствовало. Многие государственные учреждения находились в двойном подчинении – по линии как МВД, так и Министерства просвещения. Естественным следствием этого стало широкое распространение межведомственных конфликтов, провоцировавшее соперничество между генерал-губернатором и попечителем учебного округа. Последнее закономерно снижало эффективность решения задач, поставленных перед ними монархом (Кудряшев, 2018: 99; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017: 203; Спасович, Пильц, 1903: 29).

На протяжении большей части пребывания Александра III на троне Привисленским краем управлял «тандем» генерал-губернатора И.В. Гурко (занимавшего пост в 1883–1894 гг.) и попечителя учебного округа А.Л. Апухтина (назначенного на должность в 1879 г. и покинувшего ее в 1897 г.). Последний, хотя и пребывал в чине тайного советника в структуре Министерства народного просвещения, также являлся кадровым военным: ряды армии он покинул только в 1876 г. в звании генерал-майора (Миллер, 2007: 341).

Под руководством и во многом по инициативе И.В. Гурко и А.Л. Апухтина властями Привисленского края были реализованы следующие меры.

Во-первых, были введены ограничения на владение землей в Западном крае подданным, относящимся к числу этнических поляков. Тем самым фактически ограничивался рост численности польского и католического населения в Белоруссии и на Украине, обеспечивая сохранение самобытности их населения и минимизируя перспективы возникновения там очагов восстания (Гурко, 1897: 87; Майорова, 2012: 112).

Во-вторых, в юридической системе региона были закреплены нормы сервитутного права, ограничившие для помещиков возможность эксплуатации находящихся в их собственности земель, которые одновременно использовались местными крестьянами (например, выгонов для скота). Политическая логика этого решения заключалась в том, что шляхта рассматривалась российскими властями как априори нелояльный политический слой, в то время как в местном крестьянстве

руководство империи видело свою главную опору в крае еще с 1860-х гг. (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 406. Л. 72; Гурко, 1897: 144).

В-третьих, была ограничена деятельность католических гимназий и т.н. «латинских» религиозных братств (что было связано с широкой поддержкой католическим духовенством предшествовавших восстаний). В ноябре 1888 г. И.В. Гурко издал указ, предписывающий регулярно проводить проверки деятельности религиозных организаций. Эта мера была призвана ограничить количество «латинских» братств, однако в итоге их число лишь росло. Лишь в Сейненской диоцезии их количество насчитывало около 480. Ответом на это со стороны властей стало ужесточение политики в отношении неофициально созданных братств: последние начали массово закрывать (Спасович, Пильц, 1903: 92; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 301. Л. 54).

Четвертым элементом политики, проводимой администрацией Гурко–Апухтина под руководством Александра III, стало повсеместное внедрение русского языка в официальном делопроизводстве и максимальное расширение его применения в процессе преподавания. Так, в соответствии с законом от 5 марта 1885 г. преподавание всех предметов, за исключением «закона божьего» и родного языка, велось исключительно на русском. В последних двух случаях использование национального языка также признавалось лишь возможным (Рождественский, 1902: 539-542). В силу этого местные администрации получали возможность организовать преподавание польского языка также исключительно на русском. В частности, данный подход практиковался во Вроцлавском реальном училище. Как вспоминал впоследствии обучавшийся в нем А.И. Деникин, «“закон божий” католический ксендз обязан был преподавать полякам на русском языке, польский язык считался предметом необязательным, экзамена по нему не проводилось, и преподавался он также на русском языке... В стенах училища строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям» (Деникин, 1991: 12).

Одновременно были предприняты значительные усилия по расширению контроля над социальным и политическим активизмом в крае, проявившиеся, в первую очередь, в ужесточении надзора за проведением собраний и работой прессы, а также увеличении числа случаев привлечения к уголовной ответственности обвиняемых в совершении политических преступлений. Соответствующий период во внутривластной жизни Привисленского края совпадает с пребыванием на посту варшавского обер-полицейстера С.И. Толстого (1884–1888 гг.) и Н.В. Клейгельса (1888–1896 гг.) (Корнилов, 1915: 211).

Наконец, были предприняты масштабные реформы в системе образования. Устав Варшавского университета был по большей части приведен в соответствие с общероссийскими установлениями. Были запрещены объединения студентов, не имевшие научного характера. Среди преподавателей увеличилась доля русских, «обрусевших», православных и в целом «благонадежных» подданных. В 1885 г. структура контрольно-надзорных органов была дополнена за счет появления должности инспектора начальных школ. Одновременно было существенно увеличено финансирование среднего и высшего образования, причем вновь полученные средства были в том числе использованы для заметного увеличения оплаты труда преподавателей (Спасович, Пильц, 1903: 85; Урусов, 1896: 395, 397).

Важно отметить, что власти оставили без должного внимания предложения варшавского обер-полицейстера Н.Н. Бутурлина, сформулированные им незадолго до вступления Александра III на престол. Как отмечал чиновник, польское население Привисленского края можно было интегрировать в империю за счет «силы русского рубля». Н.Н. Бутурлин подчеркивал, что размер податей в русской части Польши заметно более низок, чем в Австрии и Германии. По мнению обер-полицейстера, положительный эффект от этого мог быть расширен за счет развития экономической интеграции с «великоросскими губерниями». С этой целью Н.Н. Бутурлин предлагал создать в Варшаве ярмарку по аналогу Нижегородской, масштабировать практику проведения выставок промышленных товаров из Польши и в целом способствовать превращению России в основной рынок сбыта продукции для польских фабрикантов (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15-17).

В целом система мер, предпринятых политическим руководством империи, не принесла ожидаемых результатов.

В значительной степени причиной провала политики по интеграции края стали: 1) низкий уровень профессионализма и мотивации русских чиновников низшего и среднего звена (составлявших к концу правления Александра III 36 % кадров местного административного аппарата) и 2) постоянно ощущавшаяся нехватка финансирования.

Оценивая итоги правления своего предшественника, новый генерал-губернатор края князь А.К. Имеретинский писал в 1897 г. в отчете для императора, что «русская» часть бюрократического корпуса края «оставляет желать лучшего в отношении образовательного уровня, нравственных качеств, служебного такта». Также генерал-губернатор отмечал наличие у многих чиновников, прибывших в край из «метрополии», предвзятого отношения к польскому населению: «...в каждом поляке он (чиновник) видит покоренного, но злейшего врага государства и своего личного». Одновременно представители бюрократии заметно уступали по уровню образования местной интеллигенции и шляхетским кругам, что способствовало закреплению в их среде негативных стереотипов относительно русских. Важно отметить, что оценка качества кадров региональной

бюрократии, данная генерал-губернатором в 1897 г., почти полностью совпадает с мнением Н.Н. Бутурлина, озвученным в 1881 г. (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15, 162).

По мнению генерал-губернатора, причиной низкого качества кадров административного корпуса стала работа механизма отрицательного отбора, сформированного за счет сочетания двух факторов. С одной стороны, на территории края не действовал образовательный ценз для замещения должностей, с другой – размер служебных окладов чиновников в большинстве случаев колебался в пределах от 250 до 1,5 тыс. рублей в год, что позволяло оценивать его как «ничтожный». Система «особых преимуществ» для чиновников, служащих в регионе (включала в себя повышающий коэффициент к жалованью, его индексацию каждые 10 лет и выдачу единовременного пособия в размере «полуторного прогона по классу занимаемой должности», т.е. положенных по регламенту средств на проезд к месту работы), ... В итоге, как отмечал А.К. Имеретинский, на службу в край приезжали преимущественно «те русские люди, которым по невысокому их умственному и нравственному уровню нет места в других частях России...» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 163).

Перманентная нехватка финансирования на реализацию интеграционных программ и сопутствующие нужды была тесно связана с политикой Министерства финансов. Как Н.Х. Бунге (возглавлял ведомство в 1882–1886 гг.), так и И.А. Вышнеградский (пребыл на посту министра с 1887 г. по 1892 г.) в своей политике ориентировались на ликвидацию бюджетного дефицита. И потому любые просьбы увеличить финансирование «польских проектов» вызывали у них стойкое неприятие (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1024. Л. 31; РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 22-23).

И.В. Гурко прямо заявлял о том, что именно «нежелание делать денежные затраты» со стороны Министерства финансов является причиной «неблестящего» положения русской общины в Польше. Равным образом отсутствие должного финансирования стало причиной срыва масштабных проектов администрации края по развитию «русского образования» в начальной школе (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 22-23).

Как рассчитывало руководство края, придание начальному образованию всеобщий характер, с одной стороны, будет способствовать культурной интеграции крестьянской массы Польши в российское общество, с другой – позволит подготовить в массовом порядке кадры будущих солдат в приграничном регионе. «...Сельских школ самое ничтожное количество, и в деле народного образования – это капля в море...», – признавал генерал-губернатор И.В. Гурко. – «Соседи наши уже не озабочены онемечиванием крестьянства в Познани – обязательная школа давно сделала из познанского польского крестьянина не только верноподданного немца, но и надежного солдата... За истекшие пять лет не было принято мер к увеличению числа правительственных школ..., вследствие чего возникает даже вопрос об уменьшении их» (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 272. Л. 8-9, 13-14).

Нехватка финансирования вынудила генерал-губернатора отказаться и от реализации программ по наращиванию мягкой силы путем строительства культурных учреждений (в первую очередь – театров), проведения художественных выставок, наращивания масштабов выпуска литературы на русском языке и т.д. Как итог, чиновники были вынуждены констатировать «бессилие русской жизни наложить свой отпечаток на чуждый по происхождению город» (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 185. Л. 16).

Отсутствие массового образования на русском языке и низкая степень проникновения культуры «метрополии» обусловили ситуацию, при которой русификация образования и делопроизводства обрела лишь формальный характер. К концу правления Александра III доля этнических поляков среди чиновников превышала 50 %, а в структуре педагогического корпуса она составляла более 80 %. Польский язык использовался в качестве разговорного в канцеляриях и при взаимодействии с населением. В учебных заведениях запрет на его применение фактически игнорировался. Как вспоминал А.И. Деникин, «ксендз на уроках бросал для виду только несколько русских фраз, ученики никогда не говорили между собой по-русски» (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 882. Л. 27; Деникин, 1991: 25, 27).

5. Заключение

В целом мы можем признать, что стратегическая линия политики Александра III в рамках решения «польского вопроса» была объективно детерминирована такими факторами, как рост внешней угрозы со стороны альянса Германии и Австро-Венгрии и опыт взаимодействия с польскими элитами, накопленный его предшественниками.

Политика императора не носила откровенно ксенофобского и дискриминационного характера. Монарх желал лишь добиться административной и культурной интеграции Привисленского края. В качестве основной социальной опоры своей власти в регионе он рассматривал крестьянство (наиболее массовую группу населения внутри «Русской Польши») и достаточно последовательно отстаивал его права в рамках конфликта с польской шляхтой.

Однако политика интеграции была лишена достаточного кадрового и финансового обеспечения, что в итоге обрекло ее на провал. Культурная и административная интеграция края в результате свелась скорее к их имитации. Последняя же, в силу очевидной бессмысленности, превратилась в раздражающий фактор для польского населения, выступая в качестве лишнего практического смысла инструмента давления. В отсутствие полноценной экспансии русского языка

системы массового начального образования и связанной с ними культуры введенные ограничения закономерно начали рассматриваться в качестве дискриминационных. При этом политическое руководство империи проигнорировало возможность развития экономической интеграции края и «великорусских» губерний.

Как результат, обособленность Польши лишь укрепилась. Одновременно в крае сформировались еще более благоприятные условия для развития агрессивных форм национализма.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.

Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С 233-244.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.

Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянъя. М., 1897. 377 с.

Деникин, 1991 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М, 1991. 300 с.

Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.

Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.

Корнилов, 1915 – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. 395 с.

Кудряшев, 2018 – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.

Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.

Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.

Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.

Спасович, Пильц, 1903 – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903. 176 с.

Урусов, 1896 – Урусов В.П. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг. М. 1896. 482 с.

References

Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]

Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M. 509 p. [in Russian]

Denikin, 1991 – Denikin, A.I. (1991). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. M. 300 p. [in Russian]

Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

Gil'ferding, 2009a – Gil'ferding, A.F. (2009). Pol'skii vopros [The Polish question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 168-251. [in Russian]

Gil'ferding, 2009b – Gil'ferding, A.F. (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 278-295. [in Russian]

- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradokсы imperskoj politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M. 270 p. [in Russian]
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). Oчерки Privislyan'ya [Sketches of the Privislyan'ya]. M. 377 p. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian politics in Poland from the partitions to the early 20th century]. Petrograd, 395 p. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoj liberal'noi publitsistike 1860-1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]
- Maiorova, 2012** – *Maiorova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M. 284 p. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoj istorii [Russian nationalism in the Romanov Empire]. M. Pp. 332-350. [in Russian]
- Myuller et al., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rozhdestvenskii, 1902** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1902). Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education, 1802-1902]. SPb. 785 p. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903** – *Spasovich, P.* (1903). Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na oчерednye voprosy v Tsarstve Pol'skom [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev, 1903. 176 p. [in Russian]
- Urusov, 1896** – *Urusov, V.P.* (1896). Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii Ministerstva vnutrennikh del, otnosyashchikhsya do gubernatorov, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii, a takzhe do gorodskikh i zemskikh uchrezhdenii s 1858 po 1896 gg. [Collection of circulars and orders of the Ministry of Internal Affairs relating to governors, vice-governors, councilors of provincial boards, governors' offices, provincial printing houses, construction and medical departments, as well as to city and zemstvo institutions from 1858 to 1896]. M. 482 p. [in Russian]
- Vortman, 1999** – *Vortman, R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M. Pp. 233-244. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970** – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M. 444 p. [in Russian]

Решение «польского вопроса» в рамках внутренней политики Александра III

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Роман Васильевич Пырма ^a, Виктор Валериевич Титов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено теме политики Александра III в рамках решения «польского вопроса». Цель данной работы заключается в оценке эффективности политики императора, направленной на интеграцию польских территорий в общее пространство империи. Методология работы выстроена на основе сочетания элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Авторы приходят к выводу, что политика Александра III в отношении Польши не выстраивалась на основе ксенофобии либо приверженности каким-либо системам ценностей. В плане стратегического целеполагания император сформулировал свою точку зрения относительно решения «польского вопроса» с учетом двух объективных факторов: во-первых, нарастания военной угрозы со стороны блока Германии и Австро-Венгрии; во-вторых, негативного опыта политики уступок и либерализации, к использованию которой периодически прибегали его предшественники.

Император планировал добиться интеграции польских земель в административное и культурно-образовательное пространство империи. С этой целью он внедрял практику монолингвального функционирования государственных учреждений и учебных заведений. В качестве основной опоры российской власти в крае он рассматривал бедное и среднее крестьянство,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), RVPyrma@fa.ru (Р.В. Пырма), VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

чьи интересы государство обеспечивало посредством ограничения привилегий шляхты через механизм сервитутов.

Однако полноценная реализация планов императора требовала соблюдения таких условий, как масштабное обновление административного аппарата с точки зрения наращивания общего уровня компетенций его представителей, а также выделение финансирования, достаточного для создания системы всеобщего начального образования на русском языке и создания инфраструктуры распространения российской культуры в регионе.

Несмотря на регулярные просьбы со стороны местных властей, политическое руководство империи так и не обеспечило выполнение обозначенных условий. Как результат, меры, направленные на интеграцию региона, не только не принесли желаемого результата, но и превратились в один из движущих факторов распространения русофобии. В отсутствие полноценной культурно-образовательной экспансии, сопоставимой с программами, реализуемыми немецкими властями в Познани, процесс ассимиляции фактически прекратился. Более того, запретительные меры относительно использования польского языка начали восприниматься исключительно как дискриминационная практика, лишённая практического смысла. Ситуацию усугубляло то, что политическое руководство в Санкт-Петербурге игнорировало предлагаемые чиновниками на местах инициативы относительно развития экономической интеграции края и «великорусских» губерний. Как следствие, обособленность Польши лишь укрепилась, на ее территории сложились еще более благоприятные предпосылки для развития агрессивных форм национализма.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «польский вопрос», Польша, интеграция, И.В. Гурко, генерал-губернатор.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2688-2697. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2688
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases

Lyubov N. Shchankina ^{a,*}, Irina A. Fedorova ^a, Ilya V. Tyurin ^a

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the activities of the body of the highest court specially created in the Senate to consider the most important political cases that used to fall within the competence of the 1st branch of the 5th department of the Senate. The special presence of the Governing Senate was established on June 7, 1872. From the moment of creation until the 90s. XIX century. this institution survived two independent stages. During this time the institution survived two independent stages. The first covers 1874–1879, when cases on charges of revolutionary propaganda prevailed. The trials were constantly monitored by the Government, and the practice of the court showed a tendency to reduce the procedural guarantees of the defendants. In most cases, the cases of the Special Presence were heard in public meetings, official records were issued, the defendants' speeches were usually of a propaganda nature and generated a wide political resonance in society. The second stage, 1881–1890, is connected with the movement of people organized into the party «People's Will». At this time, there was a decline in the revolutionary situation and the government changed its political course to a new, highly reactionary one. In the practice of the presence of this time, publicity and publicity were effectively abolished, and competition was severely limited. All the sentences handed down in the cases of the People's Islamic terrorists were as severe as possible. According to historians, even the military court during this period was «... much more humane than the court of gentlemen senators». Until the revolution of 1905–1907, the special presence of the Senate existed nominally and was eliminated only by the February Revolution on March 5, 1917.

Keywords: Russian Empire, Special presence of the Governing Senate, political affairs, supreme judicial body.

1. Введение

В системе высших государственных органов Российской империи пореформенного периода Правительствующий сенат занимал особое место. Будучи сложным по структуре, это учреждение выполняло разнообразные функции, одновременно являясь высшим судом, органом надзора и административным органом. В его составе действовали несколько самостоятельных коллегий (департаментов), соединенных присутствий и общих собраний с различной юрисдикцией, а также высший суд по политическим делам, где прошло большинство крупнейших политических процессов второй половины XIX в. Особое присутствие, формально соблюдая нормы судебной процедуры, на практике выступало послушным орудием высшей администрации и лично императора, служа одним из основных инструментов самодержавия в его борьбе с народничеством.

Целью работы является анализ деятельности Особого присутствия Сената как высшего суда Российской империи по политическим делам. Хронологические рамки работы охватывают 1860–1890 гг. Нижняя граница обусловлена тем, что в Российской империи периода 60–70-х гг. XIX в. сформировалось

* Corresponding author

E-mail addresses: schankina@yandex.ru (L.N. Shchankina), newlow@yandex.ru (I.A. Fedorova), tyurin.iv@rea.ru (I.V. Tyurin)

и активно действовало революционное народничество. Верхняя хронологическая граница ограничивается 1890 гг. и связана с последним процессом, проходившим в Особом присутствии.

2. Материалы и методы

Огромный комплекс документальных источников, отражающих деятельность Особого присутствия Правительствующего сената, хранится в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. В первую очередь, это относится к фондам Сената, находящимся в Российском государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга. Документы Сената исследуемого периода составляют в нем 23 самостоятельных фонда. Важную группу документов, отражающих историю Сената, содержат фонды Государственного архива Российской Федерации г. Москвы. Первостепенное значение имеет хранящийся в нем фонд «Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах» (Ф. 112). Законодательный материал, относящийся к теме, также сосредоточен в «Полном собрании законов Российской империи». Ценными источниками являются материалы воспоминаний чинов Сената и политических деятелей (А.Ф. Кони, Д.А. Милютина, А.А. Половцева, Е.А. Перетца и др.). Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и объективности.

Реализация исследовательских задач была осуществлена на основе сбора данных и анализа документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, а также анализа трудов ученых и политических деятелей, погруженных в заявленную проблематику с целью выявления сведений, относящихся к предмету исследования. В работе использован формально-юридический метод, предполагающий изучение законодательных актов, касающихся деятельности Особого присутствия Правительствующего Сената на протяжении всей его истории. Структурно-функциональный метод применялся при изучении организации, состава и путей реализации полномочий Особого присутствия Правительствующего Сената. Сравнительный метод использовался при сопоставлении его с системой военных судов. Метод ситуационного анализа позволил изучить суть наиболее важных политических дел уголовного характера. Для обработки данных о количестве политических дел по разным категориям использовались элементы статистического анализа.

3. Обсуждение

Система отправления правосудия в любом государстве всегда является объектом пристального внимания. В отечественной науке чаще всего затрагивались вопросы, связанные с историей, структурой, функциями Сената. Необходимость разработки темы данного исследования обусловлена фрагментарностью и эпизодичностью существующих работ по становлению высшего суда в России по политическим делам. Объясняется это тем, что любые критические оценки могли натолкнуться на цензурные препятствия и вызвать недовольство правительства. Характерно то, что авторы большинства работ по истории Сената второй половины XIX в. были либо сенатскими чиновниками, либо чиновниками Министерства юстиции.

Тем не менее деятельность Сената в качестве высшего суда по политическим делам нашла отражение в трудах дореволюционных исследователей. Темой нескольких книг Н.А. Троицкого являются политические процессы, проходившие в Особом присутствии Сената (Троицкий, 1911; 1976; 1978; 1979; 1983). В книге Н.П. Ерошкина описаны наиболее важные преобразования Сената во второй половине XIX в., перечислены составлявшие его департаменты и присутствия, упоминаются их функции (Ерошкин, 1968). В монографии И.В. Оржеховского затронуты общие проблемы борьбы освободительного движения и правительства, вопросы судебного преследования революционеров-народников, отмечена роль Особого сенатского присутствия в качестве высшего политического суда (Оржеховский, 1982). Некоторые аспекты взаимодействия Сената и Министерства юстиции раскрыты в монографии Н.Н. Ефремовой, в частности показана роль Министерства в создании Особого присутствия Сената (Ефремова, 1983). Процесс Н.Г. Чернышевского, проходивший в Уголовном департаменте Сената, исследован в статье Е.А. Скрипилева (Скрипилев, 1978).

В настоящее время в российской историографии деятельность Правительствующего Сената как высшего судебного органа нашла отражение в многочисленных публикациях и диссертационных исследованиях, но авторы в своих трудах не затрагивали указанную проблематику. Данная работа является попыткой восполнить пробел в российской историко-правовой литературе.

4. Результаты

В Российской империи периода 60–70-х гг. XIX в. сформировалось и активно действовало революционное народничество, которое на протяжении 20 лет после реформы 1861 г. последовательно отстаивало необходимость борьбы с крепостническими пережитками в политическом и социальном устройстве страны. Существовавшие внутри этого движения разные теоретические направления выдвинули различные методы революционной борьбы: от индивидуального террора и тактики заговоров до постепенной массовой агитации среди крестьян.

Основным содержанием внутренней политики царизма в первые пореформенные десятилетия выступало подавление народнического движения. С целью проведения судебных процессов по политическим обвинениям приспособили 5-й уголовный апелляционный департамент Сената. Здесь в течение пяти лет состоялись 16 процессов по обвинениям в государственных преступлениях, связанных с зарождавшимся революционным движением, в том числе дело публициста-революционера М.И. Михайлова, П.Д. Баллода и Д.И. Писарева, дело «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», Н.Г. Чернышевского и др. (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 42-43, 50).

После издания Учреждения судебных установлений и нового Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. использование этого органа для проведения политических процессов стало невозможным. Деятельность департамента была свернута, в 1864 г. в него поступили только четыре политических дела.

Цель правительства состояла в установлении полного и непосредственного контроля верховной власти над политическими процессами и ужесточении карательных мер для подавления революционного народничества. Об этом свидетельствует первый же гласный политический процесс в России – суд над участниками революционной организации «Народная расправа» (так называемое дело нечаевцев), проходивший в Петербургской судебной палате 1 июля – 11 сентября 1871 г. Всего по процессу нечаевцев судебный приговор был вынесен относительно 78 человек. Из них 42 (т.е. больше половины) – были полностью оправданы, 30 – приговорены к разным срокам тюремного заключения (от 7 дней до 1 года 4 месяцев), 2 – сосланы в Сибирь на поселение. И только 4 человека были осуждены на длительные сроки каторжных работ (от 7 до 15 лет) (Государственные..., 1903: 342, 381).

Итоги процесса по делу «Народной расправы» вызвали резкое недовольство царя. По свидетельству управляющего Министерством юстиции О.В. Эссена, Александр II заявил по поводу решения суда: «Срам, как дело решено» (РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 126. Л. 20б.). Ознакомившись с докладом о процессе, он писал 31 августа 1871 г. министру юстиции К.И. Палену, что приговоры, подобные этому, являются «...поощрением к составлению новых заговоров». Министру было приказано «...представить... соображения о том, какие следует принять меры для предупреждения повторения подобных ни с чем не сообразным приговоров» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1. Л. 78). На практике это означало указание на реорганизацию суда по политическим делам.

Министерство спешно разработало соответствующий законопроект. В начале 1872 г. Пален представил «всеподданнейший» доклад, в котором предлагалось полностью «...изъять дела о политических преступлениях из ведения Судебных палат, передать суждение таковых в Правительствующий Сенат» (РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 177. Л. 13). Данный проект послужил основой для создания высшего суда по политическим делам в составе Сената. После обсуждения законопроекта в Государственном совете и Совете министров Александр II 7 июня 1872 г. утвердил новый закон, который юридически выглядел как поправка к Уставу уголовного судопроизводства. При сенатском указе 2 июля 1872 г. была опубликована новая редакция 2-го раздела 3-й книги устава. Этот документ определил учреждение «Особого присутствия для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах Правительствующего Сената» (Полное..., 1875: 808). Ему передавалась основная часть дел о государственных преступлениях, в ведении же судебных палат оставались политические преступления, наказания за которые не влекли за собой лишения или ограничения прав состояния. Их число и значение было ничтожно.

Персональный состав Присутствия назначался императором на один год по представлявшимся министром юстиции спискам в составе первоприсутствующего, пяти сенаторов и сословных представителей (один из губернских и один из уездных предводителей дворянства, один из городских голов городов Европейской России и один из волостных старшин Санкт-Петербургской губернии). Впервые состав Особого присутствия был сформирован при распределении сенаторов по департаментам 1 января и утверждении сословных представителей 10 мая 1873 года.

Судопроизводство в Особом присутствии предусматривало некоторые специальные нормы, которые по своей сути являлись прямым отступлением от Судебных уставов 1864 г. В отличие от прочих, ему было предоставлено право в каждом отдельном случае самостоятельно решать вопрос о публичности и гласности процесса в целом и каких-либо отдельных действий суда (например, допроса свидетелей). Все дела по обвинению в оскорблении членов царствующего дома рассматривались при закрытых дверях. Приговоры Присутствия подлежали обжалованию только в кассационном порядке. Жалобы подсудимых или протесты обвинителя допускались «...лишь относительно нарушения закона или неправильного его толкования при определении преступления и рода наказания» (Полное..., 1875: 811).

Высшей инстанцией при этом выступало Общее собрание гражданского и уголовного кассационных департаментов. Если оно признавало, что имело место нарушение закона, то постановлялся новый приговор, не подлежавший обжалованию. После вынесения окончательного приговора подсудимые могли только подать прошение о помиловании или облегчении участи на высочайшее имя в Особое присутствие Сената. С заключением его членов подобные просьбы через министра юстиции попадали к царю, до получения резолюции которого исполнение приговора приостанавливалось.

Первым делом, которое слушалось в Особом присутствии Сената, оказался процесс членов народнического кружка А.В. Долгушина (9–15 июля 1874 г.). По нему перед судом предстали 12 человек. Девяти из них было предъявлено обвинение в составлении, издании и распространении прокламаций, «...направленных к возбуждению открытого неповиновения верховной власти», 3 – в недонесении об этом властям (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 93. Л. 42-43об.). В результате 6 подсудимых были признаны виновными в издании и распространении прокламаций, 4 – в их хранении, 2 – в недонесении.

Решением Особого присутствия А.В. Долгушин и Л.А. Дмоховский были приговорены к каторжным работам в крепостях на 10 лет, Д.И. Гамов – на 8; И.И. Папин и Н.А. Плотников – к каторжным работам на заводах в течение 5 лет; А. Васильев – к 2 годам 8 месяцам каторги. Однако суд особо ходатайствовал перед Александром II о замене наказания Васильеву двухлетним заключением в работном доме без лишения прав состояния, поскольку в ходе предварительного дознания и судебного следствия он заявил о своем «чистосердечном раскаянии», а также выдал и всех своих товарищей, и тех, кому раздавал прокламации. По оценке суда, он «...главным образом содействовал раскрытию... всех действий преступной организации» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 93. Л. 320). Это представление о смягчении участи было удовлетворено.

Остальные подсудимые были приговорены к аресту «при полиции» или в тюрьме на сроки от 3 дней до 2 месяцев. Приговор Особого присутствия вступил в законную силу и был приведен в исполнение, несмотря на попытки добиться его пересмотра (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 92. Л. 362, 366, 375). Единственное исключение составил приговор Гамову: наказание ему было смягчено заключением на год в крепость и затем ссылкой.

Сразу же после начала деятельности Особого присутствия перед правительством встали вопросы о необходимости ограничения числа дел, относящихся к его компетенции, выделения определенной категории политических процессов, которые подлежали бы суду Сената. Второе дело, рассмотренное Присутствием в октябре 1874 г. не имело политического значения. В ходе судебного разбирательства было установлено, что обвиняемый тамбовский мещанин Н. Варзин произнес в ходе разговора в бане: «...не мирового судью нужно повесить, а государя-императора» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 89. Л. 550б.). Он был приговорен к лишению прав состояния и ссылке в отдаленнейшие места Сибири, однако Сенат ходатайствовал перед царем о замене наказания заключением в смиренном доме на 4 месяца.

Очевидно, что слушание подобных дел в высшем суде империи, созданном для подавления революционного движения, было неоправданно. По предложению министра юстиции Палена, утвержденному царем 9 мая 1878 г., дела по политическим преступлениям снова были переданы судебным палатам в усиленном составе с участием сословных представителей, а к ведению Присутствия отнесены только те из них, относительно которых имелось специальное «высочайшее повеление» (Полное..., 1880: 335).

Тогда же окончательно сложился порядок производства дел Присутствия. Как правило, все дела до суда проходили две стадии: дознание в губернском жандармском управлении; предварительное следствие одного из членов окружной судебной палаты, ежегодно назначавшегося царем для ведения особо важных дел. Исключение из этого порядка за всю историю Присутствия составили только три дела 1877 г., которые по распоряжению Александра II проводились без предварительного следствия: дело о демонстрации у Казанского Собора, «Процесс 50-ти» и дело обвинявшихся в революционной пропаганде В.С. Ивановского, В.М. Ионова и В.П. Павлова. Проведение названных процессов царь стремился организовать как можно быстрее, но соблюдение законных форм следствия этому мешало.

По окончании следствия дело передавалось в Министерство юстиции. Министр докладывал его обстоятельства царю, который лично определял подсудность. Если дело подлежало рассмотрению сенатского Присутствия, то все его материалы, включая обвинительный акт и заключение министра, поступали к его производству, которое соответствовало нормам, принятым в сенатских департаментах: докладывал один из сенаторов, а затем все члены коллегии принимали совместное решение.

Непосредственно после создания Особое присутствие развернуло активную деятельность. За период с июля 1874 г. по январь 1877 г. (год и пять месяцев) оно провело 16 политических процессов. По свидетельству министра юстиции Палена, «...число поступающих на рассмотрение Особого присутствия дел... далеко превзошло первоначальные ожидания и с течением времени стало из года в год увеличиваться...» (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 39. Л. 60б.). Показательна и оценка высшим руководством значения Присутствия как основного орудия борьбы с революционным движением в этот период. В марте 1877 г. первоприсутствующий в нем сенатор К.К. Петерс писал статс-секретарю А.В. Головину: «Особое присутствие должно будет просуществовать не только в текущем году, но, вероятно, еще многие годы ввиду постоянно возникающих новых дознаний о государственных преступлениях с большим числом обвиняемых...» (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 39. Л. 10б.-2).

Состав учреждения по-прежнему формировался из наиболее консервативных, а главное, послушных правительству сенаторов. Как свидетельствовал П.Л. Лавров, «...эти смелые витязи чиновничества и лакейства» не останавливались перед прямым нарушением важнейших процессуальных судебных норм. Например, на процессе В.М. Дьякова – А.И. Сирякова, обвинявшихся

в пропаганде среди рабочих Выборгской стороны и солдат Московского полка, суд отказал защите в ознакомлении с основными материалами обвинения. В качестве улик были предъявлены только обложки книг, содержание которых составляло основу обвинения (Лавров, 1935: 84).

Характерной особенностью политических процессов, проходивших в Особом присутствии, служила, по словам А.Ф. Кони, «...далеко не полная гласность их производства» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 195. Л. 60б.). Ограничения гласности предпринимались по решению членов Присутствия. Так, при подготовке «Процесса 193-х» Комитет министров в марте 1875 г. решил, что открытый процесс произведет большее впечатление на общество и позволит дискредитировать в его глазах революционное движение в целом (Татищев, 1911: 459). В то же время были предприняты меры предосторожности. Для проведения процесса отводилось тесное помещение, а избранная публика допускалась по специальным именованным билетам. Обвиняемые отреагировали на подобную псевдопубличность массовым бойкотом суда: 120 из них заявили, что не желают участвовать в заседаниях. Кроме того, в ходе заседаний Присутствия подсудимые систематически заявляли о непризнании суда и первоприсутствующий был вынужден неоднократно удалять их из зала, а затем их вообще перестали приводить в суд.

При этом имела часть подсудимых, не примкнувших к бойкоту, но подавляющее большинство постоянно протестовало против действий суда, а И.Н. Мышкин от имени всех обвиняемых произнес выдающуюся революционную речь, которая стала событием в истории политических процессов. В ней он дал убийственную характеристику судебной процедуре Особого присутствия, в частности заявив: «...Сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!» (Троицкий, 1978: 122). Его выступление было прервано, стенограмма прекращена, а для наведения порядка в зале председатель применил вооруженную силу.

Правительству стало ясно, что использовать гласность в своих целях не удалось. Об этом же свидетельствовали итоги процесса: 90 обвиняемых были оправданы, а сроки наказания большинства осужденных были меньше, чем время, проведенное ими под стражей до суда (Татищев, 1911: 551). В связи с неудачей Особое присутствие отказалось от издания отчета о процессе, хотя это официально обещалось в «Правительственном вестнике», и ограничилось публикацией приговора (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 195. Л. 60б.). Таким образом, и публичность, и гласность процесса были крайне урезаны. Сходные приемы применялись при рассмотрении других политических дел.

При проведении политических процессов суд Особого присутствия использовал различные юридические уловки, чтобы вынести максимально суровый приговор. Так, при рассмотрении дела о демонстрации на площади Казанского Собора 6 декабря 1876 г. 18 подсудимых были признаны виновными в том, что приняли участие в действиях толпы, «...собравшейся с целью дерзостного порицания установленного законом образа правления», и в сопротивлении полиции (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 170. Л. 354об.). Однако Уложение о наказаниях не имело статьи, карающей за участие в демонстрации. Тем не менее Особому присутствию путем юридических ухищрений, натянутого толкования и подмены положений об антиправительственных выступлениях удалось квалифицировать упомянутую демонстрацию как «...явное против властей, правительством установленных, восстание с явным насилием и беспорядками» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 170. Л. 419).

В результате данных действий 3 подсудимых были приговорены к каторжным работам на заводах сроком на 15 лет, 2 – в крепостях на 10 лет, 6 – к ссылке в Сибирь на поселение. Относительно прочих подсудимых Сенатское присутствие, объявив надлежащую им меру наказания – различные сроки каторжных работ, предприняло затем шаги скорее политического характера. Суд определил их «...повергнуть монаршему милосердию, с тем, не благоугодно ли будет его императорскому величеству... заменить определенное им по закону наказание...» на рекомендуемое сенаторами (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 170. Л. 358об.). Такая казуистическая формулировка решения, противоречившая приговору, давала возможность царю, проявив милосердие в глазах общества, отменить приговор, которым на каторгу отправлялись люди, не уличенные ни в чем, кроме участия в уличной демонстрации.

В период с 1873 по 1878 гг. подавляющее большинство дел, рассматриваемых в Особом присутствии Сената, было связано с пропагандой и агитацией революционных народников. В некоторых случаях подсудимые одновременно обвинялись в оскорблении величества или антирелигиозных выступлениях. Исключение составило дело «Южно-Российского рабочего союза» («Процесс 15-ти», 4 апреля – 15 июня 1878 г.). Обвинение в революционной пропаганде имело в нем второстепенное значение, главным же пунктом было признание подсудимых виновными в «...принадлежности к противозаконному сообществу, составленному для ниспровержения, в более или менее отдаленном будущем существующего правительства...» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 190. Л. 235-235об.). Это было первое дело такого рода в практике Присутствия; проходило оно при закрытых дверях, так как правительство боялось признать распространение революционных идей среди рабочих.

К началу 1880-х гг. Особое присутствие не было приспособлено для вынесения в массовом порядке приговоров, связанных с применением смертной казни. Самодержавие же в этот момент пыталось физически расправиться с народническим движением, вставшим на путь терроризма. Этим

и объясняется издание 9 августа 1878 г. закона «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц в ведение военного суда, установленного для военного времени» (Полное..., 1880: 89). Данный временный акт действовал вплоть до 1917 г. и значительно ограничил компетенцию Особого присутствия Сената.

Военные суды были полностью лишены гласности, публичности и состязательного начала. Ими по всей империи ускоренно, без соблюдения каких-либо правовых норм выносились смертные приговоры. Они могли быть обжалованы только в форме прошений о помиловании, которые в большинстве случаев не имели последствий.

В России конца 70 – начала 80-х гг. XIX в. сложилась вторая революционная ситуация, существенным фактором которой являлась деятельность революционных народников, организованных в партию «Народная воля», созданную в августе 1879 г. Народовольцы начали настоящую войну против самодержавия, в результате которой оно оказалось на грани кризиса. Кульминационным моментом борьбы народовольцев стало цареубийство 1 марта 1881 г. Однако они не смогли воспользоваться временным замешательством правительства из-за слабости сил: значительную их часть к этому моменту уже арестовали, еще до убийства Александра II было схвачено девять членов Исполнительного комитета партии. После данного события начался спад революционной ситуации.

Правительство, оправившись, перешло на новый, крайне реакционный политический курс. Для подавления революционного движения и ликвидации «Народной воли» были мобилизованы все средства, в том числе и судебный террор. Однако по вопросу об использовании именно судебной репрессии относительно народовольцев в правительственных сферах существовали серьезные разногласия. Первоначально Александр III вообще хотел отказаться от суда над обвиняемыми по делу 1-го марта. По свидетельству А.А. Половцова, одна из газет предлагала не назначать адвокатов для защиты на суде. Она была представлена царю, и тот сделал на полях весьма характерную отметку: «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли наконец всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления» (Половцов, 1966: 142).

Отказаться же от судебного разбирательства дела было невозможно из-за общественного мнения. Предложение использовать для этой цели военный суд было одобрено царем. Либерально настроенный военный министр Д.А. Милютин через поддержавшего его министра юстиции Д.Н. Набокова настаивал, что «...неудобно и неблагоприятно повершить столь важное государственное дело в торопях..., в простом заседании Военно-окружного суда...». Им удалось убедить Александра III, что «...прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената» (Милютин, 1950: 30).

Процесс состоялся в Особом присутствии Сената 26–29 марта 1881 г. Шестеро подсудимых: Г.М. Гельфман, А.И. Желябов, Н.И. Кибальчич, Т.М. Михайлов, С.Л. Перовская, Н.И. Рысаков – обвинялись, во-первых, во вступлении «...в тайное сообщество, именуемое себя “русской социально-революционной партией”, имеющее целью ниспровергнуть, посредством насильственного переворота, существующий государственный и общественный строй» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 515. Л. 80); во-вторых – в организации цареубийства 1 марта, и этот пункт обвинительного акта стал впоследствии общим для всех дел народовольцев, проходивших в Присутствии.

В заседании суда участвовала защита, выслушивались речи подсудимых, причем, несмотря на рекомендацию министра юстиции Д.Н. Набокова не давать слова А.И. Желябову, первоприсутствующий Э.Я. Фукс не решился нарушить уставы и предоставил последнему слово (Перетц, 1927: 55). Формально выдерживались принципы публичности и гласности суда. На практике же публичность фактически была сведена на нет организационными мерами. Так, в зал заседаний, кроме свидетелей и близких родственников подсудимых, были допущены корреспонденты русских и иностранных газет, высшие сановники, а также лица, получившие с разрешения прокурора судебной палаты особые билеты. Эти пропуска строго проверялись полицией и, таким образом, доступ в зал суда широкой публике был закрыт.

В итоге членами Особого присутствия все подсудимые были единогласно признаны виновными и приговорены к смертной казни через повешение. Г.М. Гельфман направила Присутствию заявление, где писала о своей беременности. Пятеро осужденных были повешены 3 апреля 1881 г., а относительно нее приведение в исполнение приговора было приостановлено. После судебно-медицинской экспертизы решением Присутствия 1 августа 1881 г. исполнение приговора было отложено «...впредь до получения таких сведений, которые бы указали бы отсутствие беременности или... до истечения срока дней после родов» (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 515. Л. 228-230).

Жестокость решения вызвала широкий общественный резонанс в России и за рубежом. Процесс первоарестованных стал последним, когда в зале суда присутствовали лица, не занимавшие официальных постов. На всех последующих процессах публику составляли исключительно высшие чиновники.

В феврале 1882 г. в Особом присутствии слушалось дело 20 народовольцев. Помимо обвинения в принадлежности к «тайному сообществу, которое ставило своей целью свержение власти», и участия в цареубийстве обвинительный акт содержал целый ряд пунктов. В частности, подсудимые обвинялись в убийстве 4 августа 1878 г. шефа жандармов Н.В. Мезенцева, организации 7 различных

неудавшихся покушений на Александра II в 1879–1881 гг. и 2 кражах денег из разных губернских казначейств (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 512. Л. 12–32). Председательствовал на данном процессе П.А. Дейер, сменивший Э.Я. Фукса, который после процесса первомайцев впал в немилость Александра III. По свидетельству А.Ф. Кони, сенатор Дейер «...охотно принял на себя обязанности первоприсутствующего» и его деятельность на этом посту имела характер «черствого инквизиторства» (Кони, 1966: 207).

Процесс проходил при закрытых дверях, в зал допускалась только небольшая часть высших чиновников, а единственным представителем печати был редактор «Правительственного вестника» Г.П. Данилевский (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 512. Л. 282). Пользуясь этим, председатель суда неоднократно нарушал принцип состязательности, прерывая подсудимых и даже лишая их слова. Приговор суда был чрезвычайно жесток: 10 человек были приговорены к повешению, 5 – к бессрочной каторге, 5 – к двадцати годам каторжных работ (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 512. Л. 285). Только относительно 2 подсудимых суд ходатайствовал о смягчении наказания. Результат процесса вызвал активную кампанию протеста западноевропейской либеральной общественности. Под ее воздействием царь помиловал 9 осужденных на смертную казнь, отменив приговор Присутствия.

Во многом сходным с процессом 20-ти был следующий процесс Особого присутствия – дело по обвинению 17 народолюбцев в организации тайного общества среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии с целью подготовки восстания против помещичьего землевладения. Подсудимые также обвинялись в соучастии в убийстве Александра II и подготовке ряда неудавшихся покушений на него. Решением суда 6 народолюбцев были приговорены к смертной казни, остальные – к каторжным работам. И в этом случае последовало высочайшее помилование: смертную казнь заменили каторгой, сроки остальным заключенным несколько снизили. Вынося максимально жестокий приговор, присутствие как бы оставляло место «для проявления царского милосердия», что было самодержавию политически выгодно, так как укрепляло его авторитет. По словам В.Д. Спасовича, «...к обвинению в участии в цареубийстве юридически приобщается всякий, кто сознательно до него прикоснулся, кто... хотя бы был виноват только советом, пособничеством или даже недонесением» (Спасович, 1901: 249).

Исключительное место в практике Особого присутствия занимает дело 1-го марта 1887 г. Пятнадцать подсудимых по нему обвинялись в принадлежности к террористической фракции партии «Народная воля» и покушении на цареубийство. Данные действия, согласно обвинительному акту, представляли собой только умысел и подготовку покушения. Однако, как отметил Кони, архаичное Уложение о наказаниях 1845 г. «...валило в одну кучу и совершение, и голый умысел по государственным преступлениям, наказывая их одинаково» (Кони, 1966: 313). В соответствии с этим устаревшим принципом и были судимы народолюбцы. Приговором Особого присутствия все они были приговорены к смертной казни. При этом суд ходатайствовал перед Александром III о смягчении наказания (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 646. Л. 177об.-178). Таким образом, высший суд по политическим делам фактически полностью передавал свои функции царю, предоставляя право ему самому решить дело. Особое присутствие как бы слагало с себя судебные полномочия, оставив за собой роль своеобразной консультации по юридическим вопросам при императоре. Это решение отчасти имело прецеденты в некоторых политических процессах, когда участь отдельных подсудимых предоставлялась на усмотрение верховной власти. Однако впервые такое переадресование всего дела произошло именно на процессе 1 марта 1887 г. Император решил дело единолично: 10 подсудимых были помилованы, а относительно 5 (П.И. Андреюшкина, В.Д. Генералова, М.В. Новорусского, А.И. Ульянова, П.Я. Шевырева) сенатский приговор был приведен в исполнение.

Последний процесс Особого присутствия в XIX в. был связан с попыткой возрождения террористической деятельности «Народной воли», предпринятой под руководством С.М. Гинсбург. В закрытом заседании 30 октября 1890 г. суд вынес трем подсудимым смертные приговоры, а двух – приговорил к ссылке в Сибирь. По ходатайству Присутствия царь постановил новое решение: смертная казнь была заменена каторгой и смягчены другие виды наказания (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 643. Л. 250–251об.).

После дела Гинсбург Особое присутствие бездействовало – в это время правительство вообще отказалось от проведения политических процессов, предпочтя административную расправу над революционерами. В связи с этим в 1899 г. была упразднена канцелярия Присутствия, и вплоть до революции 1905–1907 гг. оно существовало лишь номинально. Либеральные юристы кадетского направления с начала 1900-х гг. неоднократно пытались поднимать в печати вопрос об упразднении этого одиозного учреждения (Корф, 1912: 31). Однако правительство сохраняло его без изменений, и ликвидировано оно было только Февральской революцией 1917 г.

5. Заключение

Таким образом, Особое присутствие Правительствующего сената как высший суд Российской империи по политическим делам выступало одним из основных инструментов борьбы самодержавия с революционным движением. Тщательный подбор состава сенаторов позволил правительству использовать Присутствие как наиболее надежный орган судебной репрессии. Сенаторы старательно

выполняли предписания правительства, послушные его рекомендациям, выносили суровые приговоры. Большая часть дел рассматривалась либо за закрытыми дверями либо в присутствии заранее согласной с приговором публики (что противоречило судебным уставам 1864 г.), к тому же отчеты о процессах печатались в сокращенном виде. Осужденный мог обжаловать решение только в кассационном порядке, приговор рассматривался на общем собрании гражданского и уголовного кассационного департаментов Сената. Просьба о помиловании или облегчении участи представлялись министром юстиции государю только при наличии заключения Особого присутствия. Особое присутствие, формально соблюдая основы судебной процедуры, обеспечивало выполнение своей задачи, что позволяло правительству осуществлять через него все важнейшие политические процессы в 70–90-х гг. XIX в. С момента создания и вплоть до 90-х гг. XIX в. в Особом присутствии Сената состоялись 44 процесса.

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Государственные..., 1903 – Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1–3. Т. 1. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений (1825–1876 год). Stuttgart: J. H. W. Diets, 1903. 627 с.

Ерошкин, 1968 – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Ефремова, 1966 – *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг.: Историко-правовое исследование / Академия наук СССР. Институт государства и права; Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1983. 150 с.

Кони, 1966 – *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 2. М.: Изд-во Юридическая литература, 1966. С. 24–209.

Кони, 1966 – *Кони А.Ф.* Триумвиры // Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 2. М.: Изд-во Юридическая литература, 1966. С. 253–328.

Корф, 1912 – *Корф С.А.* Реформа Сената // *Вопросы права.* СПб., 1912. Кн. IX (I). С. 1–32.

Лавров, 1935 – *Лавров П.Л.* Два важных документа // Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8-ми т. Т. 4. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. С. 83–92.

Милютин, 1950 – *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютина. Т. 4 (1881–1882) / Ред. и примеч. П.А. Зайончковского. Текст подгот. к печати и указатель имен сост. К.А. Майковой. М.: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1950. 204 с.

Оржиховский, 1982 – *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

Перетц, 1927 – *Перетц Е.А.* Дневник Е.А. Перетца (1880–1883). М.-Л.: Госиздат, 1927. 172 с.

Полное..., 1875 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1875. Т. 47. Отд. 1-е. 1872. № 50956. 1047 с.

Полное..., 1880 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53. Отд. 2. 1878. № 58778. 346 с.

Полное..., 1880 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53. Отд. 1-е. 1878. № 58489. 464 с.

Половцов, 1966 – *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: В 2-х т. / Под ред. П.А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т. 2. 577 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Скрипилев, 1978 – *Скрипилев Е.А.* Процесс Чернышевского (1862–1864 гг.) // *Советское государство и право.* 1978. № 7. С. 128–136.

Спасович, 1901 – *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин: Stuhr, 1901. 273 с.

Татищев, 1911 – *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование: В 2-х т. Т. 2. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. 672 с.

Троицкий, 1978 – *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М.: Мысль, 1978. 335 с.

Троицкий, 1983 – *Троицкий Н.А.* Народная воля перед царским судом (1880–1894). 2-е изд. доп. и перераб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 424 с.

Троицкий, 1979 – *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895. М.: Мысль, 1979. 352 с.

Троицкий, 1976 – *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. 406 с.

References

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

- Gosudarstvennye..., 1903** – Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii v XIX veke. T. 1-3. T.1. Sbornik izvlechennykh iz ofitsial'nykh izdaniy pravitel'stvennykh soobshchenii (1825–1876 god) [State crimes in Russia in the 19th century. T. 1-3. T.1. Collection of government communications from official publications (1825–1876)]. Stuttgart: J.H.W. Diets, 1903. 627 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – *Eroshkin, N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M.: Vysshaya shkola, 368 p. [in Russian]
- Efremova, 1983** – *Efremova, N.N.* (1983). Ministerstvo yustitsii Rossiiskoi imperii 1802–1917 gg.: Istoriko-pravovoe issledovanie [Ministry of Justice of the Russian Empire 1802-1917: Historical and Legal Research]. Akademiya nauk SSSR. Institut gosudarstva i prava; Otv. red. E.A. Skripilev. M.: Nauka, 150 p. [in Russian]
- Koni, 1966** – *Koni, A.F.* (1966). Vospominaniya o dele Very Zasulich [Memories of the case of Vera Zasulich]. Sobranie sochinenii: v 8-mi t. T. 2. M.: Izd-vo Yuridicheskaya literature, pp. 24-209. [in Russian]
- Koni, 1966** – *Koni, A.F.* (1966). Triumviry [Triumvirs]. Sobranie sochinenii: v 8-mi t. T. 2. M.: Izd-vo Yuridicheskaya literature. Pp. 253-328. [in Russian]
- Korf, 1912** – *Korf, S.A.* (1912). Reforma Senata [Reform of the Senate]. *Voprosy prava*. SPb. Kn. IX (I). Pp. 1-32. [in Russian]
- Lavrov, 1935** – *Lavrov, P.L.* (1935). Dva vazhnykh dokumenta [Two important documents]. Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8-mi t. T. 4. M.: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. Pp. 83-92. [in Russian]
- Milyutin, 1950** – *Milyutin, D.A.* (1950). Dnevnik D.A. Milyutina. T. 4 (1881–1882) [Diary of D.A. Milyutin. T. 4 (1881-1882)]. Red. i primech. P.A. Zaionchkovskogo. Tekst podgot. k pečati i ukazatel' imen sost. K.A. Maikovoi. M.: Gos. ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, 204 p. [in Russian]
- Orzhekhovskii, 1982** – *Orzhekhovskii, I.V.* (1982). Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii (1826–1880 gg.) [Autocracy against revolutionary Russia (1826–1880)]. M.: Mysl', 207 p. [in Russian]
- Peretts, 1927** – *Peretts, E.A.* (1927). Dnevnik E. A. Perettsa (1880–1883) [Diary of E. A. Peretz (1880-1883)]. M.-L.: Gosizdat, 172 p. [in Russian]
- Polnoe..., 1875** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1875. T. 47. Otd. 1-e. 1872. № 50956. 1047 p. [in Russian]
- Polnoe..., 1880** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1880. T. 53. Otd. 2. 1878. № 58778. 346 p. [in Russian]
- Polnoe..., 1880** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1880. T. 53. Otd. 1-e. 1878. № 58489. 464 p. [in Russian]
- Polovtsov, 1966** – *Polovtsov, A.A.* (1966). Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya A.A. Polovtsova: v 2-kh t. [Diary of the Secretary of State A.A. Polovtsov: in 2 vols.]. Pod red. P.A. Zaionchkovskogo. M.: Nauka. T. 2. 577 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv].
- Skripilev, 1978** – *Skripilev, E.A.* (1978). Protsess Chernyshevskogo (1862–1864 gg.) [Chernyshevsky process (1862-1864)]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*. 7: 128-136. [in Russian]
- Spasovich, 1901** – *Spasovich, V.D.* (1901). Sem' sudebnykh rechei po ugolovnym delam (1877–1887) [Seven court speeches on criminal cases (1877–1887)]. Berlin: Stuhr, 273 p. [in Russian]
- Tatishchev, 1911** – *Tatishchev, S.S.* (1911). Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie: v 2-kh t. T. 2 [Emperor Alexander II. His life and reign: in 2 vols. T. 2]. Spb.: Izd. A.S. Suvorina, 672 p. [in Russian]
- Troitskii, 1978** – *Troitskii, N.A.* (1978). Bezumstvo khrastrykh: Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma 1866–1882 gg. [Madness of the brave: Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866-1882] M.: Mysl', 335 p. [in Russian]
- Troitskii, 1983** – *Troitskii, N.A.* (1983). Narodnaya volya pered tsarskim sudom (1880–1894) [Popular will before the tsarist court (1880-1894)]. 2-e izd. dop. i pererab. Saratov Izd-vo Saratovskogo un-ta, 424 p. [in Russian]
- Troitskii, 1979** – *Troitskii, N.A.* (1979). Tsarizm pod sudom progressivnoi obshchestvennosti: 1866–1895 [Tsarism on trial of the progressive public: 1866-1895]. M.: Mysl', 352 p. [in Russian]
- Troitskii, 1976** – *Troitskii, N.A.* (1976). Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoi Rossii. Politicheskie protsessy 1871–1880 gg. [Tsarist courts against revolutionary Russia. Political processes of 1871-1880]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 406 p. [in Russian]

Особое присутствие Правительствующего Сената как высший судебный орган Российской империи по политическим делам

Любовь Николаевна Щанкина ^{а,*}, Ирина Анатольевна Федорова ^а, Илья Владимирович Тюрин ^а

^а Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности специально созданного в составе Сената органа высшего суда для рассмотрения наиболее важных политических дел, которые раньше относились к компетенции 1-го отделения 5-го департамента Сената. Особое присутствие Правительствующего сената учреждено 7 июня 1872 г. С момента создания и вплоть до 90-х гг. XIX в. это учреждение пережило два самостоятельных этапа. Первый охватывает 1874–1879 гг., когда преобладали дела по обвинению в революционной пропаганде. Процессы проходили под постоянным контролем правительства, в практике суда наметилась тенденция к урезанию процессуальных гарантий подсудимых. В большинстве случаев дела Особого присутствия слушались в публичных заседаниях, о них издавались официальные отчеты, речи подсудимых имели, как правило, пропагандистский характер и вызвали широкий политический резонанс в обществе. Второй этап, 1881–1890 гг., связан с движением народников, организованным в партию «Народная воля». В это время произошел спад революционной ситуации и правительство сменило политический курс на новый, крайне реакционный. В практике Присутствия этого времени были фактически упразднены публичность и гласность, резко ограничена состязательность. Все вынесенные приговоры по делам народовольцев-террористов отличались максимальной суровостью. По свидетельству историков, даже военный суд в этот период был «...гораздо более гуманным, чем суд господ сенаторов». Вплоть до революции 1905–1907 гг. Особое присутствие Сената существовало номинально и ликвидировано было только Февральской революцией 5 марта 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя, Особое присутствие Правительствующего сената, политические дела, высший судебный орган.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schanckina@yandex.ru (Л.Н. Щанкина),
newlow@yandex.ru (И.А. Федорова), tyurin.iv@rea.ru (И.В. Тюрин)

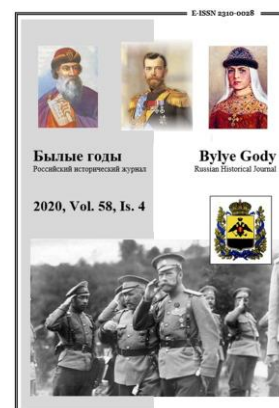
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2698-2707. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2698
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Some Aspects of Demographic Reproduction in Carpathian Ruthenia in the Long Nineteenth Century

Branislav Šprocha ^a, Pavol Tišliar ^{b, c, *}, Vladimír Bačík ^d

^a Centre of Social and Psychological Sciences, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

^b Masaryk university in Brno, Brno, Czech Republic

^c University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

^d Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia

Abstract

Carpathian Ruthenia was a historical territory which is now mostly situated in the Zakarpattia Oblast in Ukraine. During the long nineteenth century, however, it was an integral part of the Kingdom of Hungary. It became a part of interwar Czechoslovakia after the First World War, and after the Second World War it was annexed to the Soviet Union. Regardless of the period or state to which Carpathian Ruthenia belonged, it has always been a peripheral area outside the main thrust of social and economic development. It is this peripherality, combined with unfavourable socio-economic conditions, that could be one of the reasons that Carpathian Ruthenia showed several signs of the old demographic regime for a long time in the twentieth century. The first signs of demographic transition occurred in Hungary at the end of the nineteenth century, and knowing the nature of the demographic reproduction of Carpathian Ruthenia and its possible changes in the second half of the nineteenth century is a key development. Using available data, the aim of the study is to analyse the basic demographic processes and their development over a longer period and to point out some possible differences in comparison with the whole population of the Kingdom of Hungary. The study will focus primarily on the intensity of mortality, fertility, and nuptiality, with an effort to identify their longer developmental trends. It will also analyse some aspects of the timing of marriages and motherhood, as well as the interconnection of nuptiality and fertility processes. For this purpose, the study will construct some basic indicators (crude marriage rate, crude birth rate, and crude mortality rate) as well as some more sophisticated indicators (life tables, total fertility rate, total marriage rate, mean age at marriage, and mean age at birth).

Keywords: Carpathian Ruthenia, demographic reproduction, demographic regime.

1. Introduction

The demographic regime before the onset of the demographic revolution was characterized by a combination of high fertility and mortality rates (Chesnais, 1992; Livi-Bacci, 2001; Pavlík, 1977; Pavlík et al., 1986). Population growth in such a regime was low, and thus the dynamics of population development were slow. All negative external and internal factors determining the emergence of demographic or mortality crises were very negatively reflected in this respect. Subsequently these crises sharply affected population development itself and had a very negative impact on the population. For a long time, Carpathian Ruthenia has had a population characterized by several features of the old demographic regime. While the onset of revolutionary, historically unique, and irreversible changes in reproductive behaviour can be observed in several European countries in the second half of the nineteenth century, in Carpathian Ruthenia these

* Corresponding author

E-mail addresses: tisliar@phil.muni.cz (P. Tišliar), branislav.sprocha@gmail.com (B. Šprocha), vladimir.bacik@uniba.sk (V. Bačík)

transformations began to occur to a greater extent only after the First World War (Shnitzer, 2019; Drozd, Šmigel, 2020; Janto, 2017). The interwar period, during which this territory belonged to Czechoslovakia, also has the best database, which helped deepen research into population development. However, for the period encompassing the nineteenth century and up to the beginning of the First World War, there is incomplete information which to date has not been comprehensively processed and evaluated. Therefore, the main goal of this study is to analyse the available data on the three basic demographic processes (marriage, fertility, and mortality) of the population of Carpathian Ruthenia. This supplements previous research (Šprocha, Tišliar 2017), in which more detailed attention was given to the development of fertility. The period that is analysed in this study was determined by the availability of empirical data and mainly concerns the second half of the nineteenth century and the twentieth century until the beginning of the First World War. Due to the administrative division of Hungary, the territory of Carpathian Ruthenia is presented as data for four counties: Bereg, Máramaros, Ugocsa, and Ung.

2. Data and methods

The basic database for this study was created from data that was regularly published in the statistical yearbooks of the Kingdom of Hungary (Magyar statisztikai évkönyv 1872–1892 and Magyar statisztikai évkönyv – Újfolyam 1893, 1897–1899) during the period from 1866 to 1899, and the kingdom's records of the movement of population (A Magyar Korona..., 1905; A Magyar Szent Korona..., 1907; A Magyar Szent Korona..., 1907, és 1908 évi népmozgalma; A Magyar Szent Korona országainak 1909, 1910, 1911, és 1912 évi népmozgalma; A Magyar Szent Korona országainak 1913–1918) for the period from 1900 to 1918. An equally important source of data for the present study's purposes were the Hungarian censuses for 1880, 1890, 1900, and 1910. From these sources, the authors of this study constructed some basic demographic indicators (crude marriage, mortality, and birth rates, and crude rate of natural increase) as well as some more complex indicators allowing for the analysis of intensity (total marriage rate, total fertility rate, and life expectancy) and the timing of given demographic processes (mean age at marriage and mean age at birth). Linking data from population movements and censuses also made it possible to construct some demographic models. In the case of mortality, life tables were constructed for the analysed counties of Carpathian Ruthenia and the Kingdom of Hungary for the first time. In this study, an abridged period life table with data on age-specific death rates was constructed based on a method suggested by Fergany (1971). The combination of data on population movements and the demographic structure of women by age and marital status from censuses also made it possible to construct Coale indices (Coale, 1969, 1973), indicators for the Coale-Trussell model of fertility (1974), and the singulate mean age at marriage. The Coale indices (especially the ratio of births for married women) and the Coale-Trussell model of fertility allow for an analysis of the level of conscious fertility limitation and thus the sequencing of the spreading of changes in reproductive behaviour within the first demographic transition. The proportion of single women aged fifty (never married) and the value of the singulate mean age at marriage tell us about the overall intensity of nuptiality in the population and the timing of these transitions.

3. Nuptiality

In the old demographic regime, entering into marriage represented an important transition in the life trajectories of young people which had a significant impact on demographic reproduction. Above all, marriage created a space for the legitimate coexistence of partners and, within it, for the birth of legitimate children in terms of widespread religious thinking. It is necessary to realize – and this is confirmed by the empirical results – that during the long nineteenth century, most children in Carpathian Ruthenia were born within marriage, and therefore entry into marriage was a significant factor influencing the length of a woman's fertile period and the total number of births. Marriage created a precondition for the socially recognized coexistence of partners and the birth of their children, and the family emerged as one of the most important multifunctional and irreplaceable social institutions in society. Nuptiality is a demographic process significantly conditioned by a range of social, cultural, and legal norms. The process itself can be analysed from two perspectives. The first is the time when partners enter into marriage, which is most often analysed by mean age at marriage, and the second is the overall intensity of nuptiality and the associated share of people who did not enter into marriage before the end of their reproductive period. In terms of these two aspects, Carpathian Ruthenia can be classified among those populations with a non-European type of marriage behaviour. In the sense of Hajnal's typology (Hajnal, 1965), this was characterized by early and almost universal nuptiality, with only a small part of the population remaining permanently single.

These aspects of marital behaviour in the counties of Carpathian Ruthenia were also confirmed by the European Fertility Project¹ results. The singulate mean age at marriage – the average number of years that women lived as single until the end of the reproductive period (substitution mean age at first marriage) –

¹ The European Fertility Project had two objectives: (1) to create a quantitative record of European fertility transition, and (2) to determine the social and economic circumstances that prevailed when the modern decline in fertility began in the hope of elucidating the causal mechanisms of the fertility transition (for more information, see <https://opr.princeton.edu/archive/pefp/>).

ranged from twenty to twenty-two years in all counties. The counties of Carpathian Ruthenia thus belonged to the areas in the Kingdom of Hungary in which marriage occurred earlier on average (Figure 1). Between 1880 and 1910, there was only a slight increase in the values of this indicator (Table 1). Likewise, the proportion of ever-married women at the end of the reproductive age indicated the long-term persistence of an almost universal model of marriage; thus, ninety-six to ninety-eight per cent of women entered into marriage at least once by the age of fifty. As Table 1 and Figure 2 show, there was only a very small decrease in this proportion.

Table 1. Singulate mean age at the marriage of females and the proportion of females ever-married at the end of reproductive age in the counties of Carpathian Ruthenia, 1880–1910

County	Year	Singulate mean age at marriage (years)	Proportion of females ever-married at age 50 (in %)
Bereg	1880	21.2	98.2
	1890	21.0	97.9
	1900	21.4	96.3
	1910	21.6	94.3
Máramaros	1880	21.4	97.1
	1890	20.8	96.6
	1900	21.4	96.1
	1910	22.0	96.1
Ugocsa	1880	20.7	97.9
	1890	20.3	97.7
	1900	20.7	96.6
	1910	21.1	97.1
Ung	1880	21.2	98.1
	1890	21.3	98.3
	1900	21.5	96.5
	1910	21.7	96.9

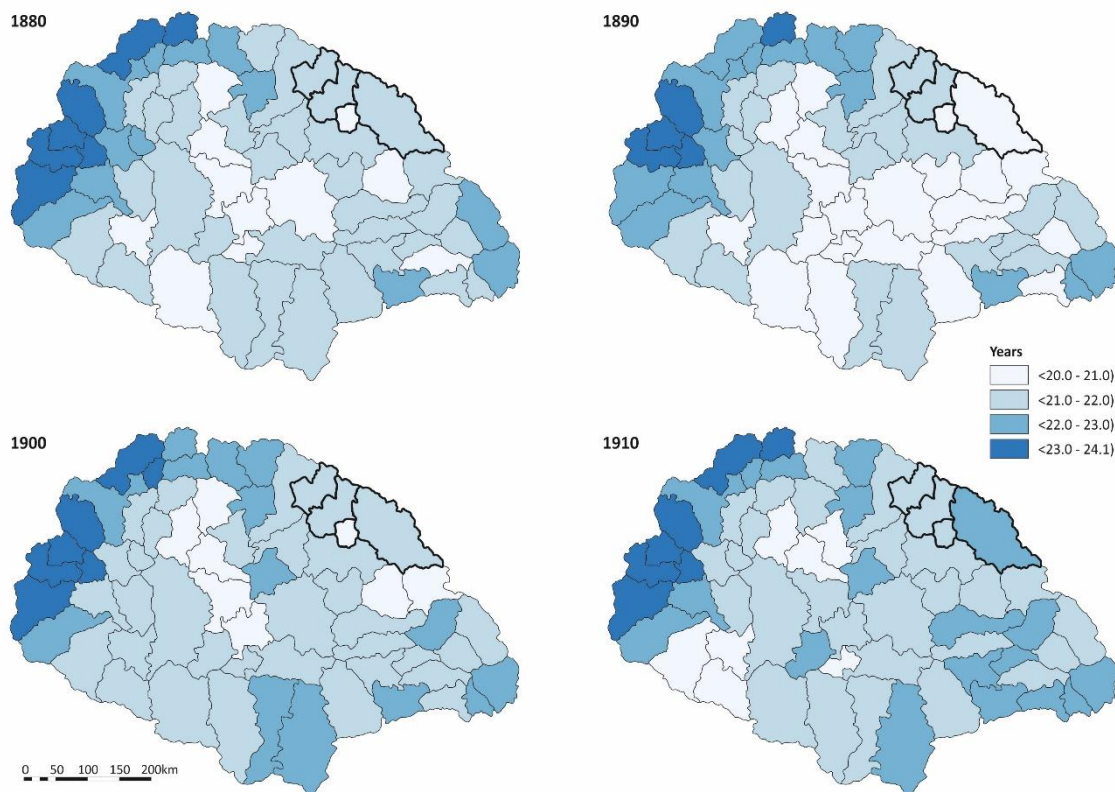

Fig. 1. Singulate mean age at marriage of females in the counties of Carpathian Ruthenia (highlighted) and the Kingdom of Hungary

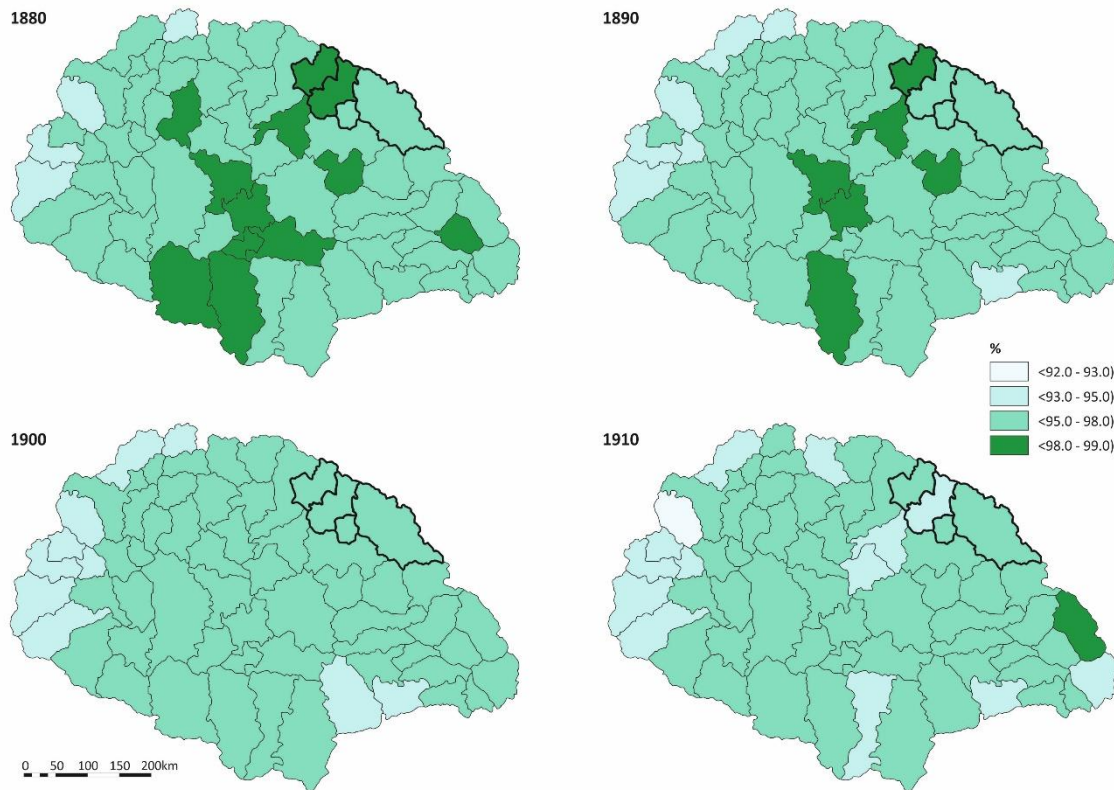

Fig. 2. Proportion of females ever-married at age 50 in the counties of Carpathian Ruthenia (highlighted) and the Kingdom of Hungary

Data on the marriage rate in the counties of Carpathian Ruthenia can be obtained only from the early 1850s onwards. For the first half of the century, there is only the value of the crude marriage rate for the entire territory of the Kingdom of Hungary. From the beginning of the 1830s to the end of the 1840s, this was relatively stable at the level of 7.0-7.5 marriages per thousand inhabitants. In the first half of the 1840s, there was a slight increase to above eight per thousand people. However, data from Carpathian Ruthenia show that the crude marriage rate reached over twelve per thousand people in the early 1850s and dropped slightly to 8.5 per thousand people by 1853. Such a high value was atypical and signals a compensatory phase in the marriage process after previous unfavourable years. The value of the crude marriage rate in the counties of Carpathian Ruthenia remained above the limit of ten per thousand people only episodically in the late 1860s and subsequently in the 1880s. It was during this period that the crude marriage rate reached a higher level than the average for the whole of Hungary (Figure 3). In fact, until the first half of the 1890s, the crude marriage rate exceeded nine marriages per thousand inhabitants. On the other hand, in the second part of the 1880s, the beginning of a decline can be identified. In addition to Carpathian Ruthenia, this can be seen in the entire population of Hungary (Figure 3). From the end of the nineteenth century, there was some stagnation, and, in the first decade of the twentieth century, a slight recovery in the marriage rate can be observed in Carpathian Ruthenia; however, the value of the crude marriage rate already remained at eight per thousand people. At the end of the long nineteenth century, the unfavourable period of the First World War dramatically reduced the rate of marriage. The value of the crude marriage rate on average for the years 1915 to 1918 reached a limit of four marriages per thousand inhabitants (Figure 3).

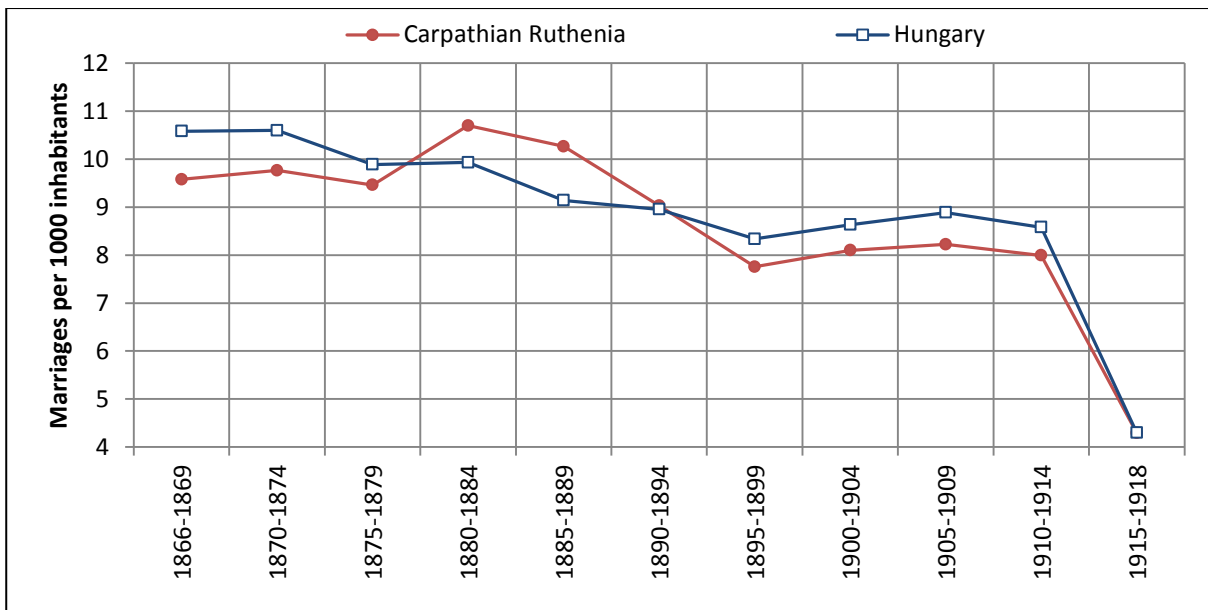

Fig. 3. The development of the crude marriage rate (multi-year averages) in Carpathian Ruthenia and Hungary from the second half of the 1860s to the end of the First World War

The persistence of the high intensity of marriage for men and women in Carpathian Ruthenia is also confirmed by the data on the total marriage rate, which can be calculated for the census years 1890, 1900, and 1910. This indicator ranged from 1.4 to 1.5 marriages per man and 1.1 to 1.4 marriages per women. These levels point to the great importance of repeat marriages (especially for widows) for the overall intensity and the fact that the chances of remarriage were higher for men in the long run.

The obtained statistical data confirm that the marriage rate in Carpathian Ruthenia was relatively high, despite a certain recorded decline in the last quarter of the observed period. The only exception was observed during the war years. On the other hand, it was also confirmed that the marriage rate was able to respond relatively quickly year-on-year to changes in population conditions.

4. Fertility

The fertility rate in the counties of Carpathian Ruthenia was high throughout the long nineteenth century. In the old demographic regime, it is generally assumed that the number of children was not limited to any significant extent by the number of children born previously (Henry 1961, 1964). As the fertility transition took effect, a couple's conscious control of family size became more important.

In the second half of the 1860s, for which there is the first available information on an overall level, there were just over forty births per thousand inhabitants in Carpathian Ruthenia. The birth rate reached approximately the same level in the Kingdom of Hungary. In the next period there was even growth in the crude birth rate, which in the late 1880s reached above fifty per thousand people. In Hungary, however, the development of the birth rate stagnated for more than a decade, and therefore in this period the counties of Carpathian Ruthenia reached a higher level than the national average (the difference was about six per thousand people). In the 1890s, there was a continuous decline in the crude birth rate in Hungary as well as in Carpathian Ruthenia. On the eve of the First World War, the crude birth rate in Hungary was thirty-five children per thousand inhabitants, and in the counties of Carpathian Ruthenia it reached approximately the same value as at the beginning of the observed period (approximately forty per thousand people). Subsequent developments were significantly affected by the war. Mobilization, the departure of men to the front, and the deterioration of the population climate contributed to a sharp decline in marriage, which was subsequently reflected in the sharp decline in birth rates. In the case of the territory of Carpathian Ruthenia, it is necessary to highlight the direct impact of war operations in the first years of the war. This was probably the reason why the crude birth rate fell in these counties faster than in the Kingdom of Hungary. From 1915 to 1918, the gross birth rate in Carpathian Ruthenia was on average only about 21.5 per thousand people; in Hungary it reached a level of less than eighteen per thousand people.

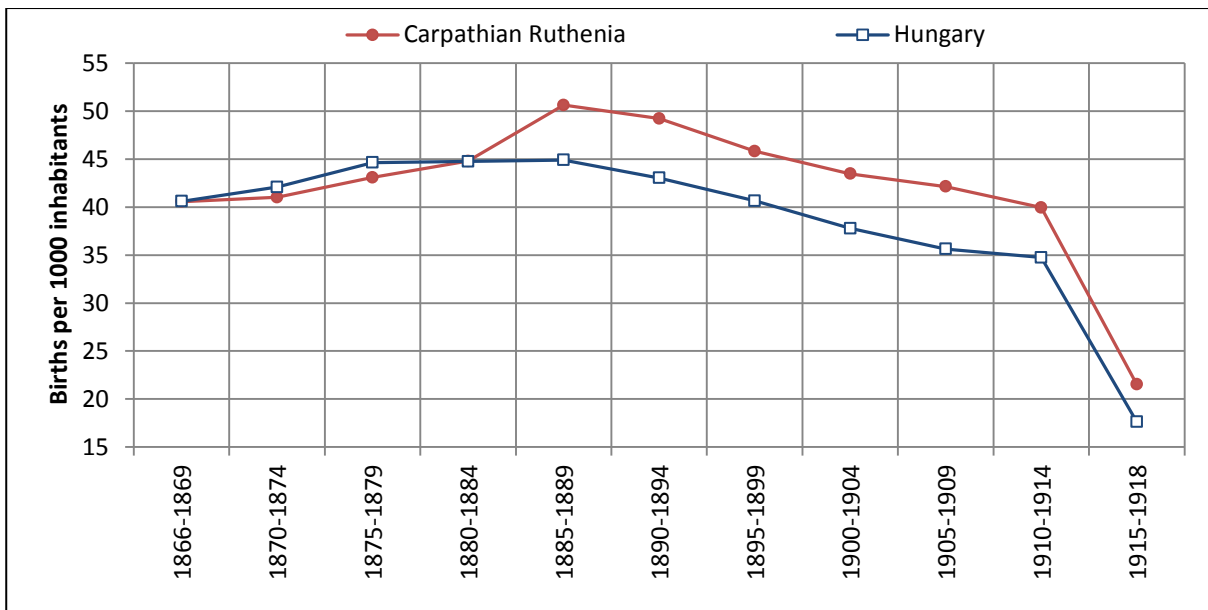

Fig. 4. Development of the crude birth rate (multi-year averages) in Carpathian Ruthenia and Hungary from the second half of the 1860s to the end of the First World War

The level of the crude birth rate and its changes over a longer period may indicate the onset and phase of transformational changes in the fertility process in the context of the first demographic revolution. Pavlík (1977: 169) defines the threshold at which one can confidently talk about a transition in the fertility regime as being when the crude birth rate permanently falls below thirty-five per thousand people; Chesnais (1992: 117) sets the threshold at thirty per thousand people. In the context of these assumptions, it can be said that the onset of irreversible changes in fertility within the conscious limitation of family size began in the population of Carpathian Ruthenia only in the 1930s and after the Second World War. This is also confirmed by the values of the Coale index of marital fertility and the Coale-Trussell model of fertility. The index of marital fertility (I_g) expresses the extent to which the number of children born within marriage differs from the theoretical number that would be born in conditions of maximum fertility.

According to van de Walle (1974), it is possible to confidently speak of a decrease in fertility resulting from deliberate fertility control using contraceptive methods if the marital fertility index falls permanently below 0.5, and the lower threshold – when the transition in fertility is completed – is 0.35. However, the values of the monitored index in Carpathian Ruthenia for the years 1890, 1900, and 1910 were stable and above the limit of 0.6 (Šprocha, Tišliar, 2017), which indicates a minimal impact of the conscious reduction of family size on overall marital fertility. Applying the Coale-Trussell model of fertility gives essentially the same picture. In the present case, the model is based on a comparison of schedules of marital fertility of Carpathian Ruthenia and a model population with natural fertility, which Coale and Trussell estimated based on real data (Coale, Trussell, 1974). The result of the mathematical model is a numerical estimate of the level of deliberate efforts to limit family size. The general interpretation of this variable is that a higher value indicates a greater effort to control marital fertility. Negative values and levels up to around 0.3 indicate either no or very little effort to limit fertility. Essentially it is only with values of 0.5 or greater that one can really talk about a conscious effort to limit family size. The results obtained for 1900 and 1910 show that the rate of conscious fertility limitation increased slightly from 0.17 to 0.21 (Šprocha, Tišliar, 2017). From this finding, it follows that there was no significant indication of the beginning of changes in reproductive behaviour from the point of view of fertility control at the beginning of the twentieth century or before the First World War. As a deeper analysis of the fertility process showed, this phenomenon began to occur only in the interwar period (Šprocha, Tišliar, 2017).

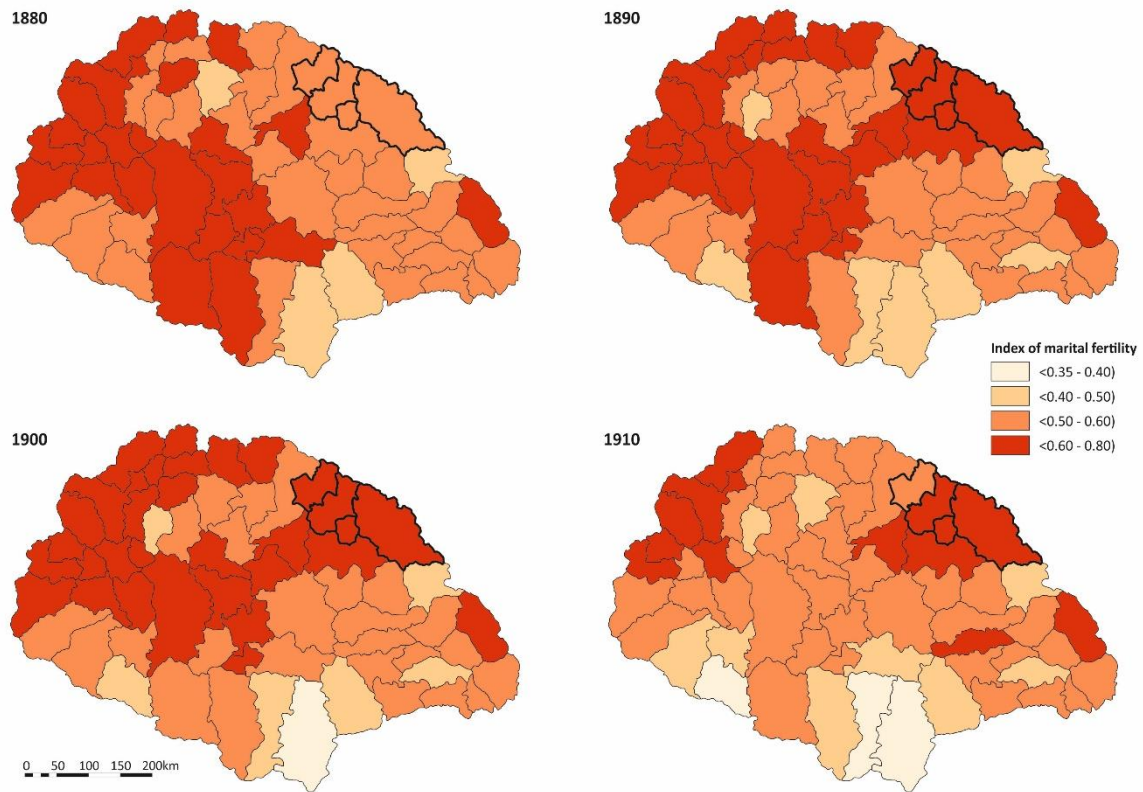

Fig. 5. Index of marital fertility in the counties of Carpathian Ruthenia (highlighted) and the Kingdom of Hungary

The high fertility of women in Carpathian Ruthenia from the beginning of the twentieth century is also highlighted by the data on the total fertility rate. This indicator expresses the number of children who would be born per woman if there were no changes in the intensity and character of childbearing. Its values can be constructed for the counties of Carpathian Ruthenia only from the beginning of the twentieth century. In 1900 the average number of children per woman was less than 6.3, and in 1910 it was still almost six children. By comparison, in France – which was the first country in the world to start limiting family size in this period – total fertility was already below three children, and in 1910 had reached the level of 2.5 children.

5. Mortality

Due to the high intensity of mortality and birth rates, there was only a small natural increase in populations during the old demographic regime. Moreover, this was significantly reduced at a time of demographic and mortality crises. It is estimated that the life expectancy at the time of the old demographic regime was between thirty and thirty-five years and only rarely exceeded forty years (Livi-Bacci, 2001). The causes of these conditions should be sought in setting the overall system of conditions that affected population development. The high intensity of mortality was mainly due to ‘backwardness syndrome’ (Livi-Bacci, 2001). This was formed by a multitude of conditions, such as housing, clothing, food, and health care. An important characteristic of mortality during the old demographic regime was high infant and child mortality and deaths from infectious diseases, accounting for two-thirds to three-quarters of the total death toll. Communicable diseases such as tuberculosis, typhus, and diphtheria, as well as various diseases of the digestive system, were an important factor in population development, and their effects increased even more in times of crisis.

The crude mortality rate in the counties of Carpathian Ruthenia in the second half of the 1860s remained above thirty deaths per thousand inhabitants. As a result of the deterioration in mortality rates during the cholera epidemic, there was a relatively sharp increase to forty-five per thousand people in a five-year average. In 1873, during a cholera epidemic, the gross mortality rate in the four counties of Carpathian Ruthenia exceeded seventy deaths per thousand people. In the following period, there was a basically continuous gradual decline in mortality. In the second decade of the twentieth century, despite the events of the First World War, the crude mortality rate in Carpathian Ruthenia fell below twenty-five per thousand people. A closer look shows that there was a temporary worsening of mortality, especially in 1915 and 1918, which is related to the aforementioned war situation and the epidemic of Spanish influenza. Overall, however, this increase in crude mortality rates was not significant enough to have a major effect on the multi-year average. Overall, mortality declined; this was because of the reduced frequency and severity of crises as

well as the decline in the probability of death at various ages during normal periods (Livi-Bacci, 2001: 97). As Livi-Bacci (2001: 97–98) points out, the greatest reductions came in the first years of life due to improved infant care and measures taken to block the spread of infectious diseases. As was shown by Pavlík et al. (1986), during the first demographic revolution there was an irreversible decrease in mortality rates, which fell below fifteen per thousand people from more than thirty per thousand people. From the abovementioned development of the crude mortality rate in the counties of Carpathian Ruthenia, it is clear that this process was still in its earliest phase.

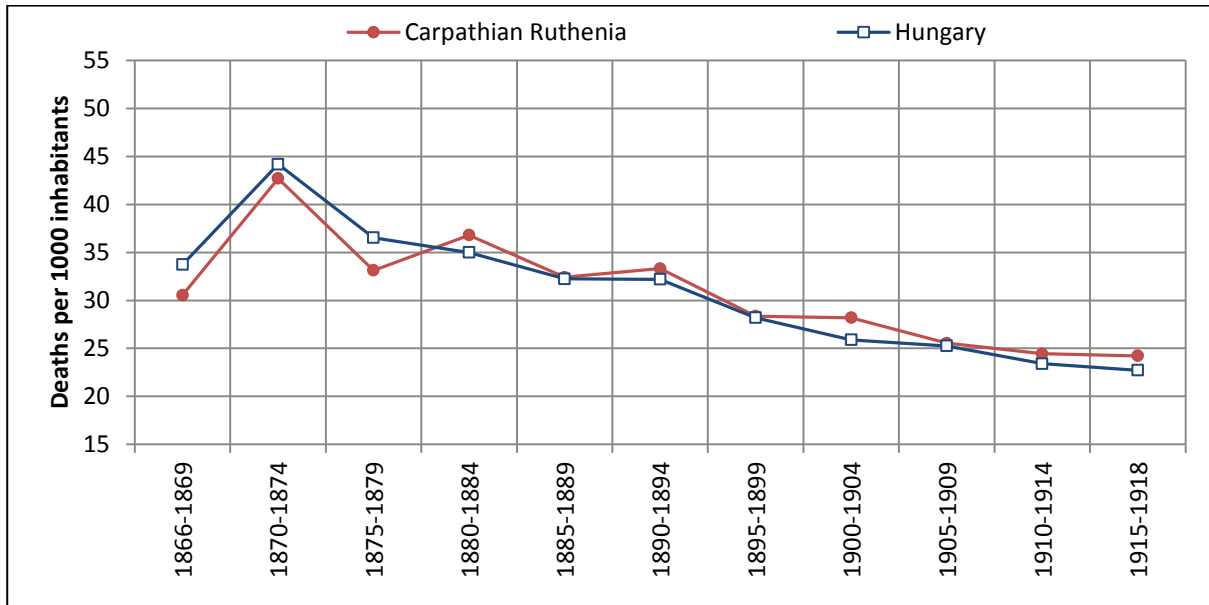

Fig. 6. Development of the crude death rate (multi-year averages) in Carpathian Ruthenia and Hungary from the second half of the 1860s to the end of the First World War

The improvement in mortality rates was subsequently reflected in the values of life expectancy at birth. Its value for the male population of the four counties of Carpathian Ruthenia increased from thirty-five years to almost thirty-seven years between 1900 and 1910. In women, the dynamics of this process were somewhat more pronounced: for them, life expectancy at birth rose to almost thirty-eight years from a little over thirty-five years. Before the beginning of the First World War, when compared to the population of the Kingdom of Hungary, Carpathian Ruthenia lagged in the number of potential years of life by 1.5 years for men and a little more than two years for women. This lag was even more pronounced compared to the most demographically developed countries in Europe. For example, compared to Norway, which had the highest life expectancy during this period, the lives of the inhabitants of Carpathian Ruthenia were shorter by more than fifteen years. One of the most important factors in this lag was a significantly higher infant mortality. Between 1900 and 1910, its values fell from 240 to 220 per thousand people for boys and from 200 to 190 per thousand people for girls. For comparison, in Norway, the infant mortality rate fell over the same period from just over ninety children under one year of age from one thousand live births to less than seventy. The very significant impact of infant and child mortality on the length of life of men and women in Carpathian Ruthenia is also mentioned in the ‘paradox’ of life expectancy. If children survived the high-risk first year of life, life expectancy increased by more than nine years for boys and 7.5 years for girls compared to new-borns. At the age of five, life was then extended by approximately four years in males and slightly more than three years among females. At the age of five, life expectancy in Carpathian Ruthenia was almost fifty years for men and exceeded forty-nine years for women. The obtained results also point to the existence of a specific female over-mortality. This was concentrated in the reproductive age and at the younger productive age. It is only among the elderly that the situation was reversed, with evidence of a male over-mortality just like in childhood.

6. Conclusion

For the nineteenth century and first two decades of the twentieth century, reproduction in Carpathian Ruthenia was highly extensive. On the one hand, there was a high birth rate, which in the second half of the nineteenth century even slightly increased; on the other hand, there was a high mortality rate. In the case of mortality, however, there was a continuous decline from the 1880s. High fertility was also positively affected by the high and almost universal marriage of women at a young to very young age.

Despite the identification of an improvement in mortality throughout the long nineteenth century, this process continued to have a very significant negative impact on the dynamics of population development in

Carpathian Ruthenia. In particular, the persistence of very high infant and child mortality rates meant significantly worse mortality rates compared to the demographically developed countries of Europe.

The obtained datasets and analysis of empirical data using selected indicators and demographic models confirmed that before the beginning of the First World War, the population development of the four counties of Carpathian Ruthenia still did not exhibit a significant implementation of the transformation process of the first demographic revolution. On the other hand, especially from the point of view of mortality, there are signs of a certain onset of life extension. However, the main changes in reproduction in this area would take place in the interwar period and especially the post-war period.

7. Acknowledgements

This work was supported by the Ministry of Education grant VEGA No.1/0097/20 „Malé dejiny veľkých akcií: sčítania ľudu a súpisové akcie na Slovensku v rokoch 1919–1950“.

References

- [A Magyar Korona..., 1905](#) – A Magyar Korona országainak 1900, 1901. és 1902.évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 7. köt. Budapest, 1905. VIII, 106, 675 p.
- [A Magyar Szent Korona országainak 1909](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1909, 1910., 1911. és 1912. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 50. köt. Budapest, 1916.
- [A Magyar Szent Korona..., 1906](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1906, 1907. és 1908. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 32. köt. Budapest, 1910.
- [A Magyar Szent Korona..., 1907](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1903., 1904. és 1905. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 22. köt. Budapest, 1907.
- [Chesnais, 1992](#) – *Chesnais, J.C.* (1992). *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Oxford University Press.
- [Coale, 1969](#) – *Coale, A.J.* (1969). The Decline of Fertility in Europe from the French Revolution to World War II. In: S. J. Behrmann, L. Corsa, and R. Freedman (eds.). *Fertility and Family Planning*, Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press. Pp. 3-24.
- [Coale, 1973](#) – *Coale, A.J.* (1973). The Demographic Transition Reconsidered. *IUSSP – Proceedings of the International Population Conference*. Liège, Belgium: Eds. Ordina.
- [Coale, Trussell, 1974](#) – *Coale, A.J., Trussell, J.T.* (1974). Model Fertility Schedules: Variations in the Age Structures of Childbearing in Human Populations. *Population Index*. 40(2): 185-258.
- [Drozd, Šmigel', 2020](#) – *Drozd, R., Šmigel', M.* (2020). The extinction of the Ukrainian culture of the Polish-Ukrainian-Slovak borderland and the image of the “Ukrainian Banderite” in Polish and Czechoslovak literature, journalism, and cinematography, mid-1940s–1980s. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 8(2): 91-116.
- [Hajnal, 1965](#) – *Hajnal, J.* (1965). European marriage pattern in historical perspective. Glass, D.V., Eversley, D.E.C. (eds.). *Population in History*. London: Arnold, pp. 101-143.
- [Henry, 1961](#) – *Henry, L.* (1961). Some Data on Natural Fertility. *Eugenics Quarterly*. 8(2): 81-91.
- [Henry, 1964](#) – *Henry, L.* (1964). Mesure du temps mort en fecondite naturelle. *Population*. 19: 485-514.
- [Janto, 2017](#) – *Janto, J.* (2017). Production of bryndza in Slovakia and the Vagac bryndza manufacture in Detva: On the 230th anniversary of the founding of the first industrial site for the production of bryndza. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 5(2): 51-59.
- [Livi-Bacci, 2001](#) – *Livi-Bacci, M.* (2001). *A Concise History of World Population*. Oxford: Blackwell Publishers.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1872](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 1. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1872.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1874](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 2. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1874.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1875](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 3. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1875.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1876](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 4. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1876.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1878](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 5. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 5. Budapest, 1878.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1879](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 6. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 6. Budapest, 1879.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1879a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 7. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 7. Budapest, 1879.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1881](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 8. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1881.

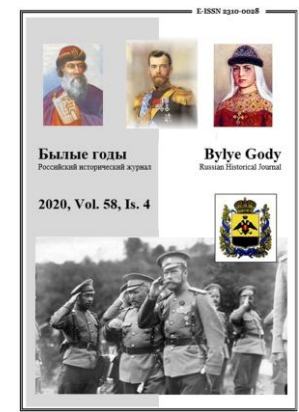
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1882](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 9. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, statisztikai évkönyv 9. Budapest, 1882.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1882a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 10. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal – Magyar statisztikai évkönyv 10. Budapest, 1882.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1883](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 11. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 11. Budapest, 1883.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1885](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 13. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 13. Budapest, 1885.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1886](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 12. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 12. Budapest, 1886.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1886a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 14. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 14. Budapest, 1886.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1887](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 15. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 15. Budapest, 1887.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1890](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 16. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 16. Budapest, 1890.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1890a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 17. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 17. Budapest, 1890.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1891](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 18. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 18. Budapest, 1891.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1891](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 19. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 19. Budapest, 1891.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1892](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 20. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 20. Budapest, 1892.
- [Magyar statisztikai évkönyv 1893, 1893](#) – Magyar statisztikai évkönyv 1893. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 1. Budapest, 1893.
- [Magyar statisztikai évkönyv 1898, 1899](#) – Magyar statisztikai évkönyv 1898. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 6. Budapest, 1899.
- [Magyar statisztikai évkönyv 1899, 1900](#) – Magyar statisztikai évkönyv 1899. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 7. Budapest, 1900.
- [Magyar statisztikai évkönyv, 1898](#) – Magyar statisztikai évkönyv 1897. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 5. Budapest, 1898.
- [Pavlik et al., 1986](#) – *Pavlik, Z., Rychraříková, J., Šubrtová, A.* (1986). *Základy demografie*. Praha: Academia.
- [Pavlik, 1977](#) – *Pavlik, Z.* (1977). *Demografická revoluce jako globální zákonitost populačního vývoje*. Praha: Přírodovědecká fakulta, Univerzita Karlova v Praze.
- [Shnitzer, 2019](#) – *Shnitzer, I.* (2019). *Museum Affairs at the Territory of Subcarpathian Rus' in the Years of the First Czechoslovak Republic (1919 –1938)*. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 7(1): 99-110.
- [Šprocha, Tišliar, 2017](#) – *Šprocha, B., Tišliar, P.* (2017). *The Fertility of Women in Subcarpathian Russia in the Second Half of the Nineteenth Century and the First Half of the Twentieth Century*. *Bylye Gody*. 45(3): 964-977.
- [The European Fertility Project](#) – The European Fertility Project, Princeton University, Office of Population Research. [Electronic resource]. URL: <https://opr.princeton.edu/archive/pefp/>
- [Van De Walle, 1974](#) – *Van De Walle, E.* (1974). *The Female Population in France in the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2708-2719. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2708
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian-Turkish War of 1877–1878: Combat Operations of the Sochi Detachment in the Sukhum Military Department

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^c, Vladimir A. Svechnikov ^d, Vladimir G. Ivantsov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The paper examines the combat operations of the Sochi detachment of the Russian army on the territory of the Sukhumi military department during the Russian-Turkish war of 1877–1878. The attention was paid to the activities of the Mahajirs on the Turkish side, as well as the relationship between Russian troops and the local population on the territory of the Sukhumi military department.

The authors used the materials of periodicals. It is particularly necessary to note the newspaper “Kubanskіe oblastnye vedomosti” on the pages of which a significant amount of information from the front was published, as well as the newspaper “Russkiy Mir”. The official chronicle was published in the main journal of the naval department “Morskoi sbornik”, as well as published collections of documents.

Methodologically, the authors applied the principle of historicism, which made it possible to analyze the pre-revolutionary sources and historiography, which reflected the theme of the Russian-Turkish war on the Caucasian theater of military operations in 1877–1878. Besides this, the descriptive method was widely used, which made it possible to revive the picture of hostilities and endow it with numerous details without which the picture of hostilities would be incomplete. The problem-chronological and historical-comparative methods were also used.

The authors came to the conclusion that it is necessary to consider the hostilities of the Sochi detachment in the Sukhum military department in conjunction with the operational situation in Abkhazia and take into account the historical aspects that influenced the relationship between the local population and the Russian administration.

Ultimately, due to the changing in the operational and tactical situation on the main theater of war, the secondary Caucasian theater of military operations was curtailed by Turkey, which led to a decrease in anti-russian sentiments among the peoples of the North Caucasus, as well as a gradual restoration of socio-economic development on the Black Sea coast of the North Caucasus.

Keywords: Russian-Turkish war, 1877–1878, Caucasian theater of military operations, Sochi detachment, Sukhumi military district.

1. Введение

12 апреля 1877 г. великий князь, в то время главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе, генерал-фельдцейхмейстер Михаил Романов, объявил на военном положении Кутаисскую, Тифлисскую и Эриванскую губернии, Сухумский военный отдел (Абхазия),

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

Черноморский округ и Темрюкский уезд Кубанской области. Черноморское побережье было блокировано превосходящими военно-морскими силами Турции ([Кубанские областные ведомости, 1877: 30 апр.](#)).

Турецкая эскадра, курсировавшая вдоль Черноморского побережья Черноморского округа и Абхазии, высаживала на берег махаджиров, которые явились к своим родственникам и начали подготовку восстания среди абхазов. В феврале 1877 г. русский дипломат А.Н. Введенский сообщал, что в случае высадки в Абхазии десанта его командующим предполагалось турецким командованием сделать абхазского князя К. Маргания, специально вызванного для этого из Стамбула в Батум. Планировалось высадить в Сухумском военном отделе абхазско-черкесский десант в количестве около 10 тыс. человек ([Бадерхан, 2001: 53](#)).

2. Материалы и методы

В качестве источников были использованы материалы периодической печати. Особо необходимо отметить газету «Кубанские областные ведомости»¹, на страницах которой публиковалось значительное количество сведений с фронта, а также газету «Русский мир». Официальная хроника публиковалась в главном журнале военно-морского ведомства – «Морской сборник» ([Официальная хроника, 1877](#)).

Среди опубликованных документов необходимо назвать «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Оборона Черноморского побережья», который был издан в 1899 г. ([Сборник материалов, 1899](#)), а также появившийся в печати в советское время сборник документов «Русские флотоводцы» ([Русские флотоводцы, 1953](#)).

В методологическом плане нами был применен принцип историзма, который дал возможность произвести анализ дореволюционных источников и историографии, в которых нашла отражение тема русско-турецкой войны на Кавказском театре военных действий в 1877–1878 гг. Помимо этого, широко применялся описательный метод, который позволил оживить картину боевых действий и выявить ее многочисленные подробности, без которых она была бы неполной. Использовались также проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Первые публикации, посвященные русско-турецкой войне 1877–1878 гг., начали появляться практически сразу после войны (например: [Русско-турецкая война, 1879](#)), в это же время уделялось внимание героизации русских солдат и описанию их военных подвигов ([Война России..., 1879](#)). Уже в 1880-е гг. описания этого противостояния появляются в полковых хрониках, например 76-го пехотного Кубанского полка ([Описание боевой жизни, 1884](#)). Серьезные попытки изучения русско-турецкой войны на Кавказском театре военных действий были сделаны в начале XX в., ими стали многотомные «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре с планами» ([Материалы для описания, 1909](#); [Материалы для описания, 1911](#)). В 1912 г. П.И. Ковалевский предпринял попытку рассмотреть региональную специфику русско-турецкой войны на территории Чечни и Дагестана ([Ковалевский, 1912](#)). Помимо этого, в дореволюционный период рассматривалась и тема участия Черноморского флота в противостоянии 1877–1878 гг. ([История Черноморского флота, 1914](#)).

В советское и постсоветское время интерес к изучению русско-турецкой войны начал активно проявляться в изучении темы махаджирства. Этой проблеме уделили внимание такие исследователи, как Г.А. Дзидзария ([Дзидзария, 1982](#); [Дзидзария, 2017](#)), Р.Х. Агужба, Т.А. Ачугба ([Агужба, Ачугба, 2005](#); [Ачугба, 2011](#)), Ф. Бадерхан ([Бадерхан, 2001](#)), Л.И. Цвижба ([Цвижба, 2019](#)) и Б. Хорава ([Хорава, 2013](#)). В то же время П.А. Панькин рассмотрел организацию добровольческих частей Османской империи из представителей народов Северного Кавказа в период русско-турецкой войны ([Панькин, 2020](#)).

Тем не менее в настоящее время исследователи обращаются и к изучению роли Кубанского казачьего войска в годы войны. Так, эта тема стала предметом диссертационного исследования В.Н. Желобова ([Желобов, 2017](#)). В то же время К.В. Taran, S.D. Ludwig рассмотрели боевые действия русской армии на Кавказском театре военных действий ([Taran, Ludwig, 2020](#)).

4. Результаты

После объявления войны военно-морские силы Османской империи приступили к активным действиям в восточной части Черного моря. В районе Поти 23 апреля 1877 г. турецкий броненосный фрегат произвел три выстрела, но все снаряды упали в море. К фрегату присоединились четыре броненосца и один колесный пароход, который обстрелял пост на берегу моря. 25 апреля турецкая эскадра обстреливала берег в районе Озургет ([Кубанские областные ведомости, 1877: 30 апр.](#)).

¹ Важно пояснить, что «Кубанские областные ведомости» привлекались в качестве источника и в других публикациях. Например, по истории Первой русской революции ([Blagoder, 2019](#)).

В апреле 1877 г. турецкое командование отправило броненосцы с десантом, сформированным из махаджиров, которые должны были высадиться на территории Абхазии и спровоцировать местное население к восстанию против русских властей. Также на броненосцах было доставлено оружие для восставших абхазов. Вследствие боевых действий в мае 1877 г. с территории Абхазии были удалены русские войска, махаджирь с абхазами при поддержке броненосцев захватили южную окраину Сочинского попечительства Черноморского округа, а именно Адлер и верховья р. Мзымта. Высадка десанта в Сочи закончилась для турецких войск поражением с большими потерями (Taran, Ludwig, 2020).

Османская империя активно использовала в боях с русскими войсками на Черноморском побережье в Абхазии иррегулярные части, составленные из северокавказских махаджиров, больше 600 тыс. которых на завершающем этапе Кавказской войны переселились в Турцию (Панькин, 2020: 193).

Кроме этого, взаимоотношения русской администрации в Абхазии с местным населением ухудшились вследствие упразднения Абхазского княжества и смерти его владельца, а также попытки русской администрации провести в Сухумском военном отделе реформу с целью отмены крепостного права. 26 июля 1866 г. в с. Лыхны вспыхнуло восстание, в котором приняло участие до 20 тыс. человек. В ответ русское правительство в апреле–июне 1867 г. предприняло массовое выселение абхазов (Ачугба, 2011: 75-76), связанное с подавлением восстания, из-за чего 19252 человека переселились в Турцию (Хорава, 2013: 207-326).

Османская империя учитывала обострившиеся отношения в Абхазии и надеялась на подъем антирусских настроений и вовлечение местного населения в боевые действия против российских войск. Также Турция рассчитывала на восстание народов Чечни и Дагестана, куда из Абхазии поступали сведения, что абхазы и сваны хотят прорваться на Северный Кавказ и поднять здешнее народонаселение против русских. Турецкие агенты дезинформировали народы Северного Кавказа, что сын имама Шамиля Кази-Магома наступает с многочисленной армией горцев-переселенцев. От имени Кази-Магомы распространялись воззвания, в которых население Кавказа предупреждалось, что не принявшие участие в восстании против русских будут обращены в рабство (Ковалевский, 1912: 28-30).

Турецкое командование предпринимало также действия для усиления османских войск в Абхазии. В июне 1877 г. константинопольская газета «Turquie» сообщала, что турецкий экспедиционный корпус на Кавказе усилен дополнительно тремя регулярными и одним волонтерным батальонами, которые 3 июня отправлены в Сухум (Официальная хроника, 1877: 55).

Высадка турецких войск и махаджиров в Абхазии и Адлере вызвала усиление русских войск Черноморского округа и Кубанской области 149-м Черноморским пехотным полком 38-й дивизии, 4-й и 6-й батареями 38-й артиллерийской бригады. 2 июня 1877 г. в Новороссийск прибыли 2-я, 3-я и 4-я сотни 11-го пластунского батальона с 6-й сотней сводного Таманско-Полтавского конного полка. 8 июня 1877 г. прибыл в Туапсе 1-й батальон Черноморского пехотного полка. 18 июня 1877 г. новороссийский гарнизон был усилен 4-мя орудиями 5-й батареи 20-й артиллерийской бригады, а 27 июня 1877 г. 1-й сотней 11-го пластунского батальона. В июне 1877 г. в наиболее важных пунктах побережья Черноморского округа были возведены укрепления для встречи десантов и отданы подробные распоряжения по обороне Туапсе, откуда вели дороги горными перевалами в Кубанскую область. Одновременно с этим проводились и другие мероприятия. Так, например, 1 июля 1877 г. были завершены работы по заграждению Цемесской бухты минами (Материалы для описания, 1909: 319-320).

После захвата Адлера и верховьев р. Мзымта, а также неудачного десанта в Сочи турецкие войска более попыток боевых действий на территории Черноморского округа не предпринимали и сконцентрировали свое внимание на юго-восточном направлении. На востоке Сухумского военного отдела на линии Илори – Поквеша дислоцировался Ингурский отряд под командованием генерал-майора Алхазова. 2 и 9 июня 1877 г. Ингурский отряд в ходе боевых действий выполнял ряд удачных дел (Русско-турецкая война, 1879: 95).

12 июня 1877 г. турецкие войска на шести пароходах высадили десант в районе урочища Цурдгели, который вдоль берега моря направился к Очамчире. 13 июня десант с восставшими абхазами пытался атаковать Ингурский отряд в направлении Илори. В результате боя в русских войсках было два раненых, потери турецких войск, по сведениям лазутчиков, были более значительными (Материалы для описания, 1911: 258-260).

На правом берегу р. Гализги в Очамчире дислоцировалось шесть турецких батальонов при трех орудиях, а также кавалерия и пехота восставших абхазов. Ингурский отряд расположился двумя частями: первая – на левом берегу р. Гализги в районе Илори и вторая – в верховьях р. Гализги у селения Поквеша. Генералом Алхазовым было решено атаковать позиции турок двумя колоннами. Полковник князь Шервашидзе возглавил Поквешскую колонну. Отряд должен был выступить в ночь с 14 на 15 июня и утром атаковать турок. Илорская колонна – 6 рот Кубанского полка, дивизион 4-й Кубанской казачьей конной батареи, сотня казаков Ейского казачьего полка и сотня самурзаканцев – должна была с рассветом 15 июня атаковать очамчирский лагерь турок с целью отвлечь их внимание от наступления Поквешской колонны. В течение боя турецкие войска были поддержаны огнем двух броненосцев, но, несмотря на огневую поддержку, турки отступили из Очамчиры (Материалы для описания, 1911: 260-262).

Во второй половине дня 15 июня в район Очамчиры прибыли шесть турецких судов, которые выстроились в одну линию с двумя действовавшими в этом районе броненосцами и обстреляли позиции русских войск. Вследствие сильного артиллерийского обстрела русские войска вынуждены были вернуться на прежние позиции ([Желобов, 2017: 170](#)).

Во время пятнадцатичасового боя русские войска потеряли убитыми 75 нижних чинов, ранеными 12 офицеров и 220 нижних чинов, контуженными 1 генерала, 9 офицеров, 34 нижних чина. Потери турок, судя по брошенным телам на поле боя, были большие. Кроме этого, русскими захвачены были много ружей, ящиков с патронами и другого снаряжения ([Материалы для описания, 1911: 263](#)).

В бою при Очамчире Ингурский отряд состоял из 3,5 тыс. человек, турецкие войска располагали регулярным войском и восставшими абхазами в количестве около 10 тыс. человек, не считая двух броненосных судов ([Русско-турецкая война, 1879: 100-101](#)), к которым впоследствии присоединились еще шесть кораблей.

24 июня турки и махаджиры проникли в села Гуп и Ткварчели, расположенные за р. Гализгой, раздали их жителям оружие для участия в восстании. На следующий день в эти села были направлены русские войска, которые вытеснили турецкие войска из сел ([Дзидзария, 2017: 419-520](#)).

27 июня 1877 г. многочисленные отряды абхазов направились в верховья р. Гализги в обход правого фланга русских войск, но были разбиты и с большим уроном отброшены за р. Гализгу. Потери русских войск: убито 2 нижних чина, ранены командир Лабинского полка подполковник Голяховский, Ахалцихского полка поручик барон Клейст и двое нижних чинов ([Кубанские областные ведомости, 1877: 2 июля](#)).

1 июля 1877 г. русские войска начали наступление двумя колоннами за р. Гализгу в направлении р. Моквы ([Хронология..., 1891: 229](#)). Несмотря на устроенные абхазами завалы, турецкие войска были выбиты и отброшены за р. Мокву. Русские войска правой колонны заняли на правом берегу р. Гализги высоты Гум, где и расположились. Потери в отряде генерала Алхазова составили: убит 1 и ранены 4 нижних чина ([Материалы для описания, 1911: 267-269](#)).

Генерал Алхазов 3 июля 1877 г. предпринял правым флангом движение в глубь Кодорского участка. Русские войска, пройдя по предгорьям Тхины и Чилов до р. Омокар, вернулись через р. Мокву обратно, очистив пройденную местность от восставших абхазов. Потери русских войск составили: убит 1 и ранены 5 нижних чинов. 5 июля 1877 г. верхнее течение р. Моквы было полностью занято русскими войсками. 8 июля 1877 г. с целью остановить наступление русских войск на правом берегу р. Гализги три турецких парохода открыли огонь по отряду генерала Алхазова в районе Илори. Русские войска ответили огнем 9-фунтовой батареи, и турецкие пароходы удалились. Одновременно с пароходами открыла огонь и турецкая полевая батарея, после чего, прикрываясь уступом морского берега, турки и абхазы двинулись вперед. Наступавшие турецкие войска были встречены метким огнем русской артиллерии, после чего отступили к Очамчире. 10 июля 1877 г. русские войска заняли укрепленное с. Меркулки, где абхазы оставили на месте 48 тел. Кроме того, русскими войсками было отбито много магазинных ружей, предметов обмундирования, лошадей и разной провизии. Потери Ингурского отряда составили: два человека убиты, ранены 1 офицер милиции и 2 нижних чина ([Кубанские областные ведомости, 1877: 16 июля](#)).

10 июля 1877 г. турецкое высшее командование обратило внимание на превосходство русских войск на Балканах, поэтому планировалось перебросить на Дунай войска с второстепенных фронтов. Турецкий султан решил погрузить в Сухуме на пароходы две или две с половиной тысячи жителей, изъявивших желание переселиться в Турцию. Кроме этого, направить пароходы в Сухум для погрузки на них все находящиеся там войска (11–12 таборов), присоединив 3 табора из Батума, высадить их как можно скорее в Варне.

15 июля 1877 г. от имени турецкого паши абхазскому населению было объявлено о поголовном их переселении в Турцию. В это время махаджиры, черкесские и абхазские повстанцы, поддержанные турецким флотом, укрепились на берегу Черного моря во многих населенных пунктах: Адлере, Гагре, на р. Бзыбь, Пицунде и Гудауте ([Дзидзария, 1982: 342-345](#)).

19 июля 1877 г. правая колонна русских войск генерала Алхазова направилась к Джегерде. Несмотря на упорную оборону и устроенные завалы абхазами, отряд генерала Алхазова разбил и отбросил за р. Кодор абхазские военные формирования. Благодаря движению правой колонны, турецкие десантные войска были отделены от абхазов. Вследствие занятия войсками генерала Алхазова с. Меркулки и успешного движения в Джегерду турки очистили Очамчиру, которую русские войска заняли, и полностью контролировали Кодорский участок. В ходе этого действия русских войск понесли потери – убит 1 и ранены 14 нижних чинов ([Кубанские областные ведомости, 1877: 23 июля](#)). К 31 июля Ингурский отряд под командованием генерал-майора Алхазова занимает линию фронта по линии р. Кодор.

Вследствие успешных боевых действий русских войск в Абхазии и благодаря турецкой агитации местного населения о переселении с 29 июля 1877 г. абхазы подожгли свои дома и направились с имуществом и домашним скотом в Сухум для отправки в Турцию ([Материалы для описания, 1909: 384](#)).

Для ликвидации очага напряженности в Абхазии русское командование создает два отряда для боевых действий на территории Сухумского отдела в дополнение к Ингурскому отряду. На основании приказа по войскам Кубанской области и Черноморского округа № 23 от 19 июля 1877 г. были сформированы Марухский отряд для наступления в Абхазии с севера и Сочинский отряд – с запада со стороны Черноморского округа ([Кубанские областные ведомости, 1877: 20 июля](#)).

В это время из официальных источников стало известно, что в районе Адлера турки дополнительно высадили 1,2 тыс. абхазских переселенцев ([Русский мир, 1877: 22 июня](#)).

В соответствии с приказом № 25 в Марухском отряде предписывалось организовать штаб, в состав которого были назначены помощник начальника войскового штаба, генерального штаба подполковник Залесский – и.д. начальника штаба; главный врач Екатеринодарского войскового госпиталя, коллежский советник Вейрих – отрядным врачом; наказной атаман, адъютант, есаул Танский – офицером для поручений; и.д. старшего адъютанта временной военной канцелярии, сотник Звягинцев – отрядным адъютантом и старший помощник землемера межевого учреждения Кубанской области, коллежский секретарь Маврийский – за офицера корпуса топографов ([Кубанские областные ведомости, 1877: 20 июля](#)).

Сочинский отряд состоял из 7 рот, 4 пеших и 4 конных сотен, а также 2 горных орудий. Сборным пунктом для всех этих войск назначался посад Даховский (Сочи), где предстояло заготовить месячный запас сухарей и сформировать особый вьючный транспорт из 100 лошадей для поднятия сухарного запаса. Начальником Сочинского отряда войск Черноморского округа был назначен полковник Шелковников. К 28 июля 1877 г. отряд Шелковникова должен был собраться в Сочи ([Материалы для описания, 1909: 360](#)).

На основании приказа командующего войсками Кубанской области и Черноморского округа генерал-лейтенанта Н.Н. Кармалина № 24 от 20 июля 1877 г. в отсутствие начальника округа полковника Шелковникова его обязанности исполнял попечитель Новороссийского отдела, артиллерии полковник Никифораки ([Кубанские областные ведомости, 1877: 20 июля](#)).

Русское командование полагало, что в силу географических и топографических условий, соприкасавшихся между собой местностей Черноморского округа и Сухумского отдела значение в предстоявших боевых действиях Сочинского отряда могло быть только второстепенным и вспомогательным. Поэтому полковнику Шелковникову было предписано: выступить в Абхазию, дойти до р. Бзыбь; если после этой операции представится возможность, не подвергая опасности тыл и фланги, продолжить наступление и ограничиться поиском противника в районе р. Хюпсты и Гудауты; дальнейшее движение к Сухуму допускалось лишь в случае, если впереди не окажется значительных сил турецких войск и успешного наступления Марухского и Ингурского отрядов. Таким образом, действия Сочинского отряда были ограничены из-за малочисленности, трудностей тылового сообщения и отсутствия подкреплений. В случае неудачи были возможны неблагоприятные последствия для отряда, Черноморского округа и Кубанской области. Самой опасной задачей для Сочинского отряда было форсирование гагринских теснин, обороняемых с суши и обстреливаемых близким огнем с броненосцев ([Материалы для описания, 1909: 359-360](#)).

29 июля 1877 г. полковник Шелковников выдвинул к р. Хероте 1-ю и 2-ю сотни 3-го пешего пластунского батальона с 6-ю сотней Урупского конного полка, приказал им заложить секреты и выставить наблюдательные посты на правом берегу р. Мзымты. На следующий день из Сочи на соединение с передовыми частями выступила колонна, состоящая из 3-й и стрелковой рот 2-го Кавказского линейного батальона, 3-й и 4-й сотен 3-го пластунского батальона. 31 июля 1877 г. обе колонны передвинулись в ущелье Псаго. В 2 часа утра 1 августа 1877 г. выступили из Сочи все остальные части отряда, к которому у р. Хероты присоединился Кавказско-Екатеринодарский конный полк, следовавший из Кубанской области. Войскам был дан непродолжительный отдых, после которого они продолжили движение и 2 августа 1877 г. сосредоточились в полном составе в покинутой русскими поселянами деревне Веселой. Здесь Шелковникову донесли, что турецкие войска, извещенные о движении Сочинского отряда к р. Мзымте, заняли все горные проходы через Гагринский хребет ([Материалы для описания, 1909: 360](#)).

Чтобы проверить эти сведения, из отряда была послана партия пластунов с тремя проводниками из местных жителей ([Цвижба, 2019: 6-7](#)).

В Сандрипше пластуны обнаружили турецкие пикеты, которые отступили по береговой дороге в Гагру, где было замечено движение значительной массы людей и двух броненосцев, контролировавших с моря проходы к Гагре. Дорога на протяжении шести км от Сандрипша до Гагры следовала берегом моря и простреливалась с броненосцев. Полковник Шелковников выслал разведгруппы для исследования горных троп и хребтов, выходящих в тыл к Гагре и аулу Гагрипшу. Сведения разведки показали, что иных путей для обхода гагринских проходов нет ([Материалы для описания, 1909: 361](#)).

Кроме этого, полковник Шелковников отправил телеграмму командиру Черноморского флота и портов адмиралу Н.А. Аркасу с просьбой оказать содействие крейсерскими судами во время прохождения отрядом гагринского дефиле ([Сборник материалов, 1899: 146](#)).

В ответной телеграмме Шелковникову адмирал Аркас извещал, что вышедший в крейсерство 3 августа 1877 г. пароход «Константин» избрет для своих действий Гагринский мыс ([Материалы для описания, 1909: 361-362](#)). В отправленной телеграмме адмирала Аркаса 4 августа 1877 г. капитану парохода «Великий князь Константин» лейтенанту О.С. Макарову указывалось: «Шелковников телеграфирует мне, что у Гагры стоит броненосец, также у Пицунды, отряд наш выходит сегодня из Сочи. Просит отвлечь неприятеля. Поручаю вам сделать, что можете. Аркас» ([Русские флотоводцы, 1953: 195](#)).

В сложившейся ситуации полковник Шелковников принял решение совершить марш без обозов и пройти все прибрежные тропы в ночное время. Было решено оставить в Пиленково 2-ю роту 1-го Кавказского линейного батальона для охраны лазарета и сложенного там войскового имущества, а также разделить войска на авангард, главную колонну и обоз. В ночь с 5 на 6 августа 1877 г. Сочинский отряд из Пиленкова направился к Гагре в обход береговой дороги, которая пролегла у подножья наивысшей линии Гагринского хребта. В авангарде под начальством полковника А.Е. Малова шли стрелковые роты обоих линейных батальонов с 3-й и 4-й сотнями 3-го пластунского батальона; в главной колонне следовали 3-я рота 1-го Кавказского линейного батальона, 1-я сотня пластунов, взвод горной артиллерии, 2-я и 3-я роты 2-го Кавказского линейного батальона и Кавказско-Екатеринодарский полк под начальством командира 2-го Кавказского линейного батальона полковника князя И.А. Аргутинского-Долгорукова. При обозе находилась 1-я рота 2-го Кавказского линейного батальона. После 10-километрового марша и сложного рельефа, по которому пролегла выючная тропа, полковник Шелковников принял решение вернуть обратно в Сандрипш артиллерию с казаками и далее следовать только пехотой. В 10 км от Гагры разразилась гроза с ливнем. Отряд растянулся, и части потеряли друг друга, дальнейшее движение сделалось невозможным. Полковник Шелковников приказал войскам оставаться до рассвета там, где их застал приказ. На рассвете 6 августа 1877 г. Сочинский отряд расположился в лесу на значительной высоте, при этом оставался весь день без пищи, под проливным дождем ([Желобов, 2017: 172-173](#)).

Утром 6 августа 1877 г. сотня пластунов приблизилась к Гагре и заняла скалистые выступы гор. В 17 часов турецкий конный разезд, высланный из Гагры по горной дороге, обнаружил пластунов. Шелковников приказал пластунам быстро выдвинуться к Гагре, где занять выгодные позиции. Пластуны под огнем турецких броненосцев выполнили эту задачу без потерь. Вечером 6 августа 1877 г., с наступлением темноты, две сотни пластунов (обходная колонна) начали взбираться по крутым откосам Гагринского хребта, а через час после этого стрелковая рота 2-го Кавказского линейного батальона (капитан Скрыльников) и сотня пластунов (хорунжий Никитин), занимавшие подступы к Гагре, двинулись к укреплению. Части Сочинского отряда подошли к гагринской поляне, на которой находились развалины старого, заброшенного русскими укрепления, занятого незначительным отрядом, состоящим преимущественно из абхазов и черкесов. Подразделения Скрыльникова и Никитина наступали фронтально, а обходная колонна пластунов ударила в тыл, что заставило защитников укрепления обратиться в бегство ([Материалы для описания, 1909: 363-364](#)).

Броненосец «Тина Шевкет» открыл огонь по укреплению, но не нанес потерь русским войскам, которые, не останавливаясь, преследовали отступавших абхазов и черкесов. После этого броненосец открыл сильный огонь по ущелью, в которое входил авангард Сочинского отряда под командой полковника Шелковникова, направлявшийся к гагринской поляне. Несмотря на сильный огонь с броненосца, авангард Сочинского отряда прошел мимо старого укрепления без потерь. К рассвету 7 августа 1877 г. авангард миновал гагринские теснины. Приближаясь к с. Гагрипш, Сочинский отряд был встречен сильным огнем из саклей, садов и с окружающих высот. Натиском боковых цепей, а за ними и остальных частей авангарда защитники Гагрипша были сбиты со своих позиций и бежали с большим для себя уроном. Русские войска потеряли двух нижних чинов убитыми и 6 ранеными ([Материалы для описания, 1909: 365](#)).

В это время, 4 августа, Марухский отряд вышел в пределы Сухумского военного отдела, а 7 августа генерал-майор Алхазов произвел рекогносцировку турецких позиций восточней Сухума ([Хронология..., 1891: 232](#)).

Между тем броненосец «Тина Шевкет» около двух часов пополудни 7 августа 1877 г. отошел на довольно большое расстояние от берега. Полковнику Шелковникову стало известно, что главная колонна полковника князя Аргутинского-Долгорукова миновала Гагру. С рассветом на броненосце «Тина Шевкет» заметили движущиеся войска, поэтому судно быстро приблизилось к берегу и стало поворачиваться бортом, чтобы картечью накрыть русские войска ([Материалы для описания, 1909: 365](#)).

В этот критический момент для Сочинского отряда из-за Гагринского мыса, со стороны Адлера, показался пароход «Великий князь Константин» под командой лейтенанта С.О. Макарова. Уведомленный в одном из портов адмиралом Аркасом о движении в Абхазию отряда Шелковникова, «Константин» шел к Гагре с намерением отвлечь от теснин неприятельские суда. Обнаружив русское судно, турецкий броненосец быстро развернулся и, не сделав ни одного выстрела по войскам, погнался за «Константином». Погоня продолжалась 2 часа ([Русские флотоводцы, 1953: 104](#)).

Содействием парохода «Константин», который отвлек турецкий броненосец от Гагринского прохода, была оказана существенная помощь полковнику Шелковникову. Пароход «Константин» ушел сначала в Сочи, а оттуда в Новороссийск ([Сборник материалов, 1899: 146](#)).

Когда турецкий броненосец вернулся к гагринским берегам, колонна Сочинского отряда, проследовав теснины, стояла уже на Гагринских высотах. Таким образом, благодаря своевременному появлению русского крейсера, Сочинскому отряду удалось без особых затруднений и с ничтожными потерями выполнить самую трудную задачу – дефилирование гагринских проходов ([Материалы для описания, 1909: 365-366](#)).

После поражения в Гагре и отхода турецких войск и махаджиров на восток в сторону Сухума командир «Константина» лейтенант Макаров при помощи минных катеров осмотрел побережье в районе Гагры – турецкие броненосцы отсутствовали ([Русские флотоводцы, 1953: 200](#)).

Получив сведения из различных источников о сильном впечатлении, произведенном на абхазов неожиданным появлением русских войск, полковник Шелковников решил смело и быстро продвигаться вперед. 8 августа 1877 г. Сочинский отряд подошел к р. Бзыбь и занял калдахварскую переправу. Здесь к Шелковникову стали являться депутации абхазов с выражением покорности и с жалобами на притеснения, испытанные населением от турок, а также на насильственное переселение в Турцию. В ночь с 8 на 9 августа 1877 г. пришло известие о занятии восставшими абхазами Пицунды, где они разграбили старинный храм, угнали скот замирившегося населения и увели жителей в Гудауту с намерением отправить их в Турцию. Чтобы оттеснить восставших абхазов и прикрыть население, изъявившее покорность, Шелковников выслал к Пицунде под начальством командира 1-го Кавказского линейного батальона майора Мухортова 3-ю роту 1-го и стрелкового роту 2-го Кавказско-Екатеринодарского казачьего полка, направив пехоту по левому берегу Бзыби, а казаков – по правому. У Пицунды роты Мухортова были встречены ружейными выстрелами абхазов, а с моря – огнем с броненосца, стоявшего на пицундском рейде. Обстреляв кратковременным, но близким огнем опушку, роты стремительно выбили абхазов из леса и, преследуя их по пятам, стали приближаться к берегу моря. Турецкий броненосец из-за опасения поразить восставших абхазов прекратил стрельбу, но, когда фелюги приняла бежавших и отчалили от берега, стал осыпая побережье картечью. Мухоротов поспешил укрыть войска в складках местности, благодаря чему потерь личного состава не было. В этом деле русские войска не допустили переселения более 100 семейств абхазов, насильно согнанных на берег, и отбили до 1 тыс. голов скота. Восставшие абхазы понесли большие потери. Русские войска потеряли ранеными 9 нижних чинов ([Материалы для описания, 1909: 366-367](#)).

10 августа 1877 г. полковник Шелковников с основным отрядом отправился к с. Пащтве. Вечером ему донесли, что несколько сот махаджиров под начальством князя Гечи Решиды согнали к Гудауте окрестное население с целью переселить его в Турцию, а в час ночи 11 августа 1877 г. сообщили, что турки высадили в этом пункте батальон пехоты с артиллерией. В 3 часа ночи Шелковников выступил к Гудауте с 3 ротами 1-го и 2 ротами 2-го Кавказских линейных батальонов, двумя сотнями пластунов, двумя сотнями казаков и взводом горных орудий, и в 7 часов утра 11 августа 1877 г. Сочинский отряд приблизился к Лыхнам. Селение тянулось в сторону Гудауты на протяжении 4 км непрерывными садами и заканчивалось у широкого, поросшего кустарником оврага, за которым параллельно берегу моря поднимался незначительный кряж, возвышавшийся над лыхнинской равниной и отлого спускавшийся к Гудауте. Аробные дороги связывали оба селения, пролегая через овраг и высоты. Турки заняли наиболее важный пункт, установив одно орудие на командующей высоте и покрыв ложементами и завалами свою позицию. Два турецких броненосца стояли напротив Гудауты и имели возможность обстреливать лыхнинскую равнину с расстояния 1,5 км. Вступившая в Лыхны колонна Сочинского отряда была встречена выстрелами из-за плетней, но высланная вперед цепь сбила восставших абхазов. Благодаря фланговому удару в тыл турецких войск, произведенному 3-й ротой 2-го Кавказского линейного батальона под командой штабс-капитана Алекси, русские войска заняли господствующую высоту. Сочинский отряд занял турецкие позиции, но вести преследование турок и махаджиров под картечным огнем броненосцев не имело надобности, тем более что из Сухума прибыл третий броненосец. Турецкая пехота успела при помощи паровых катеров пересечь на пароходы, а махаджеры, не решившись на эвакуацию, под огнем русских войск направились берегом моря в сторону Сухума, куда бежала и часть окрестных жителей, оставивших на берегу свое имущество и скот. Потери махаджиров и турок в гудаутском деле достигли до 80 человек убитыми, в том числе были и 2 офицера. Потери Сочинского отряда заключались в 7 убитых и 16 раненых нижних чинов. Русским войскам достались большое количество патронов к ружьям Пибоди Мартини, много солдатских патронташей, запасы галет, полные амбары кукурузы в Гудауте, скот и съестные припасы. Местность между Гудаутой и селением Аацы была очищена от турок и махаджиров. Лыхнинское население с восторгом приветствовало русские войска ([Дзидзария, 1982: 345](#)).

11 августа полковник Шелковников с отрядом расположился в Лыхнах и Гудауте. В одном из аулов русским командованием был обнаружен пленный раненый казак 4-й сотни Ейского конного полка Кубанского казачьего войска из станицы Ново-Деревянковской Зиновий Карпенко. От него стало известно, что местное население две недели назад покинуло населенный пункт для отправки в Турцию ([Война России..., 1879: 337-338](#)).

С рассветом 12 августа 1877 г. Гудаута была занята 3-й ротой 2-го Кавказского линейного батальона, чтобы предупредить новые попытки турок высадиться в этом пункте, а 4 сотни Кавказско-Екатеринодарского конного полка были выдвинуты в с. Аацы, составив авангардную колонну Сочинского отряда ([Материалы для описания, 1909: 370](#)).

Пароход «Великий князь Константин» вышел из Новороссийска вечером 10 августа 1877 г. и утром 11 августа подошел к Сочи для сбора сведений, а днем отправился в район Пицунды, где стали встречаться турецкие кочермы, направлявшиеся в Самсун и Трапезунд. При осмотре двух кочерм были обнаружены семьи абхазов, которые решили переселиться в Турцию. При приближении русского парохода кочермы без сопротивления спустили паруса для остановки и осмотра их русскими моряками, после чего продолжали движение к турецким берегам. Вечером, после захода солнца, лейтенант Макаров увидел много огней на берегу Абхазии и предположил, что абхазы-переселенцы поджигают свои дома и леса ([Русские флотоводцы, 1953: 201](#)).

Капитан «Константина» лейтенант Макаров Новороссийск решил воспользоваться лунным затмением в ночь с 11 на 12 августа для действия против неприятельских броненосцев. Вечером 11 августа, подойдя к Сухуму, с парохода «Константин» спустили четыре миноносных катера, которые и атаковали стоявший на рейде большой турецкий броненосец и повредили его. После этого пароход «Константин» забрал свои миноносные катера и вечером 13 августа благополучно вернулся в Севастополь, не имея потерь ([Сборник материалов, 1899: 146](#)).

13 августа 1877 г. в виду Гудауты показалось много парусных судов, лавировавших в направлении от Сухума до Пицунды. Одна из фелюг, войдя в сферу ружейного огня с берега, была пробита пулями и затоплена. Команда с фелюги спаслась вплавь к другим судам, которые удалились в море. 14 августа 1877 г. к Гудауте подошло турецкое двухмачтовое судно и, остановившись на якорь в 400 м от берега, выслало фелюгу с пятью гребцами. Когда фелюга находилась в 50 м от берега, русские войска открыли огонь, 4 матроса были убиты, а пятый смертельно ранен. Охотники бросились вплавь и привели фелюгу к берегу. В то же время на судне начали поднимать паруса и якорь, но выстрелы с берега перебили веревки, паруса упали, и судно осталось на месте. На исправленной фелюге была отправлена команда охотников под начальством прапорщика 2-го Кавказского линейного батальона Мандшилина, которая привела судно к берегу. В трюме взятого судна, кроме товара, найдены были магазинные ружья, револьверы, азиатские кинжалы, пистолеты, шашки и ножи ([Материалы для описания, 1909: 370](#)).

15 августа 1877 г. Сочинский отряд перешел к селу Аацы, оставив в Лыхнах при больных и раненых 3-ю роту 1-го Кавказского линейного батальона, командиру которой было приказано после ремонта взятого судна отправить на нем в Сочи раненых и больных, а потом присоединиться к отряду ([Материалы для описания, 1909: 370-371](#)).

16 августа 1877 г. действующий со стороны Кубанской области Марухский отряд под командой генерала Бабича продвинулся с севера в Гумское ущелье, по которому проходила дорога в Сухум. Пользуясь отсутствием турецких войск в Гумском ущелье, авангард генерала Бабича занял его и расположился в одном км от выхода из ущелья. Остальные части Марухского отряда расположились в 3 км от авангарда на р. Гумисте. Ингурский отряд перешел 16 августа 1877 г. р. Келасури и занял авангардом Абжагву в 7 км восточнее Сухума. В этот день вследствие сообщения генерала Алхазова полковнику Шелковникову о предстоящем наступлении с востока Ингурского отряда к Сухуму Сочинский отряд выступил из Аацы и расположился на высотах правого берега р. Юдорты, где и провел следующий день в ожидании приказаний от генерала Бабича ([Кубанские областные ведомости, 1877: 27 августа](#)).

С прибытием Сочинского отряда командир Марухского отряда генерал Бабич принял начальство над всеми тремя отрядами и намеревался овладеть высотами, окружавшими Сухум ([Материалы для описания, 1909: 388](#)).

18 августа 1877 г. Сочинский отряд переправился через р. Гумисту, поднялся на высоты западнее «Трапезии» и наладил связь с Марухским отрядом. С наблюдательных постов замечалось усиленное движение пароходов и разного рода судов из Сухума в Батум и обратно. В этот день в Сухум прибыло 9 больших пароходов, 4 парусных судна и 16 кочерм. На пристани в Сухуме активно производились погрузочные работы ([Материалы для описания, 1909: 379, 384-385](#)).

19 августа 1877 г. на состоявшемся совещании у генерала Бабича присутствовали командир Сочинского отряда полковник Шелковников и командир Ингурского отряда генерал Алхазов. Было решено начать наступление на Сухум утром 20 августа. В час ночи 20 августа генерал Бабич получил от начальника Ингурского отряда рапорт, в котором мотивированно предлагалось отменить намеченное наступление на Сухум. Генерал Бабич согласился с доводами и послал указание Шелковникову отменить наступление. Необходимо отметить, что за несколько часов до получения рапорта генерала Алхазова, генерал Бабич получил донесение от полковника Шелковникова, в котором сообщалось, что турки оставляют Сухум, а замеченный вечером в городе большой пожар подтверждал это, но генерал Бабич решил отменить наступление ([Материалы для описания, 1909: 389-390](#)).

Множество перебежчиков со стороны турок уверяли, что турецкие войска завтра, т.е. 20 августа 1877 г., покинут Сухум. Имелись сведения, что оставление турками Сухума без боя соответствовало

планам генерал-майора Алхазова, который полагал, что неблагоразумно брать силою то, что можно взять без потерь. В русских войсках среди солдат были иные настроения, т.к. ускользал благоприятный случай примерно наказать врага ([Описание боевой жизни, 1884: 96](#)).

Распоряжение об отмене штурма не успело дойти до Сочинского отряда. Рано утром 20 августа 1877 г. полковник Шелковников, разделив Сочинский отряд на две колонны, двинулся на рассвете к левофланговым позициям турок. Найдя эти позиции незанятыми, колонны Сочинского отряда взойшли на «Трапедию» и к 6 часам утра после перестрелки с последними садившимися на суда турецкими войсками заняли город, проникнув до пристани. Восемь турецких военных пароходов, стоявших в бухте, открыли по колоннам Сочинского отряда огонь, но вреда им не причинили. Следом за Сочинским отрядом в Сухум выдвинулись Марухский и Ингурский отряды. В 8 часов утра турецкая эскадра завершила эвакуацию своих войск и ушла в море. Окрестное население поголовно ушло в Турцию ([Материалы для описания, 1909: 391](#)).

После ухода турок город Сухум представлял сплошные развалины. От прекрасного ботанического сада и всех других садов остались одни лишь торчащие пни. Маяк был испорчен, и само здание сожжено. Вся местность, колодцы и резервуары с водой, а также не вполне разрушенные постройки были наполнены массой трупов животных разных пород, кожи с которых были сняты и увезены турками с собой. Трупы животных разлагались от сильной жары, производили нестерпимый смрад, разносившийся ветром далеко по окрестностям Сухума. Большая территория Абхазии, еще недавно заселенная и полная жизни, была опустошена. Турки увезли с собой почти половину населения Абхазии, кроме этого, они сжигали русские, болгарские, греческие поселки и аулы непокорившихся абхазов ([Описание боевой жизни, 1884: 107-108](#)).

Освобождение территории Абхазии от турецких войск означало, что территория Сухумского военного отдела потеряла военное значение, было принято решение оставить в Абхазии необходимую для обороны часть войск. Предполагалось Марухский и Сочинские отряды отвести в районы их дислокации, немедленно отправить в главные силы Кавказской армии Кубанский пехотный полк, 2-й и 4-й батальоны Черноморского полка и образовать значительный резерв в долине р. Риони ([Материалы для описания, 1909: 391-392](#)).

23 августа Сочинский отряд выступил обратно в Черноморский округ. К 27 августа он достиг Гагры, куда прибыли по распоряжению главного командира Черноморского флота и портов военные пароходы «Веста» и «Владимир». На борт этих судов погрузили всех раненых и больных, 3 роты 1-го Кавказского линейного батальона, а в Сандрипше – и начальника отряда. Утром 28 августа роты были доставлены в Туапсе, а вечером больные и раненые прибыли в Новороссийск ([Сборник материалов, 1899: 166](#)).

Остальные части Сочинского отряда – 2-й Кавказский линейный и 3-й пеший пластунский батальоны – прибыли в Сочи 3 сентября, а взвод 2-й полубатареи 6-й батареи 20-й артиллерийской бригады в п. Вельяминовский 7 сентября. Кавказско-Екатеринодарский конный полк оставлен в с. Лыхны, и одна его сотня заняла Пицунду. По возвращении Сочинского отряда из Абхазии в Черноморский округ началось вызванное недостатком теплых помещений передвижение некоторых частей войск с Черноморского побережья в Кубанскую область на зимние квартиры. Передислокация войск завершилась к 15 октября ([Материалы для описания, 1909: 392-393](#)).

2 января 1878 г. турецкий пароход бомбардировал город Анапу, по которой было выпущено более 80 снарядов. В городе был убит один казак 5-го пластунского батальона и контужен временно находившийся в Анапе сотник Таманского конного полка Даниленко. Из зданий повреждена церковь, снарядом пробита крыша, разрушено 4 и повреждено 8 домов. Со стороны русских войск было выпущено 33 гранаты, которые не причинили вреда турецкому броненосцу ([Материалы для описания, 1909: 396-398](#)).

После бомбардирования Анапы неприятельские суда не появлялись у берегов Черноморского округа вплоть до окончания войны, и войска оставались без перемены на местах своего расположения. 20 августа 1878 г. был отдан приказ о снятии минных заграждений в портах, что было исполнено в Новороссийске ([Материалы для описания, 1909: 399](#)).

Военное положение в Кубанской области, Черноморском округе и на других территориях Закавказья было отменено 1 сентября 1878 г., т.е. через год после очищения Абхазии от турок и махаджиров ([Дзидзария, 1982: 347](#)).

6 января 1879 г. 3-й роте 2-го Кавказского линейного батальона были пожалованы знаки на шапках с надписью: «*За отличие против турок в Абхазии в 1877 году*» ([Гизетти, 1896: 2](#)).

5. Заключение

Таким образом, необходимо рассматривать боевые действия Сочинского отряда в Сухумском военном отделе в совокупности с оперативной обстановкой в Абхазии и учитывать исторические аспекты, оказавшие влияние на взаимоотношения местного населения и русской администрации.

Летом 1877 г. русское командование предприняло решительные действия в отношении турецких войск, оккупировавших территории Сухумского военного отдела и частично Сочинского попечительства Черноморского округа (Адлер и верховья р. Мзымты). Боевые действия в Абхазии

являлись второстепенным фронтом, но нельзя было недооценивать деятельность турецкого командования, которое в составе десантов отправило в Сухумский военный отдел вооруженных махаджиров из абхазов и черкесов. Местному населению Абхазии раздавалось оружие, не желающим примкнуть к восставшим применялись репрессивные меры воздействия. Противоречия местного населения с русской администрацией, которая своими действиями допускала ошибки в отношении народов Северного Кавказа, также учитывались султаном Оттоманской Порты и его окружением. Наличие турецких войск и восстание в Абхазии негативно отражались на народах Северного Кавказа, где турецкие агенты поддерживали и провоцировали антирусские настроения.

Сочинский отряд в августе 1877 г. участвовал в освобождении территории Сухумского военного отдела от турецких войск, махаджиров и восставших абхазов, при этом русское командование отводило отряду второстепенное значение. Следует отметить, что Сочинский отряд под командованием полковника Шелковникова в течение двух недель изгнал турецкие войска с их сателлитами из западной Абхазии. В то же время Ингурский отряд генерал-майора Алхазова два с половиной месяца, также с боями, продвигался с востока к Сухуму. Марухский отряд генерала Бабица практически без кровопролитных боев в течение двух недель с севера по территории Сухумского военного отдела достиг Сухума. Город Сухум 20 мая 1877 г. был взят в первую очередь Сочинским отрядом под командованием полковника Шелковникова, боевая деятельность которого была оценена по достоинству присвоением звания генерал-майора.

Благодаря изменению оперативно-тактической обстановки на главном театре войны, второстепенный Кавказский ТВД был Турцией свернут, что привело к уменьшению антирусских настроений среди народов Северного Кавказа, постепенному восстановлению социально-экономического развития на Черноморском побережье Северного Кавказа.

Литература

- [Агужба, Ачугба, 2005](#) – *Агужба Р.Х., Ачугба Т.А.* Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга I. Сухум, 2005.
- [Ачугба, 2011](#) – *Ачугба Т.А.* История Абхазии в датах. Справочник. Сухум, 2011.
- [Бадерхан, 2001](#) – *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2001.
- [Война России..., 1879](#) – Война России с Турцией 1877–1878 года. Подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу. Подвиги русских богатырей нашего времени, их биографии, очерки, рассказы, сцены и проч. / Сост. П. Гарковенко. М., 1879.
- [Гизетти, 1896](#) – *Гизетти Л.И.* Хроника Кавказских войск. Часть II. Тифлис, 1896.
- [Дзидзария, 1982](#) – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- [Дзидзария, 2017](#) – *Дзидзария Г.А.* Труды. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Т. IV. Второе дополненное издание. Сухум, 2017.
- [Желобов, 2017](#) – *Желобов В.Н.* Кубанское казачье войско в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017.
- [История Черноморского флота, 1914](#) – История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.
- [Ковалевский, 1912](#) – *Ковалевский П.И.* Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг.: Зелим-хан. СПб., 1912.
- [Кубанские областные ведомости](#) – Кубанские областные ведомости. 1877–1878.
- [Материалы для описания, 1909](#) – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре с планами. Т. V. Тифлис, 1909.
- [Материалы для описания, 1911](#) – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре с планами. Т. VII, часть II. Тифлис, 1911.
- [Описание боевой жизни, 1884](#) – Описание боевой жизни 76-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878-го годов. Тифлис, 1884.
- [Официальная хроника, 1877](#) – Официальная хроника // *Морской сборник*. 1877. Т. CLXI. № 7, июль.
- [Панькин, 2020](#) – *Панькин В.А.* Организация добровольческих частей Османской империи из представителей народов Северного Кавказа в годы русско-османской войны 1877–1878 гг. на Кавказско-малоазиатском фронте // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2020. Т. 12. № 2. С. 186-202.
- [Русские флотоводцы, 1953](#) – Русские флотоводцы. С.О. Макаров. Документы // Под редакцией подполковника А.А. Самарова. Т. 1. Москва, 1953.
- [Русский мир, 1877](#) – Русский мир. 1877. 22 июня.
- [Русско-турецкая война, 1879](#) – Русско-турецкая война. За свободу славян за Дунаем и за Кавказом. М., 1879.
- [Сборник материалов, 1899](#) – Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Оборона Черноморского побережья. Выпуск 17. СПб., 1899.
- [Хорава, 2013](#) – *Хорава Б.* Махаджирство абхазов 1867 года. Тбилиси, 2013.

[Хронология..., 1891](#) – Хронология русской военной истории / Сост. А. Лацинский. СПб., 1891.

[Цвижба, 2019](#) – *Цвижба Л.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и участие в ней абхазов // *Восточный архив*. 2019. № 1 (39).

[Blagoder, 2019](#) – *Blagoder Yu.G.* Tragic 1905 on the Pages of “Kubanskije Oblastnye Vedomosti” Newspaper: Battles in China and the Revolution in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. Is. 4. Pp. 60-70.

[Taran, Ludwig, 2020](#) – *Taran K.V., Ludwig S.D.* The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 1245-1254.

References

[Achugba, 2011](#) – *Achugba, T.A.* (2011). Istorija Abkhazii v datakh. Spravochnik [History of Abkhazia in dates. Reference book]. Sukhum. [in Russian]

[Aguzhba, Achugba, 2005](#) – *Aguzhba, R.Kh., Achugba, T.A.* (2005). Abkhaziya i abkhazy v rossijskoj periodike (XIX – nach. XX vv.). Kniga I [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals (XIX – early XX centuries). Book I]. Sukhum. [in Russian]

[Baderkhan, 2001](#) – *Baderkhan, F.* (2001). Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka) [North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX – first half of the XX century)]. M. [in Russian]

[Blagoder, 2019](#) – *Blagoder Yu.G.* (2019). Tragic 1905 on the Pages of “Kubanskije Oblastnye Vedomosti” Newspaper: Battles in China and the Revolution in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 24. Is. 4. Pp. 60-70.

[Dzidzariya, 1982](#) – *Dzidzariya, G.A.* (1982). Makhadzhestvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Mahajirism and the problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]

[Dzidzariya, 2017](#) – *Dzidzariya, G.A.* (2017). Trudy. Makhadzhestvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Proceedings. Mahajirism and the problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. T. IV. Vtoroe dopolnennoe izdanie. Sukhum. [in Russian]

[Gizetti, 1896](#) – *Gizetti, L.I.* (1896). Khronika Kavkazskikh voisk. Chast' II [Chronicle of the Caucasian troops. Part II]. Tiflis. [in Russian]

[Istorija Chernomorskogo flota, 1914](#) – Istorija Chernomorskogo flota 1696-1912 gg. [History of the Black Sea fleet 1696-1912]. SPb., 1914. [in Russian]

[Khorava, 2013](#) – *Khorava, B.* (2013). Makhadzhestvo abkhazov 1867 goda [Mahajirism of the Abkhaz in 1867]. Tbilisi. [in Russian]

[Khronologiya..., 1891](#) – Khronologiya russkoj voennoj istorii [Chronology of Russian military history]. Sost. A. Latsinskij. SPb., 1891. [in Russian]

[Kovalevskij, 1912](#) – *Kovalevskij, P.I.* (1912). Vosstanie Chechni i Dagestana v 1877-1878 gg.: Zelimkhan [The uprising of Chechnya and Dagestan in 1877-1878: Zelim Khan]. SPb. [in Russian]

[Kubanskije oblastnye vedomosti](#) – *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1877-1878. [in Russian]

[Materialy dlya opisaniya, 1909](#) – Materialy dlya opisaniya russko-turetskoj vojny 1877-1878 gg. na kavkazsko-maloazijskom teatre s planami [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877-1878. at the Caucasus-Asia Minor theater with plans]. T. V. Tiflis, 1909. [in Russian]

[Materialy dlya opisaniya, 1911](#) – Materialy dlya opisaniya russko-turetskoj vojny 1877-1878 gg. na kavkazsko-maloazijskom teatre s planami [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877-1878 at the Caucasus-Asia Minor theater with plans]. T. VII, chast' II. Tiflis, 1911. [in Russian]

[Ofitsial'naya khronika, 1877](#) – Ofitsial'naya khronika [Official Chronicle]. *Morskoi sbornik*. 1877. T. CLXI, № 7, iyul'. [in Russian]

[Opisanie boevoi zhizni, 1884](#) – Opisanie boevoi zhizni 76-go pekhotnogo Kubanskogo polka v minuvshuyu voinu 1877-1878-go godov. Tiflis, 1884. [in Russian]

[Pan'kin, 2020](#) – *Pan'kin, V.A.* (2020). Organizatsiya dobrovol'cheskikh chastej Osmanskoi imperii iz predstavitelej narodov Severnogo Kavkaza v gody russko-osmanskoi vojny 1877-1878 gg. na Kavkazsko-maloazijskom fronte [Organization of volunteer units of the Ottoman Empire from representatives of the peoples of the North Caucasus during the Russian-Ottoman war of 1877-1878 on the Caucasian-Asia Minor front]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 12(2): 186-202. [in Russian]

[Russkie flotovodtsy, 1953](#) – Russkie flotovodtsy. S.O. Makarov. Dokumenty [Russian naval commanders. S.O. Makarov. Documents]. Pod redaktsiej podpolkovnika A.A. Samarova. T. 1. Moskva, 1953. [in Russian]

[Russkij mir, 1877](#) – Russkij mir [Russian world]. 1877. 22 iyunya. [in Russian]

[Russko-turetskaya vojna, 1879](#) – Russko-turetskaya vojna. Za svobodu slavyan za Dunaem i za Kavkazom [Russian-Turkish War. For the freedom of the Slavs beyond the Danube and the Caucasus]. M., 1879. [in Russian]

[Sbornik materialov, 1899](#) – Sbornik materialov po russko-turetskoj vojne 1877-1878 gg. na Balkanskom poluostrove. Oborona Chernomorskogo poberezh'ya [Collection of materials on the Russian-

Turkish war of 1877-1878 on the Balkan Peninsula. Defense of the Black Sea coast]. Vypusk 17. SPb., 1899. [in Russian]

Taran, Ludwig, 2020 – Taran, K.V., Ludwig, S.D. (2020). The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region. *Bylye Gody*. 57(3): 1245-1254.

Tsvizhba, 2019 – Tsvizhba, L.I. (2019). Russko-turetskaya voina 1877-1878 gg. i uchastie v nei abkhazov [Russian-Turkish war 1877-1878 and the participation of the Abkhazians in it]. *Vostochnyi arkhiv*. 1(39). [in Russian]

Voina Rossii..., 1879 – Voina Rossii s Turtsiei 1877-1878 goda. Podrobnoe opisaniye voennykh podvigov russkikh voisk na obeikh teatrakh voiny za veru i svobodu. Podvigi russkikh bogatyrei nashego vremeni, ikh biografii, ocherki, rasskazy, stseny i proch [War of Russia with Turkey in 1877-1878. A detailed description of the military exploits of the Russian troops in both theaters of the war for faith and freedom. The exploits of the Russian heroes of our time, their biographies, essays, stories, scenes, etc.]. Sostavil P. Garkovenko. M., 1879. [in Russian]

Zhelobov, 2017 – Zhelobov, V.N. (2017). Kubanskoe kazach'e voisko v Russko-Turetskoi voine 1877-1878 gg. [Kuban Cossack army in the Russian-Turkish war of 1877-1878]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Krasnodar. [in Russian]

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: боевые действия Сочинского отряда в Сухумском военном отделе

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^c, Владимир Александрович Свечников ^d, Владимир Гаврилович Иванцов ^e

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^cФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^dРоссийский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^eСочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются боевые действия Сочинского отряда русской армии на территории Сухумского военного отдела в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Уделено внимание деятельности на турецкой стороне махаджиров, а также взаимоотношению русских войск и местного населения на территории Сухумского военного отдела.

В качестве источников были использованы материалы периодической печати. Особо необходимо отметить газету «Кубанские областные ведомости», на страницах которой публиковалось значительное количество сведений с фронта, а также газету «Русский мир». Официальная хроника публиковалась в главном журнале военно-морского ведомства – «Морской сборник». Также для нашей темы представляют интерес изданные сборники документов.

В методологическом плане авторами был применен принцип историзма, который позволил произвести анализ дореволюционных источников и историографии, в которых нашла отражение тема русско-турецкой войны на Кавказском театре военных действий в 1877–1878 гг. Помимо этого, широко применялся описательный метод, который позволил оживить картину боевых действий и выявить многочисленные подробности, без которых она была бы неполной. Использовались также проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

В заключении авторы приходят к выводу, что рассматривать боевые действия Сочинского отряда в Сухумском военном отделе необходимо в совокупности с оперативной обстановкой в Абхазии и учитывать исторические аспекты, оказавшие влияние на взаимоотношения местного населения и русской администрации.

В конечном итоге, благодаря изменению оперативно-тактической обстановки на главном театре войны, второстепенный Кавказский ТВД был Турцией свернут, что привело к уменьшению антирусских настроений среди народов Северного Кавказа, а также постепенному восстановлению социально-экономического развития на Черноморском побережье Северного Кавказа.

Ключевые слова: русско-турецкая война, 1877–1878 гг., Кавказский театр военных действий, Сочинский отряд, Сухумский военный округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2720-2728. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2720
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind

Nikolay A. Vlasov ^{a, *}

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The main topic of this article is the image of Russia by the famous German statesman of the second half of the XIXth century, Prince Otto von Bismarck. The reconstruction of this image is necessary for better understanding of Bismarck's policy towards Russia. To achieve this goal we need to examine the whole set of Bismarck's statements about Russia dispersed over his papers and speeches and to use different methods of textual analysis to discover patterns and interconnections between particular notions. An important part of the research process was the creation of a database including all relevant statements. The main finding of this research is that Bismarck's judgments about Russian people and Russian Empire were shaped by his "race theory" regarding Slavs as weak, "womanly" and generally inferior to Germans. He believed that German elements were of crucial importance in Russian history and treated Russia as a "semi-barbaric" country. Bismarck held Russian elites and government officials in low esteem and was deeply pessimistic about the future of Russian Empire and Russian-German relations.

Keywords: Otto von Bismarck, German foreign policy, international relations in XIXth century, national images, image of Russia.

1. Введение

Исследование мировоззрения политических деятелей и его влияния на принимаемые ими решения является одним из важных направлений в рамках как исторической, так и политической науки. Это, безусловно, относится и к такой ключевой фигуре европейской истории второй половины XIX в., как Отто фон Бисмарк. Находясь на посту главы прусского правительства, а затем став канцлером единой Германской империи, он мог практически единолично руководить внешней политикой страны. Принятые им решения оказали огромное влияние на развитие международной системы в целом и российско-германских отношений в частности.

В России Бисмарка традиционно рассматривают как сторонника сотрудничества и даже дружбы двух стран. В современном информационном пространстве распространены апокрифические высказывания «железного канцлера» о недопустимости вооруженного конфликта между ними («Никогда не воюйте с Россией», «Славяне непобедимы» и т.д.). Между тем по сегодняшний день не была предпринята попытка всесторонней реконструкции представлений Отто фон Бисмарка о России. Лишь она способна дать полный ответ на вопрос о том, чем руководствовался «железный канцлер» при выборе внешнеполитического курса в отношении Петербурга.

Актуальность данного исследования определяется той масштабной ролью, которую сыграла внешняя политика Отто фон Бисмарка в развитии системы международных отношений, а также значением фигуры «железного канцлера» в современной российской исторической памяти. Кроме того, оно позволяет внести вклад в изучение проблемы влияния мировоззрения политического деятеля на принимаемые им решения.

* Corresponding author

E-mail addresses: n.vlasov@spbu.ru (N.A. Vlasov)

2. Материалы и методы

Изучение взглядов Бисмарка на Россию потребовало разработки специальной методологии, которая позволила бы систематизировать и проанализировать весь комплекс его высказываний с учетом их контекста. В науках о человеке (истории, политологии, социологии) в течение последних десятилетий разработаны различные методы реконструкции мировоззрения личности на основе ее высказываний. Все они основаны на двух теоретических предпосылках. Первая заключается в том, что любое высказывание должно интерпретироваться с учетом контекста, и важной задачей при этом является идентификация неявно выраженных взглядов, убеждений и логических связей, лежащих в основе рассуждений автора. Однако раскрыть эти взгляды и убеждения на основании одного конкретного высказывания, во многом продиктованного контекстом, часто оказывается невозможным – и второй предпосылкой является необходимость изучения большого массива данных, поиска в нем характерных особенностей и повторяющихся элементов.

Таким образом, первым этапом настоящего исследования стало построение базы данных известных нам высказываний Бисмарка о России, содержащих элемент оценочного суждения. Для построения этой базы мы обратились к трем имеющимся на сегодняшний день собраниям сочинений «железного канцлера», а также мемуарам его современников. Уже на этапе создания базы осуществлялась сортировка высказываний по двум параметрам – тематике (было выделено 15 тематических блоков) и достоверности. В последнем случае высказывания делились на три группы: с сомнительной достоверностью (известные с чужих слов), обусловленные контекстом (авторство несомненно, но содержание продиктовано обстоятельствами появления на свет) и «надежные» (авторство несомненно, автор относительно свободен в выражении своих мыслей). Получившаяся в итоге база данных включает в себя 844 высказывания Отто фон Бисмарка за период с 1848 по 1897 гг.

Для дальнейшего анализа высказываний использовались элементы так называемой «обоснованной теории» (Grounded Theory) – методологии, разработанной в 1960-е гг. социологами А. Строссом и Б. Глейзером (Glaser, Strauss, 1967). Основная ее суть заключается в движении «от данных к теории»: исследователь последовательно интерпретирует фразу за фразой, реконструируя мысли, явления и процессы, которые стоят за высказываниями. Одновременно производится кодирование: содержание высказываний формулируется в виде ключевых тезисов, которые затем объединяются в категории. Это позволяет с максимальной непредубежденностью подходить к имеющемуся материалу. В начале XXI в. немецкие исследователи У. Франке и У. Роос применили данную методологию в сфере исследований международных отношений для реконструкции систем убеждений политических деятелей на основании их текстов, предназначенных для широкой общественности (Franke, Roos, 2017). Методика настоящего исследования также предполагала подробный анализ и интерпретацию высказываний Отто фон Бисмарка с выделением повторяющихся идей, образов и допущений. На основе этого материала были затем сформулированы итоговые выводы.

3. Обсуждение

Исследование взглядов Отто фон Бисмарка началось еще при жизни «железного канцлера». В качестве примера одной из первых работ на данную тему можно привести монографию В.Н. Ренненкампа «Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка» (Ренненкампф, 1890). В дальнейшем взгляды Бисмарка изучил в той или иной степени каждый из его биографов; наиболее подробный их анализ можно найти в фундаментальных работах Л. Галля (Gall, 2002) и О. Пфланце (Pflanze, 2008).

В зарубежной историографии специальные исследования, посвященные представлениям Бисмарка о России, отсутствуют. Взглядам «железного канцлера» на систему международных отношений в Европе посвящена монография Д. Хаффера (Haffer, 2010), однако автор почти не уделяет внимания восприятию «железным канцлером» Российской империи. В России в последние годы появился ряд работ, посвященных указанной теме. В качестве примеров можно назвать монографию В.С. Дударева (Дударев, 2013) и статью А.С. Медякова (Медяков, 2015). Автор последней анализирует взгляды Бисмарка на Россию и делает справедливый вывод о том, что «существующие до сих пор представления о «русофильстве» Бисмарка едва ли верны. Бисмарк не был русофилом в смысле каких-либо симпатий к России» (Медяков, 2015: 74). Однако отечественные исследователи по сегодняшний день не предприняли попытку всесторонней и подробной реконструкции взглядов Бисмарка, ограничившись самыми общими соображениями на основе сравнительно небольшой источниковой базы. Ключевым вопросом для них во многом остается наличие у германского государственного деятеля эмоциональной привязанности («симпатий») к России, в то время как проблема в данном случае носит значительно более масштабный и комплексный характер.

4. Результаты

На восприятие Отто фон Бисмарком России во многом повлияли его политические взгляды, а также источники, из которых он черпал информацию о стране. К ним необходимо обратиться в первую очередь.

По своим политическим убеждениям «железный канцлер», несомненно, принадлежал к консервативному лагерю. Он был сторонником сохранения власти традиционной элиты и противником либеральных идей. В силу этого репутация России как «жандарма Европы», самой реакционной державы континента, не являлась для Бисмарка однозначно негативной. Он испытывал глубокую симпатию к патриархальному аграрному обществу, состоящему из законопослушных, богобоязненных, работающих крестьян и их покровителей-помещиков, которые одновременно служат надежной опорой королевскому трону. Бисмарк негативно относился к урбанизации и в целом довольно скептически рассматривал происходившие в современном ему обществе процессы экономического и социального развития, хотя и признавал невозможность остановить прогресс и отказаться от любых перемен.

Переходя к источникам представлений Бисмарка о России, необходимо, на наш взгляд, выделить три ключевых. Первый из них – взгляды и стереотипы, распространенные в западноевропейском обществе того времени, включая историческую литературу и политическую публицистику. Отсюда, в частности, Бисмарком была заимствована его «расовая теория», о которой будет подробнее сказано ниже.

Вторым источником стало общение с выходцами из Российской империи, среди которых преобладали этнические немцы. «У меня там есть множество родственников и знакомых», – заявил Бисмарк, к примеру, в рейхстаге 2 мая 1879 г., говоря о балтийских провинциях России (Bismarck, 2001d: 297). Наиболее характерным примером являлся граф Александр фон Кейзерлинг (Александр Андреевич Кейзерлинг), с которым Бисмарк был знаком со студенческой скамьи и поддерживал дружеские отношения до конца жизни (Власов, 2020). Сам «железный канцлер» называл его своим «старейшим и ближайшим другом» (Bismarck, 1926a: 43). Изучая высказывания Бисмарка, можно убедиться, что на многие связанные с Россией вопросы он смотрел как бы с позиции «балтийского немца»; влияние друзей и знакомых из данной среды представляется в связи с этим несомненным.

Наконец, третьим источником являлся личный опыт, полученный Бисмарком на посту прусского посланника в Санкт-Петербурге в 1859–1862 гг. На наш взгляд, значение этого опыта для формирования образа России в мировоззрении Бисмарка часто преувеличивают. В российскую столицу прусский дипломат прибыл уже зрелым 44-летним человеком со сложившейся системой взглядов. Анализ его высказываний говорит о том, что личное знакомство со страной позволило ему уточнить и расширить свои представления, но не изменило их кардинально.

Представления Бисмарка о России и русском народе во многом диктовались его воззрениями на характерные особенности трех рас, населявших Европу. «Расовая теория» Бисмарка не была оригинальной и основывалась на широко распространенной в рассматриваемую эпоху концепции. В соответствии с ней в Европе существовали три основные расы – германская, кельтская и славянская, каждая из которых обладала своими характерными чертами. Первая из них являлась «мужественной», две остальные – «женственными» (DeWolfe Howe, 1908: 170). В полном соответствии с гендерными стереотипами того времени Бисмарк считал «мужское» начало высшим по отношению к «женскому». В частности, только «мужественные» германцы могли создавать сильные, успешные государства. По мнению Бисмарка, именно наличие германского элемента, начиная с Рюрика, позволило России превратиться в сильную державу. «Без немецкой помощи и культуры ни русские, ни поляки не смогут самостоятельно справиться с задачами государственного управления», – категорически утверждал он (Bismarck, 2001c: 260).

Именно принадлежность к «женственной» славянской расе определяла в глазах Бисмарка многие характерные особенности русского народа. Русские, считал он, по своей природе ленивы и неспособны к упорному созидательному труду. Он не раз говорил о том, что «все хорошие, способные русские имеют примесь иностранной, а именно немецкой крови» (Lucius, 1920: 82). Кроме того, русские легкомысленны, обидчивы, завистливы и лицемерны. В то же время Бисмарк не отрицал наличия в русском национальном характере позитивных качеств: любезности, элегантности, неприхотливости и лояльности правителям. Последнее делало русских идеальными солдатами (Bismarck, 1926a: 626). «Они не умеют работать, зато ими легко руководить, – заявил канцлер во время одной из бесед. – Они не имеют силы сопротивляться и следуют за своими господами» (Bismarck, 1924: 253).

При этом Бисмарк не раз говорил и писал о своей симпатии к «простому человеку» в России. Под «простыми людьми» он подразумевал в первую очередь крестьян (Bismarck, 1926b: 239). Здесь мы наиболее отчетливо видим симпатии Бисмарка к патриархальному укладу. В русских крестьянах он ценил верность монарху, религиозность и миролюбие (Bismarck, 2001a: 404; Bismarck, 2001d: 343). Несколько иначе он относился к городским жителям: прислуга непрерывно ворует (Bismarck, 2001a: 348), на улицах необходимо постоянно демонстрировать обывателям свой высокий статус, чтобы добиться хоть сколько-нибудь вежливого обращения (Wilmowski, 1900: 31).

Означали ли эти симпатии Бисмарка к русскому крестьянству, что он считал «старую Россию» идеалом общественного и политического устройства, как некоторые прусские консерваторы того времени? На этот вопрос необходимо ответить отрицательно. В глазах Бисмарка Россия не могла служить примером для Западной Европы, поскольку значительно отставала от последней в своем

цивилизационном развитии. Говоря о «цивилизированных народах», он обычно прямо или косвенно исключал русских из их числа (Bismarck, 2001b: 264; Bismarck, 2010: 85). Русский народ Бисмарк однажды назвал «полуварварским» (Bismarck, 2001d: 377). Именно таким он видел положение России – где-то посередине между «цивилизированной» Европой и «варварской» Азией. На более высокую ступень цивилизации, по сравнению с азиатами, Россия, по мнению Бисмарка, смогла подняться исключительно благодаря германскому элементу.

С точки зрения «железного канцлера», деятельность «русских немцев» имела ключевое значение для Российской империи, поэтому он считал проводимую Петербургом политику «русификации» вредной с точки зрения интересов самой России. Весьма характерным является его высказывание о русской армии во время войны 1877–1878 гг.: «Простой солдат превосходен, а большинство офицеров – немецкого происхождения» (Tiedemann, 1909: 188). В этой фразе прекрасно отражена система представлений Бисмарка: русские могут быть хорошими исполнителями, но только под руководством «мужской» расы. Впрочем, речь идет не только о руководящих кадрах: «Без немецких аптекарей, пекарей, колбасников и так далее в России никогда не смогут обойтись» (Bismarck, 1924: 220).

За этот большой вклад в развитие России русские, по мнению Бисмарка, платили немцам неблагодарностью. «Ненависть к немцам, – заявил он однажды, – есть лишь следствие зависти. И при этом русские едят только немецкий хлеб и немецкие колбасы, принимают лекарства только из немецких аптек» (Bismarck, 1926a: 389). Эта зависть оборачивается самоубийственной для российского государства политикой вытеснения этнических немцев с руководящих постов.

«Оборачиваясь на русскую историю, начиная с эпохи Петра Великого, можно констатировать, что немцы (включая российских монархов) сыграли большую роль в том, что на протяжении полутора веков правительственная машина империи работала пусть небезупречно, но в целом надежно и равномерно, – писал Бисмарк германскому кронпринцу в 1881 г. – Однако после смерти императора Николая началось постепенное вытеснение немцев из всех органов власти и русификация последних. По мере развития этого процесса нарастали дезорганизация и неэффективность управленческого аппарата. Способность славян управлять своим государством без участия немцев была ограниченной еще со времен Рюрика, такой же она осталась и после освобождения от власти монголов. Требования, которые предъявляет к России существование в европейской системе, сделали немецких (или просто иностранных) государственных деятелей, законодателей и генералов еще более необходимыми для нее» (Bismarck, 2008: 681). Соответственно, политику «русификации» балтийских губерний Бисмарк считал губительной для России: «Нам будет только выгодно, если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной» (Bismarck, 2011: 773). Более того, продолжение подобной политики угрожало самому существованию России как государства (Busch, 1899: 119).

Уже из этих высказываний становится очевидным, что Бисмарк был весьма невысокого мнения о российском государственном аппарате. Особенно негативно он относился к чиновникам; в данном случае национальные стереотипы накладывались на его ненависть к бюрократам в принципе. В период пребывания на посту прусского посланника в Петербурге Бисмарк постоянно позволял себе в докладах в Берлин резкие высказывания на эту тему. «Самая тяжкая болезнь Российской империи, – писал он в 1860 г., – есть армия плохо оплачиваемых и неспособных чиновников» (Bismarck, 1925: 152). Помимо некомпетентности, повальный характер имеет коррупция. «На мой взгляд, – писал Бисмарк в 1861 г., – самой серьезной опасностью для российской державы является неизлечимый в долгосрочной перспективе вред от коррупции чиновников и офицеров; из него вытекает отсутствие любого правосудия и силы закона, что делает невозможным подъем общественного благосостояния и финансов» (Bismarck, 2001a: 400). Россия – страна беззакония и произвола: «То, что мы называем правосудием, существует только на бумаге» (Bismarck, 1925: 182).

О кадровых проблемах российского административного аппарата Бисмарк не раз говорил и в дальнейшем. «России не хватает честных, умных и энергичных людей, которые могли бы внести правильные предложения, а затем осуществить их на практике» – писал он в 1881 г. (Bismarck, 2008: 681). Проблема, с точки зрения «железного канцлера», заключалась не в том, что таких людей не допускают к рычагам власти, а именно в их принципиальном отсутствии. Бисмарк весьма скептически относился к образованным слоям и к элите российского общества.

Основной проблемой, связанной с российской элитой, немецкий политик считал наличие в ее рядах оппозиционной партии, которая тайно, а иногда и явно действует против самодержавия и тем самым ведет Россию к масштабному кризису. Высказывания Бисмарка 1860–1880-х гг. позволяют проследить, как с течением времени он оценивает влияние этой партии все выше, а перспективы российской государственной системы – все более пессимистично. Еще в бытность прусским посланником в Петербурге он писал в Берлин о существовании в рядах российской элиты двух группировок – консервативной и «либеральной» (Bismarck, 1925: 152). Вторую он на тот момент считал меньшинством. Постепенно к характеристике этой партии добавились слова «национально-русская» (Bismarck, 2001b: 388) и «московитская» (Bismarck, 1930: 212). Подразумевалось, что она как

на внутривластной, так и на внешнеполитической арене выступает против немцев, составлявших основу «консервативной» партии.

В течение 1870-х гг. представление Бисмарка о могуществе «москвитов» непрерывно росло. Из меньшинства они превратились в большинство. В глазах канцлера это было связано в том числе с поддержкой, которую имели «москвиты» в российском обществе. Последнее стало интересовать Бисмарка именно в это время; из 122 высказываний, касающихся российского общественного мнения, лишь 12 приходится на период до 1870 г., а более половины – на 1880-е гг. По мнению канцлера, общественное мнение и средние слои общества в России являются деструктивными силами, рассадниками шовинизма и нигилизма (Bismarck, 2018: 425). Происходит это во многом из-за «перепроизводства» образованных молодых людей, которые, не находя себе достойной работы, пополняют ряды радикалов (Bismarck, 2008: 651).

С рубежа 1870–1880-х гг. Бисмарк начал еще более пессимистично оценивать внутреннюю ситуацию в России. Во многом это было связано с убийством Александра II. В феврале 1880 г. канцлер писал о двух «родственных, но не тождественных» группировках – «панславистской, к которой принадлежат Милютин и великие князья, и революционной» (Bismarck, 2008: 344). Впоследствии он использовал эти термины уже как синонимы. Именно оппозиционная элита, считал канцлер, разжигает нигилизм в обществе и оказывает большое влияние на политику государства; ее представители занимают руководящие посты в армии, высшей бюрократии и придворных кругах (Bismarck, 2001e: 472).

С точки зрения Бисмарка, оппозиция элиты с течением времени все сильнее ограничивала власть российского монарха. В начале 1860-х гг. он писал о том, что злонамеренные царедворцы обманывают Александра II и таким путем добиваются принятия невыгодных и нежелательных для царя решений (Bismarck, 2001a: 362). Тем не менее положение императора Бисмарк считал достаточно прочным. Однако уже в 1870-е гг. канцлер говорил, что российский монарх лишь с трудом сопротивляется давлению «национальной партии». Бисмарк считал, что даже решение начать войну против Османской империи в 1877 г. Александр II принял помимо своей воли, под давлением общественного мнения (Bismarck, 1933: 906). Еще через несколько лет «железный канцлер» заявлял о способности оппозиционных сил не просто оказывать на императора давление, а проводить свою собственную линию в обход монарха. Российская власть, писал он в конце 1880 г., сейчас вовсе не так монолитна, как в прошлом; договориться с царем и даже с наследником престола уже недостаточно, поскольку независимая от них группировка проводит свою политику (Bismarck, 2001d: 485). В 1880-е гг. Бисмарк все чаще говорил об императоре как об одинокой фигуре, пытающейся противостоять целиком оппозиционной элите и общественному мнению (Bismarck, 2001e: 547). В письме военному министру в 1886 г. канцлер заявлял, что не знает, кто в России на деле «обладает императорской властью – Александр III или Катков» (Bismarck, 2001e: 427).

Соответственно, и оценка Бисмарком стабильности Российской империи становилась все более пессимистической. «Не считаю невозможным переход из крайности абсолютизма в крайность анархии», – писал он в 1880 г. (Bismarck, 2008: 389). В беседе с австро-венгерским кронпринцем Рудольфом в 1887 г. Бисмарк заявил, что «революции и как следствие российская республика могут появиться на свет очень скоро, если для этого представится возможность» (Bismarck, 2001e: 489). При этом канцлер крайне скептически относился к возможным широкомасштабным внутренним преобразованиям в Российской империи, считая, что ни к чему хорошему они не приведут. В 1881 г. он писал кронпринцу Фридриху Вильгельму: «Абсолютная монархия, на мой взгляд, еще должна сослужить русским службу – провести необходимые хирургические операции быстро и твердо. Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи. (...) Болезненное желание русских считаться столь же цивилизованными, как и жители Западной Европы, поначалу окажется удовлетворено: ведь конституция в их глазах является таким же признаком цивилизации, как одежда европейского покроя. Но я не верю в то, что русский парламент сможет сделать правительству какие-либо практические предложения. Мне думается, что он так и не выйдет за пределы критики существующего порядка» (Bismarck, 2008: 682).

Внутренние проблемы Российской империи напрямую отражались на ее дипломатии. В программу «национальной» партии, с точки зрения Бисмарка, входила не просто активная, а агрессивная внешняя политика, основанная на панславистских идеях. Ее целью прямо или косвенно являлась война; одни оппозиционеры считали таковую необходимой для реализации своей внешнеполитической программы, другие рассчитывали таким путем ослабить монархию и расчистить путь для кардинальных внутренних перемен (Bismarck, 2001c: 741). Российскую прессу Бисмарк считал деструктивной силой, «односторонне антипрусской и антигерманской» (Bismarck, 1930: 224).

О непредсказуемости российской внешней политики канцлер писал еще в 1868 г. (Bismarck, 2001b: 250). В дальнейшем он еще больше укрепился в своем мнении. С конца 1870-х гг. он все чаще

стал говорить о России как об угрозе европейскому миру в целом и Германской империи в частности. Примечательно, что из 85 высказываний Бисмарка, прямо или косвенно затрагивающих возможность российско-германской войны, только четыре относятся к периоду до 1879 г. «С тех пор, как страна преодолела последствия Крымской войны и одновременно панславистская революционная партия приобрела влияние, – писал Бисмарк Вильгельму I осенью 1879 г., – русская политика приобрела характер, опасный для мира в Европе. С момента падения Наполеона миру в Европе не угрожает никто, кроме славянофильской России. Это выглядит так, словно Россия под руководством славянской пропаганды стала наследницей наполеоновского цезаризма, приняв на себя миссию формировать черные точки на горизонте европейского мира» (Bismarck, 2008: 175). Безусловно, в данном случае канцлер сгустил краски, поскольку его непосредственной задачей было убедить Вильгельма I в необходимости заключения с Австро-Венгрией оборонительного союза против России. Однако подобные высказывания Бисмарк делал и в дальнейшем. «Россия – единственная держава, от которой следует ожидать нарушения мира», – писал он в декабре 1883 г. (Bismarck, 2010: 621).

Настаивая на необходимости сохранения с Российской империей хороших отношений и предостерегая от легкомысленно начатой войны против восточной соседки, Бисмарк тем не менее рассматривал ее в 1880-е гг. в первую очередь как потенциального противника. Об этом свидетельствуют его фразы, трактующие ослабление России как выгодное для Германии. Внутренний кризис в Российской империи, писал он в 1887 г., с высокой степенью вероятности лишит ее возможности проводить агрессивную политику и таким образом нейтрализует «русскую угрозу» (Bismarck, 2001e: 641).

Бисмарк не раз заявлял, что у России и Германии нет противоречащих друг другу интересов и повода для конфликта (Bismarck, 1929: 268). Однако в 1880-е гг. он не рассматривал политику Петербурга как рациональную; по его мнению, она в значительной степени диктовалась страстями и эмоциями. Россию того времени он сравнивал с человеком, которого охватило безумие (Bismarck, 2001d: 387). Страна, по его мнению, двигалась навстречу масштабному кризису. «Россию рано или поздно ждет крах», – заявил канцлер в беседе со своим врачом в начале 1884 г. (Bismarck, 1926a: 500). Этой точки зрения он, похоже, придерживался до конца своих дней.

5. Заключение

В ходе исследования удалось реконструировать образ России в мировоззрении Отто фон Бисмарка, оказавшийся внутренне логичным и непротиворечивым. Для Бисмарка русские являлись представителями «женственной» славянской расы, которая в его иерархии стояла ниже «мужественных» германцев. Неспособные на упорный труд и великие свершения, они смогли создать могущественное государство только при помощи этнических немцев. Российская империя в глазах Бисмарка была «полуварварской» страной, которая по уровню своего культурного развития стояла ниже Европы, но выше Азии.

Взгляды Бисмарка на Россию претерпели определенную эволюцию. В начале 1860-х гг., в период пребывания в Петербурге в качестве прусского посланника, он отмечал серьезные недостатки российского государственного аппарата, однако считал систему в целом достаточно стабильной, а российскую внешнюю политику – спокойной и предсказуемой. Однако с течением времени росло беспокойство Бисмарка по поводу деятельности оппозиционной «национальной» партии в рядах российской элиты и образованного среднего класса. С его точки зрения, эта партия стремилась к кардинальным внутривластным переменам и проведению активной «панславистской» внешней политике. Тревога Бисмарка достигла своего апогея в 1880-е гг., после убийства Александра II. «Железный канцлер» считал, что оппозиция способна не только навязать свою волю императору, но и напрямую проводить свою политику в обход монарха. Это делало внутренние потрясения неизбежными, а внешнюю политику России – агрессивной и непредсказуемой. Бисмарк начал воспринимать Российскую империю как угрозу для Германии и с глубоким пессимизмом смотрел в ее будущее.

Этот образ, безусловно, оказывал влияние на политику, которую канцлер проводил в отношении России. Заявляя о необходимости поддержания хороших отношений с восточной соседкой, он в то же время не доверял ей, не считал надежным партнером и не полагался на заключенные с ней соглашения. Это неизбежно вело к поиску дипломатических комбинаций, которые сделали бы Берлин как можно более независимым от непредсказуемой политики Петербурга. Оставшийся в памяти потомков как адепт российско-германской дружбы «железный канцлер» на самом деле внес значительную лепту в отчуждение между двумя странами.

Литература

Власов, 2020 – Власов Н.А. Друг Бисмарка: граф Александр Кейзерлинг // *Клио*. 2020. № 8. С. 182-188.

Дударев, 2013 – Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Санкт-Петербург: Алетей, 2013. 304 с.

Медяков, 2015 – Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // *Российская история*. 2015. № 6. С. 63-84.

- [Ренненкампф, 1890](#) – *Ренненкампф В.Н.* Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка. Киев: Товарищество печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и Ко в Москве, Киевское отделение, 1890. 414 с.
- [Bismarck, 1924](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 7. Gespräche. Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. 528 p.
- [Bismarck, 1925](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 3. Politische Schriften: März 1859 bis September 1862. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1925. 409 p.
- [Bismarck, 1926a](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 8. Gespräche. Bis zur Entlassung Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926. 724 p.
- [Bismarck, 1926b](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 9. Gespräche. Von der Entlassung bis zum Tode Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926. 499 p.
- [Bismarck, 1929](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 6. Politische Schriften: Juni 1866 bis Juli 1867. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1929. 423 p.
- [Bismarck, 1930](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 6a. Politische Schriften: 1867 bis 1869. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1930. 565 p.
- [Bismarck, 1933](#) – *Bismarck O.v.* Die gesammelten Werke. Bd. 14/II. Briefe 1862-1898. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1933. 1082 p.
- [Bismarck, 2001a](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 2. 1854-1862. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 538 p.
- [Bismarck, 2001b](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 4. 1866-1871. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 674 p.
- [Bismarck, 2001c](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 5. 1871-1876. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 789 p.
- [Bismarck, 2001d](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 6. 1877-1882. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 779 p.
- [Bismarck, 2001e](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 807 p.
- [Bismarck, 2008](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 827 p.
- [Bismarck, 2010](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 5. Schriften 1882-1883. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 678 p.
- [Bismarck, 2011](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. 855 p.
- [Bismarck, 2018](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 7. Schriften 1888-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018. 681 p.
- [Busch, 1899](#) – *Busch M.* Tagebuchblätter. Bd. 2. Leipzig: Wilhelm Grunow, 1899. 595 p.
- [DeWolfe Howe, 1908](#) – *DeWolfe Howe M.A.* The life and letters of George Bancroft. Vol. 2. New York: Charles Scribner's Sons, 1908. 364 p.
- [Franke, Roos, 2017](#) – *Franke U., Roos U.* Rekonstruktive Ansätze in den Internationalen Beziehungen und der Weltpolitikforschung: Objektive Hermeneutik und Grounded Theory / Handbuch Internationale Beziehungen. Ed. by Frank Sauer, Carlo Masala. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2017. Pp. 619-640.
- [Gall, 2002](#) – *Gall L.* Bismarck. Der weisse Revolutionär. München: Ullstein Verlag, 2002. 927 p.
- [Glaser, Strauss, 1967](#) – *Glaser B., Strauss A.* The discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. New Brunswick: Aldine Transaction, 1967. 272 p.
- [Haffer, 2010](#) – *Haffer D.* Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 723 p.
- [Lucius, 1920](#) – *Lucius von Ballhausen R.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1920. 590 p.
- [Pflanze, 2008](#) – *Pflanze O.* Bismarck. In 2 Bd. München: Verlag C.H. Beck, 2008. 906 p. + 808 p.
- [Tiedemann, 1909](#) – *Tiedemann C.v.* Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1909. 487 p.
- [Wilmowski, 1900](#) – *Wilmowski G.v.* Meine Erinnerungen an Bismarck. Breslau: Verlag von Eduard Trewendt, 1900. 203 p.

References

- [Bismarck, 1924](#) – *Bismarck, O.v.* (1924). Die gesammelten Werke. Bd. 7. Gespräche. Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 528 p.
- [Bismarck, 1925](#) – *Bismarck, O.v.* (1925). Die gesammelten Werke. Bd. 3. Politische Schriften: März 1859 bis September 1862. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 409 p.
- [Bismarck, 1926a](#) – *Bismarck, O.v.* (1926). Die gesammelten Werke. Bd. 8. Gespräche. Bis zur Entlassung Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 724 p.
- [Bismarck, 1926b](#) – *Bismarck, O.v.* (1926). Die gesammelten Werke. Bd. 9. Gespräche. Von der Entlassung bis zum Tode Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 499 p.

- [Bismarck, 1929](#) – *Bismarck, O.v.* (1929). Die gesammelten Werke. Bd. 6. Politische Schriften: Juni 1866 bis Juli 1867. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 423 p.
- [Bismarck, 1930](#) – *Bismarck, O.v.* (1930). Die gesammelten Werke. Bd. 6a. Politische Schriften: 1867 bis 1869. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 565 p.
- [Bismarck, 1933](#) – *Bismarck, O.v.* (1933). Die gesammelten Werke. Bd. 14/II. Briefe 1862-1898. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft. 1082 p.
- [Bismarck, 2001a](#) – *Bismarck, O.v.* (2001). Werke in Auswahl. Bd. 2. 1854-1862. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 538 p.
- [Bismarck, 2001b](#) – *Bismarck, O.v.* (2001). Werke in Auswahl. Bd. 4. 1866-1871. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 674 p.
- [Bismarck, 2001c](#) – *Bismarck, O.v.* (2001). Werke in Auswahl. Bd. 5. 1871-1876. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 789 p.
- [Bismarck, 2001d](#) – *Bismarck, O.v.* (2001). Werke in Auswahl. Bd. 6. 1877-1882. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 779 p.
- [Bismarck, 2001e](#) – *Bismarck, O.v.* (2001). Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 807 p.
- [Bismarck, 2008](#) – *Bismarck, O.v.* (2008). Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 827 p.
- [Bismarck, 2010](#) – *Bismarck, O.v.* (2010). Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 5. Schriften 1882-1883. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 678 p.
- [Bismarck, 2011](#) – *Bismarck, O.v.* (2011). Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 855 p.
- [Bismarck, 2018](#) – *Bismarck, O.v.* (2018). Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 7. Schriften 1888-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 681 p.
- [Busch, 1899](#) – *Busch, M.* (1899). Tagebuchblätter. Bd. 2. Leipzig: Wilhelm Grunow. 595 p.
- [DeWolfe Howe, 1908](#) – *DeWolfe Howe, M.A.* (1908). The life and letters of George Bancroft. Vol. 2. New York: Charles Scribner's Sons. 364 p.
- [Dudarev, 2013](#) – *Dudarev, V.S.* (2013). Peterburgskaya missiya Otto von Bismarcka. 1859-1862. [Otto von Bismarck's Mission in Petersburg]. Saint-Petersburg: Aleteiya. 304 p. [in Russian]
- [Franke, Roos, 2017](#) – *Franke, U., Roos, U.* (2017). Rekonstruktive Ansätze in den Internationalen Beziehungen und der Weltpolitikforschung: Objektive Hermeneutik und Grounded Theory / Handbuch Internationale Beziehungen. Ed. by Frank Sauer, Carlo Masala. Wiesbaden: Springer Fachmedien. Pp. 619-640.
- [Gall, 2002](#) – *Gall, L.* (2002). Bismarck. Der weisse Revolutionär. München: Ullstein Verlag. 927 p.
- [Glaser, Strauss, 1967](#) – *Glaser, B., Strauss, A.* (1967). The discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. New Brunswick: Aldine Transaction. 272 p.
- [Haffer, 2010](#) – *Haffer, D.* (2010). Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 723 p.
- [Lucius, 1920](#) – *Lucius von Ballhausen, R.* (1920). Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger. 590 p.
- [Medyakov, 2015](#) – *Medyakov, A.S.* (2015). «Nash Bismarck»? Rossiya v politike i vzglyadakh «zheleznogo kantslera» Germanii [“Our Bismarck”? Russia in Thought and Politics of German “Iron Chancellor”] *Rossiiskaya istoriya*. 6: 63-84.
- [Pflanze, 2008](#) – *Pflanze, O.* (2008). Bismarck. In 2 Bd. München: Verlag C.H. Beck. 906 p. + 808 p.
- [Rennenkampf, 1890](#) – *Rennenkampf, V.N.* (1890). Konstitutsionnye nachala i politicheskie vozzreniya knyazyia Bismarcka. [Constitutional Origins and Political Views of Prince Bismarck] Kiev: Tovarishchestvo pechatnogo dela i trgovli I.N. Kushnerev i Ko v Moskve, Kievskoe otdelenie. 414 p.
- [Tiedemann, 1909](#) – *Tiedemann, C.v.* (1909). Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. 487 p.
- [Vlasov, 2020](#) – *Vlasov, N.A.* (2020). Drug Bismarcka: Graf Alexander Keyserling [Bismarck's Friend: Count Alexander Keyserling]. *Klio*. 8: 182-188. [in Russian]
- [Wilmowski, 1900](#) – *Wilmowski, G.v.* (1900). Meine Erinnerungen an Bismarck. Breslau: Verlag von Eduard Trewendt. 203 p.

Образ России в мировоззрении Отто фон Бисмарка

Николай Анатольевич Власов^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Тема данной статьи – представления о России выдающегося государственного деятеля второй половины XIX в. князя Отто фон Бисмарка. Их реконструкция будет способствовать лучшему пониманию политики Бисмарка в отношении России. Для достижения поставленной цели необходим анализ всего комплекса высказываний Бисмарка о России, содержащихся в его речах и текстах, с использованием различных методов текстового анализа. Это позволяет обнаружить повторяющиеся шаблоны и связи между различными идеями. Важной частью процесса исследования являлось построение базы данных, включавшей в себя все релевантные высказывания. Основным выводом исследования заключается в том, что суждения Бисмарка о России и русском народе во многом определялись его «расовой теорией», в рамках которой славяне представляли слабыми, «женственными» и стоящими ниже германцев. Он полагал, что ключевое значение в русской истории играли германцы, и считал Россию «полуварварской» страной. Бисмарк невысоко оценивал российскую элиту и управленцев и с глубоким пессимизмом смотрел в будущее Российской империи и российско-германских отношений.

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк, внешняя политика Германии, международные отношения XIX века, национальные стереотипы, образ России.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: n.vlasov@spbu.ru (Н.А. Власов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2729-2741. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2729
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Electrotechnical Education in Russia at the Turn of the XXth Century: Imagination about Technological Future and Creation of Engineers as New Cultural Heroes

Natalia V. Nikiforova ^{a,*}, Ilya V. Sidorchuk ^b

^a Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

^b Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to temporal ideas of Russian engineering community in the nineteenth century, their ideas about the future of electrical technology and its ability to transform the country and society. The article also covers the ways in which engineers treated time and worked with it within electrotechnical engineering education. The discussions among the engineering community covered concrete technical questions, and at the same time involved broader issues of social meanings of technology and had an apparent temporal perspective. The electrotechnical education, that was under transformation at the turn of the XXth century, conveyed to students the ideas about the status and perspectives of electrification. Laboratory became the new space of technical education where students elaborated various skills important for the new engineering profession – precision measurement, work with different devices, as well as practical corporeal skills. In the lab students also learned to work with time – to distribute, plan and control, these skills can be considered a prehistory of contemporary project management. Electrical engineer was becoming a new cultural hero who knew how to make a working machine, but besides this challenged himself to coordinate the development of technology with social development.

Keywords: cultural history of technology, sociotechnical imaginaries, electrotechnical education, temporality, electrification.

1. Введение

В XIX в. западноевропейский мир стал озабочен временем – его ускорением, необходимостью поспеть за темпом жизни и прогресса. Универсальное механическое время постепенно вымещало традиционные и природные циклы. Сложился набор темпоральных представлений – озабоченность будущим как результатом нынешних и прошлых действий, открытие истории, линейности времени, фиксация эволюционных процессов. Установление новых темпоральных режимов во многом связано с технологическими нововведениями – транспортом, технологиями связи, созданием крупных технологических систем. В центре процессов технических преобразований находились инженеры – они стали новым типом ученого-практика и новыми культурными героями, чья миссия заключалась не только в создании технических артефактов, но и в преобразовании общества. Инженеры были ключевыми акторами, задававшими повестку обсуждения существующих и будущих технологий. Особая роль при этом отводилась электричеству – главному символу технологического новаторства, которое внедряли в производство, быт и городское пространство.

В дискуссиях инженерного сообщества обсуждалась проблематика будущего, участия электрификации в будущем и роли инженеров в трансформации настоящего. Новые принципы организации инженерно-технического образования, основанные на практике, связи науки и

* Corresponding author

E-mail addresses: nvnikiforova@hse.ru (N.V. Nikiforova), i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

промышленности, навыках проектирования и целесообразного использования времени формировали инженера как нового профессионала – агента технологических изменений и культурных трансформаций, носителя представлений о социотехническом будущем. На рубеже XIX и XX вв. формировалось представление о необходимости перестраивать подходы к среднему и высшему образованию в соответствии с идеями прогресса, создавать условия для развития гражданских воззрений (Сидорчук, Мосенц, 2019). Представления о сути инженерной практики и ее социокультурной составляющей закладывались в рамках электротехнического образования, которое в конце XIX в. трансформировалось, адаптируясь к новым вызовам промышленности и современного мышления.

Статья посвящена темпоральным представлениям, функционировавшим в сообществе российских электротехников XIX в.: их идеям о будущем электротехники и ее возможностях для преобразования общества и государства, а также принципам восприятия времени и работы с ним в рамках инженерно-технического образования.

2. Материалы и методы

Материалами для анализа стали труды электротехнических съездов, публикации в профессиональных журналах по электротехнике, а также материалы и публикации, связанные с электротехническим образованием, – истории учебных заведений, педагогическая публицистика, описания лабораторий.

Исследование опирается на подходы культурной истории технологий, ориентированной на поиск взаимодействий и взаимовлияний культурных, ценностных, политических установок и технологической среды. Технологические системы и решения – это не только набор артефактов, технических узлов и приемов, но и воплощение общественных ожиданий и представлений. Продуктивный методологический подход, применяемый в данной статье, – выявление «социотехнических воображаемых» (Jasanoff, 2009). Данный концепт обозначает коллективные представления о желаемом будущем, которые можно воплотить в технических системах или с их помощью. Выбранный подход позволяет объединить рассмотрение социальных установок с исследованием техники.

3. Обсуждение

История инженерно-технического образования в дореволюционной России становилась предметом исследования с точки зрения связи промышленности и образования, а также изменения программ и принципов преподавания в связи с развитием науки (Бутырин, 2009; Иванов, 1991; Сапрыкин, 2012; Balzer, 1996; Rieber, 1990). Деятельность российских дореволюционных электротехнических обществ по консолидации инженерного сообщества и по просвещению масс затронута в работах российских и зарубежных историков (Симонов, 2016; Coopersmith, 1992). Также рассмотрена история формирования российского инженерного сообщества как социальной группы со специфическими профессиональными ценностями (Бутырин, 2016; Крыштановская, 1989), проанализированы этические и ценностные аспекты инженерной деятельности (Домбинская, 2000; Шаповалов, 1984). Специфика культурных ценностей в контексте профессионализации электротехники затронута на материале американской профессиональной периодики (Marvin, 1988). Темпоральные ценности инженерной культуры (устремленность в будущее, утопический заряд) выявлены на материале западных стран (Van der Vleuten et al., 2017).

Существуют исследования, рассматривающие концептуальные сдвиги в подходах к организации инженерного и электротехнического образования в XIX в. на примере Великобритании. Во второй половине XIX века многие естественные науки были в значительной степени преобразованы и сосредоточились на способах определения точнейших значений. Исследователи обращают внимание на повышение значимости практик точных измерений для инженерного дела и технического образования (Gooday, 1990). Утвердилось представление, что все основные законы природы открыты и теперь перед науками стоит задача консолидации и детализации, что воплотилось в высоком интересе к стандартизации и унификации технических единиц (Morus, 2005; By Whose Standards, 2008). Работа по унификации электрических единиц активно обсуждалась в разных странах с 1880-х. Это считалось необходимым для развития международной связи, а также сигнализировало о консолидации электротехники как полноценной и целостной науки.

Историки характеризуют появление лабораторий в высших технических учебных заведениях XIX в. как рождение нового пространства производства знания и тренировки дисциплинарных и практических навыков (Gooday, 1990). Именно в формате «практикумов» студенты-инженеры изучали способы измерений и экспериментальных работ, а также учились корректно интерпретировать измерения. Г. Гудэй пишет о том, что в Великобритании инженеры-электрики воспринимали замеры как особый и значимый процесс, требующий специальных навыков и сноровки, даже ассоциирующийся с культурой джентльменства (Gooday, 2004).

Университетская лаборатория, которая сегодня представляется обязательным подразделением, не всегда была приемлемым пространством. Экспериментальные практики, которые стали постепенно вводить в научную деятельность в XVIII–XIX вв., будучи практическими и зрелищными,

воспринимались как находящиеся где-то между respectable пространством академии и обманчивой театральной сценой. Также публичные демонстрации постепенно показали, что производство знания требует практических, ручных, ремесленных операций, не подходящих университетским профессорам. Экспериментальное пространство нужно было облагородить и легитимировать. Д. Ливингстоун иллюстрирует формирование университетской электротехнической лаборатории в XIX в. фигурой Джеймса Максвелла, который мобилизовал целый набор метафизических и научных аргументов, чтобы «одомашнить» и адаптировать лабораторию к университетскому этису (Livingstone, 2003: 24).

Среди ценностей формирующегося сообщества инженеров-электротехников значимым был набор представлений о времени как о линейной сущности и исчислимом ресурсе, а также представления о прогрессе и устремленности в будущее. Эти идеи формировались на фоне общекультурных современных темпоральных воззрений, среди которых современные историки отмечают продуктивность «индустриального времени» (Adam, 1990), сокращение или даже уничтожение времени и пространства благодаря технологиям (Morris, 1998: 194-198). Идея скорости и движения также была одним из доминирующих представлений о времени и мире, а одним из ярких символов скорости было электричество, стремительно несущееся по проводам (Kern, 2003: 114).

Значимой стала ориентация на будущее, идея планирования, самодисциплины и калькуляции рисков. Одновременно с открытием и осознанием будущего как пространства рефлексии модерн стремился историзировать явления и процессы. А. Ассман пишет о темпоральной динамике модерна, в которой все подвержено переменам и все имеет генеалогию и исторический исток (Ассман, 2017). Связь прошлого и будущего рельефно реализовывалась в эволюционистских концепциях – мир претерпевал непрерывные продуктивные изменения, и само время превращалось в трансформативную преобразующую силу (Bock von Wülfingen et al., 2015).

Данная статья анализирует темпоральные представления в среде российских инженеров-электротехников и способы формирования и формулирования этих идей в рамках инженерного образования и деятельности инженерных обществ. Представления о будущем, о быстротекущем времени и нарастающем темпе науки, производства, потребления и самой жизни наполняли дискуссии о сути инженерной деятельности и принципах электротехнического образования. Электроэнергия и связанные с электричеством технологии были точкой концентрации размышлений о будущем страны, общества и прогресса.

4. Результаты

1. Электричество как будущее

В Российской империи электричество внедрялось достаточно активно, хотя темпы распространения были ниже, чем в Западной Европе и США. Историк Н.С. Симонов показывает, опираясь на «энергетические переписи» Министерства финансов 1906–1915 гг., что по этому показателю Россия была на четвертом месте в мире (Симонов, 2016). С начала XIX в. основной сферой применения электрических технологий была военная (телеграфия, телефония, электроподрыв мин). Помимо этого, развивалось и гражданское применение электричества – освещение, электроэнергия в промышленности и сельском хозяйстве, телеграфия и телефония. Электроэнергию считали многообещающей и перспективной, но непредсказуемой отраслью. Инженерное сообщество было озабочено тем, как поддержать молодую и неоформившуюся отрасль электротехники, помочь ей развиваться, определить, каким может быть ее будущее и роль в судьбе общества и страны.

Инженеры-электрики объединялись в сообщества (Общество инженеров-электриков, Общество русских электротехников). Самым крупным и активным было VI отделение Императорского русского технического общества (И.Р.Т.О.), основной целью которого объявлялось содействие развитию техники и технической промышленности в России (Иванов, 2006: 7). Среди средств к ее достижению была организация электротехнических съездов и выставок, содействие к расширению технического образования, посредничество между техниками и теми, кто мог нуждаться в их услугах. Для распространения теоретических и практических сведений началось издание журнала «Электричество», активно публиковались научно-популярные работы членов общества. Его повестка выработывалась в рамках электротехнических съездов, которые стали проводить с 1899 г. Специфические технические темы (решения для стыковок электрических железных дорог, конструкция двигателя, применение электричества в различных видах промышленности) затрагивали более широкие вопросы социального значения технологий для общества и государства и имели выраженную темпоральную перспективу. Инженеры концептуализировали электричество как компонент желательного благополучного социального будущего государства, выстраивали линейную перспективу истории человечества как истории потребления энергии, выдвигали предположения о том, каким станет будущее электротехники и будущее с электротехникой.

Участники съездов подчеркивали, что электрические технологии не только смогут обеспечить эффективность и ускорение производства, но также будут способны решать общественные задачи (например, стерилизация воды позволит преодолеть гигиенические проблемы в условиях «скученности» города (Эфрон, 1902–1903); электричество преобразует сельское хозяйство через

введение электрокультур, растущих быстрее (Пилсудский, 1903–1904); специальные приспособления позволят слепым читать (Тюрин, 1902–1903).

Важной темой, которая поднималась от съезда к съезду, была популяризация электричества, убеждение широкой публики в необходимости и пользе электрификации. Миссия инженера – не просто создать работающий объект или систему, но также позаботиться о создании рынка и формировании доверия – внушить обществу представление о том, что будущее связано с электрификацией и этот технологический сценарий желателен и неизбежен.

4.2. Электротехническое образование в России

До последней трети XIX в. электротехника изучалась в рамках военного дела. В 1840 г. Б. Якоби (изобретатель телеграфа) организовал при Главном военном инженерном училище электротехническую школу по подготовке военных специалистов-гальванеров по использованию подводных мин. В 1856 г. гальваническая команда была преобразована в Техническое гальваническое заведение, состоявшее при корпусе военных инженеров. В 1874 г. Морское ведомство создало в Кронштадте Минный офицерский класс для подготовки флотских специалистов по электроминному делу. Это было первое учебное заведение в Российской империи, в котором электротехника стала предметом изучения и практического применения. Выпускники занимались основными работами, связанными с электричеством в стране, включая установку электрического освещения в Кронштадте, освещение Зимнего и Гатчинского дворцов, электрическую иллюминацию московского Кремля во время коронации Александра III (Симонов, 2016: 214).

Электротехнику стали включать в программы технических университетов только в конце XIX – начале XX вв., например, в технологических (Санкт-Петербургском, Харьковском, Томском) и политехнических (Рижском, Киевском, Санкт-Петербургском) институтах, а также в Горном институте, в Институте инженеров путей сообщения.

Санкт-Петербургский электротехнический институт – специальное заведение, посвященное изучению электричества и электротехники, – появился в 1891 г. в результате преобразования Технического училища Почтово-телеграфного ведомства. Инженеры, представители промышленности и государства отмечали недостаток русских электротехников: расчет, строительство и управление предприятиями в основном осуществлялись иностранцами, этим объяснялась необходимость нового высшего учебного заведения (Курбанов, 1900). Потребность в специальном электротехническом институте объяснялась также тем, что из-под контроля иностранных фирм российская телеграфная сеть перешла к государству. Выпускники Электротехнического института в основном служили по почтово-телеграфному ведомству Министерства внутренних дел. Они руководили электрификацией фабрик, заводов, являлись экспертами по электричеству и телефонно-телеграфной связи при городских управлениях (Иванов, 1991: 70-72). Как отметил историк Н.С. Симонов, инженеры-электрики обладали политехнической подготовкой и имели представление о закономерностях функционирования различных видов технических объектов, что позволяло им адаптироваться к любой производственной и профессиональной среде. Диплом института открывал карьерные перспективы: при поступлении на государственную службу выпускникам был гарантирован 12-й или 10-й чин (Симонов, 2016: 217).

В начале XX в. инженеры и эксперты отмечали недостаток средних электротехнических учебных заведений и нехватку квалифицированных рабочих (Кульчицкий, 1898). Эти соображения высказывались на страницах журнала «Техническое и коммерческое образование», в публицистике, на электротехнических съездах (Одесское среднее электротехническое училище, 1912). Эта проблема стимулировала создание училищ, например, Одесского среднего электротехнического училища и Московского Императорского технического училища. Осенью 1910 г. были открыты Московские высшие электротехнические курсы. Предложение об их организации было высказано на Пятом электротехническом съезде. Созданы они были наподобие Электротехнической школы в Париже и принимали всех слушателей, имеющих соответствующее образование (Высшие электротехнические курсы, 1914).

Специфика электротехнического, как и инженерного образования, заключалась в том, что инженерное знание находится на стыке науки и практики, теории и промышленности, то есть позиция инженера предполагала специфичную роль связующего звена между предприятиями, государственными службами, пользователями, технологическими нововведениями. В рамках образовательного курса будущие инженеры должны были не только познакомиться с физическими законами и принципами электрических явлений, но и узнать, какие существуют и используются на предприятиях машины, научиться на них работать. В качестве финального этапа студентам предлагалось создать проекты фабрик, освещения домов и предприятий. В связи с практической направленностью инженерной деятельности в начале XX в. обсуждалась необходимость трансформировать подходы к образованию и уделять больше внимания практическим навыкам и тому, как электричество существует в промышленности (Труды высочайше утвержденной Комиссии, 1903).

Задача инженеров-электриков – приблизить «электрическое будущее», простимулировать развитие рынка и доверие потребителя, внести вклад в демократизацию электроэнергетики.

В высказываниях электротехников ощущается столкновение ускорения и замедления. В своем обращении к выпускникам Электротехнического института инженер-электрик, профессор Электротехнического института В.В. Дмитриев сетовал на недостаточную скорость развития электротехники в России: «медленное развитие станций отразилось на медленном развитии электромеханических предприятий». Один из способов создания рынка и стимулирования производства, по его мнению, – разработка комфортных тарифов: «при введении более низких тарифов... стоимость электрического освещения сравняется с керосиновыми лампами и даст прилив абонентов, которые, в конце концов, составят ядро потребителей электрической энергии и дадут возможность дальнейшего понижения стоимости энергии» (Доклад 2-му съезду..., 1910: 3). Кроме того, сооружение центральных станций тормозилось из-за недостатка свободных средств у городских управлений, а широкие круги населения не были включены в процесс принятия решений. Он предлагал новаторский способ – организацию паевых товариществ. Безусловно, сами по себе такие товарищества возникнуть не могли: мешали низкий уровень культуры городских поселений, недостаток инициативы и боязнь новшеств при малом знакомстве с электротехникой. Была необходима инициатива «культурных специалистов» – инженеров, способных разъяснить и вдохновить (Доклад 2-му съезду..., 1910: 4). В.В. Дмитриев также отметил, что инженеры-электрики не должны безучастно взирать на «ненормально поставленную отрасль техники, призванную тесно войти в жизнь каждого гражданина и без которой скоро весьма трудно будет представить жизнь культурного города» (Доклад 2-му съезду..., 1910: 8).

Из этих комментариев об электротехническом образовании на стыке теории и практики вырисовывается представление об инженере как о новом культурном герое, который должен быть способен мобилизовать общество, придумать механизмы внедрения технологии, позволить технике преобразовать жизнь человека. Осознание этой особой роли, вероятно, объясняет размышления об этическом измерении техники как сферы, где соприкасаются добро и польза (Энгельмейер, 1898: 48-49), и разработку вариантов этических кодексов инженеров (Кодекс профессиональной этики, 1908–1909).

4.3. Темпоральные режимы электротехнического образования

Ощущение ускорения времени было общим местом для культуры XIX в. Тем не менее разные сообщества фиксировали разные темпоральные ценности и скорости. В приветственных речах электротехнических съездов отмечалось, что наука и техника различаются: наука – вечная, монументальная, удаленная от практики; техника – то, что создает будущее здесь и сейчас. Наука может долго работать над вечными истинами, технике нужна формула, которую можно быстро приложить к практике (Смирнов, 1900). Науку создают в тиши кабинетов и лабораторий незаметно для масс, а успехи техники быстро становятся народным достоянием и поражают неподготовленные умы, то есть связь науки и техники неразрывна, но они существуют в разных темпоральных режимах (Смирнов, 1900). Именно техника – быстрая, полезная, заметная для масс – маркировала современность, принадлежала к области интересов нового поколения. Председатель Второго электротехнического съезда кн. В.М. Голицын (он инициировал на рубеже XIX и XX вв. модернизацию инфраструктуры Москвы, включая строительство электростанций, телефонной сети, замену конок трамвая) во вступительной речи отметил:

«Прошло уже то время, когда знание почиталось уделом ученого, посвящающего ему свои труды и свое время в невозмутимой тишине своего кабинета, или предметом преподавания со школьной кафедры тем, кто в свою очередь готовится служить знанию на одном из этих двух поприщ. Эта замкнутость исключала... возможность широких, всем доступных приложений знания, которые лишь при счастливых случайностях могли сделаться общим достоянием. <...> Моему поколению еще преподавалось, что электричество есть сила природы, проявляющаяся в сокрушительной молнии и в притягательных свойствах сургуча или смолы и использованная только в телеграфе. Прошло немного времени, и эта таинственная сила, покоренная разумом человека, стала послушным орудием в его руках. <...> И с каждым днем открываются новые пути приложения этой силы, приложения исполинские, охватывающие собою потребность народов и государств, приложения минимальные, послушные воле отдельного человека, служащие потребностям его личной, домашней жизни, приложения меновые, облегчающие и усиливающие коллективный труд... Если есть в цикле человеческого знания отрасль, которую можно назвать современной в общепринятом смысле этого слова, то это, конечно, электротехника: каждый шаг ее делается достоянием общим, применение быстро следует за открытием, сливается с ним, и при том применение такое, которое приковывает к себе общее внимание, общий интерес» (Голицын, 1902–1903: 100).

Общее настроение, которое прочитывается в комментариях относительно электротехнического образования, связано не только с недостатком практики, но и с тем, что программа обучения постоянно не успевает за развитием электротехнической отрасли, беспрестанно уходящей вперед. В историческом очерке об Электротехническом институте (бывшем училище) сказано, что программу училища необходимо было переработать, расширив преподавание электротехники «для приведения их в уровень с расширяющимися требованиями, предъявлявшимися практической деятельностью бывших питомцев училища». То есть «требования практики» диктовали расширение образовательного плана, который уже не мог помещаться в трехгодичный, а затем и в

четырёхгодичный план, просуществовавший до 1899 г. За это время потребность в лицах со специальными электротехническими знаниями настолько возросла, а объём электротехнических знаний настолько расширился, что возникла необходимость преобразования института в высшее учебное заведение с пятилетним курсом ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 392](#)). Студенты проводили самостоятельные мероприятия, чтобы следить за новейшими открытиями: Студенческий технический кружок организовывал регулярные доклады с обзорами периодической технической печати ([Двадцатипятилетие Электротехнического института: 451](#)). М.А. Шателен, профессор электромеханического факультета Петербургского политехнического института, популяризатор и историк электротехники, отмечал, что практически половина студентов владела иностранными языками и многие регулярно читали иностранные научно-технические журналы ([Шателен, 1898](#)). Очевидно, это было необходимо, чтобы не отставать от новейших разработок и тенденций, которые не успевали быстро появляться в образовательных материалах.

Еще одно изменение, которое было внедрено в электротехническое образование – увеличение работы с точными измерениями и измерительными приборами. Предполагалось, что освоение навыков точных измерений необходимо для подготовки к самостоятельным исследованиям, для знакомства с измерительными приборами, которые встретятся студентам на производстве. Точные измерения также были залогом эффективного функционирования коммерческих сетей. В лаборатории Электротехнического института был установлен специальный тенкс – резервуар с водой и электрическими кабелями, который имитировал работу с подводными телеграфными сетями.

Представители академического сообщества отмечали, что высшие технические заведения должны активно взаимодействовать с промышленностью. Многие лаборатории исполняли заказы, полученные от коммерческих предприятий и городских управлений. Например, лаборатории Санкт-Петербургского электротехнического института производили исследования по поручениям государственных учреждений, городских и общественных управлений, коммерческих предприятий и частных лиц. Большинство исследований было связано с измерением освещения разных типов ламп, также проводилась настройка переносных фотометров, измерялась освещенность на улицах Петербурга ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 128](#)). Электротехническая лаборатория Института инженеров путей сообщения принимала заказы на электрические экспертизы, а в проекте петербургского метрополитена было указано, что электрические испытания материалов должны производиться в лаборатории института.

В последней трети XIX в. рождается новое академическое пространство – учебная лаборатория. Прежде ее значение в преподавании и практическом обучении было небольшим: она в основном могла быть нужна для занятий по химии, а для лекционных – использовались демонстрационные аппараты. Лабораторные занятия не были повсеместными для технического и естественно-научного обучения, что являлось препятствием к его развитию. Так, физик, исследователь электрических явлений А.Г. Столетов до основания им в 1872 г. первой в России учебно-исследовательской физической лаборатории вел уроки физики у себя на квартире ([Лазарев, 1927: 12](#)) и впоследствии сетовал на отставание России в этой работе от западных стран, где лаборатории получили значительно большее распространение ([Столетов, 1881](#)).

Инженеры и педагоги отмечали, что на рубеже XIX–XX вв. для российского технического образования электротехническая лаборатория – все еще нечто новое. Организаторы лабораторий в учебных заведениях публиковали заметки о своих опытах, чтобы коллеги могли их использовать. А. Эйхенвальд, преподаватель электротехники в Императорском московском инженерном училище ведомства путей сообщения, отмечал, что организация лаборатории была делом новым и далеко не выясненным, приходилось решать большое количество новых вопросов: нужны ли студентам практические занятия, мастерская, какие требуются приборы. Также он полагал, что практическое образование необходимо, поскольку позволяет инженеру иметь представление о быстро развивающейся отрасли электротехники и не быть обманутым недобросовестными производителями ([Эйхенвальд, 1902–1903](#)). В брошюре о новой электротехнической лаборатории Московского Императорского технического училища отмечено, что исключительно лекционная система уже отжила свой век и обветшала и что «современный русский техник должен знакомиться с техническими доктринами не только путем книг и формул, но и на конкретном явлении, на опыте и что такая система изучения техники есть в настоящее время наивыгоднейшая» ([Электротехническая лаборатория..., 1910: 6](#)). Перед организацией лаборатории сотрудники училища были командированы за границу, чтоб изучить, как там поставлено преподавание.

Реорганизация Электротехнического института в 1899 г. обозначила новый этап в его развитии. Срок обучения был увеличен до пяти лет, а отличительной чертой учебного заведения стала широкая организация в нем лабораторий и других учреждений для практического преподавания ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 112](#)).

Особое внимание уделялось организации пространства лабораторий: нужны были специальные материалы и особая конструкция помещений, чтобы разместить электротехнические приборы и источники тока так, чтобы они не испытывали влияния внешней среды и не воздействовали друг на друга. Аппараты должны были быть размещены так, чтобы с ними одновременно могло работать

несколько групп студентов. В описаниях лабораторий значимое место занимали комментарии относительно распределительной доски – щита для управления электроприборами. Судя по всему, распределительная доска была сердцем и мозгом лаборатории. Она была связана с несколькими источниками электроэнергии (это могли быть одновременно центральная станция, динамомашин, батареи), с помощью переключателей разные виды тока подавались к столам для работы. Устройство доски предполагало возможность каждого рабочего места получать любую комбинацию токов независимо друг от друга так, чтобы студенты могли работать одновременно. На доске также были установлены измерительные приборы, позволяющие отслеживать, какой вид работ осуществляется на каждом рабочем месте и в каждом помещении. Так, распределительная доска была основным инструментом контроля, управления и регламентации лабораторных работ. Как правило, студентам прикасаться к распределительным доскам было нельзя. Исключение составляли специальные распределительные доски для практических занятий, с помощью которых учащиеся устройством этого приспособления на современных предприятиях ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 135](#)). В описании электротехнических лабораторий Электротехнического института отмечено, что оборудование (измерительные приборы, реостаты, выключатели и т.д.) было спроектировано так, что каждое рабочее место получало свой комплект приборов, совершенно независимый от остальных работ. Это позволяло вести занятия в течение всего учебного времени одновременно во всех отделениях лаборатории и этим достигнуть наиболее «целесообразного использования времени» как руководителями работ, так и работающими в лаборатории студентами ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 118](#)).

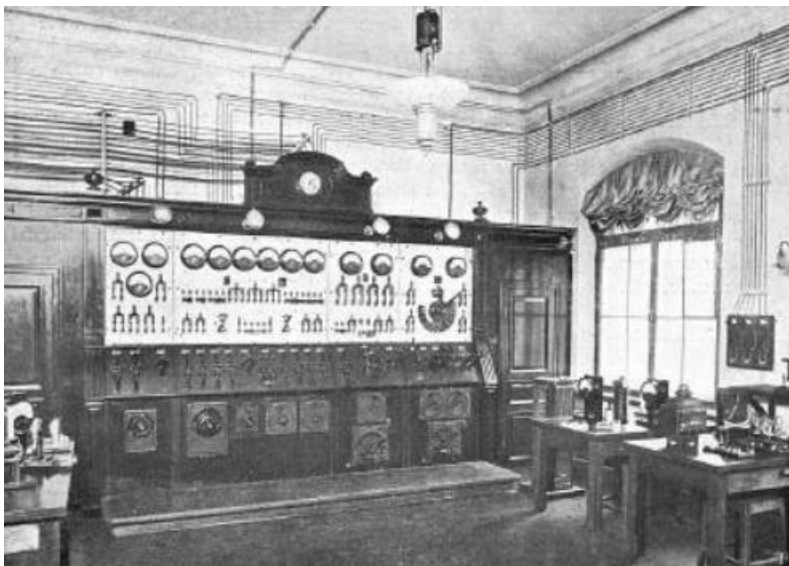

Рис. 1. Распределительная доска в лаборатории Электротехнического института императора Александра III

В лаборатории Императорского московского инженерного училища ведомства путей сообщения были установлены часы. Причем в центре лаборатории стояли большие часы с секундным маятником и минутный электрический контакт, приводившие в действие симпатические часы, поставленные в электротехнической лаборатории и в аудитории ([Эйхенвальд, 1902–1903: 185](#)). Можно предположить, что для организации процесса практических и лекционных занятий важно было знать точное время, соблюдать график работ, регламентировать длительность разных видов деятельности и согласовывать их между собой.

То, чему учились студенты в лаборатории, – это не просто умение обращаться с аппаратами. Инженеры должны были обрести целый набор телесных навыков: ловкость, наблюдение, быструю графическую фиксацию наблюдений, нужно было выработать глазомер, умение сообразовать точность наблюдения и вычисления с заданной работой ([Эйхенвальд, 1902–1903: 175](#)). Студенты Электротехнического института должны были также научиться скрутке воздушного телефонного провода, разным видам спайки, накладывать гуттаперчу на спайки ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 135](#)). Учебно-ремонтная мастерская института знакомила студентов с ручными и машинными способами обработки металлов и дерева, резкой металла, работой напильником и т.д. В первом полугодии каждый студент должен был изготовить отвертку и сверло для ознакомления с ковкой, отжиганием, закаливанием и отпусканием стали; спайку железа медью; создать латунный прибор для замыкания тока ([Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 321](#)). Подготовка инженера предполагала не только теоретические сведения, но и

ремесленные навыки, специфическую телесную дисциплину, в том числе обеспечивающую точность и корректность измерений.

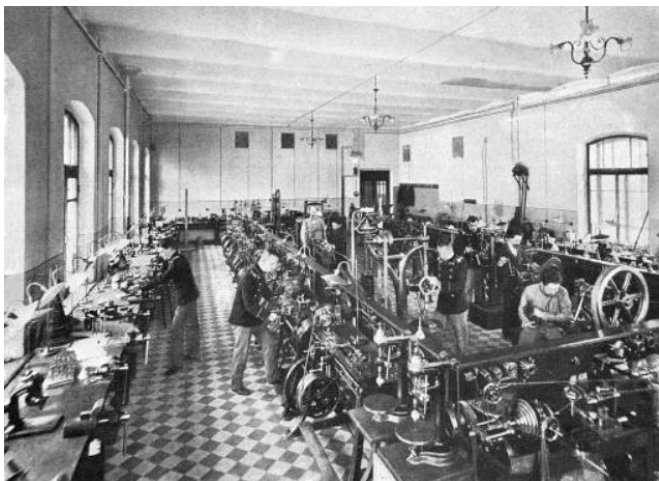

Рис. 2. Ремесленная мастерская Электротехнического института императора Александра III

Чтобы быть допущенными к занятиям в лаборатории, как правило, студенты должны были ознакомиться с теоретическими сведениями и принципами работы конкретных приборов заранее (*Порядок занятий...*, 1910). Для этого назначались специальные часы (*Эйхенвальд, 1902–1903*). Часто на подготовку уходило больше времени, чем на саму лабораторную практику. Например, работы на учебно-генераторной станции Электротехнического института, как указано в описании, требовали сильного напряжения от руководителей лаборатории, преподавателей и служебного персонала. Испытания машин могли длиться по 5–7 часов. В течение этого времени нужно было поддерживать одни и те же условия, непрерывно следить и делать указания студентам. По окончании испытаний студенты составляли отчеты и подготавливали вычисления. Затем они вместе с преподавателями приступали к обсуждению, которое также могло длиться 5–6 часов (*Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914: 248*). Будущие инженеры должны были научиться работать со временем: планировать подготовку, представлять, какие типы работ (телесные, интеллектуальные) требуют особого напряжения, выполнять свои работы в соответствии с планом. При работе над финальными дипломными проектами студенты должны были спланировать процесс работы на реальном предприятии или в реальном помещении. Освоение таких навыков и распределения времени можно считать предшествующими современным принципам проектной работы и проектного управления.

5. Заключение

Электротехническое образование в XIX в. осваивало самую передовую на тот момент технологию, потому с ним были связаны такие представления, как направленность в будущее, современность, столкновение тенденций ускорения и отставания (отставание учебных программ от достижений отрасли, отставание российского образования от иностранного). Темпоральные режимы инженерного и классического университетского образования отличались: «быстрое время» и нацеленность на стремительную связь теории и практики у инженеров и «медленное время» фундаментальной науки, ищущей вечные истины.

Новым пространством технического образования и местом отработки профессиональных навыков стала учебная лаборатория. Важно было научить студентов проводить точные электромагнитные измерения, работать с конкретными аппаратами и установками, присутствующими на реальных фабриках. Практическое обучение было также связано с целым набором телесных, технических умений, а также способностью рационально использовать время. Организация лабораторного пространства, формы контроля работ, отслеживание времени со стороны преподавателей и самих студентов, синхронизация – все это составляло приемы управления временем, которые уже в советское время получили широкое развитие и стали объектом исследования в рамках научной организации труда.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-20006 «Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 гг.».

Литература

- Ассман, 2017** – Ассман А. Распалась связь времен?: взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Бутырин, 2009** – Бутырин П.А. Развитие высшего электротехнического образования России // *Электричество*. 2009. № 1. С. 6-11.
- Бутырин, 2016** – Бутырин П.А. Электротехника как среда социального проектирования // *Вестник Московского энергетического института*. 2016. № 2. С. 41-47.
- Высшие электротехнические курсы, 1914** – Высшие электротехнические курсы. Издание Кружка технологов Московского района. М.: Типолиитография Н.И. Гросмана и Г.А. Вендельштейна, 1914.
- Голицын, 1902–1903** – Голицын В.М. Речь председателя II Электротехнического съезда кн. В.М. Голицына // Труды Второго всероссийского электротехнического съезда 1901–1902 в Москве. Т. 1. СПб.: Постоян. ком. Всерос. электротехн. съездов, 1902–1903. С. 100-102.
- Двадцатипятилетие Электротехнического института, 1914** – Двадцатипятилетие Электротехнического института императора Александра III: 1886–1911. СПб.: Типолиитография Н.И. Евстифеева, 1914.
- Доклад 2-му съезду лиц..., 1910** – Доклад 2-му съезду лиц, окончивших Электротехнический институт императора Александра III-го. Соч. адъюнкта Эл.-техн. инст., инж.-электрика В.В. Дмитриева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.
- Домбинская, 2000** – Домбинская М.Г. Идеалы и нормы инженерной деятельности. М.: Диалог-МГУ, 2000.
- Иванов, 1991** – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Б. и., 1991.
- Иванов, 2006** – Иванов Б.И. Структура и основные направления деятельности Императорского русского технического общества // *Морской вестник*. 2006. № 2 (18). С. 7-9.
- Кодекс профессиональной этики, 1909–1910** – Кодекс профессиональной этики электротехника (проект) // Труды Пятого всероссийского электротехнического съезда 1908–1909 гг. в Москве. Вып. 1. СПб.: Постоян. ком. Всерос. электротехн. съездов, 1909–1910. С. 64-66.
- Крыштановская, 1989** – Крыштановская О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
- Кульчицкий, 1898** – Кульчицкий М.Я. О подготовке электротехников различных категорий // Второй съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. 1895–1896. М.: [Б.и.], 1898. С. 148-155.
- Курбанов, 1900** – Курбанов М. О школе рабочих электротехников при Императорском русском техническом обществе // *Техническое образование*. 1900. № 11. С. 1-11.
- Лазарев, 1927** – Лазарев П.П. А.Г. Столетов, Н.А. Умов, П.Н. Лебедев, Б.Б. Голицын. Л.: Науч. химико-технич. изд-во, 1927.
- Нестеров и др., 1982** – Нестеров В.Г., Иткин И.Б., Соколова Н.П. Инженерная этика: о профессиональной этике. М.: Знание, 1982.
- Одесское среднее электротехническое училище, 1912** – Одесское среднее электротехническое училище прив.-доц. Императорского Новорос. университета В.П. Гадяцкого. Одесса: Типография торгового дома Г.М. Левинсон, 1912.
- Осадчий, 1911** – Осадчий П.С. К вопросу о принципах профессиональной этики инженеров. СПб.: Тип. А. Бенке, 1911.
- Пилсудский, 1904–1906** – Пилсудский Е.М. К вопросу о применении электричества в агрикультуре // Труды Третьего всероссийского электротехнического съезда 1903–1904 г. в С.-Петербурге. Т. 3. СПб., 1904–1906. С. 309-312.
- Порядок занятий..., 1910** – Порядок занятий в Электротехнической лаборатории Харьковского технологического института. Харьков, 1910. 14 с.
- Сапрыкин, 2012** – Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // *Высшее образование в России*. 2012. № 1. С. 125-137.
- Сидорчук, Мосенц, 2019** – Сидорчук И.В., Мосенц М.С. Инновационное образование глазами научно-технической элиты начала XX в.: Петербургское восьмиклассное коммерческое училище в Лесном // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 4 (40). С. 393-404.
- Симонов, 2016** – Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Смирнов, 1900** – Смирнов А.И. Успехи электротехники. Речь председателя съезда А.И. Смирнова на открытии съезда // *Электричество*. 1900. № 1–2. С. 12-18.
- Столетов, 1881** – Столетов А.Г. Физические лаборатории у нас и за границей // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. 1881. Т. 41. Вып. 2. Труды Отделения физических наук. Т. II. С. 32-36.
- Труды высочайше утвержденной Комиссии, 1903** – Труды высочайше утвержденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 5: Доклады, относящиеся к высшим техническим учебным заведениям. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1903.

[Тюрин, 1902–1903](#) – Тюрин В.А. О приборах, позволяющих слепым читать обыкновенную печать и рукописи // *Труды Второго всероссийского электротехнического съезда 1901–1902 в Москве*. Т. 3. СПб., 1902–1903. С. 64–80.

[Шаповалов, 1984](#) – Шаповалов Е.А. Общество и инженер. Философско-социологические проблемы инженерной деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

[Шателен, 1898](#) – Шателен М.А. Преподавание электротехники в высших учебных заведениях в России и за границей // *Электричество*. 1898. № 2. С. 17–20.

[Эйхенвальд, 1902–1903](#) – Эйхенвальд А. Постановка преподавания электротехники в Императорском московском инженерном училище ведомства путей сообщения // *Труды Второго электротехнического съезда*. СПб., 1902–1903. Т. 2. С. 175–205.

[Энгельмейер, 1898](#) – Энгельмейер П.К. Критика научных и художественных учений гр. Л.Н. Толстого. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898.

[Электротехническая лаборатория..., 1910](#) – Электротехническая лаборатория Института инженеров путей сообщения Императора Александра I. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910.

[Эфрон, 1902–1903](#) – Эфрон Б.А. Стерилизация воды озоном по системе Сименс и Гальске // *Труды Второго всероссийского электротехнического съезда*. Т. 3. СПб., 1902–1903. С. 81–110.

[Adam, 1990](#) – Adam B. *Time and Social Theory*. Cambridge, Polity Press, 1990.

[Balzer, 1996](#) – Balzer H. *The Engineering Profession in Tsarist Russia* // Balzer H., ed. *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* Armonk, NY, M.E. Sharpe, 1996. Pp. 55–88.

[Bock von Wülfingen et al., 2015](#) – Bock von Wülfingen, B., Brandt, C., Lettow, S. et al. Temporalities of reproduction: practices and concepts from the eighteenth to the early twenty-first century // *History and Philosophy of the Life Sciences*. 2015, Vol.37, Is. 1, pp. 1–16.

[By Whose Standards, 2008](#) – By Whose Standards? Standardization, Stability and Uniformity in the History of Information and Electrical Technologies. *History of Technology*. Vol. 28. Ed. by I. Inkster. London, New York: Continuum, 2008.

[Coopersmith, 1992](#) – Coopersmith J. *The Electrification of Russia, 1880–1926*. Ithaca, Cornell University Press, 1992.

[Gooday, 2004](#) – Gooday G. *The Morals of Measurement: Accuracy, Irony and Trust in Late Victorian Electrical Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 285 p.

[Gooday, 1990](#) – Gooday G. Precision Measurement and the Genesis of Physics Teaching Laboratories in Victorian Britain // *The British Journal for the History of Science*. 1990. Vol. 23. No. 1. Pp. 25–51.

[Jasanoff, Kim, 2009](#) – Jasanoff S., Kim S.-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // *Minerva*. 2009. Vol. 47. P.119–146.

[Kern, 2003](#) – Kern S. *The Culture of Time and Space, 1880–1918: With a New Preface*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2003.

[Livingstone, 2003](#) – Livingstone D. *Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge*. Chicago, University of Chicago Press, 2003.

[Marvin, 1988](#) – Marvin, C. *When Old Technologies Were New: Thinking about Communications in the Late Nineteenth Century*. Oxford, Oxford University Press, 1988.

[Morus, 1998](#) – Morus I.R. *Frankenstein's Children: Electricity, Exhibition, and Experiment in Early-Nineteenth-Century London*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

[Morus, 2005](#) – Morus I.R. *When Physics Became King*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

[Rieber, 1990](#) – Rieber A.J. The rise of engineers in Russia // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1990. Vol. 31. No. 4. P. 539–568.

[Van der Vleuten et al., 2017](#) – Van der Vleuten E., Oldenziel R., Davids D. *Engineering the Future, Understanding the Past A Social History of Technology*, Amsterdam University Press, 2017.

References

[Adam, 1990](#) – Adam, B. (1990). *Time and Social Theory*. Cambridge, Polity Press.

[Assman, 2017](#) – Assman, A. (2017). Raspalas' svyaz' vremen?: vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. [Has the connection of times broken down?: Rise and fall of the temporal regime of Modernity]. Tr. B. Khlebnikov. M., Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]

[Balzer, 1996](#) – Balzer, H. (1996). *The Engineering Profession in Tsarist Russia*. Balzer H., ed. *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. Armonk, NY, M.E. Sharpe, pp. 55–88.

[Bock von Wülfingen et al., 2015](#) – Bock von Wülfingen, B., Brandt, C., Lettow, S. et al. (2015). Temporalities of reproduction: practices and concepts from the eighteenth to the early twenty-first century. *History and Philosophy of the Life Sciences*. 37(1): 1–16.

[Butyrin, 2016](#) – Butyrin, P. (2016) Elektrotehnika kak sreda sotsial'nogo proektirovaniya. [Electrical engineering as a social design environment]. *Vestnik Moskovskogo energeticheskogo institute*. 2: 41–47. [in Russian]

[Butyrin, 2009](#) – Butyrin, P. (2009) Razvitie vysshego elektrotekhnicheskogo obrazovaniya Rossii [Development of higher electrical engineering education in Russia]. *Elektrichestvo*. 1: 6–11. [in Russian]

By Whose Standards, 2008 – By Whose Standards? Standardization, Stability and Uniformity in the History of Information and Electrical Technologies. History of Technology, vol. 28. Ed. by I. Inkster. London, New York, Continuum.

Coopersmith, 1992 – *Coopersmith, J.* (1992). The Electrification of Russia, 1880-1926. Ithaca, Cornell University Press.

Doklad 2-mu s'ezdu, 1910 – Doklad 2-mu s'ezdu lic, okonchivshih Elektrotekhnicheskij institut imperatora Aleksandra III-go. [Report to the second congress of the alumni of the Electrotechnical Institute of Emperor Alexander III]. Soch. ad'yunkta El.-tekhn. inst., inzh.-elektrika V.V. Dmitrieva. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1910. [in Russian]

Dombinskaya, 2000 – *Dombinskaya, M.G.* (2000). Idealy i normy inzhenernoi deyatelnosti [Ideals and norms of engineering activity]. M.: Dialog-MGU. [in Russian]

Dvadcatipyatiletie Elektrotekhnicheskogo instituta, 1914 – Dvadcatipyatiletie Elektrotekhnicheskogo instituta imperatora Aleksandra III: 1886-1911. [Twenty-fifth anniversary of the Electrotechnical Institute of Emperor Alexander III: 1886-1911]. SPb.: Tipolitografiya N.I. Evstifeeva, 1914. [in Russian]

Eichenwald, 1902-1903 – *Eichenwald, A.* (1902-1903). Postanovka prepodavaniya elektrotekhniki v Imperatorskom moskovskom inzhenernom uchilishche vedomstva putej soobshcheniya [Organization of teaching of electrical engineering at the Moscow Imperial Engineering College of the Ministry of Railways]. Trudy Vtorogo elektrotekhnicheskogo s"ezda. SPb., 1902-1903. T. 2. Pp. 175-205. [in Russian]

Engelmeyer, 1898 – *Engelmeyer, P.* (1898). Kritika nauchnyh i hudozhestvennyh uchenij gr. L.N. Tolstogo [Criticism of Scientific and Artistic Views of Count Leo Tolstoy]. M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelya. [in Russian]

Elektrotekhnicheskaya laboratoriya..., 1910 – Elektrotekhnicheskaya laboratoriya Instituta inzhenerov putei soobshcheniya Imperatora Aleksandra I [Electrotechnical laboratory of the Emperor Alexander I Institute of Transport Engineers]. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1910. [in Russian]

Efron, 1902-1903 – *Efron, B.* (1902-1903). Sterilizaciya vody ozonom po sisteme Simens i Gal'ske. [Siemens and Halske system for water sterilization]. Trudy Vtorogo vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s"ezda. T. 3. SPb. Pp. 81-110. [in Russian]

Golicyn, 1902-1903 – *Golicyn, V.M.* (1902-1903). Rech' predsedatelya II Elektrotekhnicheskogo s'ezda kn. V.M. Golicyna [Speech of the count V. Golitsyn, the head of the II Electrotechnical congress]. Trudy Vtorogo vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s"ezda 1901-1902 v Moskve. T. 1. SPb.: Postoyan. kom. Vseros. elektrotekhn. s"ezdov, 1902-1903. Pp. 100-102. [in Russian]

Gooday, 2004 – *Gooday, G.* (2004). The Morals of Measurement: Accuracy, Irony and Trust in Late Victorian Electrical Practice. Cambridge, Cambridge University Press.

Gooday, 1990 – *Gooday, G.* (1990). Precision Measurement and the Genesis of Physics Teaching Laboratories in Victorian Britain. *The British Journal for the History of Science*. 23(1): 25-51.

Ivanov, 1991 – *Ivanov, A.* (1991). Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka. [Higher education in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. M.: [B.i.]. [in Russian]

Ivanov, 2006 – *Ivanov, B.* (2006). Struktura i osnovnye napravleniya dejatel'nosti Imperatorskogo russkogo tehničeskogo obshchestva [Structure and main activities of the Imperial Russian technical society]. *Morskoy vestnik*. 2(18): 7-9. [in Russian]

Jasanoff, Kim, 2009 – *Jasanoff, S., Kim, S.-H.* (2009). Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea. *Minerva*. 47: 119-146.

Kern, 2003 – Kern, S. (2003). The Culture of Time and Space, 1880-1918: With a New Preface. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press.

Kodeks professional'noj etiki, 1909-1910 – Kodeks professional'noj etiki elektrotekhnika (proekt). [Code of professional ethics of electrical engineers (project)]. Trudy Pyatogo vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s"ezda 1908-1909 gg. v Moskve. Vyp. 1. SPb.: Postoyan. kom. Vseros. elektrotekhn. s"ezdov, 1909-1910. Pp. 64-66. [in Russian]

Kryshtanovskaya, 1989 – *Kryshtanovskaya, O.V.* (1989). Inzhenery. Stanovlenie i razvitie professional'noi gruppy [Engineers. Formation and development of a professional group]. M.: Nauka. [in Russian]

Kul'chitskii, 1898 – *Kul'chitskii, M.Ya.* (1898). O podgotovke elektrotekhnikov razlichnykh kategorii [On training of electricians of different categories]. Vtoroi s"ezd russkikh deyatel'ei po tehničeskomu i professional'nomu obrazovaniyu. 1895-1896. M.: [B.i.]. Pp. 148-155. [in Russian]

Kurbanov, 1900 – *Kurbanov, M.* (1900). O shkole rabochih elektrotekhnikov pri Imperatorskom russkom tehničeskome obshchestve [About the school of electrical workers at the Imperial Russian Technological Society]. *Tekhnicheskoe obrazovanie*. 11: 1-11. [in Russian]

Lazarev, 1927 – *Lazarev, P.* (1927). A.G. Stoletov, N.A. Umov, P.N. Lebedev, B.B. Golitsyn. L.: Nauch. khimiko-tekhnich. izd-vo. [in Russian]

Livingstone, 2003 – *Livingstone, D.* (2003). Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, University of Chicago Press. 234 p.

Marvin, 1988 – *Marvin, C.* (1988). When Old Technologies Were New: Thinking about Communications in the Late Nineteenth Century. Oxford, Oxford University Press.

- Morus, 1998** – *Morus, I.R.* (1998). *Frankenstein's Children: Electricity, Exhibition, and Experiment in Early-Nineteenth-Century London*. Princeton, Princeton University Press.
- Morus, 2005** – *Morus, I.R.* (2005). *When Physics Became King*. Chicago, University of Chicago Press.
- Nesterov et al., 1982** – *Nesterov, V.G., Itkin, I.B., Sokolova, N.P.* (1982). *Inzhenernaya etika: o professional'noi etike* [Engineering ethics: about professional ethics]. M.: Znanie. [in Russian]
- Odesskoe Srednee elektrotekhnicheskoe uchilishche, 1912** – *Odesskoe Srednee elektrotekhnicheskoe uchilishche* Priv.-doc. Imperatorskogo Novoros. Universiteta V.P. Gadyackogo. [Odessa electrotechnical college of the Associate Professor of the Novorossiysk Imperial University]. Odessa: Tipografiya torgovogo doma G.M. Levinson, 1912. [in Russian]
- Osadchiy, 1911** – *Osadchiy, P.* (1911). *K voprosu o principah professional'noj etiki inzhenerov* [To the issue of the principles of professional ethics of engineers]. SPb.: Tip. A. Benke. [in Russian]
- Pilsudsky, 1904-1906** – *Pilsudsky, E.* (1904-1906). *K voprosu o primenenii elektrichestva v agrikul'ture* [To the issue of applying electricity in agriculture]. *Trudy Tret'ego vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s'ezda 1903–1904 g. v S.-Peterburge*. T. 3. SPb., 1904–1906. Pp. 309-312. [in Russian]
- Poryadok zanyatii..., 1910** – *Poryadok zanyatii v Elektrotekhnicheskoi laboratorii Khar'kovskogo tekhnologicheskogo institute* [The order of studies at the electrotechnical laboratory of the Kharkiv technology institute]. Khar'kov, 1910. 14 p. [in Russian]
- Rieber, 1990** – *Rieber, A.J.* (1990). *The rise of engineers in Russia*. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 31(4): 539-568.
- Saprykin, 2012** – *Saprykin, D.L.* (2012). *Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy* [Engineering education in Russia: history, concept, perspectives]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* 1: 125-137. [in Russian]
- Shapovalov, 1984** – *Shapovalov, E.A.* (1984). *Obshchestvo i inzhener. Filosofsko-sotsiologicheskie problemy inzhenernoi deyatel'nosti* [Society and engineer. Philosophical and sociological problems of engineering activities]. Leningrad, LGU. [in Russian]
- Shatelen, 1898** – *Shatelen, M.A.* (1898). *Prepodavanie elektrotekhniki v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh v Rossii i za granitsej* [Teaching of electrical engineering in higher education institutions in Russia and abroad]. *Elektrichestvo*. 2: 17-20. [in Russian]
- Sidorchuk, Mosents, 2019** – *Sidorchuk, I., Mosents, M.* (2019). *Innovacionnoe obrazovanie glazami nauchno-tekhnicheskoyelity nachala XX v.: Peterburgskoe vos'miklassnoe kommercheskoe uchilishche v Lesnom*. [Innovative education in the eyes of science and technology elite of the beginning of the XX century: Saint-Petersburg Commercial College in Lesnoe]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 4(40): 393-404. [in Russian]
- Simonov, 2016** – *Simonov, N.* (2016). *Razvitie elektroenergetiki Rossijskoj imperii: predystoriya GOELRO* [The development of electrical energy industry in the Russian Empire: prehistory of GOELRO]. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. [in Russian]
- Stoletov, 1881** – *Stoletov, A.* (1881). *Fizicheskie laboratorii u nas i za granicej*. [Physical laboratories here and abroad]. *Izvestiya Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. T. 41. Vyp. 2. *Trudy Otdeleniya fizicheskikh nauk*. T. II. Pp. 32-36. [in Russian]
- Trudy vysochajshe utverzhdennoj Komissii, 1903** – *Trudy vysochajshe utverzhdennoj Komissii po preobrazovaniyu vysshih uchebnykh zavedenij*. Vyp. 5: *Doklady, otnosyashchiesya k vysshim tekhnicheskim uchebnym zavedeniyam* [Works of the Committee approved by the Emperor on the transformation of higher educational institutions. Vol. 5. Papers dedicated to higher technical educational institutions]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1903. [in Russian]
- Tyurin, 1902–1903** – *Tyurin, V.* (1902–1903). *O priborah, pozvolyayushchih slepym chitat' obyknovennuyu pechat' i rukopisi*. [On the devices that allow blind people to read printed and written texts]. *Trudy Vtorogo vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s'ezda 1901–1902 v Moskve*. T. 3. SPb., 1902–1903. Pp. 64-80. [in Russian]
- Smirnov, 1900** – *Smirnov* (1900). *Uspekhi elektrotekhniki. Rech' predsedatelya s'ezda A.I. Smirnova na otkrytii s'ezda*. [Advances of electrical technology. Opening speech of the head of the congress A. Smirnov]. *Elektrichestvo*. 1-2: 12-18. [in Russian]
- Van der Vleuten et al., 2017** – *Van der Vleuten, E., Oldenziel, R., Davids, D.* (2017). *Engineering the Future, Understanding the Past A Social History of Technology*, Amsterdam University Press.
- Vysshie elektrotekhnicheskije kursy, 1914** – *Vysshie elektrotekhnicheskije kursy*. *Izдание Kruzhka tekhnologov moskovskogo rajona* (1914). [Higher electrotechnical courses. Published by Technologists' courses of the Moscow district]. M.: Tipolitografiya N.I. Grosmana i G.A. Vendel'shteina, 1914. [in Russian]

Электротехническое образование в России на рубеже XIX–XX вв.: воображение о технологическом будущем и формирование инженера как нового культурного героя

Наталья Владимировна Никифорова ^{a,*}, Илья Викторович Сидорчук ^b

^a Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена темпоральным представлениям сообщества российских электротехников XIX в. – их идеям о будущем электротехники и ее возможностях для преобразования общества и государства, а также принципам восприятия времени и работы с ним в рамках инженерно-технического образования. Исследование опирается на подходы культурной истории технологий, ориентированной на поиск взаимовлияний культурных, ценностных, политических установок и технологической среды. Применен концепт «социотехнических воображаемых» (Ш. Ясановф), обозначающий коллективные представления о желаемом будущем, которые можно воплотить в технических системах или с их помощью. Дискуссии в инженерных сообществах, затрагивая конкретные технические решения, охватывали широкие вопросы социального значения технологий и имели выраженную темпоральную перспективу. Инженеры концептуализировали электричество как компонент желательного будущего, выстраивали линейную перспективу истории человечества как истории потребления энергии. Социотехническое воображение инженерного сообщества о будущем трактовало электрификацию как необходимый и неизбежный процесс, способствующий демократизации, повышению культуры и развитию разных регионов и слоев общества большой империи. Электротехническое образование, которое стали перестраивать в конце XIX в., транслировало студентам представления о перспективах электрификации. Новым пространством технического образования стала учебная лаборатория, в которой отрабатывались навыки, актуальные для новой инженерной профессии. В лаборатории студенты учились работать со временем, что можно считать предысторией современного проектного управления. Инженер-электротехник становился новым культурным героем, способным сделать работающее устройство, но также ставящим перед собой задачу увязать технику с развитием общества.

Ключевые слова: культурная история технологий, социотехническое воображаемое, электротехническое образование, темпоральность, электрификация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nvnikiforova@hse.ru (Н.В. Никифорова), i.sidorchuk@spbu.ru (И.В. Сидорчук)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2742-2755. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2742
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Eschatological Representations of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution

Paul L. Karabushenko ^a, Elena E. Krasnozhenova ^{b, *}, Sergey V. Kulik ^b

^a Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

^b Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The Great Russian revolution of 1917 was the fatal event in the life of the tsarist elites, which they could not overcome and which broke them as the basis of the system of making and implementing managerial decisions. The growth of crisis phenomena in the Russian Empire led to the growth of the revolutionary movement, which in turn had a direct impact on the formation of negative moods in the ruling elites and a premonition of the coming end of their existence. The reign of the last two Russian emperors simultaneously became the time of the last rise of Russian Imperial power and a time of deep systemic political crisis. Attempts to understand the essence of these events were made by the elites at the same time in their course. But these assessments were not always objective and constructive.

In their memoirs, many representatives of the political class of Russia sought to give a fairly objective, although not always scientific, assessment of the events taking place in the country related to the systemic crisis of the management system. Some (such as General A. I. Denikin) pointed out that the authorities were late with the reforms being carried out in the country, while others (such as K. N. Pobedonostsev) argued that the country was not "frozen" enough and that it should be "frozen" even more. This paper examines the features of the worldview of the elite associated with their feelings of socio-political reality on the eve of a revolutionary revolution. Their eschatological premonitions were predetermined by a sense of their own historical impotence and inability to change the situation for the better by their own efforts.

Keywords: elite, revolution, eschatology, chaos, crisis, governance, autocracy, tsarism, carnival political culture, memoirs.

1. Введение

Рост революционного движения в Российской империи заставлял ее критически мыслящие умы предпринять попытки переоценки своих и общественных ценностей. Предчувствия того, что история монархии в России добром не закончится, посещало многих представителей высшего света нашего Отечества, начиная еще со времен князя Курбского и Павла I. Томимые подобными эсхатологическими предчувствиями, они указывали на существование пороков, которые, по их мнению, и должны привести русское самодержавие к неминуемой революционной катастрофе. Ф.Ф. Вигель указывал на произвол бюрократии (Вигель, 2000: 240), К.Н. Победоносцев в качестве основной причины видел процесс демократизации (Победоносцев, 1993: 34, 51), а граф С.Ю. Витте – в слабой фигуре самого последнего русского самодержца (Витте, 1994. Т. 3: 125).

В 1901 г. граф Л.Н. Толстой обратился к царю и его сановникам с предупреждением о грядущей социально-политической катастрофе. Но правящая царская элита его не услышала или не пожелала услышать. Граф в том обращении отмечал: «Вам или большинству из вас [царскому окружению] кажется, что все происходит оттого, что среди правильного течения жизни являются какие-то беспокойные, недовольные люди, мутящие народ и нарушающие это правильное течение, что

* Corresponding author

E-mail addresses: eleena@inbox.ru (E.E. Krasnozhenova)

виноваты во всем только эти люди, что надо усмирить, обуздать этих беспокойных, недовольных людей, и тогда опять все будет хорошо, и изменять ничего не надо» (Толстой, 1984: 192-194). И далее писатель указывал, что «если бы все дело было в беспокойных и злых людях, то стоило бы только переловить, заключить их в тюрьмы, сослать или казнить, и все волнения окончились бы. ...Ясно, что недовольство происходит не от беспокойных и злых людей, а от чего-то другого» (Толстой, 1984: 194). Граф приходит к выводу о том, что виноваты не злые, беспокойные люди, а правительство, не желающее видеть ничего, кроме своего спокойствия в настоящую минуту (Толстой, 1984: 194). И подобного рода предупреждения слышались тогда с многих сторон, и практически все были проигнорированы властями, не желавшими слушать в свой адрес какую-либо критику.

Тем не менее вопрос о том, что думали сами царские элиты по поводу своего бытия, роли в обществе и месте в политической системе государства, остается открытым и не до конца исследованным современной общественной наукой. Для исторической элитологии ключевым является вопрос диагностики качества элитных сообществ конкретной эпохи, установления их точных параметров, выявления располагаемых ими ресурсов, стратегий и смыслов развития. Именно среди субъектов элит чаще встречаются те, кто оставляет после себя письменные свидетельства эпохи, создает мемуарную литературу. В контексте этой традиции мы имеем возможность раскрыть мировоззренческие особенности этой высшей аристократии, которой принимались решения и вырабатывались стратегии развития государства и общества в целом. В данном исследовании мы акцентируем внимание лишь на одной проблеме – эсхатологических предчувствиях элит как попытке осмысления конца своего исторического времени.

2. Материалы и методы

Исходя из вышеизложенного, *объектом* настоящего исследования является общий кризис царизма, *предметом* – стремление осмыслить нарастающий кризис самодержавия российским элитным сообществом (это не только непосредственно действующие политики, но и представители высшего света, из которого складывалась политическая элита имперской России). Среди источников основной упор делается на мемуарную литературу, в которой отразились взгляды, представления и ощущения представителей высшего общества о надвигающейся неминуемой катастрофе самодержавной России.¹

Основной *задачей* нашей работы является выявление характера эсхатологических представлений в правящем классе царской России кануна Великой русской революции 1917 г. Для реализации поставленной задачи был использован целый комплекс методов от диалектики и герменевтики до компаративистики и семиотики.

Диалектический метод позволяет видеть происходившие в то время события в общем фактологическом контексте, постоянно учитывая существовавшие противоречия, которые приводят ныне к разночтению в даваемых современниками оценках тех событий. Видеть все эти культурно-исторические связи, рассматривать внутреннее содержание конфликта общественного мнения как борьбу противоположностей значит объективно и непредвзято оценивать качество тех событий.

Поскольку мы имеем дело с текстами различных авторов, содержащими их политические убеждения и субъективное восприятие бытовых и общественных явлений, постоянно возникают разночтения в понимании и интерпретации их позиций. Справиться с этой сложностью нам помогает *герменевтика*, позволяющая интерпретировать тексты и по-новому взглянуть на конкретные исторические события.

Сравнение многочисленных оценок действительности, данных царскими элитами, дает возможность выявить как общее, так и отличное в данной социокультурной реальности. Использование *семиотики* позволяет понять внутренние смыслы тех социокультурных традиций, которые существовали в общественной жизни высшего света на рубеже XIX–XX столетий. Без знания существовавших тогда культурных кодов адекватно осмыслить происходившие события просто невозможно.

Для более четкого понимания сущности рассматриваемого вопроса необходимо разделить имеющиеся в нашем распоряжении источники на дореволюционные и написанные после 1917 г. Анализ первой группы указывает на то, что они действительно отражают имевшуюся в то время в высшем обществе неясную (необъяснимую) тревогу за судьбы России и своего класса (Ф.Ф. Вигель, С.Ю. Витте и др.), тогда как вторые уже содержат откровенное признание, осуждение, а в отдельных случаях даже покаяние за случившееся (Т.Е. Боткина, А.И. Деникин и др.). Открытым остается вопрос: насколько имеющаяся мемуарная литература отражает настроение представителей правящего класса? В подобных источниках мы должны отделять их личные позиции от того, что они выражают от лица своего сословного круга. В последнем (естественно) обнаруживается больше

¹ Понятие «высший свет» или «высшее общество» носит социокультурный характер и условно обозначает привилегированную часть российского общества, из которой выходили представители различных элитных групп того времени. В мемуарной литературе это понятие довольно часто фигурирует для обозначения социокультурной «среды обитания» («образа жизни») с определенными бытовыми и моральными нормами поведения.

общности позиций, чем в первом случае. И эту особенность мы должны всегда учитывать, рассматривая свидетельства конкретных участников и очевидцев тех событий.

В своей работе мы оставляем за скобками дневники и мемуары представителей культурной и религиозной элит (это отдельная большая тема) и сосредотачиваемся исключительно на свидетельствах тех очевидцев, которые имели отношение к политическим структурам тогдашней России. Именно они в наибольшей мере передают представления о своей «кастовой» сословной и политической исключительности, формулируют понимание избранности и выражают общие сословные притязания на привилегии и иные статусные позиции.

Хронологическими рамками работы являются годы царствования двух последних императоров (Александра III и Николая II) – 1881–1917 гг. (время, когда нарастал ставший фатальным для Российской империи системный кризис).

Используемый нами элитологический подход не часто применяется исторической наукой и предусматривает анализ событий с элитарных позиций своего времени. Вместе с тем он весьма активно употребляется в других общественных дисциплинах (политологии, социологии) и зарекомендовал себя с весьма хорошей стороны. В основе используемого понятийного аппарата лежит предложенная элитологией схема структурирования элит по их профессиональным видам деятельности.

Что есть элита? Что мы конкретно понимаем под этим термином? Элита есть система, которая организует себя и организует общество, культуру, политику и т.д. по тем своим канонам, которые считает наиболее приносящими всем благо (Ашин, 2010). В рамках рассматриваемой проблемы термин «царские элиты» мы употребляем во множественном числе потому, что как таковая элита распадалась на профессиональные сообщества, имевшие весьма определенные специфические особенности: были элиты чиновническая, военная, научная, церковная и т.п. И субъекты различных этих профессиональных сообществ внутренне отличались друг от друга, хотя внешне и представляли некое единство и даже монолит.

Сам термин «элиты» мы употребляем в двух значениях: 1) в широком смысле – это тот социально-политический привилегированный класс, который служил опорой царизма и 2) в узком значении – организованное монархией политическое (т.е. активное) меньшинство как «механизм», непосредственно выполняющий управленческую функцию самодержавия в различных профессиональных сферах деятельности.

Элиту в царской России составляли те, кто в самодержавном контексте выражал и поддерживал монархический подтекст своей эпохи; это прежде всего чиновническое сословие, выполнявшее политические управленческие функции государственного самодержавного механизма; тот социокультурный класс, из которого создавалась эта элита.

В этой связи предлагается следующая структура элиты российской империи. «Царская элита» – социально-политическая опора самодержавия. Выделяют два ее вида: 1) «царская политическая элита» – административно сплоченная группа монархистов, приверженцев абсолютизма, олицетворяющая высшую власть в российской империи (К.Н. Победоносцев, С.Ю. Витте и др.) и 2) «царская неполитическая элита» – аристократические круги, включающие представителей царской семьи и олигархата. «Контрэлита» представляет собой весьма пеструю группировку противников абсолютизма, включающую в себя как представителей конституционной монархии («либералов» типа генерала А.И. Деникина), так и радикалов (анархистов типа П.А. Кропоткина). Помимо указанных, следует выделять также элиты по профессиональному признаку: военную, церковную, хозяйственную (финансово-промышленную), научную, культурную. Все вместе они составляли сообщество элит Российской империи.

3. Обсуждение

Элиты последних русских самодержцев. Как утверждают сторонники элитистского подхода к истории (Н. Макиавелли, Т. Карлейль, Ф. Ницше, А. Тойнби), история любого государства состоит на 90 % из истории элит и лидеров. В книге «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841 г.) английский историк Т. Карлейль сформулировал базовые принципы этого подхода: «всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» (Карлейль, 1994: 6).

Историография представлена дореволюционными, советскими, русскими эмигрантскими и зарубежными исследованиями. Ее можно разделить на персоналии и работы, посвященные важнейшим событиям. Интерес к правящей элите и ее роли в управлении страной проявлялся еще в конце XIX в., но возможности для изучения данной проблемы были тогда весьма ограничены (Богучарский, 1912; Глинский, 1913). При Николае II появились исследования, посвященные Александру III (Корольков, 1901; Попов, 1913).

Ряд публикаций вышел в свет сразу же после революции 1917 г. В послереволюционной литературе интерес к императорской России был крайне снижен. В соответствии с марксистским подходом советские историки основное внимание уделяли анализу социально-экономических процессов. Однако выходили в свет труды, посвященные самим Романовым и их окружению (Левин, 1919; Водовозов, 1922; Любош, 1924; Чулков, 1928).

Заметную веху в советской историографии составили работы П.А.Зайончковского о государственных деятелях второй половины XIX в. (Зайончковский, 1964; Зайончковский, 1970). В трудах Ю.Б. Соловьева, Л.Г. Захаровой исследуется кризис самодержавной монархии на рубеже XIX–XX вв. в условиях роста влияния придворной аристократии на политические процессы в стране (Соловьев, 1973; Захарова, 1972). Политическая биография Николая II представлена в монографии М.К. Касвинова (Касвинов, 1989). В работах Г.З. Иоффе рассмотрены события, происходившие с царской семьей и вокруг нее после февраля 1917 г. (Иоффе, 1977; Иоффе, 1992).

С конца 1980-х гг. начался новый период отечественной историографии. Подход к освещению эпохи последнего царствования в советской исторической науке постепенно менялся. Однако исторические труды по-прежнему не были лишены идеологических штампов. В работах представлена повседневная жизнь окружения Александра III, показаны взаимоотношения самодержавия с высшим дворянством в конце XIX – начале XX вв. (Зимин, 2011; Соловьев, 1990; Твардовская, 1997; Чуриуха, 2001).

Необходимо отметить исследования советских историков А.Я. Авреха и В.С. Дякина по истории царизма накануне 1917 г. (Аврех, 1989; Дякин, 1988). Биография Николая II и судьбы императорского окружения в целом представлены в работах А.Н. Боханова (Боханов, 1997; Боханов, 1993). Отношения высшей правящей бюрократии с придворной, военной, политической и общественной элитами накануне Февральской революции показаны в исследовании С.В. Куликова (Куликов, 2004). В начале 1990-х гг. были опубликованы исследования о государственных деятелях начала XX в. (Зырянов, 1992; Ананьич, Ганелин, 1999; Боханов, 1995; Корелин, Степанов, 1998; Островский, 1992). Указанные работы, несомненно, обогатили отечественную историографию, позволили раскрыть роль отдельных государственных деятелей в принятии политических решений.

Настроения царской элиты кануна Великой русской революции исследовались и в зарубежной историографии, в том числе в среде российской эмиграции. Так, жизнь придворной элиты периода Александра III показана в работе Р. Уортмана (Уортман, 2004). Политическая обстановка эпохи Николая II рассмотрена С.С. Ольденбургом (Ольденбург, 1991). Среди зарубежных исследователей необходимо отметить Д. Ливена, который ставит своей задачей «понять, какой тип людей правил Россией в последние годы империи», и нарисовать коллективный портрет правящей элиты, изучить ее «ценности, взгляды и умонастроения», а также проследить, каким образом они формировались (Lieven, 1989). Эпоха Николая II показана в работах зарубежных авторов (Гереш, 1998; Труайя, 2003; Кинг, Вильсон, 2000; Ферро, 1991; Масси, 1996; Кинг, 2000; Каррер д'Анкосс, 2006; Erickson, 2001). Для зарубежной историографии характерны реабилитация Николая II, а также привлечение источников зарубежного происхождения, эмиграционной литературы.

На современном этапе развития отечественной историографии можно обнаружить ряд работ по исследуемой в статье проблеме. Политическая и общественная деятельность отдельных представителей императорского окружения рассматривается в работах Б.И. Колоницкого (Колоницкий, 2010; Колоницкий, 2001). Следует отметить исследования Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, А.П. Корелина и С.А. Степанова, в которых представлены сюжеты о придворных интригах (Ананьич, Ганелин, 1999; Карелин, Степанов, 1998).

Мемуары как отражение общественного мнения элиты. Вольнодумство на Руси всегда воспринималось как обозначение дороги к неповиновению, бунту, смуте. Среди аристократов и дворян первыми революционерами слыли декабристы и их многочисленные тайные общества (Лотман, 1949; Мироненко, 2017). Любой либерал того времени воспринимался и оценивался как опасный революционер, поскольку ратовал за проведение реформ в духе конституционной монархии (Вигель, 2000: 162).

Сам высший свет царской России всегда был своего рода барометром, по которому определялось самочувствие русского самодержавия. И когда он выдавал тревожные сигналы, начинало лихорадить и всю социально-политическую систему царизма, для которой революция в России означала самоубийство. Россия, которую элита знала и любила, исчезла навсегда (Боткина, 2010: 425). И эта потеря стала ее наказанием за то, что она, имея все, так незначительно им управляла.

При характеристике источников личного происхождения особое внимание следует обратить на дневники и переписку представителей элиты рассматриваемого периода. Прежде всего необходимо отметить воспоминания лиц, занимавших ключевое придворное положение, хорошо знавших особенности царского двора (Мосолов, 1992; Воейков, 1995; Жильяр, 1991; Юсупов, 2001; Тютчева, 1990; Романов, 1998; Дневники императора Николая II (1894–1918), 2011; Витте, 1994; Коковцов, 1992; Курлов, 1992). Все данные воспоминания носят выраженный промонархический характер. Тем не менее они дают возможность воссоздать исторически достоверную картину придворной жизни царствования последних русских самодержцев.

В рассматриваемый период многие вели дневники и писали мемуары. По этим записям видно, как менялось настроение высшего общества, какие проблемы и вопросы его волновали, а что оставалось вне поля зрения. Предчувствием наступления чего-то негативного в его жизни пронизаны многие мемуары того времени. Это не только присутствующий в тексте пессимизм и упадничество, но и многочисленные оговорки, свидетельствующие о том, что этот мир царских элит вступил в свою финальную стадию развития.

В мемуарах тех лет все больше ощущается какой-то пессимизм. Даже Ф.Ф. Вигель, описывая Россию на взлете ее политического могущества, неуверенно отзывался о ее перспективах (Вигель, 2000). Гнетущее напряжение чувствуется и в тексте мемуаров А.М. Фадеева – дяди графа С.Ю. Витте (Фадеев, 1897). Нотки откровенного пессимизма звучат в характеристиках последнего русского царя и у самого С.Ю. Витте (Витте, 1994, Т. 1).¹ Русское общество трезво оценивало характер своей политической и социальной системы и предчувствовало, что именно ее изъяны могут впоследствии стать ее историческими могильщиками. Даже обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, противопоставляя «чиновничество» и «здравых и простых людей», в одном из писем к Александру III в 1881 г. был вынужден признать очевидное: «все зло у нас шло сверху, от чиновничества, а не снизу» (Победоносцев, 1925: 338, 346).

Дочь последнего лейб-медика Е.С. Боткина (1865–1918) Татьяна (1898–1986) признавалась, что писать мемуары ее побудило наивное желание «возродить в воспоминаниях волшебный мир далекой молодости» (Боткина, 2010: 61). Примечательно, что она издала их в 1921 г., когда ей самой исполнилось всего 23 года...

Хозяйка политического салона в Санкт-Петербурге, известная представительница «высшего света» графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель (1846–1931) принимала многих известных политиков, дипломатов, царских сановников и членов императорской фамилии (Осин, 2013). Ее мемуары раскрывают неизвестные страницы из жизни российской аристократии того времени, а описание поведения отдельных субъектов элиты объясняет многое в истории последнего русского самодержца. Мнение графини заслуживает нашего внимания в силу того, что ее свидетельства зафиксировали события изнутри самого «высшего света». Они шокируют человека, несведущего в его делах, привыкшего верить официальной версии истории. Но как раз именно подобными своими откровениями М.Э. Клейнмихель невольно разоблачает ложность ореола святости правящих кругов того времени. «Те, которым редко приходится бывать у послов, министров, вообще сильных мира сего, – признается Мария Эдуардовна, – принимают на веру все, что касается этих господ, и придают большое значение их словам и делам. Если бы только знали, сколько ребячества кроется часто за этими словами и делами!» (Осин, 2013). Иначе говоря, графиня откровенно указывает на то, что подобным господам нет никакой веры, а сами они представляют собой напыщенные политические маски.

На критических позициях стоял и граф С.Ю. Витте, которого последний царь считал своим самым злым личным критиком. В своих мемуарах граф всячески подчеркивал достоинства царствования Александра III и провальную политику его преемника – Николая II. Александр III был для него идеальным правителем. И напротив, Николай II оценивался им как жалкое подобие своего отца – человек образованный, но не умный, порядочный в частной жизни, но бесполезный в жизни политической (Витте, 1994, Т. 1: 187–188; 375). Витте явно сводил личные счёты с последним русским царем. Поэтому его свидетельства весьма часто переходят барьер этического приличия. Наблюдаемая им чехарда в правительстве приводила его к убеждению, что царствование Николая II должно завершиться какой-то крупной политической катастрофой (Витте, 1994, Т. 1: 238; Витте, 1994, Т. 3: 4).

Некоторые авторы весьма серьезно относились к своим записям и даже заручались свидетельскими показаниями других очевидцев. Так, военный министр Российской империи (1898–1904 гг.) генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин (1848–1925) «день за днем описывал с величайшей подробностью обстоятельства своей жизни, военной и государственной деятельности». На страницах везде были пометки «Верно» и стояла подпись. «Оказалось, что Куропаткин, записывая бывший с кем-либо важный разговор, при следующем свидании просил это лицо подтвердить правильность записи» (Деникин, 2015: 209). Однажды Николай II попросил Куропаткина познакомиться с этими его «записями». И он по ошибке дал императору одну тетрадь, где критически отзывался о нем самом. Царь прочел и деликатно заметил: «Да, интересно». После этого карьера генерала пошла под гору... (Деникин, 2015: 209).

Были авторы, которые не страдали «горем от ума» – профессиональной болезнью русского интеллигента. Прямолинейные и бесхитростные натуры также прямолинейно и писали. К их числу относится генерал А.А. Мосолов (1854–1939), который с 1900 по 1916 гг. был начальником канцелярии Министерства двора и человеком, достаточно близко знавшим Николая II (Мосолов, 1938). По отзывам современников, сам А.А. Мосолов был не слишком умным и поэтому не

¹ Анализ мемуарной литературы предшествующей эпохи (царствования Николая I и Александра II) указывает на то, что эсхатологические представления (хотя и в меньшем размере) посещали умы представителей царской элиты в связи с непониманием пути развития русского самодержавия (Ф.Ф. Вигель, А.М. Фадеев).

теоретизировал на отвлеченные темы. Вместо этого он достаточно бесхитростно пересказывал все, что видел, с некоторым упором на сплетни и слухи двора. Благодаря такой простоте, его мемуары весьма точно передают атмосферу окружения последнего царя и являются бесценным источником по истории отечественных политических элит.

Генерал А.А. Брусилов полагал, что «новая, переворачивающаяся страница нашей истории неизбежно вытекала из прошлого и, не поняв или не обратив внимания на это прошлое, все настоящее могло, да и должно было, показаться странным и непонятным» (Брусилов, 2014).

Командующий царской гвардией генерал В.М. Безобразов (1857–1932) отмечал, что его «дневник, за время Великой Войны (1914–1916) не может быть боевой историей Гвардейского корпуса, но может послужить лишь некоторой, незначительной справкой для будущего составления. На самом деле мой дневник есть просто хронологическое изложение того, что я видел, слышал и делал при той, малой осведомленности всякого начальника, входящего в состав огромного фронта армии и обреченного на линейную войну» (Сионова, Ляйрих, 2009: 253-254).

Эсхатологические настроения в элите определялись общим ее умонастроением, что все идет плохо и никто не знает, что с этим плохим делать. Начавшаяся в высших государственных кругах политическая и кадровая чехарда особенно обострилась в годы Первой мировой войны. Эти системные сбои были замечены самой элитой еще в ходе Первой русской революции (Деникин, 2015: 215), а к 1917 г. они лишь усилились.

Действительно, чем ближе приближался роковой 1917 г., тем все меньше в высшем обществе понимали, что собственно происходит с Россией (Боткина, 2010: 217). Слухи умножались, ясность исчезала. Источником всех тревожных предчувствий было общее понимание утраты качества превосходства в политическом классе – родовая аристократия и столбовое дворянство вырождались, а процесс естественного генезиса элиты был нарушен ее отрицательной селекцией.

4. Результаты

Царский двор. В России того времени было несколько «барометров», отражавших состояние общества и государства в целом. Одним из таких диагностических «средств» был царский двор. Уже задним числом многие в своих мемуарах отмечали о том гнетущем чувстве неудовлетворенности и разочарования в российском самодержавии, которое они испытывали, глядя на последнего русского царя и его ближайшее окружение. Царю они вменяли в вину неумение подбирать на ключевые государственные посты профессионалов, а самих его назначенцев винули в том, что они умножают роковые ошибки и сами ведут самодержавие в его неминуемой катастрофе (Деникин, 2015: 221).

О нравах тех времен свидетельствует деформация таких качеств, как дружба и любовь. Мораль становилась все более формальной. Этикет вытеснял живые чувства, отдавая предпочтение рафинированности и блеску формы, скрывающей убогость содержания. Многие аристократы стремились быть «друзьями» великих князей, на самом деле становясь их придворными «шутами» (Теляковский, 1965: 63). Для многих салонная жизнь была главным смыслом их бесцельного существования, а интриги, сплетни и различные «истории» являлись оправданием погони за престижем (Осин, 2013). Придворная жизнь стала заложницей этикета, традиции которого уходили корнями в седую феодальную древность (Половцов, 2001: 304; Милютин, 2006: 32; Милютин, 2008: 53).

Последний лейб-медик Е.С. Боткин (1865–1918) писал в письме к брату (21.11.1909) о ближайшем царском окружении: «Здесь существует так много мелких людей. Их интриги настолько подлы и настолько гнусны! А их непростительные задние мысли настолько пачкают все, что против них совершенно невозможно защищаться. Нужно обладать их мыслями и их испорченной душой, чтобы иметь возможность противостоять их невероятным комбинациям» (Боткина, 2010: 98). Придворное окружение напоминало собой болото, в котором собирались представители высшего общества, прорвавшиеся наверх благодаря отрицательной селекции элит. Этикет, церемонии при дворе играли определяющую роль. А.Ф. Тютчева в своих мемуарах признавалась, что «придворная жизнь, по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддерживать ее престиж... Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство» (Тайны царского Двора, 1997: 206). Вне этих церемоний представители высшего света себя просто не мыслили. «Тем не менее, надо признать, что в эту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность» (Тайны царского Двора, 1997: 198). Но за внешним блеском придворной роскоши стояла убогость его духовного мира.¹

¹ Французский посол в России Морис Палеолог тоже отмечал пышность двора Российской империи. В июле 1914 г. он записал в дневнике: «По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохранил в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней, рассыпанных на женских плечах. Это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов – поток света и огня» (Палеолог, 2003: 14).

Вызывала серьезные нарекания и сама царская семья. Личность последнего русского царя откровенно раздражала многих. Так, русский историк В.О. Ключевский в дневниковых записях весьма точно выразил свое отношение к этой исторической фигуре: «отец [Александр III] еще умел кой-что строить; сын [Николай II] способен только городить» (Ключевский, 1993: 58). На официальных приемах и встречах царь использовал стандартные обороты речи, задавая своим собеседникам стандартные вопросы, часто не предусматривающие никаких содержательных ответов. Чаще всего этикет вообще запрещал задавать царю вопросы.

Последнюю русскую царицу считали «бедоносицей», с ее появлением в России для царской династии настали последние, самые несчастливые времена. Особую трагедийность придавала ей ее «английская кровь». Александра Федоровна была внучкой королевы Виктории, с которой и начался передаваемый по наследству недуг гемофилии (Боткина, 2010: 154-156). Женщины этой семьи не могли родить здорового наследника мужского пола.

Эсхатологические настроения просто витали при царском дворе. Очевидцы отмечали, что царский двор Николая II постоянно находился в состоянии «вечного траура», «так как из-за величины Царской династии и большого количества связей с Царствующими Домами Европы смертельные случаи при Дворах следовали непрерывно» (Боткина, 2010: 82). Приходилось по каждому усопшему родственнику объявлять при Дворе траур, его общая атмосфера представляла собой «вечную панихиду».

Еще одним наиболее распространенным упреком царизму было его обвинение в скатывании к «военщине». Речь, в частности, касается того, что армейская культура переносилась на гражданские стороны общественной жизни, подчиняя их своим правилам.

Особенности элитарной рефлексии. Для многих представителей царской элиты революция 1917 г. стала роковым событием в их личной истории. Многие потеряли в ней все. Но еще задолго до тех событий ими обнаружилось нечто, что должно было заставить их пересмотреть свои базовые ценности и начать внутреннюю перестройку самих себя. Особенности элитарной рефлексии заключались в попытке разобраться в сущности обнаруженной в себе духовной пустоты.

Анализируя мемуарную литературу того времени, мы видим, как постепенно элитами утрачивается чувство классового превосходства и политического преимущества. Серьезным стрессом, связанным с фигурой русского царя, была утрата в обществе чувства справедливости, реализация которой всегда связывалась именно с главной самодержавной фигурой (Кожокин, 2017: 111).

Пессимистические умонастроения росли в дворянской среде по мере роста кризиса самого служилого сословия. Так, последний государственный секретарь (1911–1917) С.Е. Крыжановский (1862–1935) в своих «Воспоминаниях» пришел к выводу о том, что дворянство «к концу царствования императора Александра III из положения элемента, поддерживавшего престол, перешло уже на положение государственно призываемого. Оно требовало для поддержания внешности и видимости непрерывных вспомоществований в той или иной форме из средств государственного казначейства и становилось тунеядцем» (Крыжановский, 2009: 138). В элите постепенно формировался комплекс ненужного (лишнего) человека. Утрата жизненных ориентиров приводила к дезорганизации ее рядов.

Дворянство постепенно превращалось в обременительное для казны иждивенчество. Теперь уже не оно служило короне, а сама корона обязана была служить его интересам. Об этом открыто писали многие. Например, дворянин Н.П. Семенов в работе «Наше Дворянство», выражая интересы своего сословия, высказывает правительству пожелания, направленные на упрочение своего социально «избранного круга» (Семенов, 1898: 85). По его мнению, самодержавие всем обязано дворянству и поэтому должно в трудную для него минуту поддержать его и сохранить его привилегии.

«Вирусом декаданса» была заражена и вся русская аристократия. В дневнике великого князя Константина Константиновича (1858–1915) (знаменитого «К.Р.»), мы можем встретить весьма откровенное признание: «[Меня называют] "лучшим человеком в России"». Но я знаю, каков на самом деле этот "лучший человек". Как поражены были бы все те люди, которые любят и уважают меня, если бы знали о моей развращенности! Я глубоко недоволен собой» (19.11.1903); «Жизнь моя течет счастливо, я поистине "баловень судьбы", меня любят, уважают и ценят, мне во всем везет и все удается, но... нет главного: душевного мира» (28.12.1903) (Романов, 1998). То, что великий князь говорит о себе, с полным основанием можно было бы отнести ко всему тогдашнему российскому высшему свету. Это диагноз не конкретной личности, а целого поколения людей и всего привилегированного сословия и правящего политического класса тогдашней России. Пока одни трудились во благо России, другие сходили с ума от избыточного обладания властью.

В мемуарах можно часто встретить весьма неуклюжие попытки самооправдания. Апология вообще является главной темой всей мемуарной литературы. Так, генерал А.А. Брусилов писал: «Считаю своим священным долгом писать правду для истории этой великой эпохи... Я вполне сознаю, что с самого начала революции я мог и неизбежно делал промахи. ...Я не гений и не пророк и будущего твердо знать не мог; действовал же я по совести, всеми силами стараясь тем или иным способом сохранить боеспособную армию. Я сделал все, что мог, но, повторяю, я не гений и не оказался в состоянии привести сразу в полный порядок поднявшуюся народную стихию, потрясенную трехлетней войной и небывалыми потерями» (Брусилов, 2014). В целом мемуары А.А. Брусилова носят откровенно клеветнический

характер. Только себя одного он преподносит в качестве мудрого стратега, оставляя в стороне свое масонство и нарушение присяги. Он не скрывает того, что из-за его интриг в высшем военном руководстве России воцарились анархия и неуверенность (Брусиллов, 2014: 188-189).

Еще продолжались блистательные парады русских гвардейских частей, еще народ рукоплескал и кричал свое восторженное «Ура» августейшим особам, еще революционеры не были организованы и собраны для борьбы с царизмом, но в обществе уже зрели предчувствия грядущего революционного шторма, зрели те самые предчувствия, которые Ф.М. Достоевский смог озвучить в своих «Бесах» как неизбежность грядущего прихода великого хама. Эсхатологические предчувствия царскую элиту не обманули. Призрак конца их мира витал над ними все последнее столетие существования социально-политической системы.

В российском обществе активизировались люди, которых Ф.М. Достоевский назвал «бесами», – революционеры. Главным признаком революции являются беспорядки, которые возникают в глубинах масс вследствие того, что господствующие над ними элиты утрачивают способность поддерживать ранее существующий порядок в его естественном рабочем состоянии.

После 1872 г. в России должен был возникнуть иммунитет против революционного бунта. В этот год вышел роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Но общество холодно встретило его и поспешило объявить «бредом» и «клеветой» на русскую действительность. Революционеры восприняли этот роман как злобную критику своих идей, а идеи Петра Верховенского – как аналог «Катехизиса революционера» С. Нечаева. Сам писатель отрицал это сходство, утверждая, что пытался описать определенный человеческий типаж (Достоевский, 1972–1990. Т. 29: 141-142).

Роман «Бесы» оказался самым точным предчувствием грядущей русской революции. Предупреждение прозвучало. Но оно не было услышано. Элиты отказывались верить в трагический сценарий развития событий. Они фактически проигнорировали предупреждение истории. Именно они в силу трагического стечения обстоятельств невольно стали участниками подготовки революционной ситуации сверху. Поэтому «формулу революционной ситуации» следует уточнить: революционная ситуация складывается тогда, когда верхи уже не могут управлять по-старому вследствие своей полнейшей недееспособности и дезорганизованности, а низы уже могут бороться с ними по-новому, в силу своей революционной организованности.

5. Заключение

Предчувствие неизбежного конца возникло в мировоззрении царских элит еще задолго до свержения самодержавия. Это было ощущение того, что с самодержавием творится что-то неладное, что система приходит к деградации, поскольку верхи не могут управлять по-старому, а как им управлять по-новому, они не знают. Эсхатологические настроения царской элиты стали следствием значительного вырождения аристократии и чиновничьего дворянства, ощущавших, но еще до конца так и не понимавших, что для них настали последние времена.

Было замечено, что чем ближе приближался 1917 г., тем пессимистичнее в мемуарах становились оценки действительности, тем больше появлялось разного рода критики, усиливался декаданс и общее непонимание происходящих событий (Боткина, 2010: 258-259). Однако нарастание тревоги не активизировало, а парализовало волю правящего класса. Элиты последнего русского царя в полном смысле оказались снесенными ветром революционного шторма, уйдя в политическое небытие, став достоянием истории. Многие из представителей элитного сообщества, дожившие до 1917 г., не пережили событий гражданской войны и сгинули в кровавом омуте красного террора. Уцелевшие принялись за мемуары, чтобы объяснить, прежде всего, самим себе, что же с ними на самом деле произошло и как они ко всему этому пришли.

Царские элиты упустили свой исторический шанс и были вынуждены уйти со страниц истории. Неспособность адекватно реагировать на вызовы своего времени сделала их уязвимыми для давления со стороны революционных сил, жаждущих их разрушения. Но отрицательный пример российского элитного сообщества послужил уроком для других монархических систем (прежде всего Запада), которые были вынуждены пойти на значительные либеральные и демократические уступки, заметно ограничив свои аристократические привилегии. Так, ценой собственной жизни царские элиты России показали всему миру, что надо делать, чтобы довести свою страну до катастрофы социальной революции и гражданской войны. Но этот отрицательный политический опыт, однажды уже пережитый Россией, не должен больше повториться в ее национальной истории. В российской истории было достаточно трагических потрясений, чтобы вновь желать ей новые подобные испытания...

Литература

- Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 251 с.
 Ананьич, Ганелин, 1999 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.
 Ашин, 2010 – Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО (У), 2010. 600 с.

- Бердяев, 1991** – *Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55-90.
- Богучарский, 1912** – *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. М.: Русская мысль, 1912. 483 с.
- Боткина, 2010** – *Боткина Т.Е.* Воспоминания о Царской Семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Кавалевская. СПб.: Царское дело, 2010. С. 49-435.
- Боханов, 1993** – *Боханов А.Н.* Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 394 с.
- Боханов, 1995** – *Боханов А.Н.* Сергей Юльевич Витте // Российские реформаторы XIX – начала XX вв. М.: Международные отношения, 1995. С. 221-258.
- Боханов, 1997** – *Боханов А.Н.* Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. 474 с.
- Брусилов, 2014** – *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Вече, 2014. 288 с.
- Вигель, 2000** – *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. 327 с.
- Витте, 1994** – *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3-х т. Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. Т. 1. 528 с.
- Витте, 1994** – *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3-х т. Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. Т. 3. 608 с.
- Водовозов, 1922** – *Водовозов В.В.* Граф С.Ю. Витте и император Николай II. СПб.: «Мысль», 1922. 118 с.
- Воейков, 1995** – *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995. 431 с.
- Гереш, 1998** – *Гереш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.
- Глинский, 1913** – *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории. СПб.: Новое время, 1913. 528 с.
- Деникин, 2015** – *Деникин А.И.* Путь русского офицера. СПб.: Питер, 2015. 352 с.
- Дневники императора Николая II (1894–1918), 2011** – Дневники императора Николая II (1894–1918). М.: РОССПЭН, 2011. 1101 с.
- Достоевский, 1972–1990** – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 29. 565 с.
- Дякин, 1988** – *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьионьской системы. Л.: Наука, 1988. 227 с.
- Есин, 1990** – *Есин А.Б.* Философский роман Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Правда, 1990. С. 3-26.
- Жильяр, 1991** – *Жильяр П.* Николай II и его семья. М.: Мегapolis, 1991. 246 с.
- Зайончковский, 1964** – *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
- Зайончковский, 1970** – *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.
- Захарова, 1972** – *Захарова Л.Г.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // *Вопросы истории.* 1972. № 8. С. 119-140.
- Зимин, 2011** – *Зимин И.В.* Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011. 556 с.
- Зырянов, 1992** – *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. 157 с.
- Иоффе, 1977** – *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Иоффе, 1992** – *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 349 с.
- Карелин, Степанов, 1998** – *Карелин А.П., Степанов С.А.* Витте-финансист, политик, дипломат. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 464 с.
- Карлейль, 1994** – *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 5-198.
- Касвинов, 1989** – *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1989. 459 с.
- Кинг, 2000** – *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна: Биография. М.: Захаров, 2000. 462 с.
- Кинг, Вильсон, 2000** – *Кинг Г., Вильсон П.* Романовы: Судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005. 974 с.
- Ключевский, 1993** – *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. 415 с.
- Кожокин, 2017** – *Кожокин Е.М.* Закончилась ли Великая русская революция? // *Политические исследования.* 2017. № 6. С. 109-124.
- Коковцов, 1992** – *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. М.: Наука, 1992. 449 с.
- Колоницкий, 2010** – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 676 с.
- Колоницкий, 2012** – *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.

- Корелин, Степанов, 1998** – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Терра, 1998. 462 с.
- Корольков, 1901** – Корольков К.Н. Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894 гг.). Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1901. 270 с.
- Крыжановский, 2009** – Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: Изд-во "Российской нац. б-ки", 2009. 228 с.
- Куликов, 2004** – Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П.А.Трибунский, 2004. 472 с.
- Курлов, 1991** – Курлов П.Г. Гибель Императорской России (воспоминания). М.: Современник, 1991. 255 с.
- Левин, 1919** – Левин К.Н. Последний русский царь Николай II. Харьков: Изд. бюро при Нар. ком. просвещения, 1919. 66 с.
- Лотман, 1949** – Лотман Ю.М. Краткие наставления Русским рыцарям М.А. Дмитриева-Мамонова // *Вестник ЛГУ*. 1949. № 7. С. 137-147.
- Любош, 1924** – Любош С.Б. Последние Романовы. Л.-М.: «Петроград», 1924. 288 с.
- Масси, 1996** – Масси Р.К. Николай и Александра. М.: Пресс-соло, 1996. 607 с.
- Милютин, 2006** – Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. 734 с.
- Милютин, 2008** – Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.
- Мироненко, 2017** – Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2017. 400 с.
- Мосолов, 1938** – Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
- Ольденбург, 1992** – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: Терра, 1992. 640 с.
- Осин, 2013** – Осин В.М. Дворцовые интриги и политические авантюры. Записки Марии Клейнмихель. М.: АСТ, 2013. 448 с.
- Островский, 1992** – Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992. 142 с.
- Палеолог, 2003** – Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003. 829 с.
- Победоносцев, 1925** – Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I / Предисл. М.Н. Покровского. М.: Новая Москва, 1925. 448 с.
- Победоносцев, 1993** – Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
- Половцов, 2001** – Половцов А.А. Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 298-310.
- Попов, 1913** – Попов А.Д. Царь-Миротворец Император Александр III. М.: Сытин, 1913. 56 с.
- Романов, 1998** – Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998. 493 с.
- Семенов, 1898** – Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. дела в России, 1899. 103 с.
- Сионова, Ляйрих, 2009** – Сионова С.А., Ляйрих Е.Б. Дневник генерала В.М. Безобразова. Хроника событий. 1917 г. // *Филологос*. 2009. № 1–2 (5). С. 251-262.
- Соловьев, 1973** – Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973. 383 с.
- Степун, 1991** – Степун Ф.А. «Бесы» и большевистская революция // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991. С. 365-376.
- Тайны царского Двора, 1997** – Тайны царского Двора (из записок фрейлин). Сборник. М.: Знание, 1997. 352 с.
- Твардовская, 1997** – Твардовская В.А. Александр III // Романовы. Исторические портреты. Кн. 2. М.: Армада, 1997. 683 с.
- Теляковский, 1965** – Теляковский В.А. «Воспоминания», Театральные мемуары. Л.-М.: Искусство, 1965. 481 с.
- Толстой, 1984** – Толстой Л.Н. Царю и его помощникам обращение Льва Николаевича Толстого // Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 17. С. 193-197.
- Троцкий, 2017** – Троцкий Л.Д. Истории русской революции. М.: Вече, 2017. 610 с.
- Труайя, 2003** – Труайя А. Николай II. М.: Эксмо, 2003. 476 с.
- Тютчева, 1990** – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники. М.: Мысль, 1990. 64 с.
- Уртман, 2004** – Уртман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фадеев, 1897** – Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса: Тип. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897. 256 с.
- Ферро, 1991** – Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991. 349 с.

- Чулков, 1928 – Чулков Г.И. Императоры России: психологические портреты. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 367 с.
- Чуриуха, 2001 – Чуриуха В.Г. Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 400 с.
- Юсупов, 2001 – Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М.: Захаров, 2001. 428 с.
- Erickson, 2001 – Erickson C. Alexandra: The Last Tsarina. London: Constable, 2001. 390 p.
- Lieven, 1989 – Lieven, D.C.B. Russia's rulers under the old regime. New Haven; London: Yale univ. press, 1989. 407 p.

References

- Anan'ich, Ganelin, 1999 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (1999). Sergej Jul'evich Vitte i ego vremja [Sergey Yulyevich Witte and his time]. SPb.: Dmitrij Bulanin. 429 p. [in Russian]
- Ashin, 2010 – Ashin, G.K. (2010). Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost' [Elite studies: history, theory, modernity]. M.: MGIMO (U). 600 p. [in Russian]
- Avreh, 1989 – Avreh, A.Ja. (1989). Carizm nakanune sverzhenija [The tsarist government on the eve of the overthrow]. M.: Nauka. 251 p. [in Russian]
- Berdyaev, 1991 – Berdyaev, N.A. (1991). Duhi russkoj revolyucii [Spirits of the Russian revolution]. Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revolyucii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. Pp. 55-90. [in Russian]
- Bogucharskij, 1912 – Bogucharskij, V.Ja. (1912). Iz istorii politicheskoj bor'by v 70-h i 80-h godah XIX veka [From the history of political struggle in the 70s and 80s of the XIX century]. M.: Russkaja mysl'. 483 p. [in Russian]
- Bohanov, 1993 – Bohanov, A.N. (1993). Sumerki monarhii [Twilight of the monarchy]. M.: Voskresen'e. 394 p. [in Russian]
- Bohanov, 1995 – Bohanov, A.N. (1995). Sergej Jul'evich Vitte [Sergey Witte]. Rossijskie reformatory XIX - nachala XX vv. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. Pp. 221-258. [in Russian]
- Bohanov, 1997 – Bohanov, A.N. (1997). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Molodaja gvardija. 474 p. [in Russian]
- Botkina, 2017 – Botkina, T.E. (2017). Vospominaniya o Carskoj Sem'e [Memories of the Royal Family]. Carskij lejv-medik. Zhizn' i podvig Evgeniya Botkina. SPb.: Carskoe delo. Pp. 49-435. [in Russian]
- Brusilov, 2014 – Brusilov, A.A. (2014). Moi vospominaniya [My memoirs]. M.: Veche. 288 p. [in Russian]
- Chulkov, 1928 – Chulkov, G.I. (1928). Imperatory Rossii: psihologicheskie portrety [Emperors of Russia: the psychological portraits]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 367 p. [in Russian]
- Churiuha, 2001 – Churiuha, V.G. (2001). Aleksandr III [Alexander III]. Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma. SPb.: Pushkinskij fond. 400 p.
- Denikin, 2015 – Denikin, A.I. (2015). Put' russkogo oficera [The path of the Russian officer]. SPb.: Piter. 352 p. [in Russian]
- Djakin, 1988 – Djakin, B.C. (1998). Burzhuzazija, dvorjanstvo i carizm v 1911-1914 gg.: Razlozhenie tret'ijun'skoj sistemy [The bourgeoisie, the nobility, and tsarism in 1911-1914: the Disintegration of the third-Jun system]. L.: Nauka. 227 p. [in Russian]
- Dnevnik imperatora Nikolaja II (1894-1918), 2011 – Dnevnik imperatora Nikolaja II (1894-1918) [Diaries of Emperor Nicholas II (1894-1918)]. M.: ROSSPEN. 1101 p. [in Russian]
- Dostoevskij, 1972-1990 – Dostoevskij, F.M. (1972-1990). Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. [The complete works in 30 vols.]. L.: Nauka. T. 29. 565 p. [in Russian]
- Erickson, 2001 – Erickson, S. (2001). Alexandra: The Last Tsarina. London: Constable, 2001. 390 p.
- Esin, 1990 – Esin, A.B. (1990). Filosofskij roman F.M. Dostoevskogo [F.M. Dostoevsky's philosophical novel]. Dostoevskij F.M. Besy. M.: Pravda. Pp. 3-26. [in Russian]
- Fadeev, 1897 – Fadeev A.M. (1897). Vospominaniya Andreya Mihajlovicha Fadeeva. 1790–1867 gg. [The Memoirs of Andrei Mikhailovich Fadeev. 1790–1867 gg.]. Odessa: tip. YUzhno-rus. o-va pech. Dela. 256 p. [in Russian]
- Ferro, 1991 – Ferro, M. (1991). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 349 p. [in Russian]
- Geresh, 1998 – Geresh, Je. (1998). Nikolaj II [Nicholas II]. Rostov-na-Donu: Feniks. 416 p. [in Russian]
- Glinskij, 1913 – Glinskij, B.B. (1913). Revoljucionnyj period russkoj istorii [Revolutionary period of Russian history]. SPb.: Novoe vremja. 528 p. [in Russian]
- Ioffe, 1977 – Ioffe, G.Z. (1977). Kraih rossijskoj monarhicheskoj kontrrevolyucii [The collapse of the Russian monarchical counterrevolution]. M.: Nauka. 320 p. [in Russian]
- Ioffe, 1992 – Ioffe, G.Z. (1992). Revoljucija i sud'ba Romanovyh [Revolution and the fate of the Romanovs]. M.: Respublika. 349 p. [in Russian]
- Jusupov, 2001 – Jusupov, F.F. (201). Memuary [Memoir]. M.: Zaharov. 428 p. [in Russian]
- Karlej', 1994 – Karlej', T. (1994). Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, hero worship and the heroic in history]. Teper' i prezhd'e. M.: Respublika. Pp. 5-198. [in Russian]

- Kasvinov, 1989** – *Kasvinov, M.K.* (1989). Dvadcat' tri stupeni vniz [Twenty-three steps down]. M.: Mysl'. 459 p. [in Russian]
- King, 2000** – *King, G.* (2000). Imperatrica Aleksandra Fedorovna: Biografija [Empress Alexandra Feodorovna: Biography]. M.: Zaharov. 462 p. [in Russian]
- King, Vil'son, 2000** – *King, G., Vil'son, P.* (2000). Romanovy: Sud'ba carskoj dinastii [Romanovs: the Fate of the tsarist dynasty]. M.: Jeksmo. 974 p. [in Russian]
- Klyuchevskij, 1993** – *Klyuchevskij, V.O.* (1993). Aforizmy. Istoricheskie portrety i etyudy. Dnevnik [Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. M.: Mysl'. 415 p. [in Russian]
- Kokovcov, 1992** – *Kokovcov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo: Vospominaniya [From my past: Memories]. 1903-1919. M.: Nauka. 449 p. [in Russian]
- Kolonickij, 2010** – *Kolonickij, B.I.* (2010). «Tragicheskaja jerotika»: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny ["Tragic erotica": images of the Imperial family during the First world war]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 676 p. [in Russian]
- Kolonickij, 2012** – *Kolonickij, B.I.* (2012). Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskogo kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917]. SPb.: Liki Rossii. 318 p. [in Russian]
- Korelin, Stepanov, 1998** – *Korelin, A.P., Stepanov, S.A.* (1998). S.Ju. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Y. Witte-financier, politician, diplomat]. M.: Terra. 462 p. [in Russian]
- Korol'kov, 1901** – *Korol'kov, K.N.* (1901). Zhizn' i carstvovanie Imperatora Aleksandra III (1881-1894 gg.) [Life and reign of Emperor Alexander III (1881-1894)]. Kiev: tip. I.I. Chokolova. 270 p. [in Russian]
- Kozhokin, 2017** – *Kozhokin, E.M.* (2017). Zakonchilas' li Velikaya russkaya revolyuciya? [Did the Great Russian revolution end?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 6: 109-124. [in Russian]
- Kryzhanovskij, 2009** – *Kryzhanovskij, S.E.* (2009). Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossijskoj imperii [Memoirs: from the papers of S.E. Kryzhanovskij, the last state Secretary of the Russian Empire]. SPb.: Izd-vo "Rossijskoj nac. b-ki". 228 p. [in Russian]
- Kulikov, 2004** – *Kulikov, C.B.* (2004). Bjurokraticheskaja jelita Rossijskoj imperii nakanune padenija starogo porjadka (1914-1917) [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914-1917)]. Rjazan': P.A.Tribunskij. 472 p. [in Russian]
- Kurlov, 1991** – *Kurlov, P.G.* (1991). Gibel' Imperatorskoj Rossii (vospominaniya) [The death of Imperial Russia (memoirs)]. M.: Sovremennik. 255 p. [in Russian]
- Levin, 1919** – *Levin, K.N.* (1919). Poslednij russkij car' Nikolaj II [The last Russian Tsar Nicholas II]. Har'kov: Izd. bjuro pri Nar. kom. Prosveshhenija. 66 p. [in Russian]
- Lieven, 1989** – *Lieven, D.C.B.* (1989). Russia's rulers under the old regime. New Haven; London: Yale univ. press, 1989. 407 p
- Ljubosh, 1924** – *Ljubosh, S.B.* (1924). Poslednie Romanovy [The Last Romanovs]. L- M.: «Petrograd». 288 p. [in Russian]
- Lotman, 1949** – *Lotman, Y.M.* (1949). Kratkie nastavljeniya Russkim rycaryam M.A. Dmitrieva-Mamonova [Brief instructions to Russian knights by M. A. Dmitriev-Mamonov]. *Vestnik LGU*. 7: 137-147. [in Russian]
- Massi, 1996** – *Massi, R.K.* (1996). Nikolaj i Aleksandra [Nicholas and Alexandra]. M.: Press-solo. 607 p. [in Russian]
- Milyutin, 2006** – *Milyutin, D.A.* (2006). Vospominaniya. 1868–1873 [Memories. 1868–1873]. M.: ROSSPEN. 734 p. [in Russian]
- Milyutin, 2008** – *Milyutin, D.A.* (2008). Dnevnik. 1873-1875 [Diary. 1873-1875]. M.: ROSSPEN. 440 p. [in Russian]
- Mironenko, 2017** – *Mironenko, S.V.* (2017). Aleksandr I i dekabristy: Rossiya v pervoj chetverti XIX veka. Vybor puti [Alexander I and the Decembrists: Russia in the first quarter of the XIX century. Choosing a path]. M.: Kuchkovo pole. 400 p. [in Russian]
- Mosolov, 1938** – *Mosolov A.A.* (1938). Pri dvore imperatora [At the court of the Emperor]. Riga: Filin. 232 p. [in Russian]
- Ol'denburg, 1992** – *Ol'denburg, S.S.* (1992). Carstvovanie imperatora Nikolaja II [The reign of Emperor Nicholas II]. M.: Terra. 640 p. [in Russian]
- Osin, 2013** – *Osin, V.M.* (2013). Dvorcovye intrigi i politicheskie avantyury. Zapiski Marii Klejnmihel' [Palace intrigues and political adventures. Notes of Maria Kleinmichel]. M.: AST. 448 p. [in Russian]
- Ostrovskij, 1992** – *Ostrovskij, I.V.* (1992). P.A. Stolypin i ego vremja [P. A. Stolypin and his time]. Novosibirsk: Nauka. 142 p. [in Russian]
- Paleolog, 2003** – *Paleolog, M.* (2003). Dnevnik posla [Ambassador's diary]. M.: Zaharov. 829 p. [in Russian]
- Pobedonoscev, 1925** – *Pobedonoscev, K.P.* (1925). Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III [Letters of Pobedonoscev to Alexander III]. M.: Novaya Moskva. 448 p. [in Russian]
- Polovcov, 2001** – *Polovcov, A.A.* (2001). Dnevnik [Diary]. *Aleksandr Tretij: Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. SPb.: Pushkinskij fond. Pp. 298-310. [in Russian]

- Popov, 1913** – *Popov, A.D.* (1913). Car'-Mirotvorec Imperator Aleksandr III. M.: Sytin. 56 p. [in Russian]
- Romanov, 1998** – *Romanov, K.K.* (1998). Dnevnik. Vospominaniya. Stih. Pis'ma [Diaries. Memories. Poems. Letters]. M.: Iskusstvo. 493 p. [in Russian]
- Semenov, 1898** – *Semenov, N.P.* (1898). Nashe dvoryanstvo [Our nobility]. SPb.: Tip. Spb. akc. obshch. pech. dela v Rossii. 103 p. [in Russian]
- Sionova, Lyajrih, 2009** – *Sionova, S.A., Lyajrih, E.B.* (2009). Dnevnik generala V.M. Bezobrazova. Hronika sobytij. 1917 g. [Diary of General V. M. Bezobrazov. Chronicle of events. 1917]. *Filologos.* 1-2 (5): 251-262. [in Russian]
- Solov'ev, 1973** – *Solov'ev, Ju.B.* (1973). Samoderzhavie i dvorjanstvo v konce XIX veka [Autocracy and nobility in the late nineteenth century]. L.: Nauka. 383 p. [in Russian]
- Stepun, 1991** – *Stepun, F.A.* (1991). «Besy» i bol'shevistskaya revolyuciya ["The possessed" and the Bolshevik revolution]. *Russkoe zarubezh'e v god tsysyacheletiya kreshcheniya Rusi.* M.: Stolica. Pp. 365-376. [in Russian]
- Tajny carskogo Dvora, 1997** – Tajny carskogo Dvora (iz zapisok frejlin) [Ainu of the Royal Court (from the notes of ladies-in-waiting)]. M.: Znanie, 1997. 352 p. [in Russian]
- Telyakovskij, 1965** – *Telyakovskij, V.A.* (1965). «Vospominaniya», Teatral'nye memuary ["Memories", a Theatrical memoir]. L-M.: Iskusstvo. 481 p. [in Russian]
- Tjutcheva, 1990** – *Tjutcheva, A.F.* (1990). Pri dvore dvuh imperatorov: vospominaniya i dnevniki [At the court of two emperors: memoirs and diaries]. M.: Mysl'. 64 p. [in Russian]
- Tolstoj, 1984** – *Tolstoj, L.N.* (1978-1985). Caryu i ego pomoshchnikam obrashchenie L'va Nikolaevicha Tolstogo [To the Tsar and his assistants address by Leo Tolstoy]. *Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v 22 t.* M.: Hudozhestvennaya literature. T. 17. Pp. 193-197. [in Russian]
- Trockij, 2017** – *Trockij, L.D.* (2017). Istorii russkoj revolyucii [History of the Russian revolution]. M.: Veche. 610 p. [in Russian]
- Truajja, 2003** – *Truajja, A.* (2003). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Jeksmo. 476 p. [in Russian]
- Tvardovskaja, 1997** – *Tvardovskaja, V.A.* (1997). Aleksandr III [Alexander III]. Romanovy. Istoricheskie portrety. Kn. 2. M.: Armada. 683 p. [in Russian]
- Uortman, 2004** – *Uortman, R.* (2004). Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii [Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. T. 2. M.: OGI. 796 p. [in Russian]
- Vigel', 2000** – *Vigel', F.F.* (2000). Zapiski [Notes]. M.: Zaharov. 327 p. [in Russian]
- Vitte, 1994** – *Vitte, S.Y.* (1994). Vospominaniya [Memories]: v 3 t. Tallin; M.: «Skif Aleks». T. 1. 528 p. [in Russian]
- Vitte, 1994** – *Vitte, S.Y.* (1994). Vospominaniya [Memories]: v 3 t. Tallin; M.: «Skif Aleks». T. 3. 608 p. [in Russian]
- Vodovozov, 1922** – *Vodovozov, V.V.* (1922). Graf S.Ju. Vitte i imperator Nikolaj II [Count S. Y. Witte and Emperor Nicholas II]. SPb: «Mysl'». 118 p. [in Russian]
- Voejkov, 1995** – *Voejkov, V.N.* (1995). S carem i bez carja: Vospominaniya poslednego dvorcovogo komendanta gosudarja imperatora Nikolaja II [With the Tsar and without the Tsar: Memoirs of the last Palace commandant of Emperor Nicholas II]. M.: Voenizdat. 431 p. [in Russian]
- Zaharova, 1972** – *Zaharova, L.G.* (1972). Krizis samoderzhavija nakanune revoljucii 1905 goda [The crisis of autocracy on the eve of the 1905 revolution]. *Voprosy istorii.* № 8. Pp. 119-140. [in Russian]
- Zajonchkovskij, 1964** – *Zajonchkovskij, P.A.* (1964). Krizis samoderzhavija na rubezhe 1870-1880-h godov [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s and 1880s]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 511 p. [in Russian]
- Zajonchkovskij, 1970** – *Zajonchkovskij, P.A.* (1970). Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletija [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M.: Mysl'. 442 p. [in Russian]
- Zhil'jar, 1991** – *Zhil'jar, P.* (1991). Nikolaj II i ego sem'ja [Nicholas II and his family]. M.: Megapolis. 246 p. [in Russian]
- Zimin, 2011** – *Zimin I.V.* (2011). Vzroslyj mir imperatorskih rezidencij: vtoraja chetvert' XIX – nachalo XX v. [The adult world of Imperial residences: the second quarter of the XIX – beginning of the XX century]. M.: Centrpoligraf. 556 p. [in Russian]
- Zyrjanov, 1992** – *Zyrjanov P.N.* (1992). Petr Stolypin: politicheskij portret [Pyotr Stolypin: a political portrait]. M.: Vysshaja shkola. 157 p. [in Russian]

Эсхатологические представления царской элиты кануна Великой русской революции

Павел Леонидович Карабущенко^a, Елена Евгеньевна Красноженова^{b,*},
Сергей Владимирович Кулик^b

^a Астраханский государственный университет, Астрахань, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Аннотация. Великая русская революция 1917 г. стала тем роковым событием в жизни царских элит, которое они не смогли преодолеть и которое сломало их как основу принятия и осуществления управленческих решений. Нарастание в российской империи кризисных явлений приводило к росту революционного движения, которое, в свою очередь, оказывало непосредственное влияние на формирование в правящих элитах отрицательных настроений и предчувствия грядущего конца их существования. Царствование последних двух российских императоров одновременно стало и временем последнего взлета российского имперского могущества, и временем глубокого системного политического кризиса. Попытки осмысления сущности этих событий предпринимались элитами уже тогда. Но не всегда эти оценки носили объективный и конструктивный характер.

В своих воспоминаниях многие представители политического класса России стремились дать достаточно объективную, хотя не всегда научную, оценку происходящих в стране событий, связанных с кризисом системы управления. Одни (как генерал А.И. Деникин) указывали на то, что власти опоздали с проводимыми в стране реформами, другие (как К.Н. Победоносцев) утверждали, что страна недостаточно «заморожена» и что ее следует еще больше «морозить». В настоящей работе рассматриваются особенности мировоззрения элит, связанные с их ощущениями общественно-политической действительности накануне революционного переворота. Их эсхатологические предчувствия были предопределены ощущением своего собственного исторического бессилия и невозможности своими силами изменить ситуацию в лучшую для себя сторону.

Ключевые слова: элита, революция, эсхатология, хаос, кризис, управление, самодержавие, царизм, карнавальная политическая культура, мемуары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eleena@inbox.ru (Е.Е. Красноженова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2756-2764. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2756
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Rules on Parish Schools (June 13, 1884): Prerequisites and Preparation of the Bill

Zulfira S. Zyukina ^{a, *}, Dmitry S. Sknarev ^a, Yulia A. Voropaeva ^a, Natalia V. Poplavskaya ^a

^a The Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

Abstract

The work analyzes the prerequisites and preparation of the bill “Rules on parish schools” dated June 13, 1884.

The main source in this work is the “Rules on parish schools”, which were approved on June 13, 1884 by Emperor Alexander III. The actions of these rules extended on the territory of the Russian Empire, except for the Riga diocese and the Grand Duchy of Finland. The great importance in the work is given to the “Draft statute on parish schools and an explanatory note to it”.

The principle of historicism was used in the work, thanks to it all events were considered in a historical sequence. This made it possible to look at the picture of the events taking place as an integral phenomenon, taking into account the specific historical situation. The problem-chronological method is of great importance in the work, which allowed us, while analyzing the complex process of preparation and legislative implementation of the “Rules on parish schools”, to abstract from neighboring events and consider the studied process in its chronological sequence.

In conclusion, the authors state that the “Rules on parish schools” published in 1884 became an important milestone in the formation of an extensive network of primary educational institutions of the Russian Empire. With 1884, there was given the substantial resources and government support to the parish education of the Russian Empire, which made it possible, from almost home education of peasant children, to proceed to the implementation of a planned educational process with the consolidation of the status of a parish school on a par with schools of the Ministry of Public Education.

Keywords: parish schools, Rules, bill, 1884.

1. Введение

13 июня 1884 г. император Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», которые были подготовлены Святейшим Синодом. Эта дата стала отправной точкой к созданию правильной сети церковно-приходских школ в Российской империи, которые сыграли заметную роль в развитии российского начального образования. Нельзя сказать, что до этого времени церковно-приходских школ в России не существовало, однако с этого момента их открытие и поддержание стали не только личной инициативой православного духовенства, но и заботой государства и общества. Более того, уровень преподавания в новой церковно-приходской школе делал ее совершенно одинаковой с начальной школой Министерства народного просвещения.

2. Материалы и методы

Главным источником в работе являются «Правила о церковно-приходских школах» ([Иркутские епархиальные ведомости, 1884](#)), которые были утверждены 13 июня 1884 г. императором Александром III. Их действия распространялись на территорию Российской империи, кроме Рижской епархии и великого княжества Финляндского. Важное значение в

* Corresponding author

E-mail addresses: z.zyukina@yandex.ru (Z.S. Zyukina)

исследовании также имеет «Проект положения о церковно-приходских школах и объяснительная записка к нему» ([Проект положения, 1883](#)).

В работе использован принцип историзма, благодаря которому все события рассмотрены в исторической последовательности, что позволило взглянуть на картину происходящих событий как на целостное явление с учетом конкретно-исторической обстановки. Важное значение в работе имеет проблемно-хронологический метод, который позволил при анализе сложного процесса подготовки и законодательного внедрения «Положения о церковно-приходских школах» абстрагироваться от соседствующих событий и рассмотреть изучаемый процесс в хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Проблема церковно-приходских школ дореволюционной России в современный период активно изучается. Публикации по этой теме можно разделить по жанрам на:

- историографические. Сюда можно отнести историографические обзоры советского и современного периодов. Этой темой занимались исследователи Е.И. Кочеткова ([Кочеткова, 2011](#)) и А.С. Быканов ([Быканов, 2020](#));

- локально-исторические, под которыми мы понимаем большинство публикаций по теме церковно-приходских школ, которые посвящены изучению истории школ на территории конкретных регионов (уездов, областей, губерний, епархий). Так, историю школ на территории Витебской губернии рассматривали Е.Д. Тогулева и Н.С. Моторова ([Тогулева, Моторова, 2005](#)), Московской епархии – А.Д. Авдеева ([Авдеева, 2013](#)), Оренбургской епархии – О.В. Осипов ([Осипов, 2004](#)), Якутии – С.И. Боякова и И.И. Юрганова ([Боякова, Юрганова, 2019](#)), Карской области – Т.А. Магсумов и др. ([Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#)), Липецкого уезда Тамбовской губернии – О.В. Клевцова ([Клевцова, 2018](#)). Территорию Северо-западной России рассмотрел А.А. Валитов ([Валитов, 2016](#)), Западной Сибири – В.А. Зверев и К.Е. Зверева ([Зверев, Зверева, 2004](#)), а Урала – У.П. Ефремова ([Ефремова, 2015](#)). В то же время казачьим областям уделили внимание такие исследователи, как Е.В. Манузин и др. ([Манузин и др., 2015](#)), Н.В. Федорова ([Федорова, 2011](#)), В.С. Молчанова и др. ([Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#)). Территорию Виленской губернии рассматривала О.В. Натолочная в составе группы авторов ([Natolochnaya et al., 2019](#); [Natolochnaya et al., 2019a](#));

- общеисторические, к ним мы относим труды, в которых рассматриваются общероссийские проблемы становления и развития церковно-приходских школ в России. Так, вопросам развития церковно-приходских школ уделила внимание Е.С. Пазгалова ([Пазгалова, 2014](#)). Роль церковно-приходских школ в деле подготовке учителей изучали М.А. Гончаров и М.Г. Плохова ([Гончаров, Плохова, 2012](#)). К развитию церковно-приходских школ в период министерства Д.А. Толстого обратился Т.К. Бан ([Бан, 1999](#)). Уделяли исследователи внимание и реформаторам, которые активно развивали данные школы. Так, например, роль К.П. Победоносцева в деле развития школ рассматривала Н.Е. Светлова ([Светлова, 2018](#)).

4. Результаты

К 1884 г., то есть к моменту введения Правил о церковно-приходских школах, данные учебные заведения уже являлись проверенным источником народного образования. Нужно пояснить, что первые церковно-приходские школы были организованы еще во времена принятия христианства на Руси. Из летописей известно, что первые училища возникали на Руси при церквях, а первыми учителями были, разумеется, представители духовенства. Славянский апостол был родоначальником и славянской грамоты. Св. Писание и богослужебные книги были первыми книгами славян. Митрополит Михаил дал совет Владимиру Святому «устроить училища на утверждение веры и собрать детей в научение; и тако Владимир повеле собрать детей знатных, средних, убогих, раздавая по церквам священником с притчем в научение книжное. Прежде бо, не введуще закона, не слышали словес книжных» ([Проект положения, 1883: 47](#)).

Уже при Ярославе была построена церковь Святой Софии и при ней училище на 300 человек. Церковь распространяла свое учение и на девочек. Так, в 1086 г. при Андреевском монастыре было основано училище на 300 девиц, где обучались они «писанию, також ремеслам, швению и иным полезным».

Церковно-приходская школа дала великих духовных светил российскому государству. Полагаем, что нет смысла подробно останавливаться на всех вехах ее истории, но тем не менее нельзя не упомянуть события на Московском соборе 1551 г. На нем было заявлено о резком сокращении училищ в государстве, и для исправления этого было изложено следующее: «и мы о том, по царскому совету, соборне уложили: в царствующем граде Москве и по всем градам (и на посаде, и по волостям, и по погостам), протопопом и старейшим священником, и со всеми священники и диаконы, кийждо в своем городе, избрати добрых священников и диаконов, дьяков женатых и благочестивых, имущих в сердце страх Божий, могущих и инех пользоваться, и грамоте, и чести, и писати горазды; у тех священников, и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священники и диаконы и православные христиане в коемждо граде передавали им детей своих в научение грамоте и научении

книжного письма и церковного пения, псалтырного и чтения наложного, и те бы священники и диаконы, дьяки избранные, учили своих учеников страху Божию, и грамоте, и писати, и пети и чести со всяким духовным наказанием, наипаче же всего учеников бы своих берегли и хранили во всякой чистоте и блюли бы их от всякого растления» ([Проект положения, 1883: 47-48](#)).

Соборное определение Стоглава было разослано в «наказы» по всей Руси, церковно-приходские училища были поддержаны и стали во главу угла здания народного образования.

Последовавшие в начале XVII века бедствия, смуты стали причиной резкого сокращения масштабов церковно-приходского образования, и к дальнейшему развитию церковно-приходской школы обратились вновь при первых царях Романовской династии. Так, к царю Алексею Михайловичу обращался ученый Паисий Лигарид, желавший, чтобы «под крепкой царскою рукой» издано было повеление, дабы все духовенство, «по мере своих приходов, только имели питомцев, и то будет, говорил он, народное добродетельство» ([Проект положения, 1883: 48](#)).

Таким образом, в допетровский период народная школа в России существовала сугубо за счет церковно-приходской школы и духовенства. С эпохи Петра I началось развитие светского образования, а церковно-приходская школа, лишённая государственной поддержки, стала целиком делом священнослужителей. Существование крепостного права сильно ограничивало действия духовенства на ниве приходского образования, тем не менее такая работа даже в этих условиях не прекращалась.

С 1861 г. начался новый этап в развитии церковно-приходской школы. На призыв правительства создать широкую сеть начального образования одним из первых отреагировало духовенство. Согласно официальным данным, в 1863 г. на 32010 православных приходов Российской империи приходилась 21420 церковно-приходских школ, в которых обучалось 413524 ученика обоего пола. Чтобы иметь представление, насколько это много, нужно привести следующую цифру: во всех других ведомствах страны было 14046 начальных школ, включая еврейские, магометанские и другие инородческие школы! ([Проект положения, 1883: 50](#)).

При этом важно отметить, что в отличие от школ других ведомств, где средства выделялись непосредственно на школы, духовенство средств не получало и все организационные вопросы решало за счет прихода. Духовенство учило народ безвозмездно. Под школьные занятия приспособлялись собственные дома священников, трапезные и церковные сторожки, а также дома прихожан. Книги и необходимый инвентарь приобретался на средства самого священника. Вне всякого сомнения, это был великий порыв русского духовенства, но, как известно, порыв без дальнейшего его поддержания имеет тенденцию к угасанию, так произошло и в этом случае. Не встретив поддержки и, самое главное, финансирования работы, церковно-приходские школы начали закрываться, уступив место земским и министерским школам, в которые было реорганизовано большинство из них. Об объемах этого сокращения свидетельствуют следующие данные: в 1883 г. в России насчитывалось всего 4348 церковно-приходских школ ([Проект положения, 1883: 52](#)), то есть менее 25 %.

Необходимость новой постановки работы церковно-приходской школы к 1883 г. была обусловлена тем, что задача начального народного образования состояла в религиозно-нравственном воспитании общества. Поэтому в немногосложном курсе начальной школы Закон Божий должен был иметь главенствующее значение, а законоучителю должно было отводиться место руководителя. Нужно иметь в виду, что в конце XIX века православное население России относилось к церковно-приходской школе с уважением и всегда признавало духовенство законным и первым своим учителем. Курс обучения в церковно-приходской школе вполне соответствовал потребностям аграрного российского общества. В большинстве своем крестьяне довольно охотно присылали в церковно-приходские школы своих детей, зная, что в них дети обучаются тому, что делает человека истинным христианином.

Изменялось и отношение правительства к деятельности Святейшего Синода на ниве народного образования. Так, в 1842 г. император Николай I в указе о народных училищах № 16248 отмечал, что «главная цель учреждения училищ есть религиозно-нравственное образование юношества, при содействии духовенства». В 10-м параграфе наставления об управлении сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян отмечалось, что «наставники сельских училищ прежде всего должны быть из священников, потом диаконов, за тем уже из достойных воспитанников, уволенных из семинарий, не иначе, впрочем, как под наблюдением священника». На этих основаниях создавались школы, находящиеся в ведомстве государственных имуществ. В 1850 г. епархиальному руководству было предоставлено право определять в этих школах порядок преподавания и наблюдения за ним, правила испытаний и отчетности в выборе учебной литературы и книг для чтения ([Проект положения, 1883: 14](#)).

Таким образом, за несколько десятилетий до 1883 г. духовенству предоставлялось гражданскими законами первенствующее значение в деле народного образования. В 1879 г. на особом совещании при обсуждении мер, которые могут послужить к прекращению деятельности революционных организаций и к предупреждению развития лжеучений, которые имели цель подорвать государственный авторитет и законы, была высказана мысль о необходимости предоставить духовенству более значительное влияние на народные школы. При обсуждении этого

вопроса Комитетом министров в июне–июле 1879 г. было высказано единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие общества является краеугольным камнем всего государственного строя, и оно не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами. При этом Кабинет министров отмечал, что если предоставление духовенству надлежащего влияния на народную школу в настоящий момент на практике затруднительно, то достижение этого в возможно близком будущем должно быть поставлено целью согласованных действий между Министерством народного просвещения и духовным ведомством.

20 июля 1879 г. министр народного просвещения граф Толстой разослал попечителям учебных округов империи циркулярное предложение, в котором были изложены значение и потребность совместной работы православного духовенства и учителей министерских и земских школ в деле религиозно-нравственного развития общества.

Помимо этого, был поднят вопрос о наиболее широком развитии церковно-приходского образования и о назначении на должности законоучителей представителей духовенства, с вознаграждением их в народных школах за счет государственного казначейства. Однако решение последнего вопроса было отодвинуто на будущее, так как в казне не оказалось средств на эти дополнительные расходы. Нужно напомнить, что тот период был временем жесткой экономии правительством средств на финансовую реформу, которая состоялась в 1897 г. (Ольденбург, 2016).

При вторичном обсуждении в Комитете министров на заседании от 17 марта 1881 г. принцем П.Г. Ольденбургским было заявлено, что «необходимость поднять материальное положение сельского духовенства составляет одну из насущных забот правительства и что для сей цели потребно бы назначить из казны дополнительную сумму, примерно по 10 тыс. руб. на губернию, в распоряжение епархиальных архиереев для вспомоществования наиболее нуждающимся и притом достойнейшим священнослужителям» (Проект положения, 1883: 17). Бывший министр финансов Абаза заявил, что, по его мнению, «преследуемая правительством цель – доставить народной школе нравственно-религиозное основание – столь неоспоримо верна и составляет вопрос такой первостепенной важности, что министр финансов, даже при самом неблагоприятном состоянии государственного казначейства, счел бы себя обязанным изыскать потребные на то денежные средства, и что духовенство несравненно ближе подходит под условия, соответствующие его назначению, в качестве руководителя начальных училищ, чем учителя и учительницы народных школ, в среде коих нередко возникали самые вредные и опасные для общества элементы; посему он находит совершенно справедливым и целесообразным, чтобы духовенству была оказываема, в пределах возможности, потребная со стороны государственного казначейства денежная поддержка» (Проект положения, 1883: 17-18). Данная поддержка, согласно заявлению обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева, была тем более необходима, что вследствие разделения управлений ведомствами учебным и духовным, последнее лишалось и того пособия, которое получало от министра просвещения. Принимая во внимание доводы обер-прокурора, Комитет полагал, что необходимо создать специальную комиссию для разрешения данного вопроса.

Вскоре после совещания такая комиссия и была создана во главе с архиепископом Холмским и Варшавским Леонтием. В состав также вошли представители духовенства, Министерства народного просвещения и земств. По мнению комиссии, разделяемому большинством ее членов, было весьма желательно все дело первоначального обучения общества и надзора за этим обучением предоставить духовенству. Сосредоточение дела начального народного образования в руках духовенства имело достаточные основания. Во-первых, оно вытекало из признания духовенства, подтверждалось законами церковными и гражданскими, историческими преданиями и ролью духовенства в деле народного образования. Во-вторых, по мнению комиссии, такое образование могло оградить школу от влияния всяких странных учений, придав ей твердость и устойчивость. В-третьих, церковное образование вызвало бы к школе большее доверие со стороны общества, подняв в то же время значение духовенства и в некоторой степени улучшив его материальное обеспечение.

Однако объединить все школы разных ведомств под руководством Святейшего Синода не представлялось возможным, поэтому комиссия приступила к обсуждению тех мер, которые могли дать духовенству надлежащее влияние на народную школу. Исходя из мысли, что наиболее широкий путь влияния на народное образование открывается духовенству в тех случаях, когда оно само, при участии приходов, сельских обществ, земств и правительственных учреждений, открывает школы и ведет в них преподавание, комиссия обратила внимание на церковно-приходские школы, в целях дать им правильную организацию и изыскать средства для их материального обеспечения. По мнению комиссии, данные школы представляли единственный и вполне правильный тип начальных народных училищ, а потому всеобщее распространение, поддержка и утверждение их в Российской империи являлись весьма желательными.

Исходя из этого, комиссия признала необходимым составить «Положение», в котором описать процесс обучения, заведования и управления церковно-приходской школой. Комиссия полагала, что новая церковно-приходская школа не должна отличаться от других начальных училищ по предметам, но главный упор в ней должен делаться на Закон Божий. По мнению комиссии, законоучители не должны ограничиваться изучением учебников, а должны приучать учеников к

чтению Слова Божия, отеческих писаний и богослужебных книг. Для реализации этого желательно было издать соответствующие пособия, одобренные Святейшим Синодом. Комиссия придавала особое значение церковно-славянскому чтению, благодаря которому ученики могли приобрести не только навык чтения, но и постепенно проникнуться его духом. Высокое нравственно-воспитательное значение признавалось комиссией за церковным пением. Закон Божий должен был занимать в новой школе главное значение, так как учащиеся должны были приучаться к исполнению всех христианских обязанностей, к хранению преданий и обычаев церкви. Все остальные предметы обучения имели второстепенное, вспомогательное значение. Тем не менее комиссия была далека от мысли понижения качества образования, более того, на прохождение полного курса начальной школы назначался период в 4 года. При этом учащиеся не только могли основательно усвоить Закон Божий, но и изучить чтение, письмо и арифметику.

Обращаясь к вопросу об учебно-педагогическом персонале, комиссия пришла к выводу, что учителями в церковно-приходских школах должны быть священники и другие члены причтов, однако, помимо этого, могли быть допускаемы к преподаванию учителя и учительницы, но не иначе как под присмотром священников.

В вопросах управления школой комиссия полагала целесообразным опираться на указ императора Александра II от 18 января 1862 г., согласно которому повелевалось: «учрежденные ныне и впредь учреждаемые духовенством народные школы оставить в заведовании духовенства» ([Проект положения, 1883: 32](#)). Выгоды такого заведования для школ были очевидны: оно устанавливает связь школ с архиереями, которым вверено попечение о религиозно-нравственном воспитании народа; устраняет вредное многоначалие в отношении школ и в то же время представляет полное ручательство благонадежности педагогического обучения в школе.

Комиссия обсудила и материальное обеспечение церковно-приходских школ и остановилась на тех источниках, из которых до 1883 г. школы получали свое содержание. Так, согласно имеющимся в комиссии данным, в содержании школ участвовали православные приходы, земство, частные лица, а также училищные советы. Как мы уже отмечали, в 1883 г. в России было 4348 церковно-приходских школ, на содержание которых расходовалось 220 тыс. руб., в том числе от приходов – 26072 руб., от земства – 40698 руб., частных пожертвований 24519 руб. и пособий от училищных советов из сумм Министерства народного просвещения – 15282 руб. Остальные средства поступали от сельских обществ ([Проект положения, 1883: 35](#)). Существующее положение в финансировании можно было считать приемлемым, однако во многих школах законоучителя зарплату не получали, большинство школ не имело собственных помещений и нуждалось в учебных пособиях. Более того, все эти источники были ограничены и дополнительные расходы являлись обременительными и для приходов, и для земств, и для частных лиц. Поэтому комиссия видела нормальное функционирование новой церковно-приходской школы при помощи финансирования из государственной казны.

В 1883 г. Святейший Синод завершил подготовку положения о церковно-приходских школах, который должен был изменить отношение к ним и уравнивать их в правах с другими начальными школами Российской империи.

Законопроект состоял из 33 параграфов, из которых два определяли правовой статус школы и цель их организации. Далее следовали: часть 1 «Обучение в церковно-приходских школах» (параграфы 3–11), часть 2 «Об учителях» (параграфы 12–15) и часть 3 «Заведование и управление церковно-приходскими школами» (параграфы 16–33). Проект положения был составлен архиепископом Холмским и Варшавским Леонтием ([Проект положения, 1883: 1-10](#)).

Высочайшее утверждение законопроекта состоялось уже в следующем 1884 году. Название «Положение» было заменено на «Правила», которые были утверждены императором Александром III 13 июня 1884 г. При их утверждении император написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». 21 июня 1884 г. в Святейшем Синоде обер-прокурор К.П. Победоносцев доложил об утверждении императором «Правил о церковно-приходских школах», после чего они были напечатаны в различных средствах периодической печати. 22 сентября 1884 г. правила были опубликованы и в № 38 «Иркутских епархиальных ведомостей» ([Иркутские епархиальные ведомости, 1884](#)) – официальном органе Иркутской епархии Русской православной церкви.

В них Правила занимали всего несколько страниц – с 236-й по 241-ю. Текст сопровождался предварительной запиской на страницах 233-235.

«Правила о церковно-приходских школах», как и любой дореволюционный законопроект, имел преамбулу, обоснование и основную часть.

Преамбула, как правило, состояла из вводного текста, в котором пояснялась основная цель документа. Затем следовало обоснование, то есть, почему был данный законопроект создан, и в основной части излагалось содержание проекта. Когда законопроект был принят, в нем отсутствовало деление на части и количество параграфов было значительно сокращено. Принятие этих правил послужило началом к масштабному строительству церковно-приходских школ, а также

школ грамоты в Российской империи. Забегая вперед, отметим, что на своем пике в 1903 г. сеть школ духовного ведомства насчитывала 44 тыс. учебных заведений ([Всепопданнейший отчет, 1909: 120](#)).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что «Правила о церковно-приходских школах», изданные в 1884 г., стали важной вехой в становлении разветвленной сети начальных учебных заведений Российской империи. Именно с 1884 г. церковно-приходскому образованию Российской империи были приданы значительные ресурсы и государственная поддержка, которые позволили из едва ли не домашнего образования крестьянских детей перейти к реализации планового учебного процесса с закреплением статуса церковно-приходской школы наравне со школами Министерства народного просвещения.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

- [Проект положения, 1883](#) – Проект положения о церковно-приходских школах и объяснительная записка к нему. СПб., 1883.
- [Иркутские епархиальные ведомости, 1884](#) – Иркутские епархиальные ведомости, 1884, 22 сент.
- [Всепопданнейший отчет, 1909](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода за 1903–1904 гг. СПб., 1909.
- [Ольденбург, 2016](#) – *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 2016.
- [Кочеткова, 2011](#) – *Кочеткова Е.И.* Церковно-приходские школы второй половины XIX – начала XX вв.: историографический обзор // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2011. № 2. С. 141-146.
- [Быканов, 2020](#) – *Быканов А.С.* Церковно-приходские школы в системе начального духовного образования Российской империи в последней четверти 19-го – начале 20-го века. Историография советского и современного периодов // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии.* 2020. № 2 (11). С. 75-95.
- [Тогулева, Моторова, 2005](#) – *Тогулева Е.Д., Моторова Н.С.* Церковно-приходские школы и школы грамоты в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта.* 2005. № 3 (37). С. 35-38.
- [Боякова, Юрганова, 2019](#) – *Боякова С.И., Юрганова И.И.* Церковно-приходские школы в интеллектуальном ландшафте Якутии (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2019. Т. 18. № 4. С. 904-921.
- [Клевцова, 2018](#) – *Клевцова О.В.* Церковно-приходские школы дореволюционной России в системе воспитания крестьянской молодежи (на примере Липецкого уезда Тамбовской губернии) // *История: факты и символы.* 2018. № 1 (14). С. 61-68.
- [Валитов, 2016](#) – *Валитов А.А.* Церковно-приходские школы Северо-Западной Сибири в конце XIX – начале XX века // *Современные исследования социальных проблем.* 2016. № 3–1 (27). С. 7-15.
- [Манузин и др., 2015](#) – *Манузин Е.В., Письменная Т.Г., Рябинов А.Н., Гречишко Д.Н.* Церковно-приходские школы в казачьих войсках Юга России в конце XIX – начале XX века // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение.* 2015. № 4 (42). С. 50-60.
- [Ефремова, 2015](#) – *Ефремова У.П.* Церковно-приходские школы Урала в 1884–1917 гг. Екатеринбург, 2015.
- [Федорова, 2011](#) – *Федорова Н.В.* Церковно-приходские школы в Донской и Новочеркасской епархии в 60–70-х годах XIX века // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2011. № 6 (166). С. 76-80.
- [Зверев, Зверева, 2004](#) – *Зверев В.А., Зверева К.Е.* Церковно-приходские школы Западной Сибири второй половины XIX века (по материалам ревизии Б.И. Сциборского) // *Сибирский педагогический журнал.* 2004. № 1. С. 159-170.
- [Авдеева, 2013](#) – *Авдеева А.Д.* Церковно-приходские школы Московской епархии в начале XX в. // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2013. № 10 (111). С. 118-126.
- [Осипов, 2004](#) – *Осипов О.В.* Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864–1917 гг.). Челябинск, 2004.
- [Пазгалова, 2014](#) – *Пазгалова Е.С.* Земские и церковно-приходские школы в конце XIX – начале XX вв. // *Отечественная и зарубежная педагогика.* 2014. № 6 (21). С. 128-144.
- [Гончаров, Плохова, 2012](#) – *Гончаров М.А., Плохова М.Г.* Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология.* 2012. № 2 (25). С. 101-117.

- [Бан, 1999](#) – Бан И.К. Церковно-приходские школы в период министерства Д.А. Толстого (1866–1880 гг.) // *Клио*. 1999. № 3 (9). С. 171-183.
- [Светлова, 2018](#) – Светлова Н.Е. К.П. Победоносцев и церковно-приходские школы России // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2018. № 49. С. 59-68.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

References

- [Avdeeva, 2013](#) – Avdeeva, A.D. (2013). Tserkovno-prihodskie shkoly Moskovskoi eparkhii v nachale XX v. [Parish schools of the Moscow diocese at the beginning of the 20th century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 10(111): 118-126. [in Russian]
- [Бан, 1999](#) – Бан, И.К. (1999). Tserkovno-prihodskie shkoly v period ministerstva D.A. Tolstogo (1866-1880 gg.) [Parish schools during the period of D.A. Tolstoy (1866-1880)]. *Klio*. 3(9): 171-183. [in Russian]
- [Boyakova, Yurganova, 2019](#) – Boyakova, S.I., Yurganova, I.I. (2019). Tserkovno-prihodskie shkoly v intellektual'nom landshafte Yakutii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Parochial schools in the intellectual landscape of Yakutia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 18(4): 904-921. [in Russian]
- [Bykanov, 2020](#) – Bykanov, A.S. (2020). Tserkovno-prihodskie shkoly v sisteme nachal'nogo dukhovnogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti 19-go – nachale 20-go veka. Istorografiya sovetskogo i sovremennogo periodov [Parish schools in the system of primary spiritual education of the Russian Empire in the last quarter of the 19th – early 20th century. Historiography of the Soviet and modern period]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii*. 2(11): 75-95. [in Russian]
- [Efremova, 2015](#) – Efremova, U.P. (2015). Tserkovno-prihodskie shkoly Urala v 1884-1917 gg. [Parish schools of the Urals in 1884-1917]. Ekaterinburg. [in Russian]
- [Fedorova, 2011](#) – Fedorova, N.V. (2011). Tserkovno-prihodskie shkoly v Donskoi i Novocherkasskoi eparkhii v 60-70-kh godakh XIX veka [Parish schools in the Donskoy and Novocherkassk dioceses in the 60-70s of the XIX century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 6(166): 76-80. [in Russian]
- [Goncharov, Plokhova, 2012](#) – Goncharov, M.A., Plokhova, M.G. (2012). Tserkovno-prihodskie shkoly i ikh mesto v podgotovke uchitelei v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Parish schools and their place in teacher training in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 2(25): 101-117. [in Russian]
- [Irkutskie eparkhial'nye vedomosti, 1884](#) – *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*, 1884, 22 sent. [in Russian]
- [Klevtsova, 2018](#) – Klevtsova, O.V. (2018). Tserkovno-prihodskie shkoly dorevolutsionnoi Rossii v sisteme vospitaniya krest'yanskoi molodezhi (na primere Lipetskogo uezda Tambovskoi gubernii) [Parish schools of pre-revolutionary Russia in the education of peasant youth (on the example of the Lipetsk district of the Tambov province)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(14): 61-68. [in Russian]
- [Kochetkova, 2011](#) – Kochetkova, E.I. (2011). Tserkovno-prihodskie shkoly vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: istoriograficheskii obzor [Parish schools of the second half of the 19th – early 20th centuries:

a historiographic review]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2: 141-146. [in Russian]

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Manuzin i dr., 2015](#) – *Manuzin, E.V., Pis'mennaya, T.G., Ryabikov, A.N., Grechishko, D.N.* (2015). Tserkovno-prihodskie shkoly v kazach'ikh voiskakh Yuga Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Parish schools in the Cossack troops of the South of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*. 4(42): 50-60. [in Russian]

[Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.

[Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.

[Ol'denburg, 2016](#) – *Ol'denburg, S.S.* (2016). Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The Reign of Emperor Nicholas II]. M. [in Russian]

[Osipov, 2004](#) – *Osipov, O.V.* (2004). Tserkovno-prihodskie shkoly Orenburgskoi eparkhii (1864-1917 gg.) [Parish schools of the Orenburg diocese (1864-1917)]. Chelyabinsk. [in Russian]

[Pazgalova, 2014](#) – *Pazgalova, E.S.* (2014). Zemskie i tserkovno-prihodskie shkoly v kontse XIX – nachale XX vv. [Zemsky and parish schools in the late 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 6(21): 128-144. [in Russian]

[Proekt polozheniya, 1883](#) – Proekt polozheniya o tserkovno-prihodskikh shkolakh i ob"yasnitel'naya zapiska k nemu [Draft Statute on parish schools and an explanatory note to it]. SPb., 1883. [in Russian]

[Svetlova, 2018](#) – *Svetlova, N.E.* (2018). K.P. Pobedonostsev i tserkovno-prihodskie shkoly Rossii [K.P. Pobedonostsev and parish schools of Russia]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 49: 59-68. [in Russian]

[Toguleva, Motorova, 2005](#) – *Toguleva, E.D., Motorova, N.S.* (2005). Tserkovno-prihodskie shkoly i shkoly gramoty v Vitebskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Parish schools and schools of literacy in Vitebsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vesnik Vitebskaya dzyarzhaj'naga ŷniversiteta*. 3(37): 35-38. [in Russian]

[Valitov, 2016](#) – *Valitov, A.A.* (2016). Tserkovno-prihodskie shkoly Severo-zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Parish schools of North-West Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3-1(27): 7-15. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1909](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda za 1903-1904 gg. [All-subject report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1903-1904]. SPb., 1909. [in Russian]

[Zverev, Zvereva, 2004](#) – *Zverev, V.A., Zvereva, K.E.* (2004). Tserkovno-prihodskie shkoly Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX veka (po materialam revizii B.I. Stsiborskogo) [Parish schools of Western Siberia in the second half of the 19th century (based on the revision of B.I. Stsiborsky)]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 1: 159-170. [in Russian]

Правила о церковно-приходских школах (13 июня 1884 г.): предпосылки и подготовка законопроекта

Зульфира Салиховна Зюкина ^{а, *}, Дмитрий Сергеевич Скнарв ^а, Юлия Александровна Воропаева ^а,
Наталья Владимировна Поплавская ^а

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе анализируются предпосылки и подготовка законопроекта «Правила о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 г.

Главным источником исследования являются «Правила о церковно-приходских школах», которые были утверждены 13 июня 1884 г. императором Александром III. Действия данных правил распространялись на территорию Российской империи, кроме Рижской епархии и великого княжества Финляндского. Важное значение в работе также имеет «Проект положения о церковно-приходских школах и объяснительная записка к нему».

В статье был использован принцип историзма, благодаря которому все события были рассмотрены в исторической последовательности, что позволило взглянуть на картину происходящих событий как на целостное явление с учетом конкретно-исторической обстановки. Важное значение в работе имеет проблемно-хронологический метод, который позволил при анализе сложного процесса подготовки и законодательного внедрения «Положения о церковно-приходских школах» абстрагироваться от соседствующих событий и рассмотреть изучаемый процесс в хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что «Правила о церковно-приходских школах», изданные в 1884 г. стали важной вехой в становлении разветвленной сети начальных учебных заведений Российской империи. Именно с 1884 г. церковно-приходскому образованию Российской империи были приданы значительные ресурсы и государственная поддержка, которые позволили из едва ли не домашнего образования крестьянских детей перейти к реализации планового учебного процесса с закреплением статуса церковно-приходской школы наравне со школами Министерства народного просвещения.

Ключевые слова: церковно-приходские школы, Правила, законопроект, 1884 г.

* Корреспондирующий автор

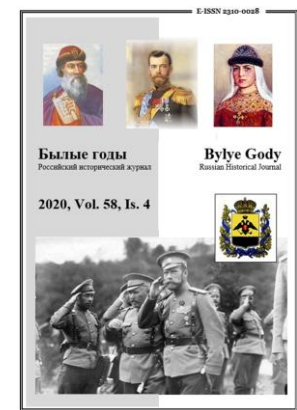
Адреса электронной почты: z.zyukina@yandex.ru (З.С. Зюкина)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2765-2776. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2765
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences

Nursan A. Alimbay^{a,*}, Bolat K. Smagulov^b

^a Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK), Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the main factors and consequences of radical changes in the traditional land use system of Kazakh nomads. In this regard, we consider a set of socio-economic and administrative-legal measures aimed at colonization of Kazakh lands in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The analysis of various sources shows that these factors led to the destruction of the traditional land use system of nomads. This is reflected in the fact that, on the one hand, sharply reduced the area under pasture, with another – practically destroyed a centuries-old traditional ways of exploitation of fodder and water resources of tribal areas. As a result, there were strong changes in the structure of social relations in the nomadic environment. At the same time, special attention is paid to the study of "Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe regions", organized by the Russian authorities during 1896–1902. At the same time, the process of the expedition survey of Kazakh farms and the materials collected as a result of this event are considered not only as a unique source, but also as an integral part of the measures that served as an economic justification for the seizure by the Russian authorities of the so-called "surplus" lands from Kazakh nomads. The source base of the article consists of a variety of data from both Kazakh and Russian archives, official periodicals, as well as statistical information and materials contained in various publications of the period under review. Based on the analysis of these categories of sources, it is concluded that the colonization of Kazakh lands had an impact on various aspects of the life of the Kazakh society. At the same time, the colonization of Kazakh lands objectively had positive aspects, which were expressed, first of all, in the emergence and establishment of a settled way of life in almost all regions of the Kazakh territory.

Keywords: history of Kazakhstan, nomadic society, colonization of land, resettlement of peasants, Cossack colonization, traditional land use system, Kazakh economy, administrative-legal and economic-territorial reforms, expedition to survey the steppe regions, land "surplus".

1. Введение

В конце XIX – начале XX веков казахское общество переживало период глубоких изменений во всех сферах своей жизнедеятельности, особенно в системе землепользования, являющейся основой основ хозяйственно-экономической жизни кочевников. Это обстоятельство объясняется, в первую очередь, активной переселенческой политикой российских властей в Степном крае. Происходившие изменения в землепользовании имели ряд долгосрочных последствий, особенно в социально-экономической сфере казахского социума. Вследствие изъятия земель, приведшего к резкому сужению пастбищных угодий, основного естественного системообразующего фактора стабильного

* Corresponding author

E-mail addresses: burgan555@gmail.com (N.A. Alimbay), bolat_alemdar@mail.ru (B.K. Smagulov)

функционирования жизненного пространства кочевников, часть местного населения была вынуждена перейти к полукочевому, изредка и к оседлому образу жизни. И как следствие этого появились новые социальные категории и сферы производственной деятельности, например так называемые «жатаки» (буквально «оседавшие люди»), занимавшиеся обработкой земли. Особенно усилилось отходничество: образовавшиеся вследствие этого явления отходники представляли собой сезонную рабочую силу. Большинство из них были заняты на низкоквалифицированных работах на русских заводах и фабриках по переработке и изготовлению хозяйственных и бытовых изделий (кожевенные изделия, мыло, домашняя утварь, сельскохозяйственный инвентарь, рабочая одежда и др.), часть работала на угле- и железодобывающих рудниках, выполняя разнообразные низкооплачиваемые виды производственных функций и т.д. Так, в Иргизском уезде было 42,2 % отходников, Тургайском – 58,5 %, Кустанайском – 60 %, Актюбинском – 45 % (Бекмаханов, 1957: 279).

Данные и другие подобные изменения в жизни кочевников были подготовлены всем ходом процесса колонизации Казахского края в предшествующие периоды распространения и утверждения имперского влияния в Степи, как уже отмечалось выше, особенно начиная со второй половины XIX в.: имеется в виду комплекс административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ, принятых и реализованных в указанное время. Эти меры послужили юридическим и экономическим обоснованием практической реализации колониальной политики царизма во всех сферах жизнедеятельности кочевого социума.

Как известно, процесс колонизации шел в трех направлениях – военном, казачьем и крестьянском. Последнее иногда именуется и как земельное. Из них, с точки зрения властей, по понятным причинам, наиболее важное значение имела крестьянская колонизация, по праву считавшаяся ими хозяйственно-экономической основой покорения Степи. Между тем эти, в сущности, радикальные изменения, происходившие особенно интенсивно и масштабно в 90-е гг. XIX – первом десятилетии XX вв. во всех сферах традиционного казахского социума под влиянием комплекса административно-правовых и хозяйственно-экономических мер, принятых и реализованных имперскими властями, начиная со второй половины XIX в., не получили комплексного освещения в историографии в качестве самостоятельного предмета исследования.

Цель данной статьи – выявить изменения в системе традиционного землепользования у казахов-кочевников, происходившие под влиянием активной реализации комплекса административно-правовых и землеустроительных мер в условиях переселенческой политики Российской империи в Казахской степи в указанное время.

2. Материалы и методы

Источниками для написания данной работы послужили материалы, собранные в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, г. Алматы), Государственного архива Акмолинской области (ГААО, г. Кокшетау), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), сведения из «Материалов по киргизскому землепользованию...». В документах указанных архивов содержатся важные сведения, а также свидетельства непосредственных участников и очевидцев событий, в том числе разработчиков нормативно-правовых актов, составляющих основную источниковую базу изучаемой темы. В типологическом ряду используемых источников особо выделяются известные в научных кругах указанные «Материалы...». Как известно, во второй половине 90-х годов XIX в. по распоряжению российских властей было организовано фронтальное обследование казахских хозяйств «степных областей» края с целью выявления так называемых «излишков» земель. С точки зрения царских чиновников, эти «излишки» земель составляли разряд абсолютно не используемых участков в традиционной системе казахского землепользования. Результатом многолетнего экспедиционного обследования казахского аула явились вышеуказанные «Материалы...», состоящие из тринадцати томов (напомним, что процесс обследования длился целых шесть лет: с 1896 по 1902 гг.). Они содержат обширные по объему, разнообразные в проблемно-тематическом отношении, обстоятельные по содержанию сведения. К тому же они включают в себе, по сравнению с другими видами источников (например, архивными и печатными и т.д.), более систематизированные аналитические сведения практически по всем категориям и параметрам казахских хозяйств: имеются в виду данные по так называемым «хозяйственным аулам» (или «аульным общинам»), «аульно-общинным группам», а также «административным аулам» и т.д. всех регионов степных областей Казахстана по состоянию на начало XX века. То есть и география сбора необходимого объема сведений характеризуется обширностью – охватывает практически весь основной ареал распространения кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности. В этом смысле «Материалы...» представляют собой весьма ценный источник извлечения наиболее репрезентативной информации по интересующим аспектам рассматриваемой темы.

В статье использован диахронный метод, который, как известно, предполагает изучение исторического процесса в определенном социально-экономическом, политическом и культурном контексте. Кроме того, применен и системный метод, эвристическая сущность которого заключается в том, что традиции землепользования у кочевников рассматриваются как система взаимосвязанных

элементов (община, хозяйственный аул, аульно-общинная группа в качестве хозяйствующих корпоративных субъектов, а также экологическая культура, нормативно-правовое регулирование землепользования и т.д.). Указанные методы, на наш взгляд, дают возможность комплексного изучения темы с учетом различных факторов, повлиявших в данном случае на процесс изменения в системе землепользования у казахов-кочевников и, как следствие этого, приведших к существенной трансформации и в социальной структуре казахского социума, и в содержании и направленности хозяйственной деятельности местного населения. В силу источниковедческой специфики избранной темы основными методами организации и подачи необходимого материала выступают анализ и синтез, которые по принципу дополнительности послужили существенным подспорьем эффективной реализации указанных выше диахронного и системного методов.

3. Обсуждение

К отдельным аспектам данной темы обращались дореволюционные, советские и современные авторы (Букейханов, 2007; Тронов, 1891; Хворостанский, 1907; Галузо, 1963; Алимбай, Орынбаева, 2019 и др.). Статьи дореволюционных русских авторов второй половины XIX – начала XX веков преимущественно концентрировались на обсуждении следующих вопросов: обоснованность переселения русских крестьян в Казахскую степь (в терминологии представителей российской историографии дореволюционного периода «Киргизский край»), юридические основания и экономическая целесообразность изъятия казахских земель под крестьянские и казачьи населенные пункты и, как следствие этого, влияние переселенческой (колониальной) политики на социально-экономическое положение казахов и т.д.

Как отмечалось выше, в конце XIX – начале XX вв. российскими властями был организован ряд экспедиций для исследования хозяйств и землепользования у казахов на большей части северных, северо-восточных, восточных, северо-западных и юго-восточных регионов Казахского края во главе с известным статистиком Ф. Щербиной (Сулейменов, 1963: 105). Исследования же западных и южных районов территории Казахстана проводились выборочно. Например, отмечая выбор восточной, предгорной части Чимкентского уезда Сырдарьинской области для проведения исследований, организаторы экспедиции свою позицию обосновывали следующим образом: «Хозяйственно-статистическое исследование должно служить строго колонизационным целям. Ввиду этого необходимо было выбирать для исследования такие районы, в которых с естественно-исторической стороны не встречалось бы препятствий к образованию переселенческих участков» (Введение..., 1908: 1). Изучение казахских хозяйств проводилось методом сплошных подворных переписей, путем, как отмечалось в опубликованной в 1902 году статье Ф. Щербины «Исследования степных областей», «...установления по крайней мере количества хозяйств и населения, численности скота, основных элементов киргизского хозяйства, потребностей семей и источников их удовлетворения, форм землепользования, размеров эксплуатируемых площадей и качественных особенностей земельных угодий» (Щербина, 1902: 324).

В сущности, в данном описании обозначена политически четко выраженная предметно-целевая установка сплошного обследования казахских хозяйств, направленная в конечном счете на выявление и изъятие, как писал Ф. Щербина, «излишков земель, годных для колонизационных целей» (Щербина, 1902: 339). Однако вышеописанная методика подвергалась критике со стороны ряда как представителей российских властей, так и статистиков-исследователей. Так, Г. Чиркин в статье «Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи» отмечал: «Неуверенность в точности собранного материала и вполне естественная осторожность в столь сложном и ответственном деле, как установление земельных норм для впервые изучаемого полукошевого киргизского хозяйства, заставили экспедицию Щербины выработать очень широкие нормы оставляемых в пользовании киргиз (казахов – Авт.) земельных пространств» (Чиркин, 1907: 46). Далее автор в русле этой мысли последовательно проводит идею о приоритете интересов русского населения при проведении политики колонизации национальных окраин: «Право (регулировать землепользование – Авт.) государства обращается в обязанность, если такой группой, как в данном случае, является многомиллионная масса русского крестьянства» (Чиркин, 1907: 50-51).

В статье А. Успенского «Влияние колонизации на киргизское хозяйство» критике подвергаются не только нормативно-правовое обоснование норм казахского землепользования, предложенное участниками указанной экспедиции, но и мнения некоторых представителей общественности относительно негативного влияния переселения русских крестьян на социально-экономическое положение казахского населения. В частности, он писал: «Все нормы экспедиции Щербины рассчитаны на скотоводческое хозяйство и потому, как абсолютно, так и относительно являются очень высокими и во многих случаях значительно превышают размер помещичьего хозяйства Европейской России» (Успенский, 1907: 29-31). В обоснование своей позиции А. Успенский на примере Аракарагайской волости Кустанайского уезда пытается опровергнуть распространенную среди некоторых русских ученых и представителей власти мысль о том, что «поддерживаемое иногда в печати и находящее горячих сторонников среди местной администрации» мнение об отчуждении

земель под переселенческие участки неизбежно должно повлечь за собою и значительное сокращение скотоводства и обеднение (Успенский, 1907: 35).

Другой автор, Н. Петропавловский, в статье «Очерк землевладения», оперируя соответствующими сведениями о появлении казачьих и самовольных крестьянских поселений с прилегающими территориями в XIX веке, а также о действующих льготах для переселенцев, предоставленных русскими властями, выразил категорическое несогласие с тем, что причинами обеднения казахов стали исключительно изъятие земель и образование русских поселков (Петропавловский, 2007: 41-43).

Радикально настроенный ряд представителей российских властей и исследователей даже выступил против выделения каких-либо земельных норм для кочевников. Так, например, в статье «Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи» П. Хворостанский предлагает вообще отказаться от идеи поземельного устройства казахов во имя государственных интересов: «Общее землеустройство киргизского (казахского – Авт.) населения, стоящего на различных ступенях хозяйственной культуры от бродячего скотоводства до земледелия, должно быть отнесено к области фантастических проектов» (Хворостанский, 1907: 103).

Однако позиция П. Хворостанского и других близких по взглядам к ней авторов не выражала мнение либерально настроенной части русских чиновников и исследователей. Так, один из выразителей взгляда этой либеральной части русской интеллигенции Н. Петропавловский, анализируя ход колонизационных работ в Степном крае, отмечал следующее: «Давно пора позаботиться об устройстве быта киргиз (казахов – Авт.), изменить формы землевладения и землепользования их, уничтожить взяточничество и всевозможные подкупы, господствующие теперь. Только при таких условиях возможно развитие оседлости в киргизской степи; надо, чтобы киргиз (казак – Авт.) был гарантирован в своем праве на землю» (Петропавловский, 2007: 79).

В этом же русле О. Шкапский рассматривает вопрос колонизации Казахской степи в связи с решением аграрного вопроса в Европейской России. В частности, он отмечает тщетность попыток решить аграрную проблему в центральной части России через переселение в Сибирь или Казахстан (Шкапский, 1907: 115).

Позиция же казахов-кочевников получила наиболее концентрированное выражение в известной и весьма популярной в то время среди коренного населения статье А. Букейханова «Киргизы», в которой он подробно анализирует и резко критикует точку зрения ряда консервативно настроенных авторов, считавших, что предоставленные коренному населению определенных экспедицией Ф. Щербины земельных норм являются слишком обширными и излишними. В этой связи он выразил вполне обоснованное опасение, что «киргизы (казахи – Авт.) лишаются даже тех земель, которые им раньше были представлены на основании норм Щербины» (Букейханов, 2007: 28-29).

Взгляды ряда авторов на рассматриваемую проблему носили как бы промежуточный характер. В известном смысле наибольшим выразителем такой точки зрения являлся известный ученый-исследователь аграрной истории Среднеазиатско-Казахстанского региона П.П. Румянцев. Так, в статье «Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем» (Румянцев, 1909) он предлагает пополнить переселенческий земельный фонд за счет изъятия части земель, принадлежащих степной аристократии, в частности султанскому сословию, поскольку, с точки зрения автора, указанные привилегированные категории казахского общества не имеют юридических оснований для владения столь обширными земельными участками. В этой связи он писал: «...Фактический захват (казахской родовой аристократией – Авт.) известного количества государственных земель общинного использования едва ли создает юридическое право на их закрепление, в особенности, когда он не освящен исторической давностью» (Румянцев, 1909: 3). Следует отметить, что в известном смысле основанием для такого взгляда ученого на обсуждаемый вопрос послужило Степное положение 1891 года, по которому все казахи считались сословием сельских обывателей без предоставления каких-либо привилегий вне зависимости от их происхождения (Румянцев, 1909: 106-107).

Так называемая земельная (крестьянская) колонизация, особенно северных, северо-восточных, восточных, северо-западных и юго-восточных регионов Казахского края, получила отрицательную оценку и в работах советских ученых-историков. Так, в монографии Б. Сулейменова процесс территориальной колонизации Степи характеризуется как «экспроприация казахских земель» (Сулейменов, 1963: 98). Другой автор, П.Г. Галузо, подробно изучавший данный вопрос на материале юго-восточного региона (Жетысу) в контексте переселения крестьян и казаков, то есть казачьей колонизации, также достаточно негативно оценивает сам процесс изъятия так называемых «пустующих площадей» в веками сложившейся системе землепользования казахов-кочевников. Автор на обширном фактическом материале отмечает, что в военно-административных кругах Российской империи давно открыто заявлялось о целях колонизации казахских земель, подчеркивая при этом, что в процессе изъятия наиболее плодородных участков казахских земель в пользу переселенцев имеется четко выраженный «интерес прежде всего русский, национально-русский...» (Галузо, 1965: 205).

В специальной монографии санкт-петербургского ученого-специалиста в области истории и этнографии народов Центральной Азии В.П. Курьлева, посвященной традиционному скотоводству и общинным структурам казахов, вопрос колонизации территории Казахской степи рассматривается с точки зрения изменения административного управления Казахским краем во второй половине XIX века, а также существенных изменений в земельных отношениях в кочевой среде. Автор резюмирует свой анализ последствий этих реформ следующим образом: объявление всех казахских земель государственной собственностью согласно административно-политическим и хозяйственно-территориальным реформам 1867–1868 гг. «открывало перед царским правительством свободный путь для дальнейшей колонизации края» (Курьлев, 1998: 70).

В монографии американской исследовательницы Вирджинии Мартин «Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке» (2012) рассматриваемый вопрос изучается прежде всего с точки зрения влияния принятых и реализованных российскими властями административно-правовых мер на социальное, экономическое, а также правовое положение местного населения (Мартин, 2012: 80, 94).

4. Результаты

Колонизация Степи с далеко идущими стратегическими целями со стороны Российской империи началась еще в XVII веке. Первым укрепленным пунктом стала слободка Чернолуцкая, устроенная в 1670 году в 50 верстах от впадения реки Омь в Иртыш (Остафьев, 2007: 7). Известно, что вслед за казачьей колонизацией шло и стихийное проникновение крестьян в различные регионы Казахского края. Данный процесс особенно усилился, начиная с 20-х гг. XIX в., например, в юго-восточные регионы края – Семиреченскую область – «Жетысу, заселявшиеся в 40-х гг. XIX в. исключительно казаками, в 60-х гг. по инициативе губернатора области Г.А. Колпаковского было разрешено размещение крестьян «в целях обрусения края» (История Казахстана с древнейших времен до наших дней..., 2000: 426). Другой генерал-губернатор Западной Сибири – Гасфорт – еще в далеком 1853 году до объявления казахских земель государственной собственностью российской короны во всеуслышанье заявил, что все земли в пределах России, которые населяют казахи, не являются их собственностью, а принадлежат правительству, которое позволяет казахам кочевать на этих землях, охраняет их своими войсками (Сулейменов, 1963: 97). Все же всеобщее проникновение крестьян на территорию Казахского края началось после известных реформ 1867–1868 гг., когда колониальные власти официально утвердили положение о казахских землях как об объекте государственной собственности Российской империи. И надо сказать, что Гасфорт не был одинок в своей позиции. Таким образом, при активной поддержке ряда генерал-губернаторов степных областей в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. шло интенсивное крестьянское и казачье заселение края (Остафьев, 2007: 20).

Первые самовольные крестьянские поселки возникли в 1860-е гг. в Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской областях (Остафьев, 2007: 20). Однако появилась принципиально новая форма взаимоотношений между кочевниками и пришлым крестьянством и казаками. Речь идет о возникновении арендных отношений. Теперь, как отмечает Е.В. Тарасова, особенностью этого периода была передача земель кочевников переселенцам на основе договоренностей (Тарасова, 2013: 204). Следует отметить, что в целях предотвращения стихийной земельной колонизации власти еще в начале 60-х гг. XIX в. начали принимать ряд законодательных актов, призванных упорядочить процесс переселения русских крестьян в Казахский край. Так, вопрос о возможности колонизации казахских земель впервые был поставлен в середине 60-х гг. XIX в. в ходе подготовки указанных выше административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ. В этой связи, в частности, 2 февраля 1865 года была образована «Степная комиссия» под председательством полковника Гирса, а 5 июля 1865 года император Александр II поручил разработать программу будущего устройства управления Казахским краем. В программе также предусматривался вопрос об изучении и описании возможности массового заселения территории степных областей (Сулейменов, 1963: 34).

11 июля 1867 года Александр II издал указ об утверждении «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях». 21 октября 1868 года царское правительство обнародовало «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». В результате этих административно-правовых актов, как писал исследователь Б. Сулейменов, вся территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. При этом территория бывшего Букеевского ханства (в 1872 году) отошла в состав Астраханской губернии. Мангышлакское приставство отошло в ведение Кавказского военного округа, а затем – в состав Закаспийской области (Сулейменов, 1963: 40).

Главной целью этих реформ было объединение подвластных России народностей под единое управление, создавшее для российских властей благоприятные институциональные условия для устранения, с одной стороны, власти местной аристократии, с другой – максимального ослабления родоплеменных форм самоорганизации кочевников. На основе этих реформ в Казахстане была

введена единая административная система управления, были предприняты первые шаги на пути ликвидации традиционного судопроизводства и т.д. Как отмечалось выше, вследствие перехода всей территории Казахского края в собственность российской короны, теперь земельные угодья передавались в распоряжение казахских общин лишь на правах пользования. Как отмечалось в особом журнале Комитета министров Российской империи от 8 октября 1868 года, «земли, занимаемые киргизскими (казахскими – Авт.) кочевьями, признать государственными, предоставленными киргизам (казахам – Авт.) в общественное пользование, собственниками же признать лиц, коим земли были и будут высочайше пожалованы. Киргизам (казахам – Авт.) предоставить общие правила сельских обывателей Империи по их состоянию, сохраняя их внутренний быт по народным обычаям и подтверждая уже существующее в законе право освобождения от рекрутской повинности» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3357. Л. 27, 32-34). Тем самым царское правительство лишило привилегированную часть казахского населения в лице султанов, биев (глав традиционного судопроизводства у казахов), батыров (военного сословия у кочевников), баев (крупных скотовладельцев), аксакалов (старейшин родов) и рубасы (глав родов) права распоряжаться по своему усмотрению пастбищами. Реформами также отменялись и все права и привилегии сословия султанов. Теперь они наравне с другими социальными категориями кочевого социума были причислены к «сельским обывателям», то есть к крестьянам (Курьлев, 1998: 70).

Во время подготовки Временного положения 1868 года предварительно в 1865 году в Степь была командирована особая комиссия, которая посчитала деление казахов на роды, отделения и подотделения неудобным в административном и политическом отношении, поскольку-де препятствовало осуществлению централизованного управления со стороны колониальных властей. К подобного рода начинаниям весьма критически относилось немало местных представителей колониальных властей и исследователей местного быта и культуры «инородцев». Один из критиков указанных административно-правовых мер Н. Петропавловский даже выразил свое категорическое несогласие с распространенным среди российских чиновников мнением о том, что многочисленные родовые структуры «раскинуты на значительном пространстве и что соединение большого рода под властью одного родоначальника может быть вредно в политическом отношении» (Петропавловский, 2007: 46).

Отметим, что ситуация в Казахской степи после введения в действие административной реформы продолжала обсуждаться и в дальнейшем, даже на уровне правительства Российской империи, что объясняется чрезвычайной сложностью процесса реализации указанных реформ, особенно в организационно-политическом отношении. Тем не менее процесс осуществления ключевых положений реформ шел достаточно активно, хотя и сопровождался рядом сложностей, прежде всего проявившихся во взаимоотношениях властей с видными представителями кочевой аристократии – султанами, биями, нередко крупными скотовладельцами и главами родоплеменных общин. Так, на заседании Комитета министров 8 июля 1869 года с удовлетворением отмечалось, что «...к 15 февраля текущего года во вновь открытых областях уже сформировано было 25 волостей из 51174 кибиток; во всех этих волостях новое Положение вполне введено в действие, причем киргизы (казахи – Авт.), особенно прилинейные, хорошо поняли Всемиловейше дарованные им права...» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3410). При этом российские власти не скрывали, что одной из целей реформы являлось ослабление позиций казахской верхушки (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3419. Продолж. 1. Л. 278-279).

Одним из нормативно-правовых оснований для массовых изъятий земель у казахов, помимо созданных правовых механизмов, стали утверждения о том, что огромные площади земель оказались в фактическом владении отдельных социальных групп и родовой аристократии. В частности, представитель управления землеустройством и земледелием князь Васильчиков в своем докладе утверждал, что: «...отдельные богатые представители родов завладели лучшими землями и в неизмеримо большем количестве, чем рядовая киргизская (казахская – Авт.) масса» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9009. Л. 25).

После образования Комитета Сибирской железной дороги встал вопрос о дальнейшем изъятии части земель у казахов, поскольку одной из обязанностей указанного Комитета являлось содействие заселению территорий, которые прилегали к дороге. В 1896 г., как уже отмечалось выше, в казахские степи была направлена экспедиция под руководством Ф. Щербины. Ее результаты стали уже приводить в качестве хозяйственно-экономического и юридического обоснования для того, чтобы провести на этот раз уже массовое изъятие «пустующих земель» у казахского населения. В этом же году в составе Министерства внутренних дел Российской империи было образовано Переселенческое управление, к функциям которого были отнесены выдача разрешений на переселение, внесение предложений о совершенствовании миграционного законодательства, а также руководство процессом заселения русских и украинских переселенцев в заранее установленные для них регионы (Тарасова, 2013: 204). Во избежание стихийного переселения крестьян в различные регионы степных областей края колониальным властям пришлось принять ряд других мер, направленных на определение тех так называемых «свободных земель», куда должен был быть заселен заранее оговоренный контингент переселенцев (Остафьев, 2007: 5).

Тем не менее, несмотря не все старания российских властей предотвратить неорганизованное переселение из глубин Российской империи на территорию Казахского края, оно продолжалось. И надо сказать, что власти не напрасно опасались негативных последствий этого, во многом стихийного, в сущности не управляемого в то время, процесса. Он был чреват не только тем, что приводил к дальнейшему сокращению пастбищных и сенокосных угодий, являвшихся основой основ жизнедеятельности кочевого населения, но и резким обострением и без того непростых на тот момент межэтнических отношений. Социально-экономический и политический контекст сложившихся ситуаций на данном отрезке исторического времени достаточно хорошо объясняет причины принятия следующего, хотя несколько и запоздалого, закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казанские земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», принятого 13 июля 1889 года. В указанном законе было установлено, что для переселения крестьян необходимо разрешение Министерства внутренних дел Российской империи. Крестьяне, которые переселились самостоятельно, обязывались вернуться в прежние места их проживания. Кроме того, согласно нормам данного закона одним из важнейших условий для переселения крестьян стало наличие свободных государственных земель в Степном крае (Токмурзаев, 2018: 55). Между тем колониальные власти продолжили запретительные меры, направленные на дальнейшее ограничение прав и возможностей местного населения пользоваться бывшими пастбищными и сенокосными угодьями, попавшими впоследствии по распоряжению властей в разряд так называемых особых категорий земельных участков. Так, в соответствии с принятыми актами нормативно-правового характера власти ввели ограничения на занятие казахскими общинами, в частности, территорий приисков. Например, такая ситуация имела место в Акмолинской области в связи с использованием земельного участка, занимаемого одним из золотосодержащих приисков. Согласно архивным данным, несмотря на исконную принадлежность зимовочного земельного участка с золотосодержащим прииском кочевникам, власти приняли решение оставить эту территорию в распоряжении казны, то есть в государственной собственности, обязав при этом казахов снести призимовочные постройки (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8527. Л. 5, 50б.).

Следует сказать, что подобные «типичные» случаи были нередки в деле регулирования земельных отношений между казахскими общинами и властями. Вероятно, именно этим обстоятельством следует объяснить принятие властями ряда нормативно-правовых мер, направленных на конкретизацию порядка изъятия участков из системы землепользования казахских общин, разумеется, преимущественно в пользу переселенцев и государства. Так, в Циркулярном распоряжении степного генерал-губернатора от 1 мая 1908 года особо оговаривалась необходимость предупреждения казахского населения о том, что «земельные изъятия из них для цели образования переселенческих участков производятся в установленном законе и правительственных распоряжениях порядке и по особому, мною (Степным генерал-губернатором – Авт.) утвержденному плану, а потому всякое противодействие производству указанных работ, а тем более соединенное с насилием по отношению к кому-либо из чинов партии мною будет караться по всей строгости законов» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 9000. Л. 650б.).

В полном соответствии с идеологией и практикой данного и других тому подобных распоряжений властей на уровне регионов разрабатывались специальные планы, включавшие перечень действий при проведении землеотводных работ. К примеру, «План землеотводных работ в районах Тургайско-Уральском, Акмолинском, Семипалатинском» в 1908 году предусматривал ряд действий. В интересующем аспекте выделим последнюю часть данного «Плана...», содержание которой достаточно определенно характеризует изначальную заинтересованность властей в изъятии так называемых «излишних земель» в пользу казны и переселенцев: «...проложение проектных границ в натуре; это последнее действие носило обязательный характер при отводе земель в районах казахского и старожилого землепользования в момент предъявления участка в натуре заинтересованным лицам и имело лишь формальное значение при отводе участка из свободных казенных пространств» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 8527. Л. 67-670б.).

Таким образом, продолжительная по времени и наступательная по характеру колонизация казахских земель привела к существенному разрушению сложившейся веками системы землепользования у казахов-кочевников. В контексте сказанного следует особо отметить, что с установлением административных границ между областями, начиная с 70-х гг. XIX в., особенно сильно сократилась и амплитуда кочевания как один из системообразующих компонентов производственного процесса в кочевой среде. В этой связи весьма характерны следующие сведения из «Материалов...» по Зайсанскому уезду: «Лет 20 назад, когда [кочевники-казахи] были побогаче, кочевали далеко... С 1872 года после проведения границы между Семипалатинской и Семиреченской областями начали кочевать по Тарбагатайскому хребту», то есть сильно сокращенным путем (Примечания к пообщинным таблицам. Зайсанский уезд, 1909: 122-123).

Эти и другие тому подобные коренные трансформации структурно-функциональных параметров кочевого общества казахов, прежде всего, означают существенное изменение традиционных социальных отношений. Как следствие этого участились столкновения между родами и даже между отдельными личностями, нередко приводившие к нарушению межродовых отношений

как основополагающих факторов стабильного функционирования традиционного общества казахов. Приведем следующий весьма «типичный» пример, поскольку он, в сущности, достаточно характерен и для всех регионов Казахского края. Как отмечается в «Материалах...» по Петропавловскому уезду, казахские аулы I и II старшинств имели земли в общем нераздельном пользовании: здесь стояли с месяц весной перед тем, как кочевать на джайляу; по березовым колкам косили сено; зимой совместно пасли лошадей. Земли было вдоволь, и эта полоса не возбуждала никаких раздоров между пользующимися ею родами. Но вот образовались переселенческие поселки: Николаевский, Ильинский и Александровский. Стало тесно. Тогда II-е старшинство, пользуясь численным превосходством, постепенно вытеснило с общих пастбищ I-е старшинство, образовало здесь ряд кузеу [осенних пастбищ] и новых кстау [зимовок], преграждая этим I-му старшинству дорогу на джайляу [летние пастбища]; вытеснило даже с некоторых пастбищ, издавна находившихся в исключительном пользовании I-го старшинства ([Примечания к пообщинным таблицам. Петропавловский уезд, 2008: 28](#)). Еще один пример по данному уезду, который отражает, помимо вышеотмеченных межродовых столкновений, и искусственно созданную властями кабальную зависимость прежних землевладельцев-кочевников от сравнительно недавно поселившихся на их земле казаков: «...два аула из рода тлен ранее зимовали на землях, отошедших под Надеждинский казачий поселок; после этого долгое время жили на казачьих землях, платя аренду. По распоряжению Акмолинского губернатора им были отведены кыстау [зимовки], которые до этого служили им летовками. Едва успели основаться на новых местах, как другие аулы II старшинства начали оспаривать у них урочища Кындыкты и Талды-куль» ([Примечания к пообщинным таблицам. Петропавловский уезд, 2008: 29](#)).

В то же время изъятие так называемых «излишков» земель в пользу переселенцев и казны, приведших к вышеотмеченным изменениям в кочевом социуме в конечном счете имели весьма негативные последствия и для межэтнических отношений. Это выразилось, в частности, в участившихся в рассматриваемый период столкновениях между местным и пришлым населением. Например, в описаниях поселков на одном из участков Кокчетавского уезда за 1900 год говорится: «Великороссы из мещан Кокчетавских и часть хохлов, прибывших после. С киргизами (казахами – Авт.) часто ссорятся, так как на пахоте приходится ехать через киргизские (казахские – Авт.) земли; является чересполосность и постоянные недоразумения», «великороссы (из мещан г. Кокчетав), прибывшие хохлы. С киргизами (казахами – Авт.) недоразумения из-за того, что рядом с селом киргизская (казахская – Авт.) земля» ([ГААО. Ф. 1115. Оп. 13. Д. 16. Л. 3](#)).

Вместе с тем вышеуказанные изменения в традиционной системе землепользования у местного населения имели и положительные последствия в долгосрочной перспективе, что выразилось, прежде всего, в переходе существенной части кочевников к оседлому образу жизни. Эта безусловно прогрессивная тенденция привела к образованию стационарных поселений, можно сказать, в массовом масштабе во всех регионах Казахстана, особенно в тех экологических зонах, которые традиционно считались прежде пригодными лишь для кочевого образа жизни. Речь идет в особенности об аридных и субаридных территориях северных, северо-западных, северо-восточных, восточных, отчасти юго-восточных регионов Казахского края, образующих основные ареалы возникновения и функционирования так называемого классического номадизма центральноазиатского типа. Приведем пример. Как отмечается в «Материалах повторного статистического обследования...» казахского хозяйства и землепользования в Кокчетавском уезде Акмолинской области, «киргизское (казахское – Авт.) население Кокчетавского уезда в строгом смысле слова нельзя вполне назвать кочевым, потому что половину года и даже больше с октября по апрель и май оно пребывает в постоянных аулах и в этот период только часть скота посылает с особыми пастухами в отгонки» ([ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9009. Л. 33](#)). В интересующем в данном случае аспекте также весьма характерны оперируемые вышеупомянутым исследователем П.П. Румянцевым следующие сведения: по мере появления и умножения русских поселений резко возросла потребность казахского населения закрепить за собой право пользования определенной территорией для ведения прежде не характерного для кочевников земледельческого хозяйства. В это время местное население даже в северной части казахского края стало проводить зиму в зимовках (кстау) в постоянных своих собственных жилищах, и что особенно важно, с прилегающей собственной территорией. Постепенно данная тенденция распространялась на осенние, весенние и летние пастбища, где возникали постоянные жилища с хозяйственными постройками и прилегающей территорией, которые уже находились в постоянном пользовании как объекты личной собственности ([Румянцев, 2007: 124-125](#)).

Следует отметить, что эти и другие подобные изменения, в сущности, означают, говоря словами П.П. Румянцева, постепенное превращение натурального скотоводческо-кочевого хозяйства казахов в товарно-денежное с переходом к новым формам – оседло-скотоводческой и оседло-земледельческой. Как писал тот же автор, среди казахов появляются новые группы населения, не имеющие ничего общего со старыми родовыми и феодально-сословными делениями ([Румянцев, 1907: 108-109](#)).

5. Заключение

Изложенный материал позволяет сделать следующие обобщающие выводы: произошедшие изменения в системе традиционного землепользования у казахов-кочевников, особенно усилившиеся во второй половине 90-х гг. XIX в. – первом десятилетии XX в. ознаменовали собой завершающий этап всего процесса реализации российскими властями административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ 60-х – начала 90-х гг. XIX в. практически во всех сферах жизнедеятельности традиционного казахского общества. Эти изменения привели к коренной трансформации основных структурно-функциональных параметров, прежде всего жизнеобеспечивающей системы общины как главной формы самоорганизации казахов-кочевников. Это выразилось в переходе части коренного населения к оседлому образу жизни, впоследствии ставшему привычной нормой для казахского народа.

Литература

- Бекмаханов, 1957** – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 343 с.
- Введение, 1908** – Введение // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией. Ташкент, 1908. Т. I. Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд. С. 4-13.
- Букейханов, 2007** – Букейханов А.Н. Киргизы // Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, 2007. Т. 14. С. 5-44.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука. 1965. 346 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000. 766 с.
- Курьлев, 1998** – Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – XX век). СПб., 1998. 306 с.
- Мартин, 2012** – Мартин В. Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке. Алматы: Центр оперативной печати КазАТ иСО, 2012. 282 с.
- Общий очерк, 1905** – Общий очерк // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. СПб., 1905. Т. IX. Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд. С. 1-99.
- Остафьев, 2007** – Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2-е изд., доп. Астана, 2007. С. 5-35.
- Петропавловский, 2007** – Петропавловский Н. Очерк землевладения // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2-е изд., доп. Астана, 2007. С. 36-111.
- Примечания к пообщинным таблицам** – Примечания к пообщинным таблицам / *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей*. Чернигов, 1908. Т. XII. Акмолинская, Петропавловский уезд. С. 1-92.
- Примечания к пообщинным таблицам** – Примечания к пообщинным таблицам / *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные экспедицией по исследованию степных областей*. СПб., 1909. Т. VIII. Семипалатинская область, Зайсанский уезд. С. 1-153.
- Румянцев, 1909** – Румянцев П.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1909. № 5. С. 79-138.
- Румянцев, 1910** – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 66 с.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1963. 412 с.
- Тарасова** – Тарасова Е.В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. 4(80). Т. 2. С. 203-206.
- Токмурзаев** – Токмурзаев Б.С. Степной край в имперской политике аграрной колонизации России (вторая половина XIX – XX век). Жетысай, 2018. 171 с.
- Тронов, 1891** – Тронов В.Д. Материалы по антропологии киргиз. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891.
- Успенский, 1907** – Успенский А. Влияние колонизации на киргизское хозяйство // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 29-43.
- Хворостанский, 1907** – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 1. С. 53-104.
- Чиркин, 1907** – Чиркин Г. Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 44-68.
- Шкапский, 1907** – Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 112-137.
- Шкапский, 2007** – Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2 изд., доп. Астана, 2007. С. 139-166.

- Щербина, 1902 – Щербина Ф. Исследования степных областей // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1902. № 3. С. 321-339.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ГААО – Государственный архив Ақмолинской области.
- Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay N., Orynbayeva G.U. Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51, Is. 1, pp. 337-347.

References

- Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay, N., Orynbayeva, G.U. (2019). Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 51(1): 337-347.
- Bekmakhanov, 1957 – Bekmakhanov, Ye.B. (1957). Prisoedineniye Kazakhstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. Moscow, 343 p. [in Russian]
- Bukeykhanov, 2007 – Bukeykhanov, A.N. (2007). Kirgizy [The Kazakhs]. Kazakhi: istoriko-etnograficheskie trudy. Astana. Vol. 14, pp. 5-44. [in Russian]
- Chirkin, 1907 – Chirkin, G. (1907) Zemleustroystvo kirgiz v svyazi s kolonizatsiyey stepi [Land management of the Kazakhs in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 2: 44-68. [in Russian]
- ГААО – Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti [State archive of Akmola Region].
- Galuzo, 1965 – Galuzo, P.G. (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867-1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867-1914]. Almaty, 346 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2000 – Istoriya Kazakhstana s drevneyshih vremen do nashih dnei. V pyati tomah (2000) [The history of Kazakhstan from the ancient time to our days. 5 Volumes]. Almaty, Vol. 5, 766 p. [in Russian]
- Khvorostansky, 1907 – Khvorostansky, P. (1907). Kirgizsky vopros v svyazi s kolonizatsiyey stepi [The Kyrgyz question in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 1: 53-104 [in Russian]
- Kurylev, 1998 – Kurylev, V.P. (1998). Skot, zemlya, obshchina u kochevykh i polukochevykh kazakhov (vtoraya polovina XIX – XX v.). [Livestock, land, community among nomadic and semi-nomadic Kazakhs (second half of the 19th – 20th centuries)]. SPb., 306 p. [in Russian]
- Martin, 2012 – Martin, V. (2012). Zakon i obyчай v Stepі: kazakhi Srednego zhuzа i rossysky kolonializm v XIX veke [Law and custom in the Steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the 19th century]. Almaty, 282 p. [in Russian]
- Obshchy ocherk, 1905 – Obshchy ocherk (1905) [General outline]. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. SPb., 1905. T. IX. Semipalatinskaya oblast', Ust'-Kamenogorskii uезд. Pp. 1-99. [in Russian]
- Ostafyev, 2007 – Ostafyev, V. (2007). Kolonizatsiya stepnykh oblastey svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*. 2-e izd., dop. Astana. Pp. 5-35. [in Russian]
- Petropavlosky, 2007 – Petropavlovsky, N. (2007). Ocherk zemlevladieniya [Sketch of land tenure]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*, Astana, pp. 36-111. [in Russian]
- Primechaniya k poobshchinnym tablitsam – Primechaniya k poobshchinnym tablitsam (1909) [Community Tables Notes]. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei*. SPb., 1909. T. VIII. Semipalatinskaya oblast', Zaisanskii uезд. Pp. 1-153. [in Russian]
- Primechaniya k poobshchinnym tablitsam, 1908 – Primechaniya k poobshchinnym tablitsam (1908) [Community Tables Notes]. *Materials on Kazakh land use, collected and developed for the study of steppe regions*. Chernigov, Vol. XII, pp. 1-92. [in Russian]
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- Rumyantsev, 1909 – Rumyantsev, P.P. (1909) Sotsialnoye stroyeniye kirgizskogo naroda v proshlom i nastoyashchem [The social structure of the Kazakh people in the past and present]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 5: 79-138. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910 – Rumyantsev, P.P. (1910). Kirgizsky narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and present]. SPb., 66 p. [in Russian]

- Shcherbina, 1902** – *Shcherbina, F.* (1902). Issledovaniya stepnykh oblastey [Studies of the steppe regions]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 3: 321-339. [in Russian]
- Shkapsky, 1907** – *Shkapsky, O.* (1907). Na rubezhe pereselencheskogo dela [At the turn of the resettlement case]. *Voprosy kolonizatsii*. 1: 112-137. [in Russian]
- Shkapsky, 2007** – *Shkapsky, O.* (2007). Nekotorye dannye dlya osveshcheniya kirgizskogo voprosa [Some data for the coverage of the Kyrgyz issue]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*. Astana, pp. 139-166. [in Russian]
- Suleymenov, 1963** – *Suleymenov, B.* (1963). Agrarny vopros v Kazakhstane v posledney treti XIX – nachala XX v. (1867–1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX centuries (1867–1907)]. *Almaty*, 412 p. [in Russian]
- Tarasova, 2013** – *Tarasova, Ye.V.* (2013). Vliyaniye pereselencheskogo dvizheniya na zemelnye otnosheniya v Stepnom kraye i Turkestane v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of the resettlement movement on land relations in the Steppe Territory and Turkestan in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(80). 2: 203-206. [in Russian]
- Tokmurzayev, 2018** – *Tokmurzayev, B.S.* (2018). Stepnoy kray v imperskoy politike agrarnoy kolonizatsii Rossii (vtoraya polovina XIX – XX veka) [Steppe region in the imperial policy of agrarian colonization of Russia (second half of the 19th - 20th centuries)]. *Zhetysay*, 171 p. [in Russian]
- Tronov, 1891** – *Tronov, V.D.* (1891). Materialy po antropologii kirgiz [Materials on the anthropology of Kazakhs]. *SPb.: Parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo*, 34 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- Uspensky, 1907** – *Uspensky, A.* (1907). Vliyaniye kolonizatsii na kirgizskoye khozyaystvo [The impact of colonization on the Kyrgyz economy]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 2: 29-43. [in Russian]
- Vvedeniye, 1908** – *Vvedeniye* (1908) [Introduction]. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Syr-Dar'inskoi statisticheskoi partiei. Tashkent, Vol. I. Pp. 4-13. [in Russian]

Коренные изменения традиционной системы землепользования у казахов-кочевников в контексте колониальной политики Российской Империи (конец XIX – начало XX вв.): факторы и последствия

Нурсан Алимбайұлы Алимбай ^{a, *}, Болат Кудайбергенович Смагулов ^b

^a Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (КН МОН РК), Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируются основные факторы и последствия радикальных изменений традиционной системы землепользования у казахов-кочевников. В этой связи рассматривается комплекс социально-экономических и административно-правовых мер, направленных на колонизацию казахских земель в составе Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Анализ разнохарактерных источников показывает, что именно эти факторы привели практически к разрушению, прежде всего, традиционной системы землепользования у кочевников. Это выразилось в том, что, с одной стороны, резко сократились площади пастбищных угодий, с другой – практически разрушились сложившиеся веками традиционные способы эксплуатации кормовых и водных ресурсов родовой территории. Как следствие этого произошли сильные изменения и в структуре социальных отношений в кочевой среде. При этом особое внимание уделяется изучению «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей», организованному российскими властями в течение 1896–1902 гг. Вместе с тем процесс экспедиционного обследования казахских хозяйств и собранные материалы в результате этого мероприятия рассматриваются не только как уникальный источник, но и в качестве составной части тех мер, которые послужили экономическому обоснованию изъятия российскими властями так называемых «излишков» земель у казахов-кочевников. Источниковую базу статьи составляют разнообразные данные как казахстанских, так и российских архивов,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: burgan555@gmail.com (Н.А. Алимбай), bolat_alemdar@mail.ru (Б.К. Смагулов)

официальных периодических изданий, а также статистические сведения и материалы, содержащиеся в различных изданиях рассматриваемого периода. На основе анализа этих категорий источников сделан вывод, что колонизация казахских земель оказала не только негативное влияние на различные стороны жизни казахского социума но и имела положительные стороны, выразившиеся прежде всего в появлении и утверждении оседлого образа жизни практически во всех регионах Казахского края.

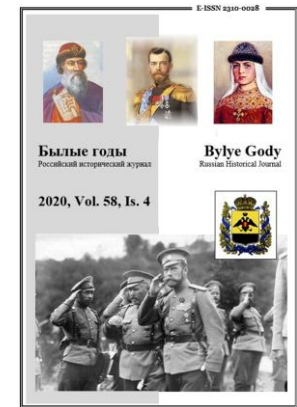
Ключевые слова: история Казахстана, кочевой социум, колонизация земель, переселения крестьян, казачья колонизация, традиционная система землепользования, хозяйство казахов, административно-правовые и хозяйственно-территориальные реформы, экспедиция по обследованию степных областей, земельные «излишки».

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2777-2789. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2777
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Efforts of State Bodies to Develop Siberia during the Modernization of the Russian Empire (1892–1914)

Sergei T. Gaidin ^{a,*}, Galina A. Burmakina ^a, Ruslan V. Pavlyukevich ^a,
Tatyana G. Sheremetova ^a

^a Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article is concerned with the efforts of state bodies to economically develop Siberia. The work took place under the state's modernization policy aimed at transforming an agrarian country into an industrial power. Therefore, the mobilization capabilities of state government bodies for the settlement and development of Siberia depended on the success of its long-term financial and economic policy. The Ministry of Finance had been able to stabilize the financial system by converting the country's monetary system to gold parity, attracting foreign loans, and comprehensively using other budget replenishment sources. It promoted entrepreneurial activity, attracted foreign investments and technologies to Russia, and developed measures to destroy the peasant community, the existence of which hindered the country's modernization process.

Accumulating financial resources, developing industry and railway transport, the state began to construct the Siberian Railway and transfer the population from the European part of the country. Siberian Railway Committee used the planning principles in its work. It coordinated the efforts of various ministries and departments that made it possible to connect Siberia with the European part of the country and develop its economy under the all-Russian and international division. This created the conditions to accelerate the modernization process associated with the peasant community destruction and Stolypin's resettlement program. The state was interested in the creation of strong resettled peasant farms and considered the resettlers as a force capable to destroy the subsistence farming of the old residents.

The construction of the Siberian railway and resettlement population influx led to the traditional industries development in Siberia and the creation of new ones related to the maintenance of railway and water transport. The specialization of Siberian peasants in dairy farming made butter manufacturing a branch of export production activity. The economic development of Siberia made it possible to accelerate the modernization not only in the European part of the country but also in the Siberian region.

Keywords: modernization of the Russian Empire, Siberia, the Ministry of Finance, national projects, long-term government policy, interdepartmental governing body, planning principles, Siberian Railway.

1. Введение

До начала строительства Сибирской железной дороги Сибирь за исключением территорий, прилегающих к Уралу, представляла собой провинцию, не связанную в хозяйственном отношении с европейской частью страны. Ее ускоренное освоение и развитие было обусловлено началом строительства Великой Сибирской железной дороги.

* Corresponding author

E-mail addresses: gaydinsergey@rambler.ru (S.T. Gaidin), burmakinagalina@rambler.ru (G.A. Burmakina), autocrator@yandex.ru (R.V. Pavlyukevich), sheremetova1951@mail.ru (T.G. Sheremetova)

Для понимания политики государства в отношении Сибири целесообразно рассмотреть ее основные направления в России в целом, от успеха которых зависели мобилизационные возможности органов государственной власти для освоения окраин.

Государственная экономическая политика российского руководства в 90-е гг. XIX в. была направлена на проведение модернизации Российской империи с превращением крестьянской страны в индустриальную державу. Император Александр III считал, что государство может быть великим, сильным и конкурентоспособным только при развитии национальной промышленности и железнодорожного транспорта (Витте, 1991: 514).

Особая роль в разработке и реализации финансовой и экономической политики страны принадлежала Министерству финансов, в котором работали Отделы промышленности, торговли, торгового мореплавания, учебный, Департамент железнодорожных дел. Министру финансов подчинялись Государственный банк, Государственный дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк и Монетный двор (Витте, 1912: 423-425).

Эффективность работы Министерства финансов в немалой степени зависела от деловых качеств его руководителей. В 1892–1903 гг. Министерство возглавлял С.Ю. Витте, а с 1904 по 1914 г. с небольшими перерывами – В.Н. Коковцев.

Реформированием российской деревни и организацией переселенческой политики в Сибирь занимались председатель Совета министров П.А. Столыпин (1906–1911 гг.) и главноуправляющий созданного в мае 1905 г. Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ) А.В. Кривошеин. Значительный вклад в разработку концепции экономического развития страны внес ученый и сотрудник Министерства финансов Д.И. Менделеев и другие деятели.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли опубликованные воспоминания министров финансов Российской империи С.Ю. Витте и В.Н. Коковцева, в которых показано, как государство осуществляло модернизацию страны и, опираясь на результаты экономической и финансовой политики, занималось освоением и развитием Сибири.

Немаловажное значение для исследования имеют «Лекции по развитию народного и государственного хозяйства», «Лекции о государственном хозяйстве России», которые С.Ю. Витте читал в 1901–1902 гг. Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу. Их можно рассматривать как своеобразный отчет Министерства финансов перед императорской фамилией для обеспечения преемственности и последовательности в политике государства.

Лекции дают возможность понять теоретические представления, которыми министр руководствовался при проведении государственной экономической и финансовой политики, и получить из первых рук статистические данные, которые доводились до императоров Александра III и Николая II.

В трудах Д.И. Менделеева мы находим рекомендации по проведению экономической и финансовой политики, которые могло учитывать Министерство финансов Российской империи.

Отчет о поездке председателя Совета министров П.А. Столыпина и главноуправляющего Главным управлением земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ) А.В. Кривошеина в Сибирь позволяет понять цели, задачи, основные направления и результаты проводимой государством переселенческой политики, которая являлась составной частью процесса российской модернизации.

Методологической основой исследования является теория модернизации применительно к особенностям России и Сибири, с большими отличиями между центром и периферией. По мнению академика В.В. Алексеева, при изучении процессов в Сибирском регионе необходимо учитывать ее фронтальный характер (Алексеев, 2017). Инструментальной основой исследования стала совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов: историко-хронологического, историко-сравнительного, историко-типологического и др.

3. Обсуждение

Академик В.В. Алексеев считал, что государственная власть Российской империи выступила ведущим актором модернизации, взяв под свой контроль аккумуляцию капитала, перераспределение его в приоритетные отрасли экономики, обеспечение интенсивного роста фабрично-заводской промышленности (Алексеев, 2015: 11, 14).

По утверждению исследователя экономической истории России И.И. Малюшина, реформы имели характер непрерывного воздействия государства на хозяйственную жизнь страны за счет разработки и реализации долгосрочной экономической политики (Малюшин, 2015: 371).

Историк М.А. Давыдов считал, что преобразования, проведенные под руководством С.Ю. Витте, позволили не только сократить отставание России от индустриально развитых стран, но и создать условия для реформирования П.А. Столыпиным аграрного сектора страны. Поэтому он пишет о непрерывном характере «модернизации Витте С.Ю. – Столыпина П.А.» (Давыдов, 2017: 115).

Д.Н. Беянин квалифицирует столыпинскую переселенческую политику как национальный проект, реализация которого дала мощный импульс развитию производительных сил Сибири в составе единого экономического пространства Российской империи (Беянин, 2008: 108).

Сотрудники Института экономики УрО РАН С.Г. Важенин и В.В. Сухих считают, что меры государства по экономической интеграции Сибири в рассматриваемый период сохраняют свою актуальность и представляют интерес для современных чиновников и бизнесменов (Важенин, Сухих, 2015: 165).

4. Результаты

В связи с тем, что на Министерстве финансов лежала ответственность за хозяйственное развитие Российской империи, от представлений и деятельности его руководителей в немалой степени зависел успех финансовой, промышленной и торговой политики государства.

На протяжении длительного времени проведение политики модернизации России и хозяйственного освоения Сибири было связано с деятельностью С.Ю. Витте, которого император Александр III в феврале 1892 г. назначил на должность министра путей сообщения и поручил ему строительство Сибирской железной дороги. Новый министр к тому времени имел большой опыт управленческой работы на железнодорожном транспорте.

Не исключено, что отсутствие у государства финансовых средств для строительства новой дороги после неурожайного 1891 г. побудило императора назначить вскоре энергичного министра путей сообщения на должность министра финансов и возложить на него ответственность за поиск финансовых средств для строительства железных дорог и развития промышленности. С.Ю. Витте считал, что в условиях догоняющего характера российской модернизации при разработке финансовой и экономической политики необходимо извлекать уроки из мировой практики (Витте, 1912: 33).

Несмотря на то, что министр довольно скептически относился к деятельности предшествовавших ему министров финансов – Н.Х. Бунге (май 1881 г. – декабрь 1886 г.) и особенно И.А. Вышнеградского (январь 1887 г. – август 1892 г.), он, безусловно, опирался на их наработки. Н.Х. Бунге немало сделал для развития промышленности и торговли, сохранения покровительственных тарифов для российских предпринимателей, переселения малоземельных крестьян на казенные земли, постепенного отказа от выпуска бумажных денег (Степанов, 1998: 110, 135, 185, 194, 196).

И.А. Вышнеградский продолжил политику предшественника по увеличению экспорта зерна, выкупу частных железных дорог, подготовке к переходу на золотой рубль (Кузнецов, 2014).

Определенное влияние на С.Ю. Витте имел Д.И. Менделеев, которого знают как химика, физика, метролога, автора периодического закона химических элементов, но он считал себя, прежде всего, экономистом. В разные годы он был членом Совета торговли и мануфактур Министерства финансов, членом различных его комиссий по развитию промышленности, в 1893 г. возглавил Главную палату мер и весов.

По поручению И.А. Вышнеградского Д.И. Менделеев произвел анализ таможенной политики России с точки зрения создания условий для ее промышленного развития. По его утверждению, сделанный им в Министерстве финансов доклад по тарифам был воспринят С.Ю. Витте и другими сотрудниками Министерства в качестве программы развития российской промышленности.

Если излагать взгляды Д.И. Менделеева на развитие промышленности в тезисной форме, то следует выделить идею автора, что сельское хозяйство дает населению продукты питания, но не обеспечивает благополучия, которое создается трудом в промышленном производстве с большой добавленной стоимостью. Россия, вывозящая продовольственное и необработанное промышленное сырье, является приложением европейской экономики (Менделеев, 1952: 352).

По его мнению, Министерство финансов должно было использовать тарифную политику для поддержки национальной промышленности и перехода России к экспорту продуктов технической переработки сырья (Менделеев, 1950: 276). Привлечение в промышленность иностранных капиталов и предпринимателей могло дать импульс развитию России за счет получения зарубежных технологий, выпуска необходимой для российских потребителей продукции, получения государством доходов от обложения иностранных предпринимателей (Менделеев, 1950: 194, 196-197, 346). Д.И. Менделеев говорил о необходимости изучения природных ресурсов страны и ее окраин, чтобы иметь возможность вовлекать их в хозяйственный оборот.

В 1895 г. в письме на имя министра финансов Д.И. Менделеев писал, что при переходе России к индустриальному типу развития Министерство должно было планомерно развивать промышленное производство и согласовывать развитие промышленности с развитием всей хозяйственной деятельности страны. Для выполнения этой функции оно должно было иметь информацию о состоянии всего народного хозяйства и необходимые для этого полномочия. Д.И. Менделеев утверждал, что при решении вопросов, связанных с промышленным производством, с его взглядами считались в Министерстве финансов.

Таким образом, большинство преобразований, осуществленных С.Ю. Витте в должности министра финансов, имели свою историю. Но в чрезвычайных условиях, вызванных неурожаем и

голодом 1891–1892 гг., министр получил от Александра III экстраординарные полномочия, которые он использовал для практической реализации обсуждаемых в Министерстве финансов и российском обществе взглядов на восстановление финансовой системы страны, развитие железнодорожного транспорта, промышленности, хозяйственное освоение Сибири.

Пользуясь тем, что министру финансов подчинялся Государственный банк, он провел ограниченную эмиссию денежной массы. Важнейшим источником пополнения бюджета стало введение в 1894 г. государственной монополии винной торговли, которая позволила не только сократить потребление алкоголя в стране, но и дать в бюджет в последующие пять лет дополнительно 47,5 млн руб. (Витте, 1912: 498).

В сложной финансовой ситуации в России, которая усугублялась обращением бумажных денег, министры финансов Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградский готовились к переводу денежной системы на металлическое обращение, основанное на золоте, но они опасались противодействия населения проведению реформы. С.Ю. Витте же, заручившись поддержкой императора, в начале 1897 г. сумел ее быстро провести, что позволило России укрепить рубль и получить доступ к иностранным кредитам. Он доказывал своим оппонентам, что ни одна европейская страна не смогла обойтись в своем развитии без иностранных заимствований. На основании успешного проведения денежной реформы министр финансов сделал вывод, что радикальные преобразования нужно проводить быстро, чтобы они не были сорваны противодействием слоев общества с разнонаправленными интересами (Витте, 1991: 360).

В.Н. Коковцев, который в 1896–1902 гг. был товарищем или заместителем министра финансов, а затем на протяжении десяти лет возглавлял Министерство финансов, писал, что время подтвердило правильность принятых тогда решений. Доходы от винной монополии и казенных железных дорог в 1904 г. составили 586,9 млн руб., а в 1913 г. выросли до 828,5 млн руб. Условием стабильности финансовой системы, по его мнению, стал выпуск Государственным банком России денег, полностью обеспеченных золотым запасом (Коковцев, 1991: 439, 440).

Деятельность Министерства финансов позволила не только восстановить финансовую систему страны, но и обеспечить профицит государственного бюджета, что дало возможность возобновить в России приостановленное в конце 1870-х гг. строительство железных дорог.

На критику оппонентов о чрезмерном «увлечении» железными дорогами министр финансов отвечал, что их строительство создает условия для освоения всей территории страны и является условием ее экономического развития. Железнодорожный транспорт России к началу XX в. превратился в крупное промышленное предприятие, в котором было занято более 400 тысяч человек, насчитывалось 11500 паровозов и 270 тысяч вагонов. Его развитие обусловило развитие металлургической, угольной, лесной, химической, машиностроительной промышленности. Россия наладила собственное производство паровозов и вагонов (Витте, 1912: 344).

Витте С.Ю. был сторонником привлечения в Россию иностранных средств, специалистов и технологий, а также продолжения начатой при предыдущих министрах финансов покровительственной политики государства по защите российских производителей от конкуренции со стороны продукции иностранного производства.

По утверждению современных экономистов, государство в годы нахождения С.Ю. Витте на должности министра финансов активно стимулировало индустриальное развитие России за счет перераспределения финансовых средств в пользу приоритетных отраслей промышленности и предприятий оборонного характера (Волков, 2007: 80). Министерство финансов делало взносы в уставной капитал создаваемых в России коммерческих банков, что давало ему возможность вводить в их правления своих сотрудников и влиять на кредитную политику (Буфетова, 2017: 50, 52).

Министр финансов считал необходимым отказаться от введенного после отмены крепостного права закрепления наделной земли крестьян за общинами, с наложением на них коллективной ответственности за уплату налогов. Из-за роста численности населения на общинных землях складывалось аграрное перенаселение, сокращался размер надела на мужскую душу, соответственно, падали доходы крестьян и государства. В октябре 1898 г. в письме императору он утверждал, что почти половина российских крестьян прозябает в нищете и не может в полном объеме платить налоги (Витте, 1991: 531).

По мнению министра финансов, государство должно было начать планомерную работу по выводу крестьянских хозяйств из общины и предоставлению им возможности работать на своей земле, заботясь о повышении собственного благополучия. Избыточное население, по его мнению, нужно было направить на работу в промышленность и транспорт, на освоение слабозаселенных территорий страны. В этих условиях Сибирь с гигантскими земельными ресурсами могла бы стать местом приложения сил миллионов переселенцев из европейской части страны. Если в европейской части плотность населения составляла 22,2 человека на 1 квадратную версту, то в Сибири, где в конце XIX в. проживало около 6 млн человек из 129-миллионного населения страны, она не превышала 0,5 человека на квадратную версту (Брюханова, 2013: 67-69).

Восстановление финансовой системы в России, развитие ее промышленности и транспорта позволило Министерству финансов перейти к развитию окраин и вовлечению их в общее

экономическое развитие Российской империи. С.Ю. Витте в бытность его министром финансов на основе осмысления предшествующей переселенческой политики государства сформулировал идеи, которые были положены в основу государственной политики по хозяйственному освоению Сибири.

Он видел в прокладке Сибирской железной дороги не только ключ к освоению зауральских территорий, но и сопоставимый по значимости с Суэцким каналом транзитный путь мирового значения, соединявший Японию с Россией и Европой. Строительство дороги создавало условия для формирования сибирского рынка и участия Сибири в общероссийском и международном разделении труда. В силу этого, по мнению министра, не надо было делать ставку на получение немедленной прибыли от затрат на железнодорожное и другое транспортное строительство, их нужно было рассматривать как государственные вложения в развитие региона (Витте, 1912: 56).

Для ускорения окупаемости капиталовложений государство должно было организовать массовое переселение крестьян в Сибирь и создать условия для их обустройства на новых местах. Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири должно было обеспечить доход в казну с земельных платежей переселенцев и реализации произведенной ими продукции.

Прокладка железной дороги должна была дать импульс развитию в магистральной зоне старых и возникновению новых видов промышленных производств, связанных с обслуживанием подвижного состава, добычей каменного угля, эксплуатацией путей.

Министр финансов рассчитывал на ускоренное развитие в Сибири частной золотой промышленности, доходы от которой занимали важное место в формировании государственного бюджета, на привлечение иностранного капитала к разработке золотых месторождений в Сибири и на Дальнем Востоке (Витте, 1991: 256).

Взгляды С.Ю. Витте на развитие Сибири и ее интеграцию в российскую экономику были прагматичными. Однако их реализация представляла собой сложный процесс, требовавший быстрых и адекватных действий по согласованию интересов государства, предпринимателей Сибири и европейской части страны.

Практика прокладки в 1882–1885 гг. Обь-Енисейского канала показала, что для планирования и проведения всего комплекса работ необходимо создание специализированных управленческих структур, объединяющих усилия различных министерств и ведомств.

Поэтому в 1893 г. для постройки железнодорожной магистрали был создан Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) во главе с цесаревичем Николаем. Управляющим делами Комитета был назначен А.Н. Куломзин, на которого также была возложена ответственность за прием и устройство переселенцев в Сибири. Он находился на этой должности до 1905 г. и одновременно, вплоть до 1902 г., являлся управляющим делами Комитета министров Российской империи. Это позволяло оперативно на уровне государственных министерств и ведомств решать проблемы, возникавшие в процессе строительства Великого Сибирского пути и организации переселенческой деятельности (Соловьев, 2016). Историк С.К. Канн квалифицировал строительство Сибирской железной дороги как реализацию национального проекта (Канн, 2008).

В июне 1893 г. по решению КСЖД для проведения строительных работ в составе Министерства путей сообщения было образовано Управление по сооружению Сибирской железной дороги. Оно занималось планированием и финансированием строительных работ, привлечением рабочей силы, доставкой всего необходимого к местам строительства. По состоянию на 1903 г. на строительстве Сибирской железной дороги было перемещено свыше 100 млн кубометров земли, уложено свыше 12 млн шпал и около 1 млн тонн рельсов. В пик строительства в работах участвовало около 90 тысяч постоянных и временных рабочих (Тимофеев, 2017: 57).

Комитет Сибирской железной дороги был государственным межведомственным органом, в состав которого входили министры финансов, путей сообщения, государственных имуществ, внутренних дел, военный министр и государственный контролер. Он занимался согласованием действий различных министерств в области комплексного изучения природно-климатических условий и ресурсов Сибири, разбивки строительства дороги на технологические участки, выделения финансовых средств, формирования транспортной системы, включавшей в себя сухопутный, речной и морской виды транспорта.

Историк А.В. Ремнев считал КСЖД временным по характеру, но высшим, по сути, специализированным государственным органом по выработке правительственной политики в отношении Сибири (Ремнев, 2009). По мнению историков А.К. Кириллова, Г.А. Ноздрина и Л.Б. Уса, государство в рамках одной властной структуры обеспечило комплексный подход к развитию и освоению региона (Ус, 2006).

Одновременно со строительством Сибирской железной дороги Министерство финансов прорабатывало вопрос об освоении Северного морского пути. За тридцать лет после успешного вывоза на европейский рынок в 1874–1876 гг. пушнины, графита, древесины, муки сибирские купцы предприняли 122 попытки торговли через Северный морской путь, из которых 75 оказались успешными (Ламин, 2009).

Министр финансов Российской империи считал, что государство должно было содействовать северным перевозкам под российским государственным контролем. Но торговля с иностранными

государствами на иностранных судах, по его мнению, была чревата для России усилением иностранного влияния в Сибирском регионе, обострением противоречий между интересами государства и сибирских предпринимателей, развитием сибирского сепаратизма (Важенин, Сухих, 2015: 167, 169).

Министерством были выделены средства на проведение в 1894–1908 гг. гидрографических исследований в северных морях экспедициями А.И. Вилькицкого и адмирала С.О. Макарова. В 1899 г. на Мурманском побережье был построен незамерзающий порт Александровск. Для проводки судов Северным морским путем в 1898 г. был приобретен ледокол «Ермак», однако его мощности оказалось недостаточно, чтобы летом 1900 г. преодолеть льды на пути к устью Енисея. Поэтому государство, не ослабляя работ по освоению Северного морского пути, сконцентрировало основное внимание на строительстве Сибирской железной дороги.

Комиссия по устройству переселенцев в Сибири, которую возглавлял управляющим делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин, рассматривала организацию переселенческой работы как составную часть плана, нацеленного на достижение экономической окупаемости дороги и обеспечение развития Сибири. Масштабы колонизационного движения на восток были согласованы с темпами строительства Сибирской железной дороги.

Летом 1896 г. А.Н. Куломзин произвел личную проверку результатов работы возглавляемой им Комиссии по устройству переселенцев, посетив 135 переселенческих поселков, в которых общался с переселенцами и чиновниками, отвечавшими за их обустройство (Канн, 2014: 219).

Как показала проверка, рост переселенческого движения требовал создания специального государственного органа, отвечавшего за решение всего комплекса проблем, связанных с выдачей разрешений на переселение, организацией перевозки переселенцев, их приемом и размещением в Сибири, оказанием им материальной помощи, содействием в приобретении строительных материалов, скота, сельскохозяйственного инвентаря. С этой целью в 1896 г. в Министерстве внутренних дел было учреждено Переселенческое управление, которое в 1896–1902 гг. возглавлял В.И. Гиппиус, в 1902–1905 гг. – А.В. Кривошеин, а с осени 1905 г. в течение десяти лет – Г.В. Глинка.

Об успешности государственной переселенческой политики, проводимой Комиссией по устройству переселенцев, а затем Переселенческим управлением МВД, свидетельствуют данные Челябинского переселенческого пункта, согласно которым в 1893–1903 гг. в Сибирь переместилось около миллиона человек (Тимофеев, 2017: 60).

Однако Министерство финансов столкнулось с тем, что рост производства и увеличение вывоза хлеба из Сибири приводит к разорению его производителей и хлеботорговцев в европейской части страны, которые не выдерживали конкуренции с дешевой сибирской продукцией. Поэтому Министерство финансов разработало и представило на заседании Комитета министров в январе 1894 г. проект строительства казенной железной дороги в обход старых зерновых рынков от г. Перми до впадения реки Вычегды в Северную Двину с последующей доставкой зерна в порт Александровск. Проект был одобрен, и ответственность за прокладку новой железной дороги возложена на Управление по сооружению Сибирской железной дороги.

Но в годы ее строительства в ряде губерний европейской части страны на грани разорения оказались до 80 % помещичьих хозяйств. В целях их спасения правительство в 1896 г. ввело Челябинский тарифный перелом, который привел к удорожанию стоимости сибирского зерна на 30 % и лишил сибиряков конкурентных преимуществ.

Однако доктор исторических наук А.А. Николаев считает, что традиционная трактовка причин введения челябинского тарифа не соответствует действительности. По его мнению, введение повышающего тарифа было не столько способом защиты зернового хозяйства европейской части страны, сколько инструментом государственной политики по перепрофилированию сельского хозяйства Сибири с зерновой специализации на молочную в целях развития товарного маслоделия. Сибирское зерно должно было направляться на фуражные потребности сибирского животноводства.

Доказательством эффективности этой политики служит изменение соотношения полеводства и животноводства Сибири в валовой и товарной продукции сельского хозяйства, достигнутое в предвоенный период. Если в валовой продукции доля животноводства к 1913 г. составляла 29 %, а полеводства – 71 %, то в товарной части, наоборот, 72 % приходилось на долю продукции животноводства и только 28 % – на долю продукции полеводства (Николаев, 2016: 39).

Государство поддержало создание сибирскими крестьянами маслодельческих кооперативов. В 1901 г. оно выделило кредит Союзу сибирских маслодельных артелей, который, благодаря государственной поддержке, сумел увеличить численность артелей и кооперативов к концу императорского периода почти до трех тысяч (Казаков, 2016: 105).

В Сибири были открыты три государственных школы по обучению маслоделов, введены должности 143 государственных инструкторов по маслоделию, государство приняло меры по производству вагонов-холодильников для транспортировки масла.

В результате принятия этих мер доля масла в вывозе сельскохозяйственной продукции из Сибири составила 64 %. Сибирское масло составило 60 % от российского и 16 % от мирового

экспорта животного масла. К тому же сибирские губернии стали поставщиками кож на российский и мировой рынок (Николаев, 2016: 38).

Анализ деятельности Министерства финансов Российской империи в 1892–1903 гг. позволяет сделать вывод о том, что для нее был характерен комплексный подход к развитию финансовой, транспортной, промышленной сфер и торговой деятельности государства на долговременной основе. Государство использовало практику планирования работ, объединения усилий министерств и ведомств, предпринимателей и государства в экономическом развитии страны. Это позволило стабилизировать за 1892–1903 гг. финансовую систему страны, построить Сибирскую железную дорогу и в два раза увеличить протяженность железнодорожных путей России, в три раза увеличить объем ее промышленного производства.

В результате целенаправленной государственной политики Сибирь превратилась в одну из основных житниц России и экспортера сливочного масла. На ее территории были созданы железнодорожная, угольная, лесная, графитовая промышленность, черная и цветная металлургия, значительное развитие получила золотая промышленность (Шиловский, 2009: 177-178). Принятые государством меры по освоению Северного морского пути положили начало российской транспортной, экономической и торговой политике в полярной зоне.

Новый глава Министерства финансов А.К. Коковцев считал, что в переломный период в истории России нужно сохранить созданную в предыдущие годы финансовую систему, которая обеспечивала устойчивый доход государства (Коковцев, 1991: 431, 437).

Однако политические потрясения 1905–1907 гг. вынудили государственную власть России безотлагательно начать самую болезненную стадию модернизационного процесса, а именно ломку социально-экономических отношений в российской деревне, сложившихся после отмены крепостного права. Было очевидно, что общинный образ жизни в нестабильной политической ситуации в стране толкает общинников на совместные действия против власти. Поэтому, руководствуясь политическими и экономическими соображениями, правительство после вступления П.А. Столыпина на должность председателя Совета министров провозгласило курс на ускоренное разрушение общины, перевод общинных земель в частную собственность и переселение избыточного населения на многоземельные окраины страны.

По мнению А.К. Коковцева, насаждение П.А. Столыпиным мелкой частной собственности на землю способствовало развитию крестьянской инициативы, увеличению государственного бюджета России и созданию благоприятных условий для развития российской промышленности (Коковцев, 1991: 427, 429.443).

Однако распад общинной формы организации хозяйственной деятельности происходил очень болезненно, сопровождаясь ломкой традиционного образа жизни, разорением крестьян, не сумевших хозяйствовать в новых условиях, дифференциацией единого прежде крестьянства.

Столыпинская аграрная реформа, начатая в конце 1905 г., стала новым этапом в организации переселенческой политики. Для ее проведения в 1906 г. было создано Главное управление земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ), в состав которого МВД передало Переселенческое управление и отделы, отвечавшие за землеустройство.

В 1910 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин и главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин провели инспекционную поездку в Сибирь для проверки результатов переселения в 1906–1909 гг. крестьян из европейской части страны в Сибирь. Они проехали по четырем сибирским губерниям и областям, шести уездам Сибири и Степного края, лесостепной полосе Западной Сибири и Мариинской тайге на границе с Енисейской губернией.

В своем отчете о поездке высшие государственные чиновники писали, что переселение избыточного населения в Сибирь было необходимо для снижения уровня аграрного перенаселения в европейской части страны, освоения восточных территорий, вовлечения их в общую экономическую жизнь Российской империи, повышения безопасности ее границ (Записка председателя Совета министров, 1910).

Они были убеждены в том, что хозяйственное освоение Сибири превратит ее в мощный источник доходов для государства. Для этого нужно было вовлечь в хозяйственный оборот сибирские земли, помочь переселенцам создать крепкое хозяйство, чтобы они могли жить для себя и платить налоги государству.

Интересно, что на переселенцев глава правительства и руководитель ГУЗиЗ смотрели как на силу, способную разрушить старый мир русских землепашцев и сибирских скотоводов с их натуральным хозяйством и подтолкнуть его к рыночным отношениям (Записка председателя Совета министров, 1910: 3, 19).

Статистические данные, которыми они оперировали в отчете, подтверждали правильность проводимой ими переселенческой политики, за пять лет после начала которой переселенцы освоили 1,5 млн десятин земли в европейской части страны и распахали 4 млн десятин в Сибири. При валовой доходности переселенческой десятины в 50 рублей они увеличили народное богатство страны на 200 млн руб. в год (Записка председателя Совета министров, 1910: 81-82, 84).

П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин положительно оценили работу Переселенческого управления, которое представляло собой управленческую структуру, доказавшую свою эффективность и способность совершенствоваться и перестраивать работу в меняющихся условиях. Министры сравнили его по значению в освоении Сибири с работавшим на протяжении нескольких веков Сибирским приказом ([Записка председателя Совета министров, 1910: 6, 12](#)).

За пять лет до инспекторской поездки его штат вырос с 800 до 3000 человек, а предоставление кредитов по переселенческой смете увеличилось с 5 до 25 млн рублей. Сотрудники Управления ежегодно отводили по 350 тыс. душевых долей для размещения 700 тыс. человек обоего пола. Управлению удалось, используя вагоны пассажирского типа, улучшить перевозку переселенцев по железной дороге, увеличить скорость движения поездов и довести до сотни количество остановочных переселенческих пунктов.

Однако не все направления деятельности Переселенческого управления были одинаково оправданы и давали положительный результат. Крайне затратной оказалась его попытка обзавестись собственным флотом на сибирских реках, так как судовладельцы отказывались от убыточной для них перевозки переселенцев с их скарбом. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин высказались за необходимость увеличения государственных затрат на развитие созданных к тому времени казенных пароходств на Енисее, Ангаре, Лене и других реках. В качестве временной меры они предлагали управлению заключать долгосрочные договоры с судовладельцами с включением в них компенсационных оплат по переселенческой смете.

Не оправдала себя апробированная Переселенческим управлением практика передачи переселенческих участков под вырубку лесопромышленникам, которые должны были производить расчистку вырубленных ими делян, так как доходы от заготовки леса в удаленных от потребителей местах не покрывали затрат на раскорчевку. Тем не менее министры считали, что управлению нужно было найти способ до прихода переселенцев производить расчистку хотя бы одной десятины из надела.

Так как в условиях нехватки рабочих рук и финансовых средств управление не успевало прокладывать проселочные дороги, то министры считали, что их прокладкой могли бы заниматься сами переселенцы в случае предоставления им ссуд. А Переселенческому управлению лучше бы было сосредоточиться на строительстве сборных узкоколейных дорог в плотно заселенных переселенческих районах для доставки зерна к Сибирской железной дороге ([Записка председателя Совета министров, 1910: 7, 12, 14, 22, 27, 36-38, 48-49](#)).

Во время инспекционной поездки П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин пришли к выводу о необходимости изменения созданной пять лет назад модели организации переселенческого дела, в соответствии с которой Переселенческое управление отводило в Сибири душевые наделы под заселение для каждой губернии европейской части страны и на них направлялись ходоки.

Но по мере заселения удобных для сельскохозяйственной деятельности территорий Западной Сибири эта модель стала давать сбои. Два года подряд перед инспекционной поездкой 70 % ходоков возвращались из Сибири, отказавшись брать выделенную землю, которая, по их мнению, требовала слишком высоких трудозатрат для разработки.

К лету 1910 г. в Западной Сибири скопилось около 700 тыс. самовольных переселенцев, требовавших предоставления им удобной земли. В Томской губернии насчитывалось более 200 тысяч переселенцев, которые не хотели ехать дальше на восток, где в совокупности было около 200 тыс. подготовленных для них долей ([Записка председателя Совета министров, 1910: 7, 29](#)).

Выход из сложившегося положения П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин видели в сокращении земельных долей переселенцев на наиболее востребованных для переселения территориях Западной Сибири с положенных 15 до 12 десятин и введении здесь платы за землю, дифференцированной в зависимости от качества и удаленности наделов.

В свою очередь, переселенцы с ограниченными финансовыми возможностями могли бесплатно получать участки в невостребованном переселенческом фонде Средней, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Побудить их к этому предполагалось за счет создания льготных условий для проезда на восточные территории и оказания денежной помощи для адаптации на новых местах ([Записка председателя Совета министров, 1910: 20, 32-34](#)).

Переселенцы предпочитали селиться здесь на привлекательных для них землях, отрезанных у старожилов после принятия 23 мая 1896 г. закона о поземельном устройстве крестьян и инородцев, живших на казенных сибирских землях губерний Енисейской, Иркутской и др. По этому документу размер душевого земельного надела для землепашества должен был составлять 15 десятин ([О главных основаниях, 1896](#)). Теперь министры предлагали ускорить изъятие отрезков у старожилов. На них только в Иркутской губернии Переселенческое управление могло выделить почти половину земельных долей, запланированных для всей губернии ([Записка Председателя Совета министров, 1910: 80, 86](#)).

Старожилы вынуждены были отдавать Переселенческому управлению часть используемых ими земель и покосов, превышавших норму. Под влиянием пришлого населения, предлагавшего свою рабочую силу, покупавшего скот и продукты питания, снимавшего жилье в аренду, они вынуждены были приспосабливаться к новым для них товарно-денежным отношениям.

Государству нужна была семья как обособленная хозяйственная ячейка, работавшая на себя, вступающая в товарно-денежные отношения и способная регулярно платить ему положенные налоги и подати. Для преодоления общинного коллективизма переселенцев из старорусских губерний П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин предлагали выделять им по возможности земли для создания отрубов и хуторов. Чтобы Переселенческое управление успевало производить необходимые землеустроительные работы, они требовали увеличить численность межевых партий и количество их сотрудников.

П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин предлагали в Сибири, где земли были казенными, кабинетскими или войсковыми, так же твердо, как и в европейской части страны, начать продвижение частной собственности, не допуская возрождения на новых местах «тягостных для земледелия общинно-уровнительных порядков» ([Записка председателя Совета министров, 1910: 32, 60](#)).

По мнению министров, эта мера должна была способствовать развитию индивидуальной инициативы сибирских крестьян и дать переселенцам гарантии того, что их труды по введению полученной земли в хозяйственный оборот не будут напрасными ([Записка председателя Совета министров, 1910: 56](#)).

Передача старожилам, переселенцам и оседлым инородцам их наделных земель в частную собственность позволила бы государству снять с себя ответственность за бесконечное изыскание земель для раздачи и включить механизм их перераспределения через куплю и продажу. В новых условиях оно могло бы сосредоточиться на вопросах предоставления переселенцам кредитов на покупку земли у старожилов.

Наряду с созданием условий для развития мелких крестьянских хозяйств, министры выступали за создание в Сибири крупных частных специализированных предприятий, которые могли бы показывать крестьянам пример в совершенствовании земледелия, повышении плодородия почв, развитии молочного животноводства и овцеводства ([Записка председателя Совета министров, 1910: 120](#)).

П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин считали, что главными направлениями хозяйственной специализации Сибири на длительную перспективу должны быть сельскохозяйственное производство, добыча и поставка на мировой рынок сырья с возможностью вывоза части произведенной продукции Северным морским путем. По их мнению, в Сибири еще не сложились необходимые условия для развития обрабатывающей промышленности в виде капиталов, квалифицированной рабочей силы и платежеспособного спроса населения ([Записка председателя Совета министров, 1910: 115](#)).

Меры, предпринятые после инспекционной поездки в Сибирь П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, позволили ускорить процесс переселения и за 1906–1916 гг. переместить в Сибирь 370000 человек ([Березин, 1929: 272](#)). Это дало импульс транспортному и промышленному развитию Сибирского региона. В Министерстве путей сообщения велась подготовка к строительству железнодорожной ветки Томск–Енисейск, благодаря которой планировалось расширить колонизационный фонд земель для переселенцев, получить доступ к лесным массивам Енисейского Севера и создать условия для организации перевозок по Северному морскому пути ([Колосовский, 1927: 273](#)). Даже в годы Первой мировой войны здесь продолжали строиться Алтайская, Кольчугинская, Кулундинская железные дороги и железная дорога Ачинск–Минусинск. Предприниматели Урала и Сибири в этот период стали заниматься проработкой вопроса о налаживании металлургического производства на основе уральской руды и кузнецких углей.

5. Заключение

Освоение и хозяйственное развитие Сибири зависело от успешной реализации курса государства на ускоренную модернизацию Российской империи с превращением ее в промышленно развитую державу. Министерство финансов сумело на основе российского и зарубежного опыта определить необходимые для этого направления долговременной финансовой и экономической политики и придать ей комплексный характер. Министерство стало управленческим центром, который обеспечил перевод денежной системы страны на золотое содержание, ввел винную монополию, привлек в Россию иностранные кредиты, направил финансовые средства в пользу приоритетных направлений промышленного развития, использовал для финансирования государственных проектов коммерческие банки. Министерство финансов использовало тарифную политику для поддержки российских предпринимателей и вместе с тем привлекало в Россию зарубежные инвестиции и предпринимателей. Его руководители осознавали необходимость ликвидации крестьянской общины, тормозившей процесс модернизации страны.

Строительство Сибирской железной дороги позволило ускорить разрушение общины в европейской части России, заселение и хозяйственное развитие Сибири. В организации строительства и переселенческой деятельности использовались элементы планирования. Государственная политика, направленная на развитие территории всей страны, способствовала модернизации сибирского региона за счет вовлечения его в общероссийское и международное разделение труда, специализации на производстве экспортной продукции, создании потенциала для дальнейшего транспортного и промышленного развития.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации Проекта "Роль плановых органов государственного управления в социально-экономическом развитии Красноярского края (экономико-исторический аспект)" № 2020020605932, поддержанного Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- Алексеев, 2015** – Алексеев В.В. Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. // *Уральский исторический вестник*. № 4 (49). 2015. С. 6-15.
- Алексеев, 2017** – Алексеев В.В. Фронтальная модернизация в имперской России // *Вестник ЮрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 2. С. 6-13.
- Белянин, 2008** – Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика как национальный проект // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2008. № 1. С. 104-109.
- Березин, 1929** – Березин Н. Лесозаготовка и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством // *Плановое хозяйство*. 1929. № 7. С. 272-283.
- Брюханова, 2013** – Брюханова Е.А. Модели реконструкции профессиональной структуры населения Сибири по данным переписи 1897 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 369. С. 67-69.
- Буфетова, 2017** – Буфетова Л.П. Состояние и проблемы экономики России на рубеже XIX–X вв. // *ЭКО*. 2017. № 11. С. 47-61.
- Важенин, Сухих, 2015** – Важенин С.Г., Сухих В.В. Противоречия экономической интеграции Сибири в политике С.Ю. Витте // *ЭКО*. 2015. № 12. С. 165-179.
- Витте, 1912** – Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. 568 с.
- Витте, 1991** – Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. / С.Ю. Витте. М.: Мысль, 1991. 708 с.
- Волков, 2007** – Волков В.В. Экономическая модернизация России в XVIII – начале XX в. в современной отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 79-88.
- Давыдов, 2017** – Давыдов М.А. Модернизация Витте–Столыпина и ее специфика // *ВТЭ*. 2017. № 1. С. 109-130.
- Записка Председателя Совета министров, 1910** – Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. 169 с.
- Казаков, 2016** – Казаков Е.Э. Становление промышленного маслоделия Сибири в начале XX в. Роль А.Н. Балакшина // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2016. С. 105.
- Канн, 2008** – Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 129-131.
- Канн, 2014** – Канн С.К. А.Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги // *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (17 – начало 20 века)*. Новосибирск, 2014. С. 218-233.
- Коковцев, 1991** – Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. 590 с.
- Колосовский, 1927** – Колосовский Н.Н. Сибирская сверхмагистраль и проекты сибирского железнодорожного строительства Н.К. Мекка // *Плановое хозяйство*. 1927. № 9. С. 273-280.
- Кузнецов, 2014** – Кузнецов В.Н. Предпринимательство и процессы модернизации Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Северо-Западного района). СПб., 2014.
- Ламин, 2009** – Ламин В.В. Карские экспедиции // *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009.
- Малюшин, 2015** – Малюшин И.И. С.Ю. Витте о долговременной экономической политике России // *Проблемы современной экономики*. 2015, № 2 (54). С. 370-372.
- Менделеев, 1950** – Менделеев Д.И. Докладная записка для министра финансов И.А. Вышнеградского. Материалы для пересмотра тарифа Российской империи по Европейской торговле. Связь частей общего таможенного тарифа. Ввоз товаров // *Сочинения*. Т. XVIII. Экономические работы. Т. I. Л.-М., 1950.
- Менделеев, 1952** – Менделеев Д.И. Об исследовании окраин России. Выписка из второго общего собрания VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20 по 30 декабря 1879 г. // *Сочинения*. Т. XXI. Экономические работы. Т. IV. Л.-М., 1952. С. 21-23.
- Менделеев, 1952** – Менделеев Д.И. Отношение между сельским хозяйством и другими видами промышленности // *Сочинения*. Т. XXI. Экономические работы. Т. IV. Л.-М., 1952. С. 351-358.
- Николаев, 2016** – Николаев А.А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // *ЭКО*. 2016. № 6.

О главных основаниях, 1896 – О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. 23.05.1896 г. / Департамент законов. 1896. 722 л. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/877251>

Ремнев, 2009 – Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) // *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009.

Сенявский, 2012 – Сенявский А.С. Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*. Челябинск, 2012.

Соловьев, 2016 – Соловьев К.А. Анатолий Николаевич Куломзин и его «Воспоминания»: Вступительная статья // Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 6-17.

Степанов, 1998 – Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998.

Тимофеев, 2017 – Тимофеев А.А. Роль Транссиба в государственной миграционной политике России (1891–1914 гг.) // *Вестник ЮУрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17 № 3. С. 57-63.

Ус, 2006 – Ус Л.Б. Предисловие // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Сборник документов. Новосибирск, 2006.

Шиловский, 2009 – Шиловский М.В. Хозяйственное освоение Арктики в дореволюционной России // *ЭКО*. 2009. № 2 (10). С. 166-180.

References

Alekseev, 2015 – Alekseev, V.V. (2015). Gosudarstvo kak aktor modernizatsii Rossii na rubezhe XIX i XX vv. [State as the initiator of the modernisation of Russia on the cusp of the 19th and 20th centuries]. *Uralskii istoricheskii vestnik*. 4(49): 6-15. [in Russian]

Alekseev, 2017 – Alekseev, V.V. (2017). Frontirnaia modernizatsiia v imperskoi Rossii [Frontier modernisation of the Imperial Russia]. *Vestnik YuurGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2(17): 6-15. [in Russian]

Belyanin, 2008 – Belyanin, D.N. (2008). Stolypinskaya pereselencheskaya politika kak natsionalny proekt [Stolypin's resettlement policy as a national project]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1: 104-109. [in Russian]

Berezin, 1929 – Berezin, N. (1929). Lesoekspluatatsiya i kolonizatsiya sibirskoi taigi v svyazi s zheleznodorozhnym stroitelstvom [Timber exploitation and colonization of the Siberian taiga in connection with railway construction]. *Planovoe khozyaistvo*. 7: 272-283. [in Russian]

Bryukhanova, 2013 – Bryukhanova, E.A. (2013). Modeli rekonstruktsii professionalnoi struktury naseleniya Sibiri po dannym perepisi 1897 g. [Models of the professional structure reconstruction of the Siberian population according to the census of 1897]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 369: 67-69. [in Russian]

Bufetova, 2017 – Bufetova, L.P. (2017). Sostoianie i problemy ekonomiki Rossii na rubezhe XIX – XX vv. [Economic situation and problems on the cusp of the 19th and 20th centuries]. *EKO*. 11: 47-61. [in Russian]

Davydov, 2017 – Davydov, M.A. (2017). Modernizatsiia Witte – Stolypina i ee spetsifika [Witte's and Stolypin's modernisation and its specificity]. *VTE*. 1: 115. [in Russian]

Kann, 2008 – Kann, S.K. (2008). Komitet Sibirskoi zheleznoi dorogi (1892–1905 gg.) kak organ upravleniia natsionalnym proektom [Siberian railway committee (1892–1905) as a national project governing body]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3: 129-131. [in Russian]

Kann, 2014 – Kann, S.K. (2014). A.N. Kulomzin o pereselencheskoi politike Komiteta Sibirskoi zheleznoi dorogi [A.N. Kulomzin on relocation policy of the Siberian railway committee]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (17 – nachalo 20 veka)*. Novosibirsk. Pp. 218-233. [in Russian]

Kazakov, 2016 – Kazakov, E.E. (2016). Stanovlenie promyshlennogo maslodeliya Sibiri v nachale XX v. Rol A.N. Balakshina [Formation of industrial butter manufacturing in Siberia at the beginning of the 20th century. Role of A.N. Balakshin]. *Interespo Geo-Sibir*. 1(5): 105. [in Russian]

Kokovtsev, 1991 – Kokovtsev, V.N. (1991). Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1911-1919 [From my past. Memories of 1911–1919]. М. 590 p. [in Russian]

Kolosovsky, 1927 – Kolosovsky, N.N. (1927). Sibirskaya sverkhmagistral i proekty sibirskogo zheleznodorozhnogo stroitelstva N. K. Mekka [Siberian superrailway and Siberian railway construction projects of N.K. Mekka]. *Planovoe khozyaistvo*. 9: 273-280. [in Russian]

Kuznetsov, 2014 – Kuznetsov, V.N. (2014) Predprinimatel'stvo i protsessy modernizatsii Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka (na materialakh Severo-Zapadnogo raiona) [Entrepreneurship and the modernization processes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from the North-West region)]. St. Petersburg. [in Russian]

Lamin, 2009 – Lamin, V.V. (2009). Karskie ekspeditsii [Kara expeditions]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. [in Russian]

Maliushin, 2015 – *Maliushin, I.I.* (2015). S.Iu. Witte o dolgovremennoi ekonomicheskoi politiki Rossii [Witte S. on the long-term economic policy of Russia]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2(54): 370-372. [in Russian]

Mendelev, 1950 – *Mendelev, D.I.* (1950). Dokladnaya zapiska dlya ministra finansov I.A. Vyshnegradskogo. Materialy dlya peresmotra tarifa Rossiiskoi imperii po Evropeiskoi torgovle. Svyaz chastei obshchego tamozhennogo tarifa. Vvoz tovarov. [Internal report for Finance Minister I.A. Vyshnegradskiy. Materials for the Russian Empire tariff revision on European trade. Parts connection of a common customs tariff. Importation of goods.]. *Sochineniya*. Vol. 18. *Ekonomicheskie raboty*. Vol. 1. Leningrad – Moscow. [in Russian]

Mendelev, 1952 – *Mendelev, D.I.* (1952). Ob issledovanii okrain Rossii. Vypiska iz vtorogo obshchego sobraniya VI syezda russkikh estestvoispytatelei i vrachei v S.-Peterburge s 20 po 30 dekabrya 1879 g. [On the study of the Russian outskirts. Extract from the second general meeting of the VI Congress of Russian Naturalists and Physicians in St. Petersburg from 20 to 30 December 1879]. *Sochineniya*. Vol. 21. *Ekonomicheskie raboty*. Vol. 4. Leningrad – Moscow. Pp. 21-23. [in Russian]

Mendelev, 1952 – *Mendelev, D.I.* (1952). Otnoshenie mezhdru selskim khozyaistvom i drugimi vidami promyshlennosti [Relationship between agriculture and other industries]. *Sochineniya*. Vol. 21. *Ekonomicheskie raboty*. Vol. 4. Leningrad – Moscow, pp. 351-358. [in Russian]

Nikolaev, 2016 – *Nikolaev, A.A.* (2016). Kak Sibir v nachale KhKh v. okazalas v tsentre mirovoi torgovli maslom [How Siberia found itself in the center of the world butter trade at the beginning of the 20th century]. *EKO*. 6: 38, 39 [in Russian]

O glavnykh osnovaniyakh, 1896 – O glavnykh osnovaniyakh pozemel'nogo ustroystva krestyan i inorodtsev, vodvorivshikhsya na kazennykh zemlyakh gubernii Tobolskoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi. 23.05.1896 g. [On the main foundations, 1896 – On the main foundations of the land arrangement of peasants and foreigners who settled on the state lands of the Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces. May 23, 1896]. *Departament zakonov*. 1896, 722 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/877251>

Remnev, 2009 – *Remnev, A.V.* (2009). Komitet Sibirskoi zheleznoi dorogi (KSZhD) [Siberian Railway Committee]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. [in Russian]

Seniavskii, 2012 – *Seniavskii, A.S.* (2012). Ekonomicheskoe razvitie Rossii v XX veke: istoriko-teoreticheskie problemy [Economic development of Russia in the 20th century: historical and theoretical problems]. *Mobilizatsionnaya model ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka*. Chelyabinsk. [in Russian]

Shilovskiy, 2009 – *Shilovskiy, M.V.* (2009). Khozyaistvennoe osvoenie Arktiki v dorevolutsionnoi Rossii [Economic development of the Arctic in pre-revolutionary Russia]. *EKO*. 2(10): 166-180. [in Russian]

Solovyov, 2016 – *Solovyov, K.A.* (2016). Anatoly Nikolaevich Kulomzin i ego «Vospominaniya»: Vstupitel'naya stat'ya [Anatoly Nikolaevich Kulomzin and his "Memories": Introductory article]. *Kulomzin A.N. Perezhitoe. Vospominaniya*. Moscow, pp. 6-17. [in Russian]

Stepanov, 1998 – *Stepanov, V.L.* (1998). N.Kh. Bunge: sud'ba reformatora [Reformer's fate]. Moscow. [in Russian]

Timofeev, 2017 – *Timofeev, A.A.* (2017). Rol' Transsiba v gosudarstvennoi migratsionnoi politike Rossii (1891–1914 gg.) [The role of the Trans-Siberian Railway in the state migration policy of Russia (1891–1914)]. *Vestnik YuUrGU*. 17(3): 57-63. [in Russian]

Us, 2006 – *Us, L.B.* (2006). Predislovie [Introduction]. *Sibirskie pereseleniya*. Vypusk 2. Komitet Sibirskoi zheleznoi dorogi kak organizator pereselenii. Sbornik dokumentov. Novosibirsk. [in Russian]

Vazhenin, Suhikh, 2015 – *Vazhenin, S.G., Suhikh, V.V.* (2015). Protivorechiia ekonomicheskoi integratsii Sibiri v politike S.Iu. Witte [Contradictions in the economic integration of Siberia in politics by S. Witte]. *ECO*. 12: 165-179. [in Russian]

Witte, 1912 – *Witte, S.Iu.* (1912). Konspekt lektcii o narodnom i gosudarstvennom hozyaistve, chitannykh ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu kniaziiu Mihailu Alexanderovichu v 1900–1902 gg. [Compendium of lectures on nation and state economy read to his imperial highness grand duke Mikhail Alexandrovich in 1900–1902]. St. Petersburg, 568 p. [in Russian]

Witte, 1991 – *Witte, S.Iu.* (1991). Izbrannye vospominaniia. 1849–1911 gg. [The selected memories 1849–1911]. Moscow. *The Thought*, 708 p. [in Russian]

Volkov, 2007 – *Volkov, V.V.* (2007). Ekonomicheskaya modernizatsiia Rossii v XVIII – nachale XX v. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [Economic modernisation of Russia in the 18th – beginning the 20th centuries in modern national historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1: 79-88. [in Russian]

Zapiska Predsedatelya Soveta Ministrov, 1910 – Zapiska Predsedatelya Soveta Ministrov i Glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Sibir i Povolzhie v 1910 g. [Note of the Chairman of the Council of Ministers, 1910–Note of the Chairman of the Council of Ministers and the Chief Administrator of Land Management and Agriculture on a trip to Siberia and the Volga region in 1910]. St. Peterburg, 1910, p. 169. [in Russian]

Деятельность государственных органов по развитию Сибири в период модернизации Российской империи (1892–1914 гг.)

Сергей Тихонович Гайдин ^{а, *}, Галина Александровна Бурмакина ^а,
Руслан Витальевич Павлюкевич ^а, Татьяна Гавриловна Шереметова ^а

^а Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности государственных органов по хозяйственному освоению и развитию Сибири. Она осуществлялась в условиях проведения государством политики модернизации, нацеленной на превращение аграрной страны в индустриальную державу. Поэтому мобилизационные возможности органов государственной власти по заселению и развитию Сибири зависели от успеха его долговременной финансовой и экономической политики. Министерство финансов сумело стабилизировать финансовую систему за счет перевода денежной системы страны на золотое содержание, привлечения иностранных кредитов, комплексного использования других источников пополнения бюджета. Оно поощряло предпринимательскую деятельность, привлекало в Россию зарубежные инвестиции и технологии, разрабатывало меры по разрушению крестьянской общины, существование которой сдерживало процесс модернизации страны.

Накопление финансовых средств, развитие промышленности и железнодорожного транспорта позволило государству начать строительство Сибирской железной дороги и переселение населения из европейской части страны. Комитет Сибирской железной дороги использовал в своей работе плановые начала. Координация им усилий различных министерств и ведомств позволила соединить Сибирь с европейской частью страны, обеспечить развитие ее хозяйства в рамках общероссийского и международного разделения труда. Это создало условия для ускорения процесса модернизации, связанного с разрушением крестьянской общины и организацией «стольпинского» переселения. Государство было заинтересовано в создании крепких переселенческих хозяйств и рассматривало переселенцев как силу, способную разрушить натуральное хозяйство старожилов.

Строительство Сибирской железной дороги и приток переселенческого населения обусловили развитие в Сибири традиционных отраслей промышленности и создание новых, связанных с обслуживанием железнодорожного и водного видов транспорта. Специализация сибирских крестьян на молочном животноводстве привела к созданию маслоделия как отрасли производственной деятельности экспортного характера. Хозяйственное освоение Сибири позволило ускорить процесс модернизации не только в европейской части страны, но и в самом сибирском регионе.

Ключевые слова: модернизация Российской империи, Сибирь, Министерство финансов, национальные проекты, долговременная государственная политика, межведомственный орган управления, плановые начала, Сибирская железная дорога.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gaydinsergey@rambler.ru (С.Т. Гайдин),
burmakinagalina@rambler.ru (Г.А. Бурмакина), autocrator@yandex.ru (Р.В. Павлюкевич),
sheremetova1951@mail.ru (Т.Г. Шереметова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2790-2797. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2790
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The History of Resettlement to Siberia in the late XIXth and early XXth centuries Captured in the Family-Patrimonial Memory

Larissa Yu. Logunova^{a,*}, Ekaterina A. Mazhenina^a, Vladislav A. Rychkov^a

^a Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract

Family-patrimonial memory is a type of social memory, its lowest level. The conventional content of social and family-patrimonial memory is the basis of community solidarity. Family-patrimonial memory connects the tearing tissue of time through the mechanism of social inheritance. Descendants inherit the symbolic capital of victories, achievements, historical tragedies in the form of images of memory, which are socially differentiated and create mnemonic clusters contradictory in content. The content of family-patrimonial memory is consonant with the sociocode of community memory. Family-patrimonial memory not only fixes facts, but also evokes a historically conditioned feeling associated with involvement in the events of the past, in the territory with which people are connected by a single historical destiny. The history of Siberia is represented by the facts of "historical truth" recorded in the documents, and the truth of memory resounding in the oral histories of Siberians ("the voices of the silent").

The article shows the experience of working with a hybrid methodological complex, created to study the content of family-patrimonial memory of siberians. To understand the historical event, a mixture of various approaches of the humanities based on the principle of interdisciplinarity was used.

Keywords: family-patrimonial memory, sociocodes of memory, hybrid research complex, politics of memory.

1. Введение

Социальная память является ресурсом человечества, дающим поддержку жизненной энергии общности в кризисные периоды истории, наполняет повседневную жизнь человека опытом предков, неосознаваемыми образами памяти. Она создает, сохраняет, транслирует коллективный опыт, необходимый для выживания потомков. Это чистая политически независимая память народа.

Семейно-родовая память – вид социальной памяти общности, ее низовой уровень. Это основа символической программы межпоколенного наследования, интегрирующая индивидуальную память в структуры глобальной социальной памяти. Семейно-родовая память репрезентативна, представляет историю семьи для социального окружения, она избирательна: люди помнят о событиях, отразившихся на судьбах их родственников, не обращая внимания на то, чем гордятся политики, определяя важность исторических моментов для страны. Семейно-родовая память имеет объем, границы, длительность, глубину. Эти ресурсы и естественные ограничения памяти позволяют общности помнить события, затрагивающие счастливые периоды жизни рода, и забывать нейтральные, травматические ситуации, «неудобных» родственников.

Семейно-родовая память рождает исторически обусловленное чувство, связанное с причастностью к событиям прошлого, исторической судьбе общности. Это чувственная фиксация события. Вместе с фактами потомкам передаются эмоции, сопряженные с пониманием данных

* Corresponding author

E-mail addresses: vinsky888@mail.ru (L.Yu. Logunova), ekka0808@mail.ru (E.A. Mazhenina), Vladislav-rychkov@ya.ru (V.A. Rychkov)

фактов. Истоки патриотизма покоятся не на лозунгах, но на культивировании чувства принадлежности семейной истории к истории государства.

События переселения в Сибирь семейно-родовая память сохранила в преданиях и семейных историях. Сибиряк определяет свою идентичность, в том числе и по длительности семейно-родовой памяти, сохраняющей факты переселения. Достоверность информации, пересказанной потомком в третьем поколении, можно подвергнуть сомнению. Это уже репрезентативная картина о семье, которую хотят представить информанты. Отселектированные события сохраняют облик исторического действия, прожитого людьми, зафиксированного в качестве социального опыта, переданного как символическое наследие потомкам. При сравнении с фактами, сохраняющимися в официальных нарративах, можно увидеть социокультурную и культурно-историческую картину вольного переселения крестьян в Сибирь.

История без картин семейно-родовой памяти, представляющих оппозиционные образы, не воспринимается людьми в качестве неоспоримого факта. Таким образом, актуализируется проблема изучения «голосов молчащих», сохраняющих фактографическую и эмоциональную память об истории заселения Сибири. Теоретические обобщения, связанные с проблемой «исторической правды», выводятся из сравнительного анализа нарративов официального и неофициального характера при изучении устных историй, индивидуальных биографических случаев.

2. Материалы и методы

В основу исследования положен междисциплинарный подход, дополненный культурно-историческим, феноменологическим, событийным, компаративным подходами. Такая методологическая позиция способствует объединению макропроцессов культуры и личного уровня понимания этих процессов, соединению методического потенциала разных гуманитарных наук. Методы, соответствующие данным подходам (социокультурный анализ, сравнительный анализ, интервью, метод восстановления истории семьи (ВИС), биографический метод, анализ социоклада памяти, генеалогический метод), комбинируются в гибридный исследовательский комплекс. Гибридизация определяет состыковку методов разных дисциплин гуманитарного цикла с целью осмысления социальных и исторических фактов в разных плоскостях анализа (социологического, исторического, герменевтического).

С помощью концепта «семейно-родовая память» фиксировались передаваемые по наследству образы и смыслы памяти. Эмпирическим материалом послужили глубинные интервью сибиряков. Истории, факты, связанные с процессами переселения, мирной жизни, раскулачивания, репрессий, жизни в военное время, сохранившиеся в семейно-родовой памяти, иллюстрируют теоретические концепты настоящего исследования. Банк данных историй семьи собран в 2001–2020 гг. Четвертая часть из 836 историй содержит воспоминания о переселении предков в Сибирь (Логунова, 2007). Аргументация теоретических положений построена на иллюстрации фрагментов нарративов из архива исследователей. Смысловую картину событий дополнили исторические документы, мемуары, публицистика.

Основная тактическая методика – глубинное интервью, ВИС. Информантами были наследники памяти очевидцев исторических событий в третьем поколении. При анализе устных историй все интерпретации событий прошлого признаются корректными; ошибки памяти с их смыслами самоценны.

Мы представляем правду памяти, сохраненную в воспоминаниях членов семей, переселившихся в Сибирь из Европы. Реальная историческая картина могла отличаться от того, что сохранила семейно-родовая память людей. Историк фиксирует факты переселения, но не интерпретации переживания людьми данных фактов. Представленный в исторической науке процесс переселения осмысливается как факт политики правительства по решению земельного вопроса. В меньшей степени уделяется внимание мотивам, воле, инициативам, чувствам людей, образовавших общность с особым свойством – «сибирство», написавших своими судьбами дореволюционную историю Сибири.

Инструментом для обоснования понимания события становится смысл. Концепция нарратива (П. Рикёр) определяет нарратора субъектом, артикулирующим событие и конструирующим его смысл. Этот смысл не может быть правильным или ошибочным, он не бывает нейтральным. Любой нарратив имеет субъективную смысловую конструкцию.

3. Обсуждение

Социальная память изучается в гуманитарных науках с начала XX в. Основы концепции коллективной памяти (социальной) заложил М. Хальбвакс. Коллективная память – социальный конструкт, созданный общностью. В интегрирующем ядре социальной памяти находится ценностная основа культуры общности, которая ограничивает «рамки» мнемического восприятия людьми действительности (Хальбвакс, 1925). Следовательно, социальная (коллективная) память отличается от истории, созданной учеными. Исследования коллективной памяти в культурно-историческом контексте оформили в особый стиль представители школы «Анналов» (Блок, 1986; Бродель, 1986).

История сквозь нагромождение дат и событий в их понимании предстала как наука о людях, переживающих данные события. Коллективная память – портрет людей эпохи, она содержит их мировоззрение, понимание ими сути исторических событий, которое они передают младшим поколениям (М. Блок). Школой «Анналов» был обоснован принцип методологического плюрализма – предтечи междисциплинарного подхода, что делало возможным переход от исторических фактов к исторической интерпретации.

Интересны работы зарубежных исследователей, посвященные социальной памяти: М.К. Палат (Палат, 2012), Т. Морис-Сузуки (Morris-Suzuki, 2005), Б.А. Мистал (Misztal, 2010), Т. Батлер (Butler, 1989). Исследуется проблема интерпретации содержания социальной памяти (Рикёр, 1998). Политика памяти концептуально оформлена П. Нора (Le Goff, 1978). К концу XX в. сформировалась «глобальная концепция памяти», осмысляющая все проявления жизни людей, запечатленные в образах памяти.

Для понимания процесса трансляции образов социальной памяти в межпоколенном взаимодействии использовались методы социальной генеалогии. Л.М. Савелов подчеркивал, что социальная генеалогия не поддается строгому определению, она связана с духовной жизнью семей (Савелов, 1909: 21). В 1960–1970-е гг. сформировалось направление комплексных генеалогических исследований, генеалогия оформилась как синтетическая макродисциплина по истории родовой сущности людей (Борисенко, 1993: 61; Медушевская, 1992: 17). Применение методов генеалогии позволяет увидеть в многообразии судеб структурирование законов жизни в мире людей, особенности проявления свойств семейно-родовой памяти. Историческая позиция представлена в работах, описывающих путь переселенцев в Сибирь (Кауфман, 1905; Тернер, 1897), социокультурную специфику края, взаимодействие старожилов и новоселов (Пыпин, 1888), проблемы Сибири XIX в. (Ядринцев, 1882). В результате получилась историческая, социокультурная, эмоционально насыщенная картина вольного переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.

4. Результаты

Семейно-родовая память, воплощаясь в неофициальных нарративах, избегает точных дат (*это было до революции..., когда моя бабушка была молодой...*), допускает разночтения в интерпретации исторических событий. Она связана со смысловым ядром социоклада общности, который есть первоначально самопонимания и культуры общности. Он содержит ценностные и событийные смыслы, конвенциальные и сакральные, мифические и имеющие реальные основания о первособытии, первопродке, прародине. Понимание социоклада помогает объяснить специфику ментальности, коллективные решения, поведение людей, особенность переплетений судеб территории, государства и нации.

Население Сибири формировалось миграционными волнами, начиная с конца XVI в. процесс заселения и освоения территории, в основном, шел стихийно, «самотеком». Правительственные переселенческие мероприятия стимулировали эти процессы, но охватывали их лишь частично. Пожилая сибирячка рассказывала, что семья ее матери переехала из Украины в Томскую губернию (современная территория Новосибирской области), объясняя это общим переселенческим движением крестьянства на восток. Она вспоминает, что у семьи было достаточно денег, чтобы на новом месте «поднять свое хозяйство» (информатор В.Г.)¹.

После 1861 г. началась очередная волна вольного переселения крестьян из «коренной России». В архиве хранится воспоминание крестьянина И.Е. Белякова о том, как его односельчане начали переселение в Сибирь по Высочайшему разрешению, которое пришло 7 мая 1895 года. Крестьяне стали массово продавать дома, скот, посевы «за бесценок, а то и даром – на помин души... По улице – пыль, дым... Потянулись обозы, навьюченные нажитым еще дедушкиной спиной добром...». (Письмо крестьянина..., 1899: 1-14).

Крестьяне обращались с «покорнейшим прошением» к «Его Высокопревосходительству Г-ну Министру государственных имуществ», имея волю уехать в Сибирь. *По желанию нашему ... всего 50 душ покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство благоволите оказать отеческую милость нам, двадцати трем семействам, крестьян села Царевщины, угнетенным бедностью от недостатка земли, благоволите учинить Ваше распоряжение о перечислении нас в Томскую губернию.* Документ сообщает, что крестьяне просят выделить им земли, чтобы они «могли с нашими семействами существовать безбедно и платить государственные подати и повинности безнедоимочно, ... и затем по крайней бедности нашей благоволите, Ваше Высокопревосходительство, выдать нам из Казны денежное пособие на подъем и проезд» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 53 (1867). Д. 356. Л. 2-3 об.). По наблюдениям Ф. Тернера, переезд в Сибирь обходился крестьянскому семейству от 75 до 115 рублей (Тернер, 1897: 60).

Крестьян вела в Сибирь надежда на «хорошую и сытную жизнь» на новых землях. Это основной рефрен в нарративах о переселении. *«Мой предок Петр Арсеньевич Нораев приехал в село Старо-*

¹ Здесь и далее публикуются фрагменты нарративных интервью, проведенных авторами исследования с 2001–2020 по проблеме семейно-родовой памяти сибиряков.

Гутово Томской губернии из Могилевской губернии (д. Брыли). Там он работал на мельнице и в конюхах у барина. Точная дата переселения неизвестна, где-то в конце XIX века. Они ехали в Сибирь в поисках богатых земель, с надеждой разбогатеть. В начале лета семья моего предка приехала. До наступления холодов успели построить дом, купить корову». Похожие свидетельства о переселении звучат в историях половины информантов. «Мякишев Павел Григорьевич с женой Матреной Васильевной приехали в Сибирь из Вятки. Непогодная почва и неурожай заставили их искать новые свободные земли».

Жители Томской губернии, переселенцы из Полтавщины, своим родственникам и землякам писали о впечатлениях и обустройстве в Сибири. Вот, например, адрес, который сообщает переселенец своим братьям: «Пишите в Томскую губернию Барнаульского округа, Ляпинскую волость, заселок Новоразинский». Мужчина пишет, что «выехал на вольные степи: сена косить можно, сколько желаешь, и пахать для хлеба то же самое, сколько угодно и силы хватит; мы имеем у себя скота: четыре лошади и три коровы дойных, а куплены по десять рублей каждая штука; ... мы хлеба накупили на корню на сорок два рубля и молотили сто пудов пшеницы» ([Переселения из Полтавской губернии, 1900: 394](#)).

Потомки переселенцев сообщали в интервью, что их деды искали свободные земли. Они выделялись из своих общин готовностью идти на риски, менять жизнь. «Сибирство» – это особая социально-духовная характеристика, описывающая тех жителей сурового края, живущих по правилам достоинства, уважения к порядку, «не терпящих стеснений» ([Ровинский, 1875: 82](#)), энергичных и мобильных. Это качество людей особого свойства, получившего название «сибирский характер». Семейно-родовая память сибиряков сохранила факты переселения. Представители старшего поколения с теплом вспоминали свою родину, с уважением – холодное достоинство, с которым их встретила Сибирь. *19 августа 1894 г. в святой праздник Преображения Господня в составе первых 60 переселенцев мой прадед Мефодий Меркулович с женой Анисьей Пантелеевной и двумя сыновьями прибыл на необжитую землю. Поселение, основанное ими, назвали Преображенка» (история семьи Н.). «Прадед приехал из Самары в Сибирь вместе с родственниками. Семейный клан переселенцев состоял из четырех семей. Они поселились в чалдонском поселке. Сначала жили все в одном доме. Стали строить свои дома на окраине села. Право поселиться в новом доме решали жребием. Завели скотину, купили водяную мельницу. Разбогатели» (история семьи И.). Более бедные семьи переселенцев на новом месте были вынуждены наниматься к местным жителям в работники, чтобы прокормить свои семьи: «Когда Григорий Калинович Чаленко и его жена Пелагея Афанасьевна приехали в Сибирь, у них ничего не было. Они ходили на заработки к чалдонам. Вокруг была непроходимая тайга. Григорий Калинович вырубал лес и строил избу-пятистенку. Потом он отдал этот дом сыну Николаю, а себе построил еще один дом. На себе носил бревна. Надорвался».*

Семейные истории с большой глубиной памяти затрагивают жизнь больше четырех поколений старших родственников. Информант подробно сообщает о родственниках в четвертом поколении: «Моя прабабушка Заякина Таисья Николаевна родилась 21 октября 1908 года в крестьянской семье. Ее отец Русаков Николай Андреевич, инвалид войны 1914 г., и мать Валова Александра Дмитриевна были родом из Вятской губернии. После Столыпинской реформы 1909 году они переехали в Сибирь. Они воспитали 8 детей и 25 внуков».

В конце XIX в. на карте Сибири появляются названия деревень, основанных семейными кланами, потомки которых участвовали в наших интервью. Поселениям давались имена правителей, фамилии переселенцев, названия мест проживания, оставленных на Родине: Александровка, Николаевка I, Курск-Смоленка, Мальцево, Каркавино, Залесово. Переселенцы строили добротные дома, обзаводились хозяйством «на широкую ногу», заводили стада, скот считали по «логам», а не по головам, что было характерно для Сибири. Например, зажиточные переселенцы имели по три лога. «Прапрадед Алексей Тарасов приехал в Сибирь во времена Столыпинских реформ. Его семья поселилась в деревне Пестери (современная территория Беловского района Кемеровской области). Не голодали, не бедствовали до советской власти. Имели в хозяйстве коров и лошадей». В рассказах информантов старшего поколения одним штрихом рисовались картины достойной жизни («жили крепко», «бережно относились к земле», «усердно трудились»). В истории семьи Латыгиных рассказывается, как отец и братья построили добротный дом, который простоял сто лет. Согласно переписи 1860 г., на территории современного Кузбасса достойно жили семейными кланами переселенцы-чалдоны: Захаровы, Кузнецовы, Логуновы, Крапивины, Тороповы, Хмелевы, Мусохрановы ([Кимеев, 1997: 16](#)).

Мемуаристика помогала дополнять нарративы мнениями современников. Так, в воспоминаниях сибирской интеллигенции описывается противоречивый характер сибиряков: одни находили в них много сочувственных свойств и неиспорченности, по которым ставили сибиряков выше простого народа в самой России; другие, напротив, приходили к самым неблагоприятным заключениям ([Пыпин, 1888: 273-317](#)). Семейные истории поясняют смыслы этнокультурной специфики сибирской общности. Сибирский характер описывается в интервью с помощью качеств независимости, самостоятельности, толерантности, почитания законов гостеприимства, духовной

оппозиционности, некоторой чужаковатости. Территория с суровым климатом перемалывала особенности национальностей и социальных статусов, миксовала социальные привычки старообрядцев, казаков, формировала особенный этнокультурный тип. Переселенцы общались с местным населением, обмениваясь опытом проживания в Сибири и повседневными практиками, привезенными из-за Урала. Они научили «гуземцев» разбивать огороды, выращивать овощи и злаки, местные способствовали изменению повседневного костюма новых соседей, дополнив гардероб шапкой-ушанкой, сапогами и валенками. К концу XIX в. Сибирь представляла собой не угрюмый край, «отстойник» для девиантов, но территорию с демократичными нравами. В семейных историях сохранились легенды о взаимодействии с местным населением. В одной из семейных историй, рассказанных сибирячкой, упоминается, что ее родственники приехали в Сибирь из Белоруссии. В их роду была девушка Зина, которая по любви тайно вышла замуж за сына татарского князя Бека. *После смерти мужа Зина вернулась с детьми к родственникам. «Ее детей стали называть «волчатами Бека и Зины». И фамилия нашего рода оттуда пошла – Бекезины»* (информант Е.О.).

Государственная власть того времени не проявляла должной заботы о культурном развитии Сибири. Просвещением занимались немногочисленные представители образованного слоя и старообрядцы, которые хранили традиции книжности. В некоторых семьях крестьян и горожан имелись библиотеки книг, подшивки газет. *«Забалуев Спиридон Антонович, мой прадед, жил в алтайском селе Каркавино. Он был грамотным, как и многие старообрядцы, выписывал и каждую неделю получал из Петербурга газеты, читал новости всем соседям-односельчанам»* (информант Л.Л.). *«Когда мы проходили в школе «Слово о полку Игореве», я, по мальчишеской глупости, смеялся над ... оборотами древнего языка. Но именно отец (не учитель!), свободно обращаясь с темным для меня текстом, читая наизусть большие отрывки, смог растолковать мне «Слово»... В глухой алтайской деревушке Маралушке, где ... школы-то не было, из рода в род вместе с другими книгами передавался список «Слова», и отец по нему ... читать выучился»* (информант Ю.А.).

Угрюмость населения этого далекого края можно интерпретировать в связи с жизненными ситуациями неуспеха. Например, все описания Сибири политического ссыльного М.Л. Михайлова пессимистичны. Можно предположить, что осуждение и ссылка на каторжные работы объясняют нелюбовь поэта-самоубийцы к жителям Тобольска, хотя, благодаря милосердию сибирских начальников, ему так и не довелось испытать в полной мере тягот каторги (Гончаров, 2004: 175). Писатель Ф.М. Достоевский тоже не жаловал красочными описаниями Омск и его жителей. Его неприязнь к этим холодным землям вполне объяснима его жизненной ситуацией. Часть эмпирических данных подтверждает гипотезу о суровом крае и населяющих его угрюмых неприветливых людях. Особенно это касалось старообрядческих «кержацких» поселений. *«Алексин Егор Егорович, отделившись своей семьей от отца, уехал в Сибирь. Остановились в глухой деревне в шесть кержацких дворов у реки Кия. Жители встретили переселенцев сурово. Ночевать никто не пустил. Заночевали у костра».*

Альтернативную характеристику сибирякам дают декабристы и путешественники, которых удивляло хлебосольтво сибирских крестьян. «Что за ... прелесть сибирского хлебосольтва, какая зажиточность, какой избыток. Пока лошадей перепрягают, приветливая хозяйка, либо мать-старушка ... хлопочут, чтобы хоть чем-нибудь угостить дорогого гостя; самовар всегда готов, а в обеденную пору – отличные щи и жаркое, и за это ничего не платится, слышится одна приговорка: кушай, голубчик, на здоровье, кушай, наш родимый!» (Гончаров, 2004: 145). Мемуары декабриста А.П. Беляева подтверждают доброжелательное отношение сибиряков к гостям. «Мы въехали в первую по дороге избу; но избой я неправильно назвал очень хороший дом, где царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи из кедрового дерева, все блестело ... Хозяева, простые крестьяне, сибиряки, очень радушно нас приняли, такие же опрятные хозяйки накрыли на стол ... до 6 блюд ..., а когда мы хотели заплатить за обед, то хозяин и хозяйка обиделись, сказав: «Что это вы, господа, у нас, слава Богу, есть, что подать...» (Беляев, 1882: 209). В мемуарах отмечается любовь сибиряков пить чай, ходить в гости, всегда держать на столе горячий самовар. Публицисты того времени характеризовали Сибирь как «край сытый, тепло обутый и одетый, удобно обустроенный» (Завалишин, 1862: 138). Анализируя феномен безбедного проживания крестьян на территории современной Тюменской области, П.А. Кропоткин считал, что главной причиной является предприимчивость, трудолюбие, отсутствие крепостного права (Кропоткин, 1983: 43).

В основе социокода семейно-родовой памяти крестьян лежат ценности земли, семейного достатка, вольного хозяйствования на своей земле. Исследователи называют эти ценности «кодом крестьянственности», который семьи воспроизводят независимо от условий жизни и политической ситуации. Успех государственных реформ зависит от соответствия нововведений смыслам социокода. Если правители не принимают эти смыслы в расчет, то оказываются антагонистами памяти. Любые государственные решения будут встречены с молчаливым несогласием, противодействием. Успех аграрных реформ обеспечивает встроенность действий и смыслов законов в культурно-исторический контекст, сохраненный в опыте памяти. Царское правительство осуществляло противоречивую переселенческую политику. Однако она опиралась на особенности социокода крестьянственности –

«земля и воля». Эту формулу достойной жизни стремились воплотить крестьяне, ехавшие из «коренной России» на восток (середина XIX в. – начало XX в.).

5. Заключение

Нарративы сибиряков могут служить источниковедческой базой для изучения исторических событий, наряду с нарративами официального характера. И те, и другие не отображают объективную историческую реальность, а интерпретируют ее. При сравнении смыслов нарративов рождается фактографическая картина истории общности, наполненная чувствами субъектов истории – героев семейных нарративов.

Междисциплинарные принципы исследования истории общности с помощью концепта «семейно-родовая память» базируются на следующих методологических основаниях:

- коллективная память социально и событийно дифференцирована, в ее содержание включены все смыслы о событии, пережитом разными категориями населения в разных биографических ситуациях;

- сравнительный анализ нарративов позволяет найти баланс между конструированием государственного исторического нарратива и «голосами молчащих». Неофициальные нарративы (интервью, семейные истории, мемуары) прорывают «плотину молчания», становятся важным дополнением к фактам официальной истории в качестве фактов переживания событий;

- анализ социоклада позволяет понять смысл согласия или сопротивления общности с решениями власти, объясняет успех кампании вольного переселения крестьян из «коренной России» в Сибирь.

История сибирского края сложилась из историй людей. Они, буквально, написали ее своими судьбами. Такую «личностную» историю сохраняет семейно-родовая память. Этот вид социальной памяти построен из фактов, ошибок, семейных легенд. Но ценность семейно-родовой памяти заключается в сохранении смыслов и опыта людей, переселявшихся целыми родственными кланами на восток России в поисках новых земель, богатых и свободных.

Для интерпретации содержания семейно-родовой памяти требуются дополнительные методологические процедуры триангуляции. С целью проверки фактов о переселении в Сибирь, сохраненных в памяти старшего поколения, применяется метод сравнительного анализа нарративов официального и неофициального характера. Такой анализ определяет необходимость применения междисциплинарного подхода в исследованиях на стыке исторических и социальных наук. В результате рождается история края, наполненная живыми свидетельствами людей, их чувствами и переживаниями, которые дополняют и «очеловечивают» картину событий прошлого.

Литература

Беляев, 1882 – Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 507 с.

Блок, 1986 – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.

Борисенко, 1993 – Борисенко М.В. К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев (к. XIX – н. XX вв.) // Известия Омского гос. краев. музея, 1993. № 2. С. 61-79.

Бродель, 1986 – Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. [в 3-х томах]. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

Гончаров, 2004 – Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.

Завалишин, 1862 – Завалишин И. Описание Западной Сибири М.: Тип. Грачева и комп., 1862. 422 с.

Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 452 с.

Кимеев, 1997 – Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 250 с.

Кропоткин, 1983 – Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 128 с.

Логунова, 2007 – Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст: Монография. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2007. 294 с.

Медушевская, 1992 – Медушевская О.М. Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11-19.

Палат, 2012 – Палат М. К. История и память // Идеи и идеалы. 2012. № 1. Ч. 1. С. 72-81.

Переселения из Полтавской губернии..., 1900 – Переселения из Полтавской губернии с 1861 года по 1 июля 1900 года: Сост. по поручению Полтав. губ. зем. упр. Вып. 1. Стат. бюро Полтав. губ. земства. Полтава: Типо-лит. Л. Фришберга, 1900–1905. 119 с.

- Письмо крестьянина..., 1899** – Письмо крестьянина И. Е. Беякова о переселении в Сибирь // *Русское богатство*. 1899. № 3. 2 отд. С. 1-14.
- Пыпин, 1888** – *Пыпин А.* Сибирская этнография // *Вестник Европы*. 1888. Т. 5. С. 237-317.
- РГИА, 1867** – Российский государственный исторический архив.
- Рикёр, 1998** – *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Ровинский, 1875** – *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // *Древняя и новая Россия*. 1875. № 1. С. 66-85.
- Савелов, 1994** – *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Воспроизведение издания 1909. М.: Археографический центр, 1994. 278 с.
- Тернер, 1897** – *Тернер Ф.* Переселенческое дело // *Вестник Европы*. 1897. Кн. 5. С. 53-85.
- Хальбвакс, 1925** – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти: пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
- Ядринцев, 1882** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
- Butler, 1989** – *Butler T.* Ed. by. Memory: History, Culture and the Mind. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 189 p.
- Misztal, 2010** – *Misztal B.* Collective Memory in a Global Age. Learning How and What to Remember. // *Current Sociology*, January 2010, Vol. 58 (1). Pp. 24-44.
- Morris-Suzuki, 2005** – *Morris-Suzuki T.* The past within us: media, memory, history. London; New York: Verso, 2005. 280 p.
- Nora, 1978** – *Le Goff J., Revel J., Nora P.* Memoire collective. La nouvelle histoire, Paris: Retz. 1978. Pp. 398-401.

References

- Pis'mo krest'yanina..., 1899** – Pis'mo krest'yanina I.E. Belyakova o pereselenii v Sibir' [A letter from a peasant I.E. Belyakov about resettlement to Siberia]. *Russkoe bogatstvo*. 1899. No. 3. 2 dep. Pp. 1-14 [in Russian]
- Belyaev, 1882** – *Belyaev, A.P.* (1882). Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom. 1805-1850. [Memories of the experienced and felt. 1805-1850]. SPb.: A. S. Suvorin. 507 p. [in Russian]
- Blok, 1986** – *Blok, M.* (1986). Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. [Apology of History, or the Craft of a Historian]. М.: Nauka, 254 p. [in Russian]
- Borisenko, 1993** – *Borisenko, M.V.* (1993). K kharakteristike istochnikovoi bazy po istorii semei sibirskikh krest'yan-pereselentsev (k. XIX – n. XX vv.). [On the characterization of the source base on the history of families of Siberian peasant migrants (late XIX – early XX centuries)]. *Izvestiya Omskogo gos. kraev. muzeya*. 2: 61-79. [in Russian]
- Braudel, 1986** – *Braudel, F.* (1986). Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [The structures of everyday life. Possible and Impossible]. Material civilization, economy and capitalism of the XV-XVIII centuries. [in 3 volumes]. Vol. 1. М.: Progress, 622 p. [in Russian]
- Goncharov, 2004** – *Goncharov, Yu.M.* (2004). Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolutsionnoi Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.) [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-XIX – early XX century)]. Novosibirsk: ID «Sova». 358 p. [in Russian]
- Khal'bvaks, 1925** – *Khal'bvaks, M.* (1925). Sotsial'nye ramki pamyati: per. s fr. S.N. Zenkina [Social framework of memory: trans. from fr. S.N. Zenkina]. М.: Novoe izdatel'stvo, 346 p. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za». 452 p. [in Russian]
- Kimeev, 1997** – *Kimeev, V.M.* (1997). Kas'minskije chaldony. Byt i kul'tura starozhilov Kas'minskoi volosti. [Kas'minsky chaldons. Life and culture of the old residents of the Kasma volost]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 250 p. [in Russian]
- Kropotkin, 1983** – *Kropotkin P. A.* (1983). Pis'ma iz Vostochnoi Sibiri [Letters from Eastern Siberia]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 128 p. [in Russian]
- Logunova, 2007** – *Logunova, L.Yu.* (2007). Semeino-rodovaya pamyat': sotsiokul'turnyi i regional'nyi kontekst: monografiya. [Family and generic memory: sociocultural and regional context: monograph]. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 294 p. [in Russian]
- Medushevskaya, 1992** – *Medushevskaya, O.M.* (1992). Istochnikovedenie i gumanitarnaya kul'tura. [Source study and humanitarian culture]. *Otechestvennye arkhivy*. 4: 11-19. [in Russian]
- Palat, 2012** – *Palat, M.K.* (2012). Istoriya i pamyat' [History and memory]. *Idei i idealy*. 1, Part 1, Pp. 72-81. [in Russian]
- Pypin, 1888** – *Pypin, A.* (1888). Sibirskaya etnografiya [Siberian ethnography]. *Vestnik Evropy*. 5: 237-317. [in Russian]
- Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii..., 1900** – Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii s 1861 goda po 1 iyulya 1900 goda (1900). [Resettlement from Poltava province from 1861 to July 1, 1900: Comp. on behalf

- of Poltava. lips. land ex. Issue 1. Stat. Bureau Poltava. lips. Zemstvos]. Poltava: Tipo-lit. L. Frishberg, 1900-1905. 119 p. [in Russian]
- RGIA, 1867 – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Riker, 1998 – Riker, P. (1998). Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskii rasskaz [Time and Story. T. 1. Intrigue and historical story]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 313 p. [in Russian]
- Rovinsky, 1875 – Rovinskii, P.A. (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri [Essays on Eastern Siberia]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 1: 66-85. [in Russian]
- Savelov, 1994 – Savelov, L.M. (1909). Lektsii po russkoi genealogii, chitannye v Moskovskom arkheologicheskom institute. Vosproizvedenie izdaniya 1909 [Lectures on Russian genealogy, read at the Moscow Archaeological Institute. Reproduction of the edition of 1909]. M.: Arkheograficheskii tsentr. 278 p. [in Russian]
- Turner, 1897 – Terner, F. (1897). Pereselencheskoe delo [Resettlement business]. *Vestnik Evropy*. Book. 5. Pp. 53-85. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882 – Yadrintsev, N.M. (1882). Sibir', kak koloniya: K yubileyu trekhstotletiya: Sovrem. polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: For the jubilee of the three hundredth anniversary: Modern position of Siberia. Her needs and wants. Her past and future]. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 472 p. [in Russian]
- Zavalishin, 1862 – Zavalishin, I. (1862). Opisanie Zapadnoi Sibiri [Description of Western Siberia]. M.: Tip. Gracheva i komp, 422 p. [in Russian]
- Butler, 1989 – Butler T. (1989). Ed. by. Memory: History, Culture and the Mind. Oxford: Basil Blackwell, 189 p.
- Misztal, 2010 – Misztal, B. (2010). Collective Memory in a Global Age. Learning How and What to Remember. *Current Sociology*. 58 (1): 24-44.
- Morris-Suzuki, 2005 – Morris-Suzuki, T. (2005). The past within us: media, memory, history. London; New York: Verso, 280 p.
- Nora, 1978 – Le Goff, J., Revel, J., Nora, P. (1978). Memoire collective. La nouvelle histoire, Paris: Retz. Pp. 398-401.

История переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв., запечатленная в семейно-родовой памяти

Лариса Юрьевна Логунова^{a, *}, Екатерина Анатольевна Маженина^a, Владислав Андреевич Рычков^a

^a Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. Семейно-родовая память является видом социальной памяти, ее низовым уровнем. Конвенциональное содержание социальной и семейно-родовой памяти есть основание солидарности общности. Семейно-родовая память связывает поколения с помощью механизма социального наследования. Содержание семейно-родовой памяти созвучно с социокодом памяти общности. Образы памяти социально дифференцированы и создают противоречивые по содержанию мнемические кластеры. Семейно-родовая память фиксирует не только факты, но и пробуждает исторически обусловленное чувство, связанное с причастностью к событиям прошлого, к территории, с которой люди связаны единой исторической судьбой. История Сибири представлена фактами «исторической правды», зафиксированными в документах, и правдой памяти, звучащей в устных историях сибиряков («голоса молчащих»).

В статье показан опыт работы с гибридным методологическим комплексом, созданным для исследования содержания семейно-родовой памяти сибиряков. Для понимания исторического события использована миксация различных подходов гуманитарных наук на основе принципа междисциплинарности.

Ключевые слова: семейно-родовая память, социокоды памяти, гибридный исследовательский комплекс, политика памяти.

* Корреспондирующий автор

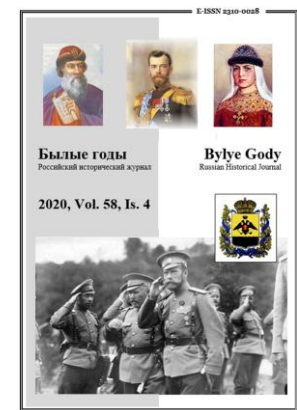
Адреса электронной почты: vinsky888@mail.ru (Л.Ю. Логунова), ekka0808@mail.ru (Е.А. Маженина), Vladislav-rychkov@ya.ru (В.А. Рычков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2798-2808. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2798
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethnopolitical Discrimination in the late Imperial and Early Soviet Periods

Boris N. Mironov ^{a,*}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In Imperial Russia, almost all major non-Russian ethnic groups had their representatives in power structures – in central and local executive bodies, in the courts and in law enforcement agencies, since 1905, in legislative institutions, although in most cases the number of nominees from an ethnic group did not correspond to its population size. In some cases (Jews), this was due to direct discrimination, but more often it was due to a low level of culture, lack of knowledge of the Russian language, lack of professionals, and other factors not directly related to ethnic inequality. You needed the appropriate competence and at least at least a basic education and knowledge of the Russian language in order to participate in the management. As a result, citizens that are more educated also had a higher chance of entering the service of government structures, regardless of ethnicity. Ethnopolitical discrimination in the Empire was not so significant as to be the main cause of the 1917 revolution and the collapse of the Russian Empire. In the first decade of Soviet power, ethnic inequality in the formation of government bodies and power structures decreased, but was eliminated, respectively; the participation of non-Russians in government increased, but has not yet become adequate to their number. As the index of ethnopolitical representativeness shows, the inequality was not yet completely eliminated up to 1926: the index increased from 0.61 to 0.79 for all non-Russian peoples as a whole in 1897–1926, but did not reach 1.00, that is, the democratic norm. This reduction in inequality can be considered significant, but it cannot be called a qualitative leap in overcoming ethnic discrimination.

Keywords: ethnic inequality, the index of ethno-political representation, participation of people in governance, the Russian Empire, early Soviet Russia.

1. Введение

В историографии и общественном мнении широко распространена точка зрения о суровой этноконфессиональной дискриминации народов Российской империи, которую советской власти удалось ликвидировать уже в первое десятилетие своего существования. В статье предпринята попытка проверить адекватность этого утверждения путем сравнения уровня *политической дискриминации* народов России в 1897 и 1926 гг. Дискриминация будет оцениваться по степени присутствия представителей разных этносов во властных и силовых структурах: в парламенте, государственном аппарате, в органах суда и правопорядка, а также в армии. Выбор подобного угла исследования определяется двумя обстоятельствами: во-первых, исключительной важностью проблемы дискриминации – неравноправие в межнациональных отношениях рассматривается как важнейший фактор распада и Российской империи, и Советского Союза; во-вторых, наличием массовых и достаточно объективных статистических источников, которые поддаются обработке посредством специальной методики и позволяют оценить уровень этнополитического неравенства в динамике за 20 лет, с 1897 по 1926 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: mironov1942@yandex.ru (B. N. Mironov)

2. Материалы и методы

Сведения об этнической занятости в сфере управления содержатся в материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. Данные переписи 1897 г. учли всех чиновников, находившихся на службе в администрации, суде, полиции, в придворном, дипломатическом и межевом ведомстве, без разделения их по сфере занятости и рангам. В переписи 1926 г. зафиксирован руководящий персонал органов центрального и местного управления на всех уровнях. Руководители партийных, профсоюзных и общественных организаций (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, Московское общество охотников и рыболовов, Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи и др.), а также и законодательной власти не выделялись отдельно, а объединялись с персоналом собственно государственных учреждений (*Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1928: 12*). При суммировании данных по отдельным республикам учитывались лишь 3–4 этноса: титульный, русские и один–два самых многочисленных, поэтому общим во всех республиках является только один этнос – русский народ (титульным народом или этносом будем называть народ, в честь которого называлась союзная республика; всего их по числу союзных республик с 1956 г. было пятнадцать). Соединив данные выборки по союзным республикам, мы получили общую картину занятости в СССР для русских и нерусских.

Оценка степени этнополитического неравенства, или уровня демократизма, при формировании властных структур основывается на соотношении доли этноса среди чиновников-управленцев и среди всего занятого населения. Данный показатель можно назвать индексом этнополитической репрезентативности (ИЭПР) (*Арутюнян и др., 1992: 100–118; Миронов, 2004: 55–62; Миронов, 2018a: 152–161*). Опираясь на указанный индекс, попытаемся объективно оценить степень политической дискриминации и на этом основании ранжировать этносы по степени неравенства. Если ИЭПР равен единице, то этнос представлен в управлении пропорционально своей численности, а значит, права этого этноса в комплектовании управленческих кадров соблюдены. Если больше или меньше единицы, то интересы этноса неадекватно – избыточно или недостаточно – отражены во властных структурах. Роль различных этносов, или степень их участия в управлении, оценивает другой показатель – доля их представителей в государственных, партийных органах, суде и милиции. Его можно назвать индексом этнополитического участия. Разумеется, роль этноса в управлении зависит не только от числа его представителей в структурах власти, но также от того, какие должности они занимают, насколько активно используют свои полномочия, каковы их личные статусы, престиж и влияние. Но эти сведения отсутствуют: официальная статистика их не собирала. Зато мы имеем сведения о численности представителей этносов в различных структурах власти, собранных в ходе Всероссийской переписи 1897 г. и Всесоюзной переписи 1926 г.

3. Обсуждение

В последние 30 лет под влиянием мировой политической конъюнктуры имперские проблемы приобрели необыкновенную популярность в России, в новых независимых государствах и в зарубежной историографии в целом, благодаря чему увидели свет сотни новых книг, статей и диссертаций. В постсоветской историографии в изучении российских имперских проблем многое изменилось. Произошел отказ от единой точки зрения: все три прежде существовавшие в историографии концепции нашли своих сторонников. Одни вернулись к забытой парадигме Россия – «тюрьма народов», «абсолютное зло» или «империя зла»; другие – к концепции прогрессивности российского империализма, «цивилизаторской миссии» России по отношению к отсталым народам; третьи (их большинство) – предпочитают золотую середину, поддерживая концепции «наименьшего зла», «неизбежного зла» или сочетания негативного и позитивного, причем баланс плюсов и минусов вхождения в состав России разными историками для разных народов оценивается по-разному. Еще большее разнообразие обнаруживается в трактовках частных проблем. Среди них повышенное внимание уделяется управлению на вновь присоединенных территориях, становлению и функционированию административной системы на национальных окраинах и межнациональным отношениям. Что касается национальной политики в раннесоветский период, то здесь мы наблюдаем меньше изменений сравнительно с советской историографией. Политика коренизации в целом оценивается позитивно, хотя и признаются некоторые перегибы при ее проведении. Считается, что она по большому счету устранила этническое неравенство.

В бывших союзных и автономных республиках СССР одна монополярная парадигма сменилась другой: практически везде в той или иной степени была реанимирована концепция «Российская империя – тюрьма народов». «Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что априорное стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной принимается на веру. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план». В преобладающем большинстве работ национальные историки

отказываются от общего с Россией прошлого и стремятся ее опорочить, обвиняя в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности добровольно присоединенных или аннексированных народов. Совершенно иначе оценивается национальная политика российского государства в раннесоветский период, особенно в первое десятилетие, когда она проходила под лозунгом коренизации. Политика коренизации рассматривается как наиболее правильная и справедливая, потому что она имела целью создание огромного числа национально-территориальных автономий, выдвижение на появившиеся вакансии представителей местных элит, введение местных языков в делопроизводство, образование, СМИ (Миронов 2017: 118-140).

В статье предпринята попытка количественно измерить степень политической дискриминации народов России на материалах переписей 1897 и 1926 гг. и на этой основе оценить уровень этнополитической дискриминации в империи в 1897 г. и степень ее преодоления в первое десятилетие существования советской власти.

4. Результаты

Оценим динамику этнополитического неравенства в стране в целом по данным переписей 1897 и 1926 гг. (Таблица 1).

Таблица 1. Национальный состав аппарата управления Российской империей в 1897 г. и СССР в 1926 г.¹ (Информационная система..., 2020; Общий свод..., 1905: 226-255; Распределение населения..., 1905; Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1928-1930)

Этносы	Национальный состав аппарата, %		Доля этноса в занятом населении, %		Индекс этнополитической репрезентативности	
	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.
Империя / СССР, русские	67,8	63,5	47,3	52,1	1,43	1,22
Нерусские	32,2	36,5	52,7	47,9	0,61	0,76
15 титульных этносов	79,1	72,6	74,6	75,8	1,06	0,96

Данные Таблицы 1 показывают: в 1897 г. нерусские граждане участвовали в формировании органов управления, суда и полиции, но почти в 1,6 раза ниже демократической нормы (1,00: 0,61 = 1,6) и в 2,3 раза меньше, чем русские (1,43: 0,61). Налицо сильное этнополитическое неравенство. Хотя нельзя не отметить, что нерусские имели своих представителей в органах власти. В 1926 г., через 9 лет после революции 1917 г., во всех структурах власти ИЭПР нерусских повысился с 0,61 до 0,76, соответственно их репрезентативность увеличилась и стала в 1,3 раза (1,00: 0,79) ниже демократической нормы. Подобное уменьшение неравенства было существенным, но вряд ли его можно назвать качественным скачком в преодолении этнической дискриминации.

Этнический профиль управленцев Российской империи показывает, что царское правительство не препятствовало поступлению нерусских на службу и их карьере, если, конечно, они имели соответствующее образование и знали русский язык (Таблица 2).

Таблица 2. Процент различных этносов среди лиц, находившихся на государственной и общественной службе в Российской империи в 1897 г. (подсчитано по: Информационная система..., 2020; Общий свод..., 1905: 92-133, 138-139, 296, 328-355)

Этнос	Коронная служба ²		Общественная служба ³		Всего на службе		Доля этноса в населении, %	Доля мужчин, знающих русскую грамоту, %	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%		в своем этносе	во всем населении ⁴
Русские	159 074	70,46	64 911	61,93	224 055	67,78	44,30	27,00	59,30
Поляки	20 271	8,98	9192	8,77	29 472	8,92	6,30	23,30	5,40
Украинцы	18 359	8,13	12 486	11,91	30 853	9,33	17,80	31,80	17,80
Белорусы	5221	2,31	2489	2,37	7712	2,33	4,70	28,70	4,20

¹ Управление включает государственный и партийный аппарат, органы суда и правопорядка.

² Коронная администрация, суд, полиция.

³ Общественная (земская, городская) и сословная служба.

⁴ Среди всего населения, знающего русскую грамоту.

Немцы	3473	1,54	4770	4,55	8245	2,49	1,40	35,90	21,60
Татары	2912	1,29	1638	1,56	4551	1,38	2,90	4,20	0,50
Грузины	2146	0,95	836	0,80	2983	0,90	1,10	8,00	0,30
Латыши	2139	0,95	1588	1,52	3728	1,13	1,10	41,60	1,60
Литовцы	2067	0,92	630	0,60	2698	0,82	1,30	15,70	0,60
Армяне	2038	0,90	752	0,72	2791	0,84	0,90	10,70	0,30
Эстонцы	1426	0,63	1083	1,03	2510	0,76	0,80	33,60	0,90
Евреи	1008	0,45	1679	1,60	2687	0,81	4,00	41,70	5,20
Молдаване	366	0,16	446	0,43	812	0,25	0,90	14,10	0,40
Мордва	417	0,18	297	0,28	714	0,22	0,80	34,00	0,50
Чуваши	164	0,07	289	0,28	453	0,14	0,70		
Марийцы	83	0,04	179	0,17	262	0,08	0,30		
Коми	148	0,07	124	0,12	272	0,08	0,80		
Карелы	191	0,08	86	0,08	277	0,08	0,20		
Башкиры	139	0,06	287	0,27	426	0,13	1,10	–	–
Якуты	29	0,01	26	0,02	55	0,02	0,20	–	–
Цыгане	25	0,01	0	0,00	25	0,01	0,04	–	–
Прочие	4074	1,80	1020	0,97	4997	1,51	8,36	–	–
Империя	225 770	100,00	104 808	100,00	330 578	100,00	100	31,20	100

Среди чиновников встречались люди почти всех национальностей, включая евреев, якутов, цыган, чеченцев, абхазцев и других, что само по себе говорит о том, что дискриминации по национальности не существовало. Однако поскольку для исполнения обязанностей администратора требовалась соответствующая компетенция, то более грамотные этносы были представлены в бюрократии лучше менее грамотных. Доля чиновников из самых грамотных этносов либо превышала их долю в населении (немцы, поляки, армяне), либо была ей равна (латыши, эстонцы).

Обратимся теперь к данным об этнополитическом неравенстве 19 народов, ставших титульными в союзных и автономных республиках при советской власти. К сожалению, в 1926 г. в масштабе СССР данные об этнической занятости, кроме русских, не собирались, поэтому приходится сравнивать с данными за 1959 г. (Таблица 3).

Таблица 3. Индекс этнополитической репрезентативности 19 народов в управлении Российской империей в 1897 г. и в СССР¹ в 1959 г. (ИЭПР всех занятых в управлении = 1) (подсчитано по: Информационная система..., 2020; Общий свод..., 1905: 92-133, 138-139, 296, 328-355; Всесоюзная перепись населения 1959 года)

Этнос	1897 г.	1959 г.
Русские	1,43	1,14
Армяне	1,10	0,99
Грузины	0,90	1,03
Латыши	0,67	0,84
Эстонцы	0,66	1,08
Белорусы	0,63	0,80
Украинцы	0,61	0,81
Литовцы	0,54	0,89
Татары	0,53	0,89
Таджики	0,53	0,80
Молдаване	0,34	0,29
Туркмены	0,31	1,05
Узбеки	0,27	0,63
Евреи	0,17	1,78
Киргизы	0,14	0,91

¹ Аппарат государственных, партийных и общественных организаций, суд, полиция.

Башкиры	0,16	0,76
Казахи	0,14	1,49
Якуты	0,11	2,26
Нерусские	0,61	0,84
Все этносы	1,00	1,00

Как показывают данные переписи 1897 г., большинство нерусских этносов участвовало в управлении даже в «тюрьме народов», как называют Российскую империю современные историки бывших советских республик (Миронов, 2017: 123-125), хотя и были представлены в органах власти непропорционально своей численности (их ИЭПР равен 0,68). Из 118 этносов, зафиксированных переписью, 97 имели в органах управления хотя бы одного представителя, как, например, цыгане, тунгусы, камчадалы, гиляки, алеуты, эскимосы, якуты и другие, в настоящее время ассимилированные. 79 этносов имели более 10 представителей, 55 этносов – более 100 и 22 этноса – более 1000 представителей. Среди управленцев их процент был достаточно значителен – 32,2, и в основном они работали в местном управлении и самоуправлении. Факт их присутствия в значительном числе в органах власти свидетельствует о том, что центральное правительство при проведении своей политики опиралось на местные кадры.

Среди 19 этносов, которые в советскую эпоху образовали союзные или автономные республики, лишь русские (1,43), армяне (1,10) и поляки (1,18) имели ИЭПР больше единицы и, значит, участвовали в формировании властных структур выше демократической нормы. Остальные в большей или меньшей степени испытывали депривацию. Из них 8 этносов имели представительство выше среднего уровня для нерусских (0,51) (в порядке уменьшения ИЭПР): грузины (0,9), латыши (0,67), эстонцы (0,66), белорусы (0,63), украинцы (0,61), литовцы (0,61), татары (0,53) и таджики (0,52); ниже среднего – 9 этносов: якуты (0,09), казахи (0,14), башкиры (0,15), киргизы (0,16), евреи (0,17), узбеки (0,30), туркмены (0,31), молдаване (0,34) и азербайджанцы (0,43). Все нерусские народы в целом имели ИЭПР 0,51 – почти в 3 раза меньше, чем русские. Высокий ИЭПР в управлении имели выходцы из Западной Европы: англичане (1,61), французы (1,49), шведы (1,30), немцы (0,96).

Правильно ли считать непропорциональную репрезентативность нерусских следствием ущемления их в политических правах или она порождалась другими причинами? Об этнополитической дискриминации можно определенно говорить относительно евреев. Непропорциональная численность других этносов во властных структурах объяснялась главным образом культурными факторами. Для участия в управлении требовалась соответствующая компетенция и как минимум хотя бы начальное образование. В силу этого более образованные граждане имели больше возможностей попасть на государственную службу независимо от этнической принадлежности, за исключением евреев и грузин: первых в бюрократии было по причине дискриминации намного меньше демократической нормы, вторых, в силу высокого процента дворянства в населении, – больше. Доля дворян среди грузин была в 3,7 раза выше, чем среди русских, – 6,32 % против 1,71 % (Общий свод..., 1905: 373-387), хотя достижениями на ниве образования евреи отметились лучше грузин.

В подобной ситуации корректнее сравнивать долю лиц из разных этносов среди чиновников с их долей не во всем населении, а среди грамотных, т.е. в данном случае – умеющих читать и писать по-русски, поскольку для государственной службы знание русского языка являлось обязательным (Таблица 4). И тогда оказывается, что, за исключением евреев, нерусские среди чиновников были представлены примерно так же, как русские: доля русских среди грамотных мужчин – 59,3 %, а их доля среди служащих на коронной и общественной службе – 67,8 %, доля поляков среди знающих русскую грамоту мужчин – 5,4 %, а среди бюрократов – 8,9 %, у немцев соотношение 2,2 и 2,5 %, у татар 0,9 и 1,4 %, у грузин 0,3 и 0,9 % соответственно. Только некрещеные евреи испытывали дискриминацию, если, конечно, они имели желание стать чиновниками. Весьма показателен пример с эстонцами. На государственной службе в Ревеле в 1871 г. находилось 4 эстонца (менее 2 % чиновников), в 1897 г. – 442 (более 50 %), а в целом на общественной государственной службе – 2510 эстонцев. Это увеличение объяснялось не столько ростом толерантности, сколько тем, что в 1890-е гг. в активную профессиональную жизнь вступило первое поколение эстонцев, получивших образование в гимназиях и высших учебных заведениях на русском языке, готовых делать карьеру на административном поприще (Миллер, 2006: 63). Так называемая «русификация» способствовала тому, что местные кадры, знавшие русский язык, занимали административные должности и более активно участвовали в управлении своим регионом.

Таблица 4. Процент различных этносов среди лиц, находившихся на государственной и общественной службе в Российской империи в 1897 г., в зависимости от грамотности (подсчитано по: Информационная система..., 2020; Общий свод..., 1905: 92-133, 138-139, 296, 328-355)

Этнос	Доля этноса			ИЭПР этноса в занятом населении	ИЭПР этноса среди занятого грамотного населения
	среди управленцев	в занятом населении	грамотного во всем занятом грамотном населении		
Русские	67,77	47,32	59,3	1,43	1,14
Поляки	8,91	7,55	5,4	1,18	1,65
Украинцы	9,33	15,34	17,8	0,61	0,52
Белорусы	2,33	3,69	4,2	0,63	0,55
Немцы	1,55	1,61	3,0	0,96	1,86
Татары	1,36	2,58	0,5	0,53	2,80
Грузины	0,90	1,00	0,3	0,90	3,00
Латыши	1,09	1,62	1,6	0,67	0,69
Литовцы	0,77	1,42	0,6	0,54	1,33
Армяне	0,83	0,76	0,3	1,10	2,67
Эстонцы	0,75	1,14	0,9	0,66	0,89
Евреи	0,78	4,61	5,2	0,17	0,15
Молдаване	0,25	0,73	0,4	0,34	0,50

В первое послереволюционное десятилетие происходило выравнивание этнополитических статусов народов Советского Союза. Однако, как показывает индекс репрезентативности, даже в 1959 г. неравенство еще не было ликвидировано: ИЭПР у всех нерусских народов в целом за 1897–1959 гг. возрос с 0,61 до 0,84, но еще не достиг 1, т.е. демократической нормы.

С 1906 г. народы России получили представительство и в законодательных органах. Формирование первого российского парламента происходило по избирательному закону 11 декабря 1905 г., который устанавливал, как и в остальных парламентских государствах, цензы гражданства, оседлости, гендерный (мужчины) и возрастной (не менее 25 лет). Но в России, в отличие от европейских колониальных империй, все этносы де-юре получили избирательные права в соответствии с законом. Те, кто оказался их лишен, не соответствовали какому-нибудь цензу, например «бродячие инородцы» – цензу оседлости. Причем представительство обеспечивалось практически всем этносам, в том числе евреям, полякам, народам Прибалтики, Центральной Азии и Кавказа. По новому избирательному закону 3 июня 1907 г. представительство национальных окраин было сокращено, а некоторые народы его лишились, но опять же не по национально-конфессиональным соображениям, а по причине более строгого применения цензов и по политическим мотивам. Например, лишилось представительства население Туркестана, однако не только коренное, но и славянское. Население же Степного региона представительство сохранило. Благодаря этому, Государственные думы I–IV созывов являлись «едва ли не самыми многонациональными и поликонфессиональными нижними палатами в мире» (Куликов, 2010: 22).

Во время революции 1917 года в России был учрежден новый представительный орган, заменивший Государственную думу – Всероссийское учредительное собрание, избранное в ноябре 1917 г. и созванное в январе 1918 г. для определения государственного устройства России. Право участия в выборах было предоставлено всем российским гражданам обоего пола, независимо от национальности и вероисповедания, которым ко дню выборов исполнилось 20 лет, за исключением осужденных за уголовные преступления, членов царствовавшего в России дома и признанных в установленном порядке сумасшедшими и глухонемыми, находящимися под опекой (Положение о выборах..., 1996: 136-139). В выборах приняли участие около 50 % избирателей, которые избрали 715 депутатов (Знаменский, 1976: 257-297).

В советской конституции 1918 г. отсутствовали цензы по полу, вероисповеданию, расе, оседлости и национальности – активным избирательным правом пользовались лица обоего пола в возрасте от 18 лет и старше. Однако по Конституции были поражены в избирательных правах некоторые категории граждан, считавшихся эксплуататорами: а) лица, прибегающие к наемному

труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома, дворяне, белые офицеры. Не имели избирательных прав лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и состоящими под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления судебным приговором. Поражение в правах главы семейства или кормильца автоматически превращало в лишенцев всех материально зависимых от него членов семьи (Декреты, 1959: 561-562). По Конституции 1918 г. применялся так называемый производственно-территориальный принцип выборов, ввиду чего горожане были представлены в 5 раз выше селян. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. подтвердили основы избирательного права, заложенные в 1918 г. Изменения касались трудящихся иностранцев, получивших избирательные права, и крестьян – в избирательных правах были поражены так называемые кулаки – нелояльные к советской власти крестьяне. Социальный ценз вряд ли сказался на этническом составе депутатов. Анализ данных о национальности законодателей в период с 1906 по 1925 г. демонстрирует следующие результаты (Таблица 5).

Таблица 5. Национальный состав высших законодательных органов Российской империи и СССР в 1906–1925 гг.¹ (Государственная Дума 1906–1917 гг.; Протасов, 2008: 88-94; 1 Съезд, 1923: 3-4; Стенографический отчет, 1923; Статистические данные..., 1924: 7, 15; Состав 1, 2 и 3 съездов Советов, 1925: 29)

Этнос	Состав депутатов, %			Индекс этнополитической репрезентативности		
	1906–1917	1918	1922–1925	1906–1917	1918	1922–1925
Русские	69,30	49,14	60,18	1,56	1,11	1,13
Азербайджанцы	0,62	1,45	0,82	1,41	3,30	0,71
Армяне	0,71	2,11	1,62	0,77	2,27	1,52
Белорусы	1,81	1,98	1,79	0,39	0,42	0,55
Грузины	1,19	1,59	1,16	1,11	1,47	5,17
Казахи	–	2,38	0,00	–	0,73	–
Киргизы	0,05	–	1,90	0,30	–	3,66
Латыши	0,76	1,98	2,89	0,67	1,74	29,92
Литовцы	1,19	–	0,21	0,79	–	7,26
Молдаване	0,29	0,66	0,09	0,32	0,74	0,49
Таджики	0,86	–	0,11	0,46	–	0,17
Туркмены	–	–	0,37	–	–	0,72
Узбеки	–	1,06	1,29	–	0,78	0,48
Украинцы	7,20	18,23	11,25	0,40	1,02	0,53
Эстонцы	0,76	1,19	0,15	0,96	1,50	1,41
15 этносов	84,75	81,77	83,83	1,07	1,04	0,96
Другие	15,25	18,23	16,17	0,72	0,86	1,29
Нерусские	30,70	50,86	39,82	0,55	0,91	0,85
Итого	100,00	100,00	100,00	1,00	1,00	1,00
Число депутатов	2156	757	5361	2156	757	5361
Число этносов	27	26	49	27	26	49

Самый высокий процент русские депутаты имели в первом российском парламенте – 69,3 %, т.е. квалифицированное большинство, обеспечивавшее принятие любого решения. Во Всероссийском учредительном собрании русские потеряли большинство, получив лишь 49,1 % мест, что примерно соответствовало их доле в населении. На Всесоюзных съездах Советов СССР в 1922–1925 гг. они получили 60,2 % мест. В первый российский парламент прошли депутаты 27 этносов. Среди них выше

¹ 1905–1917 гг. – Государственная дума и Государственный совет; 1918 г. – Всероссийское учредительное собрание; 1922–1925 – съезды Советов СССР.

демократической нормы были представлены пять (в порядке понижения ИЭПР): немцы (3,23), русские (1,46), азербайджанцы (1,41), грузины (1,10), поляки (1,09); близко к демократической норме подошли эстонцы (0,97). Наименее представленными оказались мордвины (0,12), удмурты (0,14), чувашаи (0,21) и евреи (0,33). Все нерусские этносы вместе имели недостаточное представительство (0,55) и все-таки участвовали в работе Думы. В Учредительном собрании 1918 г. представительство русских уменьшилось в 1,4 раза, а у нерусских во столько же раз увеличилось, причем у всех без исключения. Численность нерусских в парламенте 1918 г. почти соответствовала их доле в населении. Показательно, что у евреев ИЭПР вырос больше всех — с 0,33 до 2,66, или в 8 раз, и они были представлены в 2,4 раза лучше, чем русские. Все это свидетельствует о том, что выборы проходили демократически. После утверждения советской власти этнополитическое равенство в законодательных органах продолжало расти: ИЭПР у нерусских составлял в 1922–1925 гг. 0,85.

5. Заключение

Проведенный анализ дает основание для следующего заключения. В период империи нерусские народы были представлены в центральных и местных органах исполнительной власти, в органах суда и в силовых структурах, с 1905 г. — в законодательных учреждениях, но неадекватно их численности. В некоторых случаях, например с евреями, это было следствием прямой дискриминации, но чаще объяснялось низким уровнем культуры, незнанием русского языка, недостатком профессионалов и другими факторами, прямо не связанными с этническим неравенством. Для участия в управлении требовалась соответствующая компетенция и как минимум хотя бы начальное образование, а также знание русского языка, в связи с чем более образованные граждане обладали и более высокими шансами попасть на службу во властные структуры независимо от этнической принадлежности. Таким образом, этнополитическое неравенство в империи не являлось столь существенным, чтобы стать важнейшей причиной революции 1917 года и распада Российской империи (Миронов, 2018b: 676–691; Миронов, 2019: 163–170). В первое десятилетие советской власти этническое неравенство при формировании органов власти и силовых структур уменьшилось, но полностью не было ликвидировано, соответственно участие нерусских в управлении возросло, но еще не стало адекватным их численности. Как показывает индекс этнополитической репрезентативности, в 1926 г. неравенство не было полностью ликвидировано: у всех нерусских народов в целом за 1897–1926 гг. индекс возрос с 0,61 до 0,76, но не достиг единицы, т.е. демократической нормы. Такое уменьшение неравенства можно считать существенным, однако нельзя назвать качественным скачком в преодолении этнической дискриминации.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00353 «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование».

Литература

- 1 Съезд, 1923 — 1 Съезд Советов Союза ССР. М.: ЦИК СССР, 1923. Приложение 2. С. 3–4.
- Арутюнян и др., 1992 — Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Гришаев И.А. и др. Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. 461 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1928 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 18. Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М.: ЦСУ, 1928. 552 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1928–1930 — Всесоюзная перепись населения 1926 года: В 56 т. М.: ЦСУ, 1928–1930. Т. 18–34.
- Всесоюзная перепись населения 1959 года, 1959 — Всесоюзная перепись населения 1959 года // Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Центральное статистическое управление СССР. Оп. 336. Д. 2871–2875. Таблица 3д. Распределение населения по занятиям и национальности по СССР в 1959 г.
- Государственная Дума, 1906–1917 гг. — Государственная Дума 1906–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://parliament.psu.ru/pls/parlament/frames.html> (дата обращения: 21.03.2020).
- Декреты..., 1959 — Декреты Советской власти. В 3 т. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. 686 с.
- Знаменский, 1976 — Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и полит. крушения. Л.: Наука, 1976. 364 с.
- Информационная система..., 2020 — Информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года». Рук. проекта: Е.А. Брюханова. Разраб. информ. системы: Д.Н. Иванов. Разработка ГИС и интерактивной карты: Е.П. Крупочкин. Исполн.: В.Н. Владимиров, О.И. Чекрыжова, Н.В. Неженцева, З.Е. Мищанинец, Д.С. Лавлинских, А.Ю. Полозкова [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/about/> (дата обращения: 08.08.2020).
- Куликов, 2010 — Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // *Таврические*

- чтения – 2009: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). СПб.: [б. и.], 2010. С. 11-109.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.
- Мионов, 2004** – Мионов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 55-62.
- Мионов, 2017** – Мионов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
- Мионов 2018a** – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
- Мионов, 2018b** – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.
- Мионов, 2019** – Мионов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.
- Общий свод..., 2005** – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. / Ред. Н. Тройницкий. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1905. Т. 2. 417 с.
- Положение о выборах..., 1994** – Положение о выборах в Учредительное собрание // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 136-184.
- Протасов, 2008** – Протасов Л.Г. Депутаты Всероссийского Учредительного Собрания: этнонациональный аспект // *Научные ведомости Белгородского университета*. 2008. № 1(41). Вып. 5. С. 88-94.
- Распределение населения..., 1905** – Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. В 4 т. / Ред. Н. Тройницкий. СПб.: Типо-лит. М.Я. Минкова, 1905.
- Состав 1, 1925** – Состав 1, 2 и 3 съездов Советов Советских Социалистических Республик. М.: ЦИК СССР, 1925. 27 с.
- Статистические данные..., 1924** – Статистические данные о составе съездов Советов: 2-го Съезда Советов Союза ССР и XI Всероссийского Съезда Советов. М.: ЦИК СССР, 1924. 20 с.
- Стенографический отчет, 1923** – Стенографический отчет [30 декабря 1922 г.], с приложениями; I-я сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик // *1 Съезд Советов Союза ССР*. М.: ЦИК СССР, 1923. 50 с. Приложение 2. 8 с.
- References**
- 1 Sthezd, 1923** – 1 Sthezd sovetov Soiuza SSR (1 Congress of Soviets of the USSR). Moscow: TsIK SSSR, 1923. Appendix 2, pp. 3-4. [in Russian]
- Arutyunyan et al., 1992** – Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Grishaev, I.A. et al. (1992). Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki [Russian: ethnosociological essays]. Ed. by Yu.V. Arutyunyan. Moscow: Nauka. 461 p. [in Russian]
- Dekrety..., 1959** – Dekrety Sovetskoj vlasti [Decrees of the Soviet power]. In 3 vols. Moscow: Politizdat, 1959. Vol. 2. 686 p. [in Russian]
- Gosudarstvennaia Duma, 1906–1917** – Gosudarstvennaia Duma 1906–1917 gg. [State Duma 1906–1917]. [Electronic resource]. URL: <http://parliament.psu.ru/pls/parlament/frames.html> (date of access: 21.03.2020). [in Russian]
- Informacionnaia sistema..., 2020** – Informacionnaia sistema “Professii i zaniatiia naseleniia Rossiiskoi imperii kontsa XIX — nachala XX veka. Analiz dannykh Pervoi vserossiiskoi perepisi naseleniia 1897 goda” [Information system “Professions and occupations of the population of the Russian Empire of the late XIX — early XX century. Analysis of data from the First all-Russian population census of 1897”]. [Electronic resource]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/about/> (date of access: 08.08.2020). [in Russian]
- Kulikov, 2010** – Kulikov, S V. (2010). Narodnoe predstavitel'stvo Rossiiskoi imperii (1906–1917 gg.) v kontekste mirovogo konstitutsionalizma nachala XX v.: sravnitel'nyi analiz [People's representation of the Russian Empire (1906–1917) in the context of world constitutionalism at the beginning of the XX century: A comparative analysis]. *Tavricheskie chteniya-2009: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii (1906–1917 gg.)*. St. Petersburg. Pp. 11–109. [in Russian]
- Miller, 2006** – Miller, A.I. (2006). Imperiia Romanovyh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia [The Romanov Empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow: NLO. 240 p. [in Russian]
- Mironov, 2004** – Mironov, B.N. (2004). Sotsiologiya i istoricheskaya sotsiologiya: vzglyad istorika [Sociology and historical sociology: A historian's view]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 10: 55-62. [in Russian]

- Mironov, 2017** – *Mironov, B.N.* (2017). Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii [Managing the ethnic diversity of the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 640 p. [in Russian]
- Mironov, 2018a** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossiiskaia imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]. In 3 vols. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, Vol. 1. 896 p. [in Russian]
- Mironov, 2018b** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossiiskaia imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]. In 3 vols. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, Vol. 3. 992 p. [in Russian]
- Mironov, 2019** – *Mironov, B.N.* (2019). Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia [Russian modernization and revolution]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 528 p. [in Russian]
- Obschii svod..., 2005** – Obschii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobschei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 ianvaria 1897 g. [General summary of the results of the development of data for the first General population census, made on January 28, 1897]. In 2 vols. Ed. by N. Troynitsky. Saint-Petersburg: type. N. L. Nyrkin. Vol. 2. 417 p. [in Russian]
- Polozhenie o vyborakh, 1994** – Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie [Election regulations on elections to the Constituent Assembly]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.:* in 9 vols. Vol. 9. Ed. by O.I. Chistyakov. Moscow: Iuridicheskaiia literatura, 1994. Pp. 136-184. [in Russian]
- Protasov, 2008** – *Protasov, L.G.* (2008). Deputaty Vserossiiskogo Uchreditel'nogo Sobraniia: etnonatsional'nyi aspekt [Deputies of the all-Russian Constituent Assembly: Ethnonational aspect]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta.* 1(41): 5: 88-94. [in Russian]
- Raspredelenie naseleniia..., 1905** – Raspredelenie naseleniia po vidam glavnykh zaniatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam [Distribution of the population 1905-Distribution of the population by types of main occupations and age groups in separate territorial areas]: in 4 vols. Eed. by N. Troynitsky. St.-Petersburg: typo-lit. M. Ya. Minkov, 1905. 459 p.; 406 p.; 271 p.; 371 p. [in Russian]
- Sostav 1, 1925** – Sostav 1, 2 i 3 s"ezdov Sovetov Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Composition of the 1st, 2nd and 3rd congresses of Soviets of Soviet Socialist Republics]. Moscow: TsIK SSSR, 1925. 27 p.
- Statisticheskie dannye, 1924** – Statisticheskie dannye o sostave s"ezdov Sovetov: 2-go S"ezda Sovetov Soiuzna SSR i XI Vserossiiskogo S"ezda Sovetov [Statistical data on the composition of the congresses of Soviets: the 2nd Congress of Soviets of the USSR and the XI all-Russian Congress of Soviets]. Moscow: TsIK SSSR, 1924. 20 p. [in Russian]
- Stenograficheskii otchet, 1923** – Stenograficheskii otchet [30 dekabrya 1922 g.], s prilozheniiami; I-ia sessiia Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Soiuzna Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Stenographic report [December 30, 1922], with appendices; 1st session of the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics]. *1 S"ezd sovetov Soyuzna SSR.* Moscow: TsIK SSSR, 1923. 50 p. Appendix 2. 8 p. [in Russian]
- Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda, 1928–1930** – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda [All-Union population census of 1926]. In 56 vols. Moscow: TsSU, 1928-1930. Vol. 18–34. [in Russian]
- Vsesoiuznaya perepis' naseleniia 1926 goda, 1928** – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda [All-Union population census of 1926]. Vol. 18. Moscow: TsSU, 1928. 552 p. [in Russian]
- Znamensky, 1976** – *Znamensky, O.N.* (1976). Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriia sozyva i politicheskogo krusheniia [All-Russian Constituent Assembly: History of convocation and political collapse]. Leningrad: Nauka, 364 p. [in Russian]

Этнополитическая дискриминация в России в позднеимперский и раннесоветский периоды

^a Борис Николаевич Миронов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В период империи нерусские народы были представлены в центральных и местных органах исполнительной власти, в органах суда и в силовых структурах, с 1905 г. – и в законодательных учреждениях, но неадекватно их численности. В некоторых случаях это было следствием прямой дискриминации (например, евреев), но чаще объяснялось низким уровнем культуры, незнанием русского языка, недостатком профессионалов и другими факторами, прямо не связанными с этническим неравенством. Для участия в управлении требовалась соответствующая компетенция и как минимум хотя бы начальное образование, а также знание русского языка, в связи с чем более образованные граждане обладали и более высокими шансами попасть на службу во властные структуры независимо от этнической принадлежности. Этнополитическая дискриминация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mironov1942@yandex.ru (Б.Н. Миронов)

в империи не была столь существенной, чтобы стать главной причиной революции 1917 года и распада Российской империи. В первое десятилетие советской власти этническое неравенство при формировании органов власти и силовых структур уменьшилось, но полностью не было ликвидировано, соответственно участие нерусских в управлении возросло, но еще не стало адекватным их численности. Как показывает индекс этнополитической репрезентативности, в 1926 г. неравенство не было полностью ликвидировано: у всех нерусских народов в целом за 1897–1926 гг. индекс возрос с 0,61 до 0,79, но не достиг единицы, то есть демократической нормы. Такое уменьшение неравенства можно считать существенным, но нельзя назвать качественным скачком в преодолении этнической дискриминации.

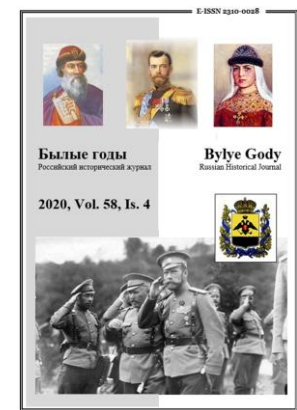
Ключевые слова: этническое неравенство, индекс этнополитической репрезентативности, участие народов в управлении, Российская империя, Советский Союз.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2809-2816. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2809
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Outstanding Zemstvo Statist": about the Life and Work of Sergei N. Veletskii from Siberia and Ufa Province in the late XIX – early XX centuries

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Galina M. Lushchayeva ^a, Nikolai R. Novosel'tsev ^a,
 Alexander S. Kovalev ^{a, b}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Russian Federation

Abstract

The article shows about Sergei Nikolaevich Veletskii. The life's and professional facts are questioning this research. He is known to historical science as a member of the Imperial Free Economic Society, a member and employee of the Imperial Russian Geographical Society, a "remarkable zemstvo statistician" who carried out a detailed study of the districts of the Ufa province and other places where he was in the civil service in the late 19th – early 20th centuries. His multivolume books call "Zemskaya statistics" (Moscow, 1899–1900), "Collection of statistical information on the Ufa province" (Ufa, 1898–1911) and etc. These publications are representing a significant source potential for historical research about socio-economic development of Southern Urals, Steppe region and Siberia. The evidence and theoretical conclusions presented in this article were obtained on the basis of an analysis of archival documents stored in the funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory (KGKU SACK), as well as from databases compiled using relatively reliable materials, including declassified documents of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. This article also establishes facts from the life of Sergei N. Veletskii. These are spouses Yadviga Iosifovna Veletskaya (or Gedronovich) and Nikolai S. Veletsky. Yadviga I. Veletskaya was guardians of orphanages in the Ufa and Yenisei provinces. Nikolai S. Veletsky was eldest son which participants in the Civil War and Soviet employee who suffered from repression in 1937. This data about Sergei N. Veletskii complements information about seniors and officials of the provincial administration in Siberia.

Keywords: bureaucracy, civil servants, zemstvo statistics, S.N. Veletsky, Yenisei province, Ufa province, Yenisei province, Simbirsk province, Akmola region, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

В последние десятилетия новые направления – микроистория и социальная история – приобрели значимую популярность среди историков и краеведов. Средства массовой информации (местные газеты, телевизионные программы и тематические интернет-каналы) все чаще обращаются к региональной истории для формирования патриотического отношения к «малой Родине», ее историческому наследию, вписанному в историю «Великой страны» на протяжении многовекового опыта Российской империи. В научных центрах и университетах Сибири, Урала, Дальнего Востока, Северо-Западной, Южной и Центральной России все больше историков обращаются к предмету исследования, заключающемуся в установлении фактов из жизни местных служащих государственного и общественного управления (Дамешек, Дамешек, 2020; Плех, 2019; Чуб, 2018; Anisimova et al., 2018; Gryaznukhin et al., 2020). Тематика истории чиновничества на уровне регионов разрабатывается в Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Рязани, Уфе, Якутске, Ярославле и других городах современной России.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

Цель данной статьи – исследование жизни и деятельности Сергея Николаевича Велецкого как личности, оставившей след в истории. Он был, как сказано о нем в официальных служебных документах из его личного дела начала XX в., «замечательным земским статистиком», как сказали бы о нем сейчас, он был ученым-статистиком, историком, экономистом, этнографом, получавшим материал для работы в полевых исследованиях и умевшим работать с большими массивами источников («big data»). Сергей Николаевич Велецкий служил в Енисейской, Уфимской, Симбирской губерниях и Акмолинской области, социально-экономическое развитие которых описал в своих книгах, имеющих по сей день высокую научную значимость.

2. Материалы и методы

Историко-биографический и историко-генетический методы научного познания составили основу методологии работы и в комплексе позволили провести реконструкцию и анализ жизни человека в разных исторических условиях.

Исторические источники исследования – это документы официального происхождения из фондов Государственного архива Красноярского края (КГКУ ГАКК). Среди них личное дело С.Н. Велецкого (крайняя дата – 1917 г.), его индивидуальный формулярный (послужной) список от 23 августа 1913 г., делопроизводственные документы Общего Енисейского губернского управления с упоминанием его жены – Ядвиги Иосифовны Велецкой.

В свою очередь сведения о судьбах детей С.Н. Велецкого получены из баз данных – «Участники Белого движения в России» и «Открытый список (открытый список репрессированных граждан», – представленных в сети интернет и составленных по материалам Государственного архива Российской Федерации» (ФКУ ГАРФ), Российского государственного военного архива (ФКУ РГВА), а также архивным рассекреченным документам Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

3. Обсуждение

В современной историографии о чиновнике периода царской России, ученом-статистике Сергее Николаевиче Велецком представлено не так много публикаций. Значимый вклад в освещение его профессиональной и научной деятельности внесли научные работы историка М.И. Родного – сотрудника Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В его публикациях, среди которых «Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX – начале XX вв.» (2006) и «Земство Уфимской губернии и аграрная статистика» (2012), обработаны и описаны собранные С.Н. Велецким оценочно-статистические материалы социально-экономического развития Уфимской губернии в 1895–1898 гг. (Абсалямов и др., 2013; Роднов, 2006; Роднов, 2012).

Есть краткая биографическая статья о Сергее Николаевиче Велецком в «Новом энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1910 г.). На его страницах чиновник упомянут как современный земский статистик, ученый на службе переселенческого управления Степного края, автор книги «Земская статистика», опубликованной московским издательством в 1899–1900 гг. (Новый энциклопедический..., 1912: 892, 960).

В портретной галерее Большого русского биографического словаря – современного гиперпроекта сети интернет, подобного Википедии, – информация о С.Н. Велецком повторяет имеющиеся краткие сведения «Нового энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Русский биографический словарь...).

Таким образом, многие сюжеты из жизни известного в XIX – начале XX вв. земского статистика подлежат еще дальнейшему изучению или переосмыслению. Необходимость их дополнения обусловлена интересом к личности Сергея Николаевича Велецкого со стороны уфимских историков и прямых потомков чиновника, последние из которых занимаются генеалогическим поиском на международном портале «Geni» (Geni: генеалогический поиск...).

4. Результаты

4.1. О семье чиновника

Сергей Николаевич Велецкий родился 1 мая 1864 г., был православным, происходил из потомственных дворян Малороссии. Его отец – Николай Константинович Велецкий (1835–1904 гг.) – сын подполковника, уроженец села Клишценцы Золотоношского уезда Полтавской губернии, дослужившийся до подпоручика, участник Крымской войны 1853–1856 гг., после выхода в отставку в 1858 г. посвятивший себя помещичьему хозяйству и литературному творчеству (публиковал прозу и стихи в журнале «Природа и охота»). В его семье, помимо интересующего нас в данной статье старшего сына Сергея, воспитывалось еще трое детей – Аркадий, Зиновий и Наталья (Список дворян..., 1898: 102).

Супруга С.Н. Велецкого – Ядвига Иосифовна Велецкая (в девичестве Гедронович) – была польской дворянкой по происхождению, римско-католического вероисповедания (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 2). Она сумела запомниться современникам активной общественной деятельностью.

Наградной список Я.И. Велецкой, представленной в 1916 г. к награде знаком отличия Святой Равноапостольной Княгини Ольги 3-ей степени, свидетельствует о значимом вкладе жены «верненского чиновника» – коллежского советника Сергея Николаевича Велецкого – в реализации в период с 1910 по 1914 г. общественных направлений социальной помощи беспризорным и безнадзорным детям города Верный Семиреченской области (ныне – город Алматы, Республика Казахстан). Ядвига Иосифовна в эти годы там занимала должность помощницы попечительницы детского приюта и за добросовестный труд и отзывчивое отношение к детям в 1912 г. стала достойной награды в виде золотого знака отличия, а в 1914 г. – светло-бронзовой медали “В память 300-летия царствующего Дома Романовых” по той же должности (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 239. Л. 60б.).

Прибыв с семьей на новое место службы мужа – в город Красноярск Енисейской губернии, в 1914–1916 гг. Я. И. Велецкая занимала пост «председательницы Совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев Енисейской губернии» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 239. Л. 60б.). В трудное для страны военное время Ядвига Иосифовна сумела добиться ожидавшегося всеми переезда приюта из города Красноярска на более обширные площади за городом – станцию «Кемчуг» (по Томской железной дороге).

В упомянутом выше наградном списке Я.И. Велецкой сказано, что, благодаря организаторским способностям и влиянию супруга (по Министерству земледелия), ей удалось по данному ведомству исходатайствовать 530 десятин земли, на земельном участке построить помещение на 150 детей, оборудовать, оснастить его всем необходимым для нормальной жизни воспитанников, обустроить службы административного и хозяйственного назначения. Кроме того, Ядвига Иосифовна в качестве председательницы Совета приюта участвовала в открытии детского сада для младших воспитанников, а для старших – сельского двухклассного училища. С целью привития трудовых навыков, необходимых в будущей взрослой жизни детей, начали работу швейная, ткацкая, «молочная», кузнечно-слесарная, столярная, сапожная мастерские. При приюте был организован двор для содержания скота и домашней птицы, огород, зерновое поле, пасека, предназначенные как для питания детей и персонала, так и для образовательных (воспитательных) целей. В планах администрации Ольгинского приюта на момент составления наградного списка Я.И. Велецкой было открытие православной церкви, больницы для «заразных больных», агрономической школы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 239. Л. 7-10).

Заметим, помощь беспризорным и безнадзорным детям членами семей местных чиновников была некой традицией для Сибири. Так, упомянутый и Ольгинский приют трудолюбия для детей переселенцев Енисейской губернии был открыт в 1899 г. при финансовом участии супруги бывшего губернатора Енисейской губернии – Марии Ивановны Плец (Карчаева, 2017: 62).

Судьбы детей Сергея Николаевича и Ядвиги Иосифовны Велецких не удалось восстановить с определенной точностью. Детей в семье было трое – Николай (22.11.1897 г.р.), Владимир (21.05.1902 г.р.), Елена (21.10.1903 г.р.), и они «имели по отцу православное вероисповедание» (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 2).

Известно, что старший сын – Николай Сергеевич Велецкий – окончил в 1917 г. Павловское военное училище, потом поступил учиться в Петроградский университет, который в связи с революционными событиями окончить не успел. В годы Гражданской войны он служил поручиком в должности командира артиллерийского парка в составе белых войск Восточного фронта, на 28 октября 1918 г. находился в Оренбургском офицерском батальоне. На информационном портале «Списки погибших солдат России, СССР и Российской империи» Николай значится в числе погибших (Участники Белого движения...).

Однако согласно данным, представленным МВД Республики Казахстан, старший сын Сергея Николаевича Велецкого, Николай, вовсе не погиб в Гражданскую войну, а был репрессирован 14 октября 1937 г., приговорен к расстрелу (в 1957 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления). В базе данных указано, что до ареста в 1937 г. Николай проживал в Акмолинской (Целиноградской) области в городе Акмолинске (ныне – город Нур-Султан, ранее – Астана), работал на должности руководителя сметной группы в управлении «Казстройпуть» (Открытый список...).

4.2. Молодые годы в Центральной России

Уровень образования Сергея Николаевича Велецкого – молодого дворянина конца XIX в. – был выше, чем у большинства его современников (Vititneva et al., 2020: 243). Он окончил Александровское Полтавское реальное училище, которое давало среднее техническое образование общего, химического или механического профилей. Затем по каким-то причинам С.Н. Велецкий не был зачислен в Императорский Харьковский университет, но посещал его в статусе вольного слушателя, изучал курс физико-математического факультета (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 10б.).

Первой должностью С.Н. Велецкого на гражданской службе было место статистика в Полтавской губернской земской управе. Здесь он начал работу 1 апреля 1891 г., через два года (1 июля 1893 г.) уже стал чиновником особых поручений Полтавской казенной палаты, а первый классный чин коллежского регистратора получил 1 июля 1894 г. (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 2).

Статус дворянина и положительные качества личности позволили Сергею Николаевичу уже в молодом возрасте активно себя проявить на общественных выборных должностях. Так, в 1892 г. он

был избран на трехлетие земским гласным по Золотоношскому уезду Полтавской губернии; в 1893 г. на XXIX очередном уездном земском собрании включен в особую комиссию по обсуждению вопросов о нуждах сельского хозяйства в Полтавской губернии; известно, что с 10 по 20 декабря 1895 г. был участником Всероссийского съезда сельских хозяев в Москве (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 20б.).

С.Н. Велецкий поступил на службу в Министерство земледелия и государственных имуществ 26 июня 1895 г. и был причислен к общему отделу сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. 1 марта 1896 г. его назначили на должность делопроизводителя учрежденной при министерстве «Особой сельскохозяйственной комиссии», а в конце этого месяца откомандировали в Уфимскую губернию (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 3 об.-4).

4.3. На службе в Уфимской губернии

По поручению местной губернской земской управы С.Н. Велецкий, имевший теоретические и практические знания, был определен для заведования и руководства предпринятым Уфимским губернским земством хозяйственного статистического исследования губернии, как сказано в его личном деле, – «с возложением по Департаменту Земледелия особых поручений по сельскохозяйственной части» (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 4).

Результатом проделанной им работы стал «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», вышедший под издательством Уфимской губернской земской управы в 1898–1911 гг. Его шесть из десяти томов, включая три тома приложений, были составлены именно С.Н. Велецким. Каждый том сборника содержит огромное количество историко-статистических таблиц, аналитических и иллюстративных материалов, характеризующих население губерний по уездам, доходность земельных угодий, земель и лесов, городских недвижимых имуществ, фабрик, заводов, рудников и прочих промышленных заведений. Также под его началом Уфимским губернским земством был издан «Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственных отношениях (за 1895–1898 годы)» (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 3).

В формулярном списке Сергея Николаевича Велецкого указано, что проделанная им огромная статистическая работа по исследованию социально-экономических условий жизни на примере одной из провинциальных губерний не осталась незамеченной в научном сообществе. 14 ноября 1896 г. он был избран действительным членом Императорского Вольного экономического общества. Порадовал его и очередной классный чин губернского секретаря (с 1 июля 1897 г.), который, однако, был присвоен по выслуге лет, а не за личные заслуги (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 3-5об.).

Уральский историк М.И. Роднов пишет о начале работы С.Н. Велецкого в уфимском земстве в 1897 г., ему было поручено возглавить бюро статистики. Прибыл Сергей Николаевич в город Уфу в середине апреля. Еще до отъезда на Южный Урал им была написана рукопись, темой которой стала земская статистика. Работа была издана в Москве, предисловие к ней было составлено статистиком, экономистом, профессором и членом-корреспондентом Академии наук Санкт-Петербурга А.И. Чупровым. В дальнейшем, данный труд получил положительные отзывы в научном сообществе столицы и Москвы (Роднов, 2012: 110–111).

И действительно, в формулярном списке чиновника зафиксирован факт научного вклада в агрономическую науку, экономику и статистику того времени. В ноябре 1899 г. Сергей Николаевич Велецкий стал членом Императорского Русского географического общества, а в январе 1903 г. – его сотрудником (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 5 об.-6).

Знания и опыт С.Н. Велецкого – замечательного земского статистика и чиновника-руководителя – были востребованы на практической работе. 10 мая 1899 г. его назначили производителем работ в Первую Акмолинскую временную партию по заготовлению переселенческих и запасных участков вдоль линии Сибирской железной дороги. С объединением Акмолинской и Семипалатинской партий в одну его поставили заведующим (ответственным) Акмолинско-Семипалатинской временной партией в должности старшего производителя работ. 15 января 1911 г. заместитель губернатора Семиреченской области коллежский асессор (действительный статский советник) Павел Петрович Осташкин назначил его председателем Семиреченского областного агрономического совещания. В 1913 г. Верненским избирательным городским собранием по городу Верный С.Н. Велецкий был избран на четырехлетие гласным Верненской городской думы (1913–1916 гг.), а затем ее председателем (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 7-15).

Однако служить населению города Верный и его округе Сергею Николаевичу Велецкому не пришлось. Его ждала Сибирь.

4.4. На службе в Енисейской губернии

Прославившийся замечательными результатами статистической работы по уездам Уфимской губернии Сергей Николаевич в середине 1913 г. прибыл в город Красноярск – административный центр Енисейской губернии, относившейся к Восточной Сибири, а именно – к Иркутскому генерал-губернаторству, получив «за прослужение в степных областях дополнительных 20 % к годовому жалованию (170 руб.)». Несмотря на переезд, С.Н. Велецкий был оставлен почетным членом Семиреченского областного попечительства детских приютов (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 136-138).

Согласно формулярному списку 1913 г., Сергей Николаевич Велецкий – статский советник, начальник Енисейского управления земледелия и государственных имуществ, чиновник особых

поручений, по службе приписан к корпусу лесничих при Переселенческом управлении Государственного управления землеустройства и земледелия. По тем меркам он получал достойное денежное содержание – 5000 руб., среди них жалованье – 2000 руб., столовые деньги – 2000 руб., квартирные – 1000 руб., а также добавочные деньги за сибирскую службу – 400 руб. в год (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 2).

Енисейская губерния, несмотря на постройку Транссибирской железнодорожной магистрали, в начале XX в. все еще считалась отдаленной территорией, на которой служили преимущественно выходцы из непривилегированных сословий, а если и были дворяне среди высших чиновников, то в основном беспоместные (Карчаева, 2017: 93).

За почти вековую работу административного корпуса гражданских служащих по Енисейской губернии С.Н. Велецкий стал одним из наиболее имущих чиновников, в собственности которого (по записи из формуляра) числились в Полтавской губернии – родовая усадьба и 280 десятин земли (Золотоношский уезд, село Гусиное); в Харьковской губернии – восьмая часть от 15 тысяч десятин земли, а также он получал доход от сдававшихся в аренду заводов, крупнодольной мельницы (Сумский уезд, селение Хотик). Кроме того, в собственности супруги (Ядвиги Иосифовны Велецкой) числилось благоприобретенное имущество, а именно – усадьба с жилым домом в городе Верном (ныне – Алматы) и дача за городом» (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 10б.).

В архивном фонде №174 «Красноярский городской нотариус Ставровский» Государственного архива Красноярского края сохранился проект духовного завещания Сергея Николаевича Велецкого, запись которого была зарегистрирована в актовой книге и внесена в реестр нотариальных действий (данный факт подтверждает его подлинность) (ГАКК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1-2). Из архивного документа следует, что потомственный дворянин Полтавской губернии, по чину – коллежский советник, по должности – управляющий Енисейским управлением земледелия и государственных имуществ, служивший до этого времени на высших должностях гражданской службы и общественного самоуправления в Уфимской и Симбирской губерниях, какого-либо недвижимого имущества за годы государственной службы не приобрел, а передает родовое имущество. В завещании от 24 июля 1914 г., составленном при свидетелях – статском советнике Валериане Тихоновиче Волкове, коллежском асессоре Александре Робертовиче Мазинге, а также исполнявшем при данном Управлении должность чиновника по особым поручениям Якове Корнеевиче Лысновском – сказано о передаче жене и детям наследственной массы в равных долях (ГАКК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1142. Л. 2).

Дата смерти Сергея Николаевича Велецкого нам неизвестна. Приведенный формулярный список чиновника, составленный в 1917 г., свидетельствует о получении им 1 июля 1915 г. очередного классного чина – статского советника, 10 апреля 1916 г. – ордена Святой Анны 3-ей степени. Кроме основной должности – начальника (управляющего) Енисейского губернского управления земледелия и государственных имуществ – в 1916 г. ему было поручено исполнять обязанности представителя соответствующего министерства в Енисейском епархиальном училищном совете. А приказом от 2 мая 1916 г. его заместителем (заместителем начальника названного управления) был назначен присутствующий на свидетельствовании завещания статский советник Валериан Тихонович Волков (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 130-140).

Датирование формулярного списка С.Н. Велецкого, составленного в 1917 г. на начальника (управляющего) Енисейского губернского управления земледелия и государственных имуществ, позволяет утверждать, что он оставался на данной должности вплоть до конца монархии. Также в самом формуляре присутствует текст приказа по ведомству Министерства земледелия от 22 апреля 1917 г. о переводе бывшего начальника управления земледелия и государственных имуществ по Енисейской губернии на основании его прошения на такую же должность в Оренбургско-Тургайское управление земледелия и государственных имуществ (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 186).

5. Заключение

Таким образом, приведенные в статье ранее неизвестные исторической науке сведения дополняют факты из жизни и профессиональной деятельности Сергея Николаевича Велецкого. Он был, как сказано в его формулярном (послужном) списке, «замечательным земским статистиком», осуществившим подробнейшее исследование уездов Уфимской губернии и других мест, где находился на гражданской службе. В награду за изданные под его началом многотомные книги он был принят в члены и сотрудники Императорского Вольного экономического общества и Императорского Русского географического общества. Проведенные им на рубеже XIX–XX вв. «полевые исследования» по сбору данных о социально-экономическом положении отдаленных от политического центра частей России позволили планировать агрономическое и демографическое развитие территорий Южного Урала, Казахстана и Сибири уже в годы советской власти. Источниковый потенциал обработанных им данных еще не до конца оценен исторической наукой. Выявленные новые факты о личности Сергея Николаевича Велецкого конкретизируют уже имевшуюся о нем информацию, повествуют о ранее неизвестном периоде гражданской службы в Енисейской губернии, на территории которой он возглавлял местное правительственное учреждение

по ведомству Министерства земледелия и государственных имуществ. Последние сведения о его деятельности относятся к апрелю 1917 г.

Литература

Абсалямов и др., 2013 – Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации / ИИ-ЯЛ УНЦ РАН. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 204 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84-96.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Новый энциклопедический..., 1912 – Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. Т. 9: Белорыбица – Вельможа. 892 стб. 960 стб.

Открытый список... – База данных «Открытый список (открытый список репрессированных граждан)»: сайт. [Б. м., б. г.]. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Велецкий_Николай_Сергеевич_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Велецкий_Николай_Сергеевич_(1897)). (дата обращения: 10.09.2020).

Плех, 2019 – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258-272.

Роднов, 2006 – Роднов М.И. Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX – начале XX вв. // *Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии*: Сб. статей / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Изд-во РУДН, 2006. 229 с.

Роднов, 2012 – Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // *Российская история*. 2012. № 5. С. 110-120.

Русский биографический словарь – Русский биографический словарь. Сетевая версия: сайт. [Б. м., б. г.]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulx.ru/01030535.htm> (дата обращения: 10.09.2020).

Русский биографический словарь... – Русский биографический словарь. Сетевая версия: сайт. [Б. м., б. г.]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulx.ru/01030535.htm> (дата обращения: 29.09.2020).

Список дворян..., 1898 – Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. Строчка 102.

Участники Белого движения... – База данных «Участники Белого движения в России – Ве-Вн» // Списки погибших солдат России, СССР и Российской империи: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojni/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-ve-vn.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343-351.

Geni: генеалогический поиск... – Geni: генеалогический поиск сайт. [Б. м., 2020]. [Электронный ресурс]: URL: https://www.geni.com/search?search_type=people&names=велецкий (дата обращения: 29.09.2020).

Anisimova et al., 2018 – Anisimova L.J., Andusev B.E., Akhtamov E.A. The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2: 728-735.

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V., Belgorodskaya L. V. Malyutina L. F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1132-1141.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T. G., Gergilev D. N., Luschaeva G. M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 188-197.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy S. V. Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. Vol. 19. Is. 3: 727-740.

Vititneva et al., 2020 – Vititneva E.V., Lushchaeva G.M., Pahomova N.V., Lushchaeva M.D. The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1: 242-249.

References

Absalyamov i dr., 2013 – Absalyamov, Yu.M., Azamatova, G.B., Gainullina, A.V., Rodnov, M.I., Tagirova, L.F. (2013). Ufimskie pomeshchiki: tipy istochnikov, vidy dokumentatsii [Ufa landowners: types of sources, types of documentation]. II-YaL UNTs RAN. Ufa. DizaynPress, 204 p. [in Russian]

[Anisimova et al., 2018](#) – *Anisimova, L.J., Andusev, B.E., Akhtamov, E.A.* (2018). The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century. *Bylye Gody*. 48(2): 728-735.

[Chub, 2018](#) – *Chub, N.V.* (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343-351. [in Russian]

[Dameshek, Dameshek, 2020](#) – *Dameshek, L.M., Dameshek, I.L.* (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 37(1): 84-96. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Region].

[Geni: genealogicheskii poisk...](#) – Geni: genealogicheskii poisk [Geni: genealogical search]. [Electronic resource]. URL: https://www.geni.com/search?search_type=people&names=veletskii (date of access: 29.09.2020).

[Gryaznukhin et al., 2020](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malyutina L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.

[Karchaeva et al., 2019](#) – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.

[Karchaeva, 2017](#) – *Karchaeva, T.G.* (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. Siberian Federal University, 252 p. [in Russian]

[Lyubichankovskiy, 2020](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2020). Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19(3): 727-740.

[Malyutina et al., 2019](#) – *Malyutina, L.F., Gergilev, D.N., Gryaznukhin, A.G., Zhabaeva, L.B.* (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

[Novyi entsiklopedicheskii..., 1912](#) – *Novyi entsiklopedicheskii slovar'*. Pod obshch. red. K. K. Arsen'eva [New Encyclopedic Dictionary / under total. ed. K. K. Arsenyeva]. V. 9. St. Petersburg, 1912. Columns 892, 960.

[Otkrytyi spisok...](#) – Baza dannykh "Otkrytyi spisok repressirovannykh grazhdan" [Database "Open list of repressed citizens]. [Electronic resource]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Veletskii_Nikolai_Sergeevich_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Veletskii_Nikolai_Sergeevich_(1897)) (date of access: 10.09.2020).

[Plekh, 2019](#) – *Plekh, O.A.* (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii* 11: 258-272.

[Rodnov, 2006](#) – *Rodnov, M.I.* (2006). Spor o tsifre: chislennost' bashkirskogo naroda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Dispute about the number: the number of the Bashkir people in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Etnostatisticheskie traektorii Yuzhnogo Urala. Dinamika rasseleniya narodov Bashkirii*. Moscow. RUDN university, 229 p.

[Rodnov, 2012](#) – *Rodnov, M.I.* (2012). Zemstvo Ufimskoi gubernii i agrarnaya statistika [Zemstvo of the Ufa province and agrarian statistics]. *Rossiiskaya istoriya*. 5, pp. 110-120.

[Russkii biograficheskii slovar'](#) – *Russkii biograficheskii slovar'*. Setevaya versiya [Russian Biographical Dictionary. Network version]. [Electronic resource]. URL: <http://www.rulex.ru/01030535.htm> (date of access: 10.09.2020).

[Spisok dvoryan..., 1898](#) – Spisok dvoryan, vnesennykh v dvoryanskuyu rodoslovnuyu knigu Poltavskoi gubernii [List of nobles are including at the noble genealogy book of the Poltava province]. Poltava. 1898, line 102.

[Uchastniki Belogo dvizheniya...](#) – Baza dannykh "Uchastniki Belogo dvizheniya v Rossii – Ve-Vn". Spiski pogibshikh soldat Rossii, SSSR i Rossiiskoi imperii. [Database "Participants of the White Movement in Russia – Ve-Vn". Lists of the dead soldiers of Russia, the USSR and the Russian Empire]. [Electronic resource]. URL: <https://pogibshie.rf/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojnny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-ve-vn.html> (date of access: 10.09.2020).

[Vititneva et al., 2020](#) – *Vititneva, E.V., Lushchaeva, G.M., Pahomova, N.V., Lushchaeva, M.D.* (2020). The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 55(1): 242-249.

«Замечательный земский статистик»: о жизни и деятельности С.Н. Велецкого в Сибири и Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a,*}, Галина Михайловна Луцаева ^a, Николай Рзавич Новосельцев ^a, Александр Сергеевич Ковалев ^{a,b}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее неизвестные факты жизни и профессиональной деятельности Сергея Николаевича Велецкого. Он известен исторической науке как член Императорского Вольного экономического общества, член и сотрудник Императорского Русского географического общества, «замечательный земский статистик», осуществивший подробнейшее исследование уездов Уфимской губернии и других мест, где находился на гражданской службе в конце XIX – начале XX вв. Его многотомные книги – «Земская статистика» (М., 1899–1900), «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии» (Уфа, 1898–1911) и др. – представляют значимый источниковый потенциал для исторических исследований социально-экономического развития Южного Урала, Степного края и Сибири в целом. Приведенные в данной статье свидетельства и теоретические выводы получены на основе анализа архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива Красноярского края (КГКУ ГАКК), а также из баз данных, составленных по относительно достоверным материалам, среди которых рассекреченные документы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. В данной статье также установлены факты из жизни близких родственников С.Н. Велецкого: супруги Ядвиги Иосифовны Велецкой (Гедронович) – попечительницы детских приютов Уфимской и Енисейской губерний, старшего сына Николая Сергеевича Велецкого – участника Гражданской войны, затем – советского служащего, пострадавшего от репрессий в 1937 г. Кроме того, приведенные на основе личного дела С.Н. Велецкого сведения о гражданской службе в качестве главы Управления государственных имуществ по Енисейской губернии дополняют факты о его профессиональной деятельности как высшего чиновника на уровне губернской администрации.

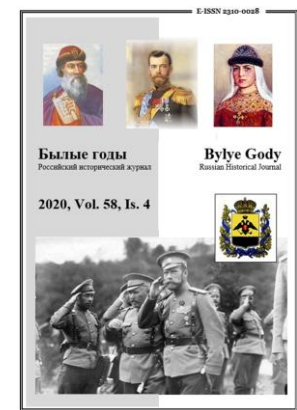
Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, земская статистика, С.Н. Велецкий, Енисейская губерния, Уфимская губерния, Симбирская губерния, Акмолинская область, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2817-2825. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2817
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Population of the Don and the Northern Caucasus at the end of the Imperial Period (1900–1910s): Wars and Other Factors of Geodemographic Dynamics

Sergey J. Suschiy ^{a, *}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The following article examines the geodemographic dynamics of the population of the Don and the North Caucasus at the end of the imperial period. It determines the ratio of natural growth and migration, evaluates the influence of various factors on demographic processes, including wars prosecuted by Russia at that time. It is concluded that the southern regions (except Dagestan) were distinguished by increased natural population growth, which was supplemented by a large-scale migration inflow in the Kuban and Terek regions, as well as in the Black Sea governorate. As a result, the population of the entire macroregion grew at a rapid pace (from 7 to 10.17 million people in 1901–1904). The Russo-Japanese War and the Russian Revolution of 1905–1907 almost did not affect the demographic dynamics of the southern regions. The negative impact of the First World War was more perceptible. By 1917, the conscription into the field army reduced the size of the existing population of the macroregion by 1-1.2 million people (by 10-12 %). But at the same time, hundreds of thousands of refugees and prisoners of war settled within the Don and the North Caucasus. Irrecoverable and sanitary casualties of the mobilized regional contingent, even according to incomplete statistics, exceeded 340 000 people. However, until the beginning of 1917, the macroregion maintained a steady natural population growth, which more than enough compensated for the irrecoverable battlefield casualties of servicemen called into the army from the Don and the North Caucasus.

Keywords: Don and North Caucasus, demographic dynamics, natural reproduction, migration, World War I, irretrievable and sanitary losses.

1. Введение

Территория нижнего Дона закрепляется в составе Российского государства в середине XVIII века. На протяжении следующего столетия в границах империи одна за другой оказываются и провинции степного Предкавказья, а также горные районы, расположенные к северу от Большого Кавказского хребта. Этот процесс комплексно коррелировал с историей казачьей и крестьянской колонизации, что повышает интерес непосредственно к демографическим аспектам развития Дона и Северного Кавказа. В течение почти всего XIX в. данные территории отличал быстрый, почти линейный количественный рост населения, обусловленный в первую очередь масштабным миграционным притоком (*Войны и население, 2019: 269-277*). Но в самом конце имперского периода (1900–1910-е гг.) этот устойчивый тренд сменился более сложной и разнонаправленной динамикой, а естественно-воспроизводственные и миграционные процессы подверглись существенным изменениям, что делает необходимым их более детальный содержательный анализ.

2. Материалы и методы

Статья основана на разнообразных источниках информации. При анализе демографической и миграционной динамики населения Дона и Северного Кавказа использовались материалы

* Corresponding author

E-mail addresses: SS7707@mail.ru (S.J. Suschiy)

«Кавказских календарей», «Памятных книжек Области войска Донского»; результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1896 г., а также данные статистических сборников, относящихся к концу имперского периода.

При изучении собранной эмпирической информации применялись статистические методы обработки количественных данных, а также подходы и рабочие методики, принятые в демографических исследованиях. Собранные сведения и обработанные количественные данные систематизировались в виде таблиц и диаграмм. Метод системного анализа применялся в процессе комплексного обобщения разнообразного аналитического и статистического материала, относящегося к теме исследования.

3. Обсуждение

Демографическая и миграционная динамика Дона и регионов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. привлекала внимание многих исследователей (Волков, 1930; Кабузан, 1996; Ракачев, 2002; Цуциев, 2005). Также выделим работы, посвященные анализу участия Российской империи (и ее регионов) в Первой мировой войне (Головин, 1929; Россия в Мировой войне, 1925). Участие южнороссийских казаков в Первой мировой войне – масштабы призыва, география боевых действий, безвозвратные и санитарные потери – анализировались в работах Г.Л. Воскобойникова, Ф.С. Киреева, Н.В. Рыжковой, О.В. Ратушняка, В.П. Трута (Воскобойников, 2006; Киреев, 2016; Ратушняк, 2014; Рыжкова, Трут, 2013). Однако многие аспекты рассматриваемой проблематики нуждаются в более детальном изучении.

4. Результаты

В конце имперского периода территория Дона и Северного Кавказа находилась в составе 6 административных регионов (область Войска Донского, Кубанская и Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии, Дагестан). Анализ динамики населения данных территорий в 1900–1910-е гг. позволяет выделить в пределах этого периода два основных этапа, различающихся спецификой демографических и миграционных процессов: 1901–1913 гг. и 1914–1916 гг.

1901–1913 годы

На протяжении большей части XIX в. Дон и степное Предкавказье входили в группу территорий империи с наиболее быстрым количественным ростом населения, обусловленным в первую очередь масштабным миграционным притоком. Если в 1811 г. в их пределах проживало около 415 тыс. чел. (1,0 % населения империи), то спустя четверть века (1835 г.) уже почти в 3 раза больше – 1,18 млн человек (2,0 %) (Войны и население, 2019: 279-280). А после завершения в 1864 г. Кавказской войны плодородные земли степного Предкавказья на несколько десятилетий превращаются в наиболее притягательный для крестьянской колонизации регион империи, несмотря на то, что значительная часть удобных для распашки земель принадлежала казачеству и основная масса мигрантов была вынуждена селиться в качестве наемных рабочих, батраков и арендаторов.

В последней трети XIX в. число жителей многих территорий юга выросло в 2,5–3,5 раза. Таким образом, масштабная переселенческая волна, совпав с постепенно возрастающим естественным приростом старожильческого населения, обернулась настоящим демографическим бумом. В целом за 65 лет (1835–1900 гг.) население Дона и Северного Кавказа увеличилось в 4,3 раза (с 1,64 млн до 7,0 млн чел.), притом, что население всей империи за этот же период увеличилось только в 2,2 раза.

Начало XX в. сохранило сложившиеся геодемографические тенденции в развитии южных территорий. К этому времени российская власть законодательно открыла для заселения ряд азиатских макрорегионов империи (Казахстан, Сибирь, Дальний Восток), тем самым скорректировав основные векторы крестьянской колонизации, которая отчасти переориентировалась с южного направления на восточное (Кабузан, 1996: 103-104). Способствовал сокращению переселенческого потока на Дон и Северный Кавказ и общий рост местного населения, его возросшая территориальная плотность. Но, несмотря на данные обстоятельства, южные регионы (прежде всего степное Предкавказье) в начале XX в. сохраняли привлекательность для новых переселенцев. Только за первую его пятилетку (1901–1905 гг.) миграция пополнила население Кубанской области на 80,7 тыс. чел., Терской области и Ставропольской губернии соответственно на 110,8 и 107,3 тысяч. На 22 тыс. (т.е. более чем на четверть) за счет переселенцев выросло число жителей Черноморской губернии (рассчитано по: Кабузан, 1996: 192-196).

Помимо переселенческого движения, нацеленного на укоренение в новых районах, существовала и активная трудовая миграция – отходничество, имевшее отчетливо выраженную сезонную форму. Только из области Войска Донского в начале XX вв. на отхожие промыслы в другие российские регионы ежегодно отправлялось порядка 15–20 тыс. местных жителей, а в нее на заработки стекалось 75–80 тыс. человек (Военно-статистическое описание, 1908: 303). Таким образом, миграционная динамика населения каждой территории представляла переменную величину, зависевшую как от времени года, так и множества конкретных социально-экономических факторов.

Большинство южных регионов к рубежу – началу XX в. выходит в число лидеров и по темпам естественного прироста. В первой половине 1900-х гг. на Кубани и в Ставрополье он в среднегодовом

исчислении поднимается до 25–25,5 %, чуть ниже был в области Войска Донского (24 %) (Таблица 1), составляя в целом по макрорегиону 21,4 % (почти на 5 % больше показателя Российской империи).

Таблица 1. Динамика коэффициента естественного прироста по регионам юга России, 1901–1916 гг. (%) (составлено по: Волков, 1930; Кабузан, 1996: 191; Памятная книжка, 1910)

Периоды	Области и губернии					
	Донская	Кубанская	Черноморская	Ставропольская	Терская	Дагестан
1901–1905	24,0	25,4	19,8	25,3	15,3	4,2
1906–1910	20,0	23,6	16,6	19,2	17,0	3,6
1911–1916	18,5	23,9	18,5	22,9	21,9	6,0

Существенными были и внутрирегиональные различия показателей естественного воспроизводства, с одной стороны, взаимосвязанные с природно-климатическими особенностями отдельных территорий, а с другой – коррелировавшие с урбанизированностью местного населения, уровнем его социокультурной модернизации и развитием социальной инфраструктуры (в т.ч. системы здравоохранения). В 1912 г. показатели рождаемости и смертности по отделам Кубанской области различались в 1,5 раза – рождаемость колебалась в диапазоне 42,6–58,1 %, смертность – 21,0–32,6 % (рассчитано по: Кавказский календарь на 1913, 1914: 164). Не менее существенно варьировали и естественно-воспроизводственные характеристики различных социально-сословных групп местного населения. В 1895–1904 гг. среднегодовой показатель рождаемости у казачьего населения Дона составлял 50 %, а у представителей невоинских сословий 63%; заметно различалась смертность (соответственно 28 % и 37 %), как и естественный прирост (22 % и 26 %) (Военно-статистическое описание, 1908: 304).

Таким образом, демографическая динамика не только целых регионов, но и отдельных их территорий определялась сложным сочетанием природных, социальных, этнодемографических и миграционных факторов. Как результат, различия в темпах роста населения оказывались весьма существенными. Но практически все территориальные сообщества Дона и Северного Кавказа в начале XX в. демонстрировали устойчивый демографический рост, который не был остановлен ни Русско-японской войной (1904–1905 гг.), ни революцией 1905–1907 гг. Участие военнослужащих из регионов юга России в Русско-японской войне было ограниченным. Даже казахи части в Маньчжурии были представлены в небольшом количестве. В общей сложности на Дальний Восток было перемещено 8 казачьих конных полков, 6 батальонов и 4 батареи (Войны и население, 2019: 395). Больше всего военнослужащих выставили Кубанское (8,6 тыс. чел.) и Донское (около 4 тыс. чел.) казачьи войска. Безвозвратные потери кубанцев составили 116 чел., а общие потери уроженцев южнороссийских территорий в данной военной кампании едва ли могли превысить 2–3 тыс. человек. Потери российской армии убитыми и пропавшими без вести составили 48,5 тыс. человек. Если убыль «южан» была соразмерна их доле в структуре населения империи, она могла составить 2,6–2,7 тыс. человек. Величина абсолютно нечувствительная для демографической динамики обширного макрорегиона.

Столь же незначительными оказались и демографические последствия масштабной волны социальной протестности, прокатившейся по империи в 1905–1907 гг. На Дону и Северном Кавказе она выразилась в резкой активизации стачечного движения, но только в отдельных случаях приобрела характер вооруженного сопротивления (Ростов-на-Дону, Новороссийск, Сочи, Минеральные Воды). Безвозвратные потери сил правопорядка и рабочих дружин в южных регионах не превысили нескольких десятков человек. Многочисленной оказалась число жертв еврейских погромов, вспыхнувших на фоне социального кризиса. В крупнейшем из них (Ростов-на-Дону, 3–7 декабря 1905 г.) погибло порядка 300 человек (Революция 1905–1907 гг.).

Тем не менее, общее число жертв, связанных с социально-политическим кризисом середины 1900-х гг. на Дону и Северном Кавказе, не превысило нескольких сотен человек – цифра, не сопоставимая ни с естественным приростом, составлявшим в этот период порядка 150 тыс. чел. в год, ни с миграцией (среднегодовое положительное сальдо 25–30 тыс. человек). Можно сказать, что демографическая динамика южного макрорегиона в своем устойчиво восходящем тренде данного кризиса почти не заметила. За 1900–1910 гг. население Дона и Северного Кавказа выросло на 28 %, достигнув 8,97 млн человек (Таблица 2).

Таблица 2. Динамика населения Дона и Северного Кавказа, 1900–1916 гг. (составлено и рассчитано по: Волков, 1930: 32; Кабузан, 1996: 192–196)

Регионы	Численность населения, тыс. чел.					Рост за период, %		
	1900	1905	1910	1913	1916	1900-1913	1913-1917	1900-1916
Область войска Донского	2544,2	2698,6	3154,8	3459,8	3600,8	36,0	4,1	41,5
Кубанская	1916,2	2248,2	2617,2	2941,4	3177,3	53,5	8,0	65,8
Черноморская	73,0	104,5	134,5	179,8	180,5	146,3	0,4	147,3
Ставропольская	935,4	1084,5	1243,2	1258,8	1246,3	34,6	-1,0	33,2
Терская	918,6	1025,3	1146,1	1235,2	1378	34,5	11,6	50,0
Дагестан	621,9	656,9	679,2	693,1	712,7	11,4	2,8	14,6
Всего (млн. чел.)	7,01	7,82	8,97	9,77	10,30	39,4	5,4	46,5

Максимальные темпы роста в первом десятилетии XX в. демонстрировали территории, входившие в состав Черноморской губернии, население которой увеличилось на 84,2 %. На 33–33,5 % выросло число жителей Кубани и Ставропольской губернии, на 24–24,8 % – Донской и Терской областей. Стремительный относительный рост населения приморских территорий объяснялся ощутимой недоселенностью данных территорий, возникшей после массового исхода в Османскую Порту местного горского населения. Даже ограниченный по абсолютной величине приток мигрантов (22 тыс. за 1901–1910 гг.) в Черноморскую область увеличил ее население на четверть. Повышенным демографическим динамизмом отличались и равнинные территории степного Предкавказья: плодородные сельскохозяйственные провинции российского юга, населенные преимущественно русским и украинским населением, привлекали основной поток переселенцев в первом десятилетии XX века. Существенно ниже были темпы демографического роста Дагестана и, в целом, районов с компактным проживанием северокавказских национальных сообществ. Горные территории не были привлекательны для мигрантов. А с другой стороны, местные территориальные сообщества, как правило, отставали по уровню развития социальной инфраструктуры, в т.ч. здравоохранения.

Начало второго десятилетия XX в. продолжило все перечисленные демографические тренды. За четыре предвоенных года (1911–1913 гг.) население Дона и Северного Кавказа выросло на 13,2 % (с 8,97 млн до 10,16 млн чел.). Лидером роста оставалась Черноморская губерния, число жителей которой увеличилось на 44 %. Но впечатляла и динамика двух ведущих регионов: население Донской и Кубанской области выросло на 16–16,5 %.

1914–1916-й годы

В отличие от Русско-японской войны Первая мировая оказала куда более существенное влияние на количественную динамику населения Дона и Северного Кавказа. Уже с первых недель после вступления империи в военную кампанию начинается массовая мобилизация в армию мужского населения. Но анализируя демографические процессы на юге России в военные годы, следует учитывать заметно упавшее качество учета населения империи, что было связано с резко усложнившейся структурой его механического движения (множественные волны мобилизации, безвозвратные и санитарные потери действующей армии, перемещение по территории страны собственных воинских контингентов и групп военнопленных; пульсирующие во времени, разнонаправленные потоки беженцев).

Отслеживать сколько-нибудь достоверно столь разнообразную циркуляцию населения региональные статистические бюро были не в состоянии, и уже с 1915 г. большинство из них прекратило заполнение административной статистики о естественном и механическом движении (Волков, 1930: 95–96). Для получения реальной картины в сфере естественной и миграционной динамики населения страны центральная власть провела в 1916 и 1917 гг. две переписи, результаты которых оказались несопоставимы. В 1916 г. в сельской местности учитывалось все наличное население, включая беженцев и военнопленных (при этом не были учтены ушедшие в армию), а в 1917 г. было учтено все местное население, как наличное, так и мобилизованное. И к тому же данная перепись охватила не все регионы страны (на Северном Кавказе она не проводилась).

Не менее сложной является и оценка военных потерь населения Дона и Северного Кавказа. Точной статистики безвозвратной и санитарной убыли военнослужащих из южных регионов на полях сражений Первой мировой не существует, а имеющиеся данные отличаются очевидной фрагментарностью и нередко существенно расходятся между собой. Даже статистика мобилизации, несмотря на достаточно хорошо организованную отчетность, не обходилась без существенных накладок и прямых ошибок (Трут, 2013). В такой ситуации зачастую следует стремиться не к определению точных величин, а наиболее вероятных диапазонов анализируемых демографических процессов и явлений.

За годы Первой мировой войны в армию было призвано порядка 100–125 тыс. донских казаков, 90–107 тыс. кубанцев, 18–19,3 тыс. терцев (Трут, 2013). Но не менее активно призывались в армию представители других сословий местного населения. Максимальной по своим масштабам была мобилизационная кампания 1915 г., когда с Дона и Северного Кавказа на службу ушло около 445 тыс. человек. А общий военный забор за 1914–1917 гг. составил 1,12 млн человек (Волков, 1930: 109). С учетом уже находившихся в армии к началу войны представителей южных регионов общая численность поставленных под ружье могла достигать 1,25–1,3 млн. чел., порядка 12–13 % всего местного населения. Основную массу мобилизованных составляли сельские жители, на которых приходилось порядка 76–77,5 % всех призванных в армию в годы с войны с Дона и Северного Кавказа. Но в первую очередь это было связано с низким уровнем урбанизации макрорегиона. По отношению ко всему его наличному населению показатели воинского призыва были существенно выше в городской местности. По оценке Е.З. Волкова, уже к началу 1915 г. в армии находилось 9,1 % всех горожан макрорегиона и 3,9 % его сельских жителей. К началу 1917 г. данные показатели выросли соответственно до 18,8 % и 10,8 % (Волков, 1930: 109).

Массовый уход в армию мужчин молодого и среднего возраста не мог не сказаться на динамике естественного воспроизводства местного населения. Но даже у казачьего сословия, мобилизация которого носила оперативный характер и приняла массовые формы, практически сразу после вступления России в войну данный фактор мог стать ощутимым только спустя $\frac{3}{4}$ года, т.е. не раньше конца весны 1915-го года. У других социальных групп южнороссийского населения уровень рождаемости начал заметно снижаться только в 1916 году.

Таким образом, первым на войну отреагировал показатель естественного прироста населения Дона и Кубани – двух ведущих казачьих регионов юга. В 1915 г. он составил в Кубанской области 15,9 % (на 9,5 % ниже, чем в 1913 году). В Терской области, Ставропольской и Черноморской губерниях такое сокращение составило только 3–3,5 %, а в Дагестане данный показатель даже вырос (Кабузан, 1996: 191). Сокращение естественного прироста происходило прежде всего вследствие снижения уровня рождаемости. На протяжении 1914–1916 гг. фронты располагались далеко за пределами Дона и Северного Кавказа и социально-экономическая жизнь местного гражданского населения, несмотря на экономические и бытовые сложности, связанные с военным временем, в целом сохраняла сложившиеся формы и практики. Избежали в эти годы южнороссийские регионы и массовых эпидемий или серьезных неурожаев, чреватых массовым голодом. Соответственно, достаточно устойчивыми оставались показатели смертности местного населения, которые могли прибавить всего несколько промилле в сравнении с довоенным временем.

Снижение рождаемости было ощутимей. Но следует учитывать, что мобилизация была растянута на весь военный период и удельный вес разделенных семей возрастал постепенно. К концу 1915 г. общее число мобилизованных с Дона и Северного Кавказа составляло около 476 тыс. человек – 4,5 % от всего населения макрорегиона или порядка 19–20 % мужчин трудоспособного возраста. Соответственно выключенными из активной репродуктивной практики могло оказаться около $\frac{1}{5}$ семей (Волков, 1930: 109). Соответственно на такую же величину в 1916 г. должен был сократиться по сравнению с довоенным периодом и показатель рождаемости населения. Учитывая, что в начале 1910-х гг. он почти во всех южных регионах составлял порядка 43–53 %, к концу войны его снижение могло как раз составить 9–10%, которые и сыграли центральную роль в ощутимом сокращении естественного прироста. Но даже в 1916 г. по всей территории макрорегиона, за исключением Дагестана, этот показатель составлял 8,7–10,9 % (Кабузан, 1996: 191), то есть население Дона и Северного Кавказа и в конце войны продолжало демонстрировать положительную естественную динамику (в 1916 г. она могла составить 80–90 тыс. человек).

Удаленное расположение фронтов в военные годы позволяло населению Дона и Северного Кавказа не опасаться оккупации. И южные регионы избежали массовой эвакуации населения. Более того, в силу тылового расположения область Войска Донского принимает вынужденных переселенцев из западных регионов империи (70–80 тыс. чел.), а степное Предкавказье – беженцев (преимущественно армян) из Османской Порты. Впрочем, общая численность тех и других на юге России оставалась достаточно ограниченной. К началу 1915 г. в пределах всего макрорегиона она составляла порядка 32,6 тыс. чел., увеличившись к 1916 г. до 126,4 тыс., а в начале 1917 г. достигнув 233 тыс., что составляло только 3,4 % от общей их численности по империи (Волков, 1930: 92).

Основная масса перемещенного населения (порядка 85 % от общей его численности) в 1915–1916 гг. разместились в сельской местности южных регионов. Но следует иметь в виду, что речь шла о весьма динамичной в пространственном отношении группе, способной быстро менять свою локацию в зависимости от положения на фронтах и общей ситуации в регионе временного проживания.

Другим источником роста наличного населения Дона и Северного Кавказа стало размещение в его пределах военнопленных. В общем объеме данного контингента по империи доля южных регионов на всем протяжении войны оставалась ограниченной (8,7–8,9 %), но в абсолютных цифрах речь шла о постепенно возрастающем множестве, в начале 2015 г. составлявшем 18,4 тыс. человек, а в середине 1917 г. – уже более 190 тысяч (Волков, 1930: 92).

Заметно изменились в годы войны и масштабы гражданской (переселенческой и трудовой) миграции населения. Война, оказывая сложное воздействие на динамику переселенческого потока, в целом тормозила его. Приток мигрантов в большинство южных регионов из центральных регионов России и Малороссии сократился. Если за 1911–1913 гг. население Кубанской области выросло за счет переселенцев на 152,4 тыс. человек, то в 1914–1916 гг. на 17,2 тысячи. Снизился приток переселенцев и на Дон, а из Ставропольской губернии был зафиксирован ощутимый отток населения: за 1914–1915 гг. он составил 82 тыс. человек. Иной была ситуация в Терской области, по-прежнему привлекавшей значительное число мигрантов (приток 58,4 тыс. человек за 1914–1915 годы) (Кабузан, 1996: 192-194).

Предельно сложной задачей является оценка размеров потерь военнослужащих, призванных в действующую армию с Дона и Северного Кавказа. Достаточно детально историками изучены только потери казачьих подразделений, в т.ч. двух ведущих казачьих войск – Донского и Кубанского. За годы Первой мировой войны донские казаки потеряли убитыми 3,63 тыс. чел.; 12,7 тыс. было ранено и контужено, пропало без вести 2,5 тыс. казаков, оказалось в плену 164 человека (Рыжкова, 2003: 223). Сопоставимыми были потери кубанцев – около 4 тыс. убитых; 23,9 тыс. раненых, более 2,5 тыс. пропавших без вести и попавших в плен (Ратушняк, 2014: 125). Безвозвратные потери Терского казачества в силу его ограниченных размеров были значительно меньше – около 1 тыс. погибших, умерших от ран и болезней (Киреев, 2016: 80).

Таким образом, безвозвратные потери всего южнороссийского казачества (с учетом пропавших без вести) составили порядка 13,5 тыс. человек. Однако общие потери уроженцев Дона и Северного Кавказа на фронтах Первой мировой были значительно больше. Не имея по ним полной статистики, в качестве одного из источников можно использовать данные, собранные на информационном портале «Первая мировая война» (Первая мировая война, 1914–1918), согласно которому общие безвозвратные потери военнослужащих шести южных регионов составили почти 36 тыс., санитарные – около 280 тыс. человек. Максимальную убыль понесли уроженцы области Войска Донского и Кубанской области, на которые в сумме пришлось порядка 60 % убитых, пропавших без вести, раненых и заболевших военнослужащих южного макрорегиона. Таким образом, общие потери мобилизованного контингента Дона и Северного Кавказа в Первой мировой войне составили более 340 тыс. человек (Таблица 3).

Таблица 3. Масштабы мобилизации и боевые потери населения юга России в Первой мировой войне (по регионам) (рассчитано по: Первая мировая, 1914–1918; Россия в мировой войне, 1925: 49).

Губернии и области	Число призванных (тыс. чел.)	Призванные (ко всему населению), %	Безвозвратные потери (чел.)	Санитарные потери (тыс. чел.)	Другие потери и не уточнено (тыс. чел.)	Общие потери (тыс. чел.)	Потери (% от числа призванных)
Область войска Донского	325,9	8,4	17,52	108,2	11,7	137,4	42,2
Кубанская	174,2	5,8	3,96	67,0	7,17	78,13	44,9
Ставропольская	164,8	12,4	6,59	47,9	4,35	58,84	35,7
Терская	184,2	14,6	7,37*	53,5*	4,86*	65,7*	35,7
Черноморская	13,7	9,0	0,29	1,06	0,21	1,56	11,4
Дагестан	15,1	2,1	0,16	2,16	0,3	2,62	17,4
Всего	877,9	52,3	35,9	279,8	28,6	344,3	39,2

* рассчитано по аналогии с удельными показателями Ставропольской губернии.

Очевидно, что и это далеко не полные данные. Тем не менее, можно сделать вывод, что военная убыль сама по себе не могла стать причиной демографической депопуляции Дона и Северного Кавказа. За 1914–1916 гг. естественный прирост населения макрорегиона составил порядка 430–440 тыс. чел., что в любом случае многократно превышало безвозвратные военные потери, понесенные в эти годы. Депопуляция большинства южных территориальных сообществ началась только в 1918 г. и была связана с Гражданской войной, которая резко увеличила количественные потери среди местных комбатантов и существенно ухудшила показатели естественного воспроизводства гражданского населения Дона и Северного Кавказа.

5. Заключение

В начале XX в. Дон и Северный Кавказ (прежде всего его равнинные районы) сохранили опережающие темпы демографического роста, характерные для них в большей части XIX века. Высокий естественный прирост сочетался с активным притоком новых переселенцев. Большинство южных регионов оставалось в числе привлекательных территорий для мигрантов из центральной России и губерний Малороссии. За 1901–1914 гг. приток позволил увеличить население макрорегиона на 1,0 млн человек. Но основная часть переселенцев (810 тыс. чел.) пришлось на два региона – Кубанскую и Терскую области. Ведущую роль в быстром количественном росте населения миграция играла и в Черноморской губернии. Население Дона, Ставропольской губернии и Дагестана росло преимущественно за счет естественного воспроизводства.

Социально-политический и экономический кризис середины 1900-х гг. практически не сказался на высоких темпах демографического роста Дона и Северного Кавказа. Вплоть до 1913–1914 гг. население южных регионов, за исключением Дагестана (в отдельные годы и Ставропольской губернии), ежегодно увеличивалось на 2,5–11 %. В целом, число жителей макрорегиона за 1900–1914 гг. выросло с 7,0 до 10,17 млн чел (на 45,3%), позволив ему увеличить свою долю в демографическом потенциале империи с 5,3 % до 6 %.

Только вступление России в Первую мировую войну и массовая мобилизация мужчин в действующую армию стали причиной постепенного снижения уровня рождаемости населения южных регионов, а следом и сокращения естественного прироста. Но даже в 1916 г. он оставался положительным, увеличив население макрорегиона на 90–100 тыс. человек.

Призыв в действующую армию сократил размеры наличного населения макрорегиона к 1917 г. на 1–1,2 млн человек (примерно на 10–12 %). Но параллельно в пределах Дона и Северного Кавказа разместились сотни тысяч беженцев и военнопленных, что несколько увеличивало численность наличного населения макрорегиона, оказав при этом влияние на его национальную структуру и географию. Общие потери призванных в армию из южных регионов оказались самыми значительными (по неполной статистике – более 340 тыс. чел.). Однако масштабы безвозвратной утраты были существенно меньше (несколько десятков тыс. человек) и не могли стать причиной демографической депопуляции Дона и Северного Кавказа, которая началась только в 1918 г. и была связана с развернувшейся в стране Гражданской войной.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

Литература

- Военно-статистическое описание... 1908** – Военно-статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. Д. типография, 1908. 565 с.
- Войны и население... 2019** – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. Демографические процессы и последствия. М: Росспэн. 2019. 766 с.
- Волков, 1930** – Волков Е.З. Динамика населения СССР за 80 лет. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с.
- Воскобойников, 1994** – Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 гг. М.: Изд-во Российской киноvideокомпании, 1994. 174 с.
- Головин, 1930** – Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939 (т. 1). 236 с.
- Кабузан, 1996** – Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.
- Кавказский календарь на 1900 год... 1899** – Кавказский календарь на 1900 год. Тифлис: Типография главного управления Закавказским краем. 1899.
- Кавказский календарь на 1914 год** – Кавказский календарь на 1914 год. Тифлис: Типография главного управления Закавказским краем. 1913, 977 с.
- Киреев, 2016** – Киреев Ф.С. Боевая слава терцев. Терские казачьи части на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. Владикавказ: Ир. 2016. 159 с.
- Памятная книжка Области... 1910** – Памятная книжка Области войска Донского на 1910 год. Новочеркасск: Типография Болдырева. 1910. 622 с.
- Памятная книжка Области... 1914** – Памятная книжка Области войска Донского на 1914 год. Новочеркасск: Типография Болдырева. 1914. 813 с.
- Первая мировая 1914–1918** – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place_gubernia (дата посещения: 08.09.2020).
- Ракачев, 2002** – Ракачев В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX в. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. 99 с.
- Ратушняк, 2014** – Ратушняк О.В. Участие кубанцев в Первой мировой войне // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 123-128.

- [Революция 1905–1907 годов](#) – Революция 1905–1907 годов на Дону и Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151839/>
- [Россия в Мировой войне...1925](#) – Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ, 1925. 105 с.
- [Рыжкова, 2003](#) – *Рыжкова Н.В.* Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. 319 с.
- [Статистический ежегодник... 1916](#) – Статистический ежегодник России, 1916. Выпуск 1. М., 1918. 121 с.
- [Трут, 2013](#) – *Трут В.П.* О численности казаков в русской армии в период первой мировой войны. [Электронный ресурс]. URL: https://dikoe-pole.com/2013/02/04/trut_chislennost_kazakov/ (дата посещения – 18.09.2020).
- [Цуциев, 2006](#) – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

References

- [Golovin, 1930](#) – *Golovin, N.N.* (1930). Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne [Military efforts of Russia in the World War]. Parizh: Tovarishestvo ob"edinennykh izdatelej, T. 1. 236 p. [in Russian]
- [Kabuzan, 1996](#) – *Kabuzan, V.M.* (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah: Etnostatisticheskoe issledovanie [Population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries: Ethno-statistical research]. SPb.: Blic, 224 p. [in Russian]
- [Kavkazskij kalendar' na 1900 god](#) – Kavkazskij kalendar' na 1900 god [Caucasian calendar for 1900]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Zakavkazskim kraem. 1899. [in Russian]
- [Kavkazskij kalendar' na 1914 god](#) – Kavkazskij kalendar' na 1914 god [Caucasian calendar for 1914]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Zakavkazskim kraem. 1914. 977 p. [in Russian]
- [Kireev, 2016](#) – *Kireev, F.S.* (2016). Boevaya slava tercev. Terskie kazach'i chasti na frontah Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. [Fighting glory of the Tertsy. Terek Cossack units on the fronts of the First World War 1914-1918]. Vladikavkaz: Ir. 159 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Oblasti... 1910](#) – Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1910 god. [Commemorative book of the Region of the Don army for 1910]. Novocherkassk, 1910, Tipografiya Boldyreva. 622 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Oblasti... 1914](#) – Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1914 god. [Commemorative book of the Region of the Don army for 1914]. Novocherkassk, 1914, Tipografiya Boldyreva. 813 p. [in Russian]
- [Pervaya mirovaya, 1914–1918](#) – Pervaya mirovaya 1914-1918 – Informacionnyj portal. [World War I 1914-1918 – Information portal]. [Electronic resource]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place_gubernia (date of access: 08.09.2020). [in Russian]
- [Rakachev, 2002](#) – *Rakachev, V.N.* (2002). Etnodemograficheskie processy na Kubani v XX v. [Ethno-demographic processes in the Kuban in the XX century]. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 99 p. [in Russian]
- [Ratushnyak, 2014](#) – *Ratushnyak, O.V.* (2014). Uchastie kubancev v Pervoj mirovoj vojne [Participation of the Kuban people in the First World War]. *Kazaki i gorcy v gody Pervoj mirovoj vojny*. Rostov-na-Donu: SSC RAN. Pp. 123-128. [in Russian]
- [Revolyuciya 1905-1907 godov](#) – Revoluciya 1905-1907 godov na Donu i Severnom Kavkaze [Revolution of 1905-1907 in the Don and North Caucasus]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151839/> (date of access: 18.09.2020). [in Russian]
- [Rossiya v Mirovoj vojne, 1925](#) – Rossiya v Mirovoj vojne 1914-1918 gg. [Russia in the World War 1914-1918]. М.: ЦСУ. 1925, 105 p. [in Russian]
- [Ryzhkova, 2003](#) – *Ryzhkova, N.V.* (2003). Donskie kazaki v vojnah Rossii nachala XX veka [Don Cossacks in the wars of Russia at the beginning of the twentieth century]. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU. 319 p. [in Russian]
- [Statisticheskij ezhegodnik, 1916](#) – Statisticheskij ezhegodnik Rossii, 1916 [Statistical Yearbook of Russia, 1916]. Vypusk 1. М., 1918. 121 p. [in Russian]
- [Trut, 2013](#) – *Trut, V.P.* (2013). O chislennosti kazakov v russkoj armii v period pervoj mirovoj vojny. [On the number of Cossacks in the Russian army during the First World War]. [Electronic resource]. URL: https://dikoe-pole.com/2013/02/04/trut_chislennost_kazakov/ (date of access: 18.09.2020). [in Russian]
- [Tsutsiev, 2006](#) – *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774-2004) [Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774-2004)]. М.: Европа. 128 p. [in Russian]
- [Voenno-statisticheskoe opisanie... 1908](#) – Voenno-statisticheskoe opisanie Oblasti vojska Donskogo [Military statistical description Of the Don army region]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya, 1908. 565 p. [in Russian]
- [Vojny i naselenie... 2019](#) – Vojny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v. Demograficheskie processy i posledstviya. [Wars and population of the South of Russia in the 18th – early 21st centuries. Demographic processes and consequences]. Rostov-na-Donu: Rosspen. 2019. 766 p. [in Russian]

Volkov, 1930 – *Volkov, E.Z.* (1930). Dinamika naseleniya SSSR za 80 let [Population dynamics of the USSR for 80 years]. M.-L.: Gos. izd-vo, 273 p. [in Russian]

Voskoboynikov, 1994 – *Voskoboynikov, G.L.* (1994). Kazachestvo v pervoj mirovoj vojne 1914-1918 g. [Cossacks in the First World War 1914-1918]. M.: Izd-vo Rossijskoj kinovideokompanii, 174 p. [in Russian]

Население Дона и Северного Кавказа в конце имперского периода (1900–1910-е гг.): войны и другие факторы геодемографической динамики

Сергей Яковлевич Суцкий^{a, *}

^a Южный научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется геодемографическая динамика населения Дона и Северного Кавказа в начале XX века. Определяется соотношение естественного прироста и миграционного движения, оценивается влияние на демографические процессы различных факторов, в т.ч. войн, которые в это время вела Россия. Делается вывод, что южные регионы (за исключением Дагестана) отличал повышенный естественный прирост населения, который в Кубанской и Терской областях, а также в Черноморской губернии дополнялся масштабным миграционным притоком. Как результат, население всего макрорегиона росло быстрым темпом (с 7 до 10,17 млн человек за 1901–1914 гг.), что позволило Дону и Северному Кавказу увеличить свою долю в демографическом потенциале империи с 5,3 до 6 %. Русско-японская война и революция 1905–1907 г. практически не отразились на демографической динамике южных территорий. Более ощутимым было негативное воздействие Первой мировой войны. Призыв в действующую армию сократил к 1917 г. размеры наличного населения макрорегиона на 1–1,2 млн человек (на 10–12 %). Но одновременно с этим в пределах Дона и Северного Кавказа разместились сотни тысяч беженцев и военнопленных. Безвозвратные и санитарные потери мобилизованного регионального контингента даже по неполной статистике превысили 340 тыс. человек. Но вплоть до начала 1917 г. в макрорегионе сохранялся естественный рост населения, который с избытком компенсировал безвозвратную убыль на фронтах военнослужащих, призванных в армию с Дона и Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дон и Северный Кавказ, демографическая динамика, естественное воспроизводство, миграция, Первая мировая война, безвозвратные и санитарные потери.

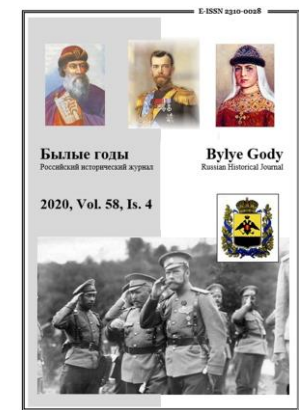
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: SS7707@mail.ru (С.Я. Суцкий)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2826-2834. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2826
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The US Congress and Russian-American Relations on the Eve and During the First World War

Yuriy I. Nadtochey ^{a, *}, Dmitrii N. Khristenko ^b

^a Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

^b Yaroslavl State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article examines the features of the US Congress policy towards Russia on the eve and in the early years of the First World War. Based on the archival materials of the Congress the authors explain the reasons why negative dynamics in bilateral US-Russia relations in 1911-1913 prevailed and the ways partners were slowly seeking to overcome it just on the eve and at the beginning of the war. It is noted that the key role in whipping up anti-Russian sentiments in American public opinion and their broadcasting into the political, environment, including Congress, was played by Russian origin immigrant groups. The later consisted of people who left the Russian Empire because of prosecution and other political reasons, so they were trying to revenge Czarist regime with support of that part of the American entrepreneurial class that viewed Russia as a direct a competitor to the United States on the world markets. However, the problem of protecting the rights of minorities as a matter of bilateral ties between Washington and St. Petersburg had to not only economic, but also ideological reasons. The American political environment developed under the influence of strong isolationist sentiments, part of which was hostility to the European empires, namely, as all these powers, including Russia and their alliances appeared to be guilty in unleashing the war. Antimonarchist sentiments were reflected in the nature of US foreign policy, especially in those aspects that directly affected the competence of the Congress (military supplies, immigration laws). As strong supporters of republicanism, liberty and democracy, American lawmakers, failed to grasp the importance of supporting the Russian Czarist government, especially in the most difficult early years of the war. The anti-Russian sentiment of the Congress was overcome only by the February revolution of 1917. However, strengthening relations with democratic but weak provisional government of Russian Republic could no longer create a solid foundation for relations between the two countries, leading them to a state of affairs later named by historians as the "First Cold War".

Keywords: Russian Empire, US Congress, Trade Treaty of 1832, human rights, Jewish immigrants, World War I, Germany, Antante, W. Wilson, J. Shiff.

1. Введение

Значение и роль Конгресса США в политическом процессе американского государства во внешней политике трудно переоценить.

Верховная законодательная власть, несмотря на предусмотренные конституцией полномочия власти исполнительной (администрации президента, федеральных ведомств, силовых структур) выполняет целый ряд важнейших функций по обеспечению принятия внешнеполитических решений и осуществляет тщательный парламентский контроль за их выполнением (Lindsay, 1994; Smith et al., 2005). История изобилует примерами, когда американские сенаторы и конгрессмены, зачастую руководствуясь предвыборными интересами, под давлением общественного мнения и лоббистских

* Corresponding author

E-mail addresses: ynadtochey@yandex.ru (Yu.I. Nadtochey), khristenko1983@mail.ru (D.N. Khristenko)

структур, существенно меняли климат отношений США с иностранными государствами, как в положительную, так и отрицательную стороны (Crabb, Holt, 1992).

Исключение не составляют и российско-американские отношения, над которыми «тень» Конгресса нависала едва ли не с момента установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Петербургом в 1807 г. При этом с нарастанием масштабов двусторонних контактов, их значимости для обеих стран, особенно в период крупнейших конфликтов и противостояний XX века (Первой и Второй мировых войн, холодной войны), воздействие законодательной власти на широту и глубину отношений с Россией только усиливалось.

2. Материалы и методы

На основе историко-описательного метода и метода анализа документов, в частности стенограмм заседаний Конгресса США, в статье подтверждается высказавшаяся в американской исследовательской литературе точка зрения о несостоявшемся российско-американском альянсе в годы Первой мировой войны. Это имеет тем большее значение, что, согласно ряду американских ученых-историков (Д. Дэвис, Ю. Трани, Р. Поваски), неудача, постигшая стороны в процессе его формирования, привела к так называемой «первой холодной войне» между двумя странами, длившейся с 1917 по 1933 гг., которая только затем переросла во «вторую» – 1946–1991 гг. (Дэвис, Трани, 2002; Powaski, 1997). Однако в дореволюционный период взаимоотношения США с нашей страной носили скорее безразлично-неприятный характер. Для открытой конфронтации, сходной с той, что постепенно нарастала у России с Германией или Австро-Венгрией, оснований не было, как и не было прочной основы для возможного партнерства или тем более союзничества, наподобие того, что уже сложилось у российского двора с Великобританией и Францией в рамках Антанты.

3. Обсуждение

Анализируя роль Конгресса в российско-американских отношениях, специалисты, как правило, ссылаются на период «холодной войны», а в историографии второй половины XX века, в силу вполне объяснимых конъюнктурных соображений, «деструктивная» линия поведения американских законодателей зачастую истолковывалась, прежде всего, несовместимостью идеологий, а именно капитализма и коммунизма. Это в целом верное утверждение все же не отражает всей глубины российско-американских противоречий, заявивших о себе еще в досоветский период существования российского государства и достигших апогея еще на завершающем этапе существования Российской империи. Необходимо подчеркнуть, что истоки конфликтности в отношении двух стран в дореволюционный период не игнорировались ни в научных трудах, изданных до октябрьской революции 1917 г., ни в работах современных российских историков-американистов, довольно обстоятельно изучивших специфику отношений России и США начала XX века на основе архивных документов. Особенно здесь следует выделить работы Б.Д. Козенко, А.И. Уткина, В.И. Журавлевой, Е.Ю. Сергеева, Ю.В. Басенко, которые были изданы в 1990-х и 2000-х гг. в условиях, несравнимо меньших сравнительно с предшествующим периодом политико-идеологических ограничений. Тем не менее даже в них роль Конгресса практически не была затронута (Козенко, 1998; Уткин, 2001; Россия и США, 1999). Данное исследование призвано восполнить эту лауну.

4. Результаты

США и Российская империя имели к началу XX века достаточно непростые и противоречивые отношения. В финансово-экономическом отношении Россия ориентировалась, главным образом, на Западную Европу. В частности, в 1912 году импорт из Германии составил свыше 500 млн, из Англии – 142 млн рублей, а из США – всего 87 млн рублей (Ганелин, 1969: 9). В свою очередь США были нацелены на богатые природными ресурсами и рабочей силой латиноамериканские и азиатские регионы. В результате русские и американские предприниматели не столько сотрудничали, сколько конкурировали в Европе, Китае, Корее и других регионах Азии, активно соперничая на сырьевых рынках (зерно, нефть, ткани).

Подобная разновекторность и разнонаправленность интересов двух стран предопределялась различиями в их геополитическом положении, что в свою очередь детерминировало соответствующие приоритеты в отношении дальнейшей трансформации мирового порядка в начале XX века. Однако, если Россия в условиях этого порядка, действовала в мировой политике согласно своему статусу крупнейшей евро-азиатской страны, державы статус-кво, «охранителя» старого миропорядка империй, понимаемого именно как миропорядок европоцентричный, то США, напротив, обладали чертами страны-ревизиониста, лишь в недавнем прошлом присоединившейся к «клубу» великих держав вследствие побед над европейскими странами (в частности Испанией) в локальных конфликтах в Западном полушарии. При этом даже такое негласное вхождение в круг сильных мира сего имело для американской республики ограниченный эффект, ввиду периферийности положения, которое она там занимала. Страна по-прежнему испытывала на себе последствия многолетних традиций изоляционизма, обладала довольно скромным по меркам крупных стран военным потенциалом и избегала участия в инспирированной европейскими

державами военно-блоковой политике, вместо этого предпочитая делать упор на торгово-экономическую экспансию за рубежом (Westerfield, 1996).

Мешали сближению двух стран и политические разногласия. Российский император Николай II недоверчиво относился к либеральным идеалам и республиканским институтам. Отечественная элита начала XX века – аристократия, двор и высшая бюрократия – также не знала Америку, не симпатизировала ей и скорее осуждала, как следует из оценок российского посла в Вашингтоне Ю.П. Бахметева (Козенко, 1998: 141). К тому же культурные различия между политическими элитами России и США только осложняли имевшиеся разногласия. Воспитанное в духе европейских аристократических традиций русское дворянство воспринимало Америку как далекую периферийную страну, а широкая американская публика, мыслящая газетными штампами и традиционно мало интересующаяся внешним миром, в свою очередь также практически не интересовалась Россией. Об этом свидетельствует, например, отсутствие в Петербурге корпунктов американских газет (за исключением Ассошиэйтед пресс), влиятельных общественных организаций, которые смогли бы объединить предпринимательские или научные круги двух стран. Даже образованные слои американского общества воспринимали Российскую империю как экзотический край, о чем свидетельствует весьма красноречивый факт – русский язык преподавался в одном только Гарвардском университете, и в многомиллионных фондах Библиотеки Конгресса США насчитывалось не более 600 книг, посвященных России (Дэвис, Трани, 2002: 31). Интерес к нашей стране за рамками узких групп исследователей, как правило, возникал лишь вследствие искусственного подогрева, вызванного деятельностью представителей иммигрантских общин, представленных многочисленными группами выходцев из России, покинувших свою историческую родину и обосновавшихся за океаном. Например, в начале XX века численность только еврейской диаспоры с русскими корнями достигла более 1,5 миллионов человек, причем большая ее часть оказалась сосредоточена в финансовом центре Америки – Нью-Йорке (свыше 600 тыс.) и других крупных индустриальных городах Северо-Востока: Бостон, Чикаго, Филадельфия (Кабузан, 1998: 48-49). Печально известный Кишиневский погром 1903, эксцессы в отношении евреев в ходе революции 1905–1907 годов, «дело Бейлиса» – все это приводило к увеличению еврейской иммиграции в Америку, причем массово покидавшие Российскую империю эмигранты уезжали с чувством негодования и обиды на царское правительство.

Отсутствие каких-либо юридических препятствий и национальных предрассудков приводило к быстрой интеграции еврейских иммигрантов в американское общество и даже выдвиганию отдельных его представителей в высшие сферы. При этом важно отметить, что неприязнь к дому Романовых, характерная для многих иммигрантов разных национальностей, некогда покинувших Россию, особенно отчетливо проявлялась у выходцев из наименее лояльных царской власти окраин Российской империи (Польши, Финляндии). Это усиливало негативную составляющую противоречивого образа России, формировавшегося в сознании американцев и способствовало возникновению устойчивых «русских» стереотипов» (Журавлева, 2001: 135). Неприязнь транслировалась в среду американского политика посредством различных общественных организаций, представляющих интересы иммигрантских диаспор и успешно лоббировавших те или иные выгодные им инициативы на Капитолийском холме. При этом наиболее яркую роль здесь играл Американский еврейский комитет (АЕК) в лице наиболее влиятельного его члена Джекоба Шиффа – банкира и заметного представителя еврейского финансового капитала, посвятившего много лет борьбе с российской монархией и оказывавшего серьезное влияние на общественную и политическую жизнь Америки. Именно он инициировал широкое обсуждение «паспортного вопроса», связанного с тем, что российские консулы, с одной стороны, ограничивали получение виз на основе религиозной идентичности для жителей США еврейского происхождения, а с другой – ущемляли права евреев, приезжавших в Россию с американскими паспортами (Cohen, 1999: 149).

Лоббистская деятельность АЕК наглядно продемонстрировала меняющуюся суть политики Вашингтона в отношении Петербурга, где впервые за всю историю двусторонних связей власти США прибегли к политике санкций, обусловленных имевшими место ограничениями прав конкретной этнорелигиозной группы. Комитет выступил с призывом к американским властям, чтобы те, угрожая России отменой торгового договора с США от 1832 года, вынудили тем самым российские власти пойти на отмену черты оседлости и антисемитских ограничений, а когда подобная политика не возымела должного эффекта, добился денонсации этого договора. Одновременно делался расчет на то, что евреи Франции, Великобритании и Германии проявят солидарность с заокеанскими единоверцами и заставят свои правительства оказать давление на Петербург в «еврейском вопросе» (Дэвис, Трани, 2002: 26).

Осложнили и без того непростую ситуацию и приближавшиеся в 1912 году президентские выборы в США, которые, как неоднократно свидетельствовала история, привнесли в отношения двух стран дополнительную неопределенность. Находившийся у власти президент У. Тафт склонялся к пролонгации упомянутого торгового договора, исходя из экономических соображений. В 1911 году его администрация инициировала соответствующие переговоры с российской стороной. Но намечившееся потепление отношений между Вашингтоном и Петербургом вызвало обратную

резко негативную реакцию антирусских кругов в США. В условиях набравшей обороты внутривнутриполитической борьбы за пост президента лидеры оппозиционной на тот момент Демократической партии решили использовать на предстоящих выборах русскую, а точнее русско-еврейскую карту (Козенко, 1998: 141-142).

В феврале 1911 года банкир Дж. Шифф вместе с другими влиятельными членами еврейской диаспоры был приглашен на встречу с президентом У. Тафтом в Белый дом. По всей видимости, американский лидер надеялся достигнуть некоего взаимопонимания со своими оппонентами, но разговор лишь усилил разногласия сторон. У. Тафт заявил, что, хотя он понимает озабоченность американских евреев ситуацией в России, он является представителем всех американцев и не может строить политику, исходя из узких национальных предпочтений. Президент высказался за продление договора с Россией, сославшись также на мнение американского посла в Петербурге У. Рокхилла, который твердо выступал за пролонгацию торгового договора. В ответ Дж. Шифф обвинил главу Белого дома в моральной нечистоплотности, поскольку, по его мнению, тот явно предпочел коммерческие интересы 98 миллионов американцев ущемлению прав 2 миллионов своих сограждан, в то время как главная задача главы Белого дома состоит в том, чтобы своим авторитетом и властью защищать каждого жителя США от страданий и произвола. Банкир пригрозил президенту, что, поскольку он остался глух к доводам еврейской диаспоры, им не остается ничего другого, кроме как обратиться напрямую к американскому обществу и объявил своим единомышленникам о начале «войны» с администрацией. Американский еврейский комитет сделал ставку на оппозиционную Демократическую партию, а Шифф заявил о выделении 25 тысяч долларов на начало публичной кампании против русского правительства (Cohen, 1999: 147-148). Одновременно им буквально сразу же была начата широкая работа по установлению связей с потенциальными союзниками по политическому лагерю, такими как «Друзья русской свободы», расширению контактов с видными политиками и законодателями, и самое главное – успешно реализована задача по перевороту контекста и смещению фокуса внимания. В результате дискуссия в американской печати велась не в защиту прав русских граждан, а из чувства негодования по поводу ущемления юридических и моральных прав обладателей американских паспортов. Действия Российской империи подавались как оскорбление граждан США и престижа заокеанской республики (Cohen, 1999: 149).

Дж. Шифф также провел публичные встречи с нью-йоркскими сенаторами Э. Руттом и Дж. О'Горманом, во время которых произвел медиа-сенсацию, заявив, что американский посол в России У. Рокхилл открыто выступает за приоритет экономической выгоды над «паспортным вопросом» и что близкий друг президента бизнесмен Дж. Хаммонд имеет личные бизнес-интересы в России. И хотя впоследствии Хаммонд обвинил Шиффа в «трусливой лжи», общее впечатление состояло в том, что администрация США предпочитает финансовую прибыль защите прав американских граждан (Cohen, 1999: 149).

В декабре 1911 г. в Конгрессе началось обсуждение проекта резолюции о разрыве торгового договора с Россией. Дж. Шиффа вызывали дать показания перед Комитетом по иностранным делам палаты представителей, где он произнес эмоциональную речь в защиту прав американских евреев, стремящихся посетить Россию, но встречающих непреодолимые препятствия на этом пути (Cohen, 1999: 150). Эта речь и последовавшая за ней широкая кампания в прессе, направленная на поддержку еврейской диаспоры и Демократической партии, позволила Конгрессу в конце декабря практически единогласно проголосовать за резолюцию об отмене торгового договора с Россией. Примечательно, что в антирусской кампании принял участие и кандидат в президенты от Демократической партии В. Вильсон, победивший на выборах 1912 года. На одном из собраний Американского еврейского комитета в Карнеги-холл В. Вильсон заверил присутствовавших, что «американцы не желают прибыли от торговли с Россией, если некоторые из них вынуждены терпеть за это унижение» (Дэвис, Трани, 2002: 28).

Причины разрыва российско-американского торгового договора были очевидны как для русских дипломатических кругов, так и для заинтересованных современников. Как отмечал находившийся в 1913 году в США журналист Н.А. Бородин, ему «лично пришлось от влиятельных русских евреев слышать категорическое заверение, что пока Россия не уступит правительству Соединенных Штатов в вопросе беспрепятственного допуска бывших русских, ставших американскими гражданами, в Россию, ни о каком развитии товарообмена между двумя странами не может быть и речи, так как американцы вооружены против русских» (Бородин, 1915: 311).

Таким образом, многие важнейшие вопросы торгово-экономического и политического характера в начале XX века преломлялись через гуманитарную, правозащитную призму, где идеологический компонент порой перевешивал прагматическую составляющую российско-американских отношений, объективно нуждавшихся в улучшении. При этом Конгресс США в сложившейся ситуации играл скорее деструктивную роль, подталкивая уходящую администрацию У. Тафта к антироссийским жестам.

С приходом к власти президента В. Вильсона в 1912 г. появились надежды на улучшение отношений, о чем он лично дал понять, намекнув, что с назначением нового посла в Петербурге возобновятся переговоры о торговом договоре. Экономические связи двух стран стали демонстрировать постепенное восстановление. Для их укрепления были учреждены две новые организации: Русско-

американская торговая палата, основанная в Москве в 1913 г., и Русский отдел при Национальной ассоциации промышленников (НАП) Соединенных Штатов, открытый в январе 1914 г. в Нью-Йорке.

Выступления официальных лиц США на торжественной церемонии открытия достаточно хорошо отражали будущее предназначение нового отдела. Неоднократно звучали мнения, что русско-американский товарообмен находится в ненормальном состоянии, связанном с тем, что он преимущественно проходит через руки германских посредников, на долю которых достается значительная часть прибылей. Звучали призывы о необходимости устранения иностранного посредничества из двусторонней торговли, деполитизации сферы торговли, изучения рынков спроса и предложения и налаживания прочных двусторонних контактов. Основание русского отдела Национальной ассоциации промышленников США должно было стать необходимым средством для ознакомления деловых кругов обеих стран друг с другом (Бородин, 1915: 308).

Неудивительно, что, когда летом 1914 года русское правительство заявило об отказе от продления русско-германского торгового договора, в деловых кругах США стала активно обсуждаться возможность закрепления на российском рынке. В июне 1914 г. в Бостонской торговой палате бывший американский посол в России К. Гульд выступил с речью, в которой призвал сделать Россию таким же по своему значению рынком для промышленных товаров США, каким являлась для них Латинская Америка. Тогда же Русский отдел при Национальной ассоциации промышленников сообщил в Министерство торговли и промышленности в Петербурге о поездке в Россию двух директоров и бывших предпринимателей НАП Дж. Керби и Д.М. Пари во Владивосток (Ганелин, 1969:10).

В то же время на пути налаживания российско-американских отношений оставалось немало препятствий, одним из которых был вопрос о выборе кандидатуры американского посла в России. Процесс назначения на эту должность затянулся, и посол был официально назначен лишь 1 июля 1914 года, а прибыл в Россию спустя еще три месяца. Им стал малоизвестный для широкой публики бизнесмен, финансовый спонсор выборной кампании демократов Дж. Мэри. В таком более чем противоречивом состоянии находились американо-русские отношения, когда началась Первая мировая война.

Начало боевых действий в Европе, в том числе на Восточном фронте, где русские армии вели сражения с немецкими и австро-венгерскими войсками, не были восприняты американской общественностью с воодушевлением. Отношение и правящих кругов, и широкой публики к войне и к участвующим в ней сторонам (безотносительно их принадлежности к тому или другому военному союзу) было если не осуждающим, то, по крайней мере, несколько отстраненным. Подобные настроения царили и в стенах Конгресса. Контролируемые обе его палаты были преисполнены антивоенных настроений, в целом разделяя демократический мессианизм своего однопартийца – президента В. Вильсона, плохо скрывавшего неприязнь к империализму европейских монархий, повинных в развязывании кровопролития. Конгрессмены же в свою очередь также не спешили расставлять в этой войне все точки над *i* и не считали, что она должна кардинально изменить приоритеты американской внешней политики по отношению к воюющим странам с целью назначения «правых» и «виноватых» в этом конфликте. На этом фоне неудивительным выглядит тот факт, что с самого начала войны Германия вместе с Австро-Венгрией обратилась к США и получили согласие от Вашингтона, чтобы американские дипломатические служащие в России вместе с членами миссии Красного Креста и Ассоциации молодых христиан контролировали условия содержания своих военнопленных в российских лагерях. Американские дипломаты должны были не только проверять «соблюдение справедливых норм обращения с немцами и австрийцами», но и оказывать поддержку уроженцам этих государств, проживающим в зонах боевых действий на территории России. Дело дошло даже до того, что австрийский посол в Вашингтоне К. Думбо обратился к президенту Вильсону с просьбой направить личное послание Николаю II по поводу условий содержания захваченных в плен солдат Центральных держав, а конгрессмен из Буффало, член комитета по международным делам Ч. Смит вызывался отправиться в Петроград с целью оказания помощи немецким и австрийским военнопленным (Дэвис, Трани, 2002: 55-56).

Несмотря на подобные гуманитарные инициативы отдельных конгрессменов, сам верховный законодательный орган был преисполнен изоляционистскими настроениями, причем они были свойственны парламентариям, представлявшим самые разные сегменты политического спектра (от правых республиканцев до левых демократов). Причины таких настроений были разными: если для правых республиканцев был характерен христианский фундаментализм, а для демократов либерализм – обе идеологии базировались на неприятии любых войн, ведущихся монархиями, то малочисленные левые конгрессмены, представлявшие социалистическую партию Америки (СПА), такие как В. Бергер и М. Лондон, осуждали войну, уже исходя из классовых соображений, призывая американскую общественность бойкотировать любые потенциальные приготовления США к участию в ней, включая призыв в армию (Jeffreys-Jones, 2013: 47-49).

Электоральная база изоляционистов также была представлена избирателями, испытывавшими мало симпатий к Российской империи. СПА, в частности, опиралась на упоминавшихся выходцев из российских национальных окраин (Финляндии), а также представителей еврейской интеллигенции (Marks, Burbank, 1990: 176; Sorin, 1989; 37-54), а правые демократы и республиканцы, представлявшие

интересы штатов Запада и Юга, опирались на поддержку проживавших там фермеров – выходцев из Германии, симпатизировавших своей исторической родине (Beckett, 2014: 122). Это хорошо подтверждается текстами стенограмм заседаний, речами отдельных «германофильски» настроенных конгрессменов, в частности, Д. Шеклефорда от Миссури, призывавшего к строгому соблюдению объявленного Америкой нейтралитета, с целью не дать ориентировавшимся на Лондон «бостонским аристократам и финансовым тузам Нью-Йорка и Новой Англии» втянуть США в войну против Германии, вопреки американским национальным интересам (Congressional Record, 1916: 789-791). При этом Д. Шеклефорд приводил весьма строгий логический анализ положения дел на европейском континенте, отмечая, что Германия совершенно не угрожает Америке ввиду слабости ее военно-морского флота (в отличие от Великобритании). Конгрессмен полагал, что после окончания войны обескровленная Германия будет гораздо больше заинтересована в дружеских и крепких экономических связях с нейтральными США, чем со своими прежними врагами – Англией и Россией, и в силу этого она совершенно не заинтересована в том, чтобы испортить взаимоотношения с Вашингтоном (Congressional Record, 1916: 789-791).

Подобные выступления, отражавшие даже не столько антироссийский, сколько в целом антиевропейский настрой отдельных американских законодателей, свидетельствовали не только об отсутствии каких-либо симпатий по отношению к Антанте, но и ставили Америку как бы «над схваткой» европейских держав, отказывая им в существенной не только военной, но и материально-технической помощи. Сенатор Г. Лодж, представлявший демократов, в этой связи указывал на недостаточную обороноспособность армии США, призывая исполнительную власть сделать приоритетом оснащение военной техникой и вооружением именно национальных вооруженных сил, а не военный экспорт в воюющие страны (Congressional Record, 1915: 4390). Эта точка зрения была поддержана и конгрессменом Д. Шеклефордом, предложившим ввести эмбарго на поставки вооружения и военной амуниции для всех без исключения держав, включая страны Антанты. Важно заметить, что Россия, на долю которой выпали наибольшие тяготы войны и которая испытывала в ее первые годы так называемый «снарядный голод», здесь также не была исключением. Однако проблемы на восточном фронте мало заботили конгрессменов, которые, пытаясь заглядывать далеко вперед – в послевоенные годы, уже видели Россию в качестве конкурента на мировых рынках сырья и сельхозпродукции (особенно зерна), опасаясь восстановления подорванного боевыми действиями российского экспорта. Так, сенатор П. Маккьюмбер (республиканец от Северной Дакоты), разделявший изоляционистские убеждения, в своей речи от 24 февраля 1915 года отметил, что война предоставила аграриям США уникальные возможности для расширения экспорта пшеницы в Европу, которая испытывает повышенный спрос на зерно в условиях отсутствия российских поставок. Однако, преимущества, которые получили американские аграрии, предупреждал сенатор, исчезнут с прекращением боевых действий и восстановлением экономики европейских держав, которое начнется с сельского хозяйства. В силу этого он предлагал закрепить преференции для аграриев США путем отказа от режима свободной торговли, введенного под влиянием Демократической партии в октябре 1913 года, вернувшись к ранее действовавшему протекционистскому тарифу (Congressional Record, 1915: 4496-4497). Подобные предложения как нельзя лучше отражали понимание политическими и предпринимательскими кругами Америки возможностей, которые им предоставила война в Европе. Особенно отчетливо это было заметно в случае России, которая после разрыва отношения с Германией основные закупки промышленных товаров стала осуществлять в США. Если в 1914 году импорт из США не превышал 80,2 млн рублей, то в дальнейшем он стал быстро увеличиваться: в 1915-м – 258,7, в 1916-м – 422,4, в 1917 году – 486,3 млн рублей (Манухин, 2018: 35).

Изоляционизм американских конгрессменов и сенаторов, вызывавший серьезную озабоченность в Лондоне, Париже и Петрограде, тем не менее не смог переломить растущую уверенность администрации В. Вильсона в необходимости сохранения курса на сотрудничество с антигерманской коалицией, а государственный департамент США твердо заверял русское посольство, что предложения изоляционистов не пройдут (Манухин, 2018: 35). Критическим моментом стало голосование в Сенате США в феврале 1915 г. Странники изоляционизма выдвинули предложение принять поправку, запрещающую под угрозой штрафа в 100 тысяч долларов и трехлетнего тюремного заключения поставки вооружения, амуниции, артиллерии и взрывчатых веществ любым государствам, с которыми Соединенные Штаты находятся в состоянии мира. По сути это было тотальное военное эмбарго для всех воюющих европейских держав. Однако, как и предсказывало внешнеполитическое ведомство США, противники изоляционистов выступили резко против и предложили отложить рассмотрение данной поправки на неопределенный срок. Вопрос был поставлен на голосование, в котором изоляционисты проиграли. За то, чтобы отложить рассмотрение поправки, выступил 51 сенатор, 36 законодателей высказалось против (Congressional Record, 1915: 4016). Однако большое число сторонников военного эмбарго сигнализировало о сохраняющей прочность линии изоляционистов, которую В. Вильсону еще предстояло переломить.

В следующем, 1916 году, «русский вопрос» в Конгрессе оказался на повестке дня в довольно идеологизированной форме. В очередной раз зазвучала тема защиты прав русскоязычных иммигрантов, которая получила дополнительный импульс в связи с безуспешными попытками некоторых

конгрессменов внести поправки в иммиграционное законодательство, исключив из списка потенциальных иммигрантов лиц, проживающих в отдельных частях Российской империи (евреев, татар и других неславянских меньшинств). Однако наиболее либеральные сенаторы, в частности Д. Рид, раскритиковали такие предложения за их антидемократизм, обуславливая их право на переселение в США не в последнюю очередь «тиранией» царского правительства (*Congressional Record*, 1916: 157-159).

5. Заключение

В предвоенные годы и в ходе Первой мировой войны парламентская дипломатия США начинала играть в общем раскладе российско-американских отношений все более заметную, хотя и отнюдь не позитивную роль. Для этого имелись весомые причины. Во-первых, в американском политикуме накануне и в начальный период войны все еще были сильны изоляционистские настроения, имевшие в том числе антироссийский оттенок. Во-вторых, негативные настроения на Капитолийском холме подпитывались частью электоральной базы правящей Демократической партии, состоявшей в том числе из многочисленных групп иммигрантов из Российской империи. Опираясь на грамотно выстроенные лоббистские структуры и громкие публичные кампании, они склонили значительное число сенаторов и конгрессменов на свою сторону и в значительной мере определили недружественный настрой американских законодателей по отношению к царской России и правящей династии Романовых. В-третьих, имели место явные провалы исполнительной власти США, продемонстрированные ею на русском направлении в 1914–1916 гг. Неудачные кадровые назначения на должности послов лиц, далеких от профессиональной дипломатической деятельности (Дж. Мэри, Д. Френсис), привели к размыванию политической линии Вашингтона в отношении Петрограда, включению в процессы принятия решений по условному «русскому вопросу» неофициальных лиц, наподобие полковника Э. Хауза – неформального советника президента В. Вильсона. Это позволило Конгрессу, а вернее его отдельным членам, более активно поучаствовать в политико-дипломатических инициативах Белого дома, адресованных России, как это произошло в рамках миссии сенатора И. Рута, направленной в Петроград уже после падения российской монархии. Однако, как и в случае с президентской администрацией, пребывавшей в плену иллюзий о прочности «молодой русской демократии», миссия Рута также не смогла осознать всей серьезности революционной опасности, надвигающейся на Россию, а польза от ее организации для двусторонних отношений оказалась ничтожной.

Президент и его сторонники в Конгрессе – вильсонянцы – в каком-то смысле стали заложниками собственной веры в спасительную роль демократии, видевшейся им едва ли не универсальным средством «перевоспитания» целых стран и народов, которым только предстояло приобщиться к ценностям свободы и либерализма в процессе перехода от монархических режимов к республиканским институтам.

В целом позитивно восприняв захлестнувший европейские империи (Россию, Германию, Австро-Венгрию) «каскад» революций, в том числе февральскую революцию 1917 г., вильсонянцы не осознали их далеко идущие последствия не только для Старого света, но и их общемировое значение. Демократия ошибочно воспринималась ими как базовое условие для развития всего комплекса российско-американских отношений. Напротив, реальная политика, объективно отвечавшая национальным интересам двух стран и способная стать фактором их сближения в условиях военного времени и после войны, была проигнорирована в угоду нереалистичным притязаниям Вашингтона на торжество свободы в России – глубоко пораженной социально-политическими проблемами огромной воюющей стране.

В итоге такая недалновидная и откровенно плохо маскируемая антимонархическая политика американского истеблишмента не только не привела к обретению американцами нового друга и партнера в лице демократической России, но еще больше отдалила ее от Америки после революционных потрясений октября 1917 г. Пришедшее к власти новое правительство большевиков перечеркнуло многолетние усилия по налаживанию российско-американских связей, низведя их до состояния конфронтации, немислимой даже в самые сложные периоды отношений Вашингтона и Петербурга.

Литература

- Бородин, 2010** – *Бородин Н.А.* Североамериканские Соединенные Штаты и Россия. Петроград, 1915. 324 с.
- Ганелин, 1969** – *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Ленинград: Наука, 1969. 418 с.
- Дэвис, Трани, 2002** – *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.
- Журавлева, 2001** – *Журавлева В.И.* Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX–XX вв.: образ «Чужого» в сознании американцев // *Новый исторический вестник*. 2001. № 2. С. 124-139.
- Кабузан, 1998** – *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998. 272 с.
- Козенко, 1998** – *Козенко Б.Д.* Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914–1917 годах // *Первая мировая война. Пролог XX века*. Москва: Наука, 1998. С. 140-157.
- Манухин, 2018** – *Манухин А.А.* Военные поставки из США в Россию в Первую мировую войну // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 10. С. 34-41.

- [Россия и США, 1999](#) – Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. 856 с.
- [Уткин, 2001](#) – *Уткин А.И. Первая Мировая война*. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
- [Agricultural appropriations, 1915](#) – Agricultural appropriations // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 24, 1915. P. 4492-4497.
- [Beckett, 2014](#) – *Beckett I. The Great War: 1914-1918*. Routledge, 2014. 856 p.
- [Cohen, 1999](#) – *Cohen W.N. Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership*. Brandeis University Press, 1999. 336 p.
- [Crabb, Holt, 1992](#) – *Crabb C.V., Holt P.M. Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy*. Wash., 1992. 322 p.
- [Embargo on arms and ammunitions, 1916](#) – Embargo on arms and ammunitions // Congressional Record. January 10, 1916. Pp. 789-791.
- [Jeffreys-Jones, 2013](#) – *Jeffreys-Jones R. American Left: Its Impact on Politics and Society since 1900*. Edinburgh University Press, 2013.
- [Lindsay, 1994](#) – *Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore; London, 1994. 228 p.
- [Marks, Burbank, 1990](#) – *Marks G., Burbank M. Immigrant Support for the American Socialist Party*, Social Science History. 1990. Vol. 14, No. 2, Pp. 175-202.
- [Powaski, 1997](#) – *Powaski R. The Cold War: The United States and the Soviet Union, 1917-1991*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 368 p.
- [Regulation of Immigration, 1916](#) – Regulation of Immigration // Congressional Record. Volume LIV. Part I. December 11, 1916. P. 156-162.
- [Scientific Management](#) – Scientific Management // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 23, 1915. P. 4386-4392.
- [Smith et al., 2005](#) – *Smith S.S., Roberts J. M., Vander Wielen R. The American Congress*. Cambridge, 2005. 445 p.
- [Sorin, 1989](#) – *Sorin G. Tradition and Change: American Jewish Socialists as Agents of Acculturation // American Jewish History*. 1989. Vol. 79, No. 1. Pp. 37-54.
- [The Merchant Marine, 1915](#) – The Merchant Marine // Congressional Record. Volume LII. Part IV. February 18, 1915. P. 4001-4020.
- [Westerfield, 1996](#) – *Westerfield D.L. War Powers: The President, the Congress and the Question of War*. Westport; London, 1996. 252 p.

References

- [Agricultural appropriations, 1915](#) – Agricultural appropriations // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 24, 1915. Pp. 4492-4497.
- [Beckett, 2014](#) – *Beckett, I. (2014). The Great War: 1914-1918*. L., Routledge. 856 p.
- [Borodin, 1915](#) – *Borodin, N.A. (1915) Severoamerikanskije Soedinennye Shtaty i Rossiya [North American United States and Russia]*. Petrograd. 324 p. [in Russian]
- [Crabb, Holt, 1992](#) – *Crabb, C.V., Holt, P.M. (1992). Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy*. Wash. 322 p.
- [Cohen, 1999](#) – *Cohen, W.N. (1999). Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership*. Brandeis University Press. 336 p.
- [Davis, Trani, 2002](#) – *Davis, D.E. Trani, E.P. (2002). The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. Soviet Relations* University of Missouri. 360 p.
- [Embargo on arms and ammunitions, 1916](#) – Embargo on arms and ammunitions // Congressional Record. January 10, 1916. Pp. 789-791.
- [Ganelin, 1969](#) – *Ganelin, R.Sh. (1969). Rossiya i SShA. 1914-1917. Oчерki istorii russko-amerikanskikh otnoshenii. [Russia and the United States. The Essays of Russia-US Relations]*. Leningrad: Nauka. 418 p. [in Russian]
- [Jeffreys-Jones, 2013](#) – *Jeffreys-Jones, R. (2013). American Left: Its Impact on Politics and Society since 1900*. Edinburgh. 264 p.
- [Kabuzan 1998](#) – *Kabuzan, V.M. (1998). Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Emigration and Re-emigration in Russia in the 18th – early 20th Centuries]*. Moscow: Nauka. Pp. 48-50. [in Russian]
- [Kozenko 1998](#) – *Kozenko, B.D. (1998). Nesostoyavsheesya sblizhenie: SShA i Rossiya v 1914-1917 godakh. Pervaya mirovaya voina. Prolog XX veka [Failed Rapprochement: the United States and Russia in 1914-1917. World War I. 20th century prologue]*. Moscow: Nauka, pp. 140-157. [in Russian]
- [Lindsay, 1994](#) – *Lindsay, J.M. (1994). Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore; London, 1994. 228 p.
- [Manukhin, 2018](#) – *Manukhin, A.A. (2018). Voennye postavki iz SShA v Rossiyu v Pervuyu mirovuyu voinu. [US Military Supplies from US to Russia during First World War]*. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10: 34-41. [in Russian]

- Marks, Burbank, 1990 – Marks, G., Burbank, M. (1990). Immigrant Support for the American Socialist Party. *Social Science History*. 14(2): 175-202.
- Powaski, 1997 – Powaski, R. (1997). The Cold War: The United States and the Soviet Union, 1917-1991. Oxford: Oxford University Press, 368 p.
- Rossiia i SShA, 1999 – Rossiia i SShA: diplomaticheskie otnosheniya. [Russia and the US: Diplomatic Relations]. 1900-1917 / Ed by A. N. Yakovlev; Compiled by Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. Moscow, MFD, 856 p. [in Russian]
- Regulation of Immigration, 1916 – Regulation of Immigration // Congressional Record. Volume LIV. Part I. December 11, 1916. Pp. 156-162.
- Sorin, 1989 – Sorin, G. (1989). Tradition and Change: American Jewish Socialists as Agents of Acculturation. *American Jewish History*. 79(1): 37-54.
- Scientific Management, 1915 – Scientific Management // Congressional Record. Volume LII. Part V. February 23, 1915. Pp. 4386-4392.
- Smith et al., 2005 – Smith, S.S., Roberts, J. M., Vander Wielen, R. (2005). The American Congress. Cambridge, 445 p.
- The Merchant Marine, 1915 – The Merchant Marine // Congressional Record. Volume LII. Part IV. February 18, 1915. Pp. 4001-4020.
- Utkin, 2001 – Utkin, A.I. (2001). Pervaya Mirovaya voina [The First World War]. M.: Algoritm, 592 p. [in Russian]
- Westerfield, 1996 – Westerfield, D.L. (1996). War Powers: The President, the Congress and the Question of War. Westport; London. 252 p.
- Zhuravleva, 2001 – Zhuravleva, V.I. (2001). Evreiskaya emigratsiya iz Rossii v SShA na rubezhe XIX – XX vv.: obraz «Chuzhogo» v soznanii amerikantsev. [Jewish emigration from Russia to the USA at the turn of the 19th and 20th centuries: the image of the "Alien" in the minds of Americans]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2: 124-139. [in Russian]

Конгресс США и российско-американские отношения в преддверии и в ходе Первой мировой войны

Юрий Иванович Надточей ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Христенко ^b

^a Московский государственный институт международных отношений, Российская Федерация

^b Ярославский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются особенности политики Конгресса США в отношении России в преддверии и в первые годы Первой мировой войны. На основе архивных материалов Конгресса рассмотрены причины негативной динамики российско-американских отношений в 1911–1913 гг. и последующее их медленное восстановление накануне и в начале войны. Отмечается, что ключевую роль в нагнетании антироссийских настроений в американском общественном мнении и их трансляции в политическую, в том числе парламентскую среду, сыграли иммигрантские круги. Они состояли из лиц, покинувших Российскую империю и нашедших поддержку той части американского предпринимательского класса, который рассматривал Россию как прямого конкурента США на товарных и сырьевых рынках. Тем не менее проблема защиты прав меньшинств в отношениях Вашингтона и Петербурга выразилась в поддержке американскими конгрессменами русских иммигрантов по идейным причинам. Американская политическая среда развивалась под воздействием сильных изоляционистских настроений, составной частью которых была неприязнь к европейским империям, развязавшим беспрецедентную по своим масштабам мировую войну. Антимонархические настроения непосредственно отражались на характере внешней политики США, особенно в тех аспектах, которые напрямую затрагивали компетенции Конгресса (военные поставки, миграционное законодательство). Американские законодатели, рьяно отстаивавшие идеи свободы и демократии, не смогли осознать важность поддержки правительства России в самые тяжелые первые годы войны. Преодолеть антироссийский настрой Конгрессу удалось только к февральской революции 1917 г., когда налаживание отношений с демократическим, но слабым Временным правительством России уже не могло создать прочный фундамент отношений между двумя странами, приведя их к состоянию, позже определенного историками как «первая холодная война».

Ключевые слова: Российская империя, Конгресс США, Торговый договор 1832, права человека, еврейские иммигранты, Первая мировая война, Антанта, В. Вильсон, Дж. Шифф.

* Корреспондирующий автор

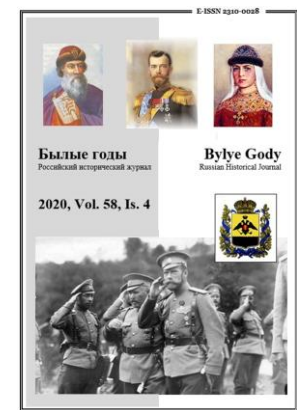
Адреса электронной почты: ynadtochey@yandex.ru (Ю.И. Надточей), khristenko1983@mail.ru (Д.Н. Христенко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2835-2844. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2835
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Political Moods of Forced Migrants in Russia during the First World War

Alexandra S. Kuzmenko ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Today, the study of migration remains as relevant as in the last century and, in a few last years, even more actual. The resettlement crisis, covered not only Europe, but also most countries from Mexico and Indonesia to Ukraine and Syria, has boosted interest in the political component of migration among the expert community. At the same time, the previous historical experience of mass forced migration during the First and Second World Wars is expected to be especially valuable due to its uniqueness for modern processes. These conflicts have revealed unexpectedly massive cross impact of forced resettlement both on politics and nation. As a matter of fact, migration affected on attitude towards not only the Government, but also political parties, public organizations and other active political subjects. Nevertheless, the influence of such processes on the migrants themselves used to escape researcher's attention. Eastern Siberia in that case is assumed to be indicative region as a result of the fact that it was the receiving territory for such human wave. Forced migrants appeared in the area were potential social base for political powers in the region. Considering the reasons and conditions of their movements Siberian active subjects could use them as an effective recourse in their political struggle. But how successful were they in such attempts? What hurdles did they meet on that way? Were forced migrants active and political experienced or inert and inefficient? The purpose of this paper is to find answers to these questions. The author determines and characterizes certain aspects of political moods of forced migrants, caused by world military conflict. The article analyses the level of political activity/inertia of these different groups. Eventually the author defines reasons of these processes and makes a conclusion about a forced migrant's political behaviour.

Keywords: political moods, forced migration, Siberia, World War I, refugees, evicted persons, deportation, migrant legal status, legitimacy.

1. Введение

Сегодня изучение миграции остается не менее актуальным, чем в прошлом столетии. Как отметил известный французский антрополог и философ Б. Латур, «...(даже) мы, европейцы, сами находимся в состоянии миграции на нашей территории...» (Latour, 2017). Переселенческий кризис, охвативший не только Европу, но и большинство стран от Мексики и Индонезии до Украины и Сирии, ожидаемо повлек за собой рост интереса к политической составляющей миграции в среде экспертного сообщества. При этом предшествующий исторический опыт периода массовых недобровольных переселений во время Первой и Второй мировой войн представляется сейчас особенно ценным в силу своего одновременно уникального и в то же время определяющего для современных процессов характера.

2. Материалы и методы

Предметом изучения данной статьи стали именно политические настроения недобровольных переселенцев на территории Российской империи в период Первой мировой войны¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: askuzmenko@sfu-kras.ru (A.S. Kuzmenko)

Исследование основано как на материалах периодической печати начала XX столетия, так и неопубликованных архивных данных. Среди первых базу составили региональные газеты и журналы – «Сибирская жизнь», «Вестник Приенисейского края», «Вестник Красноярского городского общественного управления». Анализ сибирских периодических изданий позволил охарактеризовать отношение политической элиты к феномену недобровольной миграции и таким образом определить степень ее заинтересованности в переселенцах как потенциальной социальной базе.

Вторая группа – делопроизводственные материалы трех государственных архивов. В Государственном архиве Российской Федерации в трех использованных фондах – 76 «Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог», 1768 «Канцелярия петраковского губернатора» и 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском» – содержатся секретные распоряжения о превентивных мерах, ограничивавших деятельность местного населения и приведших к возникновению беженства и вынужденной миграции, а также информация об особенностях и условиях перемещения недобровольных мигрантов. Региональные архивы – Государственный архив Иркутской области и Государственный архив Красноярского края – представлены документами фондов 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» и 595 «Енисейское Губернское Управление». Среди материалов указанных фондов содержатся прошения переселенцев и ответные распоряжения губернаторов, сведения о порядке возвращения высланных и депортированных мигрантов, их оценка действий военного командования и местных сибирских административных органов управления.

Работа базируется на структурно-системном и историко-психологическом методах. Структурно-системный метод помог изучить явление целостно, так как в рамках его применения недобровольный миграционный поток необходимо рассматривать как сложную открытую систему. Именно такое обращение к системному анализу, особенно в силу значительного усложнения внутренней структуры явления в период Первой мировой войны, позволило учесть воздействие не только внутренних структурных, но и внешних факторов в недобровольном типе миграции.

Среди историко-психологических методов как способов реконструкции динамики психологических состояний, идей и т.д. при анализе были выбраны методы исторической реконструкции и инверсии. Первый был применен при воссоздании целостной картины политических настроений мигрантов путем детального и комплексного анализа частных составляющих этого целого – высказываний и заявлений видных общественных и государственных деятелей, донесений административных и военных чинов, писем самих недобровольных переселенцев. Привлечение же инверсии объясняется особенностями изучаемого периода – первого мирового конфликта. Данный метод связан с анализом эмоциональных состояний массового и индивидуального сознания в стрессовых ситуациях, в условиях избытка или, наоборот, недостатка информации. Его использование способствовало вскрытию механизмов функционирования сознания, в котором доминирующую роль играет не рациональная, а эмоциональная составляющая, опирающаяся часто на импульсивное принятие решений, что особенно ярко проявилось во время изучаемого масштабного вооруженного конфликта.

В целом применение указанных методологических приемов позволило определить степень вовлеченности мигрантов в политическую сферу жизни общества и выявить общие характеристики их политических настроений.

3. Обсуждение

Изучение недобровольных миграций началось уже непосредственно в период Первой мировой войны. Основными тенденциями в это время следует назвать приоритетное положение изучения беженства и отсутствие разграничения между вынужденной миграцией и беженством: первый тип просто отождествлялся со вторым. Работы этого периода (Смирнов-Кутачевский, 1915; Кудринский, 1997; Рацкевич, 1916 и др.), как правило, оставляли вне исследовательского поля насильственный аспект перемещения ряда народов, а также проблемы адаптации многочисленных масс интернированных, осложнявшиеся культурными, языковыми, этническими барьерами, что в результате сказывалось на степени истинности и глубине трудов.

После революционных событий и времен Гражданской войны интерес к недобровольным мигрантам ожидаемо снизился. И западных, и отечественных исследователей стал больше волновать вопрос репатриации и реэвакуации военнопленных (Лубны-Герцик, 1926; Polner et al., 1930 и др.). Исследователи еще уделяли некоторое довольно незначительное внимание беженцам, но остальные виды недобровольной миграции, как и прежде, не были обозначены.

В советское время феномен недобровольной миграции практически не изучался. В 1930-х – 1950-х гг. из официальной литературы почти исчезли сами термины – понятия отсутствуют даже в энциклопедических изданиях. И только во второй половине XX в. наметился некоторый подъем.

¹Социальная группа недобровольных мигрантов состоит из трех основных потоков – беженцев, «выселенцев» (или вынужденных мигрантов) и депортированных.

Однако следует заметить, что недобровольная миграция по-прежнему продолжала отождествляться с беженством (Анфимов, 1962; Сидоров, 1973 и др.).

Ситуация изменяется на рубеже XX–XXI вв. Анализу подвергаются миграционная политика российского государства в период Первой мировой войны и после нее, особенности беженства и депортации на различных российских территориях, помощь и проблемы адаптации переселенцев (Buechler, Buechler, 1975; Бартеле, Шалда, 2001; Лахарева, 2001; Хасин, 1999; Курцев, 1999; Холквист, 1999 и др.).

Однако в целом изучение миграционных процессов по-прежнему идет либо в русле нормативно-правовой и организационной деятельности государства (Gatrell, 2017; Белова, 2014; Щеров, 2000), либо сосредотачивается на демографических проблемах и особенностях социально-экономического обеспечения и положения переселенцев (Корнелюк, 2019; Dvoretzkaya, 2016; Цовян, 2005; Туманова, 2005). Политические настроения анализируются в подавляющем большинстве со стороны сообщества-реципиента (Andall, 2000; Hansen, Hager, 2012; Rolfe et al., 2019). Политические настроения, и в частности установки мигрантов, фактически выпадают из исследовательского поля.

4. Результаты

Политические настроения – набор ожиданий общества/социальной группы/индивидуума, направленный на политическую сферу. Он складывается из ожиданий в отношении:

- 1) института государства;
- 2) реальной правящей политической элиты;
- 3) имеющихся в данном социуме политических/общественно-политических организаций/движений и иных групп влияния.

В период Первой мировой войны на их формирование оказывали влияние, с одной стороны, типичные вневременные факторы: уровень политической культуры, распространенность и особенности образовательного уровня той или иной социальной группы, индивидуальные эмоционально-психологические качества индивидуумов, аксиологические установки общества. А с другой – преходящие феномены крупнейшего на тот момент военного конфликта: геополитическое положение и «статус» на мировой арене государства; политические права и свободы, закрепленные действующим законодательством; степень «индустриализованности» общества.

Недобровольные мигранты возникли как самостоятельная и играющая собственную заметную роль группа именно в результате Первой мировой войны. Их политические настроения, кроме указанных условий, в значительной мере определялись причинами появления данного миграционного потока, среди которых ведущее положение занимал сам институт государства.

Категория беженцев, происходившая главным образом из российских западных губерний, имела ярко выраженную традиционную политическую ментальность. Она диктовала наличие соответствующего типа легитимности, который наделял институт государства совершенно конкретными особенностями. Во-первых, все ветви власти не только управлялись из одного центра (несмотря на видимый факт разделения властей), но и рассматривались как единый аппарат, где верховный глава стоял над всеми, как бы не влияя на деятельность ветвей власти, но вмешиваясь в сложных и спорных ситуациях, выступая в роли арбитра. Российские юристы оценивали эту особенность как «основное свойство нашей Верховной объединенной государственной власти» (Захаров, 2002: 305). Позднейшие исследователи также подчеркивали неопределенные полномочия российских царей, которые «в кризисных ситуациях позволяли вполне эффективно выходить из сложных, и подчас тупиковых, ситуаций: войны, болезни, восстания, экстремизм и терроризм и т.п.» (Шмидт, 2014: 20).

Во-вторых, юридическая безответственность монарха воспринималась обществом как естественная, во многом онтологическая, так как проискала из традиционной «божественной» легитимации царской особы. Безусловный приоритет наследственной передачи власти и ее формальная неограниченность поддерживали веберовскую традиционную легитимность.

В результате среднестатистический мигрант-беженец начала XX столетия воспринимал весь политический «олимп» как «отца». Такие патерналистские ожидания приводили к тому, что ответственность за ликвидацию любых чрезвычайных ситуаций (коей воспринималась и война, и сам феномен недобровольного переселения) в полном объеме возлагалась на государство, персонифицированное в его главе.

Государство отвечало на эти ожидания также традиционным способом: с первых недель войны вплоть до 1917 г. в свет вышел целый ряд нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение материальной, финансовой и иного вида помощи беженцам (Положение о Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий от 14 сентября 1914 г., Положение Совета министров об оказании ссудной помощи пострадавшему от военных действий населению Царства Польского и прилегающих местностей от 28 февраля 1915 г. и т.д.) (Законы и распоряжения о беженцах, 1916).

Политическая элита также начала активно призывать общественные организации и граждан к усилению благотворительных пожертвований. «Война – смотр всем силам государства, не только военным, но и силам народа...», – обращался к сибирской общественности один из авторов «Вестника Красноярского городского общественного управления» в марте 1915 г. (К-вич, 1915: 4). «В Сибири нормы обычной жизни потрясены значительно мало... Единственное, что сейчас стоит на очереди – это эвакуация в Сибирь беженцев, в устройстве которых городам Сибири придется принять живое и деятельное участие» (И.К., 1915: 7).

Результатом данных мероприятий стало укрепление в беженской среде осознания собственных особых прав и свобод, более широких, нежели у остального гражданского населения империи, поэтому предпринимать активное участие в процессе встраивания в принимающее социально-экономическое пространство, «налаживания быта» они не торопились. Так, Красноярский комитет беженцев сообщал как о довольно типичном (вследствие произошедшего из-за войны и переезда «некоторого сдвига в надломленной душе вчерашнего труженика-хлебороба») случае, когда мать-беженка потребовала вернуть с работ дочь из-за насмешек со стороны других мигрантов, «издевавшихся над тем, что она заставляет свою дочь работать в то время, когда можно жить на беженский паек, не работая» (Вестник Приенисейского края, 1916: 20). В целом, по сообщениям из регионов, труд беженцев не отличался надлежащей интенсивностью.

Но и активных самостоятельных действий по возвращению в привычное состояние первоначально недобровольные мигранты данного типа не предпринимали, ограничиваясь каждодневными составлениями прошений на имя местных властей о предоставлении им довольства и помощи в возвращении: «Покорнейше прошу Ваше Высоко Превосходительство разрешить переехать тестю, отцу моей жены, из Иркутской губернии из города Иркутска... Ивану Говорке с семьей... всего 5 человек...» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 136. Л. 1).

Однако государство, предоставляя дополнительное вспомоществование, не имело целей предоставить и дополнительные права. Возвратный поток беженцев противоречил его стратегическим задачам: «...Было предложено Вашему Превосходительству прекратить возвращение беженцев [в] местности военных действий и прилегающие губернии ввиду затруднительности железнодорожного сообщения размещения и прокормления беженцев и возможности занесения на фронт эпидемии» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427. Л. 74).

Переписка губернских канцелярий по вопросу возвращения беженцев на родину занимала значительную долю времени региональных чиновников. Был разработан и печатался даже специальный бланк отрицательного ответа (как самый частый) на такие запросы, пересылаемые от иркутского генерал-губернатора администрациям западных губерний. В него чернилами вписывались лишь фамилия, имя и отчество беженца. Формулировка же была стандартной: «За переполнением городов и селений вверенной мне губернии беженцами и иностранными подданными воюющих держав не может быть удовлетворено» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 136. Л. 6).

Беженцы, исходя из своего нового понимаемого статуса, реагировали на это самовольными переездами. Так, управляющий канцелярией московского генерал-губернатора писал в июле 1916 г. начальнику Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железной дороги генерал-майору П.Я. Соловьеву: «До сведения командующего войсками дошло, что 4 минувшего июня в Москву прибыл поезд с 300 евреями беженцами из Владимирца на вокзал архангельской дороги. В то же время Московским еврейским обществом была получена телеграмма от еврейского комитета, что якобы части беженцев военным начальством разрешено вернуться во Владимирец... Отправление поезда по назначению, в Пермь, состоялось спустя 2 дня, т.е. 6 вечером, так как ответа на телеграмму не последовало...» (ГАРФ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 18).

Когда же становилось ясно, что вернуться домой в силу передвижения фронтовой линии и жесткости позиции государства¹ не представляется возможным, даже в этом случае никаких активных действий со стороны таких мигрантов по встраиванию в социально-экономические структуры общества-реципиента не предпринималось. «...Прошу Ваше Превосходительство, – писал заместитель министра внутренних дел А.И. Пильц иркутскому генерал-губернатору, – обратить особое внимание [на] необходимость всемерного привлечения беженцев [к] сельскохозяйственному труду, ...оповестить беженцев, ... указать, что уклонившиеся... будут лишены пайков» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435 картон к332. Л. 36-37).

Появившееся противостояние по линии государство–мигрант–беженец не способствовало повышению лояльных настроений в изучаемой среде в отношении действующих политических институтов и элиты. Теоретически данная социальная подгруппа могла стать источником активного недовольства, а значит – источником рекрутирования для политической контрэлиты. Этого, однако, не произошло.

¹ Телеграмма иркутскому генерал-губернатору от 17 июля 1916 г.: «...Прошу Ваше Превосходительство принять все зависящие меры недопущению самовольного обратного движения беженцев» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427. Л. 71-72).

Возможно, причины здесь следует искать в «исключительности» правового и бытового положения беженцев. Они оказались незамеченными основными политическими силами, противостоящими правящей элите. Архивные фонды фактически не содержат каких-либо упоминаний об активной пропаганде среди беженцев ни радикально настроенных революционных партий левого толка, ни организаций правого крыла. При этом рост негативных настроений у таких недобровольных переселенцев часто упоминается в отчетах и записках, поступавших в руки региональной власти: «...Отношение беженцев к местному населению вследствие культурного уровня колонистов и сильноразвитого ханжекурения – отрицательное. Отношение [к] беженскому сельскохозяйственному труду со стороны жен призванных – признательное, а хуторян-ханжистов – барское» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 279об.).

Помощь, оказываемая беженцам из нескольких источников, создавала в глазах левых движений иллюзию повышенного лояльного фона в отношении правящего политического строя и элиты у таких мигрантов. Агитация же, как правило, успеха не давала. В своих воззваниях, к примеру, Бюро ЦК РСДРП апеллировало к «преступлениям» в отношении беженцев, оставлению их «на произвол судьбы» (Щеров, 2000: 82). Ежедневная практика взаимодействия недобровольного переселенца с государством говорила об обратном. В результате интерес к растрате агитационных ресурсов на мигрантов постепенно снижался – их следовало расходовать на более «горючий», недовольный материал.

Единственные организации, к которым переселенцы данного типа обращались непременно и постоянно, были общественные, такие как Всероссийский союз городов, региональные комитеты помощи беженцам, общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войн и т.д. Но их политическая деятельность мигрантов не волновала: они полностью были сосредоточены лишь на их общественной составляющей и никак иначе данные союзы не воспринимали.

Фактически государство стигматизировало беженцев в глазах общества: придав им особый правовой статус, оно выделило их из состава граждан, а нереализованное расширенное положение поспособствовало отделению уже со стороны самих беженцев, ожидавших подтверждения этому статусу.

В результате лояльность вместо укрепления начала довольно быстро падать. Но форму сопротивления мигранты выбрали пассивную – исключенные, они лишались стимула участвовать в политической сфере жизнедеятельности российского социума. Их политическое поведение обратилось к традиционной идеологии и приобрело характер абсентеистского.

При этом в отношении к другим категориям недобровольных мигрантов в рассматриваемый период стигматизирующая деятельность государства осуществлялась иначе.

Вторая и третья категории недобровольных мигрантов – выселенцы и депортированные – происходили в значительном количестве из губерний, вошедших в состав Российской империи либо сравнительно недавно, либо вообще во время Первой мировой войны (Галиция, Восточная Пруссия). «По приказанию Главного начальника Двинского военного округа доводится до сведения вашего высокопревосходительства, что главнокомандующий приказал немедленно высылать в восточные губернии из г. Варшавы и губерний и Привислинского края всех германских, австро-венгерских и турецких подданных, причем к славянам эту меру подлежит применять с осторожностью и оставить на местах только тех из них, (из славян) кто решительно ничем не скомпрометирован в смысле военного шпионства», – телеграфировал варшавскому генерал-губернатору штаб-офицер для поручений при главном начальнике Двинского военного округа С.А. Корнев (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 2).

Значительную часть данного потока составляли городские жители и жители европейского села – та самая «средняя», базовая для государственных институтов социальная группа, которая, обладая минимумом частной собственности, являлась наиболее консервативной и устойчивой в отношении к радикальным политическим лозунгам и доктринам.

Взгляд на государственные институты указанные социальные подгруппы имели более западный: прослеживалась сформированная на разных этапах бюрократическая форма легитимности. Она отличалась сознательной опорой населения на юридические нормы, создававшиеся чиновниками и ими же реализованные и поддерживавшиеся.

Ментальность такого характера предписывала относиться к власти как к функции, отправляемой определенным кругом лиц, которые нанимались обществом. Соответственно данный вид власти имел совершенно четкие границы, за нарушение которых следовало обязательное наказание, вне зависимости от уровня представителя политической элиты. Государство, словно любая иная организация, воспринималось как обладающее штатом работников, у каждого из которых были обязанности и, что самое важное, право требовать выполнения своих обязанностей у любого другого члена этого института.

Поэтому в ситуации вынужденного переселения, когда миграционный импульс исходил со стороны политического института, и выселенцы, и депортированные мигранты все равно обращались к данному институту. Вопросы аннулирования высылки, обеспечения довольством, перемещения по территории депортации адресовались государственным чиновникам – главам

региона-реципиента и нередко региона-донора. «Я временно выслан впредь до окончания войны..., но для существования к жизни я лично своих средств не имею и бесплатно меня никто содержать не будет. Ввиду вышеизложенного я покорнейше осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение об ассигновании мне из государственных средств денег на пропитание» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 505. Л. 4).

Получая отрицательный ответ, выселенцы и депортированные при этом не обращаются к активным или пассивным формам протеста: в архивных фондах редко встречаются дела о самовольном передвижении представителей такого типа недобровольных мигрантов. В полицейской делопроизводственной документации данный контингент присутствует в основном в случаях запросов западных губернских управлений о положении того или иного «высланного под административный надзор». «Для доклада Штабу Верховного Главнокомандующего комиссия просит срочно телеграфировать 1) количество высланных [в] вверенную вам губернию лиц из Галиции: отдельно заложников, отдельно высланных распоряжением генерал-губернатора и отдельно присланных Киевской городской полицией...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 617. Л. 1).

Причины такого бездействия со стороны переселенцев данных подгрупп заключаются в упомянутом типе легитимности. Для их носителей несоблюдение законодательных процедур было нарушением привычных юридических норм и правил. А в совокупности с травмирующим опытом вынужденного переезда социально-политический конструкт мира не просто расшатывался, а попадал под опасность разрушения. Деформация привычной картины быта, лишение доступа к «домашним» социально-экономическим занятиям делало для выселенцев и депортированных политические институты единственными знакомыми структурами, «устоявшими» во времена всеобщего движения и хаотизации.

Государство же с самого начала военных действий применяло насильственные меры к перемещению этих подгрупп недобровольных мигрантов довольно жестко: «...Немедленно высылать..., не делая никаких исключений в отношении пола и возраста. Для исполнения сего всех подлежащих высылке лиц арестовывать, сосредотачивать в уездных городах и оттуда под конвоем чинов полиции отправлять ... этапному коменданту г. Варшава», – телеграфировал петраковский губернатор начальникам подведомственных уездов (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 5).

Политическая практика целенаправленно стигматизировала рассматриваемые виды недобровольных переселенцев, не только лишая их права на получение «беженского пайка» – материального, продуктового и финансового обеспечения, но и выделяя территориально – регионам было не раз предписано: «...Ни в коем случае не содержать выселенцев в одном помещении с беженцами» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427 картон 908. Л. 183).

Такая политика «сепаратизации» привела к формированию у выселенцев и депортированных собственного «исключительного» правового статуса. Но, в отличие от беженцев, он имел отрицательный, суженный характер. Сама политическая система в глазах мигрантов вместо использования и структурирования их в общественном пространстве выдавливала, ставила барьеры на пути взаимодействия или встраивания в сообщество-реципиент. Дополнительную отделяющую роль играл этнический фактор: подавляющее большинство выселенцев и депортированных относились к так называемым «неблагонадежным» народам (согласно распространенной в это время в Российской империи «политике населения») – латышам, евреям, немцам и т.д.

Другим отличием в политических настроениях двух рассматриваемых типов являлась большая степень политизации общественных движений, занимавшихся помощью и защитой прав насильственно перемещенных.

Общественные и государственные деятели с начала вступления Российской империи в войну придали политическое звучание деятельности национальных общественных организаций. «Представители польского общества князь Любомирский, Добецкий, Лютославский и Гурский возбудили ходатайство о разрешении служить молебн с пением гимна..., украсить дома флагами не только русскими государственными, но и польскими национальными, а также зажечь иллюминацию. Генерал-от-кавалерии Жилинский не разрешил пение означенного гимна, а также вывешивание польских национальных флагов, остальное разрешено, благоволите объявить просителям» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 62. Л. 49).

Но направления высказываемых настроений были противоположны. Политическая элита заявляла о высокой лояльности в отношении государства. «Среди латышей, – писал в начале августа депутат IV Государственной думы от Курляндской губернии Я.Ю. Гольдман, – нет ни одного человека, который бы не сознавал, что все то, что достигнуто под защиту русского орла, что все то, что латышам еще надо достигнуть, станет возможным лишь тогда, когда Прибалтийский край и в будущем останется неразделенной частью великой России... Латыши и эстонцы в настоящей святой и справедливой борьбе пойдут с русским народом до конца» (Сибирская жизнь, 1914: 2). Другой член Думы Н.М. Фридман на этом же заседании выступил с речью, в которой утверждал, что «следуя призывам с высоты престола, русские евреи, как один человек, станут под русские знамена и положат все свои силы на отражение врага» (Сибирская жизнь, 1914: 2).

В то же время общественные и общественно-политические организации нередко открыто выступали с сепаратистскими политическими настроениями. Так, Манифест Главной украинской рады, созданной в начале августа 1914 г. во Львове, провозглашал лояльность конституционному строю Австро-Венгерского государства. Возникший в это же время «Союз освобождения Украины» ставил своей целью с помощью Австро-Венгрии и Германии на территории Российской империи образовать самостоятельное Украинское конституционное монархическое государство.

Столь пестрая идеологическая палитра мнений ставила принудительно перемещенного мигранта в тупик. Она только добавляла ощущение неустойчивости в и без того зыбкий, постоянно движущийся быт выселенца и депортированного. Недобровольные переселенцы данных типов не могли позволить себе тратить ограниченный жизненный ресурс на ориентацию в этом политическом пространстве, особенно в условиях постоянно растущих материально-бытовых проблем.

В результате среди них, как и у беженского контингента, усиливались демотивирующие тенденции в отношении участия в политической сфере. Это способствовало росту изоляционистских настроений, которые препятствовали объединению выселенцев и депортированных в рамках единого политического актора.

5. Заключение

Таким образом, исследуемая категория недобровольных мигрантов оказалась в полном своем составе исключена из политической борьбы в российском обществе периода Первой мировой войны. На политической оси координат в исследуемый период она потенциально могла стать опорой политической системы либеральной демократии (по Ж. Блонделю). И образ патерналистского государства, с одной стороны, и ориентация на индивидуальные ценности и свободу собственности в принятии политических решений – с другой, создавали движение политических настроений к государственным институтам и политической элите.

Но политика «особого статуса» способствовала усилению и затягиванию центробежных политических настроений. Отчуждение, которое вынужденно выработали все типы недобровольных мигрантов в отношении к административным структурам сообщества-реципиента, а затем и властным столичным, центральным органам привело к тому, что в период нарастания гражданского конфликта эта заметная часть населения целенаправленно не обращалась ни к электоральным, ни к экстремальным, ни к стихийным формам политического поведения.

Ее политический потенциал остался незадействованным. Данный факт стал еще одной причиной провала либеральных и умеренно левых сил в России начала XX столетия.

Литература

- Анфимов, 1962** – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 216 с.
- Бартеле, Шалда, 2001** – Бартеле Т.М., Шалда В.А. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // *Отечественная история*. 2001. № 1. С. 18-31.
- Белова, 2014** – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.
- Вестник Приенисейского края, 1916** – *Вестник Приенисейского края*. 1916. 28 августа. № 7–4.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Законы и распоряжения о беженцах, 1916** – Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. 104 с.
- Захаров, 2002** – Захаров Н.А. Система русской государственной власти М.: Москва, 2002. 400 с.
- И.К., 1915** – И.К. Текущий момент и задачи городов // *Вестник Красноярского Городского Общественного Управления*. 1915. март. № 2–3.
- К-вич, 1915** – К-вич А. Война и задачи городов // *Вестник Красноярского Городского Общественного Управления*. 1915. март. № 2–3.
- Корнелюк, 2019** – Корнелюк В.Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2019. Том 19. № 1. 131 с.
- Кудринский, 1997** – Кудринский Ф. Людские волны. Беженцы // *Неман*. 1997. № 6. С. 76-194 (переиздано с 1917 года).
- Курцев, 1999** – Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 95-102.
- Лахарева, 2001** – Лахарева Н.В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. 204 с.
- Лубны-Герцик, 1926** – Лубны-Герцик Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. 128 с.
- Рацкевич, 1916** – Рацкевич О.Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916. 86 с.
- Сибирская жизнь, 1914** – *Сибирская жизнь*. 1914. 2 августа.

- Сидоров, 1973** – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
- Смирнов-Кутачевский, 1915** – Смирнов-Кутачевский А.М. Беженцы-галичане // *Русская мысль*. 1915. № 9. С. 125-139.
- Туманова, 2005** – Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточного еврейства* / Отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 12-141.
- Хасин, 1999** – Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья). Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1999. 157 с.
- Холквист, 1999** – Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // *Россия и Первая мировая война* / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 1999. С. 83-101.
- Цовян, 2005** – Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 Москва, 2005. 187 с.
- Шмидт, 2014** – Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Барнаул, 2014. 191 с.
- Щеров, 2000** – Щеров И.П. Миграционная политика России в 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
- Andall, 2000** – Andall J. Gender, Migration and Domestic Service: The Politics of Black Women in Italy. Ashgate, 2000. 333 p.
- Buechler, Buechker, 1975** – Buechler H.C., Buechker J.-M. “Los Suizos: Galician Migration to Switzerland” // “Migration and Development. Implications for Ethnic Identity and Political Conflict” / Ed. H.I. Safa, B.M. Du Toit. The Hague – Paris. Mouton Publishers. 1975. Pp. 17-23.
- Dvoretzkaya, 2016** – Dvoretzkaya A.P. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // *Bylye Gody*. 2016. Т. 42 (№ 4). Pp. 1360-1367.
- Gatrell, 2017** – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62. Is. 3.
- Hansen, Hager, 2012** – Hansen P., Hager S.B. The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. 2012. 250 p.
- Latour, 2017** – Latour B. «Les super-riches ont renoncé à l'idée d'un monde commun» / Eric Aeschmann et Xavier de La Porte // *Bibliobs*. Publié le 19 mars 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/idees/20170316.OBS6702/bruno-latour-les-super-riches-ont-renonce-a-l-idee-d-un-monde-commun.html> (дата обращения: 06.01.2020).
- Polner et al., 1930** – Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.P., Lvov G.E. Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos / New Haven: Yale University Press, 1930. 319 p.
- Rolfe et al., 2019** – Rolfe H., Runge J., Hudson-Sharp N. Immigration Policy from Post-War to Post-Brexit: How New Immigration Policy can Reconcile Public Attitudes and Employer Preferences // *National Institute Economic Review*. April 24, 2019. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/002795011924800109> (date of access: 06.01.2020).

References

- Andall, 2000** – Andall, J. (2000). Gender, Migration and Domestic Service: The Politics of Black Women in Italy. Ashgate. 333 p.
- Anfimov, 1962** – Anfimov, A.M. (1962). Rossiskaya derevnya v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian village during the First World War]. М. 216 p. [in Russian]
- Bartale, Shalda, 2001** – Bartale, T.M., Shalda, V.A. (2001). Latishskye bezhency v Rossii v gody Grazhdanskoj voiny [Latvian refugees in Russia during the Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 18-31. [in Russian]
- Belova, 2014** – Belova, I.B. (2014). Vinuzdennyye migranty: bezhency i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914-1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914-1925]. М. 432 p. [in Russian]
- Buechler, Buechker, 1975** – Buechler, H.C., Buechker, J.-M. (1975). “Los Suizos: Galician Migration to Switzerland”. “Migration and Development. Implications for Ethnic Identity and Political Conflict”. Ed. H.I. Safa, B.M. Du Toit. The Hague - Paris. Mouton Publishers. Pp. 17-23.
- Covyan, 2005** – Covyan, D.G. (2005). Deyatelnost' gosudarstvennih organov i obshestvennih organizatsiy po okazaniyu pomoshi bezhencam v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914-1917 gg. [Activities of authorities and public organizations in assistance to refugees during the First World War. 1914-1917]. Diss. na soisk. uch. stepeny k.i.n.: 07.00.02. Moscow. 187 p. [in Russian]
- Csherov, 2000** – Csherov, I.P. (2000). Migracionnaya politika Rossii v 1914-1922 gg. [Migration policy of Russia in 1914-1922]. Smolensk. 316 p. [in Russian]
- Dvoretzkaya, 2016** – Dvoretzkaya, A.P. (2016). Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*. Т. 42. 4: 1360-1367.

- GAIO** – Gosydarstvennyi archiv Irkutsoi oblasti [State archive of the Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosydarstvennyi archiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of the Krasnoyarsk Krai].
- GARF** – Gosydarstvennyi archiv Rossiiskoi Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Gatrell, 2017** – *Gatrell, P.* (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 62(3).
- Hansen, Hager, 2012** – *Hansen, P., Hager, S.B.* (2012). The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. 250 p.
- Hasin, 1999** – *Hasin, V.V.* (1999). Migratsionnye processy v Rossiiskoy imperii v Pervuyu mirovuyu voiny (po dokumentam Nizhnego Povolzh'ya) [Migration processes in the Russian Empire in the First World War (according to documents of the Lower Volga Region)]. Diss. na soisk. uch. stepeni k.i.n.: 07.00.02. Saratov. 157 p. [in Russian]
- Holquist, 1999** – *Holquist, P.* (1999). Rossiiskaya katastrofa (1914 – 1921) v evropeiskom kontekste: totalnaya mobilizatsiya i “politika naseleniya” [Russian catastrophe (1914-1921) in the European context: total mobilization and “politics of the population”]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voina.* Otv. red. N.N. Smirnov. Spb.: Izd-vo “Dmitry Bulanin”. Pp. 83-101. [in Russian]
- I.K., 1915** – I.K. Tekyshyi moment i zadachy gorodov [Current moment and tasks of cities]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshestvennogo Upravleniya.* 1915. March. № 2-3. [in Russian]
- Kudrinsky, 1997** – *Kudrinsky, F.* (1997). Kudskye volni. Bezhency [Human waves. Refugees]. *Neman.* 6: 76-194 (pereizdano s 1917 goda). [in Russian]
- Kurcev, 1999** – *Kurcev, A.N.* (1999). Bezhency pervoi mirovoi voiny v Rossii (1914 – 1917) [Refugees of the First World War in Russia (1914 – 1917)]. *Voprosy istorii.* 8: 95-102. [in Russian]
- Lahareva, 2001** – *Lahareva, N.V.* (2001). Reevakuatsiya bezhencev Pervoi mirovoi voiny s territorii Kurskoy gubernii (1918 – 1925 gg.) [Re- evacuation of refugees of the First World War from the territory of the Kursk province (1918 – 1925)]. *Kursk.* 204 p. [in Russian]
- Latour, 2017** – *Latour, B.* (2017). «Les super-riches ont renoncé à l'idée d'un monde commun». Eric Aeschmann et Xavier de La Porte. *Bibliobs.* Publié le 19 mars 2017 [Electronic resource]. URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/idees/20170316.OBS6702/bruno-latour-les-super-riches-ont-renonce-a-l-idee-d-un-monde-commun.html> (date of access: 06.01.2020).
- Lubni-Gercik, 1926** – *Lubni-Gercik, L.I.* (1926). Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremya mirovoi voiny i revoliutsii [Population movement in the USSR during the World War and the Revolution]. M.: Planovoe hozyaistvo. 128 p. [in Russian]
- Polner, 1930** – *Polner, T.J.* (1930). Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. T.J. Polner, V.A. Obolensky, S.P. Turin, G.E. Lvov. New Haven: Yale University Press. 319 p. [in Russian]
- Rackevich, 1916** – *Rackevich, O.G.* (1916). Bezhency v Novorossiiske [Refugees in Novorossiisk]. *Novorossiisk: B.i.* 86 p. [in Russian]
- Rolfe et al., 2019** – *Rolfe H., Runge J., Hudson-Sharp N.* (2019). Immigration Policy from Post-War to Post-Brexit: How New Immigration Policy can Reconcile Public Attitudes and Employer Preferences. *National Institute Economic Review.* April 24. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/002795011924800109> (date of access: 06.01.2020).
- Shmidt, 2014** – *Shmidt, T.N.* (2014). Chrezvichainoe pravovoe regulirovaniye: obshcheteoreticheskoe issledovaniye [Emergency legal regulation: general theoretical research]. Ddissertatsiya na soiskanye uchenoi stepeni kandidata uridicheskikh nauk 12.00.01 – teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya ucheniy o prave i gosudarstve. Barnaul. 191 p. [in Russian]
- Sibirskaya zhizn, 1914** – *Sibirskaya zhizn* [Siberian life]. 1914. August 2d. [in Russian]
- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). Economicheskoe polozhenie Rossii v gody mirovoi voiny [The economic situation in Russia during the First World War]. M. 655 p. [in Russian]
- Smirnov-Kutachevsky, 1915** – *Smirnov-Kutachevsky, A.M.* (1915). Bezhency-galichane [Galician refugees]. *Russkaya misl'.* 9: 125-139. [in Russian]
- Tumanova, 2005** – *Tumanova, A.S.* (2005). Evreiskye obshchestvennye organizatsii v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Tambovskoy gubernii) [Jewish public organizations during the First World War (on the example of the Tambov province)]. *Mirovoi krizis 1914-1920 godov I sudba vostochnogo evreistva.* M. Pp. 12-141. [in Russian]
- Vestnik Priensseyskogo kray, 1916** – *Vestnik Priensseyskogo kray.* 1916. August 28th. № 7-4. [in Russian]
- Zaharov, 2002** – *Zaharov, N.A.* (2002). Systema russkoi gosudarstvennoi vlasti [System of Russian state power]. M. 400 p. [in Russian]
- Zakony i rasporyazheniya o bezhencah, 1916** – *Zakony i rasporyazheniya o bezhencah* [Refugee laws and regulations]. M., 1916. 104 p. [in Russian]
- Korneluk, 2019** – *Korneluk, V.G.* (2019). Migratsionnaya gosudarstvennaya politika i bezhency Pervoi mirovoi voiny iz Belarusy v Saratovskoy gubernii (1915-1918 gody) [Migration state policy and refugees of the First World War from Belarus in the Saratov province (1915-1918)]. *Izvestiya Saratovskogo univ'eristeta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* T. 19. 1: 131. [in Russian]

K-vich, 1915 – K-vich, A. Voina I zadachy gorodov [War and tasks of cities]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshestvennogo Upravleniya*. 1915. March. 2-3. [in Russian]

Политические настроения недобровольных мигрантов в России в годы Первой мировой войны

Александра Сергеевна Кузьменко ^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сегодня изучение миграции остается столь же актуальным, как и в прошлом веке, а за несколько последних лет еще более актуальным. Миграционный кризис, охвативший не только Европу, но и большинство стран от Мексики и Индонезии до Украины и Сирии, подтолкнул интерес к политической составляющей миграции среди экспертного сообщества. При этом предыдущий исторический опыт массовой «недобровольной» миграции во время Первой и Второй мировых войн особенно ценен в силу своей уникальности для современных процессов. Эти конфликты выявили неожиданно значительные перекрестные последствия принудительного переселения как для политики, так и для нации. Фактически миграция влияет на отношение не только к правительству, но и к политическим партиям, общественным организациям и другим политическим акторам. Тем не менее, влияние таких процессов на самих мигрантов часто выпадало из поля зрения исследователей. Восточную Сибирь, как территорию-реципиент, в этом случае следует считать показательным регионом. Недобровольные мигранты, появившиеся здесь, были потенциальной социальной базой для политических властей в регионе. Учитывая причины и условия перемещения таких мигрантов, сибирские политические акторы могли бы использовать их в качестве эффективного средства в своей борьбе. Но насколько успешными они были в таких попытках? С какими препятствиями встречались? Являлись ли недобровольные мигранты активными и политически подкованными или инертными и неэффективными в этом взаимодействии? Цель настоящей статьи – найти ответы на эти вопросы. Автор определяет и характеризует отдельные аспекты политических настроений недобровольных мигрантов, вызванных мировым военным конфликтом. В статье анализируется уровень политической активности/инерции этих различных групп. В конечном итоге автор определяет причины этих процессов и делает вывод о политическом поведении недобровольных мигрантов.

Ключевые слова: политические настроения, недобровольная миграция, Сибирь, Первая мировая война, беженцы, выселенцы, депортация, правовой статус мигрантов, легитимность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: askuzmenko@sfu-kras.ru (А.С. Кузьменко)